

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

HARVARD COLLEGE LIBRARY

in honor of

ARCHIBALD CARY COOLIDGE

1866 - 1928

Professor of History

Lifelong Benefactor and
First Director of This Library

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ЯНВАРЬ

1874.

ЧЕТВЕРТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СLXXI.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Валашева, Большая Садовая, д. № 49—2.
1874.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

- Политическое устройство Германской имперіи . . . . . А. Д. Градовскаго.
О Тмутараканской Руси . . . . . Н. Ламбина.
Ванскія надписи и значеніе ихъ для исторіи передней Азіи . . . . . Б. П. Патканова.
Славянская взаимность съ древнѣйшихъ временъ до XVIII вѣка (Продолженіе). . . . . І. І. Первольфа.
Бритическія и библиографическія замѣтки:
Россия при Петрѣ Великомъ, по извѣстіямъ двухъ нѣмецкихъ дипломатовъ. (Современныя извѣстія по исторіи Россіи. Изданы Эрстомъ Германномъ. Россия при Петрѣ Великомъ по рукописнымъ извѣстіямъ *I. G. Фокеродта* и *O. Плейера* . . . . . А. Г. Брикнера.
Записки иностранцевъ о Россіи въ XVIII столѣтіи. Письма леди Рондо, жены англійскаго резидента при русскомъ дворѣ въ царствованіе императрицы Анны Ивановны. Переводъ съ англійскаго. Редакція изданія и примѣчанія *С. Н. Шубинскаго*. Съ приложеніемъ портрета императрицы Анны. Изданіе *Н. А. Исакова*. С.-Пб. 1874. . . . . Л. Н. Майкова.
Педагогическій отдѣлъ на Вѣнской всемірной выставкѣ (Продолженіе). . . . . И. И. Белярминова.
Начальные уроки рисованія и черченія. . . . . Г. Н. Шумскаго.
Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній: а) высшихъ учебныхъ заведеній б) гимназій и в) низшихъ училищъ.
Письмо изъ Парижа . . . . . Л. Л — ра.
Протоіерей Оедоръ Оедоровичъ Сидонскій. М. И. Владиславлева.
Отдѣлъ классической филологіи. . . . . (См. на 3-й стр. обѣртки).

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ СЛХХІ.

СВѢДѢНІЯ
Ранше. гон. мѣст.
СВѢДѢНІЯ
Дан. XIX
Лит. Н.
№ 2. а

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева (Большая Садовая, д. № 49—2).

1874.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

І. ВЫСОЧАЙШІЙ РЕСКРИПТЪ,

ДАННЫЙ НА ИМЯ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ГРАФА Д. А. ТОЛСТАГО.

Графъ Димитрій Андреевичъ. Въ постоянныхъ заботахъ Моихъ о благѣ Моего народа, Я обращаю особенное Мое вниманіе на дѣло народнаго просвѣщенія, видя въ немъ движущую силу всякаго успѣха и утверденіе тѣхъ нравственныхъ основъ, на которыхъ виждутся государства. Дабы способствовать самостоятельному и плодотворному развитію народнаго образованія въ Россіи, Я утвердилъ въ 1871 и 1872 годахъ составленные, согласно съ такими Моими видами, Уставы среднихъ учебныхъ заведеній вѣреннаго вамъ Вѣдомства, долженствующихъ давать вполне основательное общее образованіе юношеству, готовящемуся къ занятіямъ высшими науками, а не предназначающихъ себя къ онымъ—приспособлять къ полезной практической дѣятельности. Заботясь равно о томъ, чтобы свѣтъ благаго просвѣщенія распространялся во всѣхъ слояхъ населенія, Я повелѣлъ учредить учительскіе институты и семинаріи для приготовленія наставниковъ народныхъ училищъ, городскихъ и сельскихъ; вмѣстѣ съ тѣмъ самыя училища эти должны получить указанное имъ правильное устройство и развитіе, сообразно съ потребностями времени и замѣчаемымъ въ настоящую пору повсемѣстно въ Имперіи стремленіемъ къ образованію. Я надѣюсь, что ожидаемое вслѣдствіе сего значительное размноженіе народныхъ училищъ

распространить въ населеніяхъ, вмѣстѣ съ грамотностью, ясное разумѣніе божественныхъ истинъ ученія Христова съ живымъ и дѣятельнымъ чувствомъ нравственнаго и гражданскаго долга.

Но достиженіе цѣли, для блага народа столь важной, надлежитъ предусмотрительно обезпечить. То, что въ предначертаніяхъ Моихъ должно служить къ истинному просвѣщенію молодыхъ поколѣній, могло бы, при недостаткѣ попечительнаго наблюденія, быть обращено въ орудіе нравственнаго растлѣнія народа, къ чему уже обнаружены нѣкоторыя попытки, и отклонить его отъ тѣхъ вѣрованій, подъ сѣнью коихъ, въ теченіе вѣковъ, собиралась, крѣпла и возвеличивалась Россія.

Какъ лицо, призванное Моимъ довѣріемъ къ осуществленію Моихъ предначертаній по части народнаго просвѣщенія, вы усугубите всегда отличавшее васъ рвеніе къ тому, чтобы положенныя въ основу общественнаго воспитанія начала вѣры, нравственности, гражданскаго долга и основательность ученія были ограждены и обезпечены отъ всякаго колебанія. Согласно съ симъ, Я вмѣняю въ непремѣнную обязанность и всѣмъ другимъ вѣдомствамъ оказывать вамъ въ семъ дѣлѣ полное содѣйствіе.

Дѣло народнаго образованія въ духѣ религіи и нравственности есть дѣло столь великое и священное, что поддержанію и упроченію его въ семъ истинно-благомъ направленіи должны служить не одно только духовенство, но и всѣ просвѣщеннѣйшіе люди страны. Россійскому дворянству, всегда служившему примѣромъ доблести и преданности гражданскому долгу, по преимуществу предлежитъ о семъ попеченіе. Я призываю вѣрное Моё дворянство стать на стражѣ народной школы. Да поможетъ оно правительству бдительнымъ наблюденіемъ на мѣстѣ къ огражденію оной отъ тлетворныхъ и пагубныхъ вліяній. Возлагая на него и въ семъ дѣлѣ Моё довѣріе, Я повелѣваю вамъ, по приглашенію съ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, обратиться къ мѣстнымъ предводителямъ дворянства, дабы они, въ званіи попечителей начальныхъ училищъ въ ихъ губерніяхъ и уѣздахъ и на основаніи правъ, которыя имъ будутъ предоставлены особыми о

томъ постановленіями, способствовали ближайшимъ своимъ участіемъ къ обезпеченію нравственнаго направленія этихъ школъ, а также къ ихъ благоустройству и размноженію.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

•АЛЕКСАНДРЪ•.

С.-Петербургъ, 25-го декабря 1873 г.

II. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (14-го октября 1873 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Вологодской Маріинской женской гимназіи.*

Каммергеръ двора Его Императорскаго Величества, дѣйствительный статскій совѣтникъ Н. А. Волоцкій, представивъ въ распоряженіе директора училищъ Вологодской губерніи два государственные пятипроцентные банковые билета по 150 руб. каждый, ходатайствовалъ объ учрежденіи на счетъ процентовъ съ этого капитала стипендіи имени своей супруги Елены Михайловны Волоцкой при Вологодской Маріинской женской гимназіи, для взноса платы за обученіе въ оной за одну бѣдную, отличающуюся хорошими успѣхами и поведеніемъ ученицу.

Получивъ объ этомъ донесеніе начальства С.-Петербургскаго учебнаго округа, управлявшій министерствомъ народнаго просвѣщенія входилъ со всеподданнѣйшимъ къ Государю Императору докладомъ о приведеніи означеннаго ходатайства въ исполненіе и Его Императорское Величество на докладѣ этомъ Всемилостивѣйше начертать извоилъ: «*Согласенъ и благодаритъ*».

2. (28-го октября 1873 года). *Объ учрежденіи при Московскомъ университетѣ шести стипендій для подготовленія учителей русскаго языка въ гимназіяхъ Дерптскаго учебнаго округа.*

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣ-

щенія объ учрежденіи при Московскомъ университетѣ шести стипендій для подготовленія учителей русскаго языка въ гимназіи Дерптскаго учебнаго округа, *мнѣніемъ положилъ*:

1) Для усиленія средствъ къ приготовленію учителей русскаго языка въ гимназіяхъ Прибалтійскаго края, въ коихъ преподаваніе производится на нѣмецкомъ языкѣ, учредить, считая съ 1-го іюля сего года, при Московскомъ университетѣ шесть стипендій Дерптскаго учебнаго округа, въ *четыреста рублей* каждая, съ тѣмъ, чтобы воспользовавшіяся ими стипендіями лица обязывались, по окончаніи курса въ университетѣ и по выдержаніи въ ономъ установленнаго для учителей испытанія, прослужить, по назначенію министра народнаго просвѣщенія, не менѣе 6-ти лѣтъ въ учебныхъ заведеніяхъ Дерптскаго учебнаго округа.

2) Изъ означенныхъ въ п. 1-мъ шести стипендій, предоставить: четыре, по выбору попечителя Дерптскаго учебнаго округа, исключительно уроженцамъ Прибалтійскихъ губерній русскаго происхожденія, съ успѣхомъ окончившимъ полный гимназическій курсъ въ одной изъ Прибалтійскихъ гимназій, и двѣ — студентамъ историко-филологическаго факультета Московскаго университета изъ числа лицъ кореннаго русскаго происхожденія, по выбору факультета, съ тѣмъ, чтобы стипендіаты сей послѣдней категоріи достаточно были знакомы съ нѣмецкимъ языкомъ при своемъ поступленіи въ университетъ и, независимо отъ сего, обязаны были прослужать въ университетѣ полный курсъ нѣмецкаго языка и словесности и выдержать изъ онаго надлежащее испытаніе.

3) На одного изъ профессоровъ историко-филологическаго факультета Московскаго университета, по назначенію министра народнаго просвѣщенія, возложить руководство сказанными стипендіатами въ изученіи ими русскаго языка, за что назначить сему профессору вознагражденіе по 850 руб. въ годъ, — и

4) Сумму, потребную на означенныя въ п. 1-мъ стипендіи, по 2.400 руб., а равно на упомянутое въ п. 3-мъ вознагражденіе профессора по 850 руб. въ годъ, а всего по *три тысячи двести пятидесяти рублей* въ годъ, внести, начиная съ буду-

щаго 1874 года, въ смѣту министерства народнаго просвѣщенія; въ настоящемъ же году изъ означенной суммы отпустить половину (1625 руб.), за время съ 1-го іюля 1873 года, сверхсмѣтнымъ кредитомъ, на счетъ остатковъ отъ заключенныхъ смѣтъ.

Его Императорское Величество такое мнѣніе государственнаго совѣта, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

3. (30-го октября 1873 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Московскомъ университетѣ.*

Попечитель Московскаго учебнаго округа донесъ, что вдова сенатора, тайнаго совѣтника, княгиня Ольга Степановна Одоевская, рожденная Ланская, по духовному завѣщанію своему отбазала Московскому университету капиталъ въ шесть тысячъ руб., на учрежденіе при семъ университетѣ, на счетъ процентовъ съ означеннаго капитала, одной стипендіи имени покойнаго мужа ея, князя Владиміра Федоровича Одоевскаго.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему товарища министра народнаго просвѣщенія о семъ докладу, Высочайше соизволилъ какъ на принятіе означеннаго пожертвованія, такъ и на учрежденіе при Московскомъ университетѣ, на счетъ процентовъ сего капитала, одной стипендіи, съ наименованіемъ оной «стипендіею князя Владиміра Федоровича Одоевскаго».

4. (30-го октября 1873 года). *Объ учрежденіи стипендіи въ Аккерманской Павловской женской прогимназіи.*

Потомственный почетный гражданинъ П. С. Руссовъ, представивъ въ попечительный совѣтъ Аккерманской Павловской женской прогимназіи пять билетовъ Бессарабско-Таврическаго банка, на сумму 2.500 руб., ходатайствовалъ объ учрежденіи въ помянутой прогимназіи на вѣчныя времена стипендіи его имени.

Получивъ объ этомъ донесеніе попечителя Одесскаго учебнаго округа, товарищъ министра народнаго просвѣщенія входилъ съ всеподданнѣйшимъ докладомъ къ Государю Императору и

Его Императорское Величество, Высочайше соизволилъ на приведеніе означеннаго ходатайства въ исполненіе.

III. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (8-го іюня 1873 года). *Правила Лицея князя Безбородко.*
(Утверждены г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищемъ министра).

ГЛАВА I.

О приѣмѣ въ студенты лицея и объ увольненіи изъ онаго.

А. О ПРИЕМѢ ВЪ СТУДЕНТЫ.

1. *О лицахъ, имѣющихъ право на поступленіе въ студенты.*

§ 1. Въ студенты лицея принимаются лица, достигшія 17-ти лѣтнаго возраста и притомъ представившія аттестаты объ успѣшномъ окончаніи полнаго курса гимназіи вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія или свидѣтельства объ удовлетворительномъ выдержаніи испытанія изъ всѣхъ предметовъ означеннаго курса.

Примѣчаніе. До весны 1876 года включительно, въ студенты лицея могутъ быть принимаемы лица, представившія аттестаты или свидѣтельства объ удовлетворительномъ знаніи гимназическаго курса безъ греческаго языка.

§ 2. Воспитанники высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній разныхъ вѣдомствъ, съ успѣхомъ окончившіе въ нихъ курсъ ученія, если сей послѣдній признанъ со стороны министерства народнаго просвѣщенія соотвѣтствующимъ курсу гимназическому, принимаются въ лицей наравнѣ съ окончившими гимназическій курсъ. Тѣ же, которые не обучались какимъ-либо предметамъ, входящимъ въ гимназическій курсъ, обязаны предварительно выдержать изъ сихъ предметовъ испытаніе въ гимназіи.

Примѣчанія: а) Воспитанники Императорскаго Александровскаго лицея, съ успѣхомъ прошедшіе курсъ III класса, для поступленія въ студенты лицея князя Безбородко, обязаны выдержать испытаніе изъ латинскаго языка, географіи, всеобщей и русской исторіи и физики; а воспитанники Императорскаго Училища Правовѣдѣнія, съ успѣхомъ прошедшіе курсъ IV класса, — испытаніе изъ исторіи православной церкви и изъ географіи; затѣмъ воспитанники обоихъ этихъ заведеній, не достигшіе означенныхъ классовъ, для поступленія въ лицей подвергаются испытанію въ знаніи полного гимназическаго курса безъ греческаго языка. Примѣчаніе это имѣетъ свою силу лишь до весны 1876 года.

б) Воспитанники духовныхъ семинарій, съ успѣхомъ прошедшіе курсъ первыхъ четырехъ классовъ семинаріи, для поступленія въ студенты лицея князя Безбородко, подвергаются повѣрочному испытанію наравнѣ съ окончившими курсъ въ гимназіяхъ. Но этимъ правиломъ воспитанники духовныхъ семинарій пользуются лишь до 1875—1876 учебнаго года включительно, а затѣмъ съ 1876 года воспитанники семинарій, прошедшіе полный семинарскій курсъ и удостоенные званія студента, для полученія права на поступленіе въ лицей, должны подвергаться въ гимназіяхъ испытанію зрѣлости изъ обоихъ древнихъ и русскаго языковъ, а воспитанники, оставившіе съ тою же цѣлію семинарію, не выслушавъ спеціальнаго семинарскаго курса, таковому же испытанію изъ обонмъ древнихъ языковъ, математики и русскаго языка, наравнѣ и въ одно время съ воспитанниками гимназій.

§ 3. Студенты юридическаго факультета російскихъ университетовъ и Демидовскаго юридическаго лицея принимаются безъ повѣрочнаго испытанія въ студенты лицея князя Безбородко, если представляютъ одобрительныя свидѣтельства отъ университета или лицея. Переводъ въ лицей допускается во всѣ три курса онаго.

2. *О подачѣ прошеній.*

§ 4. Прошенія о приѣмѣ въ студенты лица подаются на имя директора онаго: лицами, не имѣющими свидѣтельствъ объ удовлетворительномъ знаніи полнаго гимназическаго курса не позже 1-го мая, а лицами, имѣющими сіи свидѣтельства, — не позже 1-го августа; студенты же университетовъ и Демидовскаго лица, желающіе перейти въ лицей князя Безбородко, подаютъ прошенія о семъ до начала новаго учебнаго курса въ лицей.

§ 5. Къ прошенію о приѣмѣ въ студенты должны быть приложены слѣдующіе документы: а) гимназическій аттестатъ или свидѣтельство о выдержаніи испытанія изъ предметовъ полнаго гимназическаго курса; б) метрическое свидѣтельство о рожденіи и крещеніи; в) документъ о состояніи, къ которому принадлежитъ проситель по своему происхожденію. Лица податнаго сословія обязаны, сверхъ того, представить свидѣтельства объ увольненіи ихъ обществами на законномъ основаніи.

§ 6. Независимо отъ исчисленныхъ выше документовъ, желающій поступить въ лицей долженъ представить свидѣтельство о хорошемъ поведеніи отъ мѣстной полиціи. Отъ представленія такого свидѣтельства освобождаются только лица, поступающія въ лицей немедленно по выходѣ изъ казеннаго учебнаго заведенія.

§ 7. Въ случаѣ недостаточности или неполноты документовъ, не препятствующей, впрочемъ, безошибочному опредѣленію правъ просителя на поступленіе въ студенты, назначается двухгодичный срокъ для пополненія документовъ. Не пополнившіе документовъ въ этотъ срокъ не допускаются къ переводному экзамену на 3-й курсъ. Прошенія безъ всякихъ документовъ о приѣмѣ въ лицей не принимаются.

3. *О повторномъ испытаніи и зачисленіи въ студенты.*

§ 8. Лица, удовлетворяющія изложеннымъ выше требованіямъ, подвергаются повѣрочному испытанію изъ нѣкоторыхъ, по усмо-

трѣнію совѣта, предметовъ, имѣющихъ болѣе близкое отношеніе къ юридическимъ предметамъ, и изъ русскаго языка.

Примѣчаніе. Выдержавшіе испытаніе зрѣлости въ одной изъ гимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія повѣрочному испытанію не подвергаются.

§ 9. Для зачисленія въ студенты требуется, чтобы испытуемый получилъ на повѣрочномъ испытаніи отлѣтку не менѣе трехъ изъ каждаго предмета испытанія.

§ 10. Не выдержавшій повѣрочнаго испытанія допускается къ оному вторично не прежде, какъ черезъ годъ.

4. О зачисленіи въ студенты и о видѣ на жителство (матрикулѣ).

§ 11. Принятому въ число студентовъ выдается билетъ на жителство (матрикулѣ), съ обозначеніемъ въ немъ вѣроисповѣданія студента; представленные же, при поступленіи въ лицей, документы хранятся въ канцеляріи директора и выдаются обратно при выходѣ студента изъ лицея. За выданный студенту билетъ на жителство взимается 1 руб. 50 коп., въ пользу студентскаго отдѣла лицейской библіотеки. Въ случаѣ потери матрикула, студентъ обязанъ немедленно заявить объ этомъ полиціи и канцеляріи директора. Въмѣсто утраченнаго матрикула выдается дубликатъ, за который вносится одинъ рубль въ пользу студентскаго отдѣла библіотеки. Не взявшіе матрикула не вносятся въ списокъ студентовъ.

Б. Объ увольненіи изъ студентовъ и зачисленіи въ оныя вновь.

§ 12. Студенты увольняются изъ лицея по прошеніямъ, во всякое время.

§ 13. Студентамъ, оставляющимъ лицей до окончанія полнаго курса ученія, или же по окончаніи онаго, но не удостоеннымъ аттестата, выдаются свидѣтельства, за подписью директора, о времени бытности въ лицей, объ оказанныхъ успѣхахъ и о поведе-

ніи. Но таковыя свидѣтельства, съ возвращеніемъ документовъ, выдаются не прежде, какъ по представленіи матрикула и по удостовѣреніи, что за студентомъ не считается книгъ, полученныхъ изъ лицейской бібліотеки.

§ 14. Студентъ, оставившій лицей по собственному своему желанію, можетъ быть вновь зачисленъ въ студенты, если представитъ свидѣтельство мѣстной полиціи о хорошемъ поведеніи со времени выбитія его изъ числа студентовъ. При новомъ зачисленіи въ студенты, засчитывается прежнее время состоянія его студентомъ.

§ 15. Уволенный изъ числа студентовъ за проступокъ, если при этомъ онъ не лишенъ навсегда права быть принятымъ въ одно изъ высшихъ учебныхъ заведеній, можетъ быть снова принятъ въ лицей, но не прежде, какъ по истеченіи года со дня увольненія и по представленіи свидѣтельства о хорошемъ во время бытности въ лицей поведеніи.

§ 16. Студентъ, уволенный за невзносъ платы, принимается въ лицей не иначе, какъ по взносѣ денегъ за новое полугодіе.

§ 17. Студентамъ, окончившимъ курсъ наукъ съ аттестатомъ, кромѣ аттестата, выдается еще удостовѣреніе о благонадежности, если они во все время нахожденія въ лицей ни въ чемъ предосудительномъ не были замѣчены и неуклонно исполняли всѣ существующія для студентовъ правила.

ГЛАВА II.

Объ испытаніяхъ переводныхъ и окончательныхъ.

§ 18. Въ концѣ каждаго учебнаго года студентамъ лицей производятся испытанія.

§ 19. Испытанія бываютъ двоякаго рода: годичныя (курсовые) — для перевода изъ низшаго курса въ высшій, и окончательныя — по истеченіи полного трехлѣтняго курса.

§ 20. Годичнымъ испытаніямъ подвергаются студенты I и

II курсовъ въ предметахъ, пройденныхъ ими въ теченіе всего учебнаго года; окончательныя же испытанія производятся студентамъ III курса во всѣхъ предметахъ, преподаваемыхъ въ лицѣѣ.

Примѣчаніе. Предметы испытаній для каждаго курса при- мѣрно изчислены въ особомъ къ этимъ правиламъ прило- женіи.

§ 21. Время и порядокъ испытанія опредѣляются росписа- ніемъ, которое заблаговременно составляется и утверждается со- вѣтомъ лица и объявляется студентамъ.

§ 22. Годичныя испытанія производятся въ комитетахъ, со- ставленныхъ, подъ предсѣдательствомъ директора или инспек- тора, изъ преподавателя и одного изъ профессоровъ, по назна- ченію совѣта.

§ 23. Окончательныя испытанія производятся въ засѣданіи совѣта; при испытаніяхъ же въ богословіи и по новѣйшимъ язы- камъ приглашаются въ засѣданія совѣта законоучитель лица и лекторы, каждый по своему предмету.

§ 24. Члены испытательныхъ собраній, кои не могутъ при- сутствовать при производствѣ испытаній, обязаны заблаговременно извѣстить о томъ директора, съ объясненіемъ законныхъ при- чинъ отсутствія.

§ 25. Если преподавателя предмета, по которому должно про- исходить испытаніе, на лицо не имѣется, или опъ, по какой- либо причинѣ, не можетъ быть на испытаніи во время, назна- ченное для его предмета, то совѣтъ лица опредѣляетъ: въ пер- вомъ случаѣ, кто изъ членовъ совѣта долженъ быть испытателемъ по такому предмету; во второмъ случаѣ, должно ли отложить испытаніе до другаго времени, когда преподаватель будетъ въ состояніи самъ произвести испытаніе по своему предмету, или испытаніе должно быть произведено безъ преподавателя того пред- мета, изъ котораго назначено испытаніе, и кто въ такомъ случаѣ долженъ быть испытателемъ.

§ 26. Студенты, подлежащіе испытанію, должны являться въ опое всѣ въ назначенное по росписанію время.

Только болѣзнь, засвидѣтельствованная врачомъ лица, и дозволенный отпускъ признаются уважительными причинами неявки студента на испытаніе.

§ 27. Тѣ изъ студентовъ, кои безъ всякихъ уважительныхъ причинъ не явятся въ назначенное время къ испытанію, къ слѣдующему испытанію не допускаются.

§ 28. Годичныя и окончательныя испытанія бываютъ: устные и письменныя.

А. ОВЪ УСТНЫХЪ ИСПЫТАНІЯХЪ.

§ 29. Устные испытанія производятся по билетамъ, которые составляются по программамъ пройденныхъ частей предметовъ, представленныхъ преподавателями, по принадлежности, немедленно по заключеніи чтенія лекцій. Студенты же, не подвергавшіеся испытанію въ назначенное время по причинѣ, признанной совѣтомъ уважительною, допускаются къ испытанію послѣ ваканцій.

§ 30. Предъ начатіемъ испытанія предсѣдатель сличаетъ билеты съ программой, перемѣшиваетъ ихъ и кладетъ на столъ закрытыми.

§ 31. Студенты для экзамена вызываются предсѣдателемъ, и по взятіи и прочтеніи вопроса, допускаются, если пожелаютъ, къ предварительному обдумыванію отвѣта. Взятый билетъ вручается предсѣдателю, который записываетъ номеръ билета въ испытательномъ спискѣ, противъ фамиліи испытуемаго.

§ 32. Студентамъ не дозволяется при обдумываніи пользоваться конспектами; они имѣютъ только программу предмета, предварительно разсмотрѣнную и одобренную предсѣдателемъ и преподавателемъ предмета.

§ 33. Преподаватель есть главный производитель экзамена въ своемъ предметѣ. Производя испытаніе, подъ наблюденіемъ предсѣдателя, онъ требуетъ отъ испытуемаго всѣхъ нужныхъ поясненій относительно задачи, ему предложенной. Впрочемъ, и каж-

дому изъ присутствующихъ при испытаніи, предоставляется право дѣлать, по своему усмотрѣнію, вопросы, состоящіе въ связи съ главнымъ, на который отвѣчаетъ испытуемый.

§ 34. Частныя засвидѣтельствованія преподавателей о прилежаніи и успѣхахъ, равно какъ и о поведеніи студентовъ на лекціяхъ въ продолженіе курса, принимаются въ особенное уваженіе при производствѣ испытанія.

Б. О письменныхъ испытаніяхъ.

§ 35. Сверхъ устнаго испытанія, студенты всѣхъ трехъ курсовъ лица подвергаются еще письменному испытанію.

§ 36. Для письменнаго испытанія студенты должны: 1) представить ежегодно по одному сочиненію и 2) во время испытаній написать изъ одной какой-либо науки, по своему избранію, краткое сочиненіе. Темы для годовыхъ сочиненій предлагаются профессорами, каждымъ по своему предмету, и по разсмотрѣніи въ совѣтѣ объявляются студентамъ въ началѣ учебнаго года.

Студентамъ не дозволяется представлять сочиненій по одному и тому же предмету.

§ 37. Въ концѣ учебнаго года, не позже 1-го апрѣля, каждый студентъ обязанъ подать свое годовичное сочиненіе инспектору лица. Пропустившіе этотъ срокъ, безъ уважительныхъ причинъ, не допускаются къ испытанію.

§ 38. Всѣмъ годовичнымъ сочиненіямъ, студентами представленнымъ, составляется списокъ, въ которомъ обозначаются названія сочиненій. Списокъ этотъ, вмѣстѣ съ подлинными сочиненіями, вносится въ совѣтъ лица; сочиненія распределяются между преподавателями для разсмотрѣнія, а списокъ передается въ канцелярію правленія лица.

§ 39. Для написанія краткихъ на русскомъ языкѣ сочиненій, согласно § 36, во время самыхъ испытаній составляется особое засѣданіе, отдѣльно для каждого курса. Темы для этихъ сочиненій, составляются профессорами и представляются директору лица.

§ 40. Для поощренія студентовъ совѣтъ предлагаетъ ежегодно задачу изъ предметовъ, входящихъ въ курсъ лицейскаго преподаванія, съ пазначеніемъ за удовлетворительное по оной рѣшеніе золотой, а за лучшее послѣ того, если оно близко къ требуемому достоинству, серебряной медали, при чемъ принимаются въ соображеніе успѣхи и нравственность студентовъ (§ 58 устава лица 1840 года); представляемыя на медали сочиненія засчитываются въ число годичныхъ сочиненій, которыя студенты обязаны представлять на основаніи § 36.

В. ОВЪ ОЦѢНКѢ УСПѢХОВЪ.

§ 41. Оцѣнка успѣховъ производится всѣми присутствующими при испытаніи и отмѣчается въ особыхъ спискахъ, имѣющихся у каждаго преподавателя.

§ 42. Для опредѣленія познаній при испытаніяхъ употребляются цифры отъ 5 до 0, изъ коихъ 5 означаетъ успѣхи отличныя, 4—хорошіе, 3—удовлетворительные, 2—посредственные, 1—слабые, 0—совершенное незнаніе.

Примѣчаніе. Дроби большія $\frac{1}{2}$ считаются за единицу, а меньшія $\frac{1}{2}$ отбрасываются.

§ 43. По окончаніи каждаго устнаго испытанія и по оставленіи студентами аудиторіи, частныя отмѣтки, коихъ удостоили каждаго студента всѣ присутствовавшіе при испытаніи, сличаются между собою для составленія окончательнаго вывода. Окончательная отмѣтка вносится въ протоколъ испытанія, который подписывается предсѣдателемъ и всѣми членами испытательнаго собранія и хранится потомъ у директора. Въ протоколѣ этомъ никакія подчистки и поправки не допускаются и если встрѣтится надобность въ поправкѣ, то она дѣлается надъ строкою и оговаривается при самомъ подписаніи.

§ 44. Въ случаѣ неоголасія касательно отмѣтки, дѣло рѣшается по большинству голосовъ; при равенствѣ же голосовъ, перевѣсъ остается на той сторонѣ, гдѣ голоса преподавателя и предсѣдателя.

§ 45. Годичныя сочиненія разсматриваются тѣми профессорами, которымъ это, по распоряженію совѣта, будетъ поручено. Профессоръ, разсматривавшій сочиненіе, ставитъ на ономъ отмѣтку цифрою и словами и утверждаетъ ее своею подписью. Отмѣтки эти вносятся потомъ въ особый списокъ и разсматриваются, какъ отмѣтки въ отдѣльномъ предметѣ испытанія.

§ 46. Краткія сочиненія, написанныя во время испытаній, разсматриваются и оцѣниваются преподавателемъ того предмета, по которому написано сочиненіе; отмѣтка за оное складывается съ отмѣткою за годичное сочиненіе и составляетъ, такимъ образомъ, одну отмѣтку за сочиненіе.

Г. Порядокъ удостоенія переводовъ изъ низшаго курса въ высшій и награжденія аттестатами.

§ 47. Право на удостоеніе переводовъ изъ низшаго курса въ высшій и аттестатовъ съ правами на чины XII и XIV классовъ приобрѣтается успѣхами, оказанными на испытаніяхъ, и поведениемъ, и опредѣляется совѣтомъ лица.

§ 48. Для сего, по окончаніи всѣхъ экзаменовъ, назначается засѣданіе совѣта, въ которое вносятся общія вѣдомости, составленныя особо для каждаго курса, изъ отдѣльныхъ протоколовъ испытаній. Въ вѣдомостяхъ этихъ въ особыхъ графахъ означаются: 1) баллы, полученные при испытаніи по каждому предмету; 2) баллы, полученные за годичное и краткое сочиненія; 3) общая сумма балловъ по главнымъ предметамъ; 4) общій средній выводъ изъ этой суммы; 5) сумма балловъ по дополнительнымъ предметамъ, и 6) общій выводъ изъ этой суммы.

§ 49. Къ этому же времени инспекторъ представляетъ въ совѣтъ вѣдомость о студентахъ, не бывшихъ на испытаніяхъ, съ объясненіемъ причинъ неявки, и свѣдѣнія о поведеніи студентовъ.

§ 50. На основаніи вѣдомостей, въ предыдущихъ 48 и 49 §§ означенныхъ, совѣтъ лица полагаетъ свое опредѣленіе объ удостоеніи студентовъ I и II курсовъ перевода изъ низшаго курса

въ высшій, а студентовъ III курса—аттестатовъ, съ правами на чины XII и XIV классовъ.

§ 51. Для перевода изъ курса въ курсъ въ общемъ среднемъ выводѣ, какъ изъ главныхъ предметовъ, такъ и изъ дополнительныхъ, требуется отмѣтка не менѣе 3, причемъ отмѣтка 2 допускается лишь изъ одного дополнительнаго предмета.

§ 52. Не удовлетворившіе изложеннымъ въ 51-мъ § требованіямъ оставляются на слѣдующій годъ въ томъ же курсѣ.

§ 53. Студентъ можетъ оставаться на одномъ курсѣ не болѣе двухъ лѣтъ и притомъ такъ, чтобы двухлѣтнее пребываніе въ одномъ курсѣ повторялось въ продолженіе всего ученія не болѣе двухъ разъ. Согласно съ этимъ дозволяется остаться въ лицей, сверхъ времени, положеннаго для полнаго курса, не болѣе двухъ лѣтъ.

§ 54. Для полученія аттестата съ правомъ на чинъ XII класса требуется: 1) по главнымъ предметамъ въ общемъ среднемъ выводѣ 4 и въ каждомъ отдѣльномъ предметѣ не менѣе 3; 2) по дополнительнымъ: въ общемъ среднемъ выводѣ и въ каждомъ отдѣльномъ предметѣ не менѣе 3.

§ 55. Для полученія аттестата съ правомъ на чинъ XIV класса тѣ же требованія, какія означены въ 51-мъ §, для перевода изъ низшаго курса въ высшій.

§ 56. Студенты неодобрительнаго поведенія не могутъ быть удостоены аттестатовъ, хотя бы они и заслуживали того по успѣхамъ въ наукахъ.

§ 57. Определеніе совѣта лицея объ удостоеніи аттестатовъ съ правами на чины представляется попечителю округа на утвержденіе. По полученіи утвержденія, совѣтъ увольняетъ студентовъ, окончившихъ курсъ наукъ, изъ лицея и выдаетъ имъ аттестаты.

Примѣчаніе. До полученія утвержденія отъ попечителя, студентамъ выдается, если они того пожелаютъ, удостовѣреніе объ удостоеніи ихъ совѣтомъ аттестата.

§ 58. Аттестаты заготавливаются по определенной формѣ и подписываются членами совѣта. Въ каждомъ аттестатѣ, выдавае-

момъ, согласно опредѣленію совѣта лица, студенту, должны быть обозначены словами успѣхи, оказанные ими на испытаніи по каждому предмету отдѣльно.

Приложеніе къ § 20-му.

Предметы испытанія въ лицей князя Безбородко.

Для I-го курса.

А. Главные:

1. Богословіе.
2. Энциклопедія законовѣдѣнія.
3. Государственные законы.
4. Гражданскіе законы.
5. Годичное сочиненіе и краткое экзаменное сочиненіе.

Для перевода во II-й курсъ, сумма балловъ, полученныхъ по этимъ предметамъ на испытаніи, должна равняться *minimū* 15.

В. Дополнительные:

6. Русская словесность.
7. Русская исторія.
8. Французскій или нѣмецкій языкъ.

Для перевода во II-й курсъ, сумма балловъ, полученныхъ на испытаніи по этимъ предметамъ, должна равняться *minimū* 9.

Для II-го курса.

А. Главные предметы:

1. Богословіе.
2. Энциклопедія законовѣдѣнія.
3. Уголовные законы.
4. Законы государственнаго благоустройства.
5. Гражданскіе законы.
6. Годичное и экзаменное сочиненія.

Для перевода въ III-й курсъ, сумма балловъ, полученныхъ по этимъ предметамъ на испытаніи, должна равняться *minimū* 18.

В. Дополнительные:

7. Русская словесность.
8. Русская исторія.
9. Русская и всеобщая статистика.
10. Французскій или нѣмецкій языкъ.

Для перевода въ III-й курсъ, сумма балловъ, полученныхъ по этимъ предметамъ на испытаніи, должна равняться *minimū* 12.

Для III-го курса.

А. Главные предметы:

1. Богословіе.
2. Энциклопедія законовѣдѣнія.
3. Государственные законы.
4. Гражданскіе законы.
5. Гражданское судопроизводство.
6. Уголовные законы.
7. Уголовное судопроизводство.
8. Полицейскіе законы.
9. Законы государственнаго благоустройства.
10. Законы о финансахъ.
11. Годичное и экзаменное сочиненіе.

Сумма балловъ, полученныхъ по симъ предметамъ на испытаніи, должна равняться: для полученія аттестата съ правомъ на чинъ XII класса *maximum* 55 и *minimum* 45; для полученія аттестата съ правомъ на чинъ XIV класса — 44 и 33.

В. Дополнительные:

12. Русская словесность.
13. Русская исторія.
14. Русская и всеобщая статистика.
15. Французскій или нѣмецкій языкъ.

Сумма балловъ, полученныхъ по симъ предметамъ на испытаніи, для полученія аттестата какъ съ правомъ на чинъ XII, такъ и XIV класса, должна равняться *minimum* 12.

Примѣчаніе. По усмотрѣнію совѣта лицъ, предметы преподаванія могутъ быть переносимы изъ одного курса въ другой.

2. (3-го ноября 1873 года). *Положеніе о стипендіи профессора Московскаго университета Анатоля Петровича Богданова.*

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищемъ министра).

1) При Воронежской гимназій учреждается стипендія А. П. Богданова отъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія.

2) Стипендія эта учреждается на счетъ процентовъ съ капитала въ тысячу рублей, заключающагося въ десяти закладныхъ

листахъ Московскаго земельного банка. Означенный капиталъ хранится въ Воронежскомъ губернскомъ казначействѣ. Проценты, причитающіеся на этотъ капиталъ, получаютъ директоромъ Воронежской гимназіи.

3) Стипендію имѣютъ право пользоваться дѣти лицъ изъ податныхъ сословій Воронежской губерніи:

а) Круглые сироты, б) дѣти бѣдныхъ родителей и в) дѣти благоправнаго поведенія, оказавшіе достаточныя учебныя успѣхи на приемномъ испытаніи въ Воронежской гимназіи.

4) Въ случаѣ нѣсколькихъ равноправныхъ мальчиковъ на стипендію, предпочтеніе дается по жребію, который вынимается самими кандидатами въ присутствіи членовъ педагогическаго совѣта гимназіи.

5) О каждомъ присужденіи стипендіи начальство Воронежской гимназіи увѣдомляетъ профессора А. П. Богданова, сообщая увѣдомленіе чрезъ совѣтъ Общества Любителей Естествознанія.

6) Стипендія выдается по полугодію на руки тому лицу, на попеченіи коего находится стипендіатъ.

7) Дѣти, не перешедшія изъ одного класса въ другой, высшій, въ продолженіе одного академическаго года по лѣности или слабымъ способностямъ, или въ продолженіе двухъ лѣтъ по болѣзни, лишаются права на стипендію.

8) Избранный воспитанникъ освобождается отъ платы за право ученія въ продолженіи всего гимназическаго курса.

9) Въ случаѣ, если стипендія будетъ вакантною по немѣнью кандидата, остаточная сумма причитается къ капиталу стипендіи.

3. (10-го ноября 1873 года). *Положеніе о стипендіи при Аккерманской Павловской женской прогимназіи.*

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищемъ министра).

1) На основаніи Высочайшаго Еяго Императорскаго Величества повелѣнія, послѣдовавшаго въ 30-й день октября 1873 года, въ Аккерманской Павловской женской прогимназіи

учреждается на вѣчныя времена стипендія «имени потомственного почетнаго гражданина Петра Степановича Руссова» на проценты съ пожертвованнаго имъ капитала въ 2.500 рублей.

2) Стипендія, изъ означенныхъ процентовъ въ 150 рублей въ годъ, выдается въ іюль и январѣ, по 75 руб. въ каждое полугодіе, попечительнымъ совѣтомъ прогимназій, въ вѣдѣніи и подъ отвѣтственностію котораго состоитъ неприкосновеннымъ и самый капиталъ въ тѣхъ или другихъ билетахъ, какіе будутъ выгоднѣе; если проценты на капиталъ будутъ превышать 150 руб. въ годъ, то всякій излишекъ, сверхъ этой цифры, стипендіаткѣ не выдается, а присоединяется къ фонду для приращенія.

3) Стипендіатка избирается изъ дочерей жителей г. Аккермана, безъ различія званія, исключительно православнаго вѣроисповѣданія, изъ бѣднѣйшихъ и способнѣйшихъ дѣвицъ и не болѣе, какъ на три года. Если же число классовъ этой прогимназій увеличится или преобразуется въ гимназію или другаго наименованія женское учебное заведеніе, то стипендіатка избирается на три послѣдніе года курса.

4) Стипендіатку избираетъ попечительный совѣтъ съ начальницею прогимназій, но не иначе, какъ съ согласія жертвователя, или наслѣдника его, всегда одного изъ потомковъ старшаго его сына по мужскому колѣну; за пресѣченіемъ же мужскаго, по законному старшинству, право это переходитъ къ женскому колѣну Руссовыхъ.

5) Если отъ приращенія или присоединенія къ стипендіальному капиталу новыхъ пожертвованныхъ суммъ, количество ежегодныхъ съ него процентовъ дойдетъ до 300 руб., или болѣе, то открывается еще одна или болѣе стипендій въ этомъ же учрежденіи и на семъ же основаніи.

6) Въ случаѣ совершеннаго упраздненія Павловской женской прогимназій, стипендія на излагаемыхъ основаніяхъ съ тѣмъ же наименованіемъ переходитъ въ мужскую гимназію, или прогимназію, или въ другое равнозначущее учебное учрежденіе въ Аккерманѣ, преимущественно реальное; при ненахожденіи же тако-

выхъ въ Аккерманѣ, совѣтъ, съ участіемъ поименованныхъ въ п. 3 лицъ, опредѣляетъ перенести стипендію въ ближайшее по мѣсту учебное заведеніе.

7) П. С. Руссову и преемникамъ его, совѣстно съ попечительнымъ совѣтомъ, всегда предоставляется право стипендіальный неприкосновенный капиталъ замѣнить фондами или билетами кредитныхъ учреждений, проценты коихъ, при гарантіи равныхъ прочностей, будутъ выгоднѣе для увеличенія его.

4. (10-го ноября 1873 года). *Правила о стипендіи генералъ-адъютанта фонъ-Гринвальда при Дерптскомъ ветеринарномъ институтѣ.*

(Утверждены г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищемъ министра).

1) Генералъ-адъютантъ фонъ-Гринвальдъ, вопліѣ сознавая пользу, какою могутъ принести для Россіи хорошо образованные ветеринары не только лѣченіемъ больныхъ животныхъ, но и по предмету разведенія улучшенныхъ породъ лошадей, и во вниманіе того обстоятельства, что во время 15-ти-лѣтняго управленія имъ государственнымъ коннозаводствомъ ему постоянно содѣйствовали ветеринары, получившіе образованіе въ Дерптскомъ ветеринарномъ училищѣ и принадлежавшіе на службѣ къ лучшимъ врачамъ, учреждаетъ съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго въ $\frac{9}{21}$ день іюня 1873 года, стипендію при Дерптскомъ ветеринарномъ институтѣ, преобразованномъ изъ Дерптскаго ветеринарнаго училища.

2) Стипендія состоитъ изъ процентовъ съ капитала въ 6.000 рублей, переданныхъ генералъ-адъютантомъ фонъ-Гринвальдомъ министерству народнаго просвѣщенія и причисленныхъ къ спеціальнымъ средствамъ Дерптскаго ветеринарнаго института.

3) Избираемый совѣтомъ института стипендіатъ утверждается учредителемъ стипендіи. По смерти же генералъ-адъютанта фонъ-Гринвальда, утвержденіе стипендіата зависитъ отъ распорядителей Гринвальдскаго фамильнаго легата въ Эсгланьдской губерніи.

4) Въ стипендіаты можетъ быть избираемъ: только студентъ, отличающійся хорошимъ поведеніемъ и удовлетворительными успѣхами и обучающійся на собственный счетъ въ Дерптскомъ ветеринарномъ институтѣ, совѣту коего, однако, предоставляется право ходатайствовать о назначеніи стипендіи также воспитывающемуся на казенный счетъ студенту, если онъ только по хорошему поведенію и успѣхамъ въ наукахъ будетъ признанъ достойнымъ стипендіи. Въ такомъ случаѣ, выдававшаяся ему казенная стипендія предоставляется другому студенту, на обязанности же получавшаго казенную стипендію остается — прослужить въ государственной службѣ узаконенное число лѣтъ, соразмѣрно времени, въ продолженіе котораго онъ пользовался стипендіею.

5) Совѣту института предоставляется право оставить за стипендіатомъ стипендію до окончанія имъ курса наукъ, или до пріобрѣтенія имъ степени магистра или же профессуры, или же, наконецъ, до окончательнаго его усовершенствованія за границею въ ветеринарныхъ наукахъ. Равнымъ образомъ, совѣту предоставляется право, въ случаѣ неодобрительнаго поведенія стипендіата или неуспѣшности его въ наукахъ, прекратить производство ему стипендіи и избрать на мѣсто выбывшаго стипендіата другаго кандидата.

6) Выборъ кандидата и постановленіе о прекращеніи выдачи стипендіи производится въ совѣтѣ института и рѣшается большинствомъ голосовъ.

7) Высшій размѣръ стипендіи на время нахожденія стипендіата въ институтѣ составляетъ 300 рублей. Выдача же ему въ послѣдствіи большей суммы для усовершенствованія за границею, зависитъ отъ обстоятельствъ и усмотрѣнія совѣта.

8) Въ случаѣ временнаго незамѣщенія стипендіи, проценты съ капитала не причисляются къ капиталу, но предоставляются въ распоряженіе совѣта для производства выдачъ на покрытіе излишнихъ издержекъ по дальнѣйшему научному усовершенствованію стипендіата.

5. (10-го ноября 1873 года). *Правила о стипендіи имени князя Владимира Федоровича Одоевскаго при Московскомъ университѣтѣ.*

(Утверждены: г. управлявшимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищемъ министра).

1) На завѣщанный вдовою тайнаго совѣтника, кавалерственною дамою, княгинею Ольгою Степановною Одоевскою, рожденною Ланскою, Московскому университету капиталъ въ количествѣ *шести тысячъ рублей*, въ 5% банковыхъ билетахъ, учреждается при семъ университетѣ, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 30-го октября 1873 года, стипендія имени князя Владимира Федоровича Одоевскаго.

2) Стипендія эта назначается университетскимъ совѣтомъ для бѣднѣйшихъ студентовъ всѣхъ факультетовъ по очереди, отличающихся хорошими успѣхами и поведеніемъ.

3) Согласно волѣ завѣщательницы, сынъ московскаго цеховаго Сергѣй Пѣвченковъ, обучающійся нынѣ въ 1-й Московской гимназіи, по поступленіи въ университетъ, имѣетъ быть назначенъ стипендіатомъ князя Одоевскаго, а до того времени правленіе университета, изъ процентовъ капитала, отпускаетъ ежегодно по 40 руб. матери его, Пелагеѣ Артемьевой, чрезъ смотрителя Михайловскаго дворца Михаила Михайловича Петрова.

4) До поступленія Пѣвченкова въ университетъ, проценты съ капитала, за выдачею ежегодно 40 руб. матери его, причисляются къ капиталу.

5) Пѣвченковъ, по поступленіи въ университетъ, пользуется стипендіею во все время ученія его въ университетѣ.

6) По окончаніи имъ университетскаго курса, стипендія назначается по § 2 сихъ правилъ, и затѣмъ §§ 3, 4 и 5 отменяются.

7) Если Пѣвченковъ не окончитъ гимназическаго курса и такимъ образомъ не приобрѣтетъ права на поступленіе въ университетъ и выйдетъ изъ гимназіи, то выдача пособія его матери

по 40 руб. въ годъ прекращается, и всѣ проценты съ капитала выдаются стипендіату, назначенному совѣтомъ университета.

8) Стипендіатъ, не перешедшій на слѣдующій курсъ, лишается стипендіи; но право это не распространяется на Пѣвченкова въ случаѣ его поступленія въ университетъ.

6. (10-го ноября 1873 года). *Правила о преміи имени Дмитрія Ивановича Каченовскаго при юридическомъ факультетѣ Императорскаго Харьковскаго университета.*

(Утверждены г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищемъ министра).

1) Умершій ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, Дмитрій Ивановичъ Каченовскій, по духовному завѣщанію своему отказалъ Харьковскому университету билетъ купческаго бабка за № 5.096, въ *девятьсотъ тридцать три рубля*, съ цѣлю учрежденія, на счетъ процентовъ сего капитала, преміи при юридическомъ факультетѣ Харьковскаго университета.

2) По истеченіи срока означенному билету, совѣтъ университета помѣщаетъ капиталъ и проценты, на возможно выгоднѣйшихъ условіяхъ, въ одно изъ кредитныхъ учрежденій; затѣмъ, по прошествіи пяти лѣтъ, по приращеніи капитала, проценты съ онаго должны быть обращены на премію студентамъ Харьковскаго университета, отличавшимся, при хорошемъ поведеніи, успѣхами и знаніями по международному праву и предпочтительно тому кандидату, готовящемуся на степень магистра международного права, коего сочиненіе по сему предмету удостоится наибольшаго одобренія юридическаго факультета.

3) Назначеніе упомянутой преміи предоставляется юридическому факультету съ утвержденія совѣта университета.

4) Сумма, оставшаяся безъ употребленія въ теченіе года, присоединяется къ капиталу.

5) Премія эта, на основаніи Высочайшаго повелѣнія

30-го октября 1873 года, именуется «премією Дмитрія Ивановича Каченовскаго».

7. (10-го ноября 1873 года). *Правила о стипендіи гофмейстера двора Его Императорскаго Величества, тайнаго совѣтника князя Михаила Андреевича Оболенскаго, при Московскомъ университетѣ.*

(Утверждены г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищемъ министра).

1) На представленный Московскому университету вдовою гофмейстера двора Его Императорскаго Величества, тайнаго совѣтника князя М. А. Оболенскаго, княгинею Александрою Алексѣевною Оболенскою, капиталъ въ количествѣ *шести тысячъ рублей*, въ 5% билетахъ Государственнаго Банка перваго выпуска, учреждается при семъ университетѣ, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 30-го октября 1873 года, одна стипендія имени: «гофмейстера двора Его Императорскаго Величества, тайнаго совѣтника князя Михаила Андреевича Оболенскаго», въ размѣрѣ 300 рублей.

2) Стипендія эта назначается совѣтомъ университета одному изъ нуждающихся дворянъ-студентовъ Московскаго университета безъ различія факультетовъ, съ предоставленіемъ, однако же, при этомъ преимущества предъ прочими вышеупомянутыми студентами,—студенту, носящему фамилію князей Оболенскихъ.

3) Студентъ, получающій эту стипендію, лишается оной какъ за неодобрительное поведеніе, такъ равно если онъ не будетъ удостоенъ перевода съ одного курса на другой.

8. (20-го ноября 1873 года). *Положеніе о стипендіи имени лейбъ-медика Сергѣя Петровича Боткина, учрежденной при Симбирской гимназій.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) Дѣйствительный статскій совѣтникъ Михаилъ Авксентьевичъ Исаковъ, желая почтить ученые труды по медицинскои части

почетнаго лейбъ - медика Сергѣя Петровича Боткина, пожертвовалъ 5% банковый билетъ въ 500 руб. на учрежденіе при Симбирской гимназіи стипендіи имени Боткина.

2) Пожертвованный капиталъ долженъ оставаться неприкосновеннымъ, а проценты съ онаго выдаются стипендіату, преимущественно для взноса платы за право ученія въ гимназіи.

3) На стипендію Боткина могутъ быть помѣщаемы, изъ отличающихся успѣхами въ наукахъ и поведеніемъ учениковъ Симбирской гимназіи, дѣти всѣхъ сословій и избираются начальствомъ гимназіи.

4) Стипендіатъ имени Боткина, за полученіе стипендіи, не обязывается ничѣмъ Симбирской гимназіи, но желательно только, чтобы онъ, по окончаніи гимназическаго курса, спеціально посвятилъ себя изученію медицины.

9. (21-го ноябра 1873 года). *Циркулярное предложеніе начальствамъ учебныхъ округовъ относительно порядка снабженія книгами библиотекъ подвѣдомыхъ имъ учебныхъ заведеній.*

Въ министерство неоднократно поступали и поступаютъ отъ гг. попечителей учебныхъ округовъ представленія о крайней скудости средствъ, имѣющихся въ распоряженіи библиотекъ подвѣдомыхъ имъ учебныхъ заведеній, для приобрѣтенія весьма нужныхъ, а иногда и совершенно необходимыхъ, какъ для наставниковъ, такъ и для учениковъ, книгъ ученаго и учебнаго содержанія. Между тѣмъ весьма часто, какъ извѣстно министерству, часть денегъ, ассигнуемыхъ на приращеніе библиотекъ, расходуется этими заведеніями на выписку различныхъ повременныхъ изданій, не имѣющихъ никакого отношенія къ педагогическому дѣлу. Признавая такое употребленіе этихъ библиотечныхъ суммъ отнюдь не соответствующимъ ихъ прямому назначенію, а съ другой стороны, имѣя въ виду, что возможность увеличенія оныхъ не предвидится,—я почитаю пужнымъ покорнѣйше просить ваше превосходительство сдѣлать распоряженіе о томъ, чтобы въ подвѣдомыхъ вамъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ

мужскихъ, такъ и женскихъ, отпускаемыя на бібліотеки суммы употребляемы были *исключительно* на приобрѣтеніе полезныхъ для учителей и учащагося юношества сочиненій педагогическаго, научнаго и беллетристическаго содержанія, съ соблюденіемъ относительно сихъ послѣднихъ строгаго выбора; а равно на выпускъ правительственныхъ повременныхъ изданій, заключающихъ въ себѣ постановленія и распоряженія правительства.

10. (1-го декабря 1873 года). *Положеніе о стипендіи статскаго совѣтника Дмитрія Яковлевича Колбасина, учрежденной при Каменецъ-Подольской гимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) При Каменецъ-Подольской гимназіи учреждается стипендія имени статскаго совѣтника Колбасина изъ суммы, собранной по подпискѣ нѣкоторыми жителями г. Каменца.

2) Стипендія эта учреждается на счетъ процентовъ съ капитала, обращеннаго въ слѣдующія процентныя бумаги: два вкладныхъ листа земскаго банка Херсонской губерніи, за №№ 0.116, серіи 2-й, и 1.616, серіи 7-й, въ 250 руб. каждый, по 5 $\frac{1}{2}$ % въ годъ; государственный пятипроцентный банковый билетъ 1861 г. за № 122.562 въ 100 руб., два таковыхъ же билета за №№ 46.897 и 46.898 въ 150 руб. каждый, и одинъ таковой же билетъ за № 19.729 въ 500 рублей,—итого, по номинальной цѣпѣ билетовъ, *тысяча четыреста рублей*. Проценты эти, въ количествѣ *семидесяти* рублей, назначаются на уплату за ученіе трехъ учениковъ Каменецъ-Подольской гимназіи. Остающіеся затѣмъ *десять* рублей назначаются въ пособіе одному ученику или двумъ по пяти рублей.

3) Пользоваться стипендіею могутъ только бѣдные ученики, лучшіе по наукамъ и поведенію.

4) Право избирать стипендіатовъ принадлежитъ исключительно педагогическому совѣту Каменецъ-Подольской гимназіи.

IV. ПРИКАЗЫ УПРАВЛЯВШАГО МИНИСТЕРСТВОМЪ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ, ТОВАРИЩА МИНИСТРА.

20-го октября 1873 года (№ 14). *Утверждаются:* ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета *Бекетовъ*—вновь деканомъ физико-математическаго факультета сего университета, съ 9-го октября 1873 года; ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Буслаевъ*—въ званіи заслуженнаго профессора, съ 5-го августа 1873 года; директоръ и профессоръ Дерптскаго ветеринарнаго училища, преобразованнаго въ ветеринарный институтъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Унтербергеръ 1-й*—директоромъ и ординарнымъ профессоромъ сего института, съ 1-го іюля 1873 года; профессора Дерптскаго ветеринарнаго училища, преобразованнаго въ ветеринарный институтъ: дѣйствительный статскій совѣтникъ *Гессенъ*, коллежскій совѣтникъ *Унтербергеръ 2-й* и докторъ медицины *Розенбергъ*, первые двое—ординарными профессорами, а послѣдній—экстраординарнымъ профессоромъ сего института, съ 1-го іюля 1873 года; докторъ Геттингенскаго университета *Митовъ*—ординарнымъ профессоромъ Императорскаго Дерптскаго университета по кафедрѣ политической экономіи, съ 31-го августа 1873 года; доцентъ Императорскаго Новороссійскаго университета *Цитовичъ*—экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ гражданскаго права, со 2-го октября 1873 года; инспекторъ Керченской Александровской гимназій *Кодрянъ*—директоромъ Кишиневскаго реального училища, съ 27-го сентября 1873 года; председатель Кременчугской уѣздной земской управы *Колачевскій*, членъ сей управы *Волкъ* и гласные Кременчугской городской думы: *Кумме*, *Мельникъ*, *Приваловъ* и *Герштейнъ*—членами попечительства Кременчугскаго реального училища, на три года.

Назначается: чиновникъ особыхъ порученій V класса при министрѣ народнаго просвѣщенія, дѣйствительный статскій совѣт-

никъ *Маркевичъ* — членомъ особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по разсмотрѣнію книгъ, издаваемыхъ для народнаго чтенія, съ сохраненіемъ настоящей должности, съ 13-го октября 1873 года.

Опредѣляется: греческій подданный *Маврокордато* — почетнымъ попечителемъ учительской семинаріи въ м. Байрамчѣ Аккерманскаго уѣзда, Бессарабской области, съ 23-го сентября 1873 года.

Оставаются на службу на пять лѣтъ: инспекторы народныхъ училищъ состоящей при управленіи Кіевскаго учебнаго округа инспекціи сихъ училищъ губерній Кіевской, Подольской и Волынской, статскій совѣтникъ *Солнцева* и коллежскій совѣтникъ *Чечетъ*, первый съ 18-го іюня 1873 года и второй съ 15-го августа 1873 года; инспекторъ народныхъ училищъ Орловской губерніи, статскій совѣтникъ *Воршевъ*, съ 6-го іюля 1871 года; Виленскій директоръ народныхъ училищъ статскій совѣтникъ *Снитко* — съ 11-го октября 1873 года.

Отчисляется отъ министерства народнаго просвѣщенія: причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія *Буреичъ*, съ 13-го августа 1873 года, со дня опредѣленія штатнымъ преподавателемъ въ С.-Петербургскій учительскій институтъ.

Продолжается срокъ отпуску за границу: врачу Одесской первой прогимназіи, коллежскому совѣтнику *Гросману* — на мѣсяць.

Увольняются въ отпускъ: внутри имперіи: предсѣдатель временной комиссіи по устройству Виленской публичной библіотеки, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Головацкій* — въ Могилевскую губернію, на пять дней; *за границу:* чиновникъ особыхъ порученій VI класса при министрѣ народнаго просвѣщенія, въ званіи камеръ-юнкера, надворный совѣтникъ князь *Доморучковъ*, на двѣ недѣли; причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія князь *Кантакузинъ*, графъ *Сперанскій*, почетный смотритель Кременчугскаго уѣднаго училища *Андрузскій* и архитекторъ Кіевскаго учебнаго округа, коллежскій ассессоръ *Шлейферъ*, на двадцать восемь дней; изъ нихъ *Андрузскій* по болѣзни.

Увольняются, согласно прошенію: заслуженный профессоръ православнаго богословія въ Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ, протоіерей *Павловскій*—отъ службы въ семъ университетѣ, и экстраординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, коллежскій совѣтникъ *Котляревскій* — отъ службы; изъ нихъ Павловскій съ 4-го, а Котляревскій съ 1-го октября 1873 года.

Объявляется благодарность министерства народнаго просвѣщенія: дѣйствительному тайному совѣтнику *Веймарну* и председателю Ямбургскаго уѣзднаго училищнаго совѣта впамя *Оболенскому*—за труды и заботы по дѣлу народнаго образованія; сотруднику археографической комиссіи министерства народнаго просвѣщенія, коллежскому ассессору *Григоровичу*—за труды его по Высочайше учрежденной при министерствѣ народнаго просвѣщенія комиссіи для изданія въ свѣтъ писемъ и бумагъ Петра Великаго; старостѣ Александровской церкви Харьковской первой гимназіи, купцу *Кареву*—за пожертвованія въ пользу означенной церкви.

Объявляется признательность министерства народнаго просвѣщенія: мировому посреднику 2-го участка Игуменскаго уѣзда, Минской губерніи, *Раковичу*—за полезное участіе въ дѣлѣ народнаго образованія.

10-го ноября 1873 года (№ 15). *Утверждаются:* ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Ковальскій* — деканомъ физико-математическаго факультета сего университета, на три года, съ 11-го сентября 1873 года; ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета *Бабчинскій* — деканомъ физико-математическаго факультета сего университета, по 4-е октября 1875 года; экстраординарные профессора Императорскаго С.-Петербургскаго университета: докторъ политической экономіи, коллежскій совѣтникъ *Янсонъ*, и докторъ государственнаго права, священникъ *Горчаковъ* — ординарными профессорами сего университета по занимаемымъ ими кафедрамъ: Ян-

сонъ — политической экономіи и статистики, и Горчаковъ — церковнаго законовѣдѣнія, оба съ 15-го октября 1873 года; исправляющій должность директора учительской семинаріи въ селѣ Новомъ, Мологскаго уѣзда, Ярославской губерніи, *Докучаевъ*, и исправляющій должность инспектора народныхъ училищъ Владимірской губерніи, коллежскій ассесоръ *Мельницкій* — въ сихъ должностяхъ; изъ нихъ Докучаевъ съ 20-го, а Мельницкій съ 29-го октября 1873 года; директоръ технического училища морскаго вѣдомства, генераль-лейтенантъ *Зеленый*, начальник штаба главнаго командира Кронштадтскаго порта, свиты Его Величества контръ-адмиралъ *Федоровскій*, статскій совѣтникъ *Гагенборнъ*, штабсъ-капитанъ *Дьячковъ*, мировой судья купецъ *Шебунинъ* и потомственные почетные граждане: *Бритневъ* и *Синьбрюховъ* — членами попечительства Кронштадтскаго реальнаго училища, на три года; статскій совѣтникъ *Тегель*, докторъ медицины *Бонвечъ* и аптекари: магистръ фармаціи *Мейеръ* и *Штафъ* — членами попечительства Саратовскаго реальнаго училища, на три года.

Назначаются: предсѣдатель Курской губернской земской управы, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Каличичскій*, предсѣдатель Щигровской уѣздной земской управы, надворный совѣтникъ *Марковъ*, Курскій уѣздный предводитель дворянства, штабсъ-капитанъ *Болмечевцевъ*, земскій гласный Щигровскаго уѣзда, землевладѣлецъ *Рутценъ* и потомственный почетный гражданинъ, Курскій 1-й гильдіи купецъ *Тихоновъ* — членами попечительства Курскаго реальнаго училища, на три года; предсѣдатель Харьковской губернской земской управы, коллежскій совѣтникъ *Ионинъ*, предводитель дворянства Харьковскаго уѣзда, флота капитанъ-лейтенантъ *Ковалевскій*, ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета *Деларю*, почетный гражданинъ *Ковалевъ* и купецъ 1-й гильдіи *Ващенко* — членами попечительства Харьковскаго реальнаго училища, на три года; флота лейтенантъ *Савичъ*, губернский секретарь *Алчевскій*, коммерціи совѣтникъ, Ревельскій 1-й гильдіи купецъ *Вейссе* и Сумскіе 1-й гильдіи купцы: *Сухача*

новъ и *Харитоненко* — членами попечительства Сумскаго реального училища, на три года; главный директоръ Берлинскаго газоваго акціонернаго общества, коему принадлежитъ газовый заводъ въ Вильнѣ, *Нольте* — членомъ попечительства Виленскаго реального училища, на три года.

Оставляются на службу на пять лѣтъ: ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Ковальскій*, съ 2-го августа 1873 года; директоръ Московской пятой гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Эминъ*, съ 7-го октября 1873 года.

Переводятся на службу въ министерство народнаго просвѣщенія: состоящій при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, откомандированный для занятій въ центральный статистическій комитетъ, коллежскій ассесоръ *Авсьенко*, съ причисленіемъ къ министерству народнаго просвѣщенія и съ назначеніемъ членомъ особаго отдѣла ученаго комитета сего министерства по разсмотрѣнію книгъ, издаваемыхъ для народнаго чтенія, съ 27-го октября 1873 года.

Увольняются въ отпускъ за границу: учитель Вишковскаго начальнаго училища *Курчипскій* — на восемь дней; почетный попечитель Риншельевской гимназіи, коллежскій совѣтникъ графъ *Толстой* — на двадцать восемь дней, по болѣзни; директоръ Варшавской четвертой мужской гимназіи, надворный совѣтникъ *Бульмерингъ*, лекторъ Императорскаго Варшавскаго университета, коллежскій секретарь *Бергъ*, и учитель С.-Петербургской первой гимназіи, состоящій въ VIII классѣ, *Зборилъ* — на зимнее вакаціонное время 1873 года; учитель Варшавской первой мужской гимназіи, надворный совѣтникъ *Роде* — на зимнее вакаціонное время 1873 года и пятнадцать дней; хранитель зоологическаго кабинета Императорскаго Варшавскаго университета *Тачановскій* — на два мѣсяца и двадцать дней.

Отчисляются отъ министерства народнаго просвѣщенія: причисленные къ сему министерству: коллежскій совѣтникъ *Кеппенъ* и коллежскій секретарь *Висковатовъ*, первый — съ 23-го мая 1873

года, по случаю опредѣленія бібліотекаремъ Императорской Публичной бібліотеки, и второй—съ 22-го сентября 1873 года, со времени утвержденья исправляющимъ должность доцента Императорскаго Дерптскаго университета.

Увольняются, согласно прошеніямъ: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Кохъ* — отъ службы при семъ университетѣ; вычислитель Николаевской главной астрономической обсерваторіи, кандидатъ *Морозовъ* — съ 1-го ноября 1873 года, отъ сей должности; инженеръ *Геркенъ* — отъ званія члена попечительства Виленскаго реальнаго училища.

Объявляется признательность министерства народнаго просвѣщенія: законоучителямъ двухклассныхъ народныхъ училищъ: въ селѣ Ивановскомъ, Льговскаго уѣзда, Курской губерніи, священнику *Романову* и въ селѣ Борисовкѣ, Грайворонскаго уѣзда, той же губерніи, священнику *Мухину*, и учителямъ: перваго изъ названныхъ училищъ, *Дерюшину* и послѣдняго: *Милтеву* и *Осоиному* — за усердную и полезную дѣятельность ихъ по народному образованію.

Исключаются изъ списковъ умершіе: членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, тайный совѣтникъ *Фойтцъ*, и исправлявшій должность экстраординарнаго профессора Демидовскаго юридическаго лица *Ворошиловъ*.

У. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

По приказанію г. управлявшаго министерствомъ на разсмотрѣніе ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія переданы были, пріобрѣтенныя на Вѣнской всемірной выставкѣ членомъ ученаго комитета И. И. Беллярминовымъ, слѣдующія коллекціи: 1) коллекція стѣнныхъ картинъ, изображающихъ предметы древняго быта и древняго искусства, составленныхъ *Эдм.*

фонз-Лаунцемз и изданныхъ *Θ. Фишеромъ*, и 2) коллекція картинъ, изображающихъ архитектурныя памятники древняго времени, изданная *Ланглемъ*.

Первая изъ этихъ коллекцій состоитъ изъ 22 картъ (I—XII) или 22 листовъ; къ нимъ приложено краткое объясненіе въ видѣ брошюрки въ 15 страницъ. Содержаніе картинъ слѣдующее:

Картина I. Планъ греческаго театра, составленный по хорошо уцѣлѣвшему театру въ Сицилійскомъ городѣ *Егестѣ*. Этотъ планъ обнимаетъ всѣ части зданія, посвященнаго драматическому искусству древнихъ Грековъ.

Картина II. Видъ того же *Егестскаго* театра, возстановленнаго по идеѣ *Штрака*. См. *Das altgriechische Theatergebäude*. Potstam. 1843. Видъ снятъ съ вершины горы, къ которой прилегаютъ мѣста для зрителей.

Картина III. Актеръ въ роли раба, ищущаго на ступеняхъ жертвенника убѣжища отъ казни, какъ напримѣръ, *Plant Mostellaria*, V, 1, 46. Рисунокъ сдѣланъ по статуѣ, находящейся въ Лондонѣ.

Картина IV. Изображеніе древняго палладіума то-есть, первобытной, преимущественно деревянной, статуи богини *Аеины*.

Картина V. Для болѣе удобнаго употребленія, эта картина раздѣлена на 10 отдѣльныхъ листовъ, представляющихъ, въ видѣ плановъ, постепенное развитіе архитектурной идеи греческаго храма, начиная съ самой простой его формы (*ναός*, *cella*) и доходя до высшаго совершенства его (*ναός δίπτερος*, или *ὀκταστόχος*); при этомъ не упущены и формы храма, отступающія отъ нормы, какъ-то:

Картина VI. Фасадъ храма *Θемиды* въ г. *Рамнусѣ*, представляющаго самую простую форму (*ναός ἐν παράστασι*, *templum in antis*) дорическаго стilia.

Картина VII. Составленное по образцу помпейской стѣнной живописи изображеніе актера въ женской трагической маскѣ, съ ребенкомъ на рукахъ, можетъ быть, въ роли *Еврипидовой Ауги*, съ младенцемъ *Телефомъ*.

Картина VIII. Изображеніе тяжело вооруженнаго воина (Μαραθωνομάχης), снятое съ находящагося въ Афинахъ надгробнаго мраморнаго памятника, носящаго слѣды раскрашиванія.

Картина IX раздѣляется на три отдѣльные листа, изъ которыхъ 1-й представляетъ римскаго легата или трибуна, 2-й—центуріона, 3-й—рядоваго солдата, ведущаго военноплѣннаго варвара: Изображенія заимствованы съ рельефа, обвивающаго Троянову колонну.

Картина X представляетъ подъ названіемъ варвара, статую, украшающую триумфальныя ворота Константина и изображающую военноплѣннаго Паряянина.

Картина XI. Подъ названіемъ togatus, представляетъ статую Тиверія, облеченнаго въ тогу.

Картина XII, а и б, состоятъ изъ двухъ листовъ, изъ которыхъ 1-й содержитъ планъ триклипія, а 2-й—изображеніе пира.

Изъ перечня картинъ видно, что разсматриваемый выпускъ коллекціи, которая будетъ продолжаться, если встрѣтитъ сочувствіе въ публикѣ, обнимаетъ довольно много предметовъ, относящихся къ быту Грековъ и Римлянъ и возбуждающихъ полный интересъ изучающихъ классическіе языки и древнюю исторію. Такъ какъ понятія о видимыхъ предметахъ, сообщаемыя посредствомъ описанія, могутъ быть оживляемы и запечатлѣваемы въ душѣ учащагося посредствомъ лишь одного органа зрѣнія, то картины разсматриваемой коллекціи представляютъ весьма цѣнное учебное пособіе при толкованіи классическихъ авторовъ и изложеніи древностей и археологій. Нѣтъ ни одной картины, которая бы не обѣщала дидактической пользы. Нагляднымъ образомъ можетъ быть изучаема одежда древнихъ изъ картинъ III, VII, IX, X, вооруженіе ихъ изъ картинъ VIII, IX, сцены домашняго быта изъ картины XII а и б, развитіе архитектуры греческаго храма изъ картинъ V, VI, моменты драматическаго искусства изъ картинъ III, VII, а устройство самаго театра изъ картинъ I, II. Художественная отдѣлка весьма удовлетворительна и историческая вѣрность изображеній гарантируется тѣмъ, что картины заимство-

ваны изъ сохранившихся до нашихъ временъ произведеній древняго искусства и такимъ образомъ представляютъ непосредственные снимки съ образовъ отжившаго вѣка. Наконецъ, изящество формъ, изображаемыхъ на картинахъ, не можетъ не оставаться безъ благотворнаго вліянія на эстетическое чувство учащихся.

Упомянутая выше вторая коллекція составляетъ начало предпріятого Ланглемъ полнаго изданія, въ которое должны войти изображенія храмовъ и дворцовъ древняго Востока, Греціи и Рима; затѣмъ зданія архитектуры византійской, мавританской, романской, готической и эпохи возрожденія. До настоящаго времени вышло этого изданія 12 картинъ Востока и Рима.

По разсмотрѣніи означенныхъ коллекцій, ученый комитетъ опредѣлилъ: рекомендовать ихъ учебнымъ заведеніямъ министерства народнаго просвѣщенія къ приобрѣтенію, по мѣрѣ средствъ сихъ заведеній, какъ весьма полезное пособіе при преподаваніи классическихъ языковъ и ихъ литературы. Это постановленіе комитета утверждено г. товарищемъ министра народнаго просвѣщенія.

Коллекція наклеенныхъ на полотнѣ картинъ, изданная Фишеромъ, у здѣшняго книгопродавца Гесселя стоитъ 53 руб., съ уступкою 15% при требованіи болѣе 20 экземпляровъ.

Каждая картина изданія Лангля, наклеенная на бумагѣ, стоитъ 1 руб. 75 коп. Складъ этого изданія — Eduard Holtz, Kunst-Anstalt in Wien.

— Опредѣленіемъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденнымъ г. товарищемъ министра, постановлено:

книгу подъ заглавіемъ: «*Матеріалы для упражненій въ переводѣ съ русскаго языка на латинскій, съ объясненіями Рихарда Фохта, преподавателя латинскаго языка въ Императорскомъ Историко-филологическомъ институтѣ, С.-Пб. 1873*» — одобрить какъ учебное пособіе по латинскому языку для VII класса гимназій.

УІ. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. управлявшимъ министерствомъ, постановлено:

1) Брошюру подъ заглавіемъ: «*Чай. Откуда онъ идетъ къ намъ и чѣмъ полезенъ.* Сочиненіе Рейнбота. С.-Петербургъ, 1873 года. Съ 6-ю раскрашенными рисунками. Цѣна 15 коп.» — допустить въ бібліотеки народныхъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы авторъ, при слѣдующемъ изданіи, имѣлъ въ виду замѣчанія, сдѣланныя особымъ отдѣломъ ученаго комитета о названномъ сочиненіи.

2) Книгу подъ заглавіемъ: «*Отечественная исторія въ разказахъ для народныхъ и низшихъ школъ и вообще дѣтей старшаго возраста.* Съ портретами замѣчательнѣйшихъ лицъ. Изданіе Я. А. Исакова. Цѣна 50 коп. С.-Петербургъ, 1873 г.» — одобрить, какъ книгу для чтенія и для ученическихъ бібліотекъ.

3) Книга подъ заглавіемъ: «*Русская азбука для дѣтей.* Составилъ В. Водозовъ. С.-Пб. 1873 г.» можетъ быть рекомендована для начальныхъ училищъ, но съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи сдѣланныя ученымъ комитетомъ замѣчанія были приняты во вниманіе.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Г. министромъ народнаго просвѣщенія получены изъ Кишинева и Харькова телеграммы слѣдующаго содержанія:

1) Представители Бессарабскаго земства и Кишиневскаго городскаго общества въ день открытія реальнаго училища въ Кишиневѣ приносятъ свою душевную и искреннюю благодарность вашему сіятельству за ваши заботы и попеченія о нуждахъ народнаго образованія въ здѣшнемъ краѣ и пьютъ за здоровье вашего сіятельства.

2) Харьковское городское общество, высоко цѣня заботы вашего сїятельства объ учрежденіи въ Харьковѣ реального училища и о снабженіи этого заведенія учебными пособиями, имѣетъ честь принести вамъ глубочайшую благодарность въ настоящій день публичнаго открытія училища г. попечителемъ округа.

— Попечитель Кіевскаго учебнаго округа довелъ до свѣдѣнія министерства народнаго просвѣщенія, что протоіерей *Михаилъ Бабыревъ*, бывший настоятель Петровской (Новотагамлыкской) Вознесенской церкви, а нынѣ экономя Полтавскаго архіереіскаго дома, положившій въ своемъ домѣ пернос начало Петровскому сельскому, нынѣ двухклассному начальному народному училищу вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія въ Константиноградскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи, пожертвовалъ въ пользу этого училища построенный на церковной землѣ собственный домъ свой съ пристройками, для помѣщенія учителей и для устройства ученической зимней квартиры для учениковъ, приходящихъ изъ отдаленныхъ хуторовъ.

Къ поступленію означенной земли съ постройками въ собственность Петровскаго двухкласснаго училища со стороны Полтавской духовной консисторіи не встрѣчено препятствія, такъ какъ взаимнѣ этой земли, предсѣдатель Новотагамлыкскаго церковнаго попечительства, мѣстный землевладѣлецъ, статскій совѣтникъ *Петръ Джунковский*, изъявилъ полную готовность уступить безвозмездно для Вознесенской Новотагамлыкской церкви такое же количество изъ собственной, принадлежащей ему, земли.

По сообщеннымъ попечителемъ Кіевскаго учебнаго округа свѣдѣніямъ, пожертвованныя протоіереемъ Бабыревымъ постройки приняты на страхъ въ 1.320 руб. 26 коп., и съ фруктовымъ при нихъ садомъ, ихъ слѣдуетъ цѣнить не менѣе какъ 1.500 руб. Пожертвованіе же статскаго совѣтника Джунковскаго состоитъ изъ 756 квадр. саж. земли и обязательства вносить въ пользу названнаго училища, съ 1870 по 1888-й годъ, по *сту* рублей ежегодно, что составитъ, въ продолженіе 18 лѣтъ, 1.800 руб., изъ которыхъ за прошедшіе три года деньги уже получены. Въ

1871 году протоіерей Бабыревъ пожертвовалъ упомянутому училищу 1.000 руб. и за это пожертвованіе ему объявлена Всемилостивѣйшая благодарность Государя Императора.

— Изъ Городищенскаго народнаго училища, Быховскаго уѣзда, представлена въ дирекцію копія съ записи 8-го февраля текущаго года, коею мѣстные помѣщики гг. Антонъ и Михайлъ Сипайло, римско-католическаго исповѣданія, представили въ пользованіе училища, на все время существованія таковаго въ селѣ Городищѣ, огородъ длиною въ 34 и шириною въ 24 сажени. Училищный совѣтъ дирекціи, въ засѣданіи своемъ 11-го минувшаго сентября, постановилъ объявить гг. Сипайламъ за такое пожертвованіе признательность отъ имени совѣта.

— Вслѣдствіе представленія начальствъ учебныхъ округовъ, г. управлявшимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія разрѣшено съ 1-го января 1874 года, взимать плату за ученіе въ гимназіяхъ: Вологодской—въ приготовительномъ классѣ—по двѣнадцати руб., а въ прочихъ классахъ—по восемнадцати руб. въ годъ съ каждаго ученика; Вятской—по двадцати пяти руб.; Нижегородской—по тридцати руб. и въ приготовительномъ классѣ по двадцати руб.; Пермской по—двадцати пяти руб. и въ приготовительномъ классѣ—по пятнадцати руб.; въ Саратовской—въ приготовительномъ классѣ—по двадцати руб., а въ прочихъ классахъ—по тридцати шести руб. въ годъ съ каждаго ученика; Елатомской—въ приготовительномъ классѣ по восьми руб., а въ прочихъ классахъ по двѣнадцати руб. и въ Нижне-Чирской—по пяти руб. въ годъ съ каждаго ученика.

— Вслѣдствіе представленія попечителей учебныхъ округовъ, г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ взимать съ будущаго 1874 г., за ученіе въ двухъ приготовительныхъ классахъ Курской гимназіи по *двѣнадцати* руб. въ годъ съ каждаго ученика; въ Императорской первой и второй Казанскихъ гимназіяхъ: въ приготовительныхъ классахъ по *двадцати* руб., а въ прочихъ классахъ по *тридцати* руб. и въ Кишиневскомъ реальномъ училищѣ по *тридцати* руб. въ годъ съ каждаго уче-

ника; въ Троицкой гимназiи съ учениковъ приготовительнаго класса по *пятнадцати* руб., а съ учениковъ остальныхъ классовъ по *двадцати* руб. съ каждаго въ годъ.

— 14-го минувшаго октября послѣдовало открытіе Сумскаго реальнаго училища, а съ 15-го числа начались занятія въ ономъ. Изъ 11-ти лицъ, подвергавшихся испытанію, принято въ число учениковъ сего училища: въ III классъ — 5, въ IV—2 ученика, и безъ экзамена въ III классъ—9, въ IV—15; всего же принято въ училище 31 ученикъ.

— 28-го октября 1873 г., по совершеніи молебствія съ провозглашеніемъ многолѣтія Государю Императору и всему Царствующему Дому, открыто въ г. Николаевѣ, въ присутствіи командированнаго для этой цѣли окружнаго инспектора, дѣйствительнаго статскаго совѣтника князя Дабижа, реальное училище.

— По ходатайству г. попечителя Казанскаго учебнаго округа, министерство народнаго просвѣщенія разрѣшило существующее въ Кувинскомъ заводѣ, въ имѣніи графини Строгановой, Соликамскаго уѣзда, Пермской губерніи, одноклассное мужское начальное училище преобразовать въ двухклассное вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, съ отнесеніемъ содержанія этого училища на счетъ средствъ заводовладѣлицы графини Строгановой, и съ полнымъ примѣненіемъ къ преобразуемому училищу дѣйствующихъ по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія постановленій о двухклассныхъ училищахъ, какъ относительно подчиненія означеннаго училища учебному началству министерства народнаго просвѣщенія и назначенія въ оное учителей, такъ и относительно курса ученія.

3-го сентября 1873 г., названное училище открыто въ двухклассномъ составѣ и въ ономъ началось ученіе.

— 21-го октября 1873 г., по совершеніи молебствія преосвященнымъ Вассіаномъ, епископомъ Екатеринбургскимъ, въ присутствіи представителей города, участвующихъ въ содержаніи нижеозначеннаго училища, земствъ и отдѣльныхъ администрацій,

открыто въ г. Екатеринбургѣ реальное училище. Въ училище это поступило 47 учащихся; изъ нихъ въ III-й классъ 28 и въ IV-й — 19.

— 1-го ноября 1873 г., въ селѣ Ястребино, Ямбургскаго уѣзда, послѣ литургіи и молебна открыто двухклассное народное училище вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. При открытіи училища присутствовали мѣстные жители и учащіеся; послѣднихъ было 59 мальчиковъ и 28 дѣвочекъ обоюга пола. Училищный домъ оконченъ постройкою вчернѣ. Штукатурка и окраска дома будутъ произведены въ лѣтніе мѣсяцы будущаго года. На постройку дома Ястребинскимъ попечительствомъ израсходовано 4.359 руб. 29 коп., въ счетъ которыхъ выданы изъ суммъ министерства народнаго просвѣщенія 3.000 рублей. Училищный домъ находится на лучшемъ мѣстѣ въ селѣ Ястребино. Училище снабжено всѣмъ необходимымъ: мебелью, книгами, учебными пособиями и принадлежностями.

— Одноклассное начальное народное училище въ селѣ Онстопель, Ямбургскаго уѣзда, содержимое мѣстною владѣлицею, женою генераль-лейтенанта Екатериною Алексѣевною Гернгросъ, при ежегодномъ пособіи изъ суммъ министерства народнаго просвѣщенія, открыто г. инспекторомъ народныхъ училищъ, 2-го ноября 1873 г., въ присутствіи мѣстныхъ жителей и учащихся дѣтей 27 мальчиковъ и 19 дѣвочекъ.

Училище это, на годичное содержаніе котораго опредѣляется приблизительно 700 рублей (226 руб. изъ суммъ министерства народнаго просвѣщенія и 474 руб. отъ г-жи Гернгросъ) находится въ домѣ г-жи Гернгросъ и имѣеть въ ономъ весьма удобное и просторное помѣщеніе.

Кромѣ того, на средства г-жи Гернгросъ отремонтировано и весьма удобно приспособлено училищное помѣщеніе, изготовлена училищная мебель лучшаго образца и приобрѣтены необходимыя учебныя пособия. Для поощренія же учащихся дѣтей, Е. А. Гернгросъ посланы имъ подарки, состоящіе изъ платьевъ и платковъ для дѣвочекъ и рубахъ для мальчиковъ.

— 1-го ноября 1873 г., по совершеніи молебствія съ водоосвященіемъ, послѣдовало открытіе Емельяновскаго двухкласснаго народнаго училища, Старицкаго уѣзда, Тверской губерніи. Въ день открытія этого училища состояло въ ономъ до 50-ти учениковъ. Училище это, до окончанія постройки собственнаго дома, то-есть, до августа мѣсяца 1874 года, будетъ помѣщаться въ домъ, нанятый на счетъ Старицкой земской управы.

— 22-го октября 1873 г., послѣдовало открытіе образцоваго двухкласснаго училища въ селѣ Любимовкѣ, Рыльского уѣзда.

— 11-го ноября, въ воскресенье, въ присутствіи г. виленскаго, ковенскаго и гродненскаго генераль-губернатора, г. начальника Виленской губерніи и другихъ высшихъ лицъ мѣстнаго управленія, равно какъ и многихъ мѣстныхъ евреевъ, происходило торжественное открытіе въ Вильнѣ еврейскаго учительскаго института.

Актъ открытія состоялъ въ слѣдующемъ: по прочтеніи Высочайшаго указа, послѣдовавшаго въ 16-й день марта 1873 года, о преобразованіи раввинскихъ и другихъ еврейскихъ училищъ, и по объявленіи виленскаго еврейскаго учительскаго института открытымъ на точномъ основаніи утвержденного его сіятельствомъ г. министромъ народнаго просвѣщенія, 24-го марта прошлаго года, положенія о немъ, директоръ института, статскій совѣтникъ Гвайта, въ краткой рѣчи ознакомилъ присутствовавшихъ съ главными пачалами, положенными въ основаніе вновь открытаго института, и сообщилъ свѣдѣнія о лицахъ, назначенныхъ на службу въ институтъ и начальное при немъ училище, а также о числѣ учащихся.

Актъ окончился народнымъ гимномъ, пропѣтымъ воспитанниками.

Ученіе въ институтѣ и начальномъ при немъ училищѣ началось еще 16-го октября, при слѣдующемъ числѣ учениковъ: въ начальномъ училищѣ — 50, пригготовительномъ классѣ — 30 и институтѣ — 17.

— Занятія во вновь открытомъ Антушевскомъ двухклассномъ училищѣ Бѣлозерскаго уѣзда начались 8-го минувшаго сентября, а официальное открытіе его, вслѣдствіе недавняго устройства дома, происходило 11-го сего ноября, въ присутствіи г. штатнаго смотрителя Бѣлозерскихъ училищъ, г. предсѣдателя Бѣлозерской земской управы, П. В. Пушторскаго, родителей учащихся; и множества народа; причемъ законоучителемъ священникомъ Павломъ Успенскимъ, отслуженъ молебенъ, по окончаніи котораго было провозглашено многолѣтіе Государю Императору. Учащихся при открытіи училища находилось 78, изъ коихъ 60 человѣкъ поступило въ I-й, и 18 во II-й классъ.

— 11-го минувшаго ноября послѣдовало открытіе Харьковскаго реального училища, и ученіе въ немъ началось немедленно, по окончаніи пріемныхъ испытаній, съ 23-го августа. До настоящаго времени въ число учениковъ этого училища поступило 153 лица, изъ которыхъ въ I, II и IV классы по 40 человѣкъ, а въ III 33.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРИИ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Историческій очеркъ германскихъ союзныхъ учрежденій въ XIX столѣтіи.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Паденіе „Священной Римской имперіи“.

I.

Декларация Наполеона I.—Францъ II объявляетъ, что имперія перестала существовать.—Причины паденія имперіи.—Общій характеръ имперскаго устройства.—Слабость центральнаго правительства.—Императоръ.—Сеймъ.—Имперскіе суды.—Мѣстная независимость членовъ имперіи; развитіе и торжество ея.—Заключеніе.

1-го августа 1806 года французскій уполномоченный объявилъ Германскому сейму, что императоръ Французовъ не признаетъ болѣе Германской имперіи. „Съ давнихъ поръ“, говорилось въ деклараціи, — „послѣдовательныя искаженія, увеличивавшіяся изъ столѣтія въ столѣтіе, превратили германскую конституцію въ тѣнь ея самой. Время измѣнило всѣ отношенія величины и силы, первоначально существовавшія между отдѣльными членами союза, между ними въ отдѣльности и цѣлымъ, часть котораго они составляли. Сеймъ пересталъ имѣть собственную волю. Рѣшенія высшихъ судовъ не могли быть приводимы въ исполненіе. Все свидѣтельствовало объ упадкѣ столь сильномъ, что федеративная связь не доставляла уже никому обезпеченія, а для сильныхъ была средствомъ разногласія и раздора. Событія трехъ коалицій довели это разслабленіе до послѣдняго предѣла; Пресбургскій миръ сообщилъ ихъ величествамъ королямъ Баварскому и Виртембергскому полноту державныхъ правъ — прерогативу, которую другіе курфирсты потребовали бы и имѣли бы право потребовать, но

которая не можетъ быть согласована ни съ буквою, ни съ духомъ имперской конституціи. Его величество императоръ и король вынуждены поэтому объявить, что онъ не признаетъ болѣе существованія германской конституціи, признавая полную и неограниченную державность (la souveraineté entière et absolue) каждого изъ государей, коихъ владѣнія составляютъ цѣль Германію¹⁾.

Декларациі не только не вызвала протеста, но, такъ-сказать, была приведена въ исполненіе. 6-го августа, то-есть, чрезъ пять дней, Францъ II сложилъ съ себя санъ „Римскаго“ императора и объявилъ имперскій союзъ не существующимъ. Такое быстрое и безмолвное паденіе многовѣковаго учрежденія, конечно, имѣло серьезныя причины, и должно сознаться, что онѣ коренились въ самомъ устройствѣ знаменитой имперіи, основанной Карломъ Великимъ, связанной съ Германскимъ народомъ Оттономъ I (936—973 гг.) и прославленной германскими Гогенштауфенами (1138—1254 гг.).

Но паружности Германская имперія вполнѣ заслуживала названія „достопочтенной“ (ehrwürdiges Reich), названія, даннаго ей извѣстною прокламаціей изъ Калиша²⁾. Глава имперіи, безспорно, признавался первымъ изъ христіанскихъ государей; сложная и блестящая организація сейма, высокое положеніе имперскихъ судовъ, почтенная древность всѣхъ должностей и учрежденій, связанныхъ съ преданіями императорскаго Рима, — все это сообщало имперіи видъ, внушавшій глубокое уваженіе.

Но въ дѣйствительности Наполеонъ I имѣлъ право сказать, что онъ говоритъ съ „тѣнью“, а не съ дѣйствительнымъ политическимъ существомъ. Вопросъ состоитъ только въ томъ, когда совершилось это печальное превращеніе. Отступая за нѣсколько лѣтъ назадъ, можно сказать, что и въ 1792 году Французская республика вступила въ борьбу съ такою же тѣпью; трудно доказать, чтобы раньше того Фридрихъ II Прусскій считалъ имперію за чтонибудь иное. Всѣ главныя событія XVIII вѣка показали безсиліе верховнаго союзнаго правительства въ дѣлахъ внѣшней и внутренней политики. Самъ домъ Габсбурговъ, издавна связавшій съ собою императорское достоинство, мало заботился о достоинствѣ и силѣ учрежденія, котораго

¹⁾ Эта декларациія заключаетъ въ себѣ повтореніе идей, высказанныхъ предъ этимъ однимъ изъ духовныхъ князей имперіи, *Дальбергомъ*, въ его письмѣ къ Наполеону.

²⁾ 25-го марта 1813 г. по н. ст.

онъ былъ главою. Онъ не затруднялся вести внѣшнюю политику къ выгодѣ своихъ наслѣдственныхъ земель и къ явной невыгодѣ имперіи. Прочіе германскіе государи наперерывъ подражали своимъ императорамъ. Не видно, чтобы учрежденія имперіи поддерживались сочувствіемъ народа.

Легко объяснить политику, доведшую имперію до неслыханнаго безсилія своекорыстіемъ правителей; дѣйствительно, не было недостатка ни въ упрекахъ этого рода, ни въ фактахъ, дававшихъ къ нимъ законный поводъ. Но не легко доказать, чтобы старое имперское устройство, взятое само по себѣ, было связано съ какими нибудь реальными интересами управляющихъ и управляемыхъ до такой степени сильно, что искаженіе и паденіе имперіи должно было болѣзненно отзываться на разныхъ классахъ общества и вызвать энергическій протестъ. Имперская власть не заключала въ себѣ ничего, что заставило бы сплотиться вокругъ нея, въ минуту бѣдствій, всѣ классы общества, какъ въ свое время французскія общины, духовенство и юристы поддерживали своихъ королей, и какъ послѣ того Французскій народъ всталъ на защиту республики. Ни одно изъ учреждений Германской имперіи не было народно; ни одно изъ нихъ не было направлено къ дѣйствительному охраненію и развитію общихъ интересовъ, а если и преслѣдовало такую цѣль номинально, то не имѣло средствъ осуществить ее.

Императоръ былъ главою имперіи, но никакъ не Германскаго народа. Онъ стоялъ во главѣ тѣснаго круга государственныхъ высшихъ сословій, Reichsunmittelbaren, отъ которыхъ въ свою очередь, въ силу мѣстнаго территоріальнаго верховенства (Landeshoheit), зависѣли отдѣльныя части остальнаго народонаселенія.

Сеймъ не былъ народнымъ представительствомъ въ родѣ англійскаго парламента. Онъ слагался изъ трехъ коллегій, въ которыхъ засѣдали или главы отдѣльныхъ государствъ, или ихъ уполномоченные ¹⁾. И эти три коллегіи не составляли въ своихъ совѣщаніяхъ

¹⁾ Три коллегіи, составлявшія сеймъ, суть слѣдующія: совѣтъ курфирстовъ (Kurfürstentath), совѣтъ имперскихъ князей (Reichsfürstenrath) и коллегія имперскихъ городовъ (Kollegium der Reichsstädte). Въ совѣтѣ курфирстовъ засѣдали: архіепископы Майнцскій, Кельвскій и Трирскій, король Богемскій, пфальцграфъ Рейнскій, герцогъ Саксонскій и маркграфъ Бранденбургскій. Въ послѣдствіи этотъ составъ измѣнился и увеличился однимъ курфирстомъ. Совѣтъ князей состоялъ изъ 100 свѣтскихъ и духовныхъ владѣтелей; онъ дѣлился на двѣ скамьи—духовныхъ и свѣтскихъ князей. Коллегія городовъ состояла въ 1803 году изъ упол-

и опредѣленіяхъ одного цѣлаго установленія. Каждая коллегія совѣщалась отдѣльно и при рѣшеніи дѣлъ имѣла одинъ голосъ.

Императоръ съ сеймомъ были высшею законодательною и правительственною властью въ имперіи; ихъ распоряженія номинально были обязательны для всѣхъ членовъ имперіи. Но средства обезпечить эту обязательность были ничтожны. Имперское правительство не имѣло въ своемъ распоряженіи постоянной подчиненной ему арміи. Въ мирное время арміи не существовало. Въ военное время она составлялась изъ контингента, доставляемаго отдѣльными государствами. Количество контингента втировалось каждый разъ особо; имперскимъ постановленіемъ 1681 года былъ опредѣленъ только *minimum* арміи: онъ былъ назначенъ въ 40.000 человекъ. Еще ограниченнѣе были финансовыя средства имперіи. Она не пользовалась постоянными налогами ¹⁾; прочія потребности покрывались экстраординарными субсидіями, да и тѣ поступали въ казну неисправно. Административно-полицейская власть принадлежала имперскому правительству въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ, но и въ этихъ предѣлахъ она была не дѣйствительна: исполненіе распоряженій императора и сейма возлагалось на отдѣльныя правительства, слишкомъ самостоятельныя для того, чтобы повиноваться.

Имперскіе суды имѣли великую цѣль—поддерживать правосудіе на всемъ пространствѣ имперіи и разрѣшать споры между членами имперіи для устранинія частныхъ войнъ и среднефѣкового самоуправства. Но средства рейхскаммергерихта и рейхсгофрата не соответствовали высотѣ задачи. Впервыхъ, ихъ компетенція быстро была ограничена привилегіями, устанавливаемыми въ пользу государей отдѣльныхъ территорій (*Landesherren*) и скоро превратившимися въ общее правило: привилегіями *de non evocando* и *de non appellando*. Привилегія *de non evocando* состояла въ томъ, что дѣла подданныхъ каждого государя не могли быть изъяты изъ разсмотрѣнія территоріальныхъ судовъ судами имперскими ²⁾. Привилегія *de non appellando* воспре-

помоченныхъ 51 имперскихъ городовъ. Они раздѣлялись, въ свою очередь, на скамью *Рейнскихъ* и скамью *Швабскихъ* городовъ. До 1663 года государи являлись на сеймъ сами. Но съ этого времени они начали присылать вмѣсто себя уполномоченныхъ. Съ 1663 года сеймъ сдѣвался постояннымъ установленіемъ. Мѣстопробываніемъ его былъ городъ *Рейнсбургъ*.

¹⁾ Единственный постоянный налогъ былъ установленъ на содержаніе верховнаго имперскаго суда (*Reichskammergericht*).

²⁾ Эти привилегіи являются съ XIV столѣтія и даются первоначально однимъ курюрстамъ.

щала даже переносъ дѣла, путемъ апелляціи, изъ территоріальныхъ судовъ въ имперскій. Такъ установилась полная и самостоятельная юрисдикція мѣстныхъ судовъ отдѣльныхъ государствъ. Компетенція рейхскамергерихта была все таки обширна, если принять въ соображеніе главную цѣль его учрежденія. Установленный, въ качествѣ постояннаго суда, въ 1495 году — для разрѣшенія споровъ между Reichsunmittelbare, — онъ могъ сдѣлаться главнымъ охранителемъ земскаго мира (Landfrieden), нарушавшагося частными войнами владѣтелей. Но имперія не имѣла почти никакихъ средствъ привести въ исполненіе рѣшеніе, постановленное противъ могущественнаго отвѣтчика.

Не болѣе успѣха имѣлъ рейхскамергерихтъ, въ качествѣ верховнаго охранителя правосудія въ имперіи. Ему, не смотря на привилегіи *de non evocando* и *de non appellando*, могли быть приносимы жалобы на медленность или отказъ въ правосудіи (*querelo protractae vel denegatae justitiae*) и кассационныя жалобы, *über unheilbare Nichtigkeit*, на рѣшеніи мѣстныхъ судовъ. Но отдѣльными государства умѣли поддерживать свою независимость. Были, правда, земли, не пользовавшіяся названными привилегіями, и послѣднія все-таки считались исключеніемъ; но право апелляціи въ имперскіе суды было значительно ограничено высокою суммой иска. По правилу апелляціонная сумма была опредѣлена въ 400 талеровъ; но императорскіи привилегіи возвышали ее до 1.500 талеровъ — сумма огромная для того времени. Всѣ эти условія лишали имперскій судъ какого бы то ни было значенія для массы народонаселенія.

Дѣйствительнымъ началомъ, непрерывно и неудержимо развивавшимся, было начало мѣстной независимости отдѣльныхъ частей имперіи. Мѣстное верховенство (*Landeshoheit*) одно дѣлало усиліи въ то время, какъ верховенство имперское шло къ упадку. Искать зачатковъ этого верховенства должно во временахъ отдаленныхъ. Мѣстное верховенство возникло съ той минуты, какъ старыя должности имперіи — должности графовъ, маркграфовъ, герцоговъ, сдѣлались наследственными, и связанныя съ ними права превратились въ часть поземельныхъ правъ феодальныхъ владѣльцевъ, облеченныхъ этими должностями. Слабость избирательной императорской власти, принужденной въ борьбѣ съ папами искать содѣйствія вассаловъ, способствовала развитію мѣстной независимости. Новыя права получили торжественное признаніе въ двухъ конституціяхъ: Фридриха II Гогенштауфена — *Constitutio Francofurtensis de juribus principum ecclesiasticorum* (1220 г.) и *Constitutio Utinensis de juribus principum secularium*

(1232 г.). Въ нихъ опредѣленно были признаны первыя права мѣстнаго самодержавія, получившаго въ послѣдствіи болѣе широкое развитіе.

Въ XVI столѣтіи понятіе такъ-называемой *Landeshoheit* было ясно опредѣлено и поставлено твердо. Могущественнымъ средствомъ къ утвержденію и расширенію этихъ правъ были знаменитыя избирательныя капитуляціи (*Wahlcapitulation*) — договоры, заключавшіеся между вновь избираемымъ императоромъ и курфирстами отъ имени всѣхъ государственныхъ чиновъ ¹⁾. Общеевропейское признаніе государи Германіи получили при заключеніи Вестфальскаго мира, въ 1648 году. Вестфальскій трактатъ призналъ независимость 355 германскихъ государствъ и вольныхъ городовъ. Они получили право вести внѣшнія сношенія, то-есть, объявлять войну, заключать миръ, союзы, — только не противъ имперіи и ея членовъ, посылать дипломатическихъ агентовъ ²⁾. Независимость внутренней администраціи была поставлена внѣ всякаго сомнѣнія. Вестфальскій договоръ устанавливаетъ принципъ, что въ отдѣльныхъ территоріяхъ императоръ не имѣетъ правительственной власти, конкурирующей съ властью мѣстнаго государя. Этимъ была окончательно устранена возможность приводить въ дѣйствіе общія распоряженія имперской власти, независимо отъ согласія отдѣльныхъ правительствъ ³⁾. Избирательныя капитуляціи повели дѣло дальше: онѣ не только оградили отдѣльныя государства отъ вмѣшательства имперской власти, но заставили послѣднюю служить цѣлямъ мѣстнаго верховенства. Такъ, въ капитуляціи помѣщаются обѣщанія, что подданные отдѣльныхъ государей будутъ понуждасмы имперскою властью къ должному повиновенію этимъ послѣднимъ, что мѣстнымъ земскимъ чинамъ (*Landstände*) не будетъ дозволено расширять свои права, и т. д.

Такимъ образомъ для единства Германской имперіи не доставало:

1) единства народнаго въ юридическомъ смыслѣ, то-есть, общно-

¹⁾ Первая капитуляція относится ко времени Карла V, 1519 г.

²⁾ Право войны и мира было, впрочемъ, признано за ними по Аугсбургскому договору 1533 г.

³⁾ Изъ этого правила были сдѣланы ничтожныя и немногочисленныя исключенія. Они извѣстны подъ именемъ *jura reservata*, *Reservatrechte*, то-есть, правъ, которыя императоръ осуществлялъ независимо отъ мѣстныхъ властей. Нѣкоторые онѣ пользовался лично (*jura reservata illimitata*), другими — по согласію съ сеймомъ, или по крайней мѣрѣ, съ курфирстами. Какъ обширны были эти права, видно изъ слѣдующаго: подъ *jura reservata illimitata* разумѣли право возводить въ дворянское достоинство и жаловать ученымъ корпораціямъ университетскія привилегіи.

сти некоторых правъ и обязанностей по отношенію къ цѣлому; народъ зналъ почти единственно мѣстное подданство и гражданство;

2) сильной центральной власти, законы и распоряженія которой относительно общихъ интересовъ имѣли бы дѣйствительное преимущество предъ распоряженіями и законами мѣстныхъ правительствъ;

3) постоянныхъ и достаточныхъ средствъ для приведенія въ дѣйствіе общихъ законовъ и распоряженій.

Отрѣшенная отъ націи, стѣсненная верховенствомъ мѣстныхъ правительствъ, Германская имперія могла существовать и существовала по столько, по сколько она удовлетворяла интересамъ отдѣльныхъ правительствъ, ее составлявшихъ. Отъ воли этихъ 355 самодержцевъ Германіи зависѣло бытіе или небытіе имперской власти. Безъ труда можно замѣтить, что ни одно изъ этихъ правительствъ не было прямо заинтересовано существованіемъ и процвѣтаніемъ федераціи. Домъ Габсбурговъ, постоянно облакаемый императорскимъ достоинствомъ, заботливо выдѣлялъ свои коронныя не нѣмецкія земли изъ состава имперіи, и для нѣмецкихъ земель вываривалъ обширныя привилегіи; затѣмъ, имперія разсматривалась какъ средство обезпечить преобладаніе этой династіи въ европейской политикѣ. Прочія государства видѣли въ имперіи учрежденіе обременительное и бесполезное; имперія была слишкомъ слаба, чтобы доставить истинную защиту всѣмъ членамъ ея, но нерѣдко требовала пожертвованій, несогласныхъ съ частными интересами отдѣльнаго владѣтеля. Притомъ, этотъ „общій интересъ“, требовавшій жертвъ, часто оказывался замаскированнымъ интересомъ отдѣльнаго члена имперіи, достаточно сильнаго, чтобы подчинить себѣ остальныхъ. Первое сильное испытаніе должно было раскрыть внутреннюю несостоятельность имперіи; такимъ испытаніемъ было столкновеніе съ французскою революціей, повлекшее за собою рядъ войнъ съ республикой и паденіе Священной Римской имперіи.

II.

Ближайшія причины паденія Священной Римской имперіи. — Столкновеніе съ Французскою республикою. — Коалиція 1792 г. — Политика Пруссіи. — Вазельскій миръ. — Униженіе Австріи. — Отношеніе южно-германскихъ государствъ къ Франціи. — Кампанія 1805 г. — Рейнскій союзъ. — Столкновеніе и война съ Пруссіей 1807 г. — Расширеніе предѣловъ Рейнскаго союза. — Отношеніе его къ Наполеону.

Столкновеніе полуфеодалной Германіи съ революціонною Франціей было неизбѣжно. Въ 1789 году начались уже взаимныя неудоволь-

ствія; постепенно подготовлялась коалиція для борьбы съ революціей и на защиту законныхъ властей. Наконецъ, 20-го апрѣля 1792 года была объявлена война между Франціей, съ одной, и Австріей и Пруссіей — съ другой стороны.

Здѣсь, конечно, не мѣсто слѣдить за ходомъ войны. Въ данномъ случаѣ важно отношеніе двухъ главныхъ германскихъ державъ къ интересамъ имперіи и отношеніе послѣдней къ европейской войнѣ.

Вопервыхъ, война была возбуждена первоначально Австріей и Пруссіей; она сдѣлалась имперскою только въ 1793 году, вслѣдствіе постановленія сейма, ратификованнаго 30-го апрѣля этого года. Вторыхъ, послѣ того какъ война сдѣлалась имперскою, отдѣльныя правительства считали себя въ правѣ дѣйствовать независимо отъ сейма и общаго согласія. Первый примѣръ былъ поданъ королемъ Пруссіимъ. Отвлекаемый происшествіями въ Польшѣ, онъ успѣшилъ заключить съ Французскою республикою отдѣльный миръ въ Базелѣ (1795 г.). Примѣру Пруссіи вскорѣ послѣдовали Виртембергъ, Баденъ, Баварія и Гессенъ-Кассель. Распорядительницей „имперской“ войны осталась Австрія. Вынужденная заключить миръ въ Кампоформіо (1797 г.), она успѣшила сдѣлать Франціи значительныя уступки на счетъ имперіи и увеличить нѣсколько свои династическія владѣнія. Мирный конгрессъ, долженствовавшій окончательно опредѣлить отношенія новой республики къ Священной Римской имперіи, собрался въ Раштатъ (ноябрь 1797 г.); но въ 1799 году разошелся по случаю новой войны.

Двумя битвами — при Маренго и Гогенлинденѣ, былъ рѣшенъ исходъ войны. Она была прекращена Люневильскимъ миромъ (февраль 1801 г.), который императоръ заключилъ за себя (то-есть, за Австрію) и за имперію, съ разными извиненіями и ссылками на намѣренія Раштатскаго конгресса. На этотъ разъ потери имперіи были громадны. Она уступила Франціи лѣвый берегъ Рейна, то-есть, 1.150 кв. миль съ 3-мя слишкомъ милліонами жителей; великій герцогъ Тосканскій и герцогъ Моденскій должны были получить удовлетвореніе за потерянные ими владѣнія въ Германіи; кромѣ того, въ Германіи же должны были получить вознагражденіе государи, лишившіеся своихъ владѣній, вслѣдствіе уступки лѣваго берега Рейна. Австрія была вознаграждена Венеціанскою областю и нѣкоторыми другими землями.

Понятно, какую смуту вносилъ Люневильскій трактатъ въ Германію вслѣдствіе обязанности вознагражденія потерпѣвшихъ владѣльцевъ. Чрезвычайной имперскою депутаціою, созванной для этой цѣли

въ Регенсбургѣ, трудно было удовлетворить всѣ притязанія, особенно если принять въ расчетъ, что она дѣйствовала подъ строгимъ контролемъ французскихъ уполномоченныхъ. Ея труды были окончены и утверждены въ 1803 году. Множество членовъ имперіи исчезло изъ новаго росписанія государствъ. Такъ какъ комиссія приняла за правило вознаграждать свѣтскихъ владѣльцевъ на счетъ духовныхъ, то изъ всѣхъ владѣтельныхъ прелатовъ осталось только 6. Между ними не было уже древнихъ архіепископствъ Майнцаго, Кельпскаго и Трирсаго. Изъ 51 вольнаго города осталось 6; 45 городовъ были розданы отдѣльнымъ государямъ.

Съ тѣхъ поръ политика Франціи относительно Германіи была поставлена въ очень опредѣленные условія. Для германскихъ государей въ старой федераціи не было уже твердой точки опоры. Австрія и Пруссія отдѣлили свою политику отъ интересовъ имперіи; второстепенныя государства, какъ Виртембергъ и Баварія, стремились къ утвержденію и расширенію своей независимости и державности, дозволяя себѣ при этомъ явныя нарушенія правъ прочихъ „непосредственныхъ“¹⁾ мелкихъ государствъ, обреченныя на поглощеніе, нигдѣ не видѣли надежныхъ гарантій ихъ поколебленнаго права. Все побуждало среднихъ и мелкихъ государей обращаться къ содѣйствію могущественной Франціи. Среднія государства ждали отъ нея укрѣпленія и дальнѣйшаго развитія своего верховенства, мелкія — какой-нибудь гарантіи своего существованія. Необходимость *новаго союза*, независимаго отъ безсильной Германской имперіи, союза, способнаго сколько-нибудь обезпечить общее право, вошла во всеобщее сознаніе. Поговаривали о перенесеніи императорско-германскаго достоинства на Наполеона. Францъ II Австрійскій уже въ 1804 году предвидѣлъ конецъ имперіи и обезпечилъ себя, на этотъ случай, провозглашеніемъ Австрійской монархіи имперіей, а себя императоромъ Австрійскимъ (1⁴/₂ августа 1804 года).

Событія, подготовлявшія новый союзъ, быстро слѣдовали одно за

---

¹⁾ *Тьеръ*, Hist. de l'empire, т. I, стр. 262 и слѣд. (изд. 1865 г.). Вотъ небольшой образчикъ того, что происходило въ Германіи: «Le roi de Wurtemberg, ne gardant aucune mesure avait usurpé les terres de la noblesse immédiate, tant celle qui avaient cette qualité que celle qui ne l'avaient pas. Il s'était arrogé plus que les droits du souverain territorial, et il avait saisi beaucoup de chateaux de la noblesse, comme s'il en eut été le véritable propriétaire... Les maisons de Baden et de Bavière, molestées par lui et autorisées par son exemple, commetaient les mêmes excès dans leurs circonscriptions».

другимъ. Въ 1805 году составилась новая коалиція противъ Франціи—изъ Россіи, Англіи и Австріи. На этотъ разъ Виртембергъ, Баварія и Баденъ были уже на сторонѣ Франціи. Исходъ этой кампаніи извѣстенъ. Несчастная капитуляція при Ульмѣ (17-го октября) и битва при Аустерлицѣ (2-го декабря 1805 г.) принудили Австрію заключить Прессбургскій миръ (26-го декабря 1805 г.). Теперь Австрія потеряла много и на собственный счетъ. Баварія, Виртембергъ и Баденъ были награждены побѣдителемъ. Кромѣ территоріальныхъ приобрѣтеній, Баварія и Виртембергъ были возведены на степенъ королевствъ, и за всѣми тремя государствами была признана полнота державныхъ правъ (la plénitude de la souveraineté).

Это обстоятельство усилило и безъ того великую неопредѣленность отношеній между государствами западной Германіи. Новыя королевства были достаточно сильны и независимы для угнетенія слабѣйшихъ, и они широко пользовались этою возможностью; но акты насиія еще не основывали для нихъ опредѣленнаго права. Мелкія государства и имперское рыцарство съ ужасомъ помышляли о своей судьбѣ и тщетно искали средствъ защиты въ омертвѣвшей имперіи. Для тѣхъ и другихъ единственныиъ выходомъ было образованіе новаго союза подъ покровительствомъ Французскаго императора.

Такимъ учрежденіемъ и былъ *Рейнскій союзъ*. Совѣщанія объ этомъ предметѣ начались уже въ мартѣ 1806 года. Затѣмъ 12-го іюля былъ подписанъ актъ новой конфедераціи ¹⁾, а 25-го того же мѣсяца послѣдовалъ въ Мюнхенѣ обмѣнъ ратификацій ²⁾.

Цѣлью Рейнскаго союза было охраненіе внѣшняго и внутренняго мира въ южной Германіи. По формѣ своей онъ былъ международнымъ союзомъ государствъ, державность которыхъ была подтверждена трактатомъ. Но онъ произвелъ новую революцію во взаимныхъ отношеніяхъ германскихъ государствъ; благодаря ему, раздробленная Германія начала группироваться въ государства большаго объема. Рейн-

¹⁾ Acte de la confédération du Rhin ou *traité* entre S. M. l'Empereur des Français et les membres de l'empire Germanique dénommés, conclu à Paris le 12 Juillet 1806.

²⁾ Первоначальный союзъ состоялъ изъ 16-ти членовъ: королей Баварскаго и Виртембергскаго, князя-примаса (Дальбергъ), великихъ герцоговъ Баденскаго, Бергскаго и Гессенъ-Дармштадтскаго, герцоговъ Нассау-Узингенскаго, Гехингенскаго и Аренбергскаго, князей Нассау-Вейльбургскаго, Гогенцоллернъ-Зингмунингенскаго, Сольмъ-Сальмъ, Сальмъ-Кирбургскаго, Изенбургъ-Вирштейнскаго, Лейнскаго и Лихтенштейнскаго.

скій трактатъ раздѣлилъ владѣнія, заключавшіяся въ территоріи новаго союза, на два разряда. Къ первому разряду были отнесены самостоятельные члены союза, за которыми была признана полная державность, съ ея четырьмя признаками: правомъ законодательства, верховной юрисдикціи, высшей полиціи и воинской конскрипціи ¹⁾. Ко второму разряду были отнесены владѣнія, не имѣвшія суверенныхъ правъ, а потому подчиненныя, въ государственномъ отношеніи, одному изъ самостоятельныхъ государствъ. За ними были признаны нѣкоторыя владѣльческія и феодальныя права, не принадлежащія существенно къ правамъ державнымъ ²⁾. Такъ образовалось впервые сословіе *медіатизированныхъ* князей, занимавшихъ среднее мѣсто между массою подданныхъ и независимыми государями. Членами союза считались одни суверенные государи. Владѣнія ихъ быстро увеличивались. Достаточно замѣтить, что новое герцогство Гессенъ-Дармштадтское составилось изъ владѣній, принадлежавшихъ прежде 30-ти владѣльцамъ.

Въ сѣверной Германіи новый союзъ былъ принятъ за угрозу ея самостоятельности. Декларация Наполеона I отъ 1-го августа 1806 года ³⁾ и актъ отреченія Франца II отъ германской императорской короны довершили смятеніе. Еслибы въ имперіи были еще какія-нибудь жизнеспособныя силы, актъ Франца II не могъ прекратить ея существованія. Съ юридической точки зрѣнія не все содержаніе этого акта могло имѣть законную силу. Францъ II могъ сложить съ себя званіе Германскаго императора; но какое право имѣлъ онъ объявить не существующими имперію и ея учрежденія? На основаніи законовъ страны, въ случаѣ отреченія императора, престолъ дѣлался вакантнымъ, какъ послѣ его смерти; управленіе имперіей, впредь до избранія новаго императора, переходило къ имперскимъ викаріямъ, *Reichsvikarien* ⁴⁾. Поэтому, вслѣдъ за отреченіемъ Франца, уцѣлѣвшій викарій имперіи — курфирстъ Саксонскій, долженъ былъ бы вступить въ отправленіе своей обязанности, созвать коллегію курфирстовъ и прочія коллегія сейма. Но изъ историческихъ документовъ не видно,

¹⁾ Legislation, juridiction suprême, haute police, conscription militaire.

²⁾ Droits seigneuriaux et féodaux non essentiellement inhérens à la souveraineté. Въ первоначальномъ союзѣ было 72 такія владѣнія.

³⁾ См. выше.

⁴⁾ Викаріатъ имперіи принадлежалъ двумъ государямъ — пфальцграфу Рейнскому и герцогу Саксонскому. Въ итальянскихъ земляхъ викаріатъ принадлежалъ герцогу Савойскому.

чтобы кому-нибудь пришла въ голову такая мысль. Сѣверная Германія, не пошедшая въ составъ Рейнскаго союза, не думала о сопротивленіи. Она безмолвно покорилась рѣшенію Франца и стала думать объ основаніи *Сѣверо-Германскаго* союза. Во главѣ этого предпріятія стояла Пруссія. Гаугвицъ, до тѣхъ поръ покорный искатель милостей Наполеона, 21-го августа 1806 года предложилъ саксонскому правительству планъ учрежденія Сѣверо-Германскаго имперскаго союза (*eines Norddeutschen Reichsbundes*). Но этотъ планъ не имѣлъ другихъ послѣдствій, кромѣ униженія Пруссіи и увеличенія объема Рейнскаго союза.

Пруссія, послѣ Базельскаго мира (1795 г.), не только соблюдала строгій нейтралитетъ, но усердно искала дружбы и покровительства Наполеона. Повелитель Европы позволилъ ей занять Ганноверъ, владѣніе которымъ и было утверждено за нею 15-го августа 1806 года. Но въ октябрѣ того же года послѣдовалъ разрывъ между двумя державами. Пруссія и Россія заключили союзъ противъ императора Французовъ. Кампанія окончилась столь же быстро, какъ и война 1805 года. Битвы подъ Іеной и Ауэрштедтомъ, Фридландомъ принудили союзниковъ заключить Тильзитскій миръ (9-го іюля 1807 г.). Пруссія была низведена на степенъ второклассной державы; территорія ея уменьшена на половину. Другія обременительныя условія надолго лишили ее возможности предпринять что-либо для самостоятельности Германіи и собственнаго спасенія. Прочія государства одно за другимъ присоединялись къ Рейнскому союзу. Къ нему принадлежали теперь всѣ государства бывшей Германской имперіи, за исключеніемъ Австріи, Пруссіи, Шведской Помераніи и Гольштейна. Не смотря на признанный Парижскимъ договоромъ суверенитетъ отдѣльныхъ государей Рейнскаго союза, дѣйствительнымъ повелителемъ его былъ Наполеонъ, управлявшій имъ чрезъ своего намѣстника, архиканцлера Дальберга. До чего доходило самовластіе Наполеона, видно, между прочимъ, изъ того, что въ 1810 году опредѣленіемъ французскаго сената (*senatusconsulte organique*) часть территоріи Рейнскаго союза была присоединена къ Франціи, въ качествѣ нѣсколькихъ ея департаментовъ. Сеймъ членовъ союза, мѣстопробываніе котораго было назначено во Франкфуртѣ, никогда не открывался. Распоряженія французскаго императора замѣняли волю союза.

Такъ пала Германская имперія, не поддержанная ни однимъ изъ ея членовъ и не оплаканная народомъ. Въ великой борьбѣ за освобожденіе, начатой Россіей (1813 года), воспоминанія объ имперіи не

были и не могли быть нравственнымъ знаменемъ, собиравшимъ народныя силы. Правительства сражались за свою независимость, народъ шелъ противъ иноземцевъ, обременявшихъ его военными постоями и контрибуціями, никто не выступилъ въ борьбу за „Священную Римскую имперію Германскаго народа“. Правда, въ сознаниі германскаго общества, възкальтивированнаго проповѣдью Арндта и Фихте, носилось представленіе объ общемъ отечествѣ — единой Германіи. Но ни сами проповѣдники, ни ихъ послѣдователи не думали давать освобожденному отечеству средневѣковыхъ формъ погибшей имперіи. Форма новой Германіи, освобожденной войною 1813—1814 годовъ, была загадкою для всѣхъ руководителей великаго движенія.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Германскій союзъ. Его образованіе и устройство (1815—1866 гг.).

I.

Воззваніе къ войнѣ за освобожденіе. — Его неопредѣленность и причины этой неопредѣленности. — Настроеніе германскаго общества. — Стремленія правительствъ. — Вѣнскій конгрессъ. — Баронъ Штейнъ и его планы. — Положеніе Штейна на Вѣнскомъ конгрессѣ. — Прусскій проектъ. — «Комитетъ пяти». — Протестъ 29 и Гансъ Гагернъ. — «Сто дней». — Новое направленіе конгресса. — Неудача Вильгельма Гумбольдта. — Проектъ Меттерниха. — Заключительная конференція. — «Союзный актъ». — Первый сеймъ 1816 года и его ложное положеніе.

Калишская прокламація, призывая народы Германіи къ войнѣ за освобожденіе, обѣщала имъ возвращеніе свободы и независимости и возрожденіе ихъ достопочтенной имперіи. Въмѣстѣ съ тѣмъ провозглашалось, что исполненіе этого великаго труда будетъ принадлежать исключительно государямъ и народамъ Германіи, дабы будущій союзъ могъ выйдти изъ самобитнаго духа Германскаго народа обновленнымъ, полнымъ жизни и единства.

Нельзя сказать, чтобъ это обѣщаніе отличалось опредѣленностью во всѣхъ своихъ частяхъ, и чтобы, затѣмъ, опредѣленные его части были выполнены.

Вопервыхъ, прокламація говорила о возрожденіи „достопочтенной“ имперіи, слѣдовательно, по видимому, о возстановленіи очень опредѣленнаго государственнаго типа. Но вслѣдъ затѣмъ мы читаемъ о необходимости обновленія этого зданія путемъ свободной и совмѣстной работы государей и народовъ. Что могло выйдти изъ этого

пересмотра старыхъ установленій, конечно, никто не могъ предвидѣть. Определенная сторона прокламаціи состояла въ обѣщаніи, что переустройство Германіи будетъ ея домашнимъ дѣломъ, свободнымъ отъ чужеземнаго вмѣшательства. Но это обѣщаніе не было выполнено вполне, потому что мы не видимъ никакого участія народовъ въ образованіи новаго устройства Германіи вплоть до 1848 года. Трудно, конечно, обвинять прокламацію за общность и неисполнимость нѣкоторыхъ ея обѣщаній. Предпринимая европейскую войну, Русскій императоръ и Пруссскій король должны были имѣть въ виду различныя политическія стремленія, укрѣпившіяся уже въ Германіи; необходимо было поощрять одни, не оскорбляя другихъ.

Германское общество, народъ, возставая противъ французскаго владычества, вовсе не были врагомъ новыхъ политическихъ идей, выработанныхъ Франціей и разносимыхъ ея войсками по Европѣ. Начало гражданскаго равенства, обезпеченіе личныхъ и имущественныхъ правъ, новыя формы суда не были явленіями, къ которымъ можно было бы относиться враждебно. Новыя начала прочно прививались во многихъ государствахъ, подпадавшихъ французскому владычеству, или вліянію. Неудовольствіе противъ средневѣковыхъ порядковъ было сильно. Либеральные министры, какъ, напримѣръ, *Штейнъ* въ Пруссіи, понимали, что возрожденіе Германіи невозможно безъ кореннаго измѣненія ея гражданскаго быта. Руководители общественнаго мнѣнія, какъ, напримѣръ, *Фихте*, были проникнуты уваженіемъ къ новому политическому строю. Притомъ должно принять во вниманіе, что народная война, какою была война 1813—1814 годовъ, всегда возвышаетъ народъ въ собственномъ мнѣніи, возбуждаетъ въ немъ законное чувство самоуваженія и естественно расширяетъ его требованія. Народъ, возставовившій то, что было утрачено неспособными и своекорыстными правительствами, конечно, не можетъ довольствоваться положеніемъ, какое занимали низшіе классы въ средневѣковомъ порядкѣ. Словомъ, французская пропаганда и великія событія войны за освобожденіе воспитали новое германское общество, ни въ чемъ не похожее на общество временъ Карла VI и Фридриха-Вильгельма I Прусскаго. Оно имѣло и могло имѣть желанія, независимо отъ направленія правительственной политики. Желанія эти, въ массѣ и въ общихъ чертахъ, опредѣлялись событіями и бѣдствіями послѣднихъ годовъ. Безпомощность Германіи предъ силою вѣшняго врага, эгоистическій партикуляризмъ, приводившій въ итогъ къ необходимости учрежденій въ родѣ Рейнскаго союза, обособленіе двухъ главныхъ

Германскихъ государствъ — Австріи и Пруссіи — отъ интересовъ общегерманской политики, — все это наглядно показывало необходимость сильной центральной и притомъ вполне національной власти. Затѣмъ времена Рейнскаго союза показали, какіе результаты даетъ чрезмѣрное усиленіе мѣстныхъ династій для общественныхъ правъ. Знаменитый Штейнъ въ правѣ былъ говорить о „султанизмѣ“ мѣстныхъ династiovъ. Были, конечно, почтенныя исключенія, къ числу которыхъ относилось Баденское великое герцогство, усвоившее себѣ либеральное направление. Но прочіе члены Рейнскаго союза воспользовались своею *souveraineté pleine et entière* для устранения даже тѣхъ формъ народнаго представительства, какія были выработаны средними вѣками. Партикуляризмъ и общественная свобода сдѣлались попятіями враждебными; только въ сильной центральной власти видѣли средство обезпеченія послѣдней.

Но нельзя сказать, чтобъ эти стремленія вызывали въ общественномъ сознаніи какой-нибудь твердый и опредѣленный планъ политической реформы. Общественныя стремленія не успокоивались на формулахъ политическаго катехизиса, выработаннаго французскою революціей. Романтизмъ, съ его фантастическимъ поклоненіемъ среднимъ вѣкамъ, уже вступалъ въ свои права. Образъ „Священной Римской имперіи“, сильно идеализированный, воспѣваемый, какъ время благоденствія и свободы, возбуждалъ общественныя симпатіи. Отвращаясь, какъ это часто бываетъ, отъ имперіи знакомой и опозоренной событіями послѣднихъ лѣтъ, общественная фантазія прилѣплялась къ давно минувшей имперіи, вышедшей непосредственно изъ „лѣсовъ“ старой Германіи.

Еще болѣе затрудненій представляли практическія средства къ осуществленію германскаго единства.

Вопервыхъ, послѣ многочисленныхъ передѣлокъ карты Европы вообще, и карты Германіи въ особенности, въ эпоху могущества Наполеона I, не мало затрудненій представлялъ вопросъ, какія земли должны быть отнесены и въ какой степени къ „общему отечеству?“

Вовторыхъ, съ самаго начала войны, союзники признали и вынуждены были признать „совершенную независимость и полноту самодержавія“ нѣкоторыхъ германскихъ государствъ, приступившихъ къ первоначальной коалиціи ¹⁾. Такое признаніе получили Баварія (до-

¹⁾ Первоначальный союзъ для веденія войны съ Наполеономъ былъ заключенъ между Россіей и Пруссіей (февраль 1813 г.); Австрія пристала къ союзу позже (договоръ въ Тѣплицѣ, 9-го сентября 1813 г.).

говоръ въ Ридѣ, 8-го октября 1813 г.) и Виртембергъ (договоръ въ Фульдѣ, 2-го ноября 1813 г.). Прочія германскія государства получили подобныя же обѣщанія, съ тою, впрочемъ, существенною оговоркою, что ихъ правительства должны были „сообразоваться съ обязательствами, какихъ потребуетъ порядокъ вещей, который будетъ установленъ для поддержанія независимости Германіи“¹⁾.

Съ признаніемъ самостоятельности отдѣльныхъ государствъ, приступившихъ къ союзу, форма „порядка вещей“, предсказаннаго Франкфуртскимъ договоромъ, опредѣлялась уже въ общихъ чертахъ. Затѣмъ, VI статья Парижскаго договора постановляла: „Германскія государства будутъ самостоятельны и соединены федеративною связью“ (par un lien fédératif). Окончательно судьба Германіи должна была рѣшиться на Вѣнскомъ конгрессѣ; было условлено только, что опредѣленіе формы союза предоставляется уполномоченнымъ германскихъ государствъ, какъ домашнее дѣло Германіи. Предоставить составленіе германской конституціи уполномоченнымъ на Вѣнскомъ конгрессѣ значило, конечно, устранить общество отъ всякаго участія въ этомъ дѣлѣ. Можно было спросить—какъ эта конституція выйдетъ aus dem uralten deutschen Geiste, согласно обѣщанію Калишской прокламаціи?

Конечно, коренныя желанія германскаго общества могли быть осуществлены и чрезъ дипломатовъ; но это зависѣло отъ настроенія послѣднихъ, и потому необходимо бросить взглядъ на характеръ лицъ, руководившихъ этимъ важнымъ дѣломъ.

На первомъ планѣ должно поставить человѣка, не состоявшаго въ числѣ уполномоченныхъ какой-либо державы, но который, какъ про него говорили, по личному вліянію своему, самъ былъ державой. Это — бывший прусскій министръ баронъ Генрихъ-Фридрихъ-Карлъ Штейнъ²⁾. Можетъ быть, изъ всѣхъ лицъ, присутствовавшихъ на Вѣнскомъ конгрессѣ, онъ имѣлъ наиболѣе твердыя убѣжденія, которыми, впрочемъ, не всегда соответствовала опредѣленность плановъ ихъ осуществленія. Трудно охарактеризовать дѣятельность этого великаго человѣка въ немногихъ словахъ: характеристика эта не можетъ быть исчерпана указаніемъ на два-три факта. Предѣлы нашего труда обязываютъ, однако, къ краткости.

¹⁾ Франкфуртскій договоръ, ноябрь и декабрь 1813 г.

²⁾ Род. въ 1757 г., ум. въ 1831 г. Въ моментъ открытія Вѣнскаго конгресса ему было 57 лѣтъ. Лучшая біографія Штейна принадлежитъ Пертцу (Pertz), Das Leben des Ministers v. Stein.

Независимый и богатый аристократъ по рожденію, онъ не раздѣлялъ, однако, возрѣній и міросозерцанія имперскаго рыцарства, видѣвшаго въ своихъ мѣстныхъ вольностяхъ и личныхъ преимуществахъ вѣчную цѣль существованія имперіи. Штейнъ былъ одинъ изъ первыхъ общегерманскихъ патріотовъ и рѣшительный врагъ партикуляризма. Далѣе, онъ одинъ изъ первыхъ угадалъ общегерманское значеніе Пруссіи. Въ силѣ этого государства онъ видѣлъ залогъ будущей силы Германіи. Личность Фридриха II возбуждала въ немъ удивленіе и уваженіе. Съ 1780 года онъ вступилъ въ прусскую службу и посвятилъ свои силы этому государству. Но въ 1807 году онъ принужденъ былъ оставить на время прусскую службу, по личному неудовольствію короля. Замѣчательно, что послѣ Іенской катастрофы и при заключеніи Тильзитскаго мира, Наполеонъ самъ рекомендовалъ Штейна прусскому королю, какъ человѣка „умнаго“. Недавно уволенный, Штейнъ сдѣлался первымъ министромъ. Онъ поставилъ себѣ цѣлью возродить униженную Пруссію чрезъ возрожденіе народа. Этой великой цѣли онъ не думалъ достигнуть чрезъ всемогущую опеку государства. Штейнъ негодовалъ на феодальныя привилегіи столько же, сколько и французскіе революціонеры; но онъ былъ рѣшительнымъ врагомъ французскихъ революціонныхъ идей, принявшихъ черезъ-чуръ бюрократическую форму въ новомъ государственномъ устройствѣ. По-нѣтъ само собою, что Штейнъ съ неменьшимъ неудовольствіемъ относился и къ прусской бюрократіи ¹⁾. Возрожденіе Пруссіи, по его мнѣнію, должно было совершиться чрезъ призваніе народа къ самодѣятельности. Вотъ какъ онъ самъ выражалъ тогда свою мысль: „Навязчивое вмѣшательство государственныхъ установленій въ частныя и общинныя дѣла должно прекратиться; мѣсто его займетъ дѣятель-

¹⁾ Нельзя не привести здѣсь мнѣнія Штейна объ этомъ предметѣ. «Наше несчастье», писалъ онъ, «въ томъ, что мы управляемся оплачиваемыми книжно, учеными, не имѣющими собственности и интересовъ бюрократами (Burokraten)... Эти четыре слова: bezoldet, buchgelehrt, interesselos, eigenthumslos — содержатъ въ себѣ смыслъ нашей бездушной правительственной машины. Пусть идетъ дождь, или свѣтитъ солнце, пусть увеличиваются или уменьшаются подати, пусть уничтожаются или остаются неприкосновенными старыя обычныя права, пусть «теоретизируютъ» всѣхъ крестьянъ въ поденщиковъ и подставляютъ на мѣсто крѣпостной зависимости землевладѣльцу такую же крѣпостную зависимость отъ жидовъ и ростовщиковъ, — ничто ее не беспокоитъ. Они получаютъ свое содержаніе изъ государственнаго казначейства и пишутъ, пишутъ, пишутъ въ тихихъ и снабженныхъ крѣпко запертыми дверями бюро и воспитываютъ своихъ дѣтей въ такія же удобныя пишущія машины».

ность гражданина (des Bürgers), который живет не въ формахъ и въ бумагахъ, но дѣйствуетъ крѣпко (kräftig handelt), потому что его отношенія зовутъ его въ дѣйствительную жизнь и заставляютъ его принимать участіе въ вихрѣ человеческихъ дѣлъ.... Если нація поднялась надъ состояніемъ чувственности ¹⁾, если она приобрѣла значительную массу свѣдѣній и пользуется въ достаточной степени свободою мысли, — она обращаетъ вниманіе на свои національныя и общинныя дѣла. Если ей даютъ въ нихъ участіе, — обнаруживаются благотворныя выраженія любви къ отечеству и общественнаго духа; если ей отказываютъ въ такомъ участіи — порождается неудовольствіе и досада, которыя или обнаруживаются различными вредными способами, или должны быть подавляемы насильственными мѣрами, обезсиляющими духъ. Рабочіе и средніе классы гражданскаго общества принижаются ²⁾, такъ какъ ихъ дѣятельность направляется исключительно на приобрѣтеніе и потребленіе; высшіе классы падаютъ въ общественномъ уваженіи, вслѣдствіе страсти къ наслажденіямъ и праздности, или дѣйствуютъ вредно чрезъ необузданное и безсмысленное порицаніе правительства“.

Заявленія Штейна не ограничились словами. Реформы, имѣвшія цѣлью создать и организовать народную силу, слѣдовали одна за другою и, на сколько это позволяло, кратковременное министерство Штейна, положили начало обновленію Пруссіи. Уничтоженіе феодальной зависимости крестьянъ, отмена стѣснительныхъ мѣръ относительно приобрѣтенія поземельной собственности всѣми классами, отмена нѣкоторыхъ монополистическихъ корпорацій и, наконецъ, новое городское положеніе, расширившее условія мѣстнаго самоуправленія, — таковы были первыя реформы великаго министра. Постепенно онъ хотѣлъ организовать народное представительство. Но различныя обстоятельства, и главнымъ образомъ, вліяніе Наполеона, который по-нять теперь рекомендованнаго имъ „homme d'esprit“, принудили Штейна не только оставить министерство, но и бѣжать въ Россію (конецъ 1808 и начало 1809 гг.).

Въ изгнаніи Штейнъ имѣлъ одну цѣль — освобожденіе Германіи. Пользуясь расположеніемъ императора Александра I, онъ настойчиво ходатайствовалъ въ пользу своего отечества. Напрасно противники

¹⁾ Der Sinnlichkeit, то-есть, грубыхъ матеріальныхъ интересовъ.

²⁾ Въ подлинникѣ werden verunedelt, буквально: оподляются. Но этотъ терминъ, конечно, не точно выражаетъ общій смыслъ нѣмецкаго слова.

его (изъ соотечественниковъ) упрекали его въ узкомъ пруссофильствѣ. „Я имѣю одно только отечество“, писалъ онъ къ графу Мюнстеру ¹⁾,— „именно Германію“. Но можетъ-быть обвиненія, направленные противъ него, были справедливы въ томъ смыслѣ, что онъ склонился къ тому мнѣнію, что организація освобожденной Германіи требуетъ, по крайней мѣрѣ, въ качествѣ *переходной* мѣры, подчиненія мелкихъ государствъ двумъ главнымъ державамъ—Австріи и Пруссіи. Во всякомъ случаѣ всѣ его планы (а онъ составилъ ихъ довольно много во время изгнанія) проицкнуты двумя основными началами: 1) признаніемъ необходимости обезпечить при помощи сильной союзной власти нѣкоторыя основныя права (Grundrechte) для всего Германскаго народа и точно опредѣленныя права земскаго представительства (Landstände); 2) признаніемъ необходимости ограничить, на сколько возможно, силу партикуляризма мелкихъ и среднихъ государствъ.

Съ этими идеями Штейнъ явился на Вѣнскій конгрессъ. Нѣкоторыя обстоятельства обѣщали ему поддержку: личное къ нему уваженіе всѣхъ государственныхъ людей, дружба императора Александра, и наконецъ, тотъ фактъ, что представителями Пруссіи на конгрессѣ были князь Гарденбергъ и Вильгельмъ Гумбольдтъ, раздѣлявшіе воззрѣнія его на внѣшнюю и внутреннюю политику ²⁾. Кроме того, союзники были согласны въ томъ, что конституція Германіи должна быть составлена исключительно германскими уполномоченными.

Но Штейнъ, выросшій и окрѣпшій въ эпоху, которую справедливо называютъ временемъ борьбы гигантовъ, не безъ опасенія смотрѣлъ на общество, соединившееся въ Вѣнѣ по случаю конгресса. Запытое балами, театрами, загородными прогулками, маскарадами, оно мало думало о важныхъ своихъ задачахъ ³⁾. Онъ тогда же замѣтилъ, что настало время „мелочей и посредственныхъ людей“, и что дѣло кончится самымъ „плоскимъ“ образомъ. Конечно, въ царствѣ „посредственностей“, въ эпоху, когда всякій рѣшительный планъ былъ недобезопасенъ уже до одному тому, что онъ возмущалъ спокойствіе, къ

¹⁾ Известный Ганноверскій министръ.

²⁾ Князь Гарденбергъ, канцлеръ Прусскаго королевства, род. въ 1750, ум. въ 1822 г. Вильгельмъ Гумбольдтъ, братъ Александра Гумбольдта, род. въ 1767, ум. въ 1835 г., одинъ изъ основателей лингвистики; какъ публицистъ либеральной школы, известенъ своимъ сочиненіемъ: «Ideen zu einem Versuche die Grenzen der Wirksamkeit des Staates zu bestimmen».

³⁾ Этотъ *праздничный* характеръ Вѣнскаго конгресса превосходно изображенъ Герениусомъ въ его Исторіи XIX столѣтія.

которому всё стремились, Штейнъ, человекъ другаго времени, не могъ соперничать съ княземъ Меттернихомъ, проповѣдникомъ политическаго эклектизма и пресловутаго равновѣсія ¹⁾). Если мы будемъ говорить здѣсь о проектахъ прусскихъ уполномоченныхъ, то не потому, чтобъ они имѣли успѣхъ, но потому, что непринятіе ихъ основныхъ началъ раскрываетъ причину слабости германскаго союза и программу будущихъ преобразованій.

Штейнъ (въ этомъ состояла одна изъ его ошибокъ), руководясь неудобнымъ при тогдашнихъ обстоятельствахъ отвращеніемъ къ мелкимъ государствамъ, настаивалъ, чтобы составленіе проекта конституціи было предоставлено соглашенію *пяти* главныхъ германскихъ государствъ—именно комитету уполномоченныхъ Австріи, Пруссіи, Баваріи, Ганновера и Виртемберга. Для этого комитета уже былъ заготовленъ проектъ, изъ 41 статьи, представленный Гарденбергомъ князю Меттерниху 13-го сентября 1814 года. Проектъ содержалъ въ себѣ: 1) требованіе гарантій гражданскихъ и политическихъ правъ для всей массы народонаселенія, 2) основныя начала организаціи союзнаго правительства и 3) требованіе общаго союзнаго суда (Bundesgericht).

Проектъ организаціи союзнаго правительства былъ приуроченъ къ политическимъ условіямъ того времени, которыхъ конгрессъ не могъ устранить, но хотѣлъ ихъ согласовать съ началомъ германскаго единства. Вопервыхъ, нужно было принять въ разчетъ величину, сравнительно съ другими государствами, Австріи и Пруссіи и ихъ соперничество, не позволявшее подчинить одно государство другому въ будущемъ союзѣ; поэтому имъ предполагалось предоставить совмѣстную дирекцію (Directorium) въ союзѣ и въ сеймѣ. Во вторыхъ, нужно было удовлетворить притязаніямъ *среднихъ* государствъ и дать имъ роль, болѣе или менѣе видную; для этой цѣли предполагалось раздѣлить Германію на нѣсколько округовъ, дирекцію которыхъ предоставить государствамъ средней величины. Наконецъ, третьимъ элементомъ явились мелкія государства и имперскіе чины. Такимъ образомъ, управленіе будущаго союза слагалось изъ трехъ установленій: директоріи, совѣта правителей округовъ и совѣта князей и сословій. Въ сущности проектъ воспроизводилъ организацію старой имперіи, только въ другихъ формахъ; легко замѣтить аналогію между властью императора и директоріей, совѣтомъ курфирстовъ и совѣтомъ окружныхъ правителей, совѣтомъ князей и сословій и совѣтомъ князей и коллегіей городовъ.

¹⁾ Род. въ 1773 г., ум. въ 1859 г.

Этотъ проектъ былъ „согласованъ“ (konzertirt) по взаимному сношенію Пруссіи и Австріи. Результатомъ согласованія былъ проектъ въ 12 статьяхъ.

Меттерниховскій проектъ нѣсколько измѣнялъ территоріальный объемъ союза, сосредоточивалъ дирекціонную власть въ рукахъ одной Австріи и нѣсколько слабѣе высказывался относительно обезпеченія народныхъ правъ. Въ такомъ видѣ основанія будущаго союза были предложены на обсужденіе „комитета пяти“, 16-го октября 1814 года. Не смотря на скромность изложенныхъ здѣсь требованій, Баварія и Виртембергъ нашли его слишкомъ стѣснительнымъ для мѣстнаго верховенства. Съ особенною силою протестовало Виртембергское правительство. Ему казалось невыносимымъ „создать изъ различныхъ народностей, напримѣръ, Пруссіи и Баваріи, такъ-сказать (so zu sagen), одинъ народъ“. Затѣмъ оно считало посягательствомъ на права мѣстнаго правительства обезпеченіе союзнымъ актомъ какой-то мінімумъ народныхъ правъ. То, что касается отношеній отдѣльнаго государя къ его подданнымъ, не можетъ быть предметомъ союзнаго законодательства. Мысль о союзномъ судѣ отвергалась совершенно. Не менѣе сильно протестовали два новыя королевства противъ преимуществъ, предоставляемыхъ Австріи и Пруссіи. Въ результатѣ предлагалось, что будущій союзъ долженъ быть союзомъ въ международномъ смыслѣ, то-есть, имѣть цѣлю охраненіе внѣшней безопасности. Одно только предложеніе прусско-австрійскаго проекта было любезно бывшимъ членамъ Рейнскаго союза — именно учрежденіе окружныхъ правительствъ, которыя казались наилучшимъ средствомъ постепенно „медіатизировать“ мелкія государства въ пользу среднихъ. Самъ Меттернихъ горячо протестовалъ противъ такого направленія. 16-го ноября 1814 года уполномоченные Виртемберга объявили, что они выходятъ изъ комитета. Въ тотъ же день совершилось событіе, имѣвшее большое значеніе въ исторіи образованія Германскаго союза. Именно 25 князей и 4 города соединились между собою и подали сильный протестъ противъ дѣйствій „пяти“.

Это событіе связано съ именемъ замѣчательнаго человѣка и постояннаго представителя интересовъ мелкихъ государствъ — именно *Ганса Гагерна* ¹⁾. Трудно было найти характеръ болѣе сложный и

¹⁾ Баронъ Гансъ-Христовъ-Эрнстъ Гагернъ, род. въ 1766, ум. въ 1852 г. Его не должно смѣшивать съ сыномъ его *Генрихомъ* Гагерномъ, съ дѣятельностью котораго въ событіяхъ 1848 года мы познакомимся ниже. Матеріалы для

вмѣстѣ съ тѣмъ, болѣе подвижной. Онъ принадлежалъ къ старому имперскому рыцарству и имѣлъ многіе его предразсудки; въ то же время онъ взросъ на либеральныхъ политическихъ идеяхъ школы Моптескье и постоянно отличался самымъ гуманымъ направленіемъ. Въ его общественной жизни и сочиненіяхъ можно найти довольно доказательствъ привязанности къ общему германскому отечеству и сознанія единства Германскаго народа. Его книга „Национальная исторія Нѣмцевъ“ (Nationalgeschichte der Deutschen, 1812 года) была направлена именно къ возбужденію общегерманскаго патриотизма. Гёте сказалъ про ея автора: „Онъ хотѣлъ написать нѣчто большее чѣмъ книгу“ (der Mann wollte noch Etwas mehr als ein Buch schreiben). Въ эпоху Вѣнскаго конгресса онъ восклицалъ: „Я слышу, что нѣтъ Германіи. Но мнѣ кажется что мы доказали что таковая существуетъ— Германія какъ Пильмъ, Германія, которую нельзя раздражать и оскорблять, Германія, имѣющая своего рода общественное мнѣніе“. Но съ другой стороны, онъ былъ рѣшительнымъ защитникомъ мелкихъ государствъ (der Kleinstaatterei). Лучшіе годы его политической дѣятельности ушли на спасеніе правъ Нассаускаго дома. Это заставило его войти въ свое время въ тѣсныя сношенія съ Французскою имперіей, отъ которой фактически зависѣла судьба cadaго изъ мелкихъ государствъ. Въ Парижѣ онъ сблизился и подружился съ Талейраномъ, поддержкѣ котораго обязанъ былъ спасеніемъ и расширеніемъ Нассаускаго герцогства въ то время, какъ другія были поглощаемы или „медіатизированы“.

Въ эпоху Вѣнскаго конгресса такой политической дѣятель, романтикъ, мечтавшій объ имперіи, сложенной изъ малыхъ державъ, былъ естественнымъ центромъ соединенія для мелкихъ государствъ, устраненныхъ пока (и несправедливо) отъ совѣщанія объ общегерманскомъ дѣлѣ. 14-го октября 1814 года ¹⁾ собралъ онъ къ себѣ на квартиру представителей малыхъ державъ и побуждалъ ихъ, во первыхъ, составить самостоятельный союзъ, и во вторыхъ, протестовать противъ произвольныхъ дѣйствій пяти державъ. Нельзя сказать, чтобы переговоры эти въ первое время приняли практическое и даже желательное направленіе. Рѣчь шла даже объ учрежденіи союза изъ однихъ среднихъ

біографіи Ганса Гатерна содержатся въ его воспоминаніяхъ: «Mein Antheil an der Politik» (Мое участіе въ политикѣ). См. также интересную статью *Трейчке*: «Hans von Gagern», помѣщенную въ его «Historische und Politische Aufsätze», первая серія, стр. 153—206, третьяго изданія.

¹⁾ Въ день перваго засѣданія «комитета пяти».

и мелкихъ государствъ, безъ Австріи и Пруссіи, гегемоніи которыхъ опасались. Но дѣломъ, задуманнымъ Гагерномъ, воспользовался Штейнъ. Недовольный ходомъ дѣла въ „комитетъ пяти“, онъ обратился къ составившемуся союзу мелкихъ государствъ съ цѣлью повліять на пентархію. 16-го ноября 1814 года они представили ноту, въ которой требовали допущенія ихъ къ составленію проекта. Основными условіями новаго государственнаго устройства они считали: 1) обезпеченіе гражданскихъ правъ и введеніе земскаго представительства, при чемъ существенными правами земскихъ чиновъ являлись: участіе въ законодательствѣ, право изъявлять согласіе на установленіе налоговъ, финансовый контроль и право жалобъ на злоупотребленія администраціи, и 2) возстановленіе императорскаго достоинства, съ измѣненіями, согласными съ требованіями времени; глава имперіи долженъ былъ быть „первымъ представителемъ Германскаго народа, твердый защитникъ конституціи и нѣмецкой свободы“. Въ результатъ заявленіе требовало, чтобы былъ положенъ конецъ „царству произвола“.

Комитетъ пяти былъ распущенъ, но отъ этого дѣло не подвижилось. Съ 16-го ноября до февраля оно оставалось безъ движенія. Въ февралѣ 1815 года Австрія и Пруссія изъявили рѣшимость приступить къ составленію проекта съ участіемъ всѣхъ государствъ. Но въ это время подготовилось и совершилось событіе, вполнѣ неожиданное. 26-го февраля 1815 года Наполеонъ оставилъ островъ Эльбу и 1-го марта снова былъ во Франціи. 6-го марта лордъ Кестельри получилъ объ этомъ извѣстіе въ Вѣнѣ. Дипломаты, по нѣкоторымъ разчетамъ, скрыли это извѣстіе въ своемъ кругѣ до 11-го марта; но „въ ночь съ 11-го на 12-е великолѣпнѣйшій изъ всѣхъ данныхъ на конгрессѣ баловъ былъ разстроенъ и прерванъ извѣстіемъ о появленіи Наполеона во Франціи¹⁾“. Новость произвела потрясающее впечатлѣніе на государей и дипломатовъ: Она дала новый оборотъ переговорамъ о германской конституціи.

Результаты новаго кризиса въ этомъ отношеніи были двойкіе. Вопервыхъ, всѣ убѣдились въ необходимости такъ или иначе кончить съ этимъ дѣломъ скорѣе. Сама по себѣ подобная рѣшимость была даже желательна. Но печально было то, что по общему убѣжденію нужно было „въ виду современныхъ обстоятельствъ“ ограничиться обсужденіемъ только *основныхъ началъ* конституціи, предоставивъ развитіе этихъ началъ „временамъ мирнымъ“. Даже Штейнъ

¹⁾ Шлоссеръ, Исторія XVIII столѣтія.

и Гарденбергъ склонились къ этому мнѣнію. Между тѣмъ невыгода такого рѣшенія была очевидна. Ограничиваясь „общими началами“, составители проекта конституціи могли ограничиться общими и неопредѣленными выраженіями, опасными всегда, а особенно въ эпоху непредѣльной реакціи, когда всякая неопредѣленность могла быть истолкована въ пользу произвола. Вовторыхъ, кризисъ 1815 года далъ рѣшительный перевѣсъ реакціонной партіи на конгрессѣ. Гарденбергъ, Штейнъ и Гумбольдтъ колебались въ своихъ намѣреніяхъ, и въ эту минуту всеобщей паники голосъ князя Меттерниха рѣшилъ все дѣло.

Выработка „основныхъ началъ“ продолжалась въ теченіе марта и апрѣля. Вильгельмъ Гумбольдтъ работалъ неутомимо. Еще прежде 10-го февраля, онъ представилъ два проекта ¹⁾. Теперь онъ извлекалъ изъ нихъ основныя начала. Въ апрѣлѣ онъ представилъ проектъ, состоящій изъ 14 статей. Они содержали въ себѣ главныя конституціонныя гарантіи для всей націи и земскихъ представительствъ. И этотъ планъ былъ признанъ слишкомъ рѣшительнымъ. Въ переработанномъ видѣ онъ былъ переданъ прусскимъ правительствомъ князю Меттерниху. 7-го мая Австрія предложила свой „противопроектъ“, и 11-го мая начались формальныя засѣданія уполномоченныхъ для согласованія двухъ проектовъ. При нѣкоторой настойчивости прусскихъ уполномоченныхъ, такого согласованія трудно было бы достигнуть по той причинѣ, что австрійскій проектъ радикально расходился съ главными началами прусскаго. Именно—Меттерниховскій проектъ ²⁾ отвергалъ раздѣленіе въ союзномъ правительствѣ законодательной и исполнительной власти, очень мало говорилъ о земскомъ представительствѣ, сокращалъ минимумъ основныхъ правъ Германскаго народа и т. д. Но прусскіе уполномоченные и дѣйствовавшій съ ними Ганноверскій министръ графъ Мюнстеръ, обнаружили теперь необыкновенную уступчивость. Эта „очистительная“ работа кончилась къ 23-му мая, когда открылись окончательныя конференціи германскихъ уполномоченныхъ.

23-го мая собрались уполномоченные отъ германскихъ государствъ, но не въ полномъ составѣ. Мелкія государства были представлены

¹⁾ Разница между ними заключалась главнымъ образомъ въ томъ, что въ одномъ предлагалось подраздѣленіе Германіи на округа, а въ другомъ нѣтъ. Но остальные параграфы были составлены въ смыслѣ, изложенномъ выше.

²⁾ Выработанный при содѣйствіи *Вессенберга*.

только пятью лицами. Тотчасъ же открылись конференціи (кроме Виртемберга, который не принималъ участія въ совѣщаніяхъ и приступилъ къ союзу позже). Исходъ совѣщаній теперь не трудно было предвидѣть. Австрія ловко пользовалась несогласіемъ и соперничествомъ государствъ, доводила иногда раздоры до того, что конференція готова была разойтись ¹⁾, и всегда умѣла дать перевѣсъ своимъ намѣреніямъ. Она имѣла, кроме того, усердныхъ помощниковъ.

Главные результаты совѣщаній были скорѣе отрицательнаго, чѣмъ положительнаго характера. Они состояли или въ устраненіи, или въ ослабленіи того, что предлагалось нѣкогда прусскими проектами. Такъ, былъ устраненъ союзный судъ, который Вильгельмъ Гумбольдтъ считалъ заключительнымъ камнемъ зданія германскаго права. Относительно земскаго представительства конференція нашла слишкомъ рѣшительною статью, удержанную даже въ проектѣ Меттерниха: „Во всѣхъ союзныхъ государствахъ *должно* быть представительное устройство“ (landständische Verfassung). Конференція нашла болѣе удобнымъ замѣнить слова *должно быть* словомъ *будетъ* (wird вмѣсто soll) то-есть, предписаніе замѣнено предсказаніемъ ²⁾, которое могло не сбыться, и для большинства государствъ не сбылось. Изъ такъ-называемыхъ „основныхъ правъ“ націи признаны свобода *христіанскихъ* вѣроисповѣданій ³⁾ и общность нѣкоторыхъ гражданскихъ правъ: права приобрѣтенія поземельной собственности во всѣхъ государствахъ Германіи, права переселенія изъ одного германскаго государства въ другое, права вступленія на службу всякаго германскаго правительства и безпошлинный вывозъ имущества въ случаѣ переселенія въ предѣлахъ Союза (относительно такъ называемыхъ jus detractus и gabella emigrationis) ⁴⁾. Совокупность такихъ правъ дѣйствительно могла быть названа *минимумомъ*, хотя не въ смыслѣ плановъ Штейна, Гарденберга и Гумбольдта. Правда XVIII и XIX статьи Союзнаго акта ⁵⁾ заключали въ себѣ еще указанія на нѣкоторыя важныя права и усло-

¹⁾ Какъ это случилось, напримѣръ, въ засѣданіи 5-го іюня.

²⁾ Замѣчаніе профессора Эгиди.

³⁾ То-есть, въ отношеніи гражданской правоспособности ихъ членовъ. См. союзный актъ, ст. XVI.

⁴⁾ Тамъ же, ст. XVIII.

⁵⁾ Мы разумѣемъ союзный актъ, подписанный въ Вѣнѣ 10-го іюня 1815 года. Другой основной законъ Германскаго союза — Вѣнскій заключительный актъ (Wiener Schlussakt), подписанный 15-го мая 1820 года.

вія гражданской жизни, именно на свободу печати и на торговля условия между отдѣльными государствами Союза. Союзный актъ не устанавливалъ никакого опредѣленнаго "minimum'a" относительно какъ того, такъ и другаго предмета: онъ только рекомендовалъ ихъ вниманію будущаго союзнаго сейма ¹⁾.

Въ такомъ духѣ былъ редактированъ союзный актъ. Устанавливалъ въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ общія начала союзнаго устройства, онъ легко могъ быть рассмотрѣнъ въ непродолжительное время. 8-го іюня рассмотрѣніе акта закончилось, а 10-го онъ былъ подписанъ. Дальнѣйшее развитіе „основныхъ началъ“ предоставлялось будущему сейму. Конечно, вся пація была заинтересована тѣмъ, въ какомъ духѣ начнутся и будутъ продолжаться работы союзнаго правительства. Трудно было ожидать какихъ нибудь особенныхъ результатовъ; сеймъ, долженствовавшій состоять изъ уполномоченныхъ отъ правительствъ, которые были связаны инструкціями послѣднихъ, не могъ имѣть широкой свободы дѣйствій. Но, тѣмъ не менѣе, нѣкоторыя надежды существовали. Отдѣльные правительства, невольно подчинившіяся реакціоннымъ стремленіямъ князя Меттерниха въ грозныя для Европы „стодней“ новаго владычества Наполеона, могли во дни „мира и спокойствія“ придти къ другимъ намѣреніямъ. На самомъ Вѣнскомъ конгрессѣ не было недостатка въ правительствахъ, проникнутыхъ либеральными и національными стремленіями; устраненныя тогда, онѣ теперь могли взять верхъ надъ стремленіями противоположными. Но расчетъ былъ не вѣренъ.

Германскій сеймъ долго не собирался; только 5-го ноября 1816 года послѣдовало его открытіе. Уполномоченные прибыли въ Франкфуртъ-на-Майнѣ съ наилучшими намѣреніями и выразили много радостныхъ надеждъ. Австрійскій уполномоченный, графъ Буоль-Шауэнштейнъ, открылъ собраніе широковѣщательною рѣчью. Первые дѣйствія сейма оправдывали эти обѣщанія. XIII и XVIII статьи союзнаго акта истолковывались и примѣнялись въ широкомъ и благоприятномъ смыслѣ. Либеральнымъ учрежденіямъ нѣкоторыхъ государствъ (напримѣръ, великаго герцогства Саксенъ-Веймарскаго) была дана гарантія союза; деспотическія дѣйствія въ другихъ государствахъ

¹⁾ Именно ст. XVIII (2 п. д.) гласитъ: «Союзный сеймъ займется въ первую сессію составленіемъ общихъ распоряженій относительно свободы печати и обезпеченія правъ авторовъ и издателей противъ контрафакціи». Ст. XIX выражается еще неопредѣленно.

вызвали серьезный протестъ, какъ на примѣръ, дѣйствія Кургессенскаго правительства. Постановленіе сейма гласитъ по этому поводу слѣдующее: „Въ виду многочисленныхъ жалобъ на распоряженія правительства, полученныхъ изъ Кургессена, сеймъ, проникнутый сознаниемъ высокаго назначенія, указаннаго ему предписаніями и цѣлью союзнаго акта, не можетъ, въ предѣлахъ указанныхъ ему границъ, не принять стороны угнетенныхъ подданныхъ и не внушить также и имъ убѣжденія, что Германія освободилась кровью народовъ отъ иноземнаго ига и земли возвращены ихъ законнымъ правителямъ для того, чтобы правомѣрный порядокъ занялъ мѣсто произвола“.

Но эти золотые дни, или лучше сказать, сны перваго сейма продолжались недолго. Реакція дѣлала свое дѣло и общество, не раздѣлявшее самообольщенія уполномоченныхъ, видѣло безсиліе сейма и беспомощность Германіи. Уже лѣтомъ 1817 года, во время ваканцій сейма, Гансъ Гагерцъ, юношески вѣрившій „въ высокое его призваніе“, долженъ былъ успокаивать общественное мнѣніе. Въ 1818 году онъ издалъ съ этою цѣлью особую книгу — „Ueber Deutschlands Zustand und Bundesverfassung“. Конечно, онъ скоро самъ долженъ былъ разочароваться въ своемъ идеалѣ. Наступало время, когда онъ и Штейнъ сдѣлались „подозрительны“, а Вильгельмъ Гумбольдтъ долженъ былъ подать въ отставку. Въ это время были развиты „подробности“ началъ союзнаго акта, но помимо сейма, которому осталось только принять новый актъ за второй основной законъ Союза.

II.

Священный союзъ и его вліяніе на внутреннія дѣла Германіи.—Карлсбадскія и Вѣнскія конференціи.—Заключительный актъ.—Организація Германскаго союза. А) Цѣль союза. Б) Составъ союза. В) Субъектъ и объектъ союзной власти. Г) Устройство сейма. Общія начала устройства. Распределеніе голосовъ. Тѣсный совѣтъ и Plenum. Порядокъ постановленія опредѣлений. Значеніе и послѣдствіе этихъ условий. Д) Кругъ вѣдомства, степень власти и средства Сейма. а) Внѣшнія сношенія. Сеймъ, какъ представитель Германіи въ Европѣ. Союзная армія. Слабость сейма и ея причина. б) Охраненіе внутреннего мира. Разрѣшеніе пререканій между отдѣльными государствами союза. Поддержаніе спокойствія въ отдѣльныхъ государствахъ. Причины непопулярности сейма. в) Содѣйствіе внутреннему благосостоянію Германіи. Причины, по которымъ сеймъ ничего не могъ сдѣлать въ этомъ отношеніи. г) Охраненіе частныхъ правъ. д) Союзныя эзекуціи. Заключение.

Внутреннія событія Германіи, конечно, не были изолированы отъ общаго хода европейскихъ событій. Они отражали на себѣ и отчасти

выражали общую мысль, руководившую европейскими кабинетами. Эта общая мысль была формулирована въ довольно неопредѣленныхъ и даже мистическихъ выраженіяхъ при заключеніи такъ-называемаго Священнаго союза (сентябрь 1815 года). Съ внѣшней стороны Священный союзъ представляется попыткой основать международныя отношенія на высшихъ религіозныхъ началахъ. Основатели союза, императоры Александръ I, Францъ II и король Фридрихъ-Вильгельмъ III, взывали къ христіанской заповѣди всеобщей любви и братства, во имя которой монархи, какъ главы отдѣльныхъ частей одной и той же христіанской семьи, должны стремиться къ поддержанію мира и справедливости. Но это направленіе было утилизировано Меттернихомъ для цѣлей полной и всесторонней реакціи. Практическіе результаты Священнаго союза можно формулировать слѣдующимъ образомъ. Внѣшній миръ между европейскими государствами, искусственно созданными и расположенными на Вѣнскомъ конгрессѣ, дѣйствительно поддерживался. Но подъ этимъ наружнымъ „международнымъ“ спокойствіемъ скрывалась гибельная двойная работа, подготовлявшая страшныя потрясенія въ будущемъ. Съ одной стороны, правительственныя мѣры уничтожали въ разныхъ государствахъ послѣднія условія правомѣрности; съ другой—общественныя силы, устраненныя отъ правительственнаго и законнаго участія въ политической жизни, легко подчинились мечтательному и бесплодному революціонному направленію. Реакція и революція противостояли другъ другу столь же рѣшительно и непримиримо, какъ и въ эпоху коалицій феодальной Европы противъ Французской республики. Немногія государства рѣшились вступить на путь общественной свободы и тѣмъ обезпечить себѣ мирное внутреннее развитіе, основанное на единеніи земли и государства. Въ прочихъ странахъ это гибельное роздвоеніе оставалось въ своей силѣ.

Величайшимъ несчастіемъ для будущихъ судебъ Европы было то обстоятельство, что элементъ правительственный отождествлялъ себя и былъ отождествленъ съ началомъ реакціоннымъ, не допускавшимъ самой скромной доли свободы, и что, съ другой стороны, всякое общественное движеніе принимало характеръ революціонный, противный какому бы то ни было порядку. Въ то время, какъ представитель либеральныхъ стремленій эпохи, лордъ Байронъ, „упрощалъ“ свою политику въ смыслѣ ненависти ко *всѣмъ* правительствамъ, Меттернихъ „упрощалъ“ свою, состоявшую въ отвращеніи ко *всѣмъ* видамъ свободы. Съ одной стороны, сыскныя коммиссіи, въ родѣ Майнцской, съ другой—тайныя общества не могли разрѣшить

общественныхъ вопросовъ. Съ 1815 до 1848 года Европа представляла видъ наружнаго спокойствія, прерывавшагося судорожными движеніями общества, угнетеннаго политикою Вѣнскаго кабинета. Кто могъ тогда предвидѣть революціонное движеніе 1848 года, новое развитіе національнаго вопроса, разрушеніе системы искусственныхъ государствъ, Крымскую войну, Италіанскую кампанію, страшный кризисъ 1866 года и ужасныя событія 1870 года? Между тѣмъ, все это коренилось въ политической системѣ 1815 и слѣдовавшихъ за тѣмъ годовъ.

Въ то время, какъ государи собирались отъ времени до времени для укрѣпленія отношеній, установленныхъ Священнымъ союзомъ ¹⁾, Вѣнскіе дипломаты пользовались каждымъ случаемъ увлечь европейскія правительства вообще и германскія въ особенности на реакціонную дорогу. При такихъ условіяхъ, толкованіе и развитіе началъ союзнаго акта не могло быть оставлено въ рукахъ сейма дѣйствовавшаго болѣе или менѣе гласно; дипломаты предпочли удобный и негласный путь частныхъ *министерскихъ конференцій*, постановленій которыхъ потомъ дѣлались обязательными для сейма. Между этими конференціями особенно замѣчательны Карлсбадская и Вѣнская.

Карлсбадская конференція составила въ августѣ 1819 года для приватія мѣръ противъ разныхъ движеній и направленій, не согласныхъ съ принятою уже политическою системою. Правительства были встревожены либеральнымъ направленіемъ печати, учащейся молодежи, разными національно-демократическими обществами (*Tugendbund*, *Turnanstalten*, *Allgemeine Burschenschaft*) и нѣкоторыми демонстраціями, имѣвшими печальный исходъ ²⁾. Главнѣйшія постановленія этой конференціи касались учрежденія повсемѣстно предварительной цензуры, чѣмъ отмѣнялась обѣщанная XVIII статьею союзнаго акта свобода печати, а также относились до мѣръ противъ университетовъ, гимназій и школъ, образованія центральной слѣдственной комиссіи въ Майнцѣ и истолкованія въ ограничительномъ смыслѣ XIII статьи союзнаго акта о представительныхъ учрежденіяхъ. Эти постановленія были приняты сеймомъ, не смотря на нѣкоторую оппо-

¹⁾ Конгрессы въ Ахенѣ (1818 г.), Троппавѣ (1820 г.), Лайбахѣ (1821 г.) и Веронѣ (1822 г.).

²⁾ Таковы, напримѣръ, Вартбургскій праздникъ, устроенный въ 1817 году, для празднованія трехсотлѣтняго юбилея реформации. Послѣ этого праздника нѣкто Зандъ убилъ Августа Коцебу, подозрѣваемаго въ политическомъ шпионствѣ (мартъ 1819 года).

зицію, въ качествѣ „временныхъ мѣръ для необходимаго поддержанія внутренней безопасности и общественнаго порядка въ Союзѣ“.

Со времени Карлсбадской конференціи стало ясно, что, по мнѣнію австрійскаго и увлеченнаго имъ прусскаго кабинета, союзныя установленія должны быть направлены не къ обезпеченію гражданскихъ и шпіциума политическихъ правъ всего Германскаго народа, а къ ограниченію права слишкомъ либеральныхъ правительствъ давать льготы своимъ подданнымъ, то-есть, къ дѣлу діаметрально-противоположной. При этихъ условіяхъ партикуляризмъ и самостоятельность отдѣльныхъ государствъ явились нѣкоторымъ оплотомъ противъ реакціонныхъ стремленій руководителей Союза. Въ самомъ дѣлѣ, нѣкоторые государства, наиболѣе ратовавшія за мѣстную независимость и возставшія противъ учрежденія сильной центральной власти въ 1814 году, были теперь на сторонѣ либеральнаго движенія.

Баварское правительство на дѣлѣ доказало справедливость своихъ словъ на Вѣнскомъ конгрессѣ, что оно противится введенію народнаго представительства по предписанію центральной власти, но не отказывается отъ реформъ по собственному почину. Оно скоро послѣдовало примѣру Саксенъ-Веймарскаго правительства; 19-го мая 1818 года, король Максимилианъ-Іосифъ оетроировалъ своему народу конституцію. Съ небольшимъ чрезъ три мѣсяца, великій герцогъ Баденскій сдѣлалъ то же (22-го августа 1818 года). Труднѣе было открыть путь къ реформамъ въ Виртембергѣ. Въ этой странѣ издавна существовало земское представительство, организованное, правда, на феодальныхъ началахъ, но рѣзко выдававшееся своими достоинствами изъ ряду другихъ одновременныхъ учреждений. Но столкновенія земскихъ чиновъ съ королевскою властью въ XVIII столѣтіи постепенно привели ихъ къ гибели. Король Фридрихъ, одинъ изъ вѣрнѣйшихъ союзниковъ Наполеона, опираясь на силу новаго императора, расширилъ свою прерогативу до послѣднихъ предѣловъ. Немедленно послѣ событий 1805 года земскіе чины были уничтожены. Однако, въ 1815 году король снова почувствовалъ необходимость въ представительствѣ: ничего опредѣленнаго не было, впрочемъ, сдѣлано до его смерти (октябрь 1816 года). Наслѣдникъ его, король Вильгельмъ, пользовавшійся большимъ довѣріемъ, чѣмъ отецъ, довелъ дѣло до конца. Конституція была оетроирована 25-го сентября 1819 года. При этомъ король прямо указывалъ, что онъ исполняетъ, между прочимъ, *требованіе* XIII статьи союзнаго акта, въ качествѣ члена Германскаго союза.

Эти прецеденты были очень серьезны. Неопредѣленное *wird* XIII статьи истолковывалось, очевидно, въ смыслѣ опредѣленнаго *soll*. Очевидно, многиа „общія начала“ союзнаго акта нуждались въ толкованіи, согласномъ съ требованіями реакціонныхъ членовъ союза. Послѣдніе не хотѣли представить этого дѣла сейму, не „очищенному“ еще (*erugirt*) отъ свободомыслящихъ патріотовъ. Поэтому необходимо было изъять этотъ вопросъ изъ вѣдомства сейма и представить его рѣшеніе особой конференціи министровъ всѣхъ германскихъ государствъ. Она собралась въ центрѣ реакціи, Вѣнѣ, 25-го ноября 1819 года и дѣйствовала до 24-го мая 1820 года.

Для болѣе конкретнаго уясненія духа, въ которомъ должна была дѣйствовать конференція, полезно указать на то, въ какомъ смыслѣ предполагалось истолковать XIII статью союзнаго акта. Она, какъ извѣстно, гласила, что „во всѣхъ союзныхъ государствахъ будетъ земское представительство—eine landständische Verfassung“. Австрійскій кабинетъ желалъ истолковать выраженіе „landständische“, въ смыслѣ совѣщательно-сословнаго представительства, развившагося въ средніе вѣка и совершенно несогласнаго съ новыми понятіями. Для подкрѣпленія этого толкованія и убѣжденія другихъ правительствъ, должны были служить учено-историческія изысканія Гентца¹⁾. Гентцъ доказывалъ, что XIII статья дозволяетъ только сословныя собранія, но *воспрещаетъ* представительное устройство въ новомъ смыслѣ. Такимъ способомъ думали ограничить права отдѣльныхъ правительствъ, независимость которыхъ была провозглашена самимъ же союзнымъ актомъ, и отмѣнить октроированныя конституціи Баваріи, Виртемберга и Бадена. Это толкованіе не было, впрочемъ, принято конференціей. За то во многихъ отношеніяхъ идеи Меттерниха и Гентца имѣли рѣшительный успѣхъ.

Во-первыхъ, существо Германскаго союза (толкованіе 1-й статьи союзнаго акта) было изъяснено въ томъ смыслѣ, что онъ есть *международное* соединеніе (*ein völkerrechtlicher Verein*) нѣмецкихъ независимыхъ государей и вольныхъ городовъ для защиты независимости и неприкосновенности ихъ владѣній, входящихъ въ составъ Союза, и для поддержанія вѣншей и внутренней безопасности Германіи²⁾. Во

¹⁾ Фридрихъ фонъ-Гентцъ, род. въ 1764 году въ Бреславлѣ, ум. въ 1832 году. Сначала горячій либераль, потомъ столь же горячій сторонникъ реакціи. На Вѣнской конференціи онъ былъ первымъ ея секретаремъ. Его сочиненія изда ны въ пяти томахъ Вейкомъ (Weick). Кроме того, отдѣльно изда ны его мемуары, письма и т. д.

²⁾ Заключительный актъ, ст. 1.

внутреннихъ отношеніяхъ отдѣльныя государства 'вполнѣ независимы; права и обязанности ихъ ограничиваются договорами; но во внѣшнихъ сношеніяхъ Германскій союзъ является однимъ цѣлымъ ¹⁾. Общаніе, трудно исполнимое по причинамъ, которыя мы увидимъ ниже.

Вовторыхъ, заключительный актъ болѣе подробно опредѣлилъ отношенія уполномоченныхъ на сеймѣ къ пославшимъ ихъ правительствамъ. Уполномоченные *безусловно* зависятъ отъ своихъ довѣрителей (Committenten) и отвѣчаютъ только предъ ними за свое поведеніе, которое должно согласоваться съ данными имъ инструкціями ²⁾. При такихъ условіяхъ, сеймъ никогда не могъ сдѣлаться центральнымъ союзнымъ правительствомъ и до конца своего существованія оставался, въ сущности, международнымъ конгрессомъ независимыхъ во всѣхъ отношеніяхъ государствъ.

Въ-третьихъ, касательно общественныхъ правъ, обѣщанныхъ союзнымъ актомъ, конференція, не принявъ ученія Гентца во всей его чистотѣ, ввела, однако, извѣстныя измѣненія въ примѣненіи XIII статьи. Всѣ они имѣли цѣлью ослабить и безъ того неопредѣленный смыслъ ея. Каждому отдѣльному правительству предоставлялось на волю организовать народное представительство примѣнительно или къ прежнимъ учрежденіямъ этого рода (то-есть, къ феодальнымъ чинамъ), или къ новымъ его формамъ ³⁾. Но ни одно правительство не имѣло права упускать изъ виду основной типъ германскихъ государствъ. Такъ какъ большинство послѣднихъ суть монархіи, то заключительный актъ требуетъ, чтобы вся сумма государственной власти была сосредоточена въ рукахъ государя; земскіе чины могутъ быть призваны къ участию лишь въ отправленіи нѣкоторыхъ функцій власти ⁴⁾. Для охраненія Союза отъ дѣйствія конституціонныхъ учрежденій въ новой ихъ формѣ, принята была слѣдующая мѣра: тамъ, гдѣ допущена гласность преній въ палатахъ, правительство должно озаботиться, чтобы границы свободнаго выраженія мнѣній не были нарушаемы, и тѣмъ не возмущалось бы спокойствіе какъ даннаго государства, такъ и цѣлаго союза ⁵⁾.

¹⁾ Тамъ же, ст. 2.

²⁾ Тамъ же, ст. 8.

³⁾ Закл. актъ, ст. 55.

⁴⁾ Тамъ же, ст. 57. Конечно, статья эта не касалась вольныхъ городовъ (ср. ст. 62).

⁵⁾ Тамъ же ст. 59: «muss.... dafür gesorgt werden, dass die gesetzlichen Grän-

Постановленія конференціи, въ числѣ 65 статей, были подписаны 15-го іюня 1820 года и переданы сейму для утвержденія ихъ въ качествѣ втораго основнаго закона союза подъ названіемъ „Вѣнскаго заключительнаго акта“. Характеръ и смыслъ образованнаго, такимъ образомъ, Германскаго союза опредѣлить не трудно.

Германскій союзъ былъ соединеніемъ извѣстнаго числа *независимыхъ* государствъ для *внѣшней и внутрѣнной безопасности*. Изъ этого опредѣленія вытекаетъ слѣдующее:

А. Цѣль союза. Установленный для сохраненія внѣшней и внутрѣнной безопасности—задачи отрицательной,—Союзъ не могъ взять на себя обезпеченія, общими средствами, условій общаго благосостоянія, духовнаго и экономическаго прогресса всего германскаго народа. Осуществленіе задачъ этого рода совершалось помимо Союза, по инициативѣ и добровольному соглашенію отдѣльныхъ государствъ. Таково учрежденіе *таможеннаго союза* ¹⁾. Притомъ, въ данномъ случаѣ, понятіе безопасности должно принимать въ самомъ ограниченномъ смыслѣ. Какъ союзный актъ, такъ и заключительный актъ подъ именемъ безопасности разумѣютъ огражденіе Германіи отъ внѣшняго нападенія и сохраненіе внѣшняго мира между отдѣльными государствами Союза. Въ рѣдкихъ случаяхъ Союзъ могъ принимать мѣры для сохраненія спокойствія внутри отдѣльныхъ государствъ. Вслѣдствіе этого, Союзъ былъ конфедераціей даже не междунаціональною, а междуправительственною.

Б. Составъ союза. Союзъ состоялъ изъ опредѣленнаго числа независимыхъ государствъ, владѣнія которыхъ были расположены въ предѣлахъ германской территоріи. Такихъ государствъ первоначально было 38, а въ послѣдствіи 35 ²⁾. Германская территорія распределена

zen der freien Aeußerung, weder bei den Verhandlungen selbst, noch bei deren Bekanntmachung durch den Druck, auf eine die Ruhe des einzelnen Bundesstaats oder des gesammten Deutschlands gefährdende Weise überschritten werden».

¹⁾ Zollverein, см. ниже.

²⁾ См. VI статью союзнаго акта. Независимость нѣкоторыхъ государствъ, пользовавшихся ею въ моментъ созванія Вѣнскаго конгресса, не была признана, именно—герцогства Аремберга, княжествъ Изенбурга и Лейена и графства Бенгтина. За сими, въ 1815 году вошли въ составъ союза: 1) Австрія, 2) Пруссія, 3) Баварія, 4) Саксонія, 5) Ганноверъ, 6) Виртембергъ, 7) Баденъ, 8) Кургессенъ, 9) великое герцогство Гессенское, 10) Гольштейнъ, 11) Люксембургъ, 12) Брауншвейгъ, 13) Мекленбургъ-Шверинъ, 15—19) герцогства: Саксенъ-Веймарское, Готское, Кобургское, Мейнингенское, Гильбургаузенское, 20) Мекленбургъ-Стрелицъ, 21) Гольштейнъ-Ольденбургъ, 22—24) Ангальтъ-Дес-

между этими отдѣльными владѣніями чрезвычайно неравномѣрно. Трудно было установить какую-нибудь соразмѣрность между нѣмецкими владѣніями Австріи и Пруссіи, съ одной стороны, и территоріей мелкихъ герцогствъ и княжествъ, съ другой. Если прибавить къ этому, что главные члены союза имѣли еще и обширныя владѣнія, не принадлежавшія къ составу германской территоріи, то эта несоразмѣрность увеличится еще больше. Отсюда понятно, что далеко не всѣ члены союза желали и могли отождествить свои частные интересы съ интересами союза.

Къ числу такихъ государствъ, кромѣ Голландіи ¹⁾ и Даніи ²⁾, принадлежали именно сильнѣйшія державы союза — Австрія и Пруссія. Они являлись не только сильнѣйшими членами Германскаго союза, но первоклассными державами въ *европейскомъ* международномъ союзѣ, съ своими самостоятельными интересами, своимъ призваніемъ и традиціонною политикой, которыя не всегда могли быть отождествлены съ интересами Германскаго союза, и тѣмъ болѣе, принесены имъ въ жертву. Нельзя было требовать отъ великихъ европейскихъ державъ, чтобъ они замкнули свои интересы въ довольно узкую сферу конфедераціи, которую никакъ нельзя было назвать Герма-

---

сау, Бернбургъ и Кѣтенъ; 25—26) Шварцбургъ-Зондерсгаузенъ и Рудольфштадтъ, 27) Гогенцоллернъ-Гехингенъ, 28) Лихтенштейнъ, 29) Гогенцоллернъ-Зигмунрингенъ, 30) Вальдекъ, 31—32) Рейссъ старшей линіи и Рейссъ младшей линіи, 33) Шаубургъ-Липпе, 34) Липпе, 35—38) вольные города: Любекъ, Франкфуртъ-на-Майнѣ, Бременъ и Гамбургъ. Впослѣдствіи сократились: Саксенъ-Гота (№ 16, въ 1825 году) два Гогенцоллерна (№№ 27 и 29, въ 1849 году) и Ангальтъ-Кѣтенъ, присоединенный къ Ангальтъ-Дессау (№ 23, въ 1847 году). Но въ 1817 году въ составъ союза вступилъ Гессенъ-Гомбургъ. Въ 1866 году союзъ состоялъ изъ 35 членовъ. Изъ нихъ:

1 имперія (Австрія).

5 королевствъ (Пруссія, Саксонія, Баварія, Ганноверъ, Виртембергъ).

1 курфюршество (Гессенъ).

7 великихъ герцогствъ (Баденъ, Гессенъ-Дармштадтъ, Люксембургъ, Мекленбургъ-Шверинъ, Саксонія, Ольденбургъ, Мекленбургъ-Стрелицъ).

8 герцогствъ (Гольштейнъ-Лауэнбургъ, Брауншвейгъ, Нассау, Саксенъ-Кобургъ-Гота, Саксенъ-Мейнингенъ-Гильбурггаузенъ, Саксенъ-Альтенбургъ, Ангальтъ-Дессау-Кѣтенъ, Ангальтъ-Бернбургъ).

8 княжествъ (Шварцбургъ-Рудольфштадтъ, Шварцбургъ-Зондерсгаузенъ, два Рейсса, Лихтенштейнъ, Вальдекъ, Шаубургъ-Липпе и Липпе).

1 ландграфство (Гессенъ-Гомбургъ).

4 вольные города.

¹⁾ Бывшей членомъ союза за Люксембургъ и Лимбургъ.

²⁾ Бывшей членомъ союза за Гольштейнъ и Лауэнбургъ.

ней, въ смыслѣ цѣльнаго политическаго тѣла; этому противились какъ выгоды прочихъ, не германскихъ частей ихъ территорій, такъ и интересы великаго международнаго союза, гдѣ они имѣли свою самостоятельную роль. Съ точки зрѣнія германскаго патриотизма, такая политика часто вмѣнялась въ вину этимъ великимъ державамъ, въ качествѣ измѣны національному дѣлу. Но долгъ безпристрастія требуетъ сказать, что эта идея „единой Германіи“ въ тѣ времена не могла быть руководящимъ началомъ практической политики. Прусскіе, австрійскіе интересы имѣли гораздо больше определенности, конкретности, чѣмъ „національные интересы Германіи“, которые всѣ были еще въ отдаленномъ будущемъ. Съ практической точки зрѣнія, вопросъ формулируется слѣдующимъ образомъ: должна ли была Пруссія (или Австрія) подчинять свою политику интересамъ не націи Германской, не имѣвшей еще политическаго существованія, а *прочихъ правительствъ*, съ которыми она имѣла дѣло на сеймѣ? Эта масса микроскопическихъ государствъ (Zwergstaaten), конечно, не могла имѣть притязанія подчинить своему руководству политику двухъ могущественныхъ державъ, какъ могла бы это сдѣлать политически единая Германія. Отсюда понятно, что такъ-называемая „общая политика“ Германскаго союза могла быть плодомъ только случайнаго и очень рѣдкаго соглашенія его членовъ, почему она была весьма незамѣтнымъ и нечувствительнымъ элементомъ новой европейской исторіи.

В. *Субъектъ и объектъ союзной власти.* Союзная конституція не учредила центральной власти, которая стояла бы *выше* правительствъ отдѣльныхъ государствъ и имѣла бы извѣстныя *непосредственныя* отношенія ко всей массѣ народонаселенія Германіи. Субъектомъ союзной власти являлись *сами союзныя правительства*, вступавшія другъ съ другомъ въ соглашеніе чрезъ своихъ уполномоченныхъ на сеймѣ. Каждый изъ этихъ уполномоченныхъ не только *de facto*, но и *de jure* представлялъ интересы только своего правительства, инструкціями котораго онъ былъ связанъ. Это прямо противорѣчило идеѣ общаго представительства, въ которомъ депутаты отдѣльныхъ частей цѣлаго представляютъ не эти части, а всю націю, и потому не могутъ быть связаны какими-либо инструкціями. Конечно, о примѣненіи началъ дѣйствительнаго представительства въ Германскому союзу не могло быть и рѣчи, потому что конституція не допускала главнаго его условія — народнаго представительства, которое бы выражало волю всей націи, въ противоположность партикуляристическому составу сейма.

Характеромъ субъекта союзной власти опредѣлялся и ея объектъ, или лучше сказать, отсутствіе этого объекта. Сеймъ не имѣлъ и не могъ имѣть правъ, отдѣльныхъ отъ правъ каждаго правительства, и которыми онъ могъ бы пользоваться независимо отъ нихъ, обращая свои требованія непосредственно ко всей массѣ Германскаго народа. Въ этомъ отношеніи новое союзное правительство было поставлено въ условія, невыгодныя даже сравнительно съ старою имперіей. Имперское правительство, хотя номинально считалось главою всей Германіи, во всякомъ случаѣ, имѣло разныя прерогативы предъ мѣстными властями. Оно имѣло въ отдѣльныхъ земляхъ разныя непосредственныя права; въ другихъ отношеніяхъ, его власть соперничала съ властями мѣстными. Союзный сеймъ не имѣлъ ни территоріальнаго верховенства, ни малѣйшей доли общенароднаго главенства.

Правда, союзъ былъ объявленъ учрежденіемъ непреходящимъ и неразрывнымъ; отдѣльный членъ не могъ отложиться отъ него по своей волѣ¹⁾. Слѣдовательно, территорія союза объявлялась нераздѣльнымъ цѣлымъ. Но 5 статья заключательнаго акта устанавливала только международную цѣльность территоріи; изъ нея не возникало никакихъ правъ территоріальнаго верховенства для союзной власти. Массы германскаго народонаселенія не пользовалась никакими общими правами, обезпеченными непосредственно союзною властью, и не имѣла никакихъ обязанностей непосредственно же по отношенію къ союзу. По началамъ конституціи, Германскій народъ не былъ однимъ политическимъ цѣлымъ, организованнымъ на основахъ извѣстныхъ общеподданическихъ обязанностей и общности нѣкоторыхъ правъ.

Г. *Устройство сейма.* Германскій сеймъ былъ *органомъ* союзной власти, субъектами которой являлись отдѣльныя государства. Поэтому онъ состоялъ изъ *уполномоченныхъ* отъ государствъ, дѣйствовавшихъ по инструкціямъ своихъ правительствъ и подъ условіемъ ответственности предъ сими послѣдними. Сеймъ можно, слѣдовательно, назвать *постояннымъ конгрессомъ* германскихъ государствъ²⁾. Мѣстопробываніемъ его былъ Франкфуртъ-на-Майнѣ³⁾.

¹⁾ Закл. актъ ст. 5. Der Bund ist als ein unauflöslicher Verein gegründet, und es kann daher der Austritt aus diesem Verein keinem Mitgliede desselben frei werden.

²⁾ Считаю лишнимъ объяснять, что подъ именемъ *конгресса* мы разумѣемъ установленіе *международнаго* характера, то-есть, собраніе уполномоченныхъ нѣсколькихъ независимыхъ державъ.

³⁾ Союзный актъ, ст. IX.

Устройство сейма опредѣлялось въ подробностяхъ: а) юридическимъ отношеніемъ отдѣльныхъ германскихъ государствъ между собою и б) юридическимъ положеніемъ самаго сейма.

а) Союзный актъ призналъ и заключительный актъ подтвердилъ начало равенства германскихъ государствъ ¹⁾ въ томъ смыслѣ, что всѣ они одинаково независимы, и всѣ имѣютъ право на участіе въ союзномъ управленіи. Но степень этого участія не была и не могла быть одинакова для всѣхъ государствъ, принималъ во вниманіе ихъ различную величину, а слѣдовательно, и различный объемъ представляемыхъ ими интересовъ. Вопросъ объ опредѣленіи степени участія отдѣльныхъ и неровныхъ по объему членовъ Союза въ общихъ дѣлахъ, при соблюденіи однако ихъ юридическаго равенства, есть, конечно, вопросъ сложный, но присущій всѣмъ союзнымъ государствамъ, даже федеративнымъ, а не только конфедеративнымъ, каковымъ былъ Германскій союзъ. Онъ возникъ въ свое время—въ Америкѣ и въ Швейцаріи; тамъ и здѣсь его разрѣшили одинаково и къ общему удовольствію, именно различіемъ въ устройствѣ двухъ палатъ народныхъ представителей. Американскій сенатъ состоитъ изъ сенаторовъ, избираемыхъ по два отъ каждаго штата, какова бы ни была его величина. Напротивъ депутаты въ палату представителей избираются каждымъ штатомъ въ числѣ, соотвѣтствующемъ его народонаселенію ²⁾. Таковы же постановленія швейцарской конституціи 1848 года. Совѣтъ государствъ (Conseil des Etats) состоитъ изъ 44 депутатовъ, назначаемихъ по два отъ каждаго изъ 22 кантоновъ; народный совѣтъ (Conseil National) состоитъ изъ депутатовъ, избираемыхъ кантонами пропорціонально ихъ народонаселенію ³⁾. Такимъ образомъ, начало мѣстной независимости и равенства членовъ федераціи обеспечивается равнымъ для нихъ представительствомъ въ одной палатѣ; начало единства федераціи поддерживается устройствомъ второй. Подобное разрѣшеніе вопроса очевидно могло имѣть мѣсто въ странахъ, признающихъ народное представительство и его различные органы. Между тѣмъ,

б) Германскій сеймъ, по началамъ союзной конституціи, являлся единственнымъ органомъ союзной власти и притомъ составленнымъ изъ однихъ правительственныхъ агентовъ. Меттернихъ, какъ извѣ-

¹⁾ Союзный актъ, ст. III: «Alle Bundesglieder haben als solche gleiche Rechte». Ср. закл. актъ, ст. 1 и 2.

²⁾ См. америк. конституцію, гл. первая, отд. II, ст. 1, 3; отд. III, ст. 1.

³⁾ Ср. Швец. конституцію, глава II, ст. 61, 69.

стно, отвергъ и настоялъ на устраненіи сложной организаціи союзной власти, какъ это предлагалось въ проектѣ прусскихъ уполномоченныхъ на Вѣнскомъ конгрессѣ. Признавая только одинъ и несложный органъ союзной власти, конституція должна была разрѣшить вопросъ о степени участія отдѣльныхъ государствъ въ дѣлахъ союзнымъ способомъ. Такимъ средствомъ явилось установленіе различія въ числѣ голосовъ, принадлежащихъ каждому государству на сеймѣ.

По плану, предложенному въ 1815 году Австріей, совмѣстно съ Пруссіей ¹⁾, государства, признанныя членами союза, раздѣлялись на двѣ категоріи. Одни изъ нихъ получали самостоятельный голосъ на сеймѣ (Virilstimme); другія (мелкія) государства для образованія полнаго голоса соединялись между собою (Gesammt или Curiotstimmen). Самостоятельные голоса даны 11 государствамъ; прочія составили 6 собирательныхъ голосовъ. Такимъ образомъ, въ обыкновенныхъ рѣшеніяхъ сейма принимали участіе 17 голосовъ. Но мелкія государства и вольные города нашли, что ихъ независимость недостаточно обезпечена этою мѣрою вліянія на общія дѣла. Могли ли 6 предоставленныхъ имъ голосовъ противостоятъ намѣреніямъ 11 полноправныхъ державъ, неуваженіе которыхъ къ правамъ слабѣйшихъ ясно обнаружилось во время разгрома старой имперіи — въ поглощеніи однихъ и медиатизаціи другихъ? Протестъ князей и вольныхъ городовъ былъ представленъ ¹³/₂₅ мая 1815 года и имѣлъ успѣхъ. Постановлено было рѣшеніе дѣлъ исключительной важности предоставить особому собранію сейма, въ которомъ каждое государство имѣло бы не менѣе одного самостоятельнаго голоса (Virilstimme); но за то главные государства получали здѣсь по нѣскольку голосовъ, во всякомъ случаѣ не болѣе четырехъ. Такъ установилось различіе между двумя формами засѣданій сейма и двумя способами постановляемыхъ въ немъ опредѣленій — совѣтомъ тѣснымъ (engerer Rath) и полнымъ собраніемъ (Plenum). Они признаны какъ союзнымъ, такъ и заключительнымъ актами ²⁾. Plenum и тѣсный совѣтъ не были двумя различ-

¹⁾ Когда послѣдняя приняла уже систему Меттерниха.

²⁾ Ср. Союзн. актъ, ст. IV и VI; закл. актъ, ст. 11 — 15. Для наглядности мы представляемъ здѣсь распредѣленіе голосовъ между государствами въ двухъ означенныхъ формахъ собраній сейма.

ТѢСНЫЙ СОВѢТЪ.

Названіе государства.	Самостоятельный голосъ.
Австрія	1 голосъ.
Пруссія	1 „

ными установленіями. На основаніи VI статьи союзнаго акта, тѣсный совѣтъ *обращался* въ plenum для припятія рѣшеній по нѣкоторымъ дѣламъ особой важности ¹⁾. Сюда относились: 1) измѣненіе основныхъ законовъ, изданіе новыхъ постановленій, принятіе въ союзъ новыхъ членовъ, учрежденіе новыхъ союзныхъ установленій (Organische Einrichtungen, das heisst, bleibende Anstalten, als Mittel zur Erfüllung der aussgesprochenen Bundeszwecke); эти вопросы требовали *единогласнаго* рѣшенія; 2) объявленіе войны, заключеніе мирныхъ договоровъ отъ имени союза; эти вопросы надлежало рѣшать большинствомъ $\frac{2}{3}$ голо-

Баварія	1	голосъ.
Королевство Саксонія	1	»
Ганноверъ	1	»
Виртембергъ	1	»
Кургессенъ	1	»
Великое герцогство Гессенъ	1	»
Великое герцогство Баденъ	1	»
Гольштейнъ-Лауэнбургъ	1	»
Люксембургъ-Лимбургъ	1	»
		Собирательные голоса.
1) Брауншвейгъ и Нассауское герцогства	1	»
2) Мекленбургъ-Шверинъ и Мекленбургъ-Стрелицъ	1	»
3) Великое герцогство Саксенъ-Веймаръ, герцогство Саксенъ-Мейнингенъ и Саксенъ-Альтенбургъ	1	»
4) Ольденбургъ, два Ангальта и два Шварцбурга	1	»
5) Лихтенштейнъ, два Рейсса, два Липпе, Вальдекъ и Гессенъ-Гомбургъ	1	»
6) Франкфуртъ на Майнѣ, Временъ, Гамбургъ и Любекъ	1	»
	Всего	17 голосовъ.

PLENUM.

Названіе государствъ.	Каждое имѣетъ по	ВСЕГО.
1) Австрія, Пруссія, Саксонія (кор.), Баварія, Виртембергъ, Ганноверъ	4 голоса.	24 голоса.
2) Баденъ, Кургессенъ, вел. герц. Гессенъ, Гольштейнъ-Лауэнбургъ, Люксембургъ-Лимбургъ.	3 »	15 »
3) Брауншвейгъ, Мекленбургъ-Шверинъ и Нассау	2 »	6 »
4) Остальные государства и вольные города, въ числѣ 21, имѣли каждое — по	1 »	21 »
	Итого	66 голосовъ.

¹⁾ VI ст. Союзнаго акта гласитъ: «Woes auf Abfassung und Abänderung von Grundgesetzen des Bundes, auf Beschlüsse, welche die Bundesacte selbst betreffen, auf organische Bundeseinrichtungen und auf Gemeinnützige Anordnungen sonstiger Art ankommt, bildet sich die *Versammlung zu einem Plenum*» и т. д.

совѣ¹⁾. Въ *plenim*'ѣ не происходило преній; всѣ пренія заканчивались въ тѣсномъ совѣтѣ и поступали въ *plenim* единственно для голосованія²⁾. Въ такомъ видѣ *plenim* являлся только условіемъ ограниченія того преобладающаго, какое въ тѣсномъ совѣтѣ имѣли 11 большихъ государствъ. Учрежденіе его выражало слѣдующую мысль: ни одно существенно важное измѣненіе въ союзѣ не можетъ производиться въ немъ безъ согласія или *всѣхъ* его членовъ, или большинства $\frac{2}{3}$ голосовъ. Такое учрежденіе служило цѣлямъ довольно крайняго партикуляризма. Настоятельно необходимыя измѣненія въ конституціи, проекты полезнѣйшихъ установленій союзной администраціи, проекты, одобренныя Пруссіей, Австріей, Баваріей, Виртембергомъ, Баденомъ и огромнымъ большинствомъ прочихъ державъ въ „тѣсномъ совѣтѣ“, могли не пройти, въ случаѣ несогласія Вальдека или Лихтенштейна. Отсюда само собою понятно, что союзная конституція не допускала никакого серьезнаго улучшенія и дальнѣйшаго развитія, требуемаго условіями времени. Даже рѣшеніе вопросовъ о войнѣ и мирѣ, требующихъ иногда быстроты и рѣшительности, было обставлено такъ, что главныя государства Германіи, вмѣстѣ взятыя, не могли принять ничего при оппозиціи однихъ мелкихъ державъ³⁾. Если прибавить къ этому, что важнѣйшіе изъ вопросовъ, входившихъ въ кругъ вѣдомства тѣснаго союза⁴⁾, требовали здѣсь также единогласнаго рѣшенія, то понятно будетъ, почему Германскій сеймъ былъ обреченъ на бездѣйствіе по всѣмъ вопросамъ, волновавшимъ германское общество съ 1815 по 1866 г., и почему всякая преобразовательная попытка должна была совершаться *мимо* сейма, — именно *мимо*, даже не противъ него: онъ не имѣлъ возможности отнестись къ дѣйствительно серьезному движенію ни положительно, ни отрицательно; онъ стоялъ въ сторонѣ.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о *внѣшней* организаціи сейма.

¹⁾ См. ст. 12 и 13. вѣдл. акта.

²⁾ Тамъ же, ст. 12: «In Plenum findet keine Erörterung noch Berathung statt, sondern es wird nur darüber abgestimmt, ob ein in engerem Rathe vorbereiteter Beschluss angenommen oder verworfen werden soll».

³⁾ Большинство $\frac{2}{3}$ въ *plenim* составлялось изъ 44 голосовъ. Слѣдовательно, рѣшеніе, принятое государствами 1-го и 2-го разряда, имѣвшими по 4 и 3 голоса (всего 39), могло быть отвергнуто державами 3-го и 4-го разряда, имѣвшими по 2 и по 1 голосу (всего 27).

⁴⁾ Религіозныя дѣла и такъ-называемыя *jura singularum*.

Число уполномоченных не было строго определено. Каждое правительство, принимавшее участие въ сеймѣ, имѣло право посылать туда своего уполномоченнаго. Поэтому число уполномоченныхъ могло представлять определенную цифру 35 (по числу государствъ). Но фактически оно видоизмѣнялось и колебалось подъ вліяніемъ двухъ обстоятельствъ. Вопервыхъ, государства, имѣвшія въ тѣсномъ совѣтѣ только собирательные голоса, обыкновенно не считали нужнымъ имѣть отдѣльныхъ уполномоченныхъ на сеймѣ. Каждая *курія* ¹⁾ имѣла право назначать одного уполномоченнаго, который долженъ былъ сообразоваться съ отдѣльными инструкціями своими ²⁾. Съ другой стороны, государства, имѣвшія *in pleno* нѣсколько голосовъ (4, 3, 2) могли посылать и нѣсколькихъ уполномоченныхъ, что, конечно впрочемъ, не увеличивало числа ихъ голосовъ (одного) въ тѣсномъ совѣтѣ. При такихъ условіяхъ, союзное законодательство должно было опредѣлить только *minimum* числа уполномоченныхъ; этотъ *minimum* и былъ ограниченъ 17-ю.

Предсѣдательство на сеймѣ принадлежало австрійскому уполномоченному; но Австрія, конечно, не пріобрѣтала чрезъ это никакихъ существенныхъ правъ; предсѣдательство состояло въ формальномъ руководствѣ преніями и въ наблюденіи за порядкомъ дѣлопроизводства. Сеймъ, какъ постоянный органъ Союза, засѣдалъ, въ принципѣ, постоянно. Но онъ могъ назначать себѣ вакаціи, *maximum* на 4 мѣсяца. На время вакаціи оставались однако: уполномоченный предсѣдательствующаго государства или вступающій его мѣсто ³⁾ и союз-

¹⁾ То-есть, кругъ государствъ, которыя вмѣстѣ имѣли одинъ собирательный голосъ, на примѣръ, четыре вольные города.

²⁾ Это обстоятельство имѣло особенное значеніе *in pleno*, гдѣ одинъ и тотъ же уполномоченный долженъ былъ подавать голосъ то за, то противъ обсуждаемаго предложенія. Во всякомъ случаѣ, по утвержденному сеймомъ уставу дѣлопроизводства (*Geschäftsordnung*, 1816 и 1854 гг.), въ тѣсномъ совѣтѣ имѣть право поданать голосъ только *одинъ уполномоченный* изъ всѣхъ депутатовъ одной *куріи*. Прочіе могутъ присутствовать здѣсь для совѣщаній, объясненій, но безъ рѣшительнаго голоса. Назначеніе такого уполномоченнаго и порядокъ соглашенія между отдѣльными государствами *куріи* предоставляется имъ самимъ. Обыкновенно эти уполномоченные смѣнялись по очереди (*Turnus*). Очередь, на примѣръ, между вольными городами, была установлена въ слѣдующемъ порядкѣ: Любекъ, Франкфуртъ, Бременъ, Гамбургъ. Каждый городъ имѣлъ $\frac{1}{4}$ голоса. Въ случаѣ несогласія, вопросъ рѣшался большинствомъ голосовъ; при раздѣленіи ихъ, перевѣсъ давалъ голосъ очереднаго города.

³⁾ Исправленіе должности предсѣдательствующаго, въ небытность австрій-

ная канцелярія. Кромѣ того, при уполномоченномъ предсѣдательствующемъ должны были оставаться, по крайней мѣрѣ, два уполномоченныхъ другихъ государствъ; вмѣстѣ они составляли вакаціонный комитетъ (Ferien-Ausschuss). При сеймѣ состояли, или вѣрнѣе, изъ его членовъ образовывались различные постоянные комитеты для завѣдыванія отдѣльными отраслями союзной администраціи ¹⁾ и другія должности.

Достойно замѣчанія, что дѣятельность сейма была *негласна*. Мы не говоримъ ужь о *засѣданіяхъ* сейма, происходившихъ при закрытыхъ дверяхъ. Но даже отчеты о засѣданіи и протоколы сейма или вовсе не печатались для публики, или предавались гласности въ весьма ограниченномъ размѣрѣ ²⁾. По видимому, сдѣлано было все, чтобъ устранить вліяніе сейма на германское общество, если только онъ могъ имѣть его.

Д. *Кругъ вѣдомства, степень власти и средства сейма.* Главная цѣль союза, какъ замѣчено выше, состояла въ охраненіи вѣшняго и внутренняго мира Германіи; нѣкоторыя добавочныя задачи указаны особо. Вообще компетенція сейма опредѣлена союзнымъ актомъ 1815 года, сеймовымъ опредѣленіемъ (Competenz-Bestimmung) и заключительнымъ актомъ 1820 года. Предметы, подлежащія вѣдѣнію сейма на основаніи этихъ узаконеній, могутъ быть распределены по слѣдующимъ рубрикамъ: а) веденіе вѣшнихъ сношеній, б) охраненіе внутренняго мира, в) попеченіе о внутреннемъ благосостояніи Германіи, и г) защита частныхъ правъ. Мы рассмотримъ каждую изъ

скаго уполномоченнаго, вѣроятно уполномоченному прусскому, въ небытность его — баварскому и т. д. по списку членовъ Союза.

¹⁾ Такими были: 1) союзная исполнительная коммиссія (Bundes-Executions-Commission) (о значеніи союзныхъ исполнительствъ см. ниже); 2) коммиссія для разсмотрѣнія жалобъ частныхъ лицъ, подававшихся сейму (Reclamations-Commission); 3) военный комитетъ (Militärausschuss); 4) коммиссія для надзора за дѣйствіями представительныхъ установленій въ отдѣльныхъ государствахъ. Она учреждена въ 1832 году; о дѣятельности ея см. ниже.

²⁾ Сеймъ первоначально желалъ предавать свои дѣйствія значительной гласности (1816 г.). Но 1-го іюля 1824 года сеймъ издалъ постановленіе, ограничившее первоначальныя правила. Оно было отменено во время революціи 1848 года. По возобновленіи сейма въ 1851 году, изданы новыя правила, не столь стѣснительныя, какъ законъ 1824 года, но все-таки мало обезпечивающія гласность сеймовыхъ преній и дѣйствій. Только въ 1860 году сеймъ рѣшился возвратиться къ порядку 1816 года. Ср. *Цейфль*, Grundsätze des Gem. deutsch. Staatsrechts, I, стр. 320—324 пятаго изданія.

этихъ общихъ цѣлей особо, вмѣстѣ съ средствами къ ихъ осуществленію.

а) Называя Германскій союзъ установленіемъ *международнымъ*, основные законы его должны были организовать силы Германіи, главнымъ образомъ, для цѣлей *внѣшнихъ сношеній*, для обезпеченія неприкосновенности ея въ средѣ другихъ государствъ, какъ единого цѣлаго. Нельзя, однако, сказать, чтобъ эта цѣль была осуществлена какъ слѣдуетъ. 2-я статья заключительнаго акта объявляетъ, что союзъ во внѣшнихъ сношеніяхъ является единымъ цѣлымъ, als eine in politischer Einheit verbundene Gesamt-Macht. На этомъ основаніи, союзъ имѣетъ право объявлять войну, заключать миръ и вступать въ договоры ¹⁾. По эти постановленія нисколько не сдѣлали изъ Германскаго союза *дѣятельнаго* члена европейской семьи. Не нужно доказывать, что задача современныхъ международныхъ сношеній не исчерпывается охраненіемъ *безопасности* каждаго государства. Это—задача элементарная, осуществляемая одними отрицательными мѣрами. Но съ обезпеченіемъ ея, начинается истинная дѣятельность международнаго союза, направленная къ осуществленію общими средствами разныхъ условій ихъ благосостоянія; съ этого момента появляются торговые трактаты, почтовые конвенціи, взаимное обезпеченіе литературной собственности, учрежденіе консуловъ съ ихъ обширною дѣятельностью и т. д. Участвовалъ ли во всемъ этомъ Германскій союзъ, какъ признанная европейская держава, Gesamt-Macht, участвовалъ ли онъ тогда, когда всѣ государства Европы, къ ихъ великой чести, обратили вниманіе именно на эту сторону международнаго права? На основаніи историческихъ данныхъ, нельзя дать другаго отвѣта, кромѣ отрицательнаго.

Союзъ замѣнулъ свою дѣятельность въ предѣлы узко-поимтой 35-й статьи заключительнаго акта, по которой цѣлью союза должна быть только *оборонительная* война и охраненіе Германіи. Дѣйствительно, для *обороны* Германіи было сдѣлано довольно много, особенно сравнительно съ средствами, оставленными имперіей. Наиболѣе совершенною частью германскихъ союзныхъ учрежденій была союзная армія ²⁾. Конечно, нельзя говорить о *союзной* арміи въ собственномъ смыслѣ; союзъ не имѣлъ своей военной силы, которою могъ бы распоряжаться независимо отъ отдѣльныхъ государствъ. Подобно арміи имперской, и союзная

¹⁾ Тамъ же, ст. 35. Ср. также ст. XI союзн. акта и ст. 36 закл. акта.

²⁾ Союзная армія была организована сеймовыми постановленіями 1821 и 1822 годовъ. Реформа этого устройства послѣдовала въ 1855 году, января 4-го.

составлялась изъ контингентовъ отдѣльныхъ государствъ. Но она отличалась отъ первой и количествомъ контингента, и его правильною организаціей. Въ 1863 году численность ея превышала 600.000 человекъ, съ 1.400 полевыхъ орудій и 250 орудій осадныхъ. Она слагалась изъ 10-ти корпусовъ: 7 *несмѣшанныхъ* и 3 *смѣшанныхъ*. Несмѣшанные корпуса содержались и выставлялись (въ случаѣ войны) непосредственно тремя главными государствами Германіи — Австріей (три корпуса), Пруссіей (три корпуса) и Баваріей (одинъ корпусъ). Смѣшанные корпуса содержались и выставлялись совместно прочими государствами, пропорціонально ихъ средствамъ ¹⁾. Часть этого войска постоянно должна была находиться на дѣйствительной службѣ; порядокъ составленія и мобилизованія арміи былъ точно определенъ. Кромѣ сеймоваго военнаго комитета, для ближайшаго завѣдыванія военною частью была учреждена техническая военная коммиссія изъ особыхъ уполномоченныхъ отъ германскихъ государствъ ²⁾. Въ случаѣ войны, главнокомандующій назначался сеймомъ, которому онъ и приносилъ присягу.

Кромѣ арміи, въ распоряженіе союза были предоставлены *крѣпости*, съ цѣлью защиты союза отъ непріятельскаго вторженія. Первоначально Парижскій трактатъ 1815 года предоставилъ въ распоряженіе союза три крѣпости — Майнцъ, Люксембургъ и Лапдау ³⁾. Въ 1841 и 1842 годахъ къ нимъ присоединены Ульмъ и Рапштадтъ.

Но эта почтенная съ виду сила имѣла значеніе едва ли не на одной бумагѣ. Европа фактически не ощущала существованія въ своей средѣ такой огромной арміи даже въ такіе моменты, когда честь Германіи была затронута. Въ 1848 году Союзъ считалъ чрезвычай-

¹⁾ 8-й корпусъ слагался изъ контингентовъ Виртемберга, Бадена, великихъ герцогствъ Гессена, Лихтенштейна, Гамбурга и Франкфурта; 9-й корпусъ — изъ контингентовъ королевства Саксонія, Кургессена, Пассау, герцогствъ Саксонскихъ, владѣній Ангальтскихъ, Шварцбургскихъ и Рейссскихъ; 10-й корпусъ — изъ контингентовъ Ганновера, Брауншвейга, Гольштейнъ-Лауэнбургъ, двухъ Мекленбурговъ, Ольденбургъ, Вальдека, двухъ Липпе и трехъ вольныхъ городовъ.

²⁾ Technische Militär-Commission учреждена въ 1819 году. Она состояла изъ 6-ти членовъ: отъ Австріи, Пруссіи и Баваріи по одному и трехъ отъ остальныхъ государствъ, назначавшихъ ихъ по взаимному соглашенію.

³⁾ «Les places de Mayence, Luxembourg et Landau sont déclarées places de la Confédération Germanique, abstraction faite de souveraineté territoriale de ces places. Ср. Г. Цахарія, Deutsches Staats- und Bundesrecht, т. II, стр. 829. Это нисколько не устанавливало непосредственной державности союза надъ этими мѣстами; они оставались частями соответствующихъ территорій.

нымъ національнымъ подвигомъ „общую войну“ противъ беззащитной Дани; но даже и это предпріятіе кончилось *мимо* союза и къ его невыгодѣ. Не станемъ говорить о плачевной роли союза во время Итальянской войны 1859 года. Безсиліе союза, конечно, зависѣло не отъ недостатка его средствъ, но отъ отсутствія мотива, безъ котораго всѣ матеріальныя средства не имѣютъ никакой цѣны, отъ отсутствія сознанія общенаціональныхъ цѣлей и необходимости соотвѣтствующей имъ политики. Самъ сеймъ въ 1848 году ¹⁾ жаловался на отсутствіе даже внѣшнихъ символовъ національнаго единства — союзнаго герба и цвѣтовъ ²⁾. Можно находить тонъ прокламаціи сейма немного театральнымъ, но нельзя не согласиться, что онъ вѣрно указалъ на причину безсилія Союза, хотя эта причина лежала въ самомъ существѣ его организаціи и ея основныхъ началахъ. Безсиліе союза проявилось прежде всего въ отсутствіи въ немъ всякихъ творческихъ силъ. Организація военной защиты страны остановилась на тѣхъ средствахъ, какія были ей даны первымъ движеніемъ 1815 и ближайшихъ къ нему годовъ. Затѣмъ союзное правительство не прибавило къ нимъ ничего, или прибавляло съ изумительною медленностію. Мы остановимся на нѣсколькихъ примѣрахъ.

Еще въ 1815 году было опредѣлено, что Союзъ, кромѣ трехъ выше-названныхъ крѣпостей, воздвигнетъ еще четвертую, въ области средняго Рейна, стратегическое значеніе которой нечего доказывать. На 60.000.000 фр. французской контрибуціи, 20.000.000 были назначены на этотъ предметъ. Но *двадцать-шесть лѣтъ* прошли въ бесплодныхъ спорахъ и совѣщаніяхъ, пока наконецъ сеймъ не рѣшился укрѣпить Ульмъ, какъ главную, и Раштадтъ, какъ добавочную крѣпость (1841, 1842 гг.). Контингентъ союзной арміи былъ опредѣленъ согласно переписи 1818 года, показавшей народонаселеніе Германіи въ 30 съ не-

¹⁾ Конечно, подъ влияніемъ извѣстнаго національнаго движенія, о которомъ мы будемъ говорить въ слѣдующей главѣ.

²⁾ До 1848 года союзъ пользовался гербомъ и печатью председательствующей державы съ надписью: «Kaiserlich-Oesterreichische Bundespräsidialkanzlei». 9-го марта 1848 года политическій комитетъ сейма пришелъ къ заключенію, что: «Сила Германіи основывается на сознаніи ея единства, но для того, чтобы сознаніе это ясно и живо представлялось народу, оно нуждается во внѣшнихъ символахъ». Поэтому, сеймъ постановилъ дать союзу старшій имперскій гербъ (орла) и національныя цвѣта — черный — красный — золотой (schwarz-rot-golden). Вокругъ герба полагалась надпись: «Германскій союзъ». Это постановленіе сейма было подтверждено въ 1854 году. Ср. *Цахаръ*, назв. соч., II, стр. 795; *Ценфля*, назв. соч., I, стр. 324.

большимъ миллиономъ. Съ тѣхъ поръ, до 1860 года, ни разу не было приступлено къ провѣркѣ союзной переписи, хотя въ 1852 году народонаселеніе Германіи увеличилось до 42 слишкомъ миллиономъ. Но самый рѣшительный примѣръ представляетъ вопросъ о германскомъ союзномъ флотѣ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что защита интересовъ столь обширнаго и притомъ столь промышленнаго государства (Gesamint-Macht), какъ Германскій союзъ, не могла быть достигнута съ помощію одной сухопутной арміи. Настоятельность союзнаго флота чувствовалась уже въ 1817 году. Вольные города: Бременъ, Гамбургъ и Любекъ горько жаловались сейму, что ихъ торговые корабли постоянно захватываются *варварійскими* пиратами, нападающими на нихъ даже въ Нѣмецкомъ морѣ и Ла-Маншѣ, подлѣ англійскихъ береговъ! Сеймъ передалъ просьбу въ комиссію, и вопросъ оставался безъ движенія до 1848 года, то-есть, въ теченіе *тридцати-одного года*. Въ 1848 году событія Датской войны ясно обнаружили слабость Германіи. Маленькое государство, тѣснимое на сушѣ, могло, однако, наносить жестокіе удары врагу при помощи своего небольшого флота. Національное собраніе ¹⁾, которому можно отказать во многомъ, но только не въ хорошихъ намѣреніяхъ, признало учрежденіе флота за неотложную потребность Союза. Оно постановило, что Союзъ долженъ отпустить 6 миллиономъ талеровъ на первоначальное устройство морскаго дѣла. Кое-что было сдѣлано избраннымъ тогда „блюстителемъ“ имперіи ²⁾. Но послѣ реставраціи, безсильный сеймъ не только не поддержалъ этого предпріятія, но въ 1852 году *распустилъ* флотъ и *продалъ* выстроенные уже корабли ³⁾.

При такихъ условіяхъ, сеймъ, конечно, не могъ осуществлять своихъ *активныхъ* правъ въ международномъ союзѣ, хотя конституція и давала ему на это полное право. По конституціи сеймъ могъ не только принимать, но и посылать отъ себя дипломатическихъ агентовъ. Не видно однако, чтобъ онъ хотя единожды воспользовался этимъ послѣднимъ правомъ. Кончилось даже тѣмъ, что писатели, незнакомые близко съ писанными учрежденіями Союза и судившіе

¹⁾ О значеніи этого собранія см. ниже, III главу.

²⁾ Эрцгерцогъ Іоаннъ Австрійскій, см. III главу.

³⁾ Австрія доказывала даже, что союзъ не имѣетъ права собственности на флотъ. Она была права съ точки зрѣнія общихъ началъ союзнаго устройства, которыя пытались измѣнить національное собраніе.

только по его практическимъ дѣйствіямъ, стали отрицать за сеймомъ право посылать дипломатическихъ агентовъ и тѣмъ вовлекли нѣмецкихъ публицистовъ въ довольно комическую полемику. Отказъ отъ самостоятельныхъ дипломатическихъ сношеній равнялся отказу въ дѣятельномъ участіи въ международныхъ сношеніяхъ съ цѣлью обезпеченія общегерманскихъ интересовъ.

Такова была компетенція и средства Союза относительно *главной* цѣли его учрежденія. Не болѣе пользы могъ онъ принести и въ другихъ отношеніяхъ.

б) *Права и средства союза относительно охраненія внутренняго мира.* Идея „мира“ — великая и плодотворная идея, если принимать ее въ обширномъ, нравственно-философскомъ смыслѣ, — нисколько, однако, не объясняетъ идеи того мира, какой долженъ былъ поддерживать союзъ въ своихъ предѣлахъ. Подобно всѣмъ возвышеннымъ и нѣсколько романтическимъ идеямъ времени Священнаго союза, идея „мира“ въ практическомъ, своемъ приложеніи приняла довольно узкій и отчасти полицейскій характеръ. Сеймъ былъ призванъ поддерживать внутренній миръ въ слѣдующихъ отношеніяхъ: 1) въ случаѣ столкновеній между отдѣльными государствами союза, и 2) въ случаѣ пререканій между подданными и правительствомъ въ отдѣльномъ государствѣ.

1) Роль сейма, въ случаѣ столкновенія между отдѣльными государствами союза, опредѣлялась XI статьею союзнаго акта. Она гласила, между прочимъ: „Члены союза обязываются ни подъ какимъ предлогомъ ни начинать другъ съ другомъ войны, ни разрѣшать своихъ споровъ силою, но представлять о нихъ сейму. Послѣдній долженъ чрезъ свой комитетъ изыскать средства къ примиренію; если примиреніе не состоится и потому окажется необходимость въ судебномъ рѣшеніи, оно должно быть постановлено *аустрагальною* инстанціей, приговору которой обѣ стороны должны немедленно подчиниться“. Это начало развито въ статьяхъ 18—24 заключительнаго акта.

Общая цѣль этого постановленія состоитъ, очевидно, въ предупрежденіи междоусобныхъ войнъ; въ немъ находило свое ограниченіе право войны и мира, принадлежавшее каждому независимому германскому государству. Слѣдовательно, компетенція сейма опредѣлялась въ этомъ отношеніи *политическими* спорами, возникавшими между отдѣльными государствами. Въ предѣлахъ этой компетенціи, онъ долженъ былъ исполнять роль примирителя, а въ случаѣ неудачи предоставлять рѣшенію особаго третейскаго суда, извѣстнаго подъ име-

немъ *аустрегалной* инстанціи ¹⁾. Не должно думать, что судъ этотъ былъ особымъ и постояннымъ учрежденіемъ союза, въ родѣ старыхъ имперскихъ судовъ.

Аустрегалная инстанція назначалась слѣдующимъ образомъ. Если сеймъ не успѣлъ примирить противниковъ, *обжалованная* сторона въ теченіе 4—6 недѣль должна была указать на *три* безпристрастныхъ державы союза, между которыми *жалобщикъ* долженъ былъ выбрать одну въ теченіе такого же срока ²⁾. Высшее судилище *этого* государства признается аустрегалною инстанціей; оно разсматриваетъ дѣло и произноситъ приговоръ именемъ союза. Онъ обязателенъ для сторонъ. Въ случаѣ неповиновенія сеймъ могъ привести его въ исполненіе посредствомъ союзной экзекуціи ³⁾.

Такимъ образомъ аустрегалный судъ, по своей идеѣ, являлся третейскимъ международнымъ судомъ, въ родѣ того, какимъ улажено въ послѣднее время столкновение между Англійей и Америкой. Онъ отличался только своею организаціей и нѣсколькими большими правами. Нельзя отрицать его пользы въ извѣстномъ отношеніи, но нельзя не замѣтить, что онъ ни въ чемъ не походилъ на тотъ „союзный судъ“, о которомъ мечтали Штейнъ и Гумбольдтъ ⁴⁾.

¹⁾ Происхождение и значеніе этого слова и самаго учрежденія довольно замѣчательны. Названіе «аустрегалный» происходитъ отъ нѣмецкаго *austragen*, покончить, привести къ концу (теперь это слово измѣнило старое свое значеніе). Изъ этого нѣмецкаго слова сдѣлали *латинское* (!) *austrago* — третейскій судья. Учрежденіе аустрегалныхъ судовъ очень древне. Оно предшествовало учрежденію верховнаго имперскаго суда, рейхскамергерихта (1495 г.). Они явились именно вслѣдствіе потребности, сознанной имперскими князьями, избѣгать междоусобій; потребность въ этихъ судахъ не исчезла и съ учрежденіемъ имперскаго суда, не всегда достигавшимъ своей цѣли. Но они остались въ качествѣ исключенія изъ общаго правила и только восполняли средства рейхскамергерихта. Союзная конституція, не учредившая, какъ мы видѣли, верховнаго союзаго суда, сдѣлала аустрегалный судъ общимъ правиломъ.

²⁾ Если жалобщикъ пропустилъ срокъ, государство указывалось сеймомъ.

³⁾ О союзныхъ экзекуціяхъ см. ниже.

⁴⁾ Мѣсто не позволяетъ намъ останавливаться на другихъ обязанностяхъ сейма относительно поддержанія внутренняго мира. Сюда относится, напримѣръ, охраненіе нарушеннаго владѣнія (ст. 20 заключительнаго акта), спеціальныи родъ аустрегалнаго разбирательства, установленнаго ст. 30 заключительнаго акта и т. д. Должно замѣтить, что вопросъ объ аустрегалныхъ судахъ очень подробно (какъ почти все) разсмотрѣнъ въ нѣмецкой литературѣ. Сюда относятся: *H. v. Mohl Die öffentliche Rechtspflege des Deutschen Bundes*; *Heffter, Beiträge z. d. Staats- und Fürstenrecht*; *Eichhorn, Betrachtungen über die Verfassung des Deuts-*

2) Довольно много постановлений заключаетъ въ себѣ заключительный актъ относительно поддержанія *внутренняго* спокойствія въ каждомъ отдѣльномъ государствѣ. Они въ значительной степени объясняютъ непопулярность сейма въ массѣ Германскаго народа.

По общему принципу, установленному ст. 25 заключительнаго акта, охраненіе внутренняго мира предоставлялось правительству каждого государства въ отдѣльности. Но въ видѣ *исключеній*, на основаніи какъ этой, такъ и другихъ статей заключительнаго акта, допускалось вмѣшательство союза во внутреннія отношенія каждого государства въ слѣдующихъ случаяхъ: а) въ случаѣ неповиновенія подданныхъ правительству; б) въ случаѣ пререканій между палатами и правительствомъ относительно толкованія и примѣненія мѣстной конституціи; γ) въ случаѣ нарушенія смысла постановленій союзной конституціи. а) Статьи 25—28 заключительнаго акта постановляли, что сеймъ вмѣшивается во внутреннія дѣла отдѣльныхъ государствъ въ случаѣ происшедшихъ въ нихъ, сопротивленій власти и безпорядковъ, грозящихъ спокойствію цѣлаго Союза. Здѣсь различались случаи безпорядковъ, происшедшихъ въ одномъ только государствѣ или въ нѣсколькихъ разомъ. Если безпорядки происходили въ одномъ государствѣ, Союзъ; по общему правилу, могъ вмѣшиваться, если эти безпорядки грозили общему спокойствію и не иначе, какъ по требованію мѣстной власти, которая предварительно должна была испробовать всѣ средства умиротворенія. Но если мѣстная власть не въ состояніи подавить безпорядковъ и лишена, кромѣ того, средствъ снестись съ сеймомъ, то послѣдній обязанъ оказать ей помощь по собственной инициативѣ. Если общественное спокойствіе нарушено разомъ въ нѣсколькихъ государствахъ, сеймъ предлагаетъ мѣстнымъ властямъ союзную помощь и даетъ ее, буде онѣ того пожелаютъ. Эти постановленія въ *приложении своемъ* порождали всеобщее неудовольствіе. Они, въ рукахъ отдѣльныхъ правительствъ, явились средствомъ подавленія всякихъ, самыхъ скромныхъ, попытокъ общественныхъ реформъ. Конституционная жизнь, зарождавшаяся въ нѣкоторыхъ германскихъ государствахъ, не могла развиваться правильно, путемъ взаимныхъ уступокъ, потому что правительство могло разчитывать на поддержку Союза противъ неуступчивыхъ палатъ. Это было тѣмъ удобнѣе, что понятіе „безпорядковъ“ было весьма обширно и неопредѣленно. Министер-

---

chen Bundes in Beziehung auf Streitigkeiten der Mitglieder etc.; *Leonhardt*, Das Austrägal-Verfahren des deutschen Bundes и т. д.

ская конференція 1832 года подвела подъ понятіе неповиновенія отказъ въ налогахъ, составляющій одно изъ существенныхъ правъ конституціонныхъ палатъ.

β) Разрѣшеніе пререканій относительно толкованія ея примѣненія признанной земской конституціи предоставлялось сейму въ слѣдующихъ случаяхъ: если конституція была гарантирована Союзомъ ¹⁾; если палаты и правительство представляютъ вопросъ добровольно на его разрѣшеніе, и наконецъ, если столкновение пріиметь характеръ, указанный въ статьяхъ 25 и 26 заключительнаго акта. Гарантированная конституція охраняется союзомъ въ своей силѣ, независимо отъ обращенія къ нему палатъ и правительство вмѣстѣ. Не гарантированная конституція охраняется Союзомъ не въ дѣйствительномъ ея содержаніи, а въ предѣлахъ статьи XIII союзнаго акта, весьма, какъ мы видѣли, неопредѣленныхъ. Въ случаѣ пререканій относительно смысла и примѣненія конституціи, сеймъ долженъ былъ, въ случаѣ добровольнаго обращенія къ нему сторонъ, искать средствъ примиренія. Постановленіемъ сейма 1834 года предполагалось учредить для этой цѣли особый третейскій судъ. Но къ сожалѣнію, подобныя пререканія большею частью приравнивались къ случаямъ, предусмотрѣннымъ статьями 25 и 26 заключительнаго акта, и дѣло рѣшалось союзною экзекуціей.

γ) Обязанность охраненія точнаго смысла постановленій союзнаго акта давала сейму довольно неопредѣленные права. Многолѣтняя практика истолковала ихъ далеко не въ пользу общественнаго развитія Германіи. Дѣятельность Союза въ этомъ отношеніи опредѣлялась тремя главными цѣлями, указанными въ союзномъ актѣ: 1) наблюденіе за точнымъ исполненіемъ XIII ст. союзнаго акта; 2) наблюденіе за тѣмъ, чтобы внутренніе законы каждаго государства не заключали въ себѣ постановленій, препятствующихъ исполненію этими государствами обязанностей относительно Союза; 3) наблюденіе за тѣмъ, чтобы мѣстныя конституціи не противорѣчили монархическому принципу, въ смыслѣ, указанномъ 57 статьею союзнаго акта ²⁾. Въ отношеніи первой цѣли, дѣятельность сейма была немногосложна. При полной свободѣ, предоставленной каждому отдѣльному правительству, толковать смыслъ XIII статьи по своему усмотрѣнію ³⁾, союзнаго „наблюденія“

¹⁾ Закл. актъ ст. 61.

²⁾ См. выше, въ этомъ же отдѣлѣ данной главы, разборъ дѣйствій Вѣнской конференціи министровъ.

³⁾ Закл. актъ, ст. 55.

въ этомъ отношеніи не существовало и существовать не могло. Австрія и Пруссія, ограничившіяся введеніемъ *областнаго* представительства съ весьма ограниченными правами, считались исполнившими XIII статью въ таковой же мѣрѣ, какъ Баварія и Виртембергъ. Когда новый Ганноверскій король въ 1837 году отмѣнилъ своею властью конституцію 1833 года ¹⁾, и ганноверскіе чины, на основаніи сеймоваго постановленія 1834 года, обратились ²⁾ къ сейму, послѣдній отвѣчалъ, что онъ не вмѣшивается во внутреннія дѣла. Наоборотъ, во время столкновенія въ Кургессенѣ въ 1850 и слѣдующихъ годахъ, сеймъ счелъ себя въ правѣ отмѣнить мѣстную конституцію, какъ „несогласную съ основными началами союзной конституціи“.

в) *Содѣйствіе внутреннему благосостоянію Германіи*. Объ этомъ предметѣ мы можемъ сказать очень мало. Сами основатели Германскаго союза указали ему другую общую цѣль — охраненіе внѣшняго и внутренняго спокойствія Германіи. Попеченіе о благосостояніи могло явиться и дѣйствительно явилось только *добавочною* цѣлью. Въ такомъ смыслѣ редактирована XIX статья союзаго акта. Она содержитъ въ себѣ обѣщаніе, что члены союза вступятъ въ соглашеніе о правилахъ, касающихся торговли, сообщеній и судоходства ³⁾. Это обѣщаніе нисколько не налагало на нихъ *обязанности*, даже условной. Изъ выраженія XIX статьи: „die Bundesglieder behalten sich vor“ явствуетъ, что XIX статья разсматривала предполагаемыя „сообщанія“, какъ факультативное право отдѣльныхъ членовъ Союза, которые могли имъ воспользоваться или нѣтъ, по своему усмотрѣнію. Вѣнскій заключительный актъ, довольно подробный въ другихъ отношеніяхъ, нисколько не развилъ этого постановленія. XIX статья осталась мертвою буквой, и всѣ улучшения экономическаго быта Германіи въ періодъ съ 1865 по 1866 годъ были сдѣланы частными усиліями отдѣльныхъ государствъ. Союзныя предпріятія въ этомъ смыслѣ не могли имѣть успѣха, во первыхъ, потому, что Союзъ не имѣлъ самостоятельной законодательной власти, въ истинномъ значеніи. Постановленія сейма разсматривались, какъ результаты соглашенія отдѣльныхъ правительствъ, а потому были обяза-

¹⁾ Объ этомъ см. въ III главѣ.

²⁾ См. непосредственно предъ симъ, п. β.

³⁾ С. А. ст. XIX: «Die Bundesglieder behalten sich vor, bei der ersten Zusammenkunft der Bundesversammlung wegen des Handels und Verkehrs zwischen den verschiedenen Bundesstaaten, so wie wegen der Schifffahrt noch Anleitung der auf dem Congress zu Wien angenommenen Grundsätze, in Berathung zu treten».

тельны для однихъ правительствъ, съ которыми сеймъ только и имѣлъ дѣло. Значеніе закона, обязательнаго для массы народонаселенія, сеймовыя постановленія получали только тогда, когда каждое отдѣльное правительство обнаруживало его въ своихъ владѣніяхъ. Посему сеймъ и не имѣлъ возможности наблюдать за дѣйствительнымъ примѣненіемъ своихъ постановленій. Вовторыхъ, самая возможность изданія постановленій, касающихся внутренняго быта Германіи, даже въ предѣлахъ компетенцій сейма, была затруднена порядкомъ распредѣленія голосовъ въ тѣсномъ совѣтѣ и *plenim'ѣ*, о которомъ мы говорили выше. Затѣмъ, къ отсутствію общаго законодательства по известнымъ предметамъ внутренняго благосостоянія присоединялось отсутствіе общихъ установленій исполнительной власти, *зависящихъ прямо отъ союза*, и которымъ сеймъ могъ бы ввѣрить завѣдываніе тою или другою частью. Наконецъ, сеймъ не далеко ушелъ отъ старой имперіи въ отношеніи *финансовыхъ средствъ* своихъ. При такихъ условіяхъ ему нельзя даже ставить въ вину его бездѣйствія по вопросамъ экономической политики Германіи.

г) *Охраненіе правъ частнымъ лицъ и обществъ*. Мы видѣли выше, что мысль объ обезпеченіи союзною властью нѣкоторыхъ основныхъ правъ (*Grundrechte*) цѣлому народонаселенію Германіи, независимо отъ условій юридическаго быта въ томъ или другомъ государствѣ Союза, не была принята составителями союзнаго акта, или была принята въ весьма слабой степени. Только нѣкоторыя *отдѣльныя* начала были признаны обязательными для всѣхъ членовъ Союза. Сюда относятся: политическая и юридическая равноправность всѣхъ *христианскихъ* вѣроисповѣданій, свобода передвиженія и переселенія изъ одного *германскаго* государства въ другое и право вступленія въ службу различныхъ союзныхъ правительствъ — права, обставленные, однако, разными стѣснительными условіями. Кромѣ того, союзный актъ заключалъ въ себѣ обѣщаніе, что самъ, въ первую же сессію свою, займется составленіемъ единообразныхъ правилъ касательно свободы печати и обезпеченія авторскихъ правъ отъ контрафакціи ¹⁾. Но лица, заинтересованныя свободою печати, имѣли основаніе сожалѣть, что подобная статья помѣщена въ союзномъ актѣ. Не будь ее, сеймъ не имѣлъ бы основанія издавать постановленій о печати. Теперь онъ, пользуясь своимъ правомъ, могъ опредѣлить границы печатнаго слова, и подъ вліяніемъ политики Вѣнскаго кабинета, установилъ границы весьма

¹⁾ Союзный актъ, ст. XVIII, 2, и. д.

стѣснительныя. Инициатива этихъ стѣсненій принадлежала, правда, не сейму. Первоначально сеймъ, не „очищенный“ еще княземъ Меттернихомъ, издалъ правила въ духѣ Гагерна и Штейна. Но на Карлсбадскихъ конференціяхъ министровъ (1819 года) были предписаны строгія цензурныя правила. Они, вмѣстѣ съ другими правилами, подобными имъ, были утверждены сеймомъ на пять лѣтъ, то-есть, до 1824 года. Но это утверждение возобновлялось потомъ постоянно, вслѣдствіе чего германское общество было свидѣтелемъ довольно страннаго явленія. Отдѣльныя государства, Ваденъ, Виртембергъ и т. п., воспользовавшись неопредѣленнымъ смысломъ XIII статьи, ввели у себя представительныя учрежденія въ новомъ смыслѣ; но они должны были сохранить у себя разныя цензурныя стѣсненія, и конституціонная жизнь должна была идти безъ свободы печати, что много содѣйствовало неэффективности самыхъ представительныхъ учреждений.

На практикѣ сеймовыя постановленія выработали двѣ формы охраненія частныхъ правъ, именно—они признавали: 1) право обращаться къ сейму въ случаѣ *отказа* или *замедленія* въ правосудіи (*wegen Verweigerung oder Verzögerung der Rechtspflege*) и 2) право подавать сейму *прошея* всякаго другаго содержанія (*Eingaben*).

1. Статья 29 заключительнаго акта содержала въ себѣ слѣдующее постановленіе: „если въ одномъ изъ союзныхъ государствъ обнаружится случай отказа въ правосудіи, и законныя средства помощи окажутся недостаточными, сеймъ обязанъ принимать жалобы, *доказанныя, на основаніи конституціи и законовъ каждой отдѣльной страны*, на отказъ или замедленіе въ правосудіи и содѣйствовать (*bewirken*) къ доставленію судебной помощи у союзаго правительства, подавшаго поводъ къ жалобѣ“. Отсюда выходитъ слѣдующее:

а) Сеймъ долженъ былъ констатировать самый фактъ отказа въ правосудіи на основаніи законовъ той страны, на правительство которой подана была жалоба. При отсутствіи общаго права и полной независимости каждаго государства, сеймъ не имѣлъ предъ собою высшихъ руководящихъ началъ для оцѣнки дѣйствій даннаго правительства. Посему дѣйствительность и самая необходимость въ союзной помощи была обратно пропорціональна совершенству судоустройства и судопроизводства въ данной странѣ. Такіи государства, какъ Ваденъ или Виртембергъ, конечно, подавали мало поводовъ къ жалобамъ этого рода. Напротивъ того, безпрерывныя несправедливости, совершавшіяся въ Кургессенѣ, Брауншвейгѣ и т. п. государствахъ, не могли быть устранены помощію сейма. Какъ могъ сеймъ, въ дан-

помъ случаѣ, удостовѣриться въ существованіи факта отказа въ правосудіи? Тѣмъ ли, что судъ отказался принять данное дѣло къ своему разбирательству, — хотя по общимъ юридическимъ началамъ онъ былъ компетентенъ? Но правительство могло возразить, что данный родъ дѣлъ „по законамъ его страны“ подлежитъ особымъ установленіямъ, или могло привести еще то основаніе, что данное дѣло спеціально изъято изъ судебного вѣдомства въ силу права, принадлежащаго правительству „по законамъ страны“. Словомъ, чѣмъ меньше законодательство и судебныя учрежденія даннаго государства удовлетворили началамъ права, тѣмъ труднѣе было доказать наличность отказа въ правосудіи, и тѣмъ больше основанийъ имѣлъ сеймъ отказать просителю.

β) Сеймъ не входилъ въ разсмотрѣніе самаго существа дѣла, такъ какъ онъ не былъ судебною инстанціей. Онъ только могъ понудить правительство къ удовлетворенію просителя, въ случаѣ необходимости даже посредствомъ союзной экзекуціи. Но конечно, союзная экзекуція не была мѣрѣю къ которой сеймъ рѣшился бы прибѣгнуть по поводу жалобы частнаго лица.

2. Значеніе прошеній, которыя частныя лица имѣли право подавать сейму, опредѣлить довольно трудно. Особеннаго значенія это право не могло имѣть уже по одному тому, что постановленіемъ сейма 1831 года было воспрещено подавать *коллективныя* прошенія, касающіяся общественныхъ и политическихъ вопросовъ. Этимъ постановленіемъ сеймъ думалъ гарантировать себя отъ всякаго вліянія со стороны общественнаго мнѣнія.

Союзная экзекуція. Какъ ни ограниченъ былъ кругъ вѣдомства сейма, но даже въ предѣлахъ его онъ не могъ разчитывать на обязательную силу своихъ распоряженій въ случаѣ упорства отдѣльныхъ его членовъ. Союзъ не имѣлъ непосредственнаго отношенія къ массѣ Германскаго народа по данному кругу дѣлъ и не могъ приводить въ исполненіе своихъ распоряженій *независимо* отъ отдѣльныхъ правительствъ. Напротивъ, онъ не могъ иначе осуществлять свои предписанія, какъ *при помощи* этихъ правительствъ. На этомъ принципѣ была построена такъ-называемая союзная экзекуція ¹⁾.

Начала этого порядка заключались въ слѣдующемъ: Сеймъ назначалъ изъ своей среды, такъ-называемую экзекуціонную комиссію

¹⁾ Постановленія о союзной экзекуціи (Bundesexcecution) изложены 1) въ Заключительномъ актѣ, ст. 31—34, и 2) въ экзекуціонномъ уставѣ (Excecutionsordnung) 3-го августа 1820 года.

(Executions-Commission). Она состояла изъ пяти членовъ и двухъ кандидатовъ и назначалась на полгода. На нее возлагалась обязанность слѣдить за исполненіемъ предписаній сейма. Если она находила, что предписанія сейма не исполняются однимъ изъ правительствъ, или исполняются неудовлетворительно, въ сеймѣ возникала слѣдующая процедура:

- 1) Комиссія представляла свое заключеніе сейму.
- 2) Сеймъ назначалъ срокъ, въ теченіе котораго уполномоченный даннаго правительства долженъ былъ или извѣстить сеймъ объ исполненіи его опредѣленія, или объяснить законные поводы неисполненія.
- 3) Если въ теченіе даннаго срока объясненіе не было представлено или признавалось неудовлетворительнымъ, то комиссія входила съ новымъ представленіемъ въ сеймъ.
- 4) Сеймъ обсуждалъ это представленіе, и если находилъ доводы комиссіи уважительными, опредѣлялъ прибѣгнуть къ экзекуціи.
- 5) Не приводя этого опредѣленія въ исполненіе, онъ сообщалъ уполномоченному данной державы о принятомъ рѣшеніи и назначалъ новый срокъ для исполненія.
- 6) Въ случаѣ неисполненія этого требованія, сеймъ, по представленію той же комиссіи, опредѣлялъ приступить къ экзекуціи и извѣщалъ о томъ непокорную державу.
- 7) Сдѣлавъ это сообщеніе, сеймъ назначалъ *правительство*, на которое должно быть возложено веденіе союзной экзекуціи. При этомъ онъ опредѣлялъ потребное для того количество войска и т. д.
- 8) Избранное для веденія союзной экзекуціи правительство могло *отказаться* отъ возлагаемаго на него порученія, подъ условіемъ представленія достаточныхъ для того основаній.
- 9) Сеймъ обсуждалъ основанія, приведенныя послѣднимъ правительствомъ, и если находилъ ихъ достаточными, или если оно упорствовало въ своемъ отказѣ, то возлагалъ порученіе на другое правительство ¹⁾.
- 10) Правительство, принявшее на себя экзекуцію, не приступая къ ней, приглашало подлежащее экзекуціи правительство исполнить требованіе Союза въ теченіе трехъ недѣль ²⁾.

¹⁾ Правительство, отказавшееся отъ экзекуціи безъ достаточныхъ основаній, брало, впрочемъ, на себя ответственность предъ Союзомъ за возможные произойдти отсюда убытки и другія затрудненія.

²⁾ Исключенія изъ этого правила допускались въ особенно важныхъ случаяхъ.

11) Если извѣщенное правительство не исполняло требованій, то наступало дѣйствительное исполненіе экзекуціи.

Экзекуціонное исполненіе рѣшеній аустрегалъныхъ судовъ было обставлено еще бѣльшимъ количествомъ условій.

Понятно само собою, что такая экзекуція была весьма слабымъ средствомъ въ рукахъ союза. Слабая вообще, эта мѣра оказывалась вполне неприложимою къ сколько-нибудь могущественному государству, не говоря уже о такихъ державахъ, какъ Австрія и Пруссія. Даже по отношенію къ слабой Даніи, союзныя экзекуціи 1848 и 1863 годовъ получили значеніе нѣкоторыхъ геройскихъ предпріятій, покрывшихъ союзное оружіе „неувидаемою славой“. Союзная экзекуція противъ Пруссіи въ 1866 году кончилась паденіемъ Союза и гибелью многихъ изъ державъ, взявшихъ на себя эту обязанность.

Таковъ былъ характеръ Германскаго Союза. Созданный поспѣшно, подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ условій, онъ влачилъ свое существованіе, не уважаемый правительствами и пользуясь всеобщимъ нерасположеніемъ народонаселенія. Слабый и даже неслышный въ вопросахъ вѣрней политики, безсильный во всѣхъ вопросахъ національнаго благосостоянія, онъ, однако, былъ удобнымъ орудіемъ для подавленія всѣхъ новыхъ стремленій и начинаній. Не имѣя возможности сдѣлать что-либо для единства, славы и могущества страны, онъ верѣдко стѣснялъ отдѣльныя правительства, вступавшія на путь преобразованій. Народы часто — это показалъ примѣръ Франціи — мирятся съ административными неудобствами и ограниченіями свободы, даже съ тяжелыми повинностями, если это выкупается сильною національною политикою, попеченіемъ о благосостояніи народа, славой оружія, всеобщимъ уваженіемъ среди другихъ державъ. Но установленіе безсильное и безславное и въ то же время служащее орудіемъ непопулярныхъ мѣръ никогда не примиритъ съ собою никого. Таково было правительство Іакова II въ Англіи. Германскій Союзъ былъ одновременно воплощеннымъ отрицаніемъ единства Германіи и постояннымъ напоминаніемъ, что ни одна изъ надеждъ, волновавшихъ патриотовъ въ 1815 и слѣдующихъ годахъ, не осуществилась и не осуществится, пока будетъ существовать Союзъ. Онъ существовалъ не какъ „необходимое въ свое время учрежденіе“, а какъ доказательство неосуществимости какихъ бы то ни было *общихъ учрежденій* въ Германіи, пока она не выйдетъ изъ своего разъединенія. Онъ долженъ былъ не видоизмѣниться, а пасть при развитіи тѣхъ условій, отсутствіе которыхъ дало ему бытіе — сознанія національнаго един-

ства и центра этого единенія. Союзъ могъ пасть отъ двухъ причинъ: или совокупнымъ дѣйствіемъ всего Германскаго народа, или дѣйствіемъ одной изъ державъ, достаточно сильной, чтобы подчинить себѣ всѣ другія. Первый путь былъ испытанъ въ 1848 году и оказался неудачнымъ. Результаты втораго мы видимъ теперь, и намъ предстоитъ рассмотретьъ условія, подготовившія могущество Пруссіи.

Г. Градовскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

О ТМУТАРАКАНСКОЙ РУСИ.

Отрывокъ изъ сочиненія: „Опытъ возстановленія и объясненія Несторовой лѣтописи“¹⁾.

Вопросъ о началѣ Тмутараканскаго княжества не рѣшенъ доселѣ. Обыкновенно полагають, что это замѣчательное на востокъ Русское княжество возникло во второй половинѣ X вѣка, вслѣдствіе похода Святослава въ Кавказскія страны. Но у византійскихъ и восточныхъ

¹⁾ Означимъ сокращенія, замѣняющія названія списковъ и лѣтописей, какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ имѣющихъ послѣдовать отрывкахъ изъ нашего изслѣдованія:

Арх. Архангелородскій «Лѣтописецъ», содержащій въ себѣ Россійскую исторію». Москва, 1781.

Гст. Густинская лѣтопись, въ «Поли. собр. лѣт.», т. II.

Др. Древніе списки или Древній (Лаврентьевскій) текстъ лѣтописи Нестора; тамъ же, т. I.

Ип. Ипатьевскій сп., въ вариантахъ подъ *Др.* текстомъ.

Лор. Лаврентьевскій сп., въ текстѣ I-го т. Поли. собр. лѣт.

Льв. Львовскій сп., или «Лѣтописецъ Руской»; изд. Спб. 1792.

Нов. Новгородскій лѣтописецъ, изд. въ «Продолж. древн. Росс. Визлюеики», ч. II, Спб., 1786.

ПН. Патриаршій, или Никоновскій текстъ Нестора, въ «Поли. собр. лѣт.», т. IX.

ПС. «Лѣтописецъ Переяславля-Суздальскаго». Москва, 1851.

ПШл. Полетиковскій (утраченный) сп., извѣстный только по выпискамъ изъ него въ «Несторѣ» Шлецера.

Рдз. Радзивиловскій сп., въ вариантахъ подъ *Др.* текстомъ.

Ср. Средній или Воскресенскій текстъ Нестора, въ «Поли. собр. лѣт.», т. VII.

Сф. Софійскій текстъ Нестора или «Софійская 1-я лѣтопись», тамъ же, т. V.

Тв. Тверская лѣтопись, въ «Поли. собр. лѣт.» т. XV.

Три. Троицкій списокъ, въ вариантахъ подъ *Др.* текстомъ.

Хл. Хлѣбниковскій сп., тамъ же.

+ значить *привавлено*, а (—) *пропущено* въ такомъ-то спискѣ.

писателей встрѣчаются многія извѣстія, указывающія, что Русскіе уже въ первой половинѣ, или даже въ началѣ X вѣка, господствовали на восточныхъ берегахъ Чернаго моря, при Киммерійскомъ проливѣ; а наши договоры съ Греками положительно и несомнѣнно подтверждаютъ этотъ фактъ, который только потому ускользалъ доселѣ отъ вниманія ученыхъ, что текстъ договоровъ, какъ и самой лѣтописи, не возстановленъ и не разработанъ критически. Въ договорѣ Игоря есть нѣсколько статей, подъ общимъ заглавіемъ „О Корсуньстѣй странѣ“, которыя представляютъ отдѣльный трактатъ, заключенный между Русью и Херсонцами и включенный въ общій договоръ Игоря съ Греками. Вотъ тѣ изъ нихъ, въ которыхъ говорится „О Корсуньской странѣ“ и объ отношеніяхъ къ ней какого-то, какъ видно, близкаго ея сосѣда, „князя Русскаго“:

„А о Корсуньстѣй странѣ, елико же есть городовъ на той части ¹⁾, да не имать волости князь русскій ²⁾ да воюеть ³⁾ на тѣхъ ⁴⁾ странахъ, и ⁵⁾ та страна не покоряется вамъ; тогда ⁶⁾, аще просити вой у насъ ⁷⁾ князь русскій ⁸⁾ да воюеть ⁹⁾, дамы ¹⁰⁾ ему, елико ему будетъ требѣ ¹¹⁾... А о сихъ, оже ¹²⁾ то приходятъ Чернии Болгаре, воюють въ странѣ Корсуньстѣй, и велимъ ¹³⁾ князю русскому, да ихъ (не пуцаеть пакостить странѣ той ¹⁴⁾“. (*Др.* стр. 21—22).

¹⁾ сторонѣ *Рдз.*, *Три.*

²⁾ да не имать власти князи русскыи (рустїи) *Ин.*, *Хл.*, *Рдз.*, *Три.*, *Тв.*, *Сф.*

³⁾ да воюють *Рдз.*, военати *Тв.* Въ *стп.* *Сф.* и *Ср.*, начинаи отсюда и до слѣдующаго «да воюеть» (*вар.* 9) включительно, все пропущено.

⁴⁾ на всѣхъ *Рдз.*, *Три.*

⁵⁾ а *Ин.*, *Рдз.*, *Тв.*

⁶⁾ и тогда *Ин.*, *Рдз.*, когда ли *Тв.*

⁷⁾ отъ насъ *Ин.*, *Рдз.*, *Тв.*

⁸⁾ князи рустии *Рдз.*

⁹⁾ (—) *Ин.*, *Рдз.*, *Тв.*

¹⁰⁾ да дамы *Лор.*, да дамы *Сф.*, *Ср.*, *Тв.*

¹¹⁾ (—) *Сф.*, *Ср.* + и да воюеть *Ин.*, *Хл.*, *Рдз.*, *Три.*

¹²⁾ иже, кромѣ *Лор.* въ проч. *стп.*

¹³⁾ великому *Сф.*, *Ср.* въ выносокѣ.

¹⁴⁾ не пуцаеть пакостить странѣ его *Лор.*, не пуцаеть, и пакостить сторонѣ (странѣ) его *Ин.*, *Хл.*, *Рдз.*, *Три.*, *Сф.*, не пуцаеть, и не пакостить странѣ (страны) его *Ср.*, не пуцаеть, да не пакостить въ странѣ его *Тв.*

Должно полагать, что Русскіе, считая договоръ Олеговъ обязательнымъ для себя только по отношенію къ непосредственнымъ владѣніямъ имперіи Греческой, дозволяли себѣ при Игорѣ тревожити набѣгами Херсонскую область, какъ страну отдѣльную отъ имперіи, что они грабили и разоряли города ея и обижали Херсонцевъ, промышлявшихъ рыболовствомъ въ устьяхъ Днѣпра, и вѣроятно, имѣвшихъ тамъ свои временныя пристанища въ Ыблосбережьи и на островѣ

св. Елевферія, гдѣ нерѣдко зимовали и запоздавшіе на морѣ русскіе или варяжскіе пираты. Если бы ничего этого не было, то разумѣется, не было бы и никакого повода вносить въ договоръ Игоря эти дополнительные статьи, которыхъ нѣтъ въ Олеговомъ договорѣ, и которыя, опредѣляя отношенія Руси только къ странѣ Херсонской и къ тамошнимъ Грекамъ, а не ко всей имперіи, представляютъ, такъ сказать, частныя условія, заключенныя между Херсонцами и какимъ-то русскимъ княземъ, какъ видно, ихъ ближайшимъ сосѣдомъ, уже прежде тревожившимъ ихъ область. Кто же былъ этотъ „князь русскій“? Никакъ не Игорь, и вотъ почему: 1) Въ договорѣ какъ русскіе послы, такъ и уполномоченные греческіе обыкновенно (именно семь разъ) титулуютъ Игоря „великій князь русскій“, или „великій князь нашъ (вашъ)“. Послѣдніе, правда, называютъ его и просто: „князь вашъ“, но это названіе, пять разъ къ ряду повторяемое въ разныхъ падежахъ (Др. стр. 20—21), безъ сомнѣнія, существуетъ только въ русскомъ переводѣ договора, замѣняя въ немъ, стоявшее въ греческомъ текстѣ, абстрактное названіе $\eta \ \upsilon \mu \epsilon \tau \epsilon \rho \alpha \ \alpha \rho \chi \omicron \nu \tau \iota \alpha$, равное такому же названію императора— $\eta \ \upsilon \mu \epsilon \tau \epsilon \rho \alpha \ \beta \alpha \sigma \iota \lambda \epsilon \alpha$. Это послѣднее, какъ названіе иноземнаго государя, переводчикъ вездѣ передавалъ буквально, абстрактнымъ же, хотя и неупотребительнымъ на русскомъ языкѣ, „царство наше“; первое же замѣнилъ—можетъ-быть, по требованію самихъ русскихъ пословъ—выраженіемъ общепонятнымъ „князь вашъ“. Что выраженіе это дѣйствительно замѣняетъ абстрактный титулъ Игоря, или вѣжливый, почтительный терминъ тогдашняго дипломатическаго языка Грековъ, видно изъ того, что относящіяся къ нему сказуемыя и опредѣленія, равно какъ и замѣняющія его мѣстоименія и причастія въ предложеніяхъ придаточныхъ, согласуются съ нимъ обыкновенно, впрочемъ не вездѣ, во множественномъ числѣ вмѣсто единственнаго, то-есть, совершенно также, какъ и съ выраженіемъ „царство наше“. Такъ, Греки говорятъ: „нынѣ же увѣдѣлъ есть князь вашъ послати грамоту ко царству нашему: иже посылаеми бывають отъ нихъ (то есть, отъ князя вашего) сли и гостье, да приносятъ грамоту, пишуще (князь вашъ) сице...“ (Др. стр. 20). Вотъ другой примѣръ, изъ котораго еще очевидно, что князь, какъ титулъ владѣтельнаго лица, согласно съ дипломатическими приличіями византійскаго языка, считался какъ-бы за множественное число: „мы“, говорятъ Греки, „напишемъ ко князю вашему, яко имъ любо, тако творятъ“ (Др. 21). Посему нѣтъ основанія полагать, чтобы Греки въ вышеприведенныхъ статьяхъ подъ названіемъ „князь русскій“ разумѣли Игоря, котораго они въ про-

чихъ мѣстахъ договора титулуютъ иначе. 2) Если бы и допустить, что эта статья относится къ Игорю, то вмѣстѣ съ тѣмъ надлежало бы необходимо допустить, что къ нему же относится и слѣдующая затѣмъ статья, въ которой Греки обѣщаютъ, какъ-бы въ награду за мирныя отношенія къ Херсонской странѣ, давать князю русскому вспомогательное войско противъ его собственныхъ враговъ. Но могли ли бы Греки исполнить такое обѣщаніе, данное Игорю, на примѣръ, въ томъ случаѣ, если бы на сѣверные предѣлы его владѣній напали норманскіе пираты? Скоро ли успѣли бы Греки къ берегамъ Финскаго залива на помощь къ Игорю?! Очевидно, что это обѣщаніе могло быть дано только Херсонцами, и только тому русскому князю, котораго владѣнія граничили съ ихъ областью, и который, охраняя свои владѣнія, вмѣстѣ съ тѣмъ охранялъ отъ тѣхъ же враговъ и область Херсонскую. 3) По выраженному въ договорѣ предложенію или требованію Грековъ, чтобы князь русскій не пускалъ Черныхъ Болгаръ воевать „въ странѣ Корсуньскѣй“, должно заключить, что Черные Болгары обыкновенно приходили въ эту страну черезъ пограничныя съ нею владѣнія русскаго князя, который легко могъ загородить имъ путь черезъ свои владѣнія и, такимъ образомъ, охранять отъ нихъ и владѣнія греческія. А отсюда слѣдуетъ, что этотъ „князь русскій“ никакъ не можетъ быть Игорь, котораго собственныя владѣнія лежали слишкомъ далеко отъ Херсонской области, и которому охранять самому эту область отъ Черныхъ ли Болгаръ, или отъ другихъ непріятелей, было бы столь же трудно, какъ и Грекамъ посылать къ нему на дальній сѣверъ вспомогательное войско. Итакъ, чтобы обѣщаніе Грековъ помогать князю русскому, равно какъ и требованіе ихъ, дабы этотъ князь не пускалъ Черныхъ Болгаръ въ страну Херсонскую, имѣли смыслъ и значеніе, то-есть, представляли бы условія возможныя и удобоисполнимыя,— необходимо допустить: а) что въ договорѣ подъ названіемъ „князь русскій“ Греки разумѣли не самого Игоря, а его вассала, князя-подручника; и притомъ ближайшаго сосѣда Херсонцевъ, владѣнія котораго лежали къ востоку отъ ихъ области на берегахъ Босфора Киммерійскаго; б) что Черными Болгарами они называли не Дунайскихъ, какъ полагалъ Карамзинъ, и не Камскихъ или Волжскихъ Болгаръ, ибо ни тѣ, ни другіе никогда, сколько извѣстно по исторіи, не производили трудныхъ и почти невозможныхъ для нихъ вторженій въ отдаленную Тавриду, да притомъ не имѣли бы и надобности, при подобныхъ вторженіяхъ, переходить черезъ владѣнія какого-либо русскаго князя, и наконецъ, в) что врагами Херсонцевъ, упоминае-

ыми въ договорѣ, были именно тѣ Болгары, которые обитали на Кавказскомъ перешейкѣ, по восточному берегу Азовскаго моря, или по Кубани, и страну которыхъ Константинъ Багрянородный называетъ *Черною Болгаріей* ¹⁾. Стало быть, и изъ князей русскихъ только тотъ, который владѣлъ Киммерійскимъ проливомъ, имѣлъ возможность безъ особенныхъ усилій преграждать этимъ врагамъ путь въ Тавриду и быть, такимъ образомъ, надежнымъ стражемъ Херсонской области. Посему-то къ этому „князю русскому“, господствовавшему, по всей вѣроятности, въ Тмутаракани или въ городѣ Боспорѣ (гдѣ нынѣ Керчь), только и могутъ относиться условія Херсонцевъ, внесенныя въ договоръ Игоря.

Теперь, основываясь на этихъ соображеніяхъ, постараемся разобрать и восстановить первоначальный текстъ вышеприведенныхъ условій, который въ нашихъ спискахъ подвергся различнымъ, болѣе или менѣе значительнымъ, искаженіямъ, и который, вслѣдствіе того, и въ „Полномъ собраніи лѣтописей“ переданъ невѣрно и даже безъ точнаго указанія чтеній самыхъ списковъ, что и побудило насъ обратиться къ подлиннымъ рукописямъ *Ип.* и *Рдз.* (другихъ у насъ не было подъ рукою) и дополнить по нимъ приведенные выше варианты. Впрочемъ, здѣсь по однимъ только вариантамъ, не зная подлинной пунктуациі каждого списка, не возможно рѣшить, въ какомъ именно смыслѣ понимали наши переписчики первое изъ приведенныхъ условій. По-

¹⁾ Объ этой Болгаріи Константинъ упоминаетъ (de adm. imp. ed. Bonn., p. 81): «Bulgaria, quam *nigram* vocant, potest Chazaros bello infestare», а въ другомъ мѣстѣ (l. c. p. 180) говорить, что Азовское море «ad septentrionem habet Danaprin fluvium, ex quo Russi proficiscuntur in *nigram* Bulgariam, Chazariam et Syriam». Карамзинъ (Ист. Г. Р. I, 153, прим. 356) ошибочно понялъ слова Константина, полагая, будто онъ *Черною* называетъ Болгарію Дунайскую. Ошибку его указалъ уже Бутковъ, который въ своей «Оборонѣ лѣтописи Нестора» (С.-Пб., 1840, стр. 21, 267 и слѣд.) объясняетъ, что *Черною Болгаріей* называлась «Древняя Великая Болгарія Кубано-Кавказская со времени ея покоренія Хозарами». Эта Болгарія, въ которой въ VII вѣкѣ кочевала сильная Болгарская орда хана Куврата, простиралась, по показанію Феодана Византійскаго и Никифора (Мемог. рор. II, p. 502—504), вдоль восточныхъ береговъ Азовскаго моря отъ устьевъ Дона до рѣки Кубани. Масуди и другіе восточные писатели также знаютъ этихъ первобытныхъ Болгаръ и говорятъ о нихъ, какъ о народѣ, существовавшемъ еще и въ X вѣкѣ на берегахъ Азовскаго моря; но ориенталисты почему-то совершенно игнорируютъ ихъ, относя всѣ встрѣчающіяся о нихъ извѣстія или къ Волжскимъ, или къ Дунайскимъ Волгарамъ, отчего въ ихъ переводахъ и толкованіяхъ восточныхъ извѣстій о Болгарахъ господствуетъ немалая путаница.

сему, полагая, что чтение *Лер.* списка передано въ текстѣ „Полнаго собранія лѣтописей“ со всею точностію, согласно съ пунктуаціей подлинника, приведемъ въ параллель къ нему буквально-точное чтение списковъ *Ин.* и *Рдз.*, означивъ разности послѣдняго въ скобкахъ:

„О корсуньсци (—стѣи) сторопѣ. колкоже (коликоже) есть городъ на той части (сторонѣ) да неимуть власти (.) князи рускыи (роустии). да воюеть на тѣхъ. (да воюють на всѣхъ) сторонахъ. а та страна не покоряется вамъ“.

Трудно сказать, какъ понимали это мѣсто переписчики *Ин.* и *Рдз.* списковъ. Видно только, что подъ выраженіями „на той части (=сторонѣ)“ и „та страна“ они разумѣли страну Херсонскую, надъ городами которой князья русскіе не должны имѣть власти и которая не должна имъ подчиняться; выраженіе же „на тѣхъ (на всѣхъ) сторонахъ“ они, кажется, принимали въ смыслѣ странъ околныхъ, въ которыхъ, будто бы, дозволялось воевать. Напротивъ того, по чтенію *Лер.* списка, „да воюеть на тѣхъ страпахъ“ относится къ предыдущему сказуемому, какъ его ближайшее опредѣленіе, въ котромъ со-слагательное *да воюеть* поставлено вмѣсто неокончательнаго *воевати*, то-есть, „еликоже есть городовъ на той части, князь русскій да не имать волости да воюеть (=воевати) на тѣхъ странахъ“. Слѣдовательно, выраженія: *на той части* и *на тѣхъ странахъ* совершенно равнозначительны, то-есть, оба означаютъ страну Херсонскую, о которой вслѣдъ затѣмъ замѣчено еще, что „та страна не покоряется вамъ“. Но кому же *вамъ*? Если князю русскому, то почему *вамъ*, а не *ему*?... Если даже и предположимъ, что здѣсь уцѣлѣлъ въ русскомъ переводѣ вѣжливый оборотъ тогдашней византійской рѣчи,—то-есть, что мѣстоименіе, замѣняющее званіе владѣтельнаго лица, поставлено во множественномъ числѣ, вмѣсто единственнаго,—то все же здѣсь должно бы стоять личное мѣстоименіе не 2-го, а 3-го лица въ дат. п. множ. ч., то-есть, „непокоряется *имъ*“, а не *вамъ*. Между тѣмъ фраза: „та страна не покоряется вамъ“ совершенно одинаково читается во всѣхъ нашихъ спискахъ; въ ней, слѣдовательно, нельзя подозрѣвать никакого искаженія. Если же она, посему, должна быть признана правильною, буквально вѣрною съ подлинникомъ, то подлинность предыдущей фразы подлежитъ сомнѣнію. Не возможно допустить, чтобы въ этой статьѣ подлинника выражено было сужденіе о князѣ русскомъ въ 3-мъ лицѣ единственнаго числа, какъ въ *Лер.* списокѣ „да не имать волости князь русскій да воюеть“, во первыхъ, потому, что въ такомъ случаѣ въ слѣдующей затѣмъ фразѣ мѣсто-

именіе *вамъ* никакъ не могло бы быть поставлено вмѣсто подлежащаго предыдущаго сужденія, и воторыхъ, потому, что выраженіе „князь русскій“, еслибъ оно стояло въ подлинникѣ, не могло бы въ спискахъ *Ин.*, *Рдз.* и другихъ, съ ними сходныхъ, обратиться подъ перомъ переписчиковъ въ „князи русьскыи (=рустии)“; по крайней мѣрѣ такая замѣна единственнаго числа множественнымъ менѣе вѣроятна, чѣмъ обратная, которая легко могла произойти вслѣдствіе недоразумѣнія позднѣйшаго компилятора, не знавшаго, что при Игорѣ, кромѣ его самого и младенца Святослава, были еще и другіе князья русскіе. Но и во множественномъ числѣ сужденіе о князьяхъ русскихъ могло быть выражено въ подлинникѣ не иначе, какъ во 2-мъ лицѣ; ибо личное мѣстоименіе 2-го лица множеств. числа *вамъ*, стоящее въ слѣдующемъ сужденіи вмѣсто подлежащаго предыдущаго сужденія, ясно указываетъ, что это—подлежащее, а слѣдовательно, и сказуемое съ опредѣленіемъ должны были быть поставлены также во 2-мъ лицѣ множеств. числа, то-есть, что вся эта статья въ подлинникѣ должна была быть выражена въ формѣ воззванія или просьбы, обращенной вообще къ тѣмъ князьямъ русскимъ, которые прежде, до заключенія договора, вѣроятно, тревожили набѣгами область Херсонскую, и воторыхъ, по сему, этою статьей договора приглашаютъ впредь не воевать въ ней. Итакъ, соображая всѣ разнорѣчивыя чтенія этой статьи въ нашихъ спискахъ и слѣдуя тому общему правилу, что за первоначальное, подлинное чтеніе какого-либо мѣста, различно переданнаго въ разныхъ спискахъ, должно всегда признавать то чтеніе, изъ котораго происхожденіе всѣхъ прочихъ можетъ быть объяснено всего проще и естественнѣе, нельзя не прійти къ заключенію, что въ подлинномъ договорѣ послѣ заглавія: „О Корсуньстѣй странѣ“, общаго нѣсколькимъ слѣдующимъ затѣмъ статьямъ, эта первая изъ нихъ должна была быть изложена такъ: „Елико же есть городовъ на той части, да не имате волости, князи русьскыи, да воюете на тѣхъ странахъ, и та страна не покоряется вамъ“. Разумѣется, что эта статья должна была показаться непонятною, или не совсѣмъ ясною для позднѣйшихъ компиляторовъ, какъ потому, что въ ней, вслѣдствіе буквального перевода ея съ греческаго, встрѣчаются слова и обороты, въ русскомъ языкѣ неупотребительные, каковы: сослагат. наклоненіе „да воюете“ вмѣсто неокончательнаго *воевати*, слово *часть* въ значеніи *страна*, и множеств. число *на странахъ* въ значеніи единственнаго *въ странѣ*, такъ и потому въ особенности, что въ ней рѣчь идетъ о князьяхъ русскихъ, о которыхъ ничего не говорится въ самой лѣтописи, и кото-

рые потому и въ другихъ мѣстахъ договоровъ Олега и Игоря возбуждали недоумѣніе компиляторовъ, выразившееся тѣмъ, что названія „князи“, „велиции князи“, „князья“ въ большинствѣ списковъ или вовсе пропущены, или переименованы, и только въ спискахъ *Рдз.* и *Три.*, и частію въ *Ин.* уцѣлѣли, да и то впрочемъ не вездѣ. Посему, очевидно, что и здѣсь компиляторы, усомнившись въ правильности выраженія „князи русьтии“, обратили его изъ звательн. падежа множеств. числа въ однихъ спискахъ въ именительный единств. числа, а въ другихъ въ именительный множеств. числа, оставшіеся однако же въ *Рдз.* списокѣ, какъ звательный, между точками, безъ всякаго смысла. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ такой передѣлки, при грамматической не-правильности переводнаго языка и при ничтожной разности въ начертаніи между *имате* и *имать*, *воюете* и *воюеть*, долженствовало быть всѣ прочія передѣлки, искажающія эту статью въ нашихъ спискахъ.

Въ слѣдующей затѣмъ статьѣ, тѣсно связанной съ предыдущей, говорится уже объ одномъ только русскомъ князѣ, сосѣдѣ Херсонцевъ, которому послѣдніе, какъ-бы въ награду за соблюденіе мира съ ними, обѣщаютъ давать, въ случаѣ надобности, вспомогательное войско противъ его собственныхъ враговъ. Смыслъ здѣсь, хотя и сжато выраженный, ясенъ. Херсонцы говорятъ: „и тогда (то-есть, при соблюденіи вами, князья русскіе, предыдущаго условія), если когда попросить войска отъ насъ (Херсонскихъ Грековъ сосѣдъ нашъ) князь русскій для войны съ своими врагами, мы дадимъ ему сколько потребуется“. Касательно разнорѣчія списковъ нельзя не замѣтить, что здѣсь *Лер.* списокъ имѣетъ преимущество передъ прочими, въ которыхъ встрѣчаются нѣкоторыя передѣлки и искаженія. Такъ, 1) въ *Рдз.* списокѣ писецъ допустилъ явную погрѣшность: вообразивъ, что здѣсь также, какъ и выше, рѣчь идетъ о князьяхъ русскихъ, онъ поставилъ, вмѣсто единственнаго, подлежащее во множественномъ числѣ— „князи русьтии“ (*вар.* 8), а прочія относящіяся къ нему выраженія оставилъ въ единств. числѣ; 2) выраженіе „да воюеть“ (*вар.* 9 и 11) въ спискахъ *Ин.*, *Хл.*, *Рдз.*, *Три.* и *Тв.* очевидно переставлено, вѣроятно потому, что оно въ какомъ-то древнемъ изводѣ было случайно пропущено изъ текста и приписано на полѣ, а потомъ въ другомъ сборникѣ, снятомъ съ этого извода, было снова внесено въ текстъ, но только не на томъ мѣстѣ, гдѣ стояло первоначально; 3) въ тѣхъ же спискахъ, „дамы“, 1-е лицо множ. ч. будущ. изъявит. накл. отъ глаг. *дати*, форма грамматически правильная, но едва-ли часть *CLXX*, отд. 2.

подлинная, ибо въ греческомъ текстѣ здѣсь, вѣроятно, стояло сослагат. или жслат. наклоненіе, которое переводчикъ, можетъ-быть, буквально передалъ 1-мъ лицомъ множеств. числа. будущ.-сослагат. наклоненія *да дамъ* — формою, не существующею въ славянорусскомъ, но составленною по образцу 1-го лица множеств. числа будущаго изъявит. наклоненія *дамъ* (= дамы = дадимъ). Иначе трудно объяснить появленіе не существующей формы *да дамъ* въ *Лер.* спискахъ и такой же *да дамъ* въ спискахъ *Сф.*, *Ср.*, и *Тв.* (вар. 10). Слѣдовательно, „дамы“ въ спискахъ *Ин.*, *Хл.*, *Рдз.* и *Три.*, вѣроятно, позднѣйшая поправка, вмѣсто первоначальнаго *да дамъ*, въ значеніи *мы дали бы*, или *стали бы давать*.

Наконецъ, въ послѣдней изъ вышесприведенныхъ статей издатель „Полнаго собранія лѣтописей“, не давъ себѣ труда вникнуть въ чтеніе списковъ и принявъ поправку Тимковскаго, основанную на произвольномъ чтеніи печатнаго Кенигсбергскаго „Нестора“, написалъ: „да ихъ не пускаетъ пакостить странѣ той“; а между тѣмъ, списки указываютъ на совершенно иное чтеніе: во первыхъ, во всѣхъ спискахъ (вар. 14) послѣ словъ „да ихъ не пускаетъ“ (съ *Лер. описки*: почаетъ) стоитъ точка; во вторыхъ, въ спискахъ нѣтъ, да и не можетъ быть, позднѣйшей, нынѣшней формы неокончат. наклоненія *пакостить*, а во всѣхъ стоитъ „пакостятъ“, кромѣ *Лер.*, гдѣ описка „пакость“, и третьихъ, ни въ одномъ спискѣ нѣтъ „странѣ той“, а во всѣхъ читаемъ: „странѣ (= сторонѣ = въ странѣ) его“. Отсюда ясно, что Греки, говоря въ этой статьѣ о Черныхъ Волгарахъ, приходящихъ воевать въ странѣ Херсонской, и предлагая князю русскому не пускать ихъ туда, мотивируютъ свое предложеніе указаніемъ на то, что враги эти, вторгаясь въ страну Херсонскую, вредятъ, пакостятъ на пути своемъ также и странѣ князя русскаго, который, посему, въ видахъ собственной пользы, не долженъ пропускать ихъ черезъ свои владѣнія. Посему, согласно съ свидѣтельствомъ списковъ, подлинное чтеніе здѣсь должно было быть слѣдующее: „и велимъ князю русскому, да ихъ не пускаетъ: пакостятъ и странѣ его“.

Но странно, что объ этомъ русскомъ князѣ, сосѣдѣ Херсонцевъ, ничего, по видимому, не знаютъ византійскіе писатели; даже у Константина Багрянороднаго ни о немъ, ни о „странѣ его“ нѣтъ и помину, хотя договоръ Игоревъ, заключенный въ его царствованіе и имъ самимъ подписанный, не могъ не быть извѣстенъ ему. Не скрывается ли у него этотъ „князь русскій“ подъ какимъ-либо другимъ названіемъ? Извѣстно, что Византійцы неохотно употребляли новыя

народныя имена, почитая ихъ варварскими и замѣняя, гдѣ только возможно, другими именами, встрѣчающимися у древнихъ писателей. Такъ, Левъ Діаконъ, назвавъ Русь въ первомъ мѣстѣ своего сочиненія (ed. Вонп., р. 63) *Тавроскивами* и прибавивъ поясненіе: „которыхъ на языкѣ народномъ называютъ *Росъ*“ (ὅς ἡ κοινὴ διάλεκτος Ρῶς ἰσθθεν ὀνομάζειν), затѣмъ уже видимо избѣгаетъ употреблять имя *Рῶς*, какъ принадлежащее языку престонародному, и почти повсюду замѣняетъ его попеременно именами *Тавроскиовъ*, *Скиовъ*, *Тавры*. Можетъ-быть, и у Константина Багрянороднаго этотъ „князь русскій“ (ὁ ἄρχων τῶν Ρῶς) названъ княземъ какого-нибудь другаго народа. У него (de adm. imp. ed. Вонп., р. 80) глава XI озаглавлена: „Пері τοῦ χᾶστρου Χερσῶνος καὶ τοῦ χᾶστρου Βοσπόρου“ (*О юродѣ Херсонъ и юродѣ Боспортъ*); но въ ней, вопреки заглавію, даже имя города Боспора ни разу не упоминается, а напротивъ рѣчь идетъ о какомъ-то князѣ или собственно *властодержцѣ*. (ὁ ἐξουσιοκράτωρ) Аланіи, объ отношеніяхъ котораго къ Херсонской области и къ Хазарамъ говорится такъ:

„Когда властодержецъ Аланіи съ Хазарами не въ мирѣ, а предпочитаетъ дружбу императора Ромеевъ (Грековъ), то Хазарамъ—если они не захотятъ также пребывать съ императоромъ въ дружбѣ и мирѣ—онъ можетъ надѣлать весьма много зла, залегая имъ пути и нападая на нихъ внезапно, при проѣздѣ ихъ въ Саркель, или въ *клематы* (τὰ κλήματα—*окружи*), или въ Херсонъ. И если только этотъ князь озаботится преградить имъ путь (ut illis aditum prohibeat, сравн. въ договорѣ Игоря: „да ихъ не пускаетъ“), то глубокой, по истинѣ, миръ водворится въ Херсонѣ и въ клематахъ; ибо Хазары, страшась нападенія Аланъ, и не имѣя возможности ни вторгаться съ войскомъ въ Херсонъ и въ клематы, ни воевать одновременно съ тѣми и другими (съ Аланами и Херсонцами), должны будутъ по неволѣ пребывать въ мирѣ“.

Кто этотъ „властодержецъ Аланіи“? По всей вѣроятности, владѣтель Боспора, если о немъ говорится тамъ, гдѣ, судя по заглавію, рѣчь должна бы быть о городѣ Боспорѣ, и если онъ, какъ видно, ближайшій сосѣдъ Херсонцамъ и Хазарамъ и опасный врагъ, особенно послѣднимъ. О его отношеніяхъ къ Хазарамъ тотъ же авторъ говоритъ и въ предыдущей, 10-й главѣ своего сочиненія, а именно: „Узы могутъ воевать Хазарь, какъ ихъ сосѣди, а также и властитель Алановъ, потому что девять хазарскихъ клематовъ граничатъ съ Аланіей, и Алане могутъ, когда только захотятъ, грабить ихъ и

тѣмъ причинять Хазарамъ огромный вредъ и убытки; ибо изъ этихъ девяти клематовъ Хазары получаютъ и сѣстные припасы и всѣ прочія жизненные потребности“.

Если ими *клематы* (τὰ κλήματα) у византійскихъ писателей встрѣчается только какъ техническое названіе небольшихъ округовъ между горами и моремъ на Крымскомъ полуостровѣ, то тамъ же, надо полагать, лежали и девять хазарскихъ клематовъ Константина Багрянороднаго, то-есть, въ принадлежавшей Хазарамъ сѣверо-восточной части полуострова, на берегахъ Азовскаго моря. Посему и упоминаемая здѣсь Аланія никакъ не можетъ быть Кавказская Аланія, а должна быть страна, лежащая также на Крымскомъ полуостровѣ, между хазарскими клематами и Херсонскою областью, вѣроятно, въ юго-восточной части ея, при Киммерійскомъ проливѣ, — значить, тамъ же, гдѣ, по указанію Игорева договора, приходится страна „князя русскаго“. Самыя отношенія властителя этой Аланіи къ Хазарамъ и Херсонцамъ совершенно тѣ же, какъ и „князя русскаго“ въ договорѣ Игоря, и даже выражены почти тѣми же словами; а изъ того, что онъ можетъ, *когда только захочетъ*, грабить хазарскіе клематы и повсюду подстергать и тревожить Хазаръ, даже на пути ихъ въ Саркель, слѣдуетъ заключить, что онъ имѣетъ корабли и господствуетъ на морѣ, ибо ипаче такія дѣйствія едва-ли были бы возможны для него. По всѣмъ признакамъ, даже и по самому титулу надо полагать, что этотъ *властодержецъ* Аланіи — одно лицо съ „княземъ русскимъ“ Игорева договора, ибо и этотъ князь не самостоятельный, а князь-подручникъ, вассалъ, также можетъ быть названъ властодержцемъ, то-есть, держащимъ власть великаго князя Кіевскаго. Но почему его владѣніе *Аланія*—сказать трудно. Едва-ли можно полагать, что Кавказскіе Алане въ первой половинѣ X вѣка состояли уже въ подчиненныхъ отношеніяхъ къ Черноморской Руси; вѣроятно, что нѣкоторая часть Аланъ (по послѣдующимъ извѣстіямъ, Алане дѣйствительно упоминаются въ числѣ обитателей Тавриды) была уже въ то время поселена во владѣніяхъ „князя русскаго“, котораго Константинъ потому и называетъ властодержцемъ Аланіи Таврической; о Кавказской же Аланіи у него здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Изъ другаго сочиненія того же вѣнценоснаго автора (de cerim. ed. Bonn., p. 688) мы узнаемъ еще, что къ этому *властодержцу Аланіи* (εἰς τὸν ἐξουσιάρχου Ἀλανίας) императоры посылали грамоты съ золотомъ печатью въ два солида (bullae aureae bisoldiae) и называли его *своимъ духовнымъ синомъ*. Слѣдовательно, онъ былъ христіанинъ, и это уже

въ первой половинѣ, или даже въ началѣ X вѣка, ибо въ такъ-называемомъ „Уставѣ Льва Премудраго“ († 912 г.), или въ спискѣ епархій, подвластныхъ патриарху Константинопольскому, Аланская епархія показана 62-ю, послѣ Русской. Но эта Аланская епархія, кажется, обнимала только Кавказскую Аланію, гдѣ христіанство введено было въ VI вѣкѣ, и вѣроятно, что владѣтель этой Аланіи назывался духовнымъ сыномъ императоровъ. Не спутался ли, можетъ-быть, Константинъ въ своихъ источникахъ, приписавъ христіанскому владетелю Кавказской Аланіи тѣ дѣйствія, которыя возможны только для князя русскаго, господствовавшаго въ Боспорѣ и Тмутаракани? Вообще, нельзя не замѣтить, что сообщаемыя имъ свѣдѣнія, весьма важныя и драгоцѣнныя для русской исторіи, но не чужды запутанности, пуждаются въ строгой критической оцѣнкѣ; безъ повѣрки съ другими источниками на нихъ не всегда можно полагаться. Но въ томъ нельзя, кажется, сомнѣваться, что у него подъ названіемъ Аланіи почему-то сокрыта Русь Черноморская.

Другіе византійскіе писатели также не могли, кажется, не знать о существованіи этой Руси, сосѣдней съ Херсонскою областью. По крайней мѣрѣ, она несомнѣнно была извѣстна Льву Діакону; самое имя *Тавроскиевъ*, которымъ онъ первый почтилъ Руссовъ Святослава, уже доказываетъ, что онъ считалъ ихъ обитателями страны древнихъ Тавровъ и Тавроскиевовъ; а страну эту, какъ исконную родину Руссовъ, онъ указываетъ именно при Киммерійскомъ Боспорѣ. Такъ, у него (Leo Diac. ed. Voll., p. 106) Цимисхій посылаетъ напомнить Святославу о пораженіи отца его Игоря, который, поправъ договоры, устремился на Царьградъ съ несмѣтными силами, но самъ едва спасся бѣгствомъ, „и только съ какими-нибудь десятью кораблишками возвратился *въ Боспоръ Киммерійскій*“; а въ другомъ мѣстѣ, говоря о приготовленіяхъ Цимисхія къ осадѣ Доростола, онъ замѣчаетъ (тамъ же, стр. 129), что греческій огненосный флотъ вступилъ въ Дунай для того, „чтобы Скивамъ (то-есть, Святославу и его Русь), если они обратятся въ бѣгство, отрѣзать обратный путь на родину (*ἐκ τῆν αἰών πατρίδα*), *въ Боспоръ Киммерійскій*“.

Итакъ, разсмотрѣнныя нами статьи Игорева договора указываютъ на историческій фактъ, не подлежащій ни малѣйшему сомнѣнію, и притомъ, чрезвычайно важный, хотя и не замѣченный никѣмъ доселѣ; а именно, что *то русское княжество*, которое, подъ названіемъ Тмутараканскаго, впервые упоминается въ нашей лѣтописи только при Владимірѣ Великомъ подъ 988 г., и котораго основаніе

обыкновенно, впрочемъ только по догадкѣ, приписываютъ Святославу, существовало уже въ первой половинѣ X вѣка подѣ управленіемъ вассала великаго князя кievскаго Игоря, и уже тогда, какъ видно, служило сборнымъ пунктомъ, откуда русскіе князья, упоминаемые въ договорѣ, тревожили область Херсонскую, и откуда выходили, безъ сомнѣнія, и тѣ полчища Руссовъ, которыя, по извѣстіямъ восточныхъ писателей, опустошали Прикаспійскія страны.

Когда же и кѣмъ положено было начало русскому господству на берегахъ Боспора Киммерійскаго — въ странѣ, издавна, уже съ VII вѣка, принадлежавшей Хазарамъ? Можно ли полагать, что эти берега были завоеваны самимъ Игоремъ? Ни характеръ Игоря, ни положеніе Русской земли въ его время не допускаютъ такой гипотезы. Игорь, сколько можно судить о немъ по скуднымъ извѣстіямъ нашей лѣтописи, былъ князь слабый, невоинственный, вовсе непохожій на Олега, привыкшій съ малолѣтства къ жизни спокойной и праздной. При самомъ вступленіи на престолъ, ему пришлось бороться съ возстаніемъ многихъ племенъ славянскихъ, отпавшихъ отъ Руси по смерти Олега, и почти въ то же время, когда онъ только что смирилъ Древлянъ, а воевода его Свенгелдъ — Угличей, съ востока нахлынули несмѣтные орды Печенѣговъ и заняли своими кочевьями все сѣверное Черноморье отъ Дона до устьевъ Дуная. Всѣ завоеванія Олега на юго-западѣ были, такимъ образомъ, утрачены, и Русская земля, отброшенная отъ береговъ Чернаго моря, осталась на сѣверѣ, далеко за Днѣпровскими порогами; даже и самый путь къ морю изъ Кіева по Днѣпру, сквозь печенѣжскія кочевья, сдѣлался чрезвычайно труднымъ и опаснымъ. Ко всему этому, при слабомъ князѣ, какъ обыкновенно бываетъ, обнаружались раздоры и интриги партій: представленіе Свенгелду права на древлянскую дань вызвало ропотъ дружины: „се даль еси единому мужу много“, говорила она князю. Игорь не могъ ей противиться, онъ уступилъ, и какъ вѣроятно, отмѣнивъ свое распоряженіе, отнялъ отъ Свенгелда данное ему право (ибо въ концѣ своего княженія онъ уже самъ собиралъ древлянскую дань для себя и для своей дружины). Понятно, что такой поступокъ долженъ былъ сильно оскорбить гордаго воеводу, который послѣ этого не могъ уже оставаться на службѣ у безхарактернаго князя, и безъ сомнѣнія, покинулъ Русскую землю.

При такихъ обстоятельствахъ, въ столь неблагоприятномъ положеніи, Игорю не возможно было даже и помыслить о какихъ-либо новыхъ, дальнихъ завоеваніяхъ, особенно же о завоеваніи Тмутара-

кани — пункта, для него совершенно бесполезного. Но, можетъ-быть, самъ Свенгелдъ, ставъ во главѣ товарищей, подобно ему недовольныхъ слабостию и празднолюбіемъ Игоря, кликнулъ охотниковъ, составилъ дружину, и снарядивъ корабли, смѣлымъ, внезапнымъ набѣгомъ овладѣлъ Тмутараканью? Это вполнѣ въ духѣ Норманновъ, которые совершали и не такіе подвиги. Удержаться же въ захваченномъ пунктѣ и сдѣлать его притономъ для многочисленной, крѣпко и правильно организовавшаго шайки пиратовъ было уже не трудно, ибо въ охотникахъ стать подъ знамя храбраго вождя, прославившагося своими подвигами, смѣлостію и удачею въ морскихъ разбояхъ, конечно, не было недостатка: ихъ могли доставить и хазарскіе данники Черныя Болгаре, и сосѣдніи воинственные племена Кавказа, и обитавшіе въ восточной части Тавриды Готы-Гетракситы, потомки знаменитыхъ Готовъ Черноморскихъ, древнихъ родичей норманской Руси, наконецъ, въ изобиліи могли доставить ихъ и Русская земля, и самая Скандинавія. Даже и сами князья русскіе, подручники Игоря, могли быть дѣятельными союзниками и сподвижниками Свенгелда; ибо въ то время, когда глава Руси безопасно дремалъ на Кіевскомъ престолѣ, князья, сидѣвшіе подъ рукою его въ другихъ городахъ, конечно, сидѣли не сложа руки: вся жизнь ихъ проходила въ непрерывныхъ походахъ, въ постоянной, неутомимой дѣятельности. Осенью, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, какъ говоритъ Константинъ Багрянородный (de adm. imp. ed. Вонп., р. 74—79), они съ своими дружинами покидали Кіевъ и отправлялись каждый въ свою волость, съ *полюдье*, то-есть, для сбора дани, для зимнихъ промысловъ и разныхъ хозяйственныхъ распоряженій; весною же, тотчасъ по вскрытіи рѣкъ, съ собранною данью, съ добычей и плѣнниками, спѣшили опять отсюда въ Кіевъ, куда, къ тому же времени, Дреговичи, Кривичи и другіе подвластные Руси Славяне сплавливали на продажу выдолбленные ими днища или остовы для морскихъ судовъ, и куда стекались также и всѣ, привыкшіе мечемъ добывать золото, — всѣ тѣ, кому тѣсно и душно было въ Русской землѣ, или кому дома въ мирное время дѣлать было нечего, — всѣ эти искатели войны и добычи примыкали въ Кіевѣ къ воинскимъ дружинамъ. Потомъ, когда сооруженіе морскихъ судовъ было окончено, и когда весь торговый караванъ былъ собранъ и снаряженъ въ путь, князья сопровождали его съ своими дружинами чрезъ печенѣжскія кочевья по Днѣпру на Черное море, до мѣста, безопаснаго отъ хищниковъ — вѣроятно, до устьевъ Дуная; откуда, направивъ свои купеческія суда вдоль бере-

говъ Оракія въ Царьградъ, сами съ дружинами или уѣзжали назадъ къ устьямъ Днѣпра, гдѣ, ожидая возвращенія купцевъ, гостили у Херсонцевъ на ихъ рыбныхъ промыслахъ, или же отправлялись прямо въ гости къ Тмутараканскому князю и вмѣстѣ съ нимъ громили прибрежныя хазарскія владѣнія по Азовскому морю и Дону, не упуская притомъ случая похозяйничать на перепутьи и въ Херсонской области. Къ осени же они опять собирались къ устьямъ Дуная, чтобы копировать свои торговыя суда съ сокровищами Греціи въ Кіевъ.

Такъ при Игорѣ могло быть основано Свенгелдомъ Тмутараканское княжество. Но то, что только *могло быть*, а не *извѣстно было* — не принадлежитъ къ исторіи, если не имѣть сопрокосновенія съ тѣмъ, что дѣйствительно было и что достоверно извѣстно, ибо о неизвѣстномъ можно съ большею или меньшею вѣроятностію заключить только по его отношенію къ даннымъ извѣстнымъ. Но Свенгелда, какъ восводу Игоря, знаетъ одна только наша лѣтопись, и изъ разсмотрѣнія ея извѣстій о княженіи Игоря можно съ вѣроятностію заключить только, что съ 920-хъ годовъ до осени 944 года Свенгелда не было въ Русской землѣ, и что онъ, при той кипучей, юной жизни, какаю тогда, по описанію Константина Багрянороднаго, проявлялась въ Руси, имѣлъ полную возможность и средства, независимо отъ Игоря, завоевать отъ Хазаръ Тмутаракань и утвердиться тамъ. Между тѣмъ, ни въ византійскихъ, ни въ восточныхъ извѣстіяхъ не только ничего не говорится о Свенгелдѣ и его завоеваніяхъ, но нѣтъ даже и намека на какія-либо враждебныя отношенія между Русью и Хазарами при Игорѣ, послѣ 920 года. Напротивъ того, восточные писатели, и притомъ современники Игоря, упоминаютъ о мирныхъ торговыхъ сношеніяхъ, существовавшихъ въ то время между этими народами. Такъ, Ибнъ-Фодлапъ, посланный отъ калифа Багдадскаго въ царю Волжскихъ Болгаръ въ 922 году и посѣтившій также и Хазарію, сообщалъ въ описаніи своего путешествія много любопытнаго о Болгарахъ, Хазарахъ и Руссахъ, между прочимъ, говоритъ, что онъ самъ видѣлъ русскихъ купцовъ, когда они пріѣхали и расположились съ своими товарами на берегу Волги; а другой Арабъ, Масуди, писавшій свои „Золотые Луга“ лѣтъ 20 послѣ Ибнъ-Фодлана, также говоритъ, что русскіе купцы имѣютъ торговыя сношенія съ Болгарами (не Волжскими, а съ Черными Болгарами), что они мирно проживаютъ въ столицѣ Хазаріи, и что многіе изъ Руссовъ даже служатъ въ войскѣ и при дворѣ царя хазарскаго. Ясно, стало быть, что время было мирное, что войны между Русью и Хазарами въ кня-

женіе Игоря не было, -- по крайней мѣрѣ, войны значительной предполагать не возможно.

И такъ, въ виду этихъ показаній современниковъ, догадка наша объ основаніи Тмутараканскаго княжества Свенгелдомъ или вообще Русью въ княженіе Игоря, оказывается несостоятельною; а потому и начало этого княжества необходимо отнести въ временаъ предшествовавшимъ, то-есть, придется допустить, что хазарскія владѣнія при Киммерійскомъ проливѣ были завоеваны уже Олегомъ, и вмѣстѣ съ прочими его завоеваніями, достались въ наслѣдіе Игорю. Но вотъ обстоятельство, которое долго заставляло насъ отворачиваться отъ этого предположенія и, не смотря на совершенное отсутствіе историческихъ свидѣтельствъ, относить начало русскаго господства въ Тмутаракани ко временамъ не Олега, а Игоря. Масуди, въ своемъ разказѣ объ извѣстномъ походѣ Руссовъ, въ 913—914 гг. черезъ Хазарію изъ Чернаго моря въ Каспійское, западные берега котораго они тогда страшно опустошили, указываетъ на Киммерійскій проливъ, какъ на то мѣсто, гдѣ стоялъ (въ Тмутаракани, какъ полагаютъ) сильный хазарскій гарнизонъ, и гдѣ русскій флотъ, состоявшій изъ 500 судовъ, изъ коихъ на каждомъ было 100 человѣкъ экипажа, долженъ былъ остановиться и ждать позволенія царя хазарскаго, чтобы продолжать свой путь черезъ его владѣнія. Правда, мѣсто это, нѣсколько разъ упоминаемое въ началѣ разказа, не названо именпо Киммерійскимъ проливомъ, а вездѣ въ переводахъ называется только *рукасъ, проливъ, Агм, сапал, бгас* ¹⁾; но ориенталисты въ своихъ комментаріяхъ утверждаютъ, что это именно Боспоръ Киммерійскій. А если такъ, если берега этого пролива въ 914 году дѣйствительно принадлежали еще Хазарамъ, а въ 944 году составляли уже владѣніе „князя русскаго“, упоминаемаго въ договорѣ Игоря, то придется по неволѣ допустить, что хазарское владычество на этихъ берегахъ смѣнилось русскимъ въ княженіе Игоря, между 914 и 944 годами; а въ такомъ случаѣ и наша догадка объ основаніи Тмутараканскаго княжества Свенгелдомъ оказывается вполне вѣроятною историческою гипотезой, если только вѣрны основанія: но въ этомъ-то и вся суть. Что упоминаемая въ договорѣ Игоря страна русскаго

¹⁾ Сказанія мусульм. писат. о Славянахъ и Русскихъ -- А. И. Гаркави, стр. 131. Журн. Мин. Нар. Просв. 1835, ч. V, статья В. В. Григорьева: О древн. походахъ Руссовъ на востокъ, стр. 235. Fruehn, Ibn. Foszl., стр. 174. *Bullet. hist.-phil. de l'Acad. de S.-Petersb.* IV, статья А. А. Куника, стр. 191 - 192. Maçoudi, *Les Prairies d'or*, ed. Barbier de Meynard. Paris, II, p. 18.

князя должна была лежать между Херсонскою областію и землею Черныхъ Болгарь, то-есть, на берегахъ Киммерійскаго пролива,—это не можетъ подлежать сомнѣнію; но нельзя не усомниться въ показаніи, будто берега эти въ 914 году принадлежали еще Хазарамъ. Нельзя не спросить, вѣрно ли переведено это мѣсто разказа Масуди, вѣренъ ли самый текстъ его въ разныхъ позднѣйшихъ спискахъ? Не перетолковано ли это показаніе переписчиками, или, можетъ - быть, переводчиками? Подъ вліяніемъ убѣжденія, что земли при Киммерійскомъ проливѣ, несомнѣнно принадлежавшія Хазарамъ еще въ IX вѣкѣ, должны были принадлежать имъ же и въ 914 году, оріенталисты легко могли пайдти у Масуди то, о чемъ онъ, можетъ - быть, и не думалъ.

Чтобы разрѣшить это сомнѣніе, рассмотримъ, могъ ли Масуди, согласно съ выраженными въ его сочиненіи географическими понятіями, разумѣть въ своемъ повѣствованіи о русской морской экспедиціи Киммерійскій проливъ подъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ Руссы встрѣтили сильный хазарскій гарнизонъ, и гдѣ, слѣдовательно, начались Хазарскія владѣнія. Вонервыхъ, моря Азовское и Черное Масуди считаетъ за одно море, которое только сжато въ одномъ мѣстѣ континентомъ и какъ-бы раздѣлено на двѣ части—широкую и узкую, соединенныя между собою проливомъ. Затѣмъ, онъ объясняетъ, что хотя и принято называть эти двѣ части особыми именами—одну (будто бы широкую и глубокую) *Маіотисъ*, а другую (узкую) *Нитасъ*, однако, онъ въ своемъ сочиненіи употребляетъ эти имена, какъ тождественныя названія одного моря, разумѣя какъ подъ *Маіотисъ*, такъ и подъ *Нитасъ* всегда и широкую, и узкую части его вмѣстѣ, то-есть, считая моря Азовское и Черное не за два моря, а за одно только море; онъ и называетъ это море всегда однимъ которымъ-либо именемъ—или *Маіотисъ* или *Нитасъ*, и разумѣетъ подъ тѣмъ и другимъ именемъ всегда оба моря, какъ Азовское, такъ и Черное вмѣстѣ ¹⁾. Далѣе, въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что „Хазарская рѣка (Волга) однимъ рукавомъ, вытекающимъ изъ верхней части ея, упадетъ въ одинъ изъ заливовъ моря *Нитасъ* (то-есть, Чернаго съ

¹⁾ Prairies d'or, I, 273: «Si dans l'usage on a appelé *Mayotis* la portion la plus large (sic!) de cette mer, celle où l'eau est la plus abondante, et *Nitas* la partie resserrée et peu profonde, il n'en est pas moins certain que chacune de ces dénominations les désigne toutes deux, et si dans certains passages de ce livre nous disons *Mayotis* ou *Nitas*, nous entendrons toujours par là aussi bien la portion large de cette mer, que celle qui est étroite».

Азовскимъ), которое есть *Русское море*, ибо на немъ плаваютъ только Руссы, да и живутъ они на одномъ изъ его береговъ“¹⁾). Если же моря Азовское и Черное, а слѣдовательно, и проливъ, ихъ соединяющій,—одно Русское море, то спрашивается, какое же право имѣли Хазары препятствовать Руссамъ, господамъ, плавать по своему собственному морю? Да и какъ могли они своими караулами, конными или пѣшими, поставленными, положимъ, на обоихъ берегахъ, остановить сильный русскій флотъ въ этомъ довольно широкомъ проливѣ, когда тотъ же Масуди (Сказ. мус. пис., 133) говоритъ, что „царь хазарскій не имѣетъ судовъ, и подданные его не привычны къ морю?“ Или эти 50 тысячъ Руссовъ, участвовавшихъ въ экспедици, были такъ любезны, что на окликъ хазарскихъ караульныхъ или на поданный ими сигналъ сами тотчасъ причалили къ берегу, имѣя полную возможность и законное право безпрепятственно пройти по проливу изъ одной части своего моря въ другую?... Что не Киммерійскій проливъ разумѣлъ Масуди подъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ остановились русскіи суда,—это ясно уже изъ первыхъ словъ его разказа: „Они встрѣтили тамъ“, говоритъ онъ (по переводу В. В. Григорьева), „сильный гарнизонъ царя хазарскаго, поставленный для стражи противъ всякаго непріятеля, который могъ бы прійти какъ съ того моря (Нитасъ), такъ и изъ страны, лежащей за рукавомъ рѣки Хазарской; ибо въ эту страну приходятъ для зимовки кочующіе орды Турокъ-Гузовъ, а какъ вода, текущая изъ рѣки Хазарской въ заливъ Нитаса, часто замерзаетъ, то Гузы переѣзжаютъ черезъ нее на лошадяхъ. Хотя это и большая рѣка, но не ломается подъ ними, окрѣпнувъ какъ камень. Такъ переходятъ они въ землю Хазаровъ“. Но какіе же Турки-Гузы и откуда приходили зимовать къ Киммерійскому проливу, и съ котораго на который берегъ переходили они по льду черезъ этотъ проливъ въ хазарскія владѣнія? Вѣдь Гузы, или Узы (“Ουζοι, Uzi) Константина Багрянороднаго, были, какъ извѣстно, сѣверные сосѣди Хазаръ, кочевавшие за Волгой и между Волгой и Дономъ. Посему, говоря, что они вторгаются въ Хазарію по льду черезъ большую рѣку, которая крѣпко замерзаетъ, Масуди, конечно, разумѣлъ или Волгу, или мнимый рукавъ ея — Донъ, который онъ мысленно соединялъ съ Волгою, по всей вѣроятности, въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ дѣйствительности отъ крѣпости Саркела на Дону, въ прямомъ направленіи на востокъ къ ближайшему пункту на Волгѣ, на разстояніи 60-ти верстъ, проведены

¹⁾ Prairies d'or, II, p. 15. «Сказ. мусульм. писат.», стр. 130.

были Хазарами, какъ полагать должно, рвы и валы для защиты этой сѣверной границы отъ вторженій кочевниковъ. Слѣдовательно, здѣсь, именно въ Саркелѣ, долженъ былъ стоять и „сильный гарнизонъ царя Хазарскаго“, упоминаемый въ разказѣ, и только здѣсь, какъ догадывался и Савельевъ (Мугамм. Нумизматика, стр. LXIII), остановился и русскій флотъ, котораго Хазары, не имѣя кораблей, не могли остановить ни въ Киммерійскомъ проливѣ, ни на Азовскомъ морѣ. Даже и по всему нижнему теченію Дона, широкаго въ весенніе разливы, Руссы могли плыть безирепятственно, но у Саркела они должны были остановиться и вступить въ переговоры съ царемъ хазарскимъ, потому что отсюда имъ предстояло перебираться съ своими судами съ Дона на Волгу, черезъ перевалъ сухимъ путемъ, чего нельзя было сдѣлать безъ позволенія царя.

Стало бытъ, разказъ свой о походѣ Руссовъ на Прикаспійскія страны Масуди начинаетъ съ прибытія ихъ флота не къ устью Киммерійскаго пролива, какъ полагаютъ оріенталисты, а къ устью своего воображаемаго *рукава* рѣки Хазарской, то-есть, къ тому мѣсту, гдѣ участники похода (вѣроятно, у Саркела) должны были выйти изъ судовъ и вступить на хазарскую территорію. О Киммерійскомъ проливѣ онъ здѣсь вовсе не упоминаетъ, а потому не говоритъ также — кому во время похода принадлежали земли на берегахъ его. Но еслибъ онъ считалъ ихъ хазарскими, а слѣдовательно, и самый проливъ какъ-бы вратами въ Хазарію, то не могъ бы, кажется, въ своемъ разказѣ не вспомнить объ этомъ пунктѣ, не могъ бы не объяснить, какъ русскій флотъ изъ Чернаго моря прошелъ въ эти ворота, въ виду Хазаръ, владѣвшихъ побережьями, и главное—не могъ бы назвать Азовское море, какъ лежащее внутри хазарскихъ владѣній, нераздѣльною частію Русскаго моря, а назвалъ бы его, вѣроятно, моремъ или даже озеромъ Хазарскимъ, такъ какъ онъ обыкновенно называетъ моря по именамъ народовъ, господствующихъ на ихъ бережьяхъ; между тѣмъ, въ концѣ своего разказа онъ положительно утверждаетъ, что соединенное море Маіотисъ и Нитасъ не Хазарское, а море Болгаръ и Руссовъ. Значитъ, по его понятію, никакихъ хазарскихъ владѣній во время похода не было на берегахъ этого моря. На какомъ именно берегу его жили извѣстные ему Руссы—онъ также прямо не указываетъ; но если онъ свѣдѣнія свои объ этомъ народѣ излагаетъ въ общей связи съ повѣствованіемъ о Хазарахъ, Болгарахъ и другихъ народахъ Кавказскаго перешейка, вращаясь, такъ сказать, мысленно только между Кавказомъ и нижнею Волгою, съ

мнимымъ рукавомъ ея Дономъ, и между морями Каспійскимъ и Азовскимъ, или Хазарскимъ и Русскимъ, то нельзя не заключить, что онъ и Руссовъ причисляетъ къ обитателямъ той же полосы земель къ сѣверу отъ Кавказа и помѣщаетъ ихъ рядомъ съ Болгарами, на восточномъ берегу Русскаго моря, или моря Болгаръ и Руссовъ, то-есть, въ той самой мѣстности, при Киммерійскомъ проливѣ, гдѣ въ его время, именно въ 944 году, какъ мы достовѣрно знаемъ изъ договора Игорева, дѣйствительно господствовалъ какой-то „князь русскій“, владѣнія котораго лежали между Херсонскою областію и Черною Болгаріей ¹⁾.

Итакъ, мы имѣемъ полное право отнести начало русскаго господства въ Тмутаракани ко временамъ Олега, и именно къ тому двадцатилѣтію его княженія (884—906 г.), въ продолженіе котораго о дѣлахъ его наша лѣтопись хранить глубокое молчаніе, потому конечно, что о нихъ не сохранилось никакихъ извѣстій, а не потому, что никакихъ дѣлъ не было. Если Олегъ, по выступленіи изъ Повгорода, въ какіе-нибудь три-четыре года, взявъ Смоленскъ, Любечъ, Кіевъ, подчинилъ себѣ Полянъ, Дрєвлянъ, Сѣверянъ и Радимичей, и если онъ уже въ 884 году воевалъ съ Ульцами и Тивьрцами на берегахъ Чернаго моря, то возможно ли, чтобъ онъ вдругъ, не кончивъ даже начатой войны, вложилъ въ ножны свой мечъ, и затѣмъ, слишкомъ 20 лѣтъ провелъ въ бездѣйствіи!... Мы знаемъ, что этого не было. Знаемъ достовѣрно, что Угличи, Ульцы и Тивьрцы первые были покорены Олегомъ, и можемъ признать вѣроятнымъ, что Хорваты и Дулѣбы также подпали его власти ²⁾. Но покореніе племенъ славянскихъ слу-

¹⁾ Эдрази, писавшій въ XII вѣкѣ, въ то время, когда на сѣверныхъ берегахъ Понта Евксинскаго господствовали Половцы, упоминаетъ однако—слѣдуя, конечно, показанію своихъ предшественниковъ, или Византійцевъ,—о странахъ *русской* и *болгарской* (Bergian) и помѣщаетъ ихъ именно на восточныхъ берегахъ Азовскаго моря, въ оцѣдующемъ описаніи Понта въ своей географіи (цитата взята изъ «Отрывковъ» г. Гедеонова): «Hoc mare Pontus procurrrens in partem orientalem...; et illic terminantur extremitates hujus maris, eo in loco, ubi sunt Chozaraei. Inde vertitur litus ejus ad *Metrechum* (Tamatarcha, Тмутаракань), iungiturque regionibus *Russiae*, et regionibus *Bergian*, et ostio fluminis *Daiabres* (не Донъ ли, то-есть, Tanabis?), et extenditurque ad ostium fluminis Danubii, donec perveniat ad angustum os maris Constantinopolitani (Geogr. Nubiens. 5)».

²⁾ Соображенія о томъ, какія изъ племенъ славянскихъ должны были быть покорены Олегомъ, и какъ далеко простирались его владѣнія, предложены выше, въ другомъ мѣстѣ нашего сочиненія. Тамъ, между прочимъ, рассмотрѣна и статья Олегова договора 911 года, которую Русскіе принимаютъ на себя обя-

жило ему только средствомъ къ достиженію главной цѣли—господства на Черномъ морѣ. Открывъ свободный путь къ морю покореніемъ Угличей—восточной вѣтви Ульцевъ, сидѣвшей у Днѣпровскихъ пороговъ, и ставъ твердою ногою на устьяхъ Днѣпра, Олегъ могъ безпрепятственно развѣзжать уже по *своему Русскому морю* и вооруженною рукою, по праву сильнаго, взимать обильную дань съ его богатыхъ побережій. А изъ всѣхъ земель, прилежащихъ къ этому морю, Таврида, какъ ближайшая къ Днѣпровскимъ устьямъ, со многими цвѣтущими торговлею городами, разумѣется, первая должна была привлечь его вниманіе. Къ тому же съ обитателями ея—Херсонскими Греками, онъ еще во время войны съ Ульцами и Тивьрцами долженъ былъ встрѣтиться въ самыхъ устьяхъ Днѣпра, на ихъ рыбныхъ промыслахъ, о которыхъ упоминается въ договорѣ Игоря (Др. 22); да и древніе соплеменники скандинавской Руси, Готы—Тетракситы, обитавшіе на юго-восточныхъ берегахъ Тавриды подъ владичествомъ частію Хазаръ, частію Херсонцевъ, и вѣроятно, состоявшіе въ дружескихъ сношеніяхъ съ Русью уже при Асколдѣ и Дирѣ, также не могли не быть извѣстны Олегу. Посему естественно предположить, что онъ не замедлилъ освободить ихъ отъ власти иноплеменниковъ и утвердить свое собственное господство въ тамошнихъ странахъ. Наконецъ, и стратегическія соображенія, въ которыхъ не возможно отказать умному, хитрому и воинственному Олегу, должны были указать ему на островъ Тамань въ Киммерійскомъ проливѣ, какъ на вполне безопасный, самою природою укрѣпленный пунктъ,

---

занность помогать греческимъ торговымъ судамъ, потерпѣвшимъ отъ бури, выброшеннымъ на берегъ или затертымъ въ отмеляхъ; они говорятъ въ ней (Др. стр. 15): «аще ли таковая лодья, ли отъ бури или бороненія земнаго боронима, не можетъ възборонитися въ своя си мѣста, съпотружаемъя гребцемъ тоя лодья мы Русь, и да проводимъ съ куплюю ихъ поздорову, ти аще ключится близъ земли Грецькы; аще ли ключится тако же проказа лодья близъ земли Русьтѣи да проводимъ ю въ Русскую землю», и т. д.

Конечно, эта *Русская земля*, близъ которой греческое торговое судно могло пострадать отъ бури, и въ которую Русскіе обязываются пропечь такое судно—лежала не за Днѣпровскими порогами, а на берегу Чернаго моря. Какой же берегъ этого моря въ 911 году назывался Русскою землею? Если въ 914 году, какъ видно изъ показаній Масуди, Русскіе господствовали уже на берегахъ Киммерійскаго пролива, то конечно, эти берега были Русскою землею и въ 911 году, и раньше; но еще раньше русское господство должно было утвердиться на сѣверномъ берегу Русскаго моря, между устьями Днѣпра и Дуная, гдѣ Олегъ уже въ 884 году воевалъ съ Ульцами и Тивьрцами, и безъ всякаго сомнѣнія, покорилъ ихъ еще въ исходѣ IX вѣка.

обладаніе которымъ не только дѣлало его полновластнымъ владыкою морей Чернаго и Азовскаго, повелителемъ грознаго морскаго государства въ смыслѣ Скандинавовъ, но и упрочивало безопасность его континентальныхъ владѣній со стороны Хазарской державы. Если Хазары, которые на сушѣ, конечно, были сильнѣе Руси, оставили во власти Олега внезапно захваченные имъ Кіевъ и земли Полянъ, Сѣверянъ и Радимичей, и даже не пытались, какъ видно, воротить ихъ въ послѣдствіи, то это, по всей вѣроятности, слѣдуетъ приписать тому, что Олегъ успѣшилъ перенести борьбу съ ними на другой театръ — на море, гдѣ перевѣсъ былъ уже на его сторонѣ, то-есть, что онъ занялъ крѣпкую позицію на островѣ Таманѣ и отсюда по Азовскому морю и Дону, опустошая на пути всё земли вправо и лѣво, вторгнулся въ самое сердце Хазаріи, и угрожая кагану въ собственной его столицѣ, начерталъ ему условія мира, подобныя тѣмъ, какія вскорѣ потомъ побѣдоносный мечъ его зарубилъ Грекамъ подъ стѣнами Царьграда.

Предположеніе, что уже Олегъ положилъ основаніе русскому господству въ Тмутаракани, въ исходѣ IX или въ первыхъ годахъ X вѣка, и тѣмъ принудилъ кагана Хазарскаго заключить миръ, выгодный для Руси, не только не представляетъ ничего не вѣроятнаго или противорѣчащаго существующимъ историческимъ свидѣтельствамъ, но напротивъ, вполне согласно какъ съ извѣстнымъ воинственнымъ характеромъ Олега и его Руси, такъ и съ показаніями византійскихъ и восточныхъ писателей о Черноморской Руси, о Русскомъ морѣ, о раннихъ торговыхъ сношеніяхъ Руси съ востокомъ, о походахъ ея черезъ Хазарію на Каспійскія побережья, и проч., которыя оно объясняетъ и подтверждаетъ. А такъ какъ этотъ предполагаемый фактъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, состоитъ въ неразрывной связи съ показаніемъ Игоря договора о существованіи въ первой половинѣ X вѣка русскаго княжества между Херсонскою областію и Черною Болгаріей, то онъ и долженъ быть признанъ за фактъ историческій, не подлежащій никакому сомнѣнію.

Но есть и нисѣмное, современное, и даже, кажется, официальное византійское извѣстіе о покореніи Олегомъ сѣвернаго Черноморья и земель при Киммерійскомъ проливѣ, — извѣстіе, на которое доселѣ только потому не было обращено надлежащаго вниманія, что оно по своему содержанію весьма загадочно и таинственно; въ немъ не указаны ни время, ни мѣсто дѣйствія, ни имена дѣйствующихъ, а говорится только объ опустошеніяхъ, произведенныхъ гдѣ-то и когда-

то какими-то варварами, и о противодѣйствіи имъ со стороны автора извѣстія, не названнаго по имени, но лица, очевидно, официальнаго, то-есть, императорскаго стратега или главнаго правителя Херсонской области. Мы разумѣемъ здѣсь два черновые отрывка изъ какихъ-то записокъ, или писемъ неизвѣстнаго автора, которые византинистъ Газе нашель въ одномъ кодексѣ Парижской бібліотеки, содержащемъ въ себѣ разныя посланія св. Василія, Фалариды и св. Григорія Назіанзіана, и напечаталъ въ своемъ изданіи Льва Діакона. Отрывки эти, помѣщенные въ кодексѣ въ разныхъ мѣстахъ между посланіями, на оставшихся по написаніи ихъ чистыхъ страницахъ, писаны весьма мелкимъ и связнымъ письмомъ, со многими пометками, поправками и приписками (*multis verbis mutatis, inductis superscriptis*), изъ чего нельзя не заключить, что авторомъ ихъ былъ владѣлецъ этого кодекса, на бѣлыхъ листахъ котораго онъ собственноручно изложилъ вчернѣ свои воспоминанія и впечатлѣнія тотчасъ послѣ совершившихся событий, и вѣроятно, съ официальною цѣлю, то-есть, съ тѣмъ, чтобы донести кому слѣдуетъ о случившемся и о своихъ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ¹⁾. Въ первомъ отрывкѣ онъ говоритъ о своемъ путе-

¹⁾ Газе помѣстилъ эти отрывки въ своихъ примѣчаніяхъ къ Льву Діакону (ed. Bonn. p. 496—505, nota ad p. 175) въ томъ предположеніи, что они, *можетъ-быть*, послужатъ къ объясненію сказанія Нестора о завоеваніи Херсона въ 988 году Владиміромъ Великимъ. Вслѣдствіе такого предположенія онъ, вѣроятно, и относитъ найденныя имъ отрывки, равно какъ и самый кодексъ, на листахъ котораго они написаны, къ исходу X вѣка (заес. X ecentis), замѣчая, что они писаны «*litteris minutis perplexisque admodum, nec multo quam Cod. ipse recentioribus*», и еще въ другомъ мѣствѣ (l. c. p. 500): «*scriptura est ligata, quam vocant saec. X, aut XI*». Но вѣроятно, та же *scriptura ligata* употреблялась и раньше нѣсколько, напримѣръ, хоть въ послѣдней десятилѣтіи IX вѣка, къ которому, по нашему мнѣнію, должны относиться описанныя въ отрывкахъ событія. Этнихъ любопытныхъ отрывковъ коснулся и г. Кене («Исслѣдованія объ исторіи и древностяхъ города Херсонеса», Спб. 1848, стр. 220—222; cf. *Mém. de la société d'Archéol.* III, 66—68), который полагаетъ, впрочемъ голословно, безъ доказательствъ, что въ нихъ говорится о событіяхъ временъ Іоанна Цимисхія; а г. Геденовъ въ своихъ «Отрывкахъ изъ исслѣдованій о Варяжскомъ вопросѣ» (*Зап. Имв. Акад. Наукъ* т. I, прилож. № 3, стр. 69 и слѣд.) утверждаетъ, что во второмъ изъ найденныхъ г. Газе отрывковъ «дѣло идетъ о Святославѣ, о Кіевской и Черноморской Руси», именно о походѣ Святослава «на крымскій берегъ между 969 и 971 годами, то-есть, между первою и второю Болгарскою войною», — походъ, предпринятый для освобожденія изъ-подъ греческаго протектората обитавшей въ Крыму Черноморской Руси, родственной съ Кіевскою. По наша лѣтопись (Др. 27) уже подъ 6473 (965) г. говоритъ, что Святославъ разбилъ кагана Хазарскаго, взялъ Бѣлую Вѣжу или Саркель на Дону и побѣ-

шествіи откуда-то изъ-за Днѣпра въ Тавриду, съ пѣхотой, конницей и съ обозомъ, по льду черезъ Днѣпръ, и далѣе по глубокимъ снѣгамъ пустынной, непріятельской страны, среди зимней вьюги и мятелей, при чемъ изъ географическихъ названій, кромѣ Днѣпра, упоминаются только какое-то селеніе (χωρη) Βορίον, на востокѣ отъ Днѣпра, и городъ или укрѣпленіе Μαυροcaστρου. Другой отрывокъ,

днѣ Ясовъ и Касоговъ, обитавшихъ, какъ извѣстно, у сѣверной подошвы Кавказа. Почему же этотъ князь Киевской Руси тогда же, за одно уже, не освободилъ и свою черноморскую родину изъ-подъ византійскаго протектората, а нарочно для нея предпринялъ на «крымскій берегъ» особый походъ, неизвѣстный нашему лѣтописцу, и притомъ въ такое время, именно въ 969 году, когда всѣ его помышленія были устремлены на Волгарію, и когда только мольбы умирающей матери удержали его въ Киевѣ до слѣдующаго года? А въ слѣдующемъ, 970 году, онъ дѣйствительно отправился въ походъ, но только не «на крымскій берегъ», а въ Волгарію, гдѣ въ 971 году принужденъ былъ заключить миръ съ Цимисихіемъ въ Доростолѣ. Кажется, г. Гедеоновъ силится помѣстять этотъ предполагаемый имъ походъ «между первоею и второю болгарскою войною» для того только, чтобы имѣть право сказать, будто «отрывокъ именуется Святослава rex ad septentrionem Istri dominans, вслѣдствіе занятія 80 болгарскихъ городовъ на Дунаѣ». Но вѣдь Переяславецъ, Доростолъ и большая часть этихъ 80 городовъ (если ихъ дѣйствительно столько было покорено Святославомъ) лежали не на сѣверѣ, а на югѣ отъ Дуная; стало бытъ, *ослѣдствіе* ихъ занятія именно и нельзя уже было назвать Святослава княземъ, *господствующимъ на сѣверѣ отъ Истра*, а скорѣе можно было такъ назвать его, какъ властителя земли Русской, которая хотя и не прилежала къ сѣверному берегу Дуная, однако лежала *на сѣверѣ* отъ Дуная, ad septentrionem Istri. Г. Гедеоновъ выходитъ еще, будто въ этомъ отрывкѣ «о задуманномъ окончательномъ завоеваніи Болгаріи» (Святославомъ), свидѣтельствуется выраженіе: «sed Mysorum praedam, quod aiunt (την Μυσῶν λείαν καλούμενην), ipsorum regionem reddere malo ac pernicioso consilio meditabantur». А вотъ что, по поводу этого выраженія находить Газе, говоря о другомъ писателѣ: «Moesiam inferiorem posuit scriptor, quod non intellexit voces Μυσῶν λείαν. Quia proverbiales esse quis est, qui nesciat? (Hassii poetae in Leon. Diac. ed. Bonn. p. 408)». Вообще видно, что авторъ «Отрывковъ о Варяжскомъ вопросѣ» довольно поверхностно взглянулъ на древніе византійскіе отрывки, трактующіе о Варягахъ же. Но мы, тѣмъ не менѣе, должны быть благодарны ему за то, что онъ первый подвѣтилъ въ этихъ отрывкахъ весьма важный источникъ для рѣшенія спорнаго вопроса о Черноморской Руси, и тѣмъ обратилъ на нихъ вниманіе изслѣдователей, то-есть, далъ имъ ходъ, такъ-сказать. Хотя они давно уже существуютъ въ русскомъ переводѣ (см. Ист. Льва Діакона Калойскаго и другія сочиненія византійскихъ писателей, перев. Д. Поповымъ». Спб. 1820, стр. 193 — 197), но этотъ переводъ, который самъ переводчикъ назвалъ *сольнымъ*, едва ли кого познакомилъ съ ихъ значеніемъ и со-держаніемъ; по крайней мѣрѣ, до г. Гедеонова нѣкто, кромѣ Кене, сколько извѣстно, о нихъ не упоминаетъ.

помѣщенный въ кодексѣ листовъ черезъ 40 послѣ перваго, гораздо замѣчательнѣе. Въ немъ рѣчь идетъ о какихъ-то не поименованныхъ *варварахъ*, которые прежде славились такою кротостію и справедливостію, что какія-то *общины и племена сами добровольно подчинились ихъ верховной власти*, послѣ же сдѣлались ненасытными завоевателями, и подобно дикимъ звѣрямъ, стали на всѣхъ бросаться и все низпровергать, не щадя даже и соединенныхъ съ ними наитѣснѣйшими узами. Разрушивъ болѣе 10-ти городовъ и около 500 селеній, и опустошивъ всѣ окрестныя земли, эти варвары вторгнулись наконецъ и въ страну, которую управлялъ авторъ отрывковъ, и которую, по упоминаемому въ ней *клематѣ* (τὰ κλήματα), нельзя не признать за область Херсонскую. Въ этой странѣ въ числѣ подданныхъ императора оказались и такіе обитатели, которые, чуждаясь образа жизни Грековъ и не пользуясь никогда благорасположеніемъ императоровъ, стремились къ самостоятельности, и которые, притомъ, по своимъ жилищамъ были сосѣдями побѣдоносныхъ варваровъ и не отличались отъ нихъ своими нравами и обычаями. Посему, когда авторъ - правитель, пользуясь временнымъ удаленіемъ непріятелей, созвалъ на совѣщаніе всѣхъ этихъ, не греческаго происхожденія, обитателей подвластной ему страны и предложилъ составленному изъ нихъ совѣту старѣйшиимъ на обсужденіе, какого властителя имъ желательнѣе было бы имѣть и какъ вообще поступить при тогдашнихъ обстоятельствахъ, то всѣ они рѣшили: заключить миръ съ варварами и передаться на сторону ихъ повелителя, господствовавшего надъ землями, въ сѣверу отъ Истра лежащими; веденіе же этого дѣла возложили на самого автора - правителя, который и окончилъ его съ желаннымъ успѣхомъ.

Таково содержаніе этого чрезвычайно любопытнаго и важнаго отрывка, который Газе справедливо называетъ „*praesclatum reipublicae regum novarum fragmentum*“ (l. c. p. 504), и который заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія, особенно русскихъ историковъ и изслѣдователей, что въ немъ подъ названіемъ варваровъ разумѣется наша норманская Русь, а подъ именемъ подвластныхъ Грекамъ не греческихъ обитателей Тавриды нельзя не разумѣть Готовъ-Тетракситовъ; ибо во первыхъ, кромѣ ихъ, исторія не знаетъ въ Тавридѣ никакихъ другихъ иноплеменниковъ, подвластныхъ греко-херсонскому правительству, и во вторыхъ, никакіе другіе обитатели Тавриды не могли сходствовать своими обычаями (*progris moribus*) съ норманскою Русью и ея предводителемъ. Внимательное разсмотрѣніе этого отрывка при-

вело насъ къ убѣжденію, что въ немъ рѣчь идетъ о покореніи Олегомъ сѣвернаго Черноморья между Днѣпромъ и Дунаемъ и владѣній хазарскихъ и греческихъ при Киммерійскомъ проливѣ, то-есть, что отрывокъ этотъ пополняетъ пробѣлъ нашей лѣтописи о дѣлахъ Олега съ 884 до 906 года. Посему мы приведемъ его здѣсь въ латинскомъ переводѣ Газе, предложивъ въ примѣчаніяхъ свои соображенія касательно тѣхъ выраженій, которыя подтверждаютъ наше предположеніе.

„Omnino enim tunc barbaris bellum inferre decrevimus: aut, si vera fateri oportet, *recessimus* (ἀπέστημεν) *ab illis* (1) metu, ne ipsi priores ab iis opprimeremur, statuimusque iis quantum possemus repugnare. Aequae enim universos diripiebant inhumanissime et pessundabant, ut quaedam belluae in omnes impetum facientes. Nulla his inerat vel *erga coniunctissimos* (τῶν οἰκειοτάτων) continentia, nec ratione ulla aut iusti discrimine in patrandae caede volebant uti; sed Mysorum praedam quod aiunt, *ipsorum regionem* reddere malo ac pernicioso consilio meditabantur. Evanuerat superior eorum aequitas et iustitia: quas praecipue colentes tropaea antehac maxima statuerant, adeo *ut civitates et gentes ultro accederent illis* (ὥστε καὶ πόλεις καὶ ἔθνη αὐτεπαγγέλτως προσήσαν αὐτοῖς (2). Gliscebant nunc, quae velut e perpendiculari (quemadmodum aiunt) a virtutibus illis distant, iniustitia et intemperantia *adversus subditos* (κατὰ τῶν ὑπηκόων): neque ornare et ex re ipsarum administrare *civitates dedititias* (πόλεις ὑπηκόους); sed redigere in servitatem et excindere constituerant. Conquerentes de dominis incolae, seque nihil mali commisisse liquido demonstrantes, nihil amplius proficiebant, quam ut morte non afficerentur. Vis nimirum tanta malorum ingruerat, ut res humanae quasi ruina aut voragine aliqua inopinata ac fatali percussae obrutaeque horrendum in modum viderentur. Erant exinanita hominibus oppida plus X, pagi plane deserti non minus quingentis (3); vicinitates denique et confinia nostra velut tempestate obruebantur: incolae innocentes, pactis iuratis traditi, manibus obtruncabantur gladiisque hostilibus. Eiusmodi pestem, generatim omnes misere conculcantem, cum aliquamdiu per infelices conterminos nostros obambulasset, postremo ad praesidium mentem quoque fortuna infesta adduxit. Quam quia iam antehac eram veritus, in magna cura versabar, ne accideret improviso, nec latente impetu continuo res nostras everteret. Deinde, ubi perspicuum aderat periculum, omnesque palam fatebantur, in discrimen nos vitae venisse, ego tunc quidem perniciem quam aptissime poteram repuli, quamvis in extremum paene periculum adductus. Verum inde, abruptis commerciis

(ἀκηροῦσι), bellum inter nos et barbaros ortum est, in quo neque communicabant amplius nobiscum (tametsi sexcenties (μυριάς) de compositione ad illos mittebam), nec sine praeliis mutuis res gesta est (4). Ita bellum continuo exarsit, impendebatque hiems: non multum enim a... sol aberat. Sed barbari, comparato amplo exercitu, cum equitibus militibusque *in regionem nostram irruerunt* (5), nos momento expugnatum iri rati, cum ob murorum infirmitatem, tum ob trepidationem nostram. Neque erat absouum eos hoc sperare, quod in diruto oppido commorabamur, magisque ex vico, ut ita dicam, quam ex urbe eruptiones faciebamus. Vastata enim prius fuerat ab ipsis barbaris regio, et solitudo mera facta, muris solo aequatis: ego autem tunc demum habitare denuo Clemata primus constitueram. Quare in principio iuxta oppidum pro facultatibus feceram castellum, quod inde facile reliquam quoque civitatem instaurari posse...

Idque prope et instauratum fuerat, et fossa circumunitum: unaque cum his... bellum quoque incepit. Divisum erat per cognationes castellum, resque pretiosiores in eo depositae: minus necessariae extra per reliquum oppidi ambitum erant collocatae. Habitabatur enim tunc urbs iam tota: castellum autem preparatum fuerat, ut in magno periculo nobis saluti esset. At barbari tunc, multis suorum amissis, cum ignominia noctu recesserunt, sarvato diluculo: primo mane ego praelii cupidus copias contra eduxi. Erant mihi tunc equites paulo plures quam centum, funditores et sagittarii supra CC (въ греческомъ текстѣ стоять τ, то-есть 300). Barbari cum nusquam apparerent, quae apta huic tempori essent a me adornata sunt, murus vetus erectus, edocti mei, quomodo recte se instruerent ad bellum. Eos autem *qui ditionis nostrae erant* (τοὺς ἡμῶν προσέχοντάς) (6), nunciis cursim missis arcessivi, de rerum summa in consilium ire volens. Undique cum advenissent, concione optimatum coacta, quos tunc ego sermones habuerim, qui domini potius essent expetendi, ad quos venire, quamque commoditatem conari oporteret ab illis percipere, quid denique faciendum esset, et caetera universa tunc a me dicta, quae ipse quoque reliquis omnibus praestabiliora duxissem, longum est singula ordine dicere velle. Illi, seu quod nunquam benevolentiae imperatoriae fructum ullum cepissent, seu quod, graecanicam vitae rationem parum curantes, instituta ad arbitrium ipsorum facta maxime requirerent, sive quod *regi ad septentriomen Istri dominantis conterminantes* (δμοροι ὄντες πρὸς τὸν κατὰ τὰ βόρεια τοῦ Ἰστρου βασιλεύοντα) (7), praeterquam quod ille exercitu magno valeret vique bellica efferret sese, ab illius vitae ratione propriis moribus non disfer-

rent: idcirco statuerunt pacisci cum illis *seque dedere* (παράδοσιν σφᾶς). me autem negotium perficere publicitus omnes decreverunt. Ita profectus sum ad servandas fortunas nostras, eumque talem deprehendi, qualem desiderare quis maxime posset. Atque ita, ubi colloquio brevi, ut poteram, totum negotium transegeram cum eo, ille rem maiorem, plus quam ullam, reputans, mihi Clemenatum imperium iterum volens lubensque omne tradidit, addiditque etiam praefecturam (σατραπείαν) totam, et ex ipsius regione redditus annuos idoneos largitus est (8).

(1) Стало быть, Херсонцы съ своимъ правителемъ были сначала въ связяхъ, въ сношеніяхъ, въ союзѣ съ варварами, то-есть, съ Русью. Когда же могли существовать такія отношенія? Когда и противъ кого Херсонцы стояли сперва на сторонѣ Руси, а потомъ *отстали* отъ нея и рѣшились, по мѣрѣ силъ своихъ, сопротивляться? О существованіи подобныхъ отношеній при Владимірѣ Великомъ и думать нечего; нельзя предполагать ихъ и во время похода Святослава въ 965 году; когда по сосѣдству съ Херсонскою областію, какъ извѣстно изъ договора Игорева, существовало уже русское княжество. Если съ этимъ княжествомъ Херсонцы могли быть въ дружескихъ отношеніяхъ, то не естественно, чтобъ они, при появленіи тамъ побѣдоноснаго Святослава съ многочисленнымъ войскомъ, рѣшились вдругъ отстать отъ Руси и сдѣлаться ея врагами. Да и по общему содержанию отрывка видно, что въ немъ рѣчь идетъ не объ одномъ какомъ-либо походѣ варваровъ, а о войнѣ довольно продолжительной, опустошавшей въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ страны *сосѣдственныя и намъ сопредѣльныя* (vicinitates et confinia nostra), какъ говоритъ авторъ, и окончившейся вторженіемъ варваровъ въ область Херсонскую. Ясно, что это никакъ не подходитъ къ извѣстію нашей лѣтописи о походѣ Святослава въ 965 году. Предположивъ даже, что Святославъ уже съ 964 года, когда онъ „иде на Оку рѣку и Волгу“, до 967 года, то-есть, до похода на Болгарію, провелъ всѣ три года на востокѣ, воюя съ Хазарами, Ясами, Касогами и Вятичами, все же трудно допустить, чтобы въ отрывкѣ говорилось именно объ этихъ дѣйствіяхъ. Наконецъ, еслибъ авторъ отрывка подъ именемъ варваровъ дѣйствительно разумѣлъ Русь Святославу, то почему онъ ни разу не назвалъ ея по имени, которое, вслѣдствіе столѣтнихъ сношеній, конечно, долженствовало быть очень хорошо извѣстно всѣмъ Грекамъ, особенно же правителю Херсонской области, сосѣдственной съ русскимъ княжествомъ? По умолчанію имени побѣдоносныхъ варваровъ, кажется ясно, что въ отрывкѣ рѣчь идетъ о томъ времени,

когда имя Руси было еще ново и мало знакомо для Грековъ. А такимъ оно могло быть, или лучше сказать, должно было вновь сдѣлаться послѣ 881 года, когда съ сѣвера нахлынули на Кіевъ новыя толпы завоевателей подъ предводительствомъ Олега и уничтожили прежнюю, уже знакомую Грекамъ Русь Асколда и Дира. Объ этихъ-то именно варварахъ, то-есть, о норманской Руси Олега только и можетъ быть рѣчь въ разсматриваемомъ нами извѣстїи. И совершенно понятно, почему съ этою Русью Херсонцы должны были сначала вступить въ дружескія, союзныя отношенія. Они уже съ давняго времени занимались весьма важными для нихъ рыбными промыслами въ устьяхъ Днѣпра, гдѣ для этого, разумѣется, имѣли свои промышленныя заведенія и пристанища, безъ сомнѣнія, укрѣпленные; вѣроятно, они вели также и дѣятельную торговлю какъ съ сосѣдними Ульцами и Тиврьцами на сѣверномъ Черноморьи, такъ и съ Русью Асколда и Дира. Посему, когда Олегъ, утвердившись въ Кіевѣ и покоривъ окрестныя племена, обратилъ свое побѣдоносное оружіе на Славянъ Черноморскихъ и встрѣтился съ херсонскими Греками, то послѣдніе, разумѣется, должны были искать защиты и покровительства грознаго завоевателя, должны были умолять его объ охрaненіи ихъ промышленныхъ и торговыхъ интересовъ; Олегъ же, извѣстный своею хитростію, конечно, тотчасъ сообразилъ свои выгоды отъ союза съ ними: въ ихъ вооруженной помощи онъ, безъ сомнѣнія, не нуждался; но предвидя, что война, начатая имъ одновременно и съ Хазарами, и съ Черноморскими Славянами, сильными своею многочисленностію, должна протянуться на нѣсколько лѣтъ, и что для этого его флоту, чтобы не возвращаться на зиму въ Кіевъ, необходимо имѣть пристанище вблизи театра военныхъ дѣйствій и получать подъ рукою сѣбѣстныя припасы и прочія потребности, онъ, разумѣется, постѣшилъ обласкать и успокоить Херсонцевъ, обѣщавъ исполнить всѣ ихъ желанія и требованія, посулилъ золотыя горы въ будущемъ, и такимъ образомъ, привлекъ ихъ къ союзу съ Русью. Но вскорѣ Херсонцы испытали на себѣ всѣ невыгодныя послѣдствія этого союза: какъ слабѣйшіе, они оказались не стороною равноправною, а подчиненными, обязанными исполнять всѣ требованія сильнѣйшаго, который изъ союзника сдѣлался почти ихъ поводителемъ. Посему, видя себя обманутыми въ своихъ надеждахъ и разчетахъ, *они отстали* отъ союза и рѣшились сопротивляться Руси, но въ такое время, когда было уже слишкомъ поздно, и когда расторженіе союза навлекло только бѣдствія войны на самую область Херсонскую. По

этимъ соображеніямъ мы не можемъ согласиться съ Гаге, будто напечатанные имъ два отрывка помѣщены въ кодексѣ не въ послѣдовательномъ порядкѣ, то-есть, будто въ первомъ изъ нихъ авторъ говоритъ о своемъ посольствѣ къ царю варваровъ, которое могло имѣть мѣсто только послѣ событій, описанныхъ во второмъ отрывкѣ. По нашему мнѣнію, въ первомъ отрывкѣ говорится объ отступленіи автора съ остатками его войска изъ окрестностей Днѣпра на полуостровъ, вслѣдствіе разрыва и неудачной войны съ Олегомъ, войска котораго вслѣдъ затѣмъ также вторгнулись въ область Херсонскую.

(2) Эти слова подтверждаютъ сказаніе нашей лѣтописи о добровольномъ призваніи сѣверными племенами князей изъ-за моря отъ Варяговъ - Руси, и вмѣстѣ съ тѣмъ, служатъ доказательствомъ того, что въ отрывкѣ говорится о дѣйствіяхъ Руси, послѣдовавшихъ вскорѣ послѣ ея призванія, когда этотъ необыкновенный фактъ былъ еще въ свѣжей памяти, когда всѣ о немъ говорили съ удивленіемъ; да и авторъ отрывка замѣчаетъ о немъ, какъ о событіи еще недавнемъ, случившемся *antehas* — *передъ симъ*. Замѣчательно особенно выраженіе *ἀντὸκαγγέλτοσ*, которое буквально можно передать парѣчиємъ же *самовозвѣстительно*, и которое указываетъ, что общины и племена сами по своей доброй волѣ, воззвѣщенной чрезъ посольство, подчинились призваннымъ князьямъ. Ясно, что кромѣ призванія князей, записаннаго въ нашей лѣтописи, здѣсь ни о какомъ иномъ добровольномъ призваніи не можетъ быть рѣчи.

(3) Видно, что эти города и селенія, опустошенные и разрушенные варварами, находились не въ Херсонской области; о разореніи своихъ греческихъ городовъ авторъ-правитель не могъ бы отзываться такъ равнодушно и огуломъ: „*orrida plus X!*“ Онъ поименовалъ бы, по крайней мѣрѣ, главные изъ нихъ. Да и по самому ходу разказа видно, что авторъ разумѣетъ города и селенія странъ сосѣдственныхъ и сопредѣльныхъ. Упомянувъ о жестокости и несправедливости варваровъ противъ ихъ собственныхъ подданныхъ (*subditos*), онъ оплакиваетъ участь подчинившихся имъ городовъ (*civitates dedititias*) и ихъ обитателей, и заключаетъ: „Однимъ словомъ, все въ странахъ сосѣдственныхъ и намъ сопредѣльныхъ, какъ-бы нѣкою бурей низпровергло“ и проч. Затѣмъ, сравнивъ бѣдствія войны съ моровою язвой, онъ говоритъ, что язва эта, наконецъ, постигла и его область. Слѣдовательно, здѣсь рѣчь идетъ о покореніи Олегомъ сѣвернаго Черноморья, о разореніи городовъ и селеній Ульцевъ и Тиврьцевъ, и вѣроятно, также хазарскихъ владѣній при Киммерійскомъ проливѣ,

то-есть, о тѣхъ дѣйствіяхъ Руси, во время которыхъ сами Херсонцы были еще на сторонѣ этихъ варваровъ и считались ихъ союзниками.

(4) Описавъ особо, въ первомъ отрывкѣ свое трудное отступленіе изъ-за Днѣпра на полуостровъ, авторъ вскользь упоминаетъ здѣсь о военныхъ дѣйствіяхъ между Русью и Херсонцами, послѣдовавшихъ за отпаденіемъ послѣднихъ отъ союза и предшествовавшихъ ихъ отступленію въ Тапряду, при чемъ какъ-бы жалуется, что война началась *безъ предварительнаго объявленія* (*ἀκηροχті*), тогда какъ самъ же онъ первый отпалъ отъ союза. Слова: „*impendebatque hiems: non multum enim . . . sol aberat*“ (то-есть, „наступила зима, солнце не далеко отъ. . . *(пропустишь, впрямую, знакъ Зодіака)* отстояло“) указываютъ на ту самую зиму, когда авторъ совершилъ свой обратный походъ изъ-за Днѣпра, который, слѣдовательно, и долженъ бы собственно быть описанъ здѣсь, по хронологическому порядку.

(5) Вотъ, наконецъ, варвары вторгаются въ область Херсонскую съ многочисленнымъ войскомъ, съ пѣхотой и конницей, состоявшею, вѣроятно, изъ родовъ кавказскихъ. Но здѣсь невольно останавливаетъ насъ какая-то странная непослѣдовательность автора въ изложеніи мыслей. Послѣ заявленія о вторженіи враговъ, надлежало бы, по видимому, ожидать разказа объ ихъ варварскихъ дѣйствіяхъ на полуостровѣ, а вмѣсто того авторъ объявляетъ о своемъ безсиліи и невозможности защищаться въ разрушенномъ уже городѣ, потому что, какъ говоритъ онъ, *страна была уже прежде опустошена варварами* (прежде ихъ вторженія?) *и обращена въ пустыню, и стѣны города срыты до основанія*. Затѣмъ онъ толкуетъ о мѣрахъ, принятыхъ имъ для обороны: о повомъ заселеніи клематовъ, о построеніи крѣпости подлѣ города и проч. Потомъ, обронивъ фразу: „тогда же пачалась и война“ (*unaque cum his . . . bellum quoque inserit*), но ничего не сказавъ о ходѣ войны, опять переходитъ къ своимъ оборонительнымъ распоряженіямъ. Наконецъ, упомянувъ, что „варвары, потерявши многихъ изъ своихъ, ночью отступили“, онъ неожиданно выказываетъ свою храбрость: „горя желаніемъ сразиться (*πολεμ-ηρείων*), я на разсвѣтѣ вывелъ противъ нихъ свои силы“; то-есть, зная уже, что непріатели ночью отступили, онъ рано утромъ „*praefecti cupidus*“ выводитъ противъ нихъ свою силу ратную, — всего 400 человекъ съ небольшимъ! — и какъ-бы съ удивленіемъ замѣчаетъ, что *варваровъ нидѣ не оказалось* (*Barbari cum nusquam apparerent, quae apta . . . etc.*), а потому и приступаетъ къ возобновленію разру-

шенныхъ стѣнъ и къ обученію своего войска!... Что это такое? Невѣжество ли, или явно умышленное, безсовѣстное извращеніе фактовъ?... Можно, впрочемъ, догадываться, что авторъ этихъ отрывковъ вступилъ въ управленіе Херсонскою областію во время самой войны, когда страна, неблагоразумно вовлеченная еще до него въ невыгодный союзъ съ варварами, пострадала уже болѣе или менѣе отъ необузданности и дикости своихъ союзниковъ; а потому новый правитель говоритъ только о своихъ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ, выставляетъ только свои заслуги, и умалчивая о своихъ неудачахъ и пораженіяхъ, сваливаетъ всѣ несчастія на прежняго правителя, на прежнее бѣдственное положеніе страны. Есть даже основаніе полагать, что нашъ авторъ былъ непосредственнымъ преемникомъ того Херсонскаго воеводы (стратига) Симеона, который, по свидѣтельству Византійцевъ, былъ убитъ возставшимъ народомъ въ 892 году ¹⁾. Слѣ-

¹⁾ Georg. Mon. Vita Leonis, ed. Bekk. 855. Theophan contin. ed. Bekk. 360. Symeon magist. ed. Bekk. 702. Georg. Namart. ed. de Muralto, въ Учен. Зап. Имп. Акад. Наука по II-му Отд., кн. VI, стр. 774. Можно признать вѣроятнымъ, что наши отрывки написаны преемникомъ Симеона, новымъ Херсонскимъ стратигомъ, и слѣдовательно, не ранѣе 892 года; но съ какою цѣлію? Это не памятные записки, писанныя для себя, безъ определенной цѣли, и не семейныя, фамилярныя или дружескія письма; нельзя признать ихъ также и оціональными донесеніями стратига своему правительству, хотя въ нихъ и проглядываетъ отчасти оціональный отбѣнокъ; скорѣе всего это—дѣловыя письма, писанныя къ высшему лицу, которому стратигъ, тотчасъ по своемъ вступленіи въ должность, почему-то призналъ нужнымъ сообщить, такъ-сказать, конфиденціально о совершившихся событіяхъ и о своихъ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ. А изъ того, что на этихъ письмахъ или отрывкахъ лежитъ какая-то тѣнь таинственности, что въ нихъ нѣтъ именъ ни народныхъ, ни географическихъ, ни личныхъ, и что они, стало быть, даже и въ то время не всякому могли быть понятны,— изъ этого нельзя не заключить, что письма эти писаны къ такому политическому дѣятелю, которому современное положеніе дѣлъ, общій ходъ описываемыхъ событій и дѣйствующія лица были хорошо извѣстны, или что эти письма, какъ секретныя, сопровождались краткими пояснительными записками, что особенно по второму изъ нихъ былъ приложенъ краткій комментарий или ключъ, необходимый для уразумѣнія его смысла. Спрашивается: кто же это лицо, къ которому посланы были такого рода письма, только для него одного понятныя? Въ числѣ писемъ патріарха Николая I, по прозванію Мистика, помѣщенныхъ въ Spicilegium Romanum t. X, есть два письма (ихъ указалъ намъ профессоръ Васильевскій), которыя, какъ отвѣтныя письма, имѣютъ поразительно тѣсную связь съ нашими отрывками. Въ первомъ письмѣ (подъ № 68, стр. 342) патріархъ, извѣщая писавшаго (оба письма надписаны въ Spicilegium къ неизвѣстному, ἀδύλαφ) о полученіи его грамоты и называя «сынъ нашъ», говорить, что онъ не могъ безъ душевнаго волненія и страха читать о тѣхъ опасностяхъ,

довательно, онъ имѣлъ полную возможность оправдывать себя, сваливая все на погибшаго предшественника, который, какъ виновникъ несчастнаго по своимъ послѣдствіямъ союза съ Русью, сдѣлался не-

которымъ подверглася писавшій, и что только конецъ письма успокоилъ его извѣстіемъ о благополучномъ прибытіи писавшаго *въ городъ Херсонитовъ*. Все это вполнѣ подходящій отвѣтъ на первый отрывокъ, въ которомъ неизвестный описываетъ свое трудное зимнее путешествіе, сопряженное съ опасностями и лишениями, и который именно оканчивается прибытіемъ автора, съ его спутниками, въ *Maurocastrum*, гдѣ они радостно были встрѣчены (*Maurocastrum*, на Венеціанскихъ картахъ *Negropolis*, показанъ въ сѣверной части Крыма, на берегу Перекопскаго залива; вѣроятно, это древній *Карцимита*, который Ибнъ-Дасту (изд. *Д. А. Хоульсона*, стр. 27) извѣстенъ подъ именемъ *Кархъ*, гдѣ Мадыры производили мѣновой торгъ съ Херсонскими Греками). Изъ этого письма патріарха видно также, что оно писано къ лицу, занимавшему важный гражданскій постъ въ Херсонѣ, слѣдовательно, вѣроятно, къ стратигу, — ибо патріархъ возлагаетъ на него заботы о христіанствѣ въ Хазаріи и убѣждаетъ его дѣйствовать согласно съ архіепископомъ Херсонскимъ и поддерживать его распоряженія по дѣламъ вѣры и церкви.

Другое письмо (подъ № 80, стр. 355) также весьма подходящій отвѣтъ на второй отрывокъ: въ немъ патріархъ отвѣчаетъ на полученную имъ грамоту, въ которой говорилось объ опустошеніи городовъ, о разореніи страны, вслѣдствіе нерадѣнія прежнихъ правителей, о лютоści нечестивыхъ безбожныхъ враговъ. Писавшаго грамоту онъ почти прямо называетъ стратигомъ, то-есть, убѣждаетъ его ревностно приступить къ исправленію и возстановленію всего того, что *было до него стратигомъ (οὐ κρὸν σοὶ στρατηγῶντες)* погубили своимъ нерадѣніемъ; и въ концѣ съ тѣмъ, онъ проситъ стратига, и даже *настоятельно (τοῦ θεοῦ δουλοῦντος)*, писать къ нему и впродъ о всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ, обнадеживая его за доблестную службу милостями *великаго императора*.

Итакъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что эти два письма патріарха Николая I-го писаны къ Херсонскому стратигу, только что вступившему въ свою должность, и писаны именно въ отвѣтъ на письма, отъ него полученныя; судя же по содержанию отвѣтныхъ писемъ, едва ли можно сомнѣваться и въ томъ, что письма стратига къ патріарху и наши отрывки — одно и то же, то-есть, что послѣдніе суть черновые автографы тѣхъ самыхъ писемъ Херсонскаго стратига, на которые патріархъ отвѣчаетъ. Слѣдовательно, эти отвѣтныя письма патріарха, бросая яркій лучъ свѣта на наши таинственные отрывки, весьма для насъ важны, и за указаніе ихъ — отъ души наше русское *спасибо* В. Г. Васильевскому. Мы знаемъ теперь, кѣмъ и къ кому писаны отрывки, и можемъ — по крайней мѣрѣ, съ вѣроятностію — опредѣлить время ихъ написанія, а слѣдовательно, и время тѣхъ чрезвычайно важныхъ событій, которыя въ нихъ излагаются. Первый отрывокъ, которымъ стратигъ извѣщаетъ патріарха о своемъ путешествіи изъ-за Дунаѣ до ближайшаго пограничнаго города страны, ввѣренной его управленію, могъ быть написанъ не ранѣе 892 года, если писавшій дѣйствительно былъ непосредственный преемникъ убитаго въ этомъ

навистнымъ народу и поплатился жизнью за свою непредусмотрительность. Совпаденіе хронологическихъ показаній, равно какъ и самыя выраженія разсматриваемаго нами извѣстія, оправдываютъ наше предположеніе. Союзъ между Херсонцами и Русью, какъ выше сказано, долженствовалъ быть заключенъ при самомъ началѣ войны Олега съ Ульцами и Тиврьцами, то-есть, въ 885 году, слѣдовательно, въ то время, когда Херсонскимъ правителемъ, по всей вѣроятности, былъ вышеупомянутый Симеонъ, убитый семь лѣтъ спустя. Важнѣйшимъ условіемъ союза, наиболѣе выгоднымъ для Олега, было право, предоставленное его флоту, зимовать въ гаваняхъ Тавриды и получать оттуда все необходимое; ибо это дало ему возможность ежегодно уже раннею весной открывать военныя дѣйствія и громить одновременно и землю Черноморскихъ Славянъ, и хазарскія владѣнія по Азовскому

году херсонскаго стратига Симеона; другой же Отрывокъ долженствовалъ быть написанъ тотчасъ или вскорѣ по заключеніи мира съ тѣмъ могущественнымъ властителемъ (Олегомъ), который названъ «царствующимъ на сѣверѣ отъ Дуная», то-есть, вѣроятно не позже 897 года. Стало быть, къ втому же времени должны относиться и отвѣтныя грамоты патріарха Николая I-го или ученаго, благочестиваго монаха Николая, который, состоя при императорѣ Львѣ Философѣ въ званіи *мистика* (*officium mystici gesserat*), былъ уже до своего перваго патріаршества (поставленъ въ 895 году, а по другимъ извѣстіямъ годомъ или двумя позже) важнымъ государственнымъ дѣятелемъ, и безъ сомнѣнія, какъ секретарь императора, велъ обширную переписку, оиціальную и частную, съ губернаторами и другими представителями императорской власти въ провинціяхъ, имѣя вліяніе и на самое назначеніе этихъ сановниковъ. Судя по тону его писемъ къ нашему стратигу, можно полагать, что послѣдній пользовался его покровительствомъ, и быть можетъ, чрезъ него получилъ свое мѣсто.

Посему и событія, о которыхъ говорится въ послѣднемъ отрывкѣ, или въ писемѣ стратига, непременно должны быть отнесены къ исходу IX-го вѣка, то-есть, къ тому времени, когда Олегъ, утвердившись въ Кіевѣ, началъ, почти одновременно, войну и съ Хазарами, и съ Славянами Черноморскими — войну, окончившуюся утвержденіемъ русскаго господства на моряхъ Черномъ и Азовскомъ, что несомнѣнно подтверждается договоромъ Олега (911 г.), упоминающимъ о Русской землѣ на берегахъ Чернаго моря (см. прим. 7). Объ этой-то войнѣ Олега и его варяжской Руси только и можетъ быть рѣчь въ нашемъ отрывкѣ. Ибо если подѣ «царствующимъ на сѣверѣ отъ Дуная», съ которымъ притомъ Готы-Теракситы были «сосѣди» по его владѣніямъ при Киммерійскомъ проливѣ, нельзя разумѣть никого, кромѣ Олега, и если, стало быть, Олегъ, при заключеніи мира, *передалъ опять*, то-есть, *возвратилъ* стратигу клематы и Херсонское градоначальство (*mihi Clematum imperium iterum volens lubensque omne tradidit, addiditque etiam praefecturam totam*), то онъ же, конечно, долженъ былъ и *отнять* ихъ сперва, такъ какъ возвратить то, чего не бралъ, не возможно.

морю и Дону. Такимъ образомъ, онъ быстро достигъ своей цѣли: покорилъ все сѣверное Черноморье отъ Днѣпра до Дуная и принудилъ кагана Хазарскаго отказаться не только отъ прежнихъ его приднѣпровскихъ данниковъ, но и отъ принадлежавшихъ ему владѣній при Киммерійскомъ проливѣ, изъ которыхъ и образовалось Тмутараканское княжество подъ верховною властію Олега. Но для Херсонцевъ союзъ съ варварами оказался гибельнымъ: полудикіе моряки Олега, зимую у союзниковъ, не церемонились съ своими хозяевами, распоряжались въ ихъ домахъ и семействахъ по праву сильного, дозволяли себѣ буйство, насиліе, самоуправство,—грабили, убивали невинныхъ. Эти-то дѣйствія ихъ нашъ авторъ и изображаетъ словами: „Не было отъ нихъ никакой пощадн даже и вѣрнѣйшимъ ихъ союзникамъ: они губили ихъ безъ разбора, не за вину какую-либо или за ихъ злоумышленія, — но влекомые жаждою крови и разрушенія, помышляли всю страну ихъ (τὴν αὐτῶν γῆν) обратить въ мертвую пустыню“ (Μυσογῆσι πρᾶσα — поговорка, буквально: *добыча Мисьянъ*). Что здѣсь подъ именемъ „вѣрнѣйшихъ союзниковъ“ (coniunctissimi, οἰκειοτάτοι), страну которыхъ варвары, будтобы, помышляли обратить въ пустыню, разумѣются сами Херсонскіе Греки, какъ союзники дѣйствительно зимовавшей у нихъ Руся, — это совершенно ясно изъ поправки выраженія „τὴν αὐτῶν γῆν“ (*ихъ страну*), гдѣ, по показанію Газе (I. с. р. 501), авторъ, правитель Херсонской области, вмѣсто αὐτῶν (*ихъ*), сперва написалъ ἡμῶν (*нашу*), которое зачеркнулъ потомъ. Естественно, что такое положеніе страны Херсонской вызвало возстаніе противъ стратига Симеона, какъ виновника союза съ варварами, который и былъ убитъ въ 892 году, а преемникъ его, авторъ отрывковъ, въ томъ же или въ слѣдующемъ году отсталъ отъ союза, и запресвъ свои гавани для кораблей Олега, рѣшился сопротивляться. Но теперь Олегъ уже не нуждался болѣе въ дружбѣ Херсонцевъ и еще менѣе страшился вражды ихъ. Онъ былъ уже властелиномъ *Русскаго моря*, то-есть, Чернаго вмѣстѣ съ Азовскимъ, на берегахъ котораго имѣлъ уже свои владѣнія, своихъ subditos, свои civitates dedititias, былъ, слѣдовательно, сосѣдомъ грознымъ и кагану, и Херсонцамъ, и могъ бы, безъ сомнѣнія, совершенно покорить всю Херсонскую область; но вѣроятно, соображаясь съ тогдашними обстоятельствами, призналъ за лучшее оставить ее въ прежнемъ положеніи и только потребовалъ освобожденія изъ-подъ греческой власти своихъ соплеменниковъ Готовъ-Тетракситовъ, чтобы пріютить ихъ подъ своимъ верховнымъ покровительствомъ. Съ этою - то цѣлію онъ и вступилъ

около 893 г. съ многочисленнымъ войскомъ въ страну Херсонскую, и разумѣется, опустошилъ ее, хотя нашъ авторъ и молчитъ о томъ.

(6) Нѣтъ никакого сомнѣнiя, что эти „подчиненные“ (προσέχοντες), которые чуждались образа жизни Грековъ и не различались нравами и обычаями отъ побѣдоносныхъ варваровъ, были Готы-Тетракситы. Они, какъ видно, не принадлежали къ войску правителя и не участвовали въ войнѣ его съ варварами, хотя дѣло, очевидно, шло объ ихъ участи; ибо только ихъ, по отступленiи непрiятеля, правитель созываетъ на общее совѣщанiе, предлагая имъ самимъ рѣшить свою судьбу. Кажется, Херсонскому правителю не хотѣлось разстаться съ своими „подчиненными“, но они сами рѣшили *передаться* (παράδωκεν ἑαυτῶς) подъ власть Олега, какъ своего соплеменника, сосѣда и могущественнаго властителя. И правитель долженъ былъ исполнить ихъ желанiе, согласное съ требованiемъ побѣдителя.

(7) Царствующимъ надъ сѣверными отъ Истра странами никого изъ русскихъ князей нельзя было назвать съ большимъ правомъ, какъ Олега, покорившаго все сѣверное Черноморье отъ Днѣпра до Прута и нижняго Дуная. А изъ того, что здѣсь Готы-Тетракситы названы по своимъ жилищамъ *граничащими* или *сопредѣльными* (соп-terminantes, ὄμοροι) съ сграницою царствующаго на сѣверѣ отъ Истра, очевидно, что въ это время, кромѣ земель между Днѣпромъ и Дунаемъ, Олегу принадлежали уже и земли на берегахъ Киммерiйскаго пролива, отторгнутыя отъ Хазарской державы. Слѣдовательно, около 893 — 897 годовъ, времени вѣроятнаго начертанiя этихъ отрывковъ, Олегъ дѣйствительно уже господствовалъ въ Тмутаракани и былъ полновластнымъ владыкою Русскаго моря.

(8) По этимъ словамъ можно подумать, что нашъ авторъ-правитель, вслѣдствiе войны съ варварами, остался еще въ выгодѣ; что онъ, при заключенiи мира, не только получилъ обратно всю власть надъ *клематами* и всю свою префектуру или сатрапiю (σατραπείαν), но еще былъ награжденъ значительными ежегодными доходами изъ собственной области повелителя варваровъ. На дѣлѣ же оказывается, что все было потеряно, что вся область Херсонская была уже во власти варваровъ, и что онъ, благодаря только великодушiю побѣдителя, получилъ обратно ту часть своей области, которой населенiе было греческое, предоставивъ Готовъ-Тетракситовъ со всею ихъ территорiей въ распоряженiе Олега ¹⁾. Да и самое награжденiе прави-

¹⁾ О мѣстожительствѣ Готовъ-Тетракситовъ Проконiй говоритъ (De bello Goth., ed. Bonn. II, 474): «Ubi se primum aperit alveus, quo palus (то-есть,

теля ежегодными доходами, кажется, должно понимать въ томъ смыслѣ, что онъ, при переговорахъ, представилъ или счетъ недоимкамъ, числившимся на Готахъ-Тетракситахъ за миновавшіе годы, или какіе-

Азовское море въ Черное) *effunditur, degunt Gotthi, Tetraxitæ cognonime*.... и затѣмъ поясняетъ (ibid. p. 476): «*Ut quis paludem eiusque meatum superavit (то-есть, переходя съ Кавказскаго перешейка въ Крымъ), in ipso statim littore, antiquas intrat sedes Gottherum Tetraxitarum*». Но эти жилища, при Азовскомъ морѣ, на сѣверномъ берегу восточной оконечности Крыма или нынѣшняго Керченскаго полуострова, Готы-Тетракситы принуждены были покинуть, вытѣсненные Гуннами-Утургурами въ первой половинѣ V-го вѣка, по хронологіи Прокопія. Тогда они, заключивъ миръ съ своими врагами и сдѣлавшись ихъ союзниками, перешли на противоположный Черноморскій берегъ той же восточной оконечности Крыма и поселились тамъ, *ad littus alvei quo palus influit* (въ Черное море), *ubi hodieque habitant* — говоритъ Прокопія (ibid. p. 478). Эту приморскую страну, между Веспоромъ и Феодосіей, онъ въ другомъ сочиненіи (*de Aedif.*, ed. Bonn. III, p. 262) называетъ *Дори (Δόρι)*, и говоритъ, что она при Юстиніанѣ I-мъ была ограждена отъ вторженій варваровъ длинными стѣнами (*ταχίστασι μακροῖς*), пропеленными въ горныхъ проходахъ на сѣверѣ, равно какъ и сильно укрѣпленнымъ городомъ Веспоромъ. Въ самой же странѣ императоръ, по словамъ Прокопія, не поставилъ ни городка, ни крѣпости, потому что обитатели ея, любя жизнь сельскую, не терпѣть запираяться въ каменныхъ оградахъ. Впрочемъ, Никифоръ патриархъ (*Memor. pop. I, 248*), повѣствуя о событіяхъ 702 года, упоминаетъ, кажется, въ той же странѣ (*in Gothiæ limitibus*) о крѣпости *Доросъ*. Эта же страна, по ея древнѣйшимъ обитателямъ Таврамъ и Тавроскивамъ какимъ-то, называлась у Грековъ и *Тавроскиескою землею* еще въ VIII вѣкѣ. Такъ, извѣстный готскій епископъ Іоаннъ, въ житіи его, называется, въ «*Acta Sanct.*» (*Jun. T. V., p. 190*): *ὀρθόμηνος ἐκ τῆς περὶ τῆς τῶν Ταυροσχοιδῶν ἡῆς*...., а въ прологѣ (см. Крымск. Сборн. Кеппена, стр. 66): «отъ Тавроскиескія страны подъ властію Готескою». Посему, весьма вѣроятно, что и поселившіеся въ этой Тавроскиеской странѣ Готы - Тетракситы назывались, въ свою очередь, также и *Тавроскивами*, до перенесенія этого имени Львомъ Діакономъ на Русь Святославою. Но отъ чего они *Тетракситы* (*тетраξίται*)? Имя это, очевидно, составное, и въ его послѣдней части сокрыто, можетъ-быть, искаженное *Σχόβα* — имя, которымъ Греки называли и Черноморскихъ Готовъ, и всѣхъ вообще обитателей восточной Европы; но какое же имя скрывается въ первой его части? Конечно, не *тѣтраξ* (названіе птицы какой-то) и не *тѣтраξис* (четырежды), а вѣроятно *тетрάρχια* (Тетрархія). Вутковъ (*Обор. лѣтн. Нест., стр. 265*) приводя (кажется, изъ *Memor. popul.*) слова Прокопія о странѣ Дори, «въ которой живутъ Готы-Тетракситы», прибавляетъ къ нимъ въ скобкахъ: *въ четырехъ селеніяхъ*. Эта замѣтка, безъ сомнѣнія, не съ вѣтру схвачена, но можетъ-быть выражена источно: въ ней *селенія*, кажется, означаютъ сельскія волости, округи, то-есть, *клематы*, и эти *четыре клемата Готіи* или страны Дори, вѣроятно, составляли самостоятельную *Тетрархію*, отдѣльную отъ херсонскихъ клематовъ и независимую отъ херсонскаго городского правительства, а подчиненную непосредственно самому стратигу, какъ представителю

нибудь прежніе не уплаченные счета по съѣстнымъ припасамъ и другимъ потребностямъ, забраннымъ Русью у Херсонцевъ во время существованія между ними союзныхъ отношеній, и что Олегъ, признавъ законность его претензій, повелѣлъ уплачивать требуемую имъ сумму въ опредѣленные сроки, погодно, изъ будущихъ доходовъ съ своихъ новопріобрѣтенныхъ владѣній. Иначе, съ чего бы, кажется, было Олегу предоставлять Херсонскому правителю право на ежегодные доходы съ своей собственной области, съ земли Русской!

Итакъ, съ небольшимъ десять лѣтъ прошло со времени занятія Кіева Олегомъ, и русское господство уже прочно утвердилось на Русскомъ морѣ завоеваніемъ страны Ульцевъ и Тиврьцевъ и земель на обоихъ берегахъ Боспора Киммерійскаго! Особенно послѣднее изъ этихъ завоеваній (первое уже при Игорѣ было утрачено) имѣло важныя послѣдствія: обезопасивъ отъ Хазаръ столицу и прідѣлѣпровскія завоеванія Олега и передавъ въ его руки не только все торговое движеніе на моряхъ Черномъ и Азовскомъ, но и самую судьбу Хазарской державы, оно открыло торговлѣ и воинскимъ предпріятіямъ Руси обширнѣйшее поприще и сдѣлало имя ея извѣстнымъ и грознымъ на Востоцѣ. Вотъ почему съ этого времени восточные писатели такъ много говорятъ о Руси! Извѣстія ихъ, безъ сомнѣнія, большею частію касаются именно этой, такъ-называемой Черноморской Руси, которая господствовала въ Тмутаракани, Восторѣ и другихъ мѣстахъ при Киммерійскомъ проливѣ, въ сосѣдствѣ съ Херсонскою областію, Хазаріей и странами кавказскими.

Н. Ламбинъ.

императора, протектора Тетрархіи. Еслибъ это предположеніе подтвердилось, то и прозвище Тетракситы можно бы принять за сокращеніе, вмѣсто *ὁ τῆς τετραρχίας ἡγούμενος*, то-есть, *Скиѣмъ Тетрархіи*.

Итакъ, эту Тетрархію изъ четырехъ готскихъ клематовъ или страну *Дори*, обнимавшую южную часть Керченскаго полуострова, Олегъ присоединилъ къ своимъ Восторскимъ владѣніямъ, отторгнутымъ отъ Хазарской державы; собственно же Херсонскіе клематы и самое градоначальство или *сатрапію* (*сатрапія*) возвратилъ при заключеніи мира императорскому намѣстнику, который въ письмѣ своемъ, назвавъ только возвращенныя ему владѣнія, не считалъ за нужное даже и вспомнить объ утраченной, небольшой и почти независимой области съ ея не греческимъ населеніемъ, добровольно перешедшимъ на сторону своего могущественнаго сосѣда и соплеменника.

ВАНСКІЯ НАДПИСИ И ЗНАЧЕНІЕ ИХЪ ДЛЯ ИСТОРИИ ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ.

Въ то время, когда три четверти Европы представляли покрытую лѣсомъ, слабо населенную не извѣстно какими народами, страну, гораздо ранѣе, чѣмъ Киръ положилъ основаніе Персидской монархіи, когда въ Греціи устанавливались Олимпійскія игры и велись Мессинскія войны, а въ Римѣ царствовали Ромулъ и Нума Помпилій, если только они царствовали когда нибудь, — въ эту отдаленную историческую эпоху на утесахъ Ванскихъ и на скалахъ въ разныхъ мѣстахъ Арменіи невѣдомымъ народомъ начертаны были надписи, дошедшія до насъ, какъ загадка, брошенная древностью на разрѣшеніе нашего времени.

Какой народъ оставилъ эти надписи? На какомъ языкѣ? Какой алфавитъ? Что заключается въ этихъ надписяхъ? Вотъ вопросы, на которые не пришло еще время дать удовлетворительные отвѣты.

Нѣтъ сомнѣнія, что тайна, въ нихъ заключающаяся, уступить со временемъ пропитательной пытливости человѣка, и надписи, какъ говоритъ Оппертъ, написанныя для того, чтобъ ихъ читали, будутъ прочтены. Но это время еще не наступило. Цѣль настоящей статьи познакомить читателя съ тѣмъ что сдѣлано по настоящее время для разрѣшенія этихъ вопросовъ. Мы должны, однако, сознаться, что сдѣлано весьма мало; высказано нѣсколько предположеній, которыя если оправдаются, то представляютъ надежную точку опоры для дальнѣйшихъ изслѣдованій.

I.

Клинопись. Ванскія надписи и исторія ихъ дешифровки.

Разказавъ о войнѣ Семирамиды съ Ариянскимъ царемъ Араемъ, о смерти и пораженіи послѣдняго, Моисей Хоренскій въ XVI гл. I кн. своей „Исторіи Арменіи“ говоритъ слѣдующее: „Послѣ этихъ удачныхъ

проізшествіи (пораженія Армянъ) Шамирамъ (Семирамида), отдохнувъ нѣкоторое время на полѣ, которое по имени Арая названо было Айраратомъ, и пользуясь лѣтнею порою, отправилась на южную сторону горы погулять по долинамъ и по цвѣтистымъ полянамъ.

„И замѣтивъ красоту страны, чистоту воздуха, обиліе прозрачныхъ источниковъ, журчаніе величественныхъ рѣкъ, сказала: Намъ слѣдуетъ построить городъ и дворецъ въ этой странѣ, гдѣ такой благодостворенный воздухъ и такія чистыя воды, дабы четвертую часть года, то-есть, лѣтнее время проводить въ Арменіи въ полномъ удовольствіи, остальные же прохладныя три времени года жить въ Ниневіи“.

„Затѣмъ Шамирамъ, осмотрѣвъ многія мѣста и дойдя съ восточной стороны до Соленого озера, увидѣла близь его береговъ продолговатый холмъ, тянувшійся къ западу съ легкимъ скатомъ со стороны сѣверной; на югъ же находился утесъ, прямо и ровно восходящій къ небу. Не вдалекѣ на полуденной сторонѣ, раскинувшись по долиной, тянулася къ востоку отъ горы долина, и спускаясь къ берегу озера, становилась болѣе обширною. По этимъ мѣстамъ текли студеныя воды, которыя, низвергаясь съ горъ, сочасъ и струясь изъ лощинъ, ущелій и трещинъ, находящихся у основаній горъ, и сливаясь въ одно, разливались какъ пышныя рѣки. И не мало было въ этой долинѣ селеній по обѣимъ сторонамъ водъ. На востокъ отъ холма, понравившагося царицѣ, находилась небольшая гора.

„На этой-то мѣстности мужественная и сладострастная Шамирамъ остановила свой взоръ и дала приказаніе немедленно привести туда изъ Ассиріи и другихъ подвластныхъ странъ двѣнадцать тысячъ простыхъ рабочихъ и шести тысячъ изъ своихъ мастеровъ, искусныхъ рѣшниковъ на деревѣ, камнѣ, мѣди и желѣзѣ, знающихъ въ совершенствѣ свое искусство. Повелѣніе царицы съ точностью было приведено въ исполненіе: немедленно явилась разноплеменная толпа рабочихъ и искусныхъ, талантливыхъ художниковъ.

„Прежде всего Шамирамъ приказала построить весьма широкую и высокую плотину рѣки изъ скалъ и огромныхъ камней, сплоченныхъ вмѣстѣ посредствомъ извести и песку, что, какъ говорятъ, существуетъ въ цѣлости до настоящаго времени. Въ разсѣлинахъ этого берега, теперь, какъ слышно, укрываются бѣглецы и разбойники той страны, живя въ нихъ, какъ въ пещерахъ горъ.

„Напрасны были бы усилія того, кто попытался бы вынуть изъ этого строенія камешекъ, годный для пращи. Спайка камней сдѣ-

лана такъ искусно, что кажется облитую растопленнымъ саломъ. Такимъ образомъ Шамирамъ провела эту плотину, на протяженіи многихъ стадій до мѣста, назначеннаго ею для города.

„Тамъ приказала она раздѣлить толпу на нѣсколько партій и надъ каждой изъ нихъ назначила мастерами избраннѣйшихъ художниковъ. Занимая ихъ такимъ образомъ сильною напряженною работою, она, по прошествіи немногихъ дѣтъ, совершила свои дивныя постройки и обвела ихъ крѣчайшими стѣнами съ мѣдными воротами. Внутри города она построила множество прекраснѣйшихъ двухъ и трехъ-этажныхъ дворцовъ изъ разнообразныхъ и разноцвѣтныхъ камней. Раздѣливъ обширными улицами другъ отъ друга всѣ части города, она отмѣтила ихъ разными цвѣтами (?). Посреди города на надлежащихъ мѣстахъ построила чудесныя бани, достойныя удивленія. Часть рѣки она провела по городу для различныхъ потребностей, для орошенія садовъ и цвѣтниковъ, а другую часть ея по правому и лѣвому берегамъ озера—для орошенія города и всѣхъ его окрестностей. Восточную, сѣверную и южную стороны города украсила вилами, вѣтвистыми деревьями, отличающимися одни отъ другихъ плодами и листьями; насадила также множество виноградныхъ дозъ, доставлявшихъ въ изобиліи плоды и вино. Во всѣхъ отношеніяхъ великолѣпно и красиво воздвигла она крѣйшій городъ, заселивъ его безчисленнымъ множествомъ людей.

„Что же касается до возвышенной части города и дивныхъ ея построекъ, то не многимъ приходилось познать ихъ, и мы по этому ничего не можемъ сказать о нихъ. Окруживъ вершину утеса стѣнами, Шамирамъ построила въ немъ царскіе покои съ трудными входами и еще болѣе затруднительными выходами. До нашего слуха не доходило ни одного достовѣрнаго описанія сущности этихъ построекъ, и поэтому мы не рѣшаемся говорить о нихъ въ нашей исторіи. Одно только скажемъ, что изъ всѣхъ построекъ воздвигнутыхъ царями, эти, какъ мы слышали, считаются первѣйшими и великолѣпнѣйшими.

„Въ обращенной къ солнцу сторонѣ утеса ¹⁾, твердость котораго такова, что по ней и желѣзомъ нельзя провести цвѣтъ черты, Шамирамъ приказала высѣчь горницы, покои, тайники и коридоры, неиз-

¹⁾ Нѣсколько видовъ города Вана и высокаго утеса, дающихъ довольно вѣрное о нихъ понятіе, можно видѣть въ сочиненіи г. Коссовича—Inscriptiones Palaeopersicae, (Petrogr. 1872), стр. 106—108. Эти рисунки извлечены авторомъ изъ путешествій Тексея и Боре.

вѣстно для какихъ цѣлей¹⁾); на лицевой же сторонѣ скалы она, какъ-бы перомъ по гладкому воску, начертала много письменъ, одинъ видъ которыхъ приводитъ всякаго въ изумленіе. И не только здѣсь, но и во многихъ мѣстахъ Арменіи она воздвигла памятники, тѣмъ же письмомъ начертая на нихъ память о чемъ-то. Тѣми же письменами она покрывала пограничныя столбы во многихъ мѣстахъ“.

Такъ описываетъ Ванскія постройки и надписи въ половинѣ V столѣтія, Моисей Хоренскій, по разказамъ очевидцевъ. Излишне прибавлять, что въ этихъ постройкахъ и надписяхъ не принимала никакого участія Семирамида, о значеніи которой въ легендахъ Арменіи поговоримъ ниже.

Городъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, есть Ванъ²⁾, лежащій и нынѣ на восточномъ берегу Ванскаго озера. Въ древности, по утѣренію Моисея Хоренскаго и другихъ армянскихъ писателей, онъ назывался *городомъ Шамирама, Шамирамишеномъ, Шамирамакертномъ*, а въ послѣдствіи — *Ваномъ, Ванъ-Тосби* или *Вантосбъ* по имени области *Тосбъ*, отъ которой и озеро назвалось у древнихъ *Thospits*. Въ XI вѣкѣ послѣ Р. Х. Ванъ принадлежалъ князьямъ Арцруни, а въ 1392 году взятый Тамерланомъ, онъ былъ совершенно разрушенъ и только нѣкоторые изъ его памятниковъ сохранились до нашего времени. Нынѣшній городъ Ванъ, говоритъ Лайардъ (*A. Layard, Nineveh and Babylon 1850, p. 394*) лежитъ у подножія уединеннаго утеса.

Улицы и базары его тѣсны и грязны, хотя дома выстроены недурно. Городъ окруженъ цвѣтущими садами и виноградниками, орошаемыми искусственными ручьями, отведенными отъ рѣкъ, вытекающихъ изъ горъ Еди-Килиса. Далѣе въ главахъ XVIII и XIX Лайардъ даетъ довольно подробное описаніе города, его окрестностей и *клинобразныхъ* надписей, содержаніе которыхъ онъ передастъ отчасти. Другой путешественникъ, который долгое время странствовалъ въ мѣстностяхъ лежащихъ вокругъ Ванскаго озера, мекхитаристъ Нерсесъ Саргсѣянъ

¹⁾ Поднявшись на утесъ и лично осмотрѣвъ высѣченные въ немъ покон, Лайардъ (*Nineveh and Babylon, 400*) также признается, что «трудно отгадать цѣль, в происхожденіе этихъ построекъ».

²⁾ Нѣтъ сомнѣнія Бтесій имѣлъ въ виду Ванъ, когда разказывалъ, что «Семирамида, подойдя къ Хавону, городу Мидіи (прѣс Хавона полѣ тѣс Мидіас), и зашѣтивъ страшной величины камень (скалу, утесъ?) построила вокругъ него увеселительный садъ (тоу парѣдѣсов) и долго гостила въ немъ, предаваясь чувственнымъ наслажденіямъ. Она приказала построить кругомъ виллы, откуда она могла обозрѣть не только весь садъ, но и войска, расположенныя въ долинѣ. *Diod. Sic. Lib. II, cap. XIII.*

издалъ въ 1864 году весьма подробное топографическое и этнографическое описаніе этого края. Онъ также обратилъ вниманіе на клинообразныя надписи и къ своему „Путешествію“ присоединилъ литографическій списокъ восьми надписей. Были и другіе путешественники, какъ Тексье, Е. Баре и др., которые посѣтили и описали Ванъ; но честь перваго и лучшаго, въ интересахъ науки, описанія Вана изъ личныхъ наблюденій принадлежитъ безспорно Шульцу.

Въ 1827 году французское правительство отправило въ Арменію профессора Фр. Шульца для изслѣдованія положенія Вана и его древностей. Въ теченіе 1828 года Шульцъ успѣлъ сдѣлать снимки или списать до 42 клинообразныхъ надписей въ Ванѣ и его окрестностяхъ и отправилъ ихъ въ Европу, куда уже самъ не воротился, такъ какъ вскорѣ былъ вѣроломно умерщвленъ однимъ курдскимъ предводителемъ ¹⁾.

Въ виду распространившагося тогда интереса къ другимъ системамъ клинообразнаго письма, администрація *Азіатскаго журнала* въ Парижѣ приказала налитографировать Ванскія надписи и обнародовала ихъ въ своемъ журналѣ въ 1840 году (*Journ. Asiat.*, III Série, t. IX, 1840). Къ надписямъ присоединенъ журналъ, веденный Шульцемъ во время его путешествія въ окрестностяхъ Вана (тамъ же стр. 257—323). Читая этотъ журналъ, нельзя не поражаться правдою, съ которою Моисей Хоренскій описалъ эту мѣстность въ приведенной нами выше главѣ. Шульцъ во многихъ случаяхъ передаетъ свои впечатлѣнія чуть ли не словами Моисея Хоренскаго, со временъ котораго прошло уже около пятнадцати вѣковъ. Число снятыхъ Шульцемъ Ванскихъ надписей, за исключеніемъ трехъ Ксерксовыхъ, только 39, и то нѣкоторыя изъ нихъ, составляя части одной надписи, считаются за отдѣльныя.

За 1500 и болѣе лѣтъ до Р. Х. въ странахъ, лежащихъ по теченію Тигра и Евфрата, вошли въ употребленіе письменные знаки, которые своимъ наружнымъ очертаніемъ существенно отличались какъ отъ алфавитныхъ буквъ, такъ и отъ гіероглифовъ, и по всей вѣроятности, составляли переходъ отъ гіероглифовъ къ азбучному письму. Мы говоримъ о клинописи ²⁾. Клинописью (*inscriptions cuneatae*, отъ

¹⁾ Notice of circumstances, attending the assassination of prof. Schulz, while visiting Kurdistan in the year 1829; in a letter from major Willock to captain Harkness; in the *Journ. of R. Asiat. Soc.*, I Vol. 1834 p. 134—137.

²⁾ Существовало мнѣніе, что Туранцы были первыми изобрѣтателями клинописи. Оно было основано, главнымъ образомъ, на фонетическомъ значеніи

cuneus—клинь, écriture cunéiforme, Keilschrift, cuneatic writing, также arrow-headed scripture) называются эти письмены на томъ основаніи, что въ составъ ихъ входятъ исключительно изображенія *клима* и *угла*, котораго открытая сторона обращена всегда направо. Этими двумя знаками клинопись удовлетворительно передавала всевозможныя сочетанія звуковъ языка. Очевидно, очертанія отдѣльныхъ звуковъ не могли состоять изъ простыхъ единичныхъ знаковъ. Для выраженія каждаго отдѣльнаго звука клинья и углы образовали разнообразныя сочетанія, слѣдовательно,—сложные знаки, называемые *труппами*. По своему характеру, лишенная всякой округленности и потому приспособленная къ высѣченію на камнѣ, эти письмены начертывались однако въ Вавилонѣ грифелемъ или формой на мягкой глинѣ кирпича, который послѣ того былъ выжигаемъ въ печахъ, или сушимъ на солнцѣ. Эта письменная система, просуществовавъ болѣе 1500 лѣтъ, вышла изъ всеобщаго употребленія при послѣднихъ Ахеменидахъ. На глиняной таблицѣ изъ Варка прочитаны имена Селевка, Антіоха и Дмитрія, но эти случаи чрезвычайно рѣдки.

Эти-то двѣ простыя фигуры клина и угла, или вѣрнѣе, одного клина, изъ удвоенія котораго составляется уголь, служили основаніемъ для образованія двухъ совершенно различныхъ графическихъ системъ; одна изъ нихъ, *арійская*, сохранившаяся въ персидскихъ над-

---

нѣкоторыхъ идеограмъ. Объяснимъ примѣромъ: известный знакъ выражаетъ собою понятіе *отецъ*, по ассирійски *abu*; но тотъ же знакъ фонетически имѣетъ значеніе слога *at*, а такъ какъ *ata* въ турецкихъ нарѣчіяхъ значитъ *отецъ*, то изъ подобныхъ случаевъ выводили заключеніе о томъ, что этотъ знакъ когда-то у какого-то туранскаго народа представлялъ собою и фонетическій слогъ *at*, и понятіе *отецъ* и въ такомъ смыслѣ былъ переданъ Семитамъ, которые не выбрали бы сами идеограмой *отца* слогъ, который значитъ *at*. Эту мысль чуть ли не изъ первыхъ высказалъ Оппертъ, посвятивъ всю VI главу своего сочиненія *Expédition scientifique en Mésopotamie, t. II, Paris, 1859*, подтвержденію многими примѣрами своего предположенія.

Это предположеніе имѣетъ всѣ шансы въ близкомъ будущемъ обратиться въ фактъ, такъ какъ въ ассирійскихъ надписяхъ въ настоящее время, кромѣ ассирійско-вавилонскаго нарѣчія, вычитали новый, дотола неизвѣстный языкъ туранскаго характера. Народъ, говорившій этимъ языкомъ, Аккадійцы, какъ принято называть ихъ въ настоящее время, былъ, по всей вѣроятности, тѣмъ туранскимъ племенемъ, которому Оппертъ приписывалъ изобрѣтеніе клинописи. См. новое произведеніе неутомимаго и остроумнаго Фр. Ленормана: *Études, Accadiens* въ *Lettres Assyriologiques, II-me série Paris, 1873*. О клинописи см. *S. Menant — Les écritures cunéiformes, Paris, 1864*; *H. Wuttke — Die Entstehung der Schrift, Leipz. 1872*, главу: *Die Keilschrift, стр. 604--678*.

писяхъ, представляла буквы или алфавитные знаки; другая вѣсто буквъ давала слоги, такъ что извѣстная группа клиншевъ означала не *букву*, какъ въ первой системѣ, а *слогъ*. Эта вторая система, для отличія отъ первой, называется иными *анарійскою*, другими *силлабическою*. Арійская система, по всѣмъ признакамъ, позднѣйшаго происхожденія, и во многихъ случаяхъ носитъ явные слѣды того, что она усовершенствовалась изъ силлабической. Такъ, многія согласныя буквы передъ различными гласными имѣютъ различную форму. Напримѣръ, *к* передъ *а* и *и*; *д* передъ *а*, *і*, *и*; *т* передъ *и*, *і*, *и*, пишутся отлично другъ отъ друга, хотя и означаютъ просто *к*, *д*, *т*. По всей вѣроятности, они первоначально употреблялись какъ слоги: *ка*, *ки*, *да*, *ді*, *ди*, *та*, *ті*, *ти* и проч.; иначе не было необходимости для одной и той же согласной имѣть въ азбукѣ по двѣ и по три формы. Такимъ образомъ Персы, совершенствуя свою арійскую систему изъ силлабической въ алфавитную, не совсѣмъ успѣли отдѣлаться отъ преданій силлабизма. Клинопись ¹⁾ ихъ считаетъ 34 отдѣльные знака, тогда какъ для выраженія всѣхъ отдѣльных звуковыхъ элементовъ ихъ языка достаточно было имъ имѣть только 24 буквы.

Народы, создавшіе силлабическую систему, съ теченіемъ времени должны были отступить отъ строгой силлабичности и силою обстоятельствъ были приведены къ тому, что слоговыя группы стали употреблять ипогда какъ буквы, хотя и не додумались до алфавитныхъ началъ. Первою причиною этихъ отступленій отъ первоначальнаго принципа были отдѣльные знаки для гласныхъ буквъ. Присутствіе ихъ уже доказываетъ, что и въ этой системѣ, *анарійской*, строгая силлабичность не могла быть проведена по всѣмъ частямъ. Въ силлабической системѣ существуютъ отдѣльные знаки не только для выраженія слоговъ *па*, *пі*, *пи*, но и для *ап*, *іп*, *ип*; слѣдовательно, строго говоря, не было необходимости въ особыхъ знакахъ для гласныхъ буквъ совмѣщавшихся уже въ тѣхъ групахъ, которыя выражали гласную съ согласною спереди или сзади. Но гласныя буквы были введены, по всей вѣроятности, для выраженія долготы слога. Такъ, слогъ *па* обозначалъ короткій слогъ; чтобы выразить *па* писали *па-а*, гдѣ послѣдняя гласная выражала только долготу звука. Слоговой характеръ письма породилъ въ *анарійской* системѣ несоизмѣрно большое количество буквъ, такъ какъ языкъ, владѣющій этою письменностью при 20 согласныхъ и 3 гласныхъ, долженъ былъ

¹⁾ С. Kossovicz — Inscript. Palaeopers. p. 3 — 5.

имѣть болѣе 100 знаковъ для однихъ короткихъ слоговъ. Отдѣльные знаки для такого же числа долгихъ слоговъ были замѣнены, какъ мы видѣли, введеніемъ гласныхъ буквъ. Строгая силлабичность возможна только въ языкахъ, въ которыхъ слова состоятъ изъ *простыхъ слоговъ*, то-есть изъ одной согласной и одной гласной, какъ въ словахъ: *по-ю-ды-те, ат-ам-ан*; но языки, владѣвшіе силлабическою системою, имѣли часто слова, состоявшія не изъ простыхъ только, но и изъ *сложныхъ слоговъ*, понимая подъ послѣднимъ выраженіемъ слогъ, состоящій изъ двухъ согласныхъ съ гласною въ серединѣ: *par, rag, lip, nis, sig*, и проч. И для этихъ слоговъ пришлось изобрѣтать особые знаки, число которыхъ далеко превзошло число простыхъ слоговъ. Такъ какъ изъ всѣхъ анарійскихъ системъ *ассирійская* достигла высшей степени развитія, то мы не считаемъ лишнимъ сказать о ней нѣсколько словъ, тѣмъ болѣе, что безъ изученія этой системы не представляется возможности для дальнѣйшей дешифровки другихъ анарійскихъ системъ.

Всѣхъ знаковъ въ ассирійской письменности открыто и объяснено до сихъ поръ около 470; почти столько же имѣется не объясненныхъ. Въ книгѣ своей *Exposé des Eléments de la Grammaire assyrienne* (Paris, 1868 р. 11—36) Менанъ сдѣлалъ сводъ всѣмъ болѣе употребительнымъ ассирійскимъ знакамъ. Изъ нихъ оказалось фонетическихъ 106, для выраженія простыхъ слоговъ; для сложныхъ слоговъ, имѣющихъ весьма часто также идеографическое значеніе 301; объясненныхъ идеографовъ — 47 и 10 такихъ идеограмъ, значеніе которыхъ еще не извѣстно. Какія трудности слѣдовало преодолѣвать при изученіи такой массы весьма другъ съ другомъ по наружности схожихъ, но въ сущности отдѣльныхъ письменъ, — понятно каждому. Потому, съ теченіемъ времени, писцы стали упрощать письмо, замѣняя часто сложныя слоги простыми; но употребленіе сложныхъ слоговъ осталось все-таки въ силѣ. Существовали, напримѣръ, слоговые знаки для *par* и *ras*, и для 300 подобныхъ слоговъ не легко было удержать ихъ сразу въ памяти. Въ такихъ случаяхъ прибѣгали къ простымъ слогамъ и выражали ихъ черезъ *pa-ar, ra-as*, а читали просто *par, ras*. Иногда даже писали *ra-a-as=ras*, почти также, какъ мы нынче складываемъ *ep-e-es=pec*. Явно, что при такомъ произволѣ всякое слово можно было написать различнымъ способомъ. Возьмемъ слово Ормуздъ. Оно встрѣчается въ ассирійскихъ надписяхъ въ слѣдующихъ формахъ: *U-ri-mi-iz-da, U-ra-ma-az-da, A-hu-ra-ma-az-da, A-hu-ru-mi-iz-du, U-ru-ma-az-da* и проч. Подобные случаи встрѣчаются на каждомъ шагѣ.

Этимъ не ограничивались затрудненія при чтеніи ассирійскаго письма. Независимо отъ знаковъ съ фонетическимъ характеромъ, въ ассирійской письменности большую роль играли указатели (*Determinativ*) и идеографы, число которыхъ было весьма значительно. Если указатели въ нѣкоторомъ отношеніи облегчаютъ трудъ пониманія знаковъ,—такъ указатели собственнаго имени лица, божества, города проч., указываютъ на то, что за нимъ слѣдуетъ ожидать имя лица, божества и проч.,—то масса идеограмъ по своей неопредѣленности несказанно затрудняетъ чтеніе. При первыхъ же опытахъ вникнуть въ сущность ассирійскаго письма, изслѣдователи встрѣтились съ извѣстными знаками, которые, имѣя извѣстный фонетическій характеръ, должны были, однако, читаться совершенно иначе: они представляли не условную форму звука, а смыслъ слова, и должны были произноситься какъ слово, въ родѣ того, какъ у насъ *крестъ* передъ годомъ смерти читается: *умеръ*. Такъ, знакъ, фонетически читающійся *mi*, можетъ значить *su-mi* — *имя*; *sis* можетъ значить *ahi* — *братъ*. Къ этому присоединяется еще то обстоятельство, что извѣстная идеограмма можетъ имѣть одно и нѣсколько фонетическихъ значеній. Такіе знаки принято называть *полифонами*. Вообще чтеніе ассирійскихъ письменъ во многихъ случаяхъ напоминаетъ трудъ, встрѣчаемый при разгадываніи шарадъ. Разница та, что при разясненіи шарадъ мы имѣемъ опредѣленный кругъ видимыхъ предметовъ и знакомый намъ языкъ, между тѣмъ какъ ассирійскія письмена представляютъ намъ, съ одной стороны, неизвѣстный языкъ, съ другой—идеограммы не только видимыхъ предметовъ, но и отвлеченныхъ понятій. Такъ, есть идеограммы для существительныхъ: голова, золото, годъ и проч.; для прилагательныхъ: малый, твердый, худой и проч.; для глаголовъ: желать, строить, идти и проч.; для собственныхъ именъ: Аккадъ, Тигръ, Евфратъ и проч. Такъ напримѣръ, группа, состоящая изъ двухъ параллельныхъ угловъ, значить: царь, число 20, и имѣеть въ то же время фонетическое значеніе: *nis*, *man*, *van*. Другой знакъ идеографически значить: рука, идти, приходить, страна; а фонетически: *sat*, *kur*, *mat*, *nat*, *nal*. Много требуется остроумія, и не одного только остроумія, для того, чтобы вѣрно прочесть неизвѣстныя ассирійскія слова. Положимъ, стоятъ рядомъ идеограммы, изъ которыхъ первая значить: *ворота (babu)*, а вторая: *Богъ (ilu)* и *an*. Ожидая по смыслу или по переводу названіе Вавилона, конечно, во второй идеограммѣ легко выбрать первое значеніе, *bab—ilu*, а безъ того могло легко быть взято второе значеніе, и вышло бы *bab—an*, и

мы удивлялись бы, отчего имя Вавилона не истрѣчается въ надписяхъ.

Извѣстно, что клинообразныя надписи Ахеменидовъ, чтеніе которыхъ пролило новый свѣтъ на древности персидскія и воскресило одинъ изъ древнѣйшихъ арійскихъ языковъ, писаны тремя различными системами. Первая система—*персидская*, въ которой языкъ арійскій, а шрифтъ имѣетъ характеръ алфавитный. Вторую систему принято называть *мидійскою* или *скиѣскою*, а третью—*ассирійскою*. Всѣ ахеменидскія надписи писаны не по одной изъ этихъ системъ, а по всѣмъ тремъ, то-есть, каждая надпись составляетъ группу трехъ надписей, изъ которыхъ первая всегда персидская, а двѣ другія, рядомъ или другъ подъ другомъ, составляютъ переводъ персидской надписи на языки второй и третьей системы. Благодаря остроумнымъ изысканіямъ Гротенда, неутомимымъ трудамъ Лассена, Ролинсона и друг., персидскія надписи, простѣйшія по характеру, были прочитаны и объяснены раньше другихъ. Сотни собственныхъ именъ, въ нихъ встрѣчающихся, оказали сильное содѣйствіе при чтеніи двухъ остальныхъ системъ, при чемъ обнаружилось, что третья система заключаетъ съ собою языкъ ассирійскій семитической расы, а письмена—силлабическія (Гинксъ), о чемъ мы уже говорили выше.

Что касается второй системы, то въ ней тоже открыли упрощенную силлабическую азбуку, но языкъ еще не выяснился съ определенностью. Чтеніе ассирійскихъ надписей Ахеменидовъ дало ключъ къ чтенію другихъ древнѣйшихъ ассирійскихъ надписей, открытыхъ между тѣмъ трудами Ботта, Лаярда и друг., при раскопкахъ древне-Ниневійскихъ и Вавилонскихъ развалинъ. Въ нихъ открыли, наконецъ, цѣлыя бібліотеки, буквари, словари и проч. Хотя до сихъ поръ уже сдѣлано много, однако, много еще остается сдѣлать для того, чтобы результаты чтенія ассирійскихъ надписей устранили всякое сомнѣніе. Особенно страдаетъ при этомъ чтеніе собственныхъ именъ, не извѣстныхъ изъ другихъ источниковъ. При именахъ же извѣстныхъ, или ожидаемыхъ въ данномъ мѣстѣ, изслѣдователь имѣетъ возможность сдѣлать выборъ между многими идеограммами съ различнымъ фонетическимъ значеніемъ. Возьмемъ, для примѣра, имя Навуходоносора, встрѣчающагося фонетически: Na-bi-uv-ku-du-ur-ri-u-su-ur. Въ большей части случаевъ оно пишется идеографически, что можно только прочесть: *an-pa-sa-du-sis* и *an-ak-sa-du-sis*, такъ что еслибъ это имя было не извѣстно, то едва-ли кому-нибудь пришло бы на умъ прочесть Навуходоносоръ тамъ, гдѣ написано: *anaksa-*

du sis. А между тѣмъ при настоящемъ чтеніи имени, ученые руководствовались не произволомъ. Въ открытомъ въ Ниневіи силлабарѣ сказано, что слогъ *anak* идеографически означаетъ Бога: *Небо*—*Nabu*; *sis* значить *ussur*—*храми*; *sa-du* стоитъ вмѣсто *kudurri*—*корона*, такъ что все имя *Nabu kuduri ussur* значить; богъ *Nabu*, хранитъ корону; Набополассаръ — *Nabu habal ussur* значить: *Набу*, *огради* сына, и проч. См. *Schrader* — *Die assyr. Keilinschrift* въ *Zeitschr. Deutsch. Morgenl. Gesellsch.* 1872, s. 124—126.

Мы особенно распространились объ *ассирійскихъ* письменахъ на томъ основаніи, что вліяніе ихъ на образованіе *Вавскаго* *субтемы* весьма замѣтно. Изъ 106 до сихъ поръ открытыхъ *вавскихъ* знаковъ, половина встрѣчается въ томъ же видѣ въ *ассирійскомъ* письмѣ. Изъ 11 указателей и 18 идеографовъ, большая часть также заимствована у *Ассирійцевъ*. Остальные знаки образовались, по всей вѣроятности, подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій. Въ цѣломъ же *вавское* письмо составляетъ четвертую (если не считать *аккадійскую*), вполне организованную клинописную систему. Такъ какъ *Вавскія* надписи стоятъ одиноко, безъ переводныхъ надписей, какъ у *Ахеменидовъ*, то и чтеніе ихъ не представляетъ сколько-нибудь надежной опоры, за исключеніемъ того, что заимствовано у *Ассирійцевъ*. Но и при этомъ невольно рождается сомнѣніе—не могли ли *ассирійскія* письмена, переходя на *Вавъ*, измѣнить свое значеніе, хотя и сохранили свою форму. Такимъ образомъ, намъ все въ нихъ не извѣстно—и шрифтъ, и языкъ, и время.

Мы видѣли выше, что *Шульцъ* открылъ на *Вавѣ* 42 надписи, а за исключеніемъ (*IX, X, XI*) *Ксерксовыхъ*, 39. Но какъ будто для подтвержденія словъ *Моисея Хорепскаго*, который говоритъ, что *Семирамида* не только у *Вана*, но и въ другихъ мѣстахъ *Арменіи* оставила надписи,—въ послѣднее время другъ за другомъ стали открываться надписи во многихъ мѣстахъ *турецкой* и *русской* *Арменіи*, такъ что число ихъ доходитъ въ настоящее время до 60.

Назовемъ тѣ изъ нихъ, которыя намъ извѣстны:

40—43. Четыре надписи, изданныя при Путешествіи *Нерсеса Саргисьяна* (1864. *Венеція*) вмѣстѣ съ другими четырьмя, списанными, уже *Шульцемъ*.

44. Одна надпись, открытая въ *Малатіи*, на *Евфратѣ*, *Мюльбахомъ* и изданная въ *Journal of Syro-Egypt. Society*. *London*.

45. Надпись изъ *Гассанъ-Кана*, близъ *Арзрума*, изд. de Cœou — *De-Sautcy* — *Voyage autour de la mer Morte*, II, 1.

46—47. Двѣ надписи, списанныя г. Кестнеромъ и изданныя въ *Mélanges Asiatiques* Имп. Академіи Наукъ. Т. IV и V.

48—49. Двѣ надписи, открытыя въ Палу на Евфратѣ, изд. въ *Inscriptions in the cuneiform Characters discovered by A. H. Layard*, Lond. 1851.

50—51. Двѣ не изданныя надписи, списанныя Лайардомъ и хранящіяся въ Британскомъ музеѣ (*Nineveh and Babylon*, 400).

52. Надпись, списанная Вальполемъ съ памятника въ Патнось. См. *Nineveh and Babylon*, 494.

53. Печать Урзана, царя города Мушаширъ, современника Саргопова, изд. въ 1820 г. Доровымъ (*Die Assyr. Keilschrift*, I pl.).

54—55. Двѣ надписи, изданныя въ армянскомъ журналѣ *Араратъ* за 1869—1870 годы. Также въ *Sitzungsberichte*, 1870, s. 589.

56—57. Двѣ надписи, изданныя въ армянскомъ журналѣ *Вѣстникъ Россіи* въ Москвѣ.

58—59. Двѣ небольшія надписи, изданныя въ журналѣ Итальянскаго географическаго общества (*Bolletino*, Vol. V, 1870, p. 124 sqq.).

60. Надпись, сообщенная Ленорману мекхитаристами. См. *Lettres Assyriologiques*, p. 120.

61. Надпись, сообщенная Мордманну купцомъ Демосѣеномъ Ламбрино. См. *Z. D. M. G.* 1872, стр. 457 и друг.

Недавно открыта г. Ерицовымъ, какъ я узналъ изъ газетъ, еще надпись, неизвѣстно чья.

Желательно, чтобъ эти надписи были тщательно скопированы и изданы вмѣстѣ, для справокъ и для большаго удобства при изученіи ихъ.

Занимаясь дешифровкой разныхъ системъ клинописи, Гротефендъ обратилъ свое вниманіе и на ванскую систему, хотя не оставилъ объ этомъ предметѣ специальной монографіи. Ж. Моль въ *Rapport Annuel (Journal Asiat., VI série, t. II, 1863)*, говорить о немъ: „Grotefend s'en était occupé et avait préparé peu de temps avant sa mort un travail, dans lequel il les (les cunéiformes de Van) interprétait par l'arménien. Ce travail n'a jamais paru. Изъ специальныхъ трудовъ по этому предмету, первый принадлежитъ проникательному и многостороннему Гинксу (Ed. Hincks), который въ статьѣ своей „On the Inscription of Van“, помѣщенной въ *Journal of R. A. S.* t. IX, стр. 387—449, также ссылается на нѣкоторыя остроумныя указанія Гротефенда; не обозначая, впрочемъ, ни мѣста, ни названія статьи. Въ означенной выше статьѣ Гинксъ сдѣлалъ первый серьезный опытъ

дешифровки Ванскихъ надписей и при этомъ указаль на нѣкоторыя положенія, которыя необходимо имѣть въ виду всякому, кто приступитъ къ чтенію ванскихъ надписей. Они состоятъ въ слѣдующемъ:

1) Что отдѣльныя группы этой системы имѣютъ силлабическій характеръ, а не алфавитный, то-есть, что извѣстный знакъ можетъ означать *ba, bi, bu, ar, ir, ur*, а не *b* или *r*.

2) Что слово оканчивается въ строкѣ и не переносиття въ другую, для чего, въ случаѣ неполноты строки, послѣ иныхъ групп ставились гласныя буквы. Такъ, если послѣдняя группа послѣднаго слова не наполняла строки, а слѣдующее слово не могло умѣститься въ этомъ пространствѣ, то послѣ послѣдней группы, положимъ *ri*, ставилось еще *i*, такъ что хотя выходило *ri-i*, однако, читалось *ri*; послѣ *ba* ставилось *a* и пр. На это обстоятельство указываль еще Гротенфендъ.

3) Что вертикальный клинъ есть указатель собственнаго имени лица, какъ въ системахъ ассирійской и мидійской.

4) Что изъ двухъ собственныхъ именъ, стоящихъ рядомъ, первое есть имя царя, а второе имя его отца, и что третье, непосредственно за ними слѣдующее слово, встрѣчающееся 41 разъ въ 5 столбцахъ, по всей вѣроятности, значить: говорить, *atha*. Теперь читаютъ его: *adae*.

5) Что нѣкоторыя надписи относительно древнѣе другихъ, и что древнѣйшими слѣдуетъ считать тѣ, въ которыхъ клинья пересѣкаются.

6) Что для угаданія фонетическаго значенія извѣстной группы, необходимо обратить вниманіе на то: а) не встрѣчается ли она съ какимъ-нибудь общимъ значеніемъ въ системахъ мидійской и вавилонской, и б) на различные способы писать одно и то же слово или имя. Напримѣръ, имя *Argistis*, извѣстное изъ Саргоновой надписи, пишется различно: *Ar-gi-is-ti-si, Ar-gis-ti-i-si, Ar-gis-ti-is* и пр. Такимъ образомъ выясняются слоги: *Ar, gi, is, ti, is, i, si...*

Гинксъ, написавшій свою статью въ 1848 году, опредѣлилъ фонетическое и идеографическое значеніе 40 группъ на столько вѣрно, что они не были опровергнуты позднѣйшими изысканіями. Остальныя его опредѣленія не вѣрны, что зависѣло, главнымъ образомъ, оттого, что въ 1848 году чтеніе ассирійской клинописи было еще въ младенчествѣ, а мы уже говорили, на сколько ванская клинопись находится въ связи съ ассирійскою.

Послѣ Е. Гинкса Ванскими надписями, въ теченіе слишкомъ двадцати лѣтъ, никто не занимался спеціально. Кое-гдѣ только попадаются

у кунеологовъ указанія на эту систему, но лишь мимоходомъ, при дешифровкѣ другихъ системъ клинописи. Сюда слѣдуетъ отнести трудъ *Филоксена Луцато*: *Etudes sur les inscriptions assyriennes de Persepolis etc. Padoue, 1850*, въ которомъ авторъ въ небольшой главѣ налагаетъ свой опытъ чтенія Ванскаго шрифта. Приемы автора не научны и не привели ни къ какимъ результатамъ, хотя онъ и находилъ въ этихъ надписяхъ языкъ, близкій къ санскриту. Промахи Луцато тѣмъ менѣе извинительны, что онъ имѣлъ передъ собою статью Гинкса, о которомъ мы говорили выше.

Такъ какъ въ настоящей статьѣ мы лишены возможности приводить знаки оригинальнаго текста, то для болѣе яснаго пониманія дальнѣйшихъ объясненій, обозначимъ условными буквами тѣ указатели и идеографы, которые чаще встрѣчаются въ Ванскихъ надписяхъ, и значеніе которыхъ намъ извѣстно изъ ассирійской системы:

Собственныя имена мы обозначаемъ черезъ А, В, С, F, F.

D — указатель собственныхъ именъ лицъ.

H — указатель и идеографъ божества и въ то же время слогъ *an*.

G — глаголь.

L — царь.

K — домъ, храмъ.

M — указатель и идеографъ города.

x — сынъ или патронимическое окончаніе.

N — страна.

Цифры тѣ же, что и въ ассирійской системѣ, и не представляютъ затрудненія.

Такимъ образомъ, если мы въ надписяхъ встрѣтимъ рядъ группъ, соответствующихъ буквамъ DADBxG₂M₂₂K, то это предложеніе, не зная языка, мы читаемъ: *А сынъ В малолъ (?) 3 города 23 храма*. Такое чтеніе Ванскихъ идеографовъ на столько вѣрно, на сколько оно признано уже и для ассирійскаго письма; но въ дѣлѣ пониманія смысла фразы оно для насъ весьма неудовлетворительно, по невозможности понять смыслъ глагола. Какой смыслъ имѣетъ предидущая фраза? Тотъ ли, что А, сынъ В, построилъ, завоевалъ 3 города, 23 храма, или разорилъ, сжегъ 3 города, 23 храма? Въ такомъ предложеніи оставилъ Гинксъ дешифровку Ванскихъ надписей.

Успѣхи, сопровождавшіе въ послѣднее время чтеніе ассирійскихъ надписей, не остались безъ вліянія и на дешифровку Ванскихъ письменъ, хотя мы и не получили до сихъ поръ никакихъ положительныхъ результатовъ относительно лексики и формъ Ванскаго нарѣчія.

Въ 1871 году появился первый томъ *Lettres Assyriologiques* Фр. Ленормана, въ которомъ все второе письмо посвящено, если не собственно чтенію, то угадыванію смысла этихъ надписей. Это былъ первый трудъ, въ которомъ говорилось не только о языкѣ, но и о содержаніи этихъ надписей въ ихъ цѣлости, и слѣдовательно, было обращено вниманіе на ихъ историческое значеніе. Въ одной изъ предыдущихъ статей¹⁾ мы изложили краткое содержаніе этого письма, воздерживаясь отъ всякаго мнѣнія на этотъ счетъ. Мало знакомые въ то время съ клинописью и съ исторіей ея дешифровки, мы безъ всякихъ комментаріевъ привели мнѣніе г. Ленормана.

Въ настоящее время, познакомившись нѣсколько съ тѣмъ, что сдѣлано по этой отрасли, мы постараемся указать на слабыя стороны статьи Ленормана, относясь, однако, съ уваженіемъ къ его труду, требовавшему самой внимательной и копотливой работы, и не выпускающая изъ виду того обстоятельства, что въ трудахъ такихъ труженниковъ науки, каковъ Ленорманъ, слабыя стороны вознаграждаются съ лихвой блестящими гипотезами, остроумными указаніями и научностью метода.

Основаніемъ для чтенія Ванскихъ надписей служили для Ленормана тѣ три пункта, о которыхъ мы только что говорили, а именно — указатели, идеографы и ассирійскія клинообразныя письма.

Касательно языка Ванскихъ надписей Гинксъ, въ приведенной выше статьѣ, указываетъ на извѣстные признаки, по которымъ этотъ языкъ слѣдуетъ отнести къ арійской семьѣ. Лайардъ (*Nineveh and Babylon*, 402) приводитъ что-то (?) мнѣніе о присутствіи въ языкѣ Ванскихъ надписей татарскихъ или монгольскихъ элементовъ, а Георгъ Ролинсонъ (*Herodote*, p. 354, IV т.) находитъ, что этотъ языкъ въ родствѣ съ языкомъ мидійской системы и вавилонскихъ Аккадійцевъ.

Ленорманъ съ этими мнѣніями вовсе несогласенъ. Мы вкратцѣ приведемъ его мнѣніе на этотъ счетъ, изложенное въ его статьѣ:

„Онъ увѣряетъ, что языкъ, сохранившійся въ Ванскихъ надписяхъ, есть языкъ Грузинъ²⁾, въ до-историческое время господствовавшихъ

¹⁾ Нѣсколько словъ о названіяхъ древнихъ армянскихъ мѣсяцевъ. Спб. 1871, стр. 12—19.

²⁾ Мнѣніе о древнемъ, болѣе широкомъ разселеніи Грузинскихъ племенъ разделяется также Кларкомъ, который говоритъ о существованіи древнегрузинскаго до-историческаго языка, явленія котораго, по его мнѣнію, были въ послѣдствіи языки семействъ арійскаго, семитскаго, тибетскаго, кавказскаго и др. Далѣе онъ увѣряетъ, что народъ говорившій этимъ языкомъ, господствовалъ

въ Араратской области и на Ванѣ и вѣтѣспныхъ въ VII—VI вѣкахъ до Р. X. наплывомъ Фригійскихъ Армянъ, завоснавшихъ себѣ новое отечество. Въ ассирійскихъ надписяхъ жители Арменіи называются *Урарти*, и такъ какъ настоящихъ Армянъ въ то время еще не было въ Арменіи, то очевидно, что эти *Урарти*—*Араратійцы*, или то же что *Алародійцы*,—были тѣмъ племенемъ, которое населяло Арменію до вшествія Армянъ, то-есть, что это были Грузины. Для того, чтобы придать болѣе наглядности своему мнѣнію, Лепорманъ приводитъ грамматическія формы алародійскаго языка, почерпнутыя изъ Ванскихъ надписей, и сравниваетъ ихъ съ грузинскими. Вотъ они:

	Первое склоненіе		Второе склоненіе	
	<i>аларод.</i>	<i>груз.</i>	<i>аларод.</i>	<i>груз.</i>
Им.	is	i	as	a
Род.	iais	iš, isa	aiš	is, isa
Дат.	ini	sa	ani	sa
Вип.	ic	ei	aye	i
Инстр.	idi	itha	adi	atha
Отлож.	iste	isagan	aste	asagan
Указат.	imeni	aman	ameni	man

Кромѣ того, въ алародійскомъ языкѣ существуютъ *интензивныя* падежи: родительный, дательный, инструментальный съ прибавленіемъ къ окончаніямъ падежей частички *ni*.

Во множественномъ числѣ окончанія падежей тѣ же, что и въ единственномъ, только они приставляются не прямо къ темъ слова, а къ тому характеру множественнаго числа, который остается неизмѣнно во всѣхъ падежахъ, какъ въ грузинскомъ *bi* (какъ въ турецкомъ *ляръ*; а въ новоармянскомъ *неръ*, *еръ*). Далѣе:

Личныя мѣстоименія: *me*—я, по груз. *me*; *xi*—онъ, по груз. *igi*.

Указательныя: *sa*—этотъ, по груз. *es*.

во всемъ известномъ тогда мѣрѣ; что главное его мѣстообитаніе было въ Иберіи—въ Эдемѣ Моисеевомъ; что въ Вавилонѣ и въ Ассиріи образовались его школы для науки, цисъма и искусствъ; что для пониманія древнѣйшихъ формъ клинописи и для дешифровки аккадскаго языка необходимо обратиться къ древнегрузинскимъ источникамъ; что Армяне и Персы—остатки древнихъ Грузинъ, поблженныхъ и вѣтѣспенныхъ изъ ихъ южныхъ владѣній Ассирійцами, и пр. *Hyde Clark—On the prehistoric and protohistoric relations of the populations of Asia etc.* въ *Journal of the Anthropolog. Institut.* 1871, p. 52—59. Мы придемъ мнѣнію Кларка новсе не въ параллель мнѣнію Лепормана, который основываетъ свои взгляды на болѣе положительныхъ данныхъ.

Относительныя: *si*—*celui*, по груз. *is*.

Притяжательныя: *mane*—свой, по груз. *miša*.

Союзъ: *da*—и, по груз. *da*.

„Прилагательныя притяжательныя образуются черезъ прибавленіе къ слову частички *nane*, по груз. *ani*.

„Формы спряженія не столь очевидны, или чтеніе ихъ на столько сомнительно, что не даетъ матеріала для сравненія; но то, чтѣ читается, совершенно сходно съ грузинскими формами, какъ образованіе наст. времени изъявит. наклоненія на *bi*. Совершенно то же можно сказать относительно лексическаго состава алародійскаго языка. значеніе словъ котораго можно опредѣлить довольно точно (примѣровъ не приводится). Между тѣмъ, нѣтъ сомнѣнія, что въ алародійскомъ языкѣ встрѣчаются и арійскія слова, какъ, на примѣръ, слово *hınıs*. приставляемое къ собственнымъ именамъ съ значеніемъ *сынъ*, Менуа-*hınıs*—сынъ Менуаса и пр.

„Затѣмъ слѣдуетъ сравненіе этого *hınıs* съ санскрит. *g'anapa*, отъ корня *g'an* Zend., *zantu*, арм. *djet*, греч. *γενος* и пр. Слово *parri*—покровительство Ленорманъ сближаетъ съ санскр. корнемъ *pru*—защищать, покровительствовать. Далѣе, въ глагольной темѣ *pari*, наст. время *parubi*—унесъ, взялъ, онъ еще съ большею очевидностію узнаетъ санскр. корень *bhar*, перс. *bara*, греч. *φέρω* и т. д. Присутствіе этого арійскаго элемента нельзя не замѣтить также въ собственныхъ именахъ мѣстныхъ, лицъ и божествъ. Въ Саргоновой надписи говорится объ армянскомъ божествѣ *Baginastuv* (которое, замѣтимъ кстати, читается Оппертомъ *Bagararts*), въ которомъ нельзя не узнать чисто иранскую форму имени, образовавшагося подобно *ahura mazda* и т. д. Вотъ почти все, чтѣ говоритъ Ленорманъ относительно языка Ванскихъ надписей. Объ исторической части его труда мы будемъ говорить ниже.

Со многимъ въ вышеприведенномъ мнѣніи г. Ленормана едва ли можно согласиться безусловно. Во первыхъ, на какомъ основаніи Ленорманъ обозначилъ формы надежъ съ такою опредѣленностію, которой нельзя добиться допустивъ какое-угодно чтеніе письменъ, входящихъ въ составъ окончаній словъ?

„Въ дат. надежъ слова оканчиваются на *ini* и *ani*“, говоритъ онъ. Во первыхъ, окончаніемъ можетъ быть здѣсь только *ni*, а *a* и *i* принадлежать темѣ. Но почему же *ni* образуетъ дат. падежъ? Для примѣра возьмемъ имя *Minnas*. Отъ него встрѣчаются формы: *Minnai*, *Minna*, *Minnoa*, *Minnani*, *Minnaini*, *Minnainici*, *Minuana*. Какъ

узнать, подъ какою формою скрывается тотъ или другой падежъ, когда глаголы не прочитаны, и значеніе ихъ не ясно. Большая часть надписей начинается извѣстною формулою, которую при настоящемъ состояніи дешифровки можно прочесть: *haldini usmasini*; изъ нихъ первое слово есть названіе верховнаго божества *haldi*. Можно ли увѣрять, что *ni* образуетъ тотъ или другой падежъ, когда значеніе послѣдняго слова не извѣстно? *Usmasini* можетъ означать *милостью*, слѣдовательно—*Бога милостью*, тогда *ni* образуетъ родительный падежъ. Но оно можетъ значить: *Вому благодареніе, слава*, тогда мы имѣемъ дат. падежъ. Но это *usmasini* можетъ быть употреблено въ смыслѣ: *благодари, славословя Бога* и т. д., и въ такомъ случаѣ частичка *ni* образуетъ вин. падежъ, какъ и принимаетъ это Мордманъ. Равнымъ образомъ я не нахожу особеннаго сходства и между другими падежными окончаніями алародійскими и грузинскими, кромѣ, можетъ быть, окончаній инструм. падежей *idi* и *itha*, и при этомъ еще не извѣстно, образовано ли окончаніе *idi* въ алародійскомъ языкѣ инструментальнымъ падежемъ. Вообще сравненія съ грузинскими грамматическими формами неудачны. Что общаго, напримѣръ, между грузинскимъ мѣстоименіемъ *igi, misa, ani* и ванскими *hi, maue, paue*?

Въ подтвержденіе того, что языкъ Ванскихъ надписей близокъ къ грузинскому, не приведено ни одного примѣра изъ лексики. Три-четыре слова, имъ приведенныя, имѣютъ цѣлью доказать присутствіе въ ванскомъ языкѣ арійскаго элемента. Но и это не доказано. Одно случайное сходство словъ можетъ встрѣчаться въ языкахъ самаго различнаго происхожденія, а здѣсь слѣдуетъ имѣть въ виду то обстоятельство, что значеніе ванскихъ словъ не извѣстно, и г. Ленорманъ сравниваетъ съ санскритскими такія слова, которымъ онъ придаетъ значеніе по своему усмотрѣнію. Вообще лингвистическая сторона—самая слабая въ трудѣ Ленормана, и мы почли долгомъ указать на эту сторону.

Чтобы дать понятіе объ языкѣ Алародійцевъ, Ленорманъ приводитъ отрывокъ изъ XII надписи Шульца, читаетъ его и переводитъ слѣдующимъ образомъ:

Haubi	III	K	Agununi da	Manu da	Gunusa,	Haubi
Construxi	tres	regias	domaos	Aguniuni	et Tanu	et Gunusa,
XXIII	M	parmeni	Asgubi	K	harhar	Suasbi
viginti	tres	urbes	munitas	instauravi	palatia	arcis possedi
Suasbi	. . . .	nia	parabi	??		
possedi	regionem	rex	viros	et	mulieres.	

часть CLXXI, отд. 2.

Положимъ что выраженія: 3, 23, дворець, городъ, *regionem*, можно было понять, перевести, такъ какъ они обозначены идеограмми, смыслъ которыхъ извѣстенъ изъ ассирійской письменности. Но почему *haubi, asgubi, suasbi, parmeni, niaparabi* значать: *constitui, instauravi, possedi, munitas, rex* и пр.—мы не знаемъ. Мордманнъ читаетъ это мѣсто почти также, а именно:

Khaubi 3 K agununida manuda gunusa Khaubi.
23 M parmini asgubi K kharkharhubi M Huasbi.

N. Nia parabi; но переводить совершенно иначе: Hierauf verbrante ich 3 Tempel und befahl 23 Städte zu Zerstören; ich bemächtigte mich der Tempel und Festungswerke aller Städte des Landes; ich nahm alle Männer und Weiber gefangen.

Кто же изъ двухъ ученыхъ правъ?

Прочитавъ со вниманіемъ статью, г. Ленормана, я замѣчаю, что онъ ограничился чтеніемъ тѣхъ только группъ, которыя встрѣчаются въ ассирійской системѣ, и оставилъ безъ вниманія все то, что было написано спеціально ванскимъ шрифтомъ. Слѣдуетъ замѣтить однако, что онъ обѣщаетъ на досугъ изложить свой способъ полного чтенія Ванскихъ надписей. Мы съ нетерпѣніемъ будемъ ожидать исполненія г. Ленорманомъ его обѣщанія, такъ какъ мы привыкли видѣть въ немъ ученаго, котораго не пугаютъ ни трудъ, ни трудность задачи, какъ скоро его интересуеть предметъ.

Такимъ образомъ, въ 23 года, протекшихъ послѣ статьи Гипкса, чтеніе Ванскихъ надписей подвинулось весьма мало впередъ. Между тѣмъ г. Мордманомъ было заявлено о скоромъ выходѣ въ свѣтъ его статьи о Ванскихъ надписяхъ, и она наконецъ появилась на страницахъ *Журнала Нѣмецкаго Восточнаго Общества* ¹⁾).

Авторъ весьма подробно разобралъ всѣ извѣстныя ему надписи, опредѣлилъ значеніе каждой группы письменъ, далъ транскрипцію и переводъ каждой надписи и присоединилъ къ статьѣ хорошо составленный глоссарій. Общій тонъ статьи заставляетъ предполагать, что авторъ увѣренъ въ вѣрности своего чтенія и объясненій. Изъ результатовъ, добытыхъ имъ при изученіи надписей, оказывается (мы говоримъ о личномъ мнѣніи автора) что языкъ Ванскихъ надписей принадлежитъ къ арійскому семейству и есть притомъ армапскій, чис-

¹⁾ *A. D. Mordtmann—Entzifferung und Erklärung der armenischen Keilinschriften von Van und der Umgegend, въ Zeitsch. D. M. Ges. 1872, стр. 465—696.*

тый древній армянскій языкъ, конечно, съ такими отступленіями отъ нынѣшняго армянскаго языка, которыя легко допустить, имѣя въ виду почти тысячелѣтнее между ними разстояніе... Оставалось поздравить себя съ открытіемъ древнѣйшаго въ официальныхъ документахъ сохранившагося образца арійскаго нарѣчія... Какъ же достигъ г. Мордманъ такихъ блестящихъ результатовъ? Весьма просто. Онъ воспользовался трудами Гинкса, результатами чтенія ассирійской клинописи, значеніе половины знаковъ опредѣлилъ по своимъ соображеніямъ, гдѣ что требовалось, и чтеніе пошло, какъ слѣдуетъ... Но что же оказалось на дѣлѣ? Оказалось, что то, что предлагалъ намъ г. Мордманъ за образчикъ древнѣйшаго армянскаго языка, не только не армянскій, но даже вовсе не арійскій, а какой-то особенный языкъ. Впрочемъ онъ и самъ въ концѣ своей статьи говоритъ, что падежи этого древне-армянскаго языка имѣютъ сходство съ туранскими, а глагольныя формы приближаются къ флексіямъ индо-европейскихъ нарѣчій.

Лѣтомъ нынѣшняго года я имѣлъ удовольствіе лично познакомиться съ г. Мордманомъ въ Константинополѣ. Во время нашего весьма короткаго свиданія, г. Мордманъ показалъ мнѣ нѣсколько новыхъ надписей, подтверждавшихъ кое-какія его предположенія. Изъ дальнѣйшаго разговора съ нимъ я могъ понять, что онъ не слишкомъ настаиваетъ на томъ, что въ Ванскихъ надписяхъ заключается непременно древній армянскій языкъ. Онъ допускаетъ возможность присутствія въ нихъ курдскаго языка. Мнѣ кажется, я вѣрно передаю смыслъ его разговора, хотя и не могу согласиться съ тѣмъ, чтобы въ прочитанномъ имъ языкѣ было что-нибудь похожее на курдскій... Въ настоящей статьѣ я имѣю въ виду не частный разговоръ, а тотъ его большой трудъ, который помѣщенъ на страницахъ *Журнала Нѣмецкаго Восточнаго Общества*.

Прежде чѣмъ съ такою опредѣленностью высказаться о принадлежности извѣстнаго нарѣчія къ той или другой отрасли языковъ, мнѣ кажется, слѣдовало принять въ соображеніе то обстоятельство, что арійское нарѣчіе чѣмъ древнѣе, тѣмъ ближе формами корней и флексій къ другимъ древнимъ представителямъ европейской или азіатской группы арійскаго семейства. Слѣдовало не выпускать изъ виду того, что если средневѣковій армянскій языкъ сохранилъ явную родственную связь съ санскритомъ, вендомъ, языкомъ Ахеменидовъ, даже съ греческимъ и латинскимъ, то тѣмъ болѣе эта связь должна была быть очевиднѣе и осязательнѣе въ древне-армянскомъ языкѣ, если

только онъ былъ арійскій. Между тѣмъ мы не возьмемъ на душу грѣха, если станемъ утверждать, что во всемъ глоссаріѣ, присоединенномъ къ статьѣ Мордмана, нѣтъ ни одного армянскаго слова, абсолютно — ни одного.

Въ грамматическихъ же формахъ языка также нѣтъ никакого сходства съ армянскими, такъ что всѣ выводы г. Мордмана оказываются слишкомъ субъективными.

Здѣсь я спѣшу оговориться, чтобы не дать повода понять меня иначе, чѣмъ я желалъ. При изученіи какой бы то ни было клинописной системы, представляются два или даже три совершенно отдѣльные момента. *Первый* заключается въ *дешифровку*, когда исследователь начинаетъ отчетливо отличать клинописные знаки одинъ отъ другаго и придавать каждому изъ нихъ опредѣленное фонетическое и идеографическое значеніе. Затѣмъ наступаетъ *второй* моментъ, когда, основываясь на результатахъ, добытыхъ въ первомъ моментѣ, онъ стремится уловить организмъ языка, — чтобы изъ надписей видѣлись слова съ опредѣленными формами, флексіями, чтобы каждый знакъ встрѣчался тамъ, гдѣ ему слѣдуетъ быть, и т. д. Этотъ моментъ есть *чтеніе* надписей. Далѣе идетъ сравненіе открытаго языка съ другими, то-есть, опредѣленіе его мѣста между другими языками, за которымъ могутъ слѣдовать историческіе комментаріи и пр.

Еслибы г. Мордманъ ограничилъ свой трудъ строгимъ выполненіемъ условій перваго момента, то его статья много выиграла бы въ научномъ достоинствѣ. Ошибка его заключается въ томъ, что онъ усмотрѣлъ возможность вмѣстѣ въ себѣ сразу всѣ три момента, то-есть, дешифровать, прочесть и объяснить прочитанное, — результаты, которые рѣдко достигались однимъ лицомъ при чтеніи другихъ системъ. Мы сознаемъ сами, что легче находить слабыя стороны въ чужихъ трудахъ, чѣмъ самому открыть новый путь, ведущій къ истинѣ. Въ данномъ случаѣ, отвергая лингвистическіе результаты чтенія и объясненій г. Мордмана, мы вовсе не имѣли въ виду умалять достоинства его добросовѣстнаго и безкорыстнаго труда, который при всѣхъ своихъ недостаткахъ можетъ приносить большую пользу занимающимся этимъ дѣломъ и чрезвычайно удобенъ при справкахъ.

До сихъ поръ, главнымъ образомъ, мы обращали вниманіе на исторію дешифровки ванской системы, возникшей подъ влияніемъ ассирійско-вавилонской письменности. Мы видѣли, что известная часть ванскихъ письменъ заимствована изъ ассирійскаго и вавилонскаго шрифта. Остальная часть составляетъ продуктъ мѣстнаго развитія

грамотности. Въ чтеніи же послѣдней половины и заключается вся трудность дешифровки.

Что касается до языка, мы видѣли, что изслѣдователи въ этомъ отношеніи не пришли ни къ какому опредѣленному мнѣнію. При настоящемъ состояніи дешифровки трудно рѣшить не только спеціальнй вопросъ о томъ — древне-грузинскій ли, древне-армянскій, или другой какой языкъ заключается въ надписяхъ, но даже общій вопросъ — о принадлежности ванскаго языка къ болѣе обширной семьѣ языковъ. Покойный Гинксъ видѣлъ въ немъ арійское нарѣчіе.

Нынче дѣломъ на Парижскомъ международномъ конгрессѣ ориенталистовъ вопросъ о существѣ ванскаго языка могъ быть нѣсколько выясненъ. Въ программѣ на 12-е засѣданіе конгресса по ассириологии былъ поставленъ г. Оппертомъ вопросъ: *Sur le caractère de la langue arméniaque*, и мы имѣли право ожидать отъ знаменитаго ассириолога нѣкоторыхъ освѣщающихъ подробностей относительно этого темнаго вопроса. Къ несчастію, засѣданіе не состоялось по случаю отсутствія всѣхъ болѣе или менѣе извѣстныхъ кунеологовъ. Тѣмъ не менѣе, рѣшенія вопроса о существѣ ванскаго языка мы ожидаемъ отъ нынѣшнихъ свѣтилъ ассириологии — Опперта, Ролинсона, и ихъ талантливыхъ послѣдователей.

Приступая къ разбору самыхъ надписей, мы обратимъ въ нихъ вниманіе на тѣ подробности, которыя поддаются чтенію, откладывая историческую оцѣнку содержанія ихъ до слѣдующей статьи.

Почти всѣ надписи начинаются извѣстною формулой воззванія къ верховному ванскому божеству, что явствуетъ изъ указателя, стоящаго передъ именемъ божества. Чтеніе имени этого божества порождаетъ нѣкоторыя затрудненія. За указателемъ слѣдуютъ двѣ группы, заключающія въ себѣ это имя. Первая состоитъ изъ двухъ горизонтальныхъ, на одной линіи находящихся клинцевъ, въ родѣ двухъ *тире*, а вторая читается *di*. Первая группа идеографически означаетъ рѣку Тигръ, по ассирійски *Diglat*, по армянски *Deklad*, а фонетически выражаетъ слогъ *hal*. Идеографическое значеніе не идетъ къ дѣлу; слѣдовательно, мы должны удовлетвориться вторымъ значеніемъ и читать все имя *hal-di*. Такъ читается это имя большинствомъ ассириологовъ, такъ какъ оно встрѣчается и въ Саргоновой надписи.

Такое имя верховнаго божества Арменіи было до сихъ поръ не извѣстно изъ другихъ источниковъ, между тѣмъ какъ подобныя имена отличаются живучестью. Это-то обстоятельство и заставило г. Мордмана искать основанія для другаго чтенія этого имени. Признавая

hal за непонятную для насъ идеограму, г. Мордманъ (въ XVII надписи Шульца) нашелъ, какъ онъ полагаетъ, это же имя, написанное фонетически и легко читаемое *Anaidi* или *Anait*—имя весьма извѣстнаго иранскаго и специально армянскаго божества. Такое чтеніе, конечно, весьма заманчиво, по истина требуетъ болѣе трезвыхъ выводовъ, чѣмъ эти лестныя для частнаго остроумія открытія.

Обративъ вниманіе на указанное г. Мордманомъ мѣсто, мы находимъ три знака: указатель божества, буква *a* и ассирійскій слогъ *li*, и читаемъ: божество *ali* или съ указателемъ просто *Anali*—но нивакъ не *Anaid*. Также несостоятельны и другія приведенныя имъ чтенія этого имени—*Mazdi* и *Gamdi*. Такимъ образомъ, лучшее чтеніе пока первое,—*haldi*, и мы должны имъ довольствоваться до дальнѣйшихъ открытій. Божество *haldi* находится весьма часто въ обществѣ двухъ другихъ божествъ, раздѣляющихъ съ нимъ главенство на ванскомъ олимпѣ. Оба названія постоянно обозначаются идеограммами. Впрочемъ, ими перваго божества одинъ разъ встрѣчается написаннымъ фонетически: *La-e-i-as-ba-a-z* или *Ti-e-i-as-ba-z*, то-есть, *Laiasbas* или *Tiasbas*. Мы до лучшаго чтенія удерживаемъ *Tiasbas*.

Что касается втораго божества, то г. Мордманъ довольно остроумно читаетъ идеограму *par* фонетически, и такъ какъ слогъ *par* входитъ въ образованіе многихъ собственныхъ именъ: Парнавазъ, Парандземъ, Парнакъ и пр., то онъ останавливается пока на этомъ чтеніи. Къ этому мы прибавимъ, что чтеніе просто *par* не совсѣмъ удовлетворительно, такъ какъ въ XIV надписи Шульца это имя встрѣчается съ фонетическою прибавкою *ni* и съ окончаніемъ именительнаго падежа *s*, такъ что все имя слѣдуетъ читать *Parnis*¹⁾. Такимъ образомъ, для высшей ванской триады мы имѣемъ приблизительно слѣдующія названія: *Халди*, *Теиснасъ* и *Парнисъ*.

О характерѣ и культѣ этихъ божествъ нельзя сказать ничего опредѣленнаго. Идеограммы втораго и третьяго божествъ встрѣчаются также въ ассирійскихъ надписяхъ и читаются *Bin* и *Samaš*, служившихъ олицетвореніемъ неба и солнца, такъ что *Халди*, по мнѣнію г. Ленормана, можетъ-быть только божествомъ *луны*.

Этою триадою не ограничивается однако число ванскихъ божествъ. Вся XVII надпись Шульца посвящена богамъ. Въ ней говорится о томъ,

¹⁾ Въ ассирійскомъ письмѣ существуетъ обыкновеніе къ извѣстной идеограммѣ приставлять фонетическое окончаніе для той цѣли, чтобы читать эту идеограму не такъ, какъ обыкновенно читаютъ, а иначе. Можетъ-быть, что-нибудь подобное имѣетъ мѣсто и въ данномъ случаѣ.

какія жертвы и въ какомъ количествѣ приносились тому или другому божеству. Эта надпись одна изъ самыхъ замѣчательныхъ; она встрѣчается въ двухъ экземплярахъ, въ 63 строки каждый, и заключаетъ въ себѣ весь пантеонъ древней Арменіи. Съ помощью идеограмъ, ассирійскихъ письменъ и численныхъ знаковъ можно отчасти познакомиться съ ея содержаніемъ. Въ ней послѣ именъ трехъ вышеупомянутыхъ божествъ слѣдуютъ другъ за другомъ восемь идеограмъ, изъ которыхъ первая значитъ *божество*, вторая — *знакъ множественнаго числа*, третья — *народъ, племя*, четвертая также — *знакъ множественнаго числа*, такъ что всѣ четыре идеограммы, взятія вмѣстѣ, должны означать: *народныя божества*, въ косвенномъ падежѣ. Пятая идеограмма представляетъ число *шесть*. Слѣдуетъ замѣтить, что численные знаки во всѣхъ системахъ клинописи имѣютъ почти общій характеръ, подобно нынѣшнимъ европейскимъ цифрамъ, которыя у всѣхъ народовъ пишутся одинаково, но каждымъ изъ нихъ читаются на своемъ языкѣ. Эти знаки также состоятъ изъ *клинъевъ* — единицъ и *улововъ* — десятковъ, пишутся по десятичной системѣ, и потому при чтеніи не представляютъ никакихъ затрудненій. Итакъ пятая идеограмма означаетъ число VI; шестая и седьмая — *овца* и *знакъ множественнаго числа*, осьмая — *верблюдъ* (по чтенію г. Мордмана, 495). Смыслъ всей фразы будетъ таковъ: „*Халди, Тіасбасу, Парнису, народнымъ божествомъ* (приносимъ?) *шесть овецъ и верблюда* (?). Однако, по всей вѣроятности, смыслъ предстоящей фразы нами понятъ не во всей полнотѣ, потому что тотчасъ вслѣдъ за связаннымъ слѣдуетъ опять *Халди*, которому назначается уже не 6 овецъ, а 17 быковъ и 34 овцы; *Тіасбасу* назначается 6 быковъ и 12 овецъ, а третьему (вѣроятно, Парнису) — 4 быка и 8 овецъ. Затѣмъ идутъ названія четырехъ божествъ, изъ которыхъ каждому назначается по 2 быка и 4 овцы. Далѣе 26 разнымъ богамъ полагается по 1 быку и по 2 овцы. Затѣмъ снова *Халди* и *Тіасбасу* по 2 быка и по 4 овцы. До сихъ поръ боги получали на каждого быка по 2 овцы, но вслѣдъ затѣмъ какому-то богу назначается 2 быка и 34 овцы. Затѣмъ 19 богамъ по быку и по 2 овцы. Остальные мелкіе боги въ числѣ 21 получаютъ, или по быку и по 2 овцы, или по полубыку и по 1 овцѣ, или просто полбыка, или только 1 овцу, но есть и такіе которые получаютъ по 17 овецъ.

Такимъ образомъ, въ этой надписи, высѣченной въ двухъ экземплярахъ, упоминается о 75—80 богахъ, имена которыхъ съ рѣдкими исключеніями неудобочтими. Названія нѣкоторыхъ изъ нихъ приведемъ по чтенію г. Мордмана, предупреждая, что это чтеніе мы считаемъ

не совсѣмъ точнымъ: *Khutui, Tura, Zibirara, Arsimit, Hamaspa, Didua, Vilardi, Atbi, Kuera, Adaruta* и др.; иные боги названы не собственнымъ именемъ, а по городу и мѣстности, наиримѣръ, богъ города *Тусна*, богъ такой-то страны и пр.

Кончая съ ванскими богами, считаю не лишнимъ привести имя одного урартійскаго божества, встрѣчающагося въ Саргоновой надписи, но не вошедшаго въ число упомянутыхъ въ XVII надписи боговъ. Это *Bagapartu*, какъ читаетъ г. Оппертъ, или *Bagmastuv*, по чтенію гг. Лепормана и Смита.

Сравнивая имена и культъ ванскихъ божествъ съ тѣми, которымъ поклонялись Армяне въ историческое время, то-есть, послѣ VI вѣка до Р. Х., мы приходимъ къ тому заключенію, что въ религіи, какъ и въ другихъ отношеніяхъ, въ періодъ между VIII и VII вѣками, въ Арменіи произошелъ коренной переворотъ. Какъ въ политическомъ, такъ и въ религіозномъ отношеніи Армяне подпали въ это время сильному вліянію сосѣдей. Вторженіе иранскаго элемента сказалось въ веденіи въ народный культъ божествъ чисто иранскаго происхожденія. Однако, изъ памятниковъ не видно, чтобъ до эпохи Сассанидовъ въ Арменіи господствовало ученіе Зороастра въ позднѣйшемъ его развитіи, то-есть, съ Ариманомъ. *Арамаздъ* сдѣлался верховнымъ божествомъ Армянъ, но объ Ариманѣ не упоминается нигдѣ, какъ объ армянскомъ божествѣ. Изъ боговъ, утвердившихся въ Арменіи подъ иранскимъ вліяніемъ, назовемъ: *Арамазда, Вакама, Михра, Тура, Сандараметовъ* и пр. Отъ Семитовъ перешло въ Арменію въ разныя эпохи поклоненіе: *Наме, Белу, Набоу, Таратъ* и др. Нѣтъ сомнѣнія, въ Арменіи сохранились и народныя старыя вѣрованія, но никто до сихъ поръ не обращалъ вниманія на эту сторону дѣла и не отдѣлялъ собственныхъ армянскихъ вѣрованій отъ заимствованій¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ мы поговоримъ объ этомъ предметѣ подробнѣе.

Мы говоримъ, что всѣ почти Ванскія надписи начинаются воззваніемъ къ божеству, имя котораго мы согласились читать пока *Халди*. За божествомъ слѣдуетъ обыкновенно указатель имени лица, за нимъ самое имя, еще разъ тотъ же указатель, еще разъ имя съ *небольшимъ на концѣ словомъ*, которое г. Лепорманъ читаетъ *hisis*—сынъ, а г. Мордманъ—*ganisi*—патронимическое окончаніе въ родѣ нынѣш-

¹⁾ Трактатъ г. Эмина подъ заглавіемъ «О древней религіи языческихъ Армянъ» есть не болѣе, какъ посредственная компіляція изъ трудовъ предшественниковъ и не имѣетъ никакихъ ученыхъ достоинствъ.

няго *янь*. Обозначивъ собственныя имена буквами *A, B, C, E, F*, указатель черезъ *D*, а небольшое слово черезъ *x*, мы получимъ слѣдующую формулу, встрѣчающуюся весьма часто вслѣдъ за именемъ *Халди* въ началѣ надписей: DADBx, то-есть, А сынъ В. Древнѣйшими надписями по характеру письменъ принято считать I и XXXVI Шульца, что оправдывается самымъ чтеніемъ. Въ первой говорится объ одномъ царѣ, сынѣ *Лутибри*. Царствовалъ ли когда-нибудь этотъ Лутибри—не извѣстно, но онъ самое древнее лицо въ Ванскихъ надписяхъ. Имя его сына, царя, пишется такъ: D. N. gi. du. gi-s¹⁾, а читая фонетически *Anriduris*. Такъ и было читано это имя прежде. Но это чтеніе вскорѣ было оставлено. Въ первомъ слогѣ *N* предпочли видѣть не фонетическое *an*, а идеограму, которая вмѣстѣ съ слогомъ *gi* выражаетъ божество *Мелитту*, у Ассирійцевъ—*Belit*. На этомъ основаніи Гинксъ предложилъ чтеніе *Milidduris*, а Ленорманъ *Belitduris*. Чтеніе *Bagriduris*, предлагаемое г. Мордманомъ, основано на болѣе шаткомъ основаніи, такъ что намъ приходится довольствоваться пока чтеніемъ: *Belit-duris*. Такимъ образомъ, изъ первой надписи мы узнаемъ имя *Белидуриса*, сына *Лутибри*. Эта надпись очень коротка и дошла до насъ въ сильно испорченномъ состояніи. Она замѣчательна тѣмъ, что заключаетъ въ себѣ ассирійскую формулу, часто встрѣчающуюся въ ассирійскихъ надписяхъ: царь великій, царь могущественный, царь легионовъ, царь страны *Маури* (Наири? Миди?).

Въ XXXVI надписи встрѣчается имя *Isbuinis* сына *Белидуриса*, по всей вѣроятности, предшествовавшего царя, которому онъ наследовалъ.

Этому же *Избуинису* принадлежитъ и XVII, которую мы разбирали выше. Въ ней *Избуинисъ* является не одинъ, но въ сопровожденіи своего сына, *Минуас*, котораго онъ взялъ, вѣроятно, въ соправители: *Избуинисъ*—сынъ *Белидуриса* и *Минуасъ*—сынъ *Избуиниса*. Такимъ образомъ, въ *Минуасѣ* мы имѣемъ четвертаго, по прямой линіи, потомка *Лутибри*. Имя *Избуиниса* встрѣчается только въ этихъ двухъ надписяхъ. За то отъ сына его осталось болѣе 25 надписей. Въ XVIII, XIV, XV и во многихъ другихъ надписяхъ Шульца *Минуасъ* называетъ себя *сыномъ Избуиниса*, царемъ страны *Vaïta* и города *Tusna*. Замѣчательно, что ванскіе цари ни разу не называютъ себя царями *Урарти* и *Вана*, каковыя названія мы часто

¹⁾ См. условныя буквы выше.

встрѣчаемъ у Ассирійцевъ. Въ XIII надписи Минуасъ говоритъ о своихъ военныхъ подвигахъ противъ *Diavegan* (Дейокъ?), въ странѣ котораго онъ взялъ и ограбилъ городъ *Sasilu*. Позже онъ воевалъ съ сыномъ Діавегана, съ царемъ *Utuburzes*, разорилъ (?), сжегъ (?) многія крѣпости и храмы. Въ надписи, открытой въ Палу, Минуасъ продолжаетъ разказъ о своихъ подвигахъ, о завоеваніи разныхъ странъ и взятіи многихъ городовъ, о сдачѣ (?) 20 городовъ и пр. Прежде чѣмъ перейдемъ къ сыну его, замѣтимъ, что имя Минуаса безъ особенной натяжки можно также читать *Парнуасъ*, что весьма близко подходитъ къ *Парнавазъ*: это замѣчаніе принадлежитъ г. Мордману. Но и въ томъ видѣ, какъ мы его читаемъ вмѣстѣ съ другими, *Minuas* не слишкомъ удаляется отъ историческаго армянскаго имени *Manavas*, княжества *Manavavian*, города *Manavajakert*, нынѣ Мелазгердъ.

Затѣмъ идутъ болѣе 15 надписей *Аргистуса*, сына Минуаса. Это имя извѣстно также изъ Саргоновой надписи. Въ II надписи Шульца онъ говоритъ о войнѣ своей съ Діавеномъ, сыномъ Діавегана, и о числѣ взятыхъ имъ въ плѣнъ (?) 13.254 мужчинъ, 10.170 тоже мужчинъ, но съ какою-то разницей, 23.200 женщинъ и 52.665 мужчинъ опять съ другимъ названіемъ; по всей вѣроятности, въ различіи группъ скрывается національность. Далѣе, 1.104 лошади, 35.067 быковъ, 11.823 овцы. Въ такомъ видѣ всѣ его надписи, въ которыхъ то и дѣло встрѣчаются крупныя числа, идеограммы мужчинъ, женщинъ, дѣтей, лошадей и другаго скота. Такія крупныя цифры попадаютъ и въ другихъ его надписяхъ, изъ которыхъ видно, что онъ былъ самымъ воинственнымъ изъ царей ванскихъ. Его надписи замѣчательны еще тѣмъ, что въ нихъ только (III, IV Шульца) попадаетъ имя *Ассирин*, съ которою онъ велъ, какъ видно, войны.

Сынъ и наслѣдникъ его былъ Белидурисъ II, или какъ онъ называетъ себя: *Beliduris*, сынъ *Argistis*. Онъ также распространяется о своихъ войнахъ, вторженіяхъ въ чужія страны, завоеваніяхъ и воздвигнутыхъ имъ памятникахъ. Одна изъ его надписей (Шульцъ XII) замѣчательна тѣмъ, что въ ней два раза упоминается имя страны Вавилона — *Babilun* и *Babilunie*, съ которою онъ велъ войны. Каждый разъ вмѣстѣ съ Вавилономъ упоминается имя другой мѣстности: *Eban*. Въ этой же надписи нѣсколько разъ повторяются группы чиселъ и идеографовъ. Въ первый разъ: „3 храма, 23 города, 8.135 мужчинъ, 25.000 женщинъ, 6.000 дѣтей, 2.500 лошадей, 12.300 быковъ, 32.100 овецъ“. Въ другой разъ: „4 храма, 3.500 мужчинъ, 10.005 женщинъ, 4.000 дѣтей, 8.525 быковъ, 18.000 овецъ“. Въ третій разъ:

„11 храмовъ и крѣпостей, 1.100 мужчинъ, 6.500 женщинъ, 2.800 дѣтей, 2.538 быковъ, 8.000 овецъ“. Конецъ надписи, строки 25 — 29 заключаютъ въ себѣ тѣ же идеограммы, но числа гораздо крупнѣе, и какъ оказывается, въ нихъ подведенъ итогъ числамъ предыдущихъ группъ. Можно съ достовѣрностью предположить, что въ этой надписи идетъ рѣчь о походахъ Велидуриса II, который въ ней разказываетъ, сколько онъ разорилъ храмовъ и крѣпостей, умертвилъ или увелъ въ плѣнъ людей, скота и пр. Вотъ какія числа мы видимъ въ четвертый разъ: „12.735 мужчинъ, 46.600 женщинъ, 12.000 дѣтей, 2.500 лошадей, 23.334 быка, 58.100 овецъ“. Эти итоги, впрочемъ, не совсѣмъ сходятся съ суммами чиселъ первыхъ трехъ группъ, что могло зависѣть какъ отъ неудовлетворительнаго состоянія самихъ надписей, такъ и отъ невѣрности списковъ Шульца и Саргисьяна.

Вотъ какихъ суммъ слѣдовало ожидать:

П о х о д ы .

	I.	II.	III.	Итогъ.
Храмовъ и крѣпостей.	26	4	11	41
Мужчинъ	8.135	3.500	1.100	12.735
Женщинъ	25.000	10.005	6.500	41.505
Дѣтей	6.000	4.000	2.000	12.000
Лошадей	2.500	—	—	2.500
Быковъ	12.300	8.525	2.538	23.334
Овецъ	32.100	18.000	8.000	58.100

Такимъ образомъ, изъ Ванскихъ надписей мы узнаемъ о существованіи пяти мѣстныхъ царей:

- 1) Беллидурисъ I, сынъ Лутибри.
- 2) Избуинисъ, сынъ Беллидуриса I.
- 3) Минуасъ, сынъ Избуиниса.
- 4) Аргистисъ, сынъ Минуаса.
- 5) Беллидурсъ II, сынъ Аргистиса.

Всѣ эти цари царствовали другъ за другомъ въ теченіе известнаго времени. Престолъ переходилъ отъ отца къ сыну въ теченіе пяти поколѣній, приблизительно въ теченіе 150 лѣтъ. Изъ ассирійскихъ источниковъ мы узнаемъ, что до этихъ царей были другіе, господствовавшіе въ этихъ мѣстностяхъ, но только эти пять оставили память о себѣ въ Ванскихъ надписяхъ. Въ слѣдующихъ статьяхъ мы поговоримъ объ ихъ предшественникахъ по ассирійскимъ источникамъ. Здѣсь же постараемся въ двухъ словахъ дать приблизительное по-

нітіе о времени царствованія этихъ пяти ванскихъ царей. Мы видѣли, что самымъ воинственнымъ царемъ ванскимъ былъ Аргистисъ, въ надписяхъ котораго встрѣчается нѣсколько разъ имя Ассирін. Въ анналахъ ¹⁾ Саргона, царя ассирійскаго (721—704 до Р. Х.) и въ большой Хорсабадской надписи ²⁾ того же царя упоминается имя Аргистиса. Въ первой изъ нихъ Саргонъ говоритъ: „На 14-мъ году моего царствованія *Муталлу*, владѣтель *Кумуха* (Комагена) склонился на сторону *Аристиса*, царя Урарти“. Саргонъ распространяется далѣе о пораженіи, нанесенномъ имъ Муталлу, но объ Аргистисѣ ни слова, хотя весьма часто говорилъ объ успѣхахъ своихъ надъ его предшественникомъ, *Урзой*. Это объясняется нѣскольکو воинственностью Аргистиса, котораго Саргонъ не въ силахъ былъ наказать. То же самое говоритъ Саргонъ и въ Хорсабадской надписи. Предшественникъ Аргистиса *Урза* умертвилъ себя на 8-мъ году Саргона, а объ *Аристисѣ* упоминается на 14-мъ году его царствованія. Такимъ образомъ, время вступленія на престолъ Аргистиса между 713—707 до Р. Х., такъ какъ Саргонъ царствовалъ приблизительно отъ 721 до 704 года.

Имя сына его Беллидуриса II встрѣчается, по увѣренію г. Ленормана, (*Lettres Assyriologiques 1 série*, p. 155) на одной еще не изданной призмѣ *Assurbani-pal'a* (Сардананалъ III, 667—647).

Такимъ образомъ, эпоху пяти ванскихъ царей слѣдуетъ отнести ко времени между IX — VII вѣками до Р. Х. Болѣе подробныя о нихъ извѣстія мы постараемся дать въ слѣдующихъ главахъ нашего труда.

Имена: *Аристисъ*, *Беллидурисъ* и *Халди*, встрѣчающіяся какъ въ ассирійскихъ, такъ и въ ванскихъ надписяхъ, названіе города *Туспа* (между двумя указателями города), совпадающее какъ нельзя лучше съ древнимъ названіемъ армянскаго на Ванѣ города, *Тоспа*, отчего и Ванское озеро называлось моремъ Тоспа (*Thospisis* у древнихъ), доказываютъ въ нѣкоторой степени правильность дешифровки Ванскихъ надписей. Названіе страны *Туріури* (II надпись, 28 стр. у Шульца) приводитъ нѣсколько въ затрудненіе. Имя извѣстной обширной армянской провинціи *Туруберанъ* имѣетъ этимологическое объясненіе. Оно на языкѣ нынѣшнихъ Армянъ значитъ *устье, входъ*,

¹⁾ *J. Oppert* — *Les inscriptions de Dour-Sarkayan*, Paris, 1870, p. 38.

²⁾ *J. Oppert* et *J. Menant* — *Grande inscription des Palais Khorsabad. Journal Asiat.*, 1863, см. таблиц. 11, стр. 113.

уцелье Тавра. Какъ могло это имя въ VIII—VII вѣкѣ до Р. Х. имѣть не полную, а сокращенную форму (Турупира)? Одно изъ двухъ: или въ надписи говорится о другой мѣстности, или позднѣйшіе Армяне придали древнѣйшему названію области нѣсколько другую форму, имѣющую значеніе на ихъ языкѣ.

Въ виду того, что, безъ сомнѣнія, не разъ будутъ дѣлаемы сравненія словъ языка Ванскихъ надписей со словами настоящаго армянскаго языка, мы считаемъ не лишнимъ обратить вниманіе лингвистовъ на ту сторону дѣла, которой, сколько намъ извѣстно, еще не коснулись изслѣдователи. Извѣстно, что древнѣйшіе образчики армянскаго языка дошли до насъ въ памятникахъ IV—V вѣка по Р. Хр. Такъ какъ образованіе литературнаго языка требуетъ нѣкотораго времени, и такъ какъ вообще языкъ не особенно быстро измѣняется въ своихъ формахъ и флексіяхъ, то вѣроятно, армянскій языкъ имѣлъ ту же лексику и тѣ же формы, или весьма близкія къ нимъ, лѣтъ за 200—300 до перваго дошедшаго до насъ памятника. Мы не сильно ошибемся, если предположимъ въ немъ тотъ языкъ, который былъ въ употребленіи у Армянъ во II—III вѣкѣ по Р. Х., чему въ нѣкоторой степени служатъ доказательствомъ сохранившіеся у Моисея Хорескаго отрывки древнихъ народныхъ пѣсенъ. Вникая глубже въ составъ и формы нарѣчій армянскаго языка настоящаго времени, мы хотя и замѣчаемъ въ нихъ извѣстныя измѣненія, совершившіяся въ теченіе болѣе чѣмъ 1500 лѣтъ, но эти измѣненія и отклоненія отъ формъ древняго языка весьма рачіонально объясняются законами еравнительнаго языковеденія. Съ другой стороны, если мы обратимъ вниманіе на лексическую сторону литературнаго языка, то замѣтимъ, что рядомъ съ общеарійскими словами въ составъ армянскаго языка вошли путемъ заимствованія слова спеціально иранскаго характера въ разныя эпохи развитія иранскихъ языковъ. Мы не говоримъ здѣсь о словахъ, вошедшихъ въ языкъ въ послѣднія десять-двѣнадцать столѣтій. При извѣстной наблюдательности можно почти безошибочно отгадать, въ какую эпоху иранскаго вліянія тѣ или другія слова перешли въ армянскій языкъ и сохранились въ немъ безъ измѣненія, не смотря на тысячелѣтіе, раздѣляющее насъ отъ времени самаго заимствованія. Напримѣръ, слова, перешедшія въ армянскій языкъ при Арсакидахъ и Сассанидахъ, сохранились почти въ тогдашнемъ своемъ видѣ, между тѣмъ какъ въ самой Персіи языкъ уже значительно измѣнился. Слова: *apar* — далекій, *ashakert* — ученикъ, *ashkarak* — очевидный, *bambish* — дама, *geresman* — могила, *djatuk* — знахарь и проч., вошли въ языкъ не позже,

по всей вѣроятности, раньше эпохи Сассанидовъ, потому что въ позднѣйшемъ персидскомъ языкѣ они или измѣнились, или вовсе не встрѣчаются. То же можно сказать о словахъ: *hnar*, *hnaĵ*, *hnaĵak*, *hpart* и проч., которыя, не имѣя объясненія въ армянскомъ языкѣ и не встрѣчаясь въ пехлевійскомъ (кромѣ перваго), очевидно, могли перейти только изъ Мидіи въ эпоху господства тамъ *зендскаго* нарѣчія, въ которомъ эти слова легко объясняются этимологически.

Есть еще другой родъ словъ болѣе древнихъ, общихъ армянскому съ другими иранскими языками, которыя получаютъ смыслъ только при возстановленіи значенія древнихъ, утратившихъ въ языкѣ смыслъ, частичекъ. Таковы: *nshkar*, *nshdeh*, *otar*, *ogut* и проч.

Изслѣдуя составъ армянскаго языка, наука высказалась въ томъ смыслѣ, что онъ, принадлежа къ арійскому семейству, долженъ быть отнесенъ къ иранскимъ нарѣчіямъ. Дѣйствительно, масса иранскихъ словъ, наводнившихъ языкъ, даетъ ему наружность иранскаго характера. Но на такомъ рѣшеніи едва ли можетъ остановиться наука, когда дальнѣйшія наблюденія побуждаютъ изслѣдователя вникнуть въ смыслъ явленій, еще не затронутыхъ.

Вникая глубже въ духъ и составъ армянскаго языка, наблюдатель не можетъ не замѣтить, что большая часть словъ иранскаго характера не ладитъ какъ-то съ остальною частью арійскихъ же словъ и арійскихъ флексій языка. Замѣтно, что подъ этою иранскою оболочкой подкладка арійская же, но другой вѣтви, другаго развитія. Къ сѣверу отъ Армянъ Осетины, къ югу—Курды сохранили гораздо большую близость къ иранскому семейству, чѣмъ Армяне. Признавать всю массу иранскихъ словъ, встрѣчающихся въ армянскомъ языкѣ, заимствованіемъ—нѣсколько преждевременно, хотя и не невозможно. Тѣ же Армяне, въ наше время въ Турціи, особенно въ низшихъ слояхъ населенія городовъ, говорятъ языкомъ, въ которомъ грамматика, то-есть, флексіи, да и то не всѣ, а изъ словъ, можетъ быть, только третья доля принадлежать армянскому языку; все остальное—турецкое. Съ другой стороны, звуки, свойственные изъ всѣхъ иранскихъ языковъ только армянскому и не встрѣчающіеся въ словахъ чисто иранскаго характера, также намекаютъ на эту подкладку. Въ какомъ иранскомъ языкѣ развитіе шипящихъ буквъ доходитъ до такой степени, какъ въ армянскомъ: с, з, ж, ч, дж, тч, ц, дз, тц, п? Объяснять это явленіе топографическимъ положеніемъ страны, значитъ уклоняться отъ объясненія. Осетины живутъ въ болѣе гористой мѣстности

сти, но не имѣють этой массы шипящихъ ¹⁾: Грузины — не Арійцы, однако ихъ имѣють. Очевидно, тутъ произошло сильное смѣшеніе нѣсколькимъ элементовъ, изъ которыхъ одинъ иранскій сохранилъ преобладаніе въ лексикѣ, другой, арійскій особой вѣтви, удержалъ грамматику, а своеобразность звуковъ и фізіономія языка — остатокъ вліянія третьяго, болѣе древняго слоя, недоступнаго пока наблюденію. Нѣчто подобное, хотя и не въ такой степени, мы встрѣчаемъ въ англійскомъ языкѣ, въ которомъ вліяніе болѣе чѣмъ двухъ составныхъ элементовъ чувствуется и до сихъ поръ. Древніе Персы называли себя и родственные имъ народы *Арійцами* почти въ томъ же смыслѣ, въ какомъ мы ихъ называемъ *Иранцами*. При Сассанидахъ, по увѣреніямъ армянскихъ историковъ, цари персидскіе не относили этого имени къ Армянамъ, и сами армянскіе писатели, употребляя это слово, подразумѣвали не себя, а Иранцевъ. Ясно, что я тогда чувствовалась разность происхожденія двухъ расъ. Армяне могли постепенно перенимать слова и выраженія иранскія, но сохранили при этомъ свою фізіономію языка, подобно тому, какъ и нынѣ народъ отличаетъ особымъ именемъ или прозвищемъ инородческое племя, хотя и говорящее порусски.

Говоря о древнемъ армянскомъ языкѣ временъ до VIII—VII столѣтія, слѣдуетъ имѣть въ виду не тотъ языкъ, который въ теченіе послѣднихъ XVI—XVIII вѣковъ называется армянскимъ, а совершенно иной. Такимъ образомъ и въ Ванскихъ надписяхъ нельзя, по нашему мнѣнію, искать того языка, который мы теперь называемъ армянскимъ. И Моисей Хоренскій въ V вѣкѣ сомнѣвался въ томъ, что надписи писаны по армянски; онъ, какъ видно, думалъ, что они были ассирійскія, въ чемъ — мы теперь увѣрены — онъ ошибался. Мы имѣемъ основаніе думать, что Армяне — тотъ народъ, который начерталъ эти надписи, а языкъ ихъ уже не тотъ, какимъ онъ говорилъ въ то время.

¹⁾ При расовыхъ классификаціяхъ необходимо дѣлать различіе между языкомъ и *народностью* известнаго народа. Говоря: «Грузины — не Арійцы», я имѣю въ виду ихъ языкъ. Незнаніе нами древнѣйшей исторіи народовъ, вслѣдствіе рѣшительнаго отсутствія источниковъ, заставляетъ насъ иногда дѣлать выводы поверхностные и односторонніе. Потому въ подобныхъ опредѣленіяхъ мы должны быть крайне осторожны. Финское племя, случайно переплывшее русскій языкъ за нѣсколько вѣковъ, осталось бы финскимъ племенемъ и не могло бы претендовать на тѣ духовныя способности, которыми мы съ такимъ пристрастіемъ одаряемъ цѣлую расу. По одному языку ихъ едва ли мы были бы въ правѣ называть ихъ Арійцами.

До сихъ поръ мы имѣли въ виду въ краткихъ словахъ изложить исторію дешифровки Ванскихъ надписей; въ слѣдующихъ главахъ мы постараемся, сколько можно, опредѣлить значеніе этихъ надписей для исторіи передней Азіи вообще, и для древней исторіи Арменіи — въ особенности.

К. Паткановъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СЛАВЯНСКАЯ ВЗАИМНОСТЬ СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО XVIII ВѢКА ¹⁾

III.

Славянское сознание у Славянъ балтійскихъ и лабскихъ.

1. Славяне балтійскіе.

Балтійскіе Славяне—Бодричи и Лютичи и ближайшіе сосѣди послѣднихъ Поморяне назывались общимъ именемъ цѣлаго племени чаще, чѣмъ другіе западные Славяне. Ихъ-то означаютъ лѣтописцы особенно названіемъ „Славянь“ (Slavi, Sclavi), ихъ земли „Славянскими“ (Slavania, Sclavonia), ихъ языкъ „славянскимъ“. Такъ называли себя и сами Славяне. Ихъ князья, хотя позже онѣмеченные, Мекленбургскіе, Ранскіе (Рюгенскіе) и Поморскіе, обыкновенно называютъ себя князьями „Славянскими“ (dux Slavorum), свои земли „Славянскими“ (Slavia), своихъ подданныхъ „Славянами“ (Slavi, Slavi postri), ихъ языкъ „славянскимъ“, совокупность разныхъ земскихъ повинностей „повинностями нашего народа Славянскаго“, старое домашнее право „славянскимъ“ (jus Slavicum),—все это въ противоположность сожителямъ Славянъ, Нѣмцамъ (Theutonici), ихъ языку и праву ²⁾.

Самъ народъ Славянскій въ земляхъ Балтійскихъ хотя все больше и больше исчезалъ, передѣлываясь въ Нѣмцевъ, всегда зналъ о своемъ „славянскомъ“ происхожденіи. Еще въ концѣ XVII столѣтія един-

¹⁾ *Продолженіе. См. Журналъ Мин. Народн. Просв. ноябрь и декабрь 1873 года.*

²⁾ Доказательствъ не станемъ здѣсь приводить; множество ихъ найдется въ разныхъ актахъ и грамотахъ Балтійскихъ земель. Въ нихъ встрѣчаются, напримеръ, такіа выраженія: quod slavice dicitur, воеводница, бископовница, мотила, тригорки, подача и пр.

ственные остатки балтійскихъ Славянъ, сохранившіеся за Лабой въ Люнебургской степи, потомки Водричскихъ Древлянъ, называли свой языкъ „славянскою рѣчью“ (сливенстя риць); о происхожденіи этой „Славянской рѣчи“ Люнебургскихъ Древлянъ отъ общаго славянскаго языка и о родствѣ ея съ другими славянскими языками, особенно съ лужицко-сербскимъ, чешскимъ и польскимъ, хорошо зналъ ихъ священникъ Геннипгъ (1691 г.). Съ другой стороны, самая восточная отрасль этихъ Балтійскихъ Славянъ, единственные остатки древнихъ Поморянъ, Кошубы, тоже сохранили свое народное имя до сихъ поръ: называютъ себя „Словинцами“, свой языкъ „словинскимъ“¹⁾.

2. Лужицкіе Сербы. Френцель и Тицинь.

Дольше, чѣмъ Балтійскіе Славяне, сохранили свою народность Лабскіе Сербы, хотя и они уступили уже большую часть своей территоріи Нѣмцамъ, уцѣлѣвъ только въ малой части Лужицъ. И Сербы (Венды) всегда считались Славянами, ихъ языкъ признавался за славянской у Нѣмцевъ, Чеховъ, Поляковъ а равно и ими самими.

Славянское сознание является и въ маленькой сербской литературѣ, которая возникла не раньше нѣмецкой реформаціи. Сербскіе священники, желая дѣйствовать на простой народъ, единственное сословіе говорящее еще языкомъ отцовъ, могли это дѣлать не иначе, какъ посредствомъ сербскаго языка. Но такъ какъ этотъ языкъ не былъ до тѣхъ поръ литературно обработанъ, то сербскіе писатели не разъ были вынуждены обращаться къ родственнымъ языкамъ, особенно къ чешскому. Такъ, уже первый переводчикъ Новаго Завѣта (рукописно) на сербскій (верхнелужицкій) языкъ, Ник. Якубица (1548 г.) воспользовался чешскимъ переводомъ, примѣшавъ въ свой переводъ много чешскихъ словъ.

Значеніе славянскихъ языковъ, особенно чешскаго и польскаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ и живое славянское сознание является особенно у сербскаго священника Михаила Френцеля (Бранцеля) 1628—1706.

¹⁾ О Древлянахъ, Словинцахъ см. *Добровскаго Slowanka I., Гильбердиня Памятники Западныхъ Древлянъ и Глинянъ и Остатки Славянъ на южномъ берегу Балтійскаго моря.* Замѣтимъ, что на Русь знали и другое названіе Балтійскаго приморья. Волынской лѣтописецъ (Ипат. лѣт.) рассказываетъ о Лукеріи, женѣ Польскаго короля Премыслава († 1296), что она была «рода князей сербскихъ, съ Кошубъ, отъ поморія Варяжскаго, отъ Старога града за Кгданскомъ» (II. С. Р. Л. II, 227). Названіе «Сербы» древнѣе названія «Славяне» (*Шафарика Слав. Древности* §§ 7, 9).

Занимаясь переводомъ разныхъ богослужебныхъ и священныхъ книгъ на сербскій языкъ, онъ пользовался и Библией на чешскомъ и польскомъ языкахъ, „какъ сестрами нашей рѣчи“. По примѣру чешскаго правописанія, онъ немножко поправилъ и правописаніе сербскаго языка. О распространенности „сербскаго“, то-есть, славянскаго языка, въ Чехіи, Польшѣ, Руси и другихъ странахъ хорошо зналъ Френцель. По его словамъ, даже и „въ Китайскомъ царствѣ говорится по сербски“. Славянское сознаніе Френцеля является особенно въ привѣтѣ къ царю Русскому Петру. Когда Петръ ѣхалъ (1697 г.) черезъ Лужицу, то Френцель вручилъ ему три издавныя имъ книги (сербскіе переводы Евангелій св. Марка и Матѳіа 1670 г., посланій св. Павла къ Галатамъ и Римлянамъ, 1693 г., и одну проповѣдь 1688 г.), съ замѣчательной запиской на латинскомъ и сербскомъ языкахъ. Привѣтствуя съ восторгомъ „наивысшійшаго и наисильнѣйшаго царя, непобѣдимаго императора и великаго князя, наимилостивѣйшаго господина царя Казанскаго и Астраханскаго, преогучаго князи очень многихъ странъ“, Френцель продолжаетъ: „Намъ извѣстно изъ книгъ историческихъ, что Чехъ, Лѣхъ и Русъ, три брата происхожденіемъ изъ Иллиріи или Славоніи, около 500 г. по Р. Х. съ большимъ и безчисленнымъ войскомъ прибыли въ страны Сарматскія, въ то время пустыя, не воздѣланныя и не населенныя, и что они здѣсь основали три царства—Чешское, Польское и Русское. Чехъ съ своими сожителями занялъ Чехію вмѣстѣ съ обѣими Лужицами, Лѣхъ—Польскую землю при Вислѣ, жители которой сегодня называются, по плодороднымъ и равнымъ полямъ, Поляками, Русъ—около Москвы. Русская или Московская земля есть великое и обширное царство, такъ что великій царь могущественно господствуетъ отъ границъ Литовскихъ и отъ моря Каспійскаго до самаго Ледовитаго океана и до границъ царства Татарскаго, теперь побѣдоносно, далеко и широко даже и въ Татаріи. Въ самой Руси или Москвѣ царь почитается какъ какой-нибудь земной богъ. Русскіе считаютъ долгомъ слушаться его не иначе, какъ безсмертнаго бога; Русскіе вѣрятъ, что онъ все знаетъ, все можетъ, вѣрятъ, что отъ него простирается ихъ спасеніе, ихъ богатства, ихъ здоровье. Воли и слова князя—наивысшій законъ. Намъ также извѣстно черезъ историковъ, что ваше царское величество со всѣми своими подданными принадлежите къ греческой религіи, именно съ 989 года. Ибо въ томъ десятомъ вѣкѣ Владиміръ, ставъ самодержцемъ Русскимъ, женился на Аннѣ, дочери Царьградскаго императора Василя, и ввелъ христіанскую религію греческой вѣры и обрядовъ на Руси, или въ

Москвѣ. Въ этомъ обширномъ царствѣ нѣтъ никакихъ сектъ религіозныхъ; всѣ думаютъ, вѣруютъ, исповѣдуютъ одно и то же; у нихъ совершенное единогласіе въ религіи. Право, царь есть цесарь и сильпѣйшій и непобѣдимѣйшій князь, у котораго есть безчисленная пѣхота и дворянство, огромное количество конницы, такъ что онъ 150,000 всадниковъ легко можетъ понести на войну. „Ваше царское и императорское величество почитаю и уважаю я, вепдскій или сербскій проповѣдникъ и теологъ въ Лужицѣ этого курфирства Саксонскаго, и такъ какъ Русскіе или Москвитяне говорятъ на нашемъ языкѣ сербскомъ или славянскомъ, то-есть, славномъ, представляю съ наибольшею покорностью наимилостивѣйшему и наиласковѣйшему нашему царю мною, въ пользу Сербскаго народа, переведенныя и изданныя вепдскія или сербскія священныя книги, наипокорнѣйше прося и желая, чтобъ они принесены были въ вану Русь или Москву, такъ чтобъ и Москвитяне изъ этихъ моихъ книгъ научились и узнали процвѣтающую въ курфирствѣ Саксонскомъ правотѣрную и апостольско-лютерскую религію. Да здравствуетъ, да здравствуетъ царь и цесарь непобѣдимый и премогуцій“¹⁾!

И сыновья Михаила Френцеля, Авраамъ и Михайлъ, занимались славянскими языками. Авраамъ въ сочиненіи: *De originibus linguae Sorabicae* (1693—1696 гг.) сравниваетъ языкъ сербскій съ чешскимъ и съ польскимъ, замѣчая, что сербскій языкъ справедливо можетъ брать утраченные слова изъ родственнаго славянскаго, польскаго и чешскаго. Въ началѣ этого сочиненія находятся, по обычаю того времени, стихотворенія разныхъ поэтовъ въ похвалу автора и Славянъ. Такъ, одинъ пишетъ, что „еслибы счастье Славянъ равнялось ихъ добродѣтели, то спѣтъ, тренеца, кланялся бы славянскимъ скипетрамъ“²⁾. Другой поэтъ говоритъ, что слава Френцеля распространится во всемъ славянствѣ и пр. Братъ Авраама, Михайлъ, занимался славянскою мифологіей (*De idolis Slavorum*, 1691 г.).

Сербскіе филологи обращали вообще на польскій и чешскій языкъ особенное вниманіе. Такъ, іезуитъ Тицинь въ грамматикѣ сербскаго

¹⁾ О Френцелѣ и его сочиненіяхъ см. особенно статью *К. Емча* въ *Часописъ Матицы Сербской* (1871). Приветъ Френцеля на латинскомъ и сербскомъ языкахъ (съ нѣмецкимъ переводомъ) напечатали *Knauth: Derer Oberlausitzer Sorbenwenden umständliche Kirchengeschichte* (Görlitz 1767, p. 427), и *Дубровскій* въ журналѣ *Денница* (Варшава, 1842, стр. 104).

²⁾ Si par virtuti Slavis fortuna fuisset,
Orbis adoraret Slavica sceptrā tremens.

языка (*Principia linguae wendicae quam antiqui wandalicam vocant, Pragaе 1679*) принялъ чешское правописание, и указывая на сходство сербскаго языка съ чешскимъ въ склоненіяхъ, спряженіяхъ и проч., говоритъ, что „наша рѣчь есть сестра чешской, происходя отъ той же самой матери Славянской, и поэтому справедливо, чтобъ она употребляла тѣ же самыя знаки“. Это его мнѣніе, замѣчаетъ Тицинь, раздѣляютъ и другіе Сербы.

IV.

Славянское сознаніе у Югославянъ.

1. Югославяне по преимуществу народъ «Словѣнскій, Словинскій». — Югославянская историческая литература.—Дѣтописок.—Черва, Вранчичъ, Орбини и др.

Славяне южные, занявшіе земли отъ Альпъ и Адриатическаго моря на востокъ до Чернаго, отъ Дуная на югъ къ Эгейскому морю, сохранили это свое племенное названіе больше и дольше, чѣмъ остальные ихъ братья. Славянами, Словѣнами они сами называли себя, и также называли ихъ и иностранцы. Враничевцы, Дреговичи, Берзяки, Вагенеты, Езерцы и многія другія племена въ царствахъ Болгарскомъ и Византійскомъ были „Словѣне“, говорили на „словѣнскомъ“ языкѣ, равно какъ и македонскіе „Словѣне“ *μακεδονικη σλαβονικη*; на ихъ языкъ переведены первоначально нѣкоторыя богослужебныя книги Солуняниномъ Константиномъ, для ихъ языка изобрѣлъ онъ особое письмо. Этотъ славянскій, или вѣрнѣе, „словѣнскій“ языкъ сдѣлался и богослужебнымъ языкомъ сначала почти у всѣхъ Славянъ и сохранился и въ послѣдствіи у большей ихъ части до сихъ поръ, хотя и испыталъ, подъ вліяніемъ разныхъ нарѣчій, разныя измѣненія. Но на славянскомъ языкѣ говорили не только Болгарскіе Славяне, а такъ называли и называютъ свой языкъ и Альпійскіе Славяне, Словенцы, сохранившіе до сихъ поръ свой „словенскій“ языкъ. Славянскимъ, „словенскимъ, словѣнскимъ или словинскимъ“ признавали свой языкъ и всѣ остальные Югославяне, Хорваты и Сербы, особенно поселенные по Адриатическому морю, начиная отъ Истріи до Скадра. Словѣнскій или словинскій языкъ раздавался не только въ ихъ богослуженіи подлѣ латинскаго, но и въ устахъ народа въ Истріи, Хорватіи („Славоніи“), Далмаціи, Босніи, Холмѣ, Зетѣ, Сербіи и прочихъ владѣніяхъ „Славянскихъ“ князей. Словинскій или словенскій языкъ, писанный латиницей или обимъ словѣнскимъ письмомъ, такъ-называемымъ глагольскимъ и грекославянскимъ, употребляется и въ югославянской лите-

ратурѣ: на немъ пишутъ и „словинскіе“ поэты далматско-дубровницкіе.

Итакъ, мы видимъ, что южные Славяне, не смотря на свои различныя названія Хоруталъ, Хорватовъ, Сербовъ и Болгаръ, продолжаютъ называть себя древнимъ названіемъ всего племени. Такимъ образомъ, они уже самымъ своимъ часто употребляемымъ названіемъ показываютъ свое происхожденіе, свою связь съ остальными одноплемениками на сѣверѣ. Названія „Славяне“ и „славянскій языкъ“ означали у нихъ въ обширномъ смыслѣ всѣхъ Славянъ, въ тѣсномъ же смыслѣ только ихъ самихъ, южныхъ Славянъ. Такъ понимали дѣло часто и другіе Славяне, особенно Чехи и Поляки. Послѣдніе, производя себя отъ „Славянъ“ или „Словаковъ“, разумѣютъ тѣмъ Славянъ хорватско-далматскихъ, именно сѣверную ихъ половину, которая съ древнѣйшихъ временъ называлась „Славянами“, землей „Славянскою“ (Sla-vo-nia).

Югославянскіе лѣтописцы и историки, слѣдя за началомъ своего народа, знали, что ихъ предки вышли изъ сѣверныхъ странъ, — изъ Польши и Чехіи, что они при царѣ Анастасіѣ или Константинѣ перешли черезъ Дунай у Бѣдыня (Видина) и заняли землю Охридскую и Болгарскую, и что Болгаре назывались по рѣкѣ Волгѣ, откуда вышли; они же, и Сербы, и Влахи, и прочіе „все едино суть“. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, зная изъ другихъ источниковъ, что въ Далмаціи и вообще на югѣ были когда-то и Готы, смѣшали ихъ съ Славянами и стали утверждать, что Готы и Славяне одинъ и тотъ же народъ. Эта „готеомація“ началась у Югославянъ довольно рано. Уже во второй половинѣ XII вѣка въ Діоклеѣ считали Готевъ Славянами и такъ было до самаго XVIII столѣтія. Нѣкоторые югославянскіе историки объясняли даже мадьярское названіе Славянъ „Тотъ“ отъ „Готъ“. Изъ прибрежной Хорватіи и Далмаціи перешла эта теорія и дальше въ Сербію, и уже въ началѣ XIII столѣтія считали здѣсь Болгаръ людьми „отъ племени Гоѣи, нарекомаго бльгорскаго“. Подобно тому сербскіе лѣтописцы считали древнихъ Даковъ—Сербами ¹⁾.

¹⁾ Presbyt. Diocl. (ed. Lucius) и хроника Хорватская (Arkir, I), Thom. Spral. (с. VII), болгарскій переводъ хроники Константина Манассія XIV столѣтія (сравн. Časopis Česk. Mus. 1837, 364, А. Поповъ: Обзоръ русск. хронографовъ I, 155.) Житіе св. Симеона соч. Стеана Первовѣч. (гл. XVII); изъ позднѣйшихъ Туберо, Орбини, Тропошскій лѣтописецъ, и др. Сербами считаетъ Даковъ сербскій переводчикъ хронографа Зонары (Поповъ: Обзоръ, II 12).

Дѣятельность славянскихъ апостоловъ Константина и Меодія у западныхъ Славянъ извѣстна была и Югославянамъ по ихъ жизнеописаніямъ, обширнымъ легендамъ или краткимъ прологамъ, похвальнымъ словамъ и службамъ, которыя читались и у Болгаръ, и у Сербовъ, и у Хорватовъ. Сѣверославянскіе князья даже и перепутались въ памяти позднѣйшихъ Югославянъ: такъ, Моравскій Святополкъ сдѣланъ Хорватскимъ княземъ, Блатенскій или Паннонскій Коцель „княземъ Лѣшскимъ“. Отголосокъ этихъ древнихъ преданій сохранили и разныя лѣтописи болгарскія, сербскія и хорватскія; въ нихъ записано, что „словѣнскій языкъ Морава“ крещенъ св. Константиномъ и Меодиѣмъ, и что философъ „Костацъ“ установилъ даже „книгу“ хорватскую. У Хорватовъ св. Константинъ уступилъ позже св. Іерониму, которому съ XIII вѣка стали приписывать изобрѣтеніе славянскаго письма и переводъ Священнаго Писанія. Это мнѣніе распространилось и у западныхъ Славянъ,—у Чеховъ и у Поляковъ.

Турецкое порабощеніе прекратило у Югославянъ почти всю литературную дѣятельность, зачатки которой стали такъ успѣшно развиваться. Подъ игомъ варваровъ не возможна была какая бы то ни было высшая умственная жизнь. При безпрестанномъ стукѣ оружія, въ дунайскихъ земляхъ нечего было и думать о какой-нибудь литературѣ. Вся литературная дѣятельность порабощенныхъ Турками Югославянъ, Болгаръ, Сербовъ и отчасти и Хорватовъ, заключалась лишь въ богословскихъ и скудныхъ лѣтописныхъ сочиненіяхъ. Остальные Югославяне или напрягали всѣ свои силы въ безконечной борьбѣ съ врагомъ всей европейской цивилизаціи (Хорваты, Черногорцы), или давно подпавъ подъ власть чужаго элемента, только прозябали (Словенцы): стало быть, и у обѣихъ этихъ отраслей югославянскихъ не было благодарной почвы для высшей духовной жизни.

Главнымъ, да можно сказать, и единственнымъ, убѣжищемъ литературной и вообще умственной дѣятельности Югославянъ осталось Далматское приморье. Здѣсь, въ сосѣдствѣ и подъ вліяніемъ Италіи и ея далматскихъ колоній продолжалась и развивалась литературная дѣятельность по образцу другихъ европейскихъ народовъ. Правда, славянскій элементъ здѣсь не былъ господствующимъ, пахотаясь подъ властью чужаго, латинско-италіанскаго элемента. Но, не смотря на то, въ прибрежной Далмаціи, особенно въ Дубровникѣ, стали процвѣтать и научная, и изящная литература въ смыслѣ и духѣ славянскомъ, хотя часто облеченная чужимъ покровомъ, латинскимъ или италіанскимъ.

Историки далматско-славянскіе, возвысившись надъ господствующей до тѣхъ поръ лѣтописною манерой, стали обработывать глубже и болѣе научнымъ образомъ исторію своего народа. Этотъ ихъ народъ „словинскій“, или какъ его по латински называли— „илирскій“, представился имъ частью великаго племени славянскаго, распространеннаго въ Европѣ и въ Азіи.

Дубровничанинъ Туберо-Черва (Цривичъ), описывая событія своего времени (1490—1522 гг.), особенно югославянскія, угорскія, итальянскія, также и польскія, помѣщаетъ въ своихъ памятникахъ ¹⁾ и разсужденія о разныхъ народахъ славянскихъ. Онъ знаетъ, что въ земляхъ Угорской короны живутъ разные народы славянскіе, а именно Словаки, которыхъ Мадьяры называютъ Тоты, то-есть, Готы (Готы); у нихъ языкъ общій съ Илирами, которые живутъ отъ Адриатическаго моря до Дравы и называются Хорваты, Славоны и Рацы (Сербы). Этихъ южныхъ Славянъ отдѣляютъ отъ сѣверныхъ, именно отъ Словаковъ, Мадьяры—Гунны. Послѣднихъ ненавидятъ Чехи и Поляки, какъ вторгнувшихся приплецовъ, и считаютъ всѣ лежація между ними и Далматами земли безправно у нихъ отнятыми, полагая, что они происходятъ отъ Далматовъ, и когда-то занимали вплоть всѣ эти страны и что ихъ не раздѣляло никакое чужое племя. Такъ думаютъ они, вѣроятно, по сходству языка, ибо извѣстно, что у Чеховъ, Поляковъ и Далматовъ одинъ и тотъ же языкъ. Но другіе, по поводу такого же сходства въ языкѣ, думаютъ, что дѣло наоборотъ. Ибо судя по звуку русскаго языка (*Rhaxolanae linguas*) считаютъ Русскихъ (*Rhaxinos*), жителей европейской Сарматіи предками, Славянскаго племени, и Славянъ (то-есть, южныхъ), Чеховъ и Поляковъ ихъ потомками. Считаютъ невѣроятнымъ, чтобы какой-нибудь народъ Славянскаго (Илирскаго) племени когда-нибудь проникалъ въ земли Русскихъ, осужденныя на непогоду и постоянный холодъ, а скорѣе, что Русскіе сами, по поводу своего размноженія, замѣнили свои невыгодныя жилища болѣе умѣренными климатомъ. Итакъ, нѣкоторые отпавились на западъ, перешли черезъ рѣку Вислу, дошли до Лабы и основали государства Чешское и Польское. Нѣкоторые спустились на югъ, и прогнавъ Даковъ, завладѣли не только задунайскими странами, которыя у нихъ позже отняли Угры, но и всею Илиріей, давъ

¹⁾ *Commentariorum de rebus, quae temporibus ejus in illa Europae parte, quam Pannonii et Turcae eorumque finitimi incolunt, gestae sunt, libri undecim* (изд. 1603 г.). Славянъ Черва называетъ обыкновенно *Slouini, Sloueni, изрѣдка Slaveni, Sclaveni*.

этой странѣ свое названіе ¹⁾. Съ другой стороны Русскіе распространили свою власть и за рѣку Волгу (Rha) и здѣсь занимаютъ большое государство и обширнѣйшую столицу Москву. Славяне (то-есть, южные), потомки Русскихъ (Rhaхanogum ac Gothogum), напали около 600 года по Р. Х. на Иллирію, и какъ это бываетъ, принудили побѣжденных, вмѣстѣ съ игомъ, принять и ихъ языкъ. Итакъ, значительная ихъ часть приняла названіе Славянъ; это показываетъ и самъ языкъ, который теперь Иллиры употребляютъ, и который почти ни въ чемъ не разнится отъ русскаго, развѣ что Далматы, живя подъ болѣе умѣреннымъ небомъ, произносятъ слова мягче, сохраняя нѣкоторые слѣды латинскаго языка и нравовъ. Съ другой стороны, вмѣстѣ съ „Рассіанами“ вышли отъ Волги рѣки (Rha) и ихъ родственники Болгаре и заняли Мизію.

Далѣе въ своемъ сочиненіи Туберо еще нѣсколько разъ затрогиваетъ вопросъ о родствѣ всѣхъ Славянъ. Такъ, онъ разказываетъ, что Чехи, отказавшись отъ иностранца Матвѣя Угорскаго, выбрали себѣ королемъ Польскаго Владислава, какъ своего соплеменника, одного и того же языка. Упомянувъ о страшныхъ успѣхахъ Турокъ въ Европѣ, онъ обращаетъ вниманіе на то, что они покорили уже большую часть Югославянъ, праотцевъ Чеховъ и Поляковъ. Описывая войну между Польшею и Москвою, онъ замѣчаетъ, что вообще больше всего отдѣляетъ людей различіе въ религіи, и что по этому поводу Москвитяне стремятся къ присоединенію единовѣрныхъ Русскихъ земель, которыя находятся подъ властью Поляковъ, и проч.

Теорію о происхожденіи всѣхъ южныхъ и западныхъ Славянъ изъ сѣверныхъ, Русскихъ земель еще яснѣе представилъ другой Югославянинъ, ученый Хорватъ изъ Шибепика, Фаустъ Врапчичъ, высказавъ вообще вкратцѣ—подобно Поляку Григорію изъ Сапока—нѣкоторыя мнѣнія, до которыхъ дошла критика только нашего времени.

---

¹⁾ Колыбелью возобновленной Стефаномъ Неманей (1159—1195) Сербіи была жупа Раса, нынѣ Новый Пазаръ (между Черною Горой и княж. Сербскимъ), въ латинскихъ памятникахъ *Rassia*, *Rascia*, *Raxia*. По этой дѣдинѣ и отцилъ своей назывались первые государи сербскіе королями «всѣхъ Расскихъ земель»; такъ назывались они и у своихъ сосѣдей, Югославянъ, Итальянцевъ и Угровъ (rex *Rassiac*, *Rasciac*, *Raxiac*), и самъ народъ сербскій (*Rassiani*, *Rasciani*, *Raxiani*); Мадьяры до сихъ поръ называютъ Сербовъ Рацами (*Ráczi*), и король Угорскій титулуется королемъ Расскимъ или Сербскимъ (Сравни. *Časop. Česk. Mus.* 1868, 336). Сходство названій «*Rassia*, *Raxiani* etc.» и «*Russia*, *Rossia*, *Roxolani*» завела Черву къ его заключеніямъ. То же самое видимъ и у Мартина Гьдельскаго.

„На сколько извѣстно, нѣтъ бѣльшаго народа на свѣтѣ“, пишетъ Вранчичъ, „какъ нашъ Славянскій: ибо онъ занимаетъ значительную часть Европы и Азии, какъ пишутъ древніе космографы, и какъ мы видимъ теперь. Эту страну, которую мы теперь называемъ Русью или Москвою, называли древніе Латинны и Греки азіяскою Сарматіей; другую же, которую мы теперь называемъ Польшею, — европейскою Сарматіей. Изъ Руси или Москвы, болѣе тысячи лѣтъ тому назадъ, вышелъ одинъ народъ, и перешедъ черезъ Дунай, отнялъ у Грековъ Оракію, которую владѣетъ до сихъ поръ. Этотъ народъ называется Болгарами, потому что они вышли отъ рѣки Волги. Изъ Польской земли тоже вышли три большіе народа. Первое поколѣніе—Валдалы, съ сѣвернаго приморья Нѣмецкой земли прогнанные Готами, пошли въ Галлію и потомъ въ Испанію, а оттуда въ самую Африку, во время св. Августина. На ихъ мѣсто пришли Славяне и сдѣлали много вреда Нѣмцамъ и завладѣли этимъ приморьемъ до самой Даніи. Поэтому та земля до днесь называется Поморье. Наконецъ, покоренные императорами Римскими, Карломъ Великимъ и тремя Оттонами, приняли христіанскую вѣру, языкъ и правъ нѣмецкій и считаются больше Нѣмцами. Второй народъ славянскій занялъ ту землю, которая именуется теперь Чешскою, Лужицкою, Силезскою и Моравскою. Онъ, находясь въ Нѣмецкой землѣ, сохранилъ свой собственный языкъ славянскій, ибо Нѣмецкая земля, какъ пишутъ старыя космографы, доходила до самой рѣки Вислы, которая течетъ подъ городомъ Краковомъ, столицей короля Польскаго. Третій народъ, вышелъ изъ Польской земли черезъ горы Карпатскія, занялъ Паннонію; потомъ, перешедъ нѣсколько разъ рѣки Дунай, Драву и Саву до самаго южнаго моря, нанесъ много вреда и позора Римской имперіи, опустошая и поработывая Македонію, Далмацію и остальныя тѣ страны. Наконецъ онъ занялъ всю Далмацію и нынче ее населяетъ отъ Истріи до Македоніи и отъ моря до рѣки Дравы. Это началось во времена папы св. Григорія, какъ пишетъ онъ самъ и другіе писатели. Итакъ, уже съ тысячу лѣтъ Славяне владѣютъ этою землей и сохраняютъ свой языкъ, который гораздо чище, чѣмъ теперешній польскій или московскій, какъ о томъ можетъ судить всякій, кто понимаетъ тѣ языки, если только не пристрастенъ къ своему собственному. Языкъ далматскій, хорватскій, сербскій или босепскій (ибо все это одинъ языкъ) имѣетъ рѣчи или слова длинныя, которыя очень гибки и легко выговариваются. Древній языкъ далматскій совсѣмъ истребили, какъ сдѣлали Римляне въ Галліи и въ Испаніи, такъ что теперь нѣтъ челоуѣка,

который могъ бы разказать, какъ говорилось передъ тѣмъ въ Далмаціи, Галліи и въ Испаніи“¹⁾).

Замѣчательно, что сѣверные Славяне ищутъ свое начало у южныхъ, Югославяне же—у сѣверныхъ. Чехи, Поляки и Лужицкіе Сербы утверждаютъ и даже упорно отстаиваютъ свое происхожденіе изъ югославянской Хорватіи, отъ „Славянь, Словаковъ“, отъ славянскихъ князей Чеха и Лѣха, владѣвшихъ около города Псаровъ. Русскіе ищутъ, что ихъ предки Поляне, Древяне, Дреговичи, Словѣне и др. и вообще вся „Русь“ вышли отъ Дуная, гдѣ есть нынѣ земля Угорская и Болгарская. Съ другой же стороны, южные Славяне уже съ XII столѣтія производятъ свой народъ изъ сѣверныхъ земель, гдѣ нынѣ Чехія и Польша и обширная земля Русская, орошаемая Волгой. Интересное явленіе, свидѣтельствующее о всегда живомъ сознаніи родства и общаго національнаго единства у всѣхъ Славянь на Лабѣ, Вислѣ, Днѣпрѣ, Волгѣ и Дунаѣ.

Сознаніе родства съ остальными Славянами привело и одного югославянскаго историка къ попыткѣ написать исторію всего славянства. Въ то самое время, когда на сѣверѣ Полякъ Шапроцкій много лѣтъ сряду и съ большимъ трудомъ собиралъ матеріалы для генеалогіи „славянскихъ“ родовъ,—на югѣ, въ Дубровникѣ, Мавро Орбини думалъ о составленіи общеславянской исторіи и исполнилъ свой планъ, на сколько позволяли средства его времени, въ своей замѣчательной книгѣ, о „Славянскомъ государствѣ“, въ которой онъ, хотя на чужомъ, не славянскомъ языкѣ, говоритъ о началѣ всѣхъ родовъ славянскаго языка, о ихъ славѣ и ихъ успѣхахъ²⁾. Нечего упрекать автора въ томъ, что онъ видитъ Славянъ почти во всѣхъ племенахъ древней восточной Европы—въ Вандалахъ, Готгахъ, Ге-

¹⁾ Предисловіе къ «далматской» части семязычнаго словаря Чеха Лодерера, изд. въ Прагѣ въ 1605 году. Предисловіе писано въ Прагѣ въ день очищенія Богородицы въ 1065 году. Вранчичъ пишетъ вездѣ «Словиньцы», «Словинскій».—О знаменитомъ Герберштейнѣ умалчиваемъ, такъ какъ онъ происхожденіемъ не Славянинъ.

²⁾ Il regno degli Slavi, hoggi corrottamente detti Schiavoni historia. Nella quale si vede l'origine quasi di tutti i popoli, che furono della lingua slava, con molte e varie guerre, che fecero in Europa, Asia e Africa; il progresso del imperio loro, l'antico culto, e il tempo della loro conversione al christianesimo. E in particolare veggonsi e successi de'Rè che anticamente dominarono in Dalmatia, Croatia, Bosna, Servia, Russia e Bulgaria (Pesaro, 1601), книга очень рѣдкая. Она переведена 1722 года на русскій языкъ (см. ниже). Мартинъ Роса (Ружичъ) сократилъ ее латинскими стихами (Madrid, 1638).

тахъ, Алапахъ, Аварахъ, Илирахъ и др. То же самое утверждаютъ его соотечественники еще два столѣтія спустя.

Орбини жалуется, что слава народа Славянскаго между современными писателями не такъ извѣстна, какъ должна быть, что его славные подвиги покрыты густымъ туманомъ и погружены въ вѣчную ночь забвенія. Но нечего удивляться: этотъ народъ изобиловалъ знаменитыми воинами, но у него не доставало ученыхъ писателей, которые прославляли бы безсмертіе Славянскаго племени. Другіе, гораздо менѣе значительные, народы чѣмъ Славяне, извѣстны нынче только потому, что ихъ прославили ихъ ученые; таковы Евреи, Греки и другіе. Славянскому народу это не удалось; иностранные писатели касаются его только мимоходомъ. А между тѣмъ подвиги Славянъ равняются подвигамъ всѣхъ народовъ міра: они прославились въ Азіи и въ Африкѣ, и въ борьбѣ съ Александромъ Великимъ; они покорили Македонію, Грецію и Илирію, заняли Мораву, Силезію, Чехію, Польшу и Балтійское приморье, проникали въ Италію, Францію, Испанію и проч. Поэтому Орбини, изъ любви „къ своему народу Славянскому“ взялся за это дѣло, чтобы показать начало и успѣхъ ихъ государства, и какъ были они всегда знамениты и славны. Свой трудъ издаетъ онъ для прославленія всего народа Славянскаго, въ воспоминаніе и свидѣтельство величія и могущества ихъ предковъ. Встрѣчающіеся недостатки и ошибки пусть извинятся первому опыту по этому предмету; можетъ-быть, со временемъ пайдется другой писатель, который на основаніи этого труда напишетъ что-нибудь лучшее.

Орбини воспользовался почти всею тогда извѣстною и ему доступною историческою литературою у Славянъ и у другихъ народовъ. Изъ славянскихъ историковъ онъ знаетъ русскія лѣтописи, Калимаха, Кромера, Варшевицкаго, Гайка, Дубравскаго, Гельмольда и друг. На основаніи этихъ разныхъ источниковъ, разказываетъ онъ о распространеніи Славянъ, то-есть, Славныхъ, на западъ и на югъ, о выходѣ Чеха и Лѣха изъ южной Хорватіи на сѣверъ, о войнахъ Сама съ Аварами и Франками, о Моравскомъ Святополкѣ, о дѣятельности св. Кирилла и Меодія и о изобрѣтеніи славянскаго письма—одного св. Іеронимомъ, другаго—св. Кирилломъ, о древней чешской и польской исторіи, о Славянахъ Балтійскихъ, которыхъ погубилъ раздоръ, о Русскихъ, объ Илирахъ, которые получили отъ Александра Великаго жалованную грамоту, и о другихъ народахъ, которыхъ онъ считаетъ Славянами и проч. ¹⁾ Вторая, бѣльшая половина книги посвя-

¹⁾ Древнихъ Илировъ считали Югославяне еще недавно своими предками. Во-

иена исторіи Югославянъ, Далмаціи, Хорватіи, Босны, Сербіи и Болгаріи. Въ книгѣ находятся двѣ картины, изображающія „Славянина отъ моря Нѣмецкаго“ и „Славянина Иллирскаго“.

Все это собрано здѣсь запутаннымъ, некритическимъ образомъ и лишено теперь всякой научной цѣны. Но для насъ не важенъ способъ, какимъ авторъ исполнилъ свою задачу, и который не хуже, чѣмъ методъ всѣхъ почти писателей того времени, а интересна одна только мысль его записать славу *всего* великаго Славянскаго народа.

Славянское сознание является и у преемниковъ Орбини, у извѣстнаго далматскаго историка Луцича и Дубровничалина Градича ¹⁾, который написалъ для кардинала Распони особую статью „О народахъ славянскаго языка“, то-есть, о южныхъ и русскихъ (1670), Хорвата Витезовича (1696), у историковъ, писавшихъ о Словенцахъ, Мечизера (1612), Вальвазора (1689) и другихъ.

Изъ Далмаціи и Хорватіи долетали отголоски разныхъ теорій о происхожденіи Славянъ и въ запущенные монастыри сербскіе; и здѣсь въ Дечанахъ, Печи и Трношѣ монахи тоже записываютъ, что „мы ради славныхъ дѣлъ ратныхъ наречены есмы праведно Славяни“, и что „отъ Сармаціи имети нынѣ Русейскія державы мы вси языци всякій въ свое время изидохомъ“, Лѣхи и Чехи, Сербы и Болгаре, и проч. ²⁾.

2. Славянское сознание у югославянскихъ лингвистовъ, переводчиковъ Библии и проч. — Константинъ Костенскій, Труберъ, Далматинъ, Истрианинъ Вохоринъ:

Чувство родства и единства всѣхъ Славянъ слышится также и въ трудахъ югославянскихъ филологовъ и вообще изучавшихъ различныя нарѣчія южныхъ Славянъ.

Такъ какъ у Югославянъ „словѣнскій“ языкъ сдѣлался рано общепотребительнымъ, и вообще книжная дѣятельность на отечественномъ языкѣ началась уже въ IX—X столѣтіяхъ, то у нихъ явились

прось о національности Иллировъ былъ особенно важенъ для Хорватовъ, употреблявшихъ въ богослуженіи славянскій языкъ и глаголицу, изобрѣтеніе которой приписывали Иллиру-Славянину св. Иерониму. Но противъ этого мнѣнія явились и возраженія. Такъ, уже Ривалъ Леваковичъ защищалъ противъ Вранчича и др. славянское происхожденіе Иллировъ въ особыхъ статьяхъ. Сравни. Kukuljević: Književnici u Hrvatah (особенно письмо Леваковича 1642 года, стр. 397).

¹⁾ *Гласникъ дружества сербской словесности* V, 22, 25; Сочиненія Гильбердиня I, 216.

²⁾ *Turgenev: Histor. Russiac Monum.* II, 236—249.

и первыя пощты опредѣлить и правила этого языка, его формъ и правописанія. Такъ, уже въ X вѣкѣ стали разсуждать о письменахъ и о грамматикѣ славянскаго языка черноризецъ Храбръ и Іоаннъ Эвзархъ. Но такъ какъ этотъ „славянскій“ языкъ не ограничился только первоначальными Славянами, то-есть, Болгарами, а сдѣлался церковнымъ и вообще литературнымъ языкомъ у Сербовъ и Русскихъ, даже отчасти и у Хорватовъ, подвергшись, такимъ образомъ, разнообразному вліянію, то не легко было постановлять правила его, особенно въ то время младенчества всѣхъ наукъ. Онъ измѣнялся, смотря по тому, писалъ ли на немъ Болгаринъ, или „преставлялъ“ ли болгарскій языкъ или русскія рѣчи на сербскій Сербинъ, или наконецъ, списывалъ ли Русскій югославянскія рукописи. Такимъ образомъ возникла у южныхъ и восточныхъ Славянъ большая путаница въ церковно-литературномъ языкѣ, и трудно было уже въ то время найдти истинный чистый славянскій языкъ.

Уже въ первой половинѣ XV вѣка одинъ болгарско-сербскій писатель, Константинъ Костенскій, въ своей статьѣ о правописаніи, считаетъ славянскій языкъ какою-то смѣсью всѣхъ другихъ славянскихъ языковъ. По его мнѣнію, Священное Писаніе переведено первоначально на „тончайшій и краснѣйшій русскій языкъ“, съ помощію и принятіемъ словъ изъ языковъ болгарскаго, сербскаго, босненскаго, словѣнскаго, хорватскаго и даже отчасти чешскаго. Для этой цѣли Кириллъ Философъ избралъ изъ всѣхъ этихъ племенъ людей, знающихъ греческій и славянскіе языки. Поэтому, хотя Русь и больше, рѣчь эта не называется ни болгарскою, ни сербскою, а „словѣнска, еже есть всѣхъ сихъ племенъ“¹⁾.

Когда у самой западной отрасли Югославянъ, у Словенцевъ и отчасти и у ближайшихъ ихъ сосѣдей—Хорватовъ, вслѣдствіе нѣмецкой реформаціи, нѣсколько лицъ стали заниматься своимъ до тѣхъ поръ заброшеннымъ нарѣчіемъ и на немъ писать и издавать для народа книги, преимущественно богослужебныя, то они имѣли въ виду не только Югославянъ, но и всѣхъ Славянъ вообще, общимъ именемъ которыхъ назывался ихъ народъ „Словенскій“. Примъ Труберъ, оба Далматина Юрій и Антоній, Стефанъ Истріанинъ (Консулъ) издаютъ свои переводы протестантскихъ книгъ всѣми письменами, которыя употреблялись тогда у Славянъ: нѣмецкими, кирилловскими и глагольскими, и посвящаютъ ихъ не только своимъ землякамъ, но и всѣмъ

¹⁾ Stariue. Izdaje jugoslav. akademija 1, 14.

христіанамъ „во всѣхъ какихъ бы то ни было странахъ славянскаго языка“. Съ гордостью замѣчаютъ они, что „словенскій языкъ не скрывается въ какомъ-нибудь уголкѣ, а употребляется пунѣ во многихъ могущественныхъ государствахъ, раздѣленный на нѣсколько нарѣчій. Ибо словенскій языкъ не только тотъ, который употребляется въ Краинѣ, Нижней Штиріи, Каринтіи и въ смежныхъ странахъ, въ Хорватіи, Далмаціи, Истріи и Словенской мархіи; на немъ говорятъ и Чехи, Поляки, Москвитяне, Русскіе, Босняки и большая часть народовъ, находящихся подъ властью Турокъ; онъ даже и при дворѣ и въ канцеляріяхъ турецкихъ одинъ изъ главныхъ языковъ“. Словенскіе переводчики Библии воспользовались тогда и чешскою Библіей „изъ-за нѣкоторыхъ древнихъ словенскихъ словъ“¹⁾.

Но хотя эти Словенцы и Хорваты и издавали книги на словенскомъ языкѣ, будто бы для всѣхъ Славянъ, а все-таки сознавали важную разницу въ отдѣльныхъ нарѣчійныхъ славянскихъ. Справедливо замѣчаетъ Труберъ, что „Словенцы понимаютъ по хорватски гораздо лучше, чѣмъ по чешски или по польски, или по лужицко-сербски; и если этотъ, назначенный для Словенцевъ, славенскій переводъ прочитается Угорскимъ Словакамъ, Чехамъ, Полякамъ, Русскимъ, Иллирамъ, то они мало его поймутъ“²⁾.

Главное вниманіе обратили эти словенско-хорватскіе дѣятели протестантизма на всѣхъ Югославянъ, то-есть, не только на Словенцевъ, но и на Хорватовъ, Сербовъ и Болгаръ, которыхъ хотѣли присоединить къ новому вѣроученію.— „Хорваты, Далматы, Босняки, Сербы и Болгаре“, пишетъ Труберъ, „хотя и пишутъ на своемъ языкѣ, даже и двоякимъ письмомъ, но не имѣли до сихъ поръ ни полной Библии, ни катехизиса на своемъ языкѣ, и поэтому должны были прибѣгать къ часословамъ, молитвенникамъ и служебникамъ. Поэтому есть справедливая и большая нужда доставить этимъ народамъ набожныя книги на хорватскомъ и словенскомъ языкахъ, чтобы такимъ образомъ, по Божьей милости царство Христа распространялось въ Турцію“. На свои вопросы, правится ли и понимается ли переводъ, правописаіе

¹⁾ Хорватскій переводъ Аугсбургской коняессіи Антона Далматина и Стефана Истріанина, напечатанный глаголицей и кириллицей (Тюбингенъ, 1562) словенскій переводъ библии Юрія Далматина (Виттенбергъ, 1584, предисловіе); хорватскій переводъ Новаго Заваъта (Тюбингенъ, 1562, предисловіе).

²⁾ Словенскій переводъ Новаго Заваъта (Тюб., 1560, предисловіе); сравн. и предисловіе къ словенской библии Виттенбергской, 1584.

и письмо новой хорватской и кирилловской печати во всей Хорватіи, Далмаціи, Сербіи и Боснѣ, онъ получилъ утвердительные отвѣты ¹⁾.

Но всѣ эти планы распространенія протестантизма между всѣми Югославянами, составленные Труберомъ, Далматинами, Стефаномъ Консуломъ, Юричичемъ, Бучичемъ и ихъ покровителями Унгнадомъ и Зрипскимъ, все это скоро прекратилось. Католицизмъ восторжествовалъ вездѣ у Словенцевъ и Хорватовъ ²⁾. У остальныхъ Югославянъ протестантизмъ совсѣмъ не привился, кромя пѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицъ. Между ними особенно извѣстнымъ сталъ Дубровничанинъ Франковичъ (Flaccius Illyricus) ³⁾.

Такъ какъ языкъ и правописаніе Трубера и Далматина отличались другъ отъ друга, то по желанію чиновъ краинскихъ, каринтскихъ и штирійскихъ, директоръ училищъ въ Краинѣ Адамъ Бохоричъ взялся опредѣлить правила словенскаго языка и написалъ краткую его грамматику (1584 г.) ⁴⁾. Въ ней авторъ выказалъ теплое сочувствіе къ остальнымъ славянскимъ народамъ и уже въ самомъ ея заглавіи замѣчаетъ, что изъ нея легко можно понять родство словенскаго языка съ московскимъ, русскимъ, польскимъ, чешскимъ, лужицко-сербскимъ, хорватскимъ и далматинскимъ. Бохоричъ, также какъ и Далматинъ, съ гордостью воспоминаетъ объ огромномъ

¹⁾ Письма Трубера къ королю Максимилиану 1560—1562 годовъ (въ хорватскомъ переводѣ Понаго Завѣта, Тюбингенъ, 1562, и въ Notizenblatt, Beilage zum Archiv für Kunde österreich. Geschichtsquellen, 1852, p. 201, 204, 215). Противъ этой протестантской пропаганды у Югославянъ принимала и папская курія свои мѣры; катихизисъ Канисія (Сумма науки христіанскаго, въ Римѣ, 1583), перенесенный Сим. Будиничемъ на языкъ «словинскій» (то-есть, смѣсь нарѣчій церковно-славянскаго и далматско-славянскаго), напечатанъ латинскими буквами и кириллицей.

²⁾ О дѣятельности Трубера и др. см. особенно *Schnurrer: Slawischer Bücherdruck in Württemberg in 16 Jhdt.* (Tübingen, 1799), отсюда у *Добровскаго Slawin*. Замѣтимъ, что уже Полякъ Венгерскій (Regensvolsci) разказываетъ объ этой югославянской реформаціи.

³⁾ Родился 1520 г. въ деревнѣ Вълъ (Въло, Albona) у Дубровника (а не въ Петри). О его сочиненіяхъ см. ниже, въ отдѣлѣ: Чехи и Югославяне.

⁴⁾ *Arcticae horulae succissivae, de latino - carniolana litteratura, ad latinae linguae analogiam accomodata, unde Moshoviticae, Rutenicae, Polonicae, Boemicae et Lusaticae linguae cum Dalmatica et Croatica cognatio facile deprehenditur. Praemittuntur his omnibus tabellae aliquot Cyrillicam et Glagoliticam et in his Rutenicam et Moscoviticam orthographiam continentes* (Witebergae, 1584); въ титулѣ слова «всѣмъ іазикъ спознати хоце Бога» кириллицей, глаголицей и по словенски. Сравни. *Добровскаго Slawin* (2-е изд., 13, 124).

пространствѣ, занимаемомъ славянскимъ языкомъ. „Разумѣю Славянами не какой-набудь въ захоlustѣ и тѣснѣйшими предѣлами заключенный народъ, а называю и обнимаю этимъ именемъ всѣ земли и всѣхъ людей, которые говорятъ по славянски. Одноплеменниковъ мы найдемъ въ очень большой части свѣта, около Адриатическаго или древняго Венедскаго моря въ Турціи. На сѣверѣ Москвитяне и Русскіе, близъ Венедскаго моря. Между этими двумя Венедскими заливами есть Поляки, Чехи, Лужицкіе Сербы, южные Сербы и Болгаре и Словенцы. Во всѣхъ этихъ странахъ живутъ народы Славянскіе и говорятъ по славянски, хотя и разнятся немпожко въ говорѣ и писаніи. Но все-таки всѣ они языкомъ меньше отличаются другъ отъ друга, чѣмъ, напримѣръ, разные племена нѣмецкіи—Саксонцы, Швабы, Нидерландцы и другіи“. Замѣтивъ наконецъ, что императоръ Карлъ IV основалъ въ Прагѣ славянскій монастырь въ память славянскаго происхожденія Чеховъ, авторъ выражаетъ желаніе, чтобы примѣру этого государя подражали и другіе.

Въ такомъ смыслѣ разсуждаютъ и другіе граматики и лексикографы югославянскіе. Одинъ даже написалъ особое сочиненіе „О древности и распространеніи славянскаго языка“ и выразилъ желаніе, чтобы „всѣ Славяне, такъ какъ они одного языка, были-бъ и одной вѣры, особенно же любимѣйшіе Русскіе ¹⁾“.

3. Юрій Крижаничъ.

Ни у одного писателя югославянскаго и вообще славянскаго того времени славянское сознаніе не является такъ сильно, такъ могущественно какъ у Хорвата Юрія Крижанича Неблужскаго (род. 1617 г, умеръ въ концѣ XVII столѣтія) ²⁾. Крижаничъ, посвятивъ себя духовному званію, пробылъ долго въ Римѣ. Здѣсь онъ познакомился посредствомъ своего соотечественника Леваковича съ русскими священниками, которые перестраивали тогда церковный языкъ у Югославянъ на русскій ладъ, и сталъ заниматься и вопросомъ о соеди-

¹⁾ Seb. Dolci: De illyricae linguae vetustate et amplitudini (1754). И современникъ и соотечественникъ Дольчи, Мих. Малишичъ, утверждалъ, будто всѣ Славяне стремились всегда къ Риму (*Макушевъ*: Объ истор. памяти. и бытописателяхъ Дубровника, 147).

²⁾ Биографіи Крижанича написали Kukuljević: Književnici i Hrvatah iz prve pol. XVII vieka (Zagreb, 1869, 202), и Безсоновъ: Католическій священникъ Сербъ (Хорватъ) Ю. Крижаничъ (въ журналѣ *Православное Обозрѣніе* 1870). Сравни. Rad judoslav. akademije, XVIII, 164.

неніи западной и восточной церквей, важнымъ особенно для славянскаго міра. Этотъ предметъ привелъ его и къ занятіямъ по разнымъ вопросамъ, касающимся исторіи и современнаго положенія всѣхъ Славянъ. Тогда онъ узналъ, что положеніе Славянъ не совсѣмъ соотвѣтствуетъ его желаніямъ, его идеаламъ, и увидѣлъ, что большая часть Славянъ далеко отстала отъ другихъ, болѣе образованныхъ и просвѣщенныхъ, европейскихъ народовъ, что многіе славянскіе народы, лишившись политической самостоятельности, находятся въ довольно жалкомъ положеніи. Поэтому Крижаничъ возымѣлъ великолѣпный планъ — трудиться, на сколько силы его позволяли, надъ просвѣщеніемъ всѣхъ народовъ славянскихъ. Для этой цѣли онъ выбралъ самый вѣрный путь — трудъ литературный по исторіи и языкознанію славянскому, равно какъ и по разнымъ современнымъ славянскимъ вопросамъ.

Когда Крижаничъ возымѣлъ такую мысль — въ началѣ второй половины XVII столѣтія, — Польша, сильнѣйшее прежде государство славянское, находилась въ очень опасномъ положеніи. Это не была уже Польша Сигизмундовъ и Стефана Баторія: внутренніе раздоры и вѣншіе враги приводили ее на край гибели. На мѣсто этой падающей уже славянской державы вступаетъ другое государство славянское: Русскій царь, призванный Русскимъ, въ Польшѣ и Литвѣ живущимъ народомъ на помощь во имя „единовѣрія и единопозычія“, принимаетъ титулъ „царь всея Великія, Малія и Бѣлая Россіи“ и возвращаетъ себѣ отчину св. Владиміра. Но мало того. Изуренная Польша не видитъ другаго спасенія, какъ въ соединеніи съ восточною Русью. Самъ король Польскій созываетъ шляхту на сеймъ, на которомъ должно совершиться это „всему широко распространенному Славянскому племени необходимое дѣло и для смущенія завистныхъ всему Славянскому народу сосѣдей“ ¹⁾.

И вотъ тогда-то (1658 г.) является Крижаничъ въ домъ русскаго посольства въ Вѣнѣ и отправляется черезъ Польшу и Малороссію въ Москву къ „единственному въ мірѣ государю своего племени и языка, къ своему народу и на свою родину“ (1659 г.). Здѣсь, на Руси, онъ начинаетъ набрасывать свои мысли объ исторіи и современномъ положеніи всѣхъ Славянъ, и нѣсколько лѣтъ спустя, подноситъ царю Алексѣю Михайловичу знаменитое свое историко-политическое сочиненіе о состояніи Русскаго государства и всего славянства ²⁾.

¹⁾ Сравни. отдѣлъ: Поляки и Русскіе.

²⁾ Издана только часть *Безсоновымъ*: Русское государство въ половинѣ XVII вѣка (Москва, 1860). Эту «Политику», писанную по хорватски (съ примѣсью

„Причины, по которымъ я прибылъ сюда подъ крыло твоей милости“, говорить Крижаничъ въ посвященіи царю, — „слѣдующія: вопервыхъ, я нашелъ еще въ своей молодости, что нашъ языкъ славянскій другими языками очень испорченъ, чуть ли не совсѣмъ утраченъ. Поэтому я всегда желалъ, чтобъ онъ обработался и усовершенствовался, и чтобъ у насъ была хорошая его грамматика и словарь. Вовторыхъ, я нашелъ, что Славянскій народъ раздѣляется на шесть отдѣловъ: на отдѣлъ русскій, польскій, чешскій, болгарскій, сербскій и хорватскій ¹⁾. Всѣ эти отдѣлы имѣли когда-то своихъ доморощенныхъ царей или владѣтелей. А нынче одинъ русскій отдѣлъ, по Божьей милости, живетъ подъ тобой, царемъ и государемъ своего языка, а всѣ остальные Славяне подвластны чужимъ народамъ. Кромѣ того, бѣда и въ томъ, что есть только нѣкоторые отдѣльные историки у Русскихъ, Поляковъ и Чеховъ, а о цѣломъ народѣ хорошей исторіи вовсе нѣтъ. Нѣмцы же продолжаютъ распространять разные клеветы и лжи о всемъ нашемъ народѣ, особенно о Русскомъ, завидуя его царству и славѣ, даннымъ ему отъ Бога. Поэтому я желалъ видѣть написанною такую исторію обо всемъ народѣ, въ которой была бы унижена и побѣждена нѣмецкая зависть съ своими клеветами и скверными хулами. Но не имѣя у себя нужныхъ средствъ для такихъ книгъ, я прибылъ къ твоему царскому величеству бить челомъ и просить нужнаго вспомошествованія для такого дѣла, которое я хотѣлъ бы совершить въ честь Богу и тебѣ, царю государю, и на пользу и утѣху всему народу. Втретьихъ, я узналъ, что многія вещи, которыя весьма нужно знать, еще неизвѣстны и непонятны въ семъ царствѣ: именно—многія хитрости, которыми другіе народы обольщаютъ и дурачатъ насъ, Славянъ, особенно же сіе преславное царство. Поэтому я предпринялъ этотъ трудъ и написалъ то, что считалъ полезнымъ. Въ этихъ книгахъ приношу твоему царскому величеству нѣсколько политическихъ мыслей, которыя я собралъ со многими трудомъ, и которыя считаю полезными для правленія твоего величества“.

другихъ славянскихъ языковъ) латинскимъ письмомъ «абecedой», считали въ Москвѣ писанною на чешскомъ языкѣ. Она находилась въ палатахъ цари Алексви и министра Голицына (Сравни *Соловьева* Ист. Россіи XIII, 194). Основательную біографію и полное собраніе и оцѣнку сочиненій этого знаменитаго Хорвата слѣдовало бы издать югославянскою академіи.

¹⁾ Крижаничъ всегда пишетъ: Словенцы, словенскій, Ляхи, лясскій, по латин. *Slavini, Lechi*. Въ грамматикѣ же (см. ниже): Словинцы, словинскій, Лехи, лешскій.

Авторъ „Политики“ является необыкновеннымъ знатокомъ исторіи всѣхъ Славянскихъ народовъ и ихъ тяжелаго положенія, ихъ униженія и посрамленія другими народами, особенно Нѣмцами. Единственный выходъ изъ этого положенія Славянъ видитъ онъ только въ помощи Русскаго царя и Русскаго народа, который одинъ только между Славянами сохранилъ свою независимость и управляется своими, не чужими государами. Не станемъ здѣсь разбирать всѣхъ мыслей Крижанича, начертанныхъ въ этой его книгѣ, а ограничимся только нѣкоторыми мѣстами, которыя касаются положенія всего славянства того времени. „Я часто думаю о жалкомъ положеніи всего нашего народа Славянскаго, раздѣляющагося на шесть отдѣловъ: русскій, польскій, чешскій, болгарскій, сербскій и хорватскій, и вижу, что мы унижены всѣми народами, изъ которыхъ одни насъ люто обижаютъ, другіе гордо презираютъ, третьи насъ съѣдаютъ и пожираютъ наше имущество въ нашихъ глазахъ, и что всего прискорбнѣе, ругаютъ, осмѣиваютъ и ненавидятъ насъ, называя насъ варварами и считая насъ скорѣе скотомъ, чѣмъ людьми“. Причины такого презрѣнія—неумѣнье Славянъ и излишнее пристрастіе ко всему чужому. Но изъ этого не слѣдуетъ еще, что Славяне варвары. Иностранные писатели, пишучи о Славянахъ, всевозможно увеличиваютъ всѣ ихъ недостатки, выдумываютъ и безстыдно лгутъ. Дѣйствительные недостатки Славянъ это—лѣность, необразованность въ сравненіи съ другими европейскими народами, склонность къ пьянству, расточительность, жестокость къ подчиненнымъ, крайность въ формѣ правленія (у Поляковъ слишкомъ своевольнаго, у Русскихъ слишкомъ кругаго), и податливость иностранцамъ противъ своихъ братьевъ. „Мы же въ своей глупости позволяемъ себѣ вдаваться въ обманъ и водемъ за другихъ, чужія войны дѣлаемъ своими, ненавидимъ другъ друга, враждуемъ на смерть, братъ прогоняетъ брата безъ всякой нужды и причины. Иноплеменникамъ вѣримъ во все, сохраняемъ съ ними дружбу и договоры, а сами себя стыдимся, отворачиваемся одинъ отъ другаго и истребляемъ другъ друга безконечно“. Одинъ изъ главныхъ недостатковъ Славянъ это—чужебѣсіе, то-есть, излишняя любовь и склонность ко всему чужому, къ иностранцамъ, къ ихъ нравамъ и обычаямъ. Хотя иностранцы насмѣхаются надъ ними, живутъ ихъ трудомъ, — Славяне все это допускаютъ, позволяютъ имъ обдирать себя, да еще приглашаютъ иностранцевъ въ государи, особенно изъ Нѣмцевъ. Русскіе пригласили къ себѣ Варяжскихъ князей и думали и о шведскихъ королевичахъ; Поляки искали себѣ королей изъ всѣхъ

концовъ міра, къ своему стыду. Менѣе постыдно, если Югославяне, Болгаре, Сербы и Хорваты достались, вслѣдствіе завоеванія, подъ власть Туркамъ. Если пужно выбирать себѣ государя, то должно выбирать „не иностранца, а человѣка славянскаго рода“. Этотъ государь долженъ выдавать своихъ дочерей только за государей славянскаго рода или за свое дворянство. Разумѣется, что не слѣдуетъ отвергать все чужое, а хорошія вещи надо принимать, откуда бы то ни было, но съ осторожностью, такъ какъ иностранцы, подъ предлогомъ, что приносятъ хорошія вещи, стремятся вредить Славянамъ.

Особенно нападаетъ Крижаничъ на Нѣмцевъ. „Они насъ выжили изъ цѣлыхъ державъ“, вопіетъ Крижаничъ,—„изъ Моравы, изъ Поморья, изъ Силезіи, изъ Пруссіи. Въ Чехіи мало чтó славянскаго остается въ городахъ. У Ляховъ всѣ города полны Нѣмцевъ и другихъ иноплеменниковъ. Мы ихъ холопы, воздѣлываемъ для нихъ землю, ведемъ войны въ ихъ пользу, чтобъ они безъ дѣла сидѣли въ городахъ и пировали, а насъ называли свиньями и собаками. Своимъ собачьимъ грызеніемъ и мученіемъ они множество напихъ, между ними живущихъ, Славянъ довели до отчаянія, такъ что они стыдятся своего языка и рода, многіе скрываютъ свое происхожденіе и притворяются членами другаго народа“. Нѣмцы, захвативъ власть въ Угріи и въ Чехіи, въ Польшѣ и въ Литвѣ (то-есть, шведская династія), „рвутъ и мечутъ, что еще не могли достигнуть власти и въ Руси, которую самъ Богъ спасъ отъ прелютаго ига нѣмцеваго“. Поэтому изъ Славянъ они больше всего ненавидятъ Русскихъ, вредятъ имъ всячески, распространяютъ о нихъ самыя скверныя слухи, такъ что Русь презираютъ во всей Европѣ, и что всякая честь, всякая слава этого славнаго царства у Европейцевъ совсѣмъ уничтожены. Чтобы разрознить Славянъ, сѣютъ между нами внутренніе раздоры. Нужно же подумать, что мы, Русскіе люди,—одного языка съ Поляками и сыновья одного отца; для сего царства не можетъ быть большаго счастья, какъ еслибы между нами существовало братское согласіе. Еслибы мы имѣли согласіе и союзъ съ Поляками, то кто-нибудь изъ рода нашихъ свѣтлѣйшихъ царей давно сдѣлался бы королемъ Польскимъ“.

Не меньше ратуетъ Крижаничъ противъ другихъ враговъ Славянъ, противъ Грековъ. Они тоже „презираютъ Славянъ, ими которыхъ превратили въ подлое значеніе раба. Они причиною, что, по поводу различія религіи, безъ мѣры пролилась кровь между нами и нашими братьями, Поляками, и что до сихъ поръ въ Польшѣ не владѣетъ кто-нибудь изъ рода нашихъ свѣтлѣйшихъ царей“. Необыкновенно

разумно разсуждаетъ Крижаничъ о раздѣленіи христіанской церкви на восточную и западную. „Глупо поступаетъ“, пишетъ этотъ просвѣщенный католическій священникъ, — „кто вмѣшивается въ чужіе споры, изъ которыхъ не можетъ выйти для него никакой пользы“. Славянъ не касается споръ обѣихъ церквей за первенство; для нихъ все равно, „что патріархъ Царьградскій и папа Римскій по этой причинѣ другъ съ другомъ спорятъ, дерутся и таскаются за бороды“. Скорѣе слѣдуетъ Славянамъ примирять обѣ враждебныя партіи, такъ какъ „отъ нашего народа, отъ Болгаръ, произошла одна изъ главныхъ причинъ раздора. Ибо, прежде всего, изъ-за Болгаръ учили Греки проклинать Римлянъ. Если нашъ народъ былъ причиной зла, то слѣдовало бы, чтобъ онъ былъ причиной и добра“¹⁾.

Что касается политическихъ убѣжденій, то Крижаничъ—приверженецъ неограниченной монархіи, или какъ теперь сказали бы, просвѣщеннаго абсолютизма, какъ это было отчасти на Руси при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Форму правленія, господствовавшую въ Польшѣ того времени, онъ считаетъ величайшимъ зломъ. Русскому государству онъ совѣтуетъ не распространяться постоянно только на сѣверъ и на востокъ, а скорѣе на югъ къ Черному морю,—здѣсь, съ помощію поляковъ, уничтожить опасныхъ Крымскихъ Татаръ, потомъ перенести царскую столицу въ Перекопъ, оттуда выступить противъ Турокъ, и наконецъ, освободить, стонущихъ подъ ихъ игомъ, Славянъ.

Очень хорошо характеризуетъ Крижаничъ все теченіе славянской исторіи: „Во время царей Маврикія, Фоки и Юстиніана наши предки изъ Руси зашли за Дунай и завладѣли Болгарскою, Сербскою и Хорватскою землею. Но не соблюдали никакого хорошаго порядка, ни согласія между собою, поэтому скоро свое господство утратили и подпали подъ власть другихъ народовъ. Другой отдѣлъ славянскаго народа жилъ около Нѣмецкаго моря, въ Поморьѣ, въ Польшѣ, Силезіи, Чехіи и Моравіи. Но и тѣ, по поводу большаго своего несогласія и

¹⁾ Въ другомъ мѣстѣ (въ грамматикѣ) Крижаничъ высказывается и о формальной сторонѣ спора въ русской церкви того времени: «Не достойно изъ-за такихъ мелочей производить церковный раздоръ, ни изъ-за грамматическихъ ошибокъ соблазняться и разорять духовную любовь». Крижаничъ участвовалъ также въ этой борьбѣ съ расколомъ и вообще въ спорахъ о духовныхъ вопросахъ того времени; къ этому относятся его статьи: «Облеченіе на Соловецкую челоубитную» (1675 г.) и «О святомъ крещеніи». (Описаніе рукоп. синодал. библиот. II, 3, стр. 283, 284). И въ этихъ статьяхъ видно глубокое образованіе автора, возвышающее его надъ современниками, особенно въ Московской Руси.

общенія и сватовства съ Нѣмцами, подпали подъ власть Нѣмцамъ и въ постыдное рабство и онѣмечились такъ, что они пыче ни Славяне, ни Нѣмцы. И потомъ прогнали насъ Нѣмцы изъ поморскихъ, прусскихъ и ливонскихъ городовъ, и отъ всего того нынѣ Нѣмецкаго, а прежде Славянскаго моря. Въ послѣдствіи мы были очень разорены повальнымъ погромомъ дикаго народа. Татары страшно опустошили и разгромили Русь и Польшу, долго ее мучили и отчасти мучать и до сихъ поръ. Но позже унижена и гордость Татаръ: Богъ далъ счастье князю Дмитрію Ивановичу Донскому и потомъ царю Ивану Васильевичу, что они прогнали Татаръ изъ Руси, Казани, Астрахани и Сибири. Итакъ, опять мы расширили свои владѣнія. Но въ то же самое время какъ мы раскинулись на востокъ—съ запада мы сжались, ибо Нѣмцы насъ прогнали не силой, а обманомъ—отъ всего берега Варяжскаго моря и отъ очень выгодныхъ и нужныхъ пристаней. Народъ же, который пошелъ за Дунай, утратилъ уже свой языкъ, и владѣтелей славянскаго рода нигдѣ больше нѣтъ, какъ здѣсь на Руси. Поэтому на тебя одного, славный царь, смотритъ весь народъ славянской. Ты, какъ отецъ, изволь заботиться и стараться о своихъ растерянныхъ дѣтяхъ, чтобъ ихъ собрать. Заботься объ обманутыхъ и чуждою лестью одураченныхъ, чтобъ имъ возвратитъ разумъ, какъ сдѣлалъ тотъ отецъ въ Евангеліи блудному сыну. Ибо многіе изъ нихъ какимъ-то волшебнымъ наиткомъ—будто чашей Цирици—взбѣшены и въ скотъ превращены, что не понимаютъ тѣхъ страшныхъ бѣдствій, которыя выносятъ отъ иноплеменниковъ, и постыднаго позора не понимаютъ, но радуются ему и сами его ищутъ, то-есть, приглашая сами къ себѣ иноплеменныхъ государей. Ты, говорю я, одинъ, о царь, теперъ намъ Богомъ данъ, чтобы помочь и задунайскимъ Славянамъ, Полякамъ и Чехамъ, чтобъ они начали сознавать притѣсненія и позоръ свой, думать о просвѣщеніи народа и сбрасывать съ шеи нѣмецкое иго“.

„Задунайскіе Славяне, Болгаре, Сербы и Хорваты уже давно утратили не только немалое царство, но и всю силу, языкъ и весь разумъ, такъ что они уже не понимаютъ, что такое честь и достоинство, и не думаютъ о нихъ; сами себѣ никакъ не могутъ помочь, а имъ нужна внѣшняя сила, чтобъ опять стать на ноги и стать въ число народовъ. Ты, царь, если и не можешь, въ нынѣшнее тяжелое время, помочь имъ на совершенное поправленіе, ни царства того къ первоначальному существованію привести и устроить, то можешь, по крайней мѣрѣ, языкъ славянской въ книгахъ исправить и усовершенствовать“.

вать и пригодными, разумными книгами тѣмъ людямъ глаза открыть, чтобъ они, какъ сказано, узнали, что такое честь, и думали о своемъ восстановленіи. Послѣ того и Чеховъ, и наконецъ, недавно и Поляковъ постигло одинакое съ Задунайцами бѣдствіе, то-есть, они утратили царство, силу, языкъ и разумъ. Пусть себѣ Поляки хващаются обманчивою тѣнью царства и своею распущенною свободою; тѣмъ не менѣе свѣту извѣстно, что Поляки никакъ своимъ нуждамъ и бѣдствіямъ сами не могутъ помочь, чтобы стать на ноги и возвратиться къ прежней чести. Эту поддержку, право и народное просвѣщеніе ты, царь, можешь легко Полякамъ дать, если только войдешь съ ними въ крѣпкій союзъ противъ Крымскихъ Татаръ“.

Крижаничъ хотя и призываетъ царя Русскаго помочь и западнымъ Славянамъ, то все-таки самъ отчаявается въ успѣхѣ такой помощи. „Что касается Поморья, Силезіи, Чехіи и Моравіи и приморскихъ городовъ: Гамбурга, Любека, Гданска, Риги и другихъ, которые когда-то были славянскіе, кажется, намъ напрасно и думать о завоеваніи этихъ странъ. Надо замѣтить, что очень рѣдко случается, чтобы какой-нибудь народъ опять возвратилъ тѣ владѣнія, которыя утратилъ, особенно когда они попали въ руки сильнаго врага. Поэтому и намъ, Славянамъ, слѣдуетъ отказаться отъ мыслей о владѣніяхъ и пристаняхъ Варяжскаго моря, и напротивъ, кажется выгоднымъ тянуться къ Черному морю и къ его берегамъ и пристанямъ, которые полезнѣе и нужнѣе варяжскихъ“.

Вотъ какія „политическія мысли“ предлагаетъ царю Русскому этотъ просвѣщенный Югославянинъ, любви котораго къ Славянамъ и къ Руси не охладилъ даже ссылка въ Сибирь, гдѣ онъ прожилъ полныхъ 15 лѣтъ (1661—1676 гг.). Прославляя силу и могущество русскаго государства, Крижаничъ наконецъ восклицаетъ: „О царь, ты держишь въ рукахъ чудотворный Моисеевъ жезлъ и можешь творить удивительныя чудеса. Пользуешься полнымъ самодержавіемъ, и поэтому, совершеннымъ повиновеніемъ своихъ подданныхъ, и можешь, по Божьей милости, просвѣщать и прославить не только сіе царство, но и весь народъ Славянскій“.

Но гдѣ же было думать Русскому царю XVII вѣка о такой политикѣ! У него былъ еще болѣе близкій вопросъ: осуществить свой титулъ „царя всея Руси“. Это удалось только черезъ сто лѣтъ по написаніи „Политики“, да и то не вполне.

Крижаничъ задумалъ, какъ мы видѣли, написать и обширную грамматику славянскаго языка. Эту мысль онъ осуществилъ въ Сибири

(1666 г.), написавъ „Граматично исказање об русскомъ језику“¹⁾. Русскимъ онъ называетъ церковно-славянскій языкъ, который былъ тогда въ употребленіи въ русской церкви и который, но ошибкѣ, называется словинскимъ“. Крижаничъ въ своей грамматикѣ не обработалъ этого языка въ томъ видѣ, какъ его нашель, а сталъ его поправлять по своему усмотрѣнію, такъ чтобъ онъ былъ понятенъ не только Русскимъ и Словинцамъ (то-есть, Югославянамъ), но и Чехамъ и Полякамъ. Стало быть, Крижаничъ думалъ составить какой-то общеславянскій языкъ, именно на основаніи „русскаго“ языка, отъ котораго произошли и другіе славянскіе языки, съ разными прибавленіями изъ другихъ языковъ. На такую мысль наводило его, между прочимъ, то обстоятельство, что, по его мнѣнію, языкъ у западныхъ и южныхъ Славянъ очень испортился, какъ это всегда бываетъ, когда народъ лишень политической независимости.. „У Волгаръ нечего искать: ихъ языкъ такъ утраченъ, что едва остались кое-какіе слѣды. У Поляковъ половина словъ примѣшана изъ другихъ разныхъ языковъ. Въ чешскихъ книгахъ находится языкъ чище польскаго, но онъ не мало испорченъ. Сербы же и Хорваты такъ потеряли свой отечественный языкъ (дидинску бесиду), что, кромѣ домашнихъ дѣлъ, не могутъ сказать ничего порядочнаго о другихъ дѣлахъ, какъ про нихъ кто-то и написалъ: Хорваты и Сербы говорятъ на всѣхъ языкахъ и не говорятъ ничего. Первое слово у нихъ русское, другое — угорское, третье—нѣмецкое, четвертое—турецкое, пятое—греческое или валахское, или албанское“. Лучшимъ языкомъ словинскимъ считаетъ рѣчь дворянъ въ турецкой Хорватіи.

Не наше дѣло разбирать и критиковать здѣсь этотъ трудъ; замѣтимъ только то, что Крижаничъ является необыкновеннымъ знатокомъ всѣхъ славянскихъ языковъ—русскаго и бѣлорусскаго, польскаго и чешскаго и разныхъ югославянскихъ нарѣчій. Чтобъ дать хотя какое-нибудь понятіе о грамматикѣ Крижанича и ея языкѣ, приведемъ нѣсколько его мыслей. Говори о „словѣ г“ онъ замѣчаетъ: „Русјони, Лехи, Херваты и Серби право и ризко изрикајут слово глагол, равно какъ Греки гама. А Бѣлорусјани и Чехи јесут изгубили правнѣ глас: и изрикајут никако сподобно ко хиру. Пишут глава, гора, град; а чтут будто хлава, хора, храдъ. Тим се облуджајут и някови Русјани, и за липо почитајут таково кметско и премерзко из-

¹⁾ Издано въ *Чтеніяхъ* 1848 и 1850 гг., оценено *Даничицемъ* въ сборникѣ *Rad jugoslav. akademije XVI*.

риканје“. Изъ этого мѣста, между прочимъ, видно, что Крижаничъ, хорошо чувствуя недостатокъ знака для й въ кириллицѣ, ввелъ — полтора вѣка до Караджича—латинское j, и выбросилъ ъ, который признаетъ только тамъ, „гди би јмала стојат која гласница, какот съ вами за со вами“. Звуки носовые у Поляковъ для него странны и не нужны, также и русско-польское ы. Двойственное число онъ отвергаетъ, потому что „херватски племенити лѹди“ (дворяне) считаютъ его „кметскимъ“. Окончаніе звательнаго падежа множественнаго числа—ови,—ове (синове) считаетъ лишнимъ, а форму „сини“ лучше и правильнѣе; окончаніе ic, e (царије, свидители), по немъ, совсѣмъ испорчено и мерзко и проч. Во главѣ „въ чем се разпет словинскаго језика отмини (отмѣны—нарѣчія) најпаче руска, херватска и сербска“, разсматриваетъ отличія русскаго языка отъ хорватскаго и сербскаго, сравниваетъ бѣлорусскій съ польскимъ. Въ отдѣлѣ: „чим се разнит херватска отмина от сербскије, а вгаджајется зъ рускоју“, приводитъ нѣсколько такихъ чертъ: на примѣръ, русское и хорватское: *писаць* = сербское *писао*, Русскіе и Хорваты могутъ замѣнять звательный падежъ именительныхъ, Сербы же и Поляки употребляютъ звательный падежъ правильно, и проч. Хорватская „отмина“, какъ аттическое нарѣчіе въ отношеніи остальныхъ греческихъ нарѣчій.

Въ такомъ духѣ писана вся грамматика. Что автору не нравится — онъ называетъ неправильнымъ, ошибочнымъ, „кметскимъ“ (сельскимъ), приписываетъ чуждому вліянію пѣмскому, греческому, жидовскому и проч.; выбрасываетъ или поправляетъ по другимъ нарѣчіямъ или по собственному произволу; все это для него „странщина“ (на примѣръ, јуноша за младенецъ), „безјашищина“ (по хорватскимъ Безякамъ коби превратно говоритъ, на примѣръ, виждь за види), „кметшщина“ (когда кто говоритъ грубије или застарени и отвивнѣени ричи и селскимъ кметомъ, а не племенитимъ лѹдемъ обични, на примѣръ, клевет за подружникъ, лобзати за целовати“), „обејајство“ (особенно по греческому языку, на примѣръ, једна тисуца за једно тисуце), и проч.

Оставляя въ сторонѣ критическую оцѣнку грамматики Крижанича, укажемъ только на то интересное обстоятельство, что Крижаничъ зналъ разные языки славянскіе лучше, чѣмъ всѣ его предшественники, и что онъ былъ воодушевленъ мыслью создать, конечно, по своему усмотрѣнію, какой-нибудь общеславянскій языкъ.¹⁾

¹⁾ Не забудемъ, что фантазіи о созданіи одного общеславянскаго языка рождались въ головахъ разныхъ писателей славянскихъ и послѣ Крижанича, и что

4. Славянское сознание у югославянскихъ поэтовъ.—Гундуличъ, Палмотичъ, Дюрдичъ, Качичъ.

Славянское сознание воодушевляло и многихъ югославянскихъ поэтовъ. Они, пишучи стихи на своемъ „словинскомъ“ (то-есть, особенно хорватско-далматскомъ нарѣчїи), не рѣдко залетаютъ далеко за предѣлы своего „словинскаго“ Югославянскаго народа, и обвиняютъ все „Словинское“ племя, тянущееся отъ Дубровника на сѣверъ, въ Чехію, Польшу и Русь.

Первое мѣсто между ними занимаютъ Дубровничане. Они, прославляя знаменитыя событія, замѣчаютъ, что они будутъ продолжаться во весь вѣкъ, пока будутъ течь славянскія рѣки, что ими прославится „весь славянскій языкъ“, что изъ-за нихъ радуются „исѣ державы нашего славянскаго языка“, который тянется отъ нашей страны до самаго Ледовитаго моря. Славу своихъ покровителей и любителей провозглашаетъ весь благодарный Славянскій народъ. Дубровникъ для нихъ гордость славянскаго народа, опъ вѣнецъ всѣхъ городовъ и народовъ славянскаго племени, опъ цвѣтъ Славянской державы и проч. ¹⁾.

„Словинскими“ поэтами въ болѣе широкомъ смыслѣ были и три первыя звѣзды на Парнасѣ Дубровницкомъ: Гундуличъ, Палмотичъ и Дюрдичъ.

Иванъ Гундуличъ вдохновился побѣдою соплеменныхъ Поляковъ подъ Хотиномъ (1621 г.) надъ султаномъ Османомъ, чтобы написать знаменитую эпопею „Османъ“ (1627 г.). Вспоминая, что уже миѣнческій пѣвецъ, славный Орфей Болгаринъ, оставилъ свои пѣсни „славянскому своему языку“, чтобъ ими прославлялись славные подвиги славянскихъ героевъ, отъ Александра Сербскаго (Македонскаго) до Сербскихъ государей изъ рода Неманичей, Милоша Обилича, Марка Краевича, затѣмъ города Дубровника, разныхъ угорскихъ героевъ, наконецъ всѣхъ королей польскихъ—Ягайловъ, Владиславовъ, Казиміровъ и Сигизмундовъ (Шишмановъ). Особенно прославился Сигизмундъ, который, съ Лѣха и Крака третій по имени, первый по славі, отнялъ

они являются даже до сихъ поръ. Вспомнимъ мечты объ общеславянскомъ языкѣ Поляка Линде, Чеховъ Юнгманна и Франты-Шумавскаго, Словака Геркеля, Словенца Майра, и др.

¹⁾ Сравни. стихотворенія Ветранича-Чавчича (1482—1576), Пв. Гундулича (ода на Фердинанда Тосканскаго), Палмотичей Юніа († 1657, діалогъ Коломбо, рукоп.) и Якова († 1680, *Dubrovnik ropovljen*), Ник. Вунича (стихотвореніе въ честь Юн. Палмотича), Богашиновича (*Obkrišćenje Beča*, 1684), и др.

вѣнецъ у сѣвернаго царскаго рода и побѣдилъ и западнаго Турецкаго царя, и сынъ его преславный королевичъ Владиславъ. Къ его ногамъ упало Московское княжество; онъ между Днѣстромъ и Дунаемъ истребилъ страшную змѣю турецкую и отомстилъ, такимъ образомъ, поражение и смерть своего предка подъ Варной, съ помощію удалаго Ходкевича и воинственныхъ казаковъ подъ Сагайдачнымъ. Передъ глазами воодушевленнаго поэта проходятъ всѣ предшественники и предки Владислава: Лѣхъ съ городомъ Гнѣзномъ, Кракъ съ Краковомъ, Премиславъ, другой Лѣхъ, оборонившій отъ Карла Великаго славянскіе народы, Мечиславъ и славный сынъ его Болеславъ, Казиміръ Млихъ, Болеславъ Кривоустый, Казиміръ II, Людовикъ польскій и угорскій, Ягайло, Владиславъ и всѣ его потомки до обоихъ славныхъ Сигизмундовъ и Стефана Баторія ¹⁾.

Юній Палмотичъ († 1657), восгѣвая Спасителя, замѣчаетъ, что его будетъ прославлять славянскій языкъ, который обнимаетъ разныя земли отъ Адриатическаго моря до пучины Ледовитаго ²⁾.

Славянское сознаніе поэта видно особенно въ драмѣ „Цапцислава“ (въ первый разъ представленной въ 1652 г.). Въ прологѣ является Слава съ подругою Хвалою и говоритъ, что она обошла все славянство и наконецъ дошла до южной Далмаціи, чтобы сказать, что въ тѣхъ земляхъ когда-то царствовалъ Круниславъ, который не нала-

¹⁾ Сравни. особенно пѣсни 10-ю и 3-ю (изданіе Загребское, 1844). Побѣду Хотинскую прославилъ также извѣстный хорватскій писатель *Иванъ Томко Марканичъ* въ драмѣ «Османщица» (Римъ, 1641); повѣтъ въ ней, между прочимъ указываетъ на извѣстное несогласіе, на «своевольщину лешскихъ народовъ». Отъ сѣверныхъ народовъ, особенно отъ Чеховъ, Подляковъ и Угровъ, ожидали Югославиинѣ пообщіе помощь и освобожденіе отъ Турокъ. Сравни. напримѣръ, прекрасное стихотвореніе Ветранича-Чавчича «*Tužba grada Budima*» (Pjesme I, 52); въ немъ авторъ сѣтуетъ на страшное усиленіе Турокъ и на гибель Угрии, и восклицаетъ: «А теперь нѣтъ ни Угра, ни Чеха, ни Поляна, чтобъ ожидалъ Турка въ полѣ съ копьемъ; нѣтъ уже Хорвата, ни витязя изъ Босны, ни храбраго Далмата, Семиградца и Угровлаха».

²⁾ *Kristiada* (Rim, 1670 г., изд. Zagreb. 1852). Братъ Юнія, Юрій, посвящая Кристиаду кардиналу Варберини, говоритъ, что славянскій языкъ распространенъ больше всѣхъ языковъ, на которыхъ призывается и почитается имя Христа; что онъ по своей гладкости и своему богатству удивительно годится для поэзіи и вообще для изящной литературы. Экземпляръ перваго изданія Кристиады, хранящійся въ библиотекѣ Чешскаго музея, принадлежалъ прежде Вячеславу Войтъху графу изъ Штернберга, наивысшему судѣ королевства Чешскаго, который получилъ его въ подарокъ отъ сына славнаго поэта Гундулича, Франциска (1697 г.).

галь другой подати на подвластныхъ народовъ, кромѣ обязанности говорить на славянскомъ языкѣ. На это охотно согласились Москвитяне, Русскіе, Поляки, Поморяне и Вандалы, Чехи, Сербы, Босняки и остальные народы. Этотъ Круниславъ пошелъ на спокойное житье въ Эпидавръ и здѣсь тоже требовалъ только, чтобы жители говорили по славянски. Они это очень охотно приняли съ однимъ условіемъ, чтобъ у нихъ законы остались на латинскомъ языкѣ; своего же короля такъ полюбили, что городъ свой назвали по его дочери Цаптиславѣ (по славянски Цапгать или Цавтать—*Epidaugus, Ragusa veschia*). Въ другой драмѣ Палмотича „Бисерница“ сходятся въ Будинѣ разные герои, зяти короля славянскаго въ Эпидаврѣ, Крунислава, Войниславъ Сербскій, Людовикъ Чешскій, деспотъ Смедеревскій Лазаръ, банъ Василій, отецъ котораго владѣетъ всѣми Москвитянами и Русскими, Ягайло польскій, баць Хорватскій и Босенскій Матвѣй ¹⁾.

Игнатія Діордича (1675—1737 гг.) вызываетъ самъ римскій поэтъ Овидій, чтобъ онъ писалъ поэзіи на „словинской бесѣдѣ“, на которой онъ самъ хотѣлъ пѣть, и на которой пѣли не только многіе Дубровчане, но и славный Кохановскій, первый пѣвецъ польской крови, и другіе философы и пѣвцы „славянской бесѣды“, число которыхъ превышаетъ волны морскія, лучи солнечные и проч., и слава которыхъ будетъ процвѣтать во вѣки. Границы славянской бесѣды на востокѣ—гора Витошъ и рѣка Марица въ Болгаріи, на западѣ—Драва и Адриа; отсюда славянская бесѣда простираетъ безмѣрно растинутыми свободными руками черезъ плодородную Краину въ горы чешскія; къ нимъ примыкаетъ Литва и Польша, стрѣльцы чернорусскіе и удалаи Москва до ледяной Нової Земли, до границъ Китайскихъ и за Каспійское море до Персіи. Ее орошаютъ моря Адриатическое, Черное, Ледовитое и Нѣмецкое, рѣки хлѣбородная Одра и плодородная Сава, холодная Раба, большой Днѣпръ, гордая Висла, воинственная Драва, черный Донъ, быстрый Дунай. Поэтому, кончаетъ Овидій, — пой на этой широко распространенной и славной бесѣдѣ ея и свою славу“ ²⁾.

¹⁾ Pavić: *Historija Dubrovačke drame*, 155, 164. Дубровницкіе драматическіе поэты вообще любили приводить въ своихъ пьесахъ героевъ изъ разныхъ странъ славянскихъ. Такъ, напримѣръ, въ драмѣ Пулича-Солтановича «Любича» (1666) эта дочь Угорскаго короля любитъ Бранислава, сына Чешскаго короля, но отецъ хочетъ ее выдать за Любимира, сына Польскаго короля. Въ драмѣ неизвѣстнаго автора «Крунослава», за героиню сватается сынъ Чешскаго короля (Pavić, 172, 195).

²⁾ Gjorgjić: *Pjesni razlike* (Zagreb, 1855, 6). И въ жизнеописаніи св. Бенедикта Діордичъ говоритъ, что чудеса этого святаго украшаютъ «нашъ языкъ, кото-

Подвиги славянскихъ героевъ вообще часто воодушевляли югославянскихъ поэтовъ. Такъ, Богашиновичъ воспѣваетъ освобожденіе Вѣны Іоанномъ Собѣскимъ, „свѣтлымъ королемъ Польскимъ“, надѣясь, что онъ истребитъ совсѣмъ змѣю и освободитъ Югославянъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ прославляетъ онъ и другихъ, участвовавшихъ въ томъ дѣлѣ, югославянскихъ воиновъ изъ Хорватіи языка славянскаго, и изъ Дубровника, „гордости славянскаго языка“. Въ концѣ поэмы „королева словинскаго језика“, описывая погибель своей державы, возбуждаетъ всѣхъ христіанъ къ войнѣ съ Турками. Петра Великаго воспѣваютъ и побуждаютъ къ истребленію Турокъ югославянскіе поэты Витезовичъ, Градичъ и Ружичъ ¹⁾).

Наконецъ, и Качичъ-Міошичъ, въ своемъ извѣстномъ собраніи богатырскихъ пѣсней о югославянскихъ герояхъ, перечисляетъ всѣ земли, которыя Александръ Великій завѣщалъ Славянамъ отъ моря Латинскаго до Балтійскаго, Сарматію, Босну, Далмацію, Московію, Полонію, Богемію, Унгарію, Славонію, Булгарію, Сербію, Русію и другія словинскія державы ²⁾).

V.

Славянское сознание у Русскихъ.

Б. Русская историческая и лингвистическая литература.—Лѣтописи.—Гизель.—Славинецкій.—Поликарповъ.—Копіевичъ.—Манкиевъ.—Орбани.

Сознаніе первоначальнаго національнаго единства Славянъ является особенно въ „Повѣсти временныхъ лѣтъ, откуда есть пошла Русская земля“ (около 1116 года). Лѣтописецъ, вѣрно сохраняя древнее преданіе о поселеніи Славянъ въ дунайскихъ земляхъ, куда они прибыли будто бы изъ Сенарской равнины послѣ Вавилонскаго столпо-

рый обширнѣе другихъ, простирается отъ Адриатическихъ странъ до Ледовитаго моря вдоль и поперекъ отъ нѣмецкихъ границъ до Чернаго побережья (изд. въ Дубровникѣ, 1784, 5). Въ своей славянской псалтыри (Saltjer slovinski, изд. въ Загребѣ, 1851, р. XVII). Діордичъ выражаетъ желаніе, чтобъ его ученые соотечественники, по его призыву, писали больше на родномъ языкѣ славянскомъ. Діордичъ занимался также древней исторіей Иллиріи и Дубровника (*Макушевъ*: Ист. памяти. и бытописатели Дубровн. 129).

¹⁾ *Boğaišević: Obkruženje Beča grada* (1684, п часто). Собѣскаго воспѣвалъ и другой поэтъ того времени, Канавеличъ (изд. въ Дубровникѣ, 1850). Сравни также отдѣль: Русскіе и Югославяне.

²⁾ *Razgovor ugodni naroda slovinskoga* (1756, п часто).

творенія, разказываетъ объ ихъ распространеніи на сѣверъ и на западъ вслѣдствіе нападенія Влаховъ или Волоховъ: „По мнзѣхъ же временахъ сѣли суть Словѣни по Дунаеву, гдѣ есть нынѣ Угорьска земля и Болгарьска. Отъ тѣхъ Словѣнъ разидоша ся по землѣ и прозвашася Морава, а друзи Чеси нарекошася; а се тижє Словѣни: Хровате бѣши, и Серебѣ, и Хорутане. Волохомъ бо, нашедшимъ на Словѣни на Дунайскія, сѣдшемъ въ нихъ и насилящемъ имъ, Словѣни же ови пришедше сѣдоша на Вислѣ и прозвашася Ляхове; а отъ тѣхъ Ляховъ прозваша ся Поляне, Ляхове, друзи Лютичи, или Мазовшане, или Поморяне. Также и ти Словѣне пришедше и сѣдоша по Днѣпру, и нарекоша ся Поляне, а друзи Древляне, занс сѣдоша въ лѣсѣхъ, а друзи сѣдоша межью Припетью и Двиною и нарекоша ся Дреговичи; рѣчки ради, яже втечетъ въ Двину, имянемъ Полота, отъ сея прозваша ся Полочане. Словѣни же сѣдоша около езера Илмера, прозваша ся своимъ имянемъ и сдѣлаша градъ, и нарекоша и Новьгородъ; а друзи сѣдоша по Деснѣ и по Семи и по Сулѣ, и нарекоша ся Сѣверь. Тако разиде си словѣньскій языкъ“¹⁾.

Итакъ, русскій лѣтописецъ знаетъ, что „бѣ единъ языкъ словѣньскъ: Словѣни, иже сѣдяху по Дунаеву, и Морава, Чеси и Ляхове, и Поляне, яже нынѣ зовомая Русь“; знаетъ, что учителями Славянъ были уже апостолы Андрей и Павелъ, знаетъ наконецъ, что между Славянами первые крещены Мораване св. Константиномъ и Меодіемъ, которые перевели священныя книги на славянскій языкъ и изобрѣли „грамоту словѣньскую, яже грамота есть въ Руси и въ Болгарѣхъ Дунайскихъ“. И вычисляя разные языки „Колена Афетова, иже живутъ въ странахъ: полунощныхъ“, приводитъ между ними и „словѣньскій языкъ въ Руси: Поляне, Деревляне, Ноугородьци, Полочане, Дреговичи, Сѣверь, Бужане“ и проч.

Этотъ важный разказъ перваго лѣтописца о поселеніи и распространеніи Славянъ во всей южной и восточной Европѣ повторяютъ и другіе русскіе лѣтописцы позднѣйшихъ вѣковъ, сокращая или увеличивая его по своему. Такъ — чтобы привести хотя нѣсколько примѣровъ — составлялись лѣтописи „о Русской земли, отъ котораго колѣна Россійскіе и Славенскіе люди и по чему именуются Россія и Словяне, и откуда влечашесь родъ славянскихъ князей“²⁾; составлялись

¹⁾ П. С. Р. Л., I, 3.

²⁾ Хронографъ и лѣтопись Астраханскаго архіепископа Пахомія 1649 года. (Рукописи Царскаго 199, А. Поповъ: Обзоръ русскихъ хронографовъ II, 236).

на всей Руси сказанія, что св. Константинъ распространилъ правую вѣру и „русское“ письмо у Мораванъ, Чеховъ и Ляховъ, и что первоначально Мораване, Чехи, Хорваты, Сербы, Болгаре, Ляхи, вся Далмація и Діоклитія и другіе съ ними смежные народы были Русь, и славянскимъ языкомъ и письмомъ Бога хвалили и вѣру греческую держали; но что потомъ пришелъ Войтѣхъ, латинскій епископъ, и разрушилъ у западныхъ Славянъ правую вѣру и славянское письмо, прогналъ всѣхъ священниковъ правой вѣры и замѣнилъ все латинскими обрядами ¹⁾. Подобно тому, въ разгарѣ полемики по поводу церковной уніи Брестской, православные утверждали, что свв. Кириллъ и Меѳодій посланы Константинопольскимъ патріархомъ Меѳодіемъ и царемъ Михаиломъ „до словенскихъ народовъ, при которыхъ тогожъ языка народове, Чехове, Моровине, Лихове и Угрове, не отъ костела латинского, але отъ столицы апостольской Константинопольской вѣру христіанскую первотне и съ початку приняли“, что Святонолкъ моравскій, принявшій греческую вѣру отъ Меѳодія, обратилъ въ христіанство Буривою чешскаго и жену его Людмилу, а черезъ чешскую княжну Дубровку принялъ православіе и Мечиславъ польскій ²⁾.

Когда и Русскіе начали знакомиться съ разными историческими и географическими произведеніями западной Европы, особенно посредствомъ сосѣдней Польши, то древнія свои извѣстія о Славянахъ стали дополнять и разными выдумками. Разказы Бѣльскаго, Сарницкаго, Кромера, Стрыйковскаго и другихъ польскихъ историковъ о древней исторіи славянской и русской пошли въ ходъ и въ русской лѣтописной литературѣ, начиная съ конца XVI вѣка. Это видимъ мы въ хронографахъ и въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ (напримѣръ, Густинской) XVII вѣка. Въ нихъ встрѣчаемъ уже разказы „о началѣ государства польскаго и чешскаго“, о жалованной грамотѣ Александра

¹⁾ Приваженіе къ паннонск. легендѣ о св. Константинѣ, XV и XVII вѣковъ. (Чтенія 1863, II; *Бодяскій славянскіи письма* 109, LXIII); хронографъ 1494 г. (*Добровскій*, Кириллъ и Меѳодій 118).

²⁾ *Копытенскій Зах. Палинодія* или книга обороны католической святой апостольской восточной церкви (1621, рукоп., Описание рукописей синодальной бібліотеки II, 3 стр. 343), *Смотрицкій: Obrona weryfikaciej* (1621, отд. VI). И *Густинскій лѣтописецъ*, послѣдую Кромеру и Бѣльскому пишетъ, что св. Меѳодій училъ «Славянъ и Ляховъ, имъ же устави словенскимъ языкомъ хвалити Бога, яко и доселѣ славянскіи народы своимъ языкомъ хвалятъ Господа и въ Краковѣ на Клепару, недавно престаша словенскимъ языкомъ службу Божию служити». (П. С. Р. Л. II, 238). Сравни. *Обзоръ русск. хронографовъ* (изд. Попова 135).

Великаго Славянамъ, о многословутомъ градѣ Москвѣ, яко таковое званіе прія отъ Мосоха, и о Словянѣхъ, яко тако прослыхомъ отъ славы, и Россы отъ разсѣяннїа, объ идолахъ русскихъ Перкопостъ, Позвиздѣ, Ладѣ, Купалѣ, Колядѣ и др. Не довольствуясь простымъ разказомъ перваго русскаго лѣтописца о распространеніи словѣнскаго языка, о его племенахъ, хронографы называютъ ихъ частями „едина Мосохова колѣвна, аще и разны имяны, но вси единъ Московскій народъ“, и утверждаютъ, что „истинный столпъ языка словенскаго въ Московстей земли“, и проч. ¹⁾.

Эти разныя фантастическія мнѣнія о древней исторіи славянской и русской собралъ въ одинъ сводъ особенно Иннокентій Гизель въ своемъ сокращеніи русской исторіи—„Синописиъ или краткое собраніе отъ разныхъ лѣтописцевъ о началѣ славяно-россійскаго народа“ (Кіевъ 1674) ²⁾. По примѣру польскихъ историковъ, въ особенности Стрыйковскаго, Синописиъ наполненъ разными именами въ родѣ князей Асармова, Мосоха, Роса, Козака и друг. Славяне назвались „отъ славныхъ дѣлесъ своихъ“, Русскіе же „отъ россѣяннїа по многимъ странамъ племени своего, Россѣяны, а потомъ Россы; они отъ Славяновъ именовъ точію разиствуютъ, по роду же своему едино суть, и яко единъ и той жеде народъ славенскій, нарицается Славеноросскій или Славноросскій“. Праотцемъ всѣхъ Славянъ, былъ Мосохъ, шестой сынъ Іафета, внукъ Ноевъ; толкуетъ же ся отъ еврейскаго славенски вытягающій и ростягающій, отъ вытяганія лука и отъ расширения великихъ и множественныхъ народовъ Московскихъ, славенороссійскихъ, польскихъ, волынскихъ, чешскихъ, болгарскихъ, сербскихъ, варвацкихъ и всѣхъ обще, елико ихъ есть, славенска языка

¹⁾ *Поповъ А.* Изборникъ русскихъ хронографовъ, 131, 438; жалованная грамота Александра, стр. 440, 445; изъ русскихъ хронографовъ взялъ ее позже 1661—1663 гг. и Хорватъ Главиничъ, бывавшій въ Москвѣ. Густинская лѣтописиъ (1670 г.) въ П. С. Р. Д. II. Въ такомъ смыслѣ пишутъ также нѣкоторые «славяно-козацкіе писари» XVII—XVIII вѣковъ, Грабянка, Величко, Конисскій и др. Сравни также Опис. рукоп. Румянцевскаго Музея (хронографы) и *П. Лавровскаго* статью о лѣтописи Якимовской. На Стрыйковскаго ссылается между прочимъ и Мел. Смотрицкій въ своей Славенской грамматикѣ (1619), которую оканчиваетъ «просодією стихотворною»; онъ признаетъ ее необходимою потому, что Овидій сочинялъ славянскіе стихи: «Овидія славнаго онаго латинскаго пѣту въ заточеніи сарматскихъ народовъ бывша и языку ихъ совершеннѣ навывша, славенскимъ діалектомъ стихи или вирши писавша».

²⁾ Синописиъ издана 18 разъ, послѣдній разъ 1836 г.

природнѣ употребляющихъ“. Славяне помогали македонскимъ царямъ Филиппу и Александру. Послѣдній имъ пожаловалъ „привилегію или грамоту на паргаминѣ златомъ написанную во Александріи“. Князь славенороссійскій Одоначеръ завоевалъ Римъ, и проч. ¹⁾.

Западоевропейскія географіи или космографіи проложили себѣ дорогу и на Русь. Уже въ 1584 году переведена была космографія (и хроника) Мартина Бѣльскаго съ польскаго языка на русскій; въ XVII вѣкѣ была переведена космографія Меркатора и другія. Русскіе или просто переводятъ „съ римскаго языка“, или дополняютъ разказы подлинниковъ. Такъ, по переводной космографіи Славинецкаго, „языкъ славенскій—языкъ бога, разсѣянный на многія отрасли, Россійскую, Польскую, Боемскую, Иллирическую, Далматскую, Виндикскую“; по другимъ, въ Европѣ „первое царство Россійское и Словенское, Русь, Поляки, Литва, Угры, Чехи, Мораве, Сербія“ и проч., въ ней есть царства Россійское—гдѣ „Волга раздѣляетъ татарскій языкъ со словенскимъ“—и Болгарское, королевства Сербское, Угорское, Чешское, Польское и другіе ²⁾.

Разумѣется, Русскіе знали южныхъ Славянъ; Болгаръ и Сербовъ; соединенныхъ съ ними однимъ вѣроисповѣданіемъ и однимъ богослужебнымъ языкомъ „славянскимъ“, ближе, чѣмъ западныхъ. О южныхъ Славянахъ, особенно о Сербяхъ и Болгарахъ, много разказывается въ хронографѣхъ русскихъ, по многочисленнымъ югославянскимъ рукописямъ, переходившимъ на родственную Русь ³⁾.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ на Руси не забывали и западныхъ Славянъ. Такъ, въ одной древнерусской грамматической попыткѣ, въ „Бесѣдѣ о грамотѣ и ея строеніи“ Евдокима на вопросъ: „чесо ради многы буквы во азбуцѣ словенской, не како во иныхъ племенехъ“, сдѣланъ такой отвѣтъ: „понеже мнови усѣдци (sic) языка того, по

¹⁾ Въ примѣръ, какими источниками пользовались русскіе историки XVII вѣка, приведемъ источники вышеупомянутаго Копыстенскаго; кромѣ разныхъ русскихъ книгъ, у него были сочиненія Гвагнина, Вуйка, Длугоша, Бѣльскаго, Кромера, Блажовскаго, Орѣховскаго, Скарги, Соколовскаго, «исторіи словенскія или ческія», хроника словенская, хроника сербская, синаксарь и сборникъ славенскіе и др. (Опис. рукоп. синодальн. библ. II, 3, стр. 831).

²⁾ А. Поповъ: Обзоръ русск. хронографовъ (II, 87, 215). Славинецкаго космографія (рукоп., отрывки у Буслена Истор. хрестом., 1185); другія космогр. у А. Попова: Изборникъ изъ русск. хронографовъ, 459, въ *Временникъ* (XVI смѣсь).

³⁾ Сравни. отдѣлъ: Русскіе и Югославяне.

коемуждо усѣдцу и буквы изложены: Руси роди љ, а сіе ради Поляць, (Поляковъ) ѡ и глаголется гугниво, а сіе ради Болгарь и Русскихъ и. Полицъ *Б, Ж, З, Ч, Ш*, а сіе роди всѣхъ Словенъ *и, ъ, ѣ, ѵ, с, ю, ѡ*, а грамота словенска отъ иныхъ усѣдцовъ нерадѣніемъ была“. Въ древнерусскихъ алфавитахъ въ числѣ разныхъ языковъ приводятся также языки русскій, сербскій, словенскій, чешскій; и между словами изъ этихъ разныхъ языковъ также чешскія („астьквучи“, то-есть, *stkvúci*—бѣль или чистъ), сербскія (витизе—боаре, витати) и проч. ¹⁾.

Итакъ, Русскіе во всей обширной землѣ Русской, Московской и Литовско-Польской всегда сознавали свое славянское происхождение; зналъ и житель „отъ страны полунощныя глаголемыя Двинскыя“, колоніи Новгородскихъ Славянъ, что онъ „Русинъ отъ языка словенска“, знали и жители Литовской Руси, что они „россійскіе Словяне“, что они члены „великороднаго и многаго словенскаго языка“ ²⁾.

Могущественная сѣверовосточная Русь, распространившая свои предѣлы далеко на востокъ въ Азію, на югъ къ Каспійскому морю и къ Кавказу, рано стала обращать на себя вниманіе всѣхъ Славянъ. Не смотря на то, что понятія объ этой славянской державѣ часто были довольно смутны и неясны, всѣ Славяне, Поляки, Чехи, Лужицкіе Сербы и Югославяне любили гордиться тѣмъ, что ихъ славянскій языкъ раздается не только въ средней и южной Европѣ, но и далеко на сѣверѣ до Новой Земли, и на востокъ въ Азіи до границъ Китая, что его знаютъ и Пятигорцы, Черкесы, Татары и другіе восточные народы.

Въ Москву прибываетъ южный Славянинъ Крижаничъ и въ этомъ государствѣ единоплеменнаго царя проповѣдуетъ мысль о единствѣ Славянъ такимъ образомъ, какъ ни одинъ Славянинъ ни до него, ни послѣ него.

Наконецъ, русскій престолъ занимаетъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ государей всего міра, Петръ Великій, настоящій „царь славянскій“, какъ его прозвали Югославяне, задумавъ огромныя пре-

¹⁾ Григоровичъ: Статьи касающіяся др. слав. яз. 30; Ученыя записки II отд. имп. акад. наукъ I, 184—185.

²⁾ Жизнеописаніе св. Стевана Пермскаго (Костомаровъ: Памятники стар. русск. литер., IV, 120. Сравни. опис. рукоп. Румицеск. Муз., 603); посольство литовскаго духовенства и вельможъ къ Папѣ Сиксту 1476 г. (то-есть, подѣлка 1605 г. Литер. сборникъ галицко-русской Матицы 1869, 223. Сравни. Arkiv za povésta. jugoslaw., IV, 357).

образования своего государства и приводя ихъ въ дѣйствіе; онъ вызываетъ изъ всѣхъ славянскихъ земель искусныхъ и способныхъ людей, входитъ въ сношенія съ единовѣрными и единоплеменными Югославянами, которые всѣ, православные и католики, восторженно воспѣваютъ его какъ своего освободителя и усердно предлагаютъ ему свои услуги. Симпатіи Югославянъ да и Чеховъ къ Русскому царю возбуждаютъ въ Вѣнскомъ дворѣ недовѣріе и опасенія. Петра наконецъ привѣтствуетъ въ забытомъ славенскомъ захолустѣ одинъ Лужицкій Сербъ, какъ „своего славянскаго царя“¹⁾.

При Петрѣ издаются сочиненія, въ которыхъ сильно слышится славянское сознание. Поликарповъ издаетъ лексиконъ трехъязычный, то есть, славянскій, греческій и латинскій (1704 г.). По немъ „изъ языка славянскаго аки отъ источника неизчерпаема прочимъ многимъ произыти языкомъ, сирѣчь польскому, чешскому, сербскому, болгарскому, литовскому, малороссійскому и инымъ множайшимъ, всѣмъ есть явно. Не малую же и отсюда нашъ языкъ славянскій имѣетъ почесть, яко начало воспріять отъ самой славы. Ибо еже Грекомъ есть δόξα, латиномъ gloria, сіе намъ есть слава, отнюду же чрезъ имене производство отъ славы славенскій и родъ и языкъ преславное свое начало воспріаша“. Поэтому можно по примѣру Библии сказать и о „языцѣ нашемъ славянскомъ словѣ соименитомъ: И ты роде и языкѣ славенскій, ничимъ же менши еси въ начальныхъ родѣхъ и языкѣхъ“. Поликарповъ издаетъ, между прочимъ, свой словарь и по той причинѣ, что этотъ „славенскій нашъ діалектъ, тако славный и пространный отъ толковыхъ вѣковъ, не токмо подъ державою благочестивыхъ нашихъ монарховъ расширяемой, но и по инымъ премногимъ странамъ употребляемый“, не имѣлъ словаря, „откуда бы наши природніи Славяне и приходящіи иноземцы во обилии себѣ бесѣды славенскія непримѣсныя почерпнули“, и поэтому вошли въ разговоръ и въ книги разныя „странныя реченія, напримѣръ, сербская, польская, малоросская“, и проч.

Въ такомъ смыслѣ пишетъ и Кошєвичъ во „Введеніи во всякую исторію“ (1699 г.): „Славянороссійскій народъ едва не всю Европу о своимъ языкѣ преидеть“, такъ какъ онъ разумѣетъ Поляковъ, Чеховъ, Мораванъ, Словаковъ, Кошубовъ, Иллирианъ, „даже до Азіи Россеаномъ откровенный языкъ“; другъ друга понимаютъ не только

¹⁾ Сравни. обширнѣе объ этомъ отдѣлѣ: Русскіе и Югославяне, Русскіе и Чехи. О лужицкомъ Сербѣ Френцелѣ см. выше.

люди образованные, по и простой народъ. Всѣ они отъ славы и дѣла славныхъ, „именемъ и вещію, воистину суть Славяне и вездѣ повыше описанныхъ земляхъ со всѣми бесѣдовати удобѣе могутъ“, между тѣмъ какъ другіе народы, напримѣръ, Италіанцы и Французы „порубежнаго не разумѣютъ языка“ и за границей своихъ земель суть „варвары тщеславніи“.

При Петрѣ А. Манкіевъ пишетъ (1715 г.) свое „Ядро Россійской исторіи“ по образцу западныхъ теорій того времени ¹⁾. Пространно говоритъ онъ о происхожденіи великаго, стародавняго и славнаго народа Славянскаго, который населяетъ большую часть Европы и нѣкоторыя страны Азіи отъ моря Ледовитаго до Средиземнаго и Адриатическаго, отъ Балтійскаго или Варяжскаго до Чернаго и Хвалынскаго. „Славенскимъ языкомъ либо нѣчто розно, говорятъ: вся Великая, Малая, Бѣлая и Красная Русь, Поляки, Чехи, Болгаре, Сербы, Кроаты, Далматы, Рагузане, Каринты, Стирїице и многіе прочіе народы“. Они назвались всѣ отъ славы и за храбрость свою получили отъ Александра Великаго грамоту, золотыми словами писанную и проч.

Петръ ищетъ ученаго, который могъ бы написать сочиненіе „о началѣ славянскаго народа и о его языкѣ“ и велитъ собирать въ Прагѣ книги, касающіяся того предмета (1712) ²⁾. Десять лѣтъ спустя выходитъ въ Россіи „книга исторіографія початіи имени, славы и разширенія народа Славянскаго, и ихъ царей и владѣтелей подъ многими именами и со многими царствіями, королевствами и провинціями. Собрана изъ многихъ книгъ историческихъ чрезъ господина Мавроурбина, архимандрита Рагужскаго. Въ которой описуется початіе и дѣла всѣхъ народовъ бывшихъ языка славенскаго и единого отечества, хотя нынѣ во многихъ царствіяхъ разсѣвались, чрезъ многіе войны, которые имѣли въ Европѣ, во Азіи и во Африкѣ. Расширенія ихъ имперіи и древнихъ обычаевъ, въ разныхъ временахъ, и познаніе вѣры Христа Спасителя подъ многими владѣтелями. Переведена со италіанскаго на руссійской языкъ и напечатана повелѣніемъ и во время счастливаго владѣнія Петра Великаго, Императора и Самодержца Всероссійскаго“ (1722) ³⁾.

¹⁾ Приписывалось несправедливо князю А. Хилкову; изд. 1770, 1784, 1791, 1799. Сравн. также Опис. рукоп. Румянцевск. Муз. 391.

²⁾ Это порученіе царя исполнилъ Лейбницъ, составивъ краткую записку о Славянахъ. (Соловьевъ ист. Россіи XVII, 403).

³⁾ Мы вполнѣ привели интересное заглавіе русскаго перевода, отличающееся отъ заглавія италіанскаго подлинника М. Орбини Il regno degli Slavi (1601), о

Русское государство со временъ своего великаго преобразователя, поднимаясь все больше, стало все больше обращать на себя вниманіе остальныхъ Славянъ.

І. Первольфъ.

которомъ см. выше. Книгу перевелъ Югославининъ, находившійся въ русской службѣ—Савва Владиславичъ, вдалъ же Ѳ. Прокоповичъ. Петръ Великій, находясь въ 1722 г. въ Астрахани для персидскаго похода, требуетъ немедленной высылки себѣ этой книги (Соловьевъ И. Р.; XVIII, 193).

(Продолженіе будетъ).

КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Россія при Петрѣ Великомъ, по извѣстіяхъ двухъ нѣмецкихъ дипломатовъ.

Zeitgenössische Berichte zur Geschichte Russlands, herausgegeben von Ernst Herrmann. Russland unter Peter dem Grossen. Nach den handschriftlichen Berichten. Johann Gotthilf Vockerodt's und Otto Pleier's. (Современныя извѣстія по исторіи Россіи. Изданы Эрнстомъ Германномъ. Россія при Петрѣ Великомъ по рукописнымъ извѣстіямъ И. Г. Фокеродта и О. Плейера). Leipzig. 1872.

Извѣстный авторъ многотомнаго сочиненія „Geschichte des russischen Staats“, профессоръ Марбургскаго университета, Эрнстъ Германъ, открылъ осенью 1871 года въ тайномъ государственномъ архивѣ въ Берлинѣ двѣ рукописи, заключающія въ себѣ весьма любопытный матеріалъ для исторіи Россіи при Петрѣ Великомъ. Въ послѣдніе годы царствованія Петра, прусскимъ посланникомъ въ С.-Петербургѣ состоялъ баронъ Густавъ Мардефельдъ, при которомъ, въ качествѣ секретаря посольства, находился Іоганнъ-Готгильфъ Фокеродтъ, авторъ подробной записки о состояніи Россіи въ первой половинѣ восемнадцатаго вѣка. Эта записка занимаетъ бблыпую часть новаго изданія Германна (стр. 1 до 118). Далѣе (на стр. 119—140) напечатано донесеніе австрійскаго дипломатическаго агента Оттона Плейера къ императору Іосифу I, о состояніи Московскаго государства въ 1710 году.

Іоганнъ Готгильфъ Фокеродтъ составилъ свою записку въ 1737 году,—значитъ, двѣнадцать лѣтъ спустя послѣ кончины Петра Великаго. Въ Берлинскомъ архивѣ находятся два списка съ этого донесенія и на обоихъ обозначенъ этотъ годъ составленія его, а именно на одномъ изъ списковъ написано: „1737, сентябрь“, а на другомъ: „Разсужденіе о нѣкоторыхъ вопросахъ, относящихся къ пере-

мѣнѣ, совершившейся въ Россіи во время царствованія Петра Великаго, составлено въ сентябрѣ 1737 года". Что записка дѣйствительно составлена въ этомъ году, видно изъ слѣдующихъ мѣстъ сочиненія Фокеродта. На стр. 12-й, говорится о кончинѣ Теофана Прокоповича, случившейся „въ прошедшемъ году“, мы же знаемъ, что Теофанъ умеръ 8-го сентября 1736 года. Въ другихъ мѣстахъ сочиненія говорится о разныхъ событіяхъ, относящихся къ царствованію императрицы Анны, напримѣръ, объ обращеніи въ 1731 году по предложенію фельдмаршала графа Миниха десяти драгунскихъ полковъ въ кирасирскіе, о турецкой войнѣ 1736 года (стр. 44 и 47), о страшномъ пожарѣ въ Москвѣ, случившемся въ 1736 году (стр. 62), о двѣнадцатилѣтнемъ существованіи Академіи Наукъ (стр. 104) и проч.

Баронъ Мардефельдъ ¹⁾, а вмѣстѣ съ нимъ и Фокеродтъ, находились при русскомъ дворѣ еще въ тридцатыхъ годахъ XVIII вѣка ²⁾. Можно полагать, что Фокеродтъ составилъ свою записку въ Россіи. Къ сожалѣнію, г. Германнъ не обращаетъ вниманія на этотъ вопросъ.

Фокеродтъ хорошо зналъ русскій языкъ и для барона Мардефельда переводилъ иногда указы Петра Великаго на нѣмецкій языкъ. Фокеродта не было при баронѣ Мардефельдѣ, когда явился духовный регламентъ, и поэтому прусскій посланникъ въ своемъ донесеніи отъ 9-го іюня 1724 года замѣчаетъ: „Какъ скоро возвратится сюда Фокеродтъ, котораго я очень желаю оплѣть имѣть при себѣ, я доставлю вашему величеству переводъ этого регламента“. Въ началѣ 1734 года Фокеродтъ отъ своего имени, быть можетъ по случаю временнаго отсутствія барона Мардефельда, писалъ къ прусскому правительству донесеніи о состояніи дѣлъ въ Россіи. Изъ этихъ бумагъ, хранящихся также въ Берлинскомъ архивѣ, г. Германнъ узналъ объ имени Фокеродта (Іоганнъ Готгильфъ).

Г. Германнъ придаетъ запискѣ Фокеродта особенное значеніе. Онъ называетъ ее „основательнымъ и солиднымъ трудомъ“ (*Gediegenheit dieser Arbeit*), добросовѣстность котораго, по его мнѣнію, явствуетъ будто бы изъ каждой строки. Онъ замѣчаетъ далѣе, что

¹⁾ Германнъ приписываетъ барону Мардефельду подробное донесеніе о дѣлѣ царевича Алексѣя, находящееся въ герцогской библиотекѣ въ Готѣ; см. *Geschichte d. russ. Staats*, IV, 319.

²⁾ См. *Соловьева*, Исторія Россіи, т. XX, стр. 32 и 33. Послѣ него прусскимъ резидентомъ въ Россіи былъ Гоэманъ, см. тамъ же т. XX, стр. 389.

Фокеродтъ болѣе, нежели многіе другіе иностранцы, находившіеся въ Россіи „наблюдать вѣрно и судить справедливо“ (richtig beobachten und gerecht urtheilen), и что онъ, находясь въ Россіи столь продолжительное время, могъ собрать самыя точныя свѣдѣнія о всѣхъ предметахъ, „обсуждаемыхъ имъ“, тогда какъ другіе писатели, лишь поверхностно знакомые съ Россіею, часто судили о ней по мгновенному впечатлѣнію.

Намъ кажется этотъ отзывъ о значеніи записки Фокеродта слишкомъ лестнымъ для него. Многія данныя, сообщаемыя Фокеродтомъ о событіяхъ русской исторіи въ семнадцатомъ столѣтіи и во время Петра, оказываются неточными, иногда даже вполне лишенными основанія; нѣкоторыя сужденія его о реформѣ Петра не выдерживаютъ строгой критики. Должно удивляться тому, что г. Германнъ, издавая эту записку, не счелъ удобнымъ присоединить къ своему изданію болѣе подробное введеніе, въ которомъ было бы объяснено значеніе этого сочиненія, какъ источника для русской исторіи, въ сравненіи съ другими источниками такого рода, какъ-то сочиненія Перри, Штраленберга, Вебера, Беркгольца, Бассевича и проч.; далѣе слѣдовало бы, по крайней мѣрѣ, къ нѣкоторымъ особенно рѣзкимъ заявленіямъ Фокеродта присоединить комментарий, подтверждающій или опровергающій данныя, сообщаемыя имъ. Впрочемъ г. Германнъ и въ своемъ большомъ сочиненіи, выписывая цѣлыми страницами показанія иностранцевъ о Россіи, не всегда взвѣшиваетъ значеніе и достовѣрность такихъ источниковъ.—У насъ же хотя и составляются иногда многотомные труды о библіографіи по русской исторіи (изданія братьевъ Ламбинскихъ, Межова и проч.), но пока еще почти вовсе нѣтъ трудовъ, въ которыхъ источники для новой русской исторіи подверглись бы тщательному разбору. Въ особенности же сказанія иностранцевъ не оцѣнены достаточно и только въ прекрасномъ сочиненіи г. Вестужева-Рюмина имъ посвящена значительная часть введенія.

При попыткѣ оцѣнить значеніе труда Фокеродта прежде всего рождается вопросъ о средствахъ, которыми онъ располагалъ при составленіи своей записки. Разумѣется, Фокеродтъ находясь въ Россіи въ продолженіе десяти слишкомъ лѣтъ, могъ собрать разнаго рода свѣдѣнія какъ очевидецъ и свидѣтель, присутствовавшій при важныхъ событіяхъ, знакомый со многими вліятельными лицами и наблюдавшій за ходомъ дѣлъ, за состояніемъ нравовъ общества, за мнѣреніями правительства, за мнѣніями и толками, распространенными

въ публикѣ. Далѣе, можно считать вѣроятнымъ, что Фокеродтъ, столь тщательно разбиравшій состояніе Россіи при Петрѣ, старался ознакомиться съ тѣми сочиненіями по этому предмету, которыя до 1737 года уже были напечатаны. Поэтому рождается вопросъ: какія именно изъ иностранныхъ сочиненій объ эпохѣ Петра Великаго могли быть доступны Фокеродту? Сочиненія Беркгольца „Tagebuch von 1721—25“ и Бассевича „Eclaircissements“ явились только при Екатеринѣ II. Біографія Петра, составленная Александромъ Гордономъ, явилась въ печати въ 1755 году. — Фокеродтъ поэтому не могъ быть знакомъ съ этими трудами. За то въ его время уже были напечатаны сочиненія Невилля (*Newille, Relation curieuse*), Корба (*Diarium*), Перри (*The present state of Russia*), Вебера (*Das neueränderte Russland*), Штраленберга (*Das nord- und östliche Theil von Asien*) и др. О двухъ изъ этихъ сочиненій прямо упоминается въ трудѣ Фокеродта, а именно о Перри и о Штраленбергѣ. О сочиненіи Перри говорится на стр. 79-й по поводу замѣтки о постройкѣ канала, долженствовавшаго соединить Каспійское море съ Чернымъ; а о Штраленбергѣ упоминается на стр. 107-й, по случаю замѣтки о неблагоприятныхъ отзывкахъ современниковъ о Петрѣ Великомъ.

Фокеродтъ, составляя свой трудъ по большей части независимо отъ другихъ сочиненій, все-таки мѣстами заимствовалъ кое-что изъ сочиненія Штраленберга, какъ можно заключить изъ сравненія обоихъ источниковъ между собою. Такъ, напримѣръ, на стр. 49-й говорится о томъ, что Петръ въ дѣтствѣ боялся воды, такъ что не могъ даже и смотрѣть на нее. Разказанный при этомъ случаѣ анекдотъ, сколько намъ извѣстно, нигдѣ не встрѣчается, какъ только у Штраленберга ¹⁾. На стр. 21 разказывается о вступленіи на престолъ Михаила Осодоровича, о стараніи Филарета, не предположавшаго избранія сына въ цари и находившагося тогда въ Польшѣ, ограничить власть будущаго царя въ пользу бояръ и о желаніи бояръ не допустить на царскій престолъ слишкомъ богатой и вліятельной семьи. Все это, хотя и въ другой редакціи, встрѣчается и у Штраленберга

¹⁾ Не странно ли, что наши историки, напримѣръ, въ Устряловъ въ первой главѣ своей Исторіи Петра Великаго: «Младенчество Петра», I, 1—16, или во II, 5—30, и г. Забѣлявъ въ своей монографіи: «Дѣтскіе годы Петра Великаго», и въ своихъ «Опытахъ изученія русскихъ древностей и исторіи, Москва 1872», стр. 1—50, повсе не упомянули объ этихъ, хотя бы и лишенныхъ основанія, данныхъ, сообщенныхъ Штраленбергомъ и заимствованныхъ изъ неизвѣстнаго намъ источника.

на стр. 204—209; правда, объ ограниченіи царской власти въ 1613 году или о записи упомянуто и у Котошихина ¹⁾, да еще пожалуй въ современной лѣтописи „О бѣдахъ и скорбехъ и напастехъ“ и т. д.; но едва ли Фокеродтъ зналъ объ этихъ двухъ послѣднихъ источникахъ. На стр. 23-й у Фокеродта сказано, что мать Михаила не желала вступленія сына на престолъ; почти въ такихъ же выраженіяхъ объ этомъ упоминаеть и Штраленбергъ. Изъ этихъ примѣровъ видно, что Фокеродтъ при составленіи своего труда, вѣроятно, отчасти воспользовался Штраленбергомъ.

Труднѣе доказать, что Фокеродтъ пользовался другими подобными печатными источниками. На стр. 52 встрѣчается замѣчаніе о недостаткѣ хорошаго лѣса для постройки кораблей въ Петербургѣ, и что необходимое доставленіе такого матеріала изъ отдаленныхъ странъ въ Петербургъ сопряжено было съ большими расходами. Это замѣчаніе нѣсколько сходно съ замѣчаніемъ Перри на стр. 394 (нѣмецкаго изданія), гдѣ также говорится о доставленіи дубоваго лѣса въ Петербургъ. Разказъ Фокеродта (стр. 24) о сожженіи бумагъ, относящихся къ мѣстничеству, нѣсколько сходенъ съ соотвѣтствующею замѣткою въ сочиненіи Вебера ²⁾. Однако сходство этихъ мѣстъ у Фокеродта съ соотвѣтствующими данными у Перри и Вебера еще не даютъ намъ права утверждать, что Фокеродтъ пользовался сочиненіями этихъ писателей при составленіи своего труда.

Фокеродтъ раздѣляетъ свой трудъ на двѣнадцать главъ. Въ первой главѣ обсуждается вопросъ, справедливо ли древнихъ Русскихъ считали дикимъ и варварскимъ народомъ; въ слѣдующихъ главахъ подвергаются разбору реформы Петра въ области церковныхъ и государственныхъ учрежденій, военнаго устройства, торговли, а также его предпріятія относительно путей сообщенія, крѣпостей, гаваней и пр.; далѣе говорится, въ главѣ о колонизаціи, о значеніи новой столицы, затѣмъ о развитіи наукъ, о перемѣнѣ правовъ и обычаевъ, о населенности и о финансовомъ положеніи Россіи.

На вопросъ, справедливо ли Русскіе считались дикимъ и скотоподобнымъ (vichisch) народомъ, Фокеродтъ въ *первой главѣ* отвѣчаетъ

¹⁾ *Котошихинъ*, стр. 100.

²⁾ *Веберъ*, I, стр. 253: «Theodor convocirte die Noblesse des ganzen Reichs mit dem Befehl, ihre schriftliche Urkunden, Privilegia etc. nach Hofe zu bringen... welche der Czar, ohne sie durchzulesen, zusammen wickelte, und den ganzen Haufen ins Camin-Feuer warf, declarirte hiebei, dass hinfüro die Freiheiten und Prärogativen auf das blosse Verdienst und auf keine Geburt gegründet sein sollten».

да и *нѣтъ*. Съ одной стороны, онъ считаетъ такой отзывъ о Русскихъ справедливымъ, потому что Русскіе ненавидятъ все иноземное и не занимаютъ науками. Съ другой стороны, онъ указываетъ на вѣжливость ихъ въ обращеніи между собою, сравнивая ихъ относительно этого съ Китайцами. Варварство Русскихъ онъ объясняетъ достойнымъ сожалѣнію обстоятельствомъ, что они столь долго находились подъ вліяніемъ Татаръ.

Полную справедливость Фокеродтъ отдаетъ Русскимъ въ отношеніи къ геройскому спасенію отечества въ борьбѣ съ Поляками въ началѣ XVII вѣка. Ему кажется достойнымъ удивленія, что Россія, раздѣленная тогда на разныя политическія партіи, между тѣмъ какъ Поляки находились въ Москвѣ, а Шведы въ Новгородѣ, послѣ столь ужасныхъ несчастій и пораженій, освободилась отъ нашествія Поляковъ одною собственною сялою, безъ помощи какого-либо другаго государства, не приглашая чужихъ министровъ и генераловъ, и что Русскіе въ продолженіе полувѣка возстановили прежніе предѣлы Московскаго государства, не разъ побѣждали Польшу и даже принудили Оттоманскую Порту отказаться отъ покровительства надъ казаками и Украиною ¹⁾. Всѣ эти подвиги Русскихъ кажутся Фокеродту достойными удивленія потому, что Московскіе государи XVII вѣка принадлежали къ новой династіи и не особенно отличались умомъ и способностями, такъ что стало быть — заключаетъ онъ, — виновники столь обширныхъ удачныхъ предпріятій не могутъ считаться людьми глупыми и тупыми.

Далѣе Фокеродтъ удивляется быстротѣ и мѣткости разсудка и ума Русскихъ въ сужденіи о всѣхъ тѣхъ предметахъ, къ которымъ не относятся предвзятія національныя и религіозныя мнѣнія, ловкости и способности ихъ къ разнымъ занятіямъ, краснорѣчію ихъ и хитрости въ обращеніи съ иноземцами.

Довольно подробно Фокеродтъ во *второй главѣ* своего сочиненія говоритъ о судьбѣ церкви въ Россіи, восхваляя при этомъ ловкость Теофана Прокоповича и осуждая дѣйствія Стефана Яворскаго. Оста-

¹⁾ Изъ этого замѣчанія, не совсемъ точнаго, потому что всѣ эти дѣйствія относятся къ періоду нѣсколько большому, чѣмъ пятьдесятъ лѣтъ, видно, что при Фокеродтѣ болѣе помнили о значеніи Турціи, чѣмъ о значеніи Польши въ малороссійскихъ смутахъ. Чигиринскіе походы могли быть въ свѣжей памяти, тогда какъ уже гораздо раньше прекратились болѣе выдающіяся усилія Поляковъ удержатъ за собою Малороссію.

навливаясь на вопросъ объ отмѣнѣ патриаршества при Петрѣ, онъ сообщаетъ краткій очеркъ исторіи патриаршества въ Россіи и при этомъ указываетъ на старанія свѣтской власти не допускать чрезмѣрнаго вліянія духовенства, и въ особенности патриарха, на общій ходъ государственнаго управленія. Онъ находитъ особенно похвальнымъ въ этотъ отношеніи образъ дѣйствій Іоанна IV, о которомъ замѣчаетъ, что историки не совсѣмъ справедливо называютъ его Грознымъ (sic). Неосновательно, на стр. 7-й, Фокеродтъ говоритъ о патриархѣ Гермогенѣ, что онъ, кромѣ безусловной преданности Годунову, не отличается никакою другою заслугою, между тѣмъ какъ Гермогенъ сдѣлался жертвою своего патриотизма и можетъ служить примѣромъ политической твердости. На стр. 7-й, а также и на стр. 23-й, встрѣчается довольно вѣрная и интересная характеристика патриарха Филарета, которому, однако, ошибочно приписывается учрежденіе стрѣльческаго войска, какъ бы для поддержанія монархическаго авторитета въ борьбѣ съ боярами. Смерть Филарета, на стр. 8-й, приписывается огорченію по случаю неудачи русскихъ войскъ подъ Смоленскомъ, что, разумѣется, лишено всякаго основанія, такъ какъ русскія войска отступили отъ Смоленска не ранѣе, какъ въ февралѣ 1634 года, а Филаретъ скончался еще 1-го октября 1633 года. При этомъ случаѣ Фокеродтъ разказываетъ, что царю Михаилу надобно первенство отца-патриарха, подъ вліяніемъ котораго онъ находился и который „присвоивалъ себѣ всю власть, подобно самымъ властолюбивымъ панамъ“ ¹⁾, такъ что царь Михаилъ не особенно печалился по случаю кончины отца, мѣшавшаго ему управлять государствомъ, и для избѣжанія опасности имѣть

.. ¹⁾ Dieser Prälat besass eine unbeschränkte Herrschsucht... governirte im ganzen Reiche alles despötiquement,... liess dem jungen Zaren von der Regierung nichts als den blossen Namen... in Summa er massete sich aller der Gewalt und Vorrechte an, die der ambitieuseste Papst in einem fremden Territorio jemals prätendiren können... Zar Michael wurde endlich des Jochs, worunter er stand, von Herzen überdrüssig und betrübte sich nur mässig, als der alte Patriarch die Augen zuthat». Таково было и мнѣніе одного Шведа, находившагося въ Россіи и писавшаго: «Дѣйствительно, высшая власть находится въ рукахъ патриарха», см. Гейера (Geijer) Ист. Швеція въ нѣмецкомъ переводѣ, III, 98. И въ самой Россіи говорили, что «Филаретъ правомъ опальчивъ и мнительнъ и такой владѣтельный, что самъ царь его боялся»; см. Ист. Россіи *Соловьева*, т. IX, 169. Известно, что Филаретъ участвовалъ во всѣхъ государственныхъ распоряженіяхъ и нерѣдко давалъ указы отъ своего лица даже по такимъ дѣламъ, которыя выходили изъ круга дѣйствій прежнихъ патриарховъ.

подобнаго соперника, назначилъ ему преемникомъ сперва Іоасафа, а потомъ Іосифа, отличавшихся кротостью и уступчивостью

На стр. 7-й говорится объ установленіи, при введеніи патріаршества, правила, чтобы духовенство выбирало двухъ или трехъ кандидатовъ, изъ которыхъ царь затѣмъ назначалъ патріарха, имѣя, впрочемъ, право назначать въ патріархи по своему усмотрѣнію и такихъ лицъ, кои не находились въ числѣ кандидатовъ. На стр. 8-й, однако, сказано, что по смерти патріарха Іосифа духовенство нашло средство возвести на патріаршій престолъ Никона, человѣка коварнаго, предприимчиваго, исполненнаго властолюбія и гордости. Между тѣмъ, избраніе Никона, какъ мы знаемъ, не столько было слѣдствіемъ стараній духовенства, желавшаго будто бы поправить свое положеніе въ отношеніи къ свѣтской власти при сильномъ и способномъ патріархѣ, сколько личнымъ дѣломъ царя Алексѣя Михайловича, какъ видно, между прочимъ, изъ писемъ царя къ Никону во время поѣздки послѣдняго въ Соловецкій монастырь весной 1652 года.

На стр. 9-й говорится о стремленіяхъ Никона забрать въ свои руки и часть свѣтской власти, о низложеніи Никона, при чемъ замѣчается, что греческія духовныя лица будто изъ благодарности за большія суммы денегъ, подаренныя имъ царемъ Алексѣемъ, лишили Никона патріаршаго сана. Замѣтка, что мѣстомъ ссылки Никона былъ монастырь въ окрестностяхъ Москвы, несправедлива; очевидно, она относится къ Воскресенскому монастырю, гдѣ Никонъ находился до окончательной развязки дѣла, между тѣмъ какъ Вѣлозерскій Озеропонтовъ монастырь, куда онъ былъ сосланъ, находится въ разстояніи нѣсколькихъ сотъ верстъ отъ Москвы.

Наслѣдниковъ Никона на патріаршемъ престолѣ Фокеродтъ называетъ людьми несамостоятельными и слабыми; въ особенности Адріанъ, впрочемъ, довольно справедливо, осуждается за совершенную поворность Петру, за пассивность, съ которою онъ былъ свидѣтелемъ рѣзкихъ реформъ Петра по возвращеніи его изъ за границы, страшныхъ казней священниковъ, замѣшанныхъ въ стрѣлецкомъ бунтѣ, и невниманія Петра къ правиламъ о постахъ. Мы знаемъ, что этотъ отзывъ объ Адріанѣ согласенъ со взглядомъ многихъ современниковъ на патріарха, не мѣшавшаго Петру стричь бороды и приучать Русскихъ къ иноземнымъ обычаямъ. „Какой онъ патріархъ“, говорили тогда въ народѣ, „живеть изъ куска; спать бы ему да ѣсть, бережетъ мантии да клобука бѣлаго, затѣмъ и не обличаетъ“. Изъ бумагъ тайной канцеляріи, которыя служили г. Соловьеву матеріаломъ при изло-

жепіи мнѣній народа о реформахъ Петра, видно, что лица, судившіяся за рѣзкія выраженія противъ правительственныхъ мѣръ, принадлежали большею частью къ духовному сословію, а патріархъ молчалъ, безусловно подчиняясь крѣпкой волѣ преобразователя.

Разказъ о Талицкомъ (стр. 10-я), писавшемъ о наступленіи времени антихриста ¹⁾, заимствованъ Фокеродтомъ, кажется, изъ сочиненія Штраленберга, въ которомъ (на стр. 248-й) довольно подробно разказывается о казни несчастнаго фанатика ²⁾.

О Стефанѣ Яворскомъ Фокеродтъ говоритъ съ презрѣніемъ, считая его человѣкомъ совсѣмъ ограниченнымъ и смѣшнымъ ораторомъ ³⁾. Сочиненіе Яворскаго, написанное по случаю „тетрадокъ“ Григорія Талицкаго, Фокеродтъ называетъ чрезвычайно слабымъ, прибавляя, что въ западной Европѣ авторъ непремѣнно былъ бы осмѣянъ за такой трудъ. Особенно забавнымъ кажется Фокеродту, что Стефанъ Яворскій при доказательствѣ, что Петръ не можетъ быть антихристомъ, основывается на томъ обстоятельстве, что путемъ кабалистики изъ имени Петра нельзя вывести многозначительной цифры 666, указывающей на антихриста ⁴⁾. Фокеродтъ замѣчаетъ, что Стефанъ Яворскій старался казаться слѣпымъ орудіемъ Петра, но тѣмъ не менѣе, онъ не безъ основанія прибавляетъ, что Стефанъ, хотя и поступалъ всегда удивительно осторожно и хитро, все-таки иногда противодѣйствовалъ предположеніямъ Петра, и что поэтому Петръ нуждался въ Теофанѣ Прокоповичѣ для введенія новаго церковнаго устройства.

О Теофанѣ Прокоповичѣ Фокеродтъ замѣчаетъ, что онъ былъ

¹⁾ Und was dergleichen alberne Fratzen sein mochten.

²⁾ Штраленбергъ разказываетъ объ особенно искусно приготовленномъ кострѣ, на которомъ сожжены Талицкій и его товарищи, какъ бы съ цѣлью продлить мученія несчастныхъ. У Фокеродта сказано: «Talizkoj wurde decouvriret und zu Belohnung seiner Mühe zu Tode geschmauchet».

³⁾ «Derselbe hatte eine geläufige Zunge, konnte eine Predigt nach Jesuitermanier aufsetzen und wusste den Fuchsschwanz wohl zu streichen».

⁴⁾ «Dass die Zahl des Antichrists 666 durch keine Cabbala aus Petri Namen gezogen werden könne». Фокеродтъ, какъ видно, хорошо зналъ содержаніе сочиненія Стефана Яворскаго. Въ сочиненіи *Лекарскаю*: «Наука и литература при Петрѣ Великомъ», II, 80, есть выдержка изъ этого сочиненія Яворскаго: «Знаменія пришествія антихристова и кончины вѣка и пр.», въ которой, между прочимъ, сказано: «Имя же его (Петра) и число звѣрско 666 словенскими письмены различнѣ слагають, вычисленіемъ лѣтъ, родословіемъ Лукинымъ, седминами Даниелевыми ложное мнѣніе свое утверждаютъ» и т. д..

исполненъ ненависти къ католицизму и въ тоже время ставилъ высоко протестантскія сочиненія. Затѣмъ (на стр. 13-й) упоминается о „трактатѣ“ Теофана Прокоповича о патриаршествѣ, въ которомъ путемъ историческаго анализа изложена необходимость ввѣренія свѣтской власти главнаго надзора надъ духовными учрежденіями, и несправедливость дѣйствій папъ, присвоивавшихъ себѣ столь высокій авторитетъ въ дѣлахъ церкви. Эта брошюра, какъ говоритъ Фокеродтъ, была распространена съ цѣлью приготовить умы къ предстоявшей реформѣ, замѣнившей патриаршество синодомъ¹⁾.

Съ особенною похвалою Фокеродтъ отзывается о духовномъ регламентѣ²⁾, указывая при этомъ на нѣмецкій переводъ, легко приобретаемый въ Германіи³⁾. Фокеродтъ чрезвычайно доволенъ распоряженіями Петра въ отношеніи къ монастырямъ, а также и стараніемъ правительства убавить число монастырей. Если бы, говоритъ онъ, предположенія Петра исполнились, то, по истеченіи тридцати лѣтъ,

¹⁾ Изъ сочиненія *Чистовича* «Теофанъ Прокоповичъ и его время» не видно, было ли опубликовано это сочиненіе; однако, воспроизведеніе его содержанія Фокеродтомъ вполне согласуется съ замѣчаніями самаго Теофана объ этомъ трудѣ. Фокеродтъ пишетъ на стр. 13-й: «in dem Tractätchen «Pontifex» hatte Procopowitsch mit so viel Gelehrsamkeit als Solidität deduciret, dass die ersten christlichen Kaiser die Würde eines Pontificis, welche ihre heidnische Vorfahren besessen, sich beständig vorbehalten, bis endlich die Römische Päpste Mittel gefunden, ihnen selbige nebst denen damit verknüpften Vorrechten aus den Händen zu spielen und sich zuzueignen: wobei zugleich insinuirt wurde, dass ein einem christlichen Staat die Oberaussicht über die geistlichen Geschäfte niemand anders als dem Landesherrn zukommen könnte». Теофанъ же въ письмѣ къ Марковичу, отъ 11-го января 1719 года, пишетъ: «Теперь я пишу трактатъ, въ которомъ изложу, что такое патриаршество и когда оно получило начало въ церкви и какими образомъ, въ теченіе 400 лѣтъ, церкви управлялись безъ патриарховъ и доселѣ еще нѣкоторые не подчинены патриархамъ. Этотъ трудъ я принялъ на себя для защиты учреждаемой коллегіи, чтобы она не показалась чѣмъ-нибудь новымъ и необычнымъ, какъ, конечно, будутъ утверждать люди невѣжественные и злонамѣренные». См. *Сборникъ статей, читанныхъ въ отдѣленіи русскаго языка и словесности Имп. Акад. Наукъ*, IV, стр. 48. Въ описаніи славяно-русскихъ книгъ и типографіи 1698—1725 гг. *И. Пекарскаго*, мы не нашли такого сочиненія Теофана Прокоповича, между тѣмъ какъ замѣтка Фокеродта заставляетъ думать, что сочиненіе это было издано.

²⁾ «Diese Piece ist gewiss ein Meisterstück in ihrer Art und verdienet von Anfang bis zu Ende gelesen zu werden».

³⁾ Духовный регламентъ былъ надѣянъ на нѣмецкомъ языкѣ не менѣе четырехъ разъ. Первое напечатано въ Петербургѣ въ 1721 году. Три другія изданія въ Данцигѣ—въ 1724 и 1725 годахъ; см. *Пекарскаго*, Наука и лит., II, 525.

осталось бы въ Россіи не болѣе десяти монастырей, но по смерти Петра и эти памѣренія преобразователя, равно какъ многія другія остались безъ исполненія (стр. 14-я).

Замѣчанія Фокеродта о невѣжествѣ русскаго духовенства нѣсколько сходны съ соотвѣтствующими выходками капитана Перри ¹⁾).

Въ доказательство того, что и ученость малороссійскихъ богослововъ не серьезна, Фокеродтъ приводитъ анекдотъ о смѣшномъ возраженіи одного малороссійскаго монаха противъ употребленія табаку (стр. 15). Затѣмъ говорится о мѣрахъ, принятыхъ Петромъ для обученія духовенства, о школахъ, ввѣренныхъ сначала надзору Стефана Яворскаго и затѣмъ Θεофана Прокоповича. При этомъ Фокеродтъ выражаетъ, однако, сомнѣніе, можно ли считать особенно „политичнымъ“ ²⁾ стремленіе царя распространить просвѣщеніе въ духовномъ сословіи. „Разумные люди“, замѣчаетъ Фокеродтъ, „полагаютъ, что Петръ не успѣлъ бы провести свои реформы, еслибы имѣлъ дѣло съ болѣе разумнымъ духовенствомъ ³⁾, которое пользовалось бы въ народѣ болѣе уваженіемъ и умѣло бы располагать общимъ мнѣніемъ въ свою пользу“.

Разказъ Фокеродта о потѣхахъ Петра, о князь-папѣ, о славленіи, о шутовскихъ церемоніяхъ и обрядахъ (стр. 18 — 20), нѣсколько сходный съ разказомъ Штраленберга (стр. 234), можетъ считаться точнымъ воспроизведеніемъ наблюденій и впечатлѣній очевидца, хотя и тутъ нѣкоторыя подробности, напримѣръ, выборъ новаго князь-папы, едвали цѣлкомъ могутъ считаться вполне вѣрными. Изъ статьи г. Семейскаго „Шутки и потѣхи Петра Великаго“ ⁴⁾ мы знаемъ объ обрядѣ избранія и поставленія новаго князь-папы въ 1717 году.

¹⁾ Фокеродтъ: «Predigen war bei ihnen ganz und gar nicht Mode. Wer lesen und schreiben konnte, und die Ceremonien der Kirche genau zu beobachten wusste, der hatte alle Requisita, die man nicht nur zu einem Priester, sondern auch zu einem Bischof erforderte. Konnte er sich in Reputation eines strengen Lebens setzen, und war von Natur mit einem weitschichtigen Bart begabt, so passirte er vor einen ausnehmenden Geistlichen». У Перри говорится объ условіяхъ для полученія духовнаго мѣста: «dass er einen guten Nahmen bei seinen Nachbarn und eine gute helle Stimme habe, die Worte Hospidi pomilio... 12 bis 15 Mal in einem Athem so geschwind hintereinander, als es nur immer möglich hersagen zu können... Im übrigen gilt es ihnen gleich wo sie ihre Pricster hernehmen etc.».

²⁾ «Ob Petrus en bon politique behandelt habe.»

³⁾ Mit einer habileren Clerisei.

⁴⁾ *Русская Старина* 1872 года, стр. 845 и слѣд.

Тамъ, между прочимъ, сказано о распоряженіяхъ Петра для приготовленія особеннаго зданія для церемоніи избранія папы, о способѣ баллотировки, о грязныхъ шуткахъ, страшномъ пьянствѣ и вообще непостижимомъ цинизмѣ, господствовавшихъ во всемъ этомъ. За то тамъ не говорится о странныхъ шарахъ, которые, будто бы, употреблялись при баллотировкѣ по разказу Фокеродта, а также не говорится о блюдѣ, которымъ угощали кардиналовъ во время „конклавіа“, о которомъ также упомянуто у Фокеродта.

Замѣчаніе Фокеродта, что, по мнѣнію медиковъ, послѣдняя болѣзнь Петра значительно долей должна считаться слѣдствіемъ неумѣренности Петра по случаю празднествъ при избраніи новаго князь-папы, можетъ считаться лишеннымъ основанія, потому что эти празднества происходили за семь слишкомъ лѣтъ до кончины Петра, а не „незадолго“ до этого событія, какъ выражается Фокеродтъ.

Фокеродтъ замѣчаетъ, что многіе современники, какъ Русскіе, такъ и иноземцы, держатся того мнѣнія, что царь путемъ такихъ шутокъ желалъ или дать почувствовать различіе между прежнимъ и позднѣйшимъ состояніемъ русскаго народа, или осмѣять римско-католическую церковь, а быть можетъ, даже и русское духовенство. Фокеродтъ не раздѣляетъ этихъ мнѣній и полагаетъ, что такія шутки и увеселенія объясняются достаточно склоннымъ къ смѣху нравомъ и юморомъ Петра. Впрочемъ, онъ считаетъ возможнымъ, что Петръ при всѣхъ этихъ шуткахъ, желая главнымъ образомъ повеселиться, въ то же самое время хотѣлъ и выразить свое отвращеніе къ папизму. Замѣчаніе Фокеродта, что Петръ нѣкоторымъ образомъ былъ склоненъ къ протестантизму, и что по этому самому русское духовенство, за исключеніемъ весьма немногихъ лицъ, относилось благосклонно къ римской церкви, едвали можетъ считаться справедливымъ, хотя вѣротерпимость Петра въ отношеніи къ протестантамъ въ то самое время, когда іезуиты и капуцинскіе монахи подвергались гоненію, а съ другой стороны, то обстоятельство, что Стефанъ Яворскій состоялъ нѣкоторымъ образомъ подъ вліяніемъ католицизма, нѣсколько оправдываютъ такой отзывъ Фокеродта. Ненависть русскаго духовенства къ протестантизму едвали была столь велика, какъ полагаетъ Фокеродтъ; она отчасти, впрочемъ, объясняется неприязненнымъ отношеніемъ Русскихъ къ Нѣмцамъ, наставникамъ Петра.

Въ *третьей главѣ* — „О переменахъ, происшедшихъ при Петрѣ въ отношеніи къ реформѣ правленія“, говорится о дворянствѣ въ

Россіи, которое, по мнѣнію Фокеродта, никогда не стремилось къ ограниченію монархической власти. Изъ этого замѣчанія видно, что Фокеродтъ совершенно не понималъ или не зналъ боярскихъ стремлений въ XVI—XVII вѣкахъ. При этомъ случаѣ онъ, между прочимъ, обнаруживаетъ довольно странное незнаніе русской исторіи: „Уваженіе къ царствующему роду“, говоритъ онъ, „доходило въ Россіи до того, что послѣ умерщвленія Лжедмитрія и воцаренія Шуйскаго, когда сей послѣдній хотѣлъ, по собственному желанію, дать вѣтву, что не будетъ казнить никого изъ бояръ, безъ согласія на то всего боярскаго сословія, всѣ бояре на колѣняхъ умоляли царя не жертвовать легкомысленно своимъ *souveraineté*, составляющимъ столь драгоцѣнное достояніе русскаго государя“. Значитъ, Фокеродтъ не знаетъ, что уже по смерти Θεодора Иоанновича бояре желали, чтобы Годуновъ цѣловалъ крестъ на ограничивавшей его власть грамотѣ; онъ не знаетъ, что еще до смерти Лжедмитрія нѣкоторые бояре согласились между собою, что „тотъ, кто будетъ царствовать послѣ Лжедмитрія, не долженъ никому мстить за прежнія досады, но по общему совѣту управлять русскимъ престоломъ“. Фокеродтъ не знаетъ, что, согласно съ этою программой, какъ поступать, когда одинъ изъ нихъ сдѣлается царемъ, царь партіи, боярскій царь, въ Успенскомъ соборѣ сказалъ: „цѣлую крестъ на томъ, что мнѣ ни надъ кѣмъ не дѣлать ничего дурнаго безъ собору, мстить не буду“ и проч. Современники прямо говорятъ, что съ воцареніемъ Шуйскаго бояре стали имѣть гораздо больше власти, чѣмъ самъ царь, и что нѣкоторые изъ бояръ крамолили противъ царя. Не даромъ же Шуйскому надобно было игрушкою въ рукахъ бояръ и онъ однажды сказалъ окружавшимъ его вельможамъ: „Если такъ, выбирайте кого хотите; мнѣ наскучили эти козни“ и проч. Черезъ бояръ Василій вступилъ на престолъ; черезъ нихъ же онъ былъ принужденъ сойти съ него. Главою государства послѣ него сдѣлалась боярская дума, которой присягали: „слушать бояръ и судъ ихъ любить“ и проч.

Фокеродтъ приписываетъ низложеніе Василя Шуйскаго Полякамъ и разказываетъ далѣе о возшествіи на престолъ Михаила Θεодоровича, замѣчая, что тутъ уже дѣйствительно бояре пожелали ограничить власть царя. Очевидно, этотъ разказъ составленъ по Штраленбергу, какъ можно заключить изъ слѣдующихъ данныхъ. Только у одного Штраленберга, на стран. 204, по неизвѣстному источнику разказано о письмѣ Филарета, находившагося въ Польшѣ, къ его шурина Шереметеву о необходимости ограничить власть

царя, къ избранію котораго хотѣли приступить въ Москвѣ ¹⁾. У Фокеродта же сказано, что Русскіе, находившіеся тогда въ Польшѣ и ознакомившіеся съ республиканскими началами государственнаго права этой страны, въ особенности же Филаретъ, который тогда не могъ предполагать, что выберутъ его сына, сильно дѣйствовали къ развитію мысли о необходимости составить для новаго царя что-то похожее на капитуляціи, встрѣчаемыя въ западно-европейскихъ государствахъ ²⁾, и что бояре условились между собою требовать отъ новаго царя соблюденія прежнихъ правъ и обѣщанія, и т. д.

У Штраленберга (стр. 209) сказано, между прочимъ, о слѣдующихъ условіяхъ, на которыя Михаилъ будто бы согласился при вступленіи на престолъ: не вводить новыхъ законовъ и не измѣнять прежнихъ; рѣшать дѣла по существующимъ съ давнихъ поръ установленіямъ; не начинать войны и не заключать мира по собственному усмотрѣнію (*allein und vor sich selbst*). Такое сходство между данными у Штраленберга и разказомъ Фокеродта заставляеть насъ думать, что Фокеродтъ заимствовалъ свой разказъ отъ Штраленберга, при чемъ, впрочемъ, нельзя не удивляться тому, что въ разказѣ о вступленіи на престолъ Шуйскаго, Фокеродтъ надѣлалъ столько ошибокъ.

И у Штраленберга, и у Фокеродта сказано, что Михаилъ безъ всякаго затрудненія согласился на предложенныя ему условія ³⁾; а затѣмъ Фокеродтъ замѣчаетъ, что въ продолженіе нѣкотораго времени, а именно до прибытія Филарета, государство управлялось сообразно съ этими условіями ⁴⁾.

Фокеродтъ разказываетъ далѣе, что Филаретъ, послѣ возвращенія изъ Польши, сдѣлавшись патриархомъ, успѣлъ уничтожить вліяніе

¹⁾ Dieser Brief, welcher viel remarquables in sich gehalten, auch noch bei dem letzt verstorbenen Feld-Marschall Scheremetew in Original zu sehen gewesen sein soll, und woraus mit j-mand, der solchen gelesen, einige Contenta erzählet, soll die damalige Versammlung auf andere Gedanken in der Wahl gebracht haben.

²⁾ Und dass sie wohl berechtigt wären, demselben Gesetze, wonach er regieren sollte, vorzuschreiben: worin sie von ihren Mitbrüdern, die annoch in Polen gefangen sassen und durch den Umgang mit dieser Nation zweifelsonne republicanische Principien eingeزogen haben mochten, durch Briefe bestärket wurden, insonderheit von dem damaligen Rostowischen Bischof und nachherigen Patriarchen Philaret, welcher nicht vermuthen konnte, dass die Wahl seinen Sohn treffen würde.

³⁾ Даже выраженіе: «acceptirt und unterschrieben die Conditiones» встрѣчается въ обоихъ источникахъ.

⁴⁾ Und die Regierung wurde auch eine zeitlang auf dem vorgeschriebenen Fusse fortgeführt, sobald aber sein Vater Philaret zurückgekommen etc.

бояръ и для этой цѣли учредилъ новое стрѣлцкое войско, которое имѣло особенныя привилегіи и начальники котораго были не дворяне, а люди болѣе скромнаго происхожденія, отличившіеся въ Польской войнѣ. Между дворянствомъ же упрямымъ и гордымъ, съ одной, и стрѣльцами, съ другой стороны, была страшная ненависть, и стрѣльцы особенно охотно исполняли распоряженія, имѣвшія цѣлью понизить значеніе бояръ. И при Михаилѣ, и при Алексѣѣ, продолжаетъ Фокеродтъ, стрѣльцы служили орудіемъ для ограниченія правъ бояръ; Феодоръ же Алексѣевичъ, наконецъ, рѣшился отмѣною мѣстничества нанести особенно сильный ударъ высшему дворянству.

Какъ видно, этотъ разказъ Фокеродта во многихъ отношеніяхъ невѣренъ. Во первыхъ, стрѣлцкое войско, о которомъ упоминается впервые во время царствованія Іоанна Грознаго, было учреждено не по вліянію Филарета, а во-вторыхъ, оно вовсе не имѣло особеннаго назначенія служить орудіемъ противъ дворянства. Ни при Михаилѣ, ни при Алексѣѣ правительство, извѣстно, не употребляло стрѣльцовъ для ограниченія власти бояръ; антагонизмъ же между дворянами и стрѣлцкимъ войскомъ обнаружился развѣ только при кровопролитіи 1682 года, при чемъ, впрочемъ, стрѣльцы, дѣйствовали скорѣе какъ орудіе одной боярской партіи противъ другой, чѣмъ какъ орудіе правительства.

Взглядъ Фокеродта на событія 1682 года совершенно ошибоченъ. Онъ разказываетъ, что вступленіе на престолъ десятилѣтняго Петра помимо Ивана, было не болѣе, какъ интрига бояръ, надѣявшихся во время малолѣтства новаго царя возстановить свои привилегіи и свое вліяніе на всѣ дѣла. Замѣчаніе Фокеродта, что царевна Софія управляла „шесть лѣтъ“ (вмѣсто семи) „столько же умно, какъ счастливо“ (mit so viel Verstand als Glück), также можетъ считаться лишненнымъ основанія; хотя и несомнѣнно, что Софія и Василиій Васильевичъ Голицынъ управляли государствомъ умно, тѣмъ не менѣе нельзя говорить объ особенно благополучномъ правленіи Софіи, такъ какъ ни въ области администраціи, ни въ области законодательства при ней не видно особенныхъ успѣховъ, а внѣшняя ея политика представляетъ цѣлый рядъ страшныхъ неудачъ. Стоитъ только вспомнить о двухъ Крымскихъ походахъ и о Нерчинскомъ договорѣ. Договоръ съ Польшею 1686 года казался довольно выгоднымъ, и нельзя отрицать, что Голицынъ при веденіи переговоровъ съ польскими дипломатами отличился необыкновенною ловкостью; но на дѣлѣ этотъ договоръ

былъ купленъ слишкомъ дорого обѣщаніемъ, во что бы то ни стало, объявить войну Туркамъ и Татарамъ.

Замѣтка Фокеродта, что Софія въ отношеніи къ дворянству руководствовалась тѣми самыми правилами, которыми руководились ея братъ Теодоръ и ея отецъ Алексѣй, такъ что она окончательно лишила дворянство послѣднихъ привилегій, которыми оно еще пользовалось до нея, нисколько не подтверждается событіями этого времени и развѣ только объясняется, нѣкоторымъ образомъ, мыслями на этотъ счетъ Хованскаго и Шаковитаго, которые дѣйствительно нѣсколько враждебно относились къ дворянамъ. О Хованскомъ разказывали, что онъ объявилъ боярамъ: „Вездѣ государство терпѣло только вредъ и поношеніе отъ вашей безумной гордости“; о Шаковитомъ же говорили, будто онъ сказалъ о боярахъ: „Бояре — отпадшее заблудое дерево, развѣ постоитъ до поры до времени одинъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ“¹⁾.

Совсѣмъ невѣрнъ также разказъ Фокеродта о событіяхъ 1689 года. Мы находимъ у него слѣдующее изложеніе: „Въ такомъ отчаянномъ положеніи дворянство, не надѣясь на царя Ивана, находившагося совершенно подъ вліяніемъ сестры, попыталось уговорить Петра дѣйствовать согласно съ интересами бояръ. Петръ же, воспользовавшись очею охотно случаемъ освободиться отъ опеки сестры, обѣщавъ дворянству все, что угодно²⁾, и для усиленія своего союза съ дворянствомъ женился на Лопухиной, вслѣдствіе чего его партія стала быстро усиливаться. Софія же приказала стрѣльцамъ захватить Петра въ Преображенскомъ, намѣреваясь заключить его въ монастырь; Петръ, однако, узнавъ объ этомъ намѣреніи чрезъ Лефорта, и въ сопровожденіи этого офицера спасся въ Троицкій монастырь“ и проч.

Откуда Фокеродтъ могъ заимствовать столь странный взглядъ на событія 1689 года, что будто весь этотъ переворотъ объясняется интригою бояръ и Петра, заключившихъ между собою что-то въ родѣ сдѣлки?

Правда, въ народѣ, чрезвычайно недовольномъ реформами Петра, въ первое время царствованія его дѣйствительно считали его нѣкоторымъ образомъ сторонникомъ бояръ. Въ 1701 году на Дону раскольникъ Авилака, бывшій въ Іерусалимѣ, распустилъ слухъ, будто

¹⁾ Устряловъ, Ист. Петра В., I, 72 и II, 40.

²⁾ «Versprach der Noblesse was sie nur verlangte».

царь Иванъ еще живъ и живетъ въ Іерусалимѣ „для того, что бояре воруютъ; царь Петръ полюбилъ бояръ, а царь Иванъ чернь полюбилъ“ ¹⁾). Также и царевичъ Алексѣй считался въ народѣ сторонникомъ народа въ противоположность Петру, стороннику бояръ. На Дону же говорили: „Царевичъ на Москвѣ гуляетъ съ Донскими казаками, и какъ увидитъ котораго боярина и мигнетъ казакамъ, и казаки, хватая того боярина за руки и за ноги, бросятъ въ ровъ. У насъ государя нѣтъ“ и пр. ²⁾).

Тѣмъ не менѣе можетъ казаться страннымъ и даже пелѣпимъ, что Фокеродтъ считаетъ Петра въ началѣ его царствованія царемъ партіи: не боярамъ Петръ былъ обязанъ престоломъ, никакихъ обѣщаній онъ имъ не давалъ; его бракъ съ Евдокією Лопухиной не былъ мѣрою для сближенія его съ боярами. Забѣчаніе Фокеродта, что Лефортъ увѣдомилъ Петра о грозившей ему опасности лѣтомъ 1689 года, также несправедливо: Петръ узналъ объ умыслахъ Софіи не отъ Лефорта, а отъ нѣсколькихъ стрѣльцовъ Стремниаго полка, именно отъ Мелнова и Ладогина, которые прискакали въ Преображенское около полуночи, 7-го августа 1689 года ³⁾). Только нѣсколько позже Лефортъ явился въ Троицкій монастырь.

За то справедливо разказываетъ Фокеродтъ, на стр. 25, что даже между стрѣльцами образовалась партія въ пользу Петра; его забѣчаніе, однако, что дворянство, ожесточенное противъ Софіи (*erbitterter Adel*), пристало къ Петру не подтверждается фактами. Споръ между Петромъ и Софіею былъ распріею личною. Значеніе партій тутъ ничтожное; еще недавно въ сочиненіи г. Аристова („Московскія смуты въ правленіе царицы Софіи“), сильно расположеннаго въ пользу Софіи, было указано, что и на сторонѣ Петра, и на сторонѣ Софіи были бояре ⁴⁾).

Затѣмъ у Фокеродта слѣдуетъ еще весьма грубая ошибка: онъ говоритъ, что Петръ, одержавъ верхъ надъ Софіею, частью ласками, частью угрозами принудилъ Ивана совершенно отказаться отъ престола и предоставить царствованіе одному ему. Царь Иванъ не отказался отъ престола, хотя разумѣется, при своей слабости, и не имѣлъ

¹⁾ *Соловьевъ*, Ист. Россія.

²⁾ *Соловьевъ*, Исторія Россія.

³⁾ См. *Устряловъ*, Ист. Петра В. II, 58.

⁴⁾ Моск. смуты, стр. 126. Г. Аристовъ держится того мнѣнія, что споръ былъ не личный; онъ видитъ въ переворотѣ 1689 года борьбу двухъ боярскихъ партій; но едва ли такой взглядъ можетъ считаться справедливымъ.

никакого значенія и даже не особенно торжественно былъ погребенъ, когда скончался въ 1696 году. Личныя же отношенія между братьями были благопріятныя до самой кончины Ивана, и послѣдній на смертномъ одрѣ еще желалъ видѣться съ Петромъ.

Довольно странно въ взглядъ Фокеродта и на образъ дѣйствій Петра въ первое время его царствованія. Петръ, по его мнѣнію, льстилъ боярамъ, пока нуждался въ нихъ для вступленія на престолъ. Достигнувъ же этой цѣли, онъ старался сломать силу бояръ, потому что былъ занятъ предположеніями о разныхъ нововведеніяхъ и опасался, что бояре не будутъ поддерживать его реформъ. Поэтому Петръ, какъ кажется Фокеродту, систематически старался устроить такъ, чтобы дворянство и стрѣлцкое войско, въ постоянной и упорной борьбѣ между собою, привели другъ друга въ совершенную слабость, дабы и бояре, и стрѣльцы въ концѣ концовъ должны были вполне подчиниться могущественной волѣ государя. Для этой цѣли, разказываетъ Фокеродтъ, Петръ, не имѣвшій себѣ равнаго въ искусствѣ притвориться, ласкалъ обѣ партіи, общалъ и боярамъ, и стрѣльцамъ разныя льготы, но въ то же время старался удалить стрѣльцовъ изъ Москвы, поручивъ имъ защиту пограничныхъ крѣпостей. Учрежденіе „потѣшнаго“ войска, въ глазахъ Фокеродта, было лишь результатомъ іезуитскаго разчета Петра, желавшаго чрезъ введеніе новыхъ военныхъ чиновъ уничтожить значеніе прежнихъ боярскихъ отличій. Нѣсколько справедливѣе замѣчаетъ Фокеродтъ, что такъ какъ самъ Петръ началъ служить въ войскѣ, довольствуясь скромнымъ чиномъ, то и бояре уже не могли гордиться своимъ происхожденіемъ и покорились волѣ Петра и князя Ромодановскаго, игравшаго нѣкоторымъ образомъ роль государя.

На стр. 28-й Фокеродтъ несправедливо разказываетъ, что въ стрѣлцкомъ бунтѣ 1698 года участвовали „многіе дворяне, недовольные уничтоженіемъ боярскихъ привилегій“. Въ заговорѣ 1697 года Цыклеръ, Соковницъ и Пушкивъ не могутъ считаться представителями какихъ-либо боярскихъ интересовъ, и въ стрѣлцкомъ бунтѣ 1698 года не было участія бояръ. За то въ замѣчаніи Фокеродта, что дуhovenство содѣйствовало къ раздраженію народа чрезъ постоянныя толки объ опасности, грозившей церкви вслѣдствіе реформы Петра, есть значительная доля правды. Изъ бумагъ преображенскаго приказа, которыми пользовался г. Соловьевъ при составленіи своего разказа о нерасположеніи черни къ Петру ¹⁾, видно, что монахи и свя-

¹⁾ XV, стр. 135 и слѣд.

щенники отчасти были сторонниками стрѣльцовъ. Не даромъ же Петръ особенно строго наказывалъ священниковъ, которые предъ битвою подѣ Воскресенскимъ монастыремъ исповѣдывали стрѣльцовъ и во время боя пѣли молебны о побѣдѣ; а по случаю розыска по дѣлу царевича Алексѣя Петръ сказалъ Толстому: „Ой бородачи! многому злу корень старцы и попы; отецъ мой имѣлъ дѣло съ однимъ бородачемъ, а я съ тысячами“¹⁾).

На стр. 29-й у Фокеродта сказано, что Петръ и самъ участвовалъ въ казняхъ и заставляя своихъ бояръ играть роль палачей надъ стрѣльцами. Известно, что ранѣ другихъ Корбъ сообщилъ о томъ фактѣ, что Петръ собственноручно казнилъ нѣкоторыхъ преступниковъ. Г. Соловьевъ не сомнѣвается въ томъ, что приближенные царя рубили головы стрѣльцамъ²⁾; князь Ромодановскій отсѣкъ четыре головы; Голицынъ, по неумѣнью рубить, увеличилъ муки доставшагося ему несчастнаго; любимецъ Петра, Меншиковъ, хвалился, что обезглавилъ 20 человекъ; за то иностранцы Блюмбергъ и Лефортъ отказались отъ этихъ упражненій, говоря, что въ ихъ земляхъ этого не водится. Петръ смотрѣлъ на зрѣлище, сидя на лошади, и сердился, что нѣкоторые бояре принимались за дѣло трепетными руками. По всей вѣроятности, Фокеродтъ заимствовалъ свой разказъ объ этихъ кровавыхъ сценахъ у Штраленберга.

Послѣ этого кровопролитія, продолжаетъ Фокеродтъ, Петръ до своей кончины царствовалъ неограниченно, нигдѣ не встрѣчая сопротивленія и не признавая ни малѣйшаго превосходства дворянъ надъ прочими сословіями. Въ доказательство этого Фокеродтъ указываетъ на позорныя наказанія бояръ, на исполненіе дѣтьми боярскими самихъ низкихъ работъ, на зачисленіе лицъ знатнаго происхожденія матросами и проч.³⁾.

¹⁾ *Соловьевъ*, Ист. Россіи, XVII, стр. 216.

²⁾ *Соловьевъ*, Ист. Россіи, XIV, стр. 281.

³⁾ Дѣйствительно, нѣкоторые сановники были наказаны батогами, кнутомъ и плетью, какъ видно изъ разныхъ данныхъ у Желябужскаго. Такъ, напримѣръ, извѣстный дипломатъ Украинцевъ, оказавшій значительныя услуги Петру, бить дубьемъ. Записки *Желябужскаго*, стр. 225. Генералъ-губернаторъ сибирскій Гагаринъ повѣшенъ; оберъ-фискаль Нестеровъ колесованъ и проч. Что же касается до не особенно аристократическихъ занятій, которымъ, по желанію Петра, русскіе дворяне должны были посвящать себя, то любопытно письмо Петра къ Ромодановскому изъ Амстердама отъ 31-го августа 1697 года, въ которомъ, между прочимъ, сказано: «Плещеевъ, Головинъ, Меншиковъ и проч. отданы на остиндскій дворъ къ корабельному дѣлу; Кикинъ и Васильевъ машины

Справедливо замѣчаетъ Фокеродтъ, говоря объ отношеніи царевича Алексѣя къ отцу, что у царевича никогда не хватило бы воли и мужества мечтать о покушеніи на жизнь отца, и что онъ, собственно говоря, желалъ только жить спокойно въ обществѣ мало образованныхъ поповъ и монаховъ. Эта характеристика вполне согласна съ мнѣніемъ объ Алексѣѣ г. Соловьева (въ XVII томѣ его „Исторіи Россіи“). За то Фокеродтъ при этомъ случаѣ довольно странно излагаетъ образъ дѣйствій Петра. Петръ, разказываетъ онъ, издалъ законъ о маіоратахъ (въ 1714 году), противорѣчившій его старанію лишить дворянство силъ и средствъ, для того, чтобы чрезъ это постановленіе приготовить подданныхъ къ лишенію права на наслѣдство, такъ какъ онъ именно тогда уже мечталъ объ этой мѣрѣ. Во-первыхъ, трудно понять, какимъ образомъ законъ о маіоратахъ могъ состоять въ какой-либо связи съ предположеніемъ Петра лишить сына наслѣдства, а во-вторыхъ, едва ли можно допустить, что Петръ еще въ 1714 году думалъ объ устраненіи Алексѣя отъ престола, тогда какъ мы знаемъ, что не ранѣе октября 1715 года онъ написалъ первое письмо къ сыну, въ которомъ предлагалъ ему или „нелицемерно обратиться“, или лишиться наслѣдства¹⁾.

Далѣе у Фокеродта говорится, что Петръ такъ страстно любилъ кораблестроеніе, что при закладкѣ новаго корабля никакими другими дѣлами не занимался и въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль не допускалъ къ себѣ никого изъ сановниковъ для совѣщаній. Еще менѣе справедливымъ можно считать отзывъ Фокеродта, что Петръ въ первые *тридцать* лѣтъ своего царствованія весьма мало, или даже вовсе не занимался внутреннимъ преобразованиемъ своего государства въ отношеніи къ судопроизводству, народному хозяйству и финансамъ, и обращалъ вниманіе только на флотъ и на войско. Къ періоду съ 1698 по 1719 г. относятся многія важныя мѣры Петра для развитія торговли, промышленности, финансовъ и проч. Если даже считать первые тридцать лѣтъ царствованія Петра съ 1682 по 1712 годъ, то и къ этому періоду относится учрежденіе сената, дѣятельность прибыльщиковъ, раздѣленіе государства на губерніи и проч.

Члены сената, по мнѣнію Фокеродта, не были ни достаточно дѣятельны, ни особенно свѣдущи для исполненія своихъ обязанно-

---

дѣлать, Якимъ моляръ, да дякопъ—къ водянымъ мельницамъ, другіе къ ботопому дѣлу, еще другіе къ порусному—дѣлу блоки дѣлать, или отданы въ матросы и проч». См. *Устряловъ*, «Ист. Петра В.», т. III, стр. 426.

¹⁾ См. *Устряловъ*, VI, 49.

стей, и къ тому же отличались корыстолюбіемъ и продажностью. О Меншиковѣ Фокеродтъ говоритъ, что онъ многія дѣла рѣшалъ самовластно, не обращая вниманія на сенатъ. Замѣтка Фокеродта о слѣдствіи, произведенномъ надъ нѣкоторыми саповниками (Апраксинымъ, Меншиковымъ и проч.), справедлива, за то нельзя согласиться съ отзывомъ Фокеродта, что это слѣдствіе развило въ Петрѣ особенную склонность къ занятіямъ уголовными дѣлами.

Неизвѣстно, откуда Фокеродтъ заимствовалъ разказъ свой объ отправленіи въ 1716 году совершенно тайно одного человѣка въ Швецію, для изученія административныхъ учрежденій этого государства. Особенно любопытно замѣчаніе, что Петръ при этомъ случаѣ ни съ кѣмъ не совѣтовался и снабдилъ своего агента значительными суммами денегъ. Совершенно справедливо разказываетъ Фокеродтъ, что дѣла въ коллегіяхъ шли чрезвычайно дурно и что новое учрежденіе сначала повело ко многимъ безпорядкамъ. Русскіе не понимали новой административной организаціи; ипостранцы же не были въ состояніи устроить путаницу потому, во первыхъ, что не знали по русски и не могли объясняться съ своими сослуживцами, во вторыхъ же, потому, что не были знакомы съ частностями шведскихъ учрежденій, служившихъ образцомъ при учрежденіи коллегій въ Россіи (стр. 33).

Все это вполне подтверждается результатами новѣйшей историографіи. Лейбницъ, какъ разказываетъ г. Соловьевъ въ XVI томѣ своего сочиненія (стр. 186 и 189), писалъ Петру, что хорошее правленіе можетъ быть только при условіи коллегій, которыхъ устройство похоже на устройство часовъ, гдѣ колеса взаимно приводятъ другъ друга въ движеніе. При введеніи коллегій, однако, оказалось, что ни иностранцы, которыхъ набрали для отправленія дѣлъ въ коллегіяхъ, ни Русскіе не могли привести новый административный механизмъ въ удовлетворительное движеніе. Колеса въ новыхъ машинахъ, вмѣсто того, чтобы приводить взаимно другъ друга въ движеніе, иногда зацѣплялись другъ за друга и мѣшали общему дѣйствію. Происходили разнаго рода столкновенія между членами коллегій, между коллегіями и сенатомъ, и проч.

Говоря о многихъ случаяхъ казнокрадства, Фокеродтъ совершенно справедливо замѣчаетъ (стр. 33), что должность воеводъ до Петра была основана на началѣ кормленія ¹⁾ и что Петръ боролся именно

¹⁾ Wann sich Jemand in einer Ambassade oder andern Commission wohl verhalten hatte, wurde ihm zur Belohnung ein Gouvernement gegeben, in welchem er

съ такимъ взглядомъ чиновниковъ на службу и принималъ самыя сильныя мѣры для искорененія его. Дѣйствительно, мы знаемъ, что прибыльщики, фискалы и прокуроры отчасти наблюдали и за тѣмъ, чтобы чиновники не брали взятку и посулъ; кто бралъ такія деньги, наказывался кнутомъ, былъ лишасмъ имѣнія, „шельмованъ и изверженъ изъ числа добрыхъ людей“, или даже казненъ. „Нигдѣ въ свѣтѣ“, говорилъ Петръ ¹⁾, „такъ нѣтъ, какъ у насъ было, а отчасти еще есть, и зѣло тшцается всякія мины чинить подъ фортецію правды“. Продѣлки Меншикова вызвали угрозу со стороны Петра: „Если онъ не исправится, быть ему безъ головы“, а когда онъ однажды слушалъ дѣло о казнокрадствѣ въ сенатѣ, то сказалъ Ягужинскому: „Напишите указъ, что если кто и на столько украсть, что можно купить веревку, то будетъ повѣшенъ“, на что, впрочемъ, генераль-прокуроръ отвѣчалъ ему: „Государь, неужели вы хотите остаться императоромъ одинъ безъ служителей и подданныхъ? Мы всѣ воруемъ, съ тѣмъ только различіемъ, что одинъ больше и примѣтнѣе, чѣмъ другой“. Вспомнимъ и слова Посошкова: „Что это у нашихъ людей за разумъ, что ничего въ прокъ государству не прочать, только прочать имѣніе себѣ, и то на часъ“. Изъ всего этого видно, что если даже и сами чиновники не могли разстаться съ прежнимъ взглядомъ на должность, какъ на средство кормленія, то Петръ нисколько на раздѣлялъ его. При Петрѣ служба не была какъ бы наградою или пенсіей за оказанныя государству услуги. Въ принципѣ послѣднее зло относится къ намѣстникамъ и воеводамъ, а не къ губернаторамъ; на фактѣ же и губернаторы очень часто были ничѣмъ не лучше воеводъ, которыми, впрочемъ, въ наказахъ выставляли безкорыстіе, какъ важнѣйшую ихъ обязанность ²⁾. Петръ не только не совѣтовалъ начальникамъ губерній, при отправленіи ихъ на мѣста, нажить себѣ тамъ состояніе, какъ разказываегь Фокеродтъ о предшественникахъ Петра, но даже не пере-

olnerachtet gar kein Appointement damit verknüpft war, sich dennoch in kurzer Zeit dergestalt bereichern konnte, dass man ihn vor einen sehr schlechten Oeconomen ansah, wann er nicht wenigstens eine halbe Tonne Goldes mit zurtickbrachte. Dieses Manövre schien auch selbst vom Landesherrn autorisirt zu sein. Dann wann der Zar Jemanden ein Gouvernement conferirte, pflegte er sich gemeiniglich dabei folgender Formel zu bedienen: «Ich habe dich für deine Dienste mit der Wojewodschaft NN begnadiget. Ziehe hin, lebe daselbst und iss dich satt». Ja, es war nichts neues, dass, wann Jemand ein Gouvernement bekommen hatte, das ihm nicht anstand, er selbiges an einen andern, mit Consens des Zaren, verkaufte».

¹⁾ Соловьевъ, Ист. Россіи, XVIII, стр. 137.

²⁾ Андреевскій, О намѣстникахъ, воеводахъ и губернаторахъ; стр. 12, 40, 49.

ставалъ придумывать средства контролировать дѣйствія губернаторовъ, которые должны были при увольненіи представлять отчеты о всей своей дѣятельности, въ извѣстное время безъ ландратовъ не могли рѣшать многихъ дѣлъ и находились въ нѣкоторой зависимости отъ коллегій и сената.

Фокеродтъ далѣе говоритъ о катастрофѣ Гагарина, Нестерова и Шафирова. Послѣднихъ двухъ онъ считаетъ почти совсѣмъ невиновными. О Нестеровѣ онъ разказываетъ, что онъ взялъ подарокъ въ размѣрѣ 2000 рублей за веденіе дѣла совершенно справедливаго (стр. 35). По тогдашнимъ понятіямъ, разумѣется, это не могло считаться преступленіемъ. Курбатовъ, напримѣръ, держался того мнѣнія, что напрасно давать жалованье судьямъ: судьи—люди нескудные, имъ не мало добровольныхъ приношеній отъ приказныхъ дѣлъ, при чемъ поставилъ въ примѣръ самого себя, такъ какъ онъ получилъ въ два года болѣе 600 руб. ¹⁾). Подобно тому и Татищевъ говорилъ Петру: „Я беру, но въ этомъ ни предъ Богомъ, ни предъ вашимъ величествомъ не погрѣшаю; судья не виноватъ, если рѣшитъ дѣло какъ слѣдуетъ и получить за это благодарность“.

О винѣ Нестерова разказывается различно: изъ матеріаловъ, которыми располагалъ г. Соловьевъ, видно, что его обвиняли въ томъ, что онъ взялъ съ Попцова, вступившаго въ немалые откупа, взятку—часы серебряные боевые въ 120 рублей, одѣяло на лисьемъ мѣху, да сверхъ того заставилъ Попцова обѣщать ему еще денегъ 300 руб.; что и прежде Попцовъ давалъ ему взятки рожью, скотиною, парчами, лошадьми; что Нестеровъ, съ Ларіона Воронцова за опредѣленіе его въ Сибирь воеводою, взялъ 500 руб., за откупъ кабаковъ 500 рублей и проч. ²⁾). Хотя эти суммы и не столь велики, какъ цифра, показанная у Фокеродта, но ни къ одному изъ этихъ дѣлъ нельзя отнести отзывъ Фокеродта, что оно было вполне чистое ³⁾). Совсѣмъ другое разказываетъ о Нестеровѣ голштинскій резидентъ Берхгольцъ, который былъ свидѣтелемъ страшной казни его и которому сообщили, что Нестеровъ былъ обличенъ въ кражѣ на сумму 300.000 рублей, и что его вина казалась особенно тяжелою потому, что царь, желая устранить отъ него всякое искушеніе въ незаконномъ обогащеніи, подарилъ ему нѣсколько имѣній ⁴⁾).

¹⁾ *Соловьевъ*, XVI, стр. 258.

²⁾ *Соловьевъ*, XIII, стр. 155.

³⁾ *Beförderung einer an sich ganz gerechten Sache.*

⁴⁾ *Büsching, Magazin*, т. XXII, стр. 432.

Несправедливо Фокеродтъ обвиняетъ Петра и въ томъ, что онъ наказывалъ казпокрадство особенно въ такихъ случаяхъ, когда питалъ какое-либо перасположеніе къ личности виновнаго. При этомъ, впрочемъ, нашъ авторъ не безъ основанія указываетъ на то обстоятельство, что Меншиковъ и Апраксинъ, честность которыхъ подлежала сильному сомнѣнію, никогда не были наказаны серьезно. Намъ неизвѣстно, на чемъ основано предположеніе Фокеродта, будто Петръ въ послѣднее время своей жизни готовился къ особенно жестокиѣ мѣрамъ противъ казпокрадства.

Въ *четвертой главѣ* говорится о реформахъ Петра въ отношеніи къ военному устройству.

Тутъ прежде всего сказано, что Русскіе, находившіеся вообще долгое время подъ влияніемъ Татаръ, были, въ отношеніи къ военному устройству, ихъ подражателями и учениками. О стрѣльцахъ говорится, между прочимъ, что у нихъ не было мундировъ, но что каждый одѣвался по своему вкусу и по своимъ средствамъ (стр. 36). Можетъ быть, Фокеродтъ заимствовалъ это замѣчаніе у Перри ¹⁾. Что касается до одежды стрѣльцовъ, то настоящихъ мундировъ дѣйствительно у нихъ не было ²⁾. Однако, съ другой стороны, мы знаемъ, что одежда стрѣльцовъ состояла изъ цвѣтныхъ суконныхъ кафтановъ, — алыхъ, синихъ, малиновыхъ, голубыхъ, зеленыхъ съ красивыми, иногда золотыми перевязями; что сапоги они носили также цвѣтные, болѣею частью желтые, а шапки нерѣдко бархатныя съ мѣховою опушкою; что каждый полкъ имѣлъ особый цвѣтъ, и что одежда имъ выдавалась изъ казны ³⁾.

Устройство людей даточныхъ, собираемыхъ для походовъ съ тяжелыхъ и пятаглыхъ дворовъ, Фокеродтъ сравниваетъ съ соотвѣствующимъ учрежденіемъ у Турокъ, при чемъ замѣчаетъ однако, что турецкое войско вооружено гораздо лучше русскаго, отличающагося разнообразіемъ вооруженія. Не многіе имѣли ружья или мушкеты; иные имѣли только луки, топоры и рогатины. Фокеродтъ говоритъ также о разнообразіи конницы, смотря по степени благосостоянія

¹⁾ Перри на стр. 293: «Ein jeder hatte sich nach seiner eigener Phantasie oder so gut er sein Kleid machen konnte, getragen». У Фокеродта: «Ein jeder kleidete sich, so gut er konnte und wollte».

²⁾ Еще Крѣжаничъ жаловался на безпорядокъ и отсутствіе однообразія, во внѣшнемъ видѣ русскаго войска. См. Русское государство въ половинѣ XVII вѣка, изд. Безсонова, т. I, стр. 89, 94, 104.

³⁾ Устряловъ, I, 20

каждаго всадника (стр. 37). Совершенно согласны съ этимъ отзывомъ слѣдующія слова Устрялова: „Люди богатые являлись на рѣзвыхъ аргамакахъ, въ блестящихъ панцыряхъ и въ зеркалахъ, вооруженные булатными саблями, мушкетами, карабинами, съ исправною боевою прислугою и съ обильнымъ запасомъ всякаго продовольствія. Бѣднякъ прѣзжалъ на плохой лошади, безъ латы и шлема, безъ мушкета и карабина, съ одною саблею въ рукѣ и съ парю pistols, да съ мѣшкомъ сухарей, который несъ за нимъ хилый челядинецъ, вооруженный рогатиною“ ¹⁾. Около половины XVII вѣка русскій посланникъ въ Венеціи Чемодановъ разказывалъ Козьмѣ Медичи, что въ Россіи дворяне государевыхъ городовъ бьются „разнымъ обычаемъ“, и лучнымъ, и огненнымъ боемъ, „кто какъ умѣетъ“; что у всѣхъ солдатъ „свой обычай“ и что „куда не придутъ, никакіе полки противъ ихъ не стоятъ“. Не такъ хвалилъ Посошковъ русское войско. Онъ смѣялся надъ нимъ, говори о печальномъ исходѣ крымскихъ походовъ, во время регентства Софїи, и утверждалъ, что Русскіе и стрѣлять не умѣютъ ²⁾. Фокеродтъ ставитъ польское войско нѣсколько выше русскаго, между тѣмъ какъ Крижаничъ полагалъ, что русское войско и многочисленнѣе, и подвижнѣе, и болѣе дисциплиновано, и лучше вооружено, чѣмъ польское ³⁾.

Съ мнѣніемъ Фокеродта, что Русскіе прежде не были особенно искусными артиллеристами можно согласиться. Нѣсколько страннымъ, однако, кажется его замѣчаніе, что артиллерійское искусство Русскихъ заключается лишь въ томъ, что они, при осадѣ какой-либо крѣпости, обыкновенно возводятъ земляной валъ, приваливаютъ его къ валу непріятельскому и, засыпавъ ровъ, сбиваютъ непріятеля съ крѣпостныхъ стѣнъ. Кромѣ этого средства, Русскіе, по показанію Фокеродта, брали города блокадою, продолжавшеюся иногда такъ долго, что непріятель сдавался вслѣдствіе голода.

Способъ осады крѣпости, описываемый Фокеродтомъ ⁴⁾, не можетъ считаться за общепринятый у Русскихъ XVII вѣка, а развѣ за рѣд-

¹⁾ Устряловъ, Исторія Петра Великаго, I, 178.

²⁾ Сочиненія Посошкова, I, 281 и 287. «Ружье плохо и владѣть имъ не умѣли, только боронились ручнымъ боемъ, копьями и бердышами, и то тупыми,—у конницы клячи худыя, сабли тупыя и т. д. Иной дворянинъ и зарядить пищаля не умѣетъ, а не то что ему стрѣлять по цѣли хорошенко».

³⁾ О промыслахъ, стр. 103.

⁴⁾ Sie gruben sich in die Erde, warfen vor sich einen Berg auf, und continuirten damit so lange, bis sie nicht mehr den Graben gefüllt hatten, sondern auch mit den Mauern à niveau gekommen waren.

кое и любозытное исключеніе. Стрѣльцы и солдаты придумали этотъ способъ, напоминавшій, какъ замѣчаетъ г. Устряловъ, осаду Херсона великимъ княземъ Владиміромъ, во второмъ азовскомъ походѣ; дѣйствительно, сооруженіе такого вала тогда имѣло успѣхъ ¹⁾; Фокеродтъ обобщилъ частный случай.

Затѣмъ Фокеродтъ упоминаетъ о переводѣ на русскій языкъ какого-то нѣмецкаго сочиненія о ратномъ дѣлѣ при Алексѣѣ Михайловичѣ. Очевидно, это ничто иное какъ „ученіе и хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей“, переведенное въ 1647 году.

Упомянувъ объ иностранцахъ, служившихъ въ русскомъ войскѣ, Фокеродтъ говоритъ, что русское духовенство по возможности желало устранить этихъ опасныхъ и ненавистныхъ еретиковъ. Однако, Петръ, благодаря — по мнѣнію Фокеродта, — событіямъ, случившимся при его воцареніи, находился вполнѣ „въ рукахъ иностранныхъ офицеровъ“. Фокеродтъ же замѣчаетъ, что въ русскомъ войскѣ постоянно чувствовался недостатокъ въ хорошихъ и опытныхъ офицерахъ, такъ какъ ихъ нельзя было найдти между Русскими. Но и иностранцы, продолжаетъ авторъ, принимались на службу безъ всякаго испытанія и часто оказывались невѣждами; а болѣе способные между ними, не зная русскаго языка, не могли быть особенно полезны, и въ то же время употребляли часто довольно низкія средства для того, чтобы удержаться въ милости у Петра. — Нельзя однако безусловно принять замѣчаніе Фокеродта, что иностранцевъ принимали безъ разбору и не подвергали никакому испытанію. Напротивъ того, мы знаемъ, что уже до Петра, напримѣръ, когда прибыли фонъ-Фростенъ и его товарищи, между которыми былъ и Лефортъ, русское правительство весьма тщательно испытало ихъ способности и познанія и поступало съ ними вообще довольно осторожно ²⁾.

Неосновательно говоритъ Фокеродтъ и о томъ, что Петръ до шведской войны считалъ свое войско не уступающимъ никакому другому въ Европѣ, и будто такая неумѣстная самонадѣянность заставила Петра объявить Шведамъ войну, хотя Лефортъ и другіе иностранные генералы старались его отклонить отъ этого намѣренія. Впрочемъ, изъ исторіи азовскихъ походовъ, въ которыхъ участвовалъ самъ Петръ, мы знаемъ, что онъ имѣлъ случай убѣдиться въ несовершенствѣ русскаго войска. Повторихъ, нѣтъ никакихъ данныхъ о ста-

¹⁾ Устряловъ, Исторія Петра Великаго, II, 285.

²⁾ Possell, Lefort, I, 194.

раніяхъ Лефорта сохранить миръ съ Швеціей.—Разказывая нѣкоторыя подробности сраженія при Нарвѣ, Фокеродтъ говоритъ о стараніяхъ Петра, генерала Вейде и генерала Головина избѣгнуть опасности. О Петрѣ разказывается далѣе, что онъ, отправившись весьма поспѣшно въ Новгородъ и получивъ извѣстіе о страшномъ поражениіи, одѣлся въ крестьянское платье, обулся въ лапти, плакалъ и былъ въ такомъ отчаяніи, что сначала никто не осмѣливался говорить съ нимъ о военныхъ дѣлахъ; въ это время, продолжаетъ Фокеродтъ, онъ былъ ласковъ только съ тѣми изъ генераловъ, которые совѣтовали заключить миръ, и изъявлялъ готовность исполнить это во что бы то ни стало и пр. Все это нисколько не подтверждается фактами и вовсе не соотвѣтствуетъ характеру Петра. Фокеродтъ говоритъ далѣе, что Петръ вообще отличался осторожностью и, однажды испытавъ силу какого-либо непріятеля, никогда не подвергалъ себя во второй разъ одной и той же опасности. Доказательствомъ этого, по мнѣнію Фокеродта, можетъ служить то обстоятельство, что Петръ послѣ прутскаго похода никогда болѣе не рѣшался объявить войну Турціи, не смотря на то, что окраины Россіи постоянно были разоряемы Татарами, и по настоящему, слѣдовало бы принять рѣшительныя мѣры противъ этихъ хищниковъ, находившихся подъ покровительствомъ Порты.

Такой взглядъ на характеръ Петра опять-таки противорѣчитъ фактамъ. Онъ постоянно выказывалъ удивительную стойкость и послѣдовательность въ своихъ предпріятіяхъ, не унывалъ въ несчастіи и послѣ каждой неудачи былъ готовъ къ возобновленію прежнихъ усилій, чтобъ окончательно достигнуть желанной цѣли. Тотчасъ же послѣ перваго неудачнаго азовскаго похода онъ сталъ готовиться ко второму; послѣ несчастной Нарвской битвы онъ, нисколько не отчаяваясь, сталъ принимать мѣры къ продолженію войны. Война шведская затянулась и не доставляла ему возможности къ разрыву съ Турціей. Сохраненіе мира съ послѣднею, послѣ прутскаго кризиса, никакъ не можетъ быть приписываемо его малодушію. Только то обстоятельство, сказано у Фокеродта, что упрямый Карлъ XII не хотѣлъ заключить предложеннаго ему Петромъ мира, заставило Петра продолжать войну; мы знаемъ, что по случаю переговоровъ о мирѣ, чрезъ посредничество Австріи, русскій дипломатъ Голицынъ не только не просилъ мира на унижительныхъ условіяхъ, но даже потребовалъ для Россіи всей Ливоніи и разныя прибалтійскіе города ¹⁾, а тотъ-

¹⁾ Устряловъ, Исторія Петра Великаго, IV, 81 и слѣд.

часть же за тѣмъ послѣдовало опустошеніе Лифляндіи Шереметевымъ.

Затѣмъ Фокеродтъ дѣлаетъ маловажныя замѣчанія объ устройствѣ русскаго войска, о конницѣ, Татарахъ и казакахъ. Съ нѣкоторымъ сочувствіемъ относится онъ къ малороссійскимъ казакамъ, права которыхъ постепенно уничтожались русскимъ правительствомъ, вслѣдствіе чего нѣкоторые изъ нихъ уходили въ Польшу или къ Татарамъ (стр. 45). Говоря мимоходомъ о Булавинскомъ бунтѣ, Фокеродтъ не точно разказываетъ, что только главные зачинщики были казнены, ибо извѣстно, что число казненныхъ было довольно значительное, а число убитыхъ въ сраженіяхъ казаковъ было даже весьма большое. Фокеродтъ разказываетъ, что Петръ никогда не могъ узнать въ точности, сколько на Дону казаковъ, потому что депутаты казацкіе, пріѣзжавшіе въ Москву или Петербургъ, отказывались отвѣчать на вопросъ о численности казаковъ. Авторъ прибавляетъ, что впрочемъ Петръ могъ относиться совершенно равнодушно къ вопросу о числѣ казаковъ, лишь бы они поставляли ему всегда опредѣленное войско. Такое замѣчаніе показываетъ, что Фокеродтъ вовсе не имѣлъ понятія о значеніи казачества, усиливавшагося не иначе какъ на счетъ государства и вытягивавшаго изъ послѣдняго служебныя и производительныя силы. Русское правительство не могло относиться равнодушно къ увеличенію числа казаковъ, которые принимали къ себѣ безвозвратно бѣглецовъ изъ разныхъ странъ Россіи. Помѣщики били челомъ государю, что они отъ такихъ побѣговъ крестьянъ разоряются; бѣжали крестьяне, пребывавшіе на публичныхъ работахъ, солдаты, въ которыхъ нуждалось правительство для шведской войны, всѣ недовольные, раскольники, преслѣдуемые правительствомъ, и пр. Петръ именно нуждался въ людяхъ, а сколько людей убѣгало на Донъ, видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго примѣра: въ Шуйскомъ уѣздѣ въ 1706 году, изъ одной лишь деревни исчезло не менѣе 26 семействъ. Могло ли при такихъ обстоятельствахъ русское правительство относиться равнодушно къ размѣрамъ казачества?

На стр. 46-й Фокеродтъ замѣчаетъ, что „Запорожскіе казаки въ первомъ крымскомъ походѣ“ оказали русскому правительству важныя услуги. Если онъ относитъ этотъ фактъ къ походу князя В. В. Голицына въ 1687 году, то слова его лишены всякаго основанія; напротивъ, ихъ подозрѣвали даже въ томъ, что они зажгли степь (какъ разказываетъ, между прочимъ, Гордонъ, участвовавшій въ этомъ походѣ), а степной пожаръ былъ главною причиною неудачи всей

этой кампаніи. Если же Фокеродтъ относитъ этотъ фактъ къ азовскимъ походамъ, то послѣдніе, во-первыхъ, не могутъ быть названы „Krimische Campaigne“; вовторыхъ, не въ первомъ, а во второмъ походѣ, и дагѣ не малороссійскими, а донскими казаками, какъ первыми дѣятелями русскаго флота, были дѣйствительно оказаны важныя услуги Петру ¹⁾).

Послѣ нѣкоторыхъ замѣчаній о русской артиллеріи, Фокеродтъ переходитъ къ разбору вопроса о русскомъ флотѣ и при этомъ случаѣ опять останавливается на вышеупомянутой мнимой, чрезмѣрной и похожей на малодушіе, осторожности Петра. Онъ разказываетъ слѣдующій фактъ: „Когда въ концѣ 1719 года пресѣклись переговоры о мирѣ на Аландскихъ островахъ, и Англичане заключили миръ съ Швеціей, Петръ сталъ опасаться нападенія англійскаго флота на Кронштадтъ и поэтому хотѣлъ было купить миръ съ Швеціей уступкою Лифляндіи и Выборга. Шведы настаивали на возвращеніи имъ Ревеля; Петръ же намѣревался помѣстить въ этомъ портѣ свой флотъ, и потому рѣшился продолжать войну. По случаю переговоровъ о мирѣ въ Ништадтѣ, когда Петръ находился въ гораздо болѣе выгодномъ положеніи и не могъ предвидѣть какой-либо опасности ни со стороны Шведовъ, ни со стороны Англичанъ, онъ все-таки такъ желалъ мира, что едва не отказался отъ Выборга, который можетъ считаться какъ бы ключемъ къ Петербургу. Графъ Ягужинскій уже былъ отправленъ съ предложеніемъ возвратить Шведамъ это мѣсто, и только благодаря дипломатическому искусству графа Остерманна, услѣдшаго подписать миръ до пріѣзда Ягужинскаго, Россія не потеряла этой крѣпости“.

Этотъ разказъ нисколько не согласуется съ достовѣрными свидѣніями, извлеченными въ повѣйшее время изъ архивовъ. Дѣйствительно, Шведы изъявили на Аландскомъ конгрессѣ желаніе, чтобы Россія уступила имъ Выборгъ. Брюсъ и Остерманнъ, однако, прямо объявили, что объ этомъ и думать нельзя, „потому что этотъ городъ отъ Петербурга въ близкомъ разстояніи и царское величество въ своей резиденціи никогда безопасенъ быть не можетъ, если Выборгъ будетъ за Швеціей“. Объ отправленіи Ягужинскаго въ Ништадтъ ничего не извѣстно изъ актовъ, относящихся къ исторіи этихъ переговоровъ. За то Ягужинскій былъ отправленъ на Аландъ съ тою прибавкою

¹⁾ См. Очеркъ исторіи Черноморскаго флота, на стр. III введенія къ Жизнеописанію Ушакова, *Скаловскаго*. Сиб. 1856.

къ инструкціи Остерманна, что въ самомъ крайнемъ случаѣ Лифляндія должна быть удержана въ русскомъ владѣніи лѣтъ на тридцать или двадцать, а по окончаніи этого срока имѣеть быть возвращена Швеціи. Фокеродтъ, очевидно, слыхалъ объ этой поѣздкѣ Ягужинскаго и перепуталъ событія двухъ конгрессовъ. Изъ инструкцій Петра русскимъ дипломатамъ на Аландѣ и въ Ништадтѣ мы ничуть не видимъ, чтобы Петръ находился въ столь тревожномъ состояніи, какое приписываетъ ему Фокеродтъ. Попытка испугать Россію англійскимъ флотомъ не удалась; въ то время, когда адмиралъ Норрисъ только угрожалъ нападеніемъ, русскія войска опустошали шведскіе берега. „Безъ Лифляндіи и Выборга“, объявилъ Брюсъ въ Ништадтѣ, „царское величество мира не заключить“; между тѣмъ какъ Шведы стояли за Выборгъ, утверждая, что этотъ городъ есть ключъ къ Финляндіи, и что если онъ останется за Россіей, то „вся Финляндія всегда будетъ въ волѣ царскаго величества“. Намъ извѣстны еще нѣкоторыя заявленія Петра въ послѣднее время до заключенія мира въ письмахъ къ Брюсу и Остерманну, и ни въ одномъ изъ нихъ мы не встрѣчаемъ хотя бы тѣни предложенія уступить Выборгъ Шведамъ ¹⁾. Значитъ, и въ этомъ случаѣ Фокеродтъ оказывается не достаточно знакомымъ съ ходомъ дѣлъ, современныхъ даже его пребыванію въ Россіи. Изъ данныхъ, лишенныхъ всякаго основанія, онъ выводитъ общія заключенія о характерѣ Петра, и разумѣется, такія заключенія оказываются совершенно ложными.

Разказъ Фокеродта о развитіи въ Петрѣ охоты къ кораблестроенію и къ сооруженію флота (стр. 50) не представляетъ ничего особеннаго. Затѣмъ говорится о верфи въ Воронежѣ, о Троицкой гавани (около Таганрога), о значеніи Прутскаго похода и о постройкѣ Петербурга. О Кронштадтской гавани сказано, что прѣсная вода въ ней портитъ находящіеся тамъ корабли, и что устройство верфей въ Петербургѣ и Кронштадтѣ нѣсколько неудобно, вслѣдствіе недостатка на сѣверѣ необходимаго для кораблестроенія дубоваго лѣса.

Довольно любопытны слѣдующія замѣчанія Фокеродта относительно развитія флота на Балтійскомъ морѣ (стр. 53):

«Впрочемъ, можно считать спорнымъ вопросомъ, доставилъ ли Петръ Россіи чрезъ учрежденіе и разположеніе флота на Балтійскомъ морѣ существенную выгоду и содѣйствовалъ ли онъ чрезъ это успленіе флота умноженію силъ своей державы, или нѣтъ. Мѣстоположеніе Россіи таково, что съ моря на нее

¹⁾ См. объ этихъ данныхъ, относящихся къ исторіи переговоровъ, у *Соловьева*, Ист. Россіи, XVIII т. стр. 239, 259, 330, 358, 365 и пр.

напасть невозможно даже и въ томъ случаѣ, если бы всѣ европейскіе флоты соединились противъ нея. Пока русское войско находится въ подлежащемъ устройствѣ, никакой десантъ не можетъ имѣть успѣха, и даже для непріятелей Россіи было бы чрезвычайно опасно попытаться на десантъ, потому что къ зимѣ совершенно прекращается сообщеніе моремъ. Если же русское войско не находится въ исправномъ состояніи, то для Швеціи, единственной державы, которая могла бы рѣшиться на такое предпріятіе, гораздо легче и удобнѣе дѣйствовать на сушѣ. Русскій флотъ никогда не можетъ сдѣлаться опаснымъ сосѣднимъ державамъ. Шведскіе берега недоступны черезъ скалы и подводные камни, прусскіе берега также не безопасны. Русскіе могли бы предпринять кое-что между датскими островами, но для Россіи сохраненіе мира съ Данією можетъ считаться весьма важною выгодною, а къ тому же Голландія и Англія никогда не могли бы равнодушно видѣть убавленіе власти и силы Даніи ¹⁾. Россія никогда не будетъ имѣть флота, равняющагося флотамъ морскихъ державъ, во-первыхъ, по случаю недостатка въ финансовыхъ средствахъ, во-вторыхъ, по случаю недостатка въ морякахъ. Не смотря на всѣ усилія, Петръ не возмогъ побѣдить въ Русскихъ отвращенія къ морю. Еще менѣе успѣха на этотъ счетъ будутъ имѣть его наслѣдники. Наконецъ, флотъ и не нуженъ для поддержанія торговли, потому что Русскіе почти вовсе не занимаются вышшею торговлею на собственныхъ судахъ и вовсе не стремятся къ этой дѣлу, такъ что не столько Россія, сколько другія державы заинтересованы въ обезпеченіи мореплаванія. Изъ всего этого слѣдуетъ, что Петръ могъ бы употребить громадныя средства, истраченные имъ на постройку флота, съ гораздо большею пользою на усиленіе войска. Разумнѣйшіе моряки въ Россіи держатся того мнѣнія, что чрезмѣрное усиленіе флота не принесетъ никакой пользы и что для Россіи достаточно имѣть въ Балтійскомъ морѣ развѣ шесть линейныхъ кораблей и двѣнадцать фрегатовъ. Совсѣмъ иное можно сказать о галерномъ флотѣ, созданномъ Петромъ по образцу турецкихъ галеръ, постройка и сооруженіе котораго не требуютъ особеннаго искусства, такъ что всѣ русскіе сухопутные офицеры легко могутъ командовать такимъ флотомъ, а солдаты даже полюбили эти галеры, оказавшія Россіи много пользы во время послѣдней шведской войны и содѣйствовавшія заключенію выгоднаго для Россіи Ништадтскаго мира. На галерахъ Русскіе переплыли въ Швецію, гдѣ опустошали всѣ окрестности Стокгольма, такъ что Швецы съ радостью рѣшились на заключеніе мира, при чемъ Петръ, впрочемъ, не настаивалъ на уступкѣ всѣхъ областей, занятыхъ въ то время Русскими. Такая кротость Петра удивила всѣхъ, ибо приобрѣтеніе всей Финляндіи могло считаться для него болѣе важнымъ, чѣмъ приобрѣтеніе Лифляндіи. Онъ тѣмъ легче могъ требовать такой уступки, что Англія не могла бы противоdѣйствовать ему, Швеція же была въ такомъ изнеможеніи, что невольно согласилась бы на всѣ предлагаемыя Петромъ условія. Впрочемъ, Швеція, заключающая Фокеродтъ «пока еще не можетъ считаться находящеюся внѣ опасности, и если когда нибудь на

¹⁾ Впослѣдствіи, между прочимъ, во время войны между Екатериною и Густавомъ III оказалось, что Англія и Голландія гораздо болѣе дѣйствовали въ пользу дядюшки Швеціи, нежели въ пользу Даніи.

престолъ Россіи будетъ лицо энергичное и предприимчивое, то Швеція едва ли будетъ въ состояніи защитить Финляндію противъ Россіи. Таково мнѣніе шведскаго адмирала Эреншильда, бывшаго у Русскихъ въ плѣну въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. Когда въ 1726 году, по случаю Гольштинскаго вопроса, отношенія между Россіей и Швеціей сдѣлались нѣсколько сомнительными, и сеймъ обратился къ Эреншильду съ вопросомъ, сколько военныхъ кораблей необходимо имѣть для прикрытія, въ случаѣ разрыва, шведскихъ береговъ отъ нападенія русскихъ галеръ, адмиралъ возразилъ, что онъ не беретса защитить шведскіе берега, хотя бы и располагалъ флотомъ, состоящимъ изъ тысячи военныхъ кораблей».

Эти замѣчанія заслуживаютъ вниманія во многихъ отношеніяхъ. Послѣдующія времена оправдали мнѣніе Фокеродта о возможныхъ размѣрахъ русскаго флота на Балтійскомъ морѣ и о томъ, что Швеція не удержитъ за собою Финляндіи. За то опасенія Шведовъ, что русскій галерный флотъ въ случаѣ войны будетъ дѣйствовать наступательно у береговъ Швеціи, оказались лишеными основанія. Ни при Екатеринѣ, ни при Александрѣ I, во время борьбы за Финляндію, не было дѣлаемо такихъ десантовъ.

Эта глава сочиненія Фокеродта, въ которой говорится о *перемѣнѣ*, состоявшихся при Петрѣ Великомъ, въ отношеніи къ *торговлѣ*, можетъ считаться лучшею и интереснѣйшею. Она служитъ важнымъ дополненіемъ къ тѣмъ свѣдѣніямъ о русской торговлѣ, которыя мы встрѣчаемъ въ сочиненіяхъ Кильбургера „Kurzer Unterricht vom russischen Handel“ ¹⁾, Родеса „Bedenken ueber den russischen Handel“ ²⁾, Марпергера „Moscowitischer Kauffmann“ ³⁾ и друг. Тутъ Фокеродтъ наблюдалъ самостоятельнѣе и судилъ справедливѣе.

Прежде всего онъ говоритъ о производительности Россіи, объ удобствахъ сообщенія въ этой странѣ чрезъ большія судоходныя рѣки, и приводитъ въ примѣръ то обстоятельство, что изъ Петербурга до Китайской границы (разстояніе 12.000 верстъ) можно путешествовать и перевозить товары по большей части водою. Впрочемъ, провозъ товаровъ, какъ говоритъ Фокеродтъ, не представляетъ особенныхъ затрудненій, такъ какъ расходы при этомъ незначительны. Затѣмъ говорится о мѣрахъ, принятыхъ Петромъ для развитія торговли въ Петербургѣ, о способѣ производства торговли съ Китаемъ, при чемъ справедливо упоминается о казнокрадствѣ сибирскихъ чиновниковъ

¹⁾ 1674, напеч. въ *Magasin für Historie und Geographie*, изд. Бюшнина, т. III.

²⁾ 1653, напеч. въ *Beiträge zur Kenntniss Russlands*, изд. Эерса и Эмелгардта, въ Дерптѣ, 1816.

³⁾ Напечатано въ 1728 году, въ Гамбургѣ.

и вообще о недостаткахъ административныхъ учреждений, вслѣдствіе чего была сильно развита контрабандная торговля; о заключеніи съ Китаемъ торговыхъ договоровъ и о разныхъ мѣрсахъ, распространенныхъ въ публикѣ относительно торговыхъ сношеній съ Китаемъ. „Нынѣ знатоки торговыхъ дѣлъ“, пишетъ онъ, „утверждаютъ, что торговля съ Китаемъ скорѣе вредна, чѣмъ полезна для Россіи, потому что хотя казна и продаетъ Китайцамъ весьма выгодно мягкую рухлядь, но за то получаетъ изъ Китая, кромѣ ничтожнаго количества золота, лишь такіе товары, какъ, наиримѣръ, шелковыя и бумажныя матеріи, безъ которыхъ Россія могла бы обходиться. Чрезъ китайскую торговлю, однако, поднимаются цѣны на мягкую рухлядь, а это обстоятельство оказываетъ вредное вліяніе на эту отрасль торговли вообще, потому что этимъ убавляется вывозъ пушныхъ товаровъ въ европейскія страны, такъ какъ Англичане и Французы получаютъ ихъ изъ своихъ американскихъ колоній за болѣе дешевыя цѣны и могутъ съ нѣкоторою прибылью вывозить оныя въ Польшу и даже въ Россію. Если бы китайская торговля была транзитною, то-есть, если бы китайскіе товары перевозились чрезъ Россію на западъ, то эти сношенія были бы весьма выгодны; на пока, главнымъ образомъ правительство имѣетъ въ рукахъ китайскую торговлю, эта цѣль едва-ли когда нибудь будетъ достигнута“.

Замѣчанія о торговлѣ съ Калмыками, Бухарскими Татарами и Персіей также заслуживаютъ вниманія. О персидской войнѣ Фокеродтъ говоритъ, что Петръ предпринялъ ее, руководствуясь главнымъ образомъ торговыми соображеніями, ибо хотѣлъ развить въ Россіи шелковыя мануфактуры и по этому желалъ присоединить къ Россіи тѣ персидскія провинціи, въ которыхъ производится шелксырецъ особенно хорошаго сорта. Впрочемъ, персидскій походъ, какъ замѣчаетъ Фокеродтъ, не былъ особенно выгоденъ для русской торговли и даже оказалъ неблагоприятное вліяніе, остановивъ на время армянскую торговлю. Вообще же относительно персидской торговли Фокеродтъ приходитъ къ такому заключенію, что такъ какъ персидскіе товары потребляются только въ Россіи, не вывозятся далѣе на западъ и уплачиваются звонкою монетою, то слѣдуетъ скорѣе ограничить, чѣмъ распространять торговлю съ Персіей и, по крайней мѣрѣ, не допускать привоза шелковыхъ товаровъ въ Россію, довольствуясь допущеніемъ привоза шелка-сырца.

Затѣмъ слѣдуютъ нѣкоторыя замѣтки о торговлѣ съ Крымскими Татарами, о вывозѣ скота изъ Кіева въ Силезію и о стараніяхъ вѣн-

скаго кабинета расширить торговлю между Вреславлемъ и Малоросіей, о контрабандной торговлѣ между нѣкоторыми городами Смоленской губерніи, съ одной стороны, и Кенигсбергомъ и Данцигомъ—съ другой. Нѣсколько подробнѣе говорится о торговлѣ приморскихъ городовъ: Риги, Ревеля, Нарвы, Выборга, Колы, Архангельска и С.-Петербурга. Фокеродтъ указываетъ на весьма удачныя средства, употребленныя Петромъ для поддержанія рижской торговли, на упадокъ торговаго значенія Ревеля и Нарвы во время сѣверной войны вслѣдствіе нѣкоторыхъ правительственныхъ распоряженій; на упадокъ торговли въ Выборгѣ, пострадавшемъ отъ таможенныхъ сборовъ и отъ соперничества учрежденнаго Шведами порта въ Фридрихсгамѣ. Говоря о торговлѣ Колы, Фокеродтъ упоминаетъ о монополіи на ворвань, предоставленной Петромъ Шафирову, отнятой у него по случаю слѣдствія и суда надъ нимъ, возвращенной ему императрицею Анною и приносившей ему ежегодно отъ 12.000 до 15.000 рублей доходу.

Очень любопытны нѣкоторыя подробности въ разказѣ Фокеродта объ упадкѣ торговли въ Архангельскѣ и о стараніяхъ Петра поднять торговлю въ С.-Петербургѣ. Онъ, между прочимъ, пишетъ: „Петербургская торговля привела въ упадокъ архангельскую въ такой мѣрѣ, что предметами ея въ этомъ мѣстѣ теперь служатъ почти исключительно деготь и прочіе древесныя товары. Петербургъ обязанъ процвѣтаніемъ своей торговли единственно стараніямъ Петра. Хотя этотъ городъ отличается самымъ выгоднымъ мѣстоположеніемъ и находится, чрезъ судоходныя рѣки, въ сообщеніи съ самыми богатыми и плодородными провинціями Русской имперіи, ненависть Русскихъ къ Петербургу такова, что если бы не мѣшала крѣпкая воля Петра, торговля непремѣнно осталась бы въ Архангельскѣ. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ Петръ напрасно принуждалъ своихъ купцовъ привыкнуть къ Петербургу. Торговые люди постоянно дѣлали разнаго рода возраженія противъ перенесенія торговли въ Петербургъ; адмиралъ Апраксинъ сказалъ Петру даже прямо въ лицо, что такія перемены будутъ имѣть слѣдствіемъ окончательное разореніе всего купечества, и что царь вызоветъ безконечныя жалобы и слезы своихъ подданныхъ. Петръ же, однако, настоялъ на своемъ, запрещалъ привозъ многихъ товаровъ къ Архангельску, возвысилъ пошлины на остальные товары, привозимые туда и всѣмъ этимъ успѣлъ дѣйствительно направить торговлю къ Петербургу. Хотя по недостатку судовъ привозъ товаровъ въ Петербургъ обходится слишкомъ дорого, хотя иностранцы старались вознаграждать себя за расходы при платежѣ зундской пош-

лины чрезъ возвышеніе цѣнъ на свои и пониженіе цѣнъ на русскіе товары, хотя и многіе каргопольскіе и сибирскіе купцы сначала должны были отказаться совершенно отъ участія въ торговлѣ и поставили своихъ кредиторовъ въ чрезвычайно затруднительное положеніе, такъ что нѣкоторые голландскіе и англійскіе торговые дома обанкротились,—все таки мало по малу оказывалось, что мѣстоположеніе Петербурга для торговли гораздо выгоднѣе мѣстоположенія Архангельска. Русскіе убѣдились, что путь къ Петербургу короче, провозъ товаровъ туда удобнѣе, разчеты вѣрнѣе. Иностранцы теперь не были принуждены содержать двѣ конторы (въ Архангельскѣ и въ Москвѣ), а постоянно могли жить въ одномъ мѣстѣ и для своихъ денежныхъ оборотовъ имѣли въ Петербургѣ гораздо болѣе удобствъ, чѣмъ въ Архангельскѣ. Такимъ образомъ, всѣми этими выгодами вознаграждается и зундская пошлина и дороговизна въ Петербургѣ, такъ что хотя по смерти Петра и были отиѣнены нѣкоторые мѣры, стѣснявшія торговлю въ Архангельскѣ,⁴ все таки направленіе ея къ Петербургу не измѣнялось“.

Изъ другихъ источниковъ намъ извѣстно, что не только русскіе, но и иностранные купцы были весьма недовольны перемѣною направленія внѣшней торговли. Голландскіе купцы издавна устроились въ Архангельскѣ: они не желали переноситься въ Петербургъ, гдѣ ихъ ждали всѣ неудобства только что основаннаго города; Балтійское море было не безопасно по причинѣ войны Россіи съ Швеціей; Голландцамъ не хотѣлось вовсе развитія русской торговли на Балтійскомъ морѣ. Голландскій резидентъ жаловался, что въ Петербургѣ за деревянный домъ, который не можетъ идти въ сравненіе съ самою скромною избой голландскаго крестьянина, надобно платить 800, 900 или 1.000 флориновъ, тогда какъ въ Москвѣ или въ Архангельскѣ иностранный купецъ можетъ жить хорошо за 200 флориновъ въ годъ; говядина въ Петербургѣ 5, 6 и 8 коп. фунтъ, и дурнаго качества. Но если Голландцы хлопотали, чтобы осталось все по прежнему, то жители Любека и другихъ прибалтійскихъ городовъ старались, чтобы торговля была переведена изъ Архангельска въ Петербургъ. Очень мѣтко Петръ возразилъ однажды на жалобы голландскаго резидента: „приложеніе принциповъ всегда трудно, но съ теченіемъ времени всѣ интересы примирятся“. По словамъ Деби (De Bie), за перенесеніе торговли изъ Архангельска въ Петербургъ стоялъ одинъ Меншиковъ; всѣ другіе министры были противъ ¹⁾. Фокеродтъ

⁴⁾ *Соловьевъ*, Ист. Росс., XVI, стр. 210.

замѣчаетъ: „Хотя Петръ самъ часто жаловался, что изъ всѣхъ дѣлъ администраціи торговля представляетъ наиболѣе затрудненій, нельзя отрицать, что онъ относительно пользы торговли для Россіи имѣлъ довольно вѣрныя соображенія, и если онъ иногда и ошибался на практикѣ, то причиною этого было лишь желаніе воспользоваться минутною денежною выгодною“. Подобный отзывъ о способности Петра заниматься и этою отраслью администраціи согласуется вполне съ отзывомъ Остерманна, замѣтившаго однажды въ разговорѣ съ голландскимъ резидентомъ: „между нами, я вамъ скажу всю правду: у насъ нѣтъ ни одного человѣка, который бы понималъ торговое дѣло; но я могу вамъ сказать навѣрное, что царское величество занимается теперь этимъ дѣломъ“¹⁾.

Фокеродтъ говоритъ о разныхъ мѣрахъ, принятыхъ Петромъ для поощренія промышленности въ Россіи; о многихъ новыхъ фабрикахъ, учрежденныхъ при немъ; о Демидовскихъ горныхъ заводахъ, о таможенныхъ сборахъ и стараніяхъ Петра пріучать самихъ Русскихъ къ болѣе самостоятельнымъ занятіямъ торговлею. Фокеродтъ упоминаетъ и объ успѣхахъ способнаго и предприимчиваго купца Соловьева, торговавшаго при Петрѣ въ Амстердамѣ, составившаго себѣ тамъ большое состояніе и снискавшаго общую любовь и уваженіе въ Голландіи. По мнѣнію Фокеродта, непростительною ошибкою русскаго правительства въ отношеніи къ Соловьеву былъ арестъ его въ Голландіи въ 1717 году, вслѣдствіе затѣянной противъ него, изъ видовъ корыстолюбія, интриги, и прибавляетъ, что послѣ этого русская торговля въ Амстердамѣ упала совершенно, такъ что ни одинъ Русскій не пользовался болѣе кредитомъ въ Голландіи. Въ заключеніе Фокеродтъ говоритъ еще о нѣкоторыхъ, впрочемъ, безуспѣшныхъ попыткахъ Петра развить активную торговлю Русскихъ съ заграничными портами, и приходитъ къ тому результату, что русская морская торговля, собственно говоря, не развилась нисколько, а находится на той точкѣ развитія, на которой она находилась и до Петра.

Предметомъ *шестой главы* сочиненія Фокеродта служитъ *сооруженіе при Петрѣ новыхъ путей сообщенія, заваней, городовъ, крепостей и пр.* При этомъ случаѣ онъ цитуетъ сочиненіе Перри, говорить о предположеніи Петра соединить Волгу съ Дономъ и о постройкѣ Вышневолоцкаго канала. Послѣ нѣсколькихъ замѣчаній объ

¹⁾ Соловьевъ, Ист. Росс., XVI, стр. 211.

опасности судоходства на Ладожскомъ озерѣ, онъ переходитъ къ исторіи постройки Ладожскаго канала, осуждаетъ довольно рѣзко образъ дѣйствій Меншикова и Писарева при этомъ случаѣ; увѣряетъ, что, благодаря ошибкамъ, сдѣланнымъ ими, напрасно была истрачена сумма $1\frac{1}{2}$ милліона рублей и погибло отъ болѣзней и голода болѣе 7.000 человѣкъ казаковъ, и наконецъ, упоминаетъ о заслугахъ Миниха, окончившаго благополучно постройку канала. Любопытно то обстоятельство, что Фокеродтъ, говоря о нѣкоторыхъ техническихъ недостаткахъ Ладожскаго канала, выражаетъ сомнѣніе въ будущемъ значеніи его, въ случаѣ перенесенія столицы вновь изъ Петербурга въ Москву „по желанію и требованію всего народа“ (стр. 82).

При постройкѣ Троицкой гавани, уступленной впоследствии, на основаніи прутскаго договора, Туркамъ, разказываетъ Фокеродтъ, погибло не менѣе 300.000 человѣкъ (!?). Сообщивъ нѣкоторыя подробности о предположеніяхъ Петра соорудить разныя громадныя постройки въ Кронштадтѣ, Фокеродтъ указываетъ на неудобства кронштадтской гавани, заключающіяся въ краткомъ времени мореплаванія, въ мелководіи между Петербургомъ и Кронштадтомъ, въ томъ обстоятельстве, что вода у Кронштадта не достаточно соленая, и что корабли изъ кронштадтской гавани не могутъ выходить иначе, какъ при восточномъ вѣтрѣ. При попыткѣ устроить въ Рогервикѣ гавань, вполне удовлетворяющую всѣмъ условіямъ, употреблялось, по словамъ Фокеродта, совершенно напрасно столь громадное количество лѣса, что всѣ лѣса (?) Лифляндіи и Эстляндіи совершенно были разворены этою постройкою, брошенною при наслѣдникахъ Петра.

Вообще Фокеродтъ находитъ, что русское правительство нѣсколько легкомысленно рѣшается на громадныя предпріятія и затрачиваетъ большія деньги, которыя оказываются брошенными по напрасу, такъ какъ многія предпріятія не приводятся къ окончанію. Такъ, напримеръ, говоря о нѣкоторыхъ новыхъ крѣпостяхъ, основанныхъ Петромъ, Фокеродтъ разказываетъ, что Петръ приказалъ-было вельможамъ своимъ построить каменные дворцы въ Кронштадтѣ; но вскорѣ потомъ постройки эти были приостановлены, потому что Петръ измѣнилъ свои предположенія,—такимъ образомъ, эти строенія послѣ него представляли груды развалинъ и никогда не были обитаемы. При сооруженіи Петропавловской крѣпости въ Петербургѣ, говоритъ Фокеродтъ, умерло отъ болѣзней и голода болѣе 200.000 человѣкъ. „Хотя инженеры“, продолжаетъ авторъ, „считаютъ эту крѣпость сильною и чрезвычайно трудно доступною, она все таки по своему мѣсто-

положенію бесполезна и не даетъ возможности помѣстить въ ней, въ случаѣ отступленія, значительной арміи. Она въ настоящее время служитъ бастиліею для государственныхъ преступниковъ, а также мѣстомъ для иллюминацій въ царскіе дни“.

Фокеродтъ находитъ, что Петръ не отличался хорошимъ вкусомъ въ архитектурѣ. Онъ не любилъ высокихъ комнатъ; дома, въ которыхъ онъ жилъ, не были правильно и изящно построены. Равнымъ образомъ, и Лѣтній садъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ при Аннѣ, не нравился Фокеродту. О Петергофѣ онъ замѣчаетъ, что хотя фонтаны, бьющіе тамъ, превосходятъ даже версальскіе, но все таки всѣ прелести этого мѣста обращаются въ ничто при взглядѣ на жалкій петергофскій домъ, не соотвѣтствующій своими размѣрами всему характеру мѣстности и построенный такъ тѣсно, что едва ли какой-либо богатый дворянинъ пожелалъ бы избрать его своимъ жилищемъ. Впрочемъ, продолжаетъ Фокеродтъ, не должно думать, что Петръ изъ скупости жилъ и строилъ такъ скудно; французскому архитектору Леблону онъ назначилъ ежегодно жалованье въ 40.000 ливровъ; но онъ не умѣлъ развить въ себѣ вкуса къ постройкамъ, и предпочиталъ строить по чертежамъ одного голландскаго водчаго, составленнымъ на голландскій ладъ, не обращая вниманія на гораздо лучшіе планы италіанскихъ архитекторовъ.

За то Фокеродтъ отдаетъ полную справедливость Петру, какъ строителю желѣзныхъ, оружейныхъ заводовъ и пр. Особенно же хвалитъ онъ заводъ въ Систербекѣ, о которомъ сообщаетъ нѣкоторыя частности и объ упадкѣ котораго при слѣдующихъ государяхъ онъ сожалѣетъ.

Въ *седьмой главѣ*, „о колонизаціи“, прежде всего интересна замѣтка, что разные авантюристы часто представляли Петру выгоды учрежденія колоній въ другихъ частяхъ свѣта. Таковы были морскіе разбойники изъ Мадагаскара и проповѣдникъ Гаттинга (Hattinga), который предлагалъ учредить колонию на югѣ отъ острова Батавіи. Фокеродтъ приписываетъ неисполненіе такихъ проектовъ отчасти опасеніямъ Петра вызвать неудовольствіе морскихъ державъ, отчасти и недостаточной населенности самой Россіи. За то Фокеродтъ справедливо называетъ колонизаціей распространеніе Русскихъ на востокъ и при этомъ случаѣ говоритъ о неудачной экспедиціи Бекевича въ Хиву, о дѣйствіяхъ на востокъ Демидова, Татищева и о желаніи Петра утвердиться на Амурѣ. Впрочемъ, селенія Русскихъ въ восточной Сибири, по мнѣнію его, не вполне заслуживаютъ названія

колоній, такъ какъ жители ихъ не занимаются земледѣліемъ, а только охотою. За то Ингерманландія, говоритъ онъ, ничто иное, какъ колонія.

Подробности о постройкѣ Петербурга не представляютъ ничего новаго. Однако, нельзя не упомянуть о замѣчаніи Фокеродта, что Петръ былъ до того исполненъ ненавистью къ Москвѣ, что охотнѣе всего разрушилъ бы этотъ городъ до основанія, если бы только могъ сдѣлать это, не оскорбляя чрезмѣрно національнаго чувства Русскихъ, и что въ 1715 году, когда онъ нуждался въ рабочихъ для построекъ въ Петербургѣ, то строжайше запретилъ строить или даже исправлять каменные зданія въ Москвѣ; вслѣдствіе этого распоряженія, прибавляетъ Фокеродтъ, тамъ развалилось множество довольно солидныхъ каменныхъ домовъ, которые превратились въ груды развалинъ (?).

При этомъ случаѣ видно, какъ мало Фокеродтъ умѣлъ цѣнить характеръ реформы Петра и перенесеніе столицы изъ Москвы въ Петербургъ. „Иные утверждаютъ“, пишетъ онъ, говоря о вышеупомянутой мѣрѣ въ ущербъ Москвѣ и въ пользу Петербурга, „что Петръ дѣйствовалъ такъ только для того, чтобы оскорбить народъ, потому что ему хорошо было извѣстно, въ какой мѣрѣ народъ предпочиталъ Москву Петербургу: онъ даже и дряхлымъ старикамъ, и негоднымъ къ службѣ боярамъ не позволялъ оставаться въ Москвѣ. Вопли, жалобы и страданія его подданныхъ были ему ни почемъ; онъ обращался съ людьми, будто всѣ созданы исключительно для его удовольствія; при многихъ случаяхъ обнаруживалась его страсть причинять людямъ боль (?). Своихъ фельдмаршаловъ и министровъ даже и тогда, когда они страдали болѣзнью, онъ припуждалъ кататься съ нимъ въ нарядномъ платьѣ и въ маскахъ въ телѣгѣ, иногда въ самую худую погоду; женщинъ онъ часто поилъ до-пьяна и не только такихъ, которыя пили охотно, но и молодыхъ и нѣжныхъ дѣвушекъ, которыя, если отказывались пить, наказывались Петромъ пощечинами“. Намъ кажется, что важная мѣра перенесенія столицы не имѣетъ ничего общаго съ обращеніемъ Петра съ окружавшими его лицами.

На стр. 96 и 97, Фокеродтъ указываетъ на нѣкоторыя ошибки, сдѣланныя Петромъ при постройкѣ Петербурга. Онъ находитъ, что сначала строили безъ всякаго общаго плана; вели улицы въ разныхъ направленіяхъ, не соображаясь достаточно съ условіями мѣстности и не принимая во вниманіе опасность наводненій въ низмен-

ныхъ частяхъ города. „Сначала Петръ“, говоритъ авторъ, „предполагалъ учредить главный центръ города на Петербургскомъ островѣ; затѣмъ онъ хотѣлъ перевести главнымъ образомъ торговлю въ Кронштадтъ; немногимъ позже онъ пожелалъ подвинуть городъ къ тѣмъ мѣстамъ, которыя по своей относительной возвышенности болѣе обезпечены отъ наводненій; наконецъ, онъ рѣшился сосредоточить главную часть на Васильевскомъ островѣ, который“, по мнѣнію Фокеродта, „при болотистой почвѣ можетъ считаться весьма неудобенъ и по чрезвычайной низменности болѣе всѣхъ другихъ частей Петербурга подвергнутъ опасности наводненій.“ Петръ“, разказываетъ Фокеродтъ „не слушалъ никакихъ возраженій и приваживалъ дворянамъ строить дворцы именно на Васильевскомъ островѣ. Какъ скоро онъ умеръ, эти постройки остались неоконченными и были брошены, такъ что было сдѣлано замѣчаніе: въ другихъ странахъ время создаетъ развалины, въ Россіи же онѣ строятся“.

Принимая во вниманіе удобное мѣстоположеніе Москвы и дешевизну сѣстныхъ принасовъ въ этомъ городѣ, Фокеродтъ находитъ весьма естественнымъ, что Русскіе предпочитали Москву Петербургу и что при Петрѣ II туда перевели было вновь столицу. И для администраціи мѣстоположеніе Москвы, по мнѣнію Фокеродта, гораздо удобнѣе мѣстоположенія Петербурга. Чтобы доказать превосходство Москвы, авторъ приводитъ слѣдующія данныя: „Когда въ 1728 году дворъ переселился въ Москву, всѣ правительственныя кассы были истощены, а частныя лица также до того нуждались въ деньгахъ, что ростъ доходилъ до 12—15⁰/₀; двумя годами позже ростъ былъ 8—6⁰/₀, всѣ кассы были пусты и даже значительные расходы двора въ началѣ царствованія Анны не имѣли слѣдствіемъ безденежья, тогда какъ теперь (то-есть, въ 1737 году), вслѣдствіе перенесенія столицы вновь въ Петербургъ, все государство находится въ самомъ печальномъ положеніи; хотя и не были введены новые налоги, казна весьма близка къ истощенію. Въ пользу Петербурга можно сказать развѣ то, что здѣсь русское правительство находится гораздо ближе къ европейскимъ дѣламъ; съ другой стороны, едва ли можно считать благоразумнымъ построить столицу и сосредоточить въ ней сокровища цѣлой имперіи столь близко у шведской границы. Шведы, въ случаѣ разрыва, безъ труда могли бы найти себѣ дорогу между Кексгольмомъ и Выборгомъ, напасть на Петербургъ, разграбить и сжечь эту столицу и этимъ самымъ нанести страшный ударъ всей монархіи“.

Хотя Петербургъ никогда не дѣлался жертвою непріятеля, Москва же въ 1812 году находилась въ рукахъ Французовъ, нельзя отрицать, что аргументація Фокеродта заключаеъ въ себѣ значительную долю правды. Полвѣкомъ позднѣе нападеніе на Россію Густава III легко могло имѣть слѣдствіемъ взятіе Петербурга Шведами. Екатерина сама опасалась этого и 28-го іюня 1788 года сказала: „правда, близко Петръ построилъ столицу“ ¹⁾; а изъ другихъ источниковъ мы знаемъ, что петербургскій дворъ, опасаясь, что „Густавъ намѣренъ сдѣлать десантъ при Красной Горкѣ, сжечь Кронштадтъ, взять Петербургъ“ и т. д. ²⁾, намѣревался было оставить Петербургъ и переселиться въ Москву ³⁾.

Фокеродтъ вообще полагаетъ, что не смотря на всѣ старанія русскаго двора приучить Русскихъ къ Петербургу, какъ къ столицѣ государства, они все таки всегда будутъ предпочитать ему Москву и при первомъ случаѣ съ радостью возвратятся къ прежней святынь Россіи ⁴⁾.

Въ *осьмой главѣ* говорится о *мърахъ Петра для развитія народнаго просвѣщенія*. Замѣчаніе Фокеродта, что отправленіе въ большомъ числѣ молодыхъ людей за границу для обученія не имѣло успѣха, можетъ быть, заимствовано изъ сочиненія Штраленберга, который подвергаетъ этотъ вопросъ довольно тщательному разбору (стр. 241 и 261). „Петръ самъ“, замѣчаетъ Фокеродтъ, „убѣдился въ бесполезности отправленія молодыхъ людей для обученія за границу. Нынѣшнее же правительство держится того мнѣнія, что попытка ограничить монархическую власть по смерти Петра II должна

¹⁾ Записки Храповицкаго.

²⁾ *Séguir, Mémoires et souvenirs* III, 372.

³⁾ См. мою «Исторію шведской войны», стр. 128.

⁴⁾ На этотъ счетъ чрезвычайно любопытно то обстоятельство, что еще въ 1750 году великій князь Петръ Теодоровичъ мечталъ объ уступкѣ Шведамъ прибалтійскаго края, какъ о средствѣ сдѣлаться популярнымъ въ Россіи. Графъ Ливаръ писалъ 7/13 сентября 1750 года: «Der Grosskanzler zweifelt keinen Augenblick, dass der Grossfürst, sobald er sein eigener Herr sei, um den Preis des Beistandes zur Wiedererlangens Schleswigs den Schweden die Zurückgabe eines Theils der von ihnen eroberten Provinzen anbieten werde... Auf den Einwand, dass ähnliche Massregeln wenig geeignet sein möchten, den Thron eines Kaisers von Russland zu befestigen, erhält man gewöhnlich die Antwort, dass den Altrussen nichts erwünschter wäre, als diese eroberten Provinzen loszuwerden, und vor allem die Stadt Petersburg, da ihnen der hiesige Aufenthalt nur Unkosten verursache und sie an dem Genuss ihrer Güter im Innern des Landes hindere, so dass solche Pläne vielleicht das sicherste Mittel wären, ihm die Gunst der Nation zu erwerben». *Herrmann, Gesch. d. russ. Staats*, V, 115.

быть главнымъ образомъ разсматриваема, какъ слѣдствіе вліянія республиканскихъ началъ, которому Русскіе подвергались въ Европѣ.

Гимназію, открытую пробстомъ Эрнстомъ Глюкомъ въ Москвѣ въ 1703 году, Фокеродтъ находитъ смѣшнымъ и не имѣвшимъ никакого успѣха предпріятіемъ. Съ этимъ мнѣніемъ нельзя не согласиться. Переводы нѣмецкихъ молитвенниковъ, лютеранскаго катехизиса и т. д., пестрая программа преподаваемыхъ въ этомъ училищѣ предметовъ (иенка, политика, латинская риторика, философія картезіанская, языки греческій, еврейскій, сирійскій, халдейскій, поступи нѣмецкихъ и французскихъ учтивствъ, берейторское обученіе лошадей, рыцарская конная ѣзда и пр.), разумѣется, не могли дать важныхъ результатовъ при обученіи русской молодежи ¹⁾.

Отзывъ Фокеродта объ учрежденіи Петромъ Академіи Наукъ весьма несправедливъ и страненъ. Онъ полагаетъ, что ничто иное, какъ назначеніе царя въ 1717 году членомъ французской академіи, заставило его думать объ учрежденіи такого же ученаго общества и въ Россіи. „При этомъ“, продолжаетъ онъ, „понятія Петра о наукахъ были нѣсколько туманны, такъ что онъ не могъ сдѣлать между науками удачнаго выбора, а его совѣщанія съ разными учеными еще болѣе отуманили его понятія объ этомъ предметѣ. Наконецъ, онъ рѣшился принять во всѣхъ отношеніяхъ въ образецъ французскую академію, и для того, чтобы дать своей академіи съ самаго начала нѣкоторый лоскъ, пригласилъ въ Россію заграничныхъ ученыхъ и пр.“. Послѣ нѣсколькихъ замѣчаній о президентахъ академіи въ первое время ея существованія, Фокеродтъ говоритъ далѣе: „Что касается до пользы, принесенной пока этимъ учрежденіемъ, то только можно указать на нѣкоторыхъ геодезистовъ, образованныхъ въ математическихъ школахъ... Академія Наукъ пока, не смотря на значительныя суммы денегъ, затраченныя на учрежденіе и содержаніе ея, въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ принесла развѣ ту пользу, что Русскіе теперь имѣютъ календари съ вычисленіями по небосклону Петербурга и читаютъ русскія газеты ²⁾, и что нѣкоторые Нѣмцы, приглашенные изъ за границы для занятія мѣстъ адъюнктовъ въ Академіи, съ такимъ успѣхомъ занимались математикою и

¹⁾ Пекарскій, Наука и литература при Петрѣ Великомъ, I, 128.

²⁾ Русскія Московскія и Петербургскія Вѣдомости печатались уже до учрежденія Академіи. Нѣмецкія Петербургскія Вѣдомости начали выходить уже послѣ открытія ея. См. Фабриціусъ, Почта и народное хозяйство въ Россіи въ XVII столѣтіи. Спб. 1864, стр. 81 и слѣд.

философію, что получают нѣсколько сотъ рублей жалованья. Изъ Русскихъ никто еще не дошелъ до того, чтобы сдѣлаться профессоромъ. Вообще все устройство Академіи таково, что Россія во вѣки вѣковъ никогда не можетъ ожидать хотя бы и малѣйшей пользы отъ нея, потому что въ ней изучаются не языки, международное право и исторія, или же прикладная математика, однимъ словомъ, не тѣ науки, которыя могли бы приносить Россіи реальную пользу, но, какъ видно изъ записокъ Академіи, алгебра, — высшая геометрія, археологія, анатомія и т. д. Все это Русскіе считаютъ пустяками и потому весьма неохотно отправляютъ своихъ дѣтей для обученія въ Академію, хотя преподаваніе въ ней и бесплатное. Вслѣдствіе того, нерѣдко случалось, что въ Академіи число профессоровъ превышало число студентовъ, нужно было нарочно выписывать молодыхъ людей изъ Москвы и давать имъ вознагражденіе съ тою цѣлю, чтобы профессора вообще имѣли возможность преподавать“.

Фокеродтъ, какъ видно, приписываетъ учрежденіе Академіи суетному тщеславію Петра. Изъ самаго указа объ этомъ дѣлѣ, отъ 28-го января 1724 года, однако, видно, что Петръ, учреждая Академію, „въ которой бы учились языкамъ, также прочимъ наукамъ и знатымъ художествамъ и переводили бы книги“, ожидалъ отъ нея „не токмо славы сего государства для размноженія наукъ, но и чрезъ обученіе и распложеніе оныхъ и пользы въ народѣ“⁴⁾. Фокеродтъ полагаетъ, что отъ Академіи пользы не было и не будетъ, но уже въ прошломъ столѣтіи она дала не мало ученыхъ чисто-русскихъ. Напрасно также Фокеродтъ порицаетъ Академію за выборъ слишкомъ отвлеченныхъ и не приносящихъ пользы Россіи наукъ. Не трудно указать на тѣ ученые труды ея, которые имѣли особенное вліяніе на успѣхи наукъ въ нашемъ отечествѣ или же имѣютъ болѣе или менѣе прямое отношеніе къ нему, и для которыхъ предметомъ служить сама Россія. Именно на исторію и на лингвистику было обращено вниманіе Академіи уже въ первое время ея существованія; но Фокеродтъ или не знаетъ, или не хочетъ знать объ этомъ. Уже въ то время, когда писалъ онъ, Байеръ († 1738) трудился надъ изученіемъ древнѣйшаго періода русской исторіи и географіи, ревностно принимался за изслѣдованіе китайскаго, монгольскаго, калмыцкаго и даже тибетскаго и древнеиндійскихъ языковъ и т. д. Тогда же Миллеръ трудился въ Сибири и по ту, и по сю

⁴⁾ Полное Собр. Зап., № 4443.

сторону Уральского хребта черпалъ извѣстія о судьбахъ Россіи. Столь же несправедливо и замѣчаніе Фокеродта о бесполезности высшей математики для Русскихъ; не только для самой науки, но и для практическаго быта Россіи дѣятельность знаменитыхъ метаматиковъ-академиковъ Бернулле и Эйлера имѣла громадное значеніе. Стѣбитъ только вспомнить, что все преподаваніе высшей математики въ различныхъ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ имѣетъ корнемъ академическую дѣятельность въ этой наукѣ. Подъ непосредственнымъ вліяніемъ Эйлера и чрезъ чтеніе его твореній образовалось нѣсколько замѣчательныхъ русскихъ геометровъ, которые своими сочиненіями и преподаваніемъ содѣйствовали водворенію математическихъ наукъ въ нашемъ отечествѣ. Астрономъ Іосифъ Делиль, находившійся въ Россіи одновременно съ Фокеродтомъ (1725 — 1746), предложилъ особый способъ черченія географическихъ картъ, по которому и были составлены первыя карты Россіи. Поѣздка его въ Сибирь въ 1740 году была весьма полезна, потому что онъ опредѣлилъ положеніе нѣкоторыхъ мѣстъ и собралъ многія свѣдѣнія о странахъ, чрезъ которыя лежала его дорога. Однимъ изъ первыхъ предпріятій Академіи было составленіе атласа Россійской имперіи. Оно было завѣщено ей еще Петромъ Великимъ, который для этой именпо цѣли и пригласилъ Делиля изъ Франціи.

Изъ всѣхъ этихъ данныхъ видно, что Фокеродтъ не понялъ значенія Академіи, не былъ знакомъ съ результатами ея дѣятельности въ первые двѣнадцать лѣтъ ея существованія и потому неправильно судилъ о ея значеніи въ будущемъ. Хотя и можно считать нѣкоторымъ недостаткомъ, что задуманная кипучимъ геніемъ Петра Академія была сначала учрежденіемъ универсальнымъ, энциклопедическимъ, какимъ-то ученымъ микрокосмомъ, въ которомъ было все и даже въ нѣсколько неясномъ смѣшеніи—но все-таки отзывъ Фокеродта доказываетъ, что онъ не былъ въ состояніи основательно судить о мысляхъ и намѣреніяхъ Петра. Не тщеславіе, а патриотизмъ и истинное уваженіе къ наукѣ и просвѣщенію побудили Петра учредить Академію и дать ей въ первое время направленіе, соотвѣтствовавшее тогдашнему положенію нашего отечества.

Въ *девятой* главѣ обсуждается вопросъ, *насколько Русскіе измѣнились въ одеждѣ, нравахъ, обычаяхъ и наклонностяхъ*. Говоря о реформахъ Петра въ отношеніи къ одеждѣ, Фокеродтъ замѣчаетъ, что всѣ подданные безпрекословно согласились на такую перемѣну и были недовольны только тѣмъ, что нѣмецкое платье, требующее вдвое бо-

лѣе сукна, чѣмъ русское, въ то же время не столько грѣетъ, и поэтому не соответствуетъ суровому климату Россіи.

Дѣйствительно, не разъ было дѣлаемо замѣчаніе, что національный костюмъ гораздо лучше нѣмецкаго платья былъ приуроченъ къ климату Россіи ¹⁾; съ другой стороны, нельзя не упомянуть при этомъ случаѣ о мнѣніи знаменитаго Серба Юрія Крижанича, писавшаго на этотъ счетъ: „Нѣмцы здужавають (выдерживаютъ) крутые мразы безъ шубъ, а мы еще не будемъ отъ тѣмекъ до пять облечены въ шубы, не можемъ жить. И сами Нѣмцы, когда нашъ строй облечуть, не могутъ мряза стерпѣть безъ шубъ. Чѣмъ ся то дѣеть? Безсумнѣнно обличіе строя есть тому виновато. Обличіе адда единое есть причина главнѣя, кая чинить свиту лѣпу, красну, стройну, дешеvu, прецѣнбену и во всячинѣ ужитну“ ²⁾. И въ другомъ мѣстѣ: „Сія бо страна есть одна измежу само на избыть студенихъ дожджевнихъ и блатнихъ странъ; а нашъ строй измежу инихъ намъ познанихъ строевъ есть наименѣ корыстенъ супроть мразу, дожджѣ и блату. Иити наче да обо всемъ едною рѣчию повѣмо: да бѣ кто нарочно и зъ настолнѣемъ захотѣлъ удуматъ строй худъ и во всему неудатенъ: нестроевъ, драгоцѣненъ, малотерпѣнъ, поспѣшенъ, и страпѣ сей нашей по всякую мѣру непригоденъ; на бы правѣе не могелъ удуматъ иного, пеже сей, кій ся нынѣ на Руси уживаетъ“ ³⁾

Можно удивляться, что Фокеродту совсѣмъ были неизвѣстны громадныя затрудненія, встрѣченныя Петромъ именно при введеніи новаго платья. О Петрѣ говорили въ народѣ: „Онъ велитъ носить нѣмецкое платье, — знатно, что родился отъ Нѣмки“; о Меншиковѣ, носившемъ нѣмецкое платье, говорили, что онъ „отъ Христа отвергся: за нимъ бѣсы ходять и его берегутъ“. Приказаніе носить нѣмецкое платье считалось разрушеніемъ христіанской вѣры: въ народѣ говорили, что по воротамъ въ Москвѣ съ русскаго платья берутъ пошлины въ пользу Нѣмки Монсы. Никакая реформа Петра не вызвала такого ронота, какъ именно бранобритіе и нѣмецкое платье ⁴⁾. За то Фокеродтъ допускаетъ, что народъ былъ противъ бранобритія; онъ, однако, полагаетъ, что народъ уже и такъ нѣсколько отвыкъ отъ своей національной одежды, отъ уваженія къ бородаѣ, отъ разныхъ преж-

¹⁾ Напримѣръ, *Устрляевъ*, Ист. Петра Великаго, III, 196.

²⁾ Русское государство въ половинѣ XVIII вѣка, *Крижанича*, изд. *Вессонова*, I, 137.

³⁾ Тамъ же, I, 142.

⁴⁾ *Соловьевъ*, Исторія Россіи, XV, стр. 131, 135 и др.

нихъ, напримѣръ, свадебныхъ обычаевъ, между тѣмъ какъ люди высшихъ и среднихъ классовъ все это находили даже страннымъ и нелѣпнымъ. Къ тому же, по мнѣнію Фокеродта, женщины въ Россіи имѣли основаніе быть довольными реформою Петра, давшею имъ нѣкоторыя права въ обществѣ. Впрочемъ, Фокеродтъ считаетъ темпераментъ русскихъ женщинъ нѣсколько опаснымъ и недостаточно развитымъ образованіемъ и воспитаніемъ, такъ что онъ вовсе не совѣтуетъ давать имъ свободы въ той мѣрѣ, въ какой пользуются оною женщины во Франціи, въ Польшѣ или даже въ Германіи. Фокеродтъ находитъ, что Русскіе, чрезъ обращеніе съ иностранцами, усвоили себѣ нѣкоторую вѣжливость, учтивость и внѣшній лоскъ, но что въ отношеніи къ употребленію пищи и питья и къ разнымъ потребностямъ обыденной жизни они въ сущности вовсе не измѣнились, и что многолѣтнее пребываніе русскихъ дворянъ за границею не мѣшало имъ послѣ пріѣзда назадъ на родину обращаться къ прежнимъ привычкамъ и пріемамъ, такъ что если кто видѣлъ русскаго боярина, привыкшаго за границею вести себя и опрятно, и чисто, то едва могутъ узнать его при встрѣчѣ въ средѣ его семьи на родинѣ.

„Русскіе“, продолжаетъ Фокеродтъ, „ненавидятъ всего болѣе иго иностранцевъ-наставниковъ и пламенно желаютъ освободиться отъ него и возвратиться къ прежнимъ порядкамъ. Развѣ только простодушные люди, простолюдины и солдаты, особенно же гвардейскіе, питаютъ глубокое уваженіе къ памяти Петра, именно потому, что войско при немъ пользовалось большимъ авторитетомъ; всѣ же остальные, хотя публично восхваляютъ Петра, но въ частныхъ разговорахъ и при болѣе близкомъ знакомствѣ говорятъ совсѣмъ иначе. Сужденія тѣхъ людей, о которыхъ Штраленбергъ говоритъ на стр. 229—258, могутъ считаться даже еще довольно умѣренными; другіе же распространяютъ свои нареканія гораздо далѣе, обвиняютъ его въ такихъ порокахъ, о которыхъ писать невозможно, упрекаютъ его въ жестокости и даже считаютъ его не сыномъ царя Алексѣя, а сыномъ нѣмецкаго хирурга, подиѣненнымъ царицею Натальею, родившею дочь. Объ этомъ дѣлѣ разказываютъ разныя подробности и приписываютъ этому обстоятельству страсть Петра къ иноземнымъ обычаямъ и къ хирургическимъ операціямъ¹⁾. О его мужествѣ и дру-

¹⁾ Известно, что въ народѣ дѣйствительно ходили разные толки о незаконномъ рожденіи Петра. Въ 1701 году казнили князя Василія Сонцева, между прочимъ, за непристойныя слова, что царица Софія называла Петра стрѣльцкимъ сыномъ. Дѣла Тайнаго Преображенскаго Приказа въ Исторіи Россіи, *Солов-*

гихъ отличныхъ качествахъ, приписываемыхъ ему, Русскіе имѣютъ понятія далеко не согласующіяся съ распространяемыми на этотъ счетъ за границую. Его дѣйствія Русскими приписываются довольно страннымъ и не особенно дѣлающимъ ему честь побужденіямъ. Они любятъ осмѣивать всѣ его распоряженія и предпріятія. Петербургъ и флотъ въ глазахъ Русскихъ ничто иное какъ мерзость, и они приводятъ множество аргументовъ для поддержанія этого тезиса ¹⁾. Преобразование войска, вызвавшее удивленіе всего свѣта, Русскимъ кажется лишнимъ и вреднымъ дѣломъ: лишнимъ потому, что они убѣждены, что никто изъ сосѣдей не будетъ дѣйствовать противъ нихъ наступательно, если они сами будутъ спокойно сидѣть дома и не станутъ вмѣшиваться въ распри другихъ народовъ, а для защищенія границъ достаточно прежнее устройство войска; вреднымъ потому, что регулярное войско считается Русскими удобнымъ средствомъ въ рукахъ царя подчинить подданныхъ безусловно его волѣ, лишить ихъ покоя и удовольствій, принуждать ихъ къ ностояннымъ войнамъ и пр. Стремленіе дворянства, въ другихъ странахъ весьма часто встрѣчаемое—отличиться въ военной службѣ, Русскіе считаютъ безуміемъ: они утверждаютъ, что у нихъ дворяне достаточно обеспечены и могутъ безбѣдно жить дома; впрочемъ, по ихъ мнѣнію, и бѣднѣйшій помѣщикъ, самъ пахающій землю, гораздо счастливѣе солдата ²⁾. Русскіе считаютъ счастьемъ не знать вовсе о предметахъ роскоши, встрѣчаемыхъ на западѣ ³⁾, и довольствоваться произведе-

ева, XV, стр. 131.—Иные говорили, что Петръ—сынъ Лееорта. Бабы, стирая бѣлье, толковали: «Какъ царица Наталья Кирилловна стала отходить отъ сего свѣта, и въ то число ему говорила: «ты де не сынъ мой, замѣненный». Одинъ старецъ говорилъ: «Онъ не государь, Латышь... рожденъ отъ нечистой дѣвицы». Другой замѣтилъ: «У него мать была какая царица? она была еретика! все дѣвожь родила». Тамъ же, XV, стр. 135 и др.

¹⁾ Одинъ попъ сказалъ: «Петербургъ одѣлъ въ сапоги и золотилъ, а Москва одѣла въ лапти; но Москва у насъ безъ государя не будетъ». *Соловьевъ*, XVI, стр. 305.

²⁾ Почти одновременно съ Фокеродтомъ въ 1739 году другой дипломатъ, Сумъ (Suhm) писалъ: «Народъ не видитъ надобности поддерживать авторитетъ Россіи въ Европѣ и заниматься войнами, а гораздо охотнѣе возвратился бы къ прежнему варварству, покою и бездѣйствію, изъ котораго Петръ насильственно извелъ его. Однако, такъ какъ здѣсь все зависитъ отъ воли одного человѣка, то я думаю, что интересъ народа, опредѣленный именно такою волею, будетъ обезпеченъ и далѣе въ направленіи, данномъ Петромъ I». См. *Herrmann, Geschichte des russischen Staats*, IV, 597.

³⁾ Совершенно такъ же думали объ этомъ вопросѣ Крижаничъ, Посошковъ и др.

ніями своей страны. Они охотно сражались, когда защищали отчизну противъ нападенія Поляковъ, теперь же не считаютъ нужнымъ вооружаться, такъ какъ никто ихъ не беспокоитъ. Честолюбіе государя или министра для нихъ не можетъ быть побужденіемъ служить въ войскѣ, подвергаться опасностямъ войны и раззоряться въ экономическомъ отношеніи. Русскіе считаютъ содержаніе постоянного войска грабежемъ,—хуже грабежа, производимаго при наступленіи опустошающаго всю страну непріятеля. Такъ какъ, однако, вовсе не обращается вниманія на желанія народа, то онъ считаетъ себя въ правѣ разными окольными путями обезоруживать власть хитростью и интригами и избавляться, путемъ всевозможныхъ продѣлокъ, отъ излишнихъ тягостей. Русскіе не желаютъ расширенія предѣловъ Россіи; но ихъ мнѣнію, завоеванія Петра не только не умножаютъ богатства Россіи, а даже требуютъ большихъ пожертвованій; къ тому же мѣстоположеніе приобрѣтенныхъ Петромъ областей таково, что Русскіе опасаются встрѣтить необходимость вмѣшиваться въ дѣла другихъ державъ. Но мнѣнію ихъ, Петръ сдѣлалъ бы гораздо лучше, если бы употребилъ милліоны, истраченные на шведскую войну и на сооруженіе Петербурга, на улучшеніе сельскаго хозяйства. Препрежніе цари, говорятъ Русскіе, приобрѣтали также путемъ завоеванія новыя области, но эти области были необходимы для Россіи, къ тому же препрежніе цари доставляли своимъ подданнымъ возможность пожинать плоды своихъ трудовъ, обращались съ побѣжденными какъ слѣдуетъ, то-есть, раздавали ихъ имѣнія русскимъ дворянамъ; теперь же, какъ жалуются Русскіе, Лифляндцы танцуютъ какъ бы на головѣ Русскихъ, имѣютъ значительныя привилегіи и т. д., такъ что завоеваніе Лифляндіи не представляетъ никакихъ выгодъ. Незнакомство Русскихъ съ западомъ считалось бы ими не большею бѣдою, чѣмъ незнакомство съ жителями луны. Ознакомленіе съ западомъ въ ихъ глазахъ—что-то въ родѣ проклятія. Съ тѣхъ поръ, какъ Россія вступила въ сношенія съ западомъ, по мнѣнію Русскихъ, погибло счастье Россіи. Къ мнѣніямъ о Россіи другихъ народовъ Русскіе относятся совершенно равнодушно. Больше всего они насмѣхаются надъ понятіемъ о чести (*point d'honneur*), которое для нихъ совершенно непостижимо. Поэтому ни одно распоряженіе Петра не было исполнено съ такимъ послушаніемъ, какъ запрещеніе поединковъ и проч. .

Слѣдующія двѣ главы (*десятая и одиннадцатая*) посвящены вопросу о населеніи и населенности Россіи. Фокеродтъ говоритъ о пло-

дородин браковъ, объ обычай Русскихъ во время войны уводитъ изъ непріятельской страны по возможности болѣе плѣнныхъ,¹⁾ которые, будучи водворены въ Россіи, принуждаются принять православную вѣру и вступать въ бракъ съ туземками. Не смотря на все это, прибавляетъ Фокеродтъ, слышались постоянныя жалобы на безлюдіе и на убавленіе населенія во время царствованія Петра. Причины этого явленія авторъ видитъ въ рекрутчинѣ, въ наборѣ рабочихъ для постройки городовъ, крѣпостей, каналовъ и проч., причѣмъ люди массами умирали съ голоду; въ чрезмѣрныхъ налогахъ, собираемыхъ во время войны чрезвычайно насильственнымъ образомъ, такъ что многія семейства спасались, для избѣжанія окончательнаго раззоренія, бѣгствомъ за границу, а именно въ Польшу. Довольно любопытно слѣдующее замѣчаніе, что „по случаю послѣдняго похода въ польскія владѣнія¹⁾, Русскіе въ одной Литвѣ открыли не менѣе 200.000 такихъ крестьянскихъ дворовъ²⁾, жители которыхъ были припуждены возвратиться въ Россію; однако значительное число ихъ опять убѣжало за границу“.

Еще другую причину убыли населенія Фокеродтъ находитъ въ пьянствѣ, затѣмъ въ оспѣ, которая распространяется весьма быстро, благодаря неумѣнью Русскихъ обращаться съ больными и противъ которой слѣдовало бы дѣйствовать путемъ опредѣленія значительнаго числа сельскихъ врачей. Фокеродтъ держится того мнѣнія, что въ Россіи легко могло бы жить населеніе въ тридцать разъ плотнѣе того, которое существовало въ его время. Особенно одно обстоятельство заставляеть его сомнѣваться въ возможности значительнаго размноженія населенія Россіи, а именно страшное распространеніе сифилитической болѣзни, которая, какъ полагаетъ Фокеродтъ, свирѣпствуетъ въ Россіи хуже, чѣмъ гдѣ-либо, вслѣдствіе недостатка настоящихъ врачей и вреднаго дѣйствія знахарей. Авторъ утверждаетъ, что на сѣверѣ отъ 60-го градуса сѣверной широты эта болѣзнь должна считаться вообще неизлечимою, вслѣдствіе господствующаго тамъ „цыпготнаго“ воздуха. Будучи и въ этомъ отношеніи, какъ вообще, пессимистомъ, Фокеродтъ высказываетъ опасеніе, что чрезъ сто лѣтъ въ Россіи будетъ менѣе жителей, чѣмъ въ Испаніи. Онъ ссылается на

¹⁾ Вѣроятно здѣсь разумѣется походъ Миниха въ Польшу по случаю войны за польское наслѣдство въ 1733 году.

²⁾ «Bauern-Gesinde». Издатель, профессоръ Германія, впрочемъ, къ этому прибавилъ вопросительный знакъ.

мнѣніе по этому вопросу „разумныхъ медиковъ“, не считая впрочемъ себя компетентнымъ судьей.

Затѣмъ, Фокеродтъ говоритъ, что число жителей въ Россіи вообще неизвѣстно, потому что при ревизіяхъ, имѣвшихъ цѣлью обезпеченіе сбора подушной подати, обращалось вниманіе лишь на мужчинъ. Ревизскихъ душъ, какъ говоритъ онъ, было тогда 5.198.000 ¹⁾. „Считая“, продолжаетъ онъ, „женское населеніе равнымъ мужскому, мы получаемъ 10 милліоновъ; дворянъ съ семействами—300.000; жителей завоеванныхъ странъ 5.600.000; казаковъ на Дону, на Яикѣ и въ Украинѣ 7.800.000; сибирскихъ народовъ 1 милліонъ; всего 13—14 милліоновъ“.

Главу о населеніи Фокеродтъ заключаетъ краткою замѣткою о духовенствѣ, которое онъ находитъ не особенно многочисленнымъ. Быть сельскаго духовенства онъ считаетъ довольно жалкимъ, а также и участь монаховъ ему кажется нисколько не завидною. Такъ, напримеръ, онъ указываетъ на обычай русскихъ помѣщиковъ не допускать сельскихъ священниковъ къ столу, заставляя ихъ ѣсть съ прислугою ²⁾.

Послѣдняя, *дванадцатая глава* заключаетъ въ себѣ краткою замѣтку о *финансовомъ положеніи Россіи*, которое, по мнѣнію Фокеродта, не можетъ быть названо благопріятнымъ. Онъ считаетъ доходы Россіи, и при Петрѣ, и послѣ него, не выше суммы 9 или 10 милліоновъ въ годъ; хвалитъ Петра за то, что для своихъ потребностей царь употреблялъ ежегодно не болѣе 50.000 рублей и находитъ вознагражденіе служащимъ въ войскѣ и въ гражданскомъ вѣдомствѣ слишкомъ умереннымъ ³⁾. Замѣтка Фокеродта о томъ, что высшіе чиновники, министры, сенаторы и даже канцлеръ служили большею частью безъ жалованья, основана на какомъ-то недоразу-

¹⁾ По первой ревизіи 1723 года оказалось ревизскихъ душъ 5.791.928, однако, въ эту цифру не включены крестьяне, работавшіе на горныхъ заводахъ. При ревизіи 1735 года они были приняты въ расчетъ. Такимъ образомъ, цифра Фокеродта оказывается неточною.

²⁾ И Посошковъ находитъ обращеніе съ священниками не достойнымъ похвалы. Въ *Отечественномъ завѣщаніи къ сыну*, изд. въ 1872 году г. *Поповымъ* сказано: «Есть въ народѣ обычай зѣло непотребный: ибо богатые люди, а наипаче сановитые, презвитеровъ ниже себя сажуютъ и пр.» стр. 63.

³⁾ У *Штраленберга*, стр. 293, сказано, что доходы вѣроятно составляютъ сумму 20 милліоновъ рублей. Изъ другаго источника мы знаемъ, что доходы въ 1710 году были 3 милліона, въ 1722 году—7.859.833 рубля; въ 1725 году—10.186.707 рублей; см. *Соловьевъ*, *Исторія Россіи*, XVIII, стр. 161.

мнѣніи. Въ заключеніе авторъ говоритъ о тягостномъ финансовомъ положеніи Россіи во время турецкой войны при Аннѣ Іоанновнѣ. „Вездѣ“, замѣчаетъ онъ, „ощущается недостатокъ въ деньгахъ. Правительство старается помочь этому недостатку разными налогами; войско и чиновники иногда не получаютъ жалованья; никто не смѣетъ роптать или протестовать. Хотя народъ, при нынѣшнемъ правленіи и при неограниченномъ господствѣ иностранцевъ, находится въ чрезвычайно печальномъ состояніи, однако онъ терпѣливо переноситъ это иго, не имѣя въ своей средѣ такой личности, которая пользовалась бы достаточнымъ авторитетомъ, или имѣющей достаточную смѣлость сдѣлаться ходатаемъ его у двора. Со временемъ окажется, останется ли народъ и впредь въ такой апатіи, или явится патриотъ, который могъ бы сдѣлаться орудіемъ его для того, чтобы довести вопли и жалобы народа до свѣдѣнія престола“.

Таково содержаніе записки Фокеродта о времени Петра Великаго. Его взглядъ на личность Петра и на характеръ его политической дѣятельности неблагоприятенъ. Большею частью онъ осуждаетъ, отрицаетъ. Передавая отчасти справедливо мнѣнія о Петрѣ, существовавшія въ то время въ публикѣ, онъ не упоминаетъ о мнѣніи меньшинства, которое уже понимало значеніе реформы. Такіе люди, какъ Посошковъ, который съ сожалѣніемъ пишетъ: „нашъ государь самъдесять на гору тянетъ, а подъ гору миллионы тинуть“, — какъ Неллюевъ, который говоритъ въ своихъ запискахъ: „на что въ Россіи ни взгляни, все его началомъ имѣетъ, и что впредь ни дѣлалось, отъ сего источника черпать будутъ“, или какъ Нартовъ, который замѣчаетъ: „духъ его въ нашихъ душахъ живетъ... мы безъ страха возглашаемъ объ отцѣ нашемъ для того, что благородному безстрашію и правдѣ учились отъ него“—для Фокеродта какъ бы не существуютъ. Онъ, какъ пессимистъ, не ожидаетъ успѣха отъ преобразованій Петра. Онъ не понимаетъ побудительныхъ причинъ, которыми руководствовался Петръ при своихъ дѣйствіяхъ, и раздѣляетъ мнѣнія тѣхъ, которые учрежденіе Петербурга, пріобрѣтеніе Прибалтійскаго края и пр. считали грубою ошибкою Петра.

На основаніи всего сказаннаго мы считаемъ себя въ правѣ заключить, что издатель записокъ Фокеродта, — матеріала, впрочемъ, безъ сомнѣнія, полезнаго и любопытнаго для изученія петровской эпохи — напрасно восхваляетъ чрезъ мѣру справедливость сужденій и точность свѣдѣній Фокеродта о Россіи и вообще преувеличиваетъ значеніе этой книги.

II.

Изданное вмѣстѣ съ запискою Фокеродта донесеніе австрійскаго дипломатическаго гента Плейера „о настоящемъ московскомъ правительствѣ“ (vom jetzigen Moscovitischen Regierungswesen), отъ 1710 года, весьма кратко и не особенно богато содержаніемъ. О личности Плейера г. Германнъ сообщаетъ, на основаніи изысканій, сдѣланныхъ въ вѣнскомъ архивѣ профессоромъ Норденомъ, что Плейеръ былъ купцомъ въ Москвѣ (ein angesehenener Geschäftsmann) и въ то же время исполнялъ должность дипломатическаго агента, иногда путешествовалъ въ Петербургъ и по временамъ доставлялъ въ Вѣну свѣдѣнія о состояніи дѣлъ въ Россіи. Не имѣвъ въ 1710 году чисто дипломатическаго характера, Плейеръ, однако, уже въ то время велъ переговоры съ русскимъ правительствомъ. Вотъ все, что г. Германну извѣстно о Плейерѣ, между тѣмъ, какъ его донесенія о самыхъ важныхъ вопросахъ, напимѣръ, объ азовскомъ походѣ, астраханскомъ бунтѣ, о дѣлѣ царевича Алексѣя и проч., давно извѣстны въ Россіи.

Во второмъ томѣ сочиненія г. Устрялова о Петрѣ Великомъ (стр. 56²—582) помѣщено, заимствованное изъ тайнаго государственнаго архива въ Вѣнѣ, донесеніе Плейера императору Леопольду I о первомъ азовскомъ походѣ, которое, вмѣстѣ съ дневникомъ Гордона, должно считаться важнѣйшимъ источникомъ при изученіи исторіи этого событія. Плейеръ былъ очевидцемъ похода и сообщаетъ самыя любопытныя подробности о страшныхъ потеряхъ Русскихъ при этомъ случаѣ. Его донесеніе имѣетъ видъ дневника и заключаетъ въ себѣ множество данныхъ для самаго тщательнаго разбора исторіи похода. Въ приложеніяхъ къ третьему тому сочиненія Устрялова напечатаны донесенія Плейера о дальнѣйшихъ событіяхъ, относящихся къ Азову, о заговорѣ Соковнина, о дѣлахъ польскихъ и татарскихъ и объ отношеніяхъ Россіи къ Швеціи наканунѣ шведской войны. Эти донесенія (стр. 632—649) относятся къ 1697—1700 годамъ. Въ приложеніяхъ къ четвертому тому сочиненія Устрялова (стр. 539—660) напечатано не менѣе пятидесяти донесеній Плейера къ царю о состояніи дѣлъ въ Россіи во время шведской войны, о военныхъ силахъ, которыми располагалъ Петръ, о битвахъ, въ особенности же о Нарвской битвѣ, и о разныхъ событіяхъ, современныхъ шведской войнѣ. Изъ этихъ донесеній видно, между прочимъ, что Плейеръ, не имѣвшій въ 1701 году никакого дипломатическаго характера, просилъ царя дать ему какое-либо официальное званіе, для лучшаго обезпе-

ченія корреспонденцій; отправляемыхъ имъ за границу (стр. 530), вслѣдствіе чего онъ и получилъ „характеръ“ секретари въ 1703 году (стр. 609). Весьма любопытны на стр. 646 и слѣд. нѣкоторыя данныя объ астраханскомъ бунтѣ и о мѣрахъ, принятыхъ для его укрощенія. Наконецъ въ шестомъ томѣ, посвященномъ разбору дѣла царевича Алексѣя Петровича, помѣщено донесеніе Плейера отъ 12-го іюля 1715 года о назначеніи Веселовскаго резидентомъ въ Вѣну и о прощеніи Александра Кикина (стр. 327), донесенія отъ 4-го и 8-го ноября 1715 года о кончинѣ и погребеніи кронпринцессы (стр. 342—346); затѣмъ весьма любопытное и надѣлавшее впоследствии много шуму донесеніе Плейера отъ 11-го января 1717 года о слухахъ на счетъ царевича, бѣжавшаго тогда за границу (стр. 370—372), потомъ другое донесеніе его цесарю и одному имперскому графу отъ 4/15-го и отъ 7/18-го іюля 1718 года о смерти царевича. Въ послѣднемъ донесеніи говорится о слухѣ, что царевичу отрубили голову, при чемъ сообщаются на этотъ счетъ чрезвычайно любопытныя подробности (стр. 540—545).

Уже въ письмѣ отъ 18-го марта 1718 года ¹⁾ къ Карлу VI, Петръ жаловался на реляцію Плейера цесарю о смутахъ и заговорахъ, будто бы ожидаемыхъ въ Россіи вслѣдствіе дѣла царевича Алексѣя и, называя такія „клеветы и многія лжи“ нарушеніемъ народнаго права, требовалъ отозванія Плейера отъ русскаго двора, потому что русское правительство „съ нимъ ни о какихъ дѣлахъ трактовать не будетъ“. Веселовскій въ Лаксенбургѣ также жаловался принцу Евгенію на Плейера, что онъ либо самъ выдумалъ ложные слухи, либо имѣлъ сношенія съ злодѣйными подданными Петра къ предосужденію славы и интереса царя, и объявилъ, что если цесарь резидента своего отъ русскаго двора не отзоветъ, то Петръ будетъ принужденъ отослать его самъ ²⁾. Австрійское правительство однако объявило, что оно въ реляціи Плейера не видитъ ничего противнаго народному праву и что цесарь не можетъ и не хочетъ отозвать Плейера ³⁾. За то конференція министровъ выразила мнѣніе, что, „какъ Плейеръ теперь будетъ, вѣроятно, ненавидимъ при дворѣ Московскомъ, то приказать ему самому чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ просить объ

¹⁾ Устряловъ, Ист. Петра В., VI, 489.

²⁾ Веселовскій пишетъ о принцѣ Евгеніѣ: «Сія взялъ онъ на доношеніе, съ не малымъ оукваніемъ».

³⁾ См. письмо Веселовскаго, стр. 490—491 и докладъ конференціи Карлу VI отъ 18/30-го апрѣля 1718 года (стр. 494—496).

отозваніи; въ избѣжаніе же могущаго случиться ему *affront*, не отпускать отсюда Веселовскаго, пока Плейеръ не будетъ въ безопасности. Еще разъ въ письмѣ отъ 6-го іюля 1718 года Петръ жаловался Карлу VI на Плейера, котораго „доношенія въ неосновательныхъ, фальшивыхъ и токмо для того вымышленныхъ вѣдомостяхъ состоятъ, дабы намъ и нашему интересу предосужденіе сочинить“, и увѣрялъ цесаря, что онъ „къ Плейеру никакой конфиденціи имѣть и съ надежностью нѣкоторыя случающіяся объявленія оному чинить повслѣть не можетъ“ и т. д. ¹⁾ Слѣдствіемъ всего этого было то, что Плейеръ оставался въ Петербургѣ резидентомъ цесарскимъ только до 4-го декабря 1718 года. Уже 30-го мая вице-канцлеръ Шафировъ обмылилъ ему царскую волю не являться ко двору ²⁾. Въ январѣ 1719 года онъ писалъ въ Вѣну уже изъ Мемеля. Мѣсто его при нашемъ дворѣ заступилъ Гохгольцеръ, вице-слѣдствіи секретарь посольства.

Донесеніе Плейера, напечатанное г. Германномъ, относится къ 1710 году. Въ 1717 году, какъ видно изъ вышеупомянутыхъ дѣловыхъ бумагъ, онъ былъ резидентомъ, а въ 1703 году—секретаремъ. Въ какомъ званіи онъ находился при русскомъ дворѣ во время составленія донесенія 1710 года—намъ не извѣстно. Во всякомъ случаѣ любопытенъ его совітъ, въ этомъ донесеніи, отправить въ Россію формально аккредитованнаго австрійскаго посланника. Впрочемъ, всѣ почти безъ исключенія вышеупомянутыя донесенія Плейера, извѣстныя чрезъ сочиненіе г. Устрялова, могутъ считаться гораздо болѣе богатыми содержаніемъ, чѣмъ документъ, обнародованный г. Германномъ, къ разбору содержанія котораго мы и переходимъ.

Плейеръ не разбираетъ общаго характера петровской эпохи: онъ довольствуется сообщеніемъ фактовъ. Между тѣмъ какъ Фокеродтъ пишетъ не столько какъ дипломатъ, жаждущій извѣстить свое правительство о положеніи дѣлъ, сколько какъ историкъ, произносящій приговоръ надъ лицами и событіями,—Плейеръ имѣетъ цѣлью составить лишь рефератъ о томъ, въ какомъ состояніи въ данную минуту находятся дѣла въ Россіи. Онъ пишетъ о государственныхъ учрежденіяхъ, о раздѣленіи всего государства на губерніи, о собраніяхъ тайнаго совѣта, происходившихъ по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ, о

¹⁾ Устряловъ, Исторія Петра Великаго; т. VI, стр. 547—549.

²⁾ См. письмо Плейера къ рейхсграфу Зинцендорфу отъ ^{30-го мая} 1718 года, въ тайномъ государственномъ архивѣ въ Вѣнѣ. ^{10-го іюля}

лицахъ, окружавшихъ Петра, о военномъ совѣтѣ, военной администраціи. По мнѣнію Плейера, строгая дисциплина въ войскѣ при Петрѣ содѣйствовала къ улучшенію нравовъ и умственному развитію офицерскаго сословія. Онъ находитъ, что правительство располагаетъ чрезвычайно богатыми припасами, необходимыми для веденія войны; особенно онъ удивляется значительному количеству пороха, находящагося въ распоряженіи правительства, при чемъ упоминаетъ о частыхъ фейерверкахъ, для которыхъ тратились громадныя массы пороха. Далѣе Плейеръ хвалитъ сибирское желѣзо, говоритъ о суконной фабрикѣ, доставлявшей Петру возможность обходиться при обмундированіи войска безъ иностраннаго сукна.

Извѣстно, какъ Петръ гордился этою попыткою сдѣлаться независимымъ отъ привоза иностраннаго товара; уже въ 1705 году онъ съ радостью писалъ Меншикову, что „плодъ даетъ Богъ изрядный, изъ которыхъ (суконъ) и я сдѣлалъ (себѣ) кафтанъ къ празднику“¹⁾.

Плейеръ упоминаетъ и о другихъ мѣрахъ Петра, имѣвшихъ цѣлью развитіе русскую промышленность, о фабрикаціи чулокъ, шляпъ и проч., о вывозѣ нѣкоторыхъ сырыхъ продуктовъ за границу. За то онъ находитъ, что сельское населеніе страдаетъ отъ рекрутскихъ наборовъ, въ особенности же отъ происходящихъ при семъ злоупотребленій. Въ нихъ онъ видитъ причину возрастающей дороговизны. Далѣе онъ указываетъ на неразумное содержаніе вельможами чрезвычайно значительнаго числа слугъ и замѣчаетъ, что столько дармовцовъ, не имѣющихъ достаточнаго занятія у своихъ господъ и склонныхъ къ воровству и грабежу, слѣдовало бы гораздо лучше употребить въ войскѣ, между тѣмъ какъ усиленные наборы крестьянъ, занятыхъ сельскими работами, причиплютъ ущербъ народному богатству. Послѣ нѣкоторыхъ замѣчаній о сребролюбіи Меншикова и о неурядицѣ въ военной администраціи, Плейеръ говоритъ, что и народъ, и даже самъ Петръ склонны къ миру.

Плейеръ допускаетъ, что народъ, обремененный налогами и повинностями, не доволенъ, но при этомъ замѣчаетъ, что не столько Петръ, сколько Меншиковъ считается виновникомъ всѣхъ бѣдствій; поэтому Плейеръ находитъ весьма естественнымъ, что Меншиковъ, ненавидимый не только народомъ, но и многими лицами знатныхъ сословій, старается обезпечить себя переводомъ своихъ капиталовъ за границу и покупкою имѣній въ другихъ странахъ, намѣреаясь,

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, XVI, 219.

въ случаѣ кризиса, спасти себя вмѣстѣ съ своимъ семействомъ бѣгствомъ.

Плейеръ затѣмъ переходитъ къ вопросу о придворномъ церемонаіалѣ и хвалитъ Петра за устраненіе, въ началѣ своего царствованія, прежнихъ лишнихъ и чрезмѣрно пышныхъ формальностей при торжественныхъ аудіенціяхъ. Однако, онъ находитъ, что Петръ, послѣ взятія Азова и вообще послѣ нѣкоторыхъ успѣховъ надъ Турками и Шведами, ибродитно, мечтая о возстановленіи какого-либо Трѣбизондскаго или Греческаго царства, и сравнивая себя охотнѣе всего съ Александромъ Великимъ, возгордился и началъ опять придавать большое значеніе придворному этикету. При этомъ случаѣ Плейеръ упоминаетъ объ эпизодѣ, случившемся съ англійскимъ посланникомъ Витвортомъ, пріѣхавшимъ въ Россію въ началѣ 1710 года. Царь принялъ Витворта въ обыкновенномъ платьѣ, стоя, и когда Витвортъ попросилъ позволенія сѣсть и надѣть шляпу, то Петръ отказалъ въ этой просьбѣ въ нѣсколько рѣзкихъ выраженіяхъ.

Для обезпеченія интересовъ Австріи при сношеніяхъ съ Петромъ, Плейеръ совѣтуетъ подкупить Шафирова. Въ заключеніе онъ доноситъ о состояніи католическаго исповѣданія въ Россіи. Онъ жалуется на неосторожность нѣкоторыхъ католиковъ, поведеніе которыхъ было далеко не безукоризненно, а также сожалеетъ о недостаточныхъ денежныхъ средствахъ, находившихся въ распоряженіи католическаго прихода въ Москвѣ, и поэтому совѣтуетъ цесарю, для поддержанія католицизма въ Россіи, пожертвовать нѣкоторою суммою для содержанія католической церкви и для пособій миссіонерамъ, находившимся въ Россіи.

Въ особенномъ приложеніи къ своему донесенію Плейеръ сообщаетъ списки членовъ разныхъ высшихъ правительственныхъ учрежденій. Тутъ встрѣчаются нѣкоторыя достойныя вниманія замѣтки о Меншиковѣ, Салтыковѣ, Голицынѣ и прочихъ сановникахъ. Такъ, напримѣръ, о Меншиковѣ сказано, что едва ли можно считать его привязанность къ Петру искреннею. О Гагаринѣ разказывается анекдотъ, что онъ, когда его приговорили къ платежу пени въ размѣрѣ 80.000 рублей, шути сказалъ, что потери этой суммы для него ничего не значить, и что развѣ только такимъ образомъ денежные сундуки его очистятся отъ лишней пыли. Объ Иванѣ Алексѣевичѣ Мусинѣ-Пушкинѣ говорится, что онъ расположенъ въ пользу Австріи и католицизма; по случаю замѣтки о Курбатовѣ упомянуто о нѣкоторыхъ перемѣнахъ въ финансовомъ управленіи. Въ заключеніе Плейеръ

сообщаетъ весьма выгодный отзывъ о Борисѣ Алексѣевичѣ Голицынѣ, восхваляя особенно его административную дѣятельность въ Казани и Астрахани. Его удаленію, чрезъ интриги Меншикова, авторъ приписываетъ безпорядки и смуты, волновавшія юговосточную Россію еще и въ то время, когда онъ писалъ свое донесеніе.

А. Врикнеръ.

Записки иностранцевъ о Россіи въ XVIII столѣтіи. Письма леди Рондо, жены англійскаго резидента при русскомъ дворѣ въ царствованіе императрицы Анны Ивановны. Переводъ съ англійскаго. Редакція изданія и примѣчанія С. Н. Шубинскаго. Съ приложеніемъ портрета императрицы Анны. Изданіе Я. А. Исакова. С.-Пб. 1874.

„Сказанія иностранцевъ считаются, и не безъ основанія, важнымъ матеріаломъ историческимъ. Иностранца по большей части поражаетъ то, что остается непримѣтнымъ для туземцевъ, что считается ими слишкомъ обыкновеннымъ и даже долженствующимъ быть. Конечно, въ сужденіяхъ своихъ иностранецъ можетъ быть поверхностнымъ или пристрастнымъ; онъ можетъ по своему плохо понимать чужое и т. п. Разобрать степень достовѣрности его показаній—дѣло историка, который обязанъ вникнуть въ причины и поводы, побуждающіе того или другаго писателя отзываться о лицѣ, событіи, обычаяхъ или обрядахъ; но выслушать его историкъ обязанъ, ибо иначе онъ можетъ пропустить очень интересныя черты и отъ того не понять эпохи“. Такими словами профессоръ К. Нестужевъ-Рюминъ начинаетъ свое предисловіе къ книгѣ, заглавіе которой выписано выше, и намъ кажется, что эти строки очень вѣрно опредѣляютъ значеніе сказаній иностранцевъ, какъ историческихъ источниковъ. Этотъ родъ источниковъ несомнѣнно имѣетъ своеобразный интересъ и важность, при чемъ цѣнность ихъ показаній опредѣляется именно противоположностью, или по крайней мѣрѣ, разностью понятій и воззрѣній писателя и описываемой имъ среды. Въ исторіи Россіи сказанія иностранцевъ имѣютъ тѣмъ большую важность, что русская жизнь развивалась, въ значительной мѣрѣ, особнякомъ отъ жизни остальной Европы, и потому особенности русскаго быта преимущественно должны были поражать пріѣзжихъ наблюдателей, даже и не слишкомъ внимательныхъ. Въ XVIII вѣкѣ приливъ иностранцевъ въ Россію былъ очень значителенъ; а событія, въ ней происходившія, — реформа Петра Великаго, борьба русскихъ и нерусскихъ элементовъ, дворскія интриги, глухое

недовольство народа, успѣхи просвѣщенія и т. д.;—были такъ необыкновенны и такъ ярки, что давали обильную пищу наблюдательности инопоземцевъ; и дѣйствительно, многіе изъ нихъ записали свои наблюденія и сужденія о русскихъ дѣлахъ, русскихъ людяхъ и Русскомъ государствѣ въ то время, когда обстоятельства и воля великаго преобразователя открыли имъ доступъ къ значительному участию въ этихъ дѣлахъ.

Принимал все это въ соображеніе, нельзя не привѣтствовать съ полнымъ сочувствіемъ, предпріятіе.—издать въ русскомъ переводѣ „Записки иностранцевъ о Россіи въ XVIII столѣтіи“ и не пожелать, чтобъ изданіе это велось съ знаніемъ дѣла, удовлетворяя потребностямъ какъ науки, такъ и общества, и чтобъ оно не остановилось вслѣдствіе равнодушія публики или охлажденія издателя къ начатому дѣлу.

Общій планъ изданія не былъ обнаругованъ, и потому мы не знаемъ—чи именно сочиненія войдутъ въ его составъ; по всей вѣроятности, мемуары не будутъ печататься въ хронологическомъ порядкѣ, и въ основаніе выбора ихъ будетъ положенъ особенный интересъ нѣкоторыхъ изъ записокъ, а также неизвѣстность ихъ въ русской исторической литературѣ. Впрочемъ, каковъ бы ни былъ порядокъ изданія,—если оно будетъ продолжаемо съ достаточною настойчивостью, то мы со временемъ будемъ имѣть въ русскомъ переводѣ, безъ сомнѣнія, всѣ важнѣйшія записки иностранцевъ о Россіи XVIII вѣка.

Для начала предпріятія, издатель выбралъ письма леди Рондо о русскомъ дворѣ во времена Петра II и Анны Иоанновны. Письма эти не принадлежатъ къ числу первостепенныхъ источниковъ для исторіи той эпохи, къ которой относятся; авторъ ихъ не касается вовсе ни многихъ сторонъ политическаго и общественнаго быта Россіи, ни явленій ея культурнаго движенія въ это время, столь близкое къ годамъ реформы; леди Рондо прямо сознается, что многіе вопросы ей чужды: „Вы требуете отъ меня“, пишетъ она къ своей пріятельницѣ,—„описанія страны и характера народа, ея населяющаго, между тѣмъ какъ эти предметы столько же понятны для меня, сколько для государственнаго министра—покрой вашего платья“ (стр. 88). И не смотря на то, письма ея представляютъ значительный интересъ, потому что наблюдательность этой женщины,—едва ли не самой первой изъ иностранокъ, писавшихъ о Россіи,—ограничилась кругомъ предметовъ, вполне доступныхъ ея разумѣнію, и притомъ перѣдко согрѣвалась теплотою женскаго чувства или освѣщалась веселостью и жи-

востью личнаго характера разказицы. Наконецъ, довѣріе къ ея разказамъ внушается еще тѣмъ, что письма эти были писаны безъ всякой задней мысли и вовсе не для печати.

Леди Рондо пріѣхала въ Россію, будучи въ первомъ бракѣ за англійскимъ консуломъ Вордомъ, въ началѣ 1730 года. Ей было тогда тридцать лѣтъ отъ роду; такимъ образомъ она принадлежала въ англійскомъ обществѣ къ тому поколѣнію, которое возросло и развилось подъ вліяніемъ уже новыхъ общественныхъ условий, созданныхъ революціей 1688 года, а какъ извѣстно, этотъ переворотъ, доставивъ побѣду конституціонализму, оказалъ несомнѣнное вліяніе на общественную нравственность Англии, достигшую въ періодъ реставраціи крайней распущенности. Черты благородной нравственной щекотливости нерѣдко встрѣчаются въ письмахъ леди Рондо, и ихъ непремѣнно должно принять въ разчетъ при ея характеристикѣ, такъ какъ онѣ составляютъ не только постоянное отличіе англійскаго характера, но и особенность данной эпохи, — эпохи, когда, послѣ всевозможныхъ безстыдствъ англійской сцены временъ послѣднихъ Стюартовъ, Адиссонъ, подъ покровомъ веселой и мѣткой сатиры, старался проповѣдывать въ литературѣ и жизни скромность, благопристойность, нравственное приличіе. „Адиссонъ“, говоритъ Маколей, — такъ удачно обратилъ противъ порока насмѣшки, который недавно вызывала добродѣтель, что съ его времени открытое нарушеніе неблагопристойности постоянно считалось у насъ признакомъ глупости¹⁾. Мы не сомнѣваемся, что летучіе листки *Болтуна* и *Зрителя* имѣли вліяніе на свѣтскую, но довольно, по своему времени, образованную и начитанную леди; въ одномъ изъ своихъ писемъ она сама указываетъ на рѣзкую грань, отдѣляющую ее отъ представителей безнравственности, которые еще не задолго предъ тѣмъ играли первую роль въ англійскомъ обществѣ и литературѣ. „Что касается любопытства господина М...“, говоритъ она, — „была ли я въ русской банн²⁾“, то онъ заслуживаетъ не отвѣта, а презрѣнія, которымъ отвѣчаютъ людямъ его звала, воображающимъ, что они остроумны, тогда какъ они говорятъ только непристойности“ (стр. 95).

¹⁾ Сочиненія Маколей, V (изд. 1863), стр. 106. Лучшіе сатирическіе этюды Адиссона относятся къ 1709—1712 гг. и помѣщались въ сатирическихъ еженедельникахъ — *The Tatler* (*Болтунъ*) и *The Spectator* (*Зритель*).

²⁾ Въ подлинникѣ, здѣсь не совсѣмъ приличная игра словъ, такъ какъ «the bagnio» значитъ и баня, и вольный домъ. *Примѣчаніе переводчицы.*

Рядомъ съ этою нравственною щекотливостью, недѣля не отмѣтитъ и другой черты характера леди Рондо,— ея чувствительности, отбѣнокъ которой нерѣдко проглядываетъ въ сужденіяхъ ея о разныхъ лицахъ и ихъ поступкахъ. Въ то время легкая любовная интрига—то, что Французы называютъ *galanterie*,—составляла чуть не общественный интересъ для свѣтскихъ людей; такъ и для леди Рондо, вѣрпой представительницы современнаго ей свѣтскаго общества, любовныя приключенія и связи разныхъ лицъ служатъ предметомъ постоянного вниманія и вѣжнаго сочувствія. Любовныя похождения Остермана не дѣлаютъ большого шума, замѣчаетъ она однажды (стр. 113), и притомъ указываетъ на это обстоятельство, какъ на фактъ исключительный, давая тѣмъ самымъ понять, что общественная молва ея времени и ея круга любила питаться подобными разказами. Когда, по смерти ея перваго мужа, англійскій резидентъ Рондо дѣлаетъ ей предложеніе, ея сердце, „этотъ вѣжливый посредникъ“, ищетъ только искренней любви, и она, пренебрегая всѣми выгодами предстоящаго, колеблется дать свое согласіе изъ опасенія обмануться въ преданности претендента. Нѣсколько позже, уже сдѣлавшись леди Рондо, она въ совершенно идиллическомъ тонѣ рисуетъ картину своего, по видимому, вполне счастливаго втораго супружества—въ сельскомъ уединеніи, въ окрестностяхъ Петербурга.

Если прибавить къ этому, что у леди Рондо было довольно природнаго ума, довольно наблюдательности и нѣкоторый юморъ, то этимъ легко обозначается характеръ ея разказовъ и кругъ предметовъ, которые она описываетъ. Она даетъ легкіе очерки нравовъ высшаго русскаго общества, сообщаетъ анекдоты и сплетни изъ этой среды и представляетъ характеристики разныхъ лицъ, съ которыми судьба сводила ее, указывая притомъ черты не изъ какихъ-либо важныхъ моментовъ ихъ дѣятельности, а изъ будничной жизни и обычныхъ сношеній. Притомъ ко всему, что происходитъ передъ ея глазами, она относится безъ предубѣжденія и даже очень добродушно, хотя постоянно сохраняетъ разборчивость и самостоятельность своего сужденія въ отношеніи къ окружающей ее средѣ.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ въ подтвержденіе нашихъ общихъ замѣчаній. Не сложившійся еще строй новаго русскаго общества, даже въ высшихъ его слояхъ, не остался не замѣченнымъ для наблюдательной Англичанки. Въ одномъ изъ писемъ 1737 года, проводя различіе между русскими военными и придворными, она замѣчаетъ: „Здѣсь болѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, замѣтно различіе

между этими двумя классами. Первые вообще отличаются суровою жестокостью, гордою походкой и чѣмъ-то надменнымъ во взглядахъ и манерахъ; это возбуждаетъ мысль объ ихъ ужасномъ ремеслѣ и предположеніе, что они не могутъ быть участниками придворныхъ собраний; однако, нужно отдать имъ справедливость, они не обнаруживаютъ этихъ свойствъ въ своихъ разговорахъ. Вторые, большею частью, веселыя и щеголеватыя личности, которыя встрѣчаются вездѣ и умѣютъ только хорошо одѣваться“ (стр. 123—124). Ограниченность интересовъ высшаго русскаго общества также очерчена почтенною леди: „У супруги польскаго министра (Лефорта) бывають каждый вечеръ собранія“, пишетъ она въ 1730 году; — „собираются все люди хорошаго общества, но, къ крайнему моему огорченію, большая часть ихъ сходится для игры, хотя никого къ ней не припуждаютъ“ (стр. 10). Нѣсколько лѣтъ спустя, она точно также приписываетъ къ сердцу увлеченіе высшаго русскаго общества двумя другими забавами—катаньемъ съ горъ и стрѣлбою въ цѣль, любимымъ развлеченіемъ императрицы Анны, которая заботилась даже о томъ, чтобъ эта потѣха Петербургскаго двора входила въ моду и въ Москвѣ¹⁾. По рядомъ съ этими замѣтками, идетъ перомъ леди Рондо встрѣчаются и другія, болѣе серьезныя и столь же характеристичныя. „Васъ, можетъ-быть, удивляетъ ссылка женщинъ и дѣтей“, пишетъ она однажды; „но здѣсь, когда глава семейства впадаетъ въ немилость, то все семейство подвергается преслѣдованію, а имѣніе отбирается. Если въ обществѣ не встрѣчаютъ болѣе тѣхъ, кого привыкли тамъ видѣть, то никто о нихъ не осведомляется, и только иногда говорятъ, что они раззорились. Если же они впади въ немилость, то о нихъ не говорятъ вовсе. Когда же, по счастью, имъ возвращаютъ благосклонность, то ихъ ласкають по прежнему, не упоминая о прошломъ“ (стр. 46). Быть можетъ, леди Рондо и сама не подозрѣвала всей горькой правды этихъ наблюденій; но какъ они объясняютъ намъ то состояніе русскаго общества, когда за нѣсколько непочтительныхъ словъ, сказанныхъ притомъ, быть можетъ, въ похмѣльи, люди ссылались къ берегамъ Ледовитаго океана!

Смѣсь грубости и изысканности, старинныхъ русскихъ нравовъ и галантерейности Парижскихъ салоновъ, — этотъ первый результатъ полуусвоеннаго просвѣщенія, который обнаружился въ русскомъ обще-

¹⁾ „Сборникъ статей, читанныхъ во II-мъ Отдѣленіи Академіи Наукъ“, т. IX: Историческія бумаги; собранная К. П. Арсеньевымъ, стр. 136.

ствѣ еще при жизни преобразователя,—отмѣчена въ письмахъ леди Рондо нѣсколькими чертами; изъ нихъ особенно выдается очень характерный анекдотъ о русскомъ Ловеласѣ—молодомъ знатномъ членѣ, который, возвратясь въ Москву послѣ путешествія во Францію, сталъ вести себя „по парижской модѣ“—ухаживать за молодыми дамами и хвастать побѣдами надъ ними, но былъ за то наказанъ ими, такъ какъ онѣ, заманивъ его въ ловушку, высѣкли его розгами, съ разрѣшеніемъ своихъ мужей (стр. 42—43). Этотъ разказъ столько же любопытенъ для исторіи русскихъ нравовъ, сколько для исторіи русской литературы XVIII вѣка, когда сатира, начиная съ Кантемира, постоянно выводила и осмѣивала русскихъ петиметровъ, пожирателей женскихъ сердецъ.

Изъ свѣдѣній объ отдѣльныхъ лицахъ въ письмахъ леди Рондо весьма любопытны замѣтки о привлекательномъ характерѣ графа П. И. Лгужинскаго и приторной любезности Миниха, характеристика герцога Бирона, и въ особенности, разказы объ императрицѣ Аннѣ и о разныхъ дамахъ русскаго двора—княжнѣ Е. А. Долгорукой, герцогинѣ Виронѣ, Н. Ѳ. Лопухиной и др. Объ Аннѣ Іоанновнѣ леди Рондо отзывается очень благосклонно; до супруги резидента какъ будто и не доходятъ извѣстія о суровыхъ мѣрахъ и казняхъ этой эпохи. Быть можетъ, самолюбивая Англичанка была нѣсколько подкуплена въ пользу императрицы любезнымъ обращеніемъ съ нею послѣдней и комплиментами ея красотѣ (стр. 32); а еще вѣроятнѣе, что она воздерживалась отъ рѣзкихъ отзывовъ объ императрицѣ изъ осторожности. Съ княжной Е. А. Долгорукою леди Рондо познакомилась на одномъ изъ карточныхъ вечеровъ посланника Лефорта. „Нѣсколько дней тому назадъ“, пишетъ она, — „я встрѣтила молодую дамѣ, которая не играетъ; но происходитъ ли это отъ той же непонятливости, какъ и моя, или оттого, что ея сердце наполнено нѣжною страстью—я не умѣю опредѣлить. Это—хорошенькая особа восемнадцати лѣтъ, обладающая кротостью, сердечною добротою, благоразуміемъ и привѣтливостью. Она сестра фаворита князя Долгорукаго. Братъ нѣмецкаго посланника—предметъ ея любви. Все уже улажено, и они ожидаютъ только исполненія нѣкоторыхъ формальностей, необходимыхъ въ здѣшней странѣ, для того, чтобы, какъ я надѣюсь, быть счастливыми. Она, кажется, *очень рада быть въ замужествѣ вмѣстѣ своимъ отечествомъ*, оказывая иностранцамъ много любезности, сильно любить своего жениха и взаимно имъ любима“ (стр. 12). Эти строки написаны еще въ то время, когда леди Рондо не знала, что за красавицу-княжну

сватается молодой императоръ; но ужь онѣ намекаютъ на такія черты въ характерѣ послѣдней, которыя могли внушить Долгоруковской партіи мысль объ этомъ бракѣ. Не даромъ же княжна Екатерина Алексѣевна воспиталась въ Варшавѣ, въ домѣ дяди своего, славнаго посла при польскомъ дворѣ, князи Г. О. Долгорукова. „Она, конечно, уже вовсе не похожа была на полузатворницъ XVIII вѣка“, справедливо догадывается г. Бартеневъ. — „Преданіе сохранило память не только объ ея обольстительной красотѣ, но и объ умѣньи пользоваться ею и о гордости, съ которою она себя держала“¹⁾. Можно себѣ представить, какъ была поражена леди Рондо извѣстіемъ о томъ, что императоръ пожелалъ жениться на княжнѣ: „Какая жестокая перемена для двухъ лицъ, сердца которыхъ всецѣло отдались другъ другу. Но въ этой странѣ нельзя отказываться“ (стр. 15). Мечтательная леди считала государыню-невѣсту только жертвою козней ея родственниковъ; но кажется, нельзя отрицать и того, что княжна дѣйствовала изъ побужденій честолюбія. Но какъ бы то ни было, разказы леди Рондо, независимо отъ ея точки зрѣнія, представляются въ настоящемъ случаѣ въ высшей степени замѣчательными и болѣе подробными, чѣмъ у кого-либо изъ современниковъ. Леди Рондо была свидѣтельницей торжества по случаю помолвки жениха и невѣсты, которая, по ея замѣчанію, въ этотъ день „имѣла видъ скромный, но задумчивый и лицо блѣдное“ (стр. 17). Послѣ церемоніи, продолжаетъ она, „началось цѣлованіе руки княжны; женихъ держалъ ея правую руку въ своей, давалъ ее цѣловать каждому подходящему, такъ какъ всѣ были обязаны исполнить это. Наконецъ, къ великому удивленію всѣхъ, подошелъ несчастный покинутый юноша; до тѣхъ поръ она сидѣла съ глазами, устремленными внизъ, но тутъ быстро поднялась, вырвала свою руку изъ рукъ императора и дала се поцѣловать своему возлюбленному, между тѣмъ какъ тысяча чувствъ изобразилась на ея лицѣ. Петръ покраснѣлъ, но толпа присутствовавшихъ приблизилась, чтобъ исполнить свою обязанность, а друзья молодого человѣка нашли случай удалить его изъ залы, посадить въ сани и увезти поскорѣе изъ города... Все ея спокойствіе исчезло послѣ легкомысленнаго поступка, и въ глазахъ были только боязнь и разсыпность“ (стр. 17—18). Черезъ недѣлю однако княжна уже болѣе научилась владѣть собою, и когда 6-го января 1870 года, послѣ церемоніи водосвятія, императоръ сталъ жаловаться на головную боль

¹⁾ *Русскій Архивъ* 1866 г., стр. 38—39.

и, по предписанію врачей, легъ въ постель, государыня-невѣста, хотя и была задумчива, принимала всѣхъ „съ серьезною привѣтливостью“, какаля требовалась ся положеніемъ (стр. 21). Леди Рондо слѣдила за судьбою княжны и послѣ копчипы императора, и ей пріятно было услышать, что Долгорукая „переноситъ свое несчастіе героически... совершенно равнодушна къ своей будущей судьбѣ“ и падѣтся на доброту императрицы Анны, которая-де не пожалеетъ подвергнуть ее публичному оскорбленію (стр. 23).

Не приводимъ здѣсь другихъ образцовъ изъ этого ряда извѣстій, но не можемъ не замѣтить, что вообще для того, кто захочетъ писать исторію русской женщины въ XVIII вѣкѣ, письма леди Рондо представляютъ нѣсколько весьма цѣнныхъ данныхъ.

Къ письмамъ леди Рондо въ разбираемомъ изданіи приложены объяснительныя примѣчанія, составленныя С. Н. Шубинскимъ, и записка о главныхъ лицахъ русскаго двора Аннинскихъ временъ, написанная мужемъ леди Рондо, въ переводѣ и съ примѣчаніями Ю. В. Толстаго.

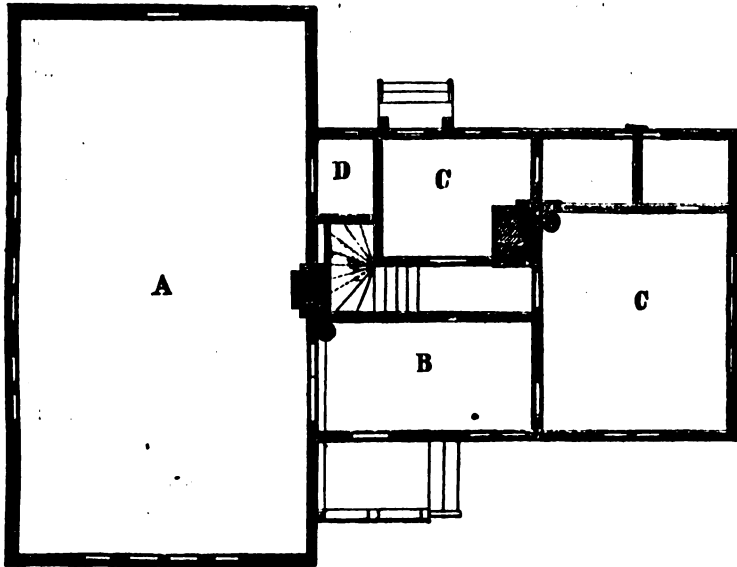
Примѣчанія г. Шубинскаго имѣютъ характеръ почти исключительно біографическій и составлены очень тщательно, но къ сожалѣнію, не всегда снабжены ссылками на источники. Другой упрекъ, который можно отнести къ системѣ этихъ примѣчаній, есть тотъ, что въ нихъ не видно критическаго отношенія къ тексту писемъ: при чтеніи послѣднихъ нрѣдко встрѣчаются извѣстія, которыя требуютъ провѣрки или разъясненія, а примѣчанія даютъ ихъ не всегда. Что же касается записки самого Рондо, подъ заглавіемъ „Характеры нѣкоторыхъ русскихъ вельможъ“, то это — замѣтки умнаго дипломата, хорошо знавшаго русскія придворныя отношенія своего времени. Приложенныя къ этой запискѣ примѣчанія переводчика весьма обстоятельны. Въ концѣ книги помѣщенъ подробный указатель личныхъ именъ, географическихъ названій и предметовъ, составленный искусною рукою П. А. Ефремова.

Л. Майковъ.

и въ другихъ государствахъ. На зданія для народныхъ школъ обращено было вниманіе позднѣе, чѣмъ на зданія для реальныхъ училищъ, но, судя по выставленнымъ планамъ, въ нѣкоторыхъ городахъ въ настоящее время существуютъ такія зданія, которыя можно скорѣе назвать дворцами, — наприимѣръ, въ Мюнхенѣ, Штутгартѣ и въ Гамбургѣ. Въ Саксоніи одна школа на 50 учениковъ, построенная въ 18⁸⁶/₈₇ году, стоила болѣе 50.000 рублей, при ней гимнастическая зала—болѣе 5.000 руб., садикъ—2.000 руб. Что всѣ новыя школьныя зданія въ Европѣ (Германіи, Австріи и Швейцаріи), при красивой архитектурѣ, отвѣчаютъ гигиеническимъ условіямъ и приспособлены къ удобствамъ обученія, на это указываетъ прежде всего то, что въ названныхъ государствахъ существуютъ болѣе или менѣе подробныя правительственныя инструкціи, составленныя на основаніи мнѣнія врачей и педагоговъ. На выставкѣ находилась только инструкція вюртембергскаго министерства (отъ 1870 г.) и инструкція для кантона Цюрихскаго (1865 г.). Въ прусскомъ отдѣленіи между другими книгами выставлено было замѣчательное сочиненіе Цвеца, члена совѣта министра народнаго просвѣщенія В. Г. Саксонскаго: „Das Schulhaus und dessen innere Einrichtung“, Веймаръ, 1870 г. На основаніи перечисленныхъ Цвеземъ литературныхъ статей, имѣющихъ своимъ предметомъ зависимость здоровья учащихся отъ устройства школьныхъ домовъ и школьной мебели, можно судить, что германское общество само, по крайней мѣрѣ, въ лицѣ врачей, архитекторовъ, педагоговъ, сильно сознаетъ необходимость принимать въ соображеніе гигиеническія условія при постройкѣ школьныхъ зданій. Правительственныя инструкціи относительно школьныхъ зданій существуютъ не въ германскихъ только государствахъ, но и въ Бельгіи съ 1852 года, въ Голландіи и Швеціи. Школьный домъ шведскій представляетъ копію одной изъ школъ, построенныхъ по плану, давно выработанному педагогами и врачами и утвержденному начальствомъ. Шведскіе педагоги сознали необходимость особыхъ примѣненій при школьныхъ постройкахъ почти въ одно время съ германскими. Въ предскомъ отдѣленіи, въ числѣ другихъ книгъ, была выставлена тетрадь Сильёстрема съ рисунками фасадовъ, плановъ школьныхъ домовъ и мебели. Она издана еще въ 1856 году. Шведское школьное зданіе, какъ по своей архитектурѣ, такъ и по положенію (въ типъ деревьевъ съ одной стороны), было произведено весьма вѣрно, только въ дѣйствительности болѣею частію оно бываетъ каменное, а на выставкѣ было деревянное.

Зданіе представляетъ классную комнату съ библіотекой, передней и квартиру учителя, состоящую изъ четырехъ комнатъ съ мезониномъ:

Планъ Шведской школы.

А) классная комната; В) передняя; С и С) квартира учителя; D) библіотека.

Соединеніе квартиры учителя со школой въ Швеціи, какъ и въ Баваріи, Швейцаріи, Австріи, — явленіе общее, особенно въ деревняхъ. Нельзя при этомъ не замѣтить, что въ нѣкоторыхъ странахъ такое соединеніе не допускается; такъ въ Пруссіи оно существуетъ лишь въ видѣ исключенія. Передняя комната шведской школы снабжена умывальникомъ, составляющимъ необходимую принадлежность школы, и крючьями для вѣшанія верхней одежды; въ нѣмецкихъ школахъ, равно какъ и швейцарскихъ, верхняя одежда вносится въ школьную комнату, что вредитъ чистотѣ воздуха; отъ этой одежды всегда поднимается отвратительный запахъ, особенно если въ зимнее время она кладется у печки; въ шведскихъ и американскихъ школахъ это не приято. При входѣ въ школьную комнату, прежде всего обращаетъ вниманіе ея освѣщеніе. Свѣтъ и солнце составляютъ существенное условіе каждой школы для правильнаго физическаго развитія дѣтей. По свидѣтельству Цвеца, въ Пруссіи не допускается соединеніе учительской

квартиры со школою, между прочимъ и потому, что чрезъ это можетъ быть затруднено надлежащее дневное освѣщеніе школьной комнаты. Но вопросъ о томъ, въ какую сторону должна быть обращена школьная комната, германскими врачами и педагогами не всегда рѣшается единодушно. Такъ, по мнѣнію большей части педагоговъ, школьная комната должна быть обращена скорѣе на востокъ, чѣмъ на югъ, по тому соображенію, что нагрѣваніе комнаты утромъ, по причинѣ ночнаго охлажденія, не можетъ быть слишкомъ сильно, между тѣмъ, какъ нѣкоторые врачи утреннее солнце считаютъ неудобнымъ на томъ основаніи, что лучи солнечные, падая косвенно, могутъ вредить глазамъ, особенно въ раннее время. Въ Швеціи, если нѣтъ неблагоприятныхъ вѣтровъ, школы обращены обыкновенно на востокъ и югъ. Окна въ школѣ, числомъ 6, расположены по лѣвую сторону отъ учениковъ, а 4 позади ихъ. Окна по лѣвую сторону занимаютъ $\frac{1}{3}$ длины всей стѣны, что особенно требуется при школьныхъ постройкахъ. Онѣ высоки, не доходя до потолка не болѣе, какъ на одинъ футъ; при такой только высотѣ свѣтъ можетъ доходить до самаго послѣдняго пункта противоположной стѣны. Расстояніе оконъ отъ пола таково, что ученики, сидя на своихъ мѣстахъ, не могутъ видѣть ничего, что происходитъ внѣ школы. Окна расположены не равномерно по стѣнѣ, какъ это бываетъ большею частью въ школахъ, а сведены къ срединѣ. Этимъ выигрывается пространство въ передней части комнаты, гдѣ на возвышеніи помѣщается кафедра учителя съ разными классными принадлежностями. Дополненіемъ къ этимъ окнамъ служатъ окна въ задней стѣнѣ, безъ которыхъ вся та часть, въ которой помѣщается учитель, при неблагоприятной погодѣ или въ зимнее время, освѣщалась бы плохо. Свѣтъ прямой или отраженный не допускается въ школѣ, и избѣгаютъ его посредствомъ соломенныхъ шторъ, поднимающихся къ верху. По формѣ, школьная комната представляетъ видъ продолговатаго четырехугольника. Такая форма признается самою удобною. При этомъ условіи, ученики могутъ быть размѣщены такъ, что учитель, находясь на кафедрѣ, будетъ имѣть возможность смотрѣть на нихъ, не повертывая головы въ ту или другую сторону; кромѣ того, при этой формѣ легче расположить окна такимъ образомъ, чтобы свѣтъ равномерно распространялся на всѣ пункты комнаты. Длина комнаты болѣе 40 футовъ, высота отъ пола до самой глубокой части потолка (который имѣетъ видъ свода), болѣе 15, ширина болѣе 12 футовъ. Въ Берлинѣ высота школьныхъ комнатъ отъ $8\frac{1}{2}$ до $13\frac{1}{2}$ футовъ, какъ это видно

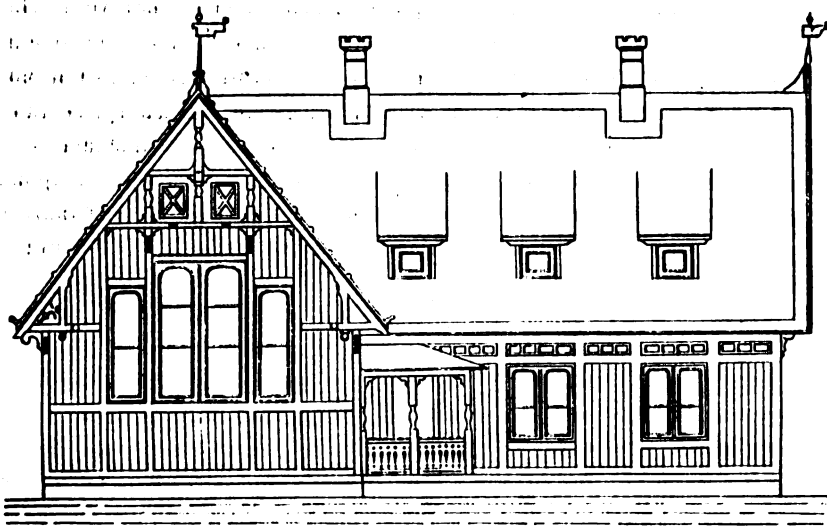
изъ сочиненія Фалька „Die sanitätspolizeiliche Ueberwachung höherer und niederer Schulen, 1871“. Указанные размѣры шведской комнаты даютъ возможность разставить употребляемые въ Швеціи одиночные столы такъ, что между ними будетъ достаточно мѣста для прохода учениковъ и учителя. Кромѣ того, при такихъ размѣрахъ получится на каждаго ученика такое количество воздуха, котораго не имѣетъ ни одно изъ помѣщеній германскихъ школъ, сколько можно судить объ этомъ по инструкціямъ о школьныхъ постройкахъ Виртемберга, Ганновера, Баваріи и Пруссіи. Но въ отношеніи учебныхъ удобствъ длину комнаты нельзя назвать нормальною. Изъ 50 учениковъ не мало найдется такихъ, которые, занимая заднія скамьи, не будутъ видѣть того, что пишется на доскѣ, находящейся у передней стѣны. Цвецъ разъ испыталъ силу зрѣнія 39-ти учениковъ и 42-хъ дѣвочекъ, и нашелъ слѣдующее: два ученика и три ученицы не могли разсмотрѣть написаннаго на доскѣ въ разстояніи мѣтѣ, чѣмъ на 30 футовъ; свыше 30 и 31 фута не могли разобрать 4 мальчика и 3 дѣвочки; свыше 32 и 34 футовъ—6 мальчиковъ и 3 дѣвочки; свыше 39—7 мальчиковъ и 6 дѣвочекъ, наконецъ, свыше 48—10 мальчиковъ и 17 дѣвочекъ. На этомъ основаніи Цвецъ и полагаетъ, что длина комнаты не можетъ быть болѣе 32—34 футовъ; такой длины приблизительно и требуетъ виртембергская инструкція.

Воздухъ въ комнатѣ освѣжается посредствомъ искусственной вентиляции. Въ недавнее время стали распространяться по школамъ простой аппаратъ, ослабляющій дѣйствіе испорченнаго воздуха. Аппаратъ этотъ представляетъ небольшой жестяной ящикъ, наполненный дегтемъ; къ крышкѣ ящика прикрѣплены тонкія пластинки, которыя доходятъ до его дна; когда приподнимается крышка, вмѣстѣ съ ней приподнимаются и пластинки съ дегтемъ, который и испаряется, стекая назадъ въ ящикъ. Съ лѣвой стороны отъ каедры учителя находится дверь, ведущая въ небольшую комнату, въ которой помѣщается школьная бібліотека. Въ ней выставлены были книги по слѣдующимъ предметамъ: по закону Божію, исторіи, географіи, естественной исторіи и по педагогикѣ. Книги большею частью оригинальныя, но были и переводныя съ нѣмецкаго, французскаго и англійскаго языковъ. По закону Божію было 60 книгъ, по исторіи 23, по географіи 73, по естественной исторіи 26. Самыя дешевыя книги—по закону Божію, самыя дорогія—по исторіи. Высшая цѣна книги по закону Божію 3 рубля, по исторіи 7 руб., самая низкая по закону Божію 10 коп.

Школьные библіотеки стали учреждаться назадь тому 15 лѣтъ; правительство само пригласило общество къ учрежденію ихъ, при чемъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сполна внесена была необходимая сумма для пріобрѣтенія книгъ, а въ другихъ эта сумма вносилась по годамъ; въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ библіотеки учреждались, благодаря благотворительности частныхъ лицъ. Библіотеки открыты для всѣхъ, причемъ пасторы закономъ обязаны убѣждать своихъ прихожанъ пользоваться ими. Общество также пользуется библіотеками всѣхъ среднихъ школъ, но въ томъ и другомъ случаѣ за плату, которая и обращается школами на покупку новыхъ книгъ. Для облегченія при составленіи библіотекъ во вновь организующихся школахъ, въ 1870 году особою правительственною комиссіею составленъ каталогъ, который разсылается по общинамъ.

Въ школьной комнатѣ помѣщались почти всѣ учебныя пособія, равно какъ и принадлежности народной школы до высшей ступени ея. Предметы же, составляющіе принадлежность обыкновенной элементарной школы, которую и представляетъ собственно школьный домъ, слѣдующіе: портреты замѣчательныхъ королей Швеціи, черная доска, прикрѣпленная къ стѣнѣ для обученія азбукѣ, съ ящикомъ внизу, въ которомъ помѣщается раскладной алфавитъ; черная доска съ потною системой, каеэдра, или лучше сказать конторка со стуломъ, станокъ для географическихъ картъ, графинъ со стаканомъ. Изъ учебныхъ пособій—библія, книга церковныхъ пѣсней, картины изъ священной исторіи, карта Палестины, Швеціи, русскіе счеты и главные физическіе аппараты. Кромѣ того, въ школьной комнатѣ были выставлены нѣкоторыя гимнастическія машины для мальчиковъ и дѣвочекъ. Чтобы показать, что въ Швеціи военная маршировка и обращеніе съ ружьемъ входятъ въ разрядъ гимнастическихъ упражненій (какъ и въ Швейцаріи), были выставлены: ружье, барабанъ и сигнальный рогъ. Внѣшній видъ всего школьнаго зданія производитъ необыкновенно пріятное впечатлѣніе.

Каменное зданіе въ этомъ родѣ стоитъ отъ 20 до 25 тысячъ, смотря по мѣстнымъ условіямъ. О стоимости шведскихъ зданій для среднихъ школъ можно судить по слѣдующему: зданіе средняго учебнаго заведенія въ Усаль обходится въ 140,000 руб., не считая платы за мѣсто; оно состоитъ изъ 26 классныхъ комнатъ, изъ актовой залы, залы для рисованія, библіотеки съ комнатою для чтенія, музыкальной залы, лабораторіи, естественно-историческаго кабинета и помѣщенія для служителя; кромѣ того особая помѣщенія для гимнастики и для

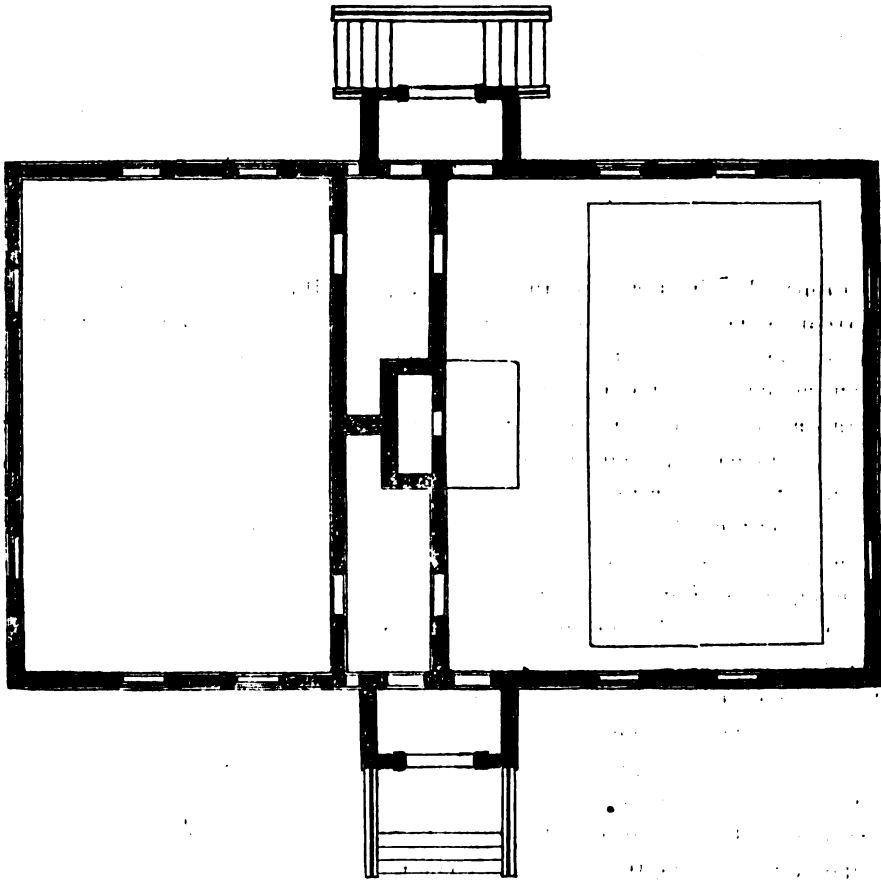

Видъ Шведской школы со входа.

ректора. Зданія для народныхъ школъ въ Швеціи строятся исключительно на счетъ общества, зданія же для среднихъ школъ или на счетъ общества, или на счетъ „строительной кассы“, на казенныя деньги, или же при помощи всѣхъ названныхъ статей. „Строительная касса“ находится въ каждой епископіи и составляетъ изъ годоваго дохода духовныхъ лицъ, отставленныхъ отъ должности или умершихъ бездѣтными; кромѣ того, изъ взноса каждаго ученика средней школы по 4 руб. 50 коп. въ годъ. Кромѣ „строительной кассы“ при каждой епископіи находятся кассы для бѣдныхъ учениковъ и премій, пособія изъ которыхъ ежегодно раздаются учебнымъ заведениямъ епископіи. Независимо отъ епископальной, существуютъ такого рода кассы при каждомъ учебномъ заведеніи.

Школьныя зданія Америки были представлены въ планахъ, моделяхъ и въ видѣ особаго дома, служащаго для одного отдѣленія народной школы. Архитектура американскихъ школъ отличается большимъ разнообразіемъ. По свидѣтельству Гиппо (Общественное образованіе въ Соединенныхъ Штатахъ, 1872 г.), въ Америкѣ встрѣчаются школы по модели Пареевона, другія по модели Базилики, по модели средневѣковыхъ зданій, или готической архитектуры. Но заботясь о внѣшней красотѣ, Американцы не упускаютъ изъ виду прочности и удобствъ школьныхъ зданій, и при постройкѣ ихъ каждая община всегда обращается къ сочиненіямъ, касающимся школьной архитек-

туры. Сочиненія же послѣдняго рода, какъ свидѣтельствуеъ Лавеле (*Instruction du peuple*, 1872), распространяются часто по общинамъ разными благотворителями. Бывшіе на выставкѣ планы и модели изображали школы обыкновенной архитектуры. Такъ трехъэтажная школа Франклина, представленная въ модели, отличалась отъ обыкновенныхъ зданій только башнями по угламъ. Элементарная школа, представленная въ видѣ дома, дѣлится на двѣ почти равныхъ части, изъ коихъ одна представляетъ классную комнату, другая—рекреаціонную залу.

Планъ Американской школы.

Входъ въ нее съ двухъ противоположныхъ сторонъ — одинъ для дѣвочекъ, другой для мальчиковъ. Оба входа ведутъ въ небольшія

переднія, гдѣ на стѣнахъ прибиты крючья для одѣжды и разставлены аппараты для зонтиковъ. Классная комната разчитана на 40 учениковъ; по вмѣстимости она немногимъ менѣе шведской. Окна узкія, но высокія, расположены съ трехъ сторонъ. Шторы, находящіяся на нихъ, приспособлены такъ, что онѣ могутъ закрывать не только все окно, но и по частямъ. Стѣны бѣлыя. Вентиляціи и аппараты отопленія не были представлены, но судя по даннымъ, находящимся въ брошюрѣ, изданной къ выставкѣ „Die Volksschulgebäude der Stadt Washington. Washington, 1873“ и особенно на основаніи свидѣтельства Гильома (Gesundheitspflege in den Schulen, Aarau, 1865), осматривавшаго американскія школы въ разныхъ штатахъ, въ Америкѣ обращается особенное вниманіе на устройство надлежащей вентиляціи и на такой способъ отопленія, при которомъ доставлялась бы умѣренная теплота и очищался воздухъ. Такая заботливость понятна. Чистый и свѣжій воздухъ составляетъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ врачей, болѣе важное условіе, чѣмъ здоровая и питательная пища. Если скоро воздухъ въ классной комнатѣ не возобновляется, то онъ каждую минуту дѣлается менѣе годнымъ для дыханія и болѣе вреднымъ для здоровья учениковъ. Заимствую здѣсь одно мѣсто изъ рѣчи баварскаго врача Петтенкофера, произнесенной имъ въ 1858 году предъ собраніемъ ученыхъ:

«Я считаю чрезвычайно важнымъ обстоятельствомъ свойство воздуха въ нашихъ училищахъ, гдѣ большинство дѣтей проводитъ пятую часть сутокъ. Воздухъ въ нашихъ многолюдныхъ школахъ, послѣ того, какъ ученики и ученицы просидѣли въ нихъ съ часъ времени, дѣлается не многимъ лучше воздуха тюрьмы. Если онъ производитъ не столь пагубное дѣйствіе, какъ послѣдній, то единственно только благодаря тому, что дѣйствіе такого воздуха бываетъ не постоянное, но преходящее; значительно большую часть сутокъ масса учениковъ проводитъ въ домѣ родителей, гдѣ воздухъ лучше, а частью и на свободѣ, подъ открытымъ небомъ. Но вообще въ каждомъ семействѣ встрѣчаются случаи, что здоровье дѣтей начинаетъ поразительно часто подвергаться ущербу именно съ того времени, какъ они стали ходить въ школу. Тѣлесная энергія, сила сопротивленія внѣшнимъ вреднымъ влияніямъ неоспоримо уменьшаются, даже цвѣтъ лица дѣтей часто измѣняется, и румянецъ на щекахъ, возобновляющійся во время каникулъ, большею частью опять блѣднѣетъ вскорѣ послѣ начала учебнаго года. При всемъ томъ, есть много почтенныхъ людей, которые не признають, чтобъ испорченный воздухъ учебныхъ комнатъ наносилъ сколько нибудь вреда здоровью нашего юношества. Основаній такому мнѣнію приводится много. Прежде всего, эти люди указываютъ на то, что и сами въ юности были подвержены подобнымъ влияніямъ, но не умерли. Но возражающіе не знаютъ, какое вліяніе могло бы на нихъ произвести постоянное пользованіе чистымъ воздухомъ. Далѣе, ссылаются

на то, что многія дѣти, посѣщающія школы, имѣютъ цвѣтушій видъ и почти всегда остаются здоровы. Было бы слишкомъ грустно, если бы и такого вида у дѣтей уже не оставалось; но и этимъ мы обязаны, безъ сомнѣнія, не школьному воздуху, но другимъ укрѣпляющимъ здоровье причинамъ, или извѣстному избытку жизненныхъ силъ, который, во многихъ случаяхъ, можетъ сдѣлать безвредными еще и худшія вещи, но который можно употребить съ большею пользою, чѣмъ на парализованіе вредныхъ вліяній. Неосновательность нареканій на дурной воздухъ въ школахъ подкрѣпляютъ еще ссылкой на существованіе большаго числа стариковъ-учителей. По истинѣ смѣшно, какія хитрости пускаются въ ходъ, чтобы поддержать установленный порядокъ, который непередубѣжденнымъ здравымъ смысломъ cadaго человѣка признавъ вреднымъ. Съ такимъ же основаніемъ можно было бы сказать, что отнюдь не опасно потерять руку или ногу, потому что въ парижскомъ «домѣ инвалидовъ» или въ гриппичскомъ матросскомъ госпиталѣ можно видѣть, какъ не совсѣмъ еще старые люди на деревянкахъ и безъ одной руки ходятъ совершенно свободно и на видъ крѣпки. Только хирурги знаютъ, сколько человѣкъ выдержало операцію и сколько погибло. Точная статистика учительскаго званія докажетъ, что среди молодыхъ учителей, съ окончаніемъ ими учебнаго курса и со вступленіемъ въ практическую дѣятельность, то-есть, съ первой половиною двадцатыхъ годовъ жизни до тридцатыхъ, бываетъ очень много случаевъ болѣзни и смерти. Въ это время тѣло должно выдержать испытаніе — способно ли оно или неспособно выполнять требованія службы, къ которымъ принадлежитъ и воздухъ въ школьной комнатѣ; подобное же испытаніе должно выдержать и здоровье заключеннаго въ тюрьмѣ: въ теченіе перваго года въ тюрьмѣ умираетъ почти втрое болѣе, чѣмъ съ пятаго до восьмаго года пребыванія въ ней. Если заключенные выдержали первый годъ, то могутъ уже дожиться до глубокой старости. Но кто же станетъ защищать подобное положеніе отъ упрека въ общемъ вредѣ, наносимомъ здоровью? Дѣти—растущіе, быстро развивающіеся организмы — нуждаются въ свѣжемъ воздухѣ болѣе взрослыхъ. Тѣло мальчика, вѣсомъ въ 50 фунтовъ, вслѣдствіе ускореннаго дыханія и ускореннаго обмѣна веществъ, нуждается въ такомъ же количествѣ воздуха и производитъ въ равное время такое же количество углекислоты, какъ и тѣло человека взрослага, который вѣситъ 100 фунтовъ. Вліянія, неминуемо уничтожающія молодое растеніе, проходятъ безслѣдно для растенія, уже сформировавшагося.

Рекламъ, изъ сочиненія котораго („Книга о разумномъ образѣ жизни“) взято означенное мѣсто, съ своей стороны, представляетъ слѣдующее доказательство вреднаго вліянія школьнаго воздуха на учителя. „По рекрутскимъ саксонскимъ спискамъ, за трехлѣтіе отъ 1851—1854, изъ 206 учителей всякаго рода только 4% найдены годными, то-есть, здоровыми физически, 8% — менѣе годными, и ужасная цифра 87% общаго числа оказалась совершенно негодною къ службѣ“.

Чистотѣ воздуха въ американскихъ школахъ помогаетъ и то обстоятельство, что школьное зданіе чаще всего помѣщается среди

большаго двора, на которомъ находятся клумбы цвѣтовъ и окаймленныя деревьями площадки для прогулки учениковъ. Дворъ дѣлится на двѣ равныя части, изъ коихъ одна назначается для дѣвочекъ, другая для мальчиковъ. Въ концѣ двора помѣщаются отхожія мѣста, соединенныя съ зданіемъ крытою галлереею. Въ большихъ школахъ Вашингтона существуютъ ватерклозеты, но и они помѣщаются или въ нижнемъ этажѣ, или въ другомъ зданіи.

Въ заботливости о здоровьѣ учениковъ въ американскихъ школахъ обращается особенное вниманіе на поддержаніе температуры въ комнатахъ на извѣстной высотѣ. Въ школѣ выставленъ былъ одинъ термометръ, но обыкновенно ихъ бываетъ два; они находятся на противоположныхъ пунктахъ и на различной высотѣ. Зимой учителя записываютъ температуру комнаты въ началѣ, срединѣ и въ концѣ урока.

Въ школьной комнатѣ находились два рода ученическихъ столовъ, каеэдра, органъ, счеты, аппараты для чтенія; на стѣнѣ, кромѣ картъ географическихъ и историческихъ, таблицъ по естественной исторіи, висѣла большая таблица, на которой въ видѣ квадратовъ изображены были всѣ главные цвѣта и всевозможныя соединенія ихъ. Эта таблица служитъ пособіемъ для пріученія учениковъ къ распознаванію цвѣтовъ, что необходимо, ибо доказано, что далеко не всѣ дѣти являются въ школу съ способностію различать цвѣта.

Австрійское школьное зданіе было выставлено кружкомъ людей (Comite der Schulfreunde), принадлежащихъ къ числу тѣхъ Австрійцевъ, которые убѣждены, что политическому и экономическому возрожденію Австріи можетъ помочь только надлежащимъ образомъ организованная народная школа. Школьный домъ со всѣми выставленными въ немъ принадлежностями и учебными пособіями, по мнѣнію членовъ кружка, долженъ былъ показать Австрійцамъ-поселянамъ, въ какого рода зданіяхъ должны помѣщаться ихъ дѣти въ періодъ обученія и какими пособіями должны они пользоваться, чтобъ выйдти изъ школы физически здоровыми и умственно зрѣлыми. Красивое двухъ этажное зданіе помѣщалось среди садика, къ которому примыкала небольшая площадка для лѣтней гимнастики, а далѣе — небольшая крытая галлерей съ гимнастическими машинами, назначавшаяся для гимнастики въ зимнее время. Садикъ, по мысли выставившихъ школьный домъ, предназначается не для одной только санитарной цѣли; при помощи его, ученики должны пріобрѣтать свѣдѣнія о разумномъ разведеніи плодовыхъ деревьевъ, въ связи съ разведеніемъ овощей, знакомиться

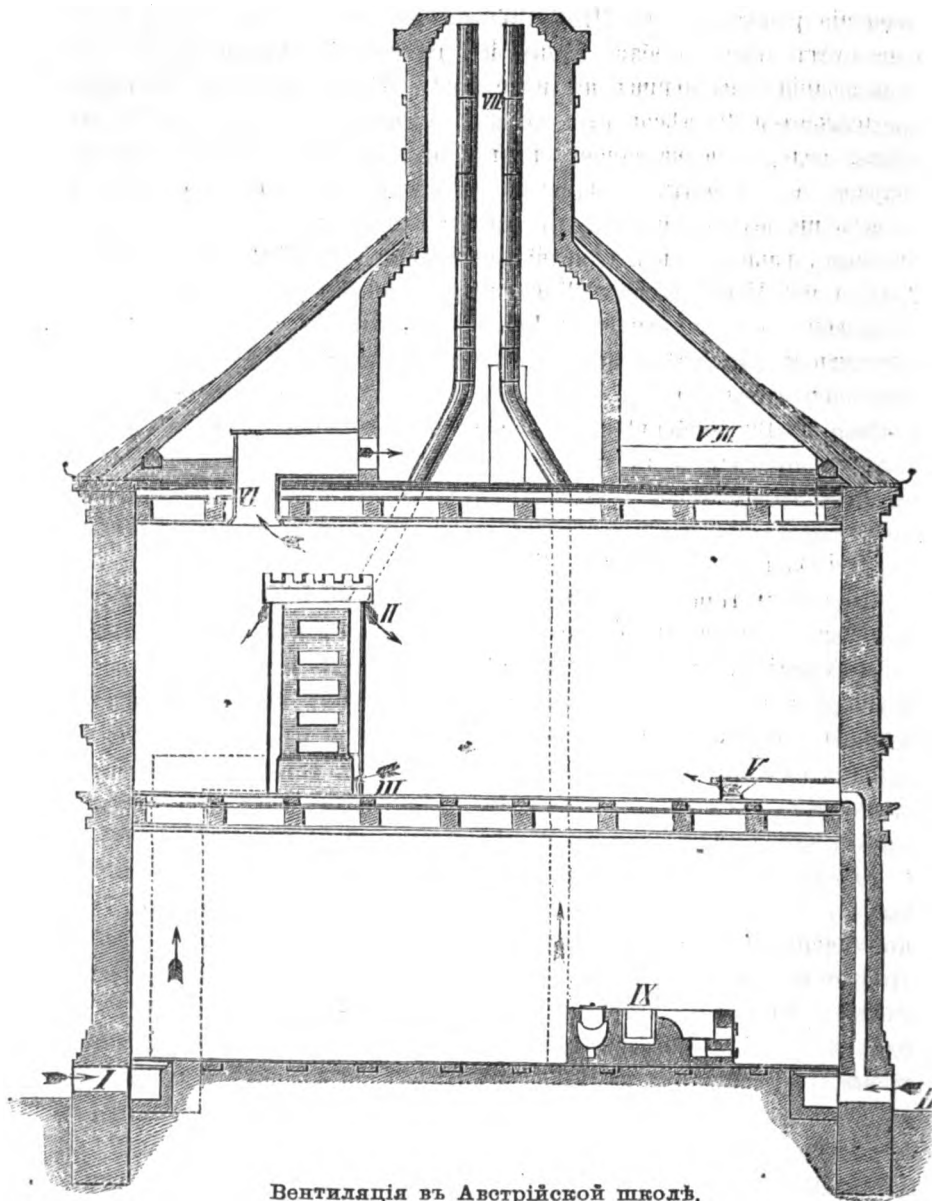
съ пчеловодствомъ, а въ благопріятныхъ мѣстностяхъ и съ разведеніемъ тутовыхъ деревьевъ. Въ Богеміи, Моравіи и Силезіи эта цѣль достигается во многихъ школахъ, и педагоги выражаютъ желаніе, чтобы тоже самое было и въ другихъ земляхъ Австріи. Нижній этажъ школы отведенъ для квартиры учителя, состоящей изъ трехъ комнатъ и кухни; хозяйственныя пристройки къ квартирѣ находятся за гимнастическою галлереею. Классныя комнаты (двѣ—одна для мальчиковъ, другая для дѣвочекъ), разчитанныя на 60 челов., помѣщаются во второмъ этажѣ. Стѣны и мебель выкрашены темною краскою, которая имѣетъ преимущество предъ бѣлою въ тѣхъ случаяхъ, если въ классной комнатѣ много свѣта; темный цвѣтъ при этомъ умѣряетъ лучи солнца. На карпизахъ классныхъ комнатъ вырѣзаны приличныя мѣсту изреченія. Въ учительской квартирѣ были помѣщены болѣе распространенныя по школамъ пособія для нагляднаго обученія и тетради для письма, счисленія и рисованія. Замѣчательны по дешевизнѣ и практичности тетради изъ шиферной бумаги Игнатія Фухса (Wien, Kärtnerstrasse, № 63) и тетради Гиллярдта для упражненія въ письмѣ по сигмографической методѣ. Въ комнатѣ, отведенной для занятія женскимъ руководѣлемъ, были выставлены нѣкоторыя ручныя работы, выполненныя ученицами. Эти образцовыя работы выставлены были съ особенною цѣлію: въ австрійскихъ народныхъ школахъ обученіе руководѣлю идетъ плохо; поселяне не даютъ никакой цѣны этого рода занятіямъ, нѣкоторыя даже видятъ въ этомъ зло, предполагая, что дочери ихъ, научившись въ школѣ какому-нибудь руководѣлю, уйдутъ для работы въ городъ и, такимъ образомъ, деревня останется безъ женской рабочей силы. Инспекторы народныхъ училищъ стараются совѣтами измѣнить въ поселянахъ такое возрѣніе на эти полезныя занятія для ихъ дочерей; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ въ данномъ дѣлѣ помогаетъ инспекторамъ женское образованное населеніе; такъ, въ Моравіи около десяти лѣтъ уже существуетъ женское общество (Kremsier Frauen - Verein der Industrial-schule), члены котораго помогаютъ учительницѣ руководѣля въ мѣстной школѣ, снабжаютъ рабочимъ матеріаломъ бѣдныхъ ученицъ и т. п.; такое общество не одно въ Австріи. Выставленныя работы имѣли цѣлію пробудить въ посѣтителяхъ-поселянахъ мысль о необходимости поощрять своихъ дочерей къ занятію руководѣлемъ. Въ бюргерскихъ школахъ руководѣль идетъ успѣшнѣе; дѣйствующій школьный уставъ придаетъ руководѣлю большое значеніе, почему на эти работы и предназначается по часу ежедневно. Еще болѣе придается

значенія руководѣлю въ Швейцаріи и Германіи. Въ Виртембергѣ существуетъ даже особая семинарія, именно въ Людвигсбургѣ, для образованія учительницъ по руководѣлю. Курсъ въ этой семинаріи продолжается 9 мѣсяцевъ; возрастъ ученицъ отъ 17-ти до 28-ми лѣтъ; содержаніе казенное; ученицы должны имѣть только свой матеріалъ для работы. Семинарія эта существуетъ съ 1866 года и стоитъ правительству ежегодно до 4.020 гульденовъ. Работы семинаристокъ, равно какъ и описаніе семинаріи: „Der Handarbeit“ Unterricht in den Mädchenschulen Württembergs und das Institut zur Heranbildung von Arbeitslehrerinnen in Ludwigsburg von Hory. Stuttgart, 1872“, выставлены были въ Виртембергскомъ отдѣленіи. Не излишне замѣтить при этомъ, что къ руководѣлю и вообще ремесламъ молодое поколѣніе въ Виртембергѣ предрасполагается здоровыми идеями о трудѣ, которыя проводятся въ народѣ публичными лекціями и сочиненіями въ родѣ слѣдующаго: „Volkswirtschaft für Jedermann. Auf Veranlassung der K. Württembergischen Centralstelle für Handel und Gewerbe, frei bearbeitet v. Mayer. Wiese, 1867“¹⁾.

Школа австрійская имѣетъ простую и очень дешевую вентиляцію. Чугунная печь, нагрѣвающая комнату, покрыта жестянымъ колпакомъ, съ отверстіемъ на верху; пространство между колпакомъ и печью наполняется холоднымъ воздухомъ, проходящимъ по трубѣ, расположенной у стѣны; воздухъ этотъ нагрѣвается и распространяется по классу. Лѣтомъ свѣжій воздухъ проходитъ въ комнату чрезъ трубу, оканчивающуюся у возвышенія, надъ которымъ находится каедрa, отсюда чрезъ отверстіе онъ распространяется по комнатѣ.

Этотъ образецъ помѣщенія для народной школы во многомъ превышаетъ требованія закона въ отношеніи школьныхъ построекъ. Такъ по общему закону для всей имперіи (Politische Schulverfassung), не требуется при школѣ ни садика, ни зданія гимнастическаго; для учителя назначается только одна большая комната и кабинетъ съ однимъ окномъ; погреба при учительской квартирѣ не полагается; кромѣ того, по тому же закону, въ классной комнатѣ можетъ быть обучаемо отъ 80-ти до 100 и даже болѣе мальчиковъ. Правда, въ послѣднее время, въ нѣкоторыхъ земляхъ стали издаваться мѣстныя инструкціи, въ которыхъ требованія относительно школьныхъ помѣ-

¹⁾ Сочиненіе это составлено на основаніи Manuel populaire de morale et d'économie politique par Barret (2-е edit., 1863), удостоеннаго французскимъ правительствомъ преміи въ 10.000 франковъ.

Вентиляція въ Австрійской школѣ.

I. Труба, вводящая чистый воздухъ въ колпакъ печной. II. Теченіе въ комнату чистаго нагрѣтаго воздуха. III. Дверца печная. IV. Труба, вводящая чистый воздухъ лѣтомъ. V. Каедръ. VI. Труба, выводящая изъ комнаты испорченный воздухъ. VII. Дымовыя трубы. VIII. Труба, выводящая испорченный воздухъ изъ отхожихъ мѣстъ. IX. Кухонная экономическая печь.

щеній расширены. По нѣкоторымъ изъ нихъ требуется гимнастическая зала, а при деревенскихъ школахъ—садъ для учителя и участковъ земли для обработки; обращается вниманіе на величину классныхъ комнатъ, особенно же на высоту ихъ. По выставленнымъ планамъ видно, что такія постановленія уже выполняются общинами въ Вѣнѣ, особенно же въ Зальцбургѣ и въ Богеміи. Богемскія народныя школы (въ Хорватикѣ, въ Неу-Пакѣ) имѣютъ просторныя классныя комнаты и удобное помѣщеніе для учителей. Большая часть ихъ отличается весьма красивою архитектурой. Нѣкоторыя деревенскія школы имѣютъ башенки съ колоколомъ; въ этотъ колоколъ производится звонъ до начала уроковъ за четверть часа, во второй разъ—при началѣ уроковъ, въ третій—при концѣ. Звонъ колокола слышенъ по всей деревнѣ и дѣти имѣютъ возможность своевременно явиться въ школу, и родителямъ дается возможность судить о своевременномъ возвращеніи ихъ изъ школы. Впрочемъ, это не составляетъ исключительной принадлежности Австріи,—то же существуетъ при нѣкоторыхъ школьныхъ домахъ шведскихъ и американскихъ.

Школьная мебель. Почти во всѣхъ педагогическихъ отдѣлахъ было по нѣскольку образцовъ школьныхъ столовъ. Такъ, въ австрійскомъ—четыре стола разныхъ системъ, въ германскомъ—пять столовъ, во французскомъ и швейцарскомъ—по одному столу, въ американскомъ и англійскомъ—6 столовъ. Всѣ они служили образцами столовъ, уже употребляемыхъ въ школахъ.

Кромѣ столовъ, назначенныхъ для учениковъ, были выставлены каведра и стулья для учителей, станки для географическихъ картъ, для сохраненія картинъ, классныя умывальники и т. д. Особенное значеніе имѣютъ столы, назначаемые для дѣтей, такъ какъ ими обусловливаются въ большей степени удобства обученія, подлежащая дисциплина въ классѣ и, что особенно важно, здоровье учащихся. Вліяніе школьной мебели на здоровье учениковъ было доказано нашими врачами (гг. Манасевичемъ ¹⁾, Маклаковымъ и Эрисманомъ) и особенно германскими, которые въ послѣднее десятилѣтіе особенно тщательно изучали санитарныя условія классныхъ комнатъ и школьной мебели. Главныя болѣзни, образующіяся у учащихся отъ неудобной школьной мебели,—близорукость, кривобокость и школьный зубъ.

¹⁾ Въ статьѣ «Проектъ внутренняго устройства элементарныхъ училищъ въ гигиеническомъ отношеніи», помѣщенной въ *Журн. Минист. Народн. Просв.* за 1870 годъ.

Цюрихскій врачъ Фарнеръ, посѣщавшій два года школы съ указанною цѣлю (въ 1861—1862 гг.), сообщаетъ въ своей брошюрѣ „Das Kind und der Schultisch“ (2-te Auflage. Zürich, 1865) слѣдующее относительно близорукости: въ первые два школьныхъ года всѣ изъ учащихся, наблюдаемые имъ, могли разбирать книгу мелкаго шрифта на разстояніи длины своей руки; было не много такихъ, которые съ заднихъ столовъ не могли разобрать написаннаго на доскѣ; съ третьяго года число такихъ учениковъ увеличивается и затѣмъ оно возрастаетъ съ каждымъ годомъ, а къ концу школьнаго періода многія дѣти дѣлаются совершенно близорукими. Но важнѣе свидѣтельство прусскаго врача Кона, изслѣдовавшаго въ 1867 году 10.060 дѣтей въ 33-хъ заведеніяхъ. Вотъ результаты наблюденій, добытыхъ Кономъ: 1) нѣтъ ни одной школы, въ которой не было бы близорукихъ; 2) въ бюргерскихъ школахъ встрѣчается ихъ въ 4—5 разъ болѣе, чѣмъ въ сельскихъ; 3) въ высшихъ женскихъ школахъ болѣе близорукихъ, чѣмъ въ элементарныхъ; 4) въ реальныхъ школахъ почти пятая (19,7%), въ гимназій болѣе чѣмъ четвертая часть (26,2%); 5) въ высшихъ заведеніяхъ нѣтъ ни одного неблизорукаго; 6) среднимъ числомъ во всѣхъ школахъ въ высшихъ классахъ болѣе близорукихъ, чѣмъ въ низшихъ; въ реальныхъ школахъ половина учениковъ перваго класса близорукие, въ гимназій болѣе половины; 7) во всѣхъ школахъ вдвое болѣе близорукихъ мальчиковъ, чѣмъ дѣвочекъ. Изъ всего числа учениковъ, освидѣтельствованныхъ докторомъ Кономъ, только 28 страдали наследственною близорукостью, остальные же приобрѣли этотъ недостатокъ въ школѣ и главнымъ образомъ, благодаря неудобнымъ скамьямъ и недостаточному свѣту въ классныхъ комнатахъ. Позднѣе, докторъ Конъ освидѣтельствовалъ глаза учениковъ берлинской гимназій (Friedrichs-Gymnasien) и оказалось, что на 361 ученика было 187 (52%) съ нормальнымъ зрѣніемъ, а остальные были близорукие; когда же Конъ повторилъ наблюденіе чрезъ полтора года, то оказалось, что изъ 84-хъ учениковъ съ нормальными глазами 14 сдѣлались близорукими, а близорукость прежнихъ 54-хъ еще болѣе усилилась.

Искривленіе позвоночнаго столба также относится къ числу послѣдствій неправильно устроенныхъ школьныхъ столовъ. Докторъ Эленбургъ, директоръ ортопедическаго заведенія въ Берлинѣ, представляетъ слѣдующіе факты: изъ 300 случаевъ искривленія позвоночнаго столба, происходящаго отъ привычки дурно держать тѣло, 24 случая были предъ 6-мъ годомъ, 266 между 6 и 14 годами, 9 послѣ 14-ти лѣтъ. Замѣчу кстати, что, по мнѣнію московскаго врача

г. Маклакова, на искривленіе позвоночнаго столба имѣеть большое вліяніе и ношеніе учениками въ рукахъ тяжелыхъ связокъ книгъ.

Фрей, докторъ ортопедическаго института въ Цюрихѣ, въ своей брошюрѣ „Der rationale Schultische, Zürich, 1868“, говоритъ, что въ теченіе 7-ми лѣтъ въ его заведеніи было 400 дѣтей, отъ 10-ти до 16-ти лѣтъ, съ искривленнымъ позвоночнымъ столбомъ, и 300 изъ нихъ подучили это искривленіе отъ неправильнаго сидѣнія въ школахъ (формы искривленія позвоночнаго столба показаны Фреемъ въ рисункахъ). По изслѣдованію Фарнера, искривленіе главнымъ образомъ происходитъ отъ ненормальнаго положенія учениковъ за школьнымъ столомъ во время письма. Изъ наблюденія надъ учениками во время процесса писанія онъ вывелъ, что неправильное положеніе тѣла, ведущее къ искривленію позвоночнаго столба, обусловливается физическою необходимостію, съ которою обыкновенная школьная дисциплина, состоящая въ приказаніи ученикамъ держаться прямо, не можетъ бороться. Искривленіе позвоночнаго столба болѣе или менѣе влечетъ за собою искривленіе грудной полости, что, въ свою очередь, препятствуетъ нормальному отправленію легкиихъ. По мнѣнію Шильдбаха, директора ортопедическаго заведенія въ Лейпцигѣ (Die Schulbank-Frage. Leipzig, 1872), у дѣтей, одержимыхъ искривленіемъ позвоночнаго столба въ возрастѣ отъ 13-ти до 17-ти лѣтъ, дыханіе уменьшается на $\frac{1}{3}$, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ—почти на половину сравнительно съ нормальною силой дыханія. Съ этимъ неизбѣжно связано замедленіе кровообращенія въ легкиихъ, хроническій катарръ послѣднихъ. „Вслѣдствіе замедленія кровообращенія въ грудной полости“, говоритъ докторъ Эрисманъ (Вліяніе школы на здоровье, 1871 г.), „происходитъ тоже самое и въ животѣ, и все это вмѣстѣ вызываетъ неудовлетворительное пищевареніе. Такіе люди не въ состояніи противодѣйствовать внѣшнимъ неблагоприятнымъ условіямъ“.

На существованіе болѣзни шейнаго зоба указалъ Гильомъ. Въ Певшательской муниципальной школѣ онъ нашелъ между 731 ученикомъ 414 больныхъ зобомъ (56%). Причина болѣзни состоитъ въ томъ, что при наклоненіи тѣла во время письма задерживается въ шейныхъ желѣзахъ обратное теченіе крови къ сердцу, и чрезъ это происходитъ накопленіе крови и гипертрофія щитообразной желѣзы.

Въ виду такого вреднаго вліянія столовъ на здоровье учащихся, въ послѣдніе 5—8 лѣтъ правительство, и притомъ не одной только Германіи, обратило особенное вниманіе на устройство школьныхъ столовъ. До 60-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія, въ Германіи распо-

рженія властей относительно школьной мебели вообще были рѣдки, а если и были, то они имѣли въ виду удобства обученія, но не здоровье учениковъ; такъ, для примѣра, въ Баваріи въ 1855 году требовалось, при устройствѣ школьныхъ столовъ, чтобы ученикамъ было удобно входить и выходить изъ-за этихъ столовъ. Въ узаконеніяхъ же послѣднихъ 5-ти лѣтъ прямо имѣется въ виду здоровье учениковъ; такъ, для примѣра, въ Виртембергѣ въ 1868 году издана была подробная инструкция, касающаяся устройства столовъ для всѣхъ учебныхъ заведеній (*Verfassung des Ministeriums des Kirchen- und Schulwesens, betreffend eine Instruction für die Einrichtung der Subsellien in den Gelehrten-Real- und Volksschulen. 1868*), въ которой приняты въ соображеніе всѣ санитарныя условія. Въ постановленіяхъ о народной школѣ прусскаго министра народнаго просвѣщенія г. Фалька (1872), говорится, что „столы и скамьи должны быть такъ устроены, чтобы всѣ дѣти безъ вреда для ихъ здоровья могли сидѣть за ними и работать“.

Удовлетворить при приготовленіи столовъ гигиеническимъ условіямъ—дѣло не легкое, если имѣть въ виду ростъ каждаго ученика, и кромѣ того, слѣдующія различныя положенія, которыя принимаетъ тѣло его во время уроковъ: 1) положеніе во время сидѣнья за столомъ (когда ученикъ слушаетъ учителя или смотритъ въ книгу); 2) положеніе его во время процесса писанія; 3) положеніе во время отвѣта, когда онъ долженъ стоять за столомъ. Столъ долженъ быть устроенъ такъ, чтобы при измѣненіи учениками положенія не было шума,—и кромѣ того, онъ долженъ быть проченъ и не дорогъ. Поэтому, неудивительно, если изъ всѣхъ столовъ, находившихся на выставкѣ, только столъ системы Кунце удовлетворяетъ всѣмъ вышеуказаннымъ требованіямъ гигиеническимъ и экономическимъ; всѣ же остальные столы имѣютъ какое-нибудь неудобство, или гигиеническое, или экономическое, конечно, въ различныхъ степеняхъ. Столы однопочные, то-есть, назначаемые для одного ученика известнаго возраста, удобнѣе можно приспособить ко всѣмъ вышеуказаннымъ требованіямъ; такіе столы исключительно были въ шведской и американской школахъ. Столы американскіе удобны только для письма и чтенія лежащей на столѣ книги; но чтобы ученикъ могъ стоять за столомъ, для этого должна быть поднята столовая доска, при чемъ произведенъ будетъ беспорядокъ въ вещахъ, находящихся на столѣ, а это неудобно уже потому, что у стола нѣтъ полокъ. На дѣлѣ этотъ столъ имѣетъ ограниченное примѣненіе: именно, онъ назначенъ для

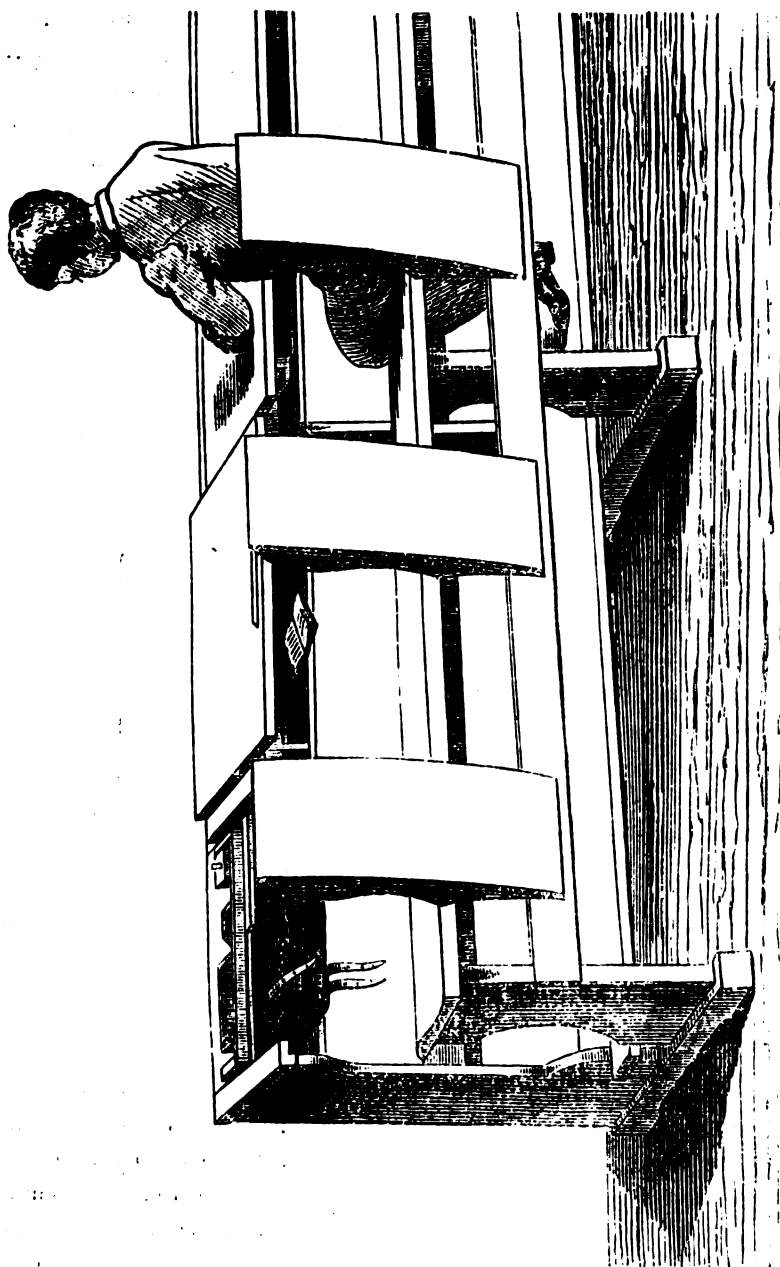
письма, черченія, рисованія, и кромѣ того, для пѣнія, для чего столовая доска складывается, и вмѣстѣ съ тѣмъ, придвигается къ столу скамья. Такое ограниченное примѣненіе этой скамьи объясняется тѣмъ, что въ школахъ американскихъ, конечно большихъ, существуютъ особыя комнаты для разныхъ отраслей обученія, точно также и особые столы; кромѣ того, одного рода столъ существуетъ въ пѣсколькихъ нумерахъ, въ виду различнаго роста учениковъ, напримѣръ, въ Нью-Йоркѣ ихъ—8. Коль скоро специализуется назначеніе стола, то приготовленіе его не требуетъ особеннаго технического приспособленія, и тогда можно обратить вниманіе исключительно на его прочность, что мы и видимъ на американской школьной мебели. Всѣ столы американскіе имѣютъ основаніе чугунное, а сидѣнье, доску и спинки деревянные; чугунъ сообщаетъ не только прочность мебели, но имѣетъ и другое удобство: такой столъ занимаетъ менѣе мѣста и менѣе вытѣсняетъ изъ комнаты воздухъ; но приготовленіе его, а также поправка требуютъ особеннаго технического навыка въ мастерахъ, чѣмъ отличаются рабочіе американскіе, англійскіе, но чѣмъ не могутъ еще похвалиться мастера нѣмецкіе и французскіе. Столы шведскіе (Зандберга, въ которыхъ скамья и столъ соединены между собою) отличаются ббльшимъ приспособленіемъ, въ сравненіи съ американскими: за ними можно легко читать, писать и стоять, но для послѣдняго положенія требуется откинуть столовую доску, которая прикрываетъ ящикъ, назначаемый для книгъ. Эти столы приготовляются въ четырехъ нумерахъ; но, не смотря на это число, не всякій ученикъ можетъ сидѣть за столомъ во время письма и чтенія такъ, чтобы спина его опиралась на спинку, и вмѣстѣ съ тѣмъ, голова не особенно нагибалась, такъ какъ горизонтальное разстояніе между скамьею и столомъ для нѣкоторыхъ учениковъ пѣсколько велико; это послѣднее неудобство устраняется тѣмъ, что на спинку скамьи вѣшается подушка, которая, подширая спинные позвонки, сокращаетъ разстояніе. Слѣдовательно, безъ сторонней помощи, столъ самъ по себѣ не вполне удовлетворяетъ гигиеническимъ требованіямъ. Въ Англии съ недавняго времени стали устраивать столы съ клапанами, которые опускаются каждый разъ, когда ученику нужно встать; при этомъ условіи, ученикъ можетъ и сидѣть, и стоять вполне правильно. Одинъ столъ въ такомъ родѣ былъ выставленъ въ австрійскомъ отдѣленіи. Существенный недостатокъ такого рода столовъ состоитъ въ трудности прикрѣпленія клапана къ главной доскѣ; этотъ клапанъ долженъ выдерживать большую тяжесть,

такъ какъ ученики постоянно опираются на эту часть стола. Однакоже, по удобству, приспособленіе съ названными столами имѣетъ столъ Кайзера, въ баварскомъ отдѣленіи, и одинъ американскій столъ (Slaymakers Improved. Desek. New-York), но въ немъ опускается не столовая доска, а откидывается назадъ скамья, и откидывается безъ помощи рукъ. Но если прикрѣпленіе клапановъ у вышеназванныхъ столовъ встрѣчаетъ затрудненіе съ технической стороны, то еще труднѣе устроить скамью такого рода, хотя замѣчу, что столъ Кайзера употребляется въ бюргерскихъ школахъ Мюнхена уже нѣсколько лѣтъ и изобрѣтатель его имѣетъ привилегію. Въ прусскомъ отдѣленіи выставленъ былъ столъ Шлезингера, въ которомъ столъ и скамьи прикрѣпляются къ одной толстой доскѣ; скамьи, въ видѣ табурета со спинками, двигаются взадъ и впередъ въ назахъ, такъ что ученикъ можетъ, по своему желанію, приближать ихъ, или отодвигать; кромѣ того, сидѣнье при помощи винта можетъ быть поднято и опущено. Почти такое же устройство, только изыщнѣе, имѣетъ столъ Делябросса во французскомъ отдѣленіи; отличіе послѣдняго состоитъ только въ томъ, что въ немъ скамья прикрѣплена къ мѣсту. Недостатокъ, свойственный обоимъ родамъ столовъ, тотъ, что приспособленіе сидѣнья будетъ зависѣть всегда отъ учениковъ, въ чемъ довѣрять имъ нельзя; кромѣ того, нельзя полагаться на прочность винтовъ. Столы Шлезингера имѣютъ и то неудобство, что своею массивностью могутъ мѣшать уборкѣ комнаты.

Такимъ образомъ, изъ поименованныхъ столовъ одни не вполне удовлетворяютъ условіямъ гигиеническимъ, другіе же представляютъ затрудненіе въ отношеніи техническомъ; между прочимъ, цѣны ихъ очень высоки: такъ, столы американскіе (два стола и одна скамья) стоютъ около 35 рублей, столъ шведскій около 16 рублей, столы Гатера и Кайзера на двоихъ болѣе — 18 рублей. Болѣе удовлетворяетъ гигиеническимъ условіямъ столъ по системѣ Кунце, выставленный въ саксонскомъ отдѣленіи.

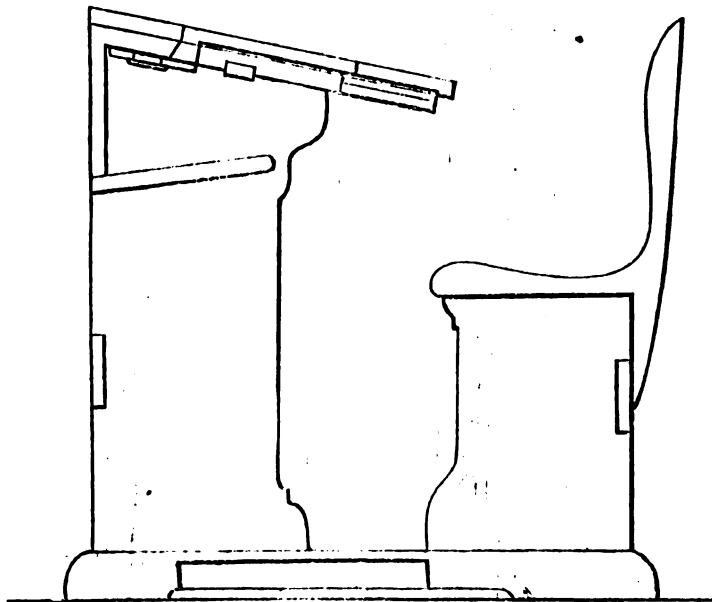
Кунце—гражданинъ города Хемница, въ Саксоніи; избранный въ 1868 году въ комиссію по устройству зданія для реальной мѣстной школы, онъ задался вопросомъ снабдить новую школу болѣе удобными столами, а въ виду этого ознакомился съ сочиненіями о школьной мебели, посѣтилъ нѣкоторыя школы, снабженныя новыми столами, и въ 1869 году приготовилъ первую модель своего стола. Въ томъ же году появились двѣ брошюры, рекомендующія этотъ столъ, какъ болѣе цѣлесообразный: одна принадлежала Хемницкому доктору ме-

Четырёхъярусный столъ Кунце.

• дицины Флинцеру, другая, болѣе обстоятельная, Шальдбаху (заглавіе ея выписано выше). Скамьи Кунце выставлены были торговымъ до-

момъ въ Хемницѣ Bahse и Händel, въ мастерской которыхъ онѣ усовершенствованы въ техническомъ отношеніи. По той же системѣ выставлены были столы въ австрійскомъ отдѣленіи (отъ вѣнской гимназіи), въ венгерскомъ и шведскомъ. Главная особенность скамьи Кунце состоитъ въ томъ, что столовая доска двигается взадъ и впередъ. Выдвинутая доска увеличиваетъ размѣръ стола и въ такомъ

Столъ Кунце съ боку.

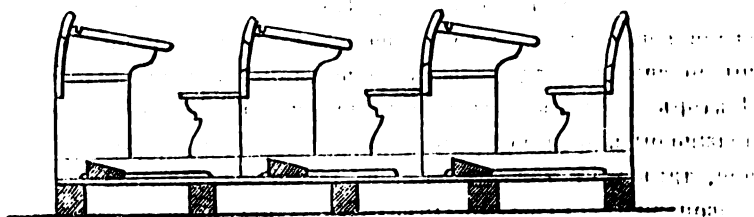
видѣ онѣ назначаются для письма; при выдвинутой доскѣ, въ передней части стола обнаруживается углубленіе, въ которомъ помѣщается черпильница и остальные принадлежности для письма. Такое приспособленіе даетъ возможность ученикамъ и стоять за столомъ во время отвѣта, и писать на пемъ, не нагибаясь. До сихъ же поръ нѣкоторые педагоги готовы были удовольствоваться слѣдующимъ: введены были такіе столы, въ которыхъ, въ видахъ удобства учащихся во время письма, горизонтальное разстояніе между скамьей и столомъ было сокращено у однихъ столовъ до 0 (столы по системѣ Фарнера), у другихъ оно допущено на 1 и 1½ дюйма (столъ Фрея) вмѣсто 3 и 5 дюймовъ, что было у прежнихъ столовъ; для отвѣта же ученики должны выходить изъ-за стола, для чего между двумя рядами столовъ (которые для избѣжанія шума и замедленія были двух-

иѣстныя) оставался по прямой линіи свободный проходъ. Все это соединено было съ важнымъ неудобствомъ: выходъ изъ-за стола и усаживаніе за него, при частыхъ отвѣтахъ учениковъ, требуютъ не мало времени; особенно же это неудобство относится къ дѣвицамъ, вслѣдствіе особенности ихъ костюма. Изобрѣтеніе Кунце совершенно устранило его: когда столовая доска задвинута, то для движенія ученика между скамьею и столомъ остается свободное пространство. Но для здоровья учениковъ особенно важно вертикальное разстояніе между скамьею и заднимъ краемъ стола въ отвѣсномъ направленіи. Надлежащее разстояніе должно быть такое, чтобы ученикъ могъ, не нагибаясь, читать книгу или рукопись, лежащую на столѣ, но оно можетъ быть опредѣлено только тогда, когда будетъ извѣстенъ ростъ учениковъ. Поэтому, измѣреніе учениковъ въ Германіи и Швейцаріи—почти всеобщее явленіе; кромѣ врачей, оно дѣлается и самими педагогами. (Въ концѣ статьи приложена таблица, представляющая ростъ учениковъ по измѣреніямъ Цвца). Но въ данномъ вопросѣ важно знать не общій ростъ ученика, а разстояніе между локтемъ и сѣдалищемъ. Фарнеръ, на основаніи измѣренія, опредѣляетъ его среднимъ числомъ въ $\frac{1}{8}$ величины всего тѣла для мальчиковъ и въ $\frac{1}{7}$ для дѣвочекъ. Кунце для перваго своего стола припалъ величину $\frac{1}{7}$ съ присоединеніемъ къ ней $1\frac{1}{2}$ дюйма; но вертикальное разстояніе, примѣненное къ этой величинѣ, на практикѣ оказалось неудобнымъ для учениковъ средняго и высшаго возраста; въ настоящихъ столахъ Кунце, приготовляемыхъ у Базе и Генделя, это разстояніе увеличено такимъ образомъ, что къ каждому изъ припалыхъ имъ 8 нумеровъ роста учениковъ прибавляется нѣсколько процентовъ въ такомъ видѣ: къ первому нумеру 16,4; ко второму—16,5, къ третьему — 16,9, къ четвертому — 17,3, къ пятому — 17,5, къ шестому — 17,7, къ седьмому — 18,1, въ восьмому — 18,5. Для высшихъ нумеровъ увеличено разстояніе, въ виду близорукости учениковъ. При опредѣленіи разстоянія, Кунце имѣлъ въ виду главнымъ образомъ положеніе учениковъ во время занятія письмомъ. Доска въ столѣ Кунце, какъ и во всѣхъ бывшихъ на выставкѣ столахъ, имѣетъ наклонъ. Отсутствіе этого наклона служитъ одною изъ причинъ близорукости. Относительно зрѣнія полезно, чтобы этотъ наклонъ былъ таковъ, чтобы при чтеніи книги, лежащей на столѣ, ученикамъ вовсе не нужно было бы наклонять головы. Но при этомъ встрѣчаются неудобства въ другомъ отношеніи: 1) во время письма на сильно наклоненной доскѣ скоро утомляются ручные

мускулы, какъ свидѣтельствуеъ докторъ Фалькъ; 2) учителю трудно покрѣять работы учениковъ, какъ засвидѣтельствовали объ этомъ директоры лейпцигскихъ училищъ. Кунце принялъ самый большой наклонъ, такъ что на передней части столовой доски ему пришлось придѣлывать небольшую плашку, которая мѣшаетъ тетрадамъ и книгамъ скатываться на полъ. Большой наклонъ, по объясненію Шильдбаха, особенно необходимо имѣть при тѣхъ столахъ, которые назначаются для старшихъ классовъ, гдѣ ученики или уже близоруки, или же расположены къ близорукости. Кромѣ того, долженъ быть большой наклонъ въ тѣхъ столахъ, которые назначаются для разныхъ возрастовъ, такъ какъ большой наклонъ, не причиняя вреда младшему возрасту, составляетъ необходимость для старшаго. Изъ всѣхъ столовъ, бывшихъ на выставкѣ, столы американскіе имѣли самый малый наклонъ, именно по одному дюйму на футъ; шведскіе столы занимаютъ среднее мѣсто между американскими и Кунце, но въ Швеціи и Америкѣ употребляются столы соотвѣтственно каждому возрасту, слѣдовательно, соображенія Шильдбаха не имѣютъ мѣста. Высота скамьи имѣетъ весьма важное значеніе, не только гигиеническое но и дисциплинарное. Если скамья высока для ученика и ноги висятъ на воздухѣ, то бедра необходимо должны опираться на ребра скамьи, что производитъ давленіе на кровеносные сосуды, а вслѣдствіе давленія, движеніе крови въ тазу приостанавливается, слѣдствіемъ чего является раздраженіе половыхъ органовъ, головная боль и удушье (Фрей). Зло въ учебномъ отношеніи состоитъ въ томъ, что дѣти, чувствуя неудобство, стараются измѣнить свое положеніе, двигаютъ туда и сюда бедрами, отыскивая гдѣ нибудь точку опоры и во все это время, конечно, ослабляется ихъ вниманіе (Цвецъ). При скамьѣ низкой, вредъ физическій еще значительнѣе, хотя и менѣе замѣтителенъ: кровь задерживается въ главныхъ органахъ, страдаютъ печень, селезенка, кишки, особенно послѣ обѣда, во время пищеваренія (Gutachten des ärztlichen Vereins in Frankfurt am Main). Нормальное положеніе ученика во время сидѣнья возможно только тогда, когда высота скамьи будетъ равна высотѣ голени ученика съ внутренней стороны, поэтому измѣреніе этой части тѣла также составляетъ необходимость. Должны ли быть подножки, чтобы ученику удобно было сидѣть, это рѣшается педагогами различно. Всѣ столы американскіе, англійскіе были безъ подножекъ, шведскіе, французскіе съ подножками. Между нѣмецкими педагогами это составляетъ вопросъ спорный. Большинство педагоговъ, судя по голосамъ, собраннымъ

Шильдбахомъ, стоятъ за подножки въ низшихъ четырехъ классахъ; такое требованіе они подкрѣпляютъ тѣмъ, что при подножкахъ столы въ этихъ классахъ могутъ быть приготовляемы выше, чтобы учителю не было необходимости пагнбаться для разсматриванія работъ ученическихъ; въ высшихъ же классахъ это считается необходимымъ въ томъ случаѣ, если изъ полу несетъ холодъ. Нѣкоторые считаютъ необходимымъ имѣть подножки и изъ опрятности, такъ какъ пыль и грязь при существованіи подножекъ не падаетъ на полъ и не разстирается ногами. Самъ же Шильдбахъ считаетъ подножки необходимыми для всѣхъ классовъ. Большинство учителей, съ которыми совѣщался Цвецъ, были противъ подножекъ по слѣдующимъ основаніямъ: чрезъ прикосновеніе къ подножкамъ ученики производятъ шумъ, беспокоящій учителя, подножки затрудняютъ подниманіе книгъ, которыя случайно падаютъ со стола и затрудняютъ также уборку комнаты. Самъ Цвецъ считаетъ подножки излишними, и по его мнѣнію столы, назначаемые для учениковъ малаго роста, должны быть помѣщаемы на возвышеніи. Что касается до того, что подножки уменьшаютъ холодъ въ ногахъ, то, по мнѣнію его, для дѣтей, привыкшихъ дома къ холодному полу, это не можетъ имѣть большаго значенія. Если же нельзя избѣжать подножекъ, то по мнѣнію Цвца, онѣ должны быть достаточно широки и лежать горизонтально, такъ чтобы замѣняли полъ. Широкія подножки требуются, по его мнѣнію, потому, что при узкихъ ученики чаще двигаютъ ногами и тѣмъ производятъ беспорядокъ. Скамьи Кунце снабжены подножками и именно въ такомъ видѣ, какъ требуетъ этого Цвецъ. Въ необходимости спинокъ врачи и педагоги всѣ согласны между собою. Спинки считаются необходимыми прежде всего по санитарнымъ условіямъ; Фарнеръ убѣждаетъ, что дѣти имѣютъ наклонность нагибаться и опираться на локти; спинки должны предохранять ихъ отъ этого. Важны спинки и въ дисциплинарномъ отношеніи: извѣстно, что ученики при продолжительномъ сидѣннн, за неимѣніемъ другой возможности для отдыха, тѣснятъ другъ къ другу и тѣмъ нарушаютъ порядокъ. Но не всѣ педагоги, равно какъ и врачи согласны между собою на счетъ высоты спинокъ: именно, должны ли спинки поддерживать поясничные позвонки или же спинные? Докторъ Фарнеръ, утверждающій, что при устройствѣ спинокъ не должно быть произвола, настаиваетъ на необходимости спинки поясничной, такъ какъ тяжесть тѣла во время сидѣннн падаетъ на эту часть позвоночнаго столба. Позднѣе это мнѣніе Фарнера подтвердилъ про-

профессоръ анатоміи Цюрихскаго университета, Мейеръ, специально изслѣдовавшій механику сидѣнья (*Die Mechanik des Sitzens mit besonderer Rücksicht auf die Schulbankfrage*). Мейеръ доказалъ, что только спинки поясничныя доставляютъ отдыхъ спиннымъ мускуламъ, а спинки спинныя не только не доставляютъ этого отдыха, но служатъ ближайшею причиною искривленія позвоночнаго столба. Докторъ Эриксманъ, въ названной выше книгѣ, обстоятельно разбираетъ доводы Мейера въ пользу поясничныхъ спинокъ и воплнѣ соглашается съ нимъ. Но есть доктора, требующіе спинныхъ спинокъ, таковы Гяльомъ, Бокъ. Въ цюрихской комиссіи педагоговъ, занимавшейся вопросомъ о скамьяхъ, высказалось 3 человека за спинныя и 5 за поясничныя; въ первому изъ этихъ мпѣній присоединилась и Франкфуртская комиссія. Кунце самъ сначала принялъ скамью поясничную, но педагоги, испытавшіе его скамью, возстали противъ этого, на томъ основаніи, что ученики или вовсе не пользовались ею, или же пользовались ею не ловко; именно, они клали локти на спинку, при чемъ неизбежно затруднялось ихъ дыханіе. Въ то время, какъ въ однихъ саксонскихъ школахъ дѣлались опыты со скамьей Кунце съ поясничными спинками, въ другихъ употреблялись скамьи, приготовленныя по системѣ Кунце, но со спинною спинкою, и опытъ въ этихъ послѣднихъ школахъ указалъ на слѣдующее: ученики очень часто упирались плечами въ верхнюю часть спинки, при чемъ сѣдалище спускалось на край скамьи, что, повторяясь часто, можетъ повести къ быстрому искривленію столба. Настоящія столы Кунце имѣютъ спинку нѣсколько выше первой скамьи, но и ниже скамьи сдѣланной по его образцу; конецъ спинки превышаетъ заднюю часть столовой доски; такой величины спинки требовалъ Цецъ еще въ 1869 году. Спинка скамьи Кунце прямая и для одного только ученика; нижняя часть ея нѣсколько углублена, верхняя вынута, — то и другое воплнѣ примѣнено къ изгибу позвоночнаго столба. Въ скамьяхъ шведскихъ спинки доходятъ до шейныхъ позвонковъ и нѣсколько отклонены назадъ; въ виртембергскихъ спинка дѣлится на двѣ ча-

сти,—нижняя идетъ прямо, верхняя же отклонена назадъ, что значительно увеличиваетъ цѣну скамьи.

Надлежащее устройство полокъ въ столахъ представляетъ большое затрудненіе по отношенію къ удобству и гигиеническимъ условіямъ. Съ одной стороны, полка должна быть на столько просторна, чтобы ученикъ могъ положить на нее все необходимое, съ другой—она не должна мѣшать колѣнамъ ученика; если же она мѣшаетъ, то ученикъ при началѣ письменныхъ работъ, чувствуя стѣсненіе, отодвигается невольно назадъ и, слѣдовательно, неизбѣжно долженъ пагубиться, и тогда, по словамъ Фарнера, всѣ заботы объ улучшеніи скамьи будутъ напрасны. О трудности приспособленія полокъ къ столу видно уже изъ того, что болѣе употребляемые въ Америкѣ столы всѣ безъ ящичковъ; въ нѣкоторыхъ англійскихъ столахъ полка помѣщается внизу сидѣнья, что, конечно, не удобно; въ баварскомъ отдѣленіи были выставлены столы профессоровъ Буля и Линсмейера, у которыхъ полки помѣщены на скамьѣ между двумя учениками, что, разумѣется, удобнѣе, чѣмъ ящики въ столѣ, но бесполезно удлиняетъ скамью и столъ. По отношенію къ полкѣ, столы Кунце также вполне удовлетворительны; полки оставлены на своемъ обычномъ мѣстѣ, но размѣры ихъ таковы, что онѣ не мѣшаютъ колѣнамъ учениковъ во время письменныхъ занятій. Въ такъ называемомъ столѣ Олимпюцкомъ (по образцу котораго сдѣланъ столъ Россауской гимназіи) полки еще болѣе уменьшены, чѣмъ у Кунце, а возвышены въ отношеніи къ скамьѣ на столько, что на нихъ могутъ помѣщаться только книги, тетради, для ранцевъ же назначаются особые крючки у подпожки стола съ внутренней стороны, какъ это принято и при нѣкоторыхъ американскихъ столахъ, только крючки находятся не у стола, а у стула. Въ саксонскомъ отдѣленіи выставлена была скамья, въ которой передняя спинка была сдѣлана изъ плетеной проволоки въ тѣхъ видахъ, чтобы ученикамъ свѣтлѣе было приводить свои вещи въ порядокъ, а учителю легче наблюдать за тѣмъ, какъ ученики держатъ свои руки.

Число моделей столовъ, въ видахъ приспособленія ихъ къ росту учениковъ, принято Кунцемъ—8, какъ сказано было выше. Въ началѣ готовилось 9, но опытъ указалъ на возможность обойтись и при меньшемъ числѣ. Въ Виртембергѣ по уставу принято 6 номеровъ; берлинская коммиссія педагоговъ, разрабатывавшая вопросъ о школьныхъ столахъ въ 1871 году, признала возможнымъ обойтись и при трехъ моделяхъ на все время обученія. При рѣшеніи вопроса о числѣ моделей не лишне имѣть въ виду слѣдующія мнѣнія врачей: по Флин-

церу, дѣти, различающіяся въ ростѣ 2-мя сантиметрами, могутъ сидѣть на одинаковыхъ скамьяхъ; по Фарнеру, ученики два года могутъ сидѣть на одной скамьѣ; по Гильому, ученики низшихъ классовъ каждые 6 мѣсяцевъ должны быть пересаживаемы на скамьи болѣе высокія. Въ видахъ облегченія учителей при размѣщеніи учениковъ на соответствующія скамьи, на столахъ Базе и Генделя съ боку обозначенъ въ сантиметрахъ ростъ тѣхъ учениковъ, которые должны сидѣть на нихъ; для измѣренія же роста приготовлена ими особенная, очень удобная, мѣра.

Цѣна столовъ Кунце у Базе и Генделя слѣдующая:

Двухмѣстный	столъ отъ № I до III	8 талеровъ.
"	" " № IV " VIII	8 ¹ / ₈ " "
Трехмѣстный	" " № I " III	9 ² / ₈ " "
"	" " № IV " VIII	10 " "
Четырехмѣстный	" " № I " III	11 ¹ / ₂ " "
"	" " № IV " VIII	11 ⁵ / ₈ " "

Доски столовые готовятся изъ хорошо высушеннаго дуба. Столы по системѣ Кунце распространены не только въ Саксоніи, но и во многихъ другихъ странахъ Германіи; вводится они только по тщательномъ испытаніи ихъ на дѣлѣ, причемъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ назначались испытательныя комиссія съ участіемъ врачей, такъ наиримѣръ, въ Цвиккау окружной врачъ посѣщалъ I-й и IV-й классы и по нѣсколько часовъ наблюдалъ за положеніемъ учениковъ, сидящихъ за такими столами. Въ Вѣгѣ, въ Россауской гимназіи снабженъ былъ столъ одинаковой системы съ Кунце сначала одинъ классъ, затѣмъ прошедшимъ лѣтомъ всѣ классы. О практичности этого рода столовъ можно судить по тому, что торговый домъ Базе и Генделя во время выставки, къ началу августа, имѣлъ заказовъ 35.000 экземпляровъ. Столы этой системы извѣстны уже въ Петербургѣ; прежде всего они были введены въ одномъ частномъ учебномъ заведеніи, затѣмъ въ III прогимназіи и въ настоящемъ году въ первомъ реальномъ училищѣ.

Въ числѣ выставленныхъ столовъ нѣкоторые назначались для рисованія; изъ нихъ обращаетъ особенное вниманіе столъ по системѣ Флиндера, приготовляемый Базе и Генделемъ. Этотъ столъ выше обыкновенныхъ столовъ, къ задней стѣнкѣ его придѣланъ особый стопокъ для оригиналовъ; скамья въ видѣ табурета отдѣлена отъ стола. Кладры для учителей находились во всѣхъ школахъ, и кромѣ того,

въ саксонскомъ отдѣленіи, въ числѣ вещей Базе и Генделя. Всѣ выставленныя каеэдра снабжены были большимъ числомъ ящичковъ; вообще онѣ отличаются красивою внѣшностью, что необходимо, въ виду усиленія авторитета учителя въ глазахъ учениковъ. Каеэдра Базе и Генделя снабжена была табуретомъ, который служить въ то же время маленькою лѣстницей. Базе и Гендель, кромѣ того, выставили слѣдующіе предметы: 1) станокъ для географическихъ картъ, изъ котораго карты опускаются на подобіе шторъ. Станки такіе давно употребляются въ американскихъ и шведскихъ школахъ. При употребленіи ихъ, карты сосредоточиваются на одномъ требуемомъ мѣстѣ и никогда не пылятся; 2) два деревянныхъ ящика для храненія таблицъ и рисунковъ. Одинъ ящикъ имѣетъ видъ портмоне и раскладывается такимъ же образомъ; онъ прикрѣпленъ къ низенькому стative. Другой ящикъ имѣетъ видъ большой переплетенной книги, одна крышка которой прикрѣплена къ стѣпнѣ, другая же — откидывается и держится на цѣпочкѣ; 3) столъ для умыванія, простой и удобный; 4) шиферная доска обыкновенной величины на прочномъ стative; доска поворачивается на горизонтальномъ винтѣ, причемъ, при помощи зубчатого колеса, она можетъ быть оставлена въ какомъ угодно положеніи. Изъ другихъ досокъ, бывшихъ на выставкѣ, особенно замѣчательны выставленныя въ австрійскомъ отдѣленіи доски, приготовленныя изъ особенной клеенки, отличающейся прочностію (Groll et C. Wien. Mayer und Jessler, Kärntnerstrasse, 37). Одна доска изъ этой клеенки представляетъ особенное удобство для класснаго употребленія; она имѣетъ видъ большой деревянной рамки, въ которой на двухъ валикахъ, при помощи винта, вращается натянутая клеенка. Такая доска (Huber's rotirende Schultafel) можетъ быть заказана по слѣдующему адресу: Wien, in der Buchhandlung für pädagogische Literatur v. Pichler's Witwe und Sohn, Margarethenplatz, 2. Цѣна доски въ 195 сантиметровъ высоты и 125 ширины — 16 руб. ¹⁾).

И. Веллерминовъ.

¹⁾ Эта доска, столъ Гаттера, столъ Россауской гимназіи и слѣдующіе предметы мастерской Базе и Генделя: классный столъ, каеэдра со стуломъ, столъ для рисованія Флинцера, ящикъ для папокъ, умывальникъ, инструменты для измѣренія роста учениковъ — выписаны, по распоряженію его сіятельства г. министра народнаго просвѣщенія, для музея при учительскомъ институтѣ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

РАЗМѢРЫ СТОГОВОЙ БУНДЕ.

Ростъ утѣнковъ въ сантиметрахъ.	Пучья стоговъ.							
	1.	2.	3.	4.	5.	6.	7.	8.
104—110.	110—117.	117—125.	125—135.	135—145.	145—155.	155—165.	165—177.	
Расстояние между поломъ и подошкой	23	20	15	10	5	—	—	—
Расстояние между подомъ-кой и верхнею частью сѣдны для	29	31	34	37	40	43	46	49
Вертикальное расстояние между верхнею частью сѣдны и выдвинутою стоговою доскою для	27,5	29,5	32,5	35,5	38,5	41,5	44,5	47,5
Расстояние между сѣдныемъ и среднюю выпуклостн спинки для	17,5	19	20,5	22,5	24,5	26,5	29	31,5
Расстояние между сѣдныемъ и среднюю выпуклостн спинки для	19	20,5	22	24	26	28	30,5	33
Промежутки между выпуклою частью спинки и выдвинутою стоговою доскою	15	16,5	18	20	22	24	26	28
Вычина выдвинутой доски	16,5	18	19,5	21,5	23,5	25,5	27,5	29,5
Насколько выдвинута стоговая доска переходить за передній край сѣдныя	22	23	24	25	26	27	30	33
Длина стоговой доски отъ передней части до задней	11	11	11	12	12	12	13	13
Ширина доски	2	2	2	2	2	2	2	2
	33	33	33	36	36	36	39	39
	57	57	57	60	60	63	63	63

Таблица, представляющая результаты измерения учениковъ, произведеннаго Цвеномъ.
(Заклассована у Флишера).

Полъ.	Возрастъ.	Р о с т ъ.		В ы с о т а т о л е н и.		Р а с т о я н і е м е ж д у о т д а л и щ е м ъ и л о ж к о м и.					
		Средній.	Большой.	Малый.	Средній.	Большой.	Малый.	Средній.	Большой.	Малый.	
М	7 — 8	117,80	137,98	86,40	36,53.	36,99	27,90	16,16	15,47	13,80	
	9 — 10	126,6	140,38	115,14	35,00	38,75	29,37	17,50	22,90	14,68	
	11 — 12	136,19	152,78	122,18	38,46	44,33	33,47	17,85	21,43	16,44	
	13 — 14	143,33	160,78	129,73	40,36	45,81	35,33	19,75	24,04	17,98	
	14 — 16	—	—	—	46,98	—	—	21,18	—	—	—
	16 — 18	—	—	—	48,44	—	—	24,63	—	—	—
Ж	8	118,98	—	—	—	—	—	18,33	—	—	
	9	120,98	—	—	25,83	—	—	18,16	—	—	
	10	132,47	—	—	36,78	—	—	18,79	—	—	
	11	139,90	—	—	36,99	—	—	20,33	—	—	
	12	139,87	—	—	41,10	—	—	20,41	—	—	
	13	140,10	—	—	39,46	—	—	19,78	—	—	
	14	152,78	—	—	42,88	—	—	21,79	—	—	
	15	159,55	—	—	43,03	—	—	23,80	—	—	
16	147,99	—	—	40,56	—	—	23,69	—	—		

НАЧАЛЬНЫЕ УРОКИ РИСОВАНИЯ И ЧЕРЧЕНИЯ.

По учебному плану реальных училищъ, начальныя уроки рисованія и черченія принято вести по известной системѣ чешскаго художника Петра Мужака; а между тѣмъ до сихъ поръ въ русскомъ переводѣ не существуетъ объясненія приемовъ этой системы, которая, безспорно, представляется одною изъ лучшихъ въ своемъ родѣ.

Знакомство со взглядами г. Мужака и его педагогическими приемами составляетъ потребность и интересъ для учителей рисованія всѣхъ учебныхъ заведеній, въ особенности теперь, когда уже рисованіе и черченіе заняло почетное мѣсто въ системѣ общаго образованія, какъ предметъ, имѣющій практическую важность и не лишенный чисто воспитательнаго значенія. Смѣло можно сказать, что, при большинствѣ разнородныхъ занятій, знаніе этого предмета оказываетъ много благотворной помощи и услугъ. Вся промышленность въ большинствѣ случаевъ достигаетъ полнаго успѣха при пособіи искусства. Это важное значеніе предмета заставило меня принять на себя изложеніе системы г. Мужака, которую я пополнилъ моими личными наблюденіями и опытомъ.

До сихъ поръ еще не найденъ удобный способъ преподаванія въ учебныхъ заведеніяхъ первоначальныхъ правилъ рисованія. Въ этомъ дѣлѣ нѣтъ ничего установленнаго и все, что ни дѣлается по этому предмету, представляетъ лишь болѣе или менѣе удачныя опыты. Взгляды на элементарное рисованіе крайне смутны, и преподаватели этого предмета различными путями — каждый на свой ладъ — добиваются не ясно создаваемой цѣли. Очевидно, что такое положеніе предмета не нормально и часто можетъ оказывать вредное вліяніе на молодыхъ, не окрѣпшихъ, силы учащихся, требующихъ правильнаго развитія, отсутствіе котораго съ первыхъ же шаговъ въ школѣ такъ невыгодно отзывается на всей послѣдующей ихъ жизни.

Пересмотрѣвъ всѣ системы первоначальнаго рисованія, употребляемыя въ разныхъ мѣстахъ за границей, г. Мужакъ пришелъ къ тому заключенію, что геометрическія формы должны быть главнымъ основаніемъ элементарнаго рисованія и что черченіе этихъ формъ на бумагѣ, заранѣе разлинованной квадратами, или по стигмографической сѣткѣ, полезнѣе всѣхъ другихъ извѣстныхъ доселѣ приемовъ. Геометрическія формы и въ дальнѣйшемъ изученіи рисованія всегда служатъ образцомъ для сравненія съ ними всего разнообразія встрѣчаемыхъ въ природѣ очертаній, а также даютъ ученику начальное понятіе о различныхъ существующихъ простѣйшихъ формахъ, приучаютъ глазъ къ опредѣленности и совершенной точности, легчайшему ясному пониманію и симметріи, способствуя тѣмъ, конечно, правильному развитію вкуса. Не подлежитъ также сомнѣнію, что для начинающаго весьма трудно съ перваго раза начертить отъ руки прямую линію или дугу, а тѣмъ болѣе геометрическую фигуру, которая не терпитъ ни малѣйшей неточности, какъ напримѣръ, горизонтальныя и вертикальныя линіи; квадратъ, стороны котораго должны быть равны, а углы прямы; трапецію, въ которой двѣ стороны должны быть непремѣнно параллельны и т. д. Притомъ же, въ общественныхъ заведеніяхъ классы всегда бываютъ многочисленны. Въ виду всего этого, разлинованная бумага является вполне цѣлесообразнымъ вспомогательнымъ средствомъ при черченіи. Ученики, имѣющіе передъ собою разлинованную бумагу, могутъ работать, не требуя частыхъ поправокъ учителя — у котораго не хватило бы на это времени — и работы ихъ будутъ выходить, по возможности, исправными, хотя и не всегда вполне вѣрными. Наконецъ, нужно также принять въ разчетъ и ту пользу, которая достигается особенностями настоящей системы.

Опытъ доказалъ намъ, что копированіе съ рисунковъ, каждымъ ученикомъ отдѣльно, вначалѣ не приноситъ рѣшительно никакой пользы. При такомъ приемѣ, учитель не имѣетъ возможности ни дать одновременно цѣлесообразную работу цѣлому классу, ни занять его вниманіе, ни оживить классъ, ни сдѣлать свои объясненія общими для цѣлаго класса, ни требовать выполненія работы всѣмъ классомъ, — все это возможно исполнить, лишь занимаясь отдѣльно съ каждымъ ученикомъ. А въ классѣ и опытный преподаватель теряется и не въ состоянїи поддержать даже дисциплины, не говоря уже объ успѣхѣ занятій, которыя всегда давали возможность большей половинѣ класса,
часть СЛХХІ, отд. 3.

подъ благовидными предлогами, отдѣлываться отъ своей работы, употребляя это время на шалости. Все это весьма хорошо извѣстно людямъ, близко стоящимъ къ дѣлу. Правда, есть другой приемъ, при которомъ можно избѣгать многихъ изъ указанныхъ неудобствъ; приемъ этотъ, принятый въ настоящее время и, конечно, одинъ изъ лучшихъ, — съ первыхъ же уроковъ рисовать съ натуры, причемъ одна модель даетъ работу цѣлому классу. На своемъ мѣстѣ эта система дѣйствительно незамѣнима; но въ началѣ для дѣтей она будетъ суха и мало интересна; здѣсь къ занятіямъ они будутъ относиться, какъ къ урочной работѣ, отъ которой, при извѣстныхъ требованіяхъ, не возможно отдѣлаться. Трудно предполагать, чтобы одна сухая проволочная форма могла прельстить глазъ ребенка и заронить въ немъ желаніе испробовать свои силы въ ея изображеніи. Для большей наглядности я приведу примѣръ. Учитель ставитъ проволочный квадратъ, даетъ необходимыя объясненія и затѣмъ требуетъ, чтобы ученики срисовали модель. Осматривая ученическія работы, который на первыхъ урокахъ всегда биваютъ мало удовлетворительны по отсутствію въ нихъ правильности, чистоты, отдѣлки и проч., учитель не безъ основанія потребуетъ повторенія работы, результатомъ которой явятся на ученическихъ тетрадяхъ нѣсколько бесвязно стоящихъ квадратовъ. Есть ли возможность допустить, чтобы такое однообразное повтореніе сухихъ формъ, не имѣющихъ никакой между собою связи и не представляющихъ также идеи, могло оживить и вдохновить дѣтскую мысль, которая требуетъ иныхъ впечатлѣній? Совершенно противное представляютъ система г. Мужака и его педагогическіе приемы. Школа его рисунковъ состоитъ изъ двухъ курсовъ. Первый предназначается для младшаго возраста, или нашихъ приготовительныхъ классовъ, и заключаетъ въ себѣ одну тетрадь; второй — для болѣе старшаго возраста, или нашихъ первыхъ классовъ, и состоитъ изъ шести тетрадей. Всѣ рисунки одинаковаго формата, по сѣткѣ, составлены изъ орнаментовъ или украшеній, въ основаніи коихъ лежатъ геометрическія фигуры, съ постепеннымъ переходомъ отъ одной фигуры къ другой. Рисунки эти могутъ служить украшеніемъ весьма разнородныхъ предметовъ, встрѣчаемыхъ въ промышленности и въ обыденной домашней жизни; составлены они съ большимъ вкусомъ, разнообразіемъ, точностью и каждый заключаетъ въ себѣ извѣстную идею. Благодаря этимъ достоинствамъ, они съ перваго же раза производятъ чарующее впечатлѣніе на ребенка, который, безъ всякаго принужденія, съ большою охотою принимается за дѣло;

и трудъ этотъ, вмѣсто тягости, приносить одно удовольствіе, такъ какъ, соответствуя дѣтскимъ силамъ и потребностямъ. Въ то же время исполненіе этой работы потребуе отъ ученика и вниманія (даже строгаго); и мысли, и технической отдѣлки; но всѣ эти требованія пройдутъ незамѣтными для ребенка, который увлеченъ дѣломъ. Составляя свое руководство, г. Мужакъ главнымъ образомъ имѣлъ въ виду: а) чтобы оно могло служить помощью для учителя; б) чтобы способъ этотъ могъ быть успѣшно примѣненъ въ многочисленныхъ классахъ; и в) чтобы рисунки подходили къ возрасту учениковъ и соответствовали ихъ силамъ. Все это онъ выполнилъ какъ нельзя лучше. Преподаватель едва возьметъ въ руки мѣлъ и проведетъ нѣсколько линий, какъ работа уже дана цѣлому классу. Сначала онъ объясняетъ отдѣльныя геометрическія фигуры, а потомъ чертитъ на классной доскѣ составленный изъ нихъ орнаментъ, который тутъ же всѣ ученики счерчиваютъ въ свои тетради. Задаваясь такимъ путемъ работа заставляетъ цѣлый классъ трудиться вмѣстѣ. Для возбужденія въ дѣтяхъ вниманія, рисунки составлены такъ, что даютъ возможность въ теченіе одного урока оканчивать каждый изъ нихъ; окончить же трудъ побуждаетъ дѣтей и естественное желаніе ихъ видѣть цѣлый рисунокъ въ своей тетради, потому что на классной доскѣ они видятъ только часть орнамента, дающую собою указанія къ составленію цѣлаго. Здѣсь представляется учителю полное удобство контролировать ученическія работы и выразить имъ свою похвалу или замѣчаніе. Послѣдующія затѣмы упражненія разнообразіемъ рисунка и новизною формъ, приносятъ новый интересъ для дѣтей, сопряженный съ накопленіемъ свѣдѣній и пользою; такъ что современемъ въ ученикахъ безъ всякаго насилія разовьется потребность и любовь къ предмету, и труду, и тогда уже учитель можетъ смѣло давать и тѣ сухія формы, о которыхъ уже было говорено: успѣхъ дѣла вполне будетъ обезпеченъ.

Нѣкоторые изъ рисунковъ г. Мужака представляютъ собою отдѣльныя законченныя фигуры и годятся для украшенія маленькихъ предметовъ, или могутъ составлять часть сложныхъ украшеній большихъ размѣровъ; другіе же представляютъ какъ бы часть узора. Тѣ изъ нихъ, которые могутъ быть продолжены вправо и влево, называются бордюрами или каймами (напримѣръ, таблицы 1, 2, 3 и т. д., курсъ 2 й); тѣ, которые могутъ быть продолжены во всѣ четыре стороны, называются узорами (напримѣръ, таблицы 22, 23, 28 и т. д., курсъ 2 й); тѣ же, которые, не могутъ быть продолжены ни въ одну изъ сторонъ, назы-

ваются средними или серединными и представляют собою законченное цѣлое (напримѣръ, таблицы 20, 26, 38 и т. д. курсъ 2-й). Многого здѣсь можно измѣнить или дополнить, сообразуясь съ матеріаломъ, при помощи котораго рисунки будутъ выполнены. На сколько многочисленны украшаемые предметы, на столько же могутъ быть разнообразны и способы ихъ украшенія. Нѣтъ предмета, котораго нельзя бы было, хотя сколько нибудь, украсить, или измѣнить въ немъ украшенія, напримѣръ, матеріи, ковры, кружева, обои, рамы для картинъ, узорчатая бумага, выпуклыя произведенія изъ дерева или желѣза, рисунки на стеклѣ, фарфорѣ, мозаика и т. д. По рисункамъ дѣти знакомятся съ разнообразіемъ украшеній, встрѣчаемыхъ въ разныхъ отрасляхъ промышленности. Накопленный такимъ путемъ запасъ свѣдѣній въ болѣе зрѣломъ возрастѣ дастъ возможность съ пользою примѣнить его на практикѣ. Г. Мужакъ требуетъ отъ учениковъ старшаго класса австрійскихъ народныхъ школъ, чтобы они не только срисовывали, но умѣли бы и измѣнять рисунокъ, составлять новый, сообразуясь какъ съ украшаемымъ предметомъ, такъ и съ матеріаломъ, изъ котораго будетъ выполненъ рисунокъ. Но, по моему мнѣнію, нашимъ дѣтямъ выполненіе этихъ требованій еще не по силамъ. Ко всему этому нужно прибавить, что если учитель не будетъ слѣдить за работами учениковъ, то уроки эти не принесутъ большой пользы. Для уснѣха дѣла необходимо, чтобы преподаватель не стоялъ постоянно передъ классной доскою съ мѣломъ и губкою, а почаще проходилъ между рядами учениковъ, присматриваясь къ ихъ работамъ и слѣдя, какъ они сидятъ, правильно ли кладутъ передъ собою тетрадь, держатъ карандашъ и т. д. При этомъ является надобность иногда показать одному, какъ чинить карандашъ, другому поправить рисунокъ. Для того, чтобы учитель имѣлъ время для поправокъ, рисунки расположены такимъ образомъ, что на каждомъ нѣкоторныя фигуры въ извѣстномъ порядкѣ повторяются, почему учитель можетъ чертить на классной доскѣ не весь рисунокъ, а только основныя части, предоставляя остальное дополнить самимъ ученикамъ. Въ остальное время онъ имѣетъ возможность ходить между рядами, поправлять учениковъ и одобрять ихъ добрымъ совѣтомъ, привѣтливымъ словомъ.

Рисунки г. Мужака отпечатаны черною краскою на бѣломъ фонѣ; но они могли бы быть также и цвѣтные на другомъ какомъ-нибудь полѣ. Рисунки эти могутъ быть рисованы и акварельными красками, или цвѣтными карандашами. Тѣней здѣсь не требуется, какъ это дѣ-

дается въ рисункахъ пластическихъ предметовъ; только площади отдѣляются или отличаются одна отъ другой разными красками. Пѣкоторые изъ площадей на рисункахъ представлены бѣлыми, другія же покрыты штрихами. При рисованіи красками бѣлыя площади, покрываются одною краскою, штрихованныя—другою. На многихъ изъ рисунковъ встрѣтятся, кромѣ площадей совсѣмъ бѣлыхъ и другихъ, покрытыхъ штрихами, еще третьяго рода площади, совсѣмъ черныя, затушеванныя; рисунки эти покрываются тремя красками. Начинающій долженъ сначала выучиться рисовать одною краскою, потомъ двумя, тремя и т. д. Чтобы ученики имѣли наглядное понятіе о рисункахъ, сдѣланныхъ красками, учитель долженъ нѣкоторыя изъ таблицъ увеличить на большихъ листахъ бумаги, разкрасить ихъ и выставить въ классѣ. Окрашенные рисунки могутъ быть пригодны для такихъ предметовъ, какъ ковры, ткани, обои и т. д. Работы красками могутъ быть весьма полезны при частныхъ домашнихъ урокахъ, по въ нашихъ классныхъ занятіяхъ онѣ мало примѣнимы и не представляютъ на первое время надобности.

Классная пособія: 1) Клеенчатая доска, въ рамѣ или безъ нея, раздѣленная красною краскою на 20 квадратовъ въ длину и 12—въ ширину; величина стороны квадратика должна имѣть полтора вершка, а вся сѣтка должна быть отдѣлена отъ рамы полемъ въ два вершка. На этой доскѣ въ каждомъ классѣ учитель чертитъ для учениковъ предназначенныя имъ работы. Мужакъ требуетъ и другой меньшей доски, на которой можно было бы задавать другія работы тѣмъ изъ учениковъ, которые скорѣе другихъ будутъ въ классѣ оканчивать заданное; но, по моему мнѣнію, это будетъ только отрывать учителя отъ правильныхъ занятій съ болѣе слабыми учениками, пужающимися въ его помощи, и въ то же время не принесетъ большой пользы и тѣмъ, для которыхъ онъ будетъ посвящать это время. 2) Всѣ ученики должны имѣть: тетрадь, заранѣе разлинованную тонкою синею квадратною сѣткою; хорошій неподдѣльный карандашъ Фабера № 2-й; кусокъ чистой резины, позякъ и рейсфедеръ для вставки короткихъ карандашей.

Для успѣха въ работѣ необходимо соблюдать строгую чистоту и порядокъ. Рисовальная тетрадь должна быть въ толстой синей оберткѣ (съ правильною надписью заведенія и фамиліи ученика) и заключать въ себѣ не болѣе шести листовъ бумаги, потому что чѣмъ она толще, тѣмъ труднѣе сохранить ее до конца чистою. Тетрадь

передъ ученикомъ всегда должна лежать такъ, чтобы длинная сторона ея была параллельна грани стола, и ученикъ не касался бы грудью послѣдняго. При рисованіи, въ особенности при тушеваніи, площадей, подъ рукою всегда долженъ лежать кусокъ бумаги, иначе рисунокъ будетъ стираться отъ прикосновенія руки. Учитель также долженъ слѣдить, чтобы ученики не свертывали свои тетради въ трубку. Употребленіе на урокахъ рисованія линейки, какъ пособія, строго воспрещается. Хотя г. Мужаевъ и дозволяетъ проводить по линейкѣ всѣ длинныя линіи, встрѣчаемыя въ рисункахъ, но мнѣ кажется, что это слѣдуетъ устранить, дабы тѣмъ не нарушать общаго строя системы, по которому всѣ рисунки чертятся отъ руки, и дать мѣсто практикѣ въ проведеніи болѣе длинныхъ линій.

Не лишнимъ также будетъ привести здѣсь и слѣдующія геометрическія положенія, знаніе которыхъ необходимо при исполненіи рисунковъ по методу г. Мужака.

Точка происходитъ отъ прикосновенія мѣла къ доскѣ или карандаша къ бумагѣ. Точкою мы обозначаемъ извѣстное на площади мѣсто. Чѣмъ меньше она, тѣмъ точнѣе опредѣляетъ мѣсто. Точка также употребляется для украшенія; и тогда она дѣлается въ видѣ небольшого кружка. Для отличія точекъ ставятся буквы.

Линіей называется непрерывный рядъ точекъ или продолженный слѣдъ карандаша на бумагѣ, или мѣла на доскѣ. Каждая линія имѣетъ два конца, или двѣ крайнія точки—начальную и конечную, которыя обозначаются буквами. Для указанія линій, по имѣющимъ крайнихъ точекъ, служитъ кругъ. Прямою линіей называется такая, которая составляетъ кратчайшее разстояніе между двумя точками. Горизонтальною линіей называется такая прямая линія, которая, на доскѣ или бумагѣ, въ направленіи своемъ, во всѣхъ точкахъ отстоитъ на равномъ разстояніи отъ верхней и нижней грани (или края); чертится она отъ лѣвой руки къ правой. Отвѣсною линіей называется такая прямая линія, которая въ направленіи своемъ одинаково отстоитъ отъ лѣваго и праваго края доски или тетради. Сравнить ее можно съ опущенною натянутою ниткою, къ концу которой привязана какая нибудь тяжесть; чертится она сверху внизъ. Линіи, по имѣющія ни горизонтальнаго, ни вертикальнаго направленія, называются наклонными; тѣ изъ нихъ, которыя ближе къ горизонтальной, чертятся сверху внизъ, а тѣ, которыя ближе къ отвѣсной, отъ лѣвой руки къ правой. Длинные линіи сначала проводятся слабо, а потомъ вторично

сравнивается ихъ толщина, которая должна быть одинакова на всемъ направленіи. Ломанною линіей называется такая, которая состоитъ изъ нѣсколькихъ прямыхъ линій, имѣющихъ различныя направленія. Кривою линіей называется такая, которая всегда мѣняетъ свое направленіе и ни въ одной своей части не имѣетъ прямой. Смѣшанною линіей называется такая, которая состоитъ изъ прямыхъ и кривыхъ линій. Сравнивая взаимное направленіе двухъ или нѣсколькихъ линій, мы видимъ, что каждая изъ нихъ или одинаково отстоитъ своими частями отъ другихъ линій, или же нѣтъ; въ первомъ случаѣ эти линіи по продолженіи своемъ не сходятся, почему и называются параллельными; а во второмъ — онѣ по продолженіи своемъ сойдутся, пересѣкая одна другую, почему называются непараллельными.

Двѣ линіи, выходящія въ разныхъ направленіяхъ изъ одной точки, образуютъ уголъ. Линіи, образующія уголъ, называются сторонами угла; а точка, соединяющая эти стороны, называется вершиною угла. Величина угла зависитъ отъ большаго или меньшаго наклона одной линіи къ другой. Уголъ можетъ быть обозначенъ тремя буквами и одною. Буква, стоящая при вершинѣ угла, читается посреди двухъ крайнихъ буквъ. Уголъ, образуемый при встрѣчѣ горизонтальной и отвѣсной линій, называется прямымъ. Прямой уголъ можетъ быть повернуть, и тогда одна линія отвѣсно падаетъ къ другой. Если мы правильно сложимъ въ четверо листъ бумаги, а потомъ снова его разложимъ, то складки образуютъ собою четыре прямыхъ угла, сходящихся вершинами въ одной точкѣ. Всѣ эти четыре угла, вмѣстѣ взятые, заключаютъ въ себѣ 360° градусовъ, или дѣлений, а каждый отдѣльно равняется четвертой части этой величины, то-есть, 90° . Уголъ, заключающій въ себѣ менѣе 90° , называется острымъ. Онъ образуется изъ горизонтальной линіи и наклонной. Уголъ, заключающій въ себѣ болѣе 90° , называется тупымъ. Онъ образуется изъ горизонтальной линіи и наклонной, обращенной въ другую сторону отъ горизонтальной. Острый и тупой углы могутъ быть повернуты, и тогда стороны ихъ измѣняютъ свое положеніе. Если изъ точки, взятой на прямой линіи, проведена другая линія, то образуются смежные углы. Они бывають равные, когда составляютъ два прямые, и не равные, когда составляютъ тупой и острый уголъ. Противоположными углами называются такіе, которые образуются пересѣченіемъ двухъ линій и лежатъ одинъ противъ другого.

Ровная поверхность называется площадью. Площадь, ограниченная линіями, называется фигурой. Линіи, окаймляющія фигуру, могутъ быть

прямая и кривая, почему и фигуры, бываютъ прямолинейныя, криволинейныя и равнолинейныя. Каждая отдѣльная линия называется стороною фигуры. Треугольникъ есть наименѣе сложная изъ всѣхъ фигуръ. Всякій треугольникъ состоитъ изъ трехъ угловъ и трехъ сторонъ. Сторона, на которой построенъ треугольникъ, называется основаниемъ, а уголъ, лежащій противъ нея,—вершиною. Линія, опущенная отвѣсно изъ вершины къ основанію, называется высотой треугольника. По величинѣ сторонъ треугольники бываютъ: равносторонніе, когда двѣ стороны равны, а третья менѣе или болѣе; и разносторонніе, когда всѣ стороны не равны между собою. По величинѣ угловъ треугольники также носятъ названія: прямоугольные, когда въ треугольникѣ находится одинъ прямой уголъ (остальные острые); тупоугольные, когда имѣется одинъ тупой уголъ (остальные острые); и остроугольные, когда всѣ углы острые. Въ прямоугольномъ треугольникѣ сторона, лежащая противъ прямого угла, называется гипотенузой, а остальныя двѣ — катетами.

Четыреугольникомъ называется такая фигура, которая имѣетъ четыре угла и столько же сторонъ. Четыреугольники бываютъ слѣдующіе: квадратъ, въ которомъ всѣ стороны равны и углы прямые; ромбъ, или сдвинутый квадратъ, въ которомъ всѣ стороны равны, но углы не прямые; прямоугольникъ, въ которомъ противоположныя стороны равны и углы прямые; параллелограмъ, въ которомъ противоположныя стороны параллельны и углы не прямые; и трапеція, въ которой двѣ противоположныя стороны параллельны. Линія, соединяющая два противоположныхъ угла, называется діагональю.

Каждая прямолинейная фигура, имѣющая болѣе четырехъ сторонъ, называется многоугольникомъ. Сколько въ многоугольникѣ сторонъ, столько въ немъ и угловъ. Многоугольники суть: пятиугольники, шестиугольники, семиугольники и т. д. Многоугольникъ, въ которомъ всѣ стороны и углы равны, называется правильнымъ. Фигура, которая можетъ быть раздѣлена прямою на двѣ равныя между собою фигуры, называется симметричною.

Площадь, ограниченная круговою линіей, называется кругомъ. Круговая линія, ограничивающая кругъ, называется окружностью круга; каждая точка, взятая на этой окружности, должна быть въ равномъ разстояніи отъ точки, находящейся въ серединѣ круга и называемой центромъ круга. Линія, соединяющая точку на окружности съ центромъ, называется радіусомъ. Линія, соединяющая двѣ

точки на окружности и проходящая через центр, называется диаметром. Линія, соединяющая двѣ точки на окружности, называется хордою. Линія, имѣющая только одну общую точку, называется касательною. Линія, пересѣкающая окружность, называется сѣкущею. Часть круга, ограниченная дугою и двумя радиусами, называется вырѣзкомъ или секторомъ, а часть круга, ограниченная дугою и хордою, — отрѣзкомъ или сегментомъ.

Г. Шумскій.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ИЗВѢСТІЯ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И СОСТОЯНІИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

І. ВЫСШІЯ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

О состояніи и дѣйствіяхъ въ 1872 году лицеевъ Демидовскаго юридическаго и князя Безбородко въ Нѣжинѣ и Института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи.—Мнѣніе профессора Московскаго университета Иванцева-Платонова о способѣ замѣщенія кафедры церковной исторіи въ университетахъ.—Соображенія физико-математическаго факультета Московскаго университета по поводу ходатайства объ утвержденіи двухъ экстраординарныхъ профессоровъ ординарными.

а) Демидовскій юридическій лицей въ Ярославлѣ.

По Высочайше утвержденному 3-го іюля 1868 года временному, въ видѣ опыта на три года, уставу Демидовскаго юридическаго лицей положены слѣдующія кафедры: энциклопедія права; исторіи русскаго права; право римское, государственное, гражданское и гражданское судоустройство и судопроизводство; уголовное право и уголовное судоустройство и судопроизводство; право полицейское, финансовое, международное; политическая экономія и статистика; сверхъ того, богословіе, исторія русской литературы, всеобщая исторія и языки: нѣмецкій и французскій. По утвержденному тогда же временному штату лицей назначено: ординарныхъ профессоровъ—4, экстраординарныхъ—6, доцентовъ юридическихъ наукъ—3, доцентовъ исторіи русской литературы, русской и всеобщей исторіи—3, лекторовъ новыхъ языковъ—2, священникъ при лицейской церкви, преподающій богословіе—1; всего 19 преподавателей. Къ 1-му января 1873 года состояло на лицо: ординарный профессоръ—1, экстраординарныхъ—2,

исправляющихъ должность экстраординарныхъ профессоровъ—3, исправляющій должность доцента—1, преподаватель—1, законоучитель—1, всего—9.

Незамѣщенныхъ кафедръ въ 1872 году не было, такъ какъ въ лицей открыты были только три первые курса. Для приготовленія къ профессорскому званію для слѣдующихъ курсовъ, въ 1872 году находились за границею кандидаты: *Посниковъ*—по политической экономіи и статистикѣ, *Миловидовъ*—по судопроизводству гражданскому и уголовному, *Соболевскій*—по финансовому праву, *Ковалевъ*—по полицейскому праву, *Борзенко*—по праву гражданскому, — всѣ пятеро съ содержаніемъ по 2.000 руб. изъ остатковъ отъ личнаго состава лица. На счетъ того же источника состояли стипендіями и получали по 600 руб. въ годъ два кандидата—*Кайдаловъ* и *Севиридовъ*.

Въ 1872 году совѣтъ лица имѣлъ 18 засѣданій; болѣе важныя изъ его постановленій отпечатаны уже за первую половину года въ 3-й книгѣ *Временника* лица, а за вторую приготовлены къ печати для 4-й книги того же изданія. Правственность студентовъ не вызвала никакихъ особыхъ мѣръ, такъ какъ въ теченіе года ни одинъ студентъ не подвергался даже выговору за неисполненіе своихъ обязанностей. Что же касается до учебной дѣятельности студентовъ, то для усиленія ея задаваемы были постоянно упражненія въ различной формѣ: студенты въ аудиторіи дѣлали словесные рефераты прочитаннаго ими по указаніямъ профессора; излагали письменно назначенные имъ отдѣлы сочиненій; отыскивали въ юридическихъ памятникахъ подлинные тексты, на которые ссылался профессоръ, и объясняли ихъ; писали годовыя сочиненія; составляли конспекты прочитанныхъ лекцій; наконецъ переводили статьи и отрывки изъ капитальныхъ сочиненій по юридической литературѣ. Всѣми этими мѣрами и обязательными для всѣхъ задачами достаточно поддерживалась энергія въ занятіяхъ студентовъ. Съ разрѣшенія г. министра народнаго просвѣщенія, при лицей открыта, съ 1-го апрѣля, кафедра всеобщей исторіи права. Исправлявшіе должность доцентовъ, магистры *Ворошиловъ* и *Карасевичъ* назначены исправляющими должность экстраординарныхъ профессоровъ: первый—по всеобщей исторіи права, второй—по кафедрѣ энциклопедіи права. Возвратившійся изъ заграничной командировки кандидатъ *Духовскій* назначенъ исправляющимъ должность доцента по кафедрѣ уголовного права; кандидатъ *Астафьевъ* допущенъ къ преподаванію исторіи философіи въ качествѣ сторонняго преподавателя.

Въ 1872 году напечатаны 2-я и 3-я книги *Временника* Демидовскаго юридическаго лица, по 30-ти печатныхъ листовъ каждая. Обѣ книги составлены исключительно изъ трудовъ профессоровъ лица: *Владимірскаго-Буданова, Ворошилова, Капустина и Нелидова*. Сверхъ того, бібліотекаръ лица *Балкашинъ* напечаталъ въ журналѣ „Бесѣда“ драму „Изъ народныхъ страстей“.

По финансовой смѣтѣ къ отпуску изъ государственнаго казначейства на 1872 годъ было ассигновано 45.722 руб., а именно: на содержаніе личнаго состава—34.278 руб., на стипендіи—4.000 руб., на учебныя пособія, хозяйственныя и другіе расходы—7.444 руб. Сверхъ того, имѣлся остатокъ отъ штатной суммы 1871 года въ количествѣ 5.859 руб. 5¹/₄ коп. Специальныхъ средствъ лица, вмѣстѣ съ остатками такихъ же суммъ 1871 года, состояло: пожертвованныхъ—89.186 руб. 83¹/₂ коп., сбора за слушаніе лекцій—1.765 руб. 3 коп., экономическихъ—8.803 руб. 22 коп. Къ 1-му января 1873 года оставалось: пожертвованныхъ—85.681 руб. 58¹/₂ коп., сбора за слушаніе лекцій—612 руб. 56 коп., экономическихъ—7.683 руб. 50¹/₂ коп. Стипендій было всего 27, въ томъ числѣ 20 по 200 руб. на счетъ суммъ государственнаго казначейства, и 7—на проценты съ пожертвованныхъ капиталовъ; изъ числа сихъ послѣднихъ: одна—въ 259 руб. 70 коп., одна—въ 245 руб., и пять—по 196 руб. Общая сумма выданныхъ стипендій составляетъ 5.484 руб. 70 коп., именно 4.000 руб. изъ суммъ государственнаго казначейства и 1.484 руб. 70 коп.—изъ процентовъ съ пожертвованныхъ капиталовъ.

Число студентовъ въ лицѣ было слѣдующее: въ I курсѣ: къ 1-му января 1872 года—68, къ 1-му января 1873 года—57; во II курсѣ: къ 1-му января 1872 года—71, къ 1-му января 1873 года—51; въ III курсѣ перешло съ начала учебнаго года—68, къ 1-му января 1873 года состояло—63. Изъ общаго числа состоявшихъ къ 1-му января 1873 года—171 студентовъ, которые всѣ православнаго исповѣданія, было: казенныхъ—20, стипендіатовъ Ярославскаго дворянства—5, стипендіатовъ частныхъ лицъ—2, своекоштныхъ—144. По происхожденію эти 170 студентовъ раздѣлялись слѣдующимъ образомъ: дворянъ—6, оберъ-офицерскихъ дѣтей—16, духовныхъ—143, мѣщанъ—3, купцовъ—2, солдатскій сынъ—1.

Библіотека лица къ концу 1871 года состояла изъ 3.999 названій; въ теченіе 1872 года поступило 701 въ 1.257 томахъ, всего на 1.406 руб. 21 коп. и 1.152 талер. Въ 1872 году приступлено къ пе-

чатанію каталога бібліотеки, при чемъ изготовлено 7 печатныхъ листовъ, въ которые вошло до 1.500 названій.

б) Лицей князя Безбородко въ Нѣжинѣ.

Главная цѣль учрежденія лицея—распространеніе основательныхъ свѣдѣній по части отечественнаго законодательства. Лицейское преподаваніе раздѣляется на полугодія. Полный курсъ ученія продолжается три года. Предметы преподаванія по уставу положены слѣдующіе: а) догматика и нравственное богословіе, исторія православной и русской церкви и церковное законовѣдѣніе; б) энциклопедія законовѣдѣнія и государственные законы (законы основные, учрежденія государственныя и губернскія, вмѣстѣ съ уставами о службѣ гражданской и законами о повинностяхъ); в) законы казеннаго управленія (уставы о повинностяхъ и законы казеннаго управленія); г) законы гражданскіе (общіе и мѣстные, межевые и законы государственнаго благоустройства); д) законы полицейскіе и уголовные съ судопроизводствомъ; е) всеобщая и русская статистика и русская исторія; ж) словесность русская, французская и нѣмецкая. Изъ сихъ предметовъ, по особому распоряженію начальства, съ 1850 года не преподается церковное законовѣдѣніе. По дѣйствующему штату полагается преподавателей: законоучитель, шесть профессоровъ, два лектора и учитель рисованія (за исключеніемъ профессоровъ, всѣ прочія должности исполняютъ учителя соответственныхъ предметовъ при Пѣжипской гимназій). Въ 1872 году состояло: законоучитель—1, профессоровъ—4, лекторовъ—2, учитель рисованія—1. Вакантными были двѣ катедры: всеобщей и русской статистики и русской исторіи—съ 3-го мая 1868, и русской словесности—съ 8-го января 1872 года. Преподаваніе этихъ предметовъ раздѣлено между наличными преподавателями за особое вознагражденіе.

Совѣтъ лицея имѣлъ въ теченіе 1872 года 13 засѣданій, въ томъ числѣ болѣе половины были чисто-педагогическаго характера, имѣвшія цѣлю: изысканіе болѣе дѣйствительныхъ мѣръ для возбужденія въ студентахъ энергіи къ научнымъ занятіямъ и уваженія къ существующимъ въ лицей постановленіямъ и правиламъ; разсмотрѣніе программъ, представленныхъ въ совѣтъ преподавателями въ началѣ учебнаго года; составленіе правилъ для студентовъ и инструкціи для инспектора; выборъ книгъ и періодическихъ изданій и изысканіе способовъ къ пріобрѣтенію оныхъ для основпой бібліотеки лицея; составленіе особыхъ правилъ для пользованія юридическими изданіями,

и т. д. Для усиленія научной дѣятельности учащихся и надлежащаго контроля за ихъ занятіями, постановлено, что каждый студентъ долженъ представить къ опредѣленному сроку на одну изъ данныхъ совѣтомъ темъ обязательное годичное сочиненіе, состоящее или изъ оригинальной статьи, или же изъ перевода съ иностраннаго писателя, по указанію преподавателя. Достоинства и недостатки этихъ домашнихъ работъ были принимаемы въ соображеніе какъ при курсовыхъ испытаніяхъ, такъ и при удостоеніи классными чинами при выпускѣ изъ лица окончившихъ курсъ.

Для соисканія наградъ медалями, въ 1872 году предложена была студентамъ слѣдующая тема по кафедрѣ финансоваго законодательства: „Изложить исторію нитейныхъ сборовъ со введеніемъ строгой откупной системы при императрицѣ Екатеринѣ II, въ 1765 году, до настоящаго времени“. Представленное на эту тему студентомъ 1-го курса Корнилемъ *Туренкомъ* сочиненіе удостоено золотой медали.

Въ 1872 году преподаватели издали слѣдующіе учено-литературные труды: законоучитель *Хойнацкій*: въ *Воскресномъ чтеніи* — а) „Воскресное чтеніе по закону Божію, или православный историческій катехизисъ съ примѣрами для дѣтей“, и б) „О хожденіи въ церковь“; въ *Душеполезномъ чтеніи* — „Поучительные пути промысла въ историческихъ судьбахъ православной церкви на Волини“; въ *Волинскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ* — „Житіе св. Петра, митрополита Кіево-Московскаго“, и нѣсколько краткихъ монографій о преп. Песторѣ лѣтописцѣ и о преп. Николѣ-святотѣ въ ихъ отношеніяхъ къ Волини. Сверхъ сего издана книга: „Западно-русская церковная унія, въ ея богослуженіи и обрядахъ“. Исправляющій должность профессора *Затыркевичъ* отправилъ для напечатанія въ журналъ *Чтенія Московскаго общества исторіи и древностей* свой историческій трудъ „О вліяніи борьбы между народами и сословіями на образованіе организаціи Русскаго государства въ до-Монгольскій періодъ“. Исправляющій должность профессора *Скордели* отлитографировалъ „Курсъ русскаго уголовного судопроизводства по судебнымъ уставамъ 1864 года“.

Средства содержанія лица составляли слѣдующія суммы: а) проценты съ пожертвованнаго капитала 153.000 руб.—8.250 руб., б) изъ экономіи умершаго почетнаго попечителя графа Кушелева-Безбородко, пожертвованные Ильею Безбородко и наследниками его къ ежегодному взносу—4.285 руб. 72 коп., и в) сумма сбора за слушаніе лекцій—3.430 руб. 10 коп., всего 15.965 руб. 92 коп.

Студентовъ къ 1-му января 1872 года находилось на лицо 180; въ теченіе года вновь поступило 35, въ томъ числѣ: изъ университетовъ—22, изъ другихъ лицеевъ—2, изъ гимназій—1, изъ семинарій—9, изъ института путей сообщенія—1; выбыло: до окончанія курса—16, окончившихъ курсъ—70; затѣмъ къ 1-му января 1873 года состояло на лицо 129. Изъ числа состоявшихъ на лицо студентовъ освобождено было отъ платы 13.

Учебно-вспомогательныя учрежденія лицей князя Безбородко находились въ слѣдующемъ положеніи. Въ основной библіотекѣ лицей къ 1-му января 1872 года состояло 6.401 названіе въ 12.328 томахъ; въ теченіе 1872 года поступило 137 названій въ 231 томѣ; затѣмъ къ 1-му января 1873 года было 6.538 названій въ 12.559 томахъ. Въ особомъ студентскомъ отдѣлѣ библіотеки, существующемъ съ 1858 года, состояло къ 1-му января 1872 года 400 названій въ 749 томахъ; въ 1872 году поступило 36 названій въ 49 томахъ; затѣмъ къ 1-му января 1873 года находилось 436 названій въ 798 томахъ. Физическій кабинетъ и кабинетъ естественныхъ наукъ, составлявшіе принадлежность лицей при прежнемъ его составѣ, съ 1840 года, то есть, со времени открытія въ Нѣжинѣ гимназій, находятся въ ея пользованіи. Минцъ-кабинетъ и картинная галерея состояли: первый—изъ 442 нумеровъ монетъ и медалей, вторая—изъ 179 картинъ.

в) Институтъ сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи.

Институтъ этотъ, учрежденный въ 1869 году и руководствующійся въ дѣйствіяхъ своихъ Высочайше утвержденными 29-го мая того же года уставомъ и штатомъ, состоитъ изъ двухъ отдѣленій: сельскаго хозяйства и лѣсоводства. Преподаютъ въ немъ слѣдующіе предметы: а) общіе для обоихъ отдѣленій: начертательная геометрія и практическая механика; низшая геодезія, съѣмка плановъ и нивелировка; общая физика съ метеорологіей; общая химія; зоологія, ботаника, мипералогія съ геогнозіей; технологія сельско-хозяйственная и лѣсная; ученіе о почвахъ, удобреніи, обработываніи полей и объ уходѣ за растеніями вообще; ученіе о лѣсоразведеніи и лѣсоустройствѣ; сельское строительное искусство съ проектированіемъ построекъ, орошеніе и осушеніе полей; политическая экономія и статистика преимущественно Россіи; законы, относящіеся къ сельскому хозяйству и лѣсоводству вообще въ Россіи и, спеціально, въ губерніяхъ Царства Польскаго; хозяйственное счетоводство; рисованіе и техническое чер-

ченіе. Къ предметамъ спеціальнымъ отпесены: а) по отдѣленію сельскаго хозяйства—химія апалитическая и земледѣльческая; земледѣльческая механика; сельское хозяйство: уходъ за различнаго рода растеніями, скотоводство, овцеводство, пчеловодство, шелководство, искусственное разведеніе рыбы, ученіе объ организаціи хозяйствъ и таксація имѣній; ветеринарная наука; б) по отдѣленію лѣсоводства—лѣсная ботаника, энтомологія; лѣсоводство лѣсное, лѣсное хозяйство и таксація лѣсовъ; лѣсная статистика преимущественно Россіи и, спеціально, губерній Царства Польскаго.

По дѣйствующему штату, учебный персоналъ составляютъ: 5 профессоровъ, 8 доцентовъ и 3 учителя; на лицо же въ 1872 году было: профессоровъ—4, доцентовъ—8 и учителей—3. Преподавательскихъ вакансій—одна, именно профессорская по кафедрѣ сельскаго хозяйства, сдѣлавшаяся свободною съ 8-го іюля отчетнаго года, за выходомъ въ отставку, по прошенію, профессора Рудинскаго. Преподаваніе по главному предмету этой кафедрѣ, то-есть, растениеводству общему и частному, въ видѣ временной мѣры, возложено на доцента Гудкова и управляющаго институтскимъ имѣніемъ Кубицкаго.

Преподаватели и лица, служація въ институтѣ, въ теченіе 1872 года издали или приготовили къ печати слѣдующіе ученые труды: Директоръ *Тютчевъ* напечаталъ въ „Трудахъ Императорскаго Вольно-экономическаго общества“ статью „О пропорціяхъ тѣла лошадей“ и препроводилъ въ редакцію „Encyklopedia rolnictwa“ статью „О сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеніяхъ“. Профессоръ *Карпинскій* помѣстилъ въ журналъ „Земледѣльскій еженедѣльникъ“ статью подъ заглавіемъ „Институтъ сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи“ и приготовилъ къ печати „Нѣсколько словъ о рыболовствѣ и рыбоводствѣ въ губерніяхъ Царства Польскаго“. Профессоръ *Ризтеръ* напечаталъ слѣдующія работы: въ „Berichte d. deutschen chemischen Gesellschaft“—„Ислѣдованіе о строеніи бензойныхъ производеній“ (докторская диссертация); четыре корреспонденціи о химическихъ ислѣдованіяхъ въ Россіи; „Untersuchungen über die Constitution der Benzolderivate“, третья часть; въ „Журналѣ русскаго химическаго общества“—„О конденсаціи омилена“. Профессоръ *Вердау* составилъ для студентовъ института „Курсъ лѣсной ботаники“. Доцентъ *Цихоцкій* помѣстилъ нѣсколько статей въ „Encyklopedia rolnictwa“ и приготовилъ къ печати второе изданіе перевода на польскій языкъ Шедлера „Buch der Natur“. Доцентъ *Верминскій* помѣстилъ въ „Encyklopedia rolnictwa“ статью подъ заглавіемъ „Дождь“.

Доцентъ *Мартенъ* помѣстилъ въ томъ же изданіи статью „Главнѣйшія условія и правила сельско-строительнаго искусства“. Ученый садовникъ *Скробишескій* представилъ въ Московское общество испытателей природы статью „О развитіи зародыша у Ваймутовой сосны“, которая предназначена къ печатанію въ бюллетеняхъ общества. Лаборантъ *Орловскій* помѣстилъ въ „Русскомъ химическомъ журналѣ“ и въ „*Zeitschrift für analytische Chemie*“ описаніе новаго аппарата для добыванія хлора, и въ „*Gazeta Lekarska*“—статью „О гидратѣ и алкоолатѣ хлора съ химической и токсикологической точки зрѣнія“.

Въ теченіе 1872 года совѣтъ института имѣлъ 15 засѣданій. Совѣтъ занимался составленіемъ правилъ для завѣдыванія механической мастерской, производствомъ испытаній бывшихъ воспитанниковъ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Маримонтѣ. За рѣшеніе предложенной въ 18^{71/72} задачи удостоены серебряной медали студенты III курса *Брудзинскій* и *Вейнштокъ*.

Средства содержанія института въ 1872 году заключались въ слѣдующемъ: штатныхъ суммъ—49.541 руб. 5 коп., изъ нихъ израсходовано 44.707 руб. 73 коп., въ остаткѣ къ 1-му января 1873 года 4.833 руб. 32 коп.; сбора за слушаніе лекцій—5.325 руб., расхода—2.106 руб. 63 коп., въ остаткѣ—3.218 руб. 37 коп.; специальныхъ средствъ съ институтскихъ имѣній—15.242 руб. 44^{1/2} коп., израсходовано 13.266 руб. 5 коп., осталось 1.976 руб. 39^{1/2} коп.; партикулярныхъ—1.959 руб. 15 коп., израсходовано 525 руб., въ остаткѣ 1.434 руб. 15 коп.

Что касается до студентовъ, то къ 1-му января 1872 года состояло ихъ на лицо 48; въ теченіе 1872 года поступило 23, вышло 28; къ 1-му января 1873 года осталось 43. Въ числѣ поступившихъ было: изъ бывшей Варшавской главной школы—1, изъ университетовъ—5, изъ гимназій—14, изъ другихъ учебныхъ заведеній—3. Изъ числа выбывшихъ окончили институтскій курсъ—22, не окончили курса—6. Изъ состоявшихъ на лицо 43 студентовъ, двое пользовались стипендіями на сумму 870 руб. Изъ нихъ одинъ, по записи Токарской, получалъ 150 руб., а другой, по записи Лесневскаго, — 120 руб. Приватныхъ слушателей въ институтѣ не имѣется.

Учебно-вспомогательныя средства института находились въ слѣдующемъ положеніи. Въ библиотекѣ къ 1-му января 1872 года состояло 5.888 названій въ 9.198 томахъ, на сумму 20.716 руб. 21 коп.; въ теченіе года вновь поступило 263 названій въ 509 томахъ на

1.464 руб. 61 коп.; затѣмъ къ 1-му января 1873 года было 6.074 названія въ 9.707 томахъ, на 22.084 руб. 17 коп. Въ физическомъ кабинетѣ къ 1-му января 1872 года имѣлось 409 приборовъ на 7.419 руб. 79 коп.; въ 1872 году приобрѣтены 1 барометръ за 60 руб. 65 коп., такъ что къ 1-му января 1873 года состояло 410 приборовъ на 7.480 руб. 44 коп. Въ кабинетѣ сельско-хозяйственныхъ машинъ и орудій къ 1-му января 1872 года было 813 нумера на 2.735 руб. 8 коп.; къ 1-му января 1873 года состояло 844 нумера, стоимостью въ 2.475 руб. 8 коп. Въ кабинетѣ сельско-хозяйственной и лѣсной технологии къ 1-му января 1872 года имѣлось 664 нумера на 5.854 руб. 18 коп.; въ 1872 году поступило 18 нумеровъ; затѣмъ къ 1-му января 1873 года состояло 682 нумера, стоимостью въ 5.863 руб. 30 коп. Въ собраніи землѣмѣрныхъ инструментовъ и орудій къ 1-му января 1872 года находилось 204 нумера на 2.375 руб. 27 коп.; приобрѣтено въ 1872 году 3 предмета на 15 руб.; затѣмъ къ 1-му января 1873 года состояло на лицо 207 нумеровъ, стоимостью въ 2.390 руб. 27 коп. Въ зоологической коллекціи находилось къ 1-му января 1872 года 721 номеръ на сумму 891 руб. 50 коп.; въ теченіе года вновь поступило 42 нумера на 8 руб.; къ 1-му января 1873 года имѣлось 763 нумера, стоимостью въ 899 руб. 66 коп. Въ гербаріи состояло къ январю 1872 года 2.660 нумеровъ на 779 руб. 60¹/₂ коп.; вновь поступило въ теченіе года 25 нумеровъ на 62 руб. 40 к.; итого къ 1-му января 1873 года на лицо было 2.685 нумеровъ на 842 руб. ¹/₂ коп. Въ садовыхъ учрежденіяхъ къ 1-му января 1872 года состояло 8.745 экземпляровъ; сверхъ того, въ ботаническомъ отдѣленіи оранжерей и теплицъ находилось 1.832 экземпляра на 1.573 руб. 30 коп.; приобрѣтено 103 экземпляра на 36 руб. 27 коп.; слѣд. къ 1-му января 1873 года имѣлось 10.678 экземпляровъ на 1.609 руб. 57 коп. Въ минералогическомъ кабинетѣ къ 1-му января 1872 года состояло минераловъ, горныхъ породъ и окаменѣлостей 7.359 нумеровъ въ 8.598 штукахъ, на 1.664 руб. 88 коп.; моделей, приборовъ, мебели и т. п. 86 нумеровъ въ 2.591 штукѣ, на 512 руб. 34 коп.; въ 1872 году новыхъ поступленій не было. Въ собраніи ветеринарныхъ инструментовъ и зоотомическихъ препаратовъ было на лицо къ 1-му января 1872 года 305 штукъ на 1.199 руб. 13 коп.; въ 1872 году приобрѣтено 62 штуки на 93 руб. 20 коп.; къ 1-му января 1873 года состояло 367 штукъ на 1.292 руб. 33 коп. Въ ветеринарной клиникѣ къ 1-му января 1872 года находилось 193 прибора на 319 руб., поступило 5 штукъ на 17 руб. 50 коп.; къ 1-му января 1873 года

состояло 198 штукъ на 336 руб. 50 коп. Въ 1872 году пользовано было животныхъ 148. Въ химической лабораторіи къ 1-му января 1872 года состояло 1.355 нумеровъ на 3.864 руб. 55 коп.; въ теченіе года поступило 21 нумеръ на 73 руб. 60 коп.; затѣмъ къ 1-му января 1873 года находилось 1.376 нумеровъ на 3.938 руб. 15 коп. Въ механической мастерской къ 1-му января 1872 года было разныхъ орудій и матеріаловъ на 7.148 руб. 32 коп., приобрѣтено на 684 руб. 58 коп., употреблено матеріаловъ на разные издѣлія на 512 руб. 86 коп.; къ 1-му января 1873 года состояло на лицо разныхъ предметовъ на 7.320 руб. 4 коп. При опытной фермѣ къ 1-му января 1872 года находилось лошадей 10 штукъ, рогатаго скота—28 штукъ; къ 1-му января 1873 года состояло: лошадей—10, рогатаго скота—35; земледѣльческихъ орудій при фермѣ къ 1-му января 1872 года состояло 266, стоимостью въ 2.916 руб. 3¹/₂ коп.; въ 1872 году приращеній не было. При институтѣ состоятъ фольварки Копсковоль и Пожогъ. Земли въ этихъ имѣніяхъ—1.290 морговъ 191 рута, въ общей стоимости 37.812 руб. 10 коп. Скота къ 1-му января 1872 года было 1.050 штукъ на сумму 7.415 руб. 48¹/₂ коп.; мертваго инвентаря 1.118 штукъ на 4.731 руб. 29¹/₂ коп.; къ 1-му января 1873 года состояло на лицо по обимъ фольваркамъ 970 штукъ скота на 8.460 руб., мертваго инвентаря 1.104 штуки стоимостью въ 3.952 рубля.

— Экстраординарный профессоръ Московскаго университета по кафедрѣ церковной исторіи, священникъ Иваццовъ-Платоновъ, вошелъ въ историко-филологическій факультетъ сего университета съ заявленіемъ слѣдующаго содержанія: „Опредѣленіемъ совѣта министра народнаго просвѣщенія отъ 17-го января 1873 года узвано вѣрный и, при настоящихъ условіяхъ, можетъ быть, самый лучший путь къ замѣщенію кафедры церковной исторіи въ университетахъ. Кандидаты церковно-историческаго отдѣленія духовныхъ академій, получающіе высшую ученую степень или въ тѣхъ же академіяхъ (по церковно-историческому отдѣленію), или на историко-филологическомъ факультетѣ университета по всеобщей или русской исторіи (съ выборомъ, конечно, темы для диссертациі церковно-историческаго содержанія), безъ сомнѣній, могутъ быть признаны надежнѣйшими конкуррентами на университетскія церковно-историческія кафедры. Но нельзя не пожалѣть о томъ, что кандидаты самого историко-филологическаго факультета, къ которому относится въ университетѣ кафедра церковной исторіи, совершенно устраняются отъ всякой конкуренціи на эту кафедру

и лишаются возможности достигать высшихъ ученыхъ степеней по упомянутой наукѣ. Нельзя не признать, что изъ историко-филологическаго факультета и въ прежнія времена выходило не мало даровитыхъ людей, выказывавшихъ способности и склонность къ церковно-историческимъ занятіямъ. Лучшимъ доказательствомъ того могутъ служить многія ученія изслѣдованія, писанныя людьми, получившими университетское образованіе, удостоенныя высшихъ ученыхъ степеней и занимающія очень видное мѣсто въ нашей небогатой церковно-исторической литературѣ. Для примѣра уважемъ на такія сочиненія, какъ „Гуссъ и Лютеръ“ г. Новикова, „Стефанъ Яворскій и Теофанъ Прокоповичъ“ и „Иезуиты“ Ю. Ѡ Самарина, „Альбигойцы и папа Иннокентій III“ г. Осокина, „Древне-русскія житія святыхъ“ г. Ключевскаго, „Исторія болгарской церкви“ г. Дринова, и многія изслѣдованія Гильфердинга, А. и Н. Поповыхъ, Кудрявцева, Лавровскаго, Зернина, и т. д., въ цѣломъ составѣ или въ отдѣльныхъ частяхъ относящіяся къ церковно-исторической наукѣ. Въ настоящее время, когда существуетъ особая по церковной исторіи каведра въ университетахъ, можно надѣяться, что склонность къ церковно-историческимъ занятіямъ будетъ еще болѣе развиваться между людьми университетскаго образованія. И, конечно, этого нужно желать въ интересахъ какъ науки вообще, такъ и науки церковно-исторической въ частности. Съ другой стороны, и самая каведра церковной исторіи не можетъ получить надлежащей самостоятельности и равнаго съ другими значенія, если она совершенно лишена будетъ возможности подготовить когда-либо собственныхъ кандидатовъ для преподаванія, и если преподаватели ея навсегда будутъ находиться въ зависимости, относительно полученія высшихъ ученыхъ степеней, или отъ церковно-историческаго отдѣленія академіи, или отъ каведръ всеобщей и русской исторіи того же историко-филологическаго факультета. Не говоримъ о разныхъ случайныхъ, не вытекающихъ изъ существа дѣла, но весьма возможныхъ затрудненіяхъ для преподавателей церковной исторіи въ университетахъ при соисканіи ими высшей ученой степени по церковно-историческому отдѣленію академіи, или по ряду общенсторическихъ наукъ того же историко-филологическаго факультета. Въ виду всего этого, было бы весьма желательно, чтобы историко-филологическому факультету предоставлено было право образовывать своихъ кандидатовъ для замѣщенія церковно-исторической каведры и давать ученія степени по церковно-исторической наукѣ подобно тому, какъ юридическому факультету предостав-

ляется право давать ученые степени по церковному законовѣдѣнію. Никакихъ существенныхъ затрудненій при этомъ нельзя ожидать. Конечно, съ перваго взгляда можетъ показаться несообразнымъ предоставленіе историко-филологическому факультету права давать ученые степени по церковной исторіи, ибо этимъ правомъ не пользуются и духовныя академія, такъ какъ тамъ всѣмъ ученымъ и преподавателямъ не только церковно-историческихъ и общенсторическихъ, но и философскихъ и словесныхъ наукъ дается одна ученая степень — магистра или доктора богословія. Но точно также духовныя академіи не даютъ ученыхъ степеней и по церковному законовѣдѣнію, между тѣмъ какъ юридическому факультету въ настоящее время предоставлено это право. Не имѣетъ важности и то обстоятельство, что въ университетѣ по церковной исторіи существуетъ лишь одна кафедра, а въ духовной академіи — три (двѣ по всеобщей и одна по русской), или даже пять, если причислить сюда кафедру библейской исторіи и исторіи раскола. Но положеніе церковной исторіи на историко-филологическомъ факультетѣ не болѣе одиоочно, какъ положеніе философіи, славянскихъ нарѣчій и церковнаго права на факультетѣ юридическомъ. По философіи въ духовной академіи также три кафедры, а на историко-филологическомъ факультетѣ — одна, между тѣмъ академія не можетъ давать ученыхъ степеней по этому предмету, а историко-филологическій факультетъ можетъ. Въ самомъ характерѣ церковно-исторической науки не заключается никакихъ непреодолимыхъ препятствій къ тому, чтобы историко-филологическій факультетъ могъ образовывать способныхъ преподавателей, ученыхъ магистровъ и докторовъ по этому предмету. Безъ сомнѣнія, означенная наука находится въ тѣсной связи съ другими науками богословскими и для успѣшнаго занятія ею необходима серьезная богословская подготовка. Но при существованіи въ настоящее время въ университетѣ самостоятельныхъ кафедръ по богословію и церковной исторіи никакъ нельзя сказать, чтобы студенты, желающіе посвятить себя подобнымъ занятіямъ, лишены были возможности достигнуть этой цѣли. Конечно, богословіе и церковная исторія не могутъ быть излагаемы въ университетѣ въ такомъ широкомъ объемѣ, какъ въ академіяхъ, но они могутъ и должны быть излагаемы съ одинаковою ученою серьезностію. Притомъ студенты, рѣшающіе посвятить себя спеціальнымъ занятіямъ по церковной исторіи, безъ сомнѣнія, и въ своемъ общемъ богословскомъ образованіи не будутъ удовлетворяться тѣмъ, что можно услышать въ аудиторіи, а будутъ трудиться самостоятельно, ру-

ководясь указаніями и совѣтами профессоровъ. Сверхъ того, кандидатъ историко-филологическаго факультета, ищущій магистерской и затѣмъ докторской степени по церковно-исторической наукѣ, можетъ по выходѣ изъ университета выслушать особенно полезныя для него богословскіе курсы у лучшихъ профессоровъ духовныхъ академій и въ заграничныхъ университетахъ, подобно тому, какъ и магистранты по всѣмъ другимъ предметамъ университетскаго курса готовятся къ полученію ученой степени и занятію кафедры не на студенческой только скамьѣ, но иногда въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ по окончаніи курса, подъ руководствомъ опытнѣйшихъ русскихъ и заграничныхъ ученыхъ. Наконецъ, собственныя спеціальныя занятія церковно-историческою наукою, безъ сомнѣнія, могутъ сообщить молодому ученому значительный запасъ богословскихъ свѣдѣній вообще и образовать въ немъ привычку обращаться мыслью въ этомъ кругу. Это опять таки обнаруживается изъ трудовъ многихъ ученыхъ, не получившихъ академическаго образованія, но самостоятельно занимавшихся церковно-историческими изслѣдованіями, хотя и безъ расчетовъ на замѣщеніе церковно-исторической кафедры. Въ такихъ изслѣдованіяхъ, какъ „Гуссъ и Лютеръ“, „Стефанъ Яворскій и Теофанъ Прокоповичъ“ и „Иезуиты“, помимо частныхъ богословскихъ и церковно-историческихъ свѣдѣній, видно солидное и твердое общее богословское пониманіе, какимъ вполне могли бы удовлетвориться духовныя академіи, при возведеніи своихъ ученыхъ воспитанниковъ въ магистерскія степени. Къ этому пужно прибавить еще, что и кругъ богословскихъ предметовъ, преподаваемыхъ въ церковно-историческомъ отдѣленіи академій, не очень многимъ больше того круга, который можетъ быть доступенъ въ настоящее время и студентамъ историко-филологическихъ факультетовъ. Кромѣ собственно историческихъ предметовъ и богословія (преподаваемаго церковно-историческому и церковно-практическому отдѣленіямъ академій только въ основныхъ своихъ началахъ, между тѣмъ какъ спеціальное изложеніе догматическаго, нравственнаго и сравнительнаго богословія преподается лишь студентамъ отдѣленія богословскаго), студенты церковно-историческаго отдѣленія академій изучаютъ еще одинъ предметъ, не преподаваемый на историко-филологическомъ факультетѣ—священное писаніе,—предметъ, дѣйствительно очень важный въ сферѣ общаго богословскаго образованія. Но недостатокъ свѣдѣній по этому предмету студентъ или кандидатъ университета можетъ восполнить самостоятельными занятіями, независимо отъ того, что и въ

самыхъ лекціяхъ богословія и церковной исторіи могутъ быть сообщаемы важнѣйшія и необходимыя изъ относящихся сюда свѣдѣній. Еслибы на историко-филологическомъ факультетѣ при каедрѣ богословія открыта была хотя бы доцентура по священному писанію, какъ объ этомъ, кажется, неоднократно заявляли профессора богословія въ нѣсколькихъ университетахъ, то составъ (хотя и не объемъ) богословскихъ предметовъ историко-филологическаго факультета совершенно соотвѣтствовалъ бы составу церковно-историческаго отдѣленія академій, и этого вполне было бы достаточно по общему богословскому образованію для всякаго студента и кандидата, готовящагося къ спеціальному занятію церковно-историческою наукою. Съ другой стороны, нельзя не обратить вниманія на то, что церковная исторія, по существу своему, находится въ не менѣе тѣсной связи съ кругомъ наукъ историко-филологическихъ, какъ и богословскихъ. Знаніе древнихъ и новыхъ языковъ, и хотя въ нѣкоторой степени славянскихъ нарѣчій, знаніе всеобщей и русской исторіи и исторіи литературы также необходимы для церковнаго историка, какъ и общее богословское образованіе. А всѣ эти предметы, хотя и преподаются въ академіи, но, конечно, не въ такой полнотѣ, какъ въ университетѣ, и притомъ въ академіи преподаваніе ихъ съ перваго же курса разбито по разнымъ отдѣленіямъ, такъ что студентами церковно-историческаго отдѣленія изъ древнихъ и новыхъ языковъ обязательно изучается только по одному, а славянская филологія и исторія общей и русской литературы вовсе не изучаются. Съ этой стороны ученому, получившему университетское образованіе и потомъ восполнившему его самостоятельными занятіями по богословскимъ предметамъ, при спеціальной разработкѣ церковно-историческихъ вопросовъ, можно въ иныхъ случаяхъ имѣть даже болѣе удобствъ и преимуществъ сравнительно съ ученымъ, владѣющимъ образованіемъ духовно-академическимъ. Вообще же предоставленіе права на полученіе высшихъ ученыхъ степеней и занятіе каедръ по церковной исторіи въ университетахъ кандидатамъ историко-филологическихъ факультетовъ, наравнѣ съ кандидатами церковно-историческаго отдѣленія академій, дастъ совѣтамъ университетскимъ больше свободы и удобства при замѣщеніи означенныхъ каедръ и должно не мало способствовать сближенію образованія общаго съ спеціально-духовнымъ, общесторической науки съ церковно-историческою, — сближенію, столь желательному въ интересахъ какъ общаго, такъ и спеціально-духовнаго образованія.

Совѣтъ Московскаго университета, основываясь на ходатайствѣ историко-филологическаго факультета по изложенному вопросу и принимая во вниманіе, что, по §§ 112 и 113 устава университетовъ, церковная исторія принадлежитъ къ числу факультетскихъ предметовъ, испытаніе изъ коихъ обязательно для желающихъ получить степень кандидата,—вошелъ съ представленіемъ къ попечителю Московскаго учебнаго округа объ исходатайствованіи предоставленія университетамъ права возводить въ степень магистра и доктора церковной исторіи.

— Физико-математическій факультетъ Московскаго университета вошелъ въ совѣтъ университета съ слѣдующимъ представленіемъ: „Усилившаяся при нынѣ дѣйствующемъ уставѣ заботливость университетовъ о пополненіи личнаго состава своего достойными и опытыми лицами, естественно, привела къ перемѣщенію преподавателей изъ одного университета въ другой. Уставъ 1863 года предвидѣлъ подобное явленіе, и въ §§ 21 и 109 указалъ отчасти на средства, при помощи коихъ университеты могутъ удерживать своихъ преподавателей и привлекать къ себѣ новыхъ. Нельзя не согласиться, что при такомъ способѣ успѣхъ будетъ почти всегда принадлежать тому университету, или высшему учебному учрежденію, которое въ состояніи, посредствомъ или непосредственно, предложить перемѣщаемому лицу лучшую матерьяльную обстановку. Московскій университетъ еще недавно вовсе не могъ соперничать въ этомъ отношеніи съ университетомъ Петербургскимъ и долженъ былъ примириться съ потерей одного изъ достойнѣйшихъ своихъ членовъ, и подобный случай является далеко не единичнымъ. Математическій факультетъ въ настоящее время предвидитъ такую же утрату, а потому считаетъ долгомъ обратиться къ изысканію средствъ для того, чтобы по возможности устранить поводы къ выходу изъ него преподавателей, который, по различнымъ соображеніямъ, не можетъ даже не быть оправданъ, или по крайней мѣрѣ, извиненъ. Факультетъ указалъ на двухъ своихъ членовъ, учения заслуги коихъ очень извѣстны совѣту и которые, безъ сомнѣнія, достойны повышенія, согласно §§ 21 и 109 университетскаго устава. Одинъ изъ нихъ, г. *Борзенковъ*, служитъ уже пяднадцать лѣтъ, другой, г. *Столытовъ*, преподаетъ семь лѣтъ и притомъ два предмета: математическую физику и физическую географію. Преподаваніе перваго изъ этихъ предметовъ, имѣющаго большую важность въ кругу математическихъ наукъ, составляетъ рѣдкость въ Россіи и Московскій математическій факультетъ обязанъ дорожить имъ.

Вслѣдствіе такого представленія, члены совѣта приступили къ баллотированію гг. Борзенкова и Столѣтова въ званіе ординарнаго профессора, при чемъ оказалось, что первый получилъ избирательныхъ шаровъ 32 и неизбирательныхъ 4, а второй—33 избирательныхъ и 3 неизбирательныхъ. Вслѣдствіе сего совѣтъ постановилъ ходатайствовать объ утвержденіи поименованныхъ двухъ лицъ въ званіи ординарныхъ профессоровъ, съ выдачею имъ ежегодно по 1.000 руб. каждому, въ добавокъ къ получаемому ими штатному содержанию, изъ суммы сбора за слушаніе профессорскихъ лекцій.

II. ГИМНАЗИИ.

Извлеченіе изъ отчета о состояніи Херсонской гимназій за 1872/73 учебный годъ.—Мнѣніе г. попечителя Каванскаго учебнаго округа о раздѣленіи седьмаго класса гимназій на самостоятельныя отдѣленія.

Пользуемся появившимся въ печати отчетомъ о состояніи Херсонской гимназій за 1872/73 учебный годъ, чтобы познакомить читателей съ болѣе выдающимися явленіями въ жизни этого заведенія.

Въ началѣ 1872/73 учебнаго года заявили желаніе поступить въ число учениковъ Херсонской гимназій—95; изъ нихъ не явилось къ испытанію—3, не принято за неимѣніемъ мѣстъ—1, принято -- 83 (въ томъ числѣ въ паціонъ—13), а именно: въ приготовительный классъ—44, въ 1-й—9, во 2-й—10, въ 3-й—4, въ 4-й—3 и въ 5-й—13. Выбывшихъ до окончанія курса было: въ 1-мъ полугодіи—7, во 2-мъ, до начала испытаній,—52, всего—57. По классамъ ученики распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: къ началу учебнаго года по окончаніи пріемнаго испытанія (321 учен.): въ приготовительномъ—68, въ 1-мъ—47, во 2-мъ—42, въ 3-мъ—37, въ 4-мъ—33, въ 5-мъ—32, въ 6-мъ—37, въ 7-мъ—25; къ 1-му январю 1873 года (315): въ приготовительномъ—69, въ 1-мъ—45, во 2-мъ—42, въ 3-мъ—36, въ 4-мъ—33, въ 5-мъ и 5-мъ—по 34, въ 7-мъ—25; къ началу переводныхъ и выпускныхъ испытаній (286): въ приготовительномъ—69, въ 1-мъ—38, во 2-мъ—37, въ 3-мъ—34, въ 4-мъ—33, въ 5-мъ—25, въ 6-мъ—30, въ 7-мъ—23. По сословіямъ учившіеся (къ 1-му январю 1873 года) распредѣлялись такъ: дворянъ и чиновниковъ—163, духовнаго званія—24, городскихъ сословій—116, сельскихъ сословій—3, иностранцевъ—9; по вѣроисповѣданіямъ: православнаго—209, католиковъ — 10, лютеранъ — 14, евреевъ — 80, прочихъ исповѣданій—2.

По возрастамъ къ 1-му января 1873 года распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: 8-ми лѣтъ—10, 9-ти—30, 10-ти—34, 11-ти—34, 12-ти—49, 13-ти—33, 14-ти—27, 15-ти—29, 16-ти—19, 17-ти—22, 18-ти—12, 19-ти—7, 20-ти—7, 21-го—1, 24-хъ—1. Новымъ языкамъ обучались: обонмъ—114, нѣмецкому—30, французскому—67. Черченіемъ и рисованіемъ занимались 90 учениковъ, которые были распределены по классамъ такимъ образомъ: въ 1-мъ классѣ—22, во 2-мъ—26, въ 3-мъ—21, въ 4-мъ—14, въ 5-мъ—3, въ 6-мъ—4; изъ нихъ двое обучались симъ искусствамъ бесплатно. Обучавшіеся черченію и рисованію раздѣлены были на двѣ группы: къ младшей группѣ причислены были ученики низшихъ трехъ классовъ, къ старшей—ученики остальныхъ классовъ. Каждая группа занимались отдѣльно по два часа въ недѣлю; только ученики 3-го и 4-го классовъ, обучавшіеся обонмъ новымъ языкамъ, по преимвнїю времени занимались черченіемъ и рисованіемъ по одному часу въ недѣлю. Преподаватель черченія и рисованія за обученіе этимъ предметамъ получалъ по 2 руб. съ каждаго ученика 1-го, 2-го, 3-го и 4-го классовъ, а съ учениковъ остальныхъ классовъ—по 3 руб. въ годъ, при чемъ съ общей суммы удерживалось 10⁰/₀ на учебныя пособія. Гимнастикой занималось 47 учениковъ, а пѣніемъ—19, составлявшіе церковный хоръ. Эти послѣдніе были распределены по классамъ такимъ образомъ: 2 ученика — приготовительнаго класса, 1 — 1-го класса, 3—2-го, 5—3-го, 1—4-го, 2 — 5-го, 3 — 6-го, 2 — 7-го. Преподаватель пѣнія, за вознагражденіе изъ штатной суммы въ 250 руб., давалъ 3 урока въ недѣлю, и кромѣ того занимался подготовленіемъ хора къ каждому богослуженію.

Переводныя испытанія въ Херсонской гимназїи происходили по особому, утвержденному начальствомъ учебнаго округа распредѣленію, съ 29-го мая по 21-е іюня на основанїи правилъ, утвержденныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія. Въ 1-мъ, 2-мъ, 3-мъ и 5-мъ классахъ произведены были лишь письменныя испытанія изъ языковъ русскаго, латинскаго, греческаго, новыхъ иностранныхъ и изъ математики; въ 4-мъ и 6-мъ, кромѣ того, производились устныя испытанія изъ всѣхъ предметовъ преподаванія. Въ видѣ исключенія, въ отчетномъ году ученики 4-го и 6-го классовъ экзаменовались только изъ курса одного класса, и требованія новыхъ правилъ, чтобы ученики 4-го класса сдавали экзаменъ за всѣ предшествующіе классы, а ученики 6-го класса—за курсы 5-го и 6-го классовъ, должно было водити въ силу съ текущаго учебнаго года. По окончанїи переводныхъ

испытаній, педагогическимъ совѣтомъ удостоены наградъ 1-й степени (книга и похвальный листъ): 1-го класса—2, 2-го—1, 3-го—3, 4-го—1; награды 2-й степени (похвальный листъ): 3-го класса—3, 4-го—1, 5-го—2, 6-го—1. Переведены въ ближайшіе высшіе классы: изъ младшаго отдѣленія приготовительнаго класса въ старшее отдѣленіе того же класса—16, изъ старшаго отдѣленія приготовительнаго класса въ 1-й классъ—21, изъ перваго класса во 2-й—20, изъ 2-го въ 3-й—20, изъ 3-го въ 4-й—17, изъ 4-го въ 5-й—13, изъ 5-го въ 6-й—16, изъ 6-го въ 7-й—20. По опредѣленію педагогическаго совѣта дозволенъ дополнительный экзаменъ послѣ лѣтней вакаціи слѣдующему числу учениковъ: 1-го класса—4-мъ, 2-го—2-мъ, 3-го—1-му, 4-го—2-мъ, 5-го—1-му, 6-го—1-му. Педагогическимъ совѣтомъ дозволена переэкзаменовка въ тотъ же срокъ 9-ти ученикамъ старшаго отдѣленія приготовительнаго класса. Изъ числа 278 учениковъ, состоявшихъ во время испытаній, не удостоено перевода вообще—89.

Испытанія зрѣлости происходили съ 29-го мая по 16-е июня, на основаніи утвержденныхъ 8-го декабря 1872 года министерствомъ народнаго просвѣщенія правилъ. При испытаніяхъ этихъ, кромѣ установленныхъ правилами комиссій, присутствовалъ командированный начальствомъ округа, въ качествѣ депутата, окружной инспекторъ.

По предварительному обсужденію комиссіи, составленной, подъ предсѣдательствомъ директора, изъ инспектора и преподавателей 7-го класса, допущено было къ испытанію зрѣлости 7 учениковъ старшаго отдѣленія означеннаго класса и не допущенъ одинъ. Изъ 14-ти же учениковъ младшаго отдѣленія 7-го класса никто не заявилъ желанія подвергнуться окончательному испытанію. Изъ постороннихъ лицъ подали прошеніе о допущеніи къ испытанію зрѣлости два и оба были допущены. Испытанія происходили сперва письменныя, по математикѣ, латинскому и русскому языкамъ, а затѣмъ устныя— по закону Божію, математикѣ, латинскому языку, исторіи, французскому и нѣмецкому языкамъ. Испытанія по двумъ послѣднимъ языкамъ произведены были внѣ установленныхъ правилъ, по особому распоряженію начальства округа, сдѣланному на томъ основаніи, что ученики 7-го класса Херсонской гимназій не обучались въ 18⁷²/₇ учебномъ году греческому языку, по которому они должны бы были экзаменоваться, а взамѣнъ того учились обязательно обоимъ новѣйшимъ языкамъ. Изъ 7-ми учениковъ 7-го класса, подвергавшихся испытанію зрѣлости, выдержали его удовлетворительно и удостоены аттестата—3; остальнымъ четыремъ воспитанникамъ выданы свидѣтель-

ства, съ обозначеніемъ ихъ успѣховъ по всѣмъ предметамъ, но безъ правъ, предоставляемыхъ уставомъ гимназій вполнѣ окончившимъ курсъ. Такое же свидѣтельство выдано, по прошенію, одному недопущенному къ испытанію зрѣлости ученику старшаго отдѣленія 7-го класса. Подвергавшіеся испытанію зрѣлости два постороннихъ молодыхъ челоѣка не выдержали его, получивъ неудовлетворительныя отмѣтки за письменныя упражненія.

По поведенію, принимая средніе за годъ выводы изъ отмѣтокъ, учившіеся распредѣлялись такъ: имѣвшихъ за поведеніе отмѣтку 5 было 124, 4—128. и 3—33. Одинъ ученикъ 2-го класса, за недобрительное поведеніе, по постановленію педагогическаго совѣта, исключенъ изъ гимназій.

Учебно-вспомогательныя средства Херсонской гимназій въ 1872/73 учебномъ году находились въ слѣдующемъ положеніи: въ фундаментальной библиотекѣ востояло 2.940 названій въ 7.076 томахъ, въ учебнической—89 названій въ 96 томахъ, въ пансіонской—482 названія 831 томъ. Въ физическомъ кабинетѣ состояло 288 названій разныхъ снарядовъ и инструментовъ. Въ кабинетѣ прочихъ учебныхъ пособій имѣлось до 560 разныхъ предметовъ.

Средства содержанія Херсонской гимназій въ 1872 году заключались въ слѣдующемъ: изъ государственнаго казначейства ассигновано 36.114 руб. 30 коп., и въ кассу специальныхъ средствъ поступило изъ разныхъ источниковъ 18.820 руб. 84¹/₄ коп.

Въ первыхъ числахъ октября 1872 года при Херсонской гимназій открыло свои дѣйствія попечительство о недостаточныхъ воспитанникахъ въ училищахъ, подвѣдомыхъ директору гимназій, и руководствующееся уставомъ, утвержденнымъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ въ іюлѣ того же года. Попечительство это оказало, между прочимъ слѣдующее пособіе бѣднымъ ученикамъ гимназій: одному воспитаннику 3-го класса выдано, для уплаты въ пансіонъ, 70 руб.; одному приходящему ученику 7-го класса на леченіе—15 руб.; уплачено за ученіе ученика 2-го класса—15 руб.; употреблено на платье и обувь приходящаго ученика 7-го класса—24 руб. 65 коп.; куплено книгъ для бѣдныхъ учениковъ на 40 руб. 95 коп.—Изъ учениковъ-евреевъ восемь получили стипендіи изъ суммъ свѣчнаго сбора, ассигнованныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, всего на 345 руб. Кроме того, Херсонская городская дума, по ходатайству гимназій, выдала въ пособіе шести ученикамъ-евреямъ изъ суммъ коробочнаго сбора 165 руб.,—каждому въ размѣръ платы за ученіе.

— Въ октябрьской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1873 годъ (Изв. о дѣят. и сост. нашихъ учебн. зав., стр. 125—128) помѣщены соображенія г. попечителя Одесскаго учебнаго округа относительно раздѣленія VII класса гимназій на два самостоятельныя отдѣленія. Въ настоящее время получено мнѣніе по этому предмету г. попечителя Казанскаго учебнаго округа, съ которымъ мы находимъ весьма полезнымъ познакомить читателей, ибо давая отдѣленіямъ VII класса еще болѣе самостоятельности, оно можетъ значительно облегчить учрежденіе въ гимназіяхъ отдѣльнаго VIII класса. Заключается оно въ слѣдующемъ. Попечитель Казанскаго учебнаго округа, сознавая вполне неудобство совмѣстнаго обученія въ VII классѣ учениковъ старшаго и младшаго отдѣленій, замѣчаетъ, между прочимъ, что ученики старшаго отдѣленія смотрятъ на себя не какъ на перешедшихъ въ него, а какъ на оставленныхъ въ томъ же классѣ на другой годъ. Эта мысль способна убить въ нихъ всякую энергію. И дѣйствительно, случалось, что даже отличные изъ нихъ, во второй годъ пребыванія въ VII классѣ, обнаруживали менѣе рвенія и аккуратности въ исполненіи своихъ обязанностей, чѣмъ въ первый. Но раздѣленіе VII класса на два самостоятельныхъ отдѣленія необходимо довести до конца, то-есть, чтобы не было въ нихъ совмѣстныхъ уроковъ ни по одному изъ предметовъ гимназическаго курса. Въ Одесскомъ учебномъ округѣ предположено допустить совмѣстное преподаваніе закона Божія, географіи и языковъ французскаго и нѣмецкаго, но это значительно помѣшало бы достиженію задуманной цѣли. Впервыхъ, что касается до закона Божія, то учебными планами постановлено въ VII классѣ повторять въ одинъ годъ катехизисъ съ болѣе обширнымъ богословскимъ развитіемъ, а въ другой—исторію церкви, преимущественно русской, съ приличнымъ дополненіемъ, по усмотрѣнію законоучителя. Но для перваго изъ этихъ предметовъ требуется гораздо большее умственное развитіе, чѣмъ для втораго. Такимъ образомъ, какъ въ другихъ предметахъ, такъ и въ законѣ Божіемъ, при совмѣстномъ обученіи первогодныхъ и второгодныхъ учениковъ VII класса, прохожденіе учебнаго курса встрѣчаетъ съ дидактической стороны не малыя затрудненія, такъ какъ курсъ этотъ состоитъ изъ двухъ неодинаковыхъ частей, а потому невозможно методически расположить преподаваніе, съ соблюденіемъ необходимой правильности при переходѣ отъ легкаго къ болѣе трудному. Затѣмъ, обращаясь къ географіи, мы видимъ, что она находится въ тѣсной связи съ исторіей: при изученіи ея необходимо

обращаться къ исторіи, но въ свою очередь и въ исторіи многое выясняется изъ географіи. Поэтому повтореніе географіи въ младшемъ отдѣленіи VII класса, идущее параллельно съ повтореніемъ исторіи, будетъ въ высшей степени педагогично. Въ старшемъ же отдѣленіи урокъ географіи можетъ быть посвященъ, согласно указанію учебныхъ плановъ, очерку естественной исторіи, и такъ какъ этотъ очеркъ будутъ слушать болѣе зрѣлые ученики, то онъ принесетъ несомнѣнную пользу. Такимъ образомъ, дидактическія требованія дѣлаютъ желательнымъ, чтобы уроки географіи шли въ двухъ отдѣленіяхъ VII класса не совмѣстно. Въ-третьихъ, по новымъ языкамъ еще очевиднѣе необходимость соблюденія надлежащей правильности, при переходѣ отъ легкаго къ болѣе трудному. Ученикамъ старшаго отдѣленія слѣдуетъ давать болѣе трудныя работы, устные и письменныя, какъ по количеству, такъ и по качеству, и вообще при существованіи двухъ самостоятельныхъ отдѣленій VII класса съ отдѣльнымъ въ каждомъ изъ нихъ преподаваніемъ, учитель можетъ соблюдать немаловажное для учениковъ условіе, именно — вести учащихся отъ легчайшаго къ болѣе трудному. Кромѣ этого, для раздѣленія VII класса на самостоятельныя отдѣленія, существуютъ еще основанія практически-дисциплинарныя. При совмѣстномъ обученіи учениковъ двухъ отдѣленій, возможно чрезмѣрное ихъ скопленіе въ VII классѣ, которое затруднитъ преподавателямъ частое переспрашиваніе уроковъ и бдительный надзоръ за учениками. Не забудемъ при этомъ, что на тѣ предметы, о которыхъ упомянуто выше, назначено сравнительно съ другими, незначительное число недѣльных уроковъ, не считая праздниковъ. При этомъ условіи сколько преподаватель переспроситъ учениковъ въ теченіе не только недѣли, но и цѣлаго мѣсяца? Но всего важнѣе, при совершенномъ раздѣленіи младшаго и старшаго отдѣленій VII класса,—это то, что старшее отдѣленіе получить въ глазахъ учениковъ подобающее значеніе: они привыкнутъ смотрѣть на него, какъ на особый классъ, будутъ трудомъ добиваться перевода въ него, и мало по малу уменьшится число желающихъ, въ ущербъ своему развитію, прямо изъ младшаго отдѣленія держать экзаменъ зрѣлости. Послѣ всего изложеннаго, препятствіемъ къ отдѣльному преподаванію всѣхъ предметовъ гимназическаго курса въ каждомъ изъ отдѣленій VII класса можетъ быть только недостатокъ средствъ къ вознагражденію преподавателей за излишніе уроки, но въ виду увеличенія специальныхъ средствъ гимназій Казанскаго учебнаго округа чрезъ возвышеніе платы за ученіе, есть надежда,

что этотъ расходъ будетъ покрытъ безъ обремененія гимназій. Такимъ образомъ, принимая во вниманіе вышеприведенныя основанія, оказывается крайне-необходимымъ раздѣленіе VII класса на два вполне самостоятельныя отдѣленія—младшее и старшее, съ особыми въ каждомъ изъ нихъ курсами по всѣмъ предметамъ, входящимъ въ гимназическую программу. Что же касается подробностей относительно устройства этихъ курсовъ, то предполагается слѣдующее распределеніе учебныхъ занятій въ двухъ самостоятельныхъ отдѣленіяхъ VII класса: а) по *закону Божію*: въ младшемъ отдѣленіи—повтореніе церковной исторіи, преимущественно русской, съ дополненіями, по усмотрѣнію законоучителя; въ старшемъ—повтореніе катехизиса съ болѣе обширнымъ богословскимъ развитіемъ; б) по *русской словесности*: въ младшемъ—Державинъ, фонъ-Визинъ, Карамзинъ, Жуковский и Крыловъ; въ старшемъ—Пушкинъ, Грибоѣдовъ, Гоголь и Лермонтовъ; в) *краткія основанія логики*, по примѣру Одесскаго учебнаго округа, должны быть пройдены въ старшемъ отдѣленіи, чтобы болѣе обезпечить усвѣшность обученія этому предмету; г) по *латинскому языку*: въ младшемъ отдѣленіи—Титъ-Ливій и Энеида Вергилія, въ старшемъ—философскія сочиненія Цицерона, оды и сатиры, или посланія Горация; д) по *греческому языку*: въ младшемъ отдѣленіи—Геродотъ и Илиада Гомера, въ старшемъ—Демосоевъ, или избранныя мѣста изъ Эукидида, и Еврипидъ, или Софокль; е) по *математикѣ*: въ младшемъ отдѣленіи—пройти тригонометрію, окончить алгебру, повторять ариметику и пройти приложеніе алгебры въ геометріи, въ старшемъ—повторить алгебру и геометрію, употребляя значительную часть времени на рѣшеніе задачъ; ж) по *физикѣ*: въ младшемъ отдѣленіи—теплородъ, магнетизмъ, электричество статическое, электричество динамическое и метеоры теплородные и электрическіе; въ старшемъ—свѣтъ, движеніе, звукъ и оптическіе метеоры; з) *математическая географія* должна проходиться въ старшемъ отдѣленіи; и) по *географіи*: въ младшемъ отдѣленіи—географія Россіи и всеобщая, въ старшемъ—очеркъ естественной исторіи; и) по *исторіи*: въ младшемъ отдѣленіи—окончаніе всеобщей и отечественной исторіи, въ старшемъ—исторія Греціи и Рима; к) преподаваніе *новыхъ языковъ* въ обоихъ отдѣленіяхъ должно быть ведено согласно учебнымъ планамъ, съ тѣмъ, чтобы къ старшему отдѣленію были отнесены болѣе трудныя занятія. Письменныя работы преподаватели должны вести въ обоихъ отдѣленіяхъ совершенно согласно учебнымъ планамъ, съ тѣмъ обязательнымъ условіемъ, чтобы ученикамъ старшаго отдѣленія да-

ваемы были работы болѣе серьезныя. Что касается до обязанности класснаго наставника, то, принимая во вниманіе: 1) что въ гимназіяхъ Казанскаго учебнаго округа число учениковъ во всѣхъ классахъ, не исключая и VII-го, почти всегда бываетъ велико; 2) что было бы неудобно при большомъ числѣ учениковъ опредѣлять класснаго наставника, а при маломъ — отставлять и потомъ, вслѣдствіе увеличенія числа учениковъ, вновь опредѣлять его; 3) что въ случаѣ малаго количества учениковъ классный наставникъ будетъ имѣть возможность болѣе строгаго надзора надъ ними, и наконецъ 4) что исполненіе должности класснаго наставника въ каждомъ изъ двухъ отдѣленій VII класса двумя отдѣльными лицами послужитъ однимъ изъ средствъ къ столь желаемому обособленію этихъ отдѣленій, — оговаривается болѣе удобнымъ имѣть въ VII классѣ двухъ классныхъ наставниковъ, одного для младшаго и другаго — для старшаго отдѣленія.

III. НИЗШІЯ УЧИЛИЩА.

Народное образованіе въ Оренбургской губерніи.

(Составлено на основаніи официальныхъ источниковъ за 1872 годъ).

Не малую пользу успѣхамъ начальнаго обученія въ Оренбургской губерніи принесъ происходившій тамъ въ 1871 году учительскій съѣздъ. Онъ состоялся благодаря энергическому содѣйствію атамана 1-го войсковаго отдѣла, полковника С. П. Мясоѣдова; ему же много обязаны до 79 начальныхъ мужскихъ и женскихъ школъ своимъ новымъ устройствомъ. Г. Мясоѣдовъ предложилъ поселковымъ обществамъ дать средства къ снабженію училищъ книгами и учебными пособиями, избрать для нихъ надежныхъ попечителей, озаботиться устройствомъ особыхъ училищныхъ зданій и приобрѣтеніемъ гимнастическихъ машинъ. Наказный атаманъ, генералъ Боборыкинъ, принявшій горячее участіе въ благоустройствѣ учебнаго дѣла, сдѣлалъ тоже самое въ остальныхъ двухъ отдѣлахъ вѣреннаго ему войска, исходатайствовалъ у военнаго министра дозволеніе употреблять ежегодно по 3.000 руб. изъ общаго войсковаго капитала на вспоможеніе ежегоднымъ учительскимъ съездамъ и особенно нуждающимся школамъ. Ревизія училищъ инспекторомъ въ слѣдовавшемъ затѣмъ 1872-мъ году окончательно убѣдила войсковое начальство, съ одной стороны, въ несостоятельности доселѣ существовавшихъ школъ при

укоренившихся въ нихъ порядкахъ, а съ другой, въ томъ, что учебное дѣло можетъ существенно улучшаться и при неподготовленныхъ учителяхъ казачьихъ училищъ, по указанію имъ рациональныхъ способовъ и пріемовъ первоначальнаго обученія.

Прежде всего мы заимствуемъ изъ отчета инспектора нѣкоторыя черты прежняго неудовлетворительнаго состоянія школъ Оренбургской губерніи, представляющія много поучительнаго. По ревизіи инспектора оказалось слѣдующее:

1) Личный составъ учителей и учительницъ почти повсемѣстно состоялъ изъ людей, не имѣвшихъ законнаго права на преподаваніе. Наставниками были лица, обучавшіяся грамотѣ и ариметикѣ въ поселковыхъ и станичныхъ, горнозаводскихъ, баталіонныхъ, артиллерійскихъ, бригадныхъ и полубригадныхъ школахъ, иногда въ приходскихъ училищахъ,—въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ существующей въ Оренбургѣ школѣ офицерскихъ дѣтей, въ бывшемъ училищѣ земледѣлія и лѣсоводства и уѣздныхъ училищахъ. Между ними было мало такихъ, которые выдержали экзаменъ на званіе начальнаго учителя. Учительницы обучались дома, или въ Оренбургскихъ участковыхъ начальныхъ школахъ, и лишь весьма немногія изъ нихъ окончили курсъ въ женскихъ прогимназіяхъ или въ институтѣ. Въ *Санарскомъ* 1 и 2 поселкахъ учителя оказались раскольничьими мастерами-грамотѣями, а въ *Новокумляскомъ*—учительницей была раскольничья мастерица.

2) Училища помѣщались въ тѣсныхъ, темныхъ, холодныхъ и вообще неудобныхъ комнатахъ, не рѣдко рядомъ съ арестантами, а иногда даже вмѣстѣ съ ними, или въ совершенно не приспособленныхъ къ учебнымъ надобностямъ наемныхъ квартирахъ. Классная мебель была неудобна; столы по размѣрамъ своимъ не приспособлены къ различнымъ возрастамъ дѣтей; классныхъ досокъ часто вовсе не было; въ нѣкоторыхъ училищахъ не находилось даже ученическихъ столовъ, такъ какъ учащіеся помѣщались и иногда только поцѣдѣльно квартируютъ въ разныхъ домахъ.

3) Определеннаго порядка въ классныхъ занятіяхъ не существовало. Книги были самыя разнообразныя, попадавшія въ руки дѣтей совершенно случайно; наставники не имѣли ни руководствъ, ни книгъ для собственнаго чтенія; ученики размѣщались во время занятій безпорядочно, если не считать порядкомъ того, что начипающіе мальчики обыкновенно сидѣли въ отдаленіи, по темнымъ угламъ, тогда какъ ходившіе въ школу пять и шесть лѣтъ сряду, помѣщались на

видномъ мѣстѣ, очевидно съ тою цѣлью, чтобы посѣтители обращались къ нимъ за отвѣтами. Ходили дѣти въ школу въ высшей степени неаккуратно, — впрочемъ, аккуратности отъ нихъ и не требовалось: очень часто ихъ собирали только къ прїѣзду ревизоровъ; въ эти дни школа бывала биткомъ набита и учащимися и прежде учившимися, но не забывшими еще грамоты. Въ поселкѣ *Красноярскомъ* замужняя женщина, сидѣвшая между ученицами въ проѣздъ одного начальника, была изболчена благодаря случайному присутствію на этотъ разъ уѣзднаго исправника, близко знакомаго съ мѣстнымъ населеніемъ поселка. Классныхъ журналовъ не велось, программы и плана обученія не было. Наставники отпосились къ своимъ обязанностямъ небрежно, а общества были даже довольны учителями, которые не тревожили ихъ требованіемъ дѣтей въ школу. Скудное жалованье, отъ 15 и 20 до 42 руб., только въ женскихъ училищахъ доходило до 60 и 75 руб. въ годъ. Неудивительно, что одна учительница *Красноярскаго* поселка, получавшая въ годъ 15 руб., на замѣчаніе относительно ничтожныхъ успѣховъ въ ея классѣ, прямодушно отвѣчала инспектору, что будучи вынуждена снискивать себѣ пропитаніе постороннею работою, она весьма рѣдко можетъ заниматься съ дѣвочками грамотой.

При такомъ положеніи дѣлъ, и лучшіе учителя теряли охоту къ школьнымъ занятіямъ.

Хотя общій уровень школъ, о которыхъ говоримъ мы, крайне низокъ, но встрѣчаются между ними и отрядныя исключенія. Таковы женское училище въ *Кундравинской* станицѣ, мужское и женское въ *Травниковской* станицѣ и мужское въ станицѣ *Челябинской*. Въ первомъ изъ нихъ обучаютъ закону Божію и ибнію по слуху мѣстный діаконъ Бурдуковъ, а чтенію, письму и ариметикѣ—вдова, чиновница Вироговская, оба подъ руководствомъ священника Льва Емельянова, благодаря заботливости котораго училище снабжено руководствами и учебными пособіями, составляющими небольшую бібліотеку. Челябинская школа, въ которой законоучителемъ состоитъ діаконъ Кондаковъ, а учителемъ свѣдущій казачій офицеръ, снабжена также руководствами и учебными книгами. И здѣсь, также какъ въ *Кундравинской* школѣ, мальчики и дѣвочки читаютъ осмысленно, прочитанное излагаютъ довольно связно, пишутъ съ прописей и подъ диктантъ; ариметикѣ обучаются по задачамъ сначала съ малыми, а затѣмъ и съ болѣе сложными числами, причемъ истолковываются имъ самыя дѣйствія; по закону Божію они читаютъ молитвы, символъ

вѣры и заповѣди осмысленно съ переводомъ на русскій языкъ и доступнымъ для нихъ толкованіемъ; изъ священной исторіи свободно и толково передаютъ многіе разказы. Примѣры теплаго и разумнаго участія въ этихъ школахъ со стороны духовныхъ лицъ тѣмъ болѣе заслуживаютъ вниманія, что въ Оренбургской губерніи обыкновенно приходскіе священники, если не занимаются сами преподаваніемъ, то и не заглядываютъ въ школы, за нѣкоторыми конечно исключеніями. Въ Травниковскихъ училищахъ мужскомъ и женскомъ съ успѣхомъ обучаютъ дѣти умершаго мѣстнаго священника Малышева, — сынъ, уволенный изъ средняго отдѣленія Уфимской духовной семинаріи, и дочь, окончившая курсъ въ Уфимскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ.

Заслуживаютъ также вниманія женская школа въ Миасской станицѣ и мужская въ Фершампенуазскомъ поселкѣ. Приходскій священникъ упомянутой станицы (Челябинскаго уѣзда), Андрей Невзоровъ, серьезно занялся дѣломъ народнаго образованія, затративъ значительную сумму на составленіе собственной педагогической библиотеки. Желая провѣрить свои свѣдѣнія опытомъ, онъ открылъ, въ январѣ 1871 года, женскую школу, въ которую поступило 30 ученицъ; при обученіи обращено было особенное вниманіе на малое развитіе учащихся и наставникомъ сдѣланы были весьма удачныя приспособленія: такъ, напримѣръ, собственноручно устроены были имъ большіе классные счеты; для нагляднаго же изученія дробей, какъ частей единицы, выписаны большіе дробные счеты съ 15-ю мѣдными проволоками, на коихъ надѣты цилиндрической футъ и его дѣленія до 24 частей

Чтобы облегчить учащимся переходъ отъ грифеля и аспидной доски къ перу, наставникъ придумалъ и изготовилъ 80 штукъ картонныхъ листовъ, величиною приблизительно въ большую осьмушку, особеннымъ образомъ съ обѣихъ сторонъ натертыхъ бѣлилами и мѣломъ, а сверху, по графической сѣткѣ, прочно покрытыхъ прозрачнымъ слоемъ лака. Пишутъ по нимъ хромокислыми чернилами, при помощи обыкновенныхъ гусиныхъ перьевъ; если написанный текстъ болѣе не нуженъ, то его безъ затрудненія стираютъ влажною губкой; употребленные въ дѣло листы почти не разнятся отъ неупотребленныхъ.

Для наглядныхъ разказовъ по священной исторіи и съ цѣлью облегчить уроки по христіанскому вѣроученію, наставникъ выписалъ на свой счетъ удовлетворительно сдѣланныя картины изъ ветхаго и

новаго завѣта; для обученія пѣнію подъ скрипку, приобрѣтены Вассовы тетради молитвъ на дѣтскіе голоса, изложенныя цифирною нотацией. При обзорѣннн школы тотчасъ было замѣтно, что дѣвочки были тамъ какъ дома, вели бесѣды живо и сознательно, читали безъ затрудненія и съ толкомъ; онѣ не тянули слоговъ на распѣвъ, какъ обыкновенно бываетъ у недавно начавшихъ читать; прочитанное разказывали обстоятельно и съ одушевленіемъ; умѣли переводить и объяснять молитвы, а равно и многіе разказы изъ ветхаго и новаго завѣта; усвоили себѣ нумерацію и счетъ; писали съ соблюденіемъ орѳографіи твердымъ и свободнымъ почеркомъ; пѣли по тетрадямъ Васса стройно и съ соблюденіемъ такта. Въ половинѣ отчетнаго года начала заниматься съ дѣтьми, достаточно подготовленная къ тому, жена губернскаго секретаря Крылова, а о. Андрей принялъ на себя общее наблюденіе за обученіемъ во всѣхъ тридцати училищахъ Міасскаго станичнаго юрта, съ сохраненіемъ должности законоучителя въ открытой имъ женской школѣ. Священникъ второй Міасской церкви, Александръ Вѣляковъ, недавно окончившій курсъ въ Самарской духовной семинаріи, разумно преподаетъ законъ Божій въ двухъ мужскихъ училищахъ и наблюдаетъ за обученіемъ въ 10-ти школахъ своего прихода.

Въ *Фершампенуазѣ*, Верхнеуральскаго уѣзда, открыто центральное училище на мѣстныя средства для пяти смежныхъ поселковъ: Фершампенуазскаго, Остроленскаго, Кассельскаго, Требблатскаго и Парижскаго, населеніе коихъ, сплошь старокрещенское татарское (по мѣстному названію, *нашйбаки*), простирается до 4.500 душъ обоого пола. Въ паставники этого училища приглашенъ изъ Казани бывшій помощникъ руководителя тамошней крещено-татарской школы священника Василя Тимоѣева, его родной братъ Игнатій. Прибывъ на мѣсто 28-го октября 1871 года, онъ началъ занятія 1-го ноября, по случаю холернаго времени, только съ 12-ю учениками Фершампенуазскаго поселка, но къ концу мѣсяца собрались мальчики изъ остальныхъ четырехъ поселковъ, такъ что всѣхъ ихъ было 45. Этимъ числомъ и пришлось ограничиться по тѣснотѣ наемнаго помѣщенія. Обученіе пошло твердо и быстро и тотчасъ же вызвало сочувствіе жителей всѣхъ пяти поселковъ, особенно послѣ того, какъ ученики, явившись къ Рождеству домой уже умѣющими читать и писать, довольно стройно пѣли по домамъ по славянски, и главное, по татарски различныя молитвы и толково разказывали о рожденіи Христа Спасителя.

То былъ истинный праздникъ для темныхъ людей. Татарское пѣніе молитвъ заставляли повторять въ домахъ по нѣскольку разъ сряду, и если семья жила на двѣ избы, то непременно приходилось пѣть и въ другой избѣ. Съ того времени учитель сталъ предметомъ общаго удивленія и вниманія; онъ вездѣ являлся почетнымъ гостемъ; къ нему сходились для полезныхъ и назидательныхъ бесѣдъ, гордились его посѣщеніемъ. На четвертой недѣлѣ великаго поста наставникъ говѣлъ со всѣми учениками въ Остроленскомъ поселкѣ, ибо только тамъ и находится церковь. Благоговѣнное исполненіе этой христіанской обязанности; разрѣшенное приходскимъ священникомъ съ словеснаго благословенія мѣстнаго преосвященнаго, чтеніе правила предъ причащеніемъ и часовъ предъ субботнею литургіею по татарски, произвели умиленное впечатлѣніе на народъ. Въ праздникъ Пасхи, когда учитель съ учениками, по окончаніи литургіи, присоединился къ иконамъ, съ которыми, по обычаю, духовенство посѣщаетъ дома прихожанъ при пѣніи пасхальнаго канона,—то все населеніе, и старое, и малое, высыпало на улицу; не только домъ, принимавшій иконы, но улица предъ нимъ была наполнена богомольцами, одушевляемыми религіознымъ чувствомъ, тогда какъ, по свидѣтельству приходскаго священника, въ прежніе годы у пасхальнаго богослуженія въ церкви бывало весьма просторно, а при хожденіи по домамъ съ иконами, въ домъ обыкновенно принималъ кто либо одинъ, а прочіе семейные прятались.

„Вотъ“, съ восторгомъ говорили инспектору нагайбаки, „нашъ языкъ считали самымъ послѣднимъ, никуда негоднымъ, а теперь есть у насъ и свои книги, и Богу мы молимся по нашему“. Это радостное чувство нагайбаковъ весьма понятно въ виду презрительнаго отношенія къ нимъ русскихъ казаковъ, которые никогда не женятся на ихъ дочеряхъ и сестрахъ, даже тамъ, гдѣ живутъ совмѣстно съ ними (напримѣръ, въ *Нъжинкѣ*, *Ильинской станицѣ*, *Подюрномъ* и въ нѣкоторыхъ поселкахъ *Троицкаго уѣзда*). Нагайбаки и сами привыкли считать себя какими-то недоростками. Теперь, когда грамотность проникаетъ въ ихъ среду, когда языкъ ихъ слышится при церковномъ богослуженіи, они сознаютъ, что и для нихъ наступила пора присоединиться къ общей русской жизни. Понятно, почему дѣти ихъ охотно идутъ въ центральное Фершампенуазское училище; а родители безъ малѣйшаго ропота, даже съ нѣкоторою гордостью несутъ значительный расходъ по содержанію школы, а именно уплачиваютъ 400 руб. на жалованье учителю. Надо было видѣть, до какой степени были очаст-

ливы мальчики, попавшіе въ число 45, болѣе которыхъ не можетъ вмѣщать школа! Бодро вынесли они четырехчасовое испытаніе, изрѣдка прерываемое пѣніемъ пасхальнымъ; наизусть читали всѣ правильно, толково и съ вѣрнымъ пониманіемъ прочитаннаго, что доказывалось обстоятельною передачей русскаго текста на татарскій и татарскаго на русскій языкъ, съ соблюденіемъ всѣхъ оттѣнковъ мысли. Даже довольно сложныя ариѳметическія задачи съ небольшими числами рѣшаемы были быстро, при чемъ объясняемъ былъ по русски и самый способъ рѣшенія. Дѣти занимались письменными упражненіями, хотя не щеголеватыми относительно каллиграфіи и не затѣйливыми по содержанію, но въ которыхъ строго соблюдалась орѳографія.

Многіе разказы изъ священной исторіи передавали они по русски и по татарски осмысленно и съ убѣжденіемъ. Молитвы знали читать и по татарски, и по славянски. Удовлетворяя желанію общественниковъ, учитель посѣщаетъ по временамъ съ дѣтьми различныя поселки и вездѣ встрѣчаютъ на нихъ радушный пріемъ. Пѣніе молитвъ на татарскомъ языкѣ особенно привлекаетъ и трогаетъ женщинъ. Съ Ильина дня 1872 года Тимоѳеевъ испросилъ позволеніе у приходскаго священника отправлять въ школъ по праздничнымъ днямъ часы на татарскомъ языкѣ, по общему желанію Фершампенуазскихъ поселянъ, которые нетерпѣливо ждутъ, когда, лѣтомъ 1873 года, будетъ выстроенъ у нихъ большой школьный домъ, долженствующій отчасти замѣнить имъ церковь.

Въ 1872 году училища Перваго отдѣла казачьяго войска, въ числѣ 70-ти, требовали особеннаго вниманія со стороны инспектора, такъ какъ они представляли въ Оренбургскомъ краѣ первый примѣръ веденія учебнаго дѣла примѣнительно къ требованіямъ новой школы. Послѣ пробнаго учительскаго сѣзда лѣтомъ 1871 года, учителя и учительницы съ наступленіемъ осени начали обучать механизму чтенія звуковымъ способомъ; чтеніе съ прежними воспитанниками вели они по *Родному Слову* Ушинскаго; ариѳметикой занимались сообразно указаніямъ Грубе; писать заставляли дѣтей одновременно съ уроками чтенія и т. д. Словомъ, учащіе повели дѣло каждый по мѣрѣ своего умѣнья, какъ говорено было имъ на сѣздѣ. Сверхъ того, внѣклассное время употребляемо было мальчиками, подъ руководствомъ наставниковъ, на гимнастическія и воинскія упражненія. Къ чести учителей нужно сказать, что они единодушно предпочли новый порядокъ обученія прежнему, угнетавшему убійственною скукой, и явились ревностными защитниками его предъ обществами,

отнесшимся къ нему сначала недвѣрчиво и подозрительно. Иначе, впрочемъ, не могло и быть: теперь для нихъ вполне опредѣлился размѣръ учебнаго курса, его задачи и способы, тогда какъ прежде они въ школу приходили какъ бы въ темный лѣсъ. Мѣстное общество относилось особенно недоброжелательно къ звуковому способу; многіе родители даже вовсе не хотѣли отдавать своихъ дѣтей въ школу, но учителя не смущались. Когда оказалось, что дѣти, по истеченіи шести недѣль, уже достаточно овладѣли грамотою, то отношеніе къ школѣ тотчасъ же измѣнилось. Затѣмъ послышались нападки противъ содержанія книгъ, читаемыхъ въ классѣ; какой-нибудь разказъ про козу или лису считался профанаціею школьнаго дѣла. Многіе примѣры были, впрочемъ, достаточно убѣдительны для мѣстныхъ жителей. Такъ, въ *Новоилецкомъ* поселкѣ, одинъ отецъ отдалъ вторично въ школу своего сына, учившагося уже передъ тѣмъ два года, но не успѣвшаго одолѣть и складовъ, и потому признаннаго неспособнымъ къ грамотѣ,—и этотъ мальчикъ, чрезъ пять недѣль, сталъ читать и писать къ великому удивленію поселчачей. Въ *Изобильномъ* поселкѣ 20-лѣтній новоставочный, въ теченіе семи лѣтъ посѣщавшій прежнюю школу и не выучившій ни одной буквы, — снова принялся теперь за грамоту и въ три недѣли усвоилъ механизмъ чтенія и письма. Жаль только, что сами наставники нерѣдко содѣйствовали неудовольствію общественниковъ противъ своего способа обученія, не объяснивъ тотчасъ же грамотнымъ поселчанамъ сущность дѣла, какъ бы изъ тщеславнаго желанія сохраить за собою славу обладателей какой-то особенной мудрости. При всемъ томъ, общества, къ началу 1872 года, повсюду предпочли новый порядокъ обученія старому. Это очевидно обнаружилось изъ распоряженія казачьяго начальства о томъ, чтобы всѣ повоставочные казаки (готовящіеся въ служебный строй), были непременно грамотные. Во Второмъ и Третьемъ войсковыхъ Отдѣлахъ были напята грамотные урядники, не имѣющіе никакого отношенія къ школѣ, а въ первомъ Отдѣлѣ общества обратились для этого къ школьнымъ учителямъ, даже къ учительницамъ, тамъ, гдѣ учителей не было, какъ на примѣръ, въ *Нижинскъ*, *Новочеркасскомъ*, *Воздвиженскъ*.

Въ 1872 году въ Первомъ Отдѣлѣ отдавали въ школу дѣтей уже охотно, почему число учащихся быстро увеличилось; нерѣдко доходило оно до 100 и болѣе (въ *Павловкѣ*, *Городищанскѣ*, *Краснохолмѣ*, *Нижнеозерной*, *Верхнеозерной*, *Угольной* и другихъ,—въ *Сакмарскѣ* было 158). За то во Второмъ и Третьемъ Отдѣлахъ училища все еще

находятся въ неудовлетворительномъ положеніи. И до сихъ поръ они малолюдны, но мѣстное общество начинаетъ уже сознавать преимущества новыхъ порядковъ и даже не скупится на пріобрѣтеніе различныхъ принадлежностей для школъ. Большинство училищъ Перваго отдѣла помѣщается теперь въ зданіяхъ, болѣе или менѣе удобныхъ; ученики раздѣлены обыкновенно на два или на три отдѣленія, младшіе и слабые сидятъ впереди, по близости отъ учителя, а старшіе и болѣе прилежныя — позади; на классныхъ доскахъ сдѣланы приспособленія для наклеенныхъ на картонѣ буквъ, а также для кубиковъ; встрѣчаются въ большомъ количествѣ деревянныя спицы для счета, торговые счеты и въ нѣкоторыхъ училищахъ мѣстнаго приготовленія ариѳметическія ящички; для храненія книгъ и учебныхъ пособій устроены шкафы; училища, хотя еще въ недостаточномъ количествѣ, снабжены руководствами и книгами для чтенія; повсюду устроены гимнастическія машины, среднимъ числомъ стоишія 50 руб. каждая.

Въ 1872 году обученіе шло удовлетворительно по всѣмъ предметамъ начального курса въ училищахъ Перваго войсковаго Отдѣла: во вновь открытомъ *Григорьевскомъ* женскомъ, *Угольномъ* мужскомъ; въ училищахъ смѣшанныхъ: *Мертвецовскихъ*, *Витлянскихъ*, *Изобильномъ*; въ мужскихъ: *Буранномъ*, *Новоилецкомъ*, *Чесноковскомъ*, *Линевскомъ*, *Филипповскомъ*; въ смѣшанныхъ: *Разсипнинскихъ*, *Кардаиловскомъ*, *Нижнеозернинскихъ*, *Краснохолмскихъ*; со второй же половины отчетнаго года—въ *Зубочистенскомъ* 1-мъ, въ *Донецкихъ* мужскомъ и женскомъ, въ *Татищевскихъ* мужскомъ и женскомъ, въ *Городищенскихъ* мужскомъ и женскомъ, *Никольскомъ* мужскомъ, *Павловскомъ* мужскомъ, *Чернорыченскихъ* мужскомъ и женскомъ, *Сакмарскихъ* мужскомъ и вновь открытомъ женскомъ, *Бердскомъ* женскомъ, *Черноострогскомъ* мужскомъ, *Никитинскомъ* мужскомъ, *Новочеркасскомъ* 1-мъ женскомъ, *Новоздвигенскихъ* мужскомъ и женскомъ; съ послѣдней же половины года—въ *Желтомъ*, *Уюндуровскомъ* и *Верхнеозерномъ* женскихъ; въ теченіе всего года—въ *Гирьяльскомъ* мужскомъ, *Красногорскомъ* женскомъ и *Каменноозерномъ* женскомъ. Въ остальныхъ 45-ти школахъ этого отдѣла въ большинствѣ случаевъ обученіе не могло идти вполнѣ удовлетворительно не по винѣ учащихся, но по недостатку учебныхъ пособій, неудобству помѣщенія, по непредвидѣнной смѣнѣ наставниковъ, или по равнодушію общественниковъ къ интересамъ школы; только на училища мужскія *Григорьевское*, *Вязовское*, *Пречистенское*, *Новочеркасское* 1-е и женскія *Николкин-*

ское, Новоилецкое, Красноярское можно указать какъ на такія, въ которыхъ въ 1872 году не было успѣха или отъ неспособности, или отъ незаботливости самихъ преподавателей. Къ хорошимъ, по мнѣнію инспектора, училищамъ въ особенности принадлежатъ Сакмарское мужское и Нижнеозернинское женское. Сакмарская станица до 1869 года принадлежала къ Уральскому казачьему войску, вслѣдствіе чего старообрядчество разныхъ толковъ такъ здѣсь сильно, какъ нигдѣ въ Оренбургскомъ войскѣ. При перечисленіи Сакмарска къ этому войску, въ паставники мѣстной мужской школы поступилъ отслужившій 25-лѣтній срокъ въ Уральскомъ войсковомъ училищѣ, коллежскій ассесоръ *Тимашевъ* — человекъ опытный въ начальномъ обученіи и коротко знакомый съ духомъ уральскаго старообрядчества. Толковое преподаваніе, надлежащая осторожность при изученіи молитвъ, которыя старообрядцами читаются съ нѣкоторыми несущественными переиначеніями, ласковое обращеніе съ учениками, — все это очень скоро убѣдило многихъ общественниковъ, что отдавать ребенка въ школу еще не значитъ загубить его, а воспитанники мало по малу разсѣяли этотъ страхъ и въ своихъ сверстникахъ. Вслѣдствіе того уже въ 1871 году число учащихся, вмѣсто прежнихъ 30 — 40, превышало 100, а въ 1872 году оно возросло до 160 и остановилось на этомъ числѣ только потому, что въ существующемъ училищномъ помѣщеніи, не смотря на сдѣланныя стараніями учителя пристройки, было очень тѣсно. Замѣчательно, что дѣти сами, безъ участія отцевъ и матерей, десятками приходятъ къ названному нами учителю и просятъ припятъ ихъ въ число учениковъ, чего никогда не было въ прежнее время. Мѣстные жители относятся менѣе строго къ „новшествамъ“; ученики читаютъ *Родное Слово* и *Нашъ Другъ*, и никто не протестуетъ противъ этого; мирятся и съ тѣмъ, что дѣти съ значительнымъ меньшинствомъ православныхъ читаютъ молитвы и символъ вѣры по православному. Прочитавъ въ сборникѣ Щербинны „Пчела“ молитву Господню на разныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, многіе наши, что на нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ тѣ или другія мѣста ея выражены задушевнѣе, а главное, что всякій языкъ хвалить Господа по своему, и на этомъ основаніи стали уважительно относиться къ русскому переводу Новаго Завѣта, который обыкновенно между старообрядцами отвергается. При упражненіяхъ въ чтеніи славянскомъ, всѣ ученики читаютъ по славянорусскому евангелію, изданному съ благословенія св. синода. Успѣшность обученія въ мужской школѣ расположила общество уступить, наконецъ, внушеніямъ начальства

объ открытїи и школы женской, что и осуществилось въ началѣ отчетнаго года. Въ Нижнеозернинскомъ женскомъ училищѣ, съ осени 1870 года, приняла на себя трудъ обученія дѣвочекъ за 60 руб. въ годъ дѣвица Елизавета Королько, выдержавшая въ С.-Петербургѣ испытаніе на званіе домашней учительницы. Въ свое время это училище, какъ почти единственное въ казачьемъ войскѣ по своему устройству сообразно требованіямъ педагогики, служило нагляднымъ примѣромъ, какъ должны быть постепенно организованы всѣ войсковыя школы. Въ 1872 году старшія его ученицы могли толково читать не однѣ только школьныя книги; не говоря уже о книгахъ описательнаго и повѣствовательнаго характера, нѣкоторымъ изъ нихъ доступно было пониманіе книгъ и съ дидактическимъ содержаніемъ. Писали онѣ правильно, обстоятельно излагали довольно обширныя статьи, даже безъ предварительнаго словеснаго разказа или какихъ-либо руководящихъ вопросовъ; могли со смысломъ отвѣчать письменно и на предложенныя имъ темы. Изъ ариѳметики ученицы оказались основательно знакомыми съ производствомъ всѣхъ начальныхъ дѣйствій, такъ что сложныя задачи, съ какими угодно именованными числами и встрѣчающимися въ практикѣ дробями, рѣшались ими быстро, съ обстоятельнымъ отчетомъ о порядкѣ рѣшенія. Основательное знакомство съ географическими картами и глобусомъ (рельефнымъ) дало возможность при чтеніи разныхъ статей сообщать имъ значительное количество географическихъ и историческихъ свѣдѣній. Нѣкоторыя изъ старшихъ ученицъ готовятся нынѣ къ испытанію на званіе учительницъ начального училища. При осмотрѣ Нижнеозернинской станицы Оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ, было предложено наставницѣ распустить ученицъ, такъ какъ вниманіе ихъ развлекалось необычнымъ движеніемъ вокругъ нихъ; но не смотря на то, что въ этотъ день на долю ихъ выпала довольно трудная письменная работа, онѣ отвѣчали просьбой остаться въ школѣ для окончанія своего дѣла. Въ другой разъ наставница, по случаю сильной простуды, рѣшилась дня три не выходить изъ своей квартиры; но въ первый же день, въ 9 часовъ утра, явилась къ ней депутація съ заявленіемъ, что ученицамъ желательно заниматься, и она безъ всякаго неудовольствія отправилась въ классъ.

Вообще, признавая за учительскими звѣздами роль только паллиативныхъ мѣръ въ дѣлѣ просвѣщенія народа, нельзя, однакожъ, не видѣть, что этимъ путемъ достигнуто въ Оренбургскомъ краѣ очень много, а именно: а) предубѣжденіе противъ школы въ большинствѣ

обществъ изчезаетъ; б) вслѣдствіе того повсюду болѣе чѣмъ скромное учительское жалованье постепенно увеличивается; оно возросло нынѣ до 75—100 руб., съ прибавкою 50-ти пудовъ хлѣба, который вездѣ, по предложенію Наказнаго Атамана, съ отчетнаго года стали выдавать учителямъ и учительницамъ сверхъ денежнаго жалованья; все это даетъ возможность замѣщать учительскія должности лицами, достаточно образованными; такъ, напримѣръ, въ станицахъ Новоздвигенской, Верхнеозерной, Павловской, Эткульской, поселкѣ Желтомъ—учительницы кончили курсъ въ Оренбургскомъ Николаевскомъ институтѣ, а въ станицѣ Звѣриноголовской поступилъ учителемъ окончившій полный курсъ въ духовной семинаріи; в) для большей половины училищъ строятся особые дома по планамъ; г) вездѣ при мужскихъ школахъ существуютъ гимнастическіе снаряды; д) школы запасаются книгами и классными принадлежностями,—по разчету на 1872 и 1873 годы расходъ съ казачьихъ обществъ на устройство училищъ долженъ превышать 100.000 руб.; е) при училищахъ накопляются попечители, которые нерѣдко оказываютъ имъ существенную пользу своимъ ходатайствомъ предъ обществами объ ихъ нуждахъ и заботливостью объ устройствѣ зданій, хотя справедливость требуетъ замѣтить, что въ большинствѣ случаевъ попечители еще не вполне уяснили себѣ свое назначеніе; ж) во всемъ войскѣ, особенно въ Первомъ Отдѣлѣ, число учащихся значительно возрастаетъ, и что особенно важно, въ поселкахъ сколько-нибудь значительныхъ, вмѣстѣ съ мужскими, обыкновенно открываются и женскія школы, которыхъ нынѣ находится уже 122; з) и преподаватели, и мѣстные жители относятся съ видимымъ довѣріемъ къ инспекціи; учителя даже обижались, когда инспектору приходилось, по обстоятельствамъ, мновать ихъ школу при проѣздѣ. Въ этомъ случаѣ не лишень значенія слѣдующій фактъ: учителя на Илецкой линіи, на которой, при ревизіи, засталъ инспектора Рождественскій сочельникъ, просили его, не смотря на наступающій праздникъ, осмотрѣть не посѣщенные имъ школы, и какъ они сами, такъ и дѣти съ удовольствіемъ жертвовали праздничнымъ временемъ первыхъ трехъ дней для учебныхъ занятій.

Для упроченія учебнаго дѣла въ Оренбургскомъ краѣ остается желать, съ одной стороны, усиленія личнаго надзора за школами, ибо инспектору, какъ одиночно стоящему лицу въ цѣлой губерніи, нѣтъ возможности посѣщать всюду, а съ другой—открытія учительскихъ школъ и семинарій съ невысокимъ, на первый разъ, курсомъ, гдѣ бы желающіе могли подготовиться къ своему дѣлу.

Въ дополненіе ко всему сказанному, считаемъ не лишнимъ привести слѣдующія статистическія данныя о нѣкоторыхъ изъ 198 школъ, осматрѣнныхъ инспекторомъ въ 1872 году въ Первомъ, Второмъ и Третьемъ военныхъ Отдѣлахъ Оренбургскаго казачьяго войска.

	Число учащихся.	Жалованье учащимъ.	Число книгъ.
1. Павловское мужское	50	126 руб.	60
2. " женское	26	50 "	60
3. Чернорѣчанское женское	25	75 "	70
4. Городищенское мужское	60	100 "	65
5. Донецкое женское	23	75 "	50
6. Разынинское мужское	76	70 "	60
7. Кардаиловское мужское	68	65 "	65
8. Краснохолмское мужское	65	43 "	59
9. Линеvское	40	100 "	60
10. Буранное	60	100 "	80
11. Сакмарское	165	200 "	200
12. Сакмарское женское	26	90 "	45
13. Верхнеозернинское мужское	96	100 "	95
14. " женское	25	75 "	50
15. Гирьяльское	16	36 "	—
16. Вязовское мужское	30	40 "	35
17. Орское	54	200 "	60
18. " женское	30	90 "	—
19. Кумакское мужское	120	325 "	—
20. Ново-орское	160	50 "	—
21. " женское	16	75 "	—
22. Елизаветинское мужское	23	30 "	14
23. Великопетровское мужское	31	— "	—
24. Фершампенузское	45	400 "	115
25. Треббятское	35	20 "	—
26. Бородинское	85	35 "	15
27. Карагайское	156	50 "	15
28. Магнитное	140	43 "	20
29. Казильское	60	190 "	30
30. Степнинское женское	8	60 "	20
31. Кундравинское мужское	42	120 "	60
32. Челябинское	40	250 "	—

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА.

12/24 декабря 1873 года.

I.

Въ нашемъ министерствѣ народнаго просвѣщенія снова пере-
мѣна. При парламентарномъ правленіи, министры являются прежде
всего политическими дѣятелями и имѣютъ мало общаго съ техниче-
скою частью своей администраціи. Не думаю, чтобы этотъ порядокъ
вещей особенно содѣйствовалъ успѣхамъ народнаго образованія, и я
уже имѣлъ случай привести мнѣніе на этотъ счетъ извѣстнаго публи-
циста г. Лавеле. Новый нашъ министръ, г. Фурту, замѣнившій г. Батби,
прежде всего, и почти исключительно, — политическій человекъ. Во
время имперіи онъ былъ адвокатомъ въ небольшомъ городѣ южной
Франціи, — затѣмъ, былъ избранъ членомъ національнаго собранія;
онъ поддерживалъ тамъ политику г. Тьера, который и назначилъ его
министромъ народнаго просвѣщенія. Теперь онъ снова возвращается
въ то же министерство, уже при совершенно измѣнившихся обстоя-
тельствахъ.

Правительство, какъ кажется, поняло, что при частыхъ пере-
мѣнахъ въ своемъ личномъ составѣ необходимо имѣть и такихъ дѣя-
телей, которые по возможности не подвергались бы означеннымъ пе-
ремѣнамъ. Съ этою цѣлью возстановлена была должность помощни-
ковъ статсъ-секретарей (sous-secrétaire d'état): въ министерствѣ на-
роднаго просвѣщенія назначенъ на это мѣсто г. Дежарденъ, членъ
національнаго собранія и авторъ нѣсколькихъ, весьма почтенныхъ,
трудовъ по юриспруденціи; быть можетъ, нужно пожалѣть, что вы-
боръ не палъ на какое-либо лице, не принадлежащее къ палатѣ, но
имѣющее прочныя и давнія связи съ упомянутымъ министерствомъ.
Г. Дежардену только 36 лѣтъ: его не нужно смѣшивать съ истори-
комъ — г. Абелемъ Дежарденомъ, деканомъ словеснаго факультета въ
Дуэ, и съ нашимъ ученымъ географомъ Эрнестомъ Дежарденомъ.

Новый товарищъ статсъ-секретаря уже имѣлъ случай обнаружить свои способности при обсужденіи въ палатѣ бюджета министерства народнаго просвѣщенія. Пренія по этому поводу были, впрочемъ, весьма мало интересны: рѣчь шла, между прочимъ, объ увеличеніи жалованья учителямъ народныхъ училищъ, но средствъ для этого не оказалось; вопросъ о свободѣ высшаго преподаванія еще не затронуть въ ту минуту, какъ я пишу эти строки. Онъ былъ возбужденъ еще въ 1870 году и для обсужденія его была назначена особая коммиссія подъ предсѣдательствомъ г. Гизѣ. Духовенство жалуется, что государство захватило монополію высшаго преподаванія и ученыхъ степеней, и требуетъ точно такого же преимущества для духовныхъ и свѣтскихъ корпорацій. Коммиссія, въ которой, какъ я упомянулъ сейчасъ, предсѣдательствовалъ г. Гизѣ, признала справедливость этихъ требованій и предложила установить свободу высшаго преподаванія, учредивъ, на ряду съ факультетами, смѣшанную коммиссію, которая присуждала бы ученые степени тѣмъ, кто будетъ вносить плату за подобные экзамены. Имперія рушилась прежде, чѣмъ проектъ этотъ былъ представленъ законодательному собранію, но одинъ изъ членовъ теперешняго національнаго собранія внесъ его въ палату отъ своего имени. Новая коммиссія, разсматривавшая его, назначила докладчикомъ г. Лабуле, трудъ котораго былъ недавно обнародованъ и по всему вѣроятію возбудитъ очень скоро оживленные пренія.

Какъ видно изъ упомянутаго доклада, коммиссія окончательно признала принципъ высшаго преподаванія; всѣ ея члены одинаково согласны, что нѣтъ никакой причины удерживать за государствомъ монополію, которая раздражаетъ большинство ревностныхъ католиковъ, подавляетъ частную инициативу и, отстраняя всякую конкуренцію, обнаруживаетъ неблагоприятное вліяніе на развитіе науки. По мнѣнію докладчика, г. Лабуле, всѣмъ безъ различія гражданамъ, и вообще не только мужчинамъ, но и женщинамъ, какъ частнымъ лицамъ, такъ духовнымъ и свѣтскимъ корпораціямъ, департаментамъ и общинамъ слѣдуетъ предоставить право открывать высшіе учебные курсы и преподавать все, что не противно религіи и общественной нравственности. Свобода преподаванія нисколько не устраняетъ, однако, право, принадлежащее правительству — имѣть строгій надзоръ за этимъ преподаваніемъ. „Подобный надзоръ, говоритъ г. Лабуле, до такой степени необходимъ, что было бы совершенно излишне оправдывать его. Онъ обуславливается общественнымъ интересомъ, интересомъ социальнымъ, попеченіе о которомъ должно лежать, главнымъ

образомъ, на правительствѣ. Нельзя при этомъ не замѣтить, что чѣмъ болѣе свобода развивается въ странѣ, тѣмъ болѣе правительство ограничивается лишь надзоромъ, и по мѣрѣ того какъ оно усваиваетъ себѣ эту роль, надзоръ его становится все дѣятельнѣе и энергичнѣе. Разумѣется, оно никому не навязываетъ тѣхъ или другихъ методовъ, а слѣдитъ только за неуклоннымъ соблюденіемъ закона.

Въ чемъ же состоятъ формальности, обеспечивающія правительственный надзоръ? Предъ открытіемъ всякаго курса наукъ, должно быть представлено попечителю (recteur) или инспектору округа заявленіе, подписанное учредителемъ; съ обозначеніемъ его имени, званія, мѣстожительства, а также тѣхъ предметовъ, изъ которыхъ будетъ состоять курсъ. Попечитель и инспекторъ не имѣютъ права отвѣчать отказомъ на подобное заявленіе, но если они убѣждены, что цѣль учредителя—не благонамѣренна, то обязаны сообщить объ этомъ судебной власти, которая должна карать за нарушеніе закона. Всѣ частныя учебныя заведенія—будутъ ли они принадлежать отдѣльнымъ лицамъ или корпораціямъ, должны имѣть, по крайней мѣрѣ, трехъ администраторовъ, то-есть, отвѣтственныхъ лицъ, которыя подписываются подъ упомянутымъ выше заявленіемъ. Ежегодно, списки преподавателей и учебныя программы представляются попечителю или инспектору округа; правительство не требуетъ никакихъ особыхъ гарантій, никакого диплома отъ частныхъ профессоровъ и можетъ принимать противъ нихъ мѣры лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда они оскорбляютъ религію или нравственность; уполномоченные его имѣютъ безпрепятственный доступъ во всѣ учебныя заведенія и высшіе курсы. Иностранцы также не устраняются отъ преподаванія, но лишь по полученіи ими предварительнаго разрѣшенія на это отъ министерства.

Очевидно, что постановленія такого рода благопріятны болѣе для ассоціацій, чѣмъ для отдѣльныхъ лицъ. Со времени революціи прошлаго столѣтія, ассоціаціи сильно развились въ нашемъ отечествѣ, но каждая изъ нихъ существуетъ лишь подъ тѣмъ условіемъ, если она обладаетъ собственностью, или имѣетъ возможность пріобрѣсти ее. Но лишь тогда пользуется она этимъ правомъ, становится юридическимъ лицомъ, когда государство признаетъ ее учрежденіемъ, дѣйствующимъ для общественной пользы. Признаніе это исходитъ изъ государственнаго совѣта (Conseil d'état), но, по проекту г. Лабуле, оно должно принадлежать, относительно ассоціацій, занимающихся преподаваніемъ, высшему совѣту народнаго просвѣщенія. Можно на-

дѣяться, что какъ скоро будетъ предоставлено имъ право принимать денежные и другія пожертвованія, въ обществѣ обнаружится благородное соревнованіе, явятся богатые меценаты, которые на свой счетъ будутъ учреждать бібліотеки и новыя каѳедры. „Общество жертвуетъ очень мало для нашихъ теперешнихъ факультетовъ, замѣчаетъ г. Лабуре, потому что попеченіе о нихъ государство приняло исключительно на себя и не желаетъ, чтобы была нарушена симметрія официального его преподаванія; но все это измѣнится, когда гражданину предоставлена будетъ возможность учредить каѳедру въ своей родной провинціи и связать свое имя съ этимъ учрежденіемъ“. Г. Лабуре правъ, но при этомъ является предположеніе, что государство, подѣ влияніемъ конкуренціи съ частными университетами, улучшитъ положеніе своихъ факультетовъ, ибо иначе эта конкуренція оказалась бы ему не по силамъ. Въ настоящее время никакое частное лицо не имѣетъ права пожертвовать сумму для учрежденія, на примѣръ, каѳедры провансальской литературы въ Моциелле или санскритскаго языка въ Ліонѣ: этимъ объясняется отчасти упадокъ нашихъ провинціальныхъ факультетовъ, вынужденныхъ довольствоваться крайне ограниченнымъ числомъ каѳедръ.

Но если даже, въ принципѣ, и будутъ допущены частныя университеты, все-таки остается весьма важный вопросъ—кому должно принадлежать право присужденія ученыхъ степеней? Съ ними связанъ не одинъ только почетный титулъ, ибо лишь онѣ открываютъ путь къ различнымъ должностямъ на государственной службѣ. Какъ же отстранить это послѣднее затрудненіе? Не слѣдовало ли бы признать безусловную свободу всѣхъ профессій? Комиссія справедливо полагаетъ, что подобная мѣра лишила бы общество самихъ необходимыхъ для него гарантій: такъ, —въ области медицины, — вмѣсто искусныхъ докторовъ, намъ пришлось бы имѣть дѣло съ безсовѣстными шарлатанами. Нѣкоторые публицисты, указывая на примѣръ Германіи, требуютъ, чтобы каждому изъ факультетовъ предоставлено было право присуждать ученые степени, которыя имѣли бы лишь почетное значеніе, а кандидаты на различныя должности и профессіи (адвокаты, медики и т. д.) подвергались бы спеціальнымъ испытаніямъ. Но изъ кого же должна состоять эта комиссія экзаменаторовъ и кто будетъ назначать ее? Если избирать ее изъ среды людей, принадлежащихъ къ той или другой профессіи, то можно опасаться, что приговорами ихъ будутъ руководить чуждыя науки соображенія; если же правительство присвоитъ себѣ назначеніе ея членовъ, то они не избѣгутъ

такихъ же упрековъ, какіе дѣлаются нынѣ факультетамъ и никогда не удастся имъ увѣрить публику въ своемъ полномъ безпристрастіи. Въ этомъ отношеніи роль испытательныхъ комиссій будетъ даже хуже, чѣмъ въ настоящее время роль факультетовъ. „При безпрерывныхъ нашихъ политическихъ колебаніяхъ, справедливо замѣчаетъ г. Лабуле, правительство получить возможность проводить тѣ или другія доктрины при посредствѣ спеціальныхъ экзаменовъ, которые оно будетъ регулировать по своей волѣ, и испытательныхъ комиссій, въ выборѣ коихъ неминуемо отразятся различныя политическія тенденціи. Теперь же оно вовсе не пользуется такимъ вліяніемъ на факультеты, которые пополняются на основаніи конкурса или свободного выбора профессоровъ и, занимаясь исключительно преподаваніемъ, представляютъ гораздо болѣе гарантій безпристрастія и независимости“.

Какъ же преодолѣть это важное затрудненіе?

Въ Бельгіи, испытательныя комиссіи составляются поровну изъ профессоровъ университетовъ государственныхъ и частныхъ, но Бельгія не можетъ служить для насъ образцомъ, ибо тамъ существуютъ только два государственныхъ и два частныхъ университета. Слѣдуетъ думать, что во Франціи этихъ послѣднихъ будетъ гораздо больше.

Предложено было учредить спеціальныя комиссіи, въ которыя не могли бы поступать профессора, находящіеся на государственной службѣ; но для этого нужно было бы создать совершенно новый разрядъ должностныхъ лицъ, — слѣдовательно, увеличить бюджетъ. Къ тому же, чтобы быть хорошимъ экзаменаторомъ, необходимо заниматься преподаваніемъ.

Что касается до самой комиссіи, то она считаетъ болѣе рациональнымъ — возложить экзамены на теперешніе факультеты. Впрочемъ, не слѣдуетъ, по мнѣнію ея, навсегда и исключительно удерживать за ними эту привилегію: частнымъ университетамъ можетъ быть предоставлено право присуждать ученые степени не иначе, какъ съ согласія высшаго совѣта министерства народнаго просвѣщенія, — но предоставлено оно будетъ имъ лишь повдѣе, когда можно будетъ судить о нихъ уже по опыту. Замѣчательно, что это право должно быть имъ даровано не министромъ, а закономъ, утвержденнымъ національнымъ собраніемъ.

Таковы главнѣйшія основанія проекта, выработаннаго комиссіею, но, конечно, онъ можетъ еще подвергнуться значительнымъ переменамъ во время предстоящихъ о немъ преній.

II.

Въ одной изъ моихъ корреспонденцій я упоминалъ уже объ „Исторіи географіи“ г. Вивьена де-С. Мартена. Въ настоящее время появился особый для нея атласъ, состоящій изъ 13 картъ, — что, конечно, не мало возвышаетъ достоинство книги. Вотъ ихъ перечень: 1) карта народовъ, современныхъ Моисею и географія народовъ, книги Бытія; 2) первоначальная географія Грековъ по Гомеру, Гезіоду и сказаніямъ о походѣ Аргонавтовъ; 3) постепенное развитіе географическихъ свѣдѣній Грековъ отъ Гомера до Птолемея; 4) страны, извѣстныя Грекамъ до походовъ Александра; 5) походы Александра; 6) страны, извѣстныя древнимъ во II столѣтіи нашей эры; 7 и 8) образцы древней и средневѣковой картографіи. Эти двѣ карты особенно любопытны, ибо на нихъ изображены нѣкоторыя части карты Пейтингера (правительство изготавляетъ нынѣ роскошное ея изданіе), англо-саксонская карта X столѣтія, планисфера 1360 года, *imagines mundi*, заимствованныя изъ различныхъ европейскихъ манускриптовъ, 400 картъ изъ арабскихъ рукописей, карты XV вѣка, сферическая планиглобія Фра-Мауро, снятая съ оригинальнаго чертежа 1457 года на стѣнѣ одного изъ Венеціанскихъ монастырей; 9) изображеніе частей свѣта, извѣстныхъ западно-европейскимъ народамъ въ XIII и XIV вѣкахъ, — тутъ обозначены путешествія Марко Поло, Плато-Карпини и Рубруквиса; авторъ руководился, для означенной карты, трудами этихъ трехъ путешественниковъ, а для монгольской имперіи — „Исторією Монголовъ“ г. Шарля д'Оссона и трудами арабскихъ географовъ; 10) географическая карта 1491 года, предъ открытіемъ Америки; 11) карта 1550 года, — въ приложеніи къ ней помѣщенъ глобусъ, сдѣланный въ 1492 году мореплавателемъ Мартиномъ Бегеномъ изъ Нюрнберга; 12) планиглобія Ортелія (1587), — необыкновенно отчетливый рисунокъ, сдѣланный посредствомъ гелиографіи, представляющій одну изъ самыхъ любопытныхъ страницъ новаго атласа. Въ немъ собрано также не мало данныхъ для открытій позднѣйшаго времени. Все это дѣлаетъ его весьма важнымъ приобрѣтеніемъ для просвѣщенной публики. Вотъ полное его заглавіе: „Atlas, dressé pour l'histoire de la géographie“.

На ряду съ трудомъ г. Вивьена де-С. Мартена, я могу указать на новыя изданія двухъ классическихъ сочиненій по географіи, — во-первыхъ, на „Географію“ г. Бальби (теперешнее изданіе ея принадлежитъ г. Шотару, профессору словеснаго факультета въ Безансонѣ) и

„Классическую географію“ (*Géographie classique*), г. Дюссё. Извѣстно, какую громкою репутаціей пользовались въ свое время труды г. Бальби, а что касается до г. Дюссё (профессора военной С. Сирской школы), то этотъ почтенный авторъ наиболѣе содѣйствовалъ популяризаціи географическихъ свѣдѣній въ средѣ французской молодежи.

Недавно появился также второй выпускъ „Словаря греческихъ и римскихъ древностей“ (*Dictionnaire des antiquités grecques et romaines*), гг. Дарамберга и Салио. Мнѣ уже приходилось упоминать объ этомъ прекрасномъ изданіи, увѣнчавшемся полнымъ успѣхомъ. Извѣстный нашъ археологъ, г. Леонъ Ренье, представляя первый его выпускъ Академіи надписей и изящной словесности, сдѣлалъ о немъ такой отзывъ, что въ литературѣ французской, и многихъ иностранныхъ, не было еще до сихъ поръ болѣе полного словаря греческихъ и римскихъ древностей. Второй, появившійся нынѣ, выпускъ вполне подтверждаетъ это мнѣніе. Въ немъ содержатся слова отъ *Агр до Аро*. Въ числѣ наиболѣе замѣчательныхъ статей, я укажу на слѣдующія: *alphabet, amphithéâtre, amulette, annona, Apollon*; рисунки исполнены чрезвычайно тщательно и красиво. Многія изъ произведеній, вошедшихъ въ этотъ томъ, принадлежатъ воспитанникамъ нашей Аѳинской школы.

Кстати о ней. Предо мною лежитъ послѣдняя книжка *Dictionnaire d'archéologie*, въ которой помѣщенъ отчетъ г. Эггера (представленный академіи надписей и изящной словесности) о теперешнихъ ея занятіяхъ. Вотъ нѣсколько подробностей о тѣхъ изслѣдованіяхъ, которыя предложилъ Институтъ нашимъ молодымъ археологамъ:

Произвести новыя, какъ можно болѣе тщательныя и подробныя, изысканія на о. Делосѣ, начертать его исторію и топографію съ гомеровскихъ временъ; выяснить значеніе тамошняго культа Аполлона.

Изслѣдовать распространеніе элевсинскаго культа въ различныхъ частяхъ Греціи и въ греческихъ колоніяхъ.

Изобразить положеніе Греціи подъ римскимъ владычествомъ, преимущественно на основаніи латинскихъ, греческихъ и сохранившихся на обоихъ этихъ языкахъ смѣшанныхъ надписей, которыя могутъ пролить свѣтъ на означенную эпоху.

Начертать, пользуясь свидѣтельствами авторовъ и памятниками, таблицу римскихъ государственныхъ сановниковъ

Въ числѣ остальныхъ вопросовъ находится одинъ, который, по моему мнѣнію, заслуживаетъ особеннаго вниманія вашихъ читателей:

Опытъ историческаго изслѣдованія объ утвержденіи христіанской

религіи въ Греціи, преимущественно въ Аттікѣ: обозначить мѣсто нахожденія различныхъ церквей, какія изъ нихъ были построены на развалинахъ древнихъ храмовъ и вообще все, что въ мѣстныхъ празднествахъ или обычаяхъ напоминаетъ о преданіяхъ древности. Пополнить и исправить, на основаніи христіанскихъ надписей и византійскихъ историковъ, тѣ части „Oriens christianus“ Лекеня, которыя относятся къ метрополіямъ; обратить вниманіе на организацію греческаго духовенства, на всѣхъ ступеняхъ его іерархіи, и сравнить ее съ организаціею духовенства латинскаго; обозначить греческія наименованія различныхъ членовъ византійскаго духовенства въ приходахъ и монастыряхъ, опредѣлить кругъ ихъ дѣятельности, перечислить и описать всѣ предметы, употребившіеся при церковномъ богослуженіи, священные сосуды, церковныя одежды и т. д. Трудъ этотъ долженъ служить какъ бы дополненіемъ къ извѣстному труду Муралята: „Lexicon der morgenländischen Kirche“, Leipzig, 1838.

Институтъ особенно рекомендуетъ Лейпскаго школь слѣдить за археологическими открытіями въ Аттікѣ и другихъ частяхъ Греціи, содѣйствовать имъ по мѣрѣ силъ и постоянно доносить о нихъ министерству народнаго просвѣщенія. Онъ указываетъ школь, какъ на образецъ для подражанія, на труды гг. Вешера (Wescher) и Фукара (Foucart): первый изъ нихъ—одинъ изъ самыхъ неутомимыхъ сотрудниковъ *Revue archéologique*, а второй пріобрѣлъ извѣстность своими изслѣдованіями о развалинахъ въ Дельфахъ и капитальнымъ трудомъ о Пелопонезѣ. Въ недавнее время онъ защищалъ въ Парижскомъ словесномъ факультетѣ свою диссертацию „О религіозныхъ обществахъ въ древней Греціи“ и намѣренъ написать подробную исторію этихъ обществъ; въ диссертации же, о которой сейчасъ мною упомянуто, г. Фуваръ занимается тѣми изъ нихъ, которыя были вызваны культомъ чужеземныхъ божествъ. Авторъ воспользовался всѣми, вновь открытыми, надписями, которыя и помѣщены въ приложеніи къ его книгѣ. Первая ея часть занимается составомъ и организаціею обществъ, вторая — религіею и культомъ; авторъ подробно слѣдитъ за тѣмъ, какъ проникали въ Грецію божества еракійскія, малоазіатскія, сирійскія и египетскія, и старается доказать, что, по перенесеніи своемъ въ Грецію, культы эти сохранили свой первобытный характеръ. Особенно интересна глава о законодательствѣ относительно ихъ Лейпскаго республики и о томъ вліяніи, которое они обнаруживали на нравы и умственное развитіе греческаго общества.

Говоря о сочиненіяхъ археологическаго содержанія, я долженъ

указать на трудъ г. Роллера „Базилика св. Климента въ Римѣ“ (La Basilique de S. Clément à Rome, par Roller). Извѣстно, какой глубокой интересъ постоянно возбуждала эта базилика: она принадлежитъ къ древнѣйшимъ въ Римѣ, и недавнія раскопки открыли подъ занимаемымъ ею зданіемъ церковь, стѣны коей покрыты крайне любопытными фресками, изображающими событія изъ жизни св. Алексѣя и св. Кирилла и Меѳодія. Г. Роллеръ подробно описываетъ различныя части этой знаменитой базилики; онъ присоединилъ къ своей книгѣ много рисунковъ и fac-simile, изъ коихъ заслуживаютъ особеннаго вниманія слѣдующіе: перенесеніе мощей св. Климента; чудо, совершенное этимъ угодникомъ; легенда св. Алексѣя. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что всѣ эти изображенія уже извѣстны изъ англійскаго сочиненія: „S. Clement and his Basilica in Rome“.

Переходя къ литературнымъ произведеніямъ другаго рода, хотя и имѣющимъ нѣчто общее съ упомянутыми выше, я укажу на диссертацию, появившуюся еще въ 1872 году, но о которой мнѣ не случилось сказать нѣсколько словъ въ свое время. Я подразумеваю трудъ г. Пенго „Petrarchae Africa, recensuit, praefatione, notis et appendicibus illustravit. L. Pingault“. Авторъ, бывший воспитанникъ Нормальной школы, занимаетъ нынѣ мѣсто профессора въ словесномъ факультетѣ гор. Нанси. Петрарка давно уже былъ у насъ любимымъ авторомъ; покойный Викторъ Леклеръ отвелъ ему почетное мѣсто въ своей „Histoire littéraire de la France“, а другой изъ нашихъ ученыхъ, г. Мезьеръ, посвятилъ ему специальное изслѣдованіе. Потомство, какъ извѣстно, цѣнило въ немъ преимущественно поэта итальянскаго, автора сонетовъ, но современники ставили его еще несравненно выше какъ поэта латинскаго, одного изъ просвѣщеннѣйшихъ гуманистовъ. Именно этою-то послѣднею стороною его дѣятельности и занимается г. Пенго въ своей диссертацин. Онъ представилъ факультету новое изданіе латинской поэмы Петрарки „Africa“, и въ обширномъ предисловіи къ ней излагаетъ обстоятельства, среди которыхъ знаменитый поэтъ задумалъ свой трудъ, содержаніе его, источники, изъ которыхъ онъ былъ заимствованъ, и литературное его значеніе. Текстъ поэмы исправленъ по подлиннымъ рукописямъ. Другое сочиненіе, имѣющее нѣчто общее съ сейчасъ упомянутымъ, это—„Очеркъ латинской поэзи въ Польнѣ“ (Etude sur la poesie latine en Pologne), г. Лаволле, но къ сожалѣнію, оно не отличается такою же полнотою и въ немъ вовсе не находится латинскихъ оригинальныхъ текстовъ. Книга эта представляетъ переработку диссер-

таціи, которую авторъ защищалъ, нѣсколько дѣтъ предъ тѣмъ, въ Парижѣ.

Ужь если рѣчь идетъ о диссертацияхъ, то справедливость требуетъ назвать еще одну изъ нихъ, которая, послѣ блистательной ея защиты, была увѣнчана Французскою академіею, а нынѣ появляется въ новомъ, исправленномъ изданіи. Это — „L'instinct et ses rapports avec la vie et l'intelligence, par H. Joly“. Авторъ изслѣдуетъ въ этомъ трудѣ одинъ изъ самыхъ сложныхъ философскихъ вопросовъ; по направленію своему, онъ принадлежитъ къ философамъ-спиритуалистамъ, сильно ратуетъ противъ теоріи Дарвина и старается доказать, что нѣтъ ничего общаго между животнымъ инстинктомъ и человѣческому волею даже въ не осмысленныхъ ея проявленіяхъ у сумасшедшихъ, идиотовъ, и т. д. Г. Жоли приобрѣлъ уже нѣкоторую извѣстность въ литературѣ, благодаря курсу философіи, составленному имъ для нашихъ лицеевъ.

Между новѣйшими историческими произведеніями особеннымъ успѣхомъ пользуется „Исторія Франціи“ г. Гизо (Histoire de France racontée à mes petits enfants). Нынѣ появился 3-й ея томъ, излагающій событія отъ Франциска I до Генриха IV, то-есть, въ высшей степени любопытную эпоху возрожденія наукъ и искусствъ, реформаціи и религиозныхъ войнъ. Будучи ревностнымъ протестантомъ, г. Гизо не скрываетъ своихъ симпатій къ партіи гугенотовъ и эти симпатіи придаютъ его разказу такое одушевленіе, такую жизнь, которыхъ нельзя было бы, казалось, и ожидать отъ его обычной манеры. Стоитъ, напримеръ, прочесть эпизодъ о гоненіяхъ, которымъ подвергся Беркенъ: весь этотъ разказъ исполненъ высокаго драматизма. Но умѣя искусно изображать событія, авторъ никогда не упускаетъ случая выяснить ихъ смыслъ, — такъ, между прочимъ, исторія Беркена служитъ ему для того, чтобы истолковать отношенія парламентовъ и Сорбонны къ королевской власти. Вотъ что говоритъ о книгѣ знаменитаго автора извѣстный нашъ академикъ г. Легуве: „Поселившись въ деревнѣ, я рѣшился разказать моимъ внукамъ исторію Франціи, но къ какому прибѣгнуть для этого руководству? Прежде всего я остановился на книгѣ г. Гизо, уже по самому ея заглавію, но признаюсь, она возбуждала во мнѣ нѣкоторое недовѣріе. Мнѣ казалось, что высокія качества ума автора, образъ его жизни и политическія сочиненія дѣлали его весьма мало пригоднымъ для роли наставника дѣтей. Припоминая объ увлекательной „Исторіи Шотландіи“ Вальтера-Скотта, я никакъ не могъ предположить, чтобы серьезный и

строгий авторъ „Исторіи цивилизаціи“ могъ преодолѣть предложенную имъ себѣ задачу съ такимъ же успѣхомъ, какъ знаменитый романистъ. Однако, я принялся за чтеніе его труда, и тотчасъ же рушилось мое предубѣжденіе; очарованіе мое было безгранично и я не желалъ лучшаго руководителя при изложеніи исторіи Франціи. Онъ обладаетъ двумя качествами, особенно цѣнными для юношества: умѣнемъ располагать событія, слѣдствіемъ чего является ясность, и умѣнемъ рельефно изображать характеры, что сообщаетъ его разказу движеніе и жизнь“. Изъ этихъ словъ г. Легуве несправедливо было бы заключить, что книга г. Гизо назначена преимущественно для юношескаго возраста,—напротивъ, всякій мыслящій и просвѣщенный человѣкъ найдетъ въ ней обильную для себя пищу. Съ этой стороны, наиболѣе вѣрное о ней сужденіе было произнесено самимъ авторомъ: „Я дорожу, говоритъ онъ (въ письмѣ къ г. Кювилье-Флери, см. *Journ. des Débats* du 26 oct. 1873)“, заглавіемъ моей книги почти столько же, какъ и содержаніемъ. Заглавіе указываетъ на происхожденіе книги, хотя содержаніе не вполне соотвѣтствуетъ ему, ибо оно гораздо шире.... Трудъ мой, дѣйствительно, былъ порожденъ желаніемъ занять разказами моихъ внуковъ, по вышло такъ, что я обращаюсь съ разказомъ къ теперешней Франціи и ея дѣтямъ. Одно изъ величайшихъ нашихъ несчастій состоитъ въ томъ, что мы не знаемъ и не понимаемъ нашего прошедшаго. Я поставилъ себѣ задачей помочь этому злу....“

Сочиненіе г. Гизо украшено многочисленными рисунками, весьма отчетливо сдѣланными и имѣющими важное достоинство уже потому, что они заимствованы изъ современныхъ картинъ (такъ, напримѣръ, Левъ X, Рафаеля, конетабль Бурбонъ, Тиціана и т. д.).

Г. Целлеръ, задумавшій написать исторію Германіи (первыя тома ея уже появились), воспользовался досугомъ, чтобы издать весьма любопытную книгу, подъ заглавіемъ: „Трибуны и революціонныя движенія въ Италіи“ (*Les tribuns et les révolutions en Italie par Zeller*). Содержаніе ея не ново, ибо она составилась изъ статей, которыя печатались въ періодическихъ изданіяхъ. Г. Целлеръ уже давно и съ любовью занимается судьбами итальянскаго народа. Ему принадлежитъ, между прочимъ, „Исторія Италіи“ въ коллекціи г. Дюрюи и особый трудъ подъ заглавіемъ: „Драматическіе эпизоды изъ исторіи Италіи“: это-то послѣднее сочиненіе онъ и перепечаталъ теперь, присоединивъ къ нему нѣсколько новыхъ статей объ Іоаннѣ Прочидѣ и сицилійской вечернѣ, К. Ріенци, Мазаньелло, Арнольдѣ Бресціанскомъ

и т. д. Хотя книга и не отличается слишкомъ ученою обстановкою, но написана она хорошо и читается съ большимъ удовольствіемъ.

Кромѣ того есть еще нѣсколько новостей въ нашей исторической литературѣ: такъ, напримѣръ, новое изданіе *Мемуаровъ С. Симона*, не оставляющее желать ничего лучшаго относительно вѣрности и точности текста; затѣмъ „Исторія торговыхъ и морскихъ переговоровъ Франціи въ XVIII вѣкѣ“, г. Сегюра Дюпейрона (*Histoire des négociations commerciales et maritimes de la France au XVIII siècle*, par Ségur Dupeyron), и наконецъ три тома весьма любопытныхъ документовъ для біографіи королевы Маріи-Антуанеты, изданныхъ гг. Арнетомъ и Жофруа. Я не вдаюсь въ подробности о каждомъ изъ упомянутыхъ мною произведеній, ибо это завлекло бы насъ слишкомъ далеко.

III.

27-го ноября (н. ст.) происходило новое торжество во французской академіи, а именно приѣмъ недавно избраннаго ея члена, г. Вьель-Кастеля. Этотъ почтенный писатель составилъ себѣ извѣстность своею многотомною „Исторією реставраціи“; отвѣтная ему рѣчь прочитана была г. Ксавье-Мармье, авторомъ имѣвшихъ въ свое время нѣкоторый успѣхъ „*Etudes sur les littératures du Nord*“. Ни оба эти оратора, ни тотъ писатель, о которомъ болѣе всего говорили они въ своихъ рѣчахъ (г. Вьель-Кастель поступилъ на мѣсто генерала Филиппа Сегюра), не представляютъ ничего необыкновеннаго. Г. Сегюръ жилъ въ послѣдніе годы въ совершенномъ уединеніи и публика вспомнила о немъ лишь тогда, когда пропелась вѣсть объ его смерти. Сочиненія его также давно забыты, а между тѣмъ они были не лишены въ свое время значительнаго интереса. Важнѣйшимъ изъ нихъ была „Исторія похода 1812 года въ Россію“. Этотъ трудъ считался у насъ классическимъ и имѣлъ громадный успѣхъ; первое его изданіе—въ количествѣ 3.000 экземпляровъ,—было раскуплено въ теченіе одного дня, а за нимъ слѣдовало еще нѣсколько другихъ. Г. Сегюръ написалъ также исторію Россіи до царствованія Петра Великаго, которую едва ли кто станетъ читать въ настоящее время. Послѣдніе годы своей жизни онъ посвятилъ обширному сочиненію въ 8 томахъ, подъ заглавіемъ „*Histoire et mémoires de mon temps*“, которое, согласно выраженной имъ волѣ, появилось въ свѣтъ лишь послѣ его кончины. Въ разказѣ г. Сегюра, простирающемся до февральской революціи 1848 года, особенно интересны тѣ части, кото-

рня относятся къ Наполеоновскимъ войнамъ и къ періоду реставраціи.

Въ настоящее время во французской академіи — три вакантныя мѣста: кандидатами на нихъ являются гг. Тень, профессоръ философіи въ Сорбоннѣ, Каро, профессоръ латинской поэзіи въ Collège de France, Буассье и—Александръ Дюма!

Академія уже обнародовала распредѣленіе тѣхъ премій, которыя будутъ присуждены ею въ 1874 году. Премія по краснорѣчію (éloquence), въ 1500 фр., назначена за похвальное слово Бурдалу; нѣсколько премій, отъ 1.000 до 2.000 фр., будутъ присуждены за сочиненія, наиболѣе полезныя для нравственности; 10.000 фр. (премія Гобера) за лучший трудъ по исторіи Франціи; 3.000 фр. за образцовое произведеніе по изищной литературѣ и такая же сумма за совершеннѣйшій переводъ какого-либо латинскаго или греческаго писателя. Въ наступающемъ году премія, учрежденная г. Тьеромъ для поощренія историческихъ и литературныхъ произведеній, будетъ, въ третій разъ сряду, выдана за самый замѣчательный трудъ по отечественной исторіи, а другая премія (3.000 фр.), основанная г. Гизо, за лучшее сочиненіе, появившееся въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ объ одной изъ важнѣйшихъ эпохъ французской литературы.

Въ послѣдней своей корреспонденціи я уже говорилъ о различныхъ нашихъ ученыхъ обществахъ. Теперь мнѣ остается сказать нѣсколько словъ объ Обществѣ Азіатскомъ, которое занимаетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ среди однородныхъ съ нимъ учреждений. Въ послѣдней книжкѣ издаваемаго имъ журнала напечатанъ весьма подробный отчетъ г. Ренана объ ученыхъ занятіяхъ французскихъ ориенталистовъ въ 1872 и въ первой половинѣ нынѣшняго года; въ томъ же отчетѣ находятся біографическія свѣдѣнія о недавно умершихъ ориенталистахъ—гг. Руже, Станиславѣ Жюльенѣ и Потье. Двое послѣдніе считались у насъ лучшими знатоками Китая, но г. Жюльенъ (профессоръ въ Collège de France) выступилъ на ученое поприще нѣсколько ранѣе, чѣмъ г. Потье, и постоянно питалъ къ нему неприязнь и зависть, причинившія много вреда его товарищу по наукѣ. Г. Ренанъ старается безпристрастно оцѣнить труды обоихъ соперниковъ, но ему не удалось скрыть своихъ симпатій къ Потье. Г. Жюльенъ долго занималъ каюедру китайской литературы въ Collège de France, былъ избранъ членомъ Института и употребилъ всѣ усилія, чтобы загородить туда путь своему противнику. Г. Ренанъ строго порицаетъ его образъ дѣйствій. „Свобода критики“, говоритъ онъ, „есть

одно изъ существенныхъ условій науки; отнюдь не слѣдуетъ стѣснять ее, но вмѣстѣ съ тѣмъ она должна чуждаться всякихъ личностей. Иначе соперничество превратится во вражду и дѣятельность весьма почтеннаго ученаго будетъ затруднена тѣмъ, что двое изъ нихъ, посвящая себя одинаковымъ занятіямъ, вступили въ непріязненное столкновение при самомъ началѣ своего поприща. Если кругъ тѣхъ должностей, которыя доступны ученому, довольно ограниченъ, то предъ нимъ открывается обширное поле общественнаго уваженія и почета, и въ высшей степени неблагоприятно—лишать своего соперника этой награды. Не забудемъ, что организація нашего научнаго преподаванія весьма облегчаетъ подобныя несправедливости. Такъ какъ для самыхъ важныхъ наукъ существуетъ у насъ, не рѣдко, только по одной кафедрѣ и такъ какъ эта кафедра дѣлается вакантною лишь чрезъ тридцать или сорокъ лѣтъ, то и самые достойные люди не могутъ занять ее. Чтобы облегчить имъ средства къ тому, нужно создать какъ можно болѣе подобныхъ центровъ, учредить, наряду съ Collège de France, цѣлый рядъ частныхъ кафедръ, для замѣщенія коихъ преподаватели, на правахъ нѣмецкихъ приватъ-доцентовъ, могли бы соперничать между собою“.

Библіотека г. Потье, которую знатоки цѣнили весьма высоко, была продана на дняхъ и большая часть книгъ и рукописей этого ученаго поступили въ Парижскую національную библіотеку и въ British Museum.

Въ настоящее время находится въ Парижѣ значительное число молодыхъ Японцевъ, пріѣхавшихъ сюда учиться: вообще Японія все болѣе и болѣе сближается съ Франціею. Правительство ея аккуратно доставляетъ въ нашу Школу восточныхъ нарѣчій главнѣйшія учебныя и литературныя произведенія своей страны, а отъ насъ привлекаетъ къ себѣ преподавателей. Такъ, недавно отправился въ Еддо, съ приглашеніемъ участвовать въ комиссіи, которой поручено начертать сводъ мѣстныхъ законовъ, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ профессоровъ Парижскаго юридическаго факультета, г. Буассонадъ. Онъ долженъ пробыть тамъ пять лѣтъ. Г. Буассонадъ много трудился для *Revue de législation ancienne et moderne*, выходящаго подъ редакціею г. Лабуле. Можно надѣяться, что пользуясь своимъ пребываніемъ въ Японіи, онъ соберетъ любопытный матеріалъ для законодательства этой интересной страны.

Л. Л—ръ.

ПРОТОІЕРЕЙ ФЕДОРЪ ФЕДОРОВИЧЪ СИДОНСКІЙ.

(Некрологъ).

6-го декабря 1873 года скончался профессоръ православнаго богословія въ С.-Петербургскомъ университетѣ, протоіерей Федоръ Федоровичъ Сидонскій. Неожиданная смерть пресѣкла жизнь старца, не по лѣтамъ бодрого тѣломъ и духомъ. Еще 3-го числа былъ онъ на лекціяхъ въ университетѣ и хотя жаловался на нѣкоторую боль въ горлѣ, но никому изъ видѣвшихъ его не приходило и въ голову, что дни его изотчены. Болѣзнь (злокачественная жаба) развилась необыкновенно быстро. 6-го числа утромъ Федоръ Федоровичъ былъ еще на ногахъ, пилъ чай, но вдругъ почувствовалъ себя хуже, легъ на диванъ и чрезъ нѣсколько минутъ его не стало. Такъ совершенно неожиданно кончилась жизнь человѣка, много потрудившагося на своемъ вѣку для науки и для церкви и много потерявшаго вслѣдствіе разныхъ случайныхъ обстоятельствъ.

Федоръ Федоровичъ, уроженецъ Тверской губерніи, Новоторжскаго уѣзда, села Архангельскаго, родился въ 1805 году ¹⁾. Изъ семинаріи еще онъ вынесъ основательное, классическо-богословское образованіе и философскую пытливость. Поступивъ въ 1825 году въ С.-Петербургскую академію, онъ съ усердіемъ пользовался ея бібліотекою и еще въ молодыхъ лѣтахъ приобрѣлъ обширную энциклопедическую начитанность. По окончаніи курса въ 1829 году, какъ одинъ изъ лучшихъ магистровъ, онъ былъ оставленъ при академіи сначала бак-

---

¹⁾ Составитель исторической записки о С.-Петербургскомъ университетѣ, Вас. Вас. Григорьевъ просилъ Фед. Фед. Сидонскаго дать ему свидѣнія о преподавателяхъ философіи въ университетѣ за цѣлое 50-лѣтіе. Фед. Фед. исполнилъ просьбу и представилъ весьма любопытную записку, гдѣ, между прочимъ, довольно подробно разказываетъ и о себѣ. Записка вся писана его рукою и изъ нея, главнымъ образомъ, заимствованы приводимые факты.

калавромъ англійскаго языка, а потомъ и философіи. Въ томъ же году онъ былъ рукоположенъ въ священники, въ Казанскій соборъ. Полагая необходимымъ снабдить своихъ слушателей книгою, которая знакомила бы ихъ съ задачами философіи и ея приѣмами, онъ ревностно принялся за обработку своихъ лекцій и плодомъ его трудовъ было „Введеніе въ науку философіи“, явившееся въ 1833 году.

Упомянутая книга была первымъ и самостоятельнымъ трудомъ русскаго ученаго на поприщѣ философіи. Это не есть изложеніе философіи, а только введеніе въ нее. Никакой системы или опредѣленнаго ученія въ ней не излагается, но дается указаніе на разные пути человѣческаго мышленія и возможныя направленія, при разработкѣ философскихъ вопросовъ. Задача, поставленная авторомъ, была рѣшена весьма удовлетворительно. Академія наукъ торжественно признала высокое достоинство труда и, по отзыву извѣстнаго профессора Фишера, Сидонскому была присуждена полная Демидовская премія въ 1836 году.

Изданіе *Энциклопедическаго Словаря*, предпринятое Плюшаромъ, повидимому, открыло нѣкоторый просторъ дѣятельности Федора Федоровича. Ему было поручено завѣдываніе богословскимъ и философскимъ отдѣломъ. Но надежды его не оправдались. Объясняетъ онъ неудачу слѣдующимъ образомъ: „съ одной стороны, порывистость сотрудниковъ по другимъ частямъ, искавшихъ наибольшаго заработка, съ другой стороны, затрудненія цензуры и, наконецъ, домашнія несчастія, смерть жены, заставили Сидонскаго отказаться отъ предпріятія, въ которомъ единственнымъ сотрудникомъ съ ученымъ достоинствомъ былъ о. Павскій“.

Итакъ, Федору Федоровичу пришлось окончательно отказаться отъ учено-общественной дѣятельности. Но домашняя умственная работа все таки не прерывалась. Вънѣшнимъ поводомъ къ ней служили кое-какіе частные уроки, на которые приглашали Федора Федоровича. Такъ имъ написаны въ разное время, и къ сожалѣнію, до сего времени еще остающіеся въ рукописи слѣдующіе богословскіе труды: *Жизнь Спасителя*, *Исторія временъ апостольскихъ*, *Синоптическое обозрѣніе Евангелій* и *Собраніе собственныхъ изреченій Господа Иисуса Христа*; особенно онъ цѣнилъ и, какъ самъ выражается въ запискѣ, „не желалъ бы, чтобъ пропали для потомства четыре труда его, относящіеся къ области богословской“. Первый изъ нихъ есть *Разсужденіе и переводъ 70-ти толковниковъ*, напи-

санный при окончаніи академическаго курса на степень магистра. Второй—*Еврейско-русскій словарь*. Этотъ словарь былъ готовъ гораздо раньше, чѣмъ министерство озаботилось составленіемъ его. Третій—*Новый заветъ на греческомъ и славянскомъ языкахъ*. Работа о Сидонскаго состояла собственно въ томъ, что текстъ разлагался не по стихамъ, а по статьямъ разказа, „что въ апостольскихъ посланіяхъ очень важно для облегченія разумѣнія“. Трудъ этотъ былъ одобренъ академическимъ правленіемъ, но, по инициативѣ авторомъ средствъ къ изданію, былъ представленъ въ распоряженіе духовно-учебнаго управленія—и тамъ остался. Четвертый, по сознанію Федора Федоровича, самый существенный и важный его трудъ—„Таблицы для приблизительнаго (до полутора часовъ) вычисленія поволуній, особенно пасхальныхъ“. „Для опредѣленія сихъ послѣднихъ предпринято было и все дѣло“. Поводомъ послужила разность между православною и армянскою церковію въ празднованіи нѣкоторыхъ церковныхъ праздникова. „Есть астрономически сдѣланныя вычисленія для годовъ рожденія и смерти Христа Спасителя, но для не-астронома нѣтъ таблицъ, посредствомъ коихъ можно было бы находить поволуніе и полнолуніе, какъ пасхальныя, такъ и всякія, что весьма важно для многихъ историческихъ изысканій. Астрономическія обыкновенныя таблицы служатъ къ опредѣленію мѣста солнца и луны въ данный день и часъ, а при нашей задачѣ требуется не мѣсто солнца въ небѣ, а время ихъ извѣстнаго положенія въ небѣ. По этому времени опредѣляется, съ Никейскаго собора, время празднованія Пасхи. Всякій знаетъ, что Юліанскій календарь, основанный на цикловыхъ расчетахъ древняго времени, далеко расходится съ природою. Въ наше время и Григорианскій календарь уже не всегда правильно опредѣляетъ день Пасхи. Отыскать средство, при которомъ время пасхальнаго поволунія опредѣлялось бы на самыя дальнія времена безъ астрономически-тонкихъ (всегда не легкихъ) вычисленій, съ приблизительностію, конечно, по астрономической, но такою, которая рѣдко оставляетъ мѣсто недоумѣнію о времени празднованія,—эту задачу Сидонскій успѣлъ составить (рѣшить?), вычисливъ всѣ возможные положенія луны въ отношеніи земли (или, какъ говорятъ, солнца) съ поправками, какія при такихъ положеніяхъ требуются для опредѣленія болѣе точнаго времени (таблицы Лимберта, хотя старыя, но за недостаткомъ новыхъ и лучшихъ ему послужили прекраснымъ пособіемъ), и это въ особыхъ таблицахъ провелъ онъ отъ древнѣйшаго предположительно года Пасхи (еврейской) до 3000 срока (года)“.

Но кромѣ упомянутыхъ четырехъ, особенно цѣвившихся покойнымъ, былъ еще одинъ богословскій его трудъ: переводъ съ еврейскаго языка притчей. Федоръ Федоровичъ поставилъ для своего перевода задачу: „краткость притчей отгнать сжатостію слога—при кадансѣ рѣчи. Пословицы, какъ извѣстно, во всѣхъ языкахъ тѣмъ и отличаются, что въ новыхъ языкахъ имѣютъ риму; въ древнихъ ея не было, между тѣмъ, параллелизмъ и сжатость фразы, вѣроятно и кадансъ ея, запечатлѣвали ихъ въ памяти. Передать ихъ такъ, чтобъ онѣ могли проложить путь и въ народную бесѣду, — такую задачу предложилъ себѣ Сидонскій“.

Утѣшительно вспомнить, что образованные и ученые люди и общества, сколько могли, свидѣтельствовали покойному свое сочувствіе къ его ученымъ трудамъ, и свое уваженіе къ непоколебимой преданности его наукѣ. Въ 1854 году Императорское археологическое общество избрало его своимъ членомъ корреспондентомъ, а въ 1856 году и дѣйствительнымъ членомъ. Академія наукъ давала ему, отъ времени и до времени, порученія по разбору книгъ, представленныхъ на соисканіе Демидовской преміи.

Съ 1856 года и духовное начальство начинаетъ удостоивать Федора Федоровича разныхъ почетныхъ порученій. Такъ онъ назначается членомъ-экспертомъ секретной комиссіи о религіозномъ дѣтубійствѣ Евреевъ, членомъ комиссіи объ обезпеченіи сельскаго духовенства западныхъ губерній, членомъ С.-Петербургской академической конференціи, принимаетъ участіе въ исправленіи русскаго перевода псалтыря.

Замѣтимъ еще, что въ 1860 году о. Сидонскій былъ избранъ въ члены германскаго національнаго музея, что въ Шюренбергѣ, а въ 1868 году признанъ членомъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ.

За С.-Петербургскимъ университетомъ останется честь, что онъ, лишь только представилась возможность, вспомнилъ о Сидонскомъ и воздалъ дань уваженія его уму и его приверженности къ наукѣ. Мы разумѣемъ здѣсь удостоеніе Федора Федоровича степени доктора философіи и приглашеніе его на кафедру философіи въ университетъ.

Новый университетскій уставъ 1863 года возстановилъ кафедру философіи, которая хотя и полагалась по уставу 1835 года, но за вѣдывавшими распоряженіями была уничтожена и чтеніе логики и психологіи было возложено на преподавателей богословія. Слѣдствіемъ этого было то, что когда пришлось вновь вводить фи-

лософію въ университетъ, въ немъ уже не было никакихъ готовыхъ силъ, которыми можно было бы воспользоваться. Тогда университетъ вспомнилъ, что есть близъ него человѣкъ, много работавшій надъ философіей и уже заявившій себя серьезною ученою работою. Въмѣстѣ съ тѣмъ въ историко-филологическомъ факультетѣ возникла мысль воспользоваться правомъ, даннымъ новымъ уставомъ, въ силу котораго университетъ могъ извѣстныхъ ученыхъ (а такимъ несомнѣнно былъ Сидонскій) прямо возводить на степень доктора. Тогдашній профессоръ Ал. Вас. Никитенко представилъ записку о трудахъ и заслугахъ Федора Федоровича; заключительныя слова ея, писанныя назадъ тому почти 10 лѣтъ (25-го января 1864 года), заслуживаютъ быть приведенными здѣсь. „Не будемъ“, писалъ онъ, „слѣдовать печальнымъ историческимъ примѣрамъ, чтобы признавать заслуги дѣятелей только послѣ ихъ смерти. Университетъ нашъ — ближайшій по мѣсту свидѣтель дѣятельности нашего достопочтеннаго философа; ему первому и подобаетъ подать свой одобрительный голосъ въ честь своего собрата, долго, силою обстоятельствъ, лишеннаго братскаго сочувствія своихъ сподвижниковъ на поприщѣ науки. И я полагаю, что въ моментъ возрожденія въ нашемъ университетѣ философскихъ знаній всего приличнѣе университету же ознаменовать его публичнымъ заявленіемъ своего уваженія къ лицу, которое уже съ честію для нихъ подвизалось“. Эти благородныя слова получаютъ особое значеніе въ виду недавней могилы труженика науки. Совѣтъ университета, въ засѣданіи своемъ 27-го января 1864 года, избралъ его почетнымъ докторомъ философія.

Затѣмъ, въ непродолжительномъ времени, Федоръ Федоровичъ былъ приглашенъ въ университетъ для преподаванія философіи, сначала на два года. По этотъ двухлѣтній срокъ три раза еще возобновлялся по 1873 годъ.

Когда, за выбитіемъ прот. Вас. Петр. Полисадова, сдѣлалась вакантною кафедра богословія, въ средѣ профессоровъ возникла мысль воспользоваться умомъ и богословскими познаніями Федора Федоровича для университета. Ляшь только онъ изъявилъ на то согласіе, успѣхъ какого-либо другаго кандидата сдѣлался не возможенъ и о. Сидонскій былъ почти единогласно избранъ на эту кафедру.

Такимъ образомъ, университетъ воспользовался случаемъ во второй разъ публично заявить свое уваженіе къ уму и знаніямъ покойнаго.

Что же собственно читала ученая корпорація въ Федорѣ Федо-

ровичъ? Она читала то, что составляет главную основу и *raison d'être* университета — науку. Она воздавала дань почтенія этой непоколебимой приверженности къ ней, неистощимому усердію къ умственнымъ занятіямъ, не смотря ни на какія неблагопріятныя обстоятельства. Покойный для многихъ можетъ служить въ этомъ отношеніи примѣромъ. Трудно сказать, чѣмъ онъ не интересовался. Свѣдѣнія его богословскія и философскія — были рѣдкой глубины и рѣдкаго объема. Не имѣя никакихъ излишнихъ средствъ, особенно до вступленія въ университетъ, онъ весьма много тратилъ на приобрѣтеніе книгъ и, какъ усердный приобрѣтатель, былъ извѣстенъ всѣмъ русскимъ и иностраннымъ здѣшнимъ книгопродавцамъ. Имъ составлена огромная библіотека и въ ней есть много рѣдкихъ и дорогихъ вещей. Едва ли у кого изъ частныхъ лицъ существуетъ подобная философская библіотека (неужели она разлетится по рукамъ?) Много ли найдется людей, которые неустанно, почти цѣлое столѣтіе, слѣдятъ за всякими новыми явленіями въ наукѣ и сохраняютъ впечатлительность и интересъ къ нимъ до глубокой старости?

М. Владиславлевъ.

ОТДѢЛЪ
КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ

ЖУРНАЛА

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ФОНЕТИЧЕСКІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

I. Греческая словоначальная группа ПТ.

Παῖρά τοι μαθήριος ἀρχά.

Alcman.

Къ трудно объясняемымъ особенностямъ греческой фонетики отпоситя словоначальная группа πτ тѣхъ словъ, у которыхъ или уже въ самомъ греческомъ языкѣ есть, рядомъ съ употребительными формами безъ τ, также формы и съ τ (πτόλις и πόλις, πτόλεμος и πόλεμος), или въ сродныхъ языкахъ имъ соотвѣтствуютъ формы безъ t (напримѣръ, πτίσω и лат. pī(n)so).

Старая грамматика довольствовалась тѣмъ непонятнымъ объясненіемъ, что на τ въ этихъ словахъ смотрѣла какъ только на опору π. На такое мнѣніе мы не находимъ болѣе подходящаго возраженія, какъ то, что π, на своихъ двухъ ногахъ, стоитъ гораздо крѣпче, чѣмъ τ на одной, и потому вовсе не нуждается въ опорѣ, предлагаемой ему услужливыми филологами. Новѣйшіе языкоиспытатели производятъ этотъ τ отъ звука j, такъ что, на примѣръ, πτόλις и πτόλεμος предполагаютъ формы *πjόλις и *πjоλεμος. Но и это производство очень сомнительно, потому что начальному πτ въ родственныхъ языкахъ соотвѣтствуютъ въ одномъ случаѣ pj, въ другомъ—pī, именно въ корняхъ πτο, въ сравненіи съ славяно-литовскимъ zpju (плевать) и въ πτι(ς), въ сравненіи съ санскритскимъ pīs, латинскимъ pī(n)s (молоть). Но даже и въ этихъ двухъ случаяхъ греческое τ можно объяснять себѣ другимъ образомъ, какъ мы это увидимъ дальне; предполагать же, что и въ другихъ, сюда относящихся словахъ, послѣ π, особенно предъ глухимъ о, вкрался звукъ j, нѣтъ никакого основанія по законамъ греческой фонетики. И такъ, по моему мнѣнію, это предположеніе не имѣетъ никакого преимущества предъ вышеупомянутымъ ученіемъ древнихъ грамматиковъ, ибо, по послѣднему

объясненію, звукъ j такъ же непонятно присоединяется къ звуку π, какъ старая граматика присоединила къ нему звукъ τ.

Кромѣ того, можно еще сомнѣваться въ принимаемомъ переходѣ греческаго j въ τ, исключая, конечно, тѣ случаи, въ которыхъ послѣднее произошло отъ угодобленія звуковъ, напримѣръ, въ μέλιττα изъ *μέλιτjα. Но не распространяясь объ этомъ, я только оспариваю здѣсь ту силу доказательствъ, которую нѣкоторые ученые находятъ въ сопоставленіи словъ греч. χθές и санскр. hjas, потому что совершенно удовлетворительное производство Бенфея, по которому hjas происходитъ отъ сліянія корня увазательнаго мѣстоименія gha съ divas (день)¹⁾ — доказываетъ, что въ греч. χθές сохранился тотъ зубной звукъ, который въ санскр. hjas исчезъ. Всякая попытка объяснить словоначальную группу πτ, имѣющая болѣе прочное основаніе, чѣмъ тѣ „чужездныя теоріи“ („parasitentheorie“), желательна въ наше время; по моему убѣжденію, болѣе прочное основаніе для объясненія этого вопроса представляютъ *метатезисъ* и *синкопа*.

Разсматривая греческія слова, начинающіяся съ πτ, изъ которыхъ для нашей цѣли важны только корни и главныя основы (производныя же отъ нихъ слова, напримѣръ, Πτολεμαῖος отъ πτόλεμος, могутъ быть и опущены), мы находимъ:

I. *Синкопу и обыкновенный греческій метатезисъ* отъ корня πετ (πίπτω и πέτομαι — падать, летать, вообще, скоро двигаться), кромѣ глагольныхъ формъ πίπτω = *πίπετω, πέπτωχα = *πεπέτωχα, πεπτεώς (метатезисъ), ἐπτόμην = *επέτομην, ἔπτην = ἐπέτην, ἐπτάμην — ἐπετάμην, встрѣчаются въ слѣдующихъ словахъ: πτέρον²⁾, πτίλον, πτέροϛ (крыло), πτήμα, πτήσις (летаніе), πτώμα, πτώσις (паденіе), πτήν (летучій). Сл. G. Curtius, Grundzüge der griechischen Etymologie, pag. 190, (II-е изданіе).

Кромѣ того, я полагаю, что отъ этого корня πετ происходитъ и πταίω = *πотаίω (trans. ушибить, уронить; intrans. ушибиться, оплываться, сбиваться). Сл. по формѣ πταίωμαι (летать), а по формѣ и значенію санскр. causativum pātayami и patagami (уронить, выдать, губить). Pātāyana II, 43, 5 pātayitva tu Kai-keyā Paman sthānāt yatheṣtata (когда Кайкеясы, по желанію, бросили Раму съ мѣста);

¹⁾ Что касается смысла этого производства, то оно подходитъ подъ явленіе, называемое филологами «praegnantisismus»; съ нимъ можно сравнить обозначеніе времени въ русск. — вчера, въ литовск. — vakar (вчера), въ нѣм. — morgen (завтра), въ смыслѣ минувшаго и будущаго дня.

²⁾ Πτέρον = *πέτρον соотвѣтствуетъ русск. перо = *петро.

pátayanti tan svargât (сбрасываютъ его съ неба), или въ значеніи средняго глагола *pátayantas vayas* (летающія птицы). Въ греческомъ языкѣ чаще всего встрѣчается средній глаголь, напримѣръ: *πρὸς κέντρα μὴ λάχτιζα, μὴ πταίσας μοῦνης* (не иди противъ рожна, чтобы, ушибшись, ты не пострадалъ. Aeschylus, Agamemnon, 1624), или *πταίειν τῆς ἐλπίδος* (ошибаться въ надеждахъ). Дѣйствительный же глаголь: Ἀρχὴ μεγάλας ἀρετᾶς, ὤνασσα Ἀλάθεια, μὴ πταίστης ἐμὴν σύνθεσιν τραχεῖ ποτὶ ψέουσι (Pindar fragm. 118, по изданію Диссена: начало великой добродѣтели, царица Истина, не урони (значеніи) моихъ словъ въ столкновеніи со строптивой ложью), или *τὰ πταισθέντα ἐπανορθοῦν* (исправить ошибки). Слич. Fick, Vergleichendes Wörterbuch der indogerm. Sprachen 2-te Aufl., pag. 114 s. v. *pat*, гдѣ относительно *птаіω* приведено то же мнѣніе.

Паіω (бить) потеряло свой *τ*, если оно дѣйствительно одного корня съ *птаіω*, что, однакожь, невѣроятно, потому что эти глаголы имѣютъ различное значеніе.

Въ отвлеченномъ значеніи къ этой основѣ **птаја-* или **птојω-* отъ корня *пет*, съ синкопой примыкаютъ слова *птоіа*, *птоа*, *птоέω* и производныя отъ нихъ, которыя всѣ означаютъ испугъ или вообще сильное движеніе души. Сюда относится имя собственное *Πτοιδῶρος* (даръ страха или наводящій на пась страхъ). Отъ той же самой темы произошло прозваніе Аполлона „*Πτῶος*“ = *Πτῶος (погубляющій, страшный Богъ). Ср. Гом. Ил., I, 43, сл. и прекрасную статью Welker Myth., I, 170. Гора же въ Бэотіи *Πτῶον* названа или отъ нахожденияся на ней храма Аполлона, или по причинѣ ея крутизны.

Другія производныя отъ темы *пата корня *пет*, со смикченнымъ изъ *ха-* суффиксомъ *γσ-*, мы встрѣчаемъ въ словахъ *πάταγος*, *πάταγέω* и т. д., которыхъ первоначальное значеніе „ударъ, ударить“ перешло впоследствии въ значеніе шума, происходящаго при ударѣ. Суффиксъ *ха*, съ опущеніемъ *α*, мы узнаемъ еще изъ глагола *πάτασσειν* = *патахсеин (бить, стучать), куда относится и Ил., VII, 216 Ἐχτορι τ' αὐτῷ θυμὸς ἐνὶ στήθεσσι πάτασσειν, между тѣмъ, какъ тема *птах-* съ синкопой означаетъ отвлеченныя понятія страха, испуга. Сюда относятся *пта́ξ* (робкій заяцъ), *пта́хаδς* (робко), *πτήσσειν* (trans. наводитъ страхъ, intrans. бояться), *πτωχός* (близкий нищій) и т. д. Одно только паденіе выражаетъ эта производная тема въ словѣ *πτεχάς* (Photion) = *ψεχάς* (Hesychius) капля.

Наконецъ, я вижу корень *пет* и въ глаголѣ *πτύρειν* = *петорейн (страшить), *πτωρήναι* (страшиться), какъ и указываетъ на то *πίτυ-*

λος = *петурос (ударъ весломъ), слово, употребляемое тоже въ переносномъ смыслѣ: *πίτυλος μανίας*, *πίτυλος φόβου* и т. д.

При помощи синкопы отъ глагольной основы *πετα-* (*πετασ-*) въ словахъ *πετάννουμι*, *πέπταμαι* (расширять) объясняются *πτα-κάλα* и *πτανάχα* (рогожа, коверъ); а отъ *пет*, посредствомъ метатезиса, объясняются *πετέλα* (вязъ) и *πέτε-λας* (кабанъ), если только мы сравнимъ *πέτ-αλος*, *πέτ-ηλος* (расширенный, въ отношеніи же къ животнымъ *взрослый*, какъ *πεταλίσ*—*взрослая свинья*).

Такъ какъ первоначальная форма этого корня (ср. санскр. *span*, лат. *spatium*, греч. *σπίταμή*, нѣм. *spannen* съ лат. *pando*, *passus*, *patio* и греч. *πετάννουμι*) имѣла, по всей вѣроятности, впереди звукъ *s*, то *πέτελας* одного корня съ нѣм. *span* въ словѣ *span-ferkel*.

Число приведенныхъ нами и легко объяснимыхъ, при помощи синкопы и метатезиса, словъ (въ словарѣ Папе ихъ, вѣсть съ произведенными, болѣе полутора) такъ значительно, что опытъ такимъ же образомъ объяснить и остальные 9 словъ (*πτῶω*, *πτίσσω*, *πτυχή*, *πτύσσω*, *πταίρω*, *πτόρθος*, *πτέρνα*, *πτόλις* и *πτόλεμος*) долженъ казаться не слишкомъ смѣлымъ.

О словахъ, соответствующихъ въ другихъ языкахъ греческому *πτῶω*, говорить Курціусъ ((*Grundz. d. griech. etym.*, 257), гдѣ тоже приведены производныя слова отъ *πτῶω* (плевать). Я согласенъ съ сравненіями Курціуса, но, основываясь на формахъ *ψύττω* и *πυτίζω*, принимаю первоначальный греческій корень *σπυτ-*, который произошелъ отъ общаго корня *srju*, потерявъ при этомъ *j* и получивъ конечное *t*. О такихъ производныхъ корняхъ говорить Курціусъ (*ibid.* 61 и слѣд). Съ перестановкою звуковъ (слич. *ψάλις*, *ψέλιον* съ *σπάλις*, *σπέλιον* (браслетъ) или *ψήν* съ *σφήξ*, лат. *vespa* (оса)) съ одной стороны изъ *σπυτ сдѣлалось *ψυτ* въ словѣ *ψύττω* = *ψύττω, съ другой—*σπυт*, потерявъ *σ*, переставилось въ *πτο*, при чемъ съ такою же потерей остался первоначальный рядъ звуковъ въ *πυτίζω* и, можетъ быть, въ лат. *pituita*. Сохранившася въ *ψύττω* сигма была причиною придыханія въ дорическомъ *ἐπιφθύσσω*. Только такимъ образомъ можно легко объяснить происхождение греческихъ формъ этого корня въ согласіи съ другими языками. Но можетъ быть *πτῶω*, какъ очень вѣроятно и *πταίρω*, и сравнимый съ нимъ лат. *sternuo*, принадлежать къ звукоподражательнымъ словамъ, не столь яснымъ для насъ, такъ какъ каждый народъ передѣлываетъ ихъ болѣе или менѣе по своему вкусу (слич. нѣмецкое междометіе *pfui* съ русск. тѣфу, франц. *fi* и англ. *fy*). Звукоподражательнымъ словомъ, происходящимъ, можетъ

быть, отъ πτόω, я считаю πτόϋξ (какая-то водяная птица). Отъ корня πτο-, уже установившагося, произошло πτό-ον (аттич. πτέον) вѣило.

Труднѣе объясняется отношеніе греч. πτίσσω = *πτίσσω (лущить, молотъ) и производныхъ отъ него (напримѣръ, πτίσμος) къ лат. pinso, piso и санскр. корню pis (молотъ). Мнѣ кажется, первоначальная форма этого корня была pits, производная изъ pat (слич. санскр. pits (desiderativform); Ворг, Kritische Grammatik d. Sanskrita Sprache, 341), въ другихъ языкахъ, уподобившихъ t слѣдующему s, t потеряна, а въ греческомъ произошла перестановка τ. Какъ бы то ни было, но въ греч. πτί-орон (отруби), не отдѣлимомъ отъ нашего глагола, является τ, не принадлежащее къ суффиксу, чѣмъ и доказывается возможность перестановки ¹⁾.

Читатели, можетъ быть, воображаютъ, что, для объясненія остальныхъ словъ, начинающихся съ πτ, я нуждаюсь въ известной этимологическому міру „упругости“ Дедерлейна. Впрочемъ, необходимымъ, при подобныхъ случаяхъ, скачкамъ училъ меня самъ греческій и родственные съ нимъ языки, а не этотъ ученый.

Толкованіе корня πат и другихъ разсмотрѣнныхъ корней доказало, я надѣюсь, ясно стремленіе греческаго языка къ метатезису τ и къ синкопѣ короткой гласной между π и τ,—стремленіе, главную причину котораго мы находимъ въ сокращеніи многосложныхъ словъ, объясняемомъ физическими законами.

Какую роль играютъ въ языкахъ метатезисъ и синкопа, это ожидаетъ еще научнаго изслѣдованія, и я увѣренъ, что точное сравнительное обсужденіе этого вопроса приведетъ къ блистательнымъ результатамъ. Особенно обширный матеріалъ для разрѣшенія этихъ вопросовъ скрывается, по моему мнѣнію, въ славянскихъ языкахъ, изъ которыхъ поэтому я и не считаю лишнимъ выписать здѣсь нѣкоторые слова.

Для синкопы, поприще которой въ ново-славянскихъ языкахъ, какъ известно, очень велико (въ церковно-славянскомъ языкѣ вмѣсто ея встрѣчаются еще очень часто з и ѣ), довольно будетъ указать на славянскую перемѣну корня пет — (похожую на занимающую насъ греческую перемѣну того же корня) въ словахъ птица, птаха и т. д., на „тванъ“ въ сравненіи съ τέχνη и на „лгать“ въ сравненіи съ нѣм. lügen.

¹⁾ Впрочемъ, корень πт отъ πτίорон сохранился въ Hesiod. scut., 291; «ἰκτιρον ἄλωψ», гдѣ очень не ясно производятъ ἰκτιρον отъ πτίωμι, что Гетлингъ переводитъ: праεραγαβανт агеаш. По моему мнѣнію, это мѣсто значить: утаптывали тогъ,

Перестановки звуковъ являются въ слав. языкахъ въ разныхъ комбинаціяхъ:

1) Звуки гласные и слѣдующіе за ними согласные мѣняютъ свои мѣста, наприимѣръ, санскр. аштап —, лит. актеи — (им. пад. актѣ), греч. ἀκρον — (наковальня, а также Уранъ, богъ неба) сравнительно со слав. камен — камни — и нѣм. himin — (небо) ¹⁾ (Fick. Vergl. Wörterbuch; 2) лат. агса, цер.-слав. рака; цер.-слав. лакати, русск. алкать (впрочемъ лакомить и нѣм. lecken); лат. агтус, нѣм. агт, цер.-слав. рама; санскр. агуа, русск. рай; греч. ἀλφάνω, нѣм. arbeit, санскр. rbhu — (искусный, художникъ), слав. рабъ, работа, лат. labor, лит. loba (работа) и проч.

2) Два слѣдующіе согласные звука мѣняютъ свои мѣста, наприимѣръ: жмурить и жмурить (цер.-слав. корень мн); надобиться и снабдиться, которыя происходятъ, послѣднее, съ синкопой, отъ цер.-славян. доба; долбить и дебрь сравнительно съ цер.-слав. доупль; болгар. гагван и гавган, греч. γέρΓανο-ς (журавль); цер.-слав. лѣжница ново-слав. лѣса (ложка); мѣстное русск. сви вмѣсто всѣ и проч.

3) Согласные звуки, раздѣленные другъ отъ друга гласною, мѣняютъ свои мѣста, наприимѣръ, долонь (цер.-слав. длань) и ладонь; церк.-слав. могыла и гомыла; монастырь и малорусск. намастырь; мѣстное суворый вмѣсто суровый, или бережая вмѣсто жеребая (кобыла); лит. balandes, польск. łabędź, цер.-слав. и русск. лебедь; лит. balanda и русск. лебеда. Ср. мою статью въ Kuhn's Zeitschrift für vergl. Sprachforschung XX, 444.

¹⁾ На основаніи перестановки этого корня изъ ак въ ка, принятой всеми учеными, и слав. конь въ древнѣйшей его формѣ «комонь» подходитъ подъ индо-европейское слово *ак-ва-в. Суфиксъ тап- (мони-мени-) представляетъ обыкновенное славянское соединеніе суфиксовъ тап- і- въ словахъ, гдѣ въ большинствѣ сродныхъ языковъ является только тап- (какъ мы видѣли это въ основѣ санскр. ак-тап въ сравненіи съ слав. камни-), а что суфиксы тап-, вап-, па-, ва-, находятся по крайней мѣрѣ въ самомъ близкомъ родствѣ между собою, — это уже извѣстно. (См. Leo Meyer's Vergleichende Grammatik der griech. u. lat. Sprache II, 261). И такъ я убѣжденъ, что слав. конь, то-есть, комонь есть первыи представитель индо-европ. ак-ва-в, санскр. асва, греч. ἵκκος ἵκκος, лат. equus, древне-нѣмец. ehu, лит. асвѣ, а по своей формѣ совершенно соответствуетъ названному греч. ἀκρον (основа ἀκρον-), которое встрѣчается тоже въ значеніи «родъ волковъ». Такъ какъ въ нѣм. языкѣ мы тоже нашли перестановку корня ак на ка, въ готск. словѣ himin-в (сравни нѣм. hammer, древне-нѣм. hamar), то родство словъ «конь» и «hengst» вѣроятно. Впрочемъ, точное объясненіе этого корня я предоставляю другимъ.

4) Изъ втораго слога берется звукъ въ первый и наоборотъ: каблучокъ и клбучокъ; глина и—мѣстное—гнила; цер.-слав. сѣньмъ (сеймъ, отъ корня нм и предл. сл) въ сравненіи съ новосл. смеjn, semen и senjet; трезвый, а малорусск. тверезый; вѣроятно и чаграва и качарка, при чемъ дѣйствовала, такъ называемая, пародная этимологія (Volksetymologie), къ каковой перестановкѣ и искаженію слова послужило поводомъ качающеяся летаніе этой птицы, какъ на перестановку отъ жеребая на бережая вліялъ глаголь беречь. Таковую же этимологію я вижу наконецъ въ перестановкѣ сложнаго слова медвѣдъ на вѣдмедь, малорусск. вѣдмідь. Народъ, кажется, уже не чувствуетъ больше во второй части этого слова присутствіе глагола ѣсть, а видя въ ней только глаголь вѣдать, отвѣдать, какъ будто игралъ языкомъ, хочеть этою перестановкою яснѣе представить себѣ пресловутую прихоть Мишки.

Но возвратимся къ греческому языку. И въ немъ уже замѣчены такія же перестановки, какія мы только что видѣли въ славянскомъ; а именно:

II. *Метатезисы, посредствомъ которыхъ звукъ втораго слога является въ первомъ и наоборотъ*, напримѣръ: род. пад. πικν-ός (основа πικν-), а им. пад. πνύξ (мѣсто собранія въ Афинахъ); κόχλος (сравн. κογχύλη санскр. caṅkhas) и κόλχος (раковина); санскр. caṅkaṅā, лат. calkulus, а греч. κάχληξ камушекъ; κέχληρη и κέρχληη (соколы); κερχένη и κερχρίνη (просяная каша); σκούραξ и σκούραξ (юноша); σπεκλοῦν и σπλεκοῦν (обеременишь), (вѣроятно корень санскр. sparṣ, лат. spargere). Ср. Leo Meyer's Vergleichende Grammatik der griech. u. lat. Sprache I, 270. Важны также діалектическія формы βρίγχα вмѣсто μικρά (мало), βρούχτος вмѣсто βάτραχος (лягушка), δρίφος вмѣсто δίφρος (колесница), ἀργεῖτε вмѣсто ἀγρεῖτε (возьмитесь, ну-ка!), Ἄρτεμις вмѣсто Ἄρτεμις и другія, о которыхъ подробно говоритъ Сигизмундъ въ Curtius Studien zur griech. u. lat. Grammatik V, 213 ¹⁾). Почти во всѣхъ этихъ примѣрахъ мы ясно замѣчаемъ стремленіе греческаго языка—облегчить себѣ трудное произношеніе нѣкоторыхъ рядомъ стоящихъ звуковъ тѣмъ, что тяжелыя группы звуковъ передвигаются поближе къ началу слова, гдѣ не уставшій еще голосъ легче справляется съ ними, чѣмъ въ срединѣ или въ концѣ слова.

¹⁾ Etymologicum magnum имѣетъ дорическое σπεργός вмѣсто πρεσγός=πρεσβός (старый).—Подобныя перестановки очень часты въ ново-греческомъ языкѣ, напримѣръ, χούφθα=φούχθα=ποχτή (πογμή), γρονίζω=γρωρίζω, ἀρμέγω=ἀμέλω и т. д. Сл. Chalk. Curtius Studien V, 365.

Подобныя же перестановки, очевидно происходящія со звуками ν , ρ , λ , нужно допустить и въ отношеніи звука τ , и тогда производство еще необъясненныхъ словъ, начинающихся съ $\pi\tau$, окажется легкимъ и понятнымъ. Что именно у τ , особенно въ сосѣдствѣ съ π , есть такая склонность къ метатезису, этого, на основаніи предыдущихъ толкованій, никто не будетъ отрицать.

Убѣдительно все покажется этотъ метатезисъ въ словахъ $\pi\tau\omega\chi\eta$ (складка; у Гомера только основа $\pi\tau\omega\chi$ -), $\pi\tau\acute{o}\sigma\sigma\epsilon\upsilon\upsilon$ (складывать) и въ другихъ, отъ нихъ производныхъ. Основа $\pi\tau\omega\chi$ -, въ которой χ произошло отъ κ (какъ это сдѣлалось, напримѣръ, съ $\delta\epsilon\chi\alpha\theta\alpha\iota$ въ сопоставленіи съ $\delta\epsilon\kappa\acute{\alpha}\zeta\epsilon\upsilon\upsilon$; Curtius Grundz. 445), переставилась, по моему убѣжденію, изъ * $\pi\omega\chi\tau$ -. Основа же $\pi\omega\chi\tau$ - (сравн. ново-греч. $\phi\acute{o}\upsilon\chi\theta\alpha$ = * $\pi\omega\chi\tau\eta$) произошла отъ того же корня $\pi\omega\chi$, который съ приставкою ν , указывающею на суффиксъ $\nu\alpha$ -, мы уже видѣли въ словѣ $\pi\nu\acute{o}\xi$, род. $\pi\omega\chi\acute{o}\varsigma$, и испытала съ своимъ суффиксомъ τ - метатезисъ, совершенно сходный съ $\pi\omega\chi\nu$ -. Сравн. Курціусъ *ibid* 258 ¹⁾ и 438.

¹⁾ Толкованіе Курціуса объ этомъ корнѣ, l. c. 258, я ни въ чемъ не оспариваю, за исключеніемъ развѣ того, что $\pi\acute{o}\xi$ представляетъ намъ дательный падежъ мн. числа. По моему мнѣнію, нарѣчія, какъ $\pi\acute{o}\xi$ (слова руку въ кулакъ, стуча) $\acute{\alpha}\lambda\lambda\acute{\alpha}\xi$, $\acute{\iota}\pi\lambda\lambda\acute{\alpha}\xi$, $\acute{\epsilon}\nu\alpha\lambda\lambda\acute{\alpha}\xi$, $\pi\alpha\rho\alpha\lambda\lambda\acute{\alpha}\xi$ (смѣняясь по очереди), $\acute{\epsilon}\pi\iota\tau\acute{\alpha}\xi$ (связывая, по порядку), $\acute{\epsilon}\pi\iota\mu\acute{\iota}\xi$ (смѣшивая), $\acute{\epsilon}\pi\iota\beta\lambda\acute{o}\xi$ (притекая) и пр. суть *окаменѣлыя* и искаженныя причастія, сходныя съ русскимъ дѣепричастіемъ и литовскимъ герундіумомъ (Schleicher, *Litauische Grammatik* 320), хотя нѣкоторые на ξ , какъ $\pi\rho\nu\acute{o}\xi$, требуютъ другаго объясненія, если только онѣ не образовались по аналогіи съ первыми. Большинство на ξ исказилось изъ слабого окончанія первоначальнаго причастія на at , такъ что, напримѣръ, $\pi\acute{o}\xi$ произошло отъ $\pi\omega\chi\tau$ -, а это съ синкопой отъ * $\pi\omega\chi\alpha\tau$ -.; отъ послѣдняго * $\pi\acute{o}\chi\alpha\tau$ - производится глаголъ $\pi\omega\chi\acute{\alpha}\zeta\omega$ = * $\pi\omega\chi\acute{\alpha}\zeta\eta\omega$ = * $\pi\omega\chi\acute{\alpha}\tau\zeta\omega$, а изъ принятой формы * $\pi\omega\chi\tau$ -, съ перестановкой τ , образовался кипрскій глаголъ $\acute{\epsilon}\pi\tau\acute{o}\chi\alpha\sigma\epsilon\upsilon\upsilon$ съ страннымъ измѣненіемъ o на ω . Тоже самое * $\pi\omega\chi\alpha\tau$ - я вижу и въ нарѣчій $\pi\acute{o}\chi\alpha$ (густо), въ которомъ отпало только τ , какъ это обыкновенно бываетъ въ концѣ греческихъ словъ ($\sigma\acute{\omega}\mu\alpha$ = * $\sigma\omega\mu\alpha\tau$ -.). А такъ какъ, съ другой стороны, конечное t переходитъ въ v (напримѣръ, въ словѣ $\omega\acute{\upsilon}\varsigma$ = $\acute{\alpha}\Gamma\alpha\tau$ - или въ причастіи *perf. act.* $\lambda\epsilon\lambda\omega\chi\acute{o}\varsigma$ = $\lambda\epsilon\lambda\omega\chi\phi\acute{o}\tau$ -), то намъ кажется, что такія же причастія сохранились въ нарѣчіяхъ, какъ напримѣръ, $\acute{\epsilon}\nu\tau\omega\pi\acute{\alpha}\varsigma$ (узко окутывался), $\acute{\alpha}\tau\rho\epsilon\mu\acute{\alpha}\varsigma$ ($\acute{\alpha}\tau\rho\epsilon\mu\alpha$ предъ согласной), а потомъ $\acute{\alpha}\tau\rho\epsilon\mu\acute{\iota}\varsigma$ (не боясь), $\delta\iota\alpha\mu\text{-}\pi\epsilon\rho\acute{\iota}\varsigma$ (проникая, совершенно, постоянно) $\acute{\alpha}\text{-}\sigma\pi\epsilon\rho\chi\acute{\iota}\varsigma$ (очень спѣша) и т. д. Какимъ образомъ причастіе и въ греч. языкѣ (не говоря о славянскомъ, гдѣ оно въ формѣ дѣепричастія является даже какъ союзъ, напримѣръ, «хотя»), переходить въ несклоняемое нарѣчіе, мы замѣчаемъ ясно въ гомеровскомъ $\acute{\alpha}\chi\acute{\iota}\omega\nu$, отъ котораго еще встрѣчаются формы $\acute{\alpha}\chi\acute{\iota}\omega\upsilon\sigma\alpha$ и $\acute{\alpha}\chi\acute{\iota}\omega\upsilon\sigma\iota$. 'Аχίωv, по моему мнѣнію, представляетъ сильную форму причастія, котораго слабая форма

Πτόρθος (отпрыскъ, потомокъ) происходитъ, по моему мнѣнію, отъ корня пор (Курциусъ *ibid.*, 254), а именно отъ порти-, основы слова πόρτι-ς (молодое животное), существующаго параллельно съ πόρτι-ς. Изъ *πόρτι-τος сдѣлалось πτόρτιος, а потомъ съ синкопой (сравн. πο-κινός и ποκ-υός) и съ аспираціей τ, по причинѣ слѣдующаго ρ, вышло πτόρθος. Сл. санскр. prthukas, prathukas (молодое животное), παρθένος (дѣвица) парень, цер.-слав. прѣтъ (пруть), готское frasts = *frat-tis (дитя).

На корень srag, какъ на индо-европейскій, въ значеніи „ударить, лягаться, пускать побѣги“, тождественный съ предыдущимъ (сл. только нѣм. ausschlagen, употребляемый и о лошадяхъ, и о деревьяхъ), указываетъ Кунъ (*Zeitschrift* III, 324). Съ его сравненіями, къ которымъ я и самъ могу присоединить нѣкоторыя, я совершенно согласенъ; но не согласенъ я съ нимъ въ томъ отношеніи, что производное отъ этого корня греч. слово πτέρνα (пита)- (въ которомъ онь, впрочемъ, происхожденія звука τ и не объяснеть), потеряло въ срединѣ ъ. Я принимаю, что πτέρνα образовалось при помощи синкопы изъ *перет-ва *перт-ва, а затѣмъ и πτέρва, между тѣмъ какъ санскр. pāṅṅi, готск. fairgna, цер.-слав. плесна сократились изъ *pa-gaṅṅi, *fairgagna, *пелесна, при чемъ нужно замѣтить, что согласно съ Ауфрехтомъ (*Kuhn Zeitschr.* VIII, 72), звукъ τ (δ), по сравненію съ s въ родственныхъ языкахъ, я считаю болѣе древнимъ.

Корень srag, уже до раздѣленія первоначальнаго индо-европейскаго языка на его разныя отрасли, распался на корни съ начальнымъ s и безъ s. Это доказываютъ: санскр. sphar (ударить) или усиленный посредствомъ dh (вѣроятно, корень dha) sphardh (сражаться), sphrdh (сраженіе) сравнительно съ prt (сраженіе); лит. spir-ti и sphrd-yti (лягаться) сравнительно съ perti (ударить) и papart-is (папоротникъ); русск. споръ (?) сравнительно съ пороть, портить, папоротникъ, пруть, парень, плюсна и съ соотвѣствующими имъ въ другихъ славянскихъ языкахъ словами; греч. σπαίρω, ἀσπαίρω (барахтаться), σφύρον (плюсна), σφύρα (молотокъ¹), рядомъ съ соотвѣт-

¹ ἀκροτ- служитъ основою для глагола ἀκούω=ἀκροαζω. (Сравн. ἤκουσαι, ἤκουσθη, ἀκουστός и т. д.).

Что предполагаемая форма *пхт- тождественна съ πύξ, я заключаю еще и изъ глагола λακτίσειν, производнаго очевидно отъ нарѣчія λάξ=*лахт (стуча ногою).

¹) Съ звукомъ λ, измѣненнымъ изъ ρ (слич. далѣ πόλεμος и pello) и съ обыкновеннымъ метатезисомъ, я усматриваю корень спар (скал) тоже во вто-

ствующимъ санскритскому *spardh* глаголомъ *пёрѡ* и переставленнымъ и производнымъ *φείρω* = *перѡ, и потомъ *пёр-и*, *пёрти*, *пёрѡс*, *пёрѡс*, *пёрѡс*, *пёрѡс* (хищная птица), *пёрѡс* папоротникъ¹⁾; лат. *spurius* (побочное дитя) сравнительно съ *pellere* (ударить, бить) и, можетъ быть, *pullus* (молодое животное); наконецъ нѣмец. *srog*, *srogn* (шпора, коготь), *sross* (отпрыскъ), *spreteln* и *sperkeln* (сравн. *σπαράσσειν* = *σπαράξειν, барахтаться) сравнительно съ готск. *faizna*, нѣм. *ferse*, готск. *frasts*, нѣм. *fürse* (молодой скотъ), *fagge* (папоротникъ).

Греческое слово *пёрѡ* (окорокъ) есть то же, что и *пёрѡс*, которое въ этомъ значеніи еще употреблено въ „*Vatrochom.* 37“. Впрочемъ, слѣдуетъ здѣсь замѣтить, что вездѣ, гдѣ слова, начинающіяся съ *π*, чередуются съ словами безъ *τ*, я не принимаю просто опущенія *τ*, но вижу въ нихъ слова, произведенныя или прямо отъ корня, или отъ корня съ прибавленіемъ *τ*.

Прежде мы считали санскр. *prāṣṇi* произшедшимъ отъ *prāṣṇi, и *τ* производнаго *перет-ва = *пёрѡс* древнѣе, чѣмъ *ṣ* въ словѣ *prāṣṇi* или *ṣ* въ плесна. Доказательствомъ этого предположенія мнѣ служить и ведская основа *prt-*, являющаяся только въ мѣстныхъ падежахъ *prtsu*, и въ трудно объясняемомъ *prtsuṣi*, а также и въ словахъ производныхъ отсюда, какъ, напримѣръ, *prtanā* (сраженіе) *prtanau* (сражаться). *Prt*, безъ сомнѣнія, исказилось изъ **pragat-*, которое представляетъ намъ ту основу, отъ которой съ суффиксомъ *va* образовалось предполагаемое нами *перет-ва = *пёрѡс*. Кромѣ того, вѣроятно, въ близкой связи съ этою основой и церк.-слав. *прѣтъ* = **pr(a)gantas*, такъ какъ *pragat* ничто иное, какъ слабая форма причастія, сильная форма котораго должна быть *pragant-*²⁾. Затѣмъ, эту основу *prt* = *pragat я отождествляю съ *πτολ-* = *полт-* въ словѣ *πτόλεμος*, которое образовалось отъ *полт, *πτολ* съ суффиксомъ *μο-*

рой части сложнаго слова *θα—πλήτ-ις* (*Ἐρίνως*), что значить (*θα=διά*) «очень мучающая, бьющая».

¹⁾ Литовское *parartis* и русск. папоротникъ (оба съ удвоеніемъ какъ лат. *paravet* (макъ) или греч. *πασάλη* (мука)) имѣютъ тоже *t* и свидѣтельствуютъ такимъ образомъ въ пользу тождественности *пёрѡс* = *пертис, а равно и въ пользу нашего мнѣнія вообще.

²⁾ Кто не признаетъ въ этихъ словахъ *t* звукомъ *t* древняго причастія, тотъ можетъ видѣть въ немъ суффиксъ *ti*, *t*, или наконецъ такъ-называемый «*Wurzeldeterminativ*». Последнее предположеніе даже выгоднѣе въ томъ отношеніи, что тогда мы не нуждаемся въ сиклопѣ въ словѣ *пёрѡс* = **пер(ε)тва*.

совершенно такъ, какъ $\rho\tau\alpha\pi\acute{\alpha}$ съ суффиксомъ на- отъ $\rho\tau\acute{\iota}$. Звукъ ρ , который въ словѣ $\pi\acute{\omicron}\lambda\epsilon\mu\omicron\varsigma$ перешелъ въ λ , по моему убѣжденію, сохраняется еще и въ имени собственномъ $\Pi\tau\epsilon\rho\acute{\epsilon}\lambda\alpha\omicron\varsigma$, означающемъ „бичь народа“ или побѣдитель народа. $\Pi\acute{\omicron}\lambda\epsilon\mu\omicron\varsigma$ же, безъ τ , образовалось отъ чистаго корня — (s) $\rho\alpha\gamma$ $\pi\omicron\lambda$ -.

Наконецъ, намъ еще остались основы $\pi\tau\omicron\lambda\iota$ - и $\pi\omicron\lambda\iota$ -, тождество которыхъ съ санскр. $\rho\acute{a}\tilde{g}\acute{i}$ - лат. $\rho\acute{i}\tilde{l}\iota$ - (корень $\rho\alpha\gamma$, быть полнымъ) не подлежитъ никакому сомнѣнію. Но если сравнить $\pi\tau\omicron\lambda\iota$ - съ санскр. $\rho\acute{a}\tilde{g}\acute{i}$ - (въпрочемъ, встрѣчающимся только въ значеніи полноты) и если обратить вниманіе на мѣняющіяся формы $\pi\omicron\lambda\iota$ и $\pi\omicron\lambda\iota$ -, или на вторыя части сложныхъ словъ $\pi\omicron\lambda\omicron\mu\acute{\iota}\gamma\iota\alpha$ и $\pi\omicron\lambda\omicron\mu\acute{\iota}\xi\iota\alpha$, $\acute{\alpha}\tau\tilde{\rho}\iota\phi\iota\alpha$ и $\acute{\alpha}\tau\tilde{\rho}\iota\phi\iota\alpha$, $\pi\alpha\rho\alpha\pi\lambda\eta\gamma\acute{\iota}\alpha$ и $\pi\alpha\rho\alpha\pi\lambda\eta\zeta\iota\alpha$ и т. д., происшедшія частію отъ чистаго корня съ суффиксомъ $\tilde{j}\alpha$, а частію отъ корня съ суффиксами $\tilde{t}\iota$ -а, то мы имѣемъ основаніе и $\pi\tau\omicron\lambda\iota$ - произвести съ принимаемою перестановкою отъ $\pi\omicron\lambda\iota$ -, тогда какъ $\pi\omicron\lambda\iota$ - образовалось прямо уже отъ корня.

Итакъ, мы подвели подъ метатезисъ и синкопу происхожденіе всѣхъ τ въ словоначальной группѣ $\pi\tau$, кромѣ звукоподражательнаго $\pi\tau\acute{\alpha}\iota\rho\omega$, и я убѣжденъ, что никто не можетъ отрицать, по крайней мѣрѣ, возможности моихъ положеній. Да и вообще наши труды по сравнительной грамматикѣ довольно часто приводятъ насъ только къ доказательству возможности факта, а не къ самому факту. А если такъ, то данное мною объясненіе возможно будетъ и для нѣкоторыхъ $\pi\tau$ въ срединѣ словъ, затрудняющихъ изыскателей въ этой области языкознанія. Итакъ, я нахожу возможнымъ объяснить тоже синконой $\pi\tau$ въ основѣ настоящаго времени многихъ греческихъ глаголовъ, о которыхъ Курціусъ говоритъ *ibid.*, 604. Такъ, $\tau\acute{o}\pi\tau\omega$ произошло отъ * $\tau\omicron\lambda\epsilon\tau$ - ω и указываетъ на древнюю тему * $\tau\omicron\lambda\epsilon\tau$ -, которую я считаю искаженною формою причастія (сравни данное объясненіе нарѣчій на- ξ и $\alpha\varsigma$ -, $\epsilon\varsigma$ -), примыкающею къ глагольнымъ основамъ на- $\alpha\varsigma$ - и - $\epsilon\varsigma$ -, напимѣръ, въ словахъ $\acute{\alpha}\gamma\alpha\iota\omicron\mu\alpha\iota$ = * $\acute{\alpha}\gamma\alpha\omicron$ - $\text{jo}\mu\mu\iota$, $\tau\epsilon\lambda\epsilon\iota\omega$ = * $\tau\epsilon\lambda\acute{\epsilon}\omicron$ - $\text{j}\omega$ ($\acute{\alpha}\gamma\alpha\omicron\sigma\acute{\alpha}\mu\epsilon\mu\omicron\iota$ и $\tau\epsilon\lambda\acute{\epsilon}\omicron\sigma\text{-}\sigma\alpha\iota$).

Тема настоящаго времени образовалась въ $\tau\omicron\lambda\epsilon\tau$ - ω или, подобно послѣднимъ глаголамъ, при посредствѣ суффикса $\tilde{j}\alpha$ -, или же просто отъ принятаго $\tau\omicron\lambda\epsilon\tau$ -, посредствомъ суффикса $\tilde{a}$ -, какъ въ санскр. языкѣ отъ темы $\rho\acute{\iota}\tilde{a}\tilde{g}\acute{\iota}$ - образуется $\rho\acute{\iota}\tilde{a}\tilde{g}\acute{\iota}\tilde{a}\tilde{m}\iota$. Понятно, что мы въ такомъ случаѣ выводимъ и глаголы $\tau\acute{\iota}\chi\tau\omega$ изъ $\tau\iota(\epsilon)\chi\epsilon\tau\omega$, $\pi\acute{\epsilon}\chi\tau\omega$ изъ $\pi\epsilon\chi\epsilon\tau\omega$, а равно и лат. plecto , necto , pecto , necto , какъ и лит. глаголы съ темой на $\tilde{t}$ въ настоящемъ времени, напимѣръ, dristu (осмѣливаюсь),

о которыхъ сравн. Schleicher *Litauische Gram.* 246, слѣд. Какъ бы то ни было, но изъ сказаннаго мною, по крайней мѣрѣ, явствуетъ то, что для объясненія и этого *t* мы не вынуждены прибѣгать къ принятому нѣкоторыми учеными переходу *j* въ *t*, тѣмъ болѣе, что и самое существованіе такого *j* еще не доказано.

Шенбергъ.

ЛАТИНСКАЯ ОРФОГРАФІЯ.

Hölbe, Vorschläge zu einer einheitlichen lateinischen Orthographie auf den Gymnasien und Realschulen (im Programm der vereinigten Lehr- und Erziehungsanstalten, zu Ostern, 1872. Dresden, Druck von C. R. Gärtner).

Brambach, Hilfsbüchlein für Lateinische Rechtschreibung. Leipzig (B. G. Teubner), 1872.

Въ 1861 году Альфредъ Флекейзенъ представилъ франкфуртскому собранію филологовъ „Fünfzig Artikel aus einem Hilfsbüchlein für lateinische Rechtschreibung“, но только въ 1872 году лейпцигское собраніе нѣмецкихъ филологовъ и педагоговъ успѣло высказаться на счетъ того, какъ оно относится къ улучшенію довольно произвольной латинской орфографіи. Докторъ Гельбе, директоръ учебно-воспитательныхъ заведеній въ Дрезденѣ, доложилъ о написанномъ имъ сочиненіи, состоящемъ изъ 3-хъ краткихъ отдѣленій: I. общія правила о буквахъ, склоненіи, спряженіи и о производствѣ нѣкоторыхъ словъ; II. слова, орфографія коихъ не подлежитъ сомнѣнію; III. слова, различныя формы коихъ употребляются безразлично, или же такія, касательно которыхъ наука еще не пришла ни къ какому твердому и окончательному результату. Трудъ этотъ, по словамъ самого издателя, не представляетъ ничего новаго, но только содержитъ въ себѣ матеріалъ, разбросанный въ отдѣльныхъ научныхъ сочиненіяхъ и изданіяхъ (Корсена, Брамбаха, А. Вагнера, Флекейзена, Шульца, Шухардта, Шпейдера, Госсрау, Ганда, Гаупта, Мадвига, Гюбнера, Бергга, Ричля, Лахмана, Нейя и мн. др.), въ болѣе ясномъ и краткомъ обзорѣ, чѣмъ это было сдѣлано Карломъ Вагнеромъ въ его „Kurz gefasste lateinische Orthographie für Schulen“ (Berlin, 1871). Вся работа Гельбе, какъ и слѣдовало ожидать, ограничивается немногими (13) печатными страницами.

Кромѣ того, книжный торговый домъ Б. Г. Тейбнера представилъ на разсмотрѣніе собранія только что оконченное сочиненіе: „Hilfs-

büchlein für lateinische Rechtschreibung“ Вильгельма Брамбаха (въ то время профессора филологіи при Фрейбургскомъ университетѣ въ Баденѣ). Это сочиненіе содержитъ: I. введеніе о сущности и цѣли латинской орѳографіи; II. общія правила правописанія, а) о письмѣ, б) о правилахъ, касающихся фонетики, с) о правилахъ, касающихся склоненій и производства словъ; III. орѳографическій списокъ словъ по алфавиту. Трудъ этотъ имѣетъ притязанія на самостоятельность и изложенъ гораздо подробнѣе, нежели вышеназванный; онъ заключаетъ въ себѣ 70 печатныхъ страницъ.

Лейпцигское собраніе не высказалось о достоинствѣ обоихъ сочиненій потому, что большаѣ часть присутствовавшихъ познакомились съ обѣими книжками только во время самого засѣданія. Въмѣсто того, собраніе приняло рѣшенія относительно тѣхъ принциповъ, которыхъ слѣдуетъ держаться въ школахъ:

1) Собравшіеся филологи признали, что результаты науки относительно латинской орѳографіи должны быть приняты во вниманіе.

2) Грамматики, книги для упражненій, словари и т. д., должны включить въ свой составъ эти результаты.

3) Ученикамъ всѣхъ классовъ, преимущественно же старшихъ, не должны быть задаваемы отдѣльные обзоры орѳографіи.

Послѣдній пунктъ уже самъ собою разумѣется, коль скоро первые два будутъ выполнены. Между тѣмъ, до исполненія 2-го рѣшенія слѣдуетъ руководствоваться орѳографическими пособіями. Въ высшей степени желательно, чтобы издатели грамматикъ, книгъ для упражненій и словарей немедленно приняли орѳографическіе результаты нашего времени для скорѣйшаго распространенія ихъ, вслѣдствіе чего въ непродолжительное время оказались бы лишними орѳографическія пособія, столь необходимы въ настоящее время для учителей, если они, ради пользы своихъ учениковъ, принимаютъ на себя трудъ исправленія ошибокъ, нерѣдко встрѣчающихся въ грамматическихъ учебникахъ.

Къ сожалѣнію, филологи, собравшіеся въ Лейпцигѣ, оставили безъ вниманія послѣднее обстоятельство. Если же мы согласимся съ предыдущими двумя рѣшеніями, то не можемъ не выразить желаніе, чтобы педагоги, не руководствуясь слишкомъ много практическою пользою и мнимою педагогическою выгодой, главнымъ образомъ основывали свои сужденія на твердомъ фундаментѣ. Въ данномъ случаѣ, совѣщаніе поступило бы, вѣроятно, гораздо плодотворнѣе, если бы педагоги, вмѣсто того, чтобы только вообще высказаться за приня-

тіе научныхъ результатовъ, серьезно приняли бы во вниманіе состояніе научныхъ изслѣдованій. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ нужно радоваться тому обстоятельству, что школа высказала готовность постоянно слѣдовать за наукой.

Мы постараемся дополнить здѣсь то, что было упущено изъ виду лейпцигскими филологами, а именно, изложимъ современное состояніе ореографическихъ изслѣдованій. Но предварительно мы прослѣдимъ то, что уже было сдѣлано до нашего времени, чтобы это самое служило мѣриломъ того, чего достигла наука въ новѣйшее время, и затѣмъ уже перейдемъ къ практическимъ потребностямъ педагоговъ, на которыя, какъ само собою разумѣется, слѣдуетъ обратить особенное вниманіе.

I.

Латинская ореографія въ древности.

Римскіе грамматики уже въ раннее время занимались ореографіей, причемъ имъ приходилось бороться и со всеми тѣми трудностями, которыя непремѣнно представляетъ живой, находящійся въ непрерывномъ движеніи, языкъ. Они подъ словомъ ореографія подразумѣвали знаніе и обученіе правильному письму, и правильную вѣрность его старались почерпать въ аналогіяхъ (proportio), этимологіи (originatio), исторіи языка (historia), и затѣмъ уже, только въ рѣдкихъ случаяхъ, обращались къ родственнымъ формамъ италійскихъ нарѣчій. Важнымъ вопросомъ считалось въ то время, слѣдовало ли писать сообразно произношенію (такъ какъ произносится), или же признать перевѣсъ аналогіи, этимологіи и исторіи языка надъ произносимымъ звукомъ? Перевѣсъ большею частію имѣло звуковое произношеніе; хотя многіе грамматики теоретически и держались аналогій и этимологій, они все таки, впрочемъ, не въ силахъ были бороться съ совершившимся фактомъ, состоящимъ въ томъ, что правописаніе сообразовалось со звукомъ. Латинская ореографія— въ дѣйствительности фонетическая, то есть, она какъ можно ближе старается приравливаться къ звуку. И если случалось, что, вслѣдствіе развитія языка, нѣкоторыя буквы выпадали, то онѣ уже болѣе и не писались; если какая-либо гласная измѣнялась, то ставился письменный знакъ, соотвѣтствовавшій измѣненной гласной; такимъ же образомъ изображались всегда и переменны согласныхъ звуковъ; однимъ словомъ, латинское правописаніе есть фонетическое, подобно, слѣдовательно, древне-греческому и нѣмец-

кому, тогда какъ французскій и англійскій языки служатъ намъ примѣромъ этимологическаго правописанія, въ которомъ письменные знаки не измѣнились, не смотря на то, что въ теченіе послѣднихъ столѣтій произошло не мало перемѣнъ въ произношеніи имъ соотвѣтствующихъ звуковъ и, какъ кажется, эти знаки и на будущее время мало будутъ измѣнены. Такимъ образомъ, латинская орѳографія совпадаетъ до нѣкоторой степени съ исторіей звука. Но исторія звука идетъ рука объ руку съ исторіей письменности только до тѣхъ поръ, пока оба достигаютъ своего высшаго совершенства, а послѣ этого уже наступаетъ упадокъ, образуемый участіемъ только живаго языка и письма простолюдина, а не образованнаго человѣка.

Поэтому въ римской исторіи языка и правописанія различаются два главныхъ періода: 1) время совершенствованія, 2) время достигнутаго совершенства и постепенно наступающаго упадка. Первый періодъ восходитъ дольше начала художественной римской литературы (въ 240 г. до Р. X.) и продолжается до Нерона (въ 60 г. по Р. X.). Этотъ періодъ распадается на многія подраздѣленія, которыя по большей части ознаменовываются грамматическою дѣятельностью писателей. Древняя римская литература имѣетъ ту особенность, что уже въ раннее время литературныя и даже поэтическія произведенія писались тѣми самыми людьми, которые дѣйствовали и на грамматическомъ поприщѣ; вслѣдствіе этого, развитіе орѳографіи уже въ древнее время послало на себѣ теоретическій отпечатокъ. Къ числу заслугъ Ричля слѣдуетъ отнести и то, что онъ первый представилъ это явленіе въ подлежащемъ свѣтѣ. За нимъ послѣдовалъ В. Брамбахъ въ своемъ подробномъ сочиненіи: „Die Neugestaltung der lateinischen Orthographie in ihrem Verhältniss zur Schule“. Leipzig, 1868.

Первую степень развитія можно назвать до-литературною, потому что до 240 г. до Р. X. языкъ и правописаніе развивались свободно, не подпадала вліянію художественной литературы. Вторая степень приходится во времена драматика Ливія и грамматика Сп. Карвилія. Третья совпадаетъ со временемъ Эннія, четвертая — Акція и Луцилія, этихъ трехъ писателей, во всякомъ случаѣ, не мало содѣйствовавшихъ развитію звука и правописанія. Пятая степень развитія начинается вскорѣ послѣ 90 г. до Р. X. и ознаменовывается постепеннымъ исчезновеніемъ италійскихъ нарѣчій, которыя были подавлены латинскимъ нарѣчіемъ со времени окончанія Союзнической войны. Во времена первыхъ четырехъ цезарей, отъ Августа до Клавдія, приходится шестая степень развитія, въ которой исчезаетъ послѣднее

различіе между звукомъ и правописаніемъ. Съ седьмою степенью развитія достигается высшее совершенство латинскаго языка и эта степень можетъ уже считаться началомъ *новаго главнаго періода*. Тогда какъ *первый главный періодъ*, съ своими шестью степенями, изображаетъ постепенное развитіе древней латыни, со второй половины I столѣтія по Р. Х. начинается новѣйшее развитіе звука въ латинскомъ языкѣ.

При седьмой степени развитія въ исторіи латинскаго языка совершается переворотъ. Въ первой половинѣ I столѣтія по Р. Х., литература какъ бы перешагнула за предѣлы своего совершенства; для языка, въ формальномъ и синтаксическомъ отношеніи, была опредѣлена классическая форма, и учителя языка могли уже излагать новыя правила для звука и правописанія. Только въ началѣ II вѣка, особенно же въ царствованіе Адриана, они снова уклонились отъ нихъ, произвольно возобновивъ древнѣйшія формы языка, вслѣдствіе чего съ этого времени начинается восьмая степень развитія, которую называютъ *архаизирующею*, по причинѣ склонности къ устарѣлымъ формамъ. Эта послѣдняя степень продолжалась до царствованія императора Коммода, при которомъ начался уже періодъ паденія, составляющій девятую степень развитія. Десятую степень можно отнести къ 400 году по Р. Х.; чужіе народы водворяются во владѣніяхъ Римскаго государства и начинается образованіе романскихъ языковъ.

Эта исторія звука совпадаетъ съ исторіей орфографіи. Если возьмемъ вмѣстѣ всѣ первыя четыре степени развитія исторіи звука, то увидимъ, что, начиная съ древнѣйшихъ произведеній литературы и до временъ Эпнія, Авція и Луцилія, звукъ и правописаніе сильно вліяютъ другъ на друга, и въ особенности мы при этомъ замѣчаемъ то, что орфографія, соображаясь съ звуковыми перемѣнами языка и съ теоріями писателей, легко преобразовывается. Соединяя далѣе пятую и шестую степень развитія, мы находимъ въ орфографіи характеристическую особенность, состоящую въ томъ, что правописаніе сообразуется со звукомъ и что грамматики, хотя и стараются отличить отдѣльные оттѣнки звука посредствомъ правописанія, не стремятся уже болѣе оказывать вліяніе на образованіе самихъ звуковъ.

Въ седьмой и восьмой степени развитія правописаніе устанавливается учеными грамматиками теоретически и поясняется многочисленными примѣрами. Съ девятою степенью развитія грамматическія занятія приостанавливаются и въ скоромъ времени наступаетъ упадокъ. Учителя языка и правописанія не занимаются уже болѣе самостоя-

тельными изслѣдованіями, а довольствуются собираніемъ въ краткіе учебники результатовъ своихъ предшественниковъ; постепенно теряя ясный взглядъ на сущность дѣла, они впадаютъ въ ту небрежность, которая замѣчается и въ народномъ языкѣ уже со временъ Антониновъ. Теперь приступимъ къ разсмотрѣнію наиболѣе характеризующихъ особенностей въ отдѣльныхъ періодахъ.

I. *Главный періодъ* (1 степень развитія). Въ до-литературное время древне-латинскаго языка произошли относительно звука и правописанія большія перемѣны, о которыхъ, впрочемъ, мы знаемъ очень немного. До 300 года до Р. Х. говорили и писали Fusius, Valesius, Parisius; но съ этого времени эти имена уже стали писать: Furgius, Valerius, Parigius, — каковая перемѣна произошла вслѣдствіе предложенія цензора Луція Клавдія Слѣпаго. Надо замѣтити, что въ то время во 2-мъ склоненіи писали, напримѣръ, въ именительномъ падежѣ animos, въ дательномъ animoi, въ винительномъ animoni, въ творительномъ animod, въ родительномъ множественнаго числа animon, а въ 3-мъ спряженіи, вмѣсто legunt, писали lesont и т. д.

(I, 2). Относительно второй степени мы знаемъ, что въ это время гласная O во 2-мъ склоненіи и 3-мъ спряженіи уступила мѣсто звуку U, напримѣръ, animus, legunt; букву I стали замѣнять буквой E, какъ, напримѣръ, matre, matri (въ дательномъ и творительномъ падежахъ). Далѣе, грамматикомъ Сп. Карвиліемъ, помимо буквы C, введена была буква G.

(I, 3). Эний ввелъ удвоеніе согласныхъ, какъ, напримѣръ, ille, esse, между тѣмъ какъ прежде писалось ile, ese. Кромѣ того, онъ также содѣйствовалъ опредѣленію количества гласныхъ при правописаніи.

(I, 4). Акцій старался отличить долгіе гласные звуки отъ короткихъ тѣмъ, что удваивалъ первые, какъ, напримѣръ, roгаа, rговее, тапии, вмѣсто roga, rгове, тапи. Кромѣ того, онъ желалъ ассимилировать въ правописаніи букву N передъ G и C, напримѣръ, aggulus вмѣсто angulus, агсерс вмѣсто ансерс. Но предложеніе это не было принято. Болѣе успѣха: онъ имѣлъ въ томъ, что, по его желанію, приняли въ правописаніи EI вмѣсто долгаго I, какъ, напримѣръ, ubei=ubi. Также послѣ него мы все еще встрѣчаемъ въ употребленіи любимую имъ букву Q вмѣсто C передъ U, какъ напримѣръ, quga=cuga, qum=cum. Луцилій сопротивлялся воззрѣніямъ Акція, называя его нововведенія непрактичными и излишними. Онъ употреблялъ EI только

въ тѣхъ случаяхъ, когда І произносилось глухо, съ отгнкомъ буквы Е. Но въ концѣ концовъ, какъ Акцій, такъ и Луцилій стремились къ тому, чтобы провести теорію Эннія.

(I, 6). До сихъ поръ родительный падежъ единственнаго числа мѣстами сохранялъ еще старинную форму *из* вмѣсто *is*, какъ напри- мѣръ, *popen*, *popinus*; въ то же время и новѣйшая форма *popinis* встрѣчалась уже гораздо чаще. Впрочемъ, родительный падежъ на *is* окончательно вошелъ въ общее употребленіе только въ 6-ю степень развитія звука. Въ это самое время и превосходная степень уже чаще встрѣчается на *imus*, какъ напри- мѣръ, *maximus* вмѣсто древнѣйшей формы *maximus*, а конечная буква *s* исчезаетъ совершенно въ именительномъ падежѣ множественнаго числа 2-го склоненія, какъ на- при- мѣръ, вмѣсто *eis*, *is*, *isdem* встрѣчаемъ *ei* (*ii*) *i*, *idem* (= *iidem*). Равнымъ образомъ, дѣлаются попытки къ тому, чтобы писать долгое І въ большемъ размѣрѣ, нежели короткое, какъ напри- мѣръ, *vIcus*; впрочемъ, такое употребленіе долгаго І не удержалось, а во времена Августа писали и короткое І въ большемъ размѣрѣ, единственно только для красоты.

II. *Главный періодъ* (7 степень развитія). Послѣ императора Клавдія отдѣльными буквами исключительно уже перестаютъ заниматься и во времена Нерона и Квинтиліана мы встрѣчаемъ въ практическомъ употребленіи общепринятую орфографію, которая (II, 8) во II вѣкѣ по Р. Х. развивается теоретически (II, 9). Между тѣмъ народный языкъ отдѣляется все болѣе и болѣе отъ языка литературнаго и свободнѣе развивается въ царствованіе Антониновъ (II, 10). Наконецъ, подъ вліяніемъ чужеземныхъ завоевателей, въ концѣ IV столѣтія въ Италіи, Франціи и Испаніи латинскій языкъ преобразовывается въ романскіе языки и служитъ точкой исхода для новѣйшаго итальянскаго, французскаго, испанскаго и многихъ другихъ, менѣе распространенныхъ, идиомовъ.

Въ послѣднія четыре степени развитія проявили свою дѣятельность многіе замѣчательные грамматики, не мало содѣйствовавшіе развитію правописанія. Имена ихъ слѣдующія: M. Valerius Probus, Flavius Caper, Velius Longus, Q. Terentius Scaurus, C. Marius Victorinus, Aelius Donatus, M. Servius Honoratus, Diomedes, Charisius и Priscianus. Благодаря ихъ содѣйствію, орфографія латинскаго языка, уже достигшая своего высшаго звуковаго совершенства, то-есть, орфографія временъ Квинтиліана, была удержана и даже сдѣлалась образцомъ на будущее время.

II.

Латинская орфографія въ средніе вѣка (500—1450):

Послѣдній грамматикъ, имѣвшій преобладающее вліяніе въ древности, былъ Присціанъ. Онъ и старшій Донатъ издали такіе латинскіе учебники, которыми могли пользоваться какъ начинающіе, такъ и болѣе опытные въ знаніи языка. Эти оба грамматика дѣйствительно господствовали во всѣхъ средневѣковыхъ латинскихъ школахъ и вслѣдствіе этого цѣлые 900 лѣтъ знаніе языка стояло на томъ пунктѣ, до котораго оно было доведено Присціаномъ и Донатомъ. Въ особености орфографія не подверглась въ это время никакимъ теоретическимъ перемѣнамъ, хотя, впрочемъ, все болѣе и болѣе портившееся произношеніе было причиной того, что въ рукописяхъ встрѣчалось много ошибокъ, а изъ ошибочныхъ рукописей вытекало плохое состояніе орфографіи какъ въ позднѣйшія времена среднихъ вѣковъ, такъ и въ новѣйшее время до нашихъ дней.

Главныя ошибки средневѣковой орфографіи основываются на народномъ языкѣ, употребляемомъ при послѣднихъ императорахъ; основныя черты ихъ состоятъ въ слѣдующемъ:

1) Смѣшиваніе *ae* съ *e*. Въ среднихъ вѣкахъ зачастую склоняли такъ: *terra*, родит.: *terre*, дательный *terre*, именительный множественнаго *terre*; писали также *sementum*, вмѣсто *caementum*, и т. д.

2) Смѣшиваніе *ae* съ *oe*, какъ напримѣръ, *foepum*, вмѣсто правильнаго *faepum*.

3) Смѣшиваніе *oe* съ *e*, какъ напримѣръ, *foecundus*, вмѣсто правильнаго *fecundus*.

4) Невѣрное употребленіе буквы *y*, напримѣръ, *stylus*, вмѣсто правильнаго *stilus*.

5) Выпущеніе или прибавленіе буквы *h*, напримѣръ: *arena*, вмѣсто *harena*, и наоборотъ — *herus*, вмѣсто *erus*.

6) Неправильное употребленіе *ch*, напримѣръ, *anchora* вмѣсто *ancora*, *michi* вмѣсто *mihi*.

7) Невѣрное употребленіе *th*, напримѣръ, *lethum* вмѣсто *letum*.

8) Смѣшиваніе *ci* съ *ti* передъ гласными, напримѣръ, *fecialis* вмѣсто *fetialis*; *tribunitius* вмѣсто *tribunicus*.

III.

Латинская орографія въ новѣйшее время (съ 1450).

При перепечатываніи ошибочныхъ рукописей сначала не обращали вниманія на встрѣчавшіяся ошибки. Но при исправленіи печатныхъ листовъ вскорѣ обнаружилась потребность писать вѣрнѣе и послѣдовательнѣе. Возстановленіе чтенія классиковъ содѣйствовало также улучшенію правописанія, причѣмъ приходилось обращаться къ болѣе древнимъ, правильно написаннымъ рукописямъ. Такимъ образомъ возникъ цѣлый рядъ попытокъ исправить латинскую орографію.

Важнѣйшіе писатели на этомъ поприщѣ были слѣдующіе: въ XV столѣтіи—Giovanni Tortelli, въ XVI—Aldus Manutius, въ XVII—Claudius Dausquius и въ XVIII—Christoph Cellarius. До XIX столѣтія не давали себѣ отчета въ томъ, какому періоду языка слѣдуетъ дать предпочтеніе въ орографіи. Только благодаря грамматическимъ изслѣдованіямъ Ричли, стали различать отдѣльныя степени развитія.

Съ тѣхъ поръ и орографія стала обрабатываться научнымъ образомъ; въ такомъ направленіи особенно были вліятельны самъ Ричли и Флскейзенъ: работы ихъ руководили и побуждали къ дѣятельности и остальныхъ многочисленныхъ писателей на этомъ поприщѣ.

IV.

Латинская орографія въ настоящее время.

Изъ вышеприведенныхъ разсужденій ясно, какой методъ и какую цѣль должна преслѣдовать латинская орографія въ наше время. Методъ, безъ сомнѣнія, устанавливается тою точкою зрѣнія, что различныя степени развитія языка должны быть различны, и что какъ текстъ древнихъ авторовъ, такъ и наши новѣйшія литературныя произведенія должны руководствоваться какою-либо одною степенью развитія латинскаго языка, именно тою, которая болѣе всего можетъ служить образцомъ.

Пересмотримъ теперь латинскихъ авторовъ, читаемыхъ въ школахъ; они распадаются на 3 группы. Первая заключаетъ въ себѣ Цицерона, Цезаря и Саллюстія, принадлежащихъ къ пятой степени развитія звука. Саллюстій имѣетъ большую склонность къ древнимъ формамъ; Цезарь любитъ нововведенія, а Цицеронъ, какъ во многомъ другомъ, такъ и въ орографіи, и произношеніи, держится середины. Вторую группу составляютъ слѣдующіе писатели: Ливій,

Вергилій, Горацій и Овидій. Ливій и Вергилій придерживаются той орѳографіи, которая господствовала въ шестую степень развитія, но, впрочемъ, иногда они придаютъ своимъ произведеніямъ отгѣнокъ древности, въ особенности если рѣчь идетъ о важныхъ и достойныхъ особеннаго почтенія предметахъ. Горацій и Овидій принадлежатъ вполнѣ своему времени. Третья группа состоитъ изъ Квинтилиана, Курція и Тацита, писавшихъ по образцу той орѳографіи, которая въ ихъ время была въ наибольшемъ употребленіи. Кромѣ названныхъ авторовъ, въ нашихъ школахъ читаются еще: Корнелій Непотъ и Федръ; но ихъ тексты обработаны и не носятъ на себѣ отпечатка какой-нибудь одной изъ степеней развитія; потому при изданіи этихъ авторовъ слѣдуетъ довольствоваться исправленіемъ явныхъ ошибокъ, не придерживаясь никакого опредѣленнаго періода.

Образцомъ для нынѣ пишущихъ по латыни и для грамматическихъ учебниковъ должна служить звуковая степень развитія молодой латыни, въ періодъ ея высшаго совершенства (отъ Нерона до Адріана), такъ какъ, вонсервяхъ, наша латинская этимологія дѣйствительно уже древними грамматиками основана на этой степени развитія правописанія, да и изъ новыхъ грамматиковъ почти всѣ (нѣкоторые даже безсознательно) придерживались этой степени развитія латинскаго языка. Если бы мы вздумали взять за образецъ какой-либо другой періодъ языка, это была бы бесполезная и, относительно сравнительной ничтожности самаго предмета, слишкомъ трудная попытка. Вовторыхъ, мы не знаемъ никакого другаго ранняго языка въ его формальномъ отношеніи такъ точно, какъ тотъ періодъ, который начинается съ Нерона. Представить же за образецъ какой-либо другой позднѣйшій періодъ было бы неудобно. Втретьихъ, форма латинскаго языка въ періодъ времени отъ Нерона до Адріана достигла въ дѣйствительности совершеннѣйшаго *звуковаго* развитія (Brambach, Hilfsbüchlein, p. VII).

Важнѣшіе результаты, выяснившіеся изъ нашихъ разсужденій, суть слѣдующіе:

1) Орѳографія Римлянъ — фонетическая, то-есть писали такъ, какъ произносили. Если же произношеніе измѣнялось, то за его измѣненіемъ слѣдовали также и письменные знаки; для выпадавшихъ звуковъ буквы не писались болѣе.

2) Въ употребленіи находились слѣдующіе письменные знаки: A, B, C, D, E, F, G, H, I, K, L, M, N, O, P, Q, R, S, T, U, V, X, Y, Z. Буквы I и V служили какъ для согласнаго, такъ и для

гласнаго звука. Буква J (юдъ) не употреблялась въ древности, вслѣдствіе чего и теперь не существуетъ курсивнаго j. За то почти всѣми U употребляется какъ гласная буква, V какъ согласная (равно русскому в), Y и Z встрѣчались только въ иностранныхъ словахъ, преимущественно же въ словахъ греческаго происхожденія.

3) Склоненіе. До временъ Августа писали не VV (uu, vu), а существовала древнѣйшая форма VO; Цицеронъ говорилъ и писалъ въ именительномъ падежѣ единственнаго числа *ingenuos, servos* и только во времена Квинтиліана стала преобладать форма *ingenuus, servus*, каковая форма употребляется и въ наше время. Также въ родительномъ падежѣ единственнаго числа слова 2-го склоненія на *ius, ium* до временъ Августа оканчивались правильно на простое *i*, какъ напримѣръ, *filius, fili, imperium, imperi, Fabius, Fabi*; но во времена Августа начали писать двойное *i* (*ii*); это нововведеніе было принято учеными, поэтому и мы также держимся формъ *filii, imperii*. Если же двойному *i* предшествуетъ гласная, какъ напримѣръ, *Gaius, Pompeius*, то въ родительномъ падежѣ чаще ставили простое *i*, каковаго правила придерживаемся также и мы: *Pompeius—Pompei, Gaius—Gai*.

4) Мѣстоименіе *is, ea, id* имѣетъ въ образцовый періодъ языка слѣдующія формы: *is, eius, ei, eum* и т. д. Множ. *ii, eorum, iis, eos, iis; idem, eiusdem, eidem, eundem* и т. д.

Множественное число: *idem (=iidem), eorundem, isdem (=iisdem)*.

5) Спряжение. Тутъ тоже слѣдуетъ употреблять новѣйшую, а не до-Августовскую форму *vo*; какъ напримѣръ, *vivunt*, вмѣсто древней формы (*vivont*), *metuunt, sequuntur, loquuntur*.

Однако, *participium perfecti* послѣднихъ двухъ глаголовъ пишется: *secutus, locutus* (а не *sequutus, loquutus*).

6) Perfecta на —*avi—evi—ovi*, въ формахъ, имѣющихъ въ своемъ окончательномъ слогѣ —*g, —st, —ss*, выпускаютъ часто букву *v*, а вслѣдствіе того сталкивающіеся гласные звуки сливаются.

Касательно perfecta на —*ivi* слѣдуетъ соблюдать слѣдующія правила:

а) Первое и третье лицо единственнаго числа, особливо же первое лицо множественнаго числа *perfecti indicativi*, удерживаютъ по большей части полную форму —*ivi, —ivit, —ivimus*.

б) Согласная *V* выпускается большею частью тогда, когда въ окончаніи встрѣчается буква *g*, какъ напримѣръ, —*ierunt, —ierim, —ieram, —iero*.

сog передъ г; напpимѣръ, соггiго.

со передъ гласными и h; напpимѣръ, соорегiо; за исключенiемъ comedo и производныхъ словъ comitor, comitio.

со передъ n, если выпала буква g, въ conecto (первоначально COGNECTO), coniveo, conitor, conubium.

ex измѣняется въ

e передъ b, d, g, i, l, m, n, r, v.

ef " f, напpимѣръ, effero.

in и il встрѣчается передъ l; напpимѣръ, illudo.

" " ig " " g; напpимѣръ, itrogo.

" " im " " m, b, p; напpимѣръ, impero.

in обращается въ i передъ gn; напpимѣръ, ignosco.

ob обращается иногда въ om передъ m; напpимѣръ, ommutesco или obmutesco.

Однако въ omitto буква b выпадаетъ.

ob измѣняется въ

oc передъ c, напpимѣръ, occipio.

of " f, " offero.

og " g, " oggero.

op " p, " opprobro.

Однако буква b выпадаетъ въ словахъ operio и ostendo (первоначально OBS — TENDO).

per обыкновенно не измѣняется. Впрочемъ, встрѣчается: pellego = perlego, pellicio = perlicio; а въ производныхъ словахъ отъ ius, iurare, буква r можетъ быть выпущена; напpимѣръ, reiurus, reiero.

sub измѣняется въ

suc передъ c, напpимѣръ, succedo.

suf " f, " sufficio.

sug " g, " suggero.

sum " m, " summoveo; однако sub можетъ оставаться передъ буквой m; напpимѣръ, submitto.

sup " p, " supprimo.

sur и sub встрѣчается передъ буквой r; напpимѣръ, surripio, subrepro.

sus (изъ первоначального subs) въ suscipio, suscito, suspendo, sustineo, sustento и sustuli.

su въ suspicere, suspiro.

trans измѣняется въ

tran обыкновенно передъ буквой *s* и всегда передъ *sc*; напримѣръ, *transilio*, *transcendo*.

tra, передъ *i*, *d*, *l*, *m*, *n*; случается, впрочемъ, что *trans* удерживается въ этихъ случаяхъ, хотя и рѣдко, напримѣръ, *tra-ducio*, *traicio*.

8) Въ сложныхъ глаголахъ *iacio* измѣняется въ *iicio*.

Впрочемъ, въ древности имѣли обыкновеніе писать только одно *i*: *abicio*, *adicio*, *inicio*, *obicio*, *subicio*.

Также, если предшествуетъ гласная, то лучше простое *i*, хотя въ этомъ случаѣ встрѣчается также двойное *i*.

coicio, *deicio*, *icio*, *proicio*, *reicio*, *traicio*.

9) Въ лексикографіи достойны вниманія слѣдующіе результаты: *ac* передъ согласными, кромѣ *h*; *atque* передъ гласными.

adulescens, а не *adolescens*.

anulus, а не *annulus*.

artus „узкій“, а не *arctus*.

auctor, а не *autor*.

autumnus, а не *auctumnus*.

bos—родительный падежъ множественнаго числа *boium*, дательный падежъ *bubus*, лучше нежели *bobus*.

bracchium, а не *brachium*.

caelebs, а не *coelebs*.

caelum, а не *coelum*.

caementum, а не *cementum*.

caenum „грязь“, а не *coenum*.

cena, а не *coena*.

ceteri, а не *caetiri*.

comminus, а не *cominus*.

condicio, а не *conditio*.

contio, а не *concio*.

convicium, а не *convitium*.

cottidie и *cotidie*, а не *quotidie*.

cum, предлогъ и союзъ, а не *quum*.

deus, множественное число—*dii*, *diis* и *di*, *dis*.

dicio, а не *ditio*.

discidium, а не *dissidium*.

ei, а не *hei* (междомеріе).

epistula, а не *epistola*.

erus, а не herus.
 faenum, а не foenum.
 faenus, а не foenus.
 fecundus, а не foecundus.
 fetialis, а не fecialis.
 fetus, а не foetus.
 genetivus, а не genitivus.
 genetrix, а не genitrix.
 genitor.
 haedus, а не hoedus.
 harena лучше, нежели arena.
 harundo " " arundo.
 haud и haut.
 haveo и aveo.
 here и heri „вчера“.
 hise, haese, hose, huncse, а не hisse и т. д.
 holus лучше, нежели olus.
 ilico, а не illico.
 immo, а не imo.
 inchoo лучше, нежели inchoo.
 indutiae, а не induciae.
 intellego, а не intelligo.
 Juppiter, а не Jupiter.
 littera лучше, нежели litera.
 litus, а не littus.
 maereo, maestus, а не moereo, moestus.
 mercennarius, а не mercenarius.
 mille, множественное число milia.
 multa, а не mulcta.
 nancisco, nactus лучше, нежели nanctus.
 neglego, а не negligo.
 negotium, а не negocium.
 nummus, а не numus.
 nuntiare, nuntius, а не nunciare, nuncius.
 oboedio, а не obedio.
 otium, а не oscium.
 paene, а не pene.
 paenitet, а не poenitet.
 parricida, parricidium, а не patricidium.

pennas avium, pinnas murorum dicimus.
 percontari лучше, нежели percunctari.
 pomerium, а не pomoerium.
 pretium а не precium.
 protinus лучше, нежели protenus.
 provincia, а не provintia.
 pulcher, а не pulcer.
 quattuor, а не quatuor.
 refero—rettuli.
 repello, repuli, repulsum.
 reperio, repereri, repertum.
 saeculum, а не seculum.
 saepio, saepire, а не sepio.
 satira и satura, а не satyra.
 scaena, а не scena.
 sescenti, а не sexcenti.
 setius, а не scius.
 solacium, а не solatium.
 sollemnis, а не solemnis.
 sollers, а не solers.
 spatium, а не spacium.
 stilus, а не stylus.
 supellex, а не suppellex.
 supplex, а не suplex.
 supplicium, а не suplicium.
 syllaba, а не sillaba.
 taeter, а не teter.
 tentare и temptare.
 treceni „по 300“.
 triceni „по 30“.
 tus, а не thus.
 umerus, а не humerus.
 umor, umidus, а не humidus.
 venum do и venundo.
 venum eo и veneo.
 vespere и vesperi.
 vilicus, а не villicus.
 vulgus, а не volgus.
 также vulnus, vulpes, vultur, vultus.

В. В.

ЗНАЧЕНИЕ И УПОТРЕБЛЕНИЕ ЖЕЛАТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ ГРЕЧЕСКОГО ГЛАГОЛА.

О наклоненіяхъ вообще.

Греческій глаголь имѣеть четыре наклоненія: изъявительное, повелительное, сослагательное и желательное. Наклоненія вообще озапачають образъ представленія говорящаго лица (τὴν διάθεσιν ψυχῆς, какъ выражались древніе грамматикѣ), или, другими словами, они показываютъ, въ какомъ отношеніи находится сказанная мысль къ мышленію говорящаго. Такимъ образомъ, ихъ характеръ совершенно субъективный; они никогда не означаютъ, каково дѣйствіе въ дѣйствительности. Изъявительное наклоненіе показываетъ, что говорящій смотритъ на высказанную имъ мысль (сужденіе), какъ на дѣйствительный фактъ. Повелительное наклоненіе показываетъ, что говорящій требуетъ категорически осуществленія дѣйствія. Сослагательное и желательное наклоненія показываютъ, что говорящій смотритъ на сказуемое, какъ на случай, имъ только представляемый. Разница между сослагательнымъ и желательнымъ наклоненіями заключается лишь въ томъ, что сослагательное наклоненіе выражаетъ сказуемое, какъ случай, представляемый говорящимъ съ ожиданіемъ его осуществленія, тогда какъ желательное выражаетъ одно представленіе говорящаго безъ всякаго отношенія къ дѣйствительности.

Принимая во вниманіе, что всѣ наклоненія, выражая субъективный взглядъ говорящаго, имѣють характеръ субъективный, мы можемъ считать желательное наклоненіе выраженіемъ субъективности κτ' ἐξοχήν.

Въ настоящей статьѣ мы разберемъ случаи употребленія желательнаго наклоненія. Цѣль наша будетъ вполне достигнута, если намъ удастся доказать, что желательное наклоненіе во всѣхъ случаяхъ своего употребленія имѣеть въ сущности одно и то же значеніе. Вся

статья раздѣляется на пять частей: 1) желательное наклоненіе безъ *ἄν* (*хѣν*) въ главныхъ предложеніяхъ; 2) желательное наклоненіе съ *ἄν* (*хѣν*) въ главныхъ предложеніяхъ; 3) желательное наклоненіе въ условныхъ періодахъ; 4) желательное наклоненіе безъ *ἄν* (*хѣν*) въ остальныхъ придаточныхъ предложеніяхъ; 5) желательное наклоненіе съ *ἄν* (*хѣν*) въ зависимыхъ предложеніяхъ.

I. ЖЕЛАТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНІЕ БЕЗЪ *ἄν* (*хѣν*) ВЪ ГЛАВНЫХЪ ПРЕДЛОЖЕНІЯХЪ.

Чтобы узнать существенное значеніе желательнаго наклоненія, нужно начать съ разсмотрѣнія независимыхъ предложеній, имѣющихъ глаголъ въ желательномъ наклоненіи безъ частицы *ἄν* (*хѣν*).

§ 1. а) Эти предложенія выражаютъ во-первыхъ сужденіе въ видѣ предположенія.

Въ Иліадѣ X, 555—557, мы читаемъ:

Ἦ Νέστορ Νηληϊάδῃ, μέγα κῆδος Ἀχαιῶν,
ρεῖτα θεός γ' ἐθέλων καὶ ἀμείνονας ἡέπερ οἶδα
ἴππους δωρήσαιτ', ἐπειὴ πολὺ φέρτεροί εἰσιν.

Въ этомъ мѣстѣ говорящій Одиссей высказываетъ свое сужденіе *δωρήσαιτο*, не какъ фактъ, взятый изъ дѣйствительности, а какъ свою личную мысль, существующую только въ его воображеніи, совершенно независимо отъ дѣйствительности; при этомъ Одиссей оставляетъ перѣшленнымъ, возможно ли высказанное имъ, можно ли надѣяться на осуществленіе сказуемаго или нѣтъ. Какъ въ этомъ мѣстѣ, такъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, употребляется желательное наклоненіе безъ *ἄν* (*хѣν*) въ независимыхъ предложеніяхъ для выраженія личнаго мнѣнія, предположенія; иногда оно служитъ скромнымъ оборотомъ, вмѣсто изъявительнаго будущаго, напримѣръ, *Odys. VII, 314*:

. . . οἶκον δὲ τ' ἐγὼ καὶ κτήματα δοίην;

иногда оно выражаетъ весьма скромнымъ и тонкимъ образомъ волю лица говорящаго (и притомъ перваго), напримѣръ, *Iliad. XV, 45*:

αὐτάρ τοι καὶ κείνῳ ἐγὼ παραμυθησάμην; *velim illi persuadere.*

Такой *optativus* называется обыкновенно *optativus potentialis*. *Optativus potentialis* безъ *ἄν* (*хѣν*) скоро уступилъ мѣсто желательному наклоненію съ *ἄν* (*хѣν*). Уже въ гомеровскихъ поэмахъ встрѣчается большею частію желательное съ *ἄν* (*хѣν*). Но не подлежитъ никакому

смыслу, что желательное безъ *ἄν* предшествовало желательному съ *ἄν*. Optativus potentialis безъ *ἄν* встрѣчается не только у Гомера, но иногда и у другихъ поэтовъ, и даже въ прозѣ.

Примѣры:

II. X, 246—247. τούτου γ' ἔσπομένοιο καὶ ἐκ πυρός αἰθομένοιο ἄμφω νοστήσοιμεν, ἐπεὶ περίοιδε νοῆσαι.

Мы оба вернулись бы (я думаю) даже изъ пылающаго огня.

II. XIX, 321 sq. οὐ μὲν γάρ τι κακώτερον ἄλλο πάθοιμι,
οὐδ' εἴ κεν τοῦ πατρὸς ἀποφθιμένοιο πυθοίμην.

Нѣтъ, не могло бы (я думаю) поразить меня жесточайшее горе.

II. XV, 197; II. XXIII, 151; II. XXIV, 213.

Odys. III, 231. ρεῖα θεός γ' ἐθέλων καὶ τηλόθεν ἄνδρα σώσασαι.

Могъ бы спасти (я думаю).

Odys. XIV, 123.

Hs. th. 725. Pind. O. III, 45.

Aesch. Suppl. 708. ἴσως γάρ ἢ κῆρὸς τις ἢ πρέσβος μόλοι.

S. Aj. 921. ὡς ἀκμαῖος, εἰ βαίη, μόλοι.

S. Or. 979.

Eur. I. A. 1210. οὐδεὶς πρὸς τάδ' ἀντίποι βροτῶν. I. T. 1055. τὰ δ' ἄλλ' ἴσως ἅπαντα συμβαίη καλῶς. Ph. 1201.

Theocr. VII, 20. ταύταν (σύριγγα) κατθεῖην (significatio voluntatis).

Pl. Phaed. 87, e. ἀπολομένης τῆς ψυχῆς τότε ἤδη τὴν φύσιν τῆς ἀσθενείας ἐπιδεικνύοι τὸ σῶμα καὶ ταχὺ σαπὲν διοίχοιτο; animo extincto sane corpus imbecillitatem suam ostendat et intercidat.

Lys. 214, d.

Euthyd. 299, a. πολὺ μόντοι δικαιότερον τὸν ὑμέτερον πατέρα τύπτοιμι (significatio voluntatis).

Isocr. XV, 79. εἰ δὲ τοῖς λόγοις πείθοισθε τοῖς ἑμοῖς, ὄλην τὴν Ἑλλάδα καλῶς διοικοῖτε.

б) Иногда optativus potentialis безъ *ἄν* (κέν) получаетъ отъ связи съ другими предложениями и отъ содержания всего мѣста смыслъ уступленія, напримѣръ:

Od. XIV, 193 sq. εἴη μὲν νῶν νῶιν ἐπὶ χρόνον ἡμὲν ἐδώδῃ ἠδὲ μέθυ γλοκερόν κλισίης ἐντυοῖθεν ἐοῦσιν δαίνουσιαι ἀκέοντ', ἄλλοι δ' ἐπὶ ἔργον ἔποιεν. ῥηιδίως κεν ἔπειτα καὶ εἰς ἐνιαυτὸν ἅπαντα οὔτι διαπρήξαιμι λέγων ἐμὰ κήδεα θυμοῦ.

Sit sane nobis satis cibi, aliique in opere occupati sint; ego tamen haud facile omnia perficiam.

Сюда относится также уступительное εἴεν, sit sane, положимъ, что это такъ (быть такъ).

с) Въ прямыхъ вопросахъ у Гомера субъективное мнѣніе говорящаго, выраженное чрезъ optativus, получаетъ отъ вопросительнаго тона и отъ связи съ другими предложеніями смыслъ желанія, увѣщанія (желаніе въ видѣ вопроса), напримѣръ:

И. IV, 93. ἦ ῥά νύ μοί τι πίθοιο, Λοχάνος οἷε δαίφρον;
Будешь ли ты мнѣ послушенъ?
Möchtest du mir folgen?

И. VII, 48; XIV, 190.

д) Въ прямыхъ вопросахъ у аттическихъ поэтовъ и прозаиковъ употребляется желательное наклоненіе безъ ἄν въ двухъ случаяхъ (хотя довольно рѣдко). Оно встрѣчается: 1) въ риторическихъ вопросахъ, заключающихъ въ себѣ предположеніе, субъективное мнѣніе; эти вопросы, большаю частію, по смыслу одинаковы съ отрицательнымъ сужденіемъ (см. § 4, г), напримѣръ: Pl. Gorg. 492, e. τί τῆ ἀληθείᾳ αἰσχίον καὶ χάριον εἶη σωφροσύνης; = οὐδὲν εἶη αἰσχίον.

2) Въ прямыхъ вопросахъ, выражающихъ недоумѣніе, сомнѣніе; напримѣръ: Pl. leg. 894, c. τῶν δὲ δέχῃ κινήσεων τίνα προκρίναμεν; разницу между optativus potentialis и conjunctivus deliberativus въ прямыхъ вопросахъ показываетъ намъ Dem. XXI, 35. εἴ τις τοῖς νόμοις ἔστ' ἔνοχος, ὁ τοιοῦτος πόττερα μὴ δῶ δια τοῦτο δίκην ἢ μείζω δοίη δικαίως; не должно ли наказать его (по законамъ)? Или, можетъ быть, слѣдуетъ наказать его строже (нежели законъ назначаетъ)? Первую мысль лицо разсуждающее высказываетъ съ ожиданіемъ ея осуществленія, вторую—какъ свое личное мнѣніе. Optativus potentialis субъективнѣе и скромнѣе, нежели conjunctivus dubitativus.

Примѣры на 1:

Aesch. Ch. 587. ἀλλ' ὑπέρολμον ἄνδρὸς φρόνημα τίς λέγοι;

Кто могъ бы описать?

S. Ant. 605. τεάν, Ζεῦ, δύνασιν τίς ἀνδρῶν ὑπερβασίᾳ κατάσχοι;

S. Oc. 1418 . . . . . πῶς γὰρ αὐθις αὖ πάλιν
στράτευμ' ἄγοιμι εὐταχτον, εἰς ἅπαξ τρέσας;

Pl. Civ. 437, b. ἄρ' οὖν τὰ τοιαῦτα θείης;

Pl. Civ. 516, c. Euthyd. 286, b; Lach. 190, b.

Dem. XXXIV, 48. ἂ δ' ἐφεύσατο τὸ ὕστερον, ἐπεὶ δὲ διεφθάρη, πιστότερα ταῦθ' ὑπολάβοιτε εἶναι; haec vos veriora existimaturus quis putet?

Примѣры на 2:

S. Pl. 895. τί δῆτα δρῶμ' ἐγὼ τοῦνθένδε γε;

Ag. Pl. 438. ἀναξ Ἄπολον καὶ θεοί, ποῖ τις φύγοι;

Aesch. Suppl. 20. τίνα γούν χφραν εὐφρονα μᾶλλον τῆςδε ἀφικοίμεθα;

Въ какую болѣе дружескую землю могли бы мы придти?

Theocr. XXVII, 24. πολλοί μ' ἐμύοντο, νόον δ' ἐμὸν οὕτως ἔαδε . . .
καὶ τί, φίλος, ρέξαιμι; quid facerem?

Въ послѣднихъ двухъ мѣстахъ вопросъ съ optativus potentialis выражаетъ случай, относящійся къ прошедшему, и стоитъ вмѣсто вопроса съ ἐμέλλομεν, ἐμελλον cum infinitivo (ср. § 4, i).

§ 2. а) Желательное наклоненіе безъ ἄν (хέν) употребляется въ независимыхъ предложеніяхъ, во-вторыхъ, для выраженія желанія. Какимъ образомъ оно могло сдѣлаться обыкновеннымъ выраженіемъ желанія, — это объясняется существеннымъ его значеніемъ.

Говорящій выражаетъ посредствомъ желательнаго наклоненія свое желаніе, какъ нѣчто только представляемое, не обращая никакого вниманія на дѣйствительность и оставляя нерѣшеннымъ, возможна ли его мысль или нѣтъ.

Въ предложеніи, выражающемъ желаніе, заключается: 1) мысль, которая пришла желающему на умъ, и 2) желаніе, возбужденное этою мыслью. Это желаніе языкъ можетъ выразить троякимъ образомъ:

1) Посредствомъ особенныхъ глаголовъ (εὐχομαι, βουλοίμην ἄν и т. п.), къ которымъ мысль, возбуждившая желаніе, присоединяется въ infinitivus, какъ дополненіе, напримѣръ:

Od. XVI, 106—107. βουλοίμην χέν. ἐμοῖσι κατακτάμενος μεγάροισιν
τείνάμεν ἢ τάδε γ' αἰὲν ἀεικέα ἔργ' ὀράσασθαι.

Ср. Хотѣлъ бы и разлиться въ мѣрѣ,

Хотѣлъ бы солнцемъ въ небѣ течь (Хомяковъ).

Этотъ способъ выразить желанія свойственъ рѣчи болѣе спокойной и хладнокровной.

2) Говорящій часто высказываетъ чрезъ желательное наклоненіе только мысль, которая пришла ему на умъ, и даетъ слушателю (читателю), посредствомъ связи и содержанія предложеній, а также посредствомъ тона, знать, что эта мысль составляетъ предметъ его желанія. Отрицаніемъ бываетъ всегда μῆ.

Примѣры:

Il. I, 18—19. ὁμῖν μὲν θεοὶ δοῖεν Ὀλύμπια δώματ' ἔχοντες
ἐκπέρσαι Πριάμοιο πόλιν, εὖ δ' οἴκαδ' ἰκέσθαι.

Ср. Еслибы молодъ я сталъ и могучестью крѣпокъ, какъ прежде
(Гнѣдичъ).

Verg. Aen. VI, 187. Si nunc se nobis ille aureus arbore ramus
Ostendat nemore in tanto!

За многими изъ этихъ предложеній, выражающими желаніе, у Гомера слѣдуетъ optativus cum $\kappa\epsilon\upsilon$ ($\kappa\acute{\alpha}\nu$), въ началѣ котораго встрѣчается большею частію указательное $\tau\omega$ (= $\epsilon\acute{\iota}$ τοῦτο γένοιτο). Такое соединеніе должно разсматривать не какъ условный періодъ, а какъ соединеніе двухъ самостоятельныхъ предложеній, изъ которыхъ первое выражаетъ желаніе (см. Амейсъ къ Od. XV, 545).

Примѣры:

Il. XVII, 561 sq. Φοῖνιξ, ἄττα γεραιὲ παλαιγενές, εἰ γὰρ Ἀθήνη
δοίη κάρτος ἐμοί, βελέων δ'ἀπερύχοι ἐρωήν.
 $\tau\omega$ κεν ἔγωγ' ἐθέλοισι παρεστάμεναι καὶ ἀμόνευ.

Od. XVII, 496 sq. εἰ γὰρ ἐπ'ἀρῆσιν τέλος ἡμετέρησι γένοιτο.
οὐκ ἄν τις τούτων γε εὐθρονον ἤω ἴκοιτο.

Il. II, 371 sq. (αἶ γάρ). Od. VII, 331 sq. (αἶθε). Il. VII, 157 sq.
(εἶθε). Il. XXII, 286 sq. (ὦς).

Ср. въ русск. Ахъ, еслибъ зналъ ты, какъ привольно
Быть рыбкой въ холодѣ рѣчномъ —
Ты-бъ не остался добровольно
Съ холма слѣдить за поплавкомъ.
(Полонскій).

Что разница между вторымъ и третьимъ способомъ выражать желаніе—только формальная, показываетъ, напримѣръ, Od. XIV, 468 и 503: въ стихѣ 468 мы читаемъ: εἶθ' ὡς ἠβώοισι, βίη τέ μοι ἔμπεδος εἶη, а въ стихѣ 503 — ὡς νῦν ἠβώοισι. Оба оборота служатъ выраженіемъ сильнаго желанія.

b) Такой optativus безъ частицъ, или съ предшествующимъ $\epsilon\acute{\iota}$ γάρ (αἶ γάρ), εἶθε (αἶθε), употребляется иногда въ торжественныхъ увѣреніяхъ. Эти увѣренія состоятъ изъ двухъ предложеній: первое (обыкновенно съ οὕτως или ὡς) выражаетъ желаніе и имѣетъ поэтому глаголъ въ желательномъ наклоненіи; второе (большею частію съ ὡς) выражаетъ то, въ чемъ говорящій увѣряетъ, и имѣетъ глаголъ въ изъявительномъ наклоненіи. Иногда предметъ увѣренія выражается условнымъ предложеніемъ.

Πριμѣры:

Π. VII, 538 sq. εἶην ἀθάνατος καὶ ἀγήρως ἤματα πάντα
ποιίμην δ'ὡς τίετ' Ἀθηναίη καὶ Ἀπόλλων,
ὡς νῦν ἡμέρη ἦδε κακὸν φέρεи Ἀργείοισιν.

O! если бы столько же вѣрно

Былъ я безсмертенъ, и жизнью моею никогда не старѣющъ,
Славился всѣми, какъ славятся Фебъ, и Паллада Λεῖνα:

Сколько то вѣрно, что день сей несетъ Аргивянамъ погибель!

(Γηΐδичъ).

Π. IV, 178 sq. Π. XVII, 464 sq.

Ar. Nub. 520 sq. οὕτω νικήσαμι τ' ἐγὼ καὶ νομιζοίμην σοφός.
ὡς ὑμᾶς ἡγούμενος εἶναι θεατὰς δεξιούς...
πρώτους ἤξιωσ' ἀναγεύς ὑμᾶς.

Ar. Th. 469. καὐτὴ γὰρ ἔγωγ' οὕτως ὀναίμην τῶν τέχνων, μισῶ τὸν
ἄνδρ' ἐκεῖνον (безъ ὡс во второмъ предложении).

Eur. Med. 715 sq. οὕτως ἔρωс σοι πρὸс θεῶν τελεσφόρος γένοιτο
παίδων, καὐτὸс δλβιος θάноис (второе предложение нужно дополнить изъ
предыдущаго: ὡс ἄντομαί σε и т. д.).

Сравни въ лат. Terent. Heaut. IV, 3, 8.

Ita me dii ament, ut ego nunc non
tam mea causa laetor quam illius.

Π. II, 259 sq. μηκέτ' ἔπειт' Ὀδυσῆι κάρη ὤμοισιν ἐπείη,
μηδ' ἔτι Γηλεμάχοιο πατῆρ κελημένος εἶην,
εἰ μὴ ἐγὼ σε λαβὼν ἀπὸ μέν φίλα εἵματα δύσω...

(предметъ увѣренія выраженъ чрезъ условное предложение).

Od. XVI, 102 sq.

S. Or. 644. μὴ νον ὀναίμην . . . . . εἰ сέ τι δέδρακα.

Ar. Ach. 324. ἐξελοίμην, ἦν ἀκούσω.

Hdt. VII, 11. μὴ γὰρ ἐκ Δαρείου γεγονώς, μὴ τιμωρησάμενος Ἀθη-
ναίους (вмѣсто условнаго предложенія—причастіе).

Сравни въ лат. moriar (= ne vivam = ne sim salvus), si aliter
scribo ac sentio.

с) Optativus, выражающій желаніе, можетъ служить скромнымъ
выраженіемъ приказанія. Proxima optativi, говоритъ Германнъ, jubendi
est significatio, quæ nunc precatione continetur, nunc propior imperio
est.

Примѣры:

И. III, 74. ναίους Τροίην ἐριβόλακα, τοὶ δὲ νεέσθων
(optativus рядомъ съ imperativus).

Od. XXII, 77. ἔλθωμεν δ' ἀνὰ ἄστυ. βοή δ' ὄχιστα γένοιτο.
(optativus рядомъ съ conj. adhortativus).

И. XX, 119. Od. XV, 24.

Ag. V. 1431. ἔρδοι τις ἦν ἕκαστος εἰδείη τέχνην.

X. An. VI, 6, 18. τούτου ἔνεκα μήτε πολεμεῖτε Λακεδαιμονίους σώζουθὲ τε ἀσφαλῶς, ὅποι θέλει ἕκαστος.

d) Въ optativus, выражающемъ желаніе, иногда заключается кромѣ желанія и уступленіе; въ такихъ случаяхъ уступленіе является чѣмъ-нибудь въ нѣкоторомъ отношеніи желательнымъ.

Примѣры:

И. XXI, 359 sq. λῆγ' ἔριδος. Τρῶας δὲ καὶ αὐτίκα δῖος Ἀχιλλεύος
ἄσπετος ἐξελάσειε .... (пускай Ахиллѣ прогонитъ).

Od. VII, 224. ἰδόντα με καὶ λίποι αἰών.

e) Желаніе, выраженное чрезъ optativus, относится весьма рѣдко къ прошедшему времени (см. ниже § 4, i).

Примѣры:

Od. XVIII, 79. νῦν μὲν μήτ' εἴης . . . . μήτε γένοιο.
neve sis — neve fueris.

Eur. Hipp. 406. ὡς ὄλοιτο παγκάκως, utinam perierit.

Hel. 1215. ὅπου κακῶς ὄλοιτο, Μενέλεως δὲ μή.
ubi utinam perierit.

f) Если говорящій выразитъ свое желаніе посредствомъ optativus, то онъ не обращаетъ никакого вниманія на то, можно ли па- дѣяться на осуществленіе этого желанія или нѣтъ. Если мы, напри- мѣръ, читаемъ:

И. VII, 132 sq. αἶ γὰρ Ζεῦ τε πάτερ καὶ Ἀθηναίη καὶ Ἄπολλον
ἠβῶμ' ὡς ὄτ' . . . .

и находимъ, что желаніе Нестора неосуществимо, то мы заключаемъ это не изъ optativus ἠβῶμ', а изъ дѣйствительнаго положенія обстоя- тельствъ. Точно также

И. XI, 670; XXIII, 629. Сравнить можно въ лат. Verg. Aen. VIII, 560 sq.;

O mihi praeteritos referat si Juppiter annos,
Qualis eram cum . . . . .

Примѣчаніе. Если же говорящій жслаетъ выразить свое желаніе, какъ неосуществимое, то онъ выражаетъ его посредствомъ: протазиса условнаго періода съ изъявительнымъ историческихъ временъ и съ союзами *εἰ γάρ, εἴθε, αἶθε* (X. Men. I, 2, 46 *εἴθε σοι, ὦ Περικλεῖς, τότε συνεγεγόμενῃ*), или посредствомъ описательнаго оборота, состоящаго изъ глагола *ῥφελον, ῥφελес* . . . (*debebam*) и неопредѣленнаго наклоненія (X. An. II, 1, 4. *ἄλλ' ῥφελε μὲν Κῦρος ζῆν*). Эта форма *ῥφελον* (у Гомера также *imperfectum ῥφελλον*), которая сама по себѣ выражаетъ сужденіе, а не желаніе, потеряла въ предложеніяхъ, выражающихъ желаніе, свое первоначальное значеніе, такъ что она могла быть соединяема съ союзами *εἰ γάρ, εἴθε*, ὡς и принимала только отрицаніе *μή*, на примѣръ: II. XXII, 481, *ὡς μὴ ῥφелле τεκέσθαι*. Если желаніе, которое говорящій хочетъ выразить, какъ неосуществимое, относится къ настоящему, то онъ употребляетъ обыкновенно *indicativus imperfecti* (или *infinitivus praesentis* съ *ῥφελον*), потому что настоящее болѣею частію заключаетъ въ себѣ понятіе продолженія; на примѣръ: Eur. Heraclid. 731:

εἶθ' ἦσθα δυνατὸς δρᾶν ὅσον πρόθυμος εἶ.

II. IX, 698. *μή ῥφелес λίσσεσθαι Πηλείωνα.*

Желаемое дѣйствіе, относящееся къ прошедшему, говорящій представляетъ обыкновенно, какъ фактъ, оставляя въ сторонѣ его качество (продолженіе или совершеніе), и поэтому онъ употребляетъ для выраженія желанія, относящагося къ прошедшему и представляемаго имъ неосуществимымъ, обыкновенно *indicativus aoristi* (или *infinitivus aoristi* съ *ῥφελον*); на примѣръ:

S. Or. 1218. *εἴθε σε μή ποτ' εἰδόμαν.*

II. III, 173. *ὡς ῥφелен θάνατός μοι ἀδεῖν κακός, ὁππότε δεῦρο υἱέ σφ' ἐπόμην.*

Другіе примѣры на примѣчаніе:

Eur. El. 1061. *εἶθ' εἶχες, ὦ τεκοῦσα, βελτιοῦς φρένας.*

Eur. Or. 1614. *εἰ γάρ τόδ' ἦν.*

Alc. 1072.

II. III, 40. *αἶθ' ῥφелес ἄγονός τ' ἔμεναι ἄγαμός τ' ἀπολέσθαι*
utinam natus non esses.

S. Ph. 969. *μή ποτ' ῥφелον λιπεῖν τὴν Σκῦρον.*

S. El. 1021. *εἶθ' ῥφелес τοιάδε τὴν γνώμην, πατρός*
θνήσκοντος εἶναι. πάντα γ' ἂν κατειργάσω.

Pl. Crit. 144 d. εἰ γὰρ ὄφελον οἰοί τε εἶναι οἱ πολλοὶ τὰ μέγιστα κακὰ ἐπεργάζεσθαι, ἵνα οἰοί τε ἦσαν αὐ καὶ ἀγαθὰ τὰ μέγιστα, καὶ καλῶς αὐ εἶχεν.

X. Cy. IV, 6, 3. ὡς μήποτ' ὄφελεν (подраз. ἀμαρτεῖν).

г) Въ русскомъ языкѣ желаніе выражается большею частію чрезъ сослагательное наклоненіе (обыкновенно съ союзомъ — о если), которое, подобно греческому желательному, оставляетъ перѣшленнымъ, можетъ ли желаніе осуществиться или нѣтъ; возможность или невозможность желаемаго узнается всегда изъ дѣйствительнаго положенія дѣла. Кромѣ того, для выраженія желанія употребляются разныя описательныя обороты или повелительное наклоненіе; напримѣръ:

Не дай Богъ съ дуракомъ связаться.
(Крыловъ).

"О старецъ! да услышахъ твой
Днесъ голосъ лебединый.
(Жуковский).

II. ЖЕЛАТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ СЪ ἄν (хέν) ВЪ ГЛАВНЫХЪ ПРЕДЛОЖЕНИЯХЪ.

§ 3. О частицѣ ἄν (хέν).

а) Въ связи съ употребленіемъ наклоненій находится употребленіе частицы ἄν, вмѣсто которой встрѣчается большею частію у Гомера, иногда у Эсокрита, рѣдко у трагиковъ, эолическая энклитическая частица хέ или хέν (дор. хά).

Едва ли можно найти въ греческомъ языкѣ какое-нибудь слово, которое бы служило такъ часто предметомъ ученыхъ изслѣдованій и притомъ возбуждало бы столь великое несогласіе въ мнѣніяхъ и касательно своего происхожденія, и относительно своего значенія, какъ частица ἄν (хέν). Но такъ какъ цѣль нашей статьи не требуетъ изложенія отдѣльныхъ мнѣній, то мы приведемъ только мнѣніе ученаго Lange (Zeitschrift für die österreichischen Gymnasien IX, Seite 52), которое мы считаемъ единственно вѣрнымъ.

Что частицы ἄν и хέν одинаковы по своему значенію и употребленію, показываютъ разныя мѣста; напримѣръ:

Od. XVIII, 27 sq. . . . δν ἄν κακὰ μητιοαίμην
κόπτων ἀμφοτέρησι, χαμαὶ δέ κε πάντας ὀδόντας
γναθῶν ἐξέλασσιν, οὐδὲ ὡς ληϊβοτείρης.

Od. XVIII, 379 sq. II. XIII, 321 (κέν), 324 (ἄν). II. XIV, 244 sq. II. XIV, 335 sq. II. XXIV, 556 sq.

б) Частица κεν(ν) происходитъ отъ древнеиндійскаго мѣстоименнаго корня ka, ki, который встрѣчается въ греческомъ языкѣ, съ одной стороны, въ ὁ-κό-τερος, ἄκος(ко), а съ другой стороны—въ τίς и τις (ти), и имѣеть въ санскритскомъ языкѣ, подобно греческому τίς, не только вопросительное, но и неопредѣленное значеніе (ср. Fr. Bopp Vergleichende Grammatik, II, Seite 220). Leo Meyer (Vergleichende Grammatik der griechischen und lateinischen Sprache, I, 326) сравниваетъ частицу κέν съ древнеиндійскою частицею kam; точно также Lange.

Неопредѣленное значеніе частицы κέν виднѣе всего въ ὅς κεν (ὅς ἄν), совпадающемъ съ латинскимъ quicumque, съ индійскимъ kascana.

Относительно частицы ἄν трудно доказать, образовалась ли она черезъ афэрзисъ изъ того же корня, или произошла отъ какого-нибудь другаго неопредѣленнаго мѣстоименія. Но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что частица ἄν имѣеть то же самое неопредѣленное значеніе.

с) Происхожденіе частицъ κέν и ἄν показывають ихъ значеніе—значеніе неопредѣленности. Онѣ означають, что соединенное съ ними сказуемое зависитъ отъ какихъ-то неопредѣленныхъ, но не смотря на это, реальныхъ, то-есть, существующихъ въ дѣйствительности обстоятельствъ, или условій, — условій, о которыхъ говорящій не имѣеть, или не старается имѣть никакого опредѣленнаго понятія, и которыя онъ, поэтому, всегда представляетъ слушателю (читателю) отгадать. Такъ какъ эти обстоятельства или условія, выраженные черезъ частицу ἄν (κέν), не опредѣлены, то нельзя выразить ихъ посредствомъ опредѣленнаго условнаго протагиса, и поэтому въ условныхъ періодахъ нельзя считать частицу ἄν (κέν), находящуюся въ анодозисѣ, указательнымъ соотносительнымъ словомъ (correlativum) къ относительному εἰ. Въ періодѣ:

εἰ τι ἔχοις, δοίης ἄν,

частица ἄν не указываетъ на высказанное въ протагисѣ (εἰ τι ἔχοις) условіе; она, напротивъ, самостоятельна и означаетъ, что слѣдствіе (δοίης ἄν) зависитъ еще отъ какихъ-то другихъ обстоятельствъ, о которыхъ говорящій не считаетъ нужнымъ имѣть опредѣленнаго понятія. Въ новыхъ языкахъ нѣтъ такой частицы, которая бы соответствовала греческой частицѣ ἄν (κέν); поэтому ее можно при переводѣ

скорѣе описать, нежели перевести, а именно возраженіями, каковы: въ какомъ-нибудь случаѣ, при извѣстныхъ условіяхъ (обстоятельствахъ), если обстоятельства позволятъ, если не будетъ никакихъ препятствій, если будетъ возможно, во всѣхъ мыслимыхъ случаяхъ, при случаѣ, случайно; по нѣм.: in irgend einem Falle, unter gewissen Bedingungen (Umständen), wol, etwa, wo möglich, möglicher Weise, in allen denkbaren Fällen, gelegentlich, eventuell, vorkommenden Falls, gesetzten Falls, и т. п.; напримѣръ: еслибы ты имѣлъ что-нибудь, ты бы это при извѣстныхъ условіяхъ (при случаѣ) далъ. Весьма странно поступаетъ Kühner, который, съ одной стороны (Ausführliche Grammatik der griechischen Sprache II, 1, Seite 205), соглашается съ мнѣніемъ Lange, а съ другой, принимаетъ частицу ἄν (хέν) за указательное correlativum къ относительному εἰ, какъ видно изъ его перевода упомянутого выше условнаго періода: „du dürftest vielleicht Etwas habend und dann (ἄν) dürftest du es geben“ (A. G. d. g. S. II, 1. Seite 196).

d) Этотъ, съ одной стороны, реальный, съ другой стороны, неопредѣленный характеръ частицы ἄν (хέν) есть причина того, что она, будучи присоединена къ мысли, выраженной черезъ optativus, ставитъ ее изъ предѣловъ представленія въ нѣкоторое, хотя весьма отдаленное, отношеніе къ дѣйствительности и отнимаетъ у нея, такимъ образомъ, извѣстную часть ея субъективности, тогда какъ та же самая частица ἄν, соединенная съ indicativus, поставляетъ то, что высказано, какъ нѣчто дѣйствительное, фактическое, въ нѣкоторую зависимость отъ извѣстныхъ обстоятельствъ или условій и ограничиваетъ, такимъ образомъ, дѣйствительность, придаваемую сказуемому говорящимъ лицомъ. Notio ejus, говоритъ Reisig (de vi et usu particulae ἄν, p. 99), optativo addita rem quamque, quae fieri posse simpliciter per optativum dicitur, confirmat; contra eadem indicativo participioque et infinitivo eorum temporum adjuncta, quibus non posse fieri aliquid, sed ipsa veritas facti exprimitur, reddit dubiam magis sententiam.

e) Что въ поэтическомъ слогѣ частица ἄν (хέν) употребляется рѣже, нежели въ прозѣ, гдѣ она очень рѣдко опускается, — это совершенно естественно. Поэтъ, относящійся болѣе свободно къ дѣйствительности, высказываетъ свое субъективное сужденіе, свое личное мнѣніе обыкновенно такъ, что онъ часто не приписываетъ во вниманіе существующія въ дѣйствительности обстоятельства и условія; прозаикъ, напротивъ, очень рѣдко выпускаетъ изъ виду дѣйствитель-

ность, настоящее положеніе дѣлъ и поэтому употребляетъ выраженіе, болѣе соответствующее его воззрѣнію.

§ 4. *Optativus potentialis* съ ἄν (κέν).

а) Желательное наклоненіе съ ἄν (κέν) служитъ выраженіемъ представляемаго случая, субъективнаго мнѣнія, предположенія (см. § 1, а), зависящаго отъ какихъ-то, хотя не означенныхъ, но реальныхъ обстоятельствъ или условій (см. § 3, с); на примѣръ: τοῦτο γένοιτο ἄν, это, я думаю, случится (при известныхъ условіяхъ, если не будетъ препятствій); это, пожалуй, случится, это можетъ (могло бы) случиться; dies könnte (dürfte, mag) wol geschehen.

Примѣры:

Il. I, 272 . . . . . κείνοισι δ'ἄν οὔτις
τῶν, οἳ νῦν βροτοὶ εἰσιν ἐπιχθόνιοι μαχέοιτο,
никто, пожалуй, не сражался - бы.

Il. II, 12. νῦν γάρ κεν ἔλοι πόλιν; при теперешнемъ положеніи дѣлъ опъ могъ-бы, пожалуй, взять городъ.

Il. XXIV, 437. σοὶ δ'ἄν ἐγὼ πομπὸς καὶ κε κλοτὸν Ἄργος ἰκοίμην (ἄν и κέν вмѣстѣ, чтобы сильнѣе выразить зависимость сказуемаго отъ условій).

Od. IX, 241 . . . . . οὐκ ἄν τόνγε δῶω καὶ εἶκοσ' ἄμαζαι
ἑοθλοὶ τεσσαράκλοτοι ἀπ' οὔδεος ὀχλίσειαν.

S. Ph. 118 sq. N. μαθὼν γάρ οὐκ ἄν ἀροίμην τὸ δρᾶν.
Ul. σοφός τ'ἄν αὐτὸς κάγαθός κεκλή ἄμα.

Her. V, 9. γένοιτο δ'ἄν πᾶν ἐν τῷ μακρῷ χρόνῳ.

X. An. IV, 6, 12; IV, 7, 7; V, 7, 10; VI, 5, 17; VII, 6, 16.

X. Cy. I, 6, 21.

Pl. Cratyl. 402, a. δις ἐς τὸν αὐτὸν ποταμὸν οὐκ ἄν ἐμβαίης.

Dem. XVIII, 252.

Ср. въ русскомъ: А я бы (при случаѣ) повару иному
Велѣлъ (хелеуоаѣи ἄν) на стѣпкѣ зарубить,
Чтобъ тамъ рѣчей не тратить по пустому,
Гдѣ нужно власть употребить.

(Крыловъ).

б) Вслѣдствіе этого своего значенія употребляется желательное наклоненіе съ ἄν (κέν), или *optativus potentialis*, съ которымъ соединяется часто нарѣчіе ἴσως или τάχα (быть можетъ, пожалуй), вмѣсто

изъявительнаго наклоненія, особенно вмѣсто изъявительнаго будущаго, въ томъ случаѣ, если говорящій желаетъ выразить свое сужденіе скромно и вѣжливо. Это показываютъ больше всего тѣ мѣста, въ которыхъ, рядомъ съ optativus cum *ἄν* (*кѣν*), стоитъ indicativus, напримѣръ:

Od. IV, 348 sq. ταῦτα δ' ἄ μ' εἰρωτᾶς καὶ λίσσασαι οὐκ ἄν ἔγωγε
ἄλλα παρέξ εἵπομι παρακλιδόν, οὐδ' ἀπατήσω.

Il. II, 159 sq. Ἀργεῖοι φεύζονται ἐπ' εὐρέα νῶτα θαλάσσης,
καὶ δέ κεν εὐχολὴν Πριάμφ καὶ Τρωῖσι λίποιεν.

Od. XVIII, 217 sq. (optativus cum *кѣν* рядомъ съ indicativus praesentis).

Hes. IV, 97. ἔφομαι τοι καὶ οὐκ ἄν λειφθείην.

Th. II, 64; III, 13.

X. Mem. I, 2, 17. ἴσως οὖν εἶποι τις ἄν.

X. Mem. III, 5, 7. ὦρα ἄν εἶη λέγειν.

X. Cy. V, 4, 35. τάχ' οὖν εἶποι τις ἄν.

с) Греки, особенно изъ Атики, употребляли optativus potentialis очень часто для скромнаго и вѣжливаго выраженія такихъ сужденій, которымъ они хотѣли придать отгѣноекъ субъективности, неопредѣленности, сомнѣнія, хотя въ нихъ видѣли неопровержимые факты (часто въ силлогизмахъ); эта attica urbanitas служила иногда средствомъ тонкой ироніи и острымъ оружіемъ противъ самоувѣренности, основанной на мнимомъ знаніи (см. Schmalfeld, Syntax des griech. Verbums, Seite 173).

X. Cy. I, 2, 11. καὶ θηρῶντες μὲν οὐκ ἄν ἀριστήσαιεν.

X. Cy. I, 2, 13. ἐπειδὴν τὰ πέντε καὶ εἴκοσι ἐτὴ διατελέσωσιν, εἶσαν μὲν ἄν οὗτοι πλείον τι γεγονότες ἢ πενήκοντα ἐτὴ ἀπὸ γενεᾶς.

Pl. Gogr. 502, d. δημηγορία ἄρα τίς ἐστὶν ἡ ποιητικὴ.

Call. Φαίνεται. Socr. Οὐκοῦν ἡ ῥητορικὴ δημηγορία ἄν εἶη.

d) Иногда optativus potentialis получаетъ отъ связи и содержанія значеніе скромной просьбы или скромнаго приказанія (запрещенія): говорящій предоставляет въ такомъ случаѣ исполненіе желаемаго доброй волѣ того, къ кому онъ обращается, напримѣръ: νῦν ἄν λέγας—теперь ты могъ бы (я думаю) сказать, jetzt könntest du sagen. Иногда такое скромное приказаніе заключаетъ въ себѣ тонкую иронію.

Примѣры:

Od. XVIII, 414 sq. ὦ φίλοι, οὐκ ἄν δὴ τις ἐπὶ ῥηθέντι δικαίῳ ἀντιβίους ἐπέσσει καθαρτόμενος χαλεπαῖνοι.

Дунканъ объясняетъ это мѣсто слѣдующими словами:

Sic levius quidem Amphinomus praecepit amicis, ne irascantur propter Telamachi increpationem, sed fortius imperat pergens versu 416 μὴ στοφελίζετε.

Od. XX, 135. οὐκ ἂν μιν νῦν, τέκνον, ἀναίτιον αἰτιόφο.

Il. II, 250 sq. (сѣ ироніей) Θεοῖτ' . . . . .

ἴσχεο . . . . .

οὐ γὰρ ἐγὼ σέο φημί χειρώτερον βροτῶν ἄλλον ἔμμεναι . . . .
τῷ οὐκ ἂν βασιλῆας ἀνά στομ' ἔχων ἀγορευοῖς,
καὶ σφιν ὀνειδέα τε προφεροῖς, νόστον τε φυλάσσοις.

Il. XIV, 127 (сѣ ироніей):

τῷ οὐκ ἂν με γένος γε κακὸν καὶ ἀνάλκιδα φάντες;
μῦθον ἀτιμῆσαιτε πεφασμένον;

S. El. 1491. Орестъ говоритъ сѣ ироніей Эгисеу:

χωροῖς ἂν εἴσω σὺν τάχει. Λόγων γὰρ οὐ
νῦν ἔστιν ἄγων, ἀλλὰ σῆς ψυχῆς πέρι.

S. El. 637. κλύοις ἂν ἤδη, Φοῖβε.

S. Ant. 444. σὺ μὲν κομίζοις ἂν σεαυτὸν, ἣ θέλεις.

Ag. V. 726. πρὶν ἂν ἀμφοῖν μῦθον ἀκούσῃς,
οὐκ ἂν δικάσαις.

Pl. Parm. 126, a. πάρεμί γε ἐπ' αὐτὸ τοῦτο δεησόμενος
ὁμῶν. Δέγοις ἂν, ἔφη, τὴν δέησιν (dicas).

Pl. Prot. 317, c. Pl. Civ. 614, a. Pl. Phaed. 227, c.

е) Иногда говорящій выражаетъ скромную просьбу, или скромное приказаніе посредствомъ субъективнаго мнѣнія въ видѣ вопроса сѣ отрицаніемъ οὐ; напримѣръ:

Il. X, 204 sq. ὦ φίλοι, οὐκ ἂν δὴ τις ἀνὴρ πεπίθειθ' ἐφ' αὐτοῦ
θυμῷ τολμήνῃ μετὰ Τρῶας μεγαθύμος
ἔλθειν;

Други! не можетъ ли кто-либо самъ на свое положиться
Смѣлое сердце? (Гнѣдичъ).

Il. V, 32 sq. οὐκ ἂν δὴ Τρῶας μὲν ἐάσαιμεν καὶ Ἀχαιούς
μάρνασθ', ὅπποτέροισι πατὴρ Ζεὺς κῦδος ὀρέξη
νῶϊ δὲ χαζώμεσθα, Διὸς δ' ἀλεώμεθα μῆνην.

(рядомъ сѣ optativus potentialis стоятъ conjunctivi adhortativi).

Od. II, V, 456. XXIV, 263. Od. VI, 57. VII, 22. XXII, 132 sq.

Od. II, III, 52 (съ ироніей). οὐκ ἂν δὴ μείνειας ἀρηϊφίλον Μενέλαον.

f) Optativus potentialis встрѣчается, какъ показываютъ послѣдніе примѣры, не только въ предложеніяхъ, выражающихъ сужденіе, но и въ предложеніяхъ вопросительныхъ, и имѣетъ въ нихъ то же самое значеніе; нѣкоторые изъ этихъ вопросительныхъ предложеній выражаютъ недоумѣніе (deliberatio).

Примѣры:

Il. XIV, 191 sq. ἦ ῥά νό μοί τι πίθοιο, φίλον τέκος, ὅττε κεν εἶπω, ἢέ κεν ἀρνήσαιο; . . . .

Od. VIII, 336. ἦ ῥά κεν ἐν δεσμοῖς ἐθέλοις κρατεροῖσι πιεσθεῖς εὔδειν ἐν λέκτροισι παρὰ χρυζέῃ Ἀφροδίτῃ;

Il. XI, 838. Od. XV, 431.

Pl. Phaed. 68, b. εἰ δὲ τοῦτο οὕτως ἔχει. . . . οὐ πολλή ἂν ἀλογία εἴη, εἰ φοβοῖτο τὸν θάνατόν ὁ τοιοῦτος;

X. Mem. II, 3, 19.

Dem. IV, 10. λέγεται τι καινόν; γένοιτο γάρ ἂν τι καινότερον ἢ Μακεδῶν ἀνὴρ Ἀθηναίους καταπολεμῶν;

Ar. Ποῖ δὴτ' ἂν τραποίμην; (субъективнѣе и слабѣе нежели ποῖ δὴτα τράπωμαι; ср. § 1, a).

Pl. Euthyd. 290. Ποῖ οὖν, ἔφην ἐγώ, τραποίμεθ' ἂν ἔτι;

g) Особеннаго вниманія заслуживаютъ риторическіе вопросы съ вопросительными словами τίς, πῶς, имѣющіе смыслъ отрицательныхъ предложеній, такъ что τίς ἂν = οὐδεὶς ἂν, πῶς ἂν = οὐδαμῶς ἂν; на примѣръ:

Il. IX, 77. τίς ἂν τάδε γηθήσειεν;

Il. XXIV, 367. εἰ τίς σε ἴδοιτο . . . τίς ἂν δὴ τοι νόος εἴη;

Od. V, 100; XXI, 259.

S. Ph. 1398. τί δὴτ' ἂν ἡμεῖς δρῶμεν, εἰ σε . . . πείσειν δυνησόμεθα μηδὲν ὧν λέγω;

Такіе риторическіе вопросы выражаютъ иногда удивленіе или негодованіе, на примѣръ:

Od. X, 383 sq. ὦ Κίρκη, τίς γάρ κεν ἀνὴρ, ὃς ἐναίσιμος εἴη, πρὶν τλαίη πάσσασθαι ἐδητύος ἢδὲ ποτῆτος πρὶν . . . .

Od. IX, 351 sq. σχέτλιε, πῶς κέν τίς σε καὶ ὄσπερον ἄλλος ἴκοιτο ἀνθρώπων πόλεων, ἐπεὶ οὐ κατὰ μοῖραν ἔρεξας;

h) Реторическіе вопросы съ πῶς (рѣдко съ τίς) выражаютъ иногда желаніе: говорящій собственно только спрашиваетъ у себя самого, какъ или чрезъ кого могло бы что-либо произойти, но за этимъ вопросомъ скрывается желаніе говорящаго.

Примѣры:

Od. XV, 195 sq. Νεστορίδῃ, πῶς κέν μοι ὑποσχόμενος τελέσειας μῦθον ἐμὸν;

Il. XVIII, 327 sq. Αἰνεΐα, πῶς ἂν καὶ ὑπὲρ θεῶν εὐρύσσαισθε Ἴλιον αἰπεινήν;

Il. X, 303, sq.

Aesch. Ag. 1423. φεῦ τίς ἂν ἐν τάχει μόλοι;

S. Phil. 531. πῶς ἂν ὑμῖν ἐμφανής . . . γενοίμην;

S. Oc. 1100. τίς ἂν θεῶν σοι τόνδ' ἄριστον ἄνδρ' ἰδεῖν δοίη;

S. Phil. 794; 1244. S. El. 660. S. Aj. 389 sq. S. OR. 765.

Eur. M. 97. ἰὼ μοί μοι, πῶς ἂν ὀλοίμαν;

Eur. Alc. 864. πῶς ἂν ὀλοίμην;

Pl. Civ. 430, d. πῶς οὖν ἂν τὴν δικαιοσύνην εὐροίμην;

Pl. Euthyd. 275, c. τὰ μετὰ ταῦτα πῶς ἂν καλῶς σοι διηγησαίμην;

Сравни въ лат. Plaut. Trinummus, 97.

Qui (πῶς = utinam aliquo modo) te di omnes advenientem peregre perdant Charmides.

i) Выраженное чрезъ optativus cum ἂν (κέν) предположеніе или субъективное мнѣніе относится обыкновенно къ настоящему или будущему времени; такъ употребляется часто γνοίης ἂν, γνοίη τίς ἂν, ἴδοι τίς ἂν=cognoscas, videas (cognoveris, videres); βουλοίμην ἂν=velim и т. п. Выраженіемъ личнаго мнѣнія или предположенія о предметахъ, относящихся къ прошедшему, служить большею частію изъявительное наклоненіе историческихъ временъ съ ἂν (κέν); напримѣръ: ἔγνων τίς ἂν, φετό τίς ἂν; εἶδες ἂν=cognosceres, putares, videres и т. п. Но если говорящій, по живости своего разказа, переноситъ себя и своихъ слушателей (читателей) въ то время, къ которому предметъ разказа принадлежитъ, и такимъ образомъ, высказывая о немъ свое личное мнѣніе, оставляетъ въ сторонѣ вопросъ объ его времени, то онъ употребляетъ желательное наклоненіе съ ἂν (κέν); связь и содержаніе мѣста намъ тогда показываютъ, что представляемый случай относится къ прошедшему (довольно часто у Гомера, иногда у Геродота, весьма рѣдко у аттическихъ писателей).

Примѣры:

П. IV, 223. ἐνθ' οὐκ ἂν βρίζοντα ἴδοις Ἀγαμέμνονα
non videres, тутъ (я думаю) не увидѣлъ бы ты.

П. V, 85. Τοδείδην δ' οὐκ ἂν γνοίης, ποτέροισι μετείη,
cognosceres.

П. III, 220, 223. IV, 429. V, 311, 388. XII, 59. XV, 697.

Od. V, 74 . . . . ἐνθα κ' ἔπειτα καὶ ἀθάνατός περ ἐπελθὼν
θηήσαιτο ἰδὼν καὶ τερφθεῖη φρεσὶν ἦσιν.

Od. VIII, 280. XIII, 87.

Два раза въ вопросительномъ предложеніи:

П. XIX, 90. ἀλλὰ τί κεν ῥέξαιμι, quim facerem (ср. § 1, d).

Od. IV, 649. αὐτὸς ἐκὼν οἱ δῶκα. τί κεν ῥέξαιε καὶ ἄλλος;

Eur. Suppl. 764:

φαίης ἂν, εἰ παρῆσθ', δτ' ἡγάπα νεκροῦς.

Her. I, 2. εἶησαν δ' ἂν οὔτοι Κρηῆτες.

это, я думаю, были Критяне.

es mögen Kreten gewesen sein.

Her. I, 70. τάχα δὲ ἂν λέγοιεν; II, '98; V, 59; VII, 180; 184; 214;
VIII, 136.

Her. IX, 71.

Pl. Menex. 240, d. ἐν τούτῳ (τῷ χρόνῳ) ἂν τις γενόμενος γνοίη.

к) Такъ какъ optativus praesentis (perfecti) и aoristi съ частицею ἂν (хѣν) самъ по себѣ не имѣетъ значенія времени, то онъ можетъ выражать и случаи, относящіяся къ будущему времени; поэтому Греки употребляли желательное будущаго съ ἂν (хѣν) весьма рѣдко. Последнее мы встрѣаемъ:

Od. XVII, 546, sq. τῷ κε καὶ οὐκ ἀτελής θάνατος μνηστῆροι γένοιτο
πᾶσι μάλ'; οὐδέ κέ τις θάνατον καὶ κῆρας ἀλόξει.

Lyc. in Leocr. 15. δόξοιτ' ἂν.

Pl. leg. IV, 719, e. ἐπαίνεσοι ἂν τις.

К. Гобза.

КАННИБАЛИЗМЪ ВЪ ГРЕЧЕСКИХЪ МИФАХЪ¹⁾

ОПЫТЪ ПО ИСТОРИИ РАЗВИТІЯ НРАВСТВЕННОСТИ.

II.

Грубость нравовъ, отразившаяся въ греческихъ мифахъ.

Ἦν ἡρόνος ἐπὶ τῶν ἀτακτοῦ ἀνθρώπων βίος
καὶ θυρίσθης λαχός ὃ ὑπέρτης.

§ 9.

Грубые мифы.

Существованіе каннибализма у Грековъ или у народа, отъ котораго они произошли, оказывается, на основаніи многихъ соображеній, столь несомнѣннымъ фактомъ, что и самая цѣль доказать его, не смотря на общепринятость въ классической филологіи противоположнаго взгляда, лишается въ моихъ глазахъ той привлекательности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ будто и того значенія, которое необходимо для того, чтобы, ограничиваясь только этимъ однимъ предметомъ, оставлять всѣ прочія цѣли и задачи въ сторонѣ. Я убѣдился, что распространенный въ настоящее время оптимистическій взглядъ на древнѣйшее состояніе греческаго народа держится только вслѣдствіе незнанаго рѣзкаго противорѣчія, въ которомъ онъ находится съ нѣкоторыми данными самой же классической филологіи; тѣмъ болѣе я могу надѣяться, что, при неминуемомъ столкновеніи съ результатами другихъ историческихъ наукъ, это, столь тщательно поддерживаемое, поэтическое направленіе нашей науки уступитъ мѣсто болѣе трезвому взгляду, который прямо и безъ особыхъ доказательствъ поведетъ, между прочимъ, и къ признанію доказываемаго мною пред-

¹⁾ Продолженіе. См. Журналъ Мин. Народн. Просв. декабрь 1873 года.

положенія о существованіи каннибализма у Грековъ. Изъ предъидущаго читатель уже знаетъ, что я намѣренъ воспользоваться изслѣдованіемъ этого варварскаго явленія только какъ предлогомъ для достиженія гораздо высшей цѣли, а именно, чтобы выяснитъ то важное значеніе, которое слѣдуетъ признавать за мифами, какъ за источниками для исторіи развитія нравственности. Поэтому, считаю умѣстнымъ, прежде чѣмъ перейдемъ къ каннибализму, остановиться еще на нѣкоторыхъ другихъ слѣдахъ грубости, сохранившихся въ мифахъ. Матеріаломъ, слѣдовательно, будутъ намъ служить преимущественно такіе мифы, которые, отличаясь отъ прочихъ замѣчательною грубостью своего содержанія, составляютъ какъ бы особую категорію,—категорію *грубыхъ мифовъ*, κατ' ἐξοχήν.

Въ предъидущей главѣ, излагая мой взглядъ на этическое развитіе вообще и указывая на важность мифовъ для изслѣдованія самыхъ началъ этого развитія, я долженъ былъ высказаться и на счетъ происхожденія мифовъ. Такъ какъ, относительно послѣдняго вопроса, частности моего взгляда выспитя, на сколько это будетъ необходимо, въ дальнѣйшемъ ходѣ нашего изслѣдованія, то я довольствовался указаніемъ только главнѣйшихъ его чертъ, не представляющихъ существеннаго различія съ теоріею Отфрида Мюллера, которую, поэтому, я и старался изложить хотя вкратцѣ¹⁾. Считаю „логическую“

¹⁾ Чтобы указать и на одно важное отличіе моего взгляда на мифы отъ взгляда Отфрида Мюллера, я замѣчу здѣсь, что не раздѣляю его мнѣнія, будто мифы суть исключительно произведеніе какого-то особаго періода (mythenbildende Zeit). Мюллеръ, признавая дѣятельность разсудка источникомъ мифовъ, долженъ, по моему, признавать и возможность появленія новыхъ мифовъ во все время. Его мнѣніе повторяется, впрочемъ, съ нѣкоторыми измѣненіями до послѣдняго времени. Даже *Ganz* впадаетъ въ ту же ошибку. *Hahn*, *Sagwissenschaftliche Studien*, 1-й выпускъ (1871 г.), стр. 57: Da aber schon O. Müller das s. g. mythische Zeitalter der Hellenen auch als das mythenbildende ansieht (Proleg. S. 164 f.), dessen mythenbildende Thätigkeit in unsern heutigen Denken keine [?] Analogie hat (S. 112, auch Max Müller in seinen Vorlesungen über die Wissenschaft der Sprache, Serie II, S. 335, 337 f., stellt in demselben Sinne ein mythisches Zeitalter auf), so wollen wir nach seinem Vorgange das Zeitalter, in welchem der Mensch Sprache und Sage schuf und wesentlich [?] anders dachte, als in dem geschichtlichen, das *mythische* oder das *Sprach- und Sagalter* nennen; der Unterschied zwischen unserer und Müller's mythischer Zeit betrifft nur ihr Alter, denn während er dieselbe unter den Hellenen und auf hellenischem Boden sucht, verlegen wir sie an den Anfang der Menschheit. Ср. *тамъ же*, стр. 85: Wir beschränken die Eigenart [?] unserer Ansicht von der Sage jedoch nur auf ihren Ursprung, für den wir dadurch einen festeren Boden zu gewinnen trachten, dass wir ihn, auf das innigste

умственную работу источникомъ мифовъ, и опредѣляя ихъ, такимъ образомъ, какъ „научныя“ объясненія извѣстныхъ дапныхъ, я имѣлъ при этомъ главнымъ образомъ въ виду—устранить аллегорическую, символическую и другія теоріи, которыя, какъ мы видѣли, лишаютъ мифы ихъ этическаго значенія. Мой взглядъ на происхожденіе мифовъ я старался объяснить примѣромъ изъ Одиссеи, прилагая его ко всѣмъ частностямъ этого примѣра. Но подобная провѣрка можетъ считаться, удачнымъ или неудачнымъ, *доказательствомъ* только для тѣхъ ученыхъ, которые знакомы со всѣми другими теоріями о томъ же предметѣ, и которые, притомъ, въ состояніи оцѣнить, на сколько припеченный нами примѣръ можетъ служить представителемъ всѣхъ мифовъ, находящихся, въ мнимомъ или дѣйствительномъ, противорѣчій съ нашимъ взглядомъ. Я же самъ долженъ покаместъ смотрѣть на него какъ на гипотезу, пуждающуюся еще въ подтвержденіи. Посмотримъ теперь, на сколько тотъ матеріалъ, которымъ мы будемъ пользоваться (грубые мифы), можетъ считаться достаточнымъ для такого подтвержденія.

Всякое строгое доказательство извѣстнаго сужденія должно состоять собственно изъ двухъ частей: изъ провѣрки сужденія на всѣхъ фактахъ, для объясненія которыхъ оно придумано, и, затѣмъ, изъ опроверженія всѣхъ противорѣчащихъ сужденій, какія только мыслимы о данномъ предметѣ. Въ математикѣ подобнаго рода сужденія называются обыкновенно теоремами, въ прочихъ же наукахъ — теоріями. Строгая научность доказательства въ математическихъ наукахъ вытекаетъ изъ того обстоятельства, что, вслѣдствіе извѣстныхъ условій, возможно просмотрѣть мысленно всѣ данныя, на которыхъ теорема должна быть провѣрена, и что затѣмъ представляется только очень ограниченное количество теоремъ, которыя слѣдуетъ опровергнуть (такъ напримѣръ, теоремъ, что прямой уголъ больше остраго,

mit der Sprachentstehung verschwistert, an den Anfang der Menschheit zurückrücken und ihn mit dem Ausbau der Sprache abschliessen (sic), so dass von da an ihre Weiterentwicklung, gleich der Sprache, auf die Umbildung des vorhandenen und die Aufnahme fremden Stoffes beschränkt ist. Но въ чемъ же мифы могутъ состоять развитіе вообще, если не въ переработкѣ стараго и въ усвоеніи новаго матеріала? Въ приведенными словами Ганъ собственно только подтверждаетъ возможность непрерывнаго появленія мифовъ. Но онъ, повидимому, понимаетъ подъ мифами только тѣ грубыя воззрѣнія, которыя лишены всякой аналогіи съ нашимъ мышленіемъ, то-есть, тѣ, которыя для болѣе развитаго мышленія кажутся чуждыми и нецѣльными. Произвольность столь узкаго пониманія мифовъ — очевидна.

мыслимо противопоставить только двѣ слѣдующія: прямой равенъ остроуму и—прямой меньше остроумо). Иное дѣло въ другихъ наукахъ, особенно же въ историческихъ, куда слѣдуетъ отнести и науку о миоахъ. Тутъ, вслѣдствіе сложности, разнообразія и множества данныхъ, съ которыми приходится имѣть дѣло, теорія можетъ опираться только на *нѣкоторыя* данныхъ, представляющихся, на основаніи какихъ бы то ни было соображеній, болѣе важными. Проверка же *всѣхъ* данныхъ — не мыслима. Также и съ другой стороны, вслѣдствіе необходимости пренебрегать одними фактами и выдвигать впередъ другіе, представляется обыкновенно возможность придумать безчисленное множество самыхъ различныхъ теорій, объясняющихъ, повидимому, одинъ и тотъ же предметъ, въ то время какъ, въ сущности, онѣ объясняютъ или берутся объяснить иногда совсѣмъ различное. Поэтому и опровергать всѣ теоріи, какія только мыслимы, нѣтъ никакой возможности. Зато и довольствуются обыкновенно проверкою новой теоріи по важнѣйшимъ лишь фактамъ и указаніемъ несостоятельности только тѣхъ теорій, на мѣсто которыхъ желаютъ возвести новую. Такимъ образомъ и мы, желая доказать (относительную) вѣрность нашего взгляда на мионы, можемъ довольствоваться проверкою его на ограниченномъ количествѣ мионовъ и опроверженіемъ только *существующихъ* противоположныхъ намъ теорій.

Для опроверженія теорій достаточно указанія одного факта, противорѣчащаго ей. Называя мионы научными объясненіями явленій и находясь, такимъ образомъ, въ разногласіи съ тѣми теоріями, которыя смотрятъ на мионы, какъ на произведеніе фантазіи, я усматриваю главное доказательство несостоятельности этихъ теорій въ томъ, что онѣ не объясняютъ существенной стороны разсматриваемаго ими предмета, именно, что онѣ не объясняютъ, какимъ образомъ мионы, будучи только произведеніями воображенія, могли сдѣлаться предметомъ вѣрованія. Если, на примѣръ, олицетвореніе мѣсяца было первоначально только поэтической картинкою, то чѣмъ объяснить заботливость нѣкоторыхъ дикарей, чтобы ихъ дѣти не указывали на него пальцемъ, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, мѣсяць можетъ его откусить ¹⁾? Если народныя понятія о домовыхъ и вообще

¹⁾ *Bastian* въ *Zeitschr. f. Ethnol.*, IV (1872), стр. 362, прим. Примѣръ подобной ограниченности умственныхъ способностей представляютъ Басуты (въ юго-восточной Африкѣ), которые убѣждены, что, гуляя у берега рѣки, слѣдуетъ остерегаться, чтобы тѣнь отъ собственнаго тѣла не пала на воду, ибо тогда

о различныхъ привидѣнiяхъ, въ мионическомъ значенiи: которыхъ нѣтъ сомнѣнiя, были первоначально не что иное, какъ только символы или аллегорiи, то чѣмъ объяснить, напримѣръ, убѣжденiе, что посыпавъ полъ пепломъ, можно увидѣть на немъ слѣды этихъ ночныхъ гостей ¹⁾? Чѣмъ объяснить вѣру Тирольцевъ въ существованiе „дивныхъ людей“, — столь глубоко укоренившуюся, что она даже заставляетъ нѣкоторыхъ строить дома съ маленькими окошечками, единственно изъ опасенiя, чтобы эти дикiе люди не подмѣнили дѣтой? Но положимъ даже, что нельзя требовать отъ теорiи объясненiя всѣхъ фактовъ. Тогда слѣдуетъ, однакожъ, замѣтить, что указываемая нами связь вѣры съ мiоами не есть какос-нибудь единичное, а общее всѣмъ мiоамъ явленiе. Къ тому же, если и можно оставлять не объясненными нѣкоторые факты, индифферентные для теорiи, то вѣдь въ нашемъ случаѣ очевидно, что указанное явленiе, не будучи объясненнымъ въ пользу разсматриваемыхъ теорiй, находится въ самомъ рѣзкомъ противорѣчiи съ ними.

Довольствуясь этими указанiями для опроверженiя всѣхъ теорiй, смотрящихъ на мiою какъ на произведенiя фантазiи, мы должны, однако, остановиться еще на символической теорiи, такъ какъ она не вполне можетъ быть отнесена къ этой категорiи. Если понимать подъ символомъ сознательно придуманную форму для иносказательнаго выраженiя извѣстной мысли, то окажется, что и символическая теорiя настоящимъ источникомъ мiоовъ считаетъ дѣятельность разсудка. Въ такомъ случаѣ мыслимо объяснить, — хотя и не безъ натяжки, — и „повдвѣйшую“ будто бы вѣру въ истинность содержанiя мiоовъ. Чтобы, однако, вполне оцѣнить значенiе этой теорiи, необходимо только взглянуть на главные мотивы, которыми она была вызвана, и которые ничѣмъ не отличаются отъ тѣхъ соображенiй, которыми руководится и поэтическое толкованiе. Въ мiоахъ молнiя представляется то змѣею, то птицею; облака — то горами, то коровами; дождь — молокомъ этихъ коровъ, и т. п. Казалось немислимымъ предполагать такую неразвитость умственныхъ способностей, которая заставляла бы видѣть подобныя вещи въ дѣйствительности. Точно также казалось не мыслимо, чтобы и въ этическомъ отно-

---

се можетъ поймать крокодила и вмѣстѣ съ нею утащить съ собою и человека. *Tylor, Primit. Culture, I, стр. 388.*

¹⁾ *Tylor, тамъ же, II, стр. 179 и слѣд. Ср. Simrock, Deutsche Mythologie, 3-е изд. (1869 г.), стр. 463.*

шеніи грубость мифовъ соотвѣтствовала когда-либо нравственнымъ понятіямъ. Вотъ почему эта теорія и не довольствуется символическимъ толкованіемъ отдѣльныхъ, *позднѣйшихъ* формъ мифовъ, съ тѣмъ и мы бы, во многихъ случаяхъ, охотно согласились (вѣдь мифы превращались же, вполнѣдствіи, въ басни и даже просто въ поэтическія картины). Она отстаиваетъ, напротивъ, символическое происхожденіе мифовъ, противъ чего мы именно и возстаемъ. Въ этомъ отношеніи нашъ трудъ, рассматривающій преимущественно грубыя и, слѣдовательно, болѣе первобытныя формы мифовъ, представитъ намъ много случаевъ, гдѣ мы могли бы до очевидности выказать несостоятельность такого толкованія. Считаю, однако, лишнимъ затруднять читателя подобными указаніями при каждомъ грубомъ мифѣ, и ограничусь только слѣдующимъ примѣромъ, который хотя и не заимствованъ мною изъ области греческой мифологіи, но зато чрезвычайно удачно характеризуетъ то направленіе, съ которымъ мнѣ приходится бороться.

Существуетъ русская народная пѣсня, въ которой, не смотря на отсутствіе, повидному, всякаго символизма, говорится объ употребленіи въ пищу человѣческаго мяса и человѣческой крови, объ употребленіи черепа вмѣсто чаши и т. п. О всемъ этомъ въ ней говорится съ удивительнымъ равнодушіемъ, то-есть, совершенно такъ, какъ это бываетъ у народовъ, у которыхъ каннибализмъ составляетъ обыкновенное явленіе. Въ добавокъ, предметомъ каннибализма является не чужой, не врагъ, а „милдѣ“, съѣдаемый, повидному, своею собственною женою, что напоминаетъ обычай нѣкоторыхъ народовъ пожирать родственниковъ изъ пѣжпости, то-есть, изъ опасенія, чтобы предметъ ихъ любви не перешелъ въ состояніе гниенія и не обратился въ пищу для червей. Въ виду всего этого является вопросъ: если каннибализмъ, о которомъ говорятъ точно также и мифы, не существовалъ никогда въ дѣйствительности, то откуда же черты его попали въ эту пѣсню? Вотъ она:

Я изъ рукъ, изъ ногъ короватъ смошу,
Изъ буйной головы яidonу скую,
Изъ глазъ его я чару солью,
Изъ мяса его пироговъ напеку¹⁾,
А изъ сала его я свѣчей налью.

¹⁾ Въ одномъ изъ множества вариантовъ этой пѣсни говорится:

А изъ крови его пьяно пиво сварю.

Созову я бесѣду подружекъ своихъ,
Я подружекъ своихъ и сестрицу его,
Загадаю загадку неотгадливую: ...

Ой, и что таково:

На милѡмъ я сижу,
На милѡва гляжу,
Я милѡмъ подношу,
Милѡмъ подчиваю.

А и милъ предо мной,
Что свѣчею горитъ?

Никто той загадки не отгадываетъ;
Отгадала загадку подружка одна,
Подружка одна, то сестрица его.
— «А я тебя, братецъ, говаривала:
Не ходи, братецъ, позднимъ поздно,
Позднимъ поздно, поздно вечера»¹⁾.

Что же дѣлаютъ поклонники символическаго толкованія? Если признать, что въ этой пѣсни сохранились бытовья стороны, и что каннибализмъ, слѣдовательно, существовалъ въ дѣйствительности, то символическое толкованіе каннибализма въ мѡвахъ окажется — по крайней мѣрѣ, въ томъ видѣ, какъ оно обыкновенно понимается, — лишнимъ. Поэтому, не останется ничего другаго, какъ признать самую пѣсню тоже мѡомъ, то-есть, символомъ. Такъ и поступаютъ. Укажу, для примѣра, на слѣдующее объясненіе Хомякова, при чемъ считаю не лишнимъ привести его собственныя слова:

„Странная и уродливая пѣсня во всѣхъ отношеніяхъ! Отрицать ея подлинности нельзя, хотя бы даже она была только мѣстною; но такая же точно пѣсня записана и въ другихъ мѣстностяхъ, слѣдовательно, она довольно обща въ Великорусской землѣ. Предполагать позднѣйшее изобрѣтеніе нѣтъ причинъ, ни по тону, ни по содержанію: окончаніе загадкою какъ будто указываетъ на древность. Что же это такое? Гнусное выраженіе злой страсти, доведенной до изступленія? Тонъ вовсе не носитъ на себѣ отпечатокъ страсти и его холодность дѣлаетъ пѣснь еще отвратительнѣе. Сравнимъ съ нею разбойничью пѣсню, кончающуюся стихами:

На пожъ сердце вострепелюся,
Красна дѣвица усмѣхнулася, —

¹⁾ Нельзя опредѣлять родъ приключенія, на которое указываютъ, повидимому, послѣднія слова пѣсни. Очевидно, однако, что никакъ нельзя полагать, чтобы убійцею была собственная жена, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые толкователи пѣсни.

и разница станетъ оченьъ явною. *Какъ тьня, эта тьня не имѣтъ ни смысла, ни объясненія; она невозможна психически и невозможна даже въ художественномъ отношеніи (?)*. Какъ же объяснить ея существованіе? Просто тѣмъ, что она *не тьня въ смыслъ бытовомъ*. Сѣверная миѳологія въ своей странной космогоніи строила міръ изъ разрушеннаго образа человѣческаго, изъ исполина Имера, разтерзаннаго дѣтьми Бора; восточныя миѳологіи—изъ мужскаго или женскаго исполинскаго образа, часто смотря по тому, кто былъ убійца-строитель, божество мужское или женское. То же самое отчасти можно угадать въ миѳологіи египетской и индійской; но, оставивъ въ сторонѣ гадательное, мы знаемъ, что на сѣверѣ и на востокѣ космогонической разказъ былъ именно таковъ. Кости дѣлались горами, тѣло землею и всѣми ея произведеніями и всѣмъ началомъ питанія, кровь морями, глаза—либо морскими водоемами, либо чашами свѣтоносными, мѣсяцемъ и солнцемъ. Такой процессъ космогоническій былъ, вѣроятно, и у насъ. Миѳологическіе разказы, при паденіи язычества, теряли свой смыслъ (слѣдуетъ подразумѣвать: символическій) и переходили либо въ богатырскую сказку, либо въ бытовья пѣсни, либо въ простыя отрывочныя выраженія, которыя сами по себѣ не представляютъ (и никогда не представляли?) никакого смысла. Таково, на примѣръ, описаніе теремовъ, гдѣ отражается вся красота небесная, или описаніе красавицы, у которой во лбу солнце, а въ косѣ мѣсяцъ и т. д. Пѣсни, о которой мы теперь говоримъ, есть, повидимому, ничто иное, какъ изломанная и изуродованная космогоническая повесть, въ которой богиня сидитъ на разбросанныхъ членахъ убитаго ею (также божественнаго) чловѣкообразнаго принципа. Такъ, на примѣръ, Рутренъ и Сати поочередно другъ друга убиваютъ въ разныхъ сказаніяхъ. Этимъ объясняется и широкое распространеніе самой пѣсни, и ея нескладица (?), и это соединеніе тона глупо спокойнаго съ предметомъ, повидимому, ужаснымъ и отвратительнымъ¹⁾.

Мы не станемъ говорить объ очевидности натяжки этого „вѣроятнѣйшаго объясненія явленія“, которому, по словамъ автора, „другаго (объясненія) и придумать нельзя“. Допустимъ, напротивъ, что эта пѣсня представляетъ дѣйствительно остатки какого-нибудь миѳа. Тогда спрашивается: если вся суть пѣсни состояла въ символизмѣ, то какимъ образомъ народъ, способный не только понимать, но даже самъ придумывать символы, забылъ это самое существенное въ пѣсни

¹⁾ Сочиненія Хомякова, изд. Аксакова, I (1861), стр. 492 и сл.

и сохранилъ не только не существенное, но даже и просто нелѣпное? Мы знаемъ, правда, что, повидимому, и очень нелѣпыя черты сказаній удерживаются въ народѣ иногда съ чрезвычайною стойкостью. Но вѣдь очевидно, что для объясненія такой стойкости слѣдуетъ предположить, что эти черты имѣли нѣкогда важное значеніе, сдѣлавшее ихъ въ послѣдствіи чѣмъ-то несприкосновеннымъ, не подлежащимъ измѣненію. А чтобы получить подобное значеніе, онѣ первоначально уже никакъ не могли считаться ни ничтожными, ни нелѣпыми. Но еслибъ мы даже и допустили возможность, съ одной стороны, сохраненія въ сказаніи чертъ неважныхъ, случайныхъ, не имѣющихъ никакого основанія въ обычаяхъ, а съ другой, утрату и забвеніе всего въ немъ существеннаго, то все таки остается еще непонятнымъ слѣдующее: вслѣдствіе какихъ же причинъ разсматриваемая пѣсня приняла форму *перваго* лица, вмѣсто того, чтобы говорить въ третьемъ лицѣ о какомъ-то враждебномъ существѣ чудовищѣ, пожирающемъ человѣческое мясо? Извѣстно вѣдь стремленіе народа осмысливать и прилаживать по своему къ дѣйствительности все, ему непонятное. — Не имѣя подъ рукою достаточнаго количества вариантовъ приведенной пѣсни, мы, къ сожалѣнію, не можемъ вдаваться въ подробное разсмотрѣніе всѣхъ отдѣльныхъ чертъ ея, при чемъ еще лучше можно было бы выказать несостоятельность всякаго толкованія, отрицающаго ея бытовое значеніе. Будемъ, поэтому, довольствоваться тѣми возраженіями, которыя уже нами высказаны, и которыхъ, полагаю, и безъ того достаточно для нашей цѣли¹⁾.

¹⁾ Непонятно, почему ученые, сознающіе несостоятельность символической и поэтической теорій, пользуются, однако, безпрерывно терминами этихъ теорій, не имѣющими смысла въ научномъ приложеніи. *Hahn, Sagwiss. Stud.* стр. 24: *Der Urmensch war ein gezwungener (!) und unbewusster Dichter und nur insofern er dies war, können wir von dem symbolischen Wesen seiner Erzeugnisse sprechen...* Das symbolische Wesen im Mythos liegt daher für uns in dem *Unbewusstsein* seiner Bildner, dass die Form, in welcher sie ihre Anschauungen verkörpert, keine diese unmittelbar bezeichnende, sondern eine auf ähnliche Anschauungen übertragene sei, und dieses Unbewusstsein erklärt uns einerseits die Möglichkeit der allmähigen Verwandlungen der mythischen Naturansichten in Geschichte, und giebt andererseits ein scharfes Trennungsmittel der Ursachen von den ihnen beigemischten späteren allegorischen Sagen an die Hand, bei welchen die Uebertragung auf ähnlich Erkanntes mit Bewusstsein erfolgte. Если понимать подъ символомъ все то, переносный смыслъ чего не сознается человѣкомъ, то придется всѣ наши понятія и опредѣленія называть символами, такъ какъ ими никогда не уясняется самая суть предмета въ строгомъ смыслѣ (*das Ding an sich*). По моему, символомъ можно назвать только то, что употребляется *сознательно* какъ нечто переносное. Различіе

Указавъ, такимъ образомъ, въ какой мѣрѣ чужія теоріи кажутся мнѣ несостоятельными въ приложеніи именно къ грубымъ мифамъ, я долженъ высказаться теперь и на счетъ другаго вопроса: какое значеніе слѣдуетъ приписать тѣмъ же грубымъ мифамъ при провѣркѣ моего собственнаго взгляда, и въ чемъ будетъ состоять эта провѣрка? Очевидно, что мой взглядъ на первоначальную „научность“ мифовъ не можетъ быть прямо провѣренъ на всѣхъ мифахъ, съ которыми мы будемъ имѣть дѣло, такъ какъ только въ чрезвычайно рѣдкихъ случаяхъ мы можемъ сказать, что вполне понимаемъ смыслъ мифа и знаемъ его первоначальную форму. Въ большей же части случаевъ намъ приходится довольствоваться только отдѣльными чертами мифа. Но тѣмъ не менѣе, остается еще возможность хотя косвенной провѣрки, которая не лишена значенія на слѣдующемъ основаніи. Я буду приводить мифы не произвольно, а лишь такіе, которые всего болѣе кажутся противорѣчащими моей теоріи, — противорѣчащими именно потому, что приложеніе ея къ этимъ мифамъ поведетъ насъ къ выводамъ, которые, вслѣдствіе своей невѣроятности, представляются на первый взглядъ лучшимъ опроверженіемъ нашей теоріи. Если мы не сумѣемъ отстоять эти выводы, то почти весь настоящій трудъ будетъ лишь *deductio ad absurdum* нашего собственнаго взгляда на мифы. Затѣмъ могу указать еще и на другаго рода критерій. Выше я приводилъ имена Штейнтала, Куна, Гана и др., которые точно также, какъ и я, должны были провѣрять свои взгляды нѣкоторыми данными. Но сколь бы различны, въ дѣйствительности, наши взгляды относительно нѣкоторыхъ частностей, все таки очевидно для всякаго, кто ознакомился съ направленіемъ этихъ ученыхъ, что многое, приводимое ими въ свою пользу, служитъ подтвержденіемъ и моего взгляда.

Наконецъ, относительно пользованія грубыми мифами я считаю необходимымъ замѣтить еще слѣдующее. Обращая вниманіе на грубую форму мифовъ, мы не будемъ вникать въ происхожденіе и вну-

---

жду символомъ и аллегорію будетъ состоять лишь въ ихъ происхожденіи. Символъ есть такое выраженіе предмета или понятія, которое считалось когда-то точнымъ опредѣленіемъ, и получило переносное значеніе только со временемъ (при появленіи болѣе вѣрнаго опредѣленія; такъ, напримѣръ, по моему, слово «корова» когда-то означало одинаково и корову, и облако; но когда стали сознавать различіе между этими предметами, тогда слово «корова» сдѣлалось символомъ понятія «облако»). Аллегорія же съ самаго начала имѣетъ цѣлью обойти точное опредѣленіе, замѣняя его нарочно иносказательнымъ.

трепнее значеніе каждаго отдѣльнаго мифа, съ которыми будемъ имѣть дѣло. Стараясь по возможности давать себѣ отчетъ, при разсмотрѣніи всѣхъ мифовъ, относительно этихъ вопросовъ, я убѣдился, что указываніе на результаты чисто мифологическихъ изслѣдованій, обременяя только ходъ нашего труда, все таки не представляло бы новыхъ исходныхъ точекъ для сужденія о нравственномъ значеніи этихъ мифовъ. Такія изслѣдованія могутъ быть для насъ интересны только въ одномъ отношеніи, именно, на сколько ими выясняется болѣе глубокая древность грубой формы извѣстнаго мифа сравнительно съ болѣе смягченными. Не трудно убѣдиться, что мифическая форма, употребленная разъ для выраженія одной мысли, могла употребляться, съ нѣкоторыми измѣненіями, и для выраженія многихъ другихъ. Такъ, напримѣръ, подъ образомъ борьбы двухъ героев могли пониматься различныя явленія природы ¹⁾. Интересуясь только нравственнымъ значеніемъ подобныхъ образовъ, мы не будемъ доискиваться, какія именно явленія слѣдуетъ подразумѣвать во всѣхъ тѣхъ частныхъ случаяхъ, къ которымъ они были прилаганы. Положимъ, напримѣръ, что мы имѣемъ предъ собою нѣсколько вариантовъ слѣдующаго содержанія: отецъ пожираетъ сына; отецъ приноситъ сына въ жертву (на съѣденіе богамъ); отецъ убиваетъ сына у жертвенника; отецъ убиваетъ сына на охотѣ (не парочно) и т. д. Для насъ будетъ, конечно, важно узнать, которая изъ этихъ формъ древнѣе. Но если для этой цѣли и придется намъ сличать подобные варианты, то все таки окажется, что нѣтъ необходимости обращать при этомъ вниманіе на всѣ частныя значенія мифовъ, съ которыми, въ такомъ случаѣ, мы будемъ имѣть дѣло ²⁾.

Чтобы пояснить примѣромъ, какъ мало результаты чисто мифологическихъ изслѣдованій могутъ повліять на выводы о нравственности общества, дѣланныя на основаніи *формы* сказаній, — мы воз-

¹⁾ Такимъ образомъ многіе мифы являются относительно формы вариантами одного и того же сказанія, въ то время, какъ по содержанію каждый изъ нихъ могъ имѣть свое особое, опредѣленное значеніе. Поэтому не знаю, на сколько правъ Гротъ, когда, напримѣръ, въ отношеніяхъ Урана и Гей онъ видитъ только *подражаніе* чуть ли не всѣмъ частностямъ сказанія о Кроносъ и Реѣ; Grote, History of Greece, I (1862), стр. 14: In fact the relations of Uranos and Gaea are in allmost all their particulars a mere copy and duplication of those between Kronos and Rhea, differing only in the mode whereby the final catastrophe is brought about.

²⁾ Дальнѣйшія подробности нашего пріема выяснятся ниже, особенно въ главѣ о каннибализмѣ въ греческихъ мифахъ.

мемъ слѣдующій миѡъ. Аполлодоръ разказываетъ: „Марсій, подняв- шій флейту, которую Аѣйна бросила потому, что игра на ней иска- жаетъ лицо, — вступилъ въ музыкальное состязаніе съ Аполлономъ. Они условились, чтобы тотъ, кто окажется побѣдителемъ, могъ дѣ- лать съ противникомъ, чтѡ захочетъ. Во время состязанія Аполлонъ перевернулъ свою кнѡру и предложилъ Марсію сдѣлать то же самое (съ своимъ инструментомъ). Но такъ какъ послѣдній не могъ (конечно) этого исполнить, то Аполлонъ, признанный (вслѣдствіе сего) побѣ- дителемъ, повѣсилъ его на ближайшей соснѣ и *умертвилъ, содравъ съ него кожу*“¹⁾. Этотъ миѡъ извѣстенъ уже и Геродоту, который со словъ Фригійцевъ разказываетъ, что въ фригійскомъ городѣ Келѡ- нахъ виситъ кожа Марсіа, содранная съ него и повѣшенная тамъ самимъ Аполлономъ²⁾. У Гигена грубость этого миѡа является смяг- ченною въ томъ отношеніи, что не самъ Аполлонъ сдираетъ кожу, а поручаетъ это варварское дѣло скиоскому рабу³⁾. Сказаніе о Мар-

¹⁾ *Apollod.*, I, 4, 2: ἀπέκτεινε δὲ Ἀπόλλων καὶ τὸν Ὀλύμπου παῖδα Μαρσύαν. οὗτος γὰρ εὐρώων αὐλοῦς, οὗς ἔρριψε γὰρ Ἀθηνᾶ διὰ τὸ τὴν ὄψιν αὐτῆς ποιεῖν ἄμορφον, ἦλθεν εἰς ἔριν περὶ μουσικῆς Ἀπόλλωνι. Συνθεμέγων δὲ αὐτῶν, ἵνα ὁ νικήσας, ὁ βούλεται, διαθῆ τὸν ἠττημένον τῆς κρίσεως γενομένης, τὴν κιθάραν στρέψας ἠγωνίζετο ὁ Ἀπόλλων, καὶ ταῦτ' ποιεῖν ἐκέλευσε τὸν Μαρσύαν. τοῦ δὲ αὐονατοῦντος, εὐρεθεὶς κρείσσων ὁ Ἀπόλλων, κρεμάσας τὸν Μαρσύαν ἐκ τίνος ὑπερτενοῦς πίτυος, ἐκταμῶν τὸ δέρμα, οὕτως διέφθειρεν. Въ сборникѣ Гавльскихъ сказокъ, изданномъ Кэмбелемъ (Campbell, Popular Tales of the West Highlands, 1860), говорится въ одной сказкѣ (45) о состязаніи, въ которомъ тотъ, кто больше съѣсть, можетъ *вырвать изъ спины побѣжденнаго семь ремней*. Въ другомъ мѣстѣ побѣдитель *вырываетъ одинъ ремень съ головы до ногъ*. Келеръ (*Reinhold Köhler*) въ своей рецензій этого сборника, въ *Or. u. Oss.*, стр. 682 и сл., приводитъ нѣсколько подобныхъ при- мѣровъ и изъ сказаній другихъ народовъ.

²⁾ *Herodot.*, VII, 26: ἐν τῇ [Κελαινῶν ἀγορῇ] καὶ ὁ τοῦ Σιληνοῦ Μαρσῶεω ἀσχὸς ἐν τῇ πόλει ἀνακρέματα, τὸν ὑπὸ Φρυγῶν λόγος ἔχει ὑπ' Ἀπόλλωνος ἐκδαρέντα ἀνα- κρεμασθῆναι. Ср. *Xenoph.* *Anab.*, I, 2, 8: ῥεὶ δὲ καὶ οὗτος [ὁ Μαρσῶας ποταμὸς] διὰ τῆς πόλεως [Κελαινῶν]... ἐνταῦθα λέγεται Ἀπόλλων ἐκδεῖραι Μαρσύαν, νικήσας ἐρίζοντα οἱ περὶ σοφίας, καὶ τὸ δέρμα κρεμάσαι ἐν τῷ ἄντρῳ ὕδεν αἱ πηγαί. διὰ οὗ τοῦτο ὁ ποταμὸς καλεῖται Μαρσῶας. Элианъ даже разказываетъ, что эта кожа Марсіа двигалась при звукахъ фригійской флейты, *Ael. Var. hist.* XIII, 21: ὅτι ἐν Κελαιναῖς τῇ δορᾷ τοῦ Φρυγὸς ἐὰν προσαυλῆ τις τὴν ἀρμονίαν Φρυγίαν, ἡ δορὰ κινεῖται... ἐὰν δὲ εἰς Ἀπόλλωνα, ἀτρεμεῖ καὶ εἰσικε κωφῇ.

³⁾ *Hyg. fab.* 165: ...Apollo victum Marsyam ad arborem religatum Scythae tra- didit, qui cutem ei membratim verparavit (conj. Scheffori pro: qui eum membratim verparavit). Скины, какъ увидимъ, отягались этнимъ искусствомъ. Замѣчательно видимое удовольствіе, съ которымъ рисуетъ Овидій эту варварскую казнь: *On. Met.* VI, 387:

Clamanti cutis est summos direpta per artus:

сіѣ было очень распространено; сохранились многіе рельефы, геммы, вазы и статуи, изображающія музыкальное состязаніе Марсіа и приготовленія къ его наказанію; въ Римѣ и въ его колоніяхъ на площадяхъ стояли статуи Марсіа, какъ сѣмвола строгости правосудія¹⁾. Не вникая даже въ значеніе сказанія, мы изъ всего этого можемъ заключить, что поступокъ, подобный тому, который приписывается Аполлону, когда нибудь, считался, по всему вѣроятію, вполнѣ естественнымъ. Посмотримъ теперь, какъ объясняетъ происхожденіе этого мифа Отфридъ Мюллеръ. Вотъ что онъ говоритъ: „При празднествахъ въ честь Аполлона была употребительна игра на китарѣ, вслѣдствіе чего благочестивый народъ долженъ былъ считатьъ этого бога изобрѣтателемъ китары. Во Фригіи же народною музыкою была игра на флейтѣ, которую приводили въ подобную связь съ тамошнимъ народнымъ демономъ Марсіемъ. Древніе Элліпы чувствовали противоположности.

Nec quicquam nisi vulnus erat, cruor undique manat,
Detectique patent nervi, trepidaeque sine ulla
Pelle micant venae, salientia viscera possis
Et perlucentes numerare in pectore fibrās.

Сравни *Od. Fast.* VI, 707 и сл. О смерти *Лима* вслѣдствіе подобнаго состязанія съ Аполлономъ см. *Paus.* IX, 29, 6: λέγεται δὲ ὡς ὁ Λίμος οὗτος παῖς μὲν Οὐρανίας εἶη καὶ Ἀμφιμάρου τοῦ Ποσειδῶνος, μεγίστην δὲ τῶν τε ἐν αὐτοῦ καὶ ὄσσι κρότερον ἐγένοντο λάβρι δόξαν ἐπὶ μουσικῇ, καὶ ὡς Ἀπόλλων ἀποκτείνετον αὐτὸν ἐξισούμενον κατὰ τὴν φθῆν. Наказаніе фригійскаго пѣвца *Тамирида* музыкою вслѣдствіе подобнаго состязанія въ музыкѣ, причемъ его изувѣчиваютъ, описано *Iliad.* II, 597:

στᾶδτο γὰρ εὐχομένους νικησέμεν, εἰ περ ἂν αὐταὶ
μοῦσαι ἀείδοιεν, κοῦρα δὲὸς αἰγιόχοιο·
αἱ δὲ χολωσάμενα: πηρὸν θέσαν, αὐτὰρ ἀοιδῆν
θεσπεσίην ἀρέλοντο καὶ ἐκλέλαλλον κίθαριστόν.

(Я не вижу причины, почему подъ словами *πηρὸν θέσαν*, конѣ его изувѣчили, понимаютъ *ослабленіе*. Полагаю, что гораздо естественнѣе подразумѣвать здѣсь *отрубленіе рукъ*, что дѣлало пѣвца неспособнымъ къ игрѣ на китарѣ. Ослабленіе тутъ лишено всякаго смысла). *Протъ* считаетъ этотъ разказъ прототипомъ мифа о Марсіѣ. *Hist. of Greece*, II, стр. 402: And we may remark that the analogy between Thracians and Phrygians seems partly to hold in respect both to music and to religion; since the old mythe in the *Iliad*, wherein the Thracian bard *Thamyris*, rashly contending in song with the Muses, is conquered, blinded (?) and stripped of his art, seems to be the prototype of the very similar story respecting the contention of Apollo with the Phrygian *Marsyas*. Съ этимъ мифомъ нельзя безусловно согласиться. См. выше, прим. 8.

¹⁾ *Jacobi*, Handwörterbuch der griech. u. röm. Mythol. (1830), стр. 590. Ср. *K. O. Müller, Dorier*, I (1814), стр. 347, прим. 6.

характера этихъ двухъ инструментовъ: Аполлонъ долженъ былъ ненавидѣть то глухой, то свистящій звукъ флейты, а вмѣстѣ съ тѣмъ— и самого Марсія. Но этимъ не довольствовались: чтобы Грекъ, играющій на киварѣ, могъ считать изобрѣтеніе своего бога превосходящимъ всѣ другія, необходимо было, чтобы Аполлонъ побѣдилъ Марсія. Но за что же было сдирать съ несчастнаго Фригійца кожу? Дѣло очень просто: въ цитадели города Келэнъ во Фригии, въ гротѣ, изъ котораго вытекаетъ рѣка Марсій или Катаррактъ, висѣлъ кожанный мѣхъ, называвшійся у Фригійцевъ мѣхомъ Марсія, вслѣдствіе того что Марсій, подобно греческому Силену, считался демономъ изобилія (*der saftstrotzenden Natur*). Всякій Грекъ, или Фригійецъ, получившій греческое образованіе, увидѣвши этотъ мѣхъ, сейчасъ могъ уяснить себѣ родъ смерти Марсія: вѣдь вотъ висѣла еще его кожа, походящая на мѣхъ; Аполлонъ заставилъ содрать съ него кожу. Во всемъ этомъ нѣтъ произвольнаго толкованія; какъ только кто-нибудь высказалъ впервые эту мысль, то онъ могъ смѣло надѣяться, что всѣ прочіе, воспитанные на тѣхъ же самыхъ представленіяхъ, ни на минуту не усомнятся въ вѣрности высказаннаго мнѣнія¹⁾. — Очевидно, что подобное толкованіе не можетъ лишить значенія наше предположеніе о важности безнравственной формы, которую получилъ мифъ. Неужели было бы мыслимо подобное объясненіе столь простыхъ данныхъ, еслибы приписываемый Аполлону поступокъ считался безнравственнымъ, или еслибы даже никогда ничего подобнаго не случилось въ дѣйствительности?

Что подобная жестокость наказаній дѣйствительно существовала въ первобытномъ дикомъ состояніи человѣчества, въ этомъ, собственно, не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Даже до сихъ поръ дикари сѣверной Америки, не довольствуясь однимъ скальпированіемъ, то-есть, сдираніемъ кожи съ головы живаго человѣка, сдираютъ ее иногда и съ чѣлаго тѣла, какъ это они не разъ дѣлали съ христіанскими миссіонерами. О существованіи подобнаго обычая въ древности у Скивовъ мы имѣемъ подробное описаніе Геродота, которое приведу въ цѣлости: „Относительно войны, говоритъ онъ, у нихъ принято слѣдующее. Скивъ пьетъ кровь перваго убитаго имъ въ сраженіи человѣка. Головы же всѣхъ имъ убитыхъ онъ несетъ къ царю, ибо, принеши голову, онъ получаетъ право на участіе въ добычѣ, въ

¹⁾ *K. O. Müller, Proleg.* стр. 112; сравн. *его же Dacier*, I (2-е изд. Шнейденца 1844 года), стр. 346 слл.

противномъ же случаѣ лишается этого права. *Кожу съ головы* (Скиѣ) сдираетъ слѣдующимъ образомъ: сдѣлавъ надрѣвъ вокругъ ушей, онъ беретъ голову въ руки и вытряхиваетъ ее (изъ кожи); затѣмъ соскабливаетъ мясо при помощи бычачьяго ребра и дубитъ (кожу) руками. Смягчивши ее такимъ образомъ, онъ получаетъ изъ нея пѣчто въ родѣ полотенеца ¹⁾. Онъ прикрѣпляетъ ее къ уздечкѣ лошади, на которой ѣдетъ верхомъ, и гордится (подобнымъ украшеніемъ). Ибо у кого больше такихъ кожаныхъ полотенецъ, тотъ считается знатнѣе. Многіе шиваютъ содрапшия кожи и дѣлаютъ изъ нихъ платъ въ родѣ тулуповъ. Многіе же сдираютъ съ правой руки мертваго врага кожу вмѣстѣ съ погтями и надѣваютъ ее на колчаны. Человѣческая кожа толста и блеститъ вслѣдствіе своей бѣлизны, пожалуй, лучше всякой другой. Многіе, пакопощъ, сдираютъ *кожу и съ цымаго тѣла*, распинаютъ ее на шестахъ и развѣзываютъ съ нею верхомъ ²⁾. — Подобнымъ образомъ въ мифѣ Аонна сдираетъ кожу съ Палланта и прикрывается ею во время сраженія ³⁾. По иному сказанію она сдираетъ кожу даже съ своего собственнаго отца (Палланта) за то, что тотъ желалъ ее изнасиловать ⁴⁾.

¹⁾ Надрѣвъ кругомъ ушей долженъ былъ, слѣдовательно, пересѣкать разрѣзы шен, чтобы всю головную кожу можно было растянуть въ родѣ полотенеца.

²⁾ *Herodot.* IV, 64: τὰ δ' ἐς πόλεμον ἔχοντα ὧδέ σφι διακέσται. ἐπεὶ τὸν πρῶτον ἄνδρα καταβάλη ἀνὴρ Σκύθης, τοῦ αἵματος ἐμπνίει. δεσοὺς δ' ἂν φονεύσῃ ἐν τῇ μάχῃ, τούτων τὰς κεφαλὰς ἀποφέρει τῷ βασιλεῖ. ἀπενείκας μὲν γὰρ κεφαλὴν τῆς λήξης μεταλαμβάνει τὴν ἂν λάβῃσι, μὴ ἐνείκας δὲ οὐ. ἀποδείρει δὲ αὐτὴν τρέψῃ τοιφθε. περιταμῶν κύκλῳ περὶ τὰ ὦτα καὶ λαβόμενος τῆς κεφαλῆς ἐκσεῖει, μετὰ δὲ σαρκίσας βοῶς πλευρῇ δέψει τῆσι χερσὶ, ὀργήσας δὲ αὐτὸ ἄτε χειρόμακτρον ἔχτηται, ἐκ δὲ τῶν χαλινῶν τοῦ ἵππου τὸν αὐτὸς ἐλαύνει, ἐκ τούτου ἐξίπτει καὶ ἀγάλλεται. δε γὰρ ἂν πλείστα δέρματα χειρόμακτρα ἔχη, ἀνὴρ ἄριστος οὗτος κέκριται. πολλοὶ δὲ αὐτέων ἐκ τῶν ἀποδερμάτων καὶ χλαίνας ἐπέινυσθαι ποιεῦσαι, συρράπτοντες κατὰ περ βαίτας. πολλοὶ δὲ ἀνδρῶν ἐχθρῶν τὰς δεξιὰς χέρας νεκρῶν ἐόντων ἀποδείραντες αὐτοῖσι δοῦσι καλύπτρας τῶν φαρετρέων ποιεῦνται. δέρμα δὲ ἀνθρώπου καὶ παχὺ καὶ λαμπρὸν ἦν ἄρα, σχεδὸν δερμάτων πάντων λαμπρότατον λευκότητι. πολλοὶ δὲ καὶ ὄλους ἀνδρας ἐκδείραντες καὶ διατείναντες ἐπὶ ξύλων ἐπ' ἵππων περιφέρουσι. — О питьѣ крови и сдираніи кожи съ враговъ у Евреевъ, см. *Ghillany*, Menschenopfer der alten Hebräer (1842), стр. 653.

³⁾ *Apollod.* I, 6, 2, 3: Πάλλαντος δὲ τὴν δορὰν ἐκτεμοῦσα, ταύτη κατὰ τὴν μάχην τὸ ἴδιον ἐπέσχεπε σῶμα. Сравн. остроумное замѣчаніе Гейне къ этому мѣсту (*Heine*, *Observ.* стр. 32): Quod (Minerva) Pallantis pelle pro thorace vel clipeo utitur, videtur antiquior esse mythus; obtinuit mox aegis.

⁴⁾ *Cic.* N. D. III, 23: (Minerva) Pallantis (filia), quae patrem dicitur interemisisse, virginitatem suam violare conantem; сравн. *Clem. Alex.* Protr. II, 28 (ed. Klots): (Ἀθηνα) Πάλλαντος καὶ Τιτανίδος τῆς Ὠκεανοῦ. ἣ τὸν πατέρα δυσσεβῶς καταθύσασα, τῷ πατρὶ φησὶ κηκόσμηται δέρματι, ὡσπερ κωδίφ. *Tzetx*, *Lyc.* 355 и мн. др.; см. *K. O. Müller*, *Kleine deutsche Schriften*, II (1848), стр. 135 и 208.

Но если и не довольствоваться такими аналогіями для вывода о фактическомъ существованіи подобнаго обычая у Грековъ, то все-таки мы имѣемъ еще одно несомнѣнное доказательство въ самомъ языкѣ. Слѣдомъ этого варварскаго способа наказанія сохранилось у Грековъ переносное употребленіе слова *δέρειν*, драть, въ смыслѣ: наказывать, мучить, даже бить и сѣчь, совершенно также какъ и въ русскомъ ¹⁾. Русскому же обороту „драть шкуру съ живаго человѣка“, нѣмецкому „bei lebendigem Leibe schinden“ соотвѣтствуетъ и въ греческомъ „ἀσχὸν δέρειν τινά“ ²⁾. Такіе обороты могли появиться только на основаніи соотвѣтствовавшаго имъ обычая.—Чтобы убѣдиться, наконецъ, какою жестокостью вообще отличалось, по всему вѣроятію, древнѣйшее общество, слѣдуетъ вспомнить только жестокость наказаній у предковъ теперешнихъ цивилизованныхъ народовъ, на примѣръ, четвергованіе, сажаніе на коль, выниманіе внутренностей (*Ausdärmen*) и т. п. ³⁾. Тогда окажется, что всѣ примѣры наказаній, встрѣчаемые нами въ мифахъ, не представляютъ собою ничего невѣроятнаго ⁴⁾.

Л. Воеводскій.

¹⁾ На примѣръ, въ пословицѣ: ὁ μὴ δαρείς ἀνθρώπος οὐ παιδεύεται.

²⁾ *Солоузъ* приводитъ слова своихъ противниковъ слѣдующимъ образомъ: (*Bergk*, *Roëtae* *lyr. gr. fr.*, *Sol.* 33—*Plut.* *Sol.* с. IV.):

ἦλλον γάρ κεν κρατήσας, πλοῦτον ἀφθονον λαβών
καὶ τυραννεύσας ἸΑθηῶν μόνον ἡμέραν μίαν
ἀσχοῦς βεταρον δε δαρείται καπιτετριφθαί γένος.

ἀσχὸν δέρειν τινά означаетъ собственно: издрать кого-либо *съ кожи*, въ подобномъ смыслѣ, какъ у насъ говорится — изорвать въ клочья, избить въ пухъ и прахъ, въ нѣмецкомъ «Jemand zum Krüppel schlagen» и т. п. Слѣдовательно изъ древнѣйшее время понятіе «человѣкъ», должно быть, тѣснѣе было связано съ его кожей, чѣмъ съ остальнымъ его тѣломъ. Для сближенія съ такого рода страннымъ воззрѣніемъ приведу слова, съ которыми у *Ovidia* Марсіей обращается къ Аполлону, когда тотъ сдираетъ съ него кожу, *Met.* VI, 385: *Quid me mihi detrahit?* «Зачѣмъ ты *сдираетъ* меня съ меня *самого?*».

³⁾ Наглядною иллюстраціею той жестокости, которая сохранилась даже до сихъ поръ, преимущественно въ обращеніи *дѣтей съ животными*,—служитъ известная картина *Гоарта*: *The four Stages of Cruelty*, № 1 (у *Роттенкаммифа*, 2-е изд. 1857 года, стр. 531).

⁴⁾ См. на примѣръ, *Grimm*, *Deutsche Rechtsalterthümer* (1828), стр. 682—701, гдѣ нѣкоторые наказанія, изображенныя въ греческихъ мифахъ, подтверждаются примѣрами подобнаго наказанія у Римлянъ и древнихъ Германцевъ.—Кстати укажу здѣсь на странное сказаніе, которое находится въ сборникѣ *Великорусскихъ сказокъ*, изданномъ *Худяковымъ*, стр. 165—168, о человѣкѣ, у котораго *вытлѣиваютъ жилы*. См. *Or. u. Oss.* III, стр. 93.

(Продолженіе будетъ).

ПОПРАВКИ.

Въ статью Е. А. Вдова: «Борьба великаго князя Святослава Игоревича съ императоромъ Иоанномъ Цимисхиємъ», помѣщенной въ декабрьской книжкѣ *Журнала Мин. Нар. Просвѣщ.* 1873 года, вкравлись слѣдующія опечатки:

<i>Напечатано:</i>		<i>Должно быть:</i>	
Стр. 178, строки 10 и 11 снизу:	(Походъ Игоря Святославича, стр. 51).		(Походъ Святослава Игоревича, стр. 51).
Стр. 180, строка 3 снизу:	τοσβότας		τοξότας
Стр. 181, » 8 »	κιδώνος		κιδώνος
Тамъ же, » 7 »	εσχιδαντο		εσχιδαντο
Стр. 189, » 9 »	Еще како...		Егда како
Стр. 190, » 9 »	слова, Свя- тославъ говоритъ		слова, которыя Святославъ говоритъ

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Новыя изданія картографическаго заведенія

А. ИЛЬИНА,

Въ С.-Петербургѣ, на углу Екатерингофскаго проспекта и Большой Мастерской домъ № 11/43.

Для облегченія труда учащихся, картографическимъ заведеніемъ А. Ильина предпринято изданіе краткихъ повторительныхъ курсовъ, составленныхъ по программамъ, принятымъ въ учебныхъ заведеніяхъ. Курсы эти, служа дополненіемъ къ учебникамъ, составляютъ краткую энциклопедію какъ военныхъ, такъ и общихъ наукъ.—Цѣль ихъ напомнить ученику главные основанія извѣстной науки, но не замѣнить учебникъ.

1-й и 2-й выпуски содержатъ въ себѣ всѣ предметы курса военныхъ и инженерскихъ училищъ, а въ составъ послѣдующихъ войдутъ общія науки и прибавленія къ специальнымъ, до размѣра программъ высшихъ учебныхъ заведеній.

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ 1-й ВЫПУСКЪ.

Тактика, цѣна	30 коп.
Фортификація полевая, цѣна	20 "
Артиллерія, цѣна	35 "
Топографія, цѣна	15 "
Механика, цѣна	30 "
Администрація, цѣна	15 "

Пересылочныхъ отъ 1 до 10 экземпляровъ за 2 фунта.

ПЕЧАТАЮТСЯ И ВЪ НЕПРОДОЛЖИТЕЛЬНОМЪ ВРЕМЕНИ ПОСТУПАТЬ
ВЪ ПРОДАЖУ:

Законовѣдѣніе и долговременная фортификація.

Подготавливаются къ изданію:

КУРСЫ МАТЕМАТИКИ, ХИМИИ, ТЕХНОЛОГИИ И ПРОЧ.

Учебныя заведенія, выписывающія прямо изъ заведенія, пользуются 20% уступки съ пересылкою на счетъ заведенія.

**ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ
ВЪ КАРТОГРАФИЧЕСКОМЪ ЗАВЕДЕНІИ**

А. ИЛЬИНА

Въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ. Евагерингофскій пр. д. № 11/43 и у всѣхъ книгопродавцевъ.

Вновь изданный учебный атласъ по древней исторіи съ рисунками памятниковъ искусства древнихъ народовъ и съ подробными историческими таблицами, составл. А. В. Добряковымъ, цѣна 1 руб. 20 коп., въ перепл. 1 руб. 50 коп., пересыл. за 2 фунта. Атласъ безъ таблицъ—цѣна 1 руб., въ перепл. 1 руб. 30 коп., перес. за 2 фунта.

♦ Отдѣльно рисунки памятниковъ искусства древнихъ народовъ — цѣна 40 коп. за листъ, перес. за 1 фунтъ.

**ФИЗИКО-МЕХАНИЧЕСКОЕ ЗАВЕДЕНІЕ ОПТИКА Г. ВАРШАВЫ
И КОММИССІОНЕРА ИМПЕРАТОРСКАГО ВАРШАВСКАГО УНИ-
ВЕРСИТЕТА**

ЯКОВА ПИКЪ

(Варшава, по Медовой улицѣ № 497)

рекомендуетъ признанные самими дешевыми по цѣнѣ и лучшими на практикѣ для обученія рисованію географическихъ картъ въ низшихъ классахъ гимназій и училищъ металлическихъ транспаранты,

съ помощію конхъ *даже не умѣющіе рисовать* легко могутъ чертить меридіаны и параллельные круги; за пару такихъ съ укупоркою и пересылкою—3 руб.

Въ этомъ же заведеніи, располагающемъ значительнымъ выборомъ дешевыхъ и удобопримѣнительныхъ учебныхъ пособій и училищныхъ принадлежностей, продаются по 6 руб. за штуку: 1) *слѣпые въ 12 дюйм. глобусы* изъ искусственнаго аспида, съ разграфленными меридіанами и параллельными кругами. На этихъ глобусахъ учащіеся съ помощію грифеля чертятъ географическія карты, каковыя послѣ каждаго урока стираются сырою тряпкою. 2) *Искусственныя аспидныя доски* для народныхъ училищъ для обученія счетамъ и чистописанію:

100 штукъ искусственныхъ аспидныхъ досокъ не разграфленныхъ съ грифелями—7 руб. 50 коп.

100 штукъ такихъ же досокъ съ грифелями, разграфленныхъ по методѣ Столпянскаго, — 10 руб.

3) Этнографическіе типы, коллекція изъ 11 штукъ, на подставкахъ—по 9 руб.

Издержки по пересылкѣ этихъ 3-хъ родовъ предметовъ уплачиваютъ гг. пріобрѣтатели по мѣрѣ вѣса и разстоянія.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ФЕВРАЛЬ

1874.

ЧЕТВЕРТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СLXXI.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Базащенко, Большая Садовая, д. № 49—2.

1874.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

- Поученіе Владиміра Мономаха, какъ памятникъ религіозно-нравственныхъ воззрѣній и жизни на Руси въ до-татарскую эпоху . . . . . С. Протопопова.
- Политическое устройство Германской имперіи (Продолженіе). . . . . А. Д. Градовскаго.
- Славянская взаимность съ древнѣйшихъ временъ до XVIII вѣка (Продолженіе). . . . . І. І. Церволяфа.
- Критическія и библиографическія замѣтки:**
Архивъ Юго-западной Россіи, издаваемый временною комиссіею для разбора древнихъ актовъ, Высочайше учрежденною при Кіевскомъ, Подольскомъ и Волынскомъ генералъ-губернаторѣ. Часть первая. Томъ V. Акты, относящіеся къ дѣлу о подчиненіи Кіевской митрополіи Московскому патріархату (1620—1694 г.). Кіевъ, 1873. . . . . Г. О. Карпова.
- Техническія учебныя заведенія въ Европѣ. А. М. Гезена.
- О преподаваніи юридическихъ и политическихъ наукъ въ Германіи . . . . . А. О. Кистяковскаго.
- Обозрѣніе дѣятельности Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1873 годъ:
- Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній: а) высшія учебныя заведенія, б) низшія училища.
- Письмо изъ Парижа . . . . . Л. Л — га.
- Отдѣлъ классической филологіи. (См. на 3-й стр. обертки).

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ СЛХХІ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева (Большая Садовая, д. № 49—2).

1874.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

І. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

Б. (7-го ноября 1873 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Симбирской мужской гимназіи.*

Дѣйствительный статскій совѣтникъ Исаковъ, желая почтить ученые труды по медицинской части и благодѣтельную дѣятельность почетнаго лейбъ-медика Боткина, доставившіе ему вполне заслуженную и блистательную извѣстность въ отечествѣ нашемъ и за границую; и притомъ, желая выразить ему глубокую благодарность за восстановление драгоцѣннаго для Россіи здравія Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы и Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича, а вмѣстѣ и за полезныя совѣты, лично Исаковымъ полученные, представилъ директору училищъ Симбирской губерніи банковый билетъ въ 500 руб., для учрежденія на проценты съ этого капитала при Симбирской мужской гимназіи одной стипендіи имени Боткина.

Вслѣдствіе донесенія о семъ попечителя Казанскаго учебнаго округа и по всеподданнѣйшему докладу управлявшаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, Государь Императоръ, въ 7-й день ноября 1873 года, Высочайше соизволилъ какъ на принятіе капитала въ 500 руб., пожертвованнаго дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Исаковымъ, такъ и на учрежденіе на проценты съ онаго одной стипендіи при Симбирской мужской

гимназіи съ наименованіемъ таковой: «стипендія почетнаго лейбъ-медика Сергѣя Петровича Боткина».

6. (7-го ноября 1873 года). *Объ учрежденіи стипендій при Новороссійскомъ университетѣ.*

Вдова капитанъ-лейтенанта Микрюкова, по духовному завѣщанію своему, отказала министерству народнаго просвѣщенія капиталъ, состоящій изъ процентныхъ бумагъ, въ двадцать восемь тысячъ пятьсотъ двадцать пять руб., на учрежденіе при физико-математическомъ факультетѣ Новороссійскаго университета стипендій ея имени, въ 340 руб. каждая, для бѣдныхъ студентовъ христіанскаго исповѣданія. Кромѣ того, со смертію ея наслѣдниковъ, которымъ завѣщаны одни лишь проценты съ капитала въ 60 т. руб., половина означенной суммы, то-есть, 30 т. руб. должна также поступить въ министерство на учрежденіе стипендій при Кіевскомъ и Харьковскомъ университетахъ и медико-хирургической академіи.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему. о семъ докладу управлявшаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, въ 7-й день ноября 1873 года, въ Ливадіи, Высочайше соизволилъ на учрежденіе, изъ процентовъ съ означеннаго капитала въ 28.525 руб., при Новороссійскомъ университетѣ четырехъ стипендій, съ наименованіемъ оныхъ «стипендіями вдовы капитанъ-лейтенанта Маріи Дмитриевны Микрюковой».

7. (7-го ноября 1873 года). *Объ учрежденіи стипендій при Пермской мужской гимназіи.*

Члены педагогическаго совѣта Пермской гимназіи, въ виду окончившагося 24-го августа 1873 года пятидесятилѣтія службы директора Пермской гимназіи, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Грацинскаго, собрали капиталъ въ 2.500 руб., для учрежденія при Пермской мужской гимназіи, на проценты съ онаго, одной стипендіи имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Грацинскаго.

Вслѣдствіе донесенія о семъ попечителя Казанскаго учебнаго округа и по всеподданнѣйшему о семъ докладу управлявшаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, Государь Императоръ, въ 7-й день ноября 1873 года, Высочайше соизволилъ на учрежденіе при Пермской мужской гимназіи, на проценты съ собраннаго капитала въ 2.500 руб., одной стипендіи, съ наименованіемъ оной: «стипендія дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ивана Фроловича Грацинскаго».

8. (7-го ноября 1873 года). *Объ учрежденіи стипендій при Зарайскомъ реальномъ училищѣ.*

Зарайскій городской голова Афремовъ, въ день открытія въ г. Зарайскѣ, 1-го октября 1873 года, реальнаго училища, письменно заявилъ, что имъ внесено въ Зарайскій общественный банкъ 600 руб. на вѣчныя времена, съ тѣмъ, чтобы проценты съ этого капитала, въ количествѣ 36 руб. въ годъ, обращались въ пособіе двумъ ученикамъ означеннаго училища, по 18 руб. каждому, изъ нихъ 15 руб. должно быть уплачиваемо за право ученія, а 3 руб. на покупку учебныхъ пособій, и съ тѣмъ, чтобы стипендіаты именовались его, жертвователя, именемъ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему о семъ докладу управлявшаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, въ 7-й день ноября 1873 года, Высочайше соизволилъ какъ на припятіе пожертвованнаго Зарайскимъ городскимъ головою Афремовымъ капитала въ 600 руб., такъ и на учрежденіе, на проценты съ этого капитала, двухъ стипендій при Зарайскомъ реальномъ училищѣ съ наименованіемъ оныхъ: «стипендіи Зарайскаго городского головы Афремова».

9. (11-го ноября 1873 года). *Объ учрежденіи пяти новыхъ учительскихъ семинарій въ С.-Петербургскомъ, Московскомъ, Харьковскомъ, Казанскомъ и Одесскомъ учебныхъ округахъ.*

Государственный совѣтъ, разсмотрѣвъ представленіе управлявшаго министерствомъ народнаго просвѣщенія объ учрежденіи

пяти новыхъ учительскихъ семинарій въ С.-Петербургскомъ, Московскомъ, Харьковскомъ, Казанскомъ и Одесскомъ учебныхъ округахъ, *мнѣніемъ положила:*

1) Для приготовленія учителей въ начальныя народныя училища, учредить, съ 1-го іюля 1873 года, сверхъ существующихъ, еще пять учительскихъ семинарій въ С.-Петербургскомъ, Московскомъ, Харьковскомъ, Казанскомъ и Одесскомъ учебныхъ округахъ.

2) Предоставить министру народнаго просвѣщенія примѣнить къ означеннымъ (въ п. 1) семинаріямъ Высочайше утвержденныя 17-го марта 1870 года положеніе и штатъ Молодечнянской учительской семинаріи; — и

3) Потребную на содержаніе сихъ семинарій сумму, по *шестнадцати тысячъ восьмисотъ десяти рублей* на каждую (въ томъ числѣ 14.810 руб. собственно на содержаніе семинаріи и 2.000 руб. на наемъ для оной помѣщенія), а всего *восемьдесятъ четыре тысячи пятьдесятъ рублей*, вносить, съ 1875 года, въ подлежащія подраздѣленія смѣты министерства народнаго просвѣщенія; причитающіеся же на означенныя семинаріи въ будущемъ 1874 году *сорокъ две тысячи двадцать пять рублей* внести въ смѣту сего министерства на 1874 годъ.

Государь Императоръ таковое мнѣніе государственнаго совѣта Высочайше утвердить соизволилъ, въ 11-й день ноября 1873 года, и повелѣлъ исполнить.

10. (25-го ноября 1873 года). *О правахъ по службѣ учителей чистописанія и черченія въ учительскихъ семинаріяхъ Варшавскаго учебнаго округа.*

Комитетъ по дѣламъ Царства Польскаго, рассмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія объ окладахъ содержанія и служебныхъ правахъ учителей чистописанія и черченія въ учительскихъ семинаріяхъ Варшавскаго учебнаго округа, *полагалъ:*

1) Учителямъ черченія и чистописанія въ Андреевской, Бѣльской, Вейверской, Вымыслинской, Ленчицкой, Солецкой, Сѣнниц-

кой и Холмской учительскихъ семинаріяхъ Варшавскаго учебнаго округа назначить содержаніе по *четыреста восьмидесяти пяти рублей* въ годъ каждому, а всего на 8 учителей *три тысячи восемьсотъ восемьдесятъ рублей*, съ отнесеніемъ сего расхода на счетъ суммы, ассигнованной для сего по смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія на 1873 годъ, и

2) Предоставить поименованнымъ въ 1-мъ п. учителямъ тѣ же служебныя права, какія присвоены учителямъ чистописанія въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, а именно, IX классъ по должности, IX разрядъ по мундиру и права на пенсію по правиламъ о гражданской службѣ, съ причисленіемъ къ VII разряду.

Государь Императоръ, на журналѣ комитета, 25-го ноября 1873 года, соизволилъ написать собственноручно: *«Исполнить»*.

11. (25-го ноября 1873 года). *О примѣненіи положенія и штата 31-ю мая 1872 года городскихъ училищъ къ Варшавскому городскому трехклассному училищу.*

Комитетъ по дѣламъ Царства Польскаго, рассмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія о примѣненіи положенія и штата 31-го мая 1872 года городскихъ училищъ къ Варшавскому городскому трехклассному училищу, *положилъ*:

I. Въ Высочайше утвержденномъ 31-го мая 1872 года положеніи о городскихъ училищахъ, по примѣненіи онаго къ Варшавскому городскому трехклассному училищу, сдѣлать слѣдующія измѣненія и дополненія:

1) §§ 2, 13 съ примѣчаніемъ, 15, 19, примѣчаніе къ § 35, 39, 40, 42 и 51 изложить такъ:

§ 2. Варшавское городское трехклассное училище состоитъ въ главномъ вѣдѣніи попечителя Варшавскаго учебнаго округа и въ ближайшемъ завѣдываніи инспектора училищъ города Варшавы.

§ 13. Въ Варшавскомъ городскомъ трехклассномъ училищѣ преподаются: а) законъ Божій; б) русское чтеніе и письмо;

в) русскій языкъ и церковно-славянское чтеніе съ переводомъ на русскій языкъ; г) польскій языкъ (для желающихъ); д) ариѳметика; е) практическая геометрія; ж) географія и исторія Россіи съ необходимыми свѣдѣніями изъ всеобщей исторіи и географіи; з) свѣдѣнія изъ естественной исторіи и физики; и) черченіе и рисованіе; і) пѣніе и к) гимнастика.

Примѣчаніе. Законъ Божій преподается только дѣтямъ православнаго и римско-католическаго исповѣданій. Преподаваніе онаго дѣтямъ ипыхъ вѣроисповѣданій предоставляется попеченію ихъ родителей.

§ 15. При Варшавскомъ городскомъ училищѣ полагаются: два законоучителя (православнаго и римско-католическаго исповѣданій) и три штатныхъ учителя, изъ коихъ одинъ, по представленію инспектора училищъ г. Варшавы и съ утвержденія попечителя учебнаго округа, назначается завѣдывающимъ училищемъ и называется учителемъ-инспекторомъ.

§ 19. Законоучители православнаго и римско-католическаго исповѣданій Варшавскаго городского училища избираются инспекторомъ училищъ города Варшавы изъ священнослужителей, опытныхъ въ начальномъ преподаваніи закона Божія, и утверждаются въ должности попечителемъ учебнаго округа, первый изъ нихъ по предварительномъ соглашеніи съ епархіальнымъ начальствомъ, а второй—по соглашенію съ мѣстнымъ губернаторомъ и подлежащимъ епархіальнымъ начальствомъ.

Примѣчаніе къ § 35. Испытанію по закону Божию, при вступленіи въ городское училище, подвергаются только дѣти православнаго и римско-католическаго исповѣданій.

§ 39. Окончившіе успѣшно полный курсъ въ городскомъ училищѣ и получившіе въ томъ аттестатъ, если они, на основаніи существующихъ узаконеній, имѣютъ право вступать въ гражданскую службу, опредѣляются въ оную предпочтительно предъ тѣми, которые не обучались въ городскихъ училищахъ или высшихъ, сравнительно съ этими послѣдними, учебныхъ заведенійхъ.

§ 40. Ученики, успѣшно окончившіе полный курсъ ученія въ

Варшавскомъ городскомъ училищѣ и желающіе посвятить себя въ послѣдствіи начальному обученію, могутъ быть принимаемы, по достиженіи ими 15-ти лѣтняго возраста, въ 1-й курсъ учительскихъ семинарій безъ экзамена и предпочтительно предъ другими, если представляютъ одобрительное свидѣтельство о поведеніи.

§ 42. Плата за ученіе вносится по полугодно въ подлежащее казначейство.

§ 51. Зданія Варшавскаго городского училища, относительно освобожденія ихъ отъ квартирной повинности какъ постоемъ, такъ и деньгами, а равно и отъ денежныхъ въ пользу города сборовъ, подлежатъ дѣйствующимъ въ настоящее время по Варшавскому учебному округу законоположеніямъ.

2) Въ замѣнъ §§ 21-го съ примѣчаніемъ и 22-го постановить:

«Учитель-инспекторъ Варшавскаго городского трехкласснаго училища, законоучители и всѣ штатные учителя и ихъ помощники состоятъ на дѣйствительной государственной службѣ и относительно служебныхъ правъ они, а равно и ихъ семейства, пользуются правами, указанными въ дѣйствующихъ въ настоящее время по Варшавскому учебному округу законоположеніяхъ».

3) §§ 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 11, 30, 31, 32, 33, 34, 47 и 48, какъ непримѣнимые къ Варшавскому городскому училищу, исключить.

4) Въ §§ 18, 20, 24, 29 и 41 слова: «инспекторъ народныхъ училищъ» замѣнить словами: «инспекторъ училищъ г. Варшавы».

II. Штатъ Варшавскаго трехкласснаго городского училища поднести на Высочайшее Его Императорскаго Величества утвержденіе, и

III. Предоставить министру народнаго просвѣщенія, составленную для Варшавскаго трехкласснаго городского училища, таблицу числа недѣльныхъ уроковъ ввести въ дѣйствіе.

Государь Императоръ на журналѣ комитета, 25-го ноября 1873 года, соизволилъ написать собственноручно: «Исполнить»; представленный же при журналѣ проектъ штата Варшавскаго

городскаго училища удостоенъ того же числа Высочайшаго утвержденія

На подлинномъ собственной Его Императорскаго Величества рукою написано:

Въ С.-Петербургѣ, 25-го ноября 1873 г.

„Быть по сему“.

Ш Т А Т Ъ

Варшавскаго трехкласснаго городскаго училища.

Наименованіе статей расхода.	Число лицъ.	Жалованье.	Классъ должностей.	Разрядъ по мун. дну.	Разрядъ по пенсіи.
Учителю-инспектору (при казенной квартирѣ)	1	600	VIII	VIII	} по учебной части.
Ему добавочныхъ за завѣдываніе училищемъ.	—	100	—	—	
Законоучителю православнаго исповѣданія	1	300	—	—	
Законоучителю римско-католическаго исповѣданія	1	300	—	—	
Учителямъ	2	1,100	X	X	
На вознагражденіе за уроки польскаго языка	—	225	—	—	
На уроки пѣнія	—	75	—	—	
> учебныя пособія	—	100	—	—	
> канцелярскіе расходы	—	25	—	—	
> содержаніе и ремонтъ и наемъ прислуги	—	425	—	—	
Итого	—	3,250	—	—	—

Подписалъ: Предсѣдательствующій въ комитетѣ по дѣламъ Царства Польскаго, генералъ-адъютантъ *Милютинъ*.

13. (25-го ноября 1873 года). *О распространеніи на законоучителей учебныхъ заведеній Варшавскаго учебнаго округа дѣйствія правилъ 30-го іюля 1867 года.*

Комитетъ по дѣламъ Царства Польскаго, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о распространеніи на законоучителей учебныхъ заведеній Варшавскаго учебнаго округа дѣйствія правилъ 30-го іюля 1867 года, положилъ:

1) Дѣйствія постановленій, содержащихся въ статьяхъ: 2, 7 и примѣчаніяхъ 1 и 2, 8 и примѣчаніяхъ 1 и 2, 9, 10 и примѣчаніяхъ, 11 и примѣчаніяхъ, 13, 14, 15, 16 и 17 Высочайше утвержденныхъ 30-го іюля 1867 года правилъ о преимуществахъ чиновниковъ русскаго происхожденія, служащихъ въ губерніяхъ Царства Польскаго, распространить на прибывшихъ въ сіи губерніи на службу по Варшавскому учебному округу, послѣ 1-го января 1864 года, штатныхъ и сверхштатныхъ законоучителей православнаго исповѣданія и на штатныхъ законоучителей греко-уніатскаго и евангелическаго исповѣданій всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, а также учительскихъ семинарій сего округа; а равно на означенныхъ законоучителей въ училищахъ: Лодзинскомъ высшемъ ремесленномъ, Холмскомъ женскомъ 6-ти классномъ, Варшавскомъ 3-хъ классномъ городскомъ и въ русскомъ начальномъ для мальчиковъ при 1-й Варшавской мужской классической гимназій, съ предоставленіемъ упомянутыхъ преимуществъ, согласно Высочайше утвержденному 16-го января 1869 года положенію комитета по дѣламъ Царства Польскаго, тѣмъ лишь законоучителямъ греко-уніатскаго исповѣданія изъ русскихъ Галичанъ, которые приняли присягу на подданство Россіи и притомъ со дня вступленія въ русское подданство.

2) Поименованнымъ въ предыдущемъ § законоучителямъ, если они поступили на сіи должности не изъ числа лицъ, занимавшихъ уже въ губерніяхъ Царства Польскаго должности по духовному или иному вѣдомству, но были вызваны въ этотъ край

или исключительно на должности законоучителя, или для замѣщенія одновременно сей должности и должности духовной (пастыря церкви, діакона и т. п.), выдаются на переѣздъ въ Царство Польское подъемныя и прогонныя деньги въ размѣрѣ *шестисотъ* рублей, съ соблюденіемъ правила, указаннаго во 2-мъ примѣчаніи къ ст. 1-й правилъ 30-го іюля 1867 года.

3) Къ законоучителямъ, имѣющимъ, на основаніи предыдущаго §, право на усиленное путевое пособіе въ размѣрѣ *шестисотъ* рублей и прибывшихъ на означенныя должности въ губерніи Царства Польскаго въ промежутокъ времени между 1-мъ января 1864 г. и изданіемъ настоящаго постановленія, примѣняется правило, изложенное въ § 2-мъ Высочайше утвержденнаго 5-го іюня 1868 года положенія комитета по дѣламъ Царства Польскаго, по вопросамъ, возникшимъ при примѣненіи правилъ 30-го іюля 1867 года.

Государь Императоръ на журналѣ комитета, 25-го ноября 1873 года, соизволилъ написать собственноручно: «*Исполнить*».

14. (5-го декабря 1873 года). *О предоставленіи институту сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи права выписывать изъ за границы безпошлинно и безъ предварительнаго разсмотрѣнія цензуры учебныя пособія, земледѣльческія орудія, машины, модели и проч.*

Комитетъ по дѣламъ Царства Польскаго, въ засѣданіи 27-го ноября 1873 года, разсматривалъ: 1) представленіе управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, отъ 8-го сентября 1873 года, за № 9452-мъ, о предоставленіи Институту сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи права выписывать изъ за границы безпошлинно и безъ предварительнаго разсмотрѣнія цензуры учебныя пособія, земледѣльческія орудія, машины, модели и проч. наравнѣ съ высшими учебными заведеніями Имперіи, и 2) отзывъ по сему дѣлу министра финансовъ.

Комитетъ по дѣламъ Царства Польскаго, не встрѣчая препятствія къ утвержденію настоящаго представленія, *полагалъ*: пре-

доставить Институту сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новоиі Александріи право получать изъ за границы безъ предварительнаго разсмотрѣнія иностранной цензуры необходимыя сему учебному заведенію книги, чертежи, рисунки и повременныя изданія ученаго содержанія, а также выписывать безпошлинно земледѣльческія орудія, машины, модели и проч., съ тѣмъ, чтобы при этомъ были соблюдаемы правила, изложенныя въ статьяхъ 1273 и 1277 уст. тамож. т. VI св. зак., изд. 1857 года, и въ примѣчаніи въ статьѣ 1273 того же устава (по продолж. 1863 года).

Государь Императоръ на журналѣ комитета, 5-го декабря 1873 года, соизволилъ написать собственноручно: «*Исполнить*».

15. (5-го декабря 1873 года). *Объ увеличеніи надѣла Савинскаго греко-уніатскаго прихода.*

Государь Императоръ, вслѣдствіе представленія управлявшаго министерствомъ народнаго просвѣщенія статсъ-секретаря Делянова въ комитетъ по дѣламъ Царства Польскаго, и согласно положенію онаго, въ 5-й день декабря 1873 года, Высочайше повелѣтъ соизволилъ: изъ числа подуховныхъ при посадѣ Савинѣ, Люблинской губерніи, земель, отнести 50 морговъ на увеличеніе надѣла Савинскаго греко-уніатскаго прихода, съ обмѣномъ, въ случаѣ надобности, существующаго надѣла сего прихода на подуховныя при этомъ посадѣ земли.

16. (5-го декабря 1873 года). *Объ освобожденіи церковныхъ старостъ при греко-уніатскихъ церквахъ въ губерніяхъ Царства Польскаго отъ отбыванія натуральныхъ повинностей.*

Государь Императоръ, вслѣдствіе представленія управлявшаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, статсъ-секретаря Делянова, въ комитетъ по дѣламъ Царства Польскаго и согласно положенію сего комитета, соизволилъ, въ 5-й день декабря 1873 года, Высочайше повелѣтъ: церковныхъ старостъ при греко-уніатскихъ церквахъ въ губерніяхъ Царства Польскаго

освободить отъ отбыванія всякихъ натуральныхъ повинностей, доколѣ они состоятъ въ должности старосты.

17. (21-го декабря 1873 года). *О наименованіи Кременчугскаго реальнаго училища «Александровскимъ».*

Кременчугская городская дума, въ ознаменованіе того обстоятельства, что разрѣшеніе объ открытіи въ Кременчугѣ реальнаго училища совпадаетъ со временемъ благополучнаго выздоровленія драгоцѣннаго для всѣхъ вѣрноподанныхъ здоровья Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича, опредѣленіемъ отъ 12-го іюня 1873 года постановила ходатайствовать о наименованіи нынѣ открытаго реальнаго училища въ Кременчугѣ «Александровскимъ» и устраиваемой на городскія средства при этомъ училищѣ церкви «св. Александра Невскаго».

Вслѣдствіе увѣдомленія о семъ министерства внутреннихъ дѣлъ и отзыва гофмаршала двора Государя Наслѣдника Цесаревича о согласіи Его Высочества на означенное ходатайство, Его Императорское Величество, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 21-й день декабря 1873 года, Всемилостивѣйше соизволилъ на наименованіе Кременчугскаго реальнаго училища «Александровскимъ», а устраиваемую при ономъ церковь освятить въ честь св. Александра Невскаго, и Высочайше повелѣлъ благодарить Кременчугскую городскую думу за выраженные ею вѣрноподанническія чувства.

18. (21-го декабря 1873 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Архангельской Маріинской женской гимназіи.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, основанному на ходатайствѣ попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа, въ 21-й день декабря 1873 года, Высочайше соизволилъ на учрежденіе при Архангельской Маріинской женской гимназіи стипендіи имени

супруги потомственнаго почетнаго гражданина А. А. *Грибановой*, на проценты съ пожертвованнаго ею капитала въ 1.000 руб., и Всемилоствѣйше повелѣлъ благодарить жертвовательницу.

19. (31-го декабря 1873 года). *Объ учрежденіи стипендій при университетѣ св. Владиміра.*

Кіевскій городской голова, состоящій въ должности егермейстера двора Его Императорскаго Величества, Демидовъ князь Санъ-Донато, въ ознаменованіе радостнаго для Россіи событія бракосочетанія Ея Императорскаго Высочества Государыни Великой Княжны Маріи Александровны, представилъ въ министерство народнаго просвѣщенія двадцать пять тысячъ руб. для учрежденія при медицинскомъ факультетѣ университета св. Владиміра четырехъ стипендій Имени Ея Высочества, съ тѣмъ, чтобы замѣщеніе этихъ стипендій зависѣло отъ министерства народнаго просвѣщенія.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему министра народнаго просвѣщенія объ этомъ докладу, въ 31-й день декабря 1873 года, Высочайше соизволилъ какъ на принятіе означеннаго капитала, такъ и на учрежденіе изъ процентовъ онаго при медицинскомъ факультетѣ университета св. Владиміра четырехъ стипендій, съ наименованіемъ оныхъ стипендіями Ея Императорскаго Высочества Государыни Великой Княжны Маріи Александровны, при чемъ Его Величеству благоудно было повелѣть благодарить жертвователя.

II. ВЫСОЧАЙШЕ ПРИКАЗЫ.

30-го ноября 1873 года (№ 13). *Назначаются:* чиновникъ особыхъ порученій V класса при министрѣ народнаго просвѣщенія, членъ особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по разсмотрѣнію книгъ, издаваемыхъ для

народнаго чтенія, въ званіи камергера, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Маркевичъ*—членомъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, съ увольненіемъ отъ должностей чиновника особыхъ порученій и члена особаго отдѣла ученаго комитета (Высоч. повел. 9-го ноября 1873 года); причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, генеральнаго штаба генераль-маіоръ *Новиковъ*—помощникомъ попечителя Кіевскаго учебнаго округа; директоръ училищъ Тамбовской губерніи, коллежскій ассессоръ *Лукьяновъ*—окружнымъ инспекторомъ Харьковскаго учебнаго округа.

Утверждаются на четыре года: ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, деканъ физико-математическаго факультета, статскій совѣтникъ *Питра 2-й*—ректоромъ сего университета, съ увольненіемъ отъ должности декана; *на три года:* въ званіи камергера, статскій совѣтникъ *Себряковъ*—почетнымъ попечителемъ Усть-Медвѣдицкой гимназіи; въ званіи камеръ-юнкера, коллежскій совѣтникъ графъ *Толстой*—вновь почетнымъ попечителемъ Рипельевской гимназіи; въ званіи камеръ-юнкера, коллежскій ассессоръ графъ *Платовъ*—почетнымъ попечителемъ Новочеркасской гимназіи; Кронштадтскій военный губернаторъ, вице-адмиралъ *Казаневичъ*—почетнымъ попечителемъ Кронштадтскаго реальнаго училища; дѣйствительный статскій совѣтникъ *Норденъ*—почетнымъ попечителемъ Саратовскаго реальнаго училища; статскій совѣтникъ *Маразли*—почетнымъ попечителемъ Одесскаго реальнаго училища; Череповецкій городской голова *Милютинъ*—почетнымъ попечителемъ Череповецкаго реальнаго училища; Сызранскій городской голова, тамошній 2-й гильдіи купецъ *Мясниковъ*—почетнымъ попечителемъ Сызранскаго реальнаго училища.

Продолжается срокъ командировки изъ Россію: директору магнитной и метеорологической обсерваторіи въ Пекинѣ, надворному совѣтнику *Фритше*—по 31-е августа 1874 года (Высоч. повел. 7-го ноября 1873 года).

Продолжается срокъ командировки за границу съ ученою цѣлю: доценту Императорскаго университета св. Владиміра *Биза-*

рову — по 14-е сентября 1874 года; доктору медицины Императорскаго Московскаго университета *Бумаку* и кандидату сего университета *Шиллеру* — по 1-е октября 1874 года.

Командируется за границу и внутри Россіи съ ученою цѣлю: экстраординарный академикъ Императорской академіи наукъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Вельяминовъ-Зерновъ* — на годъ.

Командируются за границу съ ученою цѣлю: хранитель зоологическаго кабинета Императорскаго Варшавскаго университета *Тачановскій* — по 6-е ноября 1874 года, съ зачетомъ въ сію командировку заграничнаго отпуска съ 15-го октября 1873 года; причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, коллежскій секретарь князь *Кантакузинъ графъ Сперанскій* — на годъ; хранитель минералогическаго кабинета Императорскаго Московскаго университета *Милашевичъ* и кандидаты Императорскихъ университетовъ: Московскаго — *Писемскій*, *Островскій* и *Миллеръ*, и Новороссійскаго *Кононовичъ* — на два года; изъ нихъ: *Милашевичъ*, *Островскій*, *Миллеръ* и *Кононовичъ* съ января 1874 года.

Продолжается срокъ отпуска за границу: причисленному къ министерству народнаго просвѣщенія, надворному совѣтнику *Нарановичу* — на семь мѣсяцевъ.

Увольняется въ отпускъ за границу: причисленный къ мипистерству народнаго просвѣщенія, почетный попечитель Немировской гимназіи, въ должности шталмейстера, дѣйствительный статскій совѣтникъ графъ *Строюновъ* — на шесть мѣсяцевъ (Высоч. повел. 27-го октября 1873 года).

21-го декабря 1873 года (№ 14). *Назначаются*: состоящій при министерствѣ народнаго просвѣщенія, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Тихомандрицкій* — чиновникомъ особыхъ порученій V-го класса при министерствѣ народнаго просвѣщенія; директоръ Виленской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Зессель* — помощникомъ попечителя Дерптскаго учебнаго округа.

Командируются за границу: помощникъ попечителя Москов-

скаго учебнаго округа, въ званіи камергера, дѣйствительный статскій совѣтникъ князь *Мещерскій* — до апрѣля 1874 года; исправляющій должность экстраординарнаго профессора Императорскаго университета св. Владимира, надворный совѣтникъ *Демченко* — на три мѣсяца; докторъ медицины Императорскаго Московскаго университета *Павлиновъ* — на два года, съ января 1874 года; изъ нихъ *Демченко* и *Павлиновъ* съ ученою цѣлю.

Продолжается срокъ отпуска за границу: почетному попечителю Рижельевской гимназіи, коллежскому совѣтнику графу *Толстому* — на четыре мѣсяца, по болѣзни.

Увольняется въ отпускъ за границу: попечитель Варшавскаго учебнаго округа, сенаторъ, тайный совѣтникъ *Витте* — на два мѣсяца, по болѣзни.

III. ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ.

Государь Императоръ, по положенію комитета гг. министровъ, вслѣдствіе представленія по министерству народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволилъ, въ 21-й день ноября 1873 года на награжденіе нижепоименованныхъ лицъ, за труды ихъ по народному образованію, серебряными медалями съ надписью «за усердіе», на Александровской лентѣ, для ношенія на груди: дворянина Трифона *Приктова*, учителей: Казацкаго сельскаго училища, Валуйскаго уѣзда, Антона *Сахарова*, Всегодическаго народнаго училища, Ковровскаго уѣзда, крестьянина Меленковскаго уѣзда, Лехтовской волости, Ефима *Царицына*, Михайловскаго сельскаго училища, Мценскаго уѣзда, Егора *Судакова*, Сухо-Гаваевскаго училища, Воронежскаго уѣзда, Василя *Попова*, Шамкинскаго начальнаго народнаго училища, Буинскаго уѣзда, крестьянина Матвѣя *Львова* и Вытегорскаго городского приходскаго училища Андрея *Николаевскаго*, а равно крестьянина Верроскаго уѣзда, Раппинскаго православнаго прихода, мызы Пауленгофъ, Самуиля *Вараска*.

Государь Императоръ, по удостоенію комитета гг. министровъ, вслѣдствіе представленія по министерству народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать, въ 21-й день ноября 1873 года медали съ надписью «за спасеніе погибавшихъ» на Владимірской лентѣ для ношенія въ петлицѣ: золотую — учителю начальнаго училища въ деревнѣ Жирардовѣ, Варшавской губерніи, Оомѣ *Вонсовскому* и серебряныя: студенту Императорскаго Московскаго университета Дмитрію *Кисловскому* и бывшему воспитаннику Лазаревскаго института восточныхъ языковъ въ Москвѣ, сыну капитана, Константину *Мамиконову*.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать, 1-го сего января, ордена: Бѣлаго Орла: попечителямъ учебныхъ округовъ: Варшавскаго, сенатору, тайному совѣтнику Оедору *Витте*, и Кіевскому, состоящему по армейской пѣхотѣ генераль-лейтенанту Платону *Антоновичу*, ординарнымъ академикамъ Императорской академіи наукъ, тайнымъ совѣтникамъ: Александру *Никитенко* и Борису *Якоби*; св. равноапостольнаго князя Владиміра 2-й степени: тайнымъ совѣтникамъ: заслуженному ординарному профессору Императорскаго Московскаго университета Сергѣю *Баршеву* и ординарному профессору Императорскаго С.-Петербургскаго университета Василию *Григорьеву*; св. Анны 1-й степени: дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникамъ: директору лица Цесаревича Николая Павлу *Леонтьеву*, заслуженнымъ ординарнымъ профессорамъ Императорскихъ университетовъ: св. Владиміра, проректору Александру *Матюеву* и Владиміру *Караваеву* и Московскаго—Оедору *Буслаеву*, ординарному профессору Императорскаго С.-Петербургскаго университета Каэтану *Коссовичу* и члену ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія Алексѣю *Галахову*; св. Станислака 1-й степени: дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникамъ: попечителю Московскаго учебнаго округа, въ званіи камергера, князю Николаю *Мещерскому*, директору Лазаревскаго института восточныхъ языковъ Николаю *Делянову*, директору Императорскаго Историко-фи-

логическаго института Константину *Кедрову*, главному инспектору училищъ Западной Сибири Андрею *Дзюбъ*, окружнымъ инспекторамъ Одесскаго учебнаго округа Михаилу *Пятину* и въ званіи камергера князю Василю *Дабижъ*, директору училищъ Курской губерніи Данилу *Жаворонкову*, завѣдывающему гимназіею Императорскаго Историко-филологическаго института Федору *Струеве*, директору Московской пятой гимназіи Никитѣ *Эмину*; заслуженнымъ ординарнымъ профессорамъ Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго Ильѣ *Березину* и Харьковскаго Александру *Деллену*; ординарнымъ профессорамъ Императорскихъ университетовъ: Московскаго Гейприху *Гвартовскому* и Харьковскаго Василю *Грубе*, ординарному профессору Дерптскаго ветеринарнаго института Петру *Иессену* и члену особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по разсмотрѣнію книгъ, издаваемыхъ для народнаго чтенія, Тимоѣею *Маевскому*; св. Владиміра 3-й степени: почетному попечителю Николаевской Царскосельской гимназіи, числящемуся по армейской кавалеріи, генераль-маіору Петру *Мейеру*, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникамъ: помощнику попечителя Варшавскаго учебнаго округа Николаю *Воронцову-Вельяминову*, заслуженному ординарному профессору Императорскаго университета св. Владиміра Старіону *Ходещкому*, ординарному профессору Императорскаго Московскаго университета Панфилу *Юревичу*, почетному попечителю Немировской гимназіи, въ должности шталмейстера, графу Григорію *Строгонову*, директору училищъ Казанской губерніи Осипу *Имшенки*, директору Казанской учительской семинаріи Николаю *Ильминскому*, вице-директору и старшему астроному Николаевской главной астрономической обсерваторіи Августу *Вагнеру* и члену археографической комиссіи министерства народнаго просвѣщенія Николаю *Костомарову*; статскимъ совѣтникамъ: ординарному профессору Императорскаго Харьковскаго университета Ивану *Щелкову*, директору лицея князя Безбородко и Пѣжинской гимназіи Михаилу *Чалому* и директору Житомирской гимназіи Ивану *Сорокину*; св. Анны 2-й степени: инспек-

тору народныхъ училищъ Полтавской губерніи, статскому совѣтнику Амвросію *Доброворскому*, учителю Немировской гимназіи, коллежскому совѣтнику Николаю *Сачину* и директору Люблинской мужской гимназіи, не имѣющему чина Николаю *Стамалеичу*, и св. Станислава 3-й степени—состоящему въ должности учителя древнихъ языковъ Житомирской гимназіи, не имѣющему чина Герману *Кульману*.

IV. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

11. (8-го декабря 1873 года). *Циркулярное предложеніе и. начальникамъ учебныхъ округовъ о порядкѣ производства вычетовъ съ преподавателей за увеличеніе содержаній.*

При примѣненіи по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія Высочайше утвержденнаго 9-го іюня 1873 года мнѣнія государственнаго совѣта о сборѣ при увеличеніи содержанія состоящимъ на государственной службѣ лицамъ, возникли, между прочимъ, вопросы о томъ, слѣдуетъ ли считать за возвышеніе содержанія: а) назначеніе преподавателямъ за дополнительные, сверхъ нормальнаго числа, уроки добавочной къ нормальному окладу жалованья платы, сообразно съ числомъ сихъ уроковъ и въ опредѣленномъ за каждый урокъ размѣрѣ, а также назначеніе платы за уроки директорамъ, инспекторамъ и смотрителямъ учебныхъ заведеній, въ случаѣ припятія ими на себя преподавательскихъ обязанностей, и б) соединеніе съ преподавательскою обязанностью должностей класснаго наставника и помощника класснаго наставника съ производствомъ положенныхъ по симъ должностямъ, по штату, окладовъ.

Вслѣдствіе сдѣланнаго по этому предмету сношенія съ министерствомъ финансовъ, статсъ-секретарь Рейтернъ увѣдомилъ меня, что по соображеніи этихъ вопросовъ съ закономъ 9-го іюня 1873 года и по соглашеніи съ г. государственнымъ контролеромъ, онъ находитъ, что вопросы эти разрѣшаются слѣдующимъ образомъ.

На основаніи п. 2 ст. 1 закона $\frac{9}{21}$ іюня 1873 года, предметомъ вновь установленнаго вычета должно быть лишь постоянное возвышеніе штатнаго оклада чиновника, а по п. 8 ст. 1 того же закона вычетъ этотъ не долженъ имѣть мѣста при временномъ исправленіи должности и возвышеніи оклада; между тѣмъ, ни плата за дополнительные въ учебныхъ заведеніяхъ уроки, ни содержаніе по исправленію должностей классныхъ наставниковъ и ихъ помощниковъ не могутъ быть отнесены къ постоянному по службѣ содержанію, но составляютъ выдачи, могущія подвергаться не только довольно частому измѣненію, на даже совершенному прекращенію. Въ виду сего, установленному закономъ 9-го іюня 1873 года вычету изъ содержанія не должны быть подвергаемы ни добавочная плата, производимая преподавателямъ учебныхъ заведеній за дополнительные, сверхъ нормальнаго числа, уроки, ни плата, назначаемая за уроки директорамъ, инспекторамъ и смотрителямъ сихъ заведеній, въ случаѣ принятія ими на себя преподавательской обязанности, ни производимое преподавателямъ содержаніе по исправленію должностей классныхъ наставниковъ и ихъ помощниковъ; при назначеніи же тѣхъ лицъ, коимъ производилась таковая добавочная плата, или содержаніе, на другую должность съ высшимъ противу прежней постояннымъ окладомъ содержанія, помянутыя добавочная плата и содержаніе не должны быть принимаемы въ разчетъ при сравненіи постоянныхъ окладовъ по прежней и новой должностямъ, для опредѣленія размѣра сбора, подлежащаго удержанію съ увеличеннаго содержанія.

12. (15-го декабря 1873 года). *Положеніе о стипендіи имени Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Константина Николаевича, учрежденной при первой Харьковской гимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) Въ память посѣщенія 1872 года Мариуполя Его Императорскимъ Высочествомъ Государемъ Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ, городская дума

опредѣлила учредить на счетъ городскихъ суммъ, на вѣчныя времена, одну стипендію въ 300 руб. имени Его Высочества, для воспитанія въ первой Харьковской гимназій и потомъ въ Харьковскомъ университетѣ одного круглаго сироты, или одного изъ дѣтей бѣднѣйшихъ гражданъ города Мариуполя.

2) Для этой цѣли Мариупольская городская дума опредѣлила отпускать ежегодно по 300 руб. изъ суммъ города въ первую Харьковскую гимназію, за содержаніе въ пансіонѣ стипендіата, высылая по полугодно, къ 1-му января и къ 1-му іюля, по 150 рублей.

3) Выборъ стипендіата изъ круглыхъ сиротъ или изъ дѣтей бѣднѣйшихъ жителей города Мариуполя и замѣщеніе его, въ случаѣ выбитія, другимъ, предоставляется усмотрѣнію Мариупольской городской думы, но избранный стипендіатъ предварительно долженъ удовлетворить всѣмъ условіямъ приѣма въ число учениковъ гимназій, на основаніи дѣйствующихъ постановленій.

4) Объ успѣхахъ и поведеніи стипендіата директоръ сообщаетъ Мариупольской городской думѣ свѣдѣнія четыре раза въ годъ.

5) Стипендіатъ, оставшійся въ первый разъ на другой годъ въ томъ же классѣ, не лишается стипендіи, если причиною неуспѣшности его занятій были уважительныя обстоятельства; при повтореніи же сего и въ другой разъ въ теченіе гимназическаго курса, стипендія можетъ быть сохранена только по особо уважительнымъ причинамъ и не иначе, какъ съ согласія Мариупольской городской думы.

6) Если стипендіатъ за безуспѣшность въ ученіи или неодобрительное поведеніе будетъ подлежать, на основаніи существующихъ правилъ, лишенію стипендіи, то это приводится въ исполненіе директоромъ гимназій немедленно, по опредѣленію педагогическаго совѣта гимназій, и затѣмъ сообщается Мариупольской городской думѣ, для избранія новаго стипендіата.

7) Стипендіатъ города, окончившій курсъ въ гимназій и поступившій въ университетъ, сохраняетъ право на стипендію до

окончанія въ ономъ курса наукъ, подъ условіемъ исполнѣ одобри-
тельного поведенія.

8) Университетская стипендія высылается городскою думою
также по полугодно на имя правленія университета, которое вы-
даетъ ее стипендіату впередъ за мѣсяцъ.

9) Стипендіаты не обязываются никакою службою за полу-
ченное ими воспитаніе.

13. (22-го декабря 1873 года). *Циркулярное предложеніе
и. начальникамъ учебныхъ округовъ объ открытіи начальныхъ учи-
лищъ.*

Заботясь о равномѣрномъ распредѣленіи средствъ къ разви-
тію начального образованія между сельскимъ народонаселеніемъ
Имперіи, я не могу не обратить вниманія, между прочимъ, на
то обстоятельство, что нѣкоторыя мѣстности, обнимающія боль-
шинство уѣздовъ извѣстной губерніи и даже цѣлыя губерніи, со-
всѣмъ не имѣютъ двухклассныхъ и одноклассныхъ училищъ ми-
нистерства народнаго просвѣщенія, составляющихъ, по учебному
курсу и вообще по своимъ условіямъ, лучшіе у насъ разсадники
начального народнаго образованія, между тѣмъ какъ въ другихъ
мѣстностяхъ таковыя училища имѣются на весьма близкомъ раз-
стояніи одно отъ другаго.

Во избѣжаніе подобной неравномѣрности на будущее время,
я покорнѣйше прошу:

1) Въ случаѣ поступления въ управленіе вѣреннаго вамъ
округа ходатайствъ объ открытіи въ той или другой мѣстности
двукласснаго или однокласснаго училища министерства народнаго
просвѣщенія, при обсужденіи сихъ ходатайствъ принимать въ
соображеніе данныя о томъ, существуетъ ли въ этой мѣстности,
и сколько, подобныхъ училищъ, такъ чтобы вообще въ извѣстномъ
уѣздѣ было не болѣе одного двукласснаго училища, а одноклас-
сныя училища, открываемыя въ одномъ уѣздѣ, распредѣлялись
пропорціонально пространству и численности населенія этого
уѣзда.

2) Нынѣ же предложить инспекторамъ народныхъ училищъ, а, за неимѣніемъ ихъ, другимъ чиновникамъ учебнаго вѣдомства, представить соображенія объ открытіи училищъ министерства въ мѣстностяхъ, нуждающихся въ такихъ училищахъ, по предварительномъ сношеніи съ сельскими обществами или земствами сихъ мѣстностей, на основаніяхъ, указанныхъ въ Высочайшемъ повелѣніи 29-го мая 1869 года и циркулярѣ министерства народнаго просвѣщенія отъ 22-го сентября 1873 года за № 10.096.

При этомъ не могу не выразить желанія, чтобы при исполненіи настоящаго предложенія, прежде всего приняты были мѣры въ открытію училищъ министерства въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ ихъ совсѣмъ нѣтъ, и въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя наиболѣе удалены отъ существующихъ уже училищъ, и чтобы требуемая соображенія представлены были въ министерство въ первыхъ мѣсяцахъ 1874 года.

14. (29-го декабря 1873 года). *Положеніе о стипендіи при Архангельской Маріинской женской гимназіи имени «Анны Абрамовны Грибановой».*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) На основаніи Высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія, послѣдовавшаго въ 21-й день декабря 1873 года, при Архангельской Маріинской женской гимназіи учреждается стипендія имени супруги потомственнаго почетнаго гражданина «Анны Абрамовны Грибановой», на проценты съ пожертвованнаго ею капитала въ 1.000 руб.

2) Означенный капиталъ, состоящій въ 5% банковомъ билетѣ 1-го выпуска за № 102440, считается на вѣчныя времена неприкосновенною собственностію Архангельской Маріинской женской гимназіи, находится въ вѣдѣніи попечительнаго ея совѣта и хранится въ мѣстномъ казначействѣ.

3) Изъ получаемыхъ совѣтомъ гимназіи процентовъ съ этого капитала, составляющихъ въ годъ 50 руб., производится установленная плата за ученіе стипендіатки, а остальныя деньги, если

таковыя будутъ, выдаются тому лицу, на попеченіи котораго она находится, на ея содержаніе и учебныя ей пособія, въ 2 или 3 срока, смотря по надобности.

4) Выборъ стипендіатки изъ числа обучающихся въ гимназійъ ученицъ, безъ различія сословія и вѣроисповѣданія, но недостаточнаго состоянія и отличающихся прилежаніемъ, успѣхами въ наукахъ и хорошимъ поведеніемъ, предоставляется педагогическому совѣту гимназій.

5) За безуспѣшность въ наукахъ и неодобрительное поведеніе стипендіатка можетъ быть лишена стипендіи, по опредѣленію того же совѣта гимназій.

6) Стипендіаткѣ, оставшейся на другой годъ въ томъ же классѣ, стипендія можетъ быть сохранена только по особо уважительнымъ причинамъ и только два раза въ теченіе учебнаго курса.

7) Въ случаѣ выбытія стипендіатки изъ Архангельской женской гимназій, перехода ея въ другое учебное заведеніе, или наконецъ лишенія на основаніи §§ 5 и 6 сего положенія права на стипендію, производство таковой немедленно прекращается; но выданныя уже въ пользу ея деньги возврату не подлежатъ.

15. (29-го декабря 1873 года). *Положеніе о стипендіи имени коллежскаго ассессора Бороздны, учрежденной при Московскомъ университетѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) На проценты съ капитала въ 7.200 руб., пожертвованнаго вдовою коллежскаго ассессора Бороздны, на учрежденіе двухъ стипендій имени мужа ея, при юридическомъ факультетѣ Московскаго университета, нынѣ, вслѣдствіе ходатайства г-жи Бороздны, учреждается вмѣсто двухъ одна стипендія для студентовъ того же университета, безъ различія факультетовъ.

2) Стипендіатъ при жизни учредительницы стипендіи назначается ею, а потому при освобожденіи стипендіи, правленіе уни-

верситета увѣдомляетъ ее объ этомъ, а послѣ ея смерти право назначенія стипендіата переходитъ къ совѣту университета.

3) Стипендіатъ, не перешедшій на слѣдующій курсъ по малоуспѣшности, лишается стипендіи; но если этому препятствовала болѣзнь, засвидѣтельствованная надлежащимъ порядкомъ, то стипендія, съ согласія учредительницы и разрѣшенія совѣта, можетъ быть продолжена стипендіату.

4) Стипендіатъ, замѣченный и уличенный въ чемъ-либо предосудительномъ, теряетъ право на полученіе стипендіи.

14. (5-го января 1874 года). *Положеніе о стипендіяхъ вдовы капитанъ-лейтенанта Маріи Дмитріевны Микрюковой при Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) По духовному завѣщанію умершей вдовы капитанъ-лейтенанта Маріи Дмитріевны Микрюковой, душеприкащикомъ ея представленъ для учрежденія въ Новороссійскомъ университетѣ стипендіи капиталъ въ двадцать восемь тысячъ пятьсотъ рублей процентными билетами государственнаго банка и наличными деньгами двадцать пять рублей.

2) На проценты съ этого капитала учреждаются въ отдѣленіи естественныхъ наукъ физико-математическаго факультета Императорскаго Новороссійскаго университета четыре стипендіи въ 340 руб. каждая, съ наименованіемъ оныхъ стипендіями вдовы капитанъ-лейтенанта Маріи Дмитріевны Микрюковой.

3) Стипендіи назначаются достойнымъ и бѣднымъ молодымъ людямъ христіанскаго вѣроисповѣданія.

4) Право избранія, по представленію физико-математическаго факультета, предоставляется совѣту Новороссійскаго университета, который подвергаетъ стипендіатовъ тому же контролю надъ ихъ занятіями, какой установленъ правилами университета для казенныхъ стипендіатовъ.

5) Изъ остатковъ, имѣющихъ образоваться отъ неполнаго израсходованія процентовъ съ капитала на стипендіи, состав-

ляется особый капиталъ, изъ котораго выдаются, по удостоенію совѣта, суммы для дальнѣйшаго усовершенствованія тѣмъ изъ окончившихъ курсъ наукъ, которые пожелаютъ ѣхать за границу съ ученою цѣлью.

У. ПРИКАЗЪ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

8-го декабря 1873 года (№ 16). *Утверждаются:* ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета *Масловскій*—деканомъ физико-математическаго факультета сего университета на три года, съ 30-го ноября 1873 года; экстраординарные профессора Императорскаго Московскаго университета по каедрамъ: зоологіи, докторъ зоологіи *Борзенковъ*, и физики, докторъ физики *Столытовъ*—ординарными профессорами сего университета по занимаемымъ ими каедрамъ, съ 29-го сентября 1873 года; діаконъ Императорской Россійской миссіи въ Вѣнѣ, магистръ *Кудрявцевъ*—исправляющимъ должность профессора православнаго богословія Императорскаго Новороссійскаго университета, съ 4-го октября 1873 года; экстраординарный профессоръ Императорскаго Московскаго Университета, по каедрѣ судебной медицины, докторъ медицины *Леонимъ* — ординарнымъ профессоромъ сего университета, съ 3-го ноября 1873 года; экстраординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета по каедрѣ оперативной хирургіи *Разветтовъ* — ординарнымъ профессоромъ сего университета, съ 10-го ноября 1873 года; доцентъ Императорскаго Московскаго университета *Томскій* — экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по каедрѣ акушерства, съ 10-го ноября 1873 года; исправляющій должность доцента Императорскаго Варшавскаго университета, магистръ государственнаго права *Самонвасовъ* — экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по каедрѣ исторіи русскаго права; директоръ Московской шестой гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Шафрановъ* — директоромъ коллегіи

Павла Галагана, съ увольненіемъ отъ первой должности, съ 4-го декабря 1873 года; исправляющій должность директора училищъ Тульской губерніи, коллежскій совѣтникъ *Новоселевъ* — въ сей должности; учитель Харьковской третьей гимназіи, исполняющій обязанности инспектора сей гимназіи *Тихій* — директоромъ училищъ Тамбовской губерніи; инспекторъ Грубешевской мужской прогимназіи *Сыталевицъ* — директоромъ Люблинской мужской гимназіи; директоръ Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, гофмейстеръ двора Его Величества, баронъ *Бюлеръ* — членомъ археографической комиссіи министерства народнаго просвѣщенія, съ 17-го ноября 1873 года; Череповскій землевладѣлецъ предсѣдатель уѣздной земской управы *Румянцева*, личный почетный гражданинъ *Макаровъ*, почетный мировой судья, губерпскій секретарь *Половцова*, мировой судья 2-го участка Череповскаго уѣзда, коллежскій секретарь *Поповъ*, купцы: *Мостобинъ*, *Копыльцовъ*, *Волковъ*, *Демидовъ*, *Сасинъ* и священникъ *Розовъ* — членами попечительства Череповскаго реальнаго училища, на три года.

Назначаются: директоръ Люблиповой мужской гимназіи, надворный совѣтникъ *Худзинскій* — начальникомъ Лодзинской учебной дирекціи; предсѣдатель Псковской губерпской земской управы *Зоринъ*, предсѣдатель уѣздной земской управы *Ваганова*, членъ Псковской губерпской управы *Черемнова*, членъ уѣзднаго земства, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Фанъ-деръ-Флитъ*, Псковскій уѣздный предводитель дворянства *Яхонтова* и купецъ 1-й гильдіи *Хмьлинскій* — членами попечительства Псковскаго реальнаго училища, на три года; Костромской губерпскій предводитель дворянства *Васьковъ*, предсѣдатель Костромской губерпской земской управы *Исаковъ*, владѣлецъ механическаго завода въ Костромѣ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Шипова*, потомственный почетный гражданинъ *Зотова* и купцы 1-й гильдіи: *Кашинъ* и *Михинъ* — членами попечительства Костромскаго реальнаго училища, на три года.

Перемѣщаются: директоръ училищъ Иркутской губерніи, над-

ворный совѣтникъ *Смирновъ* — директоромъ училищъ Томской губерніи; начальникъ Лодзинской дирекціи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Тернаоскій* — начальникомъ Калишской учебной дирекціи.

Переводятся на службу по ведомству министерства народнаго просвѣщенія: воспитатель Московской первой военной гимназіи, коллежскій совѣтникъ *Петровскій* — исправляющимъ должность инспектора народныхъ училищъ Костромской губерніи.

Опредѣляется: потомственный почетный гражданинъ *Пермикинъ* — почетнымъ попечителемъ Иркутской учительской семинаріи, съ 30-го октября 1873 года.

Причисляются къ министерству народнаго просвѣщенія: директоръ коллегіи Павла Галагана, коллежскій совѣтникъ *Григорьевъ*, съ увольненіемъ отъ настоящей должности съ 4-го декабря 1873 года; отставной коллежскій совѣтникъ *Котляревскій*, магистръ Московской духовной академіи *Хупотскій* и кандидатъ сей академіи *Первухинъ*; изъ нихъ Хупотскій съ 28-го августа 1873 года и Первухинъ съ 5-го сентября 1873 года, на время исполненія особо возложенныхъ на нихъ порученій.

Остаются на службу на пять лѣтъ: директоръ Саратовскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ *Мерцаловъ*, съ 14-го октября 1873 года; экстраординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, статскій совѣтникъ *Окатовъ* съ 23-го ноября 1873 года.

Увольняются въ отпускъ за границу: директоръ Пекинской обсерваторіи, надворный совѣтникъ *Фритше*, на мѣсяць; лекторъ Императорскаго Варшавскаго университета *Бенни* — на зимнее вакаціонное время и двадцать восемь дней.

Отчисляется отъ министерства народнаго просвѣщенія: причисленный къ сему министерству, надворный совѣтникъ *Ковалевъ*, согласно прошенію.

Увольняются отъ службы по прошенію: директоръ училищъ Томской губерніи, статскій совѣтникъ *Ивановъ*; начальникъ Ка-

лишской учебной дирекціи, статскій совѣтникъ *Бергъ*; послѣдній съ 1-го декабря 1873 г.

Объявляется благодарность министерства народнаго просвѣщенія: мировымъ посредникамъ: Виленскаго уѣзда 2-го участка, надворному совѣтнику *Яржембскому*, Лидскаго уѣзда 1-го участка, титулярному совѣтнику *Лавриновичу*, Опшянскаго уѣзда 2-го участка, титулярному совѣтнику *Крамеру*, Виленскаго уѣзда 3-го участка, отставному штабсъ-капитану *Шепурину*, Лидскаго уѣзда 3-го участка, коллежскому секретарю *Конде-Марквотъ-Ремартену*, Вилейскаго уѣзда 2-го участка, отставному корнету *Калачеву* и Свенцянскаго уѣзда 1-го участка, *Антипову*—за полезную дѣятельность по народному образованію.

Объявляется признательность министерства народнаго просвѣщенія: Почетной попечительницѣ Екатеринославской женской гимназіи *Кохъ*—за пожертвованія въ пользу означенной гимназіи; почетному блюстителю Досуговскаго двухкласснаго народнаго училища, Краснинскаго уѣзда, дѣйствительному статскому совѣтнику *Васильеву*, и члену Симбирскаго уѣзднаго училищнаго совѣта *Назареву*—за пожертвованія и труды на пользу народнаго образованія.

Исключается изъ списковъ умершій: ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Бьялевъ*.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1) Книгу подъ заглавіемъ: «*Школьная дѣтетика*, изложенная по д-ру Кленке *Вл. Фармаковскимъ*. Изд. 3-е, Вятка 1873 г.»—рекомендовать родителямъ и воспитателямъ.

2) Книгу: «*Жизнь и труды Ломоносова*. Часть первая. *Н. Лю-*

бимова, профессора Московскаго университета. Москва 1873 г.—рекомендовать какъ для ученическихъ библіотекъ, такъ и для выдачи ея въ награду лучшимъ ученикамъ.

3) Книгу: «*Русская хрестоматія, съ примѣчаніями. Составилъ А. Филомоовъ. Часть 2-я, изданіе 3-е, значительно исправленное, и 4-я—изданіе 2-е, исправленное и дополненное. С.-Пб. 1873 года*»—рекомендовать какъ пособіе при преподаваніи словесности въ высшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній.

4) Книгу: «*Николай Коперникъ и его ученіе. Составилъ Я. Вейнберъ. С.-Пб. 1873 г.*»—рекомендовать къ приобрѣтенію для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также для выдачи въ награду ученикамъ этихъ заведеній.

5) Книгу: «*Первоначальныя свѣдѣнія изъ физики, или введеніе въ изученіи статики, динамики, гидростатики и оптики, съ задачами для упражненій. Соч. Ньютона. Перев. съ англійскаго Е. Литвиновой, подъ редакціею С. Усова. С.-Пб. 1873 г.*»—рекомендовать въ число пособій для реальныхъ училищъ.

6) Книгу подъ заглавіемъ: «*Основанія химіи. Составилъ И. Бокія, преподаватель химіи и физики въ Тифлисскомъ реальномъ училищѣ. Тифлисъ, 1873 г.*»—допустить, какъ руководство въ реальныхъ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія.

7) «*Библейскій словарь, содержащій библейскую пропедевтику, исторію, географію, древности, хронологію и пр. Составилъ коллежскій ассессоръ Верховскій. С.-Пб. 1873 г.*»—рекомендовать для фундаментальныхъ библіотекъ гимназій, прогимназій и реальныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія.

8) Книгу: «*Русская хрестоматія для переводовъ на французскій и нѣмецкій языки въ высшихъ классахъ средне-учебныхъ заведеній. Составили: В. Я. Стоюнинъ и И. Н. Павловъ. Москва, 1873 г.*»—рекомендовать, какъ пособіе при изученіи новыхъ языковъ въ двухъ высшихъ классахъ мужскихъ и женскихъ гимназій и реальныхъ училищъ.

9) Книгу: «*Природа, популярный естественно-историческій*

сборникъ. Составили: профессоръ Императорскаго Московскаго университета С. А. Усовъ и Г. Сабанъевъ. Москва, 1873 г.— рекомендовать для библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, учительскихъ семинарій и институтовъ и уѣздныхъ училищъ, а также для награды ученикамъ.

10) Брошюру В. Т. Скрыльникова подъ заглавіемъ: «*Популярныя чтенія по общественной жизни*». Отгиски изъ Екатеринославскихъ губернскихъ вѣдомостей на 1873 г.— рекомендовать для библиотекъ при народныхъ училищахъ.

11) Книгу: «*Краткій очеркъ греческихъ древностей*, составленный адъюнктомъ К. Страшкевичемъ для своихъ слушателей. Кіевъ. 1864 г.» — рекомендовать, какъ чрезвычайно полезное пособіе при преподаваніи греческаго языка, а также для ученическихъ и фундаментальныхъ библиотекъ гимназій.

УІІ. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1) Книгу: «*Приготовительный курсъ геометріи* (пособіе для учителей). С.-Пб., изданіе редакціи журнала «Семья и Школа». 1873 г., въ 8°, стр. 126, цѣна 60 коп. Составилъ Захарій Вулъ» — рекомендовать для библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

2) Брошюры: «*Начало Руси (Первые князья. — Крещеніе Руси)*». Сочиненіе П. Щербальскаго. Изданіе третье. Цѣна 8 коп. Сувалки, 1873 г.» и «*Государь Царь Петръ Великій, первый Русскій Императоръ. П. Щ.* Для начального чтенія. Варшава, 1873 г.» — одобрить для употребленія въ начальныхъ народныхъ училищахъ.

3) Книгу: «*Очерки современнаго Египта*. Передѣлано для юношества изъ разказа Эдм. Абу: «Феллахъ Ахметъ». С. *Самойлович*. Изданіе С. Самойловича и В. Сорокина. Цѣна 1 руб. 50 коп. С.-Пб. 1874 г.»—одобрить для чтенія дѣтямъ обоого пола, кромѣ учениковъ народныхъ школъ, и для гимназическихъ библіотекъ.

4) Изданія книгопродавцемъ Я. А. Исаковымъ народныя сказки Александра Сергѣевича Пушкина, подъ заглавіями: *Сказка о рыбацкѣ и рыбацкѣ*. Цѣна 3 коп. *Сказка о царѣ Салтанѣ, о сынѣ его, славномъ и могущественномъ богатырѣ Гвидонѣ Салтановичѣ и прекрасной царевнѣ Лебеди*. Цѣна 8 коп. *Сказка о золотомъ пѣтушкѣ*. Цѣна 3 коп. *Сказка о купцѣ Остолопѣ и работникѣ его Балдѣ*. Цѣна 3 коп. *Сказка*. 1) *Бова*, 2) *Какъ весеннею теплою порою*. 3) *Свѣтъ Иванъ*, цѣна 3 коп. *Сказка о мертвой царевнѣ и о семи богатыряхъ*. Цѣна 7 коп.»—одобрить для чтенія въ начальныхъ народныхъ училищахъ.

5) Книгу подъ заглавіемъ: «*Отъ чего наши пожары и какъ ихъ уничтожить*. Бесѣды съ крестьянами, для чтенія въ школъ и дома. М. *Пероушина* С.-Пб. 1873 г. Цѣна 20 коп.»—допустить для библіотекъ народныхъ сельскихъ школъ, съ тѣмъ, чтобы при второмъ изданіи авторъ совершенно исправилъ языкъ въ первыхъ главахъ и придалъ этимъ главамъ содержаніе, болѣе соотвѣтствующее ихъ заглавію.

Учебный комитетъ при святѣйшемъ синодѣ, разсмотрѣвъ составленную законоучителемъ первой С.-Петербургской гимназіи, священникомъ Александромъ *Лебедевымъ*, книгу подъ заглавіемъ. «*Очеркъ исторіи христіанской церкви*. С.-Пб., 1873 г.»—призналъ возможнымъ допустить оную къ употребленію въ гимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія въ качествѣ учебнаго по церковной исторіи руководства, съ тѣмъ, чтобы авторъ, при слѣдующемъ изданіи книги, исправилъ указанные комитетомъ недостатки.

Святѣйшій синодъ опредѣленіемъ 19-го октября (8-го ноября) 1873 года утвердилъ изложенное заключеніе учебнаго комитета,

съ тѣмъ, чтобы 20-я страница книги священника Лебедева была перепечатана согласно указанію святѣйшаго синода.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Вслѣдствіе ходатайства Рыбацкаго сельскаго общества С.-Петербургскаго уѣзда и по всеподданнѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія, Государь Императоръ, въ 21-й день декабря минувшаго года, Всемилостивѣйше соизволилъ на постановку портрета г. министра народнаго просвѣщенія въ помѣщеніи Рыбацкихъ: двухкласснаго мужскаго и однокласнаго женскаго училищъ.

— Вслѣдствіе ходатайства педагогическаго совѣта Екатерининскаго учительскаго института въ Тамбовѣ и по всеподданнѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія, Государь Императоръ, въ 21-й день декабря минувшаго года, Всемилостивѣйше соизволилъ на постановку въ актовомъ залѣ сего института портрета основателя института тайнаго совѣтника *Нарышкина*.

— Новороссійскій и Бессарабскій генералъ-губернаторъ сообщилъ министерству народнаго просвѣщенія, отъ 20-го ноября 1873 года, что Государь Императоръ Высочайше соизволилъ разрѣшить находящейся въ г. Ялтѣ пригготовительной школѣ, учрежденной въ 1867 году г-жею Римской-Корсаковой, именоваться впредь «Маринскою».

— Попечитель Одесскаго учебнаго округа довелъ до свѣдѣнія г. министра народнаго просвѣщенія, что Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Александра Іосифовна, 19-го декабря минувшаго года, въ 3-мъ часу дня осчастливила своимъ посѣщеніемъ Николаевскую Маринскую женскую гимназію, при чемъ изволила посѣтить всѣ ея классы, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ предлагала вопросы ученицамъ и милостиво выслушивала ихъ отвѣты.

— Г. министр народнаго просвѣщенія разрѣшилъ принять 2.500 руб., внесенные повѣреннымъ наследниковъ умершаго землевладѣльца Чигиринскаго уѣзда, Дмитрія Доминика Кржижановскаго, Перебскимъ, согласно утвержденному духовному завѣщанію Кржижановскаго, съ тѣмъ, чтобы на проценты съ этого капитала, согласно волѣ завѣщателя, содержался въ Златопольской прогимназіи стипендіатъ изъ бѣдныхъ дворянъ Чигиринскаго уѣзда.

— Домашнимъ духовнымъ завѣщаніемъ отъ 15-го іюля 1873 года, формально опубликованнымъ, Нарцизъ *Висньевскій* отказалъ: 1) 3.000 руб. на учрежденіе стипендіи для прилежнаго и благоправнаго ученика безъ различія сословія, изъ уроженцевъ Привислянскаго края, римско-католическаго исповѣданія, преимущественно изъ фамиліи завѣщателя, и 2.250 руб. съ наростими отъ обѣихъ суммъ процентами, а также вырученную отъ продажи 700 экземпляровъ сочиненія завѣщателя «О бракѣ» сумму въ пользу начального училища въ Хезлѣ, Олькушкаго уѣзда.

Вслѣдствіе представленія о семъ попечителя Варшавскаго учебнаго округа, г. министр народнаго просвѣщенія, предложеніемъ отъ 17-го ноября 1873 года, утвердилъ, съ огражденіемъ неприкосновенности правъ третьихъ лицъ, значущіяся въ духовномъ завѣщаніи записи для указанной Висньевскимъ цѣли.

— Домашнимъ духовнымъ завѣщаніемъ отъ 28-го мая 1873 года, формально опубликованнымъ, Левъ *Скалецкій* отказалъ въ пользу стипендіальнаго фонда 1.500 руб., обезпеченныхъ навсегда на имѣніи Борово-ляское и Зеленево, съ тѣмъ, чтобы процентами съ этой суммы, считая по 5%, пользовался ученикъ, отличающійся прилежаніемъ, изъ фамиліи завѣщателя по мужской или женской линіи; въ случаѣ же неимѣнія такого кандидата, — ученикъ, избранный училищнымъ начальствомъ изъ уроженцевъ Ленчинскаго уѣзда.

Вслѣдствіе представленія о семъ попечителя Варшавскаго учебнаго округа, г. управлявшій министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищъ министра, предложеніемъ отъ 10-го января

1873 года, утвердилъ, съ огражденіемъ неприкосновенности правъ третьихъ лицъ, значущуюся въ духовномъ завѣщаніи запись для указанной Сваецкимъ цѣли.

— Г. министръ народнаго просвѣщенія 8-го декабря разрѣшилъ г. попечителю Московскаго учебнаго округа принять тамошнему университету:

1) представленный въ опій статскимъ совѣтникомъ Милевымъ билетъ промышленнаго банка въ Москвѣ въ пять тысячъ руб., пожертвованный потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ, Московскимъ 1-й гильдіи купцомъ В. С. *Марецкимъ* на устройство химической лабораторіи упомянутаго университета;

2) представленные въ опій княгиней Е. А. *Кулишевою* пожертвованные ею въ пользу упомянутаго университета триста руб., съ употребленіемъ сихъ денегъ, согласно желанію ея, на такіе расходы по гистологической лабораторіи упомянутаго университета, которые признаеть нужнымъ сдѣлать завѣдывающій означенною лабораторіею, ординарный профессоръ Бабухинъ.

— Вслѣдствіе представленія г. управлявшаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ въ комитетъ министровъ, состоялось Высочайше утвержденное 9-го ноября 1873 года положеніе комитета, коимъ опредѣлено: замѣнить четыре существующія въ Дерптскомъ университетѣ стипендіи для воспитанниковъ Вилнскаго евангелическо-реформатскаго синода по 200 руб. каждая, -- тремя стипендіями по *двѣсти шестидесяти шести руб. 66²/₃ коп.*, назначивъ таковыя исключительно для студентовъ богословскаго факультета, дабы не было недостатка въ реформатскихъ кандидатахъ богословія.

— Г. министръ народнаго просвѣщенія приказать изволить сочиненіе: «*Voyage d'exploration à la mer Morte, à Pétra, Choubak, etc., par M-r Le Duc de Luynes*», издаваемое въ Парижѣ Артюсомъ Бертрамомъ — рекомендовать къ приобрѣтенію въ бібліотеки учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

Все сочиненіе состоитъ изъ 20-ти эстамповъ, по 6-ти франковъ каждый, 3-хъ большихъ томовъ текста по 35 фр. Складъ

изданія: Arthus Bertrand, éditeur de la Librairie maritime et scientifique. Paris, Rue Hautefeuille, 21.

— Редакторъ «Лѣснаго журнала» профессоръ Шафрановъ сообщилъ департаменту народнаго просвѣщенія, что, согласно постановленію ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія объ изданномъ имъ альбомѣ тончайшихъ поперечныхъ разрѣзовъ древесины 50-ти русскихъ древесныхъ породъ, сообщенному редакціи журнала министерства народнаго просвѣщенія 7-го ноября 1873 года за № 11808, онъ готовъ сдѣлать уступку въ 10% съ назначенной имъ цѣны (3 руб. 70 коп. безъ пересылки, 4 руб. съ пересылкою за экземпляръ) тѣмъ изъ реальныхъ училищъ, которыя обратятся за альбомомъ непосредственно къ автору въ редакцію «Лѣснаго Журнала» въ С.-Петербургѣ, на Выборгскую сторону, въ зданіе Лѣснаго института.

— Г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ выдавать ученикамъ V и VI классовъ реальныхъ училищъ свидѣтельства на право обученія въ частныхъ домахъ математикѣ, русскому языку, географіи и новымъ иностраннымъ языкамъ.

— Попечитель Московскаго учебнаго округа, отъ 20-го декабря 1873 года, донесъ министерству народнаго просвѣщенія, что, вслѣдствіе представленія директора училищъ Костромской губерніи, онъ разрѣшилъ учредить въ г. Галичѣ, на основаніи Высочайше утвержденного 24-го мая 1870 года положенія о женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія, трехклассную женскую прогимназію на первый годъ въ составѣ двухъ классовъ, на средства городского общества и на предполагаемую сумму сбора за ученіе въ прогимназіи.

— Отъ 18-го декабря 1873 года попечитель Московскаго учебнаго округа донесъ министерству народнаго просвѣщенія, что онъ, вслѣдствіе представленія директора училищъ Московской губерніи, разрѣшилъ преобразовать существующее въ городѣ Дмитровѣ частное женское учебное заведеніе въ женскую прогимназію, на основаніи Высочайше утвержденного 24 го мая 1870 года положенія о женскихъ гимназіяхъ и прогимна-

зіяхъ министерства народнаго просвѣщенія, съ ежегоднымъ на содержаніе оной пособіемъ отъ городского общества въ 1.500 руб. и отъ земства въ 300 руб.

— По ходатайству попечителя Кіевскаго учебнаго округа, г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ взимать съ 1-го января 1874 года, за ученіе въ Каменецъ-Подольской гимназій по *восемьнадцати* руб. въ годъ съ учениковъ приготовительнаго класса и по *двадцати пяти* руб. въ годъ съ учениковъ прочихъ классовъ.

— Вслѣдствіе представленій попечителей Казанскаго и Харьковскаго учебныхъ округовъ, г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ взимать съ начала текущаго учебнаго года за ученіе: въ Мензелинской прогимназій съ учениковъ приготовительнаго класса по *десяти* руб., а съ учениковъ остальныхъ классовъ по *пятнадцати* руб. въ годъ и съ 1-го января 1874 года въ Орловской гимназій съ учениковъ приготовительнаго класса по *четырнадцати* руб., а съ учениковъ прочихъ классовъ по *двадцати одному* руб. въ годъ съ каждаго.

— Попечитель Казанскаго учебнаго округа донесъ г. министру народнаго просвѣщенія, что въ день храмоваго праздника церкви Пензенской гимназій, 23-го ноября 1873 года, въ означенной гимназій происходилъ публичный актъ.

Послѣ Божественной литургій, во время которой пастырь церкви и законоучитель Лептовскій сказалъ слово, ученики, въ сопровожденіи почетнаго попечителя, директора, инспектора и всѣхъ преподавателей, отправились въ актовъ залъ, гдѣ розданы были имъ отъ почетнаго попечителя Арапова евангелія, послѣ раздачи которыхъ почетный попечитель сказалъ ученикамъ нѣсколько словъ, указавъ на значеніе своего подарка. Въ 12½ часовъ, послѣ молитвы «Царю Небесный», пропѣтой гимназическимъ хоромъ, начался актъ. Сначала произнесена была рѣчь почетнымъ попечителемъ, затѣмъ директоромъ — о воспитаніи. Преподаватель Зимницкій прочелъ извлеченіе изъ исторической записки о Пензенской гимназій, а инспекторъ Ларіоновъ про-

чель отчетъ о состояніи гимназіи за 1872/73 учебный годъ. Послѣ раздачи наградъ ученикамъ, актъ былъ законченъ гимномъ «Боже Царя храни», пропѣтымъ воспитанниками гимназіи.

— 6-го декабря 1873 года, по совершеніи преосвященнымъ Павломъ, епископомъ Кишеневскимъ и Хотинскимъ, молебствія съ провозглашеніемъ многолѣтія Государю Императору и всему Царствующему Дому, открыто въ г. Кишеневѣ, въ присутствіи командированнаго для этой цѣли окружнаго инспектора, реальное училище.

— 7 декабря 1873 года, по совершеніи благодарственнаго молебствія, послѣдовало открытіе начальной школы при учительской семинаріи Московскаго учебнаго округа, въ сельцѣ Алферовѣ, Вяземскаго уѣзда, и принято въ эту школу 12 человекъ изъ крестьянскаго сословія.

— Житомирскій еврейскій учительскій институтъ открытъ 13-го ноября 1873 года и въ оный поступило 112 учениковъ.

— Г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ установить время для каникулъ въ Харьковскомъ ветеринарномъ институтѣ, одинаковое съ университетами, а именно: лѣтніе каникулы—съ 1-го іюня по 15-е августа, а зимніе—съ 21-го декабря по 7-е января каждаго года.

ПОУЧЕНИЕ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА, КАКЪ ПАМЯТНИКЪ РЕЛИГИОЗНО-ПРАВСТВЕННЫХЪ ВОЗЗРѢНІЙ И ЖИЗНИ НА РУСИ ВЪ ДО-ТАТАРСКУЮ ЭПОХУ.

Поученіе Владиміра Мономаха относится къ числу важнѣйшихъ и драгоцѣннѣйшихъ памятниковъ нашей древности. Если Повѣсть временныхъ лѣтъ заключаетъ въ себѣ важнѣйшее основаніе вышней, фактической стороны нашей исторіи, если договоры Олега и Игоря и Русская Правда суть главнѣйшіе источники древняго русскаго права, — то житіе Θεодосія, написанное пр. Несторомъ, Слово о полку Игоря и Поученіе Владиміра Мономаха суть замѣчательнѣйшіе памятники внутренней, духовной жизни и міросозерцанія нашихъ предковъ въ отдаленнѣйшую эпоху русской исторіи. Но житіе Θεодосія написано инокомъ, то-есть, человѣкомъ, отказавшимся отъ міра, хотя въ то же время не перестававшимъ живо интересоваться общественными событіями, что видно изъ его лѣтописи (если сія послѣдняя дѣйствительно имъ писана), но во всякомъ случаѣ не принимавшимъ никакого дѣятельнаго участія въ этихъ событіяхъ. Притомъ этотъ человѣкъ, съ семнадцати-лѣтняго возраста посвятившій себя Богу, и слѣдовательно, въ высшей степени религіозный, если не вполне, то по крайней мѣрѣ, лучше большинства другихъ, особенно не иноковъ, отрѣшился отъ прежняго языческаго міровоззрѣнія и усвоилъ себѣ идеи христіанства въ сравнительно чистомъ видѣ, такъ что его взглядами нельзя руководствоваться вполне и безъ оговорокъ для характеристики религіозно-нравственныхъ воззрѣній и жизни остальнаго русскаго общества его времени. Слово о полку Игоря написано авторомъ, до котораго, очевидно, совершенно не коснулось христіанство, и потому воззрѣнія Слова приложимы только къ той, къ сожалѣнію, весьма многочисленной части русскаго общества, которая жила еще вполне языческою жизнію и была совершенно

часть CLXXI, отд. 2.

шенно чужда христіанскимъ идеямъ. Совсѣмъ иное значеніе имѣеть Поученіе Мономаха, написанное лицомъ свѣтскимъ и притомъ стоявшимъ, по своему положенію, во главѣ общества: это поученіе лучше всего можетъ показать, какъ прививались и усвоились христіанскія идеи русскою жизнію того времени, на какую сторону христіанства обращали преимущественное вниманіе тогдашніе русскіе люди и на сколько прежисе языческое міросозерцаніе, отъ котораго долго не могла отрѣшиться даже самая лучшая часть общества, мирилось съ новыми христіанскими попятіями. Съ такой-то именно точки зрѣнія мы и имѣемъ въ виду разсмотрѣть Поученіе Мономаха, съ цѣлію представить очеркъ религіозно-нравственныхъ воззрѣній и жизни русскаго общества до-татарской эпохи, то-есть, періода, обнимающаго собою время отъ введенія христіанства на Руси до половины XIII столѣтія, потому что хотя Поученіе написано въ концѣ XI вѣка (1099 г.), тѣмъ не менѣе оно имѣетъ значеніе памятника религіозно-нравственной жизни всего до-татарскаго періода, такъ какъ жизнь этого періода текла въ одномъ и томъ же опредѣленномъ направленіи, безъ особенныхъ переиѣнъ, характеризующихъ чѣмъ-либо каждое изъ указанныхъ столѣтій. Безъ сомнѣнія, прежде, чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію поученія Мономаха въ указанномъ направленіи, мы должны представить критическій обзоръ этого памятника съ чисто литературной стороны, коснуться подлинности, времени его происхожденія и проч., и наконецъ, сказать нѣсколько словъ о самомъ авторѣ Поученія.

I.

Поученіе Владиміра Мономаха и христіанскій характеръ автора поученія.

Поученіе—въ Лаврентьевской лѣтописи.—Подлинность Поученія.—Границы его въ лѣтописи.—Время написанія Поученія (1099 г.).—Источники.—Авторъ Поученія—Владиміръ Мономахъ.—Лѣтописные разказы и отзвыы о немъ.—Посланіе къ пему Никифора, митрополита Кіевскаго, какъ матеріаль для его характеристики.—Поученіе Мономаха, какъ важнѣйшій матеріаль для характеристики послѣдняго.—Форма Поученія—завѣщаніе дѣтямъ.—Такія завѣщанія въ обычаѣ древней жизни.—Содержаніе—три главныя мысли Поученія.—Общій составъ и порядокъ Поученія.

Поученіе Владиміра Мономаха найдено въ Лаврентьевскомъ спискѣ Несторовой лѣтописи ¹⁾, гдѣ оно вставлено подъ 6604 (1096) го-

¹⁾ Лаврентьевскій списокъ лѣтописи, писанный въ 1377 году на пергаментѣ, нынѣ хранящійся въ Императорской публичной библиотекѣ, издавался нѣсколько

домъ, безъ всякаго къ тому повода, въ ряду посторонняго разказа. Такая безпричинная вставка Поученія въ лѣтопись можетъ легко возбудить вопросъ; дѣйствительно ли это Поученіе принадлежит перу Владиміра Мономаха? Можно подумать: не сочинено ли оно самимъ лѣтописцемъ для того, чтобы ярче обозначить привлекательныя черты характера великаго князя? Но есть нѣкоторыя данныя, которыя ясно свидѣтельствуютъ въ пользу подлинности Поученія, какъ произведенія Мономаха. Съ одной стороны, еслибы Поученіе было сочинено лѣтописцемъ, то оно, конечно, не было бы соединено съ посланіемъ къ Олегу ¹⁾, такъ какъ лѣтописцу можно было вставить подъ 1096 годомъ *одно посланіе*, если-бъ и то, и другое сочиненіе существовали раздѣльно; онъ же вставилъ *оба вмѣстѣ*, потому что на Поученіи время не обозначено, а посланіе приходится къ событію года. Затѣмъ, въ пользу подлинности Поученія свидѣтельствуетъ отсутствіе его во всѣхъ другихъ спискахъ лѣтописи, кромѣ Лаврентьевскаго: эта лѣтопись носитъ въ себѣ слѣды болѣе общерусскаго характера и потому болѣе интересуется Мономахомъ, какъ замѣчательнымъ, по своимъ качествамъ, княземъ *всей* Русской земли. Прочія же лѣтописи не приводятъ Поученія, такъ какъ въ этихъ лѣтописяхъ господствуетъ преимущественно мѣстный, областной характеръ: интересъ такого лѣтописца сосредоточивается на событіяхъ *его* страны и на лицахъ, игравшихъ важную роль въ событіяхъ этой страны (напримѣръ, Новгородскія и Псковскія лѣтописи). Понятно, такого лѣтописца не могло особенно занимать лице, бывшее краскою не его княжества. Наконецъ, за подлинность Поученія говоритъ самый характеръ послѣдняго, которое, конечно, было бы совершенно инымъ, если бы сочинилъ его лѣтописецъ-инокъ. При тогдашнемъ, почти всеобщемъ, взглядѣ на монаше-

---

разъ цѣликомъ и отрывками. Такъ, въ 1793 году графъ А. И. Мусинъ-Пушкинъ издалъ отрывокъ изъ этого списка, именно — разсматриваемое поученіе, подъ названіемъ: «Духовная великаго князи Владиміра Всеволодовича Мономаха дѣтямъ своимъ». Первое полное изданіе Лаврентьевской лѣтописи, со включеніемъ и Поученія, появилось въ 1846 году отъ имени Археографической комиссіи подъ редакціей Березникова. Затѣмъ въ 1860 году Миклошичъ перепечаталъ это изданіе съ нѣкоторыми измѣненіями. Наконецъ, послѣднее изданіе, 1872 года, сдѣлано Археографическою комиссіей подъ редакціей А. Ѳ. Вычкова. Мы приводимъ текстъ Поученія преимущественно по изданію 1846 года. Въ Лаврентьевскомъ спискѣ Поученіе помѣщено на 78—85 стр. рукописи.

¹⁾ Посланіе къ Олегу, можно сказать, даже совершенно слито съ Поученіемъ, такъ что трудно опредѣлить границы того и другого. Впрочемъ, объ этомъ см. дальше.

ство, какъ на идеаль добродѣтельной жизни,—авторъ-иннокъ никакъ не дозволилъ бы себѣ сказать, что „ни одиночество, ни чернечество, ни голодъ, яко нѣи добріи терпятъ, но малымъ дѣломъ“ можно заслужить милость Божію. Такимъ образомъ не трудно убѣдиться въ подлинности приписываемаго Мономаху Поученія. Сохраненное въ древнѣйшемъ (1377 года), харатейномъ спискѣ лѣтописи, оно предлагаетъ многіа извѣстія, засвидѣтельствованная лѣтописями, заключаетъ много лишнихъ извѣстій, не представляющихъ никакого противорѣчія съ извѣстными, никакой несообразности со временемъ и всѣми обстоятельствами, носитъ въ себѣ печать правды и исключаетъ само собою всякую мысль о подлогѣ, выставляя черты, которыхъ выдумать нельзя. обстоятельное изученіе самаго Поученія окончательно убѣждаетъ всякаго во внутреннихъ его достоинствахъ, при чемъ духъ Поученія несомнѣнно свидѣтельствуетъ, что оно могло выйдти только изъ-подъ пера Владиміра Мономаха.

Гораздо труднѣе опредѣлить *границы* Поученія въ лѣтописи, потому что оно дошло до насъ не въ первобытномъ, чистомъ видѣ. Оно очевидно, смѣшано, съ другими статьями и имѣетъ пропуски; помѣщено, по странному недоразумѣнію, въ срединѣ посторонняго сказанія о происхожденіи Половцевъ и разказа Гюраты Роговича объ Югрѣ. За Поученіемъ, не имѣющимъ видимаго опредѣленнаго конца, сподрядъ помѣщено посланіе или письмо Владиміра Мономаха къ Олегу Святославичу по случаю смерти сына Владимірова Изяслава, убитаго въ битвѣ съ Олегомъ Святославичемъ: Мономахъ проситъ, между прочимъ, Олега въ этомъ письмѣ не задерживать, а прислать къ нему его невѣстку, неутѣшную вдову—жену покойнаго сына. Нельзя съ точностію рѣшить—гдѣ кончается Поученіе и начинается посланіе къ Олегу, потому что между тѣмъ и другимъ паходятся общія мѣста, безъ указанія на какой-либо опредѣленный предметъ рѣчи. Не можетъ быть, чтобы Поученіе оканчивалось такою отрывистою рѣчью: „Божіе блюдо не лѣплѣе есть человѣчскаго“, хотя несомнѣнно также и то, что дальнѣйшія слова, послѣ приведенной фразы, начинающіяся такъ: „о многострастный и печалны азъ...“ относятся не къ Поученію, а къ посланію Владиміра Олегу. Очевидно, что между Поученіемъ и посланіемъ есть пропускъ, подобно тому, какъ и въ началѣ Поученія есть пропускъ, для котораго въ Лаврентьевскомъ спискѣ оставлено мѣсто строки на четыре. Во всякомъ случаѣ намъ приходится ограничить Поученіе фразой: „Божье блюдо не лѣплѣе есть человѣчскаго“; а воззваніе: „о мно-

гострастный и печальный азъ“—отнести къ посланію Олегу, такъ какъ тутъ сряду же проводится мысль о страшной отвѣтственности передъ судомъ Божиимъ за ненависть и нелюбовь къ братьямъ,—мысль, весьма умѣстная въ посланіи, написанномъ въ примирительномъ духѣ.

Теперь вопросъ въ томъ: когда написано Поученіе?

Въ самомъ Поученіи ученые изслѣдователи останавливались на слѣдующемъ мѣстѣ, ища здѣсь отвѣта на вопросъ о времени написанія: „Сѣдя на санѣхъ, помыслихъ въ души своей и похвалихъ Бога, иже мя сихъ дней грѣшнаго доправади“. Карамзинъ слишкомъ произвольно переводитъ, или лучше сказать, перефразируетъ это мѣсто: „Приближаясь ко гробу, благодарю Всевышняго за умноженіе дней моихъ. Рука его довела меня до старости маститой“¹⁾. Основаніе для своей мысли о старости Мономаха Карамзинъ видитъ въ томъ, что Поученіе говоритъ о походѣ Мономаха на Ярослава, князя Владимірскаго, бывшемъ не ранѣе 1117 года, и слѣдовательно, по мнѣнію Карамзина, Мономаху было тогда не менѣе 65 лѣтъ отъ роду, то-есть, онъ находился въ преклонной старости. Шевыревъ также согласенъ съ Карамзинымъ. „Сидя на саняхъ“, говоритъ Шевыревъ, „писалъ это поученіе Владиміръ, и хвалилъ Бога за то, что онъ соблюлъ его до такихъ дней, слѣдовательно уже въ глубокой старости“²⁾. Онъ даже слово „на санѣхъ“ принимаетъ въ смыслъ смертнаго одра, ссылаясь (стр. 245) на тѣ мѣста лѣтописей, въ которыхъ встрѣчается иногда извѣстіе, что больныхъ и покойниковъ послали на саняхъ. Но съ мнѣніемъ этихъ ученыхъ нельзя согласиться, потому что о старости въ подлинникѣ нѣтъ ни слова. Владиміръ благодаритъ Бога только за то, что онъ далъ ему возможность жить „до сихъ дней“, до сихъ поръ.

Но если не въ старости, то когда же Владиміръ написалъ свое поученіе?—Академикъ Погодинъ рѣшаетъ весьма обстоятельно этотъ вопросъ³⁾. Въ поученіи, въ самомъ началѣ его, такъ говорится: „да, дѣти мои, или инъ кто, слышавъ сю грамотицю, не посмѣйтеса... аще ли кому не люба грамотиця си, а не поохрихтаются, но тако се рекуть: на *далечи пути*, да на санѣхъ сѣдя, безлѣпнцю си молвилъ“. Изъ этихъ словъ видно, что Поученіе задумано Мономахомъ на дорогѣ. Далѣе изъ словъ: „усрѣтоша мя слы отъ братья

¹⁾ Ист. Гос. Росс., т. II, стр. 161.

²⁾ Ист. русск. слов. М. 1846 г., стр. 191.

³⁾ *Изв. II отд. Имп. Акад. Наукъ*, т. X, стр. 234—244.

моея на Волзь, рѣша: „потѣсняся къ намъ, да выженемъ Ростиславича и волость ихъ отънимемъ“, — видно, что дорога Мономаху шла по Волгѣ; а куда именно, то это несомнѣнно—въ Ростовъ, какъ ниже онъ самъ говоритъ: „се пыпѣ иду Ростову“. Итакъ, Поученіе, говоритъ г. Погодинъ, задумано по дорогѣ въ Ростовъ, по поводу посольства братьевъ съ предложеніемъ объ изгнаніи Ростиславичей; написано же имъ вскорѣ по прибытіи въ этотъ городъ. Остается теперь отыскать время, когда братья-князья шли на Ростиславичей. Это случилось не во время великаго княженія Мономаха (1113—1125 гг.), потому что великому князю прочіе удѣльные князья не могли такъ сказать: „иже ли не поидеши съ нами, то мы собѣ будемъ, а ты собѣ“, какъ приводится въ Поученіи, и что ясно показываетъ равныя отношенія прочихъ князей къ Владиміру. Не могло это быть и при великомъ князѣ Киевскомъ Всеволодѣ (1078—1093 гг.), потому что онъ самъ далъ Ростиславичамъ волость. Остается только княженіе великаго князя Святополка (1093—1113 гг.), когда могло случиться это предпріятіе. Извѣстно, что на сѣздѣ 1097 года была утверждена за Ростиславичами ихъ волость, предоставленная имъ Всеволодомъ. Вскорѣ послѣ сѣзда случилось ослѣпленіе Василья Ростиславича по навету Давида Игоревича, что вызвало Мономаха заставить великаго князя Святополка отмстить Давиду войною. Святополкъ исполнилъ это; но въ 1099 году вдругъ вздумалъ онъ идти на Ростиславичей, получивъ отъ Святославичей на то согласіе; но всѣ вмѣстѣ хотѣли еще имѣть согласіе Мономаха, и послали къ нему пословъ (усрѣтоша мя слы отъ братья моя). Мономахъ отказался, такъ какъ ему горько было такое неожиданное нарушеніе всѣхъ обязательствъ. Отсюда ясно, по мнѣнію г. Погодина, что *моментъ сочиненія* Поученія былъ *1099 годъ*, и съ этимъ нельзя не согласиться, взявъ во вниманіе вышеприведенную, весьма основательную аргументацію ученаго историка. Что же касается того обстоятельства: какимъ образомъ въ поученіе попало описаніе происшествій и послѣ 1099 года, даже позднѣйшихъ 1117—1118 годовъ, на основаніи чего Карамзинъ и перевелъ въ началѣ слова: „до сихъ дней“, въ смыслѣ—до старости маститой, то на описаніе этихъ происшествій г. Погодинъ смотритъ какъ на позднѣйшую вставку,—иначе, по его мнѣнію, нельзя объяснить: почему до 1099 года Мономахъ подробно описалъ всѣ свои дѣйствія, занявшія мѣсто четырехъ страницъ въ четверку, а собственное свое великое княженіе онъ разказалъ только въ четырехъ строкахъ. Мало того, происшествія этой вставки крайне пере-

путаны; во многихъ случаяхъ не замѣчается ни логической, ни грамматической связи. Если уже не отрицать окончательно подлинности описанія позднѣйшихъ событій, то нужно признать это по крайней мѣрѣ за дополненіе, сдѣланное въ послѣдствіи хотя и самимъ Мономахомъ, но испорченное, сокращенное тѣмъ или другимъ переписчикомъ—по какому-либо недоразумѣнію, но безъ умысла. Во всякомъ случаѣ подобная уступка не исключаетъ признанія того факта, что Поученіе первоначально сочинено въ 1099 году, а происшествія, бывшія послѣ 1099 года, очень могли быть вставлены или дополнены въ послѣдствіи самимъ Мономахомъ, который, придавая своему сочиненію характеръ руководства не только для своихъ собственныхъ дѣтей, но и для всѣхъ грамотныхъ людей своего времени, что видно изъ словъ его („...дѣти мои, или *инъ кто*, слышавъ сю грамотицу“), счелъ нужнымъ прибавить для назиданія и о тѣхъ своихъ дѣлахъ, которыя онъ совершилъ послѣ первоначальнаго написанія Поученія въ 1099 году.

Письменными источниками и пособиями, служившими Мономаху при написаніи Поученія, были различные древніе сборники поученій, какъ самостоятельнаго русскаго происхожденія, такъ и перешедшіе изъ Болгаріи, или переведенные уже на Руси съ греческаго языка. Разсматривая Поученіе, нельзя не замѣтить, что Владиміръ, при всей своей огромной и неутомимой дѣятельности, какъ князь-защитникъ Русской земли отъ игоныхъ и какъ князь-примиритель внутреннихъ междоусобій и расирей прочихъ князей, находилъ все-таки время для чтенія этихъ назидательныхъ сочиненій, возбуждившихъ въ немъ любовь къ истинно-христіанскимъ добродѣтелямъ. Болѣе подробныя указанія письменныхъ источниковъ, какіе имѣлъ подъ руками Мономахъ при составленіи своего произведенія, будутъ помѣщены ниже, при разборѣ самаго Поученія Мономаха. Но самымъ главнымъ и важнымъ источникомъ для Поученія служилъ Мономаху его собственный, истинно-христіанскій взглядъ на жизнь и житейскія отношенія и вообще весь его умственный складъ, такъ счастливо сложившійся подъ вліяніемъ въ высшей степени симпатическаго характера этого великаго человѣка. Читая его произведеніе, не знаешь, чему удивляться—высокости ли идей, высказанныхъ въ Поученіи, или величію характера, создавшаго эти идеи? И то, и другое — одинаково прекрасно, такъ что прежде, чѣмъ разсматривать Поученіе, мы постараемся представить нравственныя особенности характера его сочинителя.

Лѣтописные разказы и отзывы о Владимірѣ Мономахѣ, посланіе Никифора, митрополита Кіевскаго, къ этому князю, и наконецъ, само Поученіе даютъ намъ возможность составить довольно цѣльное представленіе о характерѣ и образѣ жизни этого князя - христіанина. Посмотримъ сначала, какія черты характера Мономаха можно вывести изъ лѣтописныхъ разказовъ и отзывовъ о немъ.

Владиміръ Мономахъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Ростиславомъ, были въ Кіевѣ во время смерти и погребенія отца своего. Лѣтописецъ говоритъ, что Мономахъ сталъ размышлять: „аще сяду на столѣ отца своего, то имамъ рать съ Святополкомъ взяти, яко есть столъ преже отъ отца его былъ“. И размысливъ, послалъ за Святополкомъ въ Туровъ, самъ пошелъ въ Черниговъ, а братъ его Ростиславъ—въ Переяславль ¹⁾. Если Мономахъ единственнымъ препятствіемъ къ занятію Кіевскаго стола считалъ старшинство, права Святополка Изяславича, то ясно, что онъ не видалъ никакихъ другихъ препятствій, именно—былъ увѣренъ въ желаніи гражданъ Кіевскихъ имѣть его своимъ княземъ. Татищевъ прямо говоритъ, будто Кіевляне, послѣ смерти Всеволода, просили Владиміра занять Кіевскій столъ ²⁾. Безъ сомнѣнія, ужъ и тогда Мономахъ успѣлъ пріобрѣсть народную любовь, которою онъ такъ славенъ въ исторіи древней Руси. Онъ не возвышался надъ понятіями своего времени, не шелъ на перекоръ имъ, не хотѣлъ измѣнять существующаго порядка вещей: онъ старался личными доблестями, строгимъ исполненіемъ обязанностей прикрывать недостатки существующаго порядка, сдѣлать его не только споснымъ для народа, но даже способнымъ удовлетворять его общественнымъ потребностямъ. Вотъ почему не рѣшился онъ, при всей легкости, нарушить существовавшій порядокъ престолонаслѣдія, хотя этотъ порядокъ былъ далеко неудовлетворителенъ. Русскому обществу того времени, взволнованному княжескими усобицами, нужно было, чтобы князь свято исполнялъ свои родственныя обязанности, не спорилъ съ братьями, мирилъ враждебныхъ родичей. Владиміръ считалъ какъ-бы своимъ призваніемъ — примирять родичей: миролюбіе было основною чертой его характера, такъ что онъ заслужилъ прозваніе братолюбца ³⁾. Лѣтописецъ разказываетъ, какое сильное впечатлѣніе произвела на Владиміра вѣсть о звѣрскомъ поступкѣ

¹⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. т. I, стр. 93.

²⁾ Татищевъ, Ист. Росс. т. II, стр. 146. М. 1773 года.

³⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. т. II, стр. 10.

Давыда Игоревича надъ Василькомъ. „Володимеръ же слышавъ, яко ить бысть Василько и слѣплень, ужасеся и всплакавъ и рече: сего не бывало есть въ русьскѣй земли ни при дѣдѣхъ нашихъ, ни при отцихъ нашихъ, сякаго зла“. Потомъ онъ послалъ сказать Давыду и Олегу Святославичамъ: „пойдемъ къ Городцю, чтобы исправить это зло.... да аще сего не правимъ, то большее зло встанеть въ насъ, и начнетъ братъ брата закалати, и погыбнетъ земля Руская...“¹⁾. Сколько искренней, неподдѣльной любви къ родной Русской землѣ и сколько сердечныхъ опасеній за будущность ея дышетъ въ этихъ словахъ Владиміра! Для людей благочестивыхъ Мономахъ былъ образцомъ благочестія. Лѣтописи весьма часто указываютъ на постоянное благочестивое настроеніе князя. „Даръ си отъ Бога прія“, говорится въ одномъ мѣстѣ лѣтописи,—„да егда въ церковь внидашеть и слыша пѣнье, и абы слезы испущашеть“²⁾. Въ 1116 году Глѣбъ Минскій не оказалъ должной покорности Владиміру, сопротивляясь приказаніямъ послѣдняго. Лѣтописецъ замѣчаетъ по этому поводу: „Володимеръ же, надѣлся на Бога и на правду“, самъ пошелъ къ Минску—наказать ослушника. Глѣбъ сталъ просить пощады. „Володимеръ же сжалися тѣмъ, оже проливашеться кровь въ дни постыныя великого поста, и вдасть ему миръ“³⁾. Какъ на похвальную черту въ характерѣ Мономаха, лѣтописецъ обращаетъ вниманіе на его уваженіе и почтеніе къ своимъ родителямъ. Свою мачиху Владиміръ „чтиашеть... отца ради своего, бѣ бо любимъ отцю своему новелику, и въ животѣ и по смерти не ослушася его ни въ чемъ же“⁴⁾. Но болѣе всего нравятся лѣтописцу-иноку то, что Владиміръ „чтиаше санъ святительскій“. Онъ, говоритъ лѣтописецъ, „любовь имѣя къ митрополитамъ и къ епископомъ и къ игуменомъ, наче же и чернечскій чинъ любя, и чернцы любя, приходящии къ нему питаше и напаше“⁵⁾. Говоря о смерти Мономаха, всѣ лѣтописцы пользуются случаемъ высказать какую-нибудь похвалу князю, а Лаврентьевская, Ипатьевская и Воскресенская лѣтописи помѣщаютъ длинныя панегирики его добродѣтелямъ. Вотъ отзывъ Лаврентьевской лѣтописи: „Представися благовѣрный и великій князь русскій Володимеръ... украшенный добрыми нравы, прослывый въ побѣдахъ, его имене тре-

¹⁾ Тамъ же, т. I, стр. 111.

²⁾ Тамъ же, стр. 129.

³⁾ Тамъ же, т. II, стр. 7.

⁴⁾ Тамъ же, т. I, стр. 112.

⁵⁾ Тамъ же.

петаху вся страны и по всѣмъ землямъ изиде слухъ его: понеже убо онъ всею душею възлюбилъ Бога.... Се же чудный Володимерь потщася Божья хранити заповѣди, и Божьи страхъ присно имѣя въ сердци... добро творяще врагомъ своимъ, отпуща я одарены. Милостивъ же быше наче мѣры... тѣмъ и не падаше имѣнья своего, раздавая требующимъ и церкви зижа и украшая; чтяшетъ же излиха чернечскій чинъ и поповскій, подавалъ имъ сже на потребу и пріимая отъ нихъ молитвы.... тѣмъ и Богъ вся прошенья его свершаше и исполни лѣта его въ доброденствѣхъ¹⁾. Въ томъ же родѣ, только нѣсколько покороче, высказывается о Мономахъ и Воскресенская лѣтопись²⁾. Пиатъевская лѣтопись произноситъ отзывъ о Мономахъ болѣе съ государственной точки зрѣнія. Онъ, по ея словамъ, „просвѣтилъ Рускую землю, авы солнце луча пушца; его же слухъ пронзиде по всѣмъ странамъ, наипаче же бѣ страшень поганымъ“. Далѣе Владиміръ характеристично называется „братолюбцемъ“, „нищелюбцемъ“ и „добрымъ страдалцемъ за Русскую землю“³⁾. Послѣднее выраженіе особенно живо говоритъ въ пользу Мономаха, какъ человѣка, посвятившаго себя всецѣло народному дѣлу. Добрый страдалецъ за родину—вотъ идеалъ древне-русскаго князя. Но это не одинъ только древне-русскій идеалъ: это—идеалъ общечеловѣчскій. Вотъ главное значеніе Мономаха: онъ по своимъ достоинствамъ подходитъ подъ общечеловѣчскій идеалъ государя, — всецѣло, до самоотверженія преданнаго интересамъ своей страны. „Святители“, прибавляетъ лѣтописецъ, „жалище си плакахуся по свягомъ и добромъ князи, весь народъ и вси людіе по немъ плакахуся, якоже дѣти по отцю... плакахуся... и сынове его... и внуци его; и тако разидошася вси людіе съ жалостію великою... съ плачемъ великимъ“...⁴⁾. И дѣйствительно, было за чтò плакать по немъ, сокрушаться о его смерти. Такой высоконравственный и честный человѣкъ, такой мудрый и миролюбивый государь, каковъ былъ Мономахъ, государь, который несомнѣнно принесъ бы своими качествами большую пользу и въ лучшую пору народной жизни, тѣмъ болѣе имѣлъ важное значеніе въ ту темную эпоху жизни Руси, когда она была терзаема внутренними раздорами и распрями князей, и къ тому же постоянно подвергалась опасности отъ набѣговъ дикихъ степняковъ.

¹⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. т. I, стр. 129.

²⁾ Тамъ же, т. VII, стр. 26.

³⁾ Тамъ же, т. II, стр. 10.

⁴⁾ Тамъ же.

Кромѣ лѣтописцевъ, имѣеть большое значеніе для характеристики Владиміра Мономаха свидѣтельство о немъ одного его современника, митрополита Кіевскаго, Никифора († 1121 г.). До насъ дошло его посланіе къ Мономаху о постѣ и воздержаніи чувствъ ¹⁾. Тутъ видѣнъ и самъ достойный митрополитъ, съ его умомъ, образованіемъ и ревностію къ своему долгу; видѣнъ и достойнѣйшій князь, съ его высокими качествами чловѣка-христіанина. Митрополитъ, обращаясь къ князю, называетъ его благовѣрнымъ, *человѣкомъ-любивымъ и кроткимъ* ²⁾. Говоря о значеніи поста и о средствахъ къ удержанію чувственныхъ наклонностей, митрополитъ прибавляетъ: „Да что и говорить о воздержаніи такому князю, иже болѣ на земли спитъ и дому бѣгаетъ, и свѣтлое пошеніе портъ отгонитъ, и по лѣсомъ ходя, сиротину носить одежду“ ³⁾. Такой отзывъ о невзыскательности и неизмѣненности князя подтверждаетъ и самъ Мономахъ въ своемъ Поученіи: „Еже было творити отроку моему, то самъ есмь створилъ дѣла, на воинѣ и на ловлѣхъ, почь и день, на зною и на зимѣ, не дая себѣ упокоя“. Часто бывало, разказываетъ Никифоръ, что князь готовилъ великолѣпный обѣдъ для придворныхъ, а самъ прислуживалъ за столомъ ⁴⁾. Другіе объѣдаются и упиваются, а князь „маломъ вкушеніемъ и малою водою“ довольствуется ⁵⁾. По словамъ Никифора, Владиміръ весьма сострадателенъ и добръ къ бѣднымъ: „То рука твоя по Вожиіи благодати ко всѣмъ простирается“ ⁶⁾. Князь не корыстолюбивъ, не собираетъ сокровищъ, а напротивъ, раздаетъ полною рукою то, чтò имѣеть: „Николиже ти съ кровнице положено бысть, ли злато, ли сребро ищтено бысть, но вся раздавая и обѣма руками истоцая даже и доселѣ“ ⁷⁾.

Можно было бы подумать, что такой отзывъ митрополита о князѣ, обращенный лично къ нему, есть не что иное, какъ льстивое слово власть имѣющему, изъ корыстныхъ видовъ. Но за правдивость отзыва ручается сама личность Никифора. Правда, лѣтописи не даютъ намъ

¹⁾ «Посланіе Никифора, митрополита Кіевскаго къ великому князю Володиміру, сыну Всеволожу, сына Ярославля», напеч. въ Русск. Достопамят. т. I, стр. 61 — 75.

²⁾ Тамъ же, т. I, стр. 67.

³⁾ Тамъ же, стр. 68.

⁴⁾ «И самъ убо служиши и стражеша рукама своими», см. тамъ же, стр. 69.

⁵⁾ Тамъ же.

⁶⁾ Тамъ же.

⁷⁾ Тамъ же.

никакихъ свѣдѣній о жизни его, исключая краткаго исчисленія епископовъ, поставленныхъ этимъ митрополитомъ въ разные русскіе города. Но въ этомъ случаѣ приписываемыя ему четыре посланія и поученіе въ недѣлю сыронустную живо свидѣтельствуютъ о немъ, какъ о пастырѣ въ высшей степени честномъ, просвѣщенномъ, заботящемся о спасеніи ввѣренныхъ ему душъ и ревностномъ къ охраненію православія. Для подтвержденія своихъ похвалъ, митрополитъ прямо передъ всѣми заявляетъ, что только невѣжда или безчувственный человѣкъ не знаетъ о достоинствахъ Мономаха: „Невѣжда или нечувственный не разумѣетъ ихъ.... И видятъ вси и чюдятся¹⁾“, прибавляетъ онъ; значитъ, дѣйствительно выдавались изъ ряду вопъ прекрасныя качества Мономаха, если митрополитъ рѣшился сослаться на всѣхъ знавшихъ князя, что всѣ удивляются ему.

Обращаясь къ Поученію самого Владиміра Мономаха, мы видимъ, что оно, подтверждая отзывы лѣтописцевъ и митрополита Никифора о князѣ, въ то же время свидѣтельствуетъ, что та глубокая практическая мудрость, которал сквозить въ каждой строкѣ Поученія, вынесена авторомъ изъ своего личнаго опыта, изъ своей многоплодной дѣятельности. Послѣднее обстоятельство засвидѣтельствовано особенно увѣренностію въ рѣчи и твердостію въ словахъ, чѣмъ проникнуто все Поученіе отъ начала до конца.

Народъ терпѣлъ большое бѣдствіе при другихъ князьяхъ отъ того, что до него рѣдко доходила „княжая правда“. Тіуны и княжескіе отроки немилосердно грабили народъ, тайно отъ князя. Мономахъ обратилъ на это вниманіе. Онъ не давалъ сильнымъ обижать „ни худаго смерда, ни убогой вдовицы“, а большею частію самъ „оправливалъ“²⁾ людей. При грубости и несдержанности тогдашнихъ нравовъ, люди сильные не любили сдерживать своего гнѣва, при чемъ человѣкъ, особенно подначальный или какимъ-либо образомъ зависимый, имѣвшій несчастіе подвергнуться гнѣву такихъ людей, часто платился своею жизнію! Мономахъ въ своей судебной практикѣ держался правила—не предавать смерти ни праваго, ни виноватаго, чтобы когда-либо по ошибкѣ не загубить души христіанской. „Ни права, ни крива не убивай, ни повелѣвайте убити его“, совѣтовалъ онъ дѣтямъ своимъ. Другіе князья не любили сдерживать своихъ чувственныхъ

¹⁾ Русск. Достоп., т. I, стр. 63.

²⁾ Замѣчательно, что на языкѣ Мономаха слово «оправливать»—оправдывать, равнозначуще понятію — судить.

инстинктовъ и часто открыто предавались пьянству и крайнему разврату. Владиміръ былъ врагъ невоздержанія и отличался цѣломудріемъ, что мы еще раньше видѣли изъ отзывовъ лѣтописцевъ и митрополита Никифора. „Блюдитесь“, усовѣщевалъ онъ своихъ дѣтей,— „пьянства и блуда, въ томъ бо душа погибаетъ и тѣло“. Въ словахъ его: „куда пойдете, гдѣ станете, напойте, накормите бѣдняка“, видѣвъ все тотъ же безкорыстный и щедрый Мономахъ, какимъ мы его уже знаемъ. Въ тотъ вѣкъ народной юности богатырскіе подвиги Мономаха и его изумительная дѣятельность возбуждали къ нему особенное сочувствіе въ народѣ. По его словамъ, онъ большую часть жизни провелъ внѣ дома, большую часть ночей спалъ на сырой землѣ. Однихъ дальнихъ путешествій совершилъ онъ 83, не давалъ себѣ покою, ни днемъ, ни ночью, когда былъ въ дорогѣ, на войнѣ или на охотѣ. До свѣта поднимался онъ съ постели, ходилъ въ церковь, потомъ думалъ съ дружиною, судилъ людей; въ полдень ложился спать и потомъ снова начиналъ ту же дѣятельность. Съ рапсодіи молодости стоялъ онъ на сторожѣ Русской земли, бился за нее съ погаными, за что, надобно замѣтить, онъ и приобрѣлъ имя добраго страдальца за Русскую землю. При всей этой огромной и изумительной дѣятельности, которая не давала ему покоя, Мономахъ постоянно помнилъ о Богѣ: онъ часто, по ночамъ, вставалъ, чтобы молиться, сокрушаться о грѣхахъ и класть земные поклоны; мало того, — даже сидѣ на конѣ, онъ постоянно твердилъ молитвы и совѣтовалъ своимъ дѣтиямъ, если они не знаютъ большой молитвы, то по крайней мѣрѣ, твердили бы втайнѣ безпрестанно: „Господи помилуй!“ „Все лучше“, прибавляетъ онъ, „нежели мыслить бездѣлицю“..

Можно было бы много характеристическихъ чертъ Мономаха вывести изъ его Поученія; но вполне законченный, нравственный образъ этого великаго человѣка, надѣмся, не трудно будетъ составить на основаніи предлагаемаго ниже разбора глубоко прочувствованнаго и продуманнаго его произведенія. Для нашей цѣли было пока достаточно—намѣтить самыя яркія особенности нравственнаго характера автора Поученія и чрезъ то показать, что произведеніе вполне достойно своего творца, а слѣдовательно, нѣтъ и быть уже не можетъ никакого повода къ сомнѣнію относительно Мономаха, какъ автора Поученія. Переходимъ теперь къ внѣшнему виду послѣдняго.

Поученіе Владиміра Мономаха написано въ формѣ завѣщанія, обращеннаго преимущественно къ дѣтиямъ его, хотя авторъ, какъ уже замѣчено было выше, имѣлъ въ виду и постороннихъ читателей, что

видно изъ его же собственныхъ словъ (дѣти мои, или *имъ кто*, слышавъ сю грамотицю...). Завѣщанія отца своимъ дѣтямъ — какъ должно жить праведно и благоразумно, были въ обычаѣ древней жизни на Руси. Въ древнихъ сборникахъ отеческихъ сочиненій, весьма распространенныхъ въ старину, встрѣчается много подобныхъ завѣщаній, съ различными названіями, напримѣръ, такими: слово пѣкшого отца къ сыну, слово душеполезно, или просто поученіе дѣтямъ. Сюда же относятся слова и поученія, избранныя отъ святыхъ отецъ, како жити крестьяномъ, или какъ они называются иногда — слова о крестьянствѣ, о житіи христіанскомъ, содержаніе которыхъ, по характеру, сходно съ поученіями, подписываемыми: „къ дѣтямъ“. Во всѣхъ этихъ поученіяхъ находятся „наказанія“, наставленія во всѣхъ христіанскихъ добродѣтеляхъ, и такимъ образомъ они, уже самою формою, близко подходят къ наставленіямъ Мономахова Поученія. Общее содержаніе ихъ составляютъ наставленія о хожденіи въ церковь и поведеніи во время церковной службы, о домашней молитвѣ, о воспитаніи дѣтей, о почитаніи дѣтьми своихъ родителей, о содержаніи слугъ, о воздержаніи отъ лихоимства, о трезвости и т. п. Слова Мономаха, обращенныя къ дѣтямъ, въ которыхъ онъ указываетъ на характеръ своего Поученія; „се отъ худаго моего безумья наказанье; послушайте мене, аще не всего примете, то половину“ — сходны съ обращеніями въ другихъ подобныхъ поученіяхъ. „Сыну мой, чадо мое“, говорятся въ „Словѣ пѣкшого отца къ сыну“, — „приклони ухо твое и послушай отца своего, совѣтующаго ти спасенная“¹⁾. Въ концѣ своего Поученія Мономахъ говоритъ о себѣ: „Еже было творити отроку моему, то самъ есмь сѣтворилъ дѣла, на воинѣ и на ловѣхъ, ночь и день, на зноу и на вимѣ, не дая себѣ упокоя. Тоже и худаго смерда и убогыѣ вдовицѣ не далъ есмь сильнымъ обидѣти, и церковнаго наряда и службы самъ есмь призиралъ“. Въ этихъ словахъ, Мономахъ въ собственномъ своемъ поведеніи хотѣлъ указать хорошій примѣръ своимъ дѣтямъ, для которыхъ онъ, по праву отца, могъ всегда служить примѣромъ. Въ такомъ же родѣ написано все поученіе какого-то Ксенофонта, „еже глагола къ сынома своимъ“. „Вѣста“, пишетъ Ксенофонтъ, обращаясь къ дѣтямъ, — „како въ житии семь жихъ безъ лоуки, како отъ всѣхъ чьстьнѣ бѣхъ и любимъ... не укорихъ никого же... не оставихъ церкви божия вечеръ, ни заутра, ни полоудис; не прѣзрѣхъ нишгихъ, ни оставихъ стральпа“ и т. д.

¹⁾ Изъ Златой Цѣви, см. Истор. Христ. *Буслаева*. М. 1861, стр. 482.

„Тако и вы живѣта чадѣ мои“, прибавляетъ Ксенофонтъ ¹⁾). Указанное поученіе Ксенофонта весьма древне какъ по языку, такъ и по тому еще, что оно найдено въ сборникѣ, извѣстномъ подѣ именемъ „Святославова“, 1076 года. Это обстоятельство приводитъ насъ къ убѣжденію въ несомнѣнномъ вліяніи Ксенофонтова поученія на Владимира Мономаха, который, какъ извѣстно, писалъ свое Поученіе позже появленія Святославова сборника въ рукахъ грамотныхъ людей того времени ²⁾).

Въ Мономаховомъ Поученіи можно намѣтить *три* главные мысли которыя авторъ старается развивать, имѣя въ виду начертать правила поведенія челоѣка-христіанина вообще и князя-христіанина въ особенности. Первая и самая главная мысль опредѣляетъ *отношеніе челоѣка къ Богу*; вторая касается *отношенія между властію и подданными*; третья мысль указываетъ на *отношеніе челоѣка къ самому себѣ* и опредѣляетъ *взаимныя отношенія между людьми*. Общій составъ и порядокъ Поученія можетъ быть представленъ въ слѣдующемъ видѣ: Въ началѣ описывается случай, подавшій поводъ къ написанію Поученія, и о которомъ мы говорили выше. Самое Поученіе

¹⁾ См. Истор. Христ. *Буслаева*, стр. 293.

²⁾ Поученіе Владимира Мономаха, заимствуя форму, а отчасти и содержаніе изъ подобныхъ себѣ произведеній различныхъ древнихъ сборниковъ, въ свою очередь послужило основой Сильвестрова Домостроя, произведенія уже XVI вѣка. Это особенно видно изъ того; что наставленія Домостроя о домашней и церковной молитвѣ выражены почти словами Мономаха. И. С. Некрасову, спеціально изслѣдовавшему Домострой, почему-то не желательно видѣть въ Поученіи Мономаха главную основу Домостроя. «На основаніи Поученія Мономаха», говоритъ г. Некрасовъ, «мы можемъ составлять понятіе о лучшихъ древне-русскихъ князьяхъ — и *только*, тогда какъ Домострой обозначаетъ понятіи гораздо большей части людей. А потому сочиненіе Мономаха служило весьма незначительнымъ источникомъ для выработки Домостроя». (Опытъ историко-литерат. изслѣд. о происх. Домостроя. М. 1873, стр. 131). Но основаніе, приводимое г. Некрасовымъ для подтвержденія своего мнѣнія, слишкомъ шатко, чтобы не сказать болѣе. Если на основаніи Поученія Мономаха можно составить понятіе «о древне-русскихъ князьяхъ — и *только*», вѣроятно — потому что поученіе написано *княземъ*, то отсюда и на основаніи Домостроя можно составить понятіе о священникѣ Сильвестрѣ и развѣ еще о другихъ священникахъ того времени — и *только*, потому что Домострой написанъ священникомъ. А между тѣмъ г. Некрасовъ въ Домострой видитъ характеристику *всего* русскаго общества XVI вѣка. Нѣтъ, Поученіе Мономаха рисуетъ намъ жизнь не однихъ только князей, но и жизнь и убѣжденія всего тогдашняго русскаго общества, и именно, какъ характеристика общества, Поученіе легло въ основу Домостроя, конечно — будучи переработано согласно съ жизнью и идеалами XVI вѣка.

начинается выписками изъ Псалтыри, за коими слѣдуютъ размышленія о величіи Божиемъ, далѣе—общія нравственныя наставленія, потомъ—особыя наставленія, обращенныя именно къ дѣтямъ, касательно образа дѣйствій на войнѣ, во время мирныхъ отношеній съ сосѣдами, при исправленіи обязанностей судьи, въ домашнемъ быту, между своими братьями князьями. Наконецъ, слѣдуетъ *автобіографію* Мономаха, въ которой находится много новыхъ обстоятельствъ, умолчанныхъ лѣтописями, а главное—представляется общее изображеніе княжеской жизни того времени, домашнія занятія, хозяйственныя распоряженія, непрерывныя путешествія изъ города въ городъ по всѣмъ областямъ, составлявшимъ то или другое княжество. Впрочемъ эта послѣдняя часть Поученія всего меньше имѣетъ значенія для нашей цѣли—изображенія внутренней религіозно-нравственной жизни и воззрѣній на Руси, такъ какъ эта часть касается *исключительно* внѣшняго быта князей того времени.

II.

Отношеніе человѣка къ Богу.

Человѣкъ по отношенію къ божеству въ русскомъ язычествѣ.—Вопросъ о томъ же и стремленіе къ его разрѣшенію со времени введенія на Руси христіанства.—Пр. Иларіонъ.—Пр. Феодосій Печерскій.—Болѣе удовлетворительная попытка къ рѣшенію этого вопроса у Мономаха.—Въ началѣ поученія выписки изъ Псалтыри.—Псалтырь—любимая книга древней Руси.—Житія святыхъ.—Древне-отеческія писанія въ старинныхъ сборникахъ.—Аскетическое направленіе въ этихъ сборникахъ.—Увлеченіе общества такимъ направленіемъ.—Слѣды этого направленія въ Поученіи Мономаха.—Шестодневъ Василія Великаго въ переводѣ Іоанна, экзарха Болгарскаго.—Вліяніе Шестоднева на Поученіе.—Вліяніе аскетическихъ произведеній Василія на Поученіе.—Монашескіе идеалы русскаго общества до-татарской эпохи.—Крайности этихъ идеаловъ.—Мономахъ сознаетъ эти крайности.—Русская проповѣдь приходитъ къ такому же сознанію.—Покаяніе, слезы и милостыню предлагаетъ Мономахъ въ замѣнъ аскетическихъ подвиговъ.—Русская проповѣдь о милостыни.—Раздвоенность въ нравственной жизни общества, какъ результатъ увлеченія тогдашними идеалами.—Церковно-назидательная литература того времени отчасти послабляетъ таковой раздвоенности.—Житіе пр. Никиты Переяславскаго.—Причина неудовлетворительности монашескаго идеала для общества.

Мысль Мономаха—указать, и по возможности, опредѣлить отношеніе человѣка къ Богу,—мысль весьма важная для того времени, когда Русь только что приняла христіанство, только что начала сознать себя подъ вліяніемъ новыхъ христіанскихъ понятій. Во времена господства язычества отношенія человѣка къ божеству обык-

новенно бываютъ слишкомъ внѣшни, формальны; человекъ даже и не предполагаетъ тогда возможности какихъ-либо иныхъ, болѣе внутреннихъ, сердечныхъ отношеній къ божеству. Изычество вообще характеризуется, какъ натурализмъ: язычникъ обоготворяетъ внѣшнюю природу и ея явленія. Не подозрѣвая существованія неизмѣнныхъ законовъ, которыми управляется природа, язычникъ предполагаетъ въ ней такія же произвольныя желанія, какія онъ создаетъ въ себѣ. Но въ то же время онъ представляетъ природу, съ одной стороны, могучею и всевластною, а потому боится ея и спѣшитъ умиловить чисто внѣшнимъ образомъ—жертвами; съ другой стороны—въ его умѣ возникаетъ мысль о возможности покорить, подчинить себѣ эту природу. Разумѣется, не всякій человекъ имѣетъ силу покорять природу: такую силу, по мнѣнію народа, имѣютъ только чародѣи, люди вѣщія, знающіе. Такое внѣшнее, формальное отношеніе къ божеству, по которому человекъ то униженно склонялся передъ природою, то признавалъ себя надъ нею могущественнымъ царемъ, передъ магическимъ словомъ котораго она должна преклониться, еще болѣе усилилось въ русскомъ язычествѣ съ того времени, какъ въ немъ стала развиваться идея рока, судьбы. Въ русскомъ язычествѣ совершенно отсутствовала нравственная оцѣнка человѣческихъ дѣйствій. Одни люди являлись любимцами боговъ—„богатыми“, другіе—„убогими“—слово, означающее отверженца боговъ. Чтобы восполнить бездну, оставленную отсутствіемъ нравственнаго содержанія въ человѣческихъ дѣйствіяхъ, изычество и создало идею судьбы (рока), которая должна опредѣлять ходъ человѣческой жизни. Эту судьбу прежде соединили съ непосредственнымъ вліаніемъ звѣздъ и планетъ; въ послѣдствіи звѣзды превратились въ „роженицъ“ или дѣвъ судьбы, которыя опредѣляютъ будущее ¹⁾).

Съ принятіемъ на Руси христіанства, явилась пужда—опредѣлить отношеніе человека къ Божеству, основанное на христіанскихъ началахъ, явилась необходимость разъяснить новымъ христіанамъ, что Богъ есть живое, дѣятельное, полное безконечной любви къ міру существо, которое, въ свою очередь, требуетъ не пустаго формальнаго отношенія къ нему, а внутренней, живой, чистосердечной любви и безпредѣльной преданности его волѣ. Еще до Мономаха были люди, которые старались проводить въ среду тогдашняго общества такую мысль. Такъ, митрополитъ Иларіонъ (1051—1054), въ извѣстномъ своемъ Словѣ

¹⁾ См. *Афанасьевъ*, Поэт. возвр. Слав. на природу, т. 3, гл. XXV.

о законѣ и благодати старается изъ догмата о двухъ естествахъ во Христѣ—божескомъ и человѣческомъ, вывести идею о необходимости для христіанина внутренняго сердечнаго общенія съ Божествомъ. Эта же мысль сквозить въ той части его слова, гдѣ онъ говоритъ о достоинствѣ христіанской религіи сравнительно съ язычествомъ ¹⁾. „Вышеемъ Бога рыданіемъ, слезами, пощеніемъ, бдѣніемъ, покореніемъ же и послушаніемъ“, говоритъ пр. Феодосій Печерскій въ одномъ изъ своихъ поученій ²⁾, желая пронести ту же мысль. Кромѣ Иларіона и Феодосія, мысль о необходимости духовнаго отношенія чловѣка къ Богу проводилась и еще нѣкоторыми проповѣдниками, жившими до Владиміра Мономаха; но при всемъ томъ приходится сознаться, что русская проповѣдь того времени слишкомъ мало обращала вниманія на этотъ важный вопросъ. Потому ли, что сами русскіе проповѣдники смутно и неясно понимали его, или по другимъ какимъ-либо причинамъ, — только они главнымъ образомъ направляли свою проповѣдь съ обличеніями противъ пороковъ, сильно развитыхъ въ обществѣ или же призывали вѣрующихъ къ исполненію внѣшнихъ обрядовъ благочестія, какъ-то: къ соблюденію постовъ, посѣщенію храмовъ и т. д., а о томъ, какъ христіанинъ долженъ относиться къ Богу, они упоминали только изрѣдка вскользь. Первую болѣе или менѣе удовлетворительную попытку къ рѣшенію этого важнаго вопроса встрѣчаемъ мы въ Поученіи Владиміра Мономаха. Мы называемъ эту попытку Мономаха въ томъ смыслѣ удовлетворительною, что она рѣшаетъ указанный вопросъ не теоретически-отвлеченно, какъ напримѣръ, у Иларіона, и потому едва-ли понятно для большинства, а практически, наглядно, примѣнительно къ непосредственному сознанію простыхъ, неразвитыхъ русскихъ людей той эпохи. Мономаха можно включить въ число тѣхъ немногихъ русскихъ людей своего времени, которые правильнѣе и чище остальнаго общества понимали сущность христіанской религіи. Это особенно видно изъ того, что христіанство Владиміра Мономаха было не обрядовое, а дѣятельное. Отъ совѣта о поклопахъ и молитвѣ онъ переходитъ къ дѣламъ милосердія и правды—и говоритъ: „всего же паче убогихъ не забывайте“. Чловѣкъ съ такими, истинно-христіанскими понятіями не могъ не замѣтить, въ чемъ особенно нуждается современное ему общество, не могъ не понять, что это общество совсѣмъ

¹⁾ См. *Шевыревъ*, Ист. Р. Литер., т. II, стр. 25.

²⁾ См. тамъ же, т. II, стр. 46.

не знаетъ свойствъ христіанскаго Бога, отъ чего отношенія человѣка къ Божеству являются внѣшними, а не живыми, полными любви и преданности. Вотъ почему Мономахъ такъ обстоятельно посвящаетъ первую часть своего Поученія разъясненію внутренняго смысла и значенія христіанской религіи, дѣлая все это не въ формѣ отвлеченныхъ разсужденій, а въ видѣ религіозныхъ предписаній и нравственныхъ наставленій.

Въ началѣ Поученія авторъ высказываетъ свои мысли исключительно словами нѣкоторыхъ псалмовъ. Такъ, слѣдующими словами ХLI псалма (12 ст.) начинается свою рѣчь Мономахъ: „вскую печальна еси душе моя? вскую смущаеши мя?—Упова ¹⁾ на Бога, яко исповѣмся ему“. Авторъ совѣтуетъ въ печальныхъ обстоятельствахъ жизни уповать на Бога, обращаясь къ нему чистосердечно за помощію. Если Мономахъ въ несчастіи обращается къ Богу, то значить, онъ признаетъ эти несчастія исходящими отъ Бога, во власти котораго ниспослать или прекратить ихъ. Еще раньше Мономаха, ир. Феодосій Печерскій, въ одномъ изъ первыхъ своихъ поученій (о казняхъ Божіихъ), старался провести новую для языческаго общества мысль, что народныя бѣдствія, какъ голодъ, нашествіе поганыхъ и т. п., посылаются Богомъ въ наказаніе за грѣхи. Въ лѣтописяхъ проводится часто та же самая мысль, особенно подъ 1066 годомъ, по поводу нашествія Половцевъ ²⁾. Въ старинныхъ сборникахъ поученій можно найти, между прочимъ, слово „иже не отчаятися въ бѣдѣ“, въ которомъ проповѣдникъ, обращаясь къ людямъ, находящимся въ бѣдѣ, говоритъ имъ: „благодарите Бога и уготовите душу си во искуженіе, а сердце свое терпѣти болѣзни. Егда бо что сътворишь добро, а зло примешь—упованіе не отчаяся.. по паче утвердися покаяніемъ: велика бо добродѣтель предъ Богомъ, иже во искусѣхъ не стужати“ ³⁾. Мысль, что бѣдствія ниспосылаются Богомъ, и что поэтому не нужно отчаяваться, но сильнѣе и сильнѣе уповать на милость Бо-

¹⁾ Въ новѣйшихъ изданіяхъ Псалтири стоитъ: *уповаи на Бога*. Это показываетъ, что слово *упова* нужно понимать не въ смыслѣ прошедшаго времени, а въ смыслѣ повелѣт. наклоненія. Въ изд. Лавр. лѣт. 1872 г. (подъ ред. ак. *Вычкова*) въ текстѣ Поученія поставлено прямо *уповаи*, при чемъ буква *ѣ* напечатана въ скобкахъ: значить, этой буквы въ подлинникѣ не достаеетъ, можетъ-быть, по ошибкѣ переписчика.

²⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. т. I, стр. 72. «Наводитъ бо Богъ по гнѣву своему иноплеменики на землю... Земли же согрѣшившии которѣи любо, казнить Богъ смертію, ли голодомъ, ли наведемъ поганыхъ»...

³⁾ См. Сборн. Кирилло-Бѣлоз. библ. за № ²⁰/₁₁₁₅, л. 83 об.

жю,—эта мысль имѣла высокій нравственный смыслъ, необходимый для успокоенія измученныхъ бѣдствіями людей эпохи. Она одна только могла поддерживать и возбуждать духъ народа, упавшій подъ тяжестью борьбы не только съ внѣшними врагами (Печенѣги, Половцы), но и съ внутренними неурядицами, этими постоянными расприями и междоусобіями удѣльнаго періода.

Далѣе, авторъ словами псалма XXXVI (ст. 1, 9—17, 19, 21—27) старается показать, что люди *терпящіе Господа*, то-есть, терпѣливо сносящіе земныя бѣдствія, возобладаютъ землею, и что Господь унижаетъ грѣшниковъ и возвышаетъ праведниковъ. Господь постоянно милостивъ къ праведному и поддерживаетъ его рукою своею въ минуту несчастія. Никогда не бывало, чтобы праведникъ былъ оставленъ Богомъ, и чтобы потомство его нуждалось въ насущномъ хлѣбѣ¹⁾. Изъ псалмовъ LV (ст. 1—2), LVII (ст. 11—12), LVIII (ст. 1—4), и LXIII (ст. 3) авторъ заимствуетъ выраженія, въ которыхъ заключаются молитвенныя воззванія къ Богу объ избавленіи отъ нападенія враговъ. Словами же псалмовъ LXII (ст. 4—5) и XXIII (ст. 2) авторъ прославляетъ Бога за Его милости²⁾. Нѣтъ нужды говорить, какъ много значили такія утѣшительныя мысли псалмопѣвца для скорбной души тогдашняго русскаго человѣка, какъ много смягчали онѣ житейскія невзгоды русскаго народа, находящагося въ весьма неблагопріятныхъ соціальныхъ условіяхъ, при повсемѣстномъ отсутствіи въ немъ правильныхъ юридическихъ понятій, когда право сильнаго носило характеръ почти законности, такъ что враги, объ избавленіи отъ которыхъ авторъ проситъ Бога, всегда и вездѣ могли найдтись при обыкновенныхъ, всеневныхъ людскихъ отношеніяхъ. Если между князьями,—людьми, безспорно, болѣе развитыми, и слѣдовательно, болѣе гуманными, нежели остальное русское общество того времени (исключая развѣ духовенство),—возможенъ былъ такой возмутительный фактъ, какъ ослѣпленіе Василька его двоюродными братьями-князьями же, то что сказать объ остальной массѣ? Полное неуваженіе къ правамъ отдѣльныхъ лицъ и даже непониманіе возможности такихъ правъ, соединенное съ стремленіемъ жертвовать чужими интересами въ пользу своихъ,—вотъ чѣмъ главнымъ образомъ характе-

¹⁾ См. текстъ Поученія, начиная со словъ: «по реннуй лукавнующимъ»... и т. д., до словъ: «и живи въ вѣкы вѣка»—включительно.

²⁾ См. текстъ Поученія, начиная со словъ: «всегда стати челопѣкомъ»... до словъ: «благословлю Господа на всяко время выну, хвала его» и прочая—включительно.

ризуется тогдашнее русское общество, какъ и всякое другое, полу-развитое общество.

Выписки изъ Псалтири, встрѣчающіяся въ Поученіи Мономаха, свидѣтельствуютъ о томъ, что Псалтирь была весьма распространена и пользовалась особенною любовью между грамотными людьми того времени. Еще пр. Феодосій совѣтовалъ „бодру быти на пѣсье церковное и на преданья отечская и почитанья книжная, паче же имѣти въ устѣхъ псалтирь Давыдовъ подобаетъ“¹⁾. Про него же разказываетъ Несторъ (въ житіи Феодосія), что часто обнаженный выходилъ онъ по ночамъ изъ пещеры: оводы и комары до крови кусаютъ тѣло, онъ же „руками волну прядей, усты же псалтирь Давыдову поетъ“²⁾. Псалтирь въ древности была въ такомъ употребленіи, что по ней обыкновенно начинали учить дѣтей грамотѣ, къ ней обращались, ища утѣшенія въ житейскихъ невзгодахъ, и наконецъ, ее же читали надъ покойникомъ. Но и вообще всѣ библейскія книги не были незнакомы грамотнымъ людямъ древней Руси. Многочисленные тексты, приводимые почти изъ всѣхъ библейскихъ книгъ пр. Несторомъ, м. Иларіономъ, пр. Феодосіемъ, черноризцемъ Іаковомъ и др., достаточно ручаются за справедливость такого мнѣнія. Въ Патерикѣ Печерскомъ разказывается про одного затворника, подвизавшагося въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ (до 1096 г.), что „не можаше никто же стязатися съ нимъ книгами ветхаго завѣта; весь бо изусть *умъаше*: Бытіе, Исходъ, Левгиги, Числа, Судія, Царства и вся пророчества по чину, и вся книги жидовскія свѣдаше добръ“³⁾. Этотъ разказъ, подтверждая приведенное мнѣніе, въ то же время показываетъ, что самый кругъ библейскихъ книгъ былъ почти полный. Кромѣ Библии, въ большемъ употребленіи были житія святыхъ, о которыхъ ясно упоминаетъ пр. Феодосій въ одномъ изъ своихъ поученій, когда, обличая братію, говоритъ: „житія бо святыхъ почитающе и отъ тѣхъ затыкающе уши свои, яко не слышати мужества ихъ“⁴⁾.

Но самымъ любимымъ чтеніемъ, если судить по числу сохранившихся до нашего времени сборниковъ, были отеческія писанія, которыя были въ огромномъ числѣ переводимы съ греческаго языка, или привозимыя изъ Болгаріи. Всѣ поученія этихъ сборниковъ, посвященныхъ различнымъ

¹⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. т. I, стр. 79.

²⁾ См. Патерикъ Печерскій. У насъ подъ руками былъ Патерикъ, изданный при Иннокентіи Гизелѣ, въ 1661 году.

³⁾ См. Макарія, Ист. русск. церк. т. II, стр. 165.

⁴⁾ Тамъ же.

названія (Златоструй, Измарагдъ, Матица Златая, Златая Цѣпь), характеризуются преимущественно *аскетическимъ направлениемъ*. Только что оставившіе язычество, съ его чисто животною, чувственною жизнію и грубыми страстями, русскіе люди съ благоговѣніемъ и удивленіемъ останавливались передъ новыми для нихъ и изумительными аскетическими правилами жизни, предлагаемыми въ этихъ поученіяхъ. На встрѣчу богатырю, безнаказанно дающему волю своимъ страстямъ, выходилъ въ нихъ воображеніи другой богатырь—монахъ, облеченный нравственною силою, съ подвигами самоумерщвленія. Поражаемые до глубины души, они зачитывались подобными поученіями, погружались воображеніемъ въ неизвѣстную дотолѣ имъ жизнь и полную аскетическихъ подвиговъ и самосозерцанія. Подобно своимъ современникамъ, и Владиміръ Мономахъ подвергся сильному вліянію подобнаго рода аскетическихъ произведеній древне-отеческой литературы. Особенно большое сочувствіе обнаруживаетъ онъ въ своемъ Поученіи къ твореніямъ Василія Великаго, который извѣстенъ, какъ строгій подвижникъ. Знакомство Мономаха съ твореніями Василія Великаго указываетъ на то, что эти творенія достаточно были распространены между русскими грамотными людьми древности. До насъ сохранился замѣчательный сборникъ поученій, переведенный съ греческаго для Болгарскаго царя Симеона (889—927 гг.) и потомъ переписанный въ Россіи для великаго князя Святослава въ 1073 году и извѣстный подъ именемъ сборника Святослава. Въ немъ, кромѣ твореній Іоанна Великаго, Григорія Писскаго, Іоанна Златоуста, Іустина Философа и другихъ учителей церкви, весьма много находится произведеній Василія Великаго. Сохранился до насъ еще другой, Святославовъ же, сборникъ 1076 года, въ которомъ также можно встрѣтить труды Василія. Впрочемъ, значительное количество поученій съ именемъ Василія находится, сверхъ указанныхъ, еще во многихъ другихъ сборникахъ, напримѣръ, въ Златой Цѣпи, Измарагдахъ и проч. Кромѣ того, въ Россіи существовалъ Шестодневъ Василія Великаго, переведенный, хотя и не въ полномъ видѣ, Іоанномъ Экзархомъ Болгарскимъ. Въ Московской синодальной библіотекѣ, встрѣчаются списки Шестоднева XV вѣва, что даетъ право заключать, что эти списки были въ рукахъ русскихъ людей уже съ древнихъ временъ. Касательно перевода Шестоднева нужно прибавить, что его нельзя назвать въ полномъ смыслѣ переводомъ съ подлинника. Вотъ что говоритъ объ этомъ предметѣ Калайдовичъ: „Экзархъ Болгарскій, положивъ въ основаніе трудъ Василія Великаго и поль-

зуюсь руководствомъ другихъ писателей, составилъ собственное разсужденіе по сему предмету, которое сохранилось въ древнемъ спискѣ подѣ слѣдующимъ заглавіемъ: „Шестоденъе, съисано Іоаномъ, презвитеромъ экзархомъ, отъ святаго Василия, Іоана (Златоуста) и Сеуріана (Северіана, епископа Гевальскаго) и Аристотеля Философа и инѣхъ“ ¹⁾. Но во всякомъ случаѣ духъ произведеній Василия Великаго не могъ не сохраниться и въ такой передѣлкѣ Шестоднева, какую дозволилъ себѣ Іоаннъ, экзархъ Болгарскій.

Мы замѣтили выше, что творенія Василия Великаго пользовались особеннымъ сочувствіемъ Владиміра Мономаха. Это ясно усматривается изъ характера Поученія Мономаха. То же сочувствіе къ природѣ, какое встрѣчаемъ въ твореніяхъ Василия, особенно въ его Шестодневѣ, замѣтно и въ Поученіи Владиміра. Восхищенный премудрымъ устройствомъ природы, Мономахъ восклицаетъ: чудны дѣла Твои, Господи, и никакой разумъ не въ состояніи прославить чудесъ Твоихъ! И кто не похвалитъ, продолжатъ Мономахъ, и не прославить такихъ „великихъ чудесъ и добротъ, устроенныхъ на семь свѣтъ: како небо устроено, како ли солнце, како ли луна, како ли звѣзды и тма, и свѣтъ, и земля на водахъ положена, Господи, твоимъ промысломъ! звѣрье разнолични, и птица и рыбы, украшено твоимъ промысломъ, Господи!“ ²⁾. Вглядываясь въ премудрое и дивное устройство міра, Владиміръ особенно пораженъ разноличіемъ человѣческаго образа; если бы міръ весь совокупить, говоритъ онъ, то всякій изъ насъ предсталъ бы съ своимъ особеннымъ лицомъ по мудрости Божіей ³⁾. Подѣ вліаніемъ какого-то особеннаго поэтическаго вдохно-

¹⁾ *Калайдовичъ*, Іоан. Экз. Болгар. М., 1824, стр. 59.

²⁾ Въ подлинномъ Шестодневѣ Василия Великаго есть тирада, сходная съ приведеннымъ мѣстомъ Поученія: «Вотъ передъ тобою небо украшенное, облеченная въ убранство земля, море, изобилующее свойственными ему порожденіями, воздухъ, наполненный летящими птицами! Все... приведенное Божіимъ повелѣніемъ изъ небытія въ бытіе... и потому во всемъ, изучишь премудрость Божію, не переставай никогда удивляться и во всякой твари славить Творца!» (Творенія свв. отцевъ т. V, твор. Вас. В. т. I, «Бесѣды на Шестодневъ», стр. 150). Въ другомъ мѣстѣ Василій Великій, удивляясь премудрости твореній, восклицаетъ: «Какого слова будетъ достаточно на сіе?! Какой слухъ выслушать это?! Достанетъ ли времени описать и повѣдать всѣ чудеса художника? Скажемъ и мы съ пророкомъ: яко возвеличашася дѣла Твоя, Господи, вся премудростію сотворилъ еси» (пс. 103, 24). (Тамъ же, стр. 163).

³⁾ Буквальный текстъ такъ читается: «Аще и весь міръ совокупить, не вся въ одинъ образъ, но кый же своимъ лицъ образомъ, по Божіимъ мудрости». Ва-

венія, Мономахъ вдругъ начинаетъ говорить о пѣніи: „и ты же птицѣ небесныя (то-есть, и тѣ же птицы небесныя) умудрены тобою, Господи, егда повелиши, то вступятъ, и человѣки веселятъ Тебе; и егда же не повелиши имъ, языкъ же имѣюще онѣмѣютъ“¹⁾. Здѣсь ясно видно благочестивое созерцаніе природы, настроенное чтеніемъ твореній Василія Великаго. Но въ приведенныхъ нами мѣстахъ Поученія отразилось, какъ мы уже сказали, преимущественно вліяніе Шестоднева Василія — произведенія болѣе поэтическаго, нежели аскетическаго, такъ свойственнаго этому отцу церкви. Теперь мы перейдемъ къ той части Поученія, въ которой замѣтно вліяніе твореній Василія съ аскетическою тенденціей.

„Ико же бо Василій учаше“, говоритъ Мономахъ, прямо указывая, откуда онъ заимствуетъ дальнѣйшія мысли — „собрать ту упоша, душа чисты, нескверны, тѣлеси худу, кротку бесѣду и въ мѣру слово Господне, яди, питью безъ плища велика быти...“ Далѣе авторъ почти буквально списываетъ отрывокъ изъ одного поученія Василія Великаго, опредѣляющаго правила монашеской жизни, что видно изъ слѣдующаго надписанія этого поученія въ нѣкоторыхъ древнихъ сборникахъ: слово святаго Василья: „како есть лѣпо чернцу быти“²⁾. Это поученіе Василія почему-то особенно нравилось русскимъ людямъ древней Руси, такъ такъ оно попадаетъ не только въ сборникъ XI вѣка (сборникъ Святославовъ 1076 года), но и въ сборникахъ XIV, XV и даже XVI вѣковъ. Мы приводимъ одинъ отрывокъ этого поученія въ нѣсколькихъ древнихъ редакціяхъ для сравненія его съ текстомъ Мономахова Поученія:

силій Великій говоритъ: «И цѣлый міръ, состоящій изъ разнородныхъ частей, связалъ Богъ какимъ-то неразрывнымъ союзомъ любви въ единое общеніе и въ единую гармонию, такъ что части, по положенію своему весьма удаленныя одна отъ другой, кажутся соединенными посредствомъ симпатіи». (Тамъ же, стр. 25).

¹⁾ Василій Великій говоритъ: «Однѣ изъ птицъ говорливы и болтливы, а другія молчаливы; однѣ пріятно поютъ и на разные голоса; другія, совсѣмъ не имѣютъ музыкальности въ голосѣ и не умѣютъ пѣть» (см. Твор. Василія Великаго т. I, стр. 142—143). 8-я бесѣда на Шестодневъ посвящена Василіемъ Великимъ изображенію нравовъ и обычаевъ птицъ съ выводомъ нравственныхъ правилъ для поведенія человѣка (см. тамъ же, стр. 136—157).

²⁾ См. рукописный сборн. Кирилло-Бѣлозерской библ., за № 12/1000, л. 1—3.

<p>Изъ сборника XV вѣка Кирилло-Вѣлов. библ. за № 17/100, л. 1—3.</p>	<p>Предъ старци молчаніе и мудрѣйшихъ послушати. с точными любовъ имѣти. с меньшими любовное свѣ- щаніе. отъ плотскихъ и любостастныхъ бѣгати. ма- ло глаголати и многаѣ раз- умѣвати. не дерзу быти, словомъ ни пререковати въ рѣчехъ, не скоро въ смѣхъ въпадати, срамя- ливу быти, долу очи имѣти, а душу—горѣ, не противно отвѣщавати и т. л.</p>	<p>Предъ старци молчаніе, предъ мудрѣйшими молча- ніе и послушаніе, с по- добными любовъ имѣти, с меньшими любовное свѣ- щаніе и наказаніе; плотъ- смыхъ любостастныхъ ве- щичи бѣгати, мало глаго- лати, а бога разумѣвати, не дерзу быти, словомъ ни прерѣкати, въ рѣчехъ не скоро въ смѣхъ въпадати; соромяливу быти, очи долу имѣти, а душу горѣ, не от- вѣщавати противу и т. л.</p>	<p>(См. Буслаявъ, Историч. очерки русск. народн. слов. и искусства. Спб., 1861, т. I, стр. 574).</p>
<p>Изъ рукописи «8-лѣтня Цѣль» XIV вѣка (л. 41 об.), хранящейся въ Имп. Публ. Библ.</p>	<p>Предъ старцы мѣлча- ніе, предъ моудрыми по- слушаніе. съ тѣчными любовъ имѣти. съ мьн- шными любовное свѣ- щаніе. Отъ плѣтськихъ и любостастныхъ веш- ти бѣгати. мало глаго- лати. а многаѣ разумѣ- вати. не дерзу быти слѣ- вомъ. ни прерѣковати въ людяхъ. Не скоро въ смѣхъ въпадати, соромяливу бы- ти. долу очи имѣти. а—го- рѣ. Не противно отвѣщава- ти и т. л.</p>	<p>Предъ старцы мѣлча- ніе, предъ моудрыми по- слушаніе. съ тѣчными любовъ имѣти. съ мьн- шными любовное свѣ- щаніе. Отъ плѣтськихъ и любостастныхъ веш- ти бѣгати. мало глаго- лати. а многаѣ разумѣ- вати. не дерзу быти слѣ- вомъ. ни прерѣковати въ людяхъ. Не скоро въ смѣхъ въпадати, соромяливу бы- ти. долу очи имѣти. а—го- рѣ. Не противно отвѣщава- ти и т. л.</p>	<p>(См. Изв. Имп. Акад. Наукъ, по отд. русск. яз. и слов. т. X, стр. 431).</p>
<p>Изъ сборника Свѣто- слава 1076 г.</p>	<p>Прѣ старыхъ молчати, премудрыхъ слушати, ста- рѣйшимъ покорятися, съ точными и меньшими лю- бовъ имѣти; безъ лжи бе- сѣдующе, а много разумѣ- ти; не сверѣповати сло- вомъ, ни хулити бесѣдомъ, не обило смѣятися, срам- ляти старѣйшихъ, къ женамъ великимъ не бе- сѣдовати, долу очи имѣти, а душу горѣ, преблагати, не стрѣкати учить, лег- кихъ власти ни въ кую же имѣти, еже отъ всѣхъ честь....</p>	<p>Прѣ старцы мѣлча- ніе, предъ моудрыми по- слушаніе. съ тѣчными любовъ имѣти. съ мьн- шными любовное свѣ- щаніе. Отъ плѣтськихъ и любостастныхъ веш- ти бѣгати. мало глаго- лати. а многаѣ разумѣ- вати. не дерзу быти слѣ- вомъ. ни прерѣковати въ людяхъ. Не скоро въ смѣхъ въпадати, соромяливу бы- ти. долу очи имѣти. а—го- рѣ. Не противно отвѣщава- ти и т. л.</p>	<p>(См. Изв. Имп. Акад. Наукъ, по отд. русск. яз. и слов. т. X, стр. 431).</p>
<p>Изъ Поученія Моно- маха.</p>	<p>Прѣ старыхъ молчати, премудрыхъ слушати, ста- рѣйшимъ покорятися, съ точными и меньшими лю- бовъ имѣти; безъ лжи бе- сѣдующе, а много разумѣ- ти; не сверѣповати сло- вомъ, ни хулити бесѣдомъ, не обило смѣятися, срам- ляти старѣйшихъ, къ женамъ великимъ не бе- сѣдовати, долу очи имѣти, а душу горѣ, преблагати, не стрѣкати учить, лег- кихъ власти ни въ кую же имѣти, еже отъ всѣхъ честь....</p>	<p>Прѣ старцы мѣлча- ніе, предъ моудрыми по- слушаніе. съ тѣчными любовъ имѣти. съ мьн- шными любовное свѣ- щаніе. Отъ плѣтськихъ и любостастныхъ веш- ти бѣгати. мало глаго- лати. а многаѣ разумѣ- вати. не дерзу быти слѣ- вомъ. ни прерѣковати въ людяхъ. Не скоро въ смѣхъ въпадати, соромяливу бы- ти. долу очи имѣти. а—го- рѣ. Не противно отвѣщава- ти и т. л.</p>	<p>(См. Изв. Имп. Акад. Наукъ, по отд. русск. яз. и слов. т. X, стр. 431).</p>

Содержаніе поученія Василія Великаго, отрывокъ изъ котораго выписанъ Владиміромъ Мономахомъ, очевидно, строго аскетическаго характера. Очевидно также, Василій Великій писалъ это поученіе, имѣя въ виду не обыкновенныхъ мірскихъ людей, обращающихся въ круговоротъ повседневныхъ житейскихъ отношеній, а иноковъ, людей удалившихся міра и общественныхъ обязанностей съ цѣлю высшаго нравственнаго самоусовершенствованія¹⁾; иначе странно было бы требовать отъ мірскихъ людей, чтобъ они „не противу отвѣщевали“, чтобъ они постоянно „долу очи имѣли“ и т. п. А Владиміръ Мономахъ, между тѣмъ, имѣетъ въ виду, конечно, предложить эти правила поведенія людямъ, живущимъ общественною жизнью, людямъ мірскимъ. Въ этомъ случаѣ Мономахъ отдалъ дань своему вѣку, тѣсно примыкая къ воззрѣніямъ своихъ современниковъ. Всякая отдѣльная эпоха въ жизни народа имѣетъ свои идеалы и своихъ героевъ, которые въ своей жизни стараются болѣе или менѣе воплотить эти идеалы въ дѣйствительность. Изучая эти идеалы, мы познаемъ тѣ идеи, до которыхъ была въ состояніи доработаться извѣстная эпоха. Мы уже выше указали на то, что особенно удивляло и поражало воображеніе русскаго человѣка, только что отказавшагося отъ чувственнаго язычества, когда онъ сталъ вникать въ проповѣдь новой религіи: это требованіе полнѣйшаго самоотрицанія, требованіе отказаться отъ всѣхъ земныхъ радостей и привязанностей, съ предложеніемъ въ замѣнъ того удаленія отъ міра и умерщвленія плоти. Сначала удивленные и пораженные подобными, новыми для нихъ, требованіями отъ жизни, русскіе люди стали постепенно свыкаться съ ними и считать ихъ за норму истинной жизни, особенно взявъ во вниманіе дѣйствительно неудовлетворительное состояніе ихъ настоящей жизни, полной внутреннихъ неурядицъ. Разъ утвердившись въ мысли, что такая строго аскетическая, удаленная отъ тревожныхъ мірскихъ, монашеская жизнь есть нормальная, они возвели ее въ идеаль. Вслѣдствіе того, жизнь и дѣянія въ высшей степени строгихъ подвижниковъ, Печерскихъ угодниковъ, сдѣлались идеалами до-татарской эпохи; сами угодники стали героями этой эпохи, которымъ фантазія дала все, чѣмъ владѣло общество. Въ разказахъ о нихъ, о цѣляхъ, къ которымъ они

¹⁾ Въ современномъ русскомъ переводѣ съ греческаго подлинника твореній Василія Великаго—это поученіе подписывается: «Слово о подвижничествѣ; чѣмъ должно украшаться монаху?» (см. Твор. св. оо. т. IX, твор. Вас. Вел. т. V. М., 1847 г., стр. 64).

стремились, выражается вся умственная жизнь до-татарскаго времени, вмѣстѣ съ возвышеннѣйшими его стремленіями и свойственными ему красками. Такъ, въ житіи пр. Моисея Угрина (находится въ печатныхъ патерикахъ) выражается идея презрѣнія къ супружеству, и такимъ образомъ жизнь дѣвственника возводится въ идеаль. Въ Моисея Угрина была влюблена одна богатая Полька и хотѣла выйти за него замужъ. Но святой мужъ отказалъ ей. Напрасно она истощала свои ласки, напрасно старалась прельстить его своимъ богатствомъ: онъ оставался непреклоненъ и въ скоромъ времени даже принялъ иноческій чинъ. Оскорбленная такимъ невниманіемъ къ ней со стороны Моисея, Полька рѣшилась наконецъ отмстить святому, приказавъ своимъ слугамъ насильно оскотить его. Оправившись послѣ этого, пр. Моисей пришелъ въ пещеру пр. Антонія и здѣсь десять лѣтъ подвизался въ иноческихъ подвигахъ. Идея презрѣнія къ богатству выступаетъ во всѣхъ житіяхъ. Святому Аганиту одинъ богатый человекъ за исцѣленіе принесъ золото. Святой, сначала отказывавшійся, согласился принять золото только послѣ долгихъ и неотступныхъ просьбъ этого человѣка; но вышедши изъ кельи, тотчасъ же разбросалъ его.

Владиміръ Мономахъ не ограничился выпиской аскетическихъ правилъ жизни для назиданія общества только изъ поученія Василія Великаго; онъ и самостоятельно предлагаетъ наставленія въ томъ же смыслѣ. „Научися, вѣрный человѣче“, говоритъ Мономахъ, „быти благочестно дѣлатель, научися, по евангельскому словеси, очима управленье, языку удержанье, уму смѣренье, тѣлу поробощенье, гнѣву погубленье, помысль чисть имѣти, понужался на добрая дѣла, Господа ради: лишаемъ не мсти, ненавидимъ любо гонимъ терпи, хулимъ моли, умертви грѣхъ“.... Но справедливость требуетъ сказать, что Мономахъ, раздѣляя воззрѣнія современниковъ, какъ сынъ одного съ ними вѣка, какъ продуктъ однихъ и тѣхъ же съ ними условій жизни, въ то же время не могъ не замѣтить, хотя смутно и неясно, крайностей идеаловъ эпохи. Несомнѣнно, онъ стоялъ въ ряду передовыхъ людей своего времени, уровень понятій которыхъ былъ несравненно выше уровня понятій окружающей ихъ среды. Передовой человекъ не могъ не задаться вопросомъ: если всѣ будутъ отворачивать взоры отъ общественной жизни, общественной дѣятельности, чтобы безпрепятственнѣе устремляться за предѣлы этого міра съ цѣлю внутренняго самоуглубленія и аскетическихъ подвиговъ, то что станетъ съ государствомъ? Если всѣ захотятъ быть иноками и

пожелаютъ запереться въ стѣнахъ монастырей, то въ какое состояніе придетъ экономическій бытъ страны, кто будетъ защищать интересы страны отъ впѣвшихъ и внутреннихъ враговъ? Продолжая глубоко сочувствовать идеаламъ своихъ современниковъ, Мономахъ, какъ передовой человѣкъ, въ то же время понялъ — какъ ужасны могутъ быть послѣдствія излишнего увлеченія этими идеалами, и въ своемъ Поученіи онъ старается предохранить общество отъ такого увлеченія. Чтобы люди не думали, что только въ одномъ монастырѣ и исключительно одними тяжелыми ипоческими подвигами можно угодить Богу и спастись, Мономахъ прежде всего указываетъ на долготерпѣніе Божіе: Господь наши согрѣшенія долготерпитъ, и „яко отецъ чадо свое любя... намы привлечь е къ собѣ“, такъ и Богъ даруетъ намъ спасеніе. Далѣе онъ говоритъ, что тремя добрыми дѣлами можно получить спасеніе: *покаяніемъ, слезами и милостынею*. „Да.... дѣти мои“, восклицаетъ онъ, „не тяжка заповѣдь Божія, оже тѣми дѣлы тремя избыти грѣховъ своихъ и царствія (небеснаго) не лишитися“. Затѣмъ онъ ясно указываетъ на общій взглядъ тогдашняго общества, что монастырь есть исключительное убѣжище отъ грѣховной жизни, а удрученіе плоти — единственное средство спасенія. „А Бога дѣла не лѣпитеся“, говоритъ онъ, „молю вы ся не забывайте трехъ дѣлъ тѣхъ (то-есть, покаянія, слезъ и милостыни): не бо суть тяжка; ни одиночество, ни чернечество, ни голодъ, яко иніи добріи терпятъ; по малымъ дѣломъ улучити милость Божію“. Очевидно, этими послѣдними словами Мономахъ хотѣлъ показать, что человѣкъ, и живя въ мірѣ, въ обществѣ, не терлетъ возможности идти по пути праведнаго самоусовершенствованія, и если захочетъ, можетъ и въ мірѣ пайти средства ко спасенію.

Впрочемъ, не одинъ Мономахъ понималъ крайности идеаловъ общества. Русская проповѣдь того времени, которой принадлежитъ честь въ высшей степени глубокаго и вѣрнаго пониманія общественныхъ нуждъ и потребностей, и которая зорко слѣдила за всѣми симпатіями общества, также не осталась равнодушною при видѣ крайней идеализаціи ипоческой жизни до забвенія необходимости участія въ служеніи обществу и государству и тотчасъ же отозвалась, какъ скоро поняла аномальность подобнаго явленія. До насъ дошло слово „О глаголющихъ, яко нѣсть можно спастися живущимъ въ міру“, въ которомъ авторъ, между прочимъ, говоритъ: „аще и въ міру, братіе, живемъ, да не отчаемся своего спасенія.. будемъ податливы и милостивы къ бѣднымъ и немощнымъ излишними своими; а тѣхъ бо

дѣля (ибо ради ихъ) Богъ и излишнее намъ поручилъ "...¹⁾). Въ другомъ словѣ: „О милостынѣ“ прямо и категорически говорится, что мірянинъ не лишится царства небеснаго: „въ міру живый—не будешь лишенъ царства небеснаго“. Только „щедръ и милостивъ буди“, прибавляетъ авторъ, — „имѣнія не скрывай“²⁾). Во всѣхъ, приведенныхъ нами сейчасъ, словахъ проповѣди сквозить та мысль, что для живущаго въ мірѣ, и слѣдовательно, занимающагося увеличиваніемъ законнымъ образомъ своего благосостоянія, — будетъ ли то торговля, хлѣбопашество или еще что-нибудь, — возможно спасеніе, такъ какъ при значительномъ благосостояніи человѣкъ можетъ удѣлять свои прибитки въ пользу неимущихъ, чрезъ что прямо исполняетъ заповѣдь Господню о милостынѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ улучшаетъ экономическій бытъ страны, и слѣдовательно, приноситъ пользу обществу и государству.

Но не столько опасенія за будущность государства вызывали русскую проповѣдь того времени вооружаться противъ общаго взгляда на монастырь, какъ на единственный якорь спасенія, сколько развившаяся вслѣдствіе такого взгляда совершеннѣйшая раздвоенность въ нравственной жизни общества: человѣкъ видѣ монастыря почти не считалъ грѣхомъ руководиться сильнѣйшимъ эгоизмомъ, постоянно держа въ умѣ намѣреніе при концѣ жизни переступить монастырскій порогъ и тамъ совершенно отказаться отъ этого эгоизма. Увѣренный въ томъ, что, живи въ мірѣ, онъ никакимъ образомъ не спасется, такъ какъ спасеніе возможно исключительно въ монастырѣ, человѣкъ начиналъ предаваться всѣмъ необузданностямъ, удовлетворяя своимъ страстямъ, надѣясь при концѣ жизни, въ иноческой одеждѣ, замолить свои грѣхи. Стремленіе въ монастырь, въ силу такихъ побужденій, было развито не только у простыхъ русскихъ людей того времени, но даже у князей, которые, по своему высокому положенію пользуясь большими удобствами жизни, вмѣстѣ съ тѣмъ позволяли себѣ больше другихъ удовлетворить своимъ страстямъ, а приближаясь къ гробу, вспоминали грѣхи, содѣянные ими въ продолженіе всей жизни, и принимали иноческій образъ, увѣренные въ томъ, что самое принятіе иночества уже заглаживаетъ ихъ грѣхи. Такъ, про князя Давида Смоленскаго († 1197 г.) лѣтописецъ говоритъ, что онъ не-

¹⁾ См Сборн. Кирилло-Бѣлос. библ. за № 88/1116, л. 9, об.

²⁾ Тамъ же, л. 77, об.

редь кончиною „постригъся и въ скимѣ (схимѣ) былъ“ ¹⁾. Давидъ Муромскій († 1228 г.) также умеръ „въ черньцихъ и въ скимѣ“. „Того же лѣта преставися Мстиславъ Мстиславичъ“, также будучи „въ черньцихъ и въ скимѣ“ ²⁾. Кромѣ нихъ, лѣтописи указываютъ на Святослава Кіевскаго (1194), Всеволода Мстиславича (1195) и Владиміра Всеволодовича (1227), принявшихъ такимъ же образомъ монашество. Но мало того, что князья передъ смертію постригались въ монахи; княгини отпращивались у мужей „отпустить ихъ по свѣту“, чтобъ отыскивать себѣ обитель для затворничества. „Того же лѣта“, говоритъ лѣтописецъ, „Святославъ отпусти княгню свою по свѣту, восхотѣвши ей въ монастырь, и дасть ей надѣлокъ многъ“, и она „иде въ Муромъ въ браты и пострижеса“ ³⁾. И это не одинъ примѣръ. Такъ, известно, что Марія, супруга великаго князя Всеволода, постриглась (въ 1206 г.) въ монахини, а также супруга Давида Смоленскаго и супруга Рюрика Кіевскаго умерли монахинями.

Тотъ же взглядъ, что, живя въ мірѣ, можно удовлетворять своимъ страстямъ, лишь бы при концѣ жизни облечься въ иноческій образъ, въ которомъ человѣкъ несомнѣнно въ состояніи будетъ омыть свои прежніе грѣхи и не лишиться вѣчнаго блаженства, поддерживался и въ церковно-назидательной литературѣ того времени, и тѣмъ самымъ общераспространенный неправильный взглядъ какъ-бы освящался самою церковію. Такъ, въ житіи пр. Никиты Переяславскаго разказывается про него, что онъ „бѣ роженъ и воспитанъ въ Переяславѣ градѣ; и дошедъ въ совершенъ возрастъ, бѣ мытаремъ другъ и сплнми прилежа градскимъ судіямъ, и многъ мятежъ и накости челоукомъ творяше и отъ нихъ неправедну мзду взимаше“. Словомъ, Никита былъ взяточникъ, жертвовавшій всякою справедливостію для удовлетворенія своему эгоизму. Но вотъ однажды онъ зашелъ въ церковь и услышалъ тамъ слова пророка Исаи: *измыйтеса чисти будете*. „Онъ же ужасенъ бывъ... и вспомянувъ своя неправедная“, рѣшился отказаться отъ прежней жизни, и оставивъ все, постригся въ монастырь, гдѣ своими подвигами такъ прославился, что сдѣлался святымъ ⁴⁾. Очевидно, составитель житія, описывая, какой грѣшникъ былъ пр. Никита до постриженія и какъ затѣмъ про-

¹⁾ Поля. Собр. Русск. Лѣт., т. I, стр. 174.

²⁾ Тамъ же, т. I, стр. 191.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Макарий, Ист. Русск. церкви, т. III, пр. 93.

славился, сдѣлавшись инокомъ, желалъ высказать ту мысль, что люди, живя въ мирѣ, могутъ грѣшнить, только съ тѣмъ, чтобы въ послѣдствіи поступить въ монастырь, который загладитъ ихъ грѣхи и даже сдѣлаеть *святыми*. Очевидно также, что и самый текстъ изъ пророка Исаи: „измѣйтесь и чисти будете“ подобранъ составителемъ житія съ тою цѣлю, чтобы показать, что человѣкъ, поступивъ въ монастырь, въ состояніи „измѣться и очиститься“ отъ всѣхъ своихъ пороковъ, въ которые онъ былъ погруженъ до постриженія въ иноки. Извѣстно, что наши древне-русскія житія святыхъ составлялись большею частію по готовымъ образцамъ, представляемымъ подобными же произведеніями византійской церковной литературы; даже самые факты изъ жизни какого-нибудь древняго подвижника Востока цѣликомъ входили въ описаніе жизни русскаго угодника; только основная тенденція, которая непремѣнно видна въ каждомъ житіи, была большею частію самостоятельнаго русскаго происхожденія. Поэтому не удивительно, если составитель житія преп. Никиты Переяславскаго, воспользовавшись красками какого-нибудь византійскаго житія, представилъ жизнь угодника до монастыря въ самомъ непривлекательномъ видѣ съ особенною, заранѣе обдуманною имъ вышесказанною тенденціей, для подтвержденія которой онъ не задумался также привести подходящій текстъ изъ пророка Исаи.

Мы видѣли, какую жизнь до-татарская Русь считала за идеальную жизнь, и каковы были ея идеальныя требованія отъ человѣка. Мы видѣли также, что русскіе люди въ дѣйствительной жизни находились въ крайнемъ противорѣчьи съ своими идеалами, откуда происходила полная нравственная раздвоенность. Превозносился монашескій аскетизмъ, а въ жизни господствовала странная чувственность. Считалось верхомъ совершенства презрѣніе къ благамъ міра, а въ жизни большинство руководилось грубѣйшимъ эгоизмомъ. Правда, въ жизни каждаго общества всегда бываетъ большое разстояніе, между идеалами и дѣйствительностію; но кажется, это разстояніе никогда не было такъ велико, какъ въ до-татарское время на Руси. Въ чемъ же заключается причина такого страннаго явленія? Причина въ самомъ идеалѣ того времени, который былъ не приложимъ къ жизни и даже игнорировалъ дѣйствительный міръ. Чтобы достигать его — нужно сдѣлаться монахомъ, такъ какъ внѣ монастыря идеальнототъ ни къ чему не служитъ. Въ жизни непогіе въ состояніи воздержаться отъ супружества, не возможно быть безъ матеріальнаго обезпеченія, трудно иногда отказаться отъ нѣкоторыхъ удобствъ житей-

скихъ; а идеалъ требовалъ умерщвленія плоти, презрѣнія къ матеріальному благосостоянію, ненависти къ наслажденіямъ. Приходилось или отказаться отъ всего того, что дорого человѣку въ мірѣ, или потерять всякую надежду на возможность спасенія. Мы видѣли однако, что русскіе люди того времени, находясь въ такомъ, по видимому, безотрадномъ положеніи, все-таки находили себѣ выходъ изъ него: люди съ сильнымъ характеромъ и съ твердою волею шли въ монастырь; остальные, которымъ было трудно отказаться отъ жизни, лелѣяли мысль, что они успѣютъ, насладившись благами жизни, предъ концомъ ея, постричься въ монахи, облечься въ схиму, и такимъ образомъ, не лишиться царства небснаго. Такимъ образомъ, русская жизнь до-татарской эпохи, ища идеала внутри монастыря, сама оставалась безъ идеала, который могъ бы направлять человѣческія страсти, вслѣдствіе чего эти страсти, ничѣмъ не сдерживаемыя, находили себѣ полный просторъ внѣ монастырскихъ стѣнъ, доводя русское общество до тѣхъ ужасныхъ пороковъ, о которыхъ мы еще скажемъ впереди.

III.

Отношеніе власти къ подданнымъ.

Первая обязанность князей, по мнѣнію Мономаха,—слѣдить за правосудіемъ въ государствѣ.—Неудовлетворительность правосудія того времени.—Причина того—въ слабости нравственнаго сознанія тогдашняго общества.—Несоблюденіе данныхъ обязательствъ.—Просьба Мономаха не нарушать крестнаго цѣлованія.—Частые случаи подобнаго нарушенія.—Мономахъ—противъ смертной казни.—Русская Правда не знаетъ смертной казни.—Русская Правда не есть офиціальныи сборникъ законоположеній, обязательный для князей.—Юридическая практика могла и отстунать отъ Русской Правды.—Мономахъ боится въ смертной казни духа мести.—Сильное развитіе духа мести въ русскомъ обществѣ того времени.—Христіански-гуманныи взглядъ Мономаха на преступника.—«Печалованіе» митрополита Никифора.—Обычай печалованія—право духовенства, проистекающее изъ высокаго уваженія къ нему общества.—Историческія причины развитія такого уваженія.—Мономахъ—о почитаніи духовенства.—Права и преимущества духовенства по церковнымъ уставамъ Владиміра св. и Ярославъ I и по другимъ древнимъ намятникамъ.—Русская проповѣдь поддерживаетъ въ народѣ уваженіе къ духовнымъ лицамъ.

Въ той части своего Поученія, въ которой Мономахъ обращается къ своимъ дѣтямъ, какъ князьямъ, правителямъ вѣрннаго имъ народа, онъ имѣетъ въ виду опредѣлить отношеніе власти къ подданнымъ. Владиміръ Мономахъ былъ прекраснымъ государемъ и даже

законодателемъ, что видно изъ нѣкоторыхъ прибавленій, весьма гуманныхъ, какія онъ сдѣлалъ въ Русской Правдѣ, этомъ кодексѣ древняго русскаго права, и тѣмъ не безъ причины заслужилъ искреннюю любовь народа, которою онъ такъ славенъ въ древней исторіи Руси. Такой достойный государь очень хорошо понималъ, что требуется отъ князя для того, чтобы народъ былъ счастливъ. Это, прежде всего, постоянная заботливость и неусыпный надзоръ за строгимъ и безкорыстнымъ исполненіемъ правосудія. Въ своемъ Поученіи Мономахъ даже требуетъ отъ дѣтей-князей по возможности *лично* исправленія обязанности судьи, — „вдовицу оправдите *сами*“, говоритъ онъ, чтобы тѣмъ самымъ было больше истиннаго правосудія, такъ какъ, по его же словамъ, нельзя было надѣяться на честность посадниковъ и бирючей. Но дѣйствительно ли правосудіе было такъ низко въ до-татарское время на Руси, что безъ личнаго производства суда княземъ оно въ большей части случаевъ страдало?

Два элемента въ государственномъ управленіи того времени стояли рядомъ: это—вѣче и князь. Но вѣче приобрѣло нѣкоторое значеніе и даже отчасти силу только къ концу до-татарской эпохи, а въ началѣ этого періода оно врядъ ли имѣло хотя призрачный вѣсь. Главное и рѣшающее значеніе въ дѣлахъ государства имѣла власть князя, а вѣче собиралось иногда только для совѣщанія. Такимъ образомъ, народное представительство отсутствовало въ государственномъ устройствѣ древней Руси, и все управленіе исключительно сосредоточивалось въ рукахъ князя, такъ что даже судебная часть, столь рѣзко теперь отдѣленная отъ администраціи, находилась въ то время въ непосредственномъ вѣдѣніи того же князя, что, впрочемъ, весьма естественно, такъ какъ самостоятельное развитіе разнообразныхъ задачъ управленія есть заслуга повѣйшаго времени. Въ Ипатьевской лѣтописи подъ 1149 годомъ приведены слова Галицкаго князя Владиміра, въ которыхъ высказывается убѣжденіе Владиміра въ правахъ князя лично судить народъ: „Богъ поставилъ насъ волостелями, въ мечь злодѣямъ и въ добродѣтель благочестивымъ“. Но и на самомъ дѣлѣ князя часто лично исправляли обязанности судьи: въ лѣтописяхъ перѣдки указанія на такое отправленіе правосудія самими князьями; въ нихъ даже самая правда называется „княжею правдой“. Въ Ипатьевской лѣтописи подъ 1146 годомъ Кіевляне говорятъ Игорю: „аще кому будетъ насъ обида, то ты прави“, и въ Лаврентьевской—подъ 1206 годомъ, въ похвалѣ Всеволоду Юрьевичу Владимірскому прямо сказано, что онъ „судъ судилъ не лицемѣренъ“.

Понятно, однако, что князь, соединяя всѣ вѣтви управленія въ своихъ рукахъ, не могъ обходиться безъ помощниковъ. И дѣйствительно, съ древнѣйшихъ временъ мы встрѣчаемъ указанія на существованіе второстепенныхъ властей, вѣдѣнію которыхъ поручались отдѣльныя отрасли управленія, въ томъ числѣ и судебная часть. Но при этомъ нужно обратить вниманіе на слѣдующее обстоятельство. Хотя частныя дѣла князя различались отъ дѣлъ Русской земли, говоря иначе, отъ тѣхъ дѣлъ, которыя вѣдались княземъ, какъ правителемъ, тѣмъ не менѣе это различіе никогда не возводилось на степень системы, и князья вѣдали обыкновенно государственныя дѣла въ формѣ своего частнаго хозяйства ¹⁾). Вслѣдствіе того бывало, что ихъ слуги, въ частномъ смыслѣ этого слова, служили перѣдко органами управленія, и слѣдовательно, въ то же время были слугами князя и въ государственномъ смыслѣ ²⁾). Въ Поученіи Мономаховомъ, напримѣръ, говорится объ отрокахъ и тиунахъ, какъ о домашней прислугѣ: „не зрите на тиуна, ни на отрока, да не посмѣются приходящіи къ вамъ ни дому вашему, ни обѣду вашему“; по другое мѣсто того же Поученія: „куда же ходице путемъ по своимъ землямъ, не дайте пакости творити отрокамъ“, дасть прано думать, что хотя эти отроки относились къ домашней прислугѣ, тѣмъ не менѣе въ рукахъ ихъ была какая-нибудь отрасль управленія, злоупотребляя которою, они имѣли возможность „пакости творити“ народу. Вотъ въ силу чего, главнымъ образомъ, Мономахъ требовалъ отъ дѣтей по возможности лично производить судъ: онъ понималъ, что на судей, какъ на княжескихъ слугъ, не всякій неправильно осужденный рѣшался жаловаться, чтобы тѣмъ самымъ не разгнѣвать еще князя противъ себя и не подвергнуться тяжелой опалѣ. Но и не одни судьи изъ слугъ княжнихъ „пакости творили“ при исполненіи государственныхъ обязанностей: это вообще можно, въ большинствѣ случаевъ, относить ко всѣмъ служителямъ правосудія того времени, изъ какаго бы сословія каждый изъ нихъ

¹⁾ На этотъ счетъ прекрасное замѣчаніе есть у г. *Бестужева-Рюмина*, Русская Исторія. С. IIб. 1872 г., стр. 197. «Чудная смѣсь назначеній въ Поученіи Мономахи», говоритъ онъ, «изъ которыхъ одни назначены для домовладыки, а другія — для князя, стоящаго во главѣ народа, лучше всѣхъ разсужденій вводятъ насъ въ духъ и характеръ эпохи: при простотѣ нравовъ, обязанности того и другаго совершенно тождественны и требуютъ только честнаго отношенія къ дѣлу: обязанность князя — защищать слабого отъ сильнаго, не вѣрить своимъ судьямъ и постоянно смотрѣть за ними».

²⁾ См. *Сергеевичъ*, Вѣче и князь. 1867 г., стр. 348 — 353.

ни происходилъ. Въ „Моленіи“ Даниіла Заточника очень характерно выраженъ взглядъ того времени на тиуна, то-есть, на судью: „не имѣй собѣ двора близъ княжа двора, не держи села близъ княжа села: тиунъ бо его яко огонь трепстицею накладенъ, а рядовичи его яко искры“¹⁾). Можно думать также, что названіе должностнаго лица „ябедникъ“ съ того еще времени приняло такой дурной смыслъ, какой сохранило оно до нынѣ. Но всего замѣчательнѣе, что въ народѣ съ тѣхъ поръ уже утвердилась мысль, будто тамъ, гдѣ дѣйствуетъ законъ, всегда существуетъ несправедливость. По смерти Андрея Боголюбскаго, жители разграбили дома его посадниковъ и тиуновъ, избивъ ихъ самихъ, „не вѣдая“, замѣчаетъ лѣтописецъ, „что гдѣ есть законъ, тамъ и обидъ много“²⁾). Таково было состояніе правосудія въ то время. Гдѣ же причина такого печальнаго явленія?

Мы не станемъ говорить, что правосудіе отъ того только было дурно, что сами служители правосудія были дурны. Нѣтъ, причина лежитъ гораздо глубже: она коренится въ нравственныхъ понятіяхъ того времени. Извѣстно, что такія нравственныя понятія, какъ понятія о чести, долгѣ и справедливости, развиваются въ сознаніи народа не вдругъ, а постепенно, сообразно съ развитіемъ его цивилизаціи, и что въ первобытномъ состояніи человѣкъ даже и не предполагаетъ ничего подобнаго. Ложь, напимѣръ, была не возможна у первобытныхъ Славянъ не потому, чтобъ они сознавали безнравственность лжи, или чтобъ у нихъ было развито понятіе о чести, а просто потому, что, по ихъ религіознымъ представленіямъ, лжецъ низводилъ на себя гнѣвъ божества, и то, что мы теперь относимъ къ случайностямъ жизни, какъ возможность утонуть, умереть отъ молніи, быть зашибленнымъ деревомъ или камнемъ, считалось какъ-бы слѣдствіемъ гнѣва божества, оскорбленнаго лжецомъ.

Правда, Русь, въ разсматриваемую нами эпоху, считала себя христіанскою страной, а христіанская нравственность, возведенная въ *обязанность*, существенно отличается отъ нравственности языческой, результата непосредственнаго чувства, какъ все въ языческомъ мірѣ. Но прекрасныя христіанскія идеи тогда только могутъ приносить пользу, когда онѣ принимаются народомъ умственно развитымъ; въ противномъ случаѣ онѣ—сѣмена, упавшія на каменистую почву, которая не дастъ имъ средствъ взойти. Иѣтъ нужды говорить, какъ низко

¹⁾ Изв. III-го Отд. Имп. Акад. Наукъ, т. X, стр. 268.

²⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт., т. II, стр. 115.

было развитіе русскаго общества того времени, а потому естественно, что и нравственное сознание этого общества было слабо. Подъ 1073 годомъ лѣтописецъ заноситъ слѣдующее: „вздвиге дьяволъ котору (крому) въ братья сей Ярославичихъ“... Святославъ со Всеволодомъ пошли на Изяслава; Изяславъ удалился, а братья вошли въ Кіевъ и сѣли на столѣ въ Берестовомъ, „преступивше заповѣдь отню. Святославъ же бѣ начало выгнанью братню; желая большей власти, онъ прельстилъ Всеволода, говоря: „яко Изяславъ сватится со Всеволодомъ, мысля на наю; да аще его не варивѣ, имать насъ прогнати“¹⁾. Въ этомъ фактѣ вотъ что замѣчательно: Всеволодъ, который, по отзыву лѣтописца, „бѣ издѣтъска боголюбивъ, любя правду, вабдя убогыя“²⁾, вѣрится простому наговору на Изяслава: При этомъ нужно еще замѣтить, что самъ Изяславъ былъ человѣкъ весьма добрый и честный, чего, конечно, не могъ не знать Всеволодъ. Если, не смотря на это, онъ повѣрилъ простому наущенію, то до чего же слаба была въ то время вѣра въ нравственное достоинство человѣка и его честность!

Если такъ слабо было нравственное довѣріе людей другъ ко другу, то отсюда легко уже можно видѣть, какое слабое значеніе имѣло понятіе объ обязанности. Владиміръ Мономахъ, какъ лучший человѣкъ своего времени, хорошо понималъ всю безнравственность несоблюденія данныхъ обязательствъ и глубоко скорбѣлъ при видѣ этой язвы тогдашняго общества. Весьма трогательно онъ умоляетъ своихъ дѣтей не клясться и не творить крестнаго цѣлованія, если они не имѣютъ въ виду соблюсти клятвеннаго обѣщанія. „Не клянитесь Богомъ, ни хреститесь“, говоритъ онъ, „нѣту бо ти нужда никоея же; аще ли вы будете крестъ цѣловати къ братьи, или къ кому, али управивше сердце свое, на немъ же можете устояти, тоже цѣлуйте и цѣловавше блюдѣте, да не преступни погубите душѣ своей“. Соблюденіе крестнаго цѣлованія особенно было важно среди княжескихъ, политическихъ отношеній, такъ какъ оно въ большинствѣ случаевъ обезпечивало миръ страны и спокойное состояніе гражданъ, постоянно страдавшихъ отъ внутреннихъ усобицъ; а между тѣмъ, князья-то и нарушали, главнымъ образомъ, крестное цѣлованіе, данное другъ другу въ обезпеченіе неприкосновенности ихъ взаимныхъ мирныхъ отношеній. Такъ, извѣстенъ случай, бывшій съ великимъ княземъ Святопол-

¹⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт., т. I, стр. 78.

²⁾ Тамъ же, т. I, стр. 92.

комъ. Послѣ ослѣпленія Василька, по навѣту Давида Игоревича, Святополкъ, косвенный участникъ въ этомъ преступленіи, цѣловалъ крестъ—имѣть миръ съ Василькомъ и Володаремъ Ростиславичами и даже обѣщался отомстить Давиду войною, что онъ и исполнилъ, заставивъ бѣжать послѣдняго къ Ляхамъ. Между тѣмъ, вскорѣ тотъ же Святополкъ, безъ всякаго повода, двинулся на Ростиславичей. „И преступи Святополкъ крестъ, надѣясь на множество вой“, замѣчаетъ лѣтописецъ. Не смотря на то, что Василько напомнилъ Святополку его крестное обѣщаніе, Святополкъ все-таки вступилъ въ бой, въ которомъ, однако, потерпѣлъ поражение. Благочестивый лѣтописецъ, какъ видно, усматриваетъ въ этомъ пораженіи клятвoprеступника дѣйствіе воли Божіей, потому что замѣчаетъ, будто „мнози челоувѣци благовѣрнии видѣша крестъ надъ Васильковыи вой възвышѣся велики“, который, слѣдовательно, по мнѣнію лѣтописца, и содѣйствовалъ побѣдѣ Василька надъ Святополкомъ¹⁾. Случай со Святополкомъ не единственный, и лѣтописи представляютъ намъ сотни примѣровъ подобнаго нарушенія крестнаго цѣлованія. Особенно часто нарушали клятву Владимірко Галицкій и младшій сынъ Мстислава Великаго—Владиміръ. Твердостью въ соблюденіи крестнаго цѣлованія славился Владиміръ Мономахъ, что отчасти видно даже изъ Поученія: на предложеніе братьевъ идти на Ростиславичей, онъ твердо отвѣчалъ: „аще вы ся и гнѣваете, не могу вы ийти, ни креста переступить“; но и онъ однажды нарушилъ клятву относительно Половецкихъ хановъ, считая, вѣроятно, проступокъ противъ поганыхъ не столь великимъ грѣхомъ.

Требую отъ дѣтей-князей, по возможности, личнаго производства суда надъ своими подданными, съ цѣлью лучшаго соблюденія *правды* въ отношеніи къ нимъ, Мономахъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, заботится и о *милости* при произнесеніи приговора суда надъ преступникомъ: „Ни права, ни крива не убивайте, ни повелѣвайте убити его“, говоритъ онъ. Но къ чему Мономахъ совѣтуетъ исключать смертную казнь изъ числа наказаній за преступленія, когда и безъ того въ Русской Правдѣ за всякое преступленіе опредѣляется денежная пеня и вовсе нѣтъ упоминанія о смертной казни? Въ этомъ случаѣ приходится согласиться съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ, что Русская Правда была не полнымъ, официальнымъ сборникомъ законоположеній, который составилъ на основаніи существующей юридической практики, но

¹⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт., т. I, стр. 114.

допускала еще пользованіе, въ дѣлѣ суда, народными юридическими обычаями. Вслѣдствіе того могло быть, что нѣкоторые князья въ своихъ судебныхъ приговорахъ не ограничивались только обычными пенями, а употребляли въ дѣло и смертную казнь, что вызвало Мономаха на протестъ противъ смертной казни, несогласной съ болѣе распространенною тогда юридическою практикою. Очень можетъ быть также, что Мономахъ видѣлъ въ смертной казни не столько наказаніе, имѣющее цѣлю исправленіе нравственности преступника, сколько нѣчто въ родѣ мести за сдѣланное преступленіе, и какъ строгій блюститель нравственности, не могъ помириться съ мыслию, что судья въ своихъ приговорахъ будетъ руководиться не идеєю исправленія преступника, а духомъ мести. А духъ мести, этотъ остатокъ первобытнаго родового права, былъ весьма силенъ въ тогдашнемъ обществѣ и потому не могъ не возбудить въ Мономахѣ справедливаго желанія — искоренить его, какъ совершенно противоположный христіанскимъ воззрѣніямъ. Въ первобытныхъ обществахъ, въ которыхъ родовое общественное устройство бываетъ первымъ охранителемъ личности, родовая месть является единственною охраною чело­вѣческой безопасности. Священное право и обязанность мести есть первая нравственная связь чловѣка съ обществомъ, первая идея обязанности, которая была имъ сознаана и свято исполняема ¹⁾. Только государственная власть, — и то не въ первое время, когда она является чрезвычайно слабою, — могла замѣнить родовую месть; но духъ ея, унаслѣдованный вѣками, обыкновенно еще долго царилъ въ обществахъ. Наши лѣтописи представляютъ множество примѣровъ подобнаго явленія. Когда ослѣпленный Василько получилъ снова Тербовль, отнятый прежде у него, то „наставши веснѣ“, пошелъ вмѣстѣ съ братомъ Володаремъ — мстить Давиду Игоревичу за свое ослѣпленіе. Давидъ затворился во Владимірѣ. „Онѣма же (то-есть, Васильку и Володарю) ставшима около Всеволожа, и взяста копьемъ градъ и зажгоста огнемъ; и бѣгоша людье огня. И повелѣ Василько исѣчи вся, и створи мщенье на людехъ неповинныхъ, и проля кровь неповинну“ ²⁾. Нѣсколько времени спустя, онъ пришелъ къ городу Владимиру вытребовать какого-то Туряка, Василя и Лазаря, которые будто „намолили“ Давиду ослѣпить Василька. Турякъ успѣлъ бѣжать въ

¹⁾ Н. Хлѣбниковъ. Общество и государство въ до-монг. періодъ русск. исторіи. С.-Пб. 1872 г., стр. 112.

²⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт., т. I, стр. 113.

Кіевъ, а Василій и Лазарь были схвачены и выданы, и „заутра, по зарі, повѣсипа Василя и Лазаря и растрѣляипа стрѣлами Васильковичи... Се же второе мщеніе“, прибавляетъ лѣтописецъ, „его же не бише лѣпо створити; дабы Богъ отмстникъ былъ, и взложити было на Бога мщенье свое“ ¹⁾. Въ исторіи борьбы Изяслава II съ Юріемъ Долгорукимъ изъ-за Кіевского стола, былъ, между прочимъ, подобный же случай: Изяславъ изъ мести сжегъ городокъ у Юрія; Юрій собралъ войско и сказалъ: „Сожегъ мой городецъ, то и я отожду противу“ ²⁾.

Русская проповѣдь того времени глубоко сознавала весь нравственный вредъ отъ господствовавшаго въ догдашнемъ русскомъ обществѣ духа мести, дѣйствовавшаго въ разрѣзъ съ понятіемъ о христіанской любви къ ближнимъ, которая предписываетъ скорѣе платить добромъ за зло, нежели мстить, — и потому сильно возставала противъ укоренившагося противу-христіанскаго обычая мести. Такъ, еще Лука Жидята († 1059) въ одномъ изъ своихъ поученій трогательно взывалъ къ своей паствѣ: „претръните братъ брату и всякому человѣку, а не въздати зля за зло“ ³⁾. Въ одномъ древнемъ сборникѣ поученій, проповѣдникъ, глубоко возмущенный испорченностію людей, съ прискорбіемъ говоритъ, что такая нравственная порча происходитъ, между прочимъ, отъ того, что „вѣста... лютость на кротость, вѣста гнѣвъ на тихость, на любовь — пенависть... обида на смиреніе, разбой на братолюбіе... Тѣмже“, прибавляетъ онъ, великое есть требъ въздержаніе“ ⁴⁾. Въ другомъ сборникѣ говорится: „Аще бо воздержатися хоцещи отъ мясъ и рыбъ, то перифе останиси гнѣва и ярости... и всякия злоби“ ⁵⁾.

Удерживая судей отъ смертныхъ приговоровъ, Владиміръ Мономахъ не столько, можетъ-быть, боялся въ смертной казни проявленія невыносимаго для него духа мести, сколько страшился загубить душу преступника, котораго продолжалъ считать христіаниномъ, такъ какъ послѣдній чрезъ скорую смерть лишался времени, необходимаго для исправленія и покаянія. „Аще будетъ повиненъ смерти“ — и тогда „душа не погубяете никакой же хрестьяны“, говоритъ Мо-

¹⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт., т. I, стр. 114.

²⁾ Тамъ же, т. I, стр. 70.

³⁾ Русск. Дост. т. I, стр. 1—16.

⁴⁾ См. Памяти. стар. русск. лит., изд. вр. Кушелевымъ-Безбородко. Вып. 4-й. Спб. 1862, стр. 213.

⁵⁾ См. Сборн. Кирилло-Бѣлов. библи. за № 20/1118, л. 8 об.

номахъ. Какой христіански-гуманный взглядъ! Изъ этихъ словъ понятна та твердость и рѣшительность, съ которою современникъ Мономаха, митрополитъ Никифоръ, „печаловался“ предъ этимъ княземъ за осужденныхъ. Митрополитъ очень хорошо зналъ, что онъ имѣетъ дѣло съ образованнымъ и гуманнымъ княземъ-христіаниномъ, которому собственное его сердце подскажетъ личность тамъ, гдѣ слова защитника не будутъ достаточно убѣдительно. „О семь испытай, княже мой“, писалъ Никифоръ въ одномъ посланіи къ Мономаху, — „о томъ помысли: о изгнанныхъ отъ тебе, о осуженныхъ отъ тебе наказанія ради, о презрѣнныхъ; въспомани о всѣхъ, кто на кого изрекль и кто кого оклеветалъ, и самъ суди разсуди таковыя, и якоже отъ Бога наставляемъ, всѣхъ помани, и тако сътвори и отпусти, да ти ся отпустить и отдаждь, да ти ся отдасть. Аще бо не отдамы... грѣхопаденія чловѣкомъ, ни Отець небесный оставитъ намъ прегрѣшеній нашихъ“.... Чтобы князь не подумалъ, что митрополитъ дѣйствуетъ въ этомъ случаѣ по какимъ-либо частнымъ обстоятельствамъ, а не по наставленію церкви, Никифоръ прибавляетъ: „Нѣтъ, ради благовѣрія твоего, просто написалъ я такъ на воспоминаніе тебѣ, потому что великія власти великаго напоминанія требуютъ; великую пользу приносятъ онѣ и великимъ грѣхамъ подвержены“¹⁾.

Обычай печалованія, которымъ такъ знаменитъ былъ въ разсматриваемую эпоху митрополитъ Никифоръ, и который вошелъ въ особенное употребленіе въ позднѣйшее время, въ періодъ Московскаго единодержавія, составлялъ издавна неотъемлемое право духовенства, проистекавшее изъ того высокаго уваженія, какимъ оно пользовалось въ древней Руси. Это уваженіе было столь велико, что духовныя лица могли, напримѣръ, предупреждать войны между князьями и вообще мирить ихъ единственно своими увѣщаніями и миролюбивыми совѣтами, которые всегда бывали выслушиваемы князьями съ полною покорностію. Такъ, тотъ же митрополитъ Никифоръ, для предупрежденія войны между Рюрикомъ Ростиславичемъ и Всеволодомъ III, взялъ на себя клятву, данную Рюрикомъ зятю своему, Роману Волынскому, при чемъ сказалъ: „Князь, мы приставлены въ Русской землѣ отъ Бога — удержать васъ отъ кровопролитія“. Онъ же послѣ помирилъ и Рюрика съ Романомъ. Тимошей, духовникъ Мстислава Торонецкаго, помирилъ этого князя съ боярами. Когда Юрій Долгорукій хотѣлъ выдать Ярославу Галицкому двоюроднаго

¹⁾ Русск. Дост. т. I, стр. 72—73.

брата его Ивана Берладника на вѣрную гибель, то митрополитъ сталъ говорить Юрію: „Грѣхъ тебѣ, поцѣловавъ Ивану крестъ, держать его въ такой нуждѣ, а теперь еще хочешь выдать на убійство“, — и Юрій послушался митрополита ¹⁾). Въ тотъ вѣкъ, когда понятія о международномъ правѣ были слабы, и люди не стыдились убивать или задерживать пословъ, если рѣчи ихъ не нравились, послами обыкновенно отправлялись духовныя лица, потому что за нихъ меньше можно было опасаться, при всеобщемъ уваженіи къ ихъ сану. Отсюда понятно то благоговѣніе, съ какимъ Мономахъ говоритъ о почитаніи духовенства, требуя отъ дѣтей, чтобъ они не отклоняли отъ себя лицъ духовнаго сана, но съ любовью принимали ихъ благословенія и молитвы: „епископы и попы и игумены съ любовью взимаютъ отъ нихъ благословеніе, и не устраниваются отъ нихъ, и по силѣ любите и набдите, да примете отъ нихъ молитву отъ Бога“. Владиміръ и на самомъ дѣлѣ глубоко уважалъ духовенство, что видно особенно изъ отрыва о немъ лѣтописца: „Володимеръ бо такъ быше любезнивъ: любовь имѣи къ митрополитомъ и къ епископомъ и къ игуменомъ, паче же и чернецьскій чинъ любя и черница любя“... ²⁾ Такая же приверженность къ лицамъ духовнаго сана замѣчается въ лѣтописныхъ отрывахъ и о многихъ другихъ князьяхъ. Уваженіе къ духовенству въ древней Руси окрѣпло, благодаря счастливо сложившимся обстоятельствамъ. Въ исторіи введенія на Руси христіанства весьма замѣчателенъ тотъ фактъ, что христіанство, долго не проникая въ нравы русскихъ людей, такъ какъ первоначальная ихъ религія была религіею домашняго очага, а въ избу вообще трудно проникать, тѣмъ не менѣе, весьма скоро приняло господствующее положеніе въ странѣ. Такое быстрое принятіе христіанствомъ господствующаго положенія на Руси обыкновенно объясняютъ,—и это объясненіе пока самое лучшее,—тѣмъ, что языческая Русь не знала твердо сплоченной и сильной касты жрецовъ, которая противодѣйствовала бы введенію новой религіи, какъ мы видимъ то въ исторіи другихъ народовъ, у которыхъ часто случалось, что масса, возбужденная жрецами, имѣвшими сильное вліяніе на народъ, убивала первыхъ проповѣдниковъ христіанской религіи ³⁾). Отсюда естественно, что пришлое греческое

¹⁾ *Словесъ*, Ист. Россіи, т. III, стр. 74 и 75.

²⁾ *Полн. Собр. Русск. Лѣт.* т. I, стр. 112.

³⁾ Такое объясненіе впервые встрѣчается въ Исторіи Русской церкви Платона, митрополита Московскаго.

духовенство безъ труда прочно утвердилось на Руси, и благодаря своему происхожденію изъ передовой по образованности націи, оно легко повысило себя въ глазахъ полудикаго Русскаго народа и тѣмъ незамѣтно возбудило къ себѣ высокое уваженіе, тѣмъ болѣе, что многіе изъ первыхъ русскихъ митрополитовъ дѣйствительно были люди, въ высшей степени достойные своего высокаго сана. Этому же много способствовали примѣры первыхъ князей, которые, желая обезпечить положеніе духовенства, давали ему значительныя права и преимущества и даже десятину отъ княжескихъ доходовъ. До насъ дошли церковныя уставы св. Владиміра и Ярослава I, въ которыхъ подробно излагаются такія права и преимущества духовенства, какихъ оно не имѣло въ Византійской имперіи. Такъ, на примѣръ, въ церковномъ уставѣ св. Владиміра, этотъ князь говоритъ, что онъ создалъ церковь св. Богородицы (каедрa митрополита) въ Кіевѣ и далъ этой церкви десятину по всей землѣ Русской, „отъ всего княжа суда десятую векшю, изъ торгу десятую недѣлю, изъ домовъ на всяко лѣто отъ всякаго стада и отъ всякаго жита“; въ другомъ мѣстѣ устава говорится, что Владиміръ „сгадалъ“, что не прилично князю, боярамъ, судіямъ, дѣтямъ его и всему роду судити „судовъ церковныхъ“ и вступаться въ „церковныя люди“, а что это онъ предоставилъ митрополиту и епископамъ по всей Руси, и затѣмъ изчисляются преступленія, подлежащія суду церкви ¹⁾. Заботу о приличіи содержаніи духовенства можно видѣть также изъ уставной грамоты Новгородскаго князя Всеволода Мстиславича, данной церкви св. Юанна Предтечи на Опокахъ ²⁾. Сюда же относится уставъ, данный Святославомъ Ольговичемъ въ 1137 году Новгородскому Софійскому собору ³⁾ и уставная грамота Смоленскаго князя Ростислава Мстиславича, данная епископіи Смоленской въ 1150 году ⁴⁾. Все это ука-

¹⁾ Макарій, Ист. русск. церкви т. I, стр. 143—144.

²⁾ Доп. Акт. Ист. т. I, № 3.

³⁾ Русск. Дост. т. I, стр. 82.

⁴⁾ Доп. Акт. Ист. I, № 4. Впрочемъ, говоря о правахъ и привилегіяхъ духовенства, нужно строго различать между высшимъ, монашествующимъ духовенствомъ и бѣлымъ, приходскимъ. Приходское духовенство далеко не имѣло такихъ имущественныхъ привилегій, какими пользовалось высшее, и матеріальныя условія жизни приходскаго духовенства были весьма неудовлетворительны, хотя въ разсматриваемую эпоху однако были несравненно лучше, нежели въ послѣдній періодъ русской жизни. Тѣмъ не менѣе, и высшее, и низ-

зываетъ на высокое уваженіе, какое питали князья къ духовенству. Но и остальное общество было также не чуждо уваженію къ лицамъ духовнаго сана. Въ памятникахъ XII вѣка читаемъ: „Подвиги святыхъ монаховъ сіяютъ чудесами больше мірской власти и ради ихъ *мірскіе вельможи* преклоняютъ главу свою предъ монахами“; а епископъ Симонъ пишетъ къ печерскому иноку Поликарпу: „Смотри, какъ-уважаютъ тебя здѣсь и князья и бояре и *всѣ друзья твои*“¹⁾. Къ тому-жь и русская проповѣдь того времени не мало старалась возбуждать и поддерживать въ народѣ уваженіе къ духовнымъ лицамъ, указывая на святость носимаго ими сана и даже прямо предписывая слушаться духовныхъ особъ. Лука Жидята говорилъ: „Еремъ Божию чтите“²⁾. Пр. Феодосій (Несторъ въ „Житіи Феодосія“) говорилъ великому князю Святославу: „Подобасть намъ обличати и глаголати на спасеніе души; вамъ же лѣно есть послушати того“³⁾. Въ „Словѣ како чтити пресвитера“ говорится, что пресвитеровъ не только пужно почитать, но и давать имъ матеріальное обезпеченіе: „добрѣ чьстите я (то-есть, пресвитеровъ)... и *потребнаа* давайте имъ“. Далѣе прибавляется: „аще бо слугы земныхъ князей чтите, колими паче небеснаго Царя достойную честь и дары даяти“⁴⁾; то-есть, если ближайшимъ слугамъ земнаго царя оказываютъ обыкновенно уваженіе, то тѣмъ болѣе нужно воздавать честь и жертвовать своимъ имуществомъ для лицъ духовнаго сана, которыя суть ближайшія слуги небеснаго Царя — Бога.

Итакъ, говоря объ отношеніи власти къ подданнымъ, Владиміръ Мономахъ требуетъ отъ дѣтей-князей прежде всего заботы объ истинномъ правосудіи въ ихъ вотчинахъ, въ частности же соблюденія на судѣ принципа правды и милости. Далѣе, онъ совѣтуетъ строго соблюдать крестное цѣлованіе, данное князьями въ обезпеченіе мира страны; наконецъ, проситъ князей во всемъ руководиться любовію къ своимъ подданнымъ, особенно любить лицъ духовнаго сана, которыхъ, кромѣ того, уважать и слушаться ихъ совѣтовъ.

шее духовенство почти одинаково пользовалось глубокимъ уваженіемъ тогдашнихъ русскихъ людей.

¹⁾ Памят. слов. XII вѣка, стр. 127, 249; ср. *Соловьевъ*, Ист. Росс., III, стр. 76.

²⁾ Русск. Дост. т. I, стр. 1 — 16.

³⁾ См. Патерскій Печерникъ.

⁴⁾ Сбор. Кирил.-Вѣл. библ. за № 20/1115, лис. 107 об.

IV.

Отношенія человѣка къ самому себѣ и взаимныя отношенія между людьми.

Внѣшнее сходство между Поученіемъ Мономаха и Домостроемъ Сильвестра. — Внутренняя разница по принципамъ того и другаго. — Мономахъ—противъ гордости ума и гордости въ сердцѣ. — Л. Жидята и І. Черноризецъ. — Предписанія Поученія, какъ должно вести себя дома и въ людяхъ. — Мелочность подобныхъ же предписаній Домостроя. — Мономахъ—противъ лѣви. — Мономахъ—о починныхъ поклонахъ. — Ночные поклоны отгоняютъ діавола и омываютъ дневные грѣхи. — Демоническія силы въ русскомъ язычествѣ начинаютъ свою дѣятельность при наступленіи ночи. — «Первое къ церкви». — Ревность къ посѣщенію храмовъ. — Мономахъ—о полуденномъ свѣ. — «Полудницы». — Мономахъ—противъ лжи. — Мономахъ—противъ пьянства. — Развитие этого порока въ древней Руси. — Русская проповѣдь противъ пьянства. — Мономахъ—противъ пороковъ грубой чувственности. — Безнравственность русскихъ язычниковъ. — Любовь къ чувственнымъ удовольствіямъ въ русскомъ обществѣ до-татарской эпохи. — Свидѣтельства лѣтописи Татищева и сомнѣнія Карамзина. — Уставъ Ярослава І и правила митрополита Іоанна ІІ о преступленіяхъ противъ нравственности. — Проповѣдь противъ блуда. — Христіански-гуманный взглядъ Мономаха на отношенія между людьми. — Отношенія между мужемъ и женою. — Взглядъ церкви на эти отношенія. — Взглядъ Мономаха. — Женскій вопросъ и его разрѣшеніе въ древнемъ русскомъ обществѣ. — Точка зрѣнія на этотъ вопросъ. — Положеніе женщины у первобытныхъ Славянъ и въ русскомъ обществѣ до-татарской эпохи. — Новый, только что появившійся на Руси, отрицательный взглядъ на женщину. — Даниилъ Заточникъ. — Іеродиаконъ Кирикъ. — Мономахъ и отчасти русская проповѣдь того времени — противъ такого отрицательнаго взгляда. — Выводъ. — Дальнѣйшія предписанія Мономаха. — Заключительная мысль всего Поученія — о промыслѣ Божіемъ. — Заключение.

Третья мысль, которую развиваетъ въ своемъ Поученіи Мономахъ, показываетъ, какъ долженъ человѣкъ относиться къ самому себѣ, а также опредѣляетъ взаимныя отношенія людей между собою. Вся эта часть Поученія, по своему внѣшнему виду, представляетъ ничто иное, какъ рядъ нравственныхъ правилъ поведения человѣка въ его обыкновенномъ повседневномъ бытѣ, и съ этой стороны, имѣетъ большое внѣшнее сходство съ Домостроемъ попа Сильвестра¹⁾, также опредѣлявшимъ обыкновенный повседневный бытъ русскаго человѣка своего времени. Но какая огромная внутренняя

¹⁾ Сильвестровскій Домострой въ своемъ полномъ видѣ напечатанъ во *Временникъ Общ. ист. и древн. російск.* 1849 г., кн. I. Новое изданіе 1867 года сдѣлано г. Яковлевичемъ.

разница между домостроемъ древнѣйшей Руси и домостроемъ XVI вѣка. На сколько нравствененъ принципъ домостроя Мономахова, на столько же, можно сказать, безнравствененъ (въ смыслѣ отсутствія нравственной идеи) принципъ домостроя Сильвестрова. У Сильвестра всюду видно начало уклончивости, примѣнительности къ жизни и угодливости къ людямъ. Множество его наставленій направлены именно къ тому, чтобы научить—какъ ужиться съ разными людьми въ жизни, и при этомъ только по возможности сохранять правду, жертвуя при случаѣ ею, чтобы не поспориться съ несправедливыми людьми и тѣмъ не повредить ни своимъ добрымъ къ нимъ отношеніямъ, ни другимъ своимъ интересамъ. Такой принципъ уклончивости, примѣнительности и угодливости людямъ, который въ жизни легко переходитъ въ совершенное равнодушіе къ правдѣ и неправдѣ и въ потворство неправдѣ, такой принципъ въ концѣ концовъ можетъ привести къ совершенному безразличію общественнаго мнѣнія и суда надъ людьми несправедливыми, къ уничтоженію прямыхъ и искреннихъ отношеній между людьми и къ совершенному ослабленію нравственной жизни общества ¹⁾. Совсѣмъ не таковъ взглядъ Мономаха. Не только въ разсматриваемой части Поученія, но и во всемъ этомъ произведеніи, мы не найдемъ ничего сходнаго съ принципомъ Сильвестра. Русскій человѣкъ XII вѣка гораздо нелицемернѣе смотрѣлъ на людскія отношенія и болѣе вѣрилъ въ искренность этихъ отношеній, нежели русскій же человѣкъ XVI вѣка, и въ противоположность послѣднему, скорѣе былъ готовъ пожертвовать собственными интересами за правду, чѣмъ примѣняться къ обстоятельствамъ, льстить и угождать несправедливымъ людямъ. Вотъ въ какую дурную сторону уклонилась нравственная жизнь XVI вѣка, очевидно, еще носившая тогда мрачные слѣды ужаснаго двухвѣковаго рабства азіатскимъ варварамъ. Но за то какъ свѣжи, какъ отрадны понятія молодой, еще не испорченной гѣсударственными бѣдствіями, до-татарской Руси! Ея безхитростныя понятія являются подчасъ даже наивными, въ которыхъ пріятно звучитъ юношеская неопытность народа сравнительно съ отталкивающею и холодною старческою разчетливостію современниковъ Сильвестра. Сильвестръ совѣтуетъ, напримеръ, угостить, а иногда и подарить заѣзжаго кушца съ тѣмъ практическимъ разчетомъ, чтобы купцы, зная гостепримство человека, „мимо его добраго товара не продали“ (гл. XL). Мономахъ

¹⁾ *Праг. Соб.* 1860. Ноябрь, стр. 303.

также предписываетъ гостепрѣимство, особенно къ чужеземцамъ, но совсѣмъ не съ такимъ сухимъ матеріальнымъ разчетомъ, какой обнаруживается у Сильвестра. Какъ всякій человѣкъ, Мономахъ не лишенъ былъ вѣвотораго тщеславія; но это чувство выражается у него до крайности наивно, просто и добродушно. Онъ потому совѣтуетъ угощать чужестранцевъ, что они мимоходомъ прославятъ человѣка по всѣмъ землямъ. „Болѣе же чтите гостя“, предписываетъ Мономахъ, „откуда же къ вамъ придетъ, или просто, или добръ, или солъ, аще не можете даромъ—брашномъ и пѣтьемъ, ти бо мимоходачи прославятъ человѣка по всѣмъ землямъ, любо добрымъ, любо злымъ“.

Опредѣляя отношенія, въ конхъ человѣкъ долженъ стоять въ самому себѣ, Мономахъ требуетъ не имѣть гордости ни въ сердцѣ, ни въ умѣ: „паче всего гордости не имѣйте въ сердци и въ умѣ; но рцемъ: смертни есми, днесъ живи, а завтра въ гробъ“. Онъ хорошо понималъ, что гордость есть величайшій порокъ, который препятствуетъ человѣку идти по пути къ нравственному самоусовершенствованію. Гордость ума дѣлаетъ человѣка обыкновенно заносчивымъ, заставляетъ его вичиться нерѣдко мнимыми достоинствами и чрезъ то забывать, что всѣ люди равны, какъ по происхожденію отъ одного Творца, такъ и по одинаковой смертности всего вообще чело-вѣчества. Вотъ почему онъ совѣтуетъ постоянно помнить о смертномъ часѣ: „смертни есми, днесъ живи, а завтра въ гробъ“, такъ какъ памятованіе о смерти, всегда готовой встрѣтить человѣка, всего лучше умѣряетъ гордость. Но еще болѣе могла казаться Мономаху недостойною христіанина — гордость въ сердцѣ, такъ какъ эта гордость окончательно уничтожаетъ христіанскую любовь къ ближнимъ, дѣлаетъ человѣка безсердечнымъ и безучастнымъ къ несчастіямъ ближнихъ. Онъ совѣтуетъ постоянно говорить себѣ: „се все что ны (ты) еси (Господи) вдаль, не наше, но твое, поручилъ ны еси на мало дній“, — и въ силу этой мысли онъ прибавляетъ: „въ земли не хороните, то ни есть великъ грѣхъ“, то-есть, не копите, не прячьте въ землю своихъ прибытковъ, но раздавайте неимущимъ вашимъ ближнимъ, ибо прятать—великій грѣхъ. Впрочемъ, не одинъ Мономахъ понималъ, какое великое зло для нравственности приноситъ человѣку гордость. Самая ранняя христіанская проповѣдь на Руси уже вооружалась противъ этого порока. Еще Лука Жидята говорилъ: „Вуести не имѣй, ни гордости поминай.... яко утро будещи смрадъ, гной и червие... въ гордаго бо ссрдци дѣволъ сѣдитъ, и Божие

слово не хоцеть прилнути ему" ¹⁾. Іаковъ Черноризецъ въ своемъ посланіи къ великому князю Ізяславу предостерегалъ послѣдняго отъ гордости: „Влюдися убо.... гордости: сему убо Господь противляется" ²⁾. Въ словѣ „како жити христіаномъ" предписывается: «первѣе останися... гордости" ³⁾. Развивая далѣе свою мысль, направленную противъ человѣческой гордости, Мономахъ совѣтуетъ ко всѣмъ относиться съ почительностію, уважая въ каждомъ человѣка: „старыя чти, яко отца, а молодыя, яко братію". Подобнымъ же образомъ говоритъ Лука Жидята, когда повелѣваетъ одинаково чтить старика и родителей: „Чтите стара человѣка и родителя своя" ⁴⁾. Впрочемъ, уваженіе къ старшимъ по возрасту было вообще характеристическою чертою древней русской жизни, какъ остатокъ первобытнаго родового права, такъ что даже самый порядокъ престолонаслѣдія былъ основанъ на правахъ старшинства.

Опредѣливъ внутреннее отношеніе челонѣка къ самому себѣ, Мономахъ старается указать нѣкоторыя правила внѣшняго поведения челонѣка у себя дома и въ обществѣ. Съ этой стороны, Поученіе Мономаха особенно близко сходится съ Домостроемъ Сильвестра, содержащимъ, главнымъ образомъ, наставленія—какъ вести себя дома и въ людяхъ. Но и тутъ нельзя не отдать превосходства Мономаху предъ Сильвестромъ. Сильвестръ непріятно поражаетъ мелочностію своихъ наставленій, часто совершенно излишнихъ. Мелочность Сильвестра доходитъ иногда до того, что онъ, напримѣръ, совѣтуетъ покупать хозяйственные припасы въ свое время (гл. XL), покупать не по мелочамъ, а массою (XLI), купленные припасы сберегать, чтобъ они не испортились или не были раскрадены. Такъ всюду и проглядываетъ черствый, практический и разчетливый умъ Сильвестра, который выше всего на свѣтѣ ставитъ, чтобъ „у рубля полтина сбереглась". Гораздо проще и короче касается всего этого Мономахъ. Онъ говоритъ только: „въ дому своемъ не лѣнитесь, но все видите",— и этого достаточно: тутъ ясно, что домохозяину не должно лѣниться, но за всѣмъ самому смотрѣть, а при такихъ условіяхъ само собою все будетъ въ порядкѣ. Далѣе у Мономаха прибавляется: „не зрите на тивуна, ни на отрока, да не посмѣются приходящии къ

¹⁾ Русск. Дост. т. I, стр. 9.

²⁾ См. *Макарій*, Ист. р. ц. т. II, стр. 303, прим. 254.

³⁾ См. Сбор. Кирилло-Бѣлозерск. библ. за № 22/1112, л. 8 об.

⁴⁾ Русск. Дост. т. I, стр. 9.

вамъ, и дому вашему, ни обѣду вашему“, — и затѣмъ онъ снова говоритъ противъ лѣни, особенно на войнѣ, во время которой совѣтуетъ не предаваться продолжительному сну и даже по возможности не снимать оружія во время сна, такъ какъ отъ лѣности не трудно погибнуть на войнѣ: „лѣнностями внѣзпну бо человекъ погыбаеть“. Владиміръ Мономахъ, какъ замѣтно, почему-то особенно часто говоритъ въ своемъ Поученіи противъ лѣности. Въ одномъ мѣстѣ Поученія онъ въ слѣдующихъ словахъ опредѣляетъ лѣность и указываетъ на дурные результаты этого порока: „лѣность бо всему мати, еже умѣеть, то забудеть, а его же не умѣеть, а тому ся не учить; добръ же творяще, не мозите ся лѣнити ни на что же доброе“. Не указываютъ ли такія настойчивыя и частыя повторенія наставленій не лѣниться на то, что наши предки отличались неповоротливостію, апатичностію въ веденіи своихъ дѣлъ и отсутствіемъ подчасъ необходимой энергіи? Если эта особенность русскаго характера и въ настоящее время даетъ иногда себя знать, то съ большою вѣроятностію можно предположить то же самое и у современниковъ Мономаха. Отсутствіе необходимой жизненной энергіи и лѣнивый, неподвижный характеръ древняго русскаго человека даже побудили русскую проповѣдь того времени употребить свое слово противъ указаннаго общаго недостатка. Въ „поученіи лѣнивымъ, иже не дѣлають“, между прочимъ, говорится слѣдующее: „Възбужайте спящая и на дѣло подвизайте ихъ лѣнивыхъ. Аще бо земныя убѣгаете страдъ (трудоу) вы, то небесныхъ не узрите благыхъ, иже дѣлательмъ Богъ общалъ есть. Отъ труда убо здравіе и отъ страды—спасеніе; лѣнивыи же, по апостолу, да не ясть.... Лѣность бо всѣмъ дѣломъ злыма есть.... кто убо на дѣло лѣнивъ, той и о души своей не подвизается“¹⁾.

Весьма наивны и простосердечны предписанія Мономаха относительно почныхъ поклоновъ, которые всего лучше отгоняють діавола, имѣющаго ночью, по понятіямъ нашихъ предковъ, особенную власть и силу надъ людьми. „Не грѣшите“, говоритъ Мономахъ, „ни одну же ночь, аще можете поклонитесь до земли, али вы ся начнетъ не мочи а трижды; а того не забываете, не лѣнитесь, тѣмъ бо ночнымъ поклономъ и пѣньемъ человекъ побѣждаетъ дьявола, а что въ день согрѣшить, а тѣмъ человекъ избываетъ“. Убѣжденіе нашихъ предковъ въ томъ, что діаволь имѣеть большую силу надъ людьми по ночамъ, сохранялось на Руси отъ далекихъ временъ язычества, по

¹⁾ См. Сборн. Кирилло-Бѣлоз. за № 30/1115, лис. 50 об. и 51.

вѣрованіямъ котораго темныя демоническія силы боятся дневнаго свѣта и начинаютъ свою дѣятельность только при наступленіи ночи и преимущественно въ темныхъ мрачныхъ мѣстахъ, какъ-то: въ дремучихъ лѣсахъ, топкихъ болотахъ и водяныхъ омутахъ. Что такое убѣжденіе дѣйствительно было весьма распространено въ старину, и что при этомъ наши предки вѣрили въ могучую силу ночныхъ поклоновъ и молитвъ для отгнанія діавола, это подтверждается старинными сборниками поученій, въ которыхъ перѣдко можно встрѣтить поученія съ такими заглавіями, какъ „Слово о снѣхъ ноцныхъ“, или „Слово како встаяти въ ноцъ молитесе“. Вотъ что говорится въ одномъ изъ такихъ поученій: „Въстани отъ сна и извлеци си мечь, и стани крѣпцѣ по силѣ своей и помолися отъ всея душа, и тако Богъ поможетъ ти скоро и подастъ ти крѣпость и силу—побѣжати врагы невидимы“... Дальнѣйшія слова до буквальной сходны со словами Мономаха: „А егда ложася спати, то не погрѣши ни единой ноци не кланявся, но елико помога по силѣ, тѣмъ поклоняніемъ побѣждаетъ челоувѣкъ діавола, а тѣмъ избываетъ грѣховъ, иже согрѣшилъ того дни“¹⁾.

Утромъ вставать послѣ сна Мономахъ предписываетъ до солнечнаго восхода: „да не застанеть васъ солнце на постели“. Пробудившись, нужно „первое къ церкви“ и „заутреню“ отдать „Богови хвалу“. Такимъ образомъ, Мономахъ предписываетъ начинать день молитвою во храмѣ. Надобно замѣтить, что въ древней Руси частое посѣщеніе храмовъ было въ большемъ употребленіи, особенно между князьями. Смоленскій князь Давидъ Ростиславичъ ежедневно посѣщалъ церковь. Съ Владиміромъ Галицкимъ случился ударъ, когда онъ шелъ отъ вечерни; а про Андрея Боголюбскаго въ лѣтописи говорится, что онъ „къ заутрени въ ноцъ входящеть въ церковь и свѣщи вжигивашеть самъ“²⁾. Такая же ревность къ посѣщенію храмовъ, по всей вѣроятности, была распространена и въ остальномъ русскомъ обществѣ того времени. Между нѣкоторыми существовало даже убѣжденіе, что тотъ, кто часто опускаетъ бывать въ церкви за утреню, не спасется. Въ словѣ „о не вѣстающихъ на утреню“ прямо сказано: „аще бо ся обленити на заутреню вѣстати... то не спасешся“³⁾.

¹⁾ См. Сборн. Кирилло-Бѣлов. за № 22/1115, л. 33.

²⁾ См. *Поюдимъ*. Древн. Русск. Ист. М. 1871. Т. II, стр. 514.

³⁾ См. Кирилло-Бѣлов. библ. за № 22/1115, л. 79.

Безъ сомнѣній, имѣя въ виду своихъ дѣтей-князей, Мономахъ совѣтуетъ немедленно же послѣ молитвы „сѣдше думати съ дружиною, или люди оправливати, или на ловъ ѣхати, или поѣздити, или лечи спати“. „Спаише“, замѣчаетъ Владиміръ, „естъ отъ Бога присуждено полудне, отъ чина бо почиваетъ и звѣрь и птицы и человѣци“. И дѣйствительно, обычай послѣобѣденнаго, полуденнаго сна былъ во всеобщемъ употребленіи въ древнее время. „И придоша (Шоловцы) въ монастырь Печерскій“, рассказываетъ лѣтописецъ, „намъ сущимъ по кельямъ почивающимъ по заутрени“¹⁾, то-есть, послѣ утрени, около полудня. Несторъ въ житіи пр. Феодосія рассказываетъ про нѣкоего Судислава Геусевича, который далъ обѣщаніе пожертвовать двѣ гривны золота и вѣнецъ на икону Богородицы въ монастырь Феодосія, но забылъ исполнить. „И се по днѣхъ нѣкихъ спящу ему въ полудне“, явилась ему икона, напоминая о данномъ обѣщаніи²⁾ „Приде Святоша и Путята. Давыдовимъ воемъ облажащимъ градъ, въ полуденъс Давыдови спящу“ говорится въ лѣтописи³⁾. Обычай полуденнаго сна ведетъ свое начало изъ отдаленной древности. По стариннымъ мифическимъ представленіямъ древнихъ языческихъ Славянъ, въ полдень, преимущественно на поляхъ, являются какія-то духовныя существа, называемыя *полудницами* (у Лужичанъ *prezrolnica, gripolnica*) съ серпами въ рукахъ, и всякаго, замѣшкавшагося на работѣ, эти полудницы оспаиваютъ, начинаютъ спрашивать: какъ обработывать и прѣсть ленъ и т. п., и кто не устоитъ противъ расприсовѣ, тому срубятъ голову серпомъ⁴⁾. Отсюда сонъ въ полдень — самое лучшее средство къ тому, чтобъ избѣжать пагубной встрѣчи съ полудницами.

„Лжѣ блюдиша и пьянства и блуда, въ томъ бо душа погыбаетъ и тѣло“. предписываетъ Мономахъ. Мы не станемъ говорить о лжи, пороки весьма естественномъ въ то темное время, когда нравственное сознаніе на столько было еще слабо, что многіе даже не признавали и порока во лжи. Перейдемъ къ тѣмъ порокамъ, которые достигли наибольшаго развитія въ тогдашнемъ обществѣ, такъ что вызвали Мономаха сдѣлать предостереженіе противъ нихъ своимъ современникамъ. Эти пороки были — пьянство и грубый развратъ.

¹⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. Т. I, стр. 99.

²⁾ Патерикъ Печерскій.

³⁾ См. *Полудникъ*. Древн. Русск. Ист. Т. II, стр. 515.

⁴⁾ См. *Буслаевъ*. Ист. очер. русск. слов. и иск. Т. I, стр. 233.

Нетрезвостію въ жизни въ древнее время отличались и сами князья, которые тѣмъ подавали дурной примѣръ и остальному русскому обществу. На старинномъ языкѣ слово *пировати* было синонимомъ слова *пити*, тѣмъ самымъ означая, въ чемъ преимущественно состояло пированіе. Одно это уже, какъ нельзя больше, показываетъ, что выраженіе Владимира Святаго: „Руси есть веселіе пити“ надолго не утратило своего значенія. Уже въ особенную похвалу внуку св. Владимира — Всеволоду говорится о воздержаніи его отъ пьянства. Въ лѣтописяхъ весьма часты указанія на то, что князья пили. Подъ 1115 годомъ разказывается, что при перенесеніи мощей свв. Бориса и Глѣба князья „обѣдоша у Олега и пиша“. Подъ 1150 годомъ говорится, что при нападеніи Изяслава Мстиславича, Борисъ Георгиевичъ „пьяшетъ въ Вѣлѣгородѣ на сѣньници съ дружиною своею и съ попы Бѣлогородскими“. Про Владимира Галицкаго (подъ 1188 годомъ) говорится, что онъ „бѣ... любезнивъ питію многому“, и т. д. ¹⁾. Что касается массы народной, то уже въ XII вѣкѣ является возможность пользоваться развитіемъ въ ней пьянства для пополненія казны. Въ грамотѣ Ростислава Смоленскаго, между прочимъ, говорится: „а отъ корчмовъ не знаю что получится“ ²⁾. Но самое вѣрное и точное понятіе о размѣрахъ нетрезвости, существовавшей въ древней Руси, можно составить на основаніи русской проповѣди того времени, направленной противъ пьянства. Лука Збидята говорилъ только: „не пій безъ года, но въ мѣру, а не въ пиянство“ ³⁾; а Іаковъ Черпорицець уже прямо говорятъ противъ запоя: „блюдися убо запоиства, того бо духъ свѣтлый бѣгаетъ“ ⁴⁾. Позднѣйшіе проповѣдники несравненно сильнѣе вооружаются противъ этого порока, что указываетъ на возрастаніе пьянства съ теченіемъ времени. Вотъ въ какихъ словахъ митрополитъ Никифоръ изображаетъ ужасы пьянства: „Пьянство — вольный бѣсъ, пьянство—дѣти діавола, пьянство—уму смерть, погубивый бо умъ скотины пуци есть.. Сіа.. азъ сказалъ смь, да не своихъ носрамлю: да не буди то; како бо я отъ души люблю?—но да таковое зло отжну отъ нихъ въ постное время—піанство“ ⁵⁾. Въ одномъ старинномъ поученіи весьма замѣчательно сужденіе проповѣдника касательно чело-

¹⁾ См. *Полодинъ*. Др. Русск. Ист. М. 1871, т. II, стр. 511.

²⁾ Дополн. Акт. Ист. Т. I, № 4.

³⁾ Русск. Дост. т. I, стр. 1—16.

⁴⁾ См. *Макарій*, Ист. русск. церкви, т. II, стр. 303, прил. 254.

⁵⁾ Тамъ же.

вѣка, подверженнаго пьянству. Бѣсноватаго, говоритъ онъ, не трудно вылѣчить; „Пришедъ бо іереи сѣтворятъ молитву бѣсному—проженеть бѣса; а падъ піанымъ, аще бы всея земли сошлись попове и творили быша молитвы, то не могутъ прогнати самовольнаго бѣса—запойства злаго“¹⁾. Изъ обращенія, сдѣланнаго въ „Словѣ святыхъ отецъ о піанствѣ“, можно заключить, что этому пороку были подвержены не только мужчины, но и женщины: „О, братіе и сестры“, говорится въ словѣ,—„бѣгайте піанства; пійте мало страхомъ Божиимъ“²⁾. Изъ 35 правила митрон. Іоанна II видно, что и духовенство не всегда отличалось трезвостію. Вотъ какъ читается это правило: „И еже іерсем до упиванія нач піющимъ іерсемъ сице речемъ: яко апостоль послелеваетъ ни піаници, ни яра, ни сварлива во іерейскій припести санъ: а еже по поставленіи іерееове упиватися начнутъ, воложити ѱ во отлученіе, да покорившеса закону Господню, піанства отлучаются. Аще ли не лишатся піанства—извержени ѱ“³⁾. Отъ Кирилла II митрополита Кіевскаго (1243—1280) до насъ дошло „Почуеніе къ попомъ“, подтверждающее то же самое. Митрополитъ прежде всего раскрываетъ высокое достоинство священническаго сана и излагаетъ обязанности христіанскаго пастыря; затѣмъ, обращаясь къ іереямъ, говоритъ между прочимъ: „Блюдитесь отсель всякаго грѣха: не работайте плоти, отстанте отъ *пьянства* и объяденія“ и т. д.⁴⁾. Пьянство въ народѣ доходило иногда до такихъ ужасающихъ размѣровъ, что пьяная толпа нерѣдко затѣвала драки, оканчивавшіяся иногда убійствами. Въ „правилѣ“ того же митрополита Кирилла, этотъ святитель съ ужасомъ говоритъ о такомъ повальномъ пьяномъ неистовствѣ: „Наки же увѣдѣхомъ бесовская еше держаще обичая треклятыхъ елипъ, въ божествыня праздныки позоры нѣкаки бесовския творити, съ свистаниемъ и съ кличемъ и въплемъ съзывающе нѣки скарѣдныя *пьяница*, и бьющеса дрьколѣмъ до самыя смерти“⁵⁾.

Предостереженіе Мономаха: „блюдися... блуда“ вызвано было также крайнею потребностію тогдашняго общества въ такомъ предостереженіи, такъ какъ глубокой развратъ пріобрѣлъ въ то время, можно

¹⁾ См. Сборн. Кирилло-Вѣлоз. библ. за № 26/1115, л. 107 об.

²⁾ См. Сборн. Кирилло-Вѣлоз. библ. за № 26/1115, л. 107 об.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ «Почуеніе къ попомъ» напечат. въ *Прибавленіяхъ къ Твор. св. отц.* 1843, стр. 428—432.

⁵⁾ Русск. Дост. т. I, стр. 114.

сказать, право гражданства. Впрочемъ, склонностью къ чувственнымъ удовольствіямъ отлачались Русскіе Славяне и во времена язычества. У Нестора есть весьма любопытное описаніе нравовъ нѣкоторыхъ русскихъ языческихъ племенъ: „Родимичи и Вятичи и Сѣверъ одинъ обычай имяху: живиху въ лѣсѣ, якоже и всякій звѣрь, ядуще все нечисто, срамословье въ нихъ предъ отцы и предъ снохами, браци не бываху въ нихъ, но игрища между селы. Схожахуся на игрища, на плясанье, и на вся бѣсовская игрища, и ту умыкаху жены собѣ... имяху же по двѣ и по три жены“ ¹⁾. Если раньше тотъ же Несторъ въ большую похвалу ставитъ Полянамъ, что они „стыденье имѣху къ снохамъ своимъ и къ сестрамъ, къ матеремъ и къ родителямъ своимъ, и къ свекровемъ и къ деверемъ“ ²⁾, то это показываетъ, что вышеописанныя явленія были весьма обычными между русскими язычниками, при чемъ игрища, на которыхъ главнымъ образомъ совершались всѣ эти ужасы разврата, были несомнѣнно религіознаго происхожденія. Кромѣ того, у арабскаго писателя Ибнъ-Фоцлана можно найти множество свидѣтельствъ о безнравственности русскихъ язычниковъ. Про Владимира Святаго, когда онъ былъ еще язычникомъ, въ лѣтописи говорится, что онъ „бѣ несеть блуда, приводя къ собѣ мужьски жены и дѣвицѣ растыли, бѣ бо женолюбець“ ³⁾. Христіанство, благодаря своему нравственному значенію, внося цивилизующую силу въ народъ, нѣсколько умѣриетъ въ немъ необузданную страсть къ чувственнымъ наслажденіямъ; но и оно, особенно на первое время, не въ силахъ успѣшно бороться противъ этой страсти, какъ мы ясно видимъ то изъ исторіи Руси, въ которой, и послѣ введенія христіанства, любовь къ чувственнымъ наслажденіямъ надолго не ослабѣла, хотя проявилась и не такъ цинично, какъ въ языческой Руси.

Касательно безнравственности на Руси въ разсматриваемую нами эпоху особенно много фактовъ собрано у Татищева, который приводитъ ихъ преимущественно изъ исторіи XII вѣка. Для примѣра возьмемъ князя Юрія Владиміровича. „Юрій хотя имѣлъ княгиню, любви достойную, и ее любилъ, но притомъ многихъ женъ подданныхъ своихъ навѣщалъ, и съ ними болѣе, нежели со княгинею, веселился: ночи сквозъ на скомпѣхъ (музыка) проигрывая и пія препроводилъ,

¹⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт., т. I, стр. 6.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Тамъ же, стр. 34.

чѣмъ многіе вельможи его оскорблялись, а младше... въ томъ ему совѣтомъ и дѣломъ служили" ¹⁾. Правда, Карамзинъ (а за нимъ и нѣкоторые другіе) сомнѣвался, какъ извѣстно, въ подлинности Татищевской лѣтописи, признавая се отчасти за поддѣлку; но по крайней мѣрѣ въ описанномъ Татищевымъ фактѣ распущенности на Руси въ XII вѣкѣ нѣтъ ничего невѣроятнаго, и европейскіе нравы XII и XIII вѣковъ отличались тѣмъ же ²⁾. Еслибы описаніе распущенности нравовъ у Татищева было выдумкою и не соответствовало дѣйствительности, тогда страннымъ показалось бы такое обстоятельное перечисленіе преступленій, противныхъ нравственности, какое мы встрѣчаемъ въ церковномъ уставѣ Ярослава I-го и въ церковныхъ правилахъ митрополита Іоанна II-го. Виды этихъ преступленій, перечисленныхъ въ указанныхъ древнихъ памятникахъ, до того возмутительны и оскорбительны для нравственнаго чувства, что передъ ними блекнутъ вышеприведенныя описанія пр. Несторомъ ужасовъ разврата у русскихъ язычниковъ. Но еще болѣе подтверждаетъ достовѣрность прискорбнаго состоянія нравственности тогдашняго общества русская проповѣдь того времени, направленная противъ пороковъ грубой чувственности. Вотъ что говоритъ Іаковъ Черноризецъ: „Блюдися... беззаконнаго смѣса; не внимай любодѣици... неводъ бо есть сердце ея, и сѣти — уди ея, и узы въ руку ея, и ловленіе — бѣсѣды ея и силы усненными заветѣ въ блудъ... въ добротѣ бо женстѣй мнози заблудили" ³⁾. Въ „словѣ о правдѣ и неправдѣ“ проповѣдникъ съ горестію восклицаетъ: „Вста... на дѣвство — блудъ и погуби дѣвство“ ⁴⁾. Въ другомъ старинномъ поученіи есть, между прочимъ, такое предписаніе: „Аще кто васъ имать дщерь, положи на нея грозу свою... да не свою волю приимше, въ неразуміи прокудитъ дѣвство свое...“; далѣе весьма характеристично прибавляется: „аще бо бес порока отдаси (въ замужество) дщерь свою, то велику добродѣтель сѣворилъ еси“ ⁵⁾. Въ словѣ: „како христіаномъ жити“ говорится, что многіе „христіаномъ нарекшеся, а отъ женъ своихъ“ не стыдятся „съ инѣми блудити или холостымъ не женящеся, со мнозѣми любодѣяти“ ⁶⁾. Въ поученіи, приписываемомъ Θεодору Едесскому, проповѣдникъ съ

¹⁾ *Татищевъ*, Ист. Рос., т. II, стр. 300.

²⁾ См. *Хлебниковъ*, Общество и государство въ до-монг. періодѣ, стр. 379.

³⁾ См. *Макарій*, т. II, стр. 303, прим. 254.

⁴⁾ См. Памяти. стар. рус. лит. Сиб. 1862, вып. 4, стр. 213.

⁵⁾ См. Сборн. Кирилло-Бѣлоз. библ. за № 9/1106, л. 54.

⁶⁾ См. тамъ же, л. 138 об. и 139.

негодованіемъ спрашиваетъ: „какая польза отъ яди воздержатися, а на блудъ совокупитися“¹⁾.

Мы ужь имѣли случай замѣтить, когда сопоставляли Сильвестровскій Домострой XVI вѣка съ Поученіемъ Владиміра Мономаха, что въ послѣднемъ—отношеніи, долженствующія бытъ между людьми, рисуются болѣе искренними и правдивыми, сравнительно съ не совѣмъ честною примѣнительностію и угодливостію людямъ, возведенною въ руководительный принципъ Домостроемъ XVI вѣка. Мы должны прибавить, что эта искренность и правдивость отношеній человѣка къ другимъ людямъ, предписываемая Владиміромъ Мономахомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ проникнута въ высшей степени христіанскою гуманностію, достойною человѣка, воспитавшагося и не при тогдашнемъ, еще весьма низкомъ, уровнѣ общественнаго развитія. Среди человѣческихъ отношеній, отношенія между мужемъ и женою, безспорно, самыя ближайшія и тѣснѣйшія. По понятіямъ церковнымъ, мужъ и жена составляютъ одно существо, и связь между ними должна продолжаться до самой смерти кого-либо изъ нихъ. Владиміръ Мономахъ хорошо понималъ, что такая тѣсная связь между супругами, проповѣдуемая церковію, не возможна безъ любви и потому предписываетъ: „жену свою любите“. Чтобы понять всю важность указаннаго предписанія Мономаха для тогдашняго русскаго общества, мы должны обратиться къ общимъ взглядамъ того времени на женщину и на отношенія къ ней со стороны общества въ силу этихъ взглядовъ.

По тому, какъ рѣшается въ обществѣ, въ данную эпоху, какой-либо изъ соціальныхъ вопросовъ, можно съ достовѣрностію судить о степени нравственнаго развитія общества въ эту эпоху. Такое понятіе особенно приложимо по отношенію къ такъ-называемому женскому вопросу. Мы говоримъ „особенно приложимо“ потому, что при такомъ или иномъ разрѣшеніи женскаго вопроса выиспается уваженіе или неуваженіе общества къ женщинѣ—существу, нравственно облагораживающему человѣка, и слѣдовательно, показывается—способно или не способно это общество откликаться на призывъ нравственной силы. Не много народовъ, въ первобытной исторіи которыхъ можно встрѣтить нѣсколько свѣтлыхъ сторонъ въ ихъ соціальной жизни. Къ числу такихъ непогихъ народовъ относятся Славяне. По мягкости славянскихъ нравовъ, женщина у Славянъ пользовалась значительною долей независимости. Въ началѣ исторіи почти каж-

¹⁾ См. Сборн. Кирилло-Бѣлов. библ. за № 112/1102, л. 51.

даго славянскаго племени встрѣчается женщина-правительница: рядомъ съ тремя братьями — строителями Кіева — стоитъ ихъ сестра Лыбедь; затѣмъ у насъ является Ольга, у Чеховъ — Любуша, у Поляковъ — Ванда, у Хорватовъ — Туга. Въ нашихъ былинахъ воспѣваются вполне самостоятельныя и даже воинственныя женщины, каковы: жена Потыка, Василиса Микулишна и др. Важно особенно то, что у славянскихъ женщинъ была своя отдѣльная поземельная собственность, у Людмилы чешской былъ свой городъ Тетинь, у Ольги — Вышгородъ ¹⁾). То мѣсто у пр. Нестора, гдѣ разказывается про Радимичей, Вятичей и Сѣверянъ, что они обычай имѣли сходиться на игрища „и ту умыкаку жены собѣ, съ нею же кто съзъщашеся“ ²⁾) — какъ нельзя лучше указываетъ на взглядъ, какой имѣли означенныя племена относительно женщины. Они „умыкали“ себѣ въ жены тѣхъ дѣвушекъ, съ которыми предварительно посоветуются, „съзъщаются“; они, слѣдовательно, признавали въ женщинѣ ся личную свободу выбора, уважали эту свободу, не употребляли насилій. Оттого союзъ семейный, который составляетъ самую твердую основу общественной нравственности и есть самый лучшій источникъ внутренняго, духовнаго благосостоянія соціальной жизни народовъ, — былъ крѣпокъ у Славянъ, не смотря на многоженство. Казалось бы въ исторіи Руси, какъ славянскаго племени, вслѣдъ за принятіемъ христіанства, съ его нравственно-цивилизующимъ элементомъ, женщина должна была пріобрѣсти еще болѣе независимое положеніе въ обществѣ, и слѣдовательно, большее уваженіе къ себѣ со стороны этого общества, нежели какимъ она пользовалась въ отдаленной исторіи первобытныхъ Славянъ. Къ сожалѣнію, этого нельзя сказать, хотя въ разсматриваемую нами эпоху, въ положеніи русской женщины среди темныхъ пятенъ можно усмотрѣть и нѣкоторыя свѣтлыя точки, которыя совсѣмъ почти скрываются отъ глазъ въ темное время татарщины и въ послѣдующій затѣмъ періодъ русской жизни до Петра I.

Относительно вопроса о положеніи женщины въ русскомъ обществѣ въ до-татарскую эпоху, нужно сознаться, мы встрѣчаемъ очень скудныя извѣстія въ памятникахъ, дошедшихъ отъ описываемаго времени; но и въ такихъ скудныхъ извѣстіяхъ много отрадныхъ чертъ, относящихся къ сказанному предмету. Прежде всего видимъ, что княгини, какъ и первобытныя Славянки, имѣли свое собственное иму-

¹⁾ См. *Бестужевъ-Рюминъ*, Русск. Ист., гл. III, стр. 42.

²⁾ См. Поля. Собр. Русск. Лѣт., т. I, стр. 6.

щество движимое и недвижимое и распорядились имъ по произволу, какъ, папримѣръ, распорядилась жсна князи Глѣба Всеславича Полоцкаго, отдавши свои деньги и волости Кіево-Печерскому монастырю ¹⁾. Объ уваженіи, какое оказывалось женщинамъ родственниками, свидѣтельствуеъ примѣръ пр. Θεодосія Печерскаго, который, по словамъ Нестора (см. житіе Θεодосія), оказывалъ великое послушаніе матери, не смотря на то, что она жестоко относилась къ нему; а также примѣръ Мономаха, который слушался увѣщаній мачихи своей. Объ уваженіи и любви, которыми пользовались княгини въ семьѣ своей и среди гражданъ, можно видѣть изъ лѣтописнаго описаніи проводовъ въ монастырь и копчины княгини Маріи, супруги Всеволода III. „Пострижеси“, говоритъ лѣтописецъ, „великая княгиня Всеволожая во мнишескій чинъ въ монастыри св. Богородица... и проводи великій князь Всеволодъ самъ, со слезами многими... и сынъ его... и дщи его... игумени и чернци вси, и бояре вси и болярыни... и горожане вси проводиша ю со слезами многими до монастыря“. Когда вскорѣ по постриженіи княгиня скончалась, то многіе весьма сокрушались о ея смерти. Особенно мужъ и сынъ княгини были неутѣшны: „ту суцу великому князю“, замѣчаетъ лѣтописецъ, „плачущюся надъ нею, и Юрью сыну ея плачущюся и не хотящю ся утѣшити“ ²⁾. Вліяніе княгинь на событія, какъ совѣтницъ мужей своихъ, можно видѣть въ извѣстіи о поступкѣ князя Святослава Всеволодовича съ Ростиславичами, подъ 1180 годомъ: Святославъ, сказано въ лѣтописи, напалъ на Давида Ростиславича, посовѣтовавшись только съ княгинею да съ любимцемъ своимъ Кочкаремъ, не сказавъ о томъ предварительно никому другому. Письмо епископа Симона къ чернецу Поликарпу, изъ котораго видно, что княгиня Верхуслава старалась доставить Поликарпу епископство, не жалѣя издержекъ, также доказываетъ вліяніе княгинь на общественныя дѣла ³⁾. Конечно, указанные примѣры изъ жизни княгинь еще могутъ заставить усомниться въ томъ, что и въ остальномъ русскомъ обществѣ было подобное же отношеніе къ женщинамъ. Но въ данномъ случаѣ важенъ тотъ фактъ, что подобное отношеніе къ женщинамъ существовало, хотя бы оно обнаруживалось и въ незначительномъ количествѣ случаевъ. На основаніи 25-го правила митрополита Іоанна II, въ которомъ упоминается о женщи-

¹⁾ См. *Соловьевъ*, *Ист. Росс.*, т. III, стр. 85.

²⁾ *Полн. Собр. Русск. Лѣт.*, т. I, стр. 178.

³⁾ См. *Соловьевъ*, *Ист. Росс.* т. III, стр. 85.

нахъ, бывавшихъ на пирахъ съ мужчинами, можно думать съ вѣроятностію, что женщина въ до-татарской Руси даже не была изолирована отъ общественной жизни и удовольствій, какъ то мы видимъ въ послѣдующіе періоды русской жизни, особенно въ XVI вѣкѣ, когда, по Домострою, женщинѣ нельзя при всѣхъ предложить вина, а нужно для того отозвать въ отдѣльную кѣтѣ: „а то все дѣлай въ утай“ . прибавляетъ Домострой, „чтобы было безъ зазора и безъ укора отъ злыхъ людей“ ¹⁾. Допущеніе женщинъ, въ древней Руси, къ участию въ общественныхъ удовольствіяхъ какъ нельзя лучше показываетъ, что взглядъ на женщину тогдашняго русскаго общества былъ несравненно гуманнѣе, нежели въ XVI вѣкѣ, когда, по тому же Домострою, мужу позволялось учить свою жену плеткою.

Но въ жизни сплошь и рядомъ встрѣчаются уклоненія отъ нормы и даже часто уклоненій бываетъ гораздо больше, чѣмъ нормальныхъ явленій. Таковъ общій міровой порядокъ жизни. Мы видѣли раньше, какъ много было ненормальныхъ явленій въ религіозно-нравственной сферѣ древняго русскаго общества. Изъ числа такихъ же явленій можно отнести и тотъ неестественный взглядъ на женщину, совершенно противоположный предыдущему, который въ разсматриваемую нами эпоху сталъ мало по малу развиваться среди русскихъ людей, затѣмнилъ свѣтлый и нравственный взглядъ на нее, унаслѣдованный отъ предковъ - Славянъ, и однако, еще жившій въ до-татарскомъ русскомъ обществѣ, какъ то мы видѣли изъ выше приведенныхъ примѣровъ. Открытіе и непринужденіе всѣхъ рисуетъ этотъ новый только что появляющійся на Руси, отрицательный взглядъ на женщину Даниилъ Заточникъ; но мы не ставемъ приводить его, всѣмъ извѣстной, злой и ѣдкой филиппики противъ женщинъ, которая вызвана была у него особенными обстоятельствами, именно злоупотребленіями, которыя дозволяли себѣ нѣкоторыя женщины, благодаря своему вліянію при дворѣ князя, и чрезъ которыхъ Даниилъ невинно подпалъ княжеской опалѣ. Въ нѣкоторыхъ древнихъ сборникахъ поученій встрѣчаются, хотя и рѣдко, воззрѣнія на женщину, сходныя со взглядами Даниила. Вотъ что говорится въ одномъ поученіи: „лучшии въ пустѣ земли жити, неже съ сварливою женою и прокудливою... лучшии есть со лвомъ и съ змѣемъ жити, неже съ сварливою и устатою женою“ ²⁾. Между нѣкоторыми было даже мнѣніе,

¹⁾ Сахаровъ, Сказанія русскаго народа, т. II, кн. 6, стр. 115.

²⁾ См. Сборн. Кирилло-Вѣлов. библ. за № 38/115, л. 53 об. и 54.

что женщина—существо нечистое. Известный Кирикъ спрашиваетъ епископа Пифонта: „аще случится плать женскій въ портъ въпнати попу, достоинъ ли въ томъ служити портъ?“ Пифонтъ, догадываясь, подъ вліяніемъ какихъ мыслей Кирикъ предлагаетъ ему этотъ вопросъ, вмѣсто прямого отвѣта говоритъ только, что женщина не есть что-либо поганое¹⁾. Имѣя въ виду такіе отрицательные и неестественные взгляды на женщину, въ силу которыхъ она считалась достойною не любви и уваженія, а напротивъ—презрѣнія и глубокой ненависти, — Владиміръ Мономахъ и предписываетъ своимъ современникамъ: „жену свою любити“, хорошо понимая всю безнравственность подобныхъ низкихъ возрѣній на женщину. Правда, далѣе тотъ же Мономахъ сряду прибавляетъ: „но не дайте имъ (женамъ) надъ собою власти“, — тѣмъ самымъ какъ-бы примыкая къ сказаннымъ, далеко не гуманнымъ возрѣніямъ на женщину. Но такъ думать нельзя. Мономахъ въ этихъ словахъ хотѣлъ только выразить всѣмъ известную мысль апостола (въ Посланіи къ Ефесеямъ) о повиновеніи жены своему мужу. Съ другой стороны, онъ, можетъ-быть, имѣя въ виду своихъ дѣтей-князей, хотѣлъ предостеречь ихъ отъ женскаго, часто неразумнаго вмѣшательства въ дѣла княжескія, чрезъ что иногда страдали невинные люди, какъ то видно изъ жалобъ Заточника. Впрочемъ, не одинъ Мономахъ ратовалъ противъ унижительнаго взгляда на женщину. Въ церковно-назидательной литературѣ того времени встрѣчаются иногда предписанія, направленные противъ грубаго, не гуманнаго отношенія къ женщинѣ, которое дозволяли себѣ нѣкоторые лица, подъ вліяніемъ вышесказаннаго унижительнаго возрѣнія на нее. „Влюди же ся“, говорится въ одномъ древнемъ словѣ, — „жену... или рабу бити неподобно“²⁾; а въ другомъ словѣ даже прямо предписывается мужьямъ—обращаться къ своимъ женамъ за добрыми совѣтами: „не лишайте себе совѣщанія своихъ жепъ.“³⁾ Эти послѣднія слова проповѣди особенно для насъ важны. Если въ сознаніи древняго русскаго человѣка женщина была въ правѣ давать мужу совѣты, и слѣдовательно, была способна посоветовать что-либо доброе для мужа; то значитъ, этотъ человѣкъ вѣрилъ въ нравственный элементъ, присущій жещиплѣ, вѣрилъ въ призваніе послѣдней—нравственно вліять на него. Отъ того-то въ тогданіемъ *русскомъ*

¹⁾ См. Нам. Слов. XII вѣка.

²⁾ См. Сборн. Кирилло-Влад. библ. за 29/1118, л. 156 об.

³⁾ См. тамъ же, л. 52 об.

человѣкъ еще жива была способность *откликаться на призывъ нравственной силы*, еще сохранялась въ немъ нравственная чуткость ко всему благородному и живому, въ духовной сферѣ его существа. Это особенно подтверждается тѣмъ глубокимъ сочувствіемъ къ женщинѣ, какое обнаружилъ авторъ „Слова о полку Игоря“, начертавъ въ высшей степени симпатичный образъ Ярославны, этой любящей супруги Новгородъ-Сѣверскаго князя.

Дальнѣйшія предписанія Мономаха объ отношеніи челоѣка къ другимъ людямъ (также какъ и *все* въ его Поученіи) проникнуты чисто евангельскимъ духомъ: „большаго присѣтите, надъ мертвеца идѣте, яко вси мертвени есми... убогихъ не забывайте, но елико могоще по силѣ кормите, и придавайте сиротѣ“. Всѣ эти нравственныя предписанія, не смотря на ихъ общезвѣстность и не новостъ, имѣли большое значеніе для того времени. Тогда нужны были постоянныя напоминанія и повторенія самыхъ простыхъ и несложныхъ требованій евангельской любви, такъ какъ при всеобщей почти религіозной и нравственной неустойчивости, эти требованія скоро забывались. Замѣчательно, что Мономахъ старается чтобъ и чисто-внѣшнія, формальныя и случайныя отношенія между людьми были проникнуты искренностію и глубокимъ участіемъ, чтобы въ нихъ не было даже никакихъ признаковъ грубости, холодности, индеферентизма. „Человѣка не минѣте“, говоритъ онъ, „не привѣчавше (не привѣтствуя), добро слово ему дадите... куда же пойдете, идѣже станете, напоите, накормите унеина“¹⁾, то-есть, обласкайте, будьте привѣтливы, окажите участіе къ слабымъ, беспомощнымъ бѣднякамъ.

Переходимъ теперь къ заключительной мысли Поученія Владиміра Мономаха.

Въ самомъ концѣ Поученія Мономахъ проводитъ мысль о промыслѣ Божіемъ, простирающемся на каждый случай жизни челоѣческой. Еще въ срединѣ Поученія онъ говорилъ, что въ основѣ всего, всѣхъ челоѣческихъ дѣйствій долженъ лежать страхъ Божій, то-

¹⁾ Выраженіе Мономаха: «напоите, накормите унеина» — различно объясняютъ. Карамзинъ (т. II, прим. 232) подъ словомъ «унеинъ» разумѣетъ «хозяина», производя отъ слова «унина», что на кабардинскомъ языкѣ значитъ «домъ». Шевыревъ согласенъ съ Карамзинымъ. Г. Буславѣвъ (Христоматія) говоритъ, что нужно читать: «напоите, накормите уне пна», — то-есть, лучше инаго кого-нибудь. Но кажется, самое лучшее толкованіе г. Аристова (Христ. по русск. исторіи. Варшава 1870 года), что «унеинъ» - юнеинъ, малый, слабый, бѣдный. Мы принимаемъ это послѣднее толкованіе.

есть, постоянная мысль о Богѣ и о томъ, что онъ видитъ всё дѣла и номышленія человѣка, и что потому нужно всегда „страшиться“ оскорбить его дурными поступками: „се же вы конецъ всему—страхъ Божій имѣйте выше всего“. Теперь, какъ-бы дополняя прежде сказанное, онъ говоритъ, что въ жизни съ человѣкомъ даже ничего не можетъ случиться безъ воли Божіей. Вотъ подлинныя слова этой заключительной мысли Мономаха: „никто же васъ не можетъ вредитися и убити, понеже не будетъ отъ Бога повелѣно; а иже отъ Бога будетъ смерть, то ни отецъ, ни мати, ни братья, не могутъ отягати... Божье блюденье дѣлѣе есть человѣчьскаго“. Поставленныя въ концѣ Поученія, эти слова имѣли значеніе показать, что слѣдуя неуклонно тѣмъ правиламъ поведенія человѣка-христианина, которыя предлагаются во всемъ Поученіи и чрезъ то угождая Богу, человѣкъ пусть не опасается, что съ нимъ въ жизни могутъ случиться какіи-либо несчастія или напрасная смерть, потому что ничего не совершается въ мірѣ безъ воли Божіей, и промыслъ сохранить такого человѣка отъ всѣхъ несчастій за выполненіе нравственныхъ предписаній Евангелія ¹⁾. Если же человѣкъ не станетъ исполнять заповѣдей Божіихъ, то охраняющій промыслъ оставитъ его, и пусть онъ тогда не надѣется на людей: ни отецъ, ни мати, ни братья не спасутъ его, ибо „Божье блюденье дѣлѣе есть человѣчьскаго“.

Представивъ очеркъ религиозно-нравственныхъ воззрѣній и жизни на Руси—въ эпоху до-татарскую на основаніи Поученія Мономаха,—мы, очевидно, сдѣлали этотъ очеркъ неполнымъ, коснулись далеко не всѣхъ сторонъ религиозно-нравственной сферы челоѣка, — даже болѣе, мы опустили совсѣмъ изъ виду многія воззрѣнія, далеко не изчерпали всей жизни тогдашняго русскаго общества — въ области духовно-нравственной. Причина такой неполноты нашего очерка заключается въ самомъ Поученіи Мономаха, которое оставивъ намъ нѣ-

¹⁾ Въ слѣдующихъ словахъ Поученія: «тура мя два метала на розѣхъ и съ конемъ, олень мя одинъ боля, а двѣ лоси, одинъ ногама топталъ, а другыи рогома боля... съ коня много падахъ, голову си розбихъ дважды, и рудѣ и нозѣ свои вередихъ, въ уности своей вередихъ, не блюда живота своего, ни щадя головы своея... и Богъ неврежена мя съблюде»,—Мономахъ хотѣлъ выразить такую мысль: вотъ я соблюдалъ по возможности заповѣди Божіи, и потому, не смотря на часто случавшуюся опасность для жизни, все-таки былъ хранимъ промысломъ: «Богъ неврежена мя съблюде».

которыя важныя черты тогдашнихъ взглядовъ и убѣжденій, рисуя вмѣстѣ съ тѣмъ отчасти и жизнь того времени, не могло же, въ самомъ дѣлѣ, дать полнаго и всесторонняго изслѣдованія всей тогдашней жизни. Судить о жизни своего времени, сознавать недостатки или преимущества своихъ современниковъ, критически относиться къ убѣжденіямъ своей эпохи весьма трудно и для большинства почти не возможно, потому что каждый человѣкъ есть прежде всего сынъ своего вѣка, который невольно подчиняется господствующимъ въ данное время убѣжденіямъ. Хотя Мономахъ, въ своемъ Поученіи, относится критически къ понятіямъ и жизни современниковъ, стараясь измѣнить и то, и другое на болѣе правильныя, сообразныя съ духомъ христіанства, тѣмъ не менѣе онъ, при всей своей гениальности, какъ сынъ своего вѣка, не могъ отрѣшиться отъ весьма многихъ неправильныхъ (съ настоящей точки зрѣнія) воззрѣній, чѣмъ отчасти видно изъ Поученія, слѣдовательно, не могъ отпестись къ этимъ воззрѣніямъ критически, а потому и не высказалъ ихъ въ своемъ произведеніи. Вотъ причина недостатка желанной полноты въ Поученіи, а вслѣдствіе того, и недостатокъ въ нашемъ очеркѣ всесторонняго изображенія религіозно-нравственной жизни и убѣжденій русскаго общества, современнаго Поученію. Слѣдуя неуклонно руководящей нити Поученія и не позволяя себѣ отступать отъ нея ни на шагъ, мы, тѣмъ не менѣе, въ своемъ очеркѣ старались указывать на все такъ или иначе подтверждающее характеристику русскаго общества того времени, сдѣланную Мономахомъ. Въ заключеніе авторъ можетъ только сказать словами Мономаха: „да не заирите ми... кто прочтетъ: не хвалю бо ся, ни дерзости своея, по хвалю Бога и прославляю милость его, иже... не лѣнива мя бысть створилъ худаго на вся дѣла челоувѣчская потребна“.

С. Протопоповъ.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРИИ¹⁾.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Внутренняя история Союза до 1848 года.

Торжество партикуляризма. — Причины этого явления. — Партикуляристическія стремленія въ высшихъ классахъ общества. — Ихъ теорія и аргументы. — Критика этой теоріи. — Очеркъ внутренней исторіи отдѣльныхъ государствъ Германіи до 1848 года. — *Астрія*. — Общая задача ея политики; внутреннія мѣры; отношенія къ союзу. — *Среднія и мелкія государства*. — Конституціонныя учрежденія на юго-западѣ Германіи и ихъ характеръ. — Реакція на сѣверо-востокѣ. — Движеніе 1830 года и его ближайшіе результаты. — Новая реакція. — *Пруссія*. — Характеръ и смыслъ произведенной въ пей реставраціи. — Общая характеристика Прусскаго государства. — Его внутреннее развитіе въ царствованіе Фридриха-Вильгельма III. — Новая система народнаго образованія, финансоваго и административнаго управленія. — Отношеніе къ Германіи. — Таможенный союзъ; его исторія, установленіе и ближайшія послѣдствія. — Заключеніе.

Безсиліе и безсодержательность союзной власти открывали широкую дорогу партикуляризму; мѣстная самостоятельность отпугивъ могла развиваться не только какъ *фактъ*, подобно „земельному верховенству“ въ старой Имперіи, но какъ *право*, торжественно признанное и провозглашенное какъ международными договорами всей Европы, такъ и союзною конституціею.

Въ этомъ фактѣ, повидимому, не было ничего прискорбнаго; напротивъ, онъ открывалъ Германіи, по мнѣнію весьма многихъ, самую свѣтлую будущность. Унитаризмъ Штейнговъ и Гарденберговъ далеко не былъ всеобщимъ стремленіемъ германскаго общества. Мы не говоримъ уже о томъ, что народныя массы искони разчлененной Германіи смутно сознавали единство Германіи, въ его *политическомъ* значеніи. Солидарность Баварцевъ, Саксонцевъ, Нассаусцевъ и т. д., если она существовала независимо отъ великихъ минутъ патриотиче-

¹⁾ Продолженіе. См. *Журналъ Мин. Народн. Просв.* январь 1874 года.

скихъ увлеченій (какъ въ 1813—1815 г.), была скорѣе нравственною связью, порождаемою единствомъ языка, нѣкоторыхъ обычаевъ, преданій, чѣмъ серьезною политическою силою. Притомъ не должно забывать, что реформація провела рѣзкую границу между католическою и протестантскою частью Германіи. Мы не говоримъ далѣе о массѣ землевладѣльческой аристократіи, о бюргерахъ древнихъ городовъ, привыкшихъ къ своимъ мѣстнымъ вольностямъ, мѣстному управленію и не видѣвшихъ свѣта дальше своей общины и земскихъ чиновъ (Landstände) феодальнаго образца. Партикуляристическія стремленія были сильны даже въ высокообразованной части общества, призванной быть представителемъ и руководителемъ общественнаго мнѣнія. И здѣсь, повидимому, онъ имѣлъ весьма заковычныя основанія.

Дипломаты Вѣнскаго конгресса, говорили они, создали слабую союзную власть; но этому должно только радоваться. Другъ свободы и просвѣщенія не могъ желать другаго результата. Если бы даже дипломаты конгресса были проникнуты наиболѣе либеральными стремленіями, они не могли бы организовать политическую свободу Германіи, при отсутствіи потребныхъ для того элементовъ.

Конечно, старое рыцарство, пропитанное феодальными преданіями, не было приготовлено для новыхъ политическихъ идей; средній классъ, богатый и зажиточный, лучшая опора конституціи въ духѣ французскаго парламентаризма, еще не существовалъ. Аристократія и бюргеры понимали свободу въ смыслѣ средневѣковыхъ своихъ „вольностей“, обременительныхъ для низшихъ классовъ ¹⁾. Послѣдніе только что вышли изъ феодальной зависимости (и то не вездѣ) и не имѣютъ ни образованія, ни благосостоянія. Поэтому политическій прогрессъ долженъ былъ начаться и завершиться предварительно въ каждомъ отдѣльномъ государствѣ. Но всѣмъ, кромѣ того, извѣстно настроеніе, господствовавшее на вѣнскомъ конгрессѣ. Не сдѣлалось ли бы сильное союзное правительство могущественнымъ, непреодолимымъ ору-

¹⁾ Въ этомъ смыслѣ къ высшимъ классамъ Германіи можно было принять замѣчаніе *Бёрне* относительно французской аристократіи. «Отъ внимательныхъ читателей французскихъ газетъ, говоритъ онъ, ускользнуло, что аристократы, какъ на трибунѣ, такъ и въ сочиненіяхъ, всегда говорятъ о свободахъ (*les libertés*, по нашему—вольности) и никогда не употребляютъ слова свобода... Различіе между свободами и свободой также велико, какъ между Богомъ и богами. Какъ истинная вѣра состоитъ въ признаніи единого Бога, такъ истинная политическая религія въ признаніи единой свободы. Народъ можетъ имѣть свободу безъ свободъ и вольности безъ свободы». Сочиненія, т. VII, аeor. 54.

діемъ реакціи? Сеймъ, при всей своей слабости, пытался останавливать политическое развитіе отдѣльныхъ державъ. Что же сдѣлало бы сильное союзное правительство, преданное реакціи? Раздробленіе Германіи, слѣдовательно, есть условіе ея внутренней свободы. Пусть нѣкоторые государства преданы реакціи и даютъ просторъ произволу; за то другія служатъ убѣжищемъ свободы мысли и религіи. Отсюда, рано или поздно, лучшей порядокъ перейдетъ къ отсталымъ сосѣдямъ. Нужно ли говорить объ условіяхъ умственного и экономическаго развитія? Унитаріи утверждаютъ, что только солидная центральная власть можетъ обезпечить условія культурнаго развитія Германіи. Но не заблужденіе ли это? Опытъ исторіи показываетъ, что централизація обусловливаетъ приливъ общественныхъ силъ къ центру государствъ и убиваетъ творческія силы отдѣльныхъ мѣстностей; съ прекращеніемъ жизни въ частяхъ, не замедлитъ изсякнуть творчество и въ самомъ центрѣ. Притомъ сосредоточенная народная сила, въ сознаніи своего могущества, не отвратится ли отъ внутренней, духовной жизни, и отъ преслѣдованія мелкихъ, по весьма существенныхъ экономическихъ интересовъ у себя дома? Не обратится ли она къ бесплоднымъ внѣшнимъ предпріятіямъ, чтобы славою оружія замѣнить славу умственныхъ успѣховъ? Да предохранитъ Богъ Германію отъ такого исхода! Теперь, слабая, правда, для активной роли въ Европѣ, она достаточно сильна для охраненія своей безопасности. Въмѣстѣ съ тѣмъ, какъ процвѣтаютъ отдѣльные центры Германской промышленности и науки! Нужно ли говорить объ экономическомъ значеніи Франкфурта, Гамбурга, Лейпцига и другихъ городовъ? Не говорятъ ли сами за себя такіе умственные центры, какъ Іена, Геттингенъ, Гейдельбергъ, Воннъ-на-Рейнѣ, Мюнхенъ, Берлинъ? Не при дворѣ ли небольшого Саксенъ-Веймарскаго герцогства собрались недавно лучшія умственные силы Германіи и превратили Саксенъ-Веймаръ въ новыя Аѳины? Германія не можетъ и не должна уступить эти вѣрныя, реальныя блага, эти славныя преданія призрачному единству, послѣдствія котораго весьма сомнительны.

Таковы, приблизительно, были соображенія, руководившія партикуляристами весьма почтенными. Они имѣютъ внѣшній видъ убѣдительности и, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, были дѣйствительны для своего времени. Можно привести много соображеній въ пользу того, что господство партикуляризма должно было играть роль переходной ступени къ дальнѣйшему развитію Германіи и что союзъ былъ необходимымъ компромиссомъ между преданіями стараго порядка и

не окрѣпшими еще требованіями новаго. Но внутренняя несостоятельность вышеприведенныхъ соображеній слишкомъ очевидна.

Во первыхъ, мысль о томъ, что мелкія государства служили разсадникомъ новыхъ политическихъ учрежденій вѣрна въ весьма ограниченномъ смыслѣ. Правда, въ нѣкоторыхъ государствахъ были октропированы разныя хартіи, но всѣ эти учрежденія были весьма шатки, потому что основаніе ихъ было не въ *общегерманскомъ правѣ*, гарантированномъ сильною союзною властью, а въ доброй волѣ отдѣльныхъ правительствъ, которыя имѣли всѣ средства ограничить и видоизмѣнить дарованныя ими права по своему усмотрѣнію. Въ большинствѣ государствъ, обладавшихъ хартіями, послѣднія долго не получали дѣйствительнаго значенія. Періодъ времени съ 1815 по 1848 годъ можно назвать эпохою господства призрачнаго конституціонализма (*Scheinkonstitutionalismus*). Слѣдовательно, потребность сильной федеративной власти, обезпечивающей нѣкоторыя начала общаго права, не только не прекращалась, но росла съ каждымъ годомъ, привела къ взрыву 1848 года и поддержала стремленія Пруссіи съ 1866 года.

Во вторыхъ, понятія партикуляризма и унитаризма противоположны вовсе не въ томъ смыслѣ, что послѣдній предполагаетъ сосредоточеніе *всѣхъ* общественныхъ силъ и правительственныхъ правъ въ одномъ мѣстѣ. Французская централизація не есть *единственная* противоположность старому союзному устройству Германіи. Отъ него рѣзко отличалась правильно организованная федеральная власть. Правильное федеративное устройство предполагаетъ, между прочимъ, сосредоточеніе въ рукахъ союзнаго правительства нѣкоторыхъ административныхъ задачъ и подчиненіе его законодательству нѣ котораго числа вопросовъ, имѣющихъ общенациональное значеніе, съ предоставленіемъ такому правительству самостоятельныхъ средствъ къ осуществленію возложенныхъ на него обязанностей. Затѣмъ остается еще масса вопросовъ, предоставленныхъ мѣстнымъ правительствамъ, облеченнымъ широкими правами автономіи. Таково устройство Сѣвѣро-Американской федераціи; этимъ она отличается отъ жалкаго государственнаго устройства 1776 года, приводившаго въ отчаяніе Вашингтона, Франклина, Гамильтона, и отъ германскаго союзнаго устройства. Федерация не предполагаетъ безсилія союзной власти и лишенія ея какихъ бы то ни было атрибутовъ власти. Неудивительно поэтому, что потребность въ общемъ законодательствѣ и общей администраціи по нѣкоторымъ вопросамъ росла въ Германіи

съ каждымъ годомъ и сама собою приводила къ установленію общаго правительства. Оставалось только овладѣть этимъ стремленіемъ и дать ему практическое выраженіе.

Такимъ образомъ исторія Германскаго союза есть и долженствовала быть исторіею постепеннаго его паденія, обусловленнаго внутреннимъ развитіемъ cadaго изъ отдѣльныхъ его государствъ. Эту исторію мы и попытаемся изложить въ немногихъ словахъ.

Первенство во внутренней политикѣ союза не только *de jure*, но и *de facto* принадлежало *Австріи*. Идеи ея правительства давали общій тонъ и направленіе политикѣ другихъ государствъ. Этому способствовало не только естественное и традиціонное преобладаніе австрійскаго дома въ Германіи, но и то важное обстоятельство, что представители крайнихъ ученій 1815 года имѣли достаточно времени утвердить господство своей системы. Между тѣмъ какъ въ другихъ государствахъ представители власти смѣнялись, системы ихъ измѣнялись и колебались, австрійская система въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній представлялась одними и тѣми же лицами. Князь Меттернихъ стоялъ въ главѣ австрійской политики съ 1809 до 1/13 марта 1848 года, когда онъ бѣжалъ въ Англію 75-лѣтнимъ старцемъ. Императоръ Францъ I ¹⁾, возвысившій Меттерниха, царствовалъ съ 1792 до 1835 года, оставивъ въ преемникъ своею, Фердинандъ I, государи совершенно расположеннаго къ руководству Меттерниха. Такимъ образомъ до 1848 года политика Австрійскаго двора не потерпѣла измѣненія въ существенныхъ своихъ чертахъ и Австрія вѣрно хранила залогъ, оставленный 1815 годомъ.

Этимъ началомъ собственно и опредѣляется Австрійская политика. Сохранить *status quo*, установленный вѣнскими трактатами и старыми преданіями Австріи, предохранить какъ это государство, такъ и государства союзныя отъ новыхъ идей и формъ, приходившихъ изъ Франціи, — такова была цѣль, неуклонно преслѣдуемая австрійскою политикою въ теченіе 33 лѣтъ, отдѣляющихъ вѣнскій конгрессъ отъ потрясеній 1848 года. Ничего творческаго она не заключала въ себѣ; для осуществленія предположенныхъ ею цѣлей достаточно было мѣръ отрицательныхъ. Онѣ примѣнялись какъ во внутренней, такъ и во внѣшней политикѣ.

Внутренняя политика имѣла цѣлью оградить Австрію отъ наплыва новыхъ ученій и какихъ бы то ни было реформъ въ государ-

¹⁾ Какъ императоръ бывшей священной имперіи — Францъ II.

ственномъ хозяйствѣ и администраціи. Экономическія идеи Австріи держались на почвѣ самаго узкаго протекціонизма и это постоянно препятствовало ей приступить къ знаменитому таможенному союзу, руководимому мудрою политикою Пруссіи. Ничего не было сдѣлано для улучшенія экономического быта низшихъ классовъ народонаселенія; даже крѣпостное право процвѣтало въ разныхъ областяхъ имперіи. Производство и отпускная торговля не соответствовали богатымъ естественнымъ средствамъ страны. Система казенныхъ монополій стѣсняла и безъ того слабую торговлю. Монетная система и состояніе государственнаго кредита были вполнѣ неудовлѣворительны. Не смотря на свои превосходные порты на Адриатическомъ морѣ, Австрія не имѣла флота и для купеческихъ кораблей своихъ должна была исходатайствовать покровительство *турецкаго* флота. Система образованія была поставлена въ весьма невыгодныя условія. Количество народныхъ школъ было номинально велико. Но изъ 2¹/₂ мил. дѣтей, обязанныхъ посѣщать ихъ, въ дѣйствительности посѣщали ихъ менѣе ²/₅ этого числа. Гимназіи и университеты, поставленныя подъ строгій полицейскій надзоръ, были стѣснены какъ въ преподаваніи, такъ и въ выборѣ предметовъ для преподаванія. Преподаваніе философіи, исторіи, даже древнихъ языковъ было ограничено; покровительствовалось преподаваніе естественныхъ наукъ и, такъ сказать, прикладная ихъ сторона. Затѣмъ всѣ учебныя заведенія были ввѣрены ближайшему надзору духовенства, значительно стѣснявшему и безъ того ограниченныя рамки преподаванія. Этими мѣрами Австрія вполнѣ выдѣлилась изъ духовнаго и экономического движенія, такъ или иначе совершившагося въ остальной Германіи.

Во внѣшней политикѣ Австрію, конечно, нельзя было упрекнуть въ какихъ-нибудь завоевательныхъ планахъ и рѣшительныхъ мѣрахъ. Она вполнѣ довольствовалась удобствами, доставляемыми ей раздробленіемъ Германіи. Для обезпеченія ея преобладанія наиболѣе цѣлесообразною была система государствъ *средней* величины, недостаточно сильныхъ, чтобы противустоять ей, по достаточно сильныхъ, чтобы сломить сопротивление мелкихъ государствъ и составить оплотъ противъ Пруссіи, соперничества которой всегда опасался австрийскій дворъ. Въ системѣ среднихъ, разъединенныхъ государствъ, открывалось обширное поле для дипломатическаго искусства, въ которомъ князь Меттернихъ долгое время не зналъ себѣ соперниковъ. Являясь „охранительницею“ союза, Австрія всегда имѣла средства направлять и внутреннюю политику этихъ государствъ въ смыслѣ, соответствующую

щемъ началамъ 1815 года, какъ это показали событія 1820 и 1832 годовъ.

Прочія государства, кромѣ Пруссіи, не могли, въ такой степени какъ Австрія, предохранить себя отъ наплыва новыхъ идей. Многія изъ нихъ выступили на путь представительныхъ учреждений, — одни вскорѣ послѣ образованія союза, другія позже ¹⁾.

¹⁾ Для удобства читателей, здѣсь не бесполезно будетъ представить небольшую таблицу постепеннаго развитія представительныхъ учреждений въ Германіи въ хронологическомъ порядкѣ. Мы будемъ означать и *родъ* введеннаго представительства — именно *сословнаго* или *представительнаго* въ новомъ смыслѣ.

Названіе государствъ.

- 2-го сентября 1814 г. — *Нассау* (сослов. у.).
- 15-го января 1816 г. — *Шаумбург-Липпе* (тоже).
- 19-го апрѣля 1816 г. — *Вальдекъ* (тоже).
- 5-го мая 1816 г. — *Саксенъ-Веймаръ* (парл. устр., улучш. въ 1850 и 1852 гг.).
- 19-го марта 1818 г. — *Гильбургаузенъ* (сосл. у.).
- 26-го мая 1818 г. — *Баварія* (парлам. у., улучш. въ 1848 и 1850 гг.).
- 22-го августа 1818 г. — *Баденъ* (парл. у.).
- 9-го ноября 1818 г. — *Лихтенштейнъ* (сосл. у.).
- 25-го сентября 1819 г. — *Виртембергъ* (тоже).
- 7-го декабря 1819 г. — *Ганноверъ* (сосл. у.).
- 25-го апрѣля 1820 г. — *Брауншвейгъ* (тоже).
- 17-го декабря 1820 г. — *Гессенъ-Дармштадтъ* (парл. у.).
- 29-го іюня 1821 г. — *Кургессенъ* (сосл. у.).
- 8-го августа 1821 г. — *С. Кобургъ* (пред. у.).
- 4-го сентября 1824 г. — *С. Мейнингенъ* (тоже).
- 23-го августа 1829 г. — Общій основной законъ для соединенныхъ въ 1826 г. *С. Мейнингена* и *Гильбургаузена*.
- 5-го января 1831 г. — *Кургессенъ* (пред. у. Эта конст. изм. въ 1849 г. и отиѣнена сеймомъ въ 1852 г. Конекція не разрѣшилась вплоть до присоединенія Кургессена къ Пруссіи).
- 29-го апрѣля 1831 г. — *С. Альтенбургъ* (пред. у.).
- 4-го сентября 1831 г. — *Кор. Саксонія* (пред. у.; до того времени старинныя сосл. учр., не обновлены въ XIX ст.).
- 12-го октября 1832 г. — *Брауншвейгъ* (тоже).
- 26-го сентября 1833 г. — *Ганноверъ* (тоже, оти. въ 1837 г. кор. Эрнстомъ-Августомъ).
- 15-го мая 1834 г. — *Шлезвигъ-Гольштейнъ* (сосл. мѣстное предст.).
- 6-го іюля 1836 г. — *Липпе-Детмольдъ* (пред. у. Нов. избират. зак. 1849 г. Оти. правит. въ 1853 г. Конституція 1836 г. восстановлена).
- 12-го октября 1841 г. — *Люксембургъ* (до того онъ пользовался учреждениями нидерланд. конст. 1815 г. въ 1841 г., получ. отдѣльное устройство, видоизмѣненное конституціею 1848 года и затѣмъ, конституціею 27-го ноября 1856 года.

Въ этомъ отношеніи должно различать государства ближайшія къ Франціи отъ державъ центральной и восточной Германіи. Юго-западные государства, коренные и главные члены бывшаго Рейнскаго союза, были поставлены въ особенныя условія. Они, подъ покровительствомъ Франціи, обезпечили и развили полную свою независимость отъ имперіи, которую потомъ ревниво охраняли и противъ плановъ Пруссіи на вѣнскомъ конгрессѣ. Эта „мѣстная независимость“ воплотилась въ полномасштабныя монархическія формы, которые успѣли уничтожить въ своихъ владѣніяхъ всѣ остатки средневѣковыхъ земскихъ членовъ. На вѣнскомъ конгрессѣ они протестовали противъ обязательнаго введенія народнаго представительства въ отдѣльныхъ державахъ. Виртембергское правительство не участвовало даже въ совѣщаніяхъ; баварскій уполномоченный вышелъ послѣ 6-го засѣданія. Подобнымъ же образомъ велъ себя Баденъ. Между тѣмъ эти три государства, вмѣстѣ съ Гессенъ-Дармштадтомъ первыя получили обновленное народное представительство. Этотъ фактъ объясняется различно. Впервыя, государи этихъ странъ протестовали противъ общеобязательнаго введенія представительства, главнымъ образомъ, во имя своего мѣстнаго самодержавія, но вовсе не изъ вражды къ конституціоннымъ учрежденіямъ. Баденъ издавна сдѣлался центромъ либеральныхъ идей; короля Виртембергскаго Вильгельма величали при вѣнскомъ дворѣ коронованнымъ якобинцемъ. Независимо, отъ этого новое представительство, основанное на октроированной хартіи, привлекало ихъ гораздо

29-го октября 1848 г. — *Ангальтъ-Дессау* (парл., изм. въ 1850 г.).

5-го декабря 1848 г. — *Пруссія* (изм. и обнародовано въ новомъ видѣ 31-го января 1850 г.).

14-го декабря 1848 г. — *Ангальтъ-Бернбургъ* (пред. у., изм. въ 1850 г. Общая конст. для двухъ Ангальтовъ 1859 г.).

5-го сентября 1848 г. — *Ганноверъ* (пред. устр. приостановлено въ 1851 г. и отм. въ 1855 г. замѣн. октропр. конст.).

Кромѣ того, въ 1848 г. произошли видоизмѣненія въ конституціяхъ разныхъ германскихъ государствъ, имѣвшихъ уже представ. устройство, напимѣръ, въ Баваріи, Саксоніи, Виртембергѣ, Кургессенѣ и т. д.

17-го марта 1849 г. — *Австрія* (пред. у. от. въ 1851 г.).

26-го марта 1849 г. — *С. Гота* (тоже, въ 1852 г. мая 3-го изд. общая конст. для Сакс.-Готы и Кобурга).

18-го февраля 1849 г. — *Ольденбургъ* (тоже, изм. въ 1852 г. ноября 22-го).

12-го декабря 1849 г. — *Шварцбургъ-Зондерштаузенъ* (тоже, изм. 1852, 1854, 1856 и 1857 гг.).

23-го мая 1849 г. — *Вальдекъ* (тоже, изм. 1852 г.).

января 1850 г. — *Гамбургъ* (отм. 1852 г.).

больше, чѣмъ основанное на историческихъ привилегіяхъ сословное представительство, борьба котораго (особенно въ Виртембергѣ) съ королевскою властью была еще памятна и чувствовалась живо. Можно было ожидать, что новое представительство, дарованное милостью короля, меньше стѣснить его власть, чѣмъ строптивые полу-феодалныя чины (что дѣйствительно и случилось). Не безъ вліянія было и то обстоятельство, что новыя государственныя формы могли выдѣлить юго-западную Германію изъ массы государствъ реакціоннаго сѣверо-востока, придать имъ особенное значеніе въ глазахъ націи и на долго задержать унитарныя стремленія въ подданныхъ. Вводя у себя новыя учрежденія, юго-западные государства рисковали весьма немногимъ, а относительно своего значенія въ Германіи выигрывали много. Виртембергъ, Баварія, Ваденъ и Гессенъ-Дармштадтъ составили теперь особую систему государствъ, съ особыми политическими интересами и особою ролью въ союзѣ.

Сѣверо-восточная Германія въ массѣ подчинилась политикѣ австрійскаго двора. Реакція восторжествовала вездѣ, хотя не вездѣ приняла одинаковыя формы. Въ Ганноверѣ она упрочила могущество землевладѣльческой аристократіи, съ потребностями которой сообразовалось государственное устройство 1819 года. Подобный же характеръ приняла она и въ Мекленбургѣ, который и донинѣ является хранилищемъ средневѣковой старины. Въ Кургессепѣ курфюрстъ тщательно возстановилъ свои старыя прерогативы, объявивъ все, совершившееся съ 1806 по 1814 годъ, не совершившимся. Дѣло дошло тамъ до „возстановленія“ косы и пудры. Въ Саксоніи король Фридрихъ-Августъ I, прозванный Справедливымъ, поддержалъ учрежденія, къ которымъ онъ привыкъ въ теченіе 59-лѣтняго царствованія своего (1768—1827). Двѣ главныя державы востока и всей Германіи, Австрія и Пруссія, не допустили общегосударственнаго представительства даже въ сословной его формѣ. Общанная королямъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III въ 1815 году конституція не была дана; реформы ограничились введеніемъ областнаго представительства (*Provinzialstände*, 1823 г.). Австрія ограничилась тѣмъ же ¹⁾. Даже три вольныхъ города, Бременъ, Любекъ и Гамбургъ возстановили у себя средневѣковыя муниципальныя учрежденія, тогда какъ Франкфуртъ преобразовалъ свое устройство.

---

¹⁾ Эти провинціальныя собранія были введены въ различныхъ земляхъ австрійской короны (нѣмецко-славянскихъ) съ 1816 года.

Событія двадцатнхъ годовъ положили конецъ движенію политической жизни въ Германіи. Идеи возстановителей стараго порядка — Галлера, Генца и друг. были въ полномъ ходу. Только изъ Бадена, съ его болѣе демократическимъ государственнымъ устройствомъ и сравнительною свободою преподаванія, исходило нѣкоторое противо-дѣйствіе реакціоннымъ стремленіямъ. Оппозиція въ нижней палатѣ Баденскаго великаго герцогства и литературная дѣятельность профессоровъ Роттека и Велькера являлись слабымъ, конечно, противо-вѣсомъ идеямъ противоположнымъ. Сигналь новому политическому движенію былъ поданъ изъ Франціи. Іюльская революція 1830 года подала поводъ къ волненіямъ одновременно въ различныхъ частяхъ Германіи.

Первоначально политическое броженіе въ Германіи привело къ осязательнымъ результатамъ. Успѣхъ его былъ обезпеченъ явною несостоятельностью разныхъ существовавшихъ учреждений и иными свойствами отдѣльныхъ правителей. Въ Кургессенѣ курфюрстъ Вильгельмъ II ¹⁾ навлекъ на себя всеобщее неудовольствіе крайнею своею расточительностію и неблаговидными отношеніями къ графинѣ Рейхенбахъ, ради которой онъ оставилъ всѣми любимую и уважаемую жену свою, сестру Прусскаго короля ²⁾. Курфюрстъ и его наложница дѣлали всякое правильное государственное управленіе невозможнымъ. 16-го сентября вспыхнулъ мятежъ, курфюрстъ долженъ былъ уступить и подписать конституціонный актъ (1-го января 1831 года). Вслѣдъ затѣмъ онъ навсегда оставилъ свое государство и передалъ управленіе въ руки своего сына.—Въ *Брауншвейгѣ* управленіе, послѣ смерти герцога Фридриха-Вильгельма, находилось въ рукахъ короля англійскаго и ганноверскаго Георга IV, назначеннаго опекуномъ двухъ малолѣтнихъ сыновей герцога—Карла и Вильгельма (съ 1815 г.). Графъ Мюнстеръ, ганноверскій министръ, управлявшій отъ имени Георга IV Брауншвейгомъ, ввелъ сюда сословное представительство, а правительственную власть ввѣрилъ особому тайному совѣту. Между тѣмъ Карлъ доканчивалъ свое воспитаніе, которое сдѣлало изъ него весьма поверхностнаго, расточительнаго и своевольнаго юношу. Въ 1823 году онъ вступилъ въ управленіе. Тайный совѣтъ былъ имъ отмѣненъ:

¹⁾ Сынъ курфюрста Вильгельма I, род. въ 1777, ум. въ 1847 г. Наслѣдовалъ престолъ отъ отца своего въ 1821 году.

²⁾ Курфюрстъ былъ женатъ на сестрѣ Фридриха-Вильгельма III Прусскаго—Августѣ († въ 1841). Она уступила мѣсто г-жѣ Эмили Ортлибъ, возведенной въ званіе графини Рейхенбахъ († въ 1843).

конституція 1820 года—также, на томъ основаніи, что Карлъ признавалъ ее аристократическою, но объ новой не было и рѣчи. Расточительность и произволъ въ управленіи достигли крайнихъ размѣровъ. Въ сентябрѣ 1830 года началось формальное возстаніе. Карлъ бѣжалъ изъ государства; его братъ Вильгельмъ былъ призванъ на его мѣсто (25-го апрѣля 1831 года) и издалъ новую конституцію (12-го октября 1832 года).—Въ *Саксоніи* король пользовался общимъ уваженіемъ. Но правительственная система, въ которой вліяніе іезуитовъ чувствовалось весьма сильно и тяжело, средневѣковое устройство народнаго представительства, вполне бесполезное и обременительное—вызывали всеобщее неудовольствіе. Возстаніе началось съ уличныхъ беспорядковъ въ Дрезденѣ и Лейпцигѣ и, мало по малу, вынудило короля дать народу конституцію (4-го сентября 1831 г.). Подобныя же обстоятельства вызвали возстаніе и въ Ганноверѣ, гдѣ аристократическая реакція привела къ учрежденію олигархическаго представительства 1819 года. Новыя требованія не вызвали особеннаго сопротивленія въ королѣ ганноверскомъ и англійскомъ Вильгельмѣ IV (26-го іюня 1830—20-го іюня 1837 гг.). Прямодушный и смѣлый морякъ, онъ содѣйствовалъ осуществленію знаменитой парламентской реформы въ Англии (1832 года). Требованія Ганноверцевъ также были удовлетворены изданіемъ конституціи 1833 года.

Но эти частныя успѣхи казались разнымъ политическимъ мечтателямъ предвѣстіемъ всеобщей и болѣе радикальной германской революціи. Они рѣшились на поступки, вызвавшіе общегерманскую реакцію. Именно 24-го мая 1832 года къ развалинамъ Гамбахскаго замка стеклась толпа, въ 30.000 человекъ, для устройства общенациональнаго праздника. Трудно представить, сколько несообразностей было здѣсь сдѣлано и сказано! Здѣсь была, между прочимъ, высказана мысль объ учрежденіи республиканскихъ соединенныхъ штатовъ изъ всей Европы, раздавались крики о низверженіи всѣхъ монарховъ и т. д. Во Франкфуртѣ, 3-го апрѣля 1833 года, горсть заговорщиковъ рѣшилась испровергнуть весь существующій порядокъ силою, полагая, что къ ней присоединятся единомышленники изъ всѣхъ странъ Европы. Дѣло кончилось, однако, неудачнымъ нападеніемъ на двѣ франкфуртскія гауптвахты, причемъ нѣсколько человекъ было убито.

Оба эти событія, выказавшія безсиліе и даже нелѣпость „всеобщей революціонной партіи“, вооружили бдительнаго князя Меттерниха сильными доказательствами въ пользу своей системы. Подъ его вліяніемъ снова начались министерскія конференціи, результатъ которыхъ

былъ сходенъ съ послѣдствіями карлсбадскихъ конференцій 1819 г. Во Франкфуртѣ была учреждена центральная сыскная коммиссія для преслѣдованія демагогическихъ происковъ; цензурныя строгости были усилены; даже въ Баденѣ, гдѣ до тѣхъ поръ господствовала свобода печати, сеймъ заставилъ ввести цензурный уставъ. Фрейбургскій университетъ былъ закрытъ, Роттекъ и Велькеръ лишены мѣстъ. Права народнаго представительства, гдѣ оно существовало, были стѣснены тѣмъ, что, во первыхъ, отказъ въ утвержденіи бюджета прировненъ къ мятежу противъ правительства, вторыхъ, тѣмъ, что обнародованіе преній обставлено ограничительными условіями.

Въ отдѣльныхъ государствахъ реакція привела къ самымъ печальнымъ результатамъ. Въ *Баваріи* король Людвигъ I (1825—1848 гг.), прежде либерально настроенный, щедрый покровитель наукъ и художествъ ¹⁾, теперь, опираясь на олигархическую и клерикальную партію, сдѣлался орудіемъ реакціонныхъ мѣръ, приведенныхъ въ систему знаменитымъ министерствомъ Абеля (1837—1847). Въ *Ганноверѣ* только что приобрѣтенныя учрежденія были утрачены безъ особеннаго сопротивленія. Въ 1837 году скончался бездѣтный король Англіи и Ганновера Вильгельмъ IV. Отнынѣ два государства, до тѣхъ поръ соединенныя ²⁾, должны были раздѣлиться. Порядокъ престолонаслѣдія въ Англіи и Ганноверѣ былъ различенъ. Англійскіе законы признають преимущество лицъ мужескаго пола предъ лицами женскаго только въ одной и той же линіи; но женщина, принадлежащая къ старшей линіи, имѣетъ право заступленія и потому исключаетъ агнатовъ младшихъ линій. На этомъ основаніи юная Викторія наследовала своему дядѣ, Вильгельму IV ³⁾. Напротивъ ганноверскій поря-

¹⁾ Ему Баварія вообще и Мюнхенъ въ особенности обязаны такими учрежденіями, какъ Пинокотека, знаменитая бібліотека и т. п. Онъ содѣйствовалъ также процвѣтанію Мюнхенскаго университета.

²⁾ Съ призваніемъ ганноверской династіи на англійскій престолъ (1714—1837). Изъ этого времени должно вычесть періодъ чужеземнаго занятія (1801—1813).

³⁾ Слѣдующая таблица лучше всего уяснитъ дѣло:

Георгъ III.
(1760—1820 гг.).

Георгъ IV. (бездѣт.) † 1830 г.	Вильгельмъ IV. (бездѣт.) † 1837 г.	Эдуардъ, герцогъ Кентскій. Викторія.	Фристъ-Августъ, герцогъ Кумберландскій. Георгъ.
--------------------------------------	--	---	--

Такимъ образомъ Викторія заступила мѣсто отца своего, герцога Эдуарда Кент-

докъ совершенно устранилъ женщинъ отъ престола; герцогъ Кумберландскій, дядя Викторін, сдѣлался королемъ ¹⁾). Если Ганноверцы и радовались, что отнынѣ ихъ небольшое королевство будетъ „вполнѣ независимо“, то ихъ кратковременная радость вскорѣ обратилась въ печаль. Изъ всѣхъ сыновей Георга III, Эрнстъ-Августъ наиболѣе напоминалъ старшаго своего брата, бывшаго короля Георга IV, который еще при жизни отца отличался разгульнымъ образомъ жизни, приводилъ въ ужасъ своихъ кредиторовъ и потомъ возстановилъ противъ себя общественное мнѣніе неблаговиднымъ процессомъ противъ своей жены ²⁾). Эрнстъ-Августъ, покидая Англію въ качествѣ новаго ганноверскаго короля, оставилъ по себѣ неблагопріятныя воспоминанія; какъ членъ верхней палаты, онъ принадлежалъ къ ультра-ториѣской партіи; какъ сотоварищъ своего старшаго брата, онъ оставилъ въ прежнемъ отечествѣ страшную цифру долговъ. Маленькое королевство, престолъ котораго отнынѣ принадлежалъ ему, казалось достаточнымъ источникомъ для покрытія грѣховъ первыхъ 66 лѣтъ его жизни. Между тѣмъ въ новомъ своемъ отечествѣ онъ нашелъ конституцію, значительно ограничивавшую прерогативу короля. Первымъ его актомъ было непризнаніе конституціи 1833 года, подъ тѣмъ предлогомъ, что она была дана безъ его согласія. Благодаря этому дѣйствію обширныя имущества короны, объявленныя по конституціи государственною собственностію, перешли снова въ личное распоряженіе короля, который и могъ удовлетворить своихъ кредиторовъ ими. Произвольная отмѣна конституціи обошлась безъ особеннаго сопротивленія. Государственные чины обратились къ сейму, но сеймъ принялъ сторону короля. Только семь профессоровъ Гёттингенскаго университета признали невозможнымъ согласить присягу, давшую ими конституціи, съ вѣрностію королю, отмѣнившему ее; они обнародовали свой протестъ и были уволены. Это были: Альбрехтъ, Веберъ, Гервинусъ, Вильгельмъ и Яковъ Гриммы, Дальманъ и Эвальдъ ³⁾). За-

скаго, умершаго еще при жизни Георга IV (23-го января 1820 года) и исключила дядю своего герцога Кумберландскаго и его сына Георга (род. въ Англіи 27-го мая 1819 года, въ 1851 году сдѣлался Ганноверскимъ королемъ подъ именемъ Георга V).

¹⁾ Эрнстъ-Августъ Кумберландскій род. въ 1771 году, † въ 1851 году.

²⁾ Каролина-Амалия-Елисавета род. въ 1768 году, ум. въ 1821 году.

³⁾ Приводимъ нѣкоторыя подробности объ этихъ профессорахъ, знаменитыхъ въ ученое мѣсто:

1) *Альбрехтъ* (Вильг. Эд.) род. въ 1800 году; съ 1830 года профессоръ юридическаго факультета въ Гёттингенскомъ университетѣ. Послѣ изгнанія изъ

тѣмъ Эрнстъ-Августъ односторонне далъ новое устройство 1840 г., принятое вновь созванными сословными чинами.

Среди этихъ непрерывныхъ колебаній, мало двигавшихъ дѣло впередъ, рѣзко выдѣлялась политика государства, которому суждено было подготовить и осуществить единство Германіи. Успѣхи Пруссіи коренились въ историческихъ условіяхъ этой страны: съ 1815 по 1866 годъ. Основательное изученіе исторіи должно привести и приводитъ къ тому убѣжденію, что во всемірной исторіи нѣтъ, такъ сказать, *незаслуженныхъ* и случайныхъ успѣховъ, если имѣть въ виду успѣхи прочные. Военная диктатура, основанная во Франціи Наполеономъ I, не была „случайнымъ и незаслуженнымъ успѣхомъ“. Армія французской республики, отстаивавшая независимость отечества, чистая отъ неистовства партій 1793 года, отъ позора, какимъ покрыла себя директорія (1795 — 1799 гг.), была не только физической, но и нравственною силою, которая должна была обрушиться на глубоко

Ганновера принять былъ въ Лейпцигскій университетъ и въ 1849 году участвовалъ, какъ увидимъ ниже, въ тогдашнихъ политическихъ событіяхъ.

2) *Веберъ* (Вильг. Эд.) род. въ 1804 году. Известный физикъ и естествоиспытатель. Въспѣлъ съ Э. Г. Веберомъ разработать теорію свѣтовыхъ и звуковыхъ волнъ. Знаменитъ своими сочиненіями о магнетизмѣ и электричествѣ.

3) *Гервинусъ*, Георгъ-Готфридъ (1805—1861). Знаменитый авторъ «Исторіи XIX вѣка» (1855—1866), «Исторіи нѣмецкой національной литературы» (1835—1842), изслѣдованія о Шекспирѣ (1849), и мног. друг. Послѣ катастрофы 1837 года перешелъ, въ 1844 году, въ Гейдельбергъ, гдѣ и умеръ.

4) *Яковъ Гриммъ* (1785—1863). Знаменитый лингвистъ, авторъ исторіи нѣмецкаго языка, нѣмецкой грамматики, нѣмецкой мнѣологии, нѣмецкихъ юридическихъ древностей и т. д. Изгнанный ганноверскимъ правительствомъ, онъ былъ призванъ прусскимъ въ Берлинъ (1841).

5) *Вильгельмъ Гриммъ* (1786—1859), братъ предыдущаго, раздѣлявшій съ нимъ труды по изданію нѣмецкихъ былинъ и т. п. Онъ и самостоятельно издалъ много произведеній національной литературы. Прусское правительство призвало его въ Берлинъ одновременно съ его братомъ.

6) *Фр. Христ. Дальманъ* (1785—1860). Известный историкъ и публицистъ, еще до катастрофы 1838 года получившій громкую извѣстность своими трудами: «Forschungen auf dem Gebiete der deutschen Geschichte (1822—1823), Quellenkunde der deutsch. Gesch. (1830), Politik (1835) и друг. Имъ же была составлена конституція 1833 года. Въ 1842 году онъ былъ призванъ въ Воннъ. Мы встрѣтились съ нимъ еще въ 1848 году.

7) *Эвальдъ* (Георгъ-Генрихъ *) род. въ 1803 году. Ученый оріенталистъ, извѣстный своими сочиненіями: «Исторія еврейскаго народа»; «Учебникъ еврейскаго языка»; «Первыя три Евангелія» и друг. Въ 1838 году онъ былъ приглашенъ въ Тюбингенъ; въ 1848 году возвратился въ свой родной Гёттингенъ.

деморализованное общество Франціи. Роль Пруссіи въ Германіи, разъединенной, слабой, деморализованной политикою австрійскаго двора, терявшей уваженіе къ власти въ лицѣ государей, какъ курфюрстъ Гессенскій, герцогъ Брауншвейгскій и Эрнстъ-Августъ Ганноверскій, значительно напоминала роль французской арміи въ 1799 году и арміи „святыхъ“, упрочившей могущество Кромвеля.

Пруссія послѣ 1815 года сохранила свой типъ абсолютной монархіи. Но эту монархію никакъ нельзя ставить въ одинъ разрядъ съ прочими абсолютными монархіями Германіи, реставрированными въ 1815 году. Реставрація принесла однимъ государствамъ ненавистныя всѣмъ средневѣковыя учрежденія, бережно сохраненныя до разгрома 1801—1814 гг.; въ другихъ явились конституціонныя учрежденія, быстро выродившіяся въ прозрачный конституціонализмъ, особенно тяжело дѣйствовавшій на людей опредѣленныхъ и твердыхъ убѣжденій. Въ Пруссіи издавна начался процессъ глубокаго и разумнаго государственнаго развитія, который былъ прерванъ событіями 1791—1807 гг., возобновился подъ твердою рукою Штейновъ и Гарденберговъ и не останавливался до нашихъ дней. Для прусскаго народа „реставрація“ далеко не имѣла того значенія, какъ для другихъ народовъ Германіи. Она не означала здѣсь возстановленія дикихъ феодальныхъ привилегій, тягостныхъ повинностей, отжившихъ корпораций, даже косъ и нудры. Идея новаго государства, выясненная Фридрихомъ II, неуклонно шла къ своему торжеству. Реформы Штейна улучшили положеніе низшихъ классовъ и положили начало мѣстному самоуправленію; всеобщая воинская повинность, организованная *Шарнюрстомъ* ¹⁾, всеобщее обязательное обученіе воспитывали совершенно новое общество. Монархическая власть не была солидарна съ нѣкоторыми сословіями и не становилась орудіемъ ихъ интересовъ; она *возвышалась* надъ ними *wie ein Rocher de bronze* ²⁾, въ качествѣ представительницы новой государственной идеи и опиралось на свою собственную силу. Независимость и сила королевской власти дозво-

¹⁾ Гергардъ - Давидъ Ф. Шарнгоретъ род. въ 1756 году; въ 1801 году онъ поступилъ въ прусскую службу; съ 1807 г. по 1810 г. управлялъ всею военною частью; † въ 1813 году.

²⁾ Известное выраженіе прусскаго короля Фридриха-Вильгельма I (1713—1740): «Ich stabilire die Souvereneté wie ein Rocher de bronze». Эта смѣсь французскаго съ нѣмецкимъ объясняется обычаями берлинскаго двора и завоеваніями, сдѣланными французскимъ языкомъ въ XVII и XVIII столѣтіяхъ во всѣхъ государствахъ Европы.

ляли ей производить коренныя общественныя реформы, двигать впередъ законодательство не только безъ малѣйшаго ущерба своему авторитету, но къ явному его возвеличенію. Этой силѣ королевской власти содѣйствовали и личныя качества ея представителей, лучше сказать, традиціонныя свойства знаменитой династіи Гогенцолерновъ.

Нельзя было не питать уваженія къ этой вполне національной, бережливой и трудолюбивой династіи. Члены ея ничѣмъ не напоминали таковыхъ государей Германіи, какъ курфюрстъ Карлъ Брауншвейгскій, или Эрпстъ Августъ Ганноверскій. Они не видѣли въ абсолютной власти средства неограниченно пользоваться государственными имуществами для удовлетворенія своихъ личныхъ страстей. Вѣруя въ силу и божественное происхожденіе королевской власти, они были проникнуты сознаниемъ ея высокаго назначенія. Девизъ великаго курфюрста ¹⁾ гласилъ: *pro Deo et populo*; Фридрихъ II высказалъ мысль, что *le monarque est le premier domestique de l'état*. Этотъ достойный крестникъ нашего Великаго Петра, который съ такимъ же правомъ могъ примѣнить къ себѣ поговорку крестника, остался вѣренъ своему девизу. Но мѣръ силъ и способностей, задача, указанная Фридрихомъ, осуществлялась и его преемниками. Спокойные обладатели наследственной и сильной власти, они не должны были прибѣгать для ея поддержанія къ тѣмъ мѣрамъ, какія были въ ходу въ Вѣнѣ. Скептической князь Меттернихъ, въ глубинѣ души не вѣрившій въ проповѣдуемыя имъ теоріи, слишкомъ поверхностный для серьезнаго чувства долга, сталъ на сторожѣ новыхъ идей, торжество которыхъ онъ предвидѣлъ, и предотвращалъ его безпощадными полицейскими мѣрами и искаженіемъ системы образованія. Глубоко вѣрующіе и сознающіе свою силу Гогенцолерны смѣло шли на встрѣчу общественнымъ требованіямъ и удовлетворяли ихъ, по скольку это не было сопряжено съ ущербомъ королевской прерогативы.

При такихъ условіяхъ неудовольствіе, порожденное реакціею во всей Германіи, въ Пруссіи было низведено до *minimum'a*. Неудовлетвореннымъ оставалось здѣсь, главнымъ образомъ, требованіе новой формы правленія. Но это требованіе, безъ связи съ другими реальными общественными стремленіями, по возможности удовлетворявшимися, было слишкомъ отвлеченно, непонятно для массы и во всѣхъ отношеніяхъ преждевременно. Пруссіе короли могли назвать самихъ

¹⁾ Фридрихъ-Вильгельмъ, прозванный великимъ курфюрстомъ, основатель прускаго могущества, царствовалъ съ 1640 по 1688 годъ.

себя весьма хорошими конституціями, во всякомъ случаѣ лучшими, чѣмъ призрачная конституція Баваріи, съ ея клерикалами и іезуитами.

Конечно, Пруссія, въ періодъ времени отъ 1815 до 1848 года, далеко не свободна отъ упрековъ въ различныхъ, весьма печальныхъ заблужденіяхъ. Король Фридрихъ Вильгельмъ III (1797—1840 г.) во многихъ отношеніяхъ подпалъ вліянію австрійской политики. Послѣ событій, вызвавшихъ карлсбадскую конференцію, онъ отказался отъ услугъ такихъ людей, какъ В. Гумбольдтъ, Гарденбергъ, Бейме и друг.; мѣсто ихъ заняли Витгенштейнъ, Камцъ и т. п. Началось преслѣдованіе отдѣльныхъ лицъ, указанныхъ изъ Вѣны, въ качествѣ опасныхъ. Такъ пострадали патріоты Арндтъ ¹⁾, Янъ ²⁾, Гёррессъ ³⁾ и друг. Цензурныя строгости доходили иногда до странности. Такъ, цензурѣ велѣно было не пропускать выраженія „протестантъ“ и „протестантское вѣроисповѣданіе“, замѣняя его выраженіемъ „вангелическій“.

Бюрократическая опека часто заслуживала упрековъ, дѣлаемыхъ ей Штейномъ. Во время событій 1832 и 1834 гг. Пруссія слишкомъ усердно осуществляла на сеймѣ идеи Вѣнскаго кабинета.

Но всѣ эти мѣры имѣли, такъ сказать, спорадическій, отрывочный характеръ. Они не были плодомъ общей, глубоко усвоенной си-

¹⁾ Эрнстъ Морицъ Арндтъ (1769—1860). Извѣстный германскій историкъ, поэтъ и горячій патріотъ. Въ горькій для Пруссіи періодъ 1807—1814 гг. поддерживалъ народный духъ и былъ ревностнымъ подвижникомъ Штейна, съ которымъ и раздѣлялъ его изгнаніе. Въ 1815 году поступилъ въ прусскую службу и въ 1817 году занялъ катедру исторіи въ Боннѣ. Въ качествѣ «опаснаго дѣлагога», смѣщенъ въ 1819 и возвращенъ къ своему мѣсту только Фридрихомъ Вильгельмомъ IV въ 1840 году. Его историческіе труды, мемуары, стихотворенія и т. д., весьма многочисленны. Онъ участвовалъ и въ національномъ собраніи 1848 года. Умеръ на 91 году!

²⁾ Фридр. Людв. Янъ (Jahn) род. въ 1768, ум. въ 1852 году. Его зовутъ отцомъ гимнастическихъ обществъ (Turn Vater). Горячій патріотъ, онъ сдѣлалъ изъ гимнастическихъ обществъ и гимнастическихъ союзовъ (Turnvereine) средство сближенія германской молодежи разныхъ странъ и орудіе проповѣди единой Германіи. Съ 1819 года онъ жилъ то въ тюрьмѣ, то подъ строгимъ надзоромъ. Въ 1848 году былъ депутатомъ въ національномъ собраніи. Фр. Людв. Янъ не должно смѣшивать съ извѣстнымъ филологомъ Отто Яномъ (1831—1869), который также принималъ участіе въ событіяхъ 1848 года.

³⁾ Иосифъ Гёррессъ (1776—1848 г.) ученый богословъ и публицистъ. Въ 1820 году бѣжалъ отъ преслѣдованія во Францію и съ 1827 года сдѣлался профессоромъ въ Мюнхенѣ, гдѣ совершенно измѣнилъ свой прежній образъ мыслей.

стемы, какъ въ Австріи. Ни одно истинно уважающее себя и вѣрящее въ свою силу правительство (а такимъ было правительство Го-генцолерновъ) не рѣшится возвести застои въ принципъ политики и не ограничить своей дѣятельности мѣрами отрицательными. Явнымъ доказательствомъ этому служить царствованіе Фридриха Вильгельма III. Къ этому времени относятся реформы, видоизмѣнившія общественный и административный бытъ Пруссіи.

Хотя Штейна и Гарденберга не было уже въ администраціи, но все, совершенное ими, сохранилось. Право приобрѣтенія поземельной собственности всѣхъ видовъ, одинаково открытое для всѣхъ ¹⁾, уничтоженіе поземельной зависимости ²⁾, крѣпостнаго права ³⁾, утверженіе права собственности за крестьянами, поселенными на коронныхъ земляхъ въ восточной и западной Пруссіи, также въ Бранденбургѣ ⁴⁾, городское положеніе ⁵⁾, законъ о свободѣ промышленности ⁶⁾,—всѣ эти реформы, долженствовавшія обновить Пруссію, остались неприкосновенными. Но творческая сила Прусскаго государства проявляла себя и послѣ реставраціи. Вонервыхъ, всеобщая воинская повинность, организованная Шарпгорстомъ въ видѣ временной мѣры, была возведена 3-го сентября 1814 года на степень общаго закона. Это примѣненіе принципа равноправности къ отиравленію одной изъ самыхъ тягостныхъ повинностей показало, какъ мало общаго имѣла Пруссія съ феодальными государствами остальнаго сѣвера Германіи. Затѣмъ царствованіе Фридриха Вильгельма III было плодотворно относительно организаціи народнаго образованія.

Здѣсь мы должны упомянуть о дѣятельности челоуѣка, память котораго, конечно, не изгладится въ Пруссіи, именно о министрѣ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія *Альтенштейнѣ* ⁷⁾. Другъ и любимецъ Гарденберга, онъ былъ однимъ изъ послѣднихъ представителей славной плеяды государственныхъ людей временъ Штейна и Гумбольдта. Положеніе его среди Витгенштейновъ, Камцевъ, Штоль-

¹⁾ Эдиктъ 9-го октября 1807 года.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Кабинетскій указъ 28-го октября 1807 года, обязательный для всѣхъ прусскихъ провинцій.

⁴⁾ Эдиктъ 27-го іюня 1808 года. Имъ было надѣлено 125.000 крестьянскихъ семействъ.

⁵⁾ 19-го ноября 1808 года.

⁶⁾ Законъ 28-го октября 1810 года (въ министерство Гарденберга).

⁷⁾ Karl Freiherr Stein zum Altenstein, 1770—1810 гг. Къ сожальнію, полной и подробной біографіи Альтенштейна не существуетъ.

цевъ и т. п., было чрезвычайно трудно. Кроме того, реакціонныя мѣры союза, направленныя противъ университетовъ и гимназій, значительно стѣсняли осуществленіе его плановъ. Не смотря на это онъ успѣлъ удержать за собою должность въ теченіе 23-хъ лѣтъ (1817 — 1840) и сдѣлать чрезвычайно много. Ему принадлежитъ, во первыхъ, новая организація элементарнаго обученія, то - есть, народныхъ школъ. Конечно, въ этомъ отношеніи ему не пришлось бороться противъ принциповъ, враждебныхъ образованію народной массы. Еще общее земское уложеніе Пруссіи ¹⁾ признало элементарное образованіе не только полезнымъ, но и *обязательнымъ*. Оставалось только распространить дѣйствіе этого начала на тѣ мѣстности, гдѣ не дѣйствовало земское уложеніе; это было сдѣлано указомъ 14-го мая 1825 г. Но примѣненіе этого благотворнаго принципа встрѣчало затрудненіе въ матерьяльныхъ средствахъ страны, разоренной войною и тяжкими контрибуціями. И здѣсь обнаружилось все искусство Альтенштейна. Организованная имъ школьная система, по количеству и качеству заведеній, считалась образцовою ²⁾. Точно также была организована система гимназическаго образованія. Альтенштейнъ увеличилъ количество этихъ заведеній, принялъ мѣры въ подготовкѣ учителей (въ которыхъ сначала чувствовался недостатокъ) чрезъ учрежденіе особыхъ семинарій въ Боннѣ, Кёнигсбергѣ и Галле. Средства гимназій были увеличены устройствомъ библіотекъ, естественно-историческихъ коллекцій, физическихъ кабинетовъ въ каждой изъ нихъ. Планъ преподаванія былъ тщательно обработанъ. Наконецъ, университеты нашли въ Альтенштейнѣ дѣятельнаго и доброжелательнаго покровителя. Еще въ 1809 году, въ качествѣ министра финансовъ,

¹⁾ Система начальныхъ училищъ была организована въ Пруссіи еще въ царствованіе Фридриха Вильгельма I. Новый общій уставъ для школъ изданъ Фридрихомъ II. Въ этомъ уставѣ уже проводится начало обязательнаго обученія. Общее земское уложеніе 1794 приняло это начало, предписавъ каждому обывателю, не имѣющему средствъ доставить своимъ дѣтямъ домашнее образованіе, посылать ихъ въ школу. Посѣщеніе школы должно было продолжаться до надлежащаго удостовѣренія, что дитя приобрѣло необходимыя свѣдѣнія (die einem Jeden vergünftigen Menschen seines Standes nothwendigen Kenntnisse erworben hat). Ср. *Rönne, Staatsrecht der Pr. Mon.*, т. I, § 202. Конечно, точное исполненіе этого требованія было трудно при феодалной и даже крѣпостной зависимости массы крестьянъ. Но съ 1807 года это препятствіе было устранено.

²⁾ Въ Пруссіи уже въ 1822 г., при народонаселеніи въ 11.664.133 д. числилось народныхъ училищъ 20.440, обязательно посѣщаемыхъ 1.427.045 уч. Ср. *Окольский*, «Объ отношеніи государства къ народному образованію», стр. 570.

онъ содѣйствовалъ учрежденію Берлинскаго университета, куда предполагалось привлечь лучшія научныя силы Германіи. Затѣмъ онъ вліялъ на учрежденіе другаго университета — въ Боннѣ. Средства прусскихъ университетовъ—Берлинскаго, Кёнигсбергскаго, Бреславльскаго и друг., — постоянно увеличивались. Умный министръ бережно охранялъ свободу преподаванія, на сколько это дозволяли усилія реакціи. Онъ пріютилъ въ Берлинскомъ университетѣ Гегеля, философія котораго имѣла такое преобладающее значеніе въ Европѣ. Кромѣ того, Альтенштейнъ, какъ начальникъ медицинской части, содѣйствовалъ ея успѣхамъ, въ размѣрахъ, не выданныхъ въ Пруссіи.

Не менѣе успѣховъ представляла область государственнаго хозяйства, поставленнаго подъ руководство фонъ Матца (Matz) и Маассена (Maassen). Здѣсь задача администраціи была еще труднѣе, чѣмъ въ области народнаго образованія. Пруссія вышла изъ войны за освобожденіе со славой, но обремененная долгами и ослабленная въ экономическомъ отношеніи. Разворонные города и селенія, пріостановленные въ своемъ развитіи земледѣліе, промышленность и торговля требовали содѣйствія государства, которое, кромѣ того, должно было озаботиться восполненіемъ своихъ собственныхъ средствъ. Къ 1820 году государственный долгъ представлялъ цифру въ 218 мил. талеровъ. Отъ финансоваго управленія требовалась величайшая бережливость и находчивость. Король началъ сокращеніе расходовъ съ своего собственнаго двора. На поощреніе производительныхъ силъ страны было обращено особенное вниманіе. Внутреннія таможи, затруднявшія торговлю, были уничтожены. Тарифъ былъ пересмотрѣнъ и законъ 1818 года положилъ въ основу его принципъ бѣльшей свободы торговли. Усиліями финансовай администраціи государственный долгъ былъ пониженъ къ 1848 году до 137½ мил.

Наконецъ, самый механизмъ администраціи былъ значительно улучшенъ. Сюда относятся улучшения, сдѣланныя въ порядкѣ провинціального и окружнаго управленія. (Распоряженія 1815 и 1818 гг.).

При этихъ условіяхъ Пруссія могла спокойно выслушивать упреки, дѣлаемыя ей за отсутствіе конституціонныхъ учреждений. Упреки эти, впрочемъ, имѣли болѣе формальный характеръ. Въ дѣйствительности же надежды патриотовъ обращались къ этому сильному государству, способному, какъ они справедливо полагали, стать во главѣ будущаго общегерманскаго движенія. Пруссія сама подготавливала его. Конечно, правительство Фридриха Вильгельма III было далеко отъ рѣшительной политики новѣйшей Пруссіи. Обаяніе вѣнской дипломатической

системы при берлинскомъ дворѣ было слишкомъ велико и патриоты часто жаловались, что Пруссія ведетъ себя какъ вассальное государство Австріи. Потребность мира, во чтобы то ни стало, заглушала традиціонное чувство соперничества съ старымъ врагомъ Гогенцолерновъ; настоятельныя внутреннія преобразованія поглощали вниманіе возрождавшагося государства и оно предоставляло во внѣшней политикѣ полную свободу дипломатическому искусству вѣнскаго правительства, не думавшаго о внутреннихъ реформахъ. Если Пруссія и выступала въ это время на дипломатическомъ поприщѣ, то въ качествѣ вѣрнаго союзника Австріи, которая и пользовалась значеніемъ ея для своихъ цѣлей. Такъ было на знаменитыхъ министерскихъ конференціяхъ 1834 года.

Но былъ одинъ вопросъ внѣшней политики, вопросъ до такой степени тѣсно связанный съ экономическими интересами Пруссіи, что самостоятельная политика, свободная отъ указаній Австріи, одна могла разрѣшить его. Это — вопросъ *тиможенный*.

Раздробленіе Германіи на множество независимыхъ государствъ вредно отразилось на интересахъ внутренней и транзитной торговли союза. Каждое государство было обнесено таможенною границею, неудобства которой увеличивались значительнымъ количествомъ внутреннихъ заставъ, издавна существовавшихъ между отдѣльными провинціями и даже округами каждаго государства. Трудно сосчитать, сколько таможенныхъ липій долженъ былъ пройти товаръ, направлявшійся, на примѣръ, изъ Бадена въ восточную Пруссію; сколько различныхъ пошлинъ, основанныхъ на самыхъ разнообразныхъ тарифахъ, нужно было уплатить за него; сколько затрудненій представляли различныя административныя обычаи каждой таможенной линіи. Къ этимъ общимъ неудобствамъ присоединились нѣкоторыя спеціальныя для каждаго отдѣльнаго государства. Территоріи многихъ изъ нихъ не была закругленнымъ и законченнымъ цѣлымъ; трактаты Вѣнскаго конгресса не устранили сильной черезполосицы. Нѣкоторыя провинціи были отдѣлены отъ главной территоріи владѣніями чужаго государства; съ другой стороны, въ территоріи отдѣльныхъ государствъ вмѣщались области другихъ. Особенно тяжело отзывались эти условія на интересахъ Пруссіи. Ея прирейнскіи провинціи были отдѣлены отъ главной территоріи владѣніями Ганновера, Кургессена, Гессенъ-Дармштадта и Фрапкфурта на Майнѣ; внутри ея территоріи помѣщались чужія владѣнія, на примѣръ, Ольденбурга, Ангальтскихъ герцогствъ и

друг.; нѣкоторые, принадлежавшіе ей, участки лежали при южныхъ границахъ Виртемберга.

Между тѣмъ, необходимость улучшить условія торговли, а слѣдовательно, и промышленности, сознавалась всѣми. Германія, разоренная событіями послѣднихъ лѣтъ, не могла соперничать съ промышленностью французскою и англійскою. Неравномѣрность условій экономическаго соперничества чувствовалась съ каждымъ годомъ сильнѣе. Лучшіе умы пришли къ сознанию необходимости обезпечить свободу торговли между отдѣльными государствами союза и установить, по возможности, единообразныя торговыя отношенія Германіи къ прочимъ европейскимъ государствамъ. Но средства къ разрѣшенію задачи не соотвѣтствовали, на первый разъ, высотѣ стремленій.

XIX статьи союзнаго акта обѣщала, правда, что союзныя правительства обсудятъ этотъ вопросъ; но скоро для всѣхъ стало ясно, что сеймъ не въ силахъ разрѣшить его. Онъ могъ быть разрѣшенъ только частнымъ соглашеніемъ между отдѣльными правительствами.

Первый толчекъ данъ былъ Пруссію. Законъ 26-го мая 1818 года уничтожилъ, какъ мы видѣли, внутреннія таможи и установилъ условія новаго тарифа, приноровленнаго къ началамъ свободы торговли. Вслѣдъ за этимъ прусское правительство обратилось съ деклараціею къ другимъ государствамъ, въ которой изъясняло свои намѣренія относительно внѣшней торговли и излагало условія, на которыхъ оно было согласно заключить съ ними торговыя договоры. Но это предложеніе было встрѣчено на первый разъ холодно. Германскія правительства съ неудовольствіемъ взглянули на попытку Пруссіи сдѣлать *свой* законъ, противорѣчивій преданіямъ покровительственной системы. Этимъ обстоятельствомъ воспользовалась Австрія, видѣвшая въ попыткахъ Пруссіи не только экономическія, но и политическія цѣли.

Нерѣшимость и соперничество правительствъ тяжело отзывались на интересахъ общества. Въ 1819 году, во время франкфуртской ярмарки, значительное количество торговыхъ людей рѣшилось обратиться къ правительствамъ съ просьбою облегчить условія внутренней торговли. Органомъ этихъ лицъ явился знаменитый и талантливый экономистъ *Фридрихъ Листъ*¹⁾. Онъ не только составилъ предложеніе,

¹⁾ *Фр. Листъ* (List) род. въ 1789 г., умеръ въ 1846 г. Смерть его приписываютъ самоубійству. Трудно найти жизнь, болѣе исполненную волненіями всякаго рода, какъ жизнь Листа. Впрочемъ, его характеръ, страстный, прямой, вполне соотвѣтствовалъ событіямъ жизни. Замѣченный въ 1816 году либераль-

но содѣйствовала учрежденію особой ассоціаціи фабрикантовъ и негодіантовъ для воздѣйствія на общественное мнѣніе и на правительство.

Конгрессы слѣдовали одинъ за другимъ ¹⁾. Но безуспѣшность ихъ долгое время приводила въ отчаяніе торговый міръ. Только съ 1827 г. стали обнаруживаться серьезные результаты долгихъ правительственныхъ переговоровъ и общественной пропаганды. 17-го апрѣля 1827 г. между Баварією и Виртембергомъ былъ заключенъ торговый трактатъ, въ 1828 году—таможенный союзъ. Пруссія, съ своей стороны, привлекла къ себѣ нѣкоторыя государства (между прочимъ, великое герцогство Гессенское). Третья группа государствъ—Ганноверъ, Ольденбургъ, Брауншвейгъ, заключили самостоятельный союзъ, получившій въ послѣдствіи названіе *Steuerverein*'а. Эти три ассоціаціи были установлены въ 1828 году. Вопросъ заключался теперь въ томъ, которая изъ нихъ сдѣлается центромъ общегерманскаго союза? Ганноверскій союзъ, поддерживаемый австрійскимъ кабинетомъ, думалъ, ради противодѣйствія Пруссіи, устроить союзъ изъ сѣверныхъ и центральныхъ государствъ. Но этотъ проектъ не состоялся. Въ 1831 году къ прусскому союзу присоединился Кургессенъ, чрезвычайно важный для торговыхъ цѣлей этого государства. Событія, слѣдовавшія за француз-

---

нымъ виртембергскимъ министромъ *Вагенеймомъ*, онъ былъ приглашенъ на кафедру политической экономіи въ Тюбингенъ. Въ 1819 году онъ явился во Франкфуртъ для извѣстной намъ цѣли. Затѣмъ, какъ либеральный членъ палаты депутатовъ, онъ, по предложенію министерства (смѣнившаго министерство Вагенейма) былъ исключенъ изъ палаты, преданъ суду, осужденъ и бѣжалъ во Францію. Отсюда онъ съ Лаоайетомъ уѣхалъ въ Америку (1825), гдѣ организовалъ обширное общество разработки каменноугольныхъ копей и скоро составилъ себѣ громкое имя и большое состояніе. Въ концѣ 1830 года онъ явился въ Парижъ и отсюда опять уѣхалъ въ Америку (1831). Въ слѣдующемъ году онъ явился, однако, въ Германію, со званіемъ американскаго консула въ Лейпцигъ. Съ 1833 года начинается его обширная литературная дѣятельность, имѣвшая на этотъ разъ цѣлью подвинуть вопросъ о сооруженіи германскихъ желѣзныхъ дорогъ. Въ это же время были обдуманы имъ начала его политической экономіи, представляющей оригинальное явленіе. Листъ, защищая свободу торговли между германскими державами, въ вопросахъ внѣшней торговли держался покровительственной теоріи, которую выводилъ изъ требованія національныхъ интересовъ. Его сочиненіе озаглавлено: *Національная система политической экономіи (Das Nationale-System der Pol. Oek.)*, Оно вышло въ 1841 году. Затѣмъ идеи его развивались имъ въ газетѣ—*Zollvereinsblatt*. Остальные годы его жизни сопровождалась неприятностями, имущественными лишеніями, семейными несчастьями. Сочиненія его изданы въ 1850 году профессоромъ Гейссеромъ въ 2-хъ томахъ.

¹⁾ Конференціи въ Вѣнѣ, Дармштадтѣ, наконецъ, въ Штутгартѣ, 1825 года.

скою революціею 1830 года, дали новый толчекъ переговорамъ и содѣйствовали сближенію сѣвера съ югомъ. Нѣсколько лѣтъ опыта доказали уже выгоды союза съ Пруссіею. Вопервыхъ, она сама по себѣ представляла выгодный рынокъ; вовторыхъ, она приняла за правило удѣлять членамъ своего союза бѣльшую долю таможенныхъ сборовъ, чѣмъ, въ сущности, слѣдовало. Именно, въ прусскомъ союзѣ таможенные сборы дѣлились не пропорціально ввозу и потребленію, а поголовно, отчего небольшія государства были въ большомъ выигрышѣ.

При этихъ условіяхъ Пруссія успѣла достигнуть учрежденія знаменитаго *таможеннаго союза* въ 1833 года (Zollverein). Основанія его были слѣдующія:

Въ составъ союза вошли Пруссія, Баварія, Виртембергъ, два Гессена, королевство Саксонія, Саксонскія герцогства, два Ангальта и нѣкоторыя другія. По учрежденіи союза, къ нему присоединились Гессенъ-Гомбургъ, Баденъ и Нассау (1835 г.), Франкфуртъ (1836 г.) и Люксембургъ ¹⁾. Союзный трактатъ долженъ былъ вступить въ силу съ 1-го января 1834 года и сохраняться до 1842 (первый періодъ Zollverein'a). Затѣмъ онъ долженъ былъ возобновляться на двѣнадцатилѣтній срокъ. Государства, желавшія измѣненія трактата, имѣли заявлять объ этомъ за два года; если ни одно изъ нихъ не сдѣлало подобнаго заявленія, трактатъ ipso jure возобновлялся на новый срокъ ²⁾.

Союзныя государства подчинялись единообразнымъ правиламъ касательно ввоза, вывоза и транзита товаровъ. Основаніемъ союзнаго законодательства принятъ *прусскій законъ* 1818 года, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ. Торговля между союзными государствами объявлена свободною (за нѣкоторыми исключеніями). Ввозныя пошлины собираются и распредѣляются союзными правительствами сообща. Организація общей таможенной администраціи, порядокъ взаимнаго контроля и т. д. опредѣлялись особыми правилами, общія начала которыхъ изложены въ трактатѣ. Трактатъ призналъ полное равенство всѣхъ членовъ союза. Высшее управленіе и законодательство таможеннаго союза были ввѣрены собранію уполномоченныхъ союзныхъ

¹⁾ Ганноверъ, Брауншвейгъ, Ольденбургъ и Шаумбургъ-Липпе остались въ своемъ Steuerverein'ѣ, независимомъ отъ Zollverein'a. Ганноверъ присоединился къ нему только въ 1851 году (договоръ 7-го сентября), при обстоятельствахъ, которыя мы укажемъ ниже.

²⁾ Трактатъ 1833 года былъ возобновленъ въ 1841 году, срокомъ по 1853 годъ.

правительство. Они должны были собираться каждый годъ въ іюнѣ, въ одномъ изъ городовъ союза (первое собраніе происходило въ Мюнхенѣ). Уполномоченные сами выбирали своего председателя.

Послѣдствія таможеннаго союза были необыкновенно благопріятны. Не говоримъ уже о выгодахъ общей администраціи, сдѣлавшейся дешевле и удобнѣе. Таможенные сборы быстро возвысились; съ 1835 по 1845 годъ цифра ихъ увеличилась на 60%. Благодаря разчетливой уступчивости Пруссіи, таможенные доходы отдѣльныхъ членовъ союза увеличились въ 1½, или 2 раза. Быстрое развитіе промышленности и внутренней торговли было естественнымъ результатомъ свободнаго обмѣна между союзными государствами и возможностью пользоваться водными и сухопутными путями сообщенія каждаго государства безъ прежнихъ препятствій. Богатый таможенный союзъ могъ теперь лучше обезпечить условія и ви́шней торговли. Въ періодъ времени съ 1840 по 1847 годъ онъ заключилъ нѣсколько выгодныхъ торговыхъ трактатовъ съ Турціею, Англіею, Бельгіею, Сардиніею и нѣкоторыми другими государствами. Наконецъ, и условія *политическаго* единства были подготовлены этимъ практическимъ союзомъ и притомъ подготовлены въ смыслѣ, самомъ благопріятномъ для Пруссіи.

Оставивъ австрійскому кабинету полную свободу руководить политическими отношеніями союза, Пруссія разрѣшила своими средствами одинъ изъ существенныхъ вопросовъ внутренней жизни Германіи. На этомъ полѣ она устранила соперничество Австріи. Послѣдняя, съ своимъ отсталымъ экономическимъ законодательствомъ, не могла даже приступить къ таможенному союзу, принявшему въ основаніе своей политики болѣе раціональную прусскую систему. Богатая, просвѣщенная и сильная Пруссія заняла фактически первенствующее положеніе въ Германіи. Вліяніе Австріи держалось еще преданіемъ; но истинное соотношеніе двухъ соперницъ должно было обнаружиться при первомъ серьезномъ кризисѣ въ Германіи.

Копечно, этотъ будущій кризисъ не долженъ бы былъ застать Пруссію въ распlohъ. Между тѣмъ, и въ этомъ состояло великое горе Германіи, буря 1848 года застала Прусское государство безъ надлежащей подготовки. Правительство, поглощенное своею трудною и полезною работою внутренняго перерожденія страны, занятое экономическими вопросами, въ разрѣшеніи которыхъ оно не имѣло соперниковъ, совершенно уклонилось отъ вопросовъ политическихъ. Между тѣмъ, наставало время, когда и въ этой сферѣ нужно было выйдти изъ роли учениковъ вѣнскаго кабинета. Трудные политиче-

скіе вопросы, требовавшіе самостоятельной политики, рождались для Пруссіи съ двухъ сторонъ—изнутри и извнѣ. Внутри стремленія къ политической свободѣ росли съ каждымъ годомъ. Они не были результатомъ какихъ-либо легкомысленныхъ увлеченій нѣсколькихъ горячихъ головъ, но естественнымъ результатомъ непрерывнаго роста общества въ отношеніи экономическомъ и умственномъ. Нельзя было увеличивать богатство страны, распространять просвѣщеніе и не ожидать естественныхъ результатовъ богатства и просвѣщенія—требованія политическихъ реформъ. Съ другой стороны, нельзя было занять первое мѣсто въ Германіи, сдѣлаться центромъ ея единенія по самому жизненному вопросу, стать надеждою и опорою всѣхъ промышленныхъ классовъ Германіи, и не предвидѣть, что въ случаѣ передѣлки союзнаго устройства, вся страна будетъ ждать помощи и совѣта изъ Берлина, а не изъ Вѣны. Между тѣмъ, и то, и другое случилось. Пруссія была совершенно не подготовлена къ событіямъ 1848 года и это имѣло неотразимое вліяніе на ихъ исходъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

1848 годъ.

Условія, вызвавшія движеніе 1848 года.—Отношеніе правительствъ къ союзнымъ учрежденіямъ.—Политическое движеніе въ Пруссіи.—Соединенный ландтагъ и рѣчь короля.—Результаты ея.—Сигналъ поданъ.—Предложеніе Бассермана.—Заявленіе Гагерна.—Планъ реформы.—Революціонное движеніе въ Баденѣ и во второстепенныхъ государствахъ.—Уступчивость сейма.—Сходка 51 въ Гейдельбергъ.—Предварительный парламентъ.—Развитіе революціоннаго движенія.—Революціи въ Австріи и Пруссіи.—Открытие франкфуртскаго національнаго собранія.—Его задачи.—Какъ оно взялось за нихъ.—Обсужденіе «основныхъ правъ германскаго народа».—Учрежденіе временной исполнительной власти.—Датскій вопросъ.—Національное собраніе приступаетъ къ обсужденію конституціи.— Столкновеніе съ Австріею.—Реакція въ Австріи; князь Шварценбергъ.—Расколъ въ собраніи.—Планъ Безелера.—Реакція въ Пруссіи: министерство Бранденбургъ-Мантейфеля.—Планъ малогерманской партіи въ собраніи.—Новое имперское министерство.—Работа собранія заканчивается при неблагоприятныхъ условіяхъ.—Дѣятельность императора.—Взглядъ Фридриха-Вильгельма на новую конституцію.—Онъ отказывается отъ императорской короны.—Послѣдніе дни собранія.—Заключеніе.

Революціонное движеніе 1848 года въ Германіи не было *postmod- ствіемъ* толчка, даннаго изъ Франціи. Конечно, французская революція была сигналомъ всеобщаго движенія. Но оно было подготовлено давно. Рѣдкая эпоха была для него плодотворнѣе. Общество съ

жаромъ бросилось въ область метафизики, теоретической политики, политической экономіи, исторіи, поэзіи. Идеалы, не осуществлявшіеся въ дѣйствительности, переносились въ область „чистаго мышленія“ и здѣсь возводились въ принципы жизни. Возведенные на высоту „безусловныхъ требованій разума“, они становились основой для критики всего существующаго. Идея „единой Германіи“, официально признававшаяся вымысломъ нѣсколькихъ демагоговъ, была въ наукѣ и поэзіи живою дѣйствительностію. О ней твердили многотомныя ученныя сочиненія, идеализировавшія старую имперію, юристы, настаивавшіе на существованіи общегерманскаго права, поэты, заставлявшіе дѣйствовать героевъ „общаго отечества“. Ее провозглашали въ видѣ ѣдкой насмѣшки надъ „шуткомъ, одѣтымъ въ арлекинскій кафтанъ изъ 35-ти лоскутковъ“, какъ это дѣлалъ Гейне. Къ этому присоединялось неотразимое вліяніе французскихъ идей. Южныя государства, особенно Баденъ, были посредствующимъ звеномъ между Франціею и остальною Германіею. Демократическія идеи, принявшія по ту сторону Рейна столь характерную форму, дали новое направленіе и германскимъ политическимъ стремленіямъ. Южныя государства, къ концу сороковыхъ годовъ, насчитывали уже многихъ, такъ-называемыхъ, социальныхъ демократовъ, каковы Гекеръ, Струе, Цитцъ и друг. Соціалистическія идеи сдѣлались предметомъ серьезныхъ научныхъ изслѣдованій, каково, на примѣръ, знаменитое сочиненіе Л. Штейна „Socialismus und Communismus in Frankreich“¹⁾. Развитіе обществъ, не смотря на всѣ стѣсненія, не прекращалось. Каждое изъ нихъ жило надеждами на преобразование политическаго быта Германіи. Чѣмъ возвышеннѣе, можно сказать, недостижимѣе становились идеалы, выработанные мыслью, не сдержанною политическимъ знакомствомъ съ практическими условіями (чего и быть не могло при отсутствіи политической жизни), тѣмъ сильнѣе чувствовались недостатки дѣйствительности. Тогдашнее положеніе Германіи казалось рѣшительною невозможностію для огромнаго большинства общества.

Сами правительства сознавали, что политическое устройство Германіи требовало серьезныхъ улучшеній. Уже въ ноябрѣ 1847 года, въ прусскомъ мемуарѣ были изложены горькія жалобы на безсиліе и бесполезность союза. „На вопросъ“, говорилось въ мемуарѣ, „что сдѣлалъ союзъ въ теченіе тридцати-двухъ лѣтъ своего существованія,

¹⁾ Вышло въ 1844 году. Штейнъ жилъ въ то время въ Килѣ (Kiel).

во время почти непримѣрнаго мира, для усиленія и содѣйствія Германіи,—трудно дать отвѣтъ. Вредныя послѣдствія этого неисчислимы. Можно даже оставить въ сторонѣ матеріальный ущербъ, какъ онъ ни чувствителенъ; но нравственный вредъ, вліяніе на настроеніе и мнѣніе націи — чрезмѣренъ^а.

Въ Пруссіи требованія политическихъ реформъ не заявлялись до кончины Фридриха-Вильгельма III, безпредѣльное уваженіе къ которому заставляло молчать всѣ партіи. Но при наслѣдникѣ его, Фридрихъ-Вильгельмъ IV (1840—1861), они начались при самомъ вступленіи его на престолъ и не прекращались болѣе. По своимъ личнымъ качествамъ новый король былъ меньше всего способенъ устранить эти требованія крутыми мѣрами. Его отличное образованіе, мягкій характеръ способны были сдѣлать изъ него скорѣе примирителя партій, чѣмъ защитника исключительныхъ мѣръ. Притомъ политическій вопросъ, какъ кажется, не былъ серьезно поставленъ въ официальныхъ сферахъ Пруссіи. Видоизмѣнить ея вѣковое устройство казалось посягательствомъ на всѣ ея преданія; новое политическое устройство, какъ говорили, должно было разорвать тѣсную нравственную связь между королемъ и народомъ, связь соединявшую ихъ въ горькія минуты бѣдствій и въ моменты народнаго торжества. Дать конституцію значило—отнять короля у народа и народъ у короля. Другое дѣло — допустить совѣщаніе короля съ выборными отъ народа. Дѣйствительно, въ 1842 году были призваны въ Берлинъ выборные отъ провинціальныхъ чиновъ (*die ständischen Ausschüsse*). На нѣсколько времени вопросъ о народномъ представительствѣ былъ отложенъ, и прусская политика съ 1844 года приняла реакціонный отбѣнокъ, выразившійся, между прочимъ, въ дѣятельности министра Эйхгорна¹⁾. Подъ вліяніемъ настойчивыхъ требованій, король рѣшился наконецъ созвать Соединенный Ландтагъ (*Vereinigte Landtag*), 3-го апрѣля 1847 года. Составъ и компетенція ландтага были опредѣлены примѣнительно къ устройству провинціальныхъ чиновъ, то-есть, согласно съ ихъ сословнымъ и совѣщательнымъ характеромъ. Съ самаго начала королевскій патентъ подвергся всестороннему обсужденію. Между оппозиционными брошюрами появился памфлетъ молодаго юриста Симона (1805—1860). По общему убѣжденію, „соединенный ландтагъ“ былъ только

¹⁾ Joh. Albr. Friedr. Eichhorn (1779—1856) занялъ мѣсто Альтенштейна въ 1840 году. Его не должно смѣшивать съ знаменитымъ юристомъ-историкомъ Карломъ-Фридрихомъ Эйхгорномъ (1781—1854), который былъ, между прочимъ, наставникомъ Фридриха-Вильгельма IV.

предвѣстіемъ парламента, какъ Собраніе нотаблей 1788 года было предвѣстіемъ національнаго собранія. 11-го апрѣля засѣданія его были открыты кородемъ, тронная рѣчь котораго ясно показала все различіе его коренныхъ убѣжденій со взглядами прусскихъ либераловъ. „Никакой власти въ мірѣ“, говорилъ король, „не удастся принудить меня превратить *естественное* отношеніе короля къ народу въ *договорное*, конституціонное; и я никогда не допущу, чтобы между Господомъ Богомъ и этою страной втерся *писанный листъ* въ качествѣ втораго Провидѣнія, чтобы замѣнить старую святую вѣрность“..... „Корона можетъ и имѣетъ право управлять по законамъ Божиимъ и страны и собственному свободному изволенію, но не по волѣ большинства (der Majoritäten). Пруссія не можетъ вынести такого состоянія. Вросьте взглядъ на карту Европы, на положеніе нашей страны и, прежде всего, на нашу исторію!“ Таковъ былъ голосъ государя, искренность и прямота убѣжденій котораго проявлялись въ каждомъ звукѣ его рѣчи. Это не былъ голосъ своекорыстнаго человѣка, который и не сталъ бы высказывать своего послѣдняго слова; онъ ограничился бы развѣ двусмысленными фразами, въ родѣ необходимости „сочетанія порядка и свободы“. Прямодушный король ясно указалъ, что онъ твердо стоитъ на почвѣ историческаго и притомъ *прошлаго* Пруссіи. Оппозиція успѣшила высказать свои желанія съ трибуны ландтага въ газетахъ и памфлетахъ. Но всѣ ея усилія были безплодны. Въ іюнѣ 1847 года ландтагъ былъ закрытъ, оставивъ во всѣхъ умахъ сильнѣйшее раздраженіе. Таково послѣдствіе всѣхъ полумѣръ; они возбуждаютъ общественное мнѣніе больше, чѣмъ рѣшительная политика, хотя бы ея мѣры не были согласны съ общимъ настроеніемъ.

Политическое движеніе не замедлило обнаружиться, только, на первый разъ, въ другомъ концѣ Германіи. 12-го февраля 1848 года оппозиціонный депутатъ *Баденской* палаты депутатовъ *Бассерманъ* ¹⁾ внесъ въ палату проектъ, предлагавшій „создать чрезъ представительство Германскаго народа при союзномъ сеймѣ вѣрное средство для осуществленія общаго законодательства и общихъ національныхъ учрежденій“. Предложеніе Бассермана дало сильный толчекъ общественному мнѣнію, не только потому, что оно затронуло общее неудовольствіе противъ сейма, но и потому, что оно указало ближайшую задачу и средство реформы. Всѣ были убѣждены, что

¹⁾ Фридрихъ-Данилъ Бассерманъ род. въ 1811, застрѣлился въ 1855 году.

сеймъ, какъ конгрессъ уполномоченныхъ отдѣльныхъ правительствъ, ничего не можетъ создать. Потребовать дополнительнаго и могущественнаго учрежденія, въ видѣ общенациональнаго представительства, значило указать на одну изъ самыхъ больныхъ сторонъ союзнаго устройства и, вмѣстѣ съ тѣмъ, на надежное средство реформы. Поэтому мысль Бассермана (который выражалъ, впрочемъ, общее убѣжденіе) не умерла, не смотря на неудачу движенія 1848 года; она осуществилась въ выѣшней конституціи Германіи.

Общественное мнѣніе приняло предложеніе съ восторгомъ. Черезъ 12 дней вспыхнула французская революція и вѣсть о ней быстро долетѣла до Германіи. 27-го февраля Генрихъ Гагеръ¹⁾ внесъ въ Гессенскую палату предложеніе, тождественное съ Бассермановскимъ, но значительно его восполнявшее и развивавшее. Онъ требовалъ уже сосредоточенія права выѣшнихъ сношеній и воинской власти въ рукахъ центральнаго правительства, общаго законодательства по нѣкоторымъ вопросамъ и избранія общаго главы союза.

Конечно, эти планы предполагалось первоначально осуществить путемъ конституціоннымъ, то-есть, путемъ соглашенія правительствъ и народныхъ представителей. Но событія сложились иначе. Рядомъ съ преобразовательными стремленіями началось въ отдѣльныхъ государствахъ Германіи революціонное движеніе, котораго планы и требованія были гораздо радикальнѣе и которое подчинило себѣ вождей конституціонной оппозиціи. Уже 27-го февраля въ Баденѣ обнаружались сильные симптомы этого движенія, подъ предводительствомъ Геккера и Струве²⁾. Съ точки зрѣнія корифеевъ революціонной теоріи, новое

¹⁾ Генрихъ Гагеръ, сынъ известнаго уже намъ Ганса Г., род. въ 1799 г. Молодымъ человекомъ сражался подъ Ватерлоо; въ 1832 году былъ членомъ нижней палаты въ Гессенѣ; въ 1847 году вступилъ въ нее снова и игралъ видную роль въ событіяхъ 1848 года (см. ниже). Послѣ разныхъ перемѣнъ, онъ былъ въ 1864—1870 года Гессенскимъ посломъ въ Вѣнѣ.

²⁾ Геккеръ (Фридрихъ-Карлъ-Францъ) род. въ 1811 году въ Баденскомъ великомъ герцогствѣ. Сначала былъ адвокатомъ, затѣмъ членомъ нижней палаты (съ 1842 года). Крайній республиканецъ, онъ сталъ во главѣ революціоннаго движенія и принужденъ былъ бѣжать въ Америку. Здѣсь онъ участвовалъ, между прочимъ, въ войнѣ за освобожденіе негровъ. Струве (Густавъ), адвокатъ и писатель, родомъ изъ Мюнхена (1805—1870). Послѣ событій 1848 года бѣжалъ сначала въ Англію, потомъ въ Америку. Въ 1863 году возвратился въ Германію, гдѣ жилъ въ разныхъ мѣстахъ. Умеръ въ Вѣнѣ. Известенъ многими сочиненіями, между прочимъ: «Основаніе государственныхъ наукъ» (4 тома); «Всемирная исторія» (6 томовъ, она выдержала 7 изданій); «Публичное право Германскаго Союза» (2 тома), и многія другія.

устройство Германіи долженствовало быть создано актомъ народной воли и основано на принципѣ народнаго верховенства. Слѣдовательно, его должно было обсудить собраніе, поставленное внѣ правительствъ и выше ихъ, въ качествѣ представителя общенароднаго полновластія. Въ этомъ духѣ и началось преобразовательное движеніе; этимъ же обуславливалось первое затрудненіе для людей, взявшихся за преобразование Германіи. Избранный путь представлялъ большія опасности.

Союзъ, хотя и наружный, съ революціонными стремленіями, набрасывалъ невыгодную, въ глазахъ правительствъ, тѣнь на самое дѣло. При такихъ условіяхъ, необходимо было кончать дѣло скорѣе, пока увлеченіе не остыло и не началась неизбѣжная реакція. Будущее національное собраніе наживало себѣ непримиримыхъ, хотя сначала тайныхъ, враговъ во всѣхъ правительствахъ, само становилось въ зависимость отъ указаній вожаковъ революціи и рисковало ничего не сдѣлать, если оно не воспользуется всегда кратковременнымъ увлеченіемъ, — что дѣйствительно и случилось. Конечно, повторяемъ, для полнаго объясненія дѣйствій національнаго собранія нужно принять въ разчетъ, что уже много лѣтъ реформа союза задумывалась и не осуществлялась; что смѣлый и рѣшительный образъ дѣйствій казался единственнымъ способомъ достигнуть какихъ-нибудь результатовъ. Но это не видоизмѣнило исхода предпріятія.

На первый разъ все, повидимому, благопріятствовало успѣху плана. Народное движеніе побудило Баденское правительство даровать свободу печати, ввести судъ присяжныхъ, учредить національную гвардію и согласиться на общегерманскій парламентъ. Подобныя же движенія произошли въ другихъ мелкихъ государствахъ и привели къ аналогическимъ результатамъ; реакціонныя министерства были смѣнены и составленіе новыхъ поручено оппозиціоннымъ депутатамъ—*Дёмеру* въ Виртембергѣ ¹⁾, *Эбергарди* и *Витперману* въ Кургессепѣ ²⁾, *Стюве* въ Ганноверѣ ³⁾ и *Генриху Гагерну* въ Гессенѣ ⁴⁾. Затѣмъ революціонныя движенія подготовлялись въ двухъ главныхъ державахъ Германіи и, наконецъ, разразились въ Вѣпѣ 13-го марта и въ Пруссіи

¹⁾ Фридрихъ - Дёмеръ (1794 — 1864) сдѣланъ министромъ юстиціи въ маѣ 1848 года.

²⁾ Мартъ, 1848 года.

³⁾ Карлъ Бертрамъ Стюве (1798—1872) призванъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ въ мартѣ 1848 года.

⁴⁾ Въ мартѣ 1848 года.

17-го марта 1848 года. Въ Баваріи исходъ дѣла былъ наиболѣе плачевенъ. Старый король увлекся до самозабвенія извѣстною танцовщицею Долою-Монтесъ, которая пріобрѣла рѣшительное вліяніе не только на особу короля, но даже на государственное управленіе. Какъ ни уступчиво было министерство Абеля, но и его терпѣніе истощилось. Послѣ непродолжительной борьбы съ Долою, ставшею теперь графинею Ландфельдъ, оно было удалено и пріобрѣло неожиданную популярность. ¹⁾ Новое министерство вооружило противъ себя всѣхъ. Открытый мятежъ заставилъ графиню бѣжать, а 20-го марта 1848 года король отказался отъ престола. Такимъ образомъ, будущее національное собраніе пока могло дѣйствовать свободно. Каждому отдѣльному государству было брошено на руки революціонное движеніе, которое въ главномъ центрѣ реакціонной политики, въ Австріи, принимало грозные размѣры. Конечно, не въ слабомъ сеймѣ могло оно ожидать оппозиціи. Еще 1-го марта перепуганный сеймъ издалъ прокламацію, преисполненную самоосужденія, съ одной, и пышныхъ обѣщаній—съ другой стороны. Постановленіемъ 3-го марта 1848 года „разрѣшено“ было союзнымъ правительствамъ отиѣнить цензуру, провозглашена необходимость общенациональныхъ герба и цвѣтвъ, и признана настоятельность *ревизіи* союзной конституціи на дѣйствительно своевременныхъ и национальныхъ основахъ. 10-го марта къ правительствамъ отправлено приглашеніе прислать 17 ²⁾ довѣренныхъ лицъ (*Vertrauensmänner*) для составленія проекта новыхъ учрежденій.

Таково было положеніе вещей, когда 5-го марта въ Гейдельбергѣ сошлись (въ числѣ 51) оппозиціонные члены разныхъ палатъ для обсужденія способовъ преобразованія конституціи волею германскаго народа. Было принято рѣшеніе созвать довѣренныхъ людей отъ всѣхъ германскихъ племенъ для предварительнаго совѣщанія о дальнѣйшихъ мѣрахъ. Наблюденіе за исполненіемъ этого распоряженія было возложено на комитетъ изъ семи лицъ. Комитетъ разослалъ приглашеніе къ бывшимъ и дѣйствительнымъ членамъ палатъ и земскихъ чиновъ и нѣкоторымъ другимъ лицамъ, занимавшимъ общественныя должности; въ то же время Максъ Гагернъ съ графомъ Лербахомъ начали объѣздъ германскихъ дворовъ, съ цѣлью привести ихъ къ соглашенію относительно будущаго парламента и федеративнаго устройства. Въ однихъ мѣстахъ Гагернъ получилъ согласіе, въ другихъ не встрѣтилъ сопротивленія.

¹⁾ Февраль 1847 года.

²⁾ По числу голосовъ въ тѣсномъ совѣтѣ.

31-го марта во Франкфуртѣ, въ церкви св. Павла, подѣ председательствомъ знаменитаго криминалиста *Миттермайера* ¹⁾, открылись засѣданія этого *предварительнаго парламента* (Vorparlament). Съ юридической точки зрѣнія положеніе его было весьма неопредѣленно. Онъ не могъ считаться представителемъ германскаго народа, потому что его члены не имѣли избирательныхъ полномочій; еще менѣе былъ онъ органомъ правительственнымъ. Но въ эту минуту, конечно, менѣе всего думали и можно было думать о юридическихъ формулахъ. При неограниченной слабости правительствъ, предварительный парламентъ былъ единственною фактической силою, составлявшею надежду всей Германіи. Онъ кончилъ свое дѣло изумительно быстро. Къ 4-му апрѣля онъ опредѣлилъ порядокъ составленія и задачу будущаго національнаго собранія. Национальное собраніе имѣло состоятъ изъ депутатовъ, избранныхъ *всеобщемою* подачею голосовъ ²⁾, причемъ на 50,000 жителей полагался 1 депутатъ. Национальное собраніе одно (einzig und allein) должно было рѣшить вопросъ объ устройствѣ Германіи и дать ей соотвѣтствующую конституцію. Оно должно было собраться къ 1-му мая. Для наблюденія за исполненіемъ этихъ постановленій и веденія текущихъ дѣлъ, оставленъ, впредь до открытія національнаго собранія, комитетъ изъ 50 лицъ (Fünfzigerausschuss). Этотъ комитетъ фактически сдѣлался на 6 недѣль не только законодательною, но и правительственною властью союза. Сеймъ, издавъ нѣсколько либеральныхъ прокламацій, не подавалъ болѣе признаковъ жизни. „Довѣренные люди“ кончили свой проектъ союзаго устройства (26-го апрѣля), но это не имѣло никакихъ послѣдствій.

Положеніе дѣлъ усложнялось съ каждымъ днемъ. Скорѣйшее собраніе Германскаго парламента было необходимо, потому что иначе онъ рисковалъ столкнуться еще съ болѣшими затрудненіями. Собраніе, опирающееся на революціонный принципъ, вынуждено пользоваться, такъ сказать, медовымъ мѣсяцемъ движенія, когда требованія исключительныхъ сторонниковъ революціоннаго начала не дошли до крайности и слишкомъ продолжительная анархія не вызываетъ неизбежной реакціи. Между тѣмъ, сборы парламента были слишкомъ про-

---

¹⁾ Родился въ 1787, умеръ въ 1867 году. Миттермайеръ приобрѣлъ всемірную извѣстность, какъ профессоръ уголовного права въ Гейдельбергскомъ университетѣ. Онъ прославился горячею проповѣдью противъ смертной казни. Достоянство его многочисленныхъ ученыхъ трудовъ извѣстно всѣмъ.

²⁾ Безъ всякаго стѣсненія цензурою и условіями вѣроисповѣданія.

должительны. Въмѣсто того, чтобы собраться 1-го мая, какъ было назначено, онъ собрался, и то не въ полномъ числѣ, лишь къ 18-му мая.

Въ теченіе этого времени успѣли обнаружиться многіе симптомы угрожающаго свойства. Радикальная партія, находя постановленія предварительнаго парламента слишкомъ умѣренными и настаивая на необходимости немедленнаго провозглашенія „соціально-демократической“ республики, возбудила мятежъ въ Баденскомъ Оберландѣ. Гексеръ и Струве сформировали вольные отряды, къ которымъ присоединились пфѣмцкіе рабочіе, бѣжавшіе изъ Франціи. Союзныя войска должны были подавить мятежъ силою. Битвы при Кондеряѣ и Доссенбахѣ разсѣяли мятежниковъ и на время подавили революціонныя силы ¹⁾. Двѣ главныя Германскія державы были, правда, слишкомъ заняты своими внутренними смутами, но эти движенія грозили перейти въ полную и продолжительную анархію.

Въ Австріи революціонное движеніе началось 13-го марта. Столичная учащаяся молодежь и толпа народа шумно потребовали различныхъ конституціонныхъ гарантій. Руководители движенія вошли въ сношеніе съ извѣстнымъ венгерскимъ патріотомъ Кошутомъ, который, организовавъ революціонное движеніе въ Венгріи, 15-го марта прибылъ въ Вѣну. Меттернихъ бѣжалъ въ Англію. Министерство ²⁾, не желая созывать требуемаго учредительнаго собранія, присовѣтовало императору издать отъ себя императорскую конституцію (25-го апрѣля). Въ то же время оно сообщило сейму свой рѣшительный отказъ на устройство германской федераціи, приступить къ которой „не дозволяли разнообразныя интересы земель Австрійской монархіи“ (21-го апрѣля). Для поддержанія порядка оно прибѣгнуло къ репрессивнымъ мѣрамъ, вызвавшимъ новое возстаніе, заявившее рѣшительныя демократическія требованія (15-го мая). Императоръ бѣжалъ 17-го мая въ Инспрукъ. Это обстоятельство смутило общественное мнѣніе; уступая общественному желанію, императоръ возвратился въ столицу. Но примиреніе продолжалось не долго. Вспыхнуло новое возстаніе (26-го мая), послѣ котораго мирное разрѣшеніе вопроса, особенно подъ вліяніемъ венгерскаго возстанія, сдѣлалось невозможно.

¹⁾ Въ битвѣ при Кондеряѣ былъ убитъ Фридрихъ-Гагеръ, братъ Генриха, командовавшій правительственными войсками.

²⁾ Новое министерство было составлено, 17-го марта, слѣдующимъ образомъ: Графъ Коловратъ—президентъ совѣта министровъ; Графъ Фикельмонъ—минист. иностранныхъ дѣлъ; Шиллерсдорфъ (душа кабинета) министр. внутреннихъ дѣлъ; баронъ Кубекъ—минист. финансовъ; графъ Таафе—минист. юстиціи.

Анархія продолжалась до грозныхъ октябрьскихъ дней 1848 года, когда князь Виндишгрець взялъ Вѣну приступомъ.

Пруссія также не избѣжала кровавыхъ дней. Мы видѣли, въ какомъ расположеніи духа король распустилъ „Соединенный ландтагъ“ и какое раздраженіе овладѣло всѣми умами. Происшествія во Франціи и въ южной Германіи дали сигналъ къ новымъ смутамъ. 6-го марта начались уже сборища и частныя столкновенія народа съ войсками. Вѣсть о революціи въ Вѣнѣ произвела панику въ оффиціальныхъ сферахъ. 17-го марта были снова заявлены правительству просьбы объ отмѣнѣ цензуры, объ улучшеніи прусскаго государственнаго устройства и организациі германской федераціи. Король на этотъ разъ изъявилъ полное свое согласіе. 18-го толпы народа собрались къ дворцу привѣтствовать монарха и благодарить его. Дворецъ былъ окруженъ войскомъ. Изъ толпы раздались требованія объ удаленіи полковъ. Тогда войска двинулись на народъ и въ толпу было пущено два выстрѣла. Мгновенно въ толпѣ раздались крики: „измѣна! къ оружію!“ и сотни баррикадъ запрудили улицы Берлина. Кровопролитіе продолжалось 18-го и цѣлую ночь на 19-е марта. Конечно, не такой монархъ, какъ Фридрихъ Вильгельмъ IV, могъ желать продолженія кровавыхъ сценъ. Изъ окна своего дворца онъ скомандовалъ свое знаменитое Halt! и остановилъ кровопролитіе. Войска были удалены изъ Берлина и народу обѣщано удовлетвореніе всѣхъ его желаній. Разъ рѣшившись уступить, король не хотѣлъ дѣйствовать подобно двоедушнымъ политикамъ, разрушающимъ одною рукою то, что другая создала. 21-го марта издалъ онъ прокламацію къ „Германскому народу“, въ которой объявлялось, что отнынѣ Пруссія принадлежитъ Германіи и король станетъ во главѣ общаго отечества для его спасенія: восклицаніе, которое Австрія не могла простить своему сопернику! Для преобразованія прусскаго государственнаго устройства было созвано учредительное собраніе, открывшее свои засѣданія 22-го мая. Но этотъ моментъ долженъ считаться поворотнымъ пунктомъ въ исторіи описываемаго движенія. Учредительное собраніе и народонаселеніе Берлина, фактически сосредоточивавшія въ своихъ рукахъ власть, не разрѣшили великаго государственнаго вопроса. Первое чрезвычайно медленно обсуждало проектъ конституціи и было занято раздорами партій, запросами министерству, составъ котораго непрерывно мѣнялся, больше, чѣмъ прямою своею задачей. Второе, освободившись отъ строгой административной опеки, не привыкшее къ правильной политической жизни, предава-

лось теперь революціоннымъ безчинствамъ, производило незаконный гнетъ на учредительное собраніе и подготовляло реакцію.

Германское національное собраніе сошлось, наконецъ, хотя не въ полномъ числѣ ¹⁾, 18-го мая. Торжественною процессіею направилось оно въ церковь св. Павла и объявило свои засѣданія открытыми. Предсѣдателемъ его былъ избранъ Генрихъ Гагернъ. По внѣшности, это было самое величественное конституціонное собраніе, когда-либо собиравшееся на германской почвѣ. Здѣсь сошлись старые ветераны политическихъ движеній, лучшія силы германской науки, передовые вожди всѣхъ партій, начиная отъ консервативной до крайней республиканской. Глубокая ученость Дальмана, Велькера, Моля, Гервинуса, Дункера ²⁾, Дройзена ³⁾ встрѣтились здѣсь съ пламеннымъ и увлекательнымъ краснорѣчіемъ князя Лихновскаго ⁴⁾, Брентано ⁵⁾, Бассермана, Г. Симона и друг. Общее настроеніе его могло внушить довѣріе и уваженіе какъ народа, такъ и правительствъ. Большинство принадлежало къ умѣренно-либеральной партіи. Старые бойцы за единство Германіи, заподозрѣнные прежде въ демагогическихъ стремленіяхъ, какъ старикъ Арндтъ, пристали теперь къ правому центру. Все въ этомъ собраніи ручалось за основательность и безпристрастіе въ рѣшеніи конституціонныхъ вопросовъ.

Но общее положеніе дѣлъ превратило это знаменитое собраніе въ безсильное учрежденіе, которое, пройдя всѣ степени униженія, приняло, наконецъ, смерть отъ одного изъ чадъ своихъ, либеральнаго министра Рёмера. Мѣсто не позволяетъ намъ изложить исторію на-

¹⁾ Въ числѣ 320. Всѣхъ членовъ національнаго собранія было 566. Изъ нихъ 104 принадлежали къ ученому сословію, 100—къ судейскому, 95—къ адвокатамъ и докторамъ правъ, 124—къ чиновничеству; остальные принадлежали къ числу писателей, духовныхъ, врачей и т. д. Землевладельцевъ, купцевъ и фабрикантовъ было всего 72. Замѣчательное явленіе, сравнительно, напримѣръ, съ составомъ англійскаго парламента!

²⁾ Максимилианъ Вольгангъ Дункеръ, извѣстный историкъ, род. въ 1811 г.

³⁾ Юг. Гусиг. Дройзенъ (род. въ 1808 г.), знаменитый профессоръ Берлинскаго университета, извѣстный своими трудами по древней и новой исторіи. Для новой исторіи замѣчательенъ его огромный трудъ «Исторія прусской политики» (нач. печат. въ 1855 г.).

⁴⁾ Князь Филиппъ Лихновскій, род. въ 1814 г., убитъ революціонерами во Франкфуртѣ въ 1848 г. Членъ правой стороны.

⁵⁾ Лоренцъ Брентано, сынъ извѣстнаго поэта романтической школы Клементія Брентано, род. въ 1810 г., умеръ въ Америкѣ въ 1853 г. Въ палатѣ принадлежалъ къ демократической партіи.

ціональнаго собранія во всѣхъ ея подробностяхъ, мы остановимся исключительно на главныхъ ея моментахъ.

Задача національнаго собранія, въ томъ видѣ, какъ она была опредѣлена предварительнымъ парламентомъ, состояла, главнымъ образомъ, въ реформѣ германской союзной конституціи. Но было бы ошибкою думать, что собраніе было призвано къ мирной и спокойной роли законодательнаго установленія. Ему предстояло не только дать конституцію Германскому союзному государству, но создать *самое* государство, выполнить то, противъ чего нѣкогда протестовало виртембергское правительство, какъ противъ задачи „невозможной“ — составить изъ Виртембергцевъ, Баварцевъ, Пруссаковъ и т. д., *so zu sagen*, одну націю. Организуя союзное государство съ сильною центральною властью, собраніе должно было прійти въ столкновение съ правами отдѣльныхъ правительствъ, независимость которыхъ обезпечивалась союзнымъ устройствомъ. Поэтому, собраніе должно было немедленно создать свою *исполнительную* власть, которая бы дѣйствовала впредь до окончательнаго установленія новаго устройства. Это было необходимо, во первыхъ, для правильнаго сношенія съ отдѣльными правительствами, во вторыхъ, для руководства дѣлами виѣшней и внутренней политики, по скольку они касались интересовъ общаго отечества.

Съ первыхъ дней своего существованія (24-го мая) собраніе приступило къ изготовленію проекта конституціи и назначило для этого особый комитетъ изъ 30-ти членовъ. 27-го мая оно опредѣлило и степень этой обязательной силы будущей конституціи для отдѣльныхъ государствъ, а именно это постановленіе гласило: „Нѣмецкое національное собраніе, какъ органъ, изшедшій изъ воли и выборовъ нѣмецкаго народа для основанія единства и политической свободы Германіи, объявляетъ, что всѣ постановленія отдѣльныхъ нѣмецкихъ конституцій, не согласныя съ имѣющею быть изданною общою конституціею, дѣйствительны только въ предѣлахъ, указанныхъ послѣднею“¹⁾. Эти слова имѣли, конечно, тотъ практическій смыслъ, что учредительныя собранія, начавшія свои работы въ двухъ главныхъ государствахъ Германіи, должны были видѣть въ идеяхъ національнаго собранія камертонъ для своихъ дѣйствій. Такой результатъ,

---

¹⁾ Конечно, этимъ не отрицалась обязательная сила отдѣльныхъ конституцій до изданія общей; такой смыслъ имѣла оговорка, помѣщенная въ концѣ постановленія — «ihrer bis dahin bestandenen Wirksamkeit». Означенное постановленіе, во всемъ его составѣ, издано по предложенію депутата *Вернера*.

конечно, былъ желателенъ, въ томъ однако предположеніи, что національное собраніе покончить, по крайней мѣрѣ, главные конституціонные вопросы съ возможною быстротой и не задержитъ мучительную и трудную работу государственнаго перерожденія въ отдѣльныхъ государствахъ, не доведетъ преобразовательнаго движенія до анархіи и не откроетъ широкую дорогу реакціи.

Но съ первыхъ же шаговъ обнаружилась практическая слабость національнаго собранія. Депутаты, съѣхавшіеся изъ разныхъ концовъ Германіи, принадлежавшіе къ самымъ различнымъ партіямъ, не знали другъ друга и не согласились еще относительно коренныхъ вопросовъ будущаго государственнаго устройства¹⁾. Поэтому, комитетъ 30-ти рѣшилъ предложить на обсужденіе собранія, прежде всего, вопросъ болѣе легкой и менѣе способный задѣть интересы партій — именно вопросъ объ *основныхъ правахъ нѣмецкихъ гражданъ* (Grundrechte des deutschen Volkes). Дальману, Молю и Мюльфельду поручено было составить проектъ этихъ основныхъ правъ и затѣмъ онъ

---

¹⁾ Не безполезно будетъ привести здѣсь краткій обзоръ главныхъ партій, на которыя распадалось національное собраніе, съ ихъ различными оттѣнками.

Правая сторона составляла довольно плотную массу; къ ней принадлежали, между прочимъ, князь Лихновскій, Радовицъ (см. 5-ю главу) и друг. Сборнымъ мѣстомъ ея былъ «Каменный домъ». *Лѣвая* сторона, не смотря на свою немногочисленность, представляла нѣсколько оттѣнковъ. Отдѣльными фракціи ея собирались въ «Нюренбергскомъ подворьѣ», Westendhall'а, «Нѣмецкомъ подворьѣ» и «Донперсбергѣ». Послѣдній клубъ состоялъ изъ крайнихъ радикаловъ. Главными представителями лѣвой стороны были демократы: Р. Блумъ, Фрѣбель, Йорданъ, Цитцъ, Руге, Брентано и друг.

Центры правый и лѣвый представляли также довольно много оттѣнковъ. Большинство принадлежало, впрочемъ, къ *правому* центру, а между всѣми его оттѣнками главное мѣсто занимала такъ-называемая партія *Гаерна*, сборнымъ мѣстомъ которой былъ «Казино». Она признавала верховенство національнаго собранія, какъ представителя народной воли, но не отрицала необходимости соглашенія съ отдѣльными правительствами. Всѣ ея члены были защитниками конституціонной монархіи. Сюда принадлежали: Бассерманъ, Аридтъ, Безелеръ, Дальманъ, Гервинусъ, Яковъ Гриммъ и друг. Впослѣдствіи отъ нея отдѣлились двѣ фракціи: во-первыхъ, фракція партикуляристовъ, сходящаяся въ «Ландсбергѣ»; во-вторыхъ, партія депутата Финке (см. ниже), примыкавшая къ правой сторонѣ. Это былъ клубъ «Milani». Наконецъ, лѣвый центръ, расходясь съ лѣвою стороною касательно взгляда на форму правленія, сходилъ съ нею относительно теоріи безусловнаго верховенства національнаго собранія и нѣкоторыхъ другихъ воззрѣній. Сюда принадлежали, между прочимъ, депутаты Ровб (Roveaut), извѣстный публицистъ и историкъ Фальмерейеръ, виртембергскій министръ Рёмеръ и друг. Сборнымъ мѣстомъ ея было «Виртембергское подворье».

(въ измѣненной редакціи) былъ предложенъ на обсужденіе собранія, чтобы, такъ сказать, *приучить* его къ политическимъ претіямъ и дать время депутатамъ сойтись поближе. Но то, что собраніе выигрывало внутри, оно проигрывало извнѣ. „Основныя права“ для народа не были теперь такимъ существеннымъ вопросомъ; юридически или фактически почти вездѣ признана была свобода печати, совѣсти, неприкосновенность личная и т. д. Насущнымъ вопросомъ было именно учрежденіе союзнаго правительства, способнаго *обезпечить* эти права и сдѣлать многое другое. Разрѣшенія этого вопроса ожидали отъ собранія правительства и народы Германіи. Но депутаты, съ какою-то странною ревностью, предались обсужденію „основныхъ правъ“. Къ концу іюля было обсуждено только *четыре* § и время проходило въ пустыхъ словопреніихъ ¹⁾).

Временной исполнительной власти долгое время не существовало. Черезъ двѣ слишкомъ недѣли по открытіи засѣданія былъ назначенъ комитетъ для изготовленія проекта этого учрежденія, но и онъ работалъ болѣе двухъ недѣль. Наконецъ, 19-го іюля Дальманъ представилъ собранію отчетъ объ этихъ работахъ. Въ комитетѣ и въ самомъ собраніи мнѣнія раздѣлились между двумя различными началами. Одни исходили изъ того воззрѣнія, что національное собраніе есть представитель воли всего Германскаго народа, а потому оно должно само учредить исполнительную власть; другіе (въ томъ числѣ Дальманъ) доказывали, что пока союзное государство не существуетъ, временная исполнительная власть должна быть учреждена изъ делегатовъ отъ правительствъ, по соглашенію съ собраніемъ. Понятно само собою, что при такомъ коренномъ разногласіи, пренія въ собраніи должны были принять ожесточенный характеръ. Шесть дней продолжались бурныя засѣданія — предвѣстія еще болѣе бурныхъ. Умѣренные депутаты рѣзко нападали на противниковъ, мечтавшихъ превратить національное собраніе въ конвентъ 1793 года. Въ такомъ смыслѣ говорилъ *Велькеръ* ²⁾. „Вы“, говорилъ онъ, „не имѣете ни

¹⁾ «Основныя права» были обнародованы Блюстителямъ им періи (см. ниже 27-го декабря 1848 г., въ качествѣ «рождественскаго подарка» Германскому народу. Но подарокъ пришелъ тогда, когда реакція подготавливала націи другіе дары.

²⁾ Извѣстный публицистъ, имя котораго встрѣчалось намъ уже нѣсколько разъ, род. въ 1790, умеръ въ 1869 г. Изъ ученыхъ предпріятій его извѣстенъ, главнымъ образомъ, изданный имъ съ профессоромъ Роттекомъ (1775 — 1840) «Государственный лексиконъ» (Staatslexikon) въ 12-ти томахъ (1-е изд. 1834 г.,

казны, ни правительства, ни арміи, ни исполнительныхъ чиновъ,—все это находится въ Вѣнѣ, Берлинѣ, Дрезденѣ, Мюнхенѣ, слѣдовательно, въ городахъ, гдѣ живутъ не только короли, но и народонаселеніе... Не обманывайтесь силою словъ „мы желаемъ и поведѣваемъ именованъ самодержавнаго народа“. Наконецъ, президентъ собранія, Генрихъ Гагернъ, рѣшился разрубить узелъ. Въ рѣчи своей онъ доказывалъ, что временная исполнительная власть должна быть связана съ собраніемъ и учреждена имъ же. „Я сожалѣлъ бы“, сказалъ онъ, „еслибы въ принципѣ было установлено, что правительства не имѣютъ права высказаться по этому вопросу. Но, съ точки зрѣнія целесообразности, мое воззрѣніе отличается отъ мнѣнія большинства комитета. Господа, я дѣлаю смѣлый шагъ (einen kühnen Griff) и говорю вамъ: мы должны создать временную центральную власть“. И практически, и съ точки зрѣнія принциповъ, шагъ Гагерна былъ дѣйствительно смѣлъ. Национальное собраніе ставило себя не только въ качествѣ законодательно-учредительной власти, но и въ качествѣ правительства, выше и внѣ отдѣльныхъ государствъ. Но этотъ смѣлый шагъ логически велъ за собою необходимость другихъ „смѣлыхъ шаговъ“, на которые собраніе никогда не рѣшилось.

Еще нѣсколько дней прошло въ бурныхъ преніяхъ относительно выбора главы исполнительной власти, его прерогативъ, титула и т. д. Наконецъ, собраніе рѣшилось избрать безответственного главу исполнительной власти съ титуломъ Влостителя Имперіи (Reichsverweser). Онъ долженъ былъ править чрезъ министерство, ответственное предъ собраніемъ. Влостителемъ имперіи не былъ избранъ ни одинъ изъ монарховъ Германіи. Выборъ палъ на эрцгерцога Іоанна Австрійскаго ¹⁾, причемъ Гагернъ, предлагая его, повторилъ избитую острогу

3-е—1855—1866). Этого Карла Велькера не должно смѣшивать съ его братомъ, Фридрихомъ, известнымъ изслѣдователемъ классической древности (1784—1868).

¹⁾ Іоаннъ, эрцгерцогъ Австрійскій (1782—1859, сынъ императора Герм. Леопольда II и испанской инфанты Маріи-Луизы), чрезвычайно любимый народомъ за свои личныя качества и образъ мыслей, въ жизни общественной зналъ лишь неудачи. Въ несчастную войну 1801 года онъ еще юношей командовалъ австрійскими войсками и былъ разбитъ при Гогенлянденѣ и Зальцбургѣ. Тоже случилось въ 1809 году. Затѣмъ онъ жилъ уединенно, вдали отъ двора, преимущественно въ воспитательномъ, по своему мѣстоположенію, Грацѣ. Женявшись на бѣдной дѣвушкѣ, онъ былъ счастливъ своимъ положеніемъ частнаго человека. Революція 1848 года вызвала его изъ уединенія. Перепуганный вѣнскій дворъ, спасаясь бѣгствомъ, назначилъ его намѣстникомъ въ Вѣну, гдѣ онъ и успѣлъ сдѣлать кое-что для умиротворенія столицы. Затѣмъ онъ принялъ выборъ національнаго собранія.

Дюпена ¹⁾— „nicht weil er, sondern obgleich er ein Fürst ist“. Эрцгерцогъ, конечно, имѣлъ всѣ права на общественное уваженіе и популярность. Но онъ сразу былъ поставленъ въ довольно затруднительное положеніе. Австрія имѣла нѣкоторое основаніе быть довольною, что Влостителемъ имперіи (не существовавшей еще) былъ избранъ членъ ея царствующаго дома; въ Пруссіи это избраніе произвело неудовольствіе. Всѣ главныя правительства подозрительно смотрѣли на новую власть, избранную во имя „народнаго самодержавія“ и поставленную выше старыхъ династій. Сила новаго правительства зависѣла, конечно, отъ силы самого національнаго собранія.

Избраніе Влостителя имперіи имѣло, вмѣстѣ съ тѣмъ, то чрезвычайно важное послѣдствіе, что этимъ актомъ *устранялась власть сейма*, который, по прибытіи эрцгерцога (12-го іюля), и сложилъ свои полномочія ²⁾, ко всеобщей радости народонаселенія. Слѣдовательно, веденіе союзныхъ дѣлъ возлагалось теперь на новую исполнительную власть. Еслибы она желала и могла ограничиться ролью стараго сейма, задача ея была бы не особенно затруднительна. Но она должна была стать на высоту новаго призванія, быть не пассивнымъ уполномоченнымъ правительствомъ, а самостоятельною и, въ извѣстныхъ отношеніяхъ, верховною властью. Она должна была, отъ имени всей Германской націи, подавать свой рѣшительный голосъ по важнѣйшимъ дѣламъ внѣшней и внутренней политики. И все это въ то время, когда союзнаго государства еще не существовало! Первая же серьезная задача должна была обнаружить слабость средствъ центральной власти.

Эрцгерцогъ, тотчасъ по пріѣздѣ, назначилъ министерство, составленное изъ различныхъ элементовъ, но способное, однако, внушить довѣріе большинству, по основнымъ своимъ убѣжденіямъ ³⁾. Теперь

¹⁾ Дюпень (1783—1865) въ рѣчи, обращенной къ королю Людовику-Филиппу (1830 г.), замѣтилъ, между прочимъ, что онъ избранъ на престолъ «не потому, что онъ Бурбонъ, но хотя онъ Бурбонъ».

²⁾ Постановленіе о закрытіи сейма было принято собраніемъ одновременно съ постановленіями объ исполнительной власти, большинствомъ 510 противъ 35 голосовъ.

³⁾ Первое министерство было составлено слѣдующимъ образомъ (мы имѣемъ въ виду полный его составъ съ 9-го августа): 1) Князь *Лейнинъ* (1804—1856) изъ южной Германіи, президентъ министерства. 2) *Бекератъ* (1801—1870) изъ Рейнской Пруссіи, членъ либеральной партіи, министръ финансовъ. 3) *Гекшеръ* (1797—1865) изъ Гамбурга, либеральный членъ велико-германской партіи (см. ниже), министръ юстиціи, а потомъ (съ 9-го августа) — иностранныхъ дѣлъ.

все было готово для дѣйствія; народная воля имѣла своихъ представителей въ блестящемъ парламентѣ, во главѣ исполнительной власти и въ министерствѣ. Но эти представители не имѣли орудій, въ томъ числѣ орудія, вполне необходимаго во времена тревожныхъ — арміи. Имперское министерство издало приказъ, въ силу котораго всѣ союзныя войска должны были присягнуть Блюстителю имперіи къ 6-му августа. Но этотъ приказъ былъ исполненъ въ немногихъ мѣстахъ. Отдѣльныя правительства большихъ и среднихъ государствъ не обнаруживали склонности повиноваться „Франкфуртскому правительству“! Эрнстъ-Августъ Ганноверскій сразу обнаружилъ свое неудовольствіе и вызвалъ рѣзкій отвѣтъ національнаго собранія. Фридрихъ Вильгельмъ IV, встрѣтившись съ эрцгерцогомъ и нѣкоторыми членами парламента на Кельнскомъ праздникѣ (половина августа), не безъ ироніи сказалъ Гагерну: „не забывайте, что въ Германіи есть еще государи и что я одинъ изъ нихъ“.

При такихъ условіяхъ, первая неудача центральнаго правительства должна была внести въ самоувѣренный до тѣхъ поръ парламентъ страшную деморализацію. Такую неудачу правительство потерпѣло по знаменитому *датскому* вопросу. Мы должны сказать нѣсколько словъ объ этомъ любопытномъ столкновеніи.

Неудовольствія между датскимъ правительствомъ, съ одной, и германскимъ союзомъ, съ другой стороны, начались давно. Предметомъ неудовольствій было положеніе Шлезвигъ-Гольштейнскихъ герцогствъ, соединенныхъ съ датскою короною. Нѣтъ возможности опредѣлить на чьей сторонѣ, въ данномъ случаѣ, было право. Масса нѣмецкихъ ученыхъ сочиненій, памфлетовъ, газетъ громко говорили о тяжелыхъ страданіяхъ, испытываемыхъ будто бы жителями Шлезвигъ-Гольштейна отъ грубаго народа матросовъ (*Matrosenvolk*). Но, конечно, этимъ увѣреніямъ нельзя давать безусловной вѣры. Нѣмцы часто говорятъ объ *униженіи* своей національности тогда, когда ей не даютъ *преобладанія*. Такъ теперь еще Р. Моль¹⁾ говоритъ объ уни-

4) *Дуквицъ* (род. въ 1802 г.) изъ Бремена, министръ торговли. 5) Р. е. *Моль*, знаменитый государствовѣдъ (род. въ 1799 г.) изъ Виртемберга, министръ юстиціи. 6) *Шейкеръ* (Reusker, род. въ 1791 г.) прусскій генералъ, одинъ изъ отцевъ «игольчатыхъ ружей», военный министръ. 7) *Шмерлингъ* (род. въ 1805 г.) изъ Австріи, дѣятельный членъ велико-германской партіи, известный въ послѣдствіи своими преобразовательными попытками въ Австріи (1860—1865 г.), министръ внутреннихъ дѣлъ и душа всего кабинета.

¹⁾ См. его послѣднее сочиненіе «*Das Deutsche Reichs Staatsrecht*» (1873 г.), стр. 13. Сожалѣя о томъ, что Австрія не вошла въ составъ имперіи, Моль ука-

жени нѣмецкаго племени въ Австріи (!) на томъ основаніи, что нѣмецкое меньшинство, на выборахъ и т. д., тонетъ будто бы въ славянскомъ большинствѣ. Положеніе Нѣмцевъ въ Даніи было не хуже положенія ихъ въ Кургессенѣ, Ганноверѣ, а тѣмъ паче въ Австріи. Мы подробно рассмотримъ сущность датскаго вопроса ниже (гл. V, II). Теперь достаточно сказать, что въ данную минуту Гольштейнскій вопросъ потому такъ занималъ печать, что онъ былъ единственнымъ вопросомъ, по поводу котораго можно было безпачазапно, во время торжества реакціи въ Германіи, высказать нѣсколько либеральныхъ мыслей. Во всякомъ случаѣ, усердная и многолѣтняя пропаганда чрезвычайна возбудила общественное мнѣніе въ пользу голштейнскихъ бюргеровъ и бароновъ, стонавшихъ подъ датскимъ владычествомъ. При первомъ предлогѣ германская нація должна была всею силою опрокинуться на маленькое датское королевство.

Предлогъ этотъ скоро представился. Герцогства, соединенныя съ Даніей издавна и укрѣпленныя за нею вѣнскими трактатами, могли отпасть отъ нея вслѣдствіе законовъ о престолонаслѣдіи, различныхъ въ Даніи и герцогствахъ. Датская система допускала къ престолонаслѣдію женщинъ, за прекращеніемъ мужскаго поколѣнія; въ герцогствахъ же господствовала строгая агнатическая система. Королю Христіану VIII (1839—1848) представилась уже печальная картина распаденія его королевства; ни у него, ни у его сына, будущаго короля Фридриха VII (1848—1863), не было мужскаго потомства. Король рѣшился соединить всѣ части своей монархіи общимъ закономъ о престолонаслѣдіи и общею конституціею. Съ этою цѣлью онъ, 8-го іюля 1846 года, изложилъ свои намѣренія въ знаменитомъ „циркулярномъ письмѣ (Offener Brief). Оно тогда уже произвело большую тревогу въ Германіи. Сынъ его приступилъ къ формальной инкорпорации герцогствъ въ Даніи (сначала Шлезвига) и думалъ унять сопротивленіе изданіемъ либеральной конституціи для цѣлой монархіи. Но областныя чины герцогствъ обратились съ жалобою во Франк-

---

мываетъ на выгоды подобнаго соединенія. «Es wären über diess *wackere* deutsche Stämme von *Unterdrückung* (!) durch slavische örtliche Mehrheiten befreit worden; si der Reichsregierung hätten sie kräftigen Schutz gefunden (еще бы!). Скоро, жетеса, германскіе ученые дойдутъ (если не дошли уже) до требованія, чтобы *wackere* deutsche Stämme, были избавлены отъ «чисто» мѣстнаго большинства въ Россіи. Съ точки зрѣнія этихъ удивительныхъ философовъ, только германское есть *общее*, а все остальное *мѣстное*, а потому обреченное на подчиненіе *иному*. Пріятная перспектива для другихъ народовъ!

фуртъ. Здѣсь они нашли всеобщее сочувствіе и предварительный парламентъ, вмѣстѣ съ сеймомъ, поручили „союзную экзекуцію“ Пруссіи (4-го апрѣля 1848 года). Конечно, сухопутная война была ведена (фельдмаршаломъ Врангелемъ) съ большимъ успѣхомъ. Но „народъ матросовъ“, пользуясь своимъ флотомъ, котораго не было у его враговъ, наносилъ порядочный ущербъ германской и особенно прусской торговлѣ. Кромѣ того, датскій вопросъ былъ не только внутреннимъ германскимъ, но и международнымъ европейскимъ вопросомъ. Державы, подписавшія вѣнскаго трактата, имѣли полное основаніе вмѣшаться въ эту распрю. Въ виду этихъ соображеній, Пруссія рѣшилась заключить съ Данією перемиріе въ Мальмѣ на условіяхъ, выгодныхъ для датскаго правительства ¹⁾). Вѣсть объ этомъ пришла во Франкфуртъ въ началѣ сентября. Она сразу возбудила всѣ партіи. Не говоря уже о томъ, что „бѣдствія“ Шлезвигъ-Гольштейнцевъ сдѣлались издавна общимъ мѣстомъ, вопросъ имѣлъ особенное значеніе для національнаго собранія. Это былъ первый важный вопросъ вышней политики, представлявшійся собранію, и первый случай показать свое значеніе въ Европѣ и Германіи. Для радикальной партіи перемиріе въ Мальмѣ было доказательствомъ своекорыстной политики правительства и поводомъ возбудить революціонныя страсти. Имперское министерство готовилось къ строгому запросу и бурному засѣданію. Запросъ былъ сдѣланъ стариннымъ защитникомъ правъ герцогствъ — Дальманомъ. 4-го сентября министерство отвѣчало, что Блюститель имперіи уполномочилъ прусское правительство къ заключенію перемирія, но вовсе не на означенныхъ условіяхъ. Немедленно составленъ былъ комитетъ, которому поручено было въ 24 часа приготовить проектъ парламентскаго постановленія. 5-го сентября Дальманъ, отъ имени большинства комитета, предложилъ приостановить приведеніе въ исполненіе перемирія и обсудить затѣмъ вопросъ о принятіи или непринятіи самаго перемирія. Сильное меньшинство комитета доказывало, что прежде должно условиться относительно перемирія, и затѣмъ уже приостанавливать или не приостанавливать его. Послѣ бурныхъ преній, гдѣ Дальманъ горячо взывалъ къ патріо-

¹⁾ На основаніи этого договора, военныя дѣйствія не должны были возобновляться до 1-го апрѣля 1849 года; всѣ акты временнаго правительства, учрежденнаго въ герцогствахъ, по занятіи ихъ германскими войсками, объявлены ничтожными; новое правительство составлено изъ лицъ, назначенныхъ на половину Пруссіей, на половину Россіей, и войска Шлезвига отдѣлены отъ войскъ Гольштейна.

тизму собранія и доказывалъ, что данный вопросъ есть пробный камень его собственной силы, предложеніе его было принято. Министество, клонившееся на сторону меньшинства, подало въ отставку. Составленіе новаго кабинета было поручено Дальману. Но послѣдній не могъ положиться на „свое“ большинство, тѣмъ болѣе, что палата, рѣшившись на новый „смѣлый шагъ“, 5-го сентября, съ ужасомъ думала о другомъ такомъ же шагѣ, а именно о совершенномъ не-принятіи перемирія. Она ужасалась не принять его, потому что за этимъ слѣдовалъ неминуемый разрывъ съ Пруссіей; ужасалась принять, потому что радикальная партія съ ея полчищами грозила мятежемъ. Десять дней важный вопросъ откладывался и въ этотъ промежутокъ палата занималась невидными преніями объ „основныхъ правахъ“.

Съ 14-го по 16-е сентября длились пренія о перемирії. Настроеніе большинства теперь измѣнилось; перемиріе было принято большинствомъ 258 противъ 237. Въ самомъ собраніи такой явный признакъ непослѣдовательности и слабости вызвалъ сильныя протесты. Многіе депутаты, въ томъ числѣ Финке¹⁾, доказывали, что нравственное значеніе собранія подорвано навсегда. Въ собраніи, радикальные депутаты (Цитцъ, Шлѣффель) подняли народныя собранія и революціонные клубы. 17-е сентября прошло въ шумныхъ сходахъ; 18-го толпы народа хотѣли ворваться въ церковь св. Павла, но правительство загородило входы войсками. Волненіе принимало сильныя размѣры и сопровождалось всѣми признаками революціонныхъ движеній; толпа убила двухъ депутатовъ—князя Лихновскаго и генерала Ауэрсвальда. Мятежъ пришлось подавить военною силою. Съ этихъ поръ начинается паденіе собранія; нравственная его сила была подорвана и въ тотъ моментъ, когда началось обсужденіе прямой его задачи — конституціи имперіи, оказалось, что его силы иссякли.

Проектъ имперской конституціи былъ предложенъ на обсужденіе собранія 19-го октября 1848 г. Первые же статьи его должны были возбудить сильную борьбу въ собраніи, которая затѣмъ произвела расколъ между его членами. Проектъ конституціи начинался съ опре-

¹⁾ Баронъ Эрнстъ фонъ-Финке (род. въ 1811 г.)—одинъ изъ представителей конституціонной либеральной партіи въ собраніи и противникъ республиканцевъ. Впоследствии одинъ изъ вождей либеральной оппозиціи въ прусскомъ парламентѣ. См. ниже.

дѣленія объема имперской территоріи и отношеній отдѣльныхъ государствъ къ цѣлому. Предполагалось, что имперская территорія будетъ обнимать *всѣ* земли, входившія въ составъ германскаго союза. Но затѣмъ поставлялось, что „никакая часть германской имперіи не можетъ быть соединена съ не-нѣмецкими землями въ одно государство. Буде нѣмецкая и не-нѣмецкая земли подчинены одной верховной власти, ихъ отношенія должны быть опредѣлены по началамъ чисто *личнаго соединенія* (Personalunion)“. Нельзя сказать, чтобы проектъ поступалъ въ этомъ отношеніи совершенно послѣдовательно. Первая непослѣдовательность состояла въ томъ, что еще предварительный парламентъ постановилъ включить въ составъ германской территоріи не нѣмецкую землю — великое герцогство Познанское ¹⁾). Въ виду такого факта не было уже особеннаго основанія не простигать своихъ видовъ на другія „не нѣмецкія“ земли. Вторая непослѣдовательность состояла въ томъ, что, принявъ за основаніе территориальнаго объема имперіи строгое начало народности, нечего уже было упорно надѣяться на согласіе Австріи отдать свои не-нѣмецкія земли въ распоряженіе имперіи и допустить очевидное разчлененіе государства. Особенно трудно было питать такія надежды именно въ ту минуту, когда въ Австріи были въ ходу централизаторскіе планы, когда правительство, первоначально ослабленное революціею, теперь приобретало повую силу. Что могла дать имперіи централизованная Австрія? Она могла согласиться на нѣсколько преобразованный *союзъ государствъ* и даже желала его, въ виду возможности сохранить старое вліяніе свое въ Германіи. Но согласиться на государство съ сильною центральною властью она не хотѣла и не могла, даже въ томъ предположеніи, что императорская корона будетъ предоставлена Австрійскому дому. За это никакъ нельзя порицать политику австрійскаго кабинета.

Въ самомъ дѣлѣ, что требовалось отъ государства, поставленнаго во главѣ германской имперіи? Полнаго отреченія отъ своего особаго, самостоятельнаго положенія въ европейскомъ международномъ союзѣ и безусловнаго сліянія съ общимъ составомъ федераціи. Когда прусскій король, 21-го марта 1848 года, собирался стать во главѣ національнаго движенія, онъ провозгласилъ: „*Preussen geht fort an in Deutschland auf*“. Австрійскій императоръ не могъ произнести такой фразы; это значило бы обречь многочисленныя славянскія племена, итальян-

¹⁾ По возстановленіи союза и сейма снова исключенное изъ состава германскихъ земель.

скія области и Венгрію на служебную роль въ строго-германскомъ государствѣ. Австрійскій кабинетъ не хотѣлъ, не имѣлъ ни права, ни возможности сдѣлать этого. Всѣ эти соображенія, конечно, давали австрійскому кабинету полное основаніе *не приступать* къ будущей федераціи. Если бы только этимъ ограничился его протестъ, задача національнаго собранія не усложнилась бы до такихъ размѣровъ, какъ это случилось послѣ. Но австрійское правительство, не желая приступать къ федераціи, не хотѣло, вмѣстѣ съ тѣмъ, *выйти* изъ состава Германіи, гдѣ оно до сихъ поръ играло такую видную роль. Присутствіе же Австріи въ союзѣ дѣлало невозможными всякія серьезныя улучшенія въ его устройствѣ. Изъ такого заколдованнаго круга трудно было выйти самому рѣшительному политику.

До ноября австрійскій дворъ не имѣлъ возможности высказаться опредѣленно. Онъ былъ слишкомъ занятъ внутренними событіями. Франкфуртскій мятежъ 18-го сентября отозвался въ Вѣнѣ. Венгерскія дѣла принимали грозный оборотъ; не лучше было положеніе Австрійцевъ и въ Италиі. Вѣсть о новомъ возстаніи въ Вѣнѣ привела въ волненіе лѣвую сторону національнаго собранія. Собраніе рѣшилось послать въ Вѣну двухъ комиссаровъ для посредничества между правительствомъ и народомъ. Лѣвая сторона, кромѣ того, отправила туда двухъ депутатовъ, Фрѣбеля ¹⁾ и Роберта Влума для поддержки вѣпской демократіи. Тогда правительство рѣшилось разрѣшить всѣ вопросы вооруженною силой. Двѣ арміи направились къ Вѣнѣ: армія хорватскаго бана Јеллачича ²⁾ и армія князя Виндишгреца, находившагося до тѣхъ поръ въ Прагѣ ³⁾. 31-го октября Вѣна пала и объявлена въ осадномъ положеніи. Началась кровавая расправа, отъ которой не увернулся и Влумъ, не смотря на свое званіе депутата національнаго собранія. Новое министерство князя Шварценберга ⁴⁾

¹⁾ Fröbel, Julius (род. въ 1805 г.). Извѣстенъ какъ публицистъ. Главныя сочиненія его: System der Socialen Politik (1847 г.) и Theorie der Politik (1861—1864 гг.).

²⁾ Юсифъ графъ Јеллачичъ (1801—1859) — стойкій противникъ венгерскаго движенія, въ которомъ онъ видѣлъ опасность для самостоятельности славянскихъ племенъ.

³⁾ Князь Альфредъ Виндишгрецъ (1787—1862) въ событіяхъ 1848 г. извѣстенъ, во первыхъ, подавленіемъ возстанія въ Прагѣ, за что получилъ благодарность франкфуртскаго собранія, признававшего право на независимость и единство только за нѣмецкими племенами; затѣмъ усмирилъ Вѣну.

⁴⁾ Князь Феликсъ-Людвигъ Шварценбергъ (1800—1852) — одно изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ реакціонномъ движеніи 1849 и слѣдующихъ годовъ.

открыто высказалось противъ всякихъ попытокъ разьединенія Австріи и умаленія ея самостоятельности. Этотъ поворотъ былъ, впрочемъ, предугаданъ во Франкфуртѣ.

Немедленно послѣ событій 31-го октября въ національномъ собраніи была высказана мысль о возможности образовать союзное государство не только безъ славяно-венгро-итальянскихъ земель Австріи, но даже безъ нѣмецкихъ ея владѣній. Отношенія Австріи къ имперіи предполагалось опредѣлить особымъ договоромъ. Эта мысль была высказана депутатомъ Безелеромъ ¹⁾. Гагернъ сталъ на сторону предложенія. Конечно, оно произвело расколъ между депутатами и, такимъ образомъ, къ этому времени относится зарожденіе двухъ большихъ партій: *велико-германской* и *мало-германской* (*Grossdeutsche und kleindeutsche Parteien*).

Но планъ мало-германской партіи очевидно не могъ осуществиться безъ согласія того государства, которое одно могло теперь сдѣлаться центромъ единства — Пруссіи. Внутреннее ея состояніе не обѣщало тогда ничего утѣшительнаго для плановъ объединенія. Трудъ учредительнаго собранія, созваннаго королемъ для составленія конституціи, не подвигался впередъ. Время проходило, съ одной стороны, въ пререканіяхъ собранія съ министерствомъ, составъ котораго непрерывно измѣнялся, съ другой — въ уличныхъ безпорядкахъ. Крутыя мѣры реакціонной партіи въ Вѣнѣ не остались безъ вліянія въ Берлинѣ. 2-го ноября король поручилъ составить новое министерство графу Бранденбургу ²⁾, члену феодальной партіи. Душою новаго кабинета былъ умный и ловкій поддтикъ, баронъ Мантейфель ³⁾. Одною изъ первыхъ мѣръ кабинета была отсрочка собранія до 27-го ноября. Затѣмъ засѣданія его должны были возобновиться не въ Берлинѣ, а въ Бранденбургѣ ⁴⁾, подъ тѣмъ предлогомъ, что здѣсь

¹⁾ Карлъ-Георгъ Безелеръ (род. въ 1809 г.), известный юристъ и профессоръ Берлинскаго университета. Главныя сочиненія его: *Lehre von den Erbverträgen*, въ трехъ томахъ (1835 — 1838) и «*System des gemeinen deutschen Privatrechts*».

²⁾ Графъ Фридрихъ-Вильгельмъ Бранденбургъ (1792—1850) сынъ короля Фридриха-Вильгельма II отъ графини Денгофъ (Dönhoff), съ которою онъ состоялъ въ мorganатическомъ бракѣ. Онъ умеръ, пораженный жестокими ударами, нанесенными Пруссіи интригами Австріи. См. ниже.

³⁾ Баронъ Оттонъ Мантейфель (род. въ 1805) держалъ въ своихъ рукахъ прусскую политику десять лѣтъ (1848—1858 г.). Нынѣшній императоръ-король уволилъ его, сдѣлавшись, по болѣзни Фридриха-Вильгельма IV, регентомъ. См. ниже.

⁴⁾ Небольшой городокъ въ Потсдамскомъ округѣ.

оно будетъ свободно отъ давленія толпы. Собраніе рѣшилось не исполнить приказа объ отсрочкѣ. Министерство прибѣгло къ военной силѣ. 15-го ноября собраніе рѣшилось разойтись, но объявило, что отнынѣ министерство не въ правѣ собирать подати. Этимъ оно думало вызвать поддержку со стороны народныхъ массъ, но не нашло ее. 27-го ноября собраніе сошлось въ Бранденбургъ, чтобы выслушать декретъ о распущеніи своемъ. 5-го декабря, король собственною властью издалъ конституцію, подъ тѣмъ условіемъ, что она будетъ разсмотрѣна палатами, созванными въ силу новаго акта. Попытка франкфуртскаго парламента оказать поддержку либеральной партіи и Блюстителя имперіи—сдѣлаться посредникомъ между прусскимъ правительствомъ и народомъ не имѣли успѣха.

Не смотря на неожиданный поворотъ прусской политики 2-го ноября, собраніе падѣялось однако получить согласіе прусскаго правительства на „имперію безъ Австріи“. Но для этого нужны были личные переговоры съ королемъ. Съ этою цѣлью былъ отправленъ въ Берлинъ Гагернъ. Король принялъ его, 27-го ноября, очень мило, но объявилъ, что Германія безъ Австріи не мыслима ¹⁾. Въ это же время австрійскій кабинетъ принялъ рѣшительный и угрожающій тонъ. Правительство перевело вѣнское „учредительное собраніе“ въ небольшой городокъ Кремзиръ (Kremzier) и здѣсь предложило ему программу кореннаго преобразованія Австріи въ смыслѣ сильной централизаціи. Франкфуртскому правительству было сообщено, что Австрія приступила къ своему обновленію и, до выполненія этой задачи, будетъ свято исполнять свои обязанности по отношенію къ союзу ²⁾. Имперское министерство, руководимое Австрійцемъ Шмерлингомъ, готовилось защищать интересы своей страны. Но рѣшительная оппозиція въ палатѣ принудила его подать въ отставку и уступить мѣсто кабинету Гагерна (16-го декабря).

Переворотъ 16-го декабря упрочивалъ повидимому успѣхъ мало-германской партіи. Программа Гагерна была благопріятна плану строго

¹⁾ «Das Haus Habsburg steht voran, und ich bin persönlich nicht geeignet, bin kein Friedrich I noch ein Friedrich II. Wenn Oesterreich ausschiede, so würde Deutschland ein getheiltes und gemindertes sein, und ich mag nicht nach Herstellung des Kaiserthums der erste Kaiser sein, der eine verstümmelte Krone trüge».

²⁾ *Клюпфелъ* (Geschichte der deutschen Einheitsbestrebungen, I, 84) справедливо замѣчаетъ: «Der Sinn dieser Erklärung war wohl der: Deutschland solle mit dem Abschluss seiner Verfassung hübsch warten, bis Oesterreich mit seiner Wiedergeburt fertig sei».

національнаго государства ¹⁾. Новый президентъ собранія, профессоръ Симсонъ ²⁾, былъ Пруссакъ. Но условія времени были таковы, что собранію, болѣе чѣмъ когда нибудь, нужно было дѣйствовать быстро и рѣшительно. Между тѣмъ оно не пришло еще къ соглашенію даже относительно *формы* правленія въ будущемъ государствѣ. Плановъ было множество. Предлагалось сосредоточить исполнительную власть въ рукахъ директоріи изъ трехъ государствъ (Австріи, Пруссіи и Баваріи), или установить очередное президентство (Turnus) между Австріею и Пруссіею и т. д. Спорили о томъ долженъ ли глава государства быть наследственъ, или избираться пожизненно, или на шесть лѣтъ. Слышались возгласы и о германской республикѣ.

При такихъ условіяхъ начался 1849-й годъ. Январь мѣсяцъ былъ посвященъ преніямъ о формѣ правленія. Большинство рѣшилось предоставить власть выборному главѣ государства съ титуломъ *императора*. Онъ долженствовалъ быть! выбранъ изъ числа государей Германіи. Но вопросъ объ отношеніяхъ къ Австріи все еще не былъ рѣшенъ. Не извѣстно было даже, какъ отнесутся, послѣ событій послѣднихъ мѣсяцевъ 1848 года, прочія германскія правительства къ планамъ собранія.

Первымъ высказалось прусское правительство. Въ январѣ 1849 г. оно отправило ко всѣмъ дворамъ и къ франкфуртскому правительству, циркулярную ноту, въ которой высказало свои воззрѣнія. Они сходились съ планомъ Гагерна въ томъ отношеніи, что прусскій кабинетъ предполагалъ возможнымъ организовать союзное государство, безъ включенія въ его составъ Австріи. Именно предполагалось, *не разрушая* союза и не исключая Австріи изъ состава Германіи, организовать въ средѣ этого союза союзное государство (einen Bundesstaat innerhalb des Bundes). Но существенное требованіе прусской ноты состояло въ томъ, что конституція имперіи должна была получить силу не иначе, какъ съ согласія *всѣхъ* правительствъ Германіи. Для этого предлагалось сообщить имъ проектъ конституціи прежде второго чтенія его въ собраніи.

¹⁾ Основная мысль этой программы состояла въ слѣдующемъ: вопросъ о союзной конституціи для Германіи, въ собственномъ смыслѣ, долженъ быть отдѣленъ отъ вопроса объ отношеніи будущаго государства къ Австріи. Последнее можетъ быть опредѣлено особымъ договоромъ; первое нуждается въ скорѣйшемъ окончаніи.

²⁾ Мартинъ Эдуардъ Симсонъ (род. въ 1810 г.), въ наше время извѣстный председатель второй прусской палаты и имперскаго сейма.

Австрія, гдѣ теперь вмѣсто отрекшагося отъ престола Фердинанда I, царствовалъ Францъ-Иосифъ ¹⁾, высказалась, конечно, въ самомъ неблагопріятномъ смыслѣ противъ идеи союзнаго государства; ея примѣру послѣдовали значительнѣйшія государства, видѣвшія въ проектѣ гибель своей независимости ²⁾. Отнынѣ собранію оставалось одно—доканчивать на удачу свое дѣло, въ надеждѣ, что *можетъ быть* прусскій король возьметъ на себя роль объединителя Германіи, по волѣ собранія.

Но и эта неблагоприятная работа была затруднительна для парламента. Въ виду рѣшительнаго сопротивленія Австріи, Баваріи и Ганновера, всѣ австрійскіе члены и партикуляристы были противъ федеративной монархической формы союза. Надо еще удивляться, какъ въ виду этой пестрой смѣси партикуляристовъ, клерикаловъ, феодаловъ и республиканцевъ, дружно сплотившихся, могло состояться какое-нибудь противное имъ большинство. Конечно, это большинство не могло довести своихъ плановъ до конца. Исключеніе Австріи, формально предложенное Велькеромъ ³⁾, было отвергнуто и, такимъ образомъ, заранѣе были связаны руки каждому, кто рѣшился бы принять императорскую корону. Министерство Гагерна подало въ отставку (21-го марта). Тѣмъ не менѣе, до 27-го марта конституція была востановлена, а 27-го марта собраніе приступило къ выбору императора, на этотъ разъ наследственнаго ⁴⁾. Въ собраніи присутствовало 568

¹⁾ Францъ-Иосифъ (род. въ 1830 г.), сынъ эрцгерцога Франца-Карла и племянникъ императора Фердинанда I. Вступилъ на престолъ 2-го декабря 1848 г.

²⁾ Въ Австріи въ это время уже была открыта такъ-называемая Ольмюцкая конституція (4-го марта). Рѣшительный отказъ со стороны Австріи послѣдовалъ 4-го февраля. 9-го марта она объявила, что національное собраніе должно придумать такую форму союзнаго устройства, которая давала бы возможность Австріи принять его. 13-го она потребовала исключенія изъ проекта конституціи палаты представителей.

³⁾ Предложеніе Велькера было сформулировано слѣдующимъ образомъ. Конституція должна быть принята собраніемъ въ настоящемъ своемъ видѣ, съ тѣмъ, чтобы будущіе парламены могли дѣлать въ ней необходимыя измѣненія. Императорское достоинство предоставляется его величеству королю прусскому. Всѣ германскіе государи приглашаются патриотически и великодушно согласиться на это постановленіе и содѣйствовать его осуществленію. Его величество императоръ австрійскій, какъ государь нѣмецко-австрійскихъ земель, и всѣ обитающія тамъ родственныя племена приглашаются во всякое время вступить въ германское союзное государство.

⁴⁾ Въ январѣ большинство подало голосъ за императора.

членовъ. Изъ нихъ 247 (Австрійцы, Баварцы, ультрамонтаны и вся лѣвая сторона) воздержалась отъ подачи голосовъ. Изъ остальныхъ членовъ 290 подали голосъ за Фридриха-Вильгельма IV.

Конституція, принятая собраніемъ, была обработана весьма тщательно, но заключала въ себѣ много такого, что не могло быть принято королемъ ¹⁾. Союзная власть должна была состоять изъ императора, управляющаго чрезъ отвѣтственное министерство, и сейма. Сеймъ предполагалось составить изъ двухъ палатъ: палаты государствъ (Staten Haus) и народной палаты (Volks Haus). Въ первой палатѣ засѣдали бы уполномоченные отъ правительствъ (первая половина) и выборные отъ мѣстныхъ палатъ (вторая половина). Члены народной палаты избирались бы всеобщей подачей голосовъ по одному на 100.000 жителей. Кромѣ того, ради охраненія конституціи и юридическаго порядка во всей Германіи, учреждался имперскій судъ. Въ рукахъ союзнаго правительства сосредоточивалось право внѣшнихъ сношеній, завѣдываніе арміею и флотомъ, главными путями сообщенія, таможеннымъ и монетнымъ дѣломъ и т. д. Отдѣльныя правительства сохраняли за собою только права, спеціально не предоставленныя имперской власти. Наконецъ, существенную часть конституціи составляли такъ называемыя „основныя права“.

Два постановленія новаго устройства въ особенности неблагоприятно подѣйствовали на короля. Будущему императору давалось только задерживающее veto (veto suspensivum) — уступка, сдѣланная республиканской партіи. Повторныхъ, король съ неудовольствіемъ смотрѣлъ на избирательный законъ, основанный на началѣ всеобщей подачи голосовъ. Но нечего говорить о частностяхъ, когда все зданіе будущей конституціи, съ самаго фундамента, противорѣчило кореннымъ убѣжденіямъ Фридриха-Вильгельма. Проникнутый благоговѣніемъ къ преданіямъ старинной Имперіи, устройство которой представлялось ему въ какомъ-то романтическомъ свѣтѣ, онъ былъ неприятно изумленъ этою конституціею, составленною по самоновѣйшимъ началамъ и образцамъ. вмѣсто князей, рыцарства и гражданства,

---

¹⁾ Имперская конституція состояла изъ 197 §§ и семи отдѣловъ. Кромѣ конституціоннаго закона, національное собраніе издало нѣсколько спеціальныхъ законоположеній, именно: 1) избирательный законъ; 2) законъ о германскихъ властяхъ; 3) законъ объ отвѣтственности членовъ собранія; 4) объ охраненіи національнаго собранія; 5) вексельный уставъ, сохранившій свое значеніе и вполнѣствіи; 6) нѣсколько финансовыхъ законовъ.

вѣнчавшихъ Фридриха Барбароссу и Рудольфа Габсбургскаго, онъ долженъ былъ принять корону отъ „учредительнаго собранія“, составленнаго во вкусъ началъ 1789 года. Не было-ли это нарушеніемъ всѣхъ преданій? Въ національномъ собраніи была проведена рѣзкая черта между партією законной реформы (огромное большинство) и революціонною демократією (меньшинство). Но это было, такъ сказать, домашнее ихъ различіе. Въ глазахъ Фридриха-Вильгельма *все* собраніе, стоявшее вѣдѣ правительствъ и выше ихъ воли, было представителемъ одного и того-же революціоннаго начала. Онъ не дѣлалъ никакого различія между Гагерномъ, Дальманомъ, Велькеромъ, Симсономъ — съ одной, и Струве, Цитцомъ, Brentano — съ другой стороны. Онъ ясно высказалъ эти воззрѣнія въ письмѣ къ своему другу Ардту, за нѣсколько времени до того, какъ собраніе рѣшилось предложить ему императорскую корону ¹⁾. Къ этимъ субъективнымъ препятствіямъ

---

¹⁾ Письмо короля Фридриха-Вильгельма къ Ардту до такой степени интересно и такъ хорошо уясняетъ все міросозерцаніе его царственнаго автора, что мы не можемъ не привести его здѣсь, хотя въ извлеченіи.

«Великое собраніе», писалъ онъ, «называющее себя нѣмецкимъ національнымъ и имперскимъ собраніемъ и большая часть котораго (von der ein erfreulich grosser Theil) принадлежитъ къ лучшимъ людямъ великаго отечества, не можетъ ни давать, ни предлагать короны. Оно должно составить *проектъ* конституціи и затѣмъ вступить въ переговоры съ признанными всею Европою царствующими государями и (вольными) городами Германіи. Гдѣ полномочіе, дающее имъ право поставить короля или императора надъ законными властями, которымъ они присягали? Гдѣ совѣтъ королей и князей Германіи, избирающій, по тысячелѣтнему обычаю Священной имперіи, своего короля и предлагающій свой выборъ на утвержденіе народа? Ваше собраніе постоянно противилось образованію этого совѣта, представительству германскихъ властей въ новомъ центрѣ націи. Это ужасная ошибка, — ее можно назвать грѣхомъ. Теперь обнаруживаются послѣдствія этого грѣха; теперь каждый во Франкѣуртѣ — даже тотъ, кому неясны причины и послѣдствіе, чувствуетъ, что собраніе, при такихъ заслугахъ, такомъ рвеніи и отчасти чистыхъ наміреніяхъ, работаетъ надъ совершенною *невозможностію*. Думаете-ли вы, что потрясающіи сцены, слова и постановленія парламента могутъ сдѣлать невозможное возможнымъ? Предполагая, дорогой мой Ардтъ, что грѣха не произошло, или что онъ заглаженъ, что истинный и законно собранный совѣтъ князей и народа произвелъ выборы въ старомъ мѣстѣ избранія (Wahlstadt) и предложилъ мнѣ старую, истинную, законную, тысячелѣтнюю корону германскаго народа, — тогда возможно было-бы говорить о принятіи и отказѣ, — я *отвѣтилъ бы*, какъ долженъ отвѣчать человѣкъ, которому предлагается высочайшая честь въ мірѣ. Но уввы, этого нѣтъ! На предложеніе, какимъ мнѣ угрожаютъ изъ Франкѣурта, мнѣ приличествуетъ молчать. Я не могу и не буду отвѣчать, чтобы не оскорбить людей, которыхъ я люблю, ува-

присоединялась масса внѣшнихъ. Что станетъ дѣлать государь, принявшій корону безъ согласія правительствъ, теперь окрѣпшихъ послѣ революціоннаго потрясенія? Не долженъ ли онъ будетъ начать междоусобную войну, съ цѣлью подчиненія ихъ своей волѣ? Какъ устранить противодѣйствіе Австріи? Какъ обойти трактаты 1815 года, все еще считавшіеся основаніемъ европейскаго международнаго права?

Въ виду этихъ соображеній, нельзя было сомнѣваться въ отвѣтѣ короля; само собраніе врядъ-ли было увѣрено въ успѣхѣ. Но послѣ избранія 28-го марта, оно должно было сдѣлать послѣднюю попытку. 2-го апрѣля прибыла въ Берлинъ депутація изъ 34 членовъ собранія, между которыми находились Симсонъ, Арндтъ, Дальманъ, Миттермайеръ, Раумеръ ¹⁾ и Цахаріе ²⁾. На другой день она была принята королемъ.

жаю, на которыхъ язираю съ гордостью и благодарностію. Что мнѣ предлагается? Есть ли это порожденіе страшнаго круговорота 1848 года—корона? Вещь, о которой мы говоримъ, не носитъ знаменія святаго креста, не полагаетъ на чело печати «Божію милостию», не есть корона. Это желѣзный ошейникъ рабства, чрезъ который потомокъ болѣе 24 правителей, курюрстовъ и королей, глава 16 миліоновъ, господинъ вѣрнѣйшаго и храбрѣйшаго войска въ мірѣ, сдѣлался бы крѣпостнымъ революціи. Да не будетъ этого! Цѣною клеветы было бы нарушеніе слова, даннаго мною ландтагу 26-го февраля: «стараться о соглашеніи съ нѣмецкимъ національнымъ собраніемъ, относительно будущаго устройства великаго отечества, вѣстѣ со всѣми германскими государями». Я не нарушу ни этого, ни другаго даннаго мною слова. Мнѣ почти кажется, дорогой мой Арндтъ, что въ васъ господствуетъ заблужденіе, конечно раздѣляемое вами со многими другими, что вы видите революцію, противъ которой должно бороться, только въ такъ называемой красной демократіи и въ коммунистахъ,—такое заблужденіе было бы худо. Эти люди ада и смерти могутъ дѣйствовать только на живой почвѣ революціи. Революція есть уничтоженіе божественнаго порядка, поспраніе, устраненіе законнаго порядка; она живетъ и дышетъ своимъ дыханіемъ смерти, пока низъ не будетъ верхомъ, а верхъ низомъ. Пока, слѣдовательно, нѣмецкія власти не имѣютъ мѣста во Франкфуртскомъ центрѣ, не засѣдаютъ въ совѣтѣ, призванномъ дать будущее Германіи, пока этотъ центръ находится подъ вліяніемъ революціоннаго потока и несется съ нимъ, до тѣхъ поръ онъ не можетъ предлагать ничего такого, къ чему могутъ прикоснуться только чистыя руки. Какъ Нѣмецъ и Государь, котораго «да» — твердо, котораго «нѣтъ» — обдуманно, я не пойду ни на что, способное уменьшить мое прекрасное отечество, предать его справедливому осмѣянію сосѣдей и осужденію исторіи, я не примю ничего, что не однородно съ моими прирочденными обязанностями, или можетъ противорѣчить имъ. *Dixi et salvavi animam meam*.

¹⁾ Фридрихъ Раумеръ (родился въ 1781 году), знаменитый авторъ «Исторіи Гоенштауфеновъ» и множества другихъ трудовъ.

²⁾ Генрихъ Цахаріе (родился въ 1806 году), Известный юристъ, авторъ

Фридрихъ-Вильгельмъ принялъ депутацію съ выраженіями благодарности и сочувствія, но объявилъ, что онъ не можетъ принять предложенія безъ согласія прочихъ правительствъ. „Я готовъ“, говорилъ онъ, доказать фактами, что члены собранія не ошиблись, возлагая свое упованіе на мою преданность, вѣрность и любовь къ общему отечеству. Но, господа, я не соотвѣтствовалъ бы духу германскаго народа, я не установилъ бы единства Германіи, принявъ рѣшеніе, долженствующее имѣть важныя послѣдствія для всѣхъ ея частей, съ нарушеніемъ всѣхъ священныхъ правъ и моихъ прежнихъ опредѣлительныхъ и торжественныхъ заявленій, безъ свободнаго согласія коронованныхъ главъ и вольныхъ городовъ Германіи“.

Депутація уѣхала изъ Берлина ни съ чѣмъ. Послѣдняя попытка сдѣлать для отечества что-нибудь кончилась печальною неудачей. Но поднятый вопросъ не былъ разрѣшенъ отказомъ Фридриха-Вильгельма; онъ не былъ разрѣшенъ для самого прусскаго правительства. Отказъ короля не былъ *безусловенъ*, какимъ, въ сущности, онъ долженствовалъ быть, согласно воззрѣнію, высказанному имъ въ письмѣ къ Арндту. Король отрицалъ за собраніемъ право предлагать корону, такъ какъ его единственною задачею было изготовленіе проекта конституціи; слѣдовательно, онъ не долженъ былъ принимать депутаціи вовсе, или принявъ, отвѣчать ей рѣшительнымъ отказомъ. Между тѣмъ, онъ прямо сказалъ, что выборы 28-го марта даетъ ему *право* (Anrecht) на корону, но что онъ не можетъ воспользоваться этимъ правомъ безъ согласія прочихъ правительствъ. Послѣдствія такого отвѣта легко было предвидѣть. Для лицъ, желавшихъ германскаго единства, а къ числу ихъ принадлежало и прусское правительство, необходимо было добиться согласія отдѣльныхъ государствъ. Этого можно было достигнуть двоякимъ путемъ. Впервыхъ, путемъ дипломатическихъ сношеній съ правительствами, вовторыхъ, путемъ вліянія на нихъ народныхъ массъ и мѣстныхъ палатъ. И тѣ, и другія средства были пущены въ дѣло.

На другой же день послѣ пріема депутаціи, прусскій кабинетъ отправилъ ко всѣмъ дворамъ ноту, въ которой заявлялъ, что его величество король, сознавая историческое призваніе Пруссіи и потребности общаго отечества, готовъ стать во главѣ союзнаго государства, если

«Учебника нѣмецкаго уголовного процесса» и «Нѣмецкаго государственнаго и союзнаго права». Въ настоящее время онъ—пожизненный членъ прусской палаты господъ.

на то воспослѣдуетъ согласіе государей и вольныхъ городовъ. Затѣмъ объемъ и форма этого союза будутъ зависѣть отъ того, какое количество государствъ рѣшится къ нему приступить. Эта нота заключаетъ въ себѣ двѣ идеи, изъ которыхъ одна имѣла большое значеніе для національнаго собранія, а другая—для будущаго Германіи. Провозглашая, что форма союза будетъ зависѣть отъ количества государствъ, желающихъ къ нему приступить, прусская нота объявляла ничтожною всю конституціонную работу собранія. Затѣмъ она, на первый разъ робко, высказала мысль, что *единство Германіи должно быть дѣломъ Пруссіи*. Эта мысль не умерла ни въ прусскомъ кабинетѣ, ни въ Германіи.

Національное собраніе рѣшилось отстаивать свое дѣло. 11-го апрѣля оно постановило торжественно объявить о своемъ намѣреніи твердо держаться принятой имъ конституціи. Теперь все зависѣло отъ того, въ какой мѣрѣ правительства подчинятся этому заявленію. Благодаря вліянію всѣми уважаемаго Гагерна, 28 второстепенныхъ и третьестепенныхъ государствъ объявили, что они признаютъ конституцію, выборъ императора и требуютъ, чтобы прусскій король, для блага родины, принялъ на себя новыя обязанности. Но не такъ пошло дѣло въ главныхъ государствахъ. Вторая палата въ Пруссіи рѣшилась настаивать предъ правительствомъ на принятіи имперской конституціи. Она была распушена (27-го апрѣля). Въ Виртембергѣ король уступилъ только послѣ долгой борьбы съ палатами (24-го апрѣля). Короли Баварскій и Саксонскій высказались рѣшительно и противъ конституціи и противъ главенства прусскаго короля. Тоже произошло и въ Ганноверѣ (23-го, 26-го и 28-го апрѣля).

Въ виду этого противодѣйствія, Фридрихъ-Вильгельмъ рѣшился безусловно отказаться отъ предложенной ему короны. Въ прокламаціи, изданной 27-го апрѣля, объявлялось, что главныя государства Германіи не желаютъ принять конституціи, предложенной собраніемъ; что, съ своей стороны, прусское правительство не согласно съ ея основаніями (*veto suspensivum*, всеобщая подача голосовъ) и что затѣмъ собранію предстоитъ выработать проектъ государственнаго устройства, согласный съ видами всѣхъ правительствъ.

Собраніе рѣшилось на послѣднюю отчаянную мѣру. Постановленіемъ 3-го мая ¹⁾ оно пригласило весь германскій народъ, всѣ пра-

¹⁾ Оно было принято весьма незначительнымъ большинствомъ.

вительства и общины привести въ исполненіе изданную имъ конституцію. Новый рейхстагъ долженъ собраться къ 22-му августа. Если Пруссія не согласится принять на себя главенство въ Имперіи, эти права будутъ предоставлены главному изъ государей, признавшихъ конституцію, съ званіемъ имперскаго намѣстника (Reichsstathalter). Если бы это воззваніе исходило отъ сильнаго собранія, въ родѣ англійскаго парламента 1641 года, оно породило бы междоусобную войну; изданное безсильною горстью людей, оно равнялось воззванію къ мятежу, котораго послушались лишь въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи. Самъ парламентъ, который, по точному смыслу прокламаціи 3-го мая, долженъ былъ разойтись, по неволѣ остался пассивнымъ зрителемъ жалкой революціонной драмы и собственнаго разложенія.

Возстаніе вспыхнуло въ Баденѣ, Саксоніи, прирейнской Баваріи и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Пруссіи. Вездѣ оно было подавлено вооруженною силою, причемъ прусскія войска играли главную роль. Положеніе самого собранія было особенно невыгодно потому, что его мѣра призвала къ дѣятельности именно тѣ силы, противъ которыхъ оно боролось и въ своей средѣ, извнѣ, силы, едва не уничтожившія его 18-го сентября 1848 года. Зигели, Мѣрославскіе, Бакунины и т. д. взялись за „приведеніе въ дѣйствіе конституціи“, которую они ненавидѣли, можетъ быть, больше чѣмъ Мантейфель и Эрнстъ-Августъ. Разложеніе собранія шло быстро. Главныя правительства, прежде всего Австрія, признавая, что задача собранія исчерпана, отозвали своихъ депутатовъ. Большинство повиновалось этому призыву. Другіе депутаты сами убѣдились, что путь мирной и законной реформы теперь невозможенъ, что реакція и революція снова противостоятъ другъ другу, какъ въ худшія времена священнаго союза, и сложили свои полномочія. Таковы были, между прочимъ, Симсонъ, Дункеръ, Дройзенъ, Аридтъ, Велькеръ, Дальманъ и Гагернъ (21-го мая).

Большинство оставшихся членовъ собранія принадлежало къ лѣвой сторонѣ. Но оно мало выиграло отъ того, что не захотѣло разойтись. Количество депутатовъ уменьшилось до такой степени, что собранію пришлось уменьшить законное число присутствующихъ депутатовъ до 100. Скоро затѣмъ послѣдовалъ разрывъ собранія съ Блюстителемъ имперіи и бѣгство перваго въ Штутгартъ, въ виду приближенія къ Франкфурту прусскихъ войскъ ¹⁾. Въ Штутгартѣ оста-

---

¹⁾ Столкновеніе между Блюстителемъ имперіи и собраніемъ началось еще 17-го мая.

токъ парламента думалъ быть въ безопасности, такъ какъ Виртембергъ и Баденъ были центрами революціонной агитаціи. Но надежды его не осуществились. Виртембергскій министръ Рѣмеръ, (снвшій депутатъ въ собраніи ¹⁾), запретилъ ему собираться и поддержалъ свой запретъ военною силою (18-го — 21-го іюня). Собраніе рѣшилось перевести свое мѣстопробываніе въ Карлсруэ, но этотъ планъ не былъ приведенъ въ исполненіе.

Здѣсь не мѣсто останавливаться на подробной оцѣнкѣ значенія этого знаменитаго и несчастнаго собранія. Нѣсколько замѣчаній, однако, необходимы для уясненія связи его дѣятельности съ событіями позднѣйшихъ лѣтъ. Исторія національнаго собранія обыкновенно излагалась съ отрицательной точки зрѣнія; всѣ на перерывъ старались указать на его ошибки и объяснить причины его полной неудачи. Такое отношеніе къ дѣятельности собранія, 15 мѣсяцевъ державшаго Германію въ страшномъ напряженіи, объясняется тѣмъ, что писатели, составлявшіе его исторію, жили въ тяжелую для Германіи эпоху 1850—1866 г., когда дѣло національнаго единства казалось проиграннымъ на долго и проиграннымъ именно по винѣ собранія. Событія 1848—1849 гг. казались плодомъ великодушнаго, но непрактичнаго движенія лучшей части германскаго общества. Теперь мы можемъ разсматривать этотъ вопросъ съ точки зрѣнія фактовъ, совершившихся съ 1866 по 1870 годъ. Съ этой точки зрѣнія, нельзя не признать, что движеніе 1848 года и національное собраніе, какъ главный и лучший его органъ, занимаютъ видное мѣсто въ ряду событий и условій, подготовившихъ единство Германіи.

Событія 1848 года и труды національнаго собранія придали смутнымъ до тѣхъ поръ стремленіямъ германскаго общества опредѣленныя формы и выразили ихъ въ цѣломъ рядѣ практическихъ требованій. Ни одна изъ главныхъ идей, воодушевлявшихъ собраніе, не прошла даромъ; большинство ихъ было утилизировано, въ той или другой формѣ, политическими дѣятелями нашего времени. Мысль о необходимости народнаго представительства рядомъ съ учрежденіемъ, составленнымъ изъ уполномоченныхъ отъ правительствъ, принята и осуществлена. Избирательный законъ, казавшійся опаснымъ Фридриху-Вильгельму, усвоенъ княземъ Бисмаркомъ. Задачи и границы центральной союзной власти опредѣлены по началамъ имперской конституціи. Дѣятели нашего времени воспользовались зачатками импер-

¹⁾ Онъ сложилъ съ себя званіе депутата 8-го іюня.

скаго законодательства по вопросам частнаго права. Такого значеніе общегерманскаго вексельнаго устава, обнародованнаго въ 1848 г. Блюстителемъ имперіи. Какъ ни слабы были средства „временной исполнительной власти“, но она показала хорошии примѣры союзнымъ правительствамъ, положивъ начало флоту, которымъ они не сумѣли воспользоваться.

Вовторыхъ, событія 1848 года, съ одной стороны, сблизили всѣ элементы общества, дружественныя идеи германскаго единства, а съ другой—уяснили ихъ отношеніе къ элементамъ враждебнымъ. Съ 1848 года въ германскомъ обществѣ организовались партіи съ ясною и опредѣленною программой. Затѣмъ отношеніе собственно германскихъ государствъ къ Австріи уяснилось какъ нельзя лучше. Огнниѣ Австріи все болѣе и болѣе теряла почву въ германскомъ обществѣ. Всѣ мечты о „священной римской имперіи“ пали. Огромное большинство патриотовъ пришло къ тому убѣжденію, что союзное государство можетъ быть составлено *только безъ Австріи*. Главныя политическіе дѣятели поняли, что ея присутствіе въ Германіи поддерживало разединеніе и слабость страны.

Всѣ упреки, дѣлаемые національному собранію, сводятся въ сущности къ одному—оно не умѣло осуществить своихъ плановъ въ 1848 году. Мы видѣли, отъ какихъ причинъ зависѣло это обстоятельство. Справедливость требуетъ замѣтить, что ошибки и неопытность собранія—только *одна* изъ этихъ причинъ. Собраніе дѣйствовало медленно и неудачно въ 1848 г.; но событія 1848 г. врядъ ли могутъ быть поставлены ему въ вину. Съ изданіемъ конституціи и избраніемъ императора его задача была исчерпана. Дальнѣйшій успѣхъ дѣла зависѣлъ отъ того, найдется ли въ Германіи правительство, готовое привести въ исполненіе вотированную конституцію. Его не нашлось. Но если бы тогдашнее правительство Пруссіи находилось въ рукахъ человѣка, подходящаго къ типу короля Фридриха II или Штейна, національное собраніе считалось бы истиннымъ ослвателемъ германскаго единства.

Фридрихъ-Вильгельмъ, монархъ рѣдкихъ нравственныхъ качествъ, отступалъ, однако, предъ каждымъ рѣшительнымъ шагомъ; онъ обсуждалъ каждый вопросъ съ такихъ точекъ зрѣнія, какія врядъ ли могутъ имѣть мѣсто въ государственныхъ дѣлахъ и препятствуютъ рѣшительному образу дѣйствій. Онъ искренно желалъ единства Германіи и сознавалъ историческое призваніе Пруссіи, но ему казалось, что желанная цѣль легче будетъ достигнута безъ собранія, „вышед-

шаго изъ революціи“. Событія 1850 года показали, что болѣе всѣхъ потерялъ отъ паденія собранія онъ самъ. Въ собраніи онъ имѣлъ твердую точку опоры для борьбы съ Австріею; въ немъ сосредоточилось много бдительныхъ поклонниковъ его, готовыхъ раскрыть каждую интригу, направленную противъ прусскаго правительства. Событія послѣ 1849 года оказались особенно неблагоприятными для короля Фридриха-Вильгельма IV.

А. Градовскій.

(Продолженіе будетъ).

СЛАВЯНСКАЯ ВЗАИМНОСТЬ СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО XVII ВѢКА ¹⁾.

В.

Взаимныя отношенія между отдѣльными народами Славянскими.

Славянское сознаніе у народовъ Славянскихъ не ограничивалось только однимъ теоретическимъ признаніемъ племеннаго своего родства; оно являлось въ ихъ разнообразныхъ взаимныхъ сношеніяхъ и нерѣдко вело и къ практическимъ результатамъ въ жизни духовной и политической.

I.

Чехи и Поляки.

1. Древне-чешскія и древне-польскія преданія. Чешскіе и польскіе князья. Отношенія королей Премысла II и Вацеслава II къ Польшѣ.

Между Чехами и Поляками, единственными остатками западныхъ Славянъ, являются съ самаго начала ихъ исторіи особенно тѣсныя связи и сношенія. Обоихъ народовъ связываютъ уже древнѣйшія преданія, производящія ихъ отъ двухъ братьевъ Чеха и Лѣха; и Чехи, и Поляки, воюя, мирясь и всячески сносясь другъ съ другомъ, не перестаютъ повторять, что они происходятъ отъ двухъ славянскихъ князей-братьевъ, и что поэтому слѣдуетъ ихъ потомкамъ жить въ братской любви и защищать другъ друга.

Такое сознаніе играетъ важную роль во всей исторіи западославянскихъ народовъ.

Чехи, по своимъ древнѣйшимъ преданіямъ, вышли изъ Карпатской Бѣлой Хорватіи подъ начальствомъ своего старосты „Лѣха“ (то-есть,

---

¹⁾ *Продолженіе.* См. *Журналъ Мин. Народн. Просв.* ноябрь, декабрь 1873, и январь 1874 года.

князя) Чеха, и вмѣстѣ съ другими племенами, поселились на рѣкахъ Волтавъ и Лабѣ. На верховьяхъ послѣдней рѣки, подъ горами Креконошскими, поселилось племя Хорватовъ. Полумифическія преданія и личности карпатскихъ Хорватовъ и Ляховъ являются и у нихъ выходцевъ Чеховъ: карпатскій князь Кракъ, основатель Кракова, отецъ Ванды, повторяется и въ чешскомъ князѣ Кракѣ (Крокѣ), тоже основателѣ Кракова, отцѣ мудрой Любуши. Преданіе объ истребленіи дракона карпатскимъ Кракомъ сохраняется и у креконошскихъ Хорватовъ, у которыхъ Трутъ погубилъ лютую змѣю. Имя ляхскаго Попела слышно и у Чеховъ въ названіи племеннаго князя Тетвы Попела, который будто бы прибылъ въ Чехію съ полками Чеховъ, и проч.

На близкое родство Чеховъ и Поляковъ указываютъ и одинаковыя безчисленныя названія лицъ, мѣстъ, горъ и водъ, встрѣчающихся въ земляхъ чешскихъ и польскихъ ¹⁾).

Чешскія и ляхскія племена не разъ соединялись и подъ однимъ государемъ, и только политическая незрѣлость Славянъ помѣшала сліянію обоихъ народовъ въ одинъ. Такъ было при Самѣ, Святополкѣ и чешскихъ Болеславахъ; такъ было и при польскомъ Болеславѣ Храбромъ. Но тогда Чехи, слѣдуя узкимъ династическимъ интересамъ своихъ князей, скоро отошли отъ Болеслава и соединились противъ него съ Нѣмцами. Болеславъ долженъ былъ уйти изъ Праги и оставить Чехію въ добычу князьямъ чешскимъ и ихъ союзникамъ Нѣмцамъ. Напрасно уговаривалъ онъ въ послѣдствіи чешскаго князя „вспомнить взаимное родство и примириться другъ съ другомъ и вмѣстѣ сопротивляться всѣмъ врагамъ, особенно же императору“ ²⁾).

Чешскіе и польскіе князья вообще, и какъ сосѣди, и какъ сродные другъ другу, безпрестанно вмѣшиваются въ дѣла сосѣднаго государства. Въ Чехію отправляются недовольные князья польскіе (Безпремъ, Збигнѣвъ), въ Польшу — чешскіе (Болеславъ, Яроміръ, Боривой), и вообще другіе недовольные Чехи (Славниковичи и Вершевичи). Чешскіе князья стремятся завладѣть Польшей, или по крайней мѣрѣ, распространить въ ней свое вліяніе. Подобное тому затѣваютъ и польскіе князья. Чешскій князь Брячиславъ вторгается въ Краковъ и въ Гнѣзно, возвращается оттуда съ богатою добычей и

¹⁾ Сходство Чеховъ и Поляковъ замѣчаютъ и многіе иностранные писатели. Такъ, напримѣръ, нѣмецкіе лѣтописцы Адамъ и Гельмольдъ (XI—XII вѣковъ) говорятъ, что Чехи и Поляки «*nec habitu nec lingua discrepant*», что «*est Polonis atque Boemis eadem armorum facies et bellandi consuetudo*», и пр.

²⁾ Thietmar Chron. (lib. VII, ed. Wagner, 206).

множествомъ плѣнниковъ ¹⁾ и обязываетъ Польшу къ подати, которая и платилась до конца XI вѣка. Чешскій князь Вратиславъ называется не только королемъ чешскимъ, но и польскимъ (1086 г.). Съ другой стороны, польскій князь Болеславъ III вторгается въ Чехію, съ цѣлью помочь Боривою въ достиженіи княжескаго достоинства.

Не смотря на всѣ такіа столкновения, Чехи и Поляки не видѣли другъ въ другѣ природныхъ, національныхъ враговъ, какъ напри- мѣръ, въ Нѣмцахъ, а только сосѣдей ссорящихся и скоро примиряю- щихся ²⁾. Если Чехи и сталкивались съ Поляками, то все-таки, въ случаѣ угрожающей опасности со стороны Нѣмцевъ, искали у сосѣд- нихъ своихъ соплеменниковъ опоры и защиты противъ общихъ вра- говъ всего славянства, въ особенности же западнаго. Это особенно видно при чешскомъ королѣ Премыслѣ II Отокарѣ (1253—1278 гг.). Не смотря на свое расположеніе къ нѣмецкому элементу, которымъ онъ наполнял города и окраины своего государства, Премыслъ все-таки чувствуетъ себя государемъ славянскимъ, связаннымъ съ польскими князьями болѣе крѣпкими узами, чѣмъ какія бываютъ между про- стыми доброжелательными сосѣдями. Онъ желаетъ жить въ нераз- рывной дружбѣ и союзѣ со всѣми польскими князьями, особенно же съ родственнымъ себѣ княземъ Краковскимъ и Сандомирскимъ Боле- славомъ, и обязывается защищать ихъ земли отъ всѣхъ враговъ, осо- бенно Русскихъ и язычниковъ. Онъ возстаетъ противъ притѣсненій монаховъ „славянскаго языка“ въ Чехіи и Польшѣ монахами нѣмец- кими, къ стыду и ущербу „нашего королевства и народа языка сла- виискаго“. Подобно тому и его супруга, русская княжна Кунигунда (Кинька), упрекаетъ аббатису Требницкаго монастыря Агнесу, крови польско-силезскихъ князей, что она, происходи отъ крови чешской и польской, благопріятствуетъ нѣмецкимъ монахамъ въ ущербъ монахамъ

¹⁾ Въ ихъ числѣ были также жители города Гедча, которые поселены при лѣсѣ Чернишъ на юго-западъ отъ Праги. Эти «Гедчане» еще въ XII вѣкѣ поль- зовались самоуправленіемъ (Cosmas Chron. Boh. I, 107). Прадѣдъ чешскаго лѣто- писца Космы былъ также Гедчанинъ.

²⁾ Такими враждебными столкновениями объясняются некоторые непріязнен- ные отзывы чешскихъ и польскихъ лѣтописцевъ о Полякахъ и Чехахъ; напри- мѣръ, описаніе бѣгства Болеслава Храбраго изъ Праги у Космы (I, 71), рѣчи князей—чешскаго Владислава и польскаго Болеслава, передъ сраженіемъ Тру- тинскимъ 1110 года (Cosmas I, 248, Martin. Gallus lib. III, c. 23); слова чеш- скаго князя Ольдриха: «Полине, враги нашихъ земель» (Кракедвор. рхц.) и пр. Но чешскіе и польскіе князья скоро опять примиряются, «confirmant foedera pacis, et hilares ad proprios remeant lares» (a. 1115).

своего языка и желаетъ, чтобъ она скорѣе поддерживала монаховъ „нашего и вашего языка“¹⁾.

Когда, наконецъ, несчастный король чешскій сталъ готовиться къ роковой борьбѣ съ соперникомъ своимъ Рудольфомъ Габсбургскимъ (1278 г.), то онъ особенно живо созналъ опасность, грозившую тогда со стороны Нѣмцевъ на всѣхъ западныхъ Славянъ, и необходимость крѣпкаго союза послѣднихъ, Чеховъ и Поляковъ. Поэтому и польскихъ князей призываетъ онъ на помощь противъ общаго врага Славянъ. „Помощь намъ подать вы должны и по слѣдующей причинѣ. Если, отъ чего да сохранить Богъ, случится, что насъ король нѣмецкій покоритъ и погубитъ, то непасытная пасть Нѣмцевъ (*insatiabiles Teutonicoꝝ hiatus*) расширится свободнѣе, и ихъ зловредная жадность распространится и на вашу землю. Ибо мы вамъ и вашимъ землямъ служимъ крѣпкимъ передгородіемъ вѣрной защиты: если оно не сможетъ устоять противъ бушующей грозы — отъ чего избави Боже! — можете уразумѣть, что тогда и вамъ грозитъ великая опасность, такъ какъ дерзкая алчность не довольствовалась бы только нашимъ покореніемъ, но расхитила бъ и ваше имѣніе, и кромѣ того, несносно тѣснила бы насъ, тяготѣла на насъ, свирѣпствовала противъ васъ. О, сколькими бѣдствіями тогда былъ бы преслѣдованъ вашъ многочисленный и Нѣмцамъ ненавистный народъ! О, какому игу страшнаго рабства подверглась бы свободная Польша. О подъ какими ударами погибалъ бы тогда весь вашъ народъ! Поэтому снѣшите намъ на помощь, снѣшите и дѣятельно потрудитесь отразить пламя еще далекаго пожара, соображая, что будетъ полезнѣе противиться зачаткамъ, чѣмъ тому, чтобы всепожирающій огонь слишкомъ пересилилъ отпоръ неустрашимаго, — и что тотъ, кто защищаетъ сосѣдній домъ отъ сожженія, предохраняетъ свое собственное жилище. По этой причинѣ усердно требуемъ, чтобы вы вооружились на помощь намъ, которые происходимъ отъ вашего племени!“²⁾.

Но напрасно лилась кровь Чеховъ и соединенныхъ съ ними нѣкоторыхъ князей польскихъ на Моравскомъ полѣ: Габсбурги укрѣпились на Дунаѣ и въ Альпахъ.

Въ болѣе близкія сношенія вступили Чехи и Поляки въ концѣ XIII вѣка. Тогда оба эти западо-славянскія государства были соединены

¹⁾ Dogiel, Codex diplom. regni Polon. I. 1. (Сравн. Niemcewicz: Zbiór pamiętników I, 309. Emler: Regesta Bohem. et Morav. II, 27); Palacky: Formelbücher I, 287, 288; Archiv für Kunde österreich. Geschichtsquellen XXIX, 46.

²⁾ Dolliner: Codex epistolaris Primislai Ottocari II, Nro 37.

въ одно чешскимъ королемъ Вячеславомъ II. Послѣ присоединенія Малой Польши къ Чешскому государству (1291 г.) и Велико-поляне провозгласили Вячеслава своимъ королемъ (1300 г.). На избраніе чешскаго короля въ польскіе подѣйствовало не только то обстоятельство, что онъ славился своимъ могуществомъ и богатствомъ, но и такія соображенія, что соединены будутъ „подъ однимъ государемъ Чехи и Поляки, не много отличающіеся по нарѣчіямъ славянскаго языка; ибо говорящіе на одномъ языкѣ соединяются скорѣе крѣпкими узами любви“ ¹⁾.

Соединеніе обѣихъ коронъ, чешской и польской, на головѣ Чешскаго государя, было кратковременно. Династическіе интересы польскихъ князей и происшедшія въ Чехіи, послѣ прекращенія рода Премысловичей (1306 г.), смуты помѣшали и тогда соединенію Чеховъ и Поляковъ въ одно государственное тѣло. Въ послѣдующемъ затѣмъ времени не мало повредило дружескимъ отношеніямъ обоеихъ славянскихъ народовъ поведеніе чешскаго короля, авантюриста-Нѣмца, Іоанна Люксембургскаго, помогавшаго заклятымъ врагамъ Польши, нѣмецкимъ рыцарямъ, и постоянно заявлявшаго свои притязанія на Польшу. Но по его смерти, отношенія между Чехіей и Польшею поправились: оба короля, чешскій Карлъ и польскій Казиміръ, часто заявляютъ другъ другу чувство „искренней и братской дружбы и любви“ ²⁾.

2. Гуситское движеніе. Чешскіе войны въ Польшѣ. Сношенія Гуса и Геронима съ Польшею и Литвою. Чехи и король Польскій Владиславъ и великій князь Витовтъ. Князь Сигизмундъ Корибутовичъ и другіе Поляки и Русскіе въ Чехіи. Сношенія Чеховъ съ Владиславомъ и Свидригайлomъ. Сраженія Липонское и Вилкомирское.

Въ болѣе близкія сношенія вступили Чехи и Поляки во время великаго гуситскаго движенія XV вѣка. Вмѣстѣ съ движеніемъ рели-

¹⁾ По словамъ современника, Петра архимандрита Збраславскаго (Chronicon Aulae Regiae, in Dobner: Monum. histor. Boem. V, 131). Сравни также Archiv für Kunde östereich. Geschichtsquellen XIV. Замѣтимъ, что со времени короля Вячеслава II (1300 г.), чешскіе или Пражскіе гроши стали извѣстны на всемъ славянскомъ востокѣ, въ Польшѣ (Archid. Gnesn. apud Sommersberg II, 95, Hesel: Pomniki prawa I, 277, часто въ грамотахъ) и въ Литовской Руси; въ послѣдней, напримѣръ, въ одной грамотѣ второй половины XIV вѣка, приводятся «семь копъ грошей широкихъ, чешской монеты». (Опис. рукоп. Румянцев. муз., 117). «Чешская монета въ Польшѣ и Литвѣ была подлѣ польской, Краковской, литовской, русской». И въ сношеніяхъ великаго князя Швигригайла съ Великимъ Новгородомъ, 1433 года говорится о чешскихъ грошахъ. (Коцебу: Швигригайло, 181).

²⁾ Сравни договоры обоеихъ государей (списки въ архивѣ Чешскаго музея).

гіознымъ проявилось въ значительной силѣ и движеніе національное, направленное противъ Нѣмцевъ. Чехи, поднявъ борьбу съ цѣлю почти западною Европой, въ особенности же съ Германіей, стали искать союзниковъ и естественно, обратили вниманіе на своихъ ближайшихъ сосѣдей и соплеменниковъ, Поляковъ и соединенныхъ съ ними юго-западныхъ Русскихъ. Къ такому сближенію способствовала также угрожающая и Польшѣ опасность со стороны Нѣмецкаго племени: и государство Польско-Литовское боролось уже больше столѣтія съ нѣмецкими рыцарями, которые, вѣдрившись на балтійскомъ, поморьѣ, все болѣе и болѣе тѣснили Польскій народъ.

Симпатіи Чеховъ къ сосѣднему славянскому государству обнаружались особенно сильно въ то время, когда оно въ началѣ XV вѣка собиралось нанести рѣшительный ударъ Нѣмецкому ордену. Хотя Чешскій король Вячеславъ IV стоялъ на сторонѣ ордена, однако многіе Чехи и Мораване поспѣшили на помощь Полякамъ противъ общихъ враговъ. Въ сраженіи Дубровенскомъ или Танненбергскомъ (1410 г.) наемные Чехи и Мораване составили особый отрядъ польско-литовскаго войска подъ четвертымъ знаменемъ св. Юрія. Ихъ начальниками упоминаются Соколы, Збиславекъ, Сарновскій (?). Кромѣ того, были нѣкоторые Чехи и около самого короля Владислава, именно — любимецъ его Іоаннъ Соколъ, староста Радзынскій, и Іоаннъ изъ Товачова ¹⁾. Чехи остались въ польской службѣ и послѣ побѣды Танненбергской, не смотря на то, что король Вячеславъ, испуганный пораженіемъ Нѣмцевъ, сталъ созывать всѣхъ своихъ подданныхъ, чтобы вооружиться противъ новаго „нападенія Татаръ“ ²⁾. Король Владиславъ, въ виду возобновленія войны съ рыцарями, продолжалъ сноситься съ чешскими воинами и просилъ именно пана Костку изъ Поступиць, чтобы онъ, въ случаѣ войны съ крестоносцами, не только пошелъ ему на помощь, но и оставилъ бы тѣхъ, которые хотѣли бы идти къ Нѣмцамъ (1413 г.). Въ походѣ Поляковъ противъ Нѣмцевъ 1414 года участвовало тоже много Чеховъ, и въ томъ числѣ ротмистры и воины Семечка изъ Семчиць, Отго изъ Робустъ, Янко изъ Дубницы, Мартинъ Глубоцкій, Станиславъ изъ Дорной Воды, Буковець, Гусъ, Жакъ и др. ³⁾.

¹⁾ Обширное описаніе сраженія Дубровенскаго у Длугоша (начало XI книги). Чешскіе наемные воины были также и въ нѣмецкомъ войскѣ. Но болѣе позднимъ свидѣтельствомъ, участвовалъ въ сраженіи и Жижка (въ польскомъ войскѣ).

²⁾ Palacký: Dějiny doby husitské I, 171. (Приводимъ вездѣ второе изданіе исторія Палацкаго объ этомъ періодѣ).

³⁾ Письмо короля къ Косткѣ 1413 года (Raczyński, Codex diplom. Lithua-

Подлѣ этихъ военныхъ связей Чеховъ и Поляковъ, завязались между ними и другія сношенія. Не мало способствовалъ сближенію обоихъ западно-славянскихъ народовъ и Пражскій университетъ, въ которомъ находилось много Поляковъ, составляя одинъ изъ его такъ-называемыхъ „народовъ“. Гусъ былъ въ перепискѣ съ королемъ Владиславомъ и защищалъ Польшу и Литву, „славянское царство“, противъ клеветъ еретичества со стороны одного нѣмецкаго профессора. За Гуса вступались на соборѣ Константскомъ, кромѣ чешскихъ патовъ, и многіе „вѣрные паны Польскаго королевства“, какъ ихъ называетъ самъ Гусъ, именно оба посла короля Владислава—Янушъ изъ Тулишкова и Завиша Чарный изъ Грабова, паны Борута, Дунинъ, Балицкій и другіе. Поляки навѣщали Гуса въ тюрьмѣ; у него былъ слуга Полякъ, и самъ Гусъ признаетъ, что у него на соборѣ не было другаго друга, кромѣ Бога и одного польскаго доктора ¹⁾.

Вѣрный другъ Гуса, Іеронимъ Пражскій, пребывалъ (1413 г.) нѣкоторое время въ Краковѣ, при дворѣ королевскомъ, и произвелъ тамъ большое впечатлѣніе своими проповѣдями. Оттуда отправился онъ къ великому князю Витовту на Литву и здѣсь, своимъ дружескимъ поведеніемъ относительно православныхъ Русскихъ, приводилъ католиковъ въ недоумѣніе ²⁾.

При такомъ положеніи дѣлъ въ Польшѣ и Литвѣ, не удивительно, что одинъ чешскій шляхтичъ при дворѣ Витовта могъ позволить себѣ безнаказанно сказать, что Гуса несправедливо осудили и сожгли ³⁾.

Когда, наконецъ, Чехи взяли за оружіе чтобъ отомстить срамъ, нанесенный сожженіемъ Гуса всему славянскому языку, и освободить правду закона Божіяго и языкъ славянскій, то они обратились за союзниками къ своимъ славянскимъ братьямъ на востокъ, къ Полякамъ и къ соединеннымъ съ ними юго-западнымъ Русскимъ въ Литвѣ. Король польскій Владиславъ Ягайло и великій князь литовскій Александръ-Витовтъ начинаютъ проявлять все большее и большее внима-

---

піе, 170). Квитанціи многихъ ротмистровъ и воиновъ польскихъ и чешскихъ 1415—1416 гг. находятся въ главномъ архивѣ Варшавскомъ.

¹⁾ Письма Гуса въ сборникѣ Палацкаго—*Documenta M. I. Nus*, p. 30, 63, 85, 99, 104, 105, 111, 116, 127, 256, 258; Петръ изъ Младеновиць *ib.* 256, 258, 260, 264; и проч.

²⁾ *Palaský Dĕjiny husit. I.* 169, *Documenta M. Nus*, 506. О пребываніи Іеронима въ Русскихъ земляхъ см. выше.

³⁾ *Sago, Geschichte von Polen III.* 511.

ніе къ дѣламъ чешскимъ, хотя далеко не такъ, какъ того требовали интересы Чеховъ и вообще всего славянства. Но при тогдашнемъ положеніи дѣлъ нельзя удивляться нерѣшимости обоихъ государей: съ одной стороны, дѣйствовали ихъ личное расположеніе, симпатіи ихъ подданныхъ, польскихъ и литовско-русскихъ, къ Чехамъ, боровшимся съ заклятыми врагами славянства, съ Нѣмцами, съ которыми и Польша, и Литва тоже вели столѣтнюю войну, а съ другой стороны римско-католическое духовенство страстно ратовало противъ всякихъ сношеній съ проклятыми чешскими еретиками, угрожая страшными наказаніями на томъ и на этомъ свѣтѣ.

Этимъ неловкимъ положеніемъ надо объяснять частыя колебанія особенно короля Владислава: то онъ является другомъ, то опять врагомъ Чеховъ, и наконецъ всячески старается ихъ примирить съ католическою церковью. Витовтъ оказался болѣе твердымъ, не прерывая дружескихъ сношеній съ Чехами.

Чехи, провозгласивъ вѣроломнаго и ненавистнаго короля Сигизмунда лишенимъ чешскаго престола, подумали о соединеніи съ восточнымъ государствомъ Польско-Литовскимъ и въ теченіе 1420 года три раза предлагали Владиславу чешскую корону. Чешскіе послы, представляя причины, по которымъ врагъ ихъ народа Сигизмундъ не можетъ быть чешскимъ королемъ, указывали и на то, что онъ общій врагъ Чеховъ и Поляковъ, противъ которыхъ безпрестанно подстрекаетъ нѣмецкихъ рыцарей. Наконецъ, они напомнили польскому королю, что если онъ не пріиметъ предлагаемой ему чешской короны, то не будетъ спокойно царствовать и въ своемъ королевствѣ¹⁾. Но недавно крестившійся польскій король, пугаемый католическимъ

¹⁾ О чешскихъ посольствахъ въ Польшу обширно разказываетъ Длугошъ I, 428—442. Сравни. Palacký Urkundl. Beiträge zur Geschichte des Hussitenkrieges I, 92, сравни. 45. Нѣкоторыя грамоты по этимъ посольствамъ Чеховъ въ Польшу и Литву приводятъ и Пельцель въ своей статьѣ о князѣ Сигизмундѣ Корыбутовичѣ; въ ихъ числѣ и одно чешское письмо Пражанъ къ Витовту. (Сравни. также Bibliotheca Warszawska 1864, III. Výbor z liter. česzé II, 350).—Планъ гуситскихъ Чеховъ объ избраніи Владислава въ чешскіе короли встрѣтилъ, разумѣется, сопротивленіе со стороны чешскихъ католиковъ. Одинъ (Nicolaus Bohemus notarius Spoumiensis) предостерегаетъ Чеховъ отъ короли изъ Польши, и въ своемъ пасквилѣ расточилъ всевозможныя клеветы на Поляковъ, называя ихъ порками, разбойниками, прагами духовенства и церкви, ругателями святителей, и проч. (Höfler: Scriptores rerum hussit. I, 564).—Замѣтимъ еще, что Венеціанцы совѣтовали папѣ согласиться на то, чтобъ Владиславъ принялъ чешскую корону (Acta archivi Veneti, ed. I. Safarik, II, 618).

духовенствомъ, не могъ рѣшиться принять изъ рукъ „еретиковъ“ предложенную ему корону чешскую. Поэтому Чехи съ большимъ удовольствіемъ приняли предложеніе самого Витовта—взять въ свои руки правленіе Чехіи. На сеймѣ Кутногорскомъ (въ сентябрѣ 1421) Чехи признали князя Витовта своимъ королемъ, и съ тѣхъ поръ называли его обыкновенно „король чешскій выспрошенный (król český požádany)“¹⁾.

Чешскіе послы, отправленные къ Витовту, Вилемъ Костка изъ Поступиць, Вячеславъ изъ Іенштейна, Гласъ изъ Каменицы и Ванѣкъ (Вячеславъ) прозванный Пиво, попались въ плѣнъ на дорогѣ въ Ратиборѣ, силезскомъ городѣ, принадлежавшемъ опавскому князю Іоанну. Это событіе произвело большое волненіе не только въ Чехіи, но и въ Польшѣ и въ Литвѣ. „Во всей землѣ Польской и Литовской“, пишетъ одинъ современникъ, „поднялся великій шумъ и крикъ въ общинахъ изъ-за плѣненія этихъ Чеховъ. Народъ говоритъ: хочеть король или не хочеть, но если онъ (Іоаннъ) не отпуститъ ихъ на свободу изъ этого плѣна, то мы хотимъ имъ отмстити и даже большимъ кровопролитіемъ, потому что онъ хочеть разорвать совершившееся уже соединеніе между нами и нашими братьями Чехами“²⁾.

Витовтъ и Владиславъ и его племянникъ, князь Сигизмундъ Корибутовичъ, убѣдительно требовали выпущенія плѣнныхъ пословъ, угрожая и войною. „Владиславъ и Витовтъ“, пишетъ Сигизмундъ Корибутовичъ, „никакъ не хотять оставить Чеховъ, а хотять имъ помогать, какъ своему народу и своимъ подданнымъ“. Въ особенности рьяно принялся за это дѣло Витовтъ. Онъ уговаривалъ Празавъ, чтобъ они, въ отмщеніе князю Іоанну и для освобожденія плѣнниковъ, послали войско съ одной стороны, между тѣмъ какъ онъ съ другой стороны вышлетъ князя Сигизмунда Корибутовича. Но князь опавскій предупредилъ опасность, выдавъ пословъ императору Сигизмунду³⁾.

¹⁾ Palacký Dějiny husit. II, 116, Palacký: Urk. Beitr. I, 121, сравн. 187. Сравн. также письмо императора Сигизмунда къ маркграфу Бранденбургскому 28-го февраля 1421 г. (Palacký: Urk. Beitr. I. 64).

²⁾ Письмо Аврама Чернаго (Niger) къ князю Іоанну изъ Велички 23-го сентября 1421 г. Palacký: Urk. Beitr. I, 153 (сравн. его Ист. гусит. II, 123), Scriptores rer. siles. VI. 13.

³⁾ Script. rer. siles. VI, 10, 12. Palacký: Urk. Beitr. I, 148, 152, 156. Около того времени (2-го января 1422 г.) комтуръ Дюнабургскій писалъ своему магистру, что Витовтъ принялъ гуситовъ подъ свое покровительство, что король

Прямо участвовать въ дѣлахъ чешскихъ Витовту удалось черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, когда его партія въ Прагѣ чрезъ убіеніе священника-демагога Іоанна взяла верхъ и стала возлагать всѣ свои надежды на „выпрошеннаго короля чешскаго“¹⁾).

Витовтъ не только ревностно ходатайствовалъ за Чеховъ у папы²⁾, желалъ ихъ примирить, но и выслалъ наконецъ въ Чехію князя Сигизмунда Корибутовича съ войскомъ. Подъ хоругви князя Сигизмунда стекались въ Краковъ не только Поляки, но и православные Русскіе, особенно изъ Галичской Руси. Горько жаловался потомъ король Владиславъ на „жителей земли Русской въ области Львовской и въ другихъ мѣстахъ“, что они, когда онъ чрезъ старосту - генерала русскаго Снитка Тарновскаго, призывалъ ихъ къ оружію противъ гуситовъ за деньги, не охотно послушались этого приглашенія, между тѣмъ какъ съ княземъ Сигизмундомъ и безъ денегъ спѣшили на помощь гуситамъ „противъ своего спасенія и чести“³⁾).

Князь Сигизмундъ Корибутовичъ, вступивъ съ польско-русскимъ войскомъ въ чешскія земли „для защиты закона Божіаго и общественнаго добра“ (1422 г.), объявлялъ вездѣ, что онъ приходитъ во имя Александра-Витовта „выпрошеннаго короля Чешскаго“, какъ его уполномоченный управитель, чтобъ овладѣть землей и защищать ее противъ всѣхъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ; увѣщевалъ всѣ партіи сохранять миръ другъ съ другомъ и прибыть на сеймъ въ городъ Чаславъ, гдѣ пріймутся пужныя для земскаго порядка мѣры. Чтобы пріобрѣсти себѣ расположеніе гуситовъ, онъ причащался еще въ моравскомъ городѣ Уничевѣ подъ обоими видами. На сеймѣ Чаславскомъ онъ

Польскій находится у него, и что оба хотятъ тайкомъ сойдтись съ великимъ княземъ Московскимъ. (Napieraky: Index corporis histor.-dipl. Livoniae, Esthon., Saron. Nro 1005).

¹⁾ По словамъ одного русско-литовскаго лѣтописца, «Чешское королевство великую честь держало надъ славнымъ господаремъ» (изд. Даниловича 62, издавіе А. Попова, 48).

²⁾ Папа, жестоко нападая на Витовта за принятіе чешской короны изъ рукъ еретиковъ, замѣчаетъ между прочимъ, что нѣмецкіе курьерсты и князья не позволяютъ ему занять чешское королевство, хотя бы и самъ императоръ Сигизмундъ не противился тому. (Palacký Urkundl. Beitr. I, 206).

³⁾ Palacký: Urkundl. Beitr. I, 303. — О князѣ Сигизмундѣ Корибутовичѣ въ Чехіи см. особенно Палацкаго Ист. гусит. II., также статью Стадницкаго объ Олгердовичахъ (Bibl. Osobolínskich, 1865, VI, или въ Bracia Władysława Jagiełły, 50). Объ немъ писалъ Пельцель въ журналѣ Abhandlungen der böhm. Gesellschaft der Wiss. (1786, p. 360).

былъ единогласно признанъ собравшимися панами и городами правителемъ земскимъ, обѣщавъ защищать законъ Божій. Также и Таборы, и въ главѣ ихъ вожди Жижка, Хваль, Буховець и городскія общины Таборъ, Домажлицы, Клатовы, Сушица, Песекъ и другія, приняли его какъ „помощника и высшаго правителя земскаго“, обѣщая ему повиноваться. Новый правитель или губернаторъ чешскій назывался „Сигизмундъ, Божією милостію князь Литовскій, назначенный яснѣйшимъ княземъ и господаремъ Александромъ-Витолдомъ Божією милостію княземъ великимъ литовскимъ, королемъ чешскимъ, выпрошеннымъ для защиты и освобожденія закона Божія и успокоенія и устроенія земли Чешской, и признанный панами земскими, папами Пражанами, рыцарями, папшами (дѣтьми боярскими), городами и всѣми общинами закону Божіему склонными, вполнѣ и безъ препятствій и съ единодушіемъ“¹⁾.

Князь Сигизмундъ, или какъ называли его Чехи въ отличіе отъ императора Сигизмунда, „Корыбутъ“, отселъ управлять Чехіей къ общему удовольствію не только Пражанъ и гуситскихъ пановъ и городовъ, но и Таборовъ. Между нимъ и Жижкою завязались потомъ особенно дружескія отношенія, такъ что они называли другъ друга „отцемъ“ и „сыномъ“. Когда позже, вслѣдствіе стараній польскаго духовенства, Владиславъ и Витовтъ отклонились отъ „еретическихъ“ Чеховъ, то и князь Корыбутъ вынужденъ былъ оставить Чеховъ. Но онъ это сдѣлалъ неохотно, и не смотря на всѣ предпринимаемыя въ Польшѣ мѣры противъ гуситовъ, возвратился потомъ самовольно съ дружиною въ Чехію, къ великому гнѣву Владислава (1424 г.). Послѣдній напрасно сваливалъ съ себя всякое соучастіе въ этомъ дѣлѣ и конфисковалъ имущество Корыбута и его сподвижниковъ: недовѣріе къ Полякамъ у сосѣднихъ народовъ было такое, что войско польское, прибывшее въ Мораву воевать противъ гуситовъ, не было даже принято австрійскимъ герцогомъ и вернулось домой. Князь Корыбутъ остался въ Чехіи нѣсколько лѣтъ, пользуясь пріязнью особенно Пражанъ, какъ ихъ выбранный господарь (панъ), и воюя въ рядахъ гуситскихъ. Онъ и другіе войны польскіе и русскіе участвовали въ блестящей побѣдѣ надъ Нѣмцами подъ Устьемъ (1426 г.). Въ этомъ сраженіи, по словамъ современной пѣсни, „князь Сигизмундъ съ плачемъ Богу молился, войско къ сраженію увѣщевая и землякамъ бодрость прида-

¹⁾ Archiv Český III, 239; I, 213; Palacký: Urk. Beitr. I, 192, 194, 287; Script. rer. sil. VI, 30. Сравн. Staří letopisové čeští, 52.

вая. Его Поляне, Чехи и Мораване, доблестные паны Пражане враговъ храбро били“ ¹⁾). Но Корибутъ, стараясь примирить Чеховъ съ папою, скоро лишился пріязни Пражанъ. Когда въ Чехіи узнали объ этомъ планѣ, то наущеніемъ самихъ чашническихъ священниковъ, Корибутъ былъ заточенъ и высланъ изъ Чехіи. Съ нимъ оставили Чехію и Поляки (1427 г.). Горько жалуются на это происшествіе современники: „священники насъ съ цѣлымъ міромъ поссорили; мы лишились и Польши, откуда прежде доставлялась намъ помощь. Такимъ образомъ, отплатили Пражане Полякамъ за ихъ услуги и помощь противъ враговъ!“ ²⁾). Но не смотря на это оскорбленіе, Корибутъ скоро является опять въ числѣ чешскихъ воеводъ. Онъ занялъ городъ Гливици въ Силезіи (1430 г.) и участвовалъ въ побѣдѣ Чеховъ надъ Нѣмцами у Домажлиць (1431 г.).

Кромѣ Корибута, мы встрѣчаемъ въ чешскихъ войскахъ и другихъ Поляковъ и Русскихъ. Такъ, панъ Добеславъ Пухала, который былъ въ числѣ гуситскихъ гейтмановъ въ Силезіи и владѣлъ городомъ Крейцбургомъ; Истръ Полякъ, гейтманъ въ Пѣмчии, и другіе гейтманы въ силезскихъ крѣпостяхъ. Между сподвижниками знаменитаго гейтмана Таборскаго Рогача изъ Дубой († 1437 г.) упоминается и польскій панъ Вышекъ Рачинскій ³⁾.

Въ числѣ Русскихъ, помогавшихъ Чехамъ въ тяжелой ихъ борьбѣ съ Нѣмцами, замѣтны особенно два князя Острожскихъ. Первый, Фридрихъ, „князь Русскій“ (такъ называется онъ въ одной современной чешской пѣснѣ), отличился особенно въ сраженіи Устскомъ, командуя, вмѣстѣ съ двумя чешскими гейтманами, цѣпниками (войско вооруженное цѣпами). Позже былъ онъ гейтманомъ въ моравскомъ городѣ Брячиславлѣ и участвовалъ въ разныхъ военныхъ подвигахъ Чеховъ въ Силезіи, въ Польшѣ и въ Угріи (1434); упоминается еще въ 1438 году въ Польшѣ, какъ помощникъ гуситскаго пана польскаго Спытка изъ Мельштына, какой-то наемный воинъ короля Владислава въ походѣ въ Чехію, куда онъ отправился съ 200 всадниковъ. Вслѣд-

¹⁾ Výbor z liter. české II, 306.

²⁾ Výbor z liter. české II, 310. Staří letopisové čestí 71. Также епископъ Таборскій Николай изъ Пельгримова (1444 г.) упрекаетъ Пражскихъ поповъ, что «in principem Lithuaniae Sigismundum irruerunt». (Script. rer. hussit. II. 690).

³⁾ Пухала и Полякъ упоминаются часто въ силезскихъ письменныхъ памятникахъ около 1430 г. (Script. rer. siles. VI). Сравни ниже письмо императора Сигизмунда къ королю Владиславу. Рачинскій прибылъ въ Чехію уже въ 1421 году посланъ Витовта. Сравни. Staří letopisové čestí 103.

ствіе долготѣннаго пребыванія въ Чехіи, онъ сталъ совѣтъ Чехомъ. Другой князь Острожскій, вѣроятно сынъ или племянникъ Фридриха, Вячеславъ, поминается въ 1460 году между гейтманами гуситскаго авантюриста въ Австріи Вячеслава изъ Рахманова (Младванька) ¹⁾.

Поляки и Русскіе оставались въ чешскихъ войскахъ, не смотря на всѣ угрозы короля Владислава ²⁾.

Отчужденіе официальной Польши и Литвы, то-есть, ихъ правителей, отъ Чеховъ было кратковременно. Когда, по смерти Витовта (1430 г.) возникли серьезные споры между Польшей и Литвой, и литовскій великій князь Болеславъ Швитригайло ³⁾, братъ короля Владислава, сталъ сноситься съ врагами Польши, особенно съ императоромъ и съ нѣмецкими рыцарями, то король Владиславъ опять сталъ сближаться съ Чехами. Князь Корибутъ и панъ Пухала были приняты въ службу короля, и Чехамъ стала доставляться тогда изъ Польши всяческая помощь. Горько жалуется на эту поддержку Чеховъ Поляками, императоръ Сигизмундъ. „Прекратите помощь“, пишетъ Сигизмундъ Владиславу, „которую оказываютъ Чехамъ Сигизмундъ Корибутъ, Пухала и многіе другіе; всѣми крѣпостями въ Силезіи, еретиками завоеванными, владѣютъ одни Поляки. Еретики явно продаютъ въ Польшѣ свою добычу, вольно покупаютъ въ Краковѣ оружіе, лошадей и другія потребности, что имъ приноситъ пользу и чѣмъ они гордятся“ ⁴⁾.

¹⁾ О Фридрихъ Острожскомъ см. особенно Длугоша (кн. XI). Квитанція его королю Владиславу (Краковъ 4-го іюня 1438 г., cum ducentis equis, quos nobiscum versus Bohemiam duxerimus) хранится въ главномъ архивѣ Варшавскомъ; въ ней онъ пишется «Fridericus dux de Ostrog» (sic) вм. «Ostrog», какъ видно по печати съ гербомъ князей Острожскихъ (надпись не разборчива), а на другомъ мѣстѣ (грам. 1428 г.) пишется «Fredericus dux Russia alias Osroch.» (Script. rer. sil. VI. 59). Чешская грамота Вячеслава Острожскаго (Václav Knieže z Ostrova) въ сборникѣ Archiv Český IV, 334. Сравни. Палацкаго Dějiny česk. národu IV. 1, 439.

²⁾ Такъ, еще въ 1431 г. король Владиславъ угрожаетъ разными наказаніями своимъ подданнымъ, «которые помогаютъ Чехамъ. (Raczyński Codex dipl. Lituan. 351). — Съ другой стороны упоминаются Поляки и Русскіе и въ войскѣ императора Сигизмунда; такъ въ сраженіи Вышеградскомъ (1-го ноября 1420 г.) погибли панъ Валицкій и Юрій князь Смоленскій; въ сраженіи Нѣмецко-Бродскомъ (8-го января 1422 г.) попались въ плѣнъ панъ Завиша Чарный изъ Грабова и Боровскій.

³⁾ Имя этого великаго князя пишемъ такъ, какъ онъ самъ писался по русски: «Швитригайло», «Швтригайло» (въ грамотахъ и русско-литовск. лѣтописяхъ). И Чехи называли его «Švidrgal» или «Švidrhal» (Stari letopis. čeští 113). Обыкновенная форма этого имени есть Свидригайло, Свидригелло.

⁴⁾ Письмо отъ конца мая 1431 г. (Палацкій Ист. гусит. II, 367). Сравни. также

Вслѣдствіе побужденія со стороны Корибутовича, король Владиславъ сдѣлалъ тогда вновь попытку примирить Чеховъ съ Римомъ. Для этой цѣли было устроено обыкновенное, по духу тогдашняго времени, преніе между чешскими и польскими теологами. Это преніе, веденное на чешскомъ и на польскомъ языкахъ, конечно, не повело ни къ чему. Напрасны были и всѣ слова стараго короля, увѣщавшаго Чеховъ къ возврату къ католической церкви. „Если и всѣмъ вѣрующимъ слѣдуетъ жалѣть о вашемъ заблужденіи“, сказалъ Владиславъ, „то тѣмъ болѣе мнѣ и моему королевству по поводу сосѣдства королевствъ и родства языка“¹⁾. Но не смотря на эту неудачу, сношенія между Польшей и Чехіею становились все болѣе тѣсными и дружескими. Въ 1432 году прибыли послы польскаго короля въ Прагу; пошли уже и въ томъ же году первые вспомогательные отряды чешскіе въ Польшу на помощь противъ нѣмецкихъ крестоносцевъ, и Пухала сталъ нанимать Чеховъ въ военную службу. Позже Сиротки и Таборы стали собираться въ сѣверовосточной Чехіи въ походъ въ Польшу²⁾. Особенно дружески относились къ Полякамъ Сиротки, приверженцы покойнаго Жижки. Они, находясь лѣтомъ 1432 года въ Силезіи, отправили пословъ къ королю Владиславу, который пребывалъ тогда близъ границы, въ Паблиницахъ, и предложили образовать болѣе тѣсныя государственныя связи между Чехіею и Польшей. Чешскіе послы были приняты торжественно и дружелюбно, и между Чехами и Поляками заключенъ тогда союзъ „противъ всѣхъ Нѣмцевъ“³⁾.

Script. rer. siles. VI, 119—120. Въ искреннюю готовность Поляковъ подать помощь противъ «еретиковъ» Сигизмундъ не вѣрилъ и раньше. Когда на съѣздѣ Лудкомъ (1429 г.) польскіе паны предлагали свою помощь противъ гуситовъ въ Силезіи, то императоръ отвѣтилъ имъ недовѣрчиво: «Что же сдѣлаютъ Поляки противъ Поляковъ?» Mosbach: Przyczynki do dziejów polskich, 92; Script. rer. siles. VI, 83).

¹⁾ Длугошъ I, 577.

²⁾ Script. rer. siles. VI, 107, 117, 120. Страхъ передъ предстоящимъ соединеніемъ Чеховъ и Поляковъ былъ такой, что уже весной 1431 г. распространился въ Пруссіи слухъ, будто Корибутъ и Пухала, «страшные и настоящіе еретики», стоятъ съ войскомъ уже на границахъ прусскихъ, и что чешскіе послы присутствовали на сеймѣ Краковскомъ вслѣдствіе союза Чеховъ съ Поляками. Но этотъ слухъ оказался невѣрнымъ. Сравни. Коцебу: Свитригайло 106; Daniłowicz: Skarbiec diplom. Litwy II, 117; Grünhagen: Die Hussitenkämpfe der Schlesier 204.

³⁾ Такъ говорили польскіе послы угорскимъ чинамъ 10-го августа 1432 г. (Письма угор. палатина Ник. изъ Горы и епископа Загребскаго Іоанна; Martene et Durand: Collectio monum. ampliss. VIII, 161, 164; Палацкій Ист. гусит. III, 53; Длугошъ I, 605). Лѣтомъ 1432 г. (18-го іюля) Швитригайло упрекаетъ

И уже 8-го сентября того года гейтманы Сиротскій Іоаннъ Чапекъ изъ Санъ и Таборскій Отикъ изъ Лозы, какъ союзники польскаго короля, своего доброжелателя и покровителя, посылаютъ, отъ имени всѣхъ Чеховъ - гуситовъ разметныя грамоты (объявленіе войны) пѣмецкому ордену ¹⁾.

Весною же 1433 года Сиротки подъ гейтманомъ Чапкомъ изъ Санъ пошли черезъ Силезію и Великую Польшу на помощь Полякамъ противъ рыцарей въ Пруссію и Новую Марку и дѣйствовали здѣсь вмѣстѣ съ польскимъ войскомъ подъ Сендзивоємъ изъ Остророга. Когда же Чапекъ въ завоеванномъ городѣ Тчевѣ поймалъ нѣсколько Чеховъ, служившихъ рыцарямъ, то велѣлъ ихъ всѣхъ сжечь, „потому что они помогали Нѣмцамъ противъ собственнаго своего народа и противъ короля и королевства Польскаго, одинаковаго съ ними языка“ ²⁾.

Съ другой стороны, великій князь Литовскій Швитригайло, воюя съ королемъ, домогался пріязни Чеховъ и охотно принималъ предлагаемую ему отъ нихъ помощь, особенно отъ вождей войска Таборскаго, именно отъ Сигизмунда Корыбутовича, Прокопія Великаго, Дивиша (Діонисія), Борька изъ Милетипка, Павла Совинскаго, Вилема Костки изъ Постуницъ и Смилы Голицкаго. Между Швитригайломъ и этими чешскими полководцами заключенъ былъ какой-то договоръ для взаимной помощи; на послѣднихъ возлагалъ Швитригайло главныя свои надежды.

Въ письмахъ, писанныхъ по чешски (изъ Новгородка, 29-го апрѣля 1431 г.) этимъ чешскимъ вождямъ, Швитригайло благодарить милого своего племянника за предложенную помощь противъ всѣхъ враговъ и за агитацію въ его пользу между чешскими гейтманами, общая

Владислава за тѣсныя его связи съ Чехами (Voigt, Gesch. Preuss. VII, 595; Daniłowicz, Scarbies II; 134).—Польскій историкъ начала XVI вѣка Ваповскій, разказывая о предложеніи Чеховъ, приводитъ рѣчь ихъ пословъ: «Чехи—народъ Полянамъ братскій и родственннй, одного съ ними происхожденія и языка, не желаютъ ничего лучше, какъ чтобы Польша освободилась отъ всѣхъ сильныхъ враговъ»; и указывая на нихъ, то-есть, императора, Литву, Молдаву и нѣмецкихъ рыцарей, (Чехи) предлагали королю свое войско: «вагляда котораго Нѣмцы даже вынести не могутъ» (изд. Малиновскаго II, 158). О соединеніи съ Чехами противъ императора и нѣмецкихъ рыцарей думали Владиславъ и Витовтъ уже въ 1423 г.; въ 1428 году сами Чехи предлагали свои услуги противъ рыцарей. (Voigt VII, 456, 511.

¹⁾ Martene VIII, 240; Voigt VII, 601.

²⁾ Длугошъ I, 634. Сравни. Voigt, VII, 616, Палацкій, Ист. гусит. III, 126. Въ службѣ польской упоминается Чапекъ еще въ 1449 г. (см. ниже).

ему и съ своей стороны помощь въ случаѣ нужды, и просить его дѣйствовать на этихъ вождей и старшинъ, „чтобъ они эту пріязнь, которую они къ намъ имѣютъ, укрѣпили и усилили, ибо и мы хотимъ вамъ также помогать, гдѣ вы въ насъ будете нуждаться“. Въ такомъ же смыслѣ пишетъ онъ чешскимъ гейтманамъ и панамъ, „своимъ милымъ друзьямъ“ ¹⁾. Въ концѣ 1431 года Швитригайло отправилъ своего посла въ Чехію. Около того же времени находился у Швитригайла, недавно примкнувшій къ гуситамъ князь Опавскій Вячеславъ ²⁾.

Неизвѣстно, какъ и чѣмъ кончились эти переговоры между Швитригайломъ и Чехами; но еще въ 1433 г. Таборы, именно ихъ гейтманъ Бедрихъ (Фридрихъ) изъ Стражницы, заявляли желаніе помочь скорѣе Швитригайлу, чѣмъ Владиславу ³⁾.

Такимъ образомъ, съ одной стороны, Чехи являются помощниками Польши и Литвы, а съ другой—государи этихъ земель общаются и

¹⁾ Списки этихъ писемъ прислалъ король Владиславъ императору Сигизмунду (Raszynski Cod. dipl. Lithvan. 351), а тотъ — прусскому магистру. Письма напечатаны въ *Časopise Česk. Mus.* 1831, 280. Языкъ въ нихъ чистъ съ незначительными отклоненіями. Приведемъ здѣсь письмо Швитригайла къ чешскимъ полководцамъ (нынѣшнимъ правописаніемъ):

Česnému knězi, knezu Prokopu, vyššému Kapitánu vojsky Táboreskej, i také velmožným i slavným pánom, panu Divušu Bořikovi, panu Paulu Sovinskému, panu Vilhelmu Kostce, podkomořemu českému, i panu Smitovi Holickému, přítelom našim milým osobným bud dán.

Svidrigal z buože miřosti veliki kněz Litevský i Ruský etc. Naša, přiezení (przen) napřed s přizelskym pozdrovenim. Česný Kneze a vielmožni i slavní pánové! Iakoz kněz Sigmunt, synovec náš, bratr váš, jest k nám poslať svého verného sluhu a dobře hodného panoši Mečka, toho lista ukazatele, dávajojese nám věděti, kterak bijeste k nám osobno přiezni (przezny) byli s niemi, a kterak bijeste nám pomáhati chcieli na naše nepřetele, kdzež by nám toho počebie bylo. Z toho děkujeme vašej miřosti vieliko i vysoko, poněvaž my (me) také chceme s vámi zase přiezeń (przen) jmieti i vám pomáhati, kdzež vám bude potřebie. Protož prosimy vašej miřosti, abyjeste tuto jistů přiezeń potverdili i poslili, jakoz byjeste najlépe uměli. Také prosimy Vašej miřosti, abyjeste tomuto Mečkovi o všem úpně dověřili, což od nás s vámi mřuviti bude, jakoz bychme sami s vašů miřosti mřuvili.

Dán v Nověhradci v neděli po sv. Iifem. A. D. etc. tresesimo primo. Подъ тѣмъ же самымъ числомъ Швитригайло писалъ о предлагаемой помощи Чеховъ и маршалу ордена (Коцебу: Свитригайло, 92). Съ чешскимъ языкомъ этой грамоты Швитригайла сравн. ниже приведенную русскую его грамоту.

²⁾ Коцебу 104, 133.

³⁾ Script. rer. siles. VI, 127.

Чехамъ свою помощь въ случаѣ нужды ¹⁾. Но мало того. Уже тогда думали о возведеніи на чешскій престолъ молодаго королевича Владислава, и довѣріе обонихъ братьевъ, Владислава и Швитригайла, къ Чехамъ было такъ велико, что оба представляли свой споръ на рѣшеніе чешскаго сейма (1433 г.): Чехи являются посредниками и между Польшей и Литвой ²⁾.

Но прежде, чѣмъ это могло состояться, перемѣнилось положеніе дѣлъ и въ Чехии, и въ Литвѣ. Вскорѣ послѣ того вспыхнула въ Чехии внутренняя война, кончившаяся почти совершеннымъ истребленіемъ демократическихъ и воодушевленныхъ славянской взаимностью Сиротковъ и Таборовъ: изъ страшнаго сраженія Липанскаго (30-го мая 1434 г.) вышли побѣдителями аристократическая партія католиковъ и умѣренные гуситы-чашники, и признали, наконецъ, столь ненавистнаго Чехамъ императора Сигизмунда своимъ королемъ. Черезъ годъ послѣ Липанскаго сраженія рѣшена была и судьба Швитригайла въ сраженіи у Вилкомира на рѣкѣ Святой (1-го сентября 1435 г.). Войско Швитригайла состояло преимущественно изъ православныхъ Русскихъ (изъ Литвы) и изъ вспомогательныхъ полковъ татарскихъ, нѣмецкихъ и чешскихъ, или какъ выражаются литовско-русскіе летописцы, изъ „гостей Ракушанъ (Австрійцевъ), Слезаконъ или Сляжанъ и Чеховъ“ ³⁾. Главнымъ вождемъ войска Швитригайла былъ князь Сигизмундъ Корибутовичъ. Королевское войско польско-литовское одержало побѣду; Корибутовичъ попалъ въ плѣнъ и здѣсь погибъ. Такъ кончилъ жизнь этотъ замѣчательный литовскій князь, одинъ изъ ревностнѣйшихъ поборниковъ мысли о соединеніи государствъ Чешскаго, Польскаго и Литовско-русскаго ⁴⁾.

¹⁾ Чеховъ помогавшихъ Польшѣ бояся Швитригайло, какъ видно изъ письма Владислава къ нему 1432 г. (Raszynski Cod. dipl. Lith. 369).

²⁾ По словамъ Прокопія, — на соборѣ Базельскомъ (Шалацкій Ист. гусит. III, 96). Здѣсь и панъ Костка защищалъ короля Польскаго, «союзника Чеховъ» противъ клеветъ крестоносцевъ.

³⁾ Изд. Даниловича 59, Попова 53, Нарбутта 47.

⁴⁾ Отъ брата Сигизмунда Корибутовича, Феодора, производились литовско-русскіе князья Вишневецкіе и Збаражскіе. Кіевскій митрополитъ Исаія, обращаясь въ 1631 г. къ князю Іереміи Вишневецкому, приводитъ въ числѣ его предковъ и «Жигмунта», который «для великой дѣлности рыцарской взятый былъ на королевство чешское», (Акты зап. Россіи IV, стр. 528). Польскій поэтъ Твардовскій, воспѣвая (1630 г.) посольство князя Христофора Збаражскаго въ Турцію, тоже приводитъ въ числѣ его предковъ князя Сигизмунда Корибутовича:

Послѣ сраженія Вилкомирскаго сдѣланы были опять попытки къ примиренію Швитригайла и Владислава, при посредничествѣ легатовъ Базельскаго собора и Чеховъ, которые заявили полную готовность къ тому. Императоръ Сигизмундъ обѣщаль Швитригайлу всякую помощь съ своей стороны и со стороны воинственнаго народа Чешскаго, и отправилъ по этому поводу въ Литву своихъ пословъ, Мартинка изъ Баворова и Николая Брезинку (1436 г.). Чѣмъ все это кончилось - не извѣстно ¹⁾.

3. Польская партія въ Чехіи, борьба ея съ австрійско-нѣмецкою партіей. — Юрій Подѣбрадскій и Казиміръ. — Восшествіе Ягайловичей на чешскій престолъ. — Польскіе гуситы.

Государственное соединеніе Чехіи и Польши хотя и не осуществилось, однако, осталось любимой мыслью національной чешской партіи, именно ревностныхъ гуситовъ всѣхъ сословій. Это и проявилось по смерти императора Сигизмунда (1437 г.). Католическо-аристократическая партія представила своимъ кандидатомъ Нѣмца, австрійскаго герцога Альбрехта. Но противъ этой кандидатуры заявила сильное сопротивленіе національная партія, которая не хотѣла и слышать объ избраніи чешскаго короля нѣмецкой крови. „Чехамъ слѣдовало бы беречься и всѣми силами остерегаться“, восклицаетъ тогда одинъ чешскій патріотъ къ своимъ соотечественникамъ, „чтобъ они не подпали подъ правленіе чужаго народа, особенно же нѣмецкаго, ибо, какъ свидѣтельствуя чешскія лѣтописи, этотъ народъ есть навсвирѣпѣйшій къ пораженію народа Чешскаго и Славянскаго. Нѣмецъ принесетъ съ собою только истребленіе Чешскому и Славянскому народу. Чехи, если не могутъ имѣть государя изъ своего народа, должны подумать о другомъ Славянскомъ народѣ, должны искать себѣ государя Славянскаго народа, а Нѣмецкаго никакъ не принимать“ ²⁾.

Stawzy Zygmunt na czeskie królestwo się sadzi,

Gdzie ozdobne z ochoczych chorgwie prowadzi.

Zkąd wiele sławny zwycięstw powróciwszy w domu

Tonie u Święty, z krwawego uchodze pogromu». (Legacya ks. Kr. Zb., р. 5. Тотъ же самый князь Христофоръ заступался на сеймѣ 1627 г. за Славянъ, братъ его Юрій въ 1619 г.—за Чеховъ.

¹⁾ Сравни. письмо императора Сигизмунда Швитригайлу отъ 1-го февраля 1436. (Коцебу, 213; Daniłowicz: Skarbiec II, 166).

²⁾ Krátké vebrání z Kronik českých (въ изд. Далимила Ганки 228, Палацкій Ист. гусит. III, 269. Еще въ 1429 г., когда Альбрехтъ владѣлъ Моравой, Чехи

Противники Альбрехта были особенно ревностные чашники, шляхтичи, города и остатки Таборовъ. Во главѣ ихъ папы—Гинекъ Птачекъ изъ Пиркштейна, Алешъ Голицкій изъ Штернберга, Юрій изъ Подѣбрадъ, Костка, Змерзлики, Борьки, гейтманъ Таборовъ Ведрихъ и другіе. Они, соображая, что „Нѣмцы всегда были и суть главными врагами народа Чешскаго, Польскаго и всего Славянскаго, и что избраніе нѣмецкаго государя въ чешскіе короли было-бъ и въ настоящемъ, и въ будущемъ величайшимъ зломъ не только Чешскому народу, но и всему Славянскому“, обратили свое вниманіе на сосѣднее славянское государство, Польшу ¹⁾. Когда, въ день избранія короля (27-го декабря), большинство голосовъ высказалось за Альбрехта, то партія Птачка вышла изъ сейма и стала агитировать во всей землѣ въ пользу короля Польскаго, который заявилъ уже желаніе принять чешскую корону и сносился съ своею партіей въ Чехіи ²⁾. Въ мартѣ 1438 г. отправлены были въ Краковъ чешскіе послы, предлагавшіе, неизвестно по какимъ причинамъ, чешскую корону не самому королю Владиславу, а младшему его брату Казимиру. Польскій сеймъ въ Корчинѣ, большинствомъ голосовъ, рѣшилъ принять предлагаемую корону чешскую. Великій князь Литовскій Сигизмундъ и большинство свѣтскихъ вельможъ защищали особенно противъ епископовъ, во главѣ которыхъ былъ старый врагъ чешскихъ еретиковъ, Збигнѣвъ Олешницкій, мнѣніе, что интересы Польши не позволяютъ, чтобы три короны римская, угорская и чешская соединены были на головѣ опаснаго Польшѣ Нѣмца. Казимиръ принялъ чешскую корону, между прочимъ, „изъ сожалѣнія къ бѣдствіямъ Чешскаго королевства одного съ польскимъ языкомъ“ ³⁾.

Напрасно Альбрехтъ старался склонить короля Владислава, чтобы онъ не позволялъ своему брату принять чешскую корону. Польскій король отклонилъ отъ себя всѣ такія представленія, указывая, между прочимъ, и на то, что у Казимира, избраннаго въ чешскіе короли, нельзя отнимать этого права, ибо „Поляки и Чехи—народы одного языка и одного происхожденія, между тѣмъ, какъ у нихъ обоихъ съ Нѣмцами нѣтъ ничего общаго“ ⁴⁾.

требовали отъ короля Сигизмунда — поручить эту землю «пану или князю языка чешскаго или славянскаго» (Палацкій II, 319).

¹⁾ *Stari letopisové češti*, 106.

²⁾ Сравни, особенно письма Альша Голицкаго 1438 г. въ сборникъ *Archiv český* II, 4.

³⁾ Длугошъ I, 700, 712.

⁴⁾ *Dogiel, Codex dipl. reg. Polon.* I, № 10; *Długoss* I, 702.

На помощь польской партіи послано было въ Чехію 4000 войска подъ начальствомъ воеводъ—познанскаго Сендзивоя (Судивоя) изъ Остро-рога и сандомірскаго Іоанна изъ Тэнчина. Они соединились съ Таборами и съ отрядами другихъ пановъ и городовъ польской партіи и выступили къ Табору, находя вездѣ большія симпатіи въ народѣ. Противъ соединенныхъ Чеховъ и Поляковъ Альбрехтъ призвалъ всю Германію на помощь. Онъ указывалъ на то, что еще недавно было достаточно дѣла съ одними Чехами; если же теперь Чехи соединятся съ Поляками, то угрожаетъ большая опасность святой римской имперіи и всему Нѣмецкому народу ¹⁾).

Главнымъ центромъ военныхъ дѣйствій австрійской и польской партій былъ Таборъ. Война стала принимать болѣе обширныя размѣры, когда самъ король Владиславъ вторгнулся въ Силезію, гдѣ князья Опольскіе, Глогувскій, Ратиборскій и Олавскій признали Казимира королемъ Чешскимъ. Но стараніемъ папы и Базельскаго собора удалось, наконецъ, заключить перемиріе между Альбрехтомъ и Владиславомъ (1439 г.) ²⁾).

Послѣ скоропостижной смерти Альбрехта (1439 г.), Чехи, по неизвѣстнымъ причинамъ, уже сами перестали усердствовать въ пользу польскаго кандидата. Только Таборы и нѣкоторые города и шляхтичи старались еще объ избраніи Казимира или самого короля Владислава, уже напрасно ³⁾). Но не смотря на избраніе Альбрехта баварскаго большинствомъ избирателей, партія польская, и во главѣ ея Таборскіе и Іоаннъ Колда изъ Жампаха, Бедрихъ изъ Стражницы, Бенешъ Мокровусскій, Іоаннъ Гертвикъ изъ Русинова, не переставали дѣйствовать въ пользу Владислава и возставать противъ „Нѣмцевъ“ и ихъ друзей. Гертвикъ, гейтманъ Чаславскаго края, и Колда прямо назывались „слугами короля польскаго“; Колда сносился съ Краковскимъ кастеляномъ Іоанномъ изъ Чижева и съ воеводой Іоанномъ изъ Тэнчина. Таборы изъявляли желаніе, чтобы чешскій король былъ того языка, который бы Чехи понимали, обѣщали помочь Колдѣ, слугѣ короля польскаго, и предоставляли рѣшить всѣмъ любителямъ „чешскаго и славянскаго языка“, кто старается о возвышеніи Чешскаго народа, ихъ ли партія, или тѣ, которые хотятъ помогать чужеземцамъ и вводить въ землю Нѣмцевъ ⁴⁾). Польская партія по-

¹⁾ Письмо Альбрехта городу Франкфурту, у Палацкаго Ист. гусит. III, 291.

²⁾ Сравни. объ этомъ Палацкаго III, 291; Dogiel I, № 9.

³⁾ Palacký Dějiny nář. česř. IV, I, p. 5, 14, 29, 31.

⁴⁾ Сравни. письма 1441—1443 гг. въ сб. Archiv Český I, 366, 369, 380. Письмо

могала и Владиславу въ Угріи: именно въ его службѣ были здѣсь Іоаннъ Чапекъ изъ Санъ и самъ Колда (1442—1443 г.)¹⁾.

Взаимныя симпатіи между Чехами и Поляками проявились особенно во время національнаго короля чешскаго Юрія Подѣбрадскаго (1457—1471 г.). Юрій, въ началѣ своего царствованія, всически старался заключить съ королемъ Казиміромъ, съ своимъ „братомъ“, дружескій союзъ, зная, что никакой другой союзъ не принесеть Чехамъ такихъ выгодъ, какъ союзъ съ Польшею. Поэтому между королевствами Чешскимъ и Польскимъ нѣсколько разъ заключались союзы и договоры о вѣчной дружбѣ и братствѣ обоихъ государствъ и возобновлялись древніе, тому подобныя, трактаты²⁾. Во время личнаго свиданія съ Казиміромъ въ Глоговѣ (1462 г.), Юрій увѣщевалъ польскаго короля подумать о чести и древности ихъ народа и помочь ему противъ папы и Нѣмцевъ, такъ какъ и они Польшѣ, ради Пруссіи, сдѣлали много стыда и вреда³⁾. И Казиміръ показалъ свою дружбу Юрію, когда тотъ, какъ „еретикъ“, приговоромъ папы лишень былъ чешской короны. Папа предлагалъ тогда чешскую корону Казиміру (1466 года), особенно потому, что и Чешское королевство почти одного языка и народа съ польскимъ. Тогда и возставшіе противъ своего короля чешскіе аристократы-католики обратили свое вниманіе на польскаго короля, „такъ какъ у Чеховъ и у Поляковъ почти одинаковый языкъ“, и призывая Казиміра на чешскій столъ (1467 г.), просили его между прочимъ—не позволять, чтобъ „еретикъ“ господство-

---

Колды (лат.) Іоанну изъ Чивева въ архивѣ чешск. музея. Таборскія общины (Таборъ, Жатецъ, Песекъ, Клатовы) называютъ еще въ 1443 г. Владислава польскаго своимъ господиномъ (domino nostro Poloniae, Ungariae etc. regi adhaerentibus, хроника Николая изъ Пельгримова. Script. rer. hussit. II, 737).

¹⁾ Чапекъ называетъ еще въ 1449 г. короля Казиміра своимъ господиномъ; въ этомъ году (8-го октября) онъ, князь Тѣшинскій Волекъ (Болеславъ) и Николай Маршалекъ изъ Дубовца примирили въ Освѣтимѣ короля Казиміра съ Николаемъ изъ Владѣнина. Въ 1442 г. Вочекъ изъ Позориць и Драготуша принялъ отъ короля Владислава часть долга за Чапка изъ Санъ (ze Sahan) и Прибига изъ Кленоваго (Грамоты, писанныя по чешски, въ главномъ архивѣ Варшавскомъ). О Колдѣ см. ниже.

²⁾ Сравни. Dogiel: Cod. dipl. Pol. I. №№ 17—19; Palacký: Urkundliche Beiträge zur Gesch. Böhmens im Zeitalter Georg v. Poděbrad, 367, 460, 474, и др. (Fontes rer. austr., XX).

³⁾ Eschenloer (современный писарь Вратиславскій)—Geschichte Breslau's, ed. Kunisch, I, 189. Сравни. Палацкаго Ист. чешск. нар. IV, 2, 180.

валъ въ „королевствѣ славянскаго рода“ ¹⁾). Казиміръ, однако, не только не принялъ предлагаемой ему съ обѣихъ сторонъ чешской короны, но и старался примирить Юрія и съ возставшими панами, и съ папой и исполнить, такимъ образомъ, желаніе чешскаго короля „не допускать гибели и разоренія королевства дружественнаго и одного съ нимъ языка славянскаго“ ²⁾). Поэтому Казиміръ, „глубоко жалѣя о гибели славнаго чешскаго королевства и природнаго языка славянскаго“, отправилъ въ Чехію своихъ пословъ, Станислава изъ Остро-рога воеводу Калишскаго, Якова изъ Дубна, старосту Краковскаго и Іоанна Длугоша. Польскимъ посламъ, послѣ продолжительныхъ переговоровъ, удалось наконецъ заключить по крайней мѣрѣ перемиріе между королемъ и возставшими панами (1468 г.). Юрій согласился на это единственно изъ особенной любви къ королю Казиміру и съ глубокою благодарностью признавалъ усиліе „милѣйшаго своего брата“ о водвореніи спокойствія въ нашемъ Славянскомъ народѣ ³⁾).

Польское посредничество является и въ войнѣ между Юріемъ и королемъ Матвѣемъ Угорскимъ. И тогда тѣ же самыя послы короля польскаго старались прекратить вражду между Чехіей и Угріей, но напрасно. Дружескія сношенія между Чехіей и Польшей не прекращались, и Юрій уже тогда (1468 г.) давалъ Казиміру надежду на избраніе одного изъ его сыновей въ чешскіе короли ⁴⁾).

Въ Польшѣ повторялось тогда тоже, что было нѣсколько десятилѣтій тому назадъ во время гуситскаго движенія. Национальныя симпатіи привлекали Поляковъ и ихъ короля къ славянскимъ ихъ брать-

¹⁾ *Scriptores rer. hussit.* III, 225; Длугошъ II, 394, 405. Сравни. *Dogiel* I. № 17, 18; *Niemcewicz: Zbiór pamiętników* I, 364.

²⁾ Длугошъ II, 435.

³⁾ *Archiv český* IV, 147—164; *Urkundliche Beiträge*, 496. Сравни. Палацкаго *Ист. чешск. нар.* IV, 2, 415. Дипломатическимъ языкомъ въ этихъ переговорахъ былъ, кромѣ латинскаго, и языкъ чешскій (сравни. особенно *Archiv český* IV, 160). Какъ адѣсь чешскій король охотно принимаетъ посредничество польскаго короля и его пословъ, такъ равнымъ образомъ нѣсколько лѣтъ назадъ (1454) Казиміръ объявилъ, что онъ въ спорѣ съ нѣмецкими рыцарями приметъ посредничество чешскаго короля, но только съ тѣмъ условіемъ, что въ этомъ дѣлѣ слышенъ будетъ совѣтъ однихъ только Чеховъ съ исключеніемъ нѣмецкихъ совѣтниковъ (Длугошъ II, 163). Такъ и позже (1465—1466) послы чешскаго короля посредничали между королемъ Казиміромъ и Олешницкимъ княземъ Конрадомъ и его женою въ дѣлѣ Мазовіи и (Червоной) Руси (Грамоты въ главн. архивѣ Варшавы).

⁴⁾ Палацкій *Ист. чешск. нар.* IV, 2, 468, 474.

ямъ; но съ другой стороны, этимъ симпатіямъ немало мѣшали религіозныя антипатіи и проклятія высшаго католическаго духовенства, ратовавшаго противъ всякаго общенія съ чешскими „еретиками“. Но національныя симпатіи оказывались все-таки сильнѣе. По словамъ одного свѣдущаго современника, „Поляки не ненавидятъ Чеховъ, и оба они, будучи одного языка, не допустятъ гибели другъ друга. Ересь ихъ никакъ не раздѣляетъ. Правда, Поляки расположены въ папѣ болѣе, чѣмъ Чехи; но еслибы не было въ Польшѣ сопротивленія со стороны знатныхъ прелатовъ и ихъ друзей, то христіанское послушаніе было бы въ Польшѣ рѣже, чѣмъ въ Чехіи. Боже сохрани“, восклицаетъ этотъ Нѣмецъ, — „чтобы соединились въ ереси Чехія и Польша!“¹⁾.

На эти взаимныя симпатіи Поляковъ и Чеховъ жалуется самъ легатъ папы, епископъ Лавантскій Рудольфъ. Когда онъ, въ началѣ 1468 года, предлагалъ чешскую корону маркграфу бранденбургскому Фридриху, то указывалъ ему на опасность въ случаѣ принятія этой короны польскимъ королемъ: польскіе прелаты и вельможи убѣждены въ правѣ польской короны на Новую Марку. Это право они намѣрены проявить послѣ того, какъ король приобрѣтетъ Чехію. Поэтому Польша находится съ обѣими партіями въ Чехіи въ дружескихъ сношеніяхъ. Въ случаѣ, если Юрій умретъ, или откажется отъ своей короны, то она, вѣроятно, достанется Казимиру или его сыну, и тогда Польша возьметъ не только Марку, но и Австрію, и другія земли. Если еретическая Чехія достанется Польшѣ, то надо опасаться, что еретичество не уменьшится, а скорѣе умножится, къ великому стыду христіанства. Польскіе священники долго благопріятствовали ереси, многіе польскіе вельможи и шляхта ею отравлены, и многіе еретическіе священники въ Чехіи—Поляки²⁾.

Избраніе короля Матвѣя чешскимъ королемъ со стороны чешскихъ мятежниковъ ускорило и избраніе польскаго королевича Владислава наследникомъ чешскаго трона. Это и сбылось еще при жизни Юрія, и по его вліянію на сеймѣ Пражскомъ (въ іюнѣ 1469 г.). Польскій король принялъ это предложеніе, и національная партія на сеймѣ Петровскомъ была за тѣснѣйшій союзъ съ Чехами³⁾. Дѣла чешскія сдѣ-

¹⁾ Eschenloer, нѣм. изд. Куниша II, 89, латин. въ Script. rer. sil. VII, 148.

²⁾ См. Drouzen, Geschichte der preuss. Politik II, I, p. 343. Кромѣ священниковъ, были въ Чехіи и разные польскіе ремесленники, челядь и пр. (Сравни. Staß letop. čestí, 172).

³⁾ Присутствовавшій тогда въ Петровѣ нѣмецкій магистръ совѣтовалъ не

лались, такимъ образомъ, дѣломъ польскаго королевскаго дома, и Польша должна была, наконецъ, явно выступить въ пользу Чеховъ. „Поляки“, пишетъ современникъ, „никакъ не хотятъ бросить еретика и оставить чешское королевство въ рукахъ угорскаго короля“¹⁾.

По смерти Юрія Подѣбрадскаго (1471 г.), на избирательномъ сеймѣ въ Кутной Горѣ Чехи, большинствомъ голосовъ, выбрали польскаго королевича Владислава своимъ королемъ (27-го мая). Посолъ польскаго короля, Добеславъ изъ Куровзэнькъ, кастелянъ Люблинскій („панъ Любельчикъ“), между прочимъ, припомнилъ собравшимся на сеймѣ чешскимъ чинамъ одинаковое происхожденіе Чеховъ и Поляковъ, долговѣчную и столь часто доказанную взаимную ихъ любовь, такъ что никто и не помнитъ, чтобъ они когда-нибудь другъ съ другомъ ссорились и воевали. Онъ указывалъ дальше и на вѣрную дружбу между Казиміромъ и Юріемъ, изъ которыхъ первый искренно и усиленно старался прекратить всѣ постигшія Чехію бѣдствія, второй же самъ желалъ имѣть наслѣдникомъ польскаго королевича Владислава²⁾.

Чешское посольство, во главѣ его панъ Циборъ изъ Цимбурга, гейтманъ (панѣстникъ) Моравскій, было принято въ Краковѣ торжественно. Владиславъ принялъ предлагаемыя условія, и въ присутствіи польскихъ пановъ и чешскихъ пословъ былъ провозглашенъ чешскимъ королемъ. Свою рѣчь къ чешскимъ посламъ держалъ онъ на польскомъ языкѣ. И Чехи, и Поляки видѣли въ избраніи польскаго королевича возвышеніе „славы языка славянскаго“, особенно въ отношеніи къ другому претенденту чешской короны, королю Матвѣю³⁾.

На помощь новому королю чешскому вмѣшался въ чешско-угор-

принимать условія, чтобы польскій король обязался помогать чешскому противъ всѣхъ его враговъ. (Voigt: Gesch. Preuss. IX, 25).

¹⁾ Eschenloer (Script. ger. viles. VII, 227). Палацкій IV, 2, 516, 537, 572.

²⁾ Подробности объ избраніи Владислава у Палацкаго V, 1. Отрывокъ рѣчи пана Любельчика (по Ватиканск. рукописи) сообщаетъ Gołebiewski: Dzieje Polskii za panow Kazimierza, 268. Король Казиміръ вознаградилъ позже пана Добеслава за его услуги и путешествіе: «Bohemiam versus in nostris et reipublicae necessitatibus» (28-го янв. 1487 г., грамота въ гл. архивѣ Варшавскомъ).

³⁾ Длугошъ II, 167; Archiv český, IV, 455; Dobner: Monum. Boem. histor. II, 433; Палацкій V, 1, 33. Разные документы, касающіеся избранія Владислава, см. въ сб. Archiv český IV, 444—456, VI, 78. Сравн. также Dogiel—Cod. dipl. Polon. I, № 20; адѣсь въ числѣ условій избранія приводится на второмъ мѣстѣ, чтобы въ чешскомъ королевствѣ во всей публичной жизни употреблялся одинъ только «языкъ славянскій».

скую войну и король Казиміръ, но не былъ уже въ состояніи соединить всѣ земли чешской короны подъ скипетръ своего сына. Только по смерти короля Матвѣя, удалось Владиславу не только возстаповить цѣлость чешской короны, но и присоединить къ ней корону угорскую.

Чешское государство соединено съ польско-литовскимъ посредствомъ только одной династіи — Ягайловичей. Въ интересѣ Чеховъ и всего Славянства надо сожалѣть, что не исполнилось желаніе нѣкоторыхъ Чеховъ, заявленное въ 1471 году, чтобы чешская корона засіяла на головѣ самого короля польскаго и великаго князя литовскаго и русскаго Казиміра. Такая федерація славянскихъ народовъ— чешскаго, польскаго и литовско-русскаго, придала бы совершенно другой характеръ исторіи средней и юго-восточной Европы ¹⁾.

Вслѣдствіе вступленія Ягайловичей на чешскій тронъ, государства чешское, польское и литовское вошли въ болѣе близкія сношенія. Всѣ эти государства, управляемыя родомъ Ягайла, считались будто однимъ цѣлымъ, особенно относительно внѣшнихъ враговъ. Такая солидарность интересовъ обнаружилась, напримѣръ, въ войнѣ князей литовскаго и Московскаго (1501 г.). Александръ литовскій тогда прямо вызывалъ короля угорскаго и чешскаго Владислава, чтобы онъ подалъ ему помощь, во имя родства и братской любви, противъ Ивана Московскаго. Послы же королей польскаго и угорско-чешскаго въ Москвѣ всячески старались о примиреніи обоихъ сосѣднихъ государей, и въ случаѣ отказа, угрожали Ивану и войною со стороны своихъ королей, которые считали своимъ долгомъ помогать своему „брату и княжеству литовскому, откуда сами вышли, и гдѣ начался ихъ родъ“ ²⁾.

Особенно тѣсныя сношенія между Чехами и Поляками завязались при королѣ Сигизмундѣ I, опекунѣ молодаго короля чешскаго Людовика. Чехи любили Сигизмунда и прямо требовали отъ него, „чтобы

¹⁾ Замѣтимъ здѣсь, что стѣнной портретъ короля Казиміра находится, въ числѣ разныхъ произведеній живописи 1479 года, въ древнемъ замкѣ въ Пискѣ, городѣ южной Чехіи.

²⁾ Акты Западн. Россіи I, №№ 186, 187, 188. Посоль Владислава въ Москвѣ называется „Матіяшъ Чезелитскій, королевскій постельничій“, вѣроятно, изъ чешскаго рода владыкъ изъ Чечелицъ, члены котораго упоминаются въ XIII—XVI вѣкахъ. Интересно, что въ рѣчи его, по русски приведенной, Владиславъ называется всегда по чешски «краль, королевское величество», а не «краль, король».

онъ, какъ Полякъ, заботился о чешскомъ королевствѣ подъ польскимъ родомъ“, и часто говорили ему о своихъ дѣлахъ и просили его совѣтовъ. Сигизмундъ, признавая „искреннюю любовь и уваженіе“ Чеховъ къ своей особѣ, часто обращаетъ вниманіе на дѣла въ сосѣднемъ чешскомъ государствѣ. Успѣхи и побѣды польскаго короля Чехи нерѣдко считали своими собственными и радовались имъ. Когда Сигизмундъ началъ войну съ Альбрехтомъ прусскимъ (1520), то король чешскій Людовикъ строго запретилъ вербовку воиновъ въ Чехію и въ Моравѣ въ пользу Альбрехта, предоставляя это, въ случаѣ нужды, самому королю польскому. Этою войною любимаго короля Сигизмунда съ Нѣмцами очень интересуется одинъ изъ знаменитѣйшихъ пановъ чешскихъ, Вилемъ изъ Пернштейна, желая ему всевозможныхъ успѣховъ противъ враговъ „нашего языка“¹⁾.

Такимъ образомъ осуществилось, хотя и не вполнѣ, давнее желаніе чешской національной партіи увидѣть корону св. Вячеслава на головѣ „славянскаго“ государя королевской крови польской. Что это не случилось раньше и болѣе тѣснымъ образомъ, что Чехія и Польша не сдѣлались однимъ государствомъ, это произошло преимущественно отъ того, что гуситское движеніе не распространилось у Поляковъ въ такой силѣ, какъ у Чеховъ. Благодаря усилію польскаго духовенства, которое всячески старалось удалить отъ Польши „еретическую заразу“, Поляки и ихъ государи безпрестанно удерживались отъ болѣе тѣснаго союза съ проклинаемыми своими чешскими братьями, къ которымъ ихъ однако привлекали живѣйшія національныя симпатіи.

Но не смотря на всѣ строжайшія мѣры, гуситство проложило себѣ все-таки путь и въ Польшу. Еще на Константскомъ соборѣ самъ импе-

¹⁾ Множество письменныхъ памятниковъ по чешскимъ дѣламъ во время Сигизмунда находится въ Acta Tomiciana (сравни IV, 197, V, 110, 155, 235 и др.). Письмо Пернштейна въ сб. Archiv český II, 142. Сравни Палацкаго Ист. чешск. нар. V (1, 2, періодъ чешскихъ Ягайловичей). Чехи въ сношеніяхъ съ Сигизмундомъ и съ другими Поляками употребляли, кромѣ обыкновеннаго языка латинскаго, и чешскій языкъ: такъ, напримѣръ, по чешски пишутъ Вилемъ изъ Пернштейна Сигизмунду и тѣшинскому князю Казимиру (Archiv český I, II), панъ Генрихъ изъ Розенберга Сигизмунду (Палацкій, Ист. чешск. нар. V, 2, 300); братья изъ Вербна на Брунталѣ заключаютъ извѣстный договоръ съ Сигизмундомъ по-чешски (1515, грамота въ гл. архивѣ Варшавск.), и пр. Не забудемъ, что Сигизмундъ, въ началѣ XVI вѣка, былъ королевскимъ намѣстникомъ въ Силезіи, и что секретарь короля Владислава, Процекъ Малый изъ Цетни, по смерти его, вступилъ въ службу польскаго короля.

раторъ Сигизмундъ заявилъ, что и въ Польшѣ есть приверженцы гуситства; на то же самое жалуется и король Владиславъ, и сеймъ, собравшійся въ новомъ мѣстѣ — Корчинѣ (1423 г.). Да, польскіе епископы вынуждены были строго смотрѣть за подвластнымъ себѣ духовенствомъ, опасаясь и въ его рядахъ встрѣчать „приверженцевъ и защитниковъ еретической злобы Іоанна Гуса“; папы и ихъ легаты жалуется, что гуситская ересь заражаетъ и Поляковъ, и еще въ 1454 году назначенъ былъ въ спархіяхъ Великой Польши особый *inquisitor haereticae pravitatis*. Сами Чехи въ 1435 году вступаются за гуситовъ въ Польшѣ. Въ числѣ приверженцевъ гуситства въ Польшѣ извѣстны особенно паны Снитекъ Мельнгтыпскій, Авраамъ Збойскій и Остророги. Во мнѣніяхъ и взглядахъ славнаго Іоанна Остророга о взаимныхъ отношеніяхъ государства и церкви замѣтно вліяніе новыхъ гуситскихъ идей ¹⁾.

Изъ польскихъ духовныхъ лицъ, приверженцевъ Виклефа и Гуса, извѣстенъ особенно Андрей Галка изъ Добчина (около 1449 г.), который, по поводу этихъ мнѣній, долженъ былъ оставить Польшу и уйдти въ Силезію ²⁾. Польскаго происхожденія былъ и гуситскій священникъ Пражскій Михаилъ, называемый Полякомъ († 1480 г.), изъ шляхетскаго рода Чемовскаго въ Великой Польшѣ. Присоединившись къ гуситамъ, онъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ и любовью у Пражанъ; онъ дѣйствовалъ и въ пользу избранія Владислава въ чешскіе короли ³⁾.

Любопытно, что польское духовенство хотя и ратовало вслѣдствіи противъ чешскихъ еретиковъ, но все-таки не забывало, что эти еретики одного съ Поляками происхожденія славянскаго. Самый рьяный противникъ гуситовъ, Збигнѣвъ Олешницкій, епископъ Краковскій, еще при концѣ своей жизни мечталъ о возвращеніи своихъ славянскихъ братьевъ, Чеховъ, въ лоно католической церкви. Приглашая извѣст-

¹⁾ Сравни. его знаменитое *Monumentum pro reipublicae ordinatione congestum* (1459 г.), въ журналѣ *Roczniki towarzystwa przyjaciół nauk Poznań*. I, 269. Остророгъ рѣзко нападаетъ на излишнюю покорность папѣ, на аннаты, на разные злоупотребленія въ церкви, на симонію, индульгенціи и пр.

²⁾ *Wisniewski*, *Hist. lit. pol.* III, 224, 425 (польская пѣснь Галки въ честь Виклефа). Въ 1451 году упоминается въ Габорѣ польскій священникъ Іоаннъ Галетъ, недавно бѣжавшій изъ Польши (Палацкій, *Ист. чешск. нар.* IV, 1, 401), — неужели Галка?

³⁾ Палацкій, *Ист. чешск. нар.* V, 1, 201; *Stafi letopisové čeští*, 503; по нимъ же (221) Михаилъ «хотя и Полякъ, все-таки былъ усерднѣйшій (náramný) приверженецъ чаши Христовой».

наго миссіонера Капистрана изъ Моравы въ Польшу, онъ радуется его прибытію „къ народамъ славянскаго языка“ и падѣется, что ему, можетъ-быть, удастся истребить ересь у Чеховъ— „благородной отрасли Славянъ“. „Если обратишь этотъ народъ“, кончаетъ Збигнѣвъ свое письмо (2-го августа 1451 г.),— „то обяжешь собою навсегда не только тотъ народъ, но и народы польскій, силезскій и славянскій; ибо мы по поводу единства языка, которымъ соединены съ Чехами, жаждемъ ихъ спасенія, какъ своего собственнаго“¹⁾.

4. Чешскіе войны и чешское военное искусство въ Польшѣ и въ русскихъ земляхъ.

Чехи, издавна народъ воинственный²⁾, въ теченіе гуситскихъ войнъ сдѣлались первымъ воинственнымъ народомъ въ Европѣ. Жижка и его преемники проложили военному дѣлу новый путь, создали новѣйшую стратегію и военную науку. У Чеховъ учились потомъ воевать другіе народы, пребывая въ ихъ рядахъ, или призывая ихъ и къ себѣ.

Мы видимъ въ теченіе XV вѣка въ разныхъ земляхъ средней и восточной Европы чешскіе наемные полки, или какъ они обыкновенно назывались, „роты“. Они воюютъ въ Угріи, въ Дунайскихъ земляхъ юго-славянскихъ, въ Польшѣ и въ Литвѣ и въ сосѣднихъ земляхъ нѣмецкихъ. О многихъ этихъ войнахъ можно повторить слова, которыя написалъ одинъ чешскій поэтъ о знаменитомъ стратегѣ чешскомъ второй половины XV вѣка, Вячеславѣ Волчкѣ изъ Ченова, что онъ участвовалъ въ военныхъ предпріятіяхъ на Лабѣ, Дунаѣ, Вислѣ и Днѣпрѣ³⁾.

Мы уже часто имѣли случай говорить о чешскихъ военныхъ отрядахъ въ Польшѣ и о польскихъ и русскихъ войскахъ въ чешскихъ земляхъ. Наемныя роты чешскія встрѣчаются на службѣ польскаго короля, особенно съ половины XV вѣка, въ долготѣней его войнѣ съ нѣмецкими рыцарями. Такія же роты находились и на сторонѣ рыцарей, такъ что Чехи, служа чужимъ интересамъ, не разъ сражались другъ съ другомъ. Въ числѣ чешскихъ гейтмановъ и ротмистровъ, служившихъ въ Пруссіи королю польскому, былъ и вышеупо-

¹⁾ Письмо у Длугоша II, 75. Сравни. письмо Збигнѣва папѣ 1423 г. (Palacky: Urkundl. Beiträge zur Gesch. des Hussitenkrieges I, 283).

²⁾ Уже Гельмольдъ (XII вѣка) пишетъ: Bohemia habet viros bellicosos.

³⁾ Богуславъ изъ Лобковицъ (Палацкій IV, 1, 458).

мянутый панъ Колда изъ Жамнаха (1455—1457 гг.), и кромѣ того, многіе другіе, Брѣзакъ изъ Вѣлой, Урбанъ изъ Старицы, Капучъ изъ Смириць, Ольдрихъ изъ Смолотель, Ковка изъ Собѣуекъ, Гмишчъ изъ Голедча, Іоаннъ изъ Ризенбурга, Іоаннъ Вальдштейнъ изъ Скалы, Чернишъ изъ Худениць, Еникъ изъ Мечкова, Прибикъ изъ Заградки, и другіе. Эти наемныя войска доставляли Казиміру много хлопотъ. Такъ какъ онъ часто былъ въ затруднительныхъ денежныхъ обстоятельствахъ и не могъ имъ платить, то они отказывались отъ военной службы и даже брались за оружіе. Такъ поступила (1457 г.) и рота Колды, и другіе ротмистры въ землѣ Освѣтимской ¹⁾.

Чешскія роты встрѣчаются и дальше на славянскомъ востокѣ — въ Литвѣ и въ Русскихъ земляхъ ²⁾. Объ участіи такихъ военныхъ ротъ изъ Чехіи, Австріи и Силезіи въ сраженіи Вилкомирскомъ мы говорили уже выше. Въ походѣ Витовта противъ Пскова (1426 г.) находились и чешскіе полки ³⁾. Въ 1447 году одинъ моравскій панъ, имя котораго не извѣстно, отправился изъ Мазовіи съ 600 всадниковъ къ Новгородскому князю Юрію на помощь противъ Нѣмцевъ ⁴⁾. Чешскіе наемные воины часто встрѣчаются въ Литвѣ въ началѣ XVI вѣка. Когда въ 1500 году великій князь литовскій Александръ готовился къ войнѣ съ Московскою Русью, то напималъ войско въ Польнѣ, Чехіи, Моравѣ, Силезіи и Германіи; главнымъ гейтманомъ этихъ „братьевъ“ были Чехъ Іоаннъ Черный и Поликъ Іоаннъ изъ Карикова. Это наемное войско стояло подъ Смоленскомъ, и Черный, кромѣ того, вѣдѣлъ съ Станиславомъ Глѣбовичемъ, вторгнулся и въ Псковскую землю ⁵⁾.

¹⁾ Объ этихъ чешскихъ ротахъ сравн. особенно разказъ Длугоша о прусской войнѣ; также Voigt: Gesch. Preuss. VIII и Палацкаго Ист. чешск. нар. IV, 1, 442. Множество квитанцій (1458 — 1480 гг.) польскихъ и чешскихъ ротмистровъ, служившихъ польскому королю, хранится въ главномъ Варшавскомъ архивѣ, нѣкоторыя въ архивѣ чешскаго музея. Большая часть писана по-латыни, нѣсколько по-чешски (объ этихъ см. ниже).

²⁾ Влагославъ въ своей чешской граматикѣ (333) приводитъ моравскую посьловицу: «divná chasa, lotrovina žmud, Litva—per contentum quasi diceret Scythae, ut Scytharum colluvies», и объясняетъ Литву словомъ «čertovina». Не знаемъ, происходитъ ли это съ XV вѣка, или еще съ XIV вѣка, со времени воеванія чешскаго короля Іоанна съ Литвой.

³⁾ «Земля чешская, Чехи (Чахи)», въ Никоновск. лѣтоп. V, 92, Воскрес. лѣтоп., 93 (П. С. Р. Л., VIII).

⁴⁾ Письмо нѣмецкаго магистра у Карамзина, Ист. Гос. Росс., V, прим. 316.

⁵⁾ Сравн. хроники Вальскихъ, Мѣховиты, Стрыйковскаго, Выховца (изд. Нарбутта, 70) подъ 1500 г. Іоаннъ Черный, вѣроятно, тотъ же самый чешскій

Въ 1513 году и Михаилъ Глинскій нанималъ воиновъ въ Германіи, Силезіи и Чехіи на службу къ великому князю Московскому Василію; въ числѣ этихъ наемниковъ упоминается и ротмистръ Чехъ Лата или Лада, мѣщанинъ Краковскій ¹⁾. Въ 1517 году были чешскіе и моравскіе воины въ польско-литовскомъ войскѣ въ Сѣверской землѣ и въ Псковской землѣ подъ Опочкой; здѣсь потерпѣли они отъ Русскихъ поражение ²⁾. Такъ и въ 1520 году, въ войнѣ съ Альбрехтомъ прусскимъ, король Сигизмундъ нанималъ воиновъ и въ Чехіи. Въ войскѣ польскомъ было тогда нѣсколько тысячъ Чеховъ подъ ротмистрами Іоанномъ Жеротинскимъ, Вячеславомъ Пѣтипескимъ, Древичскимъ Змешкаломъ, Костелакомъ и др. ³⁾.

Такимъ образомъ чешскіе воины распространяли новое военное искусство и въ восточныхъ славянскихъ земляхъ. Кромѣ того, знакомы своихъ земляковъ съ новой стратегіею и пробывшіе въ чешскихъ войскахъ польскіе и русскіе воины. Въ ихъ числѣ былъ и знаменитый польско-литовскій полководецъ Николай Фирлей, который, по свидѣтельству Папроцкаго, проведши свою молодость въ чешскомъ войскѣ, ввелъ, или скорѣе, распространилъ въ Польшѣ, въ началѣ XVI вѣка, чешскій таборъ, то-есть, воевое укрѣпленіе ⁴⁾.

Военное искусство Чеховъ XVI вѣка проложило себѣ путь на востокъ и юго-востокъ Европы. Въ Польшѣ чешскіе полководцы или гейтманы были такъ общины, что возникла даже и пословица „Полякъ—панъ, Чехъ—полководецъ (so Polak, to pan, so Czech, to het-

---

гейтманъ, который вмѣстѣ съ Самуиломъ Пражскимъ, въ 1469 г., опустошилъ Силезію (Длугошъ II, 448). Подъ названіемъ Чернякъ, Чернякъ и «Cyrnus Bohemus, «Cyrne» онъ упоминается въ 1501—1502 гг. (Псковск. лѣт. въ П. С. Р. Л. IV, 275; Акты Западн. Россіи I, 273. Turgenew: Hist. Russ. Monum., Supplem. 319, 322, 327). «Jan Polák z Kagnkova» былъ въ 1479 году гейтманомъ въ замкѣ Глубокой въ южной Чехіи (грамота въ архивѣ чешскаго музея).

¹⁾ Decius: De Jagellonum familia (Crac., 1521, 85); Warowski (изд. 1589 г., 552); Strykowski (736).

²⁾ «Чахи, Ляхи, Угрове, Мураве, Мазовшане, Волохи, Сербове». Псковск. лѣт. (П. С. Р. Л., IV, 291); Bielski Kron. Świata и Strykowski къ 1517 г.

³⁾ Acta Tomiciana, V, 131, 157, 293. Какой-то военный начальникъ Лука Мораванинъ (Luca Moravus) упоминается въ 1509 году, въ сраженіи съ Татарами (Warowski, 538). Какъ чешскіе воины нанимаются за польскія деньги, такъ и позже Чехи нанимали войска въ Польшѣ, особенно въ турецкія войны въ Угріи. Такъ, напримѣръ, чешскій сеймъ 1543 года постановляетъ, чтобы гейтманъ нанялъ козаковъ изъ польскаго королевства».

⁴⁾ Herby rycerstwa polskiego, 387.

man)⁴, которая была извѣстна еще во второй половинѣ XVI вѣка¹).

Въ искусныхъ чешскихъ войнахъ нуждались, особенно въ важномъ въ то время устройствѣ боевыхъ возовъ или табора, какъ его усовершенствовали Жижка и его преемники. Уже въ войнѣ Поляковъ съ нѣмецкими рыцарями (1433), въ которой первымъ помогали чешскіе Сиротки, важную роль играло возовое укрѣпленіе²). Такъ было во всѣхъ войнахъ на славянскомъ востокѣ съ XV до XVII вѣка. Возовое укрѣпленіе или таборъ употребляли польскія и казацкія войска. Казацкій таборъ, какъ его описываетъ очевидецъ еще въ первой половинѣ XVII вѣка, вполне соответствуетъ табору чешскихъ войскъ XV вѣка³).

Не можемъ здѣсь заняться подробнымъ описаніемъ боевого порядка, употреблявшагося съ XV вѣка — по примѣру чешскаго⁴) — въ

¹) Приводитъ ее Сарницкій: *Kniha listináků (рукопись, сравн. Sázavský naukový im. Osvobůdských 1830, IV, 101).*

²) Въ 1433 году (8-го февраля) силезскій князь Конрадъ предлагаетъ нѣмецкому магистру услуги двухъ Силезцевъ, которые «mit der wagenborg wol kunnen als yndert keyn Beheme», и извѣщаетъ его, что «was die Polan thun werden wieder uwer gnade, das werden sie mit der wagenborg thuen» (Script. rer. siles. VI, 121). И Бальскій (Kron. pol. 344) говоритъ, что въ этой войнѣ «przed wojakiem wszgdzie wrzod chodzili Czechowie dla stawienia obozu».

³) Beauplan: Description d'Ukraine (1660 г., р. 47, пишетъ «tabort»). Происхожденіе слова «таборъ» темно; у Чеховъ оно встрѣчается уже въ Краледворской рукописи (Ярославъ), у Поляковъ и у Русскихъ съ XV вѣка. Длугошъ (I, 803), рассказывая о сраженіи подъ Варной (1444), пишетъ, что войско короля Владислава не устроило возовъ въ таборъ (more tabog). Поляки, впрочемъ, употребляли обыкновенно слово овоз, а Русскіе (казаки) таборъ. Встрѣчающійся въ древней Руси еще въ XIII вѣкѣ «товаръ» соответствуетъ новому «таборъ». Изображеніе польскаго овоза (въ сраженіи Обертынскомъ 1531 года) помѣстили Бальскіе въ своихъ хроникахъ. Значеніе табора видно, напримѣръ, въ войнахъ Поляковъ и казаковъ при Наливайкѣ 1596 года (Hoidenstein: Reg. polon., 328 sq., Bielski Kron. polska, продолженіе, изд. Туровскаго, стр. 1750—1765), при Павлюкѣ, Остриацѣ и другихъ 1637 — 1638 г. (дневникъ Околяскаго, изд. Туровскаго, 50, 117), въ сраженіи Цецорскомъ съ Турками 1620 г. (Baliński: Studia histor. 255), и пр. Интересно сравнить отступленіе Наливайка на Украинѣ и славный отступательный походъ Жижки изъ Угрии 1423 г. (Stafi letop. čští, 57—61). Въ Московской Руси возовое укрѣпленіе называлось гулай-городъ; употреблялось съ первой половины XVI вѣка (Карамзинъ, Ист. Рос. VII, прим. 302). Въ 1629 году одинъ попь предложилъ царю Михаилу проектъ — устроить «походный городокъ, называемый Радкодубъ», въ которомъ войско могло бы «держаться и укрываться, какъ въ настоящемъ неподвижномъ городѣ» (Соловьевъ, Ист. Россіи, IX, 389).

⁴) Сравн. Палацкаго Ист. гусит. II, 216, Sázavský Čes. Mus. 1828, II; 1836, I.

восточной Европѣ, и укажемъ только на одно, для нашей цѣли наиболѣе интересное, обстоятельство. Польская военная терминологія XV и XVI вѣковъ перенята, по большей части, отъ Чеховъ, какъ она выработалась у нихъ въ теченіе долголѣтнихъ войнъ въ первой половинѣ XV вѣка. Нѣкоторыя нѣмецкія, или скорѣе, съ нѣмецкаго на чешскій ладъ передѣланныя, названія перешли въ польскій языкъ не прямо изъ нѣмецкаго языка, а уже чрезъ посредство Чеховъ¹⁾. Приведемъ здѣсь нѣсколько такихъ названій изъ военной польско-чешской терминологіи, собранныхъ нами изъ разныхъ памятниковъ XV и XVI вѣковъ²⁾. Общее у Чеховъ названіе полководцевъ—гейтманъ (hejtman, hajtman) принято и у Поляковъ: hetman³⁾; также и rotmistr (rotý majstr), puškat. Раздѣленіе чешскихъ войскъ встрѣчаемъ и въ Польшѣ: huf (huf, uf—полкъ), šik—szyk (боевой строй), hufy spraviti, šikovati,—hufy sprawić, szykować, posiłci—posiłki, posileczne ufy, harcownik, harcovati—harcownik, harcować; jízdní, pěší—jezdni, pieszy, pravá, levá ruka—prawa, lewa ręka, hešlo—hasło и др. Названія оружія: stfelba—strzelba, dělo—działo, puška, hufnice, tarasnice, hakownice, ručnice—puszka, hufnica (ufnica), tarasnica, hakownica (działa polnij, uffny i terasny)⁴⁾, rucznica (rusznica) и др. Боевые возы, ихъ устройство, ихъ названія одинаковы или похожи: такъ у Чеховъ встрѣчающіяся слова и выраженія: plac, brána, placní řady, krajní řady i vozy, krajní vozy v řadích, řád (šikovaných) vozuov, pícní vozy, kładenie vozuov и др.—соотвѣтствуютъ польскимъ: plac (гунк), brana (такъ часто подлѣ brona), gunkowe rzędy, skrajne rzędy, rzędowe wozy, rząd obozowy, pícnie wosy, kładenie obozu, и проч.

Изъ польскаго языка перешли нѣкоторыя изъ этихъ словъ и къ Русскимъ, особенно юго-западнымъ, напримѣръ, слова: гетманъ, рот-

¹⁾ Съ XV вѣка и Нѣмцы переняли нѣсколько чешскихъ словъ по военному дѣлу, напримѣръ, bizschacle, pisschulle, pischzale (pištala—пищаль), haufniz (haufnice), rafese (равеса), kawle (кауле), possatke (posádka), и др.

²⁾ Чешскія стратегическія сочиненія XV вѣка: Гайка въ Годѣтна, Жляки, Волчка изъ Ченова (Výbor z liter. české, II); Stafi letop. češti, Archiv český и пр. Польскія стратегическія сочиненія XVI вѣка: М. Бѣльскаго (Sprawa rucerska 1569), гетмана Тарновскаго (Consilium rationis bellicae 1558, O orbonie Koronnéj 1579); Pamietniki jańczaга, Chwalczewski и др. Интересно, что въ военныхъ порядкахъ чешскомъ (Гайка), польскомъ (Тарновскаго) и западно-русскомъ (1507 и 1512 гг.) находится особая статья о покровительствѣ пчеламъ.

³⁾ Кромѣ «hetman», встрѣчается и форма «heuthman» (Chwalczewski, I, 109).

⁴⁾ «Bombardae, quae tarasnicze seu hufnice vocantur», пишетъ король Сигизмундъ 1512 г. (Grabowski: Ojczyście spominki, I, 235).

мистръ, шихъ (šik), шиховати, гуфъ, стрѣльба, пушкарь, дѣло, пушка, пицаль, гаковница, ручница и друг. ¹⁾).

Б. Габсбурги — чешскіе короли.—Ихъ стремленіе къ овладѣнію Польшей.—Посошества чешскихъ пановъ въ Польшѣ.—Поляки и Чехи 1618—1620 годовъ.

Съ гибелью короля Людовика въ несчастномъ сраженіи Мохачскомъ (1526 г.), прекратилась польская династія Ягайловичей на чешскомъ престолѣ. Польскій король Сигизмундъ, предъявляя свои „права“ на чешскій столъ по поводу родства, предлагалъ себя Чехамъ въ короли и просилъ чешскихъ министровъ дѣйствовать въ его пользу противъ его соперниковъ. Но Сигизмундъ вообще велъ дѣла такъ вяло и небрежно, что при выборахъ въ Чехіи даже не было и помину о какой-нибудь польской партіи. Съ другой стороны, сами Чехи давно забыли примѣръ своихъ предковъ, искавшихъ себѣ въ теченіе всего XV столѣтія государя „славянскаго“, и единогласно выбрали въ короли Нѣмца, Фердинанда Габсбургскаго ²⁾).

На эту безпечность польскую, на неумѣніе короли Сигизмунда воспользоваться случаемъ и соединить съ короною польско-литовскою и короны чешскую и угорскую, жалуются сами Поляки позднѣйшихъ вѣковъ. Они прямо называютъ тогдашнее поведеніе Польши политическою ошибкой, такъ какъ Поляки, безъ всякаго сопротивленія, позволили, чтобы домъ австрійскій, „пѣмецкое племя, враждебное всему племени славянскому“, замядѣлъ обоими народами, и умноживъ свою силу, сдѣлался опаснымъ для своихъ сосѣдей; между тѣмъ оба народа могли быть тогда присоединены къ Польшѣ, и такимъ образомъ, предохранены отъ опѣмеченія, и особенно „Чехи, которые принявъ къ себѣ нѣмецкія колоніи, правы и языкъ, лишились и славянскаго происхожденія“ ³⁾).

¹⁾ Сравни. литовскіе статуты и грамоты (Акты Зап. Россіи, Акты Зап. и Южной Россіи, и др.).

²⁾ Письма Сигизмунда къ Чехамъ и Силезійцамъ у Догела (Cod. dipl. Polon. I. №№ 28—30), Acta Tomiciana VIII, 254, 264, Mosbach: Pruzczynki do dziejów pol. 137. Тогда былъ распространенъ и слухъ, что Фердинандъ побуждалъ и великаго князя Московскаго противъ Сигизмунда, такъ чтобы тотъ не могъ помочь Людовику противъ Турокъ, «quo et facilius rex Ludovicus sic destitutus periret, et Ferdinandus Hungariam et Bohemiam, quod semper votis omnibus cupiebat hac data occasione invadere et occupare posset». (Turgenew: Hist. Russ. Monum. I, 132).

³⁾ Andr. Max. Fredro. Gestorum populi poloni sub Henrico Valesio (Dantisci 1652, 202), Piasecki Chronic. (1645, 71).

Габсбурги, соединивъ короны угорскую и чешскую, старались позже завладѣть и упраздненнымъ послѣ Ягайловичей престоломъ польскимъ. Для достиженія этой цѣли, они задумали воспользоваться симпатіями Поляковъ къ подвластнымъ Чехамъ и поэтому отправляли въ Польшу своими посланниками особенно чешскихъ вельможъ.

По смерти Сигизмунда-Августа, императоръ Максимилианъ старался объ избраніи себя или сына своего Эрнста въ польскіе короли. Кандидатура эта оказалась очень затруднительною: общественное мнѣніе въ Польшѣ было противъ избранія Нѣмца вообще и Габсбурга въ особенности. Противъ него ратовали публицисты и ораторы, ѣдко и жестко нападали на Нѣмцевъ, „народъ сиѣсивый, ненавистный людямъ и богамъ, попустиль всѣ націи подъ солнцемъ, народъ-пьяницу. Съ такимъ народомъ у насъ никогда не можетъ быть согласія. И языку-то нашему скоро научится всякій чужеземецъ, кромѣ Нѣмца, и струны-то наши на лютнѣ не гармонируютъ съ нѣмецкими, и нашъ бѣлый орелъ не подходитъ къ черному“. Избраніе же Габсбурга значитъ вѣчная война съ Москвою, Турками и Татарами, „внутри же угнетеніе, насиліе, давленіе нашего языка, нашихъ законовъ и обычаевъ. Хотите знать — правда ли это, взгляните на Чеховъ. Долго ли устояли ихъ права при господствѣ Австріи? Забывъ Бога, стыдъ и свой долгъ, подтвержденный присягою, Габсбургъ тотчасъ же началъ искоренять ихъ законы, жечь ихъ привилегіи, палатать на нихъ неспособное иго, дѣлать имъ выше законы по своей прихоти, унижать значеніе королевскаго совѣта. Вѣдники очутились въ вѣчномъ рабствѣ у этого вѣроломнаго тирана и едва сохранили кожу, чуть не каждый годъ искупая свое достоинствѣ неспособными позорными податями“ ¹⁾.

При такомъ положеніи дѣлъ, когда, по согласнымъ свидѣтельствамъ всѣхъ современниковъ, народъ „удивительно неспособенъ Нѣмца и Австріица“, явились въ Польшу два посла императорскихъ, чешскіе министры Вилемъ изъ Розенберга, наивысшій бургграфъ Пражскій,

¹⁾ Разныя современныя статьи по этому предмету собраны въ двухъ рукописяхъ XVII вѣка (въ университет. Варшавск. библіотекѣ №№ 394, 599); такія же статьи напечатаны Broel-Plater (*Zbiór pamiećtników do dziejów polskich* II, III), Noailles (*Henri de Valois et la Pologne en 1572*, III); сравн. также Трачевскаго: *Польское Безкорольевѣ* (242). О стремленіяхъ австрійскаго дома къ приобрѣтенію польской короны см. особенно статью профессора *В. Томка*, пользовавшагося чешскими и австрійскими архивными документами (*Časopis Česk. Mus.* 1851, 1853, польскій переводъ въ *Biblioteka Warszawska* 1857, IV).

и Вратиславъ изъ Пернштейна, наивысшій канцлеръ. Императоръ послалъ именно этихъ двухъ чешскихъ вельможъ, предполагая—какъ хорошо замѣчаетъ секретарь тогдашняго французскаго посла въ Польшѣ ¹⁾—что они, по поводу сходнаго съ Поляками языка, будутъ ими болѣе благосклонно приняты и легче сойдутся съ ними. Первою заботой императорскихъ пословъ было разсѣять, или по крайней мѣрѣ, ослабить всеобщее подозрѣніе и негодованіе Поляковъ противъ Габсбурговъ. Поэтому они, прибывъ въ Польшу, стали защищать императора противъ непріязненныхъ для него слуховъ, будто онъ нарушалъ права Чеховъ, и указывали между прочимъ на то, что „въ Чехіи ни одинъ Нѣмецъ и чужеземецъ не можетъ себѣ купить имѣнія, ни отправлять должность, если не сдѣлался гражданиномъ“; наконецъ, просятъ пріязни Поляковъ „намъ, какъ посламъ его императорскаго величества, и кромѣ того, природнымъ Чехамъ, друзьямъ и братьямъ вашимъ, съ которыми имѣются издавна славные союзы и договоры королевствъ Чешскаго и Польскаго“ ²⁾.

Вмѣстѣ съ послами императора прибыли въ Польшу и послы чешскихъ чиновъ, отправленные туда по порученію чешскаго сейма, Владиславъ Лобковичъ, Альбрехъ Канунъ изъ Свойкова и Андрей Зутеръ. На чешскомъ сеймѣ (1573 г. 28-го января), всѣ три чина королевства чешскаго внимательно соображали и припоминали себѣ, какъ чины и обыватели королевства польскаго всегда жили въ хорошей дружбѣ, любви, пріязни и братствѣ съ чинами и обывателями этого королевства и до сихъ поръ живутъ, и такъ какъ они очень желаютъ, чтобы чѣмъ дольше, тѣмъ большая дружба и любовь съ королевствомъ польскимъ продолжалась, и чтобы оба королевства имѣли однихъ владѣтелей или родственныхъ другъ другу, то они постановили на сеймѣ отправить особыхъ пословъ къ предстоящему сейму польскому, съ уполномоченною грамотой и инструкціей подъ земскою печатью. Эти послы должны всячески стараться, чтобы чины Польскаго королевства

¹⁾ Choisinin (изд. Лондонск. 1769 г., 247). Также по Гейденштейну (Reg. polon. ab excessu Sigismundi Ang. libri XII), императоръ послалъ Чеховъ, «ob cognationem utriusque gentis gratiores futuros ratus» (ed. 1672 г. p. 12).

²⁾ Письмо (польское) пословъ къ Малополянамъ 13-го октября 1572 г., инструкція ббату Циру 30-го октября (Noailles III, 191). — Авторъ политическаго стихотворенія «Rozmowa Lecha z Piastem», рекомендуя въ королю сына императора, замѣчаетъ, что сыновья послѣдняго «знаютъ чешскій языкъ, который мы понимаемъ», что въ случаѣ избранія Габсбурга, Польша приобрѣтетъ себѣ помощь Чеховъ, какъ это было при Казимірѣ и Сигизмундѣ, которые съ помощію Чеховъ и Сиевйцевъ разбивали Пруссаковъ, и даже посылали ихъ подъ самую Опочку.

приняли въ свои государи и короли его императорское величество, какъ короля чешскаго, нашего всемилостивѣйшаго государя, или какого-нибудь изъ его наслѣдниковъ ¹⁾).

На избирательномъ сеймѣ въ Варшавѣ, 9-го апрѣля 1573 года, Розенбергъ держалъ рѣчь на чешскомъ языкѣ, рекомендуя Полякамъ эрцгерцога Эрнста. Между прочимъ, онъ указывалъ и на то, что предлагаемый кандидатъ знаетъ чешскій языкъ, и что „польскій и чешскій народъ одного и того же происхожденія, и поэтому они сходны въ правахъ, языкѣ и вообще во всѣхъ дѣлахъ и поведеніяхъ. Во всемъ томъ, по правдѣ, никакой другой народъ не подходитъ ближе къ польскому и никакимъ образомъ не можетъ съ нимъ сравниться, какъ чешскій; оба они и теперь связаны взаимною любовью, такъ что хотя въ это время и находятся подъ управленіемъ разныхъ королей, но все-таки называютъ другъ друга братьями и считаются однимъ и тѣмъ же народомъ“ ²⁾).

Подобно Розенбергу, и послы чешскихъ чиновъ вспомнили, что нѣтъ другихъ двухъ народовъ, которые происхожденіемъ, языкомъ, законами, учрежденіями и обычаями были бы другъ на друга такъ похожи, какъ польскій и чешскій; ихъ государства основаны двумя братьями при лучшихъ предзнаменованіяхъ, тѣмъ тѣ, которыя окружали дѣло Ромула и Рема. Оба народа и государства были соединены при королѣ Вячеславѣ II; при Владиславѣ Ягайлѣ и его потомкахъ жили они въ тѣснѣйшей дружбѣ, и по смерти короля Юрія Подѣбрадскаго Чехи обратились къ своимъ родственникамъ, друзьямъ и сосѣдямъ Полякамъ и избрали себѣ въ короли Владислава; ибо не трудно было владѣть Чехами королю, который воспитывался дома между Поляками — народомъ, съ Чехами почти во всемъ сходнымъ. Отъ дочери Владислава, Анны, происходитъ и императоръ и король Максимилианъ; было бы желательно, чтобъ онъ сдѣлался королемъ поль-

¹⁾ Постановленія чешскаго сейма т. 2.

²⁾ Рѣчь Розенберга въ латинскомъ переводѣ напечатана современною бранныей (*Legatio S. C. Maj. idiomate bohémico in castris habita*), также у Гольдста, Бальбина, Бровль-Плятера. Чешскій языкъ рѣчи Розенберга показался французскому послу, епископу Монлюку, важнымъ преимуществомъ; онъ, по словамъ его секретаря, находилъ «большое затрудненіе въ томъ обстоятельствѣ, что послы императора будутъ держать свою рѣчь на чешскомъ, польскому близкомъ, языкѣ и, такимъ образомъ, будутъ понимаемы всякимъ, между тѣмъ какъ онъ самъ не могъ говорить какъ только по латински». По свидѣтельству того же лица, Розенбергъ, «человѣкъ умѣренный и скромный», не увлекъ слушателей, говоря слишкомъ тихо (*Choisin 313, 327*). Сравни. *Bielski Kron. pol.* (675)

скимъ. Такимъ образомъ, соединены будутъ короны угорская, чешская и польская, и Чехи и Поляки, народы съ самаго своего начала наиболее тѣсно другъ съ другомъ связаны, будутъ жить по прежнему вмѣстѣ ¹⁾. Въ Германіи носились даже слухи, впрочемъ невѣроятные, что сынъ императора предлагаетъ между прочимъ присоединить чешское королевство къ польской коронѣ ²⁾.

Но всѣ эти старанія императорскихъ и чешскихъ пословъ были напрасны. Полякамъ понравился только самъ посланникъ Розенбергъ, какъ природный Чехъ и „Славянинъ“; само-жь его посольство не достигло своей цѣли ³⁾.

Ненависть Поляковъ къ Пѣмцамъ была такова, что когда на сѣздѣ Краковскомъ Іоаннъ Мышковскій произнесъ только имя императора, поднялся противъ него такой крикъ, что чуть его не прогнали изъ собранія. Подобное тому случилось и на избирательномъ сеймѣ. Когда епископъ Плоцкій, желая склонить Мазовчанъ къ выбору Эрнста, показалъ имъ его портретъ, то сенаторъ Вольскій сталъ нападать на домъ австрійскій, который-де поработилъ уже довольно королевствъ, и свое богатство и свою силу употребить, навѣрное, къ притѣсненію польской свободы. Особенно сильно возставалъ противъ австрійскаго дома Ходкевичъ, такъ что послѣ его рѣчи никто не смѣлъ уже вспомнить объ Эрнстѣ. Сами императорскіе послы, по одному свидѣтельству, и ихъ свита, все природные Чехи, подружившись съ Поляками на пиршествахъ и увидѣвъ свободу ихъ, вспомнили, что и они прежде пользовались таковою же, но что потомъ ее у нихъ отняли, стали притѣснять ихъ налогами, и стремиться истребить ихъ языкъ; поэтому, и они, какъ братья, стали предупреждать Поляковъ, остерегаться австрійскаго ига ⁴⁾.

Розенбергъ произвелъ на Поляковъ такое благопріятное впечатлѣніе, что уже тогда нѣкоторые Поляки желали его имѣть королемъ.

¹⁾ *Litterae a statibus regni Bohemiae ad ordines regni Poloniae et M. D. Lithuaniae et Legatio a statibus Bohemiae ad ordines regni Poloniae*, и отвѣты польскихъ и литовскихъ чиновъ знаемъ изъ рукописи университетской бібліотеки Варшавской (№ 394, fol. 192—200). Сравни. польскую хронику І. Вальскаго (693), и соч. Трачевскаго (426).

²⁾ Письмо французскаго посла въ Германіи, Шомберга, къ герцогу 'Анжу, 29-го августа 1572 г. (Noailles III, 290).

³⁾ Heidenstein *Res. polon.* 25.

⁴⁾ Граціани, секретарь папскаго нунція въ Польшѣ, кардинала Коммендони (*Vita Commendoni*, ed. Patav. 1685, 212, сокращено у Памциевича: *Zbiór pamiećników*, I, 56).

На избирательномъ сеймѣ (1573 года 7-го мая) популярный Станиславъ Шафранецъ, вмѣстѣ съ Станиславомъ Горкою, предложили Розенберга, какъ челоѣвка богатаго, славнаго происхожденія и Чеха. Но этотъ планъ не удался: избранъ былъ французскій принцъ Генрихъ Валуа ¹⁾).

Поляки хотя и не исполнили желанія императора, однако очень радушно отнеслись не только къ его посламъ Чехамъ, но и поблагодарили чешскихъ чиновъ за ихъ посольство. Они считали его знакомъ особой пріязни обоихъ королевствъ и народовъ, чешскаго и польскаго, которые произошли отъ крови двухъ братьевъ; обѣщали соблюдать стародавнюю дружбу съ родственнымъ Чешскимъ народомъ, союзными братьями и друзьями своими, при какомъ бы то ни было королѣ; положили, что во всякомъ случаѣ польскій король долженъ будетъ соблюдать стародавнія связи съ родственнымъ народомъ чешскимъ и не будетъ относиться къ нему враждебно. Чешскіе же чины, съ своей стороны, принявъ съ благодарностью этотъ отвѣтъ Поляковъ, просили императора и короля возобновить всѣ древніе договоры между королевствами чешскимъ и польскимъ, жившими всегда въ хоронемъ сосѣдствѣ и согласіи, братствѣ и любви ²⁾.

Польскій престолъ упразднился уже черезъ годъ послѣ бѣгства новоизбраннаго короля Генриха. Въ числѣ кандидатовъ на польскій престолъ явились и Габсбурги, самъ императоръ Максимилианъ и эрцгерцоги Эрнстъ и Фердинандъ. Посломъ отъ Максимилиана въ Польшу былъ Розенбергъ.

Но противъ кандидатуры императора образовалась вновь сильная оппозиція. На сѣздахъ шляхты, равно какъ и на избирательномъ сеймѣ, раздавались ѣдки рѣчи противъ Нѣмцевъ вообще, и противъ императора, и опять выставлялись, въ примѣръ Полякамъ, лишенные своей свободы, Чехи. Тогда выставлена и кандидатура Розенберга. Ее поддерживали многіе Поляки, особенно часть мелкой шляхты, а изъ вліятельныхъ лицъ Шафранецъ, Горки, Зборовскіе, Фирлей и другіе, желая имѣть королемъ Розенберга, какъ „папа стариннаго рода и Чеха, челоѣвка своей крови и своего языка и природнаго своего брата“ ³⁾.

¹⁾ Современный событіямъ авторъ Orzelski: *Bezkrólewia Książ ósmiego sęyli dzieje Polski 1572—1576* (изд. 1856 г. II, 169).

²⁾ Отвѣты польскихъ и литовскихъ чиновъ на письмо и посольство чешскихъ чиновъ 21-го апрѣля 1573 г. (въ рукоп. Варшавск. библ. № 394). Постановленія чешскаго сейма 1574 г.

³⁾ О кандидатурѣ Розенберга сравн. особенно Орельскаго и Генденштейна, также его современную біографію Брезана (*Zivot Vil. Rosenberka* 208, 221).

Но избраніе чешскаго папа въ польскіе короли не удалось, и тогда Поляки раздѣлились на двѣ партіи: сенаторы вельможи избрали императора Максимилиана, шляхта — Стефана Баторія. Тогда-то Розенбергъ отправился и въ Польшу. Въ Андреевѣ онъ былъ торжественно принятъ Поляками; всѣ передъ нимъ встали съ открытыми головами и посадили его на первое мѣсто. Здѣсь (29-го января 1576 г.) чешскій министръ держалъ къ нимъ длинную рѣчь въ пользу императора, на чешскомъ языкѣ, „Полякамъ болѣе пріятномъ и понятномъ“ ¹⁾.

Между тѣмъ отправилась въ Вѣну къ самому императору польская депутація съ тѣмъ, чтобъ объявить ему его избраніе въ короли одною изъ партій и имъ была принята 18-го января 1576 года. На польскую рѣчь вождя этой депутаціи Серадзскаго, воєводи Ласкаго, императоръ, извиняясь, что не знаетъ по польски, отвѣтилъ на чистѣйшемъ чешскомъ языкѣ, къ большому удовольствію пословъ ²⁾.

Предстоящему избранію чешскаго короли въ польскіе очень обрадовались Чехи. „Если всемогущій Господь Богъ“, говорили чешскіе чины на сеймѣ 1576 года, „королевствамъ Чешскому и Польскому дать одну голову, то это, навѣрное, послужитъ къ прославленію и распространенію языка славянскаго между всѣми народами, и врагамъ всего христіанства къ немалому страху“ ³⁾.

Но и тутъ императору не удалось добиться короны Ягайловичей. Еще меньше посчастливилось обоимъ эрцгерцогамъ, послы которыхъ, между прочимъ, восхваляли и ихъ знаніе, близкаго къ польскому, чешскаго языка ⁴⁾.

Десять лѣтъ спустя, по смерти короля Стефана (1586 г.), Габсбурги опять стали домогаться польскаго трона. Кандидатами выставлены были сначала нѣсколько эрцгерцоговъ, а потомъ одинъ изъ нихъ — Максимилианъ. Старая исторія повторяется: не смотря на проявившуюся ненависть противъ Нѣмцевъ, одна польская партія провозгласила себя въ пользу Максимилиана.

Главнымъ посломъ Габсбурговъ въ Польшѣ былъ и тогда чеш-

¹⁾ Orzelski II, 50, 70; III, 69; Niemcewicz: Zbiór pam. II, 99.

²⁾ Tomek (Časop. Česk. Mus. 1851, II, 122); Albertrandy: Panowanie Henr. Walez. i Stefana Bat. (Kraków, 1849, 58).

³⁾ Постановленія чешскаго сейма 1576 года, статья «о королевствѣ Польскомъ».

⁴⁾ Tomek (Časop. Česk. Mus. 1851, II, 116); Albertrandy 37; Orzelski II, 183; Heidenstein, 74. Сравни. также памятники Дачицкаго изъ Геслова (Časop. Česk. Mus. 1828, II, 81).

скій панъ, Оломуцкій епископъ Станиславъ Павловскій. Онъ долженъ былъ, между прочимъ, представлять Полякамъ, что эрцгерцоги хотя и не знаютъ польскаго языка, но говорятъ на чешскомъ и посредствомъ его скорѣе выучатся и по польски. Въ рѣчи же своей къ польскимъ чинамъ (14-го августа 1587 г.) Павловскій, предлагая избрать въ короли одного изъ Габсбурговъ, между прочимъ восклицаетъ, что этого требуютъ отъ Поляковъ первые основатели и праотцы чешскаго и польскаго народовъ, ихъ сосѣдство, древніе союзы и договоры, и наконецъ, ихъ „сходство въ языкѣ, нравахъ и законахъ“ ¹⁾.

И Чехи рады были ожидаемому возвышенію своей королевской династїи, и что „сроднятся Ляхи, Мораване и Чехи и будетъ новая утѣха“ ²⁾. Въ то же время и Полякъ Папроцкій, приверженецъ австрійской партїи, выражалъ надежду, что подъ правленіемъ Габсбурговъ и Поляки, подобно Чехамъ, успокоятся и возвысятся ³⁾.

На этотъ разъ дѣло кончилось не такъ мирно, какъ прежде. Максимилианъ, отвергаемый большинствомъ Поляковъ, задумалъ добиваться польскаго трона съ оружіемъ въ рукахъ, но былъ разбитъ подъ Бичиной (1588 г.) и поплатился за свою попытку плѣномъ. Радость по поводу пораженія Максимилиана была тогда въ Польшѣ общею. Съ восторгомъ воспѣваютъ современные польскіе поэты эту неудачу Нѣмцевъ, природныхъ враговъ Польши, погубившихъ Чеховъ и Угровъ и готовившихся то же самое сдѣлать и съ Поляками, и восхваляютъ побѣдителя Бичинскаго, гетмана Іоанна Замойскаго, прославившаго Бичину на весь мїръ, на печальную вѣсть Нѣмцамъ, и противившагося австрійскому тиранству; за то онъ будетъ славенъ передъ другими славянскими богатырями. Но не только современники, но и позднѣйшіе Поляки считали большою заслугою Замойскаго, что онъ помѣшалъ избранію Габсбурга, и такимъ образомъ, спасъ свой народъ отъ несчастной судьбы Чеховъ ⁴⁾.

¹⁾ Mayer: Stan. Pawłowski Gesandtschaftsreisen nach Polen, 252, 322.

²⁾ Современная пѣснь 1588 г. (Jireček: Rozprawy, 78). Сравни. выше слова Бенешовскаго.

³⁾ Pamięć nierządu w Polsce r. 1587. Папроцкій посвятилъ это стихотвореніе Розенбергу и надѣется, что онъ, любимый и уважаемый Поляками, успокоитъ ихъ отечество. (Изд. Туровскаго, при «Hetman» 41, 55).

⁴⁾ Сравни. оды Іоан. Вальскаго (I, VI, XIV. Carminum liber, Crac., 1588) и Гроковского пѣснь «Kallioru Słowiańskiej na zwycięstwo pod Wyszyną» (въ собранїи его повзій 1607 г., стр. 449); Piasecki Chron. (106, 269).—Максимилианъ вѣтлѣ и на царскій престолъ русскій еще при жизни царя Феодора, какъ видно

Первою заботой императора Рудольфа было освободить Максимилиана изъ тюрьмы. Для этой цѣли явился, уже въ третій разъ, Розенбергъ въ Польшу. Первое свиданіе его съ Замойскимъ произошло на границѣ силезско-польской, въ Старинѣ (въ февраль 1589 года). Здѣсь завязался между обоими западно-славянскими государственными людьми замѣчательный разговоръ о славянскихъ дѣлахъ того времени. Замойскій напомнилъ Розенбергу, что онъ, какъ Чехъ, долженъ заботиться прежде всего объ интересахъ Славянскаго народа, который прежде былъ столь славенъ и могущъ, а теперь, по большей части, глубоко упалъ. Одни-де только Чехи и Поляки берегутъ еще достоинство и свободу Славянскаго народа. Онъ, Розенбергъ, занимая въ стародавнемъ процвѣтающемъ Чешскомъ королевствѣ первое мѣсто, можетъ считаться первенствующимъ лицомъ всего народа Славянскаго и поэтому долженъ болѣе заботиться о достоинствѣ и свободѣ своего народа, чѣмъ служить чужой жадности и быть помощникомъ ихъ притѣсненію. Не только весь христіанскій міръ, обращаетъ особое вниманіе на трактуемое нынѣ дѣло, но о немъ будетъ судить и потомство; поэтому онъ долженъ стараться опровергнуть мнѣніе, будто-бъ онъ противился интересамъ Славянскаго народа. Даже если бы послѣ всѣхъ страшныхъ бѣдствій войны Поляки были побѣждены, какая же произошла-бъ изъ этого выгода Чехамъ кромѣ той, чтобъ они сами позорно предали родственные народы чужому рабству, и не безъ большой опасности для самихъ себя, способствовали къ распространенію господства Нѣмцевъ и къ приготовленію и себѣ такой судьбы, которая постигла другіе славянскіе народы. По всѣмъ этимъ причинамъ Замойскій выразилъ надежду, что Розенбергъ несомнѣнно больше подумаетъ о своемъ народѣ и о своемъ отечествѣ, чѣмъ о чужомъ могуществѣ и честолюбіи. Розенбергъ, внимательно выслушавъ эти слова, отвѣтилъ, что онъ постыгитъ такъ, какъ этого требуетъ благо отечества и вѣрность къ его государю. Въ продолженіе переговоровъ Замойскій, замѣтивъ, что королевства Угорское и Чешское поставлены въ числѣ наслѣдственныхъ земель австрійскаго дома, обратилъ на эту ошибку вниманіе Розенберга, который былъ очень благодаренъ за такую любезность ¹⁾.

изъ письма короля Стефана Тарновскому 1585 г. (Źródła do dziejów pol., wyd. Grabowski i Przędziński, I, 62).

¹⁾ Содержаніе разговора Замойскаго съ Розенбергомъ передалъ секретарь перваго Гейденштейнъ. Сравни также отчетъ Розенберга императору у Майера (Stan. Pawłowski 415).

Нѣсколько дней спустя Максимилианъ, отказавшись отъ польскаго престола, былъ освобожденъ изъ тюрьмы.

Эти событія, впрочемъ, нисколько не помѣшали дружескимъ отношеніямъ Чеховъ и Поляковъ. Между королевствами Чешскимъ и Польскимъ были возобновлены всѣ древніе договоры и союзы, и по прежнему восстановлены „искренняя любовь, согласіе и хорошее сосѣдство“ ¹⁾. Дружескія отношенія обоихъ западно-славянскихъ государствъ продолжались ненарушимо до роковаго 1618 года.

Равно какъ въ первой половинѣ XVI вѣка, польскіе вельможи, по примѣру чешскихъ пановъ, домогались первенства передъ мелкою шляхтой, такъ, съ другой стороны, въ Чехіи въ началѣ XVII вѣка составленъ былъ Вячеславомъ Вхинскимъ планъ — преобразовать Чешское государство въ такую же шляхетскую республику, какъ была Польша. Когда жъ одинъ иностранный посланникъ при императорѣ въ Прагѣ замѣтилъ автору этого проекта его сходство съ польскимъ государственнымъ устройствомъ, то Вхинскій ему отвѣтилъ, что вѣдь „Чехи и Поляки—братья“ ²⁾.

Между тѣмъ и въ Польшѣ, и въ Чехіи произошли важныя перемѣны, которыя повліяли и на ихъ взаимныя отношенія. Польскій тронъ занялъ король-иезуитъ Сигизмундъ III, и его содѣйствіемъ распространилась въ Польшѣ усердная и успѣшная пропаганда въ пользу исключительнаго католицизма и радикальная реакція противъ многочисленныхъ некатоликовъ, или какъ ихъ называли, „схизматиковъ“ и „еретиковъ“. Съ другой стороны, католицизмъ въ Чехіи сильно упалъ, и некатолики „еретики“ (лютеране, чешскіе братья и утраквисты) приобрѣли себѣ важныя права и свободу. Такимъ образомъ, отношенія Чеховъ къ польскому правительству—но еще не къ польскому обществу—значительно измѣнились.

Чехи могли разчитывать на симпатіи Польши, какъ единоплеменники, но какъ „еретики“, они возбуждали ненависть строго католическаго польскаго правительства. Во взаимныхъ отношеніяхъ обоихъ

¹⁾ Чешскій сеймъ 1589 г., памятники Дачицкаго (Савор. *Česk. Mus.* 1828, II, 92). О событіяхъ по поводу кандидатуры Максимилиана сравн. особенно вышеупомянутую статью Томка. О сраженіи Бичинскомъ существуетъ, между прочимъ, и одно русское донесеніе (Памятники диплом. сношеній I, 1159).

²⁾ Gindely: *Kaiser Rudolf II und seine Zeit* (I, 340). О стремленіяхъ польскихъ вельможъ во время, такъ-называемой, кокошьей войны 1536 г. см. Бѣльскаго, *Хрон. польск.* (577).

славянскихъ народовъ случилось то же самое, что мы видѣли, два столѣтія тому назадъ, во время гуситскаго движенія.

Въ 1618 году Чехи возстали противъ своего короля изъ дома Габсбурговъ. Возстаніе Чеховъ взволновало тогда всю Европу и отразилось и на сосѣдней Польшѣ. Король Сигизмундъ, въ самомъ началѣ столкновенія Чеховъ съ императоромъ и королемъ Матвѣемъ, старался уладить дѣла между ними. Поэтому (17-го сентября 1618 года) онъ просилъ Чеховъ отказаться отъ всякихъ непріязненныхъ дѣйствій, замѣчая, что онъ очень скорбитъ о ихъ возстаніи по поводу „привязанности и любви къ этому королевству, которое съ нашимъ жило уже при нашихъ предкахъ и бывшихъ короляхъ польскихъ въ хорошемъ сосѣдствѣ и согласіи“. Въ такомъ смыслѣ писалъ онъ и Силезцамъ. Съ другой стороны, онъ старался повліять и на императора въ смыслѣ примиренія съ Чехами ¹⁾.

Когда же Чехи выбрали себѣ въ короли курфирста Пфальцскаго Фридриха, то въ Прагу явились послы короля польскаго, съ увѣщаніемъ примириться съ императоромъ. Чешскіе члены отвѣтили Сигизмунду (14-го ноября 1619 года), что не могутъ ужъ отказаться отъ новоизбраннаго короля и просили его, чтобы онъ не переставалъ благопріятствовать и покровительствовать чешской коронѣ „ради большой дружбы и согласія, существующаго между обоими королевствами и народами, чешскимъ и польскимъ, и ради единого языка и единого начала обоихъ народовъ и стародавнихъ, всегда исполнѣ соблюдаемыхъ, договоровъ и союзовъ“ ²⁾.

Сигизмундъ и строго католическая партія въ Польшѣ съ негодованіемъ смотрѣли на развитіе дѣлъ въ Чехіи. Многіе польскіе вельможи, духовные и свѣтскіе, были готовы на всѣ услуги австрійскому дому; да и самъ старый гетманъ Жолкевскій, узнавъ о выборѣ пфальцграфа Фридриха, замѣчаетъ, что „нечестно и непріятно смотрѣть на все это, сложа руки; кто знаетъ, что намѣреваются дѣлать эти еретики“ ³⁾.

Но такъ какъ общественное мнѣніе въ Польшѣ было противъ

¹⁾ Современные Pavel Skála ze Zhoře (Historie Česká od v. 1602—1622, vyd. Tieftrunk, II, 397, 442), и Khevenhiller (Annal. Ferdinandeï, IX, 199).

²⁾ P. Skála, III, 398; Khevenhiller, IX, 332, 632.

³⁾ Письмо его къ великому секретарю Задзюку 1619 г. (Zbiór pamiętników histor. o dawnéj Polsce, VI, 295). Много писемъ по чешскимъ дѣламъ, см. у Мосбаха: Wiadomości do dziejów polskich.

вмѣшательства въ чешскія дѣла и вообще противъ всѣхъ враждебныхъ дѣйствій относительно Чеховъ, то король, не рѣшаясь дѣйствовать по своему собственному желанію, созвалъ въ концѣ 1619 года сеймъ въ Варшавѣ и предложилъ ему на обсужденіе угрожающую Польшѣ, со стороны Силезіи и Угріи, опасность и печальное положеніе католицизма во владѣніяхъ императора. Но сеймъ не соглашался со взглядами короля, совѣтовалъ никакъ не вмѣшиваться въ чешскія дѣла въ пользу императора и обращалъ вниманіе на то, что австрійскій домъ никогда не благопріятствовалъ Польшѣ, а потому и король ничѣмъ ему не обязанъ. Напротивъ, корона польская имѣетъ съ чешскою стародавніе договоры и дружескія связи, жила съ нею до сихъ поръ въ дружелюбномъ согласіи и мирѣ. Кромѣ того, пусть король сообразитъ, что споръ Чеховъ съ Габсбургами не касается одной только религіи, по стародавнимъ привиллегіямъ чешскихъ, которыя Чехи справедливо пріобрѣли себѣ отъ прежнихъ своихъ королей. Впервыхъ, дѣло идетъ о свободномъ выборѣ короля; еслибы Поляки задумали помѣшать этому похвальному обычаю, то, по справедливому Божьему наказанію, могла-бъ и ихъ постичь подобная участь, за которую-бъ отвѣтствовали своимъ потомкамъ ¹⁾.

Тогда (1619 г.) издалъ одинъ „Богу, королю и отечеству вѣрный польскій шляхтичъ“ интересную брошюру, излагая въ ней семьдесятъ важныхъ причинъ, по которымъ королю польскому, сенаторамъ и шляхтѣ не слѣдуетъ сопротивляться неизбѣжной самозащитѣ въ Угріи и Чехіи. Авторъ, между прочими причинами, приводитъ и тѣ, что Угры и Чехи защищаютъ самое справедливое дѣло противъ Австрійцевъ, что Чехи и Поляки одного происхожденія, отъ братьевъ Чеха и Лѣха, и что силезскіе князья—настоящіе наслѣдники королей польскихъ: идти безъ справедливой причины на ихъ истребленіе не что иное, какъ свирѣпствовать въ собственныхъ внутренностяхъ ²⁾.

¹⁾ Объ этомъ «сеймѣ» (вѣроятно, только собраніе коронныхъ совѣтниковъ), знаемъ изъ рукописной части исторіи Скалы (IX, 580, подлинники въ бібліотекѣ чешскаго музея).

²⁾ *Septuaginta graves et arduae rationes, ob quas regem Poloniae, nec non senatores et nobilitatem regni defensionem in Hungaria, Bohemia et alibi locorum inevitabili necessitate susceptae, non adversari decet etc.* (Posonii, 1619); также в польскихъ; но-чешски приводитъ ихъ Скала (рукоп. IX, 58). Авторъ—князь Юрій Збаражскій, братъ вышеупомянутого Христофора, потомокъ литовскихъ Корыбутовичей. Противъ этой брошюры издалъ отвѣтъ Плоцкій епископъ Стан. Дубенскій (*Responsio ad 70 rationes*, 1620). Изъ брошюры I. Зречицкаго (Nowiny

И силезскіе князья, и чины старались отвратить Польшу отъ всякаго вмѣшательства въ чешскія дѣла. Въ письмѣ (29-го мая 1620 г.) къ польскимъ сенаторамъ, они защищаютъ полное право Чеховъ выбирать себѣ королей и указываютъ, между прочимъ, на древніе договоры, заключенные между славными королевствами Польскимъ и Чешскимъ, между двумя народами, тѣсно родственными по происхожденію, языку и учрежденіямъ; говорятъ, что прежніе короли польскіе, Владиславъ Ягайло и Казиміръ не предпринимали ничего враждебнаго противъ Чеховъ, и что Поляки помогали имъ тогда противъ королей Сигизмунда и Альбрехта Австрійскаго. Если Польша теперь будетъ помогать императору, то со временемъ угрожаетъ опасность и польской свободѣ. Въ концѣ своего письма Силезцы, во имя единства происхожденія и языка чешскаго и польскаго, просятъ сенаторовъ, чтобъ они хорошо извѣстили короля о положеніи дѣлъ чешскихъ ¹⁾.

Король Сигизмундъ, не могши явно вмѣшаться въ чешскія дѣла въ пользу императора, постарался, по крайней мѣрѣ, косвенно дѣйствовать противъ ненавистныхъ еретиковъ и позволилъ извѣстнымъ казакамъ-лисовчикамъ, этому „сброду воровъ и разбойниковъ“, какъ ихъ называютъ Чехи, вторгнуться въ Угорскія и Чешскія земли ²⁾. Эти лисовчики участвовали и въ роковомъ для Чешскаго государства сраженіи на Бѣлой Горѣ, 8-го ноября 1620 года.

Такимъ образомъ и Польша, хотя косвенно, способствовала паденію Чехіи. О тѣхъ же самыхъ Чехахъ, которыхъ, вмѣстѣ съ Поля-

---

z Czech i o przegródzeniu tych ludzi, 1619 г.) видно, что Краковскіе Жиды, Гданьчане, Зборовская конгрегация и друг. послали Чехамъ деньги и разныя матеріалы.

¹⁾ Ad senatores regni Poloniae scriptum silensium (современная печать). Силезцы отправляли посольство въ Польшу отъ всей короны чешской еще вслѣдъ за Бѣлогорскимъ сраженіемъ и заявили на польскомъ сеймѣ (3-го декабря 1620 года) желаніе, чтобъ «оба братскія королевства жили по прежнему въ дружескихъ отношеніяхъ». Поляки, принимая съ благодарностью это заявленіе, замѣтили, что надо было ожидать того отъ родственниковъ и единоплеменныхъ народовъ». *Mozbach, Dwa poselstwa do Polski*, 68, 116).

²⁾ Противъ выселин лисовчиковъ въ Чехію и въ Угрію являлись протесты въ самой Польшѣ. Такъ, напримѣръ, протестовали депутаты Краковскаго воеводства. (*Zbiór pamiętników*, VI, 282); Мат. Золецкій совѣтуетъ лисовчикамъ не вмѣшиваться въ чужія дѣла и обратить оружіе противъ Турокъ (*Copia listu utrapionej ojszuzy do gycerstwa Lisowskiego*, 1621). Военныя дѣйствія этого бича славянскаго описалъ вышеупомянутый Демболовцкій. Разныя подробности о лисовчикахъ см. въ обширной ихъ исторіи М. Дзедушицкаго.

ками, назвалъ первыми представителями Славянскаго народа еще тридцать лѣтъ тому назадъ величайшій государственный человѣкъ Польши Замоискій, — о тѣхъ же Чехахъ писали тогда въ Польшѣ, напримѣръ, слѣдующее: „Хотя Чешскій народъ считается родственнымъ Полякамъ, такъ какъ оба народа производятъ свое начало отъ двухъ родныхъ братьевъ, — но онъ все таки сильно отдалился отъ польской доблести и отъ польскаго духа; онъ — народъ, во всемъ подходящій къ Москвѣ“¹⁾.

Со времени паденія Чешскаго государства и вслѣдствіе наступившихъ въ немъ многочисленныхъ перемѣнъ въ политическомъ и національномъ его отношеніяхъ, измѣнились и взаимныя связи между Чехами и Поляками, и если продолжали обнаруживаться, то по большей части, только на научномъ поприщѣ.

Но само паденіе независимости Чеховъ, и вслѣдствіе того, усиленіе Габсбурговъ, не переставало возбуждать въ Полякахъ тяжелыя и непріятныя чувства. Когда (1683 г.) король Іоаннъ Собѣсскій сталъ собираться на помощь императору противъ Турокъ, то на сеймѣ, въ печати и пр. раздались громкіе голоса противъ такого плана. „Мы никогда не хотѣли государей изъ австрійскаго дома, а теперь мы должны взяться за оружіе, чтобъ удержать подъ ихъ игомъ нашихъ братьевъ въ Угріи, Моравіи, Чехіи и Хорватіи. Не Турки, а Бранденбургъ и Австрія — вотъ наши вѣковые враги!“²⁾.

6. Духовныя связи Чеховъ и Поляковъ. — Христіанство. — Чешская и польская шляхта. — Университеты Пражскій и Краковскій. — Единство чешскихъ братьевъ въ Польшѣ. — Чешскій языкъ въ Польшѣ. — Взглядъ Поляковъ на чешскія дѣла.

Рядомъ съ тѣсными взаимными отношеніями Чеховъ и Поляковъ въ области политической, международной, сложились и ихъ взаимныя духовныя связи.

Чехи (съ Мораванами) раньше являются на историческомъ поприщѣ, чѣмъ Поляки; они раньше принимаютъ христіанство и христіанско-европейскую культуру. Все это переходитъ къ ближайшимъ ихъ сосѣдямъ и соплеменникамъ Полякамъ преимущественно отъ нихъ.

¹⁾ Bart. Pogodziński: Nowiny z Czech i o przyrodzeniu tych ludzi (1620). О военныхъ событіяхъ въ Чехіи того времени есть нѣсколько брошюръ польскихъ, о которыхъ сравн. особенно Дзедушицкаго.

²⁾ Rogalski: Dzieje Jana III Sobieskiego, 130.

Изъ Великой Морави распространились зачатки христіанства и къ южнымъ ляхскимъ племенамъ, именно на верхнюю Вислу. Позже, посредствомъ Чеховъ, чешской княжны Добравы, князь польскій Мечиславъ принялъ христіанство. Латинскій обрядъ восторжествовалъ въ Чехіи, равно какъ и въ Польшѣ, не безъ содѣйствія втораго епископа Пражскаго, Славниковича Войтѣха. Войтѣхъ, равно какъ Кириллъ, Меодій и Вячеславъ, сдѣлались общими патронами Чеховъ и Поляковъ, стоя рядомъ съ св. Станиславомъ¹⁾. Король Владиславъ-Ягайло передъ сраженіемъ Танненбергскимъ надѣется на помощь святыхъ польскихъ патроновъ, Станислава, Вячеслава и Войтѣха. Длугошъ, оканчивая свой историческій трудъ, благодарить тѣхъ же святыхъ. Побѣду Хотинскую (28-го сентября 1621 года, день св. Вячеслава) нѣкоторые Поляки приписывали помощи „чешскаго князя св. Вячеслава, одного съ Поляками происхожденія“²⁾.

Взаимныя связи между Чехами и Поляками поддерживались и частымъ переходомъ дворянскихъ, или какъ у обоихъ назывались, шляхетскихъ родовъ. Особенно въ Польшѣ многіе роды производились изъ Чехіи, напримѣръ, Окша, Венява, Огончигъ, Одровонжъ, Помянъ и друг.³⁾ Чешская и польская шляхты, имѣя одинаковый корень, то-есть, древне-славянскій родовой бытъ, поддерживали дружескія отношенія и сознание сходства и братства до позднѣйшихъ временъ⁴⁾.

Съ половины XIV вѣка многіе Поляки стали посѣщать вновь открытый Пражскій университетъ, составляя одну изъ четырехъ его націй. Въ самомъ концѣ этого столѣтія (1397 г.) учреждена польскою королевою Ядвигой въ Прагѣ для литовскихъ студентовъ особая коллегія (родъ семинаріи), которая поручена надзору трехъ Че-

¹⁾ Сравни. приведенныя выше *Officia patron. prov. Polon.* Съ другой стороны чешскій король Премысль II Отокаръ является большимъ почитателемъ св. Станислава (*Dogiel Cod. dipl. г. Polon, I, 1; Niemcewicz: Zbiór pamiętników I, 309.*)

²⁾ *Kobierzyski: Historia Vladislai principis, 824.* Самое имя Вячеслава «Wacław» Поляки приняли прямо отъ Чеховъ; въ древней польщизнѣ XIV вѣка встрѣчается польская форма этого имени «Wanclaw».

³⁾ Сравни. генеалог. сочиненія Длугоша, Папроцкаго, Ожольскаго, Несецкаго. Шайноха (*Nowe szkice histor., 781*) выводитъ всѣ гербы польскіе изъ Чехіи.

⁴⁾ Сравни. выше о кокошьей войнѣ, о Розенбергѣ въ Польшѣ, о планіи Вхванскаго; о посѣщеніи Адамомъ изъ Штернберга Луки Горки 1584 г. (*Савор. Cesk. Mus. 1830, 441*) и пр. Замѣтимъ здѣсь, что и древне-польская шляхта XIV—XV вѣковъ раздѣлялась, какъ чешская, всегда на два разряда: шляхтичей (*nobiles*) и владыкъ (*milites*).

ховъ (монаха Іоанна изъ Щекни и Пражскихъ мѣщанъ Крижа и Нѣбра), а позже и проповѣднику достопамятной часовни Виолеемской. Студенты польскіе и литовскіе посѣщали Пражскій университетъ до второй половины XV вѣка, то-есть, до запрещенія папы, чтобы никто не приходилъ въ „еретическій“ университетъ Пражскій (1469 г.)¹⁾.

По примѣру Пражскаго, устроенъ былъ университетъ или академія въ Краковѣ (въ 1364 году), возобновленная Владиславомъ-Ягайломъ въ 1400 году. По его словамъ, она должна была просвѣщать Польшу и возвышать такъ, какъ Пражскій университетъ Чехію. Сюда перешли и многіе профессора изъ Праги, польскаго, чешскаго и нѣмецкаго народа²⁾.

Особенно тѣсныя и дружескія сношенія завязались между Чехами и Поляками вслѣдствіе переселенія многихъ приверженцевъ церкви единства чешскихъ братьевъ въ Польшу. Чешскіе братья, съ самаго ихъ начала преслѣдуемые и католиками и утравкистами, наконецъ, послѣ чешскаго возстанія (1547 года), вынуждены были выселиться изъ Чехіи (1548 году). Они, не зная, куда обратиться, выбрали, наконецъ, страну родственныхъ себѣ по языку Поляковъ³⁾. Въ Польшѣ единство чешскихъ братьевъ скоро пріобрѣло себѣ большое значеніе вмѣстѣ съ остальными протестантскими церквами лютеранъ и кальвинистовъ. Братья основали много „сборовъ“ (церквей), особенно въ Великой и въ Малой Польшѣ, и скоро стали считать въ своихъ рядахъ много приверженцевъ изъ знатныхъ родовъ польскихъ, особенно великопольскихъ—Лещинскихъ, Кротоскихъ, Остророговъ и друг. Въ Польшѣ они издавали чешскія книги и переводили ихъ на польскій языкъ⁴⁾.

¹⁾ О польскихъ студентахъ въ Пражскомъ университетѣ (1367—1467 гг.) см. Monumenta histor. univers. Prag. I, оттуда у Мучковскаго Wiadomości o założeniu univers. w Krakowie; о Литовской коллегіи—Monum. II, папская грамота 1469 г. Theiner: Monum. Polon. histor., II. 164. Въ началѣ XV вѣка магистръ Андрей изъ Вроду въ числѣ народовъ въ Пражскомъ университетѣ приводитъ не только Поляковъ, но и Русскихъ esse Pluteni, esse Rutheni, esse Poloni etc. (Script. rer. hussit. II, 155).

²⁾ Мучковскій, 73, Длугошъ, lib X, p. 167). Въ драмѣ Academia Cracoviensis (1537 г.) Польша разказываетъ Чехамъ объ учрежденіи Краковской академіи Казиміромъ и объ ея упадкѣ; Чехія же утѣшаетъ Поляковъ, что и у нихъ будетъ такой университетъ, какъ Пражскій.

³⁾ Comenius: Hist. fratrum bohem., 28.

⁴⁾ Напримѣръ, чешскій канціональ въ Шамотулахъ (1561); польскій его переводъ вышелъ въ Королевцѣ 1554 г.

Съ оставшимися въ Чехіи и особенно въ Моравіи братьями, польскіе братья находились всегда въ самыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ. Польскіе братья часто посѣщали съѣзды чешско-моравскихъ братьевъ, собираемые особенно въ Моравіи, въ Преровѣ, Линникѣ, Слезонахъ и пр., и здѣсь трактовали и о своихъ дѣлахъ; свою молодежь посылали на воспитаніе въ Чехію и Моравію ¹⁾. Съ другой стороны, и чешскіе, и моравскіе братья ходили въ Польшу и сюда же обратились они вновь, когда, послѣ Бѣлогорскаго сраженія, ихъ вторично изгнали изъ чешскихъ земель. Великопольское Лешно сдѣлалось ихъ средоточіемъ: здѣсь жилъ и дѣйствовалъ великій Коменскій, здѣсь издавались и многія книги на чешскомъ языкѣ еще до половины XVII вѣка.

Такимъ образомъ, Чехи и Поляки приходили въ самое близкое общеніе. По-польски говорилось и въ сборахъ чешскихъ и моравскихъ; съ другой стороны, и чешскій языкъ раздавался въ Польшѣ; такъ, напримѣръ, на съѣздѣ братьевъ чешскихъ и польскихъ (изъ Великой и Малой Польши и Литвы) въ Лешнѣ (1635 г.), Коменскій, по всеобщему желанію, держалъ проповѣдь на чешскомъ языкѣ ²⁾. Въ Польшѣ издавались многія чешскія книги, читались и переводились на польскій языкъ. Нѣкоторые знаменитые чешскіе братья, природные Чехи, сдѣлались и польскими писателями, такъ, напримѣръ: Рокита, Рыбискій, Турновскій и др. ³⁾.

Важнымъ послѣдствіемъ взаимныхъ отношеній Чеховъ и Поляковъ въ области духовной было значеніе чешскаго языка въ Польшѣ и его вліяніе на польскій языкъ.

Чешскій языкъ развился и установился гораздо раньше, чѣмъ польскій, и на немъ уже въ XIII — XIV вѣкахъ существовала довольно богатая литература не только духовная, но и свѣтская; съ начала

¹⁾ Чешскіе воспитатели требовались и въ Польшу, такъ, напримѣръ, въ 1608 г. Пражскій ректоръ Бахачекъ послалъ одного воспитателя пану Стадницкому (Sazor. Cesk. Mus. 1845, 624).

²⁾ Zoubek: *Život Jana Am. Komenského*, 32, 35.

³⁾ О чешскихъ братьяхъ въ Польшѣ сравн. сочиненія Благодслава, Ласитскаго, Коменскаго, Венгерскаго, Гинделя, Лукашевича, *Dekrety jednoty bratrské*, и пр. Братья Чехи, пишучи по-польски, часто употребляютъ чешскія слова, чистыя, или передѣланныя на польскій ладъ, напримѣръ: *podstatny*, *sprošnie kądobóć*, *zawirka*, *przeakażka*, *dziesiętek*, *rokrzycstwo*, *pry*, *przedni*, *z chuci* и др. Лукашевичъ, сообщая въ своихъ сочиненіяхъ о польскихъ диссидентахъ множество братскихъ памятниконъ польскихъ XVI вѣка, часто не понимаетъ такихъ словъ.

же XV вѣка, съ развитіемъ религіозно - національнаго движенія онъ приобрѣлъ себѣ во всей публичной жизни такое значеніе, о какомъ въ Польшѣ не было и помину. Польша все еще находилась подъ исключительнымъ господствомъ латинскаго языка, которое прекратилось только въ половинѣ XVI вѣка. До этого времени нельзя и говорить о какой-нибудь польской литературѣ; почти все писалось на латинскомъ языкѣ — статуты, лѣтописныя, историческія, духовныя и другія сочиненія; на польскомъ же языкѣ записывались только какъ-бы случайно, между прочимъ, нѣкоторыя духовныя пѣсни, статьи, части библіи, и наконецъ, переводы статутовъ и нѣкоторыя юридическія формулы.

Съ христіанствомъ перешли въ Польшу и чешскія духовныя пѣсни, молитвы и переводъ Библіи, и если въ теченіе времени они, подъ вліяніемъ мѣстнаго нарѣчія, и подвергались измѣненіямъ, то все-таки сохранили до XV вѣка болѣе или менѣе чехизмовъ, да и чистыхъ чешскихъ словъ и оборотовъ. Такіе чехизмы встрѣчаются въ пѣсняхъ Bogarodzica (приписываемой св. Войтѣху), *Salve regina*, въ пѣсни ко св. Маріи и др. Въ нихъ находимъ, на примѣръ, слова: *hospodiu, zvolena, wsławiona, nadzieje, ikajice i płacize, Jezis: pozechnoného, pŕod života tv'cho, svatého ducha schrána, pokład, dárce*, и проч. ¹⁾ То же самое видимъ и въ древне-польскихъ молитвахъ XV вѣка (Отче нашъ, Богородица, Вѣрую, и др.: *jenž jsi, tvá vuola, od zlého, s tabú, vstúpiš, z mrtvých vstaš, pane, wszechmogucu* (подлѣ *wszechmogący*), *pragnucu* (подлѣ *pragnący*), *pannu*, и др.; встрѣчается и исповѣдь на чисто чешскомъ языкѣ ²⁾).

Библію Чехи стали переводить по частямъ уже съ X вѣка. До начала XIV вѣка были уже переведены части Евангелія, Псалтырь и другія книги, а въ XIV вѣкѣ сдѣланъ былъ полный сводъ Библіи на

¹⁾ Wiszniewski, *Hist. lit. pol.* I, 384 (Bogarodzica также въ изд. Презвѣцкаго 1866, сравн. *Časop. Česk. Mus.* 1872, 335). Но подлѣ духовныхъ пѣсней съ чехизмами встрѣчаются такія пѣсни (съ начала XV вѣка) и на чистомъ польскомъ языкѣ (Wiszniewski, VI, 415, Maciejowski: *Piśmiennictwo polskie, Dodatki*). Чешскія слова пишемъ нынѣшнимъ правописаніемъ.

²⁾ Кеппенъ: *Собраніе словенск. памяти.*, 90, *Časop. Česk. Mus.* 1848, 93; Maciejowski: *Piśm. pol.*, *Dodatki* 47, 87, 100. Но гораздо чаще встрѣчаются чисто польскіе переводы безъ всякой чешской примѣси, или съ очень рѣдкими чехизмами, на примѣръ, диалогъ изъ конца XIV вѣка, житіе св. Власія нач. изъ XV вѣка, житіе св. Анны и Іоахима XV вѣка, разныя молитвы и проповѣди XV вѣка, и пр.

чешскомъ языкѣ. Между тѣмъ, полный сводъ Библии на польскомъ языкѣ былъ сдѣланъ только два вѣка спустя, въ началѣ второй половины XVI вѣка, хотя отдѣльныя попытки перевода частей Библии на польскій языкъ относятся къ XIV столѣтію. Чешскія библии переходили и въ Польшу, и здѣсь ими пользовались вмѣсто своихъ польскихъ, а позже и для перевода на польскій языкъ ¹⁾.

Чешскій переводъ Псалтири былъ извѣстенъ и польскому ея переводчику XIV вѣка, съ латинской вульгаты, но онъ пользовался имъ довольно благоразумно, сообразно духу польскаго языка. Въ польскомъ переводѣ остались только нѣкоторыя чешскія слова и формы, напримѣръ: *miłość* вмѣсто *miłość*, *lizat* вмѣсто *lizac*, *skutkuow* вмѣсто *skutków*, *czynie* вмѣсто *czynią*, *jej* (*gucy*) вмѣсто *ji* (*gy*), и другія. Большее вліяніе чешскаго языка замѣтно въ польскомъ переводѣ Библии, сдѣланномъ въ началѣ XV вѣка. Польскій переводчикъ, не заглядывая въ латинскую вульгату (кромя нѣкоторыхъ книгъ), прямо переводилъ или списывалъ съ чешскаго текста Библии по рецензій конца XIV и начала XV вѣка. Да часто и читалъ онъ неправильно; такъ, напримѣръ, онъ пишетъ „*na świecie*“ вмѣсто „*násieše se*“, „*stworzenie*“ вмѣсто „*stvrzenie*“, „*a konce*“ вмѣсто „*okence*“, „*wiek*“ вмѣсто „*węc*“ и проч.; повторяетъ и ошибки чешскаго переводчика: *szlachcionka*—*šlechtiena* (*nobilis* вмѣсто *nubilis*), *z cudzołożnej macierze*—*z cizolożné matere* (*de adultera matre* вмѣсто *de altera matre*) и проч.; употребляетъ много чисто чешскихъ словъ, напримѣръ, названія мѣсяцевъ: *brzezień*, *dęben*, *prosińec*“ и проч. ²⁾.

¹⁾ Чешская библия начала XV вѣка хранится въ (недоступной) библиотекѣ Замойскихъ въ Варшавѣ; другая (пис. 1476—1478 гг. въ Каменцѣ) была въ капитульной библиотекѣ Влоцлавской, теперь у г. Мухлинскаго въ Варшавѣ (*Biblioteka Warszaw.* 1872, III, 129).

²⁾ Обширно объ этомъ см. *Nehring: O psalterzu floryańskim* (1871); *Małecki: Biblia Królowej Zofii* (1871); *Jireček: Bibli staropolská* (*Časop. Česk. Mus.* 1872, 297, сравн. *Časop.* 1864, 136). Для сравненія приводимъ здѣсь начало библии древне-чешской (Лесковецкой) и древне-польской:

W poczacie stworzil Buoħ nebe y zemi, ale zemie bula neuzyteczna a prazdna, a tmy biechu nad twarzi propasty, a duch bozy nassiesse sie nad wodami. Y powiedye buoħ: bud swietlo, i stworzeno yest swietlo. A widyev boh swietlost, ze yest dobra, y rozdielil swietlost ode tmy, y nazwal yest swietlost dnem a tmy nocy.

Na poczotcze bog stworzyl niebo y szemyo, alye szemya bila nyenszyteczna a prozna, a czmi bili na twarzy przepaszczy, a duch boszy naszweczye nad wodamy. Y rzekl bog: hoďz szwyatlo, y stworzono szwyatloszcz. A uszrzal bog szwyatloszcz, ysze gest dobra, y rozszdzelyl szwyatloszcz ode czmi, y nazwal gest

Большее или меньшее количество такихъ чехизмовъ и вообще слѣдовъ чешскаго вліянія можно встрѣтить во всѣхъ памятникахъ духовной литературы польской до первой половины XVI вѣка. Но замѣтимъ, что въ отыскиваніи и опредѣленіи чехизмовъ въ польскихъ памятникахъ того времени надо быть очень осторожнымъ; въ число ихъ нельзя безусловно относить, напримѣръ, слова, которыя встрѣчаются въ древнемъ и нынѣшнемъ чешскомъ языкѣ, но которыя нѣтъ уже въ нынѣшнемъ польскомъ. Хотя оба западно-славянскіе языка, съ перваго появленія чешскаго и польскаго народовъ, являются уже вполне установившимися и опредѣленными, но все-таки ихъ сходство до сихъ поръ поразительно и въ лексикальномъ, и въ грамматическомъ отношеніи. Это сходство обнаруживается тѣмъ сильнѣе, чѣмъ дальше мы заглядываемъ назадъ. Многія слова могли быть извѣстны и древнимъ Полякамъ, и Чехамъ, но уцѣлѣли только у послѣднихъ, между тѣмъ какъ у первыхъ вышли изъ употребленія или замѣнены другими. Такъ, въ нѣкоторыхъ польскихъ памятникахъ XV и начала XVI вѣковъ (въ молитвахъ, въ проповѣдяхъ, въ духовныхъ пѣсняхъ, въ книгахъ Іоанна изъ Кошичекъ, Опеца и др.) встрѣчаемъ слова: skutki, krasny, zarad, obiatować, drzewie, dzie, siedło (то-есть, мѣсто), licemiernik, lubiczni, (то-есть, чешское *libczyń*); *wiarować się* (чешск. *varovati se*), *dufanie*, *wsdychanie*, *ślubiła*, *stepali*, *wichni*, *bydlenie*, и друг., которыя въ нынѣшнемъ польскомъ нѣтъ, или которыя приняли здѣсь другое значеніе. Но изъ этого нельзя еще заключить, что эти слова—чешскія, и что они не были и въ древне-польскомъ языкѣ¹⁾.

Чешскими библіями не переставали пользоваться польскіе переводчики до второй половины XVI вѣка, когда польскій языкъ уже совсѣмъ установился, и польская литература стала выше чешской. Чешскою библіею пользовался и переводчикъ такъ-называемой Библіи Шарфенбергера или Леополиты, доминиканецъ Леонардъ (1561, 2-е изд. 1574, 3-е изд. 1577), а также позже Вуекъ²⁾.

Y uczynen geat weczer a z gitra den geden. Y opiet wecie buoh-bud stwrzenye vprostrzied wod, etc.

szwyatloszcz dnyem a czmi noczr. Y uczynyl wycczyor a s yutra dzieyn geden. Lepak rzecze bog: bodz stworzenye w powrzod wod, etc.

¹⁾ Такъ, нѣкоторыя слова въ первомъ изданіи книги Опеца (1522) въ послѣдующихъ изданіяхъ замѣнены другими: *wzjawić* — *objawić*, *dostojen* — *godziwy*, *działać* — *czynić*, *wesele* — *wesoło*, *żenszczyznarani*, *gospodynie* — *boże*, и пр. (Wiszniewski, Hist. lit. pol. VI, 383).

²⁾ Muczkowski: O Janach Leopolitach i bibliach Szarfenbergerowskich. Сравни.

Значеніе и важность чешскаго языка въ Польгѣ, особенно въ богословской литературѣ, признаеть еще во второй половинѣ XVI вѣка польскій переводчикъ „Постилы“ Мартина Лютера (1574), Иеронимъ Малэцкій. „Хорошій переводчикъ“, пишетъ онъ, „который хочетъ переводить съ нѣмецкаго языка, долженъ хорошо понимать по-нѣмецки и не только быть хорошимъ Полякомъ и правильно и исправно употреблять обороты, но долженъ знать и чешскій языкъ, потому что польскій и чешскій языки — одна рѣчь, не смотря на то, что каждый изъ этихъ языковъ имѣеть свои собственныя выраженія или особенности. И такъ какъ Чехи раньше, чѣмъ Поляки, перевели Библию и другія книги Лютера на свой чешскій языкъ, то мы, Поляки, должны были и въ пнѣшнее время брать много словъ отъ Чеховъ и употреблять ихъ, особенно въ теологию“.

Новый наплывъ чешскаго языка и чешскихъ книгъ въ Польшу наступилъ, въ половинѣ XVI вѣка, вслѣдствіе переселенія туда чешскихъ братьевъ.

Сказанное здѣсь о вліяніи чешскаго языка на духовную литературу польскую касается и свѣтской литературы древне-польской, но только отчасти.

Въ юридическихъ памятникахъ древне-польскихъ XIV—XV столѣтій, въ переводахъ статутовъ, городскихъ правъ и проч., не замѣтно никакого вліянія чешскаго языка; въ нихъ польскій языкъ чистъ, какъ онъ употреблялся въ юридической и въ обыденной

Wisniewski, Hist. lit. pol. VI, 549, Jocher *Obraz bibliograf.* II, 78. Для сравненія приводимъ здѣсь начало 4-й главы ев. св. Мат. изъ чешской библии 1506 г. (другихъ изданій въ Варшавѣ нѣтъ) и изъ 1-го изданія библии Леополиты 1561 г. (нынешнимъ правописаніемъ):

Tedy Ježíš veden jest na púst' od ducha, aby byl pokušen od dábla. A když se postavil čtyřiceti dní a čtyřiceti noci, potom jest zlácněl. A přistúpiv pokušitel řekl jemu: Isi-li syn boží, rsiž, at' kámenie toto chlebové ludú. Kterýž odpovídév řekl jemu: Psáno jest sajisté: Ne samým chlebem živ jest člověk, ale každým slovem, kteréž pochází z ust božích.

Tedy Jezus wiedzion jest na puszcza od ducha, żeby był pokuszon ode diabła. A gdy się pościł czterdzieści dni i czterdzieści nocy, potym łaknął. I przystąpiwszy do niego kusiciel rzekł mu: Jeśli-żes ty jest syn boży, przykaż, aby to kámenie chlebem się stało *). On odpowiadziawszy rzekł: Napisano jest: Nie samym tylko chlebem żywie człowiek, ale wszelkim słowem, które pochodzi z ust bożych.

*) Nowy Testam. 1556 г.: rzecz, by kámenie to chlebem było.

жизни ¹⁾. Въ другихъ польскихъ сочиненіяхъ того времени замѣтно чешское вліяніе, хотя, повторяемъ, оно относится болѣе къ формальной сторонѣ языка, къ словамъ, между тѣмъ какъ грамматика, стиль и проч. чисто польскіе. Такъ, напримѣръ, въ запискахъ яничара, писанныхъ по-польски Сербомъ Константиновичемъ около 1500 года, встрѣчаемъ чисто чешскія слова: *potád*, *siodlak*, *dobyték* (то - есть, скоть), *statek*, *Uhíi*, *uherský* (подлѣ *Węgrzy*, *węgiorski*) и др. ²⁾. Отдѣльные слова чешскія встрѣчаются и у позднѣйшихъ писателей польскихъ—у Рея, Кохановскаго, Бѣльскаго и др., напримѣръ: *cidzić* (*ciditi*), *tesarz*, *prozna*, *woda ratokowa*, *kus*, *honiec* и др. ³⁾.

Чешское вліяніе замѣтно и въ нынѣшнемъ языкѣ польскомъ; въ немъ остались до сихъ поръ чешскія слова, не передѣланныя на польскій ладъ, напримѣръ: *obywatel*, *smutek*, *hodowac*, *hojny*, *hardy*, *hańba*, *hasło*, *ohydny* (древнепольск. *ohisny*) и др.

И правописаніе чешское имѣло вліяніе на польское. Это вліяніе замѣтно особенно въ статьѣ Станислава Заборовскаго о польской ореографіи (1518 г.). Заборовскій старается установить колеблющуюся ореографію польскую, по примѣру чешскаго правописанія Гуса, введеніемъ діакритическихъ знаковъ въ латинскую азбуку и примѣнить правила чешской ореографіи къ польской. Звуки *ч*, *ш*, *ж*, и свойственный западнымъ Славянамъ звукъ *і* (*rz*) означаетъ, по примѣру Гуса, съ одной точкой *с*, *ш*, *ж*, *г*, также и твердое *л*—*і*; звуки *ць*, *сь*, *зь*, *нь*, *шь*, и проч.—въ двумя точками *с*, *ш*, *ж*, *п*, *р* и проч.; даже и свойственный польскому языку звукъ *dz* означаетъ по-чешски *d'*. Заборовскій вообще хорошо знакомъ съ чешскимъ языкомъ; онъ знаетъ, что вмѣсто польскихъ носовыхъ звуковъ Чехи выговариваютъ и пишутъ обыкновенно *и* (*ruku*, *budu*), иногда и *а* (*svatý*, *proklatý*), и проч. ⁴⁾.

¹⁾ Сравн. древне-польскіе переводы статутовъ, изд. Лелевелемъ и Гельцелемъ выписки изъ земскихъ и судебныхъ книгъ, изд. Приборовскимъ, Гельцелемъ, Малковскимъ; Магдебургское право, изд. Вишневымъ, и др.

²⁾ *Pamiętniki jańszaga* (изд. Warszawa, 1828). Сравн. *Jweźca Rosprawy z oboru historie, filologie a literatury*, I. «*Wuherska ziemia*», «*Wuhervkie książce*», «*Wuhryz albo Węgrzy*» пишетъ и авторъ книги «*Powieść o założeniu klasztoru na Łysej Gorze*» XVI вѣка.

³⁾ Сравн. также одну чешско-польскую пѣсню (силезскую) свѣтскаго содержания, изъ XV вѣка («*Chci ja na pannu żalować, niechciałať mi trochy dać*» etc.) *Sitzungsberichte der kais. Akademie XXXIX*, 636.

⁴⁾ *Zaborowskiego: Ortografia polska, z łacini. przez A. Kucharskiego* (Warszawa, 1825).

Но этотъ способъ правописанія привился къ польскому языку только отчасти; Поляки частію остались при недостаточномъ древнемъ правописаніи составленіемъ разныхъ буквъ. Только въ первомъ изданіи Описанія Сарматіи (*Tractatus de duabus Sarmatiis*), Матвѣя изъ Мѣхова, 1517 г., слѣдовательно, за годъ до изданія статьи Заборовскаго, встрѣчаемъ предлагаемую имъ орфографію. Мѣховита пишетъ напимѣрь: *hore, more, krzecot, Turagaga, Cirkaci, Drohicien, Zidasop, Dresseduane, Trassuane* и проч. Но уже въ изданіи той же самой книги 1521 года эти слова написаны: *gorzey, morze, krzecot, Turzagoga, Czuykaczy, Drohyczyn, Zudaczuow, Drzewianie, Trawianie*, и проч. Хотя съ XVI вѣка польскій языкъ сталъ быстро развиваться, и польская литература скоро опередила чешскую, но все-таки чешскій языкъ сохранилъ свое значеніе въ Польшѣ до самаго конца XVI вѣка.

Изъ польскихъ земель испытала чешское вліяніе вообще особенно Силезія, съ XIV вѣка присоединенная къ чешскому государству. Правда, во время этого присоединенія, Нижняя Силезія была уже отмѣчена, да и въ Верхней, остававшейся польскою, высшія сословія поддавались уже германизации. Но рѣшительная побѣда національнаго элемента въ Чехіи въ XV вѣкѣ отразилась и на этой провинціи чешской короны. Чешскій языкъ сталъ распространяться въ Верхней Силезіи, гдѣ еще сохранялся польско-славянскій элементъ, именно въ княжествахъ Опольскомъ, Ратиборскомъ, Тѣшинскомъ, Освѣтимскомъ и Заторскомъ. Грамоты на чешскомъ языкѣ издають въ XV, XVI, даже и въ XVII столѣтіяхъ князья, намѣстники, вельможи и города верхней Силезіи ¹⁾. Въ княжествѣ Опольско-Ратиборскомъ чешскій языкъ приобрѣлъ себѣ даже законное господство. Въ 1561 году чины этого княжества, на сеймѣ въ Ополѣ, одобрили особое земское уложеніе, утвержденное королемъ въ слѣдующемъ году. Это уложеніе написано на чешскомъ языкѣ и издано въ 1563 году ²⁾. Оно составлено особенно по образцу моравскаго земскаго уложенія,

¹⁾ Сравн. множество силезскихъ документовъ на чешскомъ языкѣ въ сб. *Archiv český*, особенно «*Zápisu Kowelské 1480—1571*» (II, 393). Нѣсколько силезскихъ грамотъ на чешскомъ языкѣ хранится въ архивахъ Чешскаго музея и Варшавскомъ. О распространеніи чешскаго языка въ Верхней Силезіи даже въ XVII вѣкѣ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, и генеалогическое сочиненіе Папроцкаго «*Štambuch slezský*» (1609 г.), посвященное многимъ силезскимъ дворянскимъ родамъ.

²⁾ *Zřízení zemské kníž. Opolského a Ratiborského i jiných Krajuov k nim příslušejících* (Hořomauc 1563, 2-е изд. Nisa, 1671).

изъ котораго нѣкоторыя статьи даже прямо выписаны (напримѣръ, о дорогахъ, объ открытіи суда), или по крайней мѣрѣ, очень къ нимъ подходятъ (напримѣръ, присяга земскихъ судей). Языкъ—чисто чешскій, и только иногда встрѣчаются польскія слова, особенно юридическіе термины (*wagunek, posah, oćizna, matefizna* и друг.). Господство же чешскаго языка въ публичной жизни выражается въ особыхъ отдѣлахъ (XX, XXI, XXV): „Въ судѣ всѣ чужеземцы и туземцы должны говорить по-чешски или на понятной этому языку рѣчи, а не иначе. Приговоры должны быть провозглашаемы и вписываемы въ книги на чешскомъ языкѣ. Всѣ на другихъ языкахъ—нѣмецкомъ и латинскомъ, писанныя свидѣтельства и пр. должны быть представлены земскому суду въ чешскомъ переводѣ“.

Въ Тѣшинскомъ княжествѣ нѣмецкій и латинскій языки уступили чешскому съ половины XV вѣка (первая грамота Тѣшинскихъ князей на чешскомъ языкѣ 1442 года), и съ того времени до самаго XVIII столѣтія грамоты князей и дворянъ Тѣшинскихъ издаются на чешскомъ языкѣ. Господство чешскаго языка въ Тѣшинскомъ княжествѣ выражено также и юридическимъ путемъ, въ земскомъ уложеніи (1592 г.), составленномъ на чешскомъ языкѣ почти слово въ слово согласно съ Опольско-Ратиборскимъ ¹⁾).

Въ княжествахъ Освѣтимскомъ и Заторскомъ чешскій языкъ остался господствующимъ и послѣ ихъ присоединенія къ Польшѣ (1453 г.). На чешскомъ языкѣ писаны грамоты Освѣтимскихъ и Заторскихъ князей Іоанна, Премислава (Премка), Казимира и чешскихъ и польскихъ воиновъ, воевавшихъ въ Освѣтимѣ противъ польскаго короля Казимира (1457—1458 гг.). По-чешски писаны и грамоты, касающіяся особенно имѣній польскаго рода Мышковскихъ (1473—1559). Эти грамоты издають польскіе короли, старосты краковскіе и освѣтимскіе, судьи и кастеляны освѣтимскіе, заторскіе и другіе, и пишутъ земскіе писаря освѣтимскіе, все природные Поляки. Любопытна, напримѣръ, грамота 1523 года, которою намѣстникъ верхней Силезіи, тѣшинскій князь Казиміръ, улаживаетъ споры между Март. Мышковскимъ, стольникомъ краковскимъ, и нѣсколькими тѣшинскими дворянами, въ присутствіи комиссаровъ Польскаго короля, епископа Ка-

¹⁾ *Práva a zřízení zemské kníž. Těšínského* (Połotauca, 1592); переведено въ концѣ XVII вѣка на языкъ латинскій, и только въ 1796 г. на нѣмецкій. Много чешскихъ грамотъ находится въ архивахъ Тѣшинскаго суда и Тѣшинской думы (Biermann: *Gesch. des Hzgth. Teschen* 162, 245. *Einige Quellen zur Gesch. Schlesiens überhaupt. u. des N. Teschen insbesondere*, въ Бернскихъ *Schriften* V, 176).

менецкаго, воеводы и кастеляна Сандомѣрскихъ и др. Чешскій языкъ въ этихъ грамотахъ чистъ, почти безъ полонизмовъ, которые размножаются въ грамотахъ только съ теченіемъ времени (otčizna, mateřizna; mařienka, posah, ličba, и др.). Чешскій языкъ употребляли Освѣтимае и сосѣди ихъ въ Краковскомъ воеводствѣ и въ перепискѣ съ Чехами и Мораванами: такъ, напримѣръ, по-чешски пишутъ Северинъ Балицкій, староста Освѣтимскій, опавскому судѣ Планкнару (1534 г.), Христ. Комаровскій, кастелянъ Сандецкій, епископу Оломудцкому Павловскому (1595 г.) и пр. Вслѣдствіе совершеннаго присоединенія княжества Освѣтимскаго и Заторскаго къ польской коронѣ (1564 г.) постановлено, что съ тѣхъ поръ вся официальная переписка должна быть ведена на польскомъ языкѣ ¹⁾.

Знаніе чешскаго языка было распространено въ Польшѣ еще въ XVI вѣкѣ, да еще притомъ чешскій языкъ считался тутъ чуть-ли не выше польскаго; къ неудовольствію польскихъ патриотовъ.

Поляки, вслѣдствіе частыхъ сношеній съ Чехами во времена гуситскаго движенія, познакомились съ чешскимъ языкомъ отчасти на самомъ мѣстѣ, въ Чехіи, отчасти въ Польшѣ посредствомъ многихъ прибывшихъ туда Чеховъ, особенно военныхъ. Чехи въ сношеніяхъ съ польскими и съ литовскими государями употребляли не только общій тогда латинскій языкъ, но и свой природный чешскій ²⁾. Поляки же, съ своей стороны, не стѣснялись говорить съ Чехами по польски: такъ, чешскіе и польскіе теологи въ Краковѣ (1431) говорили на своихъ языкахъ, переговоры между королемъ Юріемъ и польскими послами велись преимущественно по чешски, равно какъ и переговоры съ новоизбраннымъ королемъ чешскимъ Владиславомъ, ко-

¹⁾ Нѣкоторыя грамоты Освѣтимскія 1457—1551 гг. хранятся въ архивахъ Чешскаго музея и главнымъ Варшавскомъ; о другихъ упоминаютъ Чацкій (O litew. i pol. prawach, I, 54) и Вишневецкій (Hist. lit. pol. VI, 379). Восемь грамотъ, касающихся рода Мышковскихъ 1481—1559 гг., сообщилъ Шанецкій въ Miscellanea Стасов. II, 94; двѣ такія грамоты, 1473 и 1474 гг., хранятся въ главномъ архивѣ варшавскомъ. Нѣкоторыя Освѣтимскія и Заторскія грамоты вписаны — на чешскомъ языкѣ — и въ польскую (коронную) метрику. Постановленіе польскаго сейма 1564 г. см. въ Volumina legum II, 656.

²⁾ Упомянемъ здѣсь о шуткѣ, разказанной Даугошемъ (I. В. 207). Въ переговорахъ чешскаго короля Вячеслава IV съ польскими послами въ Прагѣ 1410 г. первый сталъ съ ними говорить по-чешски, такъ какъ оба языка, чешскій и польскій, сходны и другъ другу понятны. Но польскіе послы возразили ему, что это не такъ, ибо слово «siodlak» значитъ по-чешски поселенника, а по польски «сѣдльника».

торый отвѣчалъ по польски; по чешски говорилъ на польскомъ сеймѣ и Розенбергъ, посланникъ императора Максимилиана, и на томъ же языкѣ говорилъ съ Поляками самъ императоръ и пр. Да Поляки и, соединенные съ ними, Литовскіе Русскіе, иногда сами употребляли чешскій языкъ, напримѣръ, вышеупомянутые князья Литовскіе Сигизмундъ Кобытовичъ и Швитригайло, русскій князь Вячеславъ изъ Острога, польскіе воеводы Судивой изъ Остророга и Юаннъ изъ Тэнчина, послы Казимира къ Юрію Подѣбрадскому Станиславъ изъ Остророга и Яковъ изъ Дубна, вышеупомянутые Мышковскіе и др. Наконецъ, въ польскую метрику (главный архивъ) записывались чешскія грамоты (касающіяся князей Освѣтимскаго и Заторскаго и другихъ силезскихъ княжествъ) уже во второй половинѣ XV вѣка, слѣдовательно, гораздо раньше, чѣмъ грамоты на польскомъ языкѣ ¹⁾.

Чешскій языкъ употреблялся и въ переговорахъ между чешскими наемными полками въ Польшѣ и королями польскими. Такихъ доку-

¹⁾ Сравни Archiv český III, 18, 462; IV, 160. Чешскія записки въ Метрику коронной (въ гл. архивѣ Варшавскомъ) съ 1484, 1488, 1490, 1494 гг. и др. Приведемъ здѣсь начало двухъ чешскихъ грамотъ, записанныхъ въ коронной метрику, 1494 г. (кн. XV, fol. 78) и 1540 (1552 г.) (кн. LXXX, fol. 146). Въ первой «Jan Olbrecht, z buozié miłosti král Polský, najvyšší kněz Litevský, Ruský, Pruský, pán a dědic, proni jistec a dlužnik dluhu duole psaného, a my Ondřej z Tenčina kastelan Vojnický, Pret (sic) Myškovský z Přetičova, Kastelan Vělnunský, Jan Myškovský z Přetičova, Kastelan Osvětimsky, Beneš Pohorský, Mikołaj Porambský, sudie země Osvětimské, a Petr Porubský (sic), synovec jeho, rukojmě a społusalibce z jeho miłosti a za jeho miłost králevskú všichni rukú spolčeni a nerozdielnú, každý z nás, jako za svůj vlastní dluh, vyznáváme tímto listem všem vuobec i každému zvláště, že jsme dlužni dluhu pravého a spravedlivého nám vděk a v naši piňnu potřebu puožičaného (sic) dva tisíce zlatých dobrých uherských červených na zlate i na vádze spravedlivých osvícenému kniežeti, knězi Hanušovi Osvětimskému a Zátorskému a kněžně Barboře manželce jeho, etc. etc. V Krakově v pásek před sv. Janem Křtitelem etc». Другою грамотою король Сигизмундъ-Августъ подтверждаетъ (1552 г. въ Петровѣ) грамоту отца, писанную idiomate bohémico 1540 г. и приводитъ ее вполнѣ: «My Vavřinec Myškovský z Mirova a naspytkovicech kastelan Sandecký, Severin Bonar z Balč etc., najvyšší správca země Krakovskiej. Tak jakož král I. M. pán náš miłostivý nám ráčil poručiti ku krémě Vlovenskiej jeti a tam cestu zlu skrz, ktoru dáva se škoda nemała v skarbě I. K. M., ohledati, i tudziež jej (sic) tak postanoviti, že by byla opravena a formanům byl dobrý a vždcky projezd svobodný, známo činíme tímto listem našim všem, kdež toho bude potřeba, že za povučením I. K. M. jsme o tu cestu zlu takové postanovení učinili etc. etc. Dán u krémy Vlovenskiej v pondělí po svatej Hedvidze léta etc». Замѣтимъ здѣсь, что эта чешско-польская грамота XVI вѣка писана уже латинскими шрифтомъ, а не обыкновеннымъ тогда у Чеховъ письмомъ нѣмецкимъ; подобно тому латинскимъ шрифтомъ писана и Освѣтимская грамота 1551 г. (въ архивѣ чешскаго музея).

ментовъ (разметныхъ грамотъ, квитанцій и пр.) на чешскомъ языкѣ сохранилось нѣсколько отъ XV вѣка, особенно отъ времени короля Казимира, часто нуждавшагося въ военной помощи чешскихъ войскъ ¹⁾.

Въ концѣ XV вѣка извѣстный гуманистъ Конрадъ Целтесъ, пребывая въ Краковѣ (1488—1490 гг.), учился здѣсь по чешски и по польски, и одна его здѣшняя любовница писала ему письмо на чешскомъ языкѣ (1500 г.); его же латинскія стихотворенія объяснялъ одинъ польскій ученый по чешски ²⁾. Въ Краковѣ издалъ (1532 г.) Польскій астрологъ Михайлъ изъ Шадка сочиненіе „Прогностикъ“ на чешскомъ языкѣ. Чешскія книги посвящались и природнымъ Полякамъ, и продавались въ Польшу еще во второй половинѣ XVI вѣка. Такъ наприимѣръ, Коначъ посвящаетъ свою книгу „Pravidlo lidského života“ (1528 г.) Христофору Шидловецкому, воеводѣ Краковскому; Мелянтрихъ пріобрѣлъ себѣ привилегію польскаго короля для продажи чешскаго перевода гербарія, и пр.

О распространеніи чешскаго языка въ Польшѣ даже во второй половинѣ XVI вѣка сохранилось еще интересное свидѣтельство. „Нашъ Полякъ“, пишетъ вышеупомянутый Лука Горницкій въ своемъ „Дворянинѣ Польскомъ“, — „отъѣзжай хоть версту отъ дома, сейчасъ же захочетъ говорить не иначе, какъ только на томъ языкѣ, гдѣ немножко

¹⁾ Приведемъ здѣсь извѣстныя намъ грамоты чешскія въ Польшѣ: двѣ вышеупомянутыя грамоты 1442 и 1449 гг.; четыре грамоты 1455 г. и одна 1458 г. (изд. въ Врестѣ Куявскомъ, Торунѣ и Мариенбургѣ), касающіяся чешскихъ воиновъ въ польской службѣ (двѣ въ архивѣ чешскаго музея, двѣ въ Варшавскомъ главномъ архивѣ, одна у г. Дэмбовскаго въ Варшавѣ; сравн. *Maciejowski Piśmiennictwo polskie III, Dodatki, 197*); такія же (квитанціи) 1465 года (въ чешскомъ музеѣ), 1486 года (у г. Подчашинскаго въ Варшавѣ, сравн. *Biblioteka Warsz., 1872, III, 142*), 1488 г. (квитанція Альбрехта Костки изъ Поступице королю Казимиру, въ архивѣ Варшавскомъ); нѣсколько разметныхъ грамотъ Казимиру воиновъ Колды (*podle ráně Koldovy roty*) 1457 г. (въ чешскомъ музеѣ); наконецъ вышеупомянутыя записи Освѣтимскія. Приведемъ начало одной грамоты 1455 г.:

Kazimír z božie miłosti král Polský, veliký kněz Litevský, dědic a pán Ruský a Pruský etc. Vyznáváme tiemto cistem obecně přede všemi, ktož jej uzřie aneb čtuc slyšeti budú, že jsme uhodili s osvěceným kniezetem, knězem Přemkem Osvětimským a Tošeckým, s bratrem naším miřým i se všemi jinými dobrými lidmi jeho rotú o službu na druhého čtvrt léta i přijali sme a mocí toho listu za naše příjímání služebníku od dání sv. Appolonie, etc. etc. Языкъ этихъ грамотъ вообще чистъ; полонизмы встрѣчаются рѣдко (больше всего въ грамотѣ 1442 г., здѣсь и «ханзе» — ksiaze, князь), на пр. zdradił, niht (nygd), vyšti (wysstim), odnoviti, podvyšení, и пр.

²⁾ *Sitzungsberichte der kais. Akademie. Wien 1868, October, 144.*

пробылъ. Если былъ въ Италиі—то употребляетъ за каждымъ словомъ „signor“, если во Франціи—то „rag ma foi“, если въ Испаниі—то „posotros cavaglieros“, а иной, хотя бы и не былъ въ Чехіи, а только переѣхалъ черезъ границы Силезіи, и то уже не хочетъ иначе говорить, какъ только по чешски, и Богъ знаетъ какой будетъ этотъ его чешскій языкъ. И если ему скажешь, чтобъ онъ говорилъ на своемъ языкѣ, то онъ отвѣтитъ, что забылъ, или что природный языкъ кажется ему грубымъ, и чтобъ это доказать, вырветъ какое-нибудь древне-польское слово изъ пѣсни Богородица и сопоставитъ его съ какимъ-нибудь гладкимъ чешскимъ словечкомъ, чтобъ увязать грубость своего языка и красоту чужаго; наконецъ, чуть ли не каждый ораторъ въ польскомъ языкѣ употребляетъ чешскія слова вмѣсто польскихъ, какъ будто это чрезвычайно красиво“. На вопросъ одного дворянина, не нравится ли ему, когда Полякъ беретъ въ польщизну чешскія слова, Лука отвѣчаетъ: „нечего правиться, когда имѣется собственное польское слово, и отбросивъ его, заимствовать изъ чужаго языка на его мѣсто, и вмѣсто „stany kooonne“ (чины государственные) говорить „stawy kooonne“; ибо это ни что другое, какъ будто бы прогоняли Поляковъ изъ земли, а Чеховъ въ нее принимали; какой въ томъ смыслъ — видить всякій. Конечно, гдѣ не стало бы польскаго слова для той вещи, которую Поляку слѣдовало бы назвать, или еслибъ въ переводѣ съ одного языка на другой онъ нуждался въ чужомъ словѣ,—то не только не порицаю того, когда онъ возьметъ слово изъ столь сходнаго съ нашею рѣчью языка, какъ чешскій, но позволительно взять и изъ латинскаго, особенно, если слово было бы легко понятно или уже немножко принято. Такъ поступали и наши славные польскіе ораторы, между тѣмъ какъ нынѣшнимъ пришло на мысль безстыдно совать въ свой языкъ странныя чужеземныя слова и, вмѣсто отличныхъ словъ польскихъ, вставляютъ гораздо худшія чешскія. Поэтому мало понимаемъ этихъ новыхъ Цицероновъ и совершенно не понимаемъ того, что они намъ предлагаютъ письменно. Они же думаютъ, что это очень умно такъ говорить, или такъ писать, чтобъ ихъ понимали немногіе, или никто; но въ этомъ, конечно, ошибаются“¹⁾).

Вставка чисто чешскихъ словъ, то-есть, не измѣненныхъ на польскій ладъ, встрѣчается у нѣкоторыхъ польскихъ писателей даже второй половины XVI вѣка. Въ числѣ ихъ Кленовичъ, познакомившись

¹⁾ Dworzanie polski (1565, изд. Туровскаго 43).

съ чешскимъ языкомъ на мѣстѣ (въ 1570 г. онъ былъ въ южной Чехіи), иногда нарочно, безъ всякой нужды, вставляли чешскія слова, чтобы только понцеголить знаіемъ чешскаго языка. Такъ, въ своей поэмѣ „Worek Judaszów“ (1600 г.) онъ пишетъ: „jesli się nie szatru“, прибавляя: „szatwienie (то-есть, szetfeni) po czesku, boczenie po polsku“; „*dzite* czeskie słowo, po polsku idźcie“; „pokuta, po czesku *pokānie* quasi pokatanie“; „szelma, monstrum poczesku“, и пр. Даже цѣлыя чешскія фразы приводятся иногда въ польскихъ сочиненіяхъ того времени ¹⁾).

На Чеховъ и вообще на чешскія отношенія обращали всегда вниманіе въ Польшѣ. Знаніе чешской исторіи, права и пр. было здѣсь довольно распространено не только между польскими историками, но и въ болѣе широкихъ кружкахъ ²⁾. Уже выше мы сказали, что польскіе историки, разказывая о судьбахъ своего народа, не упускаютъ изъ виду и сосѣднихъ народовъ, особенно русскій и чешскій; такъ поступаютъ, напримѣръ, Длугошъ, Мѣховита, Хвальчевскій, Кромеръ, Бѣльскій, Папроцкій и др., пользуясь чешскими лѣтописями и историками и устными разказами очевидцевъ ³⁾. Чешскую исторію обрабатывали въ Польшѣ и особо. Валентій Полидамъ, занимаясь чешскою исторіей, успѣлъ издать древнѣйшій ея періодъ; большую часть этого изданія занимаетъ рѣчь Лѣха къ Чеху, въ которой первый побуждаетъ послѣдняго къ славѣ, и отвѣтъ Чеха, который благодаритъ брата за любовь и восхваляетъ чешскій народъ ⁴⁾. Мартынъ Бѣльскій помѣстилъ въ свою „Хронику всего міра“, кромѣ хроникъ польской и угорской, краткую хронику чешскаго народа, — по словамъ, сказаннымъ въ ней Любушей — „народа благороднаго языка славянскаго“. Свѣдѣнія свои Бѣльскій черпалъ особенно изъ чешской хроники Гайка ⁵⁾. Примѣры изъ чешской

¹⁾ Оряховскій (Dyalog albo rozмова окоło ekekcuyi polskiej korony 1562), говоря о чешскихъ сеймахъ, приводитъ слова чешскаго короля при открытіи сейма по чешски (изд. Туровскаго 59).

²⁾ Сравни, напримѣръ, что пишетъ Горницкій о судебномъ порядкѣ чешскомъ (Rozмова o elekcuyi etc. изд. Туровскаго, 51).

³⁾ Длугошъ—важный источникъ чешской исторіи XV вѣка. Экземпляръ чешской хроники Пулканы находится и въ рукахъ епископа Збигнѣва Оленинцкаго, который сдѣлалъ въ ней нѣсколько поправокъ (Palacký: Radhost, II, 471).

⁴⁾ Historia de rebus gestis Bohemorum (Сrac., 1535), посвященная чешскому королю Фердинанду. Знаемъ ее только изъ Вишнеvsкаго (Hist. lit. pol. VIII, 72).

⁵⁾ Kronika wazytięgo wzuata (изд. 1550 г., fol. 136—153, повторена также въ изданіяхъ 1554 и 1564 гг.). Разказывая о крещеніи князя Борвова, Бѣльскій замѣчаетъ, что «król Swatopluch z bojarinem ruskim był jego kmotrem».

исторіи часто приводили польскіе писатели, публицисты, поэты и ораторы. Такъ, напримѣръ, часто указываютъ на гуситское движеніе, враждебно или дружелюбно, смотря по тому, принадлежитъ ли пишущій къ католикамъ, или къ диссидентамъ. Первые, стало быть, жалѣли о заблужденіяхъ „знаменитаго народа славянскаго, братьевъ и сосѣдей нашихъ Чеховъ“ по поводу еретика Гуса и кровавыхъ происшествій изъ того войнъ и желали, чтобъ ихъ отечество было избавлено отъ такихъ бѣдствій; другіе же радовались, что оппозиція противъ сущей Римъ явилась прежде всего у Славянъ, у Чеховъ, и горячо защищали „благочестиваго“ Гуса противъ обвиненій его въ еретичествѣ ¹⁾.

Особенно интересовались Поляки судьбами Чеховъ послѣ избранія послѣдними Габсбурговъ въ ихъ короли и послѣдовавшаго затѣмъ постепеннаго ослабленія древней чешской свободы и возвышенія королевской власти. На это обстоятельство польскіе публицисты и ораторы не перестаютъ обращать вниманіе своихъ соотечественниковъ. „Возьмите Чеховъ, своихъ братьевъ“, восклицаетъ Орѣховскій, — „спросите ихъ, за что казнилъ ихъ Фердинандъ? Скажутъ, за то, что мы не хотѣли идти съ Фердинандомъ противъ Саксонскаго курфирства противно нашимъ привилегіямъ. Спросите ихъ, возлагаются ли эти большіе и безпрестанные подати и налоги въ Чехію съ позволенія чешской короны, или только по повелѣнію и принужденію королевскому? Чехи отвѣтятъ, что на чешскихъ сеймахъ дѣлаются такіа предложенія со сторонъ Фердинанда: Милые паны, его королевское величество прежде проситъ, а потомъ хочетъ, чтобъ было по сему“ ²⁾.

И дѣйствительно, положеніе Чеховъ подъ властью Габсбурговъ играло, какъ мы выше видѣли, важную роль на избирательныхъ сеймахъ польскихъ и значительно повліяло на неуспѣхи Габсбурговъ въ Польшѣ. Польскіе писатели и ораторы даже въ XVII вѣкѣ не могли забыть несчастія „братскаго народа Чешскаго“, лишеннаго Габсбургами его независимости, и предостерегали своихъ земляковъ отъ австрійскаго дома ³⁾.

¹⁾ Сравн. напримѣръ, Orzechowski: *Dyalog* (1562), и Guincunx (1564); *Colloquium Piotrkowskie* (Сарницкаго? 1564), Niemojewski: *Odpowiedź na książki Herbsta* (1569), сочиненія Другоша, Госіа, Сварги, Венгерскаго и пр.

²⁾ *Dyalog* (изд. Туровскаго, 59); послѣднія слова приводятся по чешскы.

³⁾ Сравн., напримѣръ, Шяецкаго (*Chron.* 269, 587), Фредра (*Gest. pop. polon. sub Henr. Val.*, 202), Ольшевскаго (*Censura candidatorum*, 1669 г.), Липскаго (*Wojna Chocimska*, 111), и др.

Чехи, по общественному мнѣнію въ Польшѣ XVI вѣка, считались гордыми и любящими роскошь, но вмѣстѣ съ тѣмъ правдивыми и твердыми въ исполненіи обѣщаннаго слова. По словамъ Рея, какъ Чехи любятъ держать свое слово, такъ и Поляки, если хотятъ дать нерушимое обѣщаніе, то связываютъ себя „чешскимъ“ словомъ ¹⁾. „Чешское слово“ въ Польшѣ въ XVI и XVII вѣкѣ означало вообще вѣрное исполненіе обѣщаннаго, на что можно было положиться „А za ja Czech słowo dzierżec?“— „Co Czech słowo trzymać?“ Такія и имъ подобныя выраженія встрѣчаемъ у Кромера, Сарницкаго, Папроцкаго, Рысинскаго и другихъ ²⁾.

Съ другой стороны, и въ Чехіи хорошо знали Поляковъ, ихъ исторію, государственныя учрежденія, языкъ и литературу. Мы видѣли, что польскими отношеніями интересовались многіе чешскіе писатели; что природные Чехи, приверженцы церкви чешскихъ братьевъ, сдѣлались и польскими писателями и такимъ образомъ, отплатили Полякамъ за чешскаго писателя, природнаго Поляка Папроцкаго. Событіями въ сосѣдней и родственной Польшѣ интересовались и въ Чехіи ³⁾. Хотя польскій языкъ вообще не повліялъ на чешскій, но

¹⁾ Przemowa krótka do poszwiwego Polaka stanu rycerskiego (о разныхъ народахъ, стихи въ сочиненіи Рея Zwierciadło 1568, изд. Краковск. 1848 г. стр. 165): Pierwej gdy со zagnego i w Polsce znowawiano, Tedy to szeskim słowem zdzierżać obiecano. Конечно, хорошія отношенія между Чехами и Поляками не исключали и насмѣшекъ другъ надъ другомъ. Такъ, напримѣръ, тотъ же Рей насмѣхается надъ однимъ «Чехомъ, который не боялся Татаръ»: Czech jeden na Podolejechał kozakować, i poszał się z swym męstwem dziwnie wysławować, и потомъ убѣжалъ. (Figliki albo rozliczných ludzi przyradki dworskie). Ах. Кмитъ, авторъ юмористическаго стихотворенія о «Бабицкой республикѣ» (Mogocozmca Babińskie, 1617 г.) начинается свои стихи съ «Золотой бабы» Московской, и съ бабы-колдуньи, которая по лѣтописямъ—вѣляла Чехамъ, воевавшимъ съ Лучанами, съѣсть осла, и продолжаетъ: «I tak czechowie osła na jej słowo zjedli, Słęczasy łeb z użyzta, Polьki nieosiedli (Wiszniewski Hist. lit. pol. VI. Dodatek). То же самое повторяетъ и вышеупомянутый Погодзяпскій. Съ другой стороны; вышеупомянутый Чехъ Николай ругаетъ Поляковъ, чешскій лѣтописецъ насмѣхается надъ «дурачками Поляками», принимавшими фальшивую монету (1436 года. Stałi letopis. čeští 98), панъ Циборъ изъ Цимбурга изображаетъ «Льнь» живущею въ Польшѣ (Hádaní pravdy a lži 1467 г.), и пр. Сравни. также чешское письмо угорскаго короля Матвѣя о Полякахъ 1472 г. (Archiv český VI, 49).

²⁾ Кромеръ (гл. 13), Сарницкій (Annales 192), Папроцкій (Diadochus гл. 3 и посвященіе чешскимъ министрамъ 12), Рысинскій (Przyroieści polskie 1629 г., р. 105).

³⁾ Сравни. памятники Жидка, Дачицкаго, Выджовскаго и др., разные «новины» (вѣдомости) о польскихъ дѣлахъ, и пр.—Энциклопедія Чеха Павла Жидка,

все-таки многіе Чехи, пребывая въ Польшѣ, волей-неволей подверглись вліянію этого близкаго языка. Такъ, напримѣръ, по свидѣтельству Благослава, чешскій братъ Червенка, пребывая въ Чехіи, Моравіи, Пруссіи и Польшѣ, часто смѣшивалъ эти нарѣчія и употреблялъ слова и обороты польскіе, прусскіе и моравскіе. То же бывало и съ іезуитомъ Гостунскимъ, который, долго пробывъ въ Польшѣ, смѣшивалъ въ своихъ проповѣдяхъ чешскій и польскій языки ¹⁾).

И. Перволюкъ.

находящаяся въ Краковѣ, приписывалась въ Польшѣ извѣстному Твардовскому. (Сравни статью Мучковскаго 1835).

¹⁾ Włachosław Grammatika 289. Jungmann Hist. liter. česze, 122. Одна польская пѣснь Червенки находится въ польскомъ канціоналѣ изд. 1598 г. О полонизмахъ въ чешскомъ переводѣ памятниковъ Константиновича. см. Rozprawy Irgieška, 1.

(Продолженіе будетъ).

КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Архивъ Юго-западной Россіи, издаваемый временною комиссіею для разбора древнихъ актовъ, Высочайше учрежденною при Кіевскомъ, Подольскомъ и Волинскомъ генералъ-губернаторѣ. Часть первая. Томъ V. Акты, относящіеся къ дѣлу о подчиненіи Кіевской митрополіи Московскому патриархату (1620—1694 г.). Кіевъ, 1873.

До сихъ поръ единственнымъ серьезнымъ сводомъ извѣстій, относящихся до исторіи Кіевской церковной іерархіи за вторую половину XVII вѣка служитъ извѣстное сочиненіе митрополита Евгенія „Описаніе Кіево-Софійскаго собора и кіевской іерархіи“. Но послѣ того какъ вышелъ въ свѣтъ этотъ трудъ, въ 1825 году, — открыто множество источниковъ, которые не были извѣстны митрополиту Евгенію. Эти новыя источники сообщаютъ такія важныя историческія извѣстія, что въ настоящее время „Описаніе Кіево-Софійскаго собора и кіевской іерархіи“ является, и прежде всего съ фактической стороны, сочиненіемъ весьма неудовлетворительнымъ. Вновь открытые источники по происхожденію двухъ родовъ: во первыхъ, — находящіеся въ Московскихъ государственныхъ архивахъ, во вторыхъ — собранные въ архивахъ и бібліотекахъ южно-русскихъ. Довольно значительная часть всѣхъ этихъ источниковъ уже напечатана; но какъ печатныя, такъ и рукописныя труппы изслѣдователями только по отношенію нѣкоторыхъ частныхъ.

Вслѣдствіе указаннаго накопленія массы сырого матеріала, для науки представляется, кажется, необходимымъ не только продолжать дальнѣйшее изданіе рукописныхъ источниковъ, но если можно, составить новый полный систематическій сводъ историческихъ извѣстій для одного изъ самыхъ интересныхъ періодовъ исторіи Кіевской церковной іерархіи.

Въ 1873 году изданъ Кіевскою временною комиссіею для разбора древнихъ актовъ пятый томъ первой части „Архива юго-запад-

ной Россіи“, по своему содержанию относящійся къ исторіи Кіевской церковной іерархіи за вторую половину XVII вѣка. По обычаю издавній временной комиссіи, этотъ томъ состоитъ изъ двухъ отдѣловъ: первый содержитъ въ себѣ изслѣдованіе, а второй — документы. Документальная часть заключаетъ въ себѣ „акты, относящіеся (главнымъ образомъ) къ дѣлу подчиненія Кіевской митрополіи Московскому патріархату“. Материаломъ для этого служили акты, находящіеся въ извѣстномъ весьма многимъ изслѣдователямъ рукописномъ сборникѣ, носящемъ заглавіе „Икона или изображеніе великіе Соборныя церкви всероссійскаго и всѣхъ сѣверныхъ странъ патріарша престола приключившихся дѣлъ въ разныя времена и лѣта“. Здѣсь мы не намѣрены покуда говорить объ этихъ актахъ; они сами по себѣ заслуживаютъ отдѣльнаго изслѣдованія, которое со временемъ и надѣемся издать. Скажемъ о нихъ только то, что временной комиссіи не слѣдовало бы, кажется, издавать всецѣло акты по сборнику, тогда какъ сохранились и уже указаны изслѣдователями подлинники. Предметомъ нашей рецензіи будетъ первый отдѣлъ пятаго тома „Архива югозападной Россіи“.

Довольно обширное сочиненіе (на 172 страницахъ), напечатанное въ предисловіи къ „Иконѣ“, принадлежитъ г. Сергѣю Терновскому; оно озаглавлено: „Изслѣдованіе о подчиненіи Кіевской митрополіи московскому патріархату“. Сочиненіе г. Терновскаго само по себѣ не заслуживало бы отдѣльной рецензіи: это неудачная и не своевременная попытка автора, имѣющаго полное право на снисхожденіе, такъ какъ онъ, кажется, въ первый разъ выступаетъ съ печатнымъ трудомъ. Но къ сожалѣнію, это сочиненіе напечатано рядомъ съ источниками, въ видѣ, такъ-сказать, руководящей статьи.

Сочиненіе г. Терновскаго распадается по содержанию на двѣ части. Первая состоитъ въ обзорѣ событій исторіи юго-западной церкви, начиная съ раздѣленія митрополіи въ XV вѣкѣ до восьмидесятыхъ годовъ XVII столѣтія; здѣсь г. Терновскій, сказавъ о раздѣленіи митрополіи, быстро переходитъ къ событіямъ конца XVI и къ XVII вѣку, который и составляетъ главный предметъ его разказа. Во второй части своего труда г. Терновскій описываетъ, на основаніи документовъ „Иконы“, время подчиненія Кіевской митрополіи Московскому патріархату, то-есть, восьмидесятые года XVII столѣтія.

Въ первой части сочиненія г. Терновскаго, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, ясно опредѣляется взглядъ автора на состояніе предшествующей ему ученой разработки исторіи юго-западной церкви. Г. Терновскій не счи-

таеть нужнымъ заниматься изслѣдованіемъ фактовъ; вмѣсто того, онъ имѣетъ въ виду только обобщеніе выводовъ науки, выясненіе общихъ законовъ исторической жизни народа, началъ. Такъ, онъ не разъ заявляетъ, что слѣдуетъ за зарожденіемъ новыхъ отношеній въ исторіи южно-русской церкви въ противоположность Московской и т. п.; сущность же этихъ, выясненныхъ авторомъ, южно-русскихъ началъ церковной жизни состоитъ-де въ слѣдующемъ: свободное отношеніе, чувство равноправности, стремленіе къ независимости и т. п. Мы не будемъ говорить о томъ, на сколько справедливы эти выясненные заключенія г. Терновскаго, а только спросимъ — можно ли теперь рискнуть на то, чтобы обобщать выводы науки по отношенію указаннаго предмета? Нашу статью мы начали съ того, что указали почти на полное отсутствіе разработки изслѣдователями сыраго матеріала, относящагося къ исторіи юго-западной церкви за XVII вѣкъ; а г. Терновскій, какъ видно, смотритъ на дѣло такъ, что съ этой стороны историкамъ уже дѣлать нечего, и что исторія Кіевской церкви вполне разработана. Доказательствомъ такого убѣжденія служитъ и то, что вся первая часть сочиненія г. Терновскаго написана по чужимъ трудамъ, что всякій можетъ видѣть изъ его ссылокъ. При этомъ замѣчательно, что ссылки г. Терновскаго обыкновенно относятся къ фактамъ общеизвѣстнымъ, встрѣчаемымъ во всѣхъ историческихъ сочиненіяхъ; авторы же послѣднихъ заимствовали свои извѣстія преимущественно изъ источниковъ, давно напечатанныхъ, напимѣръ, изъ изданій С.-Петербургской археографической комиссіи. По этому поводу замѣтимъ, что если въ сочиненіи, озаглавленномъ историческое *изслѣдованіе*, — хотя бы оно было и философско-историческаго содержанія, — нужно дѣлать указанія, откуда заимствованы тѣ или другіе факты, то кажется, слѣдовало бы ссылаться на самые источники, такъ какъ они доступны всѣмъ и каждому въ Россіи. Впрочемъ, по этой части, мы встрѣчаемся у г. Терновскаго съ первымъ и основнымъ научнымъ курьезомъ: онъ, если не ошибаемся, считаетъ сочиненія преосв. Макарія и Филарета, гг. Соловьева и Кояловича и пр. не пособіями, а источниками.

Пусть будетъ такъ, что нынѣ уже есть возможность обобщать выводы науки по отношенію къ исторіи Кіевской церкви, и что въ настоящее время для полноты извѣстій оставалось только сдѣлать одно — издать документы „Иконы“; но вопросъ заключается въ томъ — въ состояніи ли все это сдѣлать г. Терновскій? На это мы принуждены отвѣтить отрицательно. Въ первой половинѣ своего сочиненія г. Терновскій

представляетъ постоянно доказательства, что онъ, съ одной стороны, далеко не знакомъ съ литературой предмета, а съ другой — дурно читаетъ ученныя сочиненія. Такъ, онъ извлекаетъ изъ имѣвшихся у него подъ руками сочиненій то, чего тамъ нѣтъ, или на основаніи этихъ сочиненій, дѣлаетъ такіе выводы и толкованія фактовъ, какихъ авторы совсѣмъ и не думали дѣлать, или говорили противоположное.

Приведемъ всему, сейчасъ сказанному, доказательства:

На страницѣ 43-й г. Терновскій пишетъ: „Въ началѣ возстанія Хмельницкаго, духовенство даже возбуждало къ войнѣ съ Польшею. Есть извѣстіе, что Хмельницкаго благословилъ на возстаніе противъ пановъ Петрѣ Могила“. При этомъ г. Терновскій ссылается на „Богдана Хмельницкаго“, сочиненіе г. Костомарова (третье изданіе, 1870 года). Дѣйствительно, на указанномъ мѣстѣ у г. Костомарова читаемъ нѣчто подобное. Далѣе: „Хмельницкій ему первому (Петру Могилѣ) сообщилъ извѣстный отвѣтъ короля на жалобу Хмельницкаго: „вы имѣете мечъ и этимъ мечемъ можете сами защищать свою свободу“. Все это написано г. Терновскимъ такъ, какъ будто онъ заимствовалъ подобное извѣстіе у г. Костомарова же; но это есть собственное предположеніе г. Терновскаго, а у г. Костомарова ничего нѣтъ подобнаго, а только сказано, что Хмельницкій—*конечно*, совѣтовался съ Петромъ Могилою о возстаніи еще въ 1646 году и получилъ отъ него благословеніе на начинаніе. „Точно также одинъ изъ современниковъ, Грондзскій разказываетъ (замѣтимъ, что послѣднимъ словомъ г. Терновскій даетъ понять, что онъ приводитъ новое, дополняющее предшествующее извѣстіе о Петрѣ Могилѣ), что слыхалъ отъ войсковаго писаря Выговскаго, что Хмельницкій, прежде начатія открытой борьбы съ Польшею, совѣтовался о томъ съ *Кіевскимъ архіепископомъ*, и этотъ не только благословилъ начинаніе, но прибавилъ, что будетъ преданъ проклятію каждый, не принявшій участія въ такомъ дѣлѣ, а между тѣмъ могшій ему помогать умомъ или оружіемъ“. Здѣсь г. Терновскій дѣлаетъ ссылку на статью покойнаго Пекарскаго: „Представители кіевской учености“, напечатанную въ *Отечественныхъ Запискахъ* за 1862 годъ. На указанномъ мѣстѣ у Пекарскаго мы читаемъ сейчасъ приведенную выписку изъ Грондзскаго; но дѣло заключается въ томъ, что это не новый фактъ противъ того, который заимствовалъ г. Терновскій у г. Костомарова, а одинъ и тотъ же. Затѣмъ, Пекарскій сдѣлалъ эту выписку подлинныхъ словъ Грондзскаго по поводу того толкованія, которое далъ имъ въ вышеуказанныхъ словахъ г. Костомаровъ (во второмъ изданіи „Богдана Хмельницкаго“); здѣсь Пекарскій

пишетъ: „Г. Костомаровъ, цитую это мѣсто у Гроцзскаго, прибавляетъ, что не извѣстно, на основаніи какихъ источниковъ, этотъ архіепископъ былъ Петръ Могила, и что Хмельницкій будто совѣтовался съ нимъ еще въ 1646 году“. Г. Костомаровъ, какъ видимъ, не обратилъ вниманія на это замѣчаніе Пекарскаго и повторилъ свое прежнее и въ новомъ изданіи „Богдана Хмельницкаго“. Но г. Терновскій пошелъ еще нѣсколько далѣе: онъ изъ одного факта основнаго источника дѣлаетъ два потому только, что извѣстіе этого источника приведено у двухъ писателей различными словами; затѣмъ, г. Терновскій пользуется выпиской изъ источника, не обращая вниманія на то, съ какою цѣлю сдѣлана эта выписка.

На страницахъ 38 — 40 у г. Терновскаго читаемъ: „Стремленіе Никона очистить церковную обрядность сѣверно-русскую отъ внесенныхъ въ теченіе времени искаженій вызвало сильную реакцію со стороны приверженцевъ старины. Приверженность къ старинѣ, къ косненію въ необразованности высказалась очень сильно. Раскольники, отстаивая старину, готовы были на всякія самопожертванія. Убѣгая отъ преслѣдованій правительства, эти люди, между прочимъ, скрывались и въ Малороссіи, и судя по нимъ, Малороссіяне были очень худаго мнѣнія о Московской религіозности“. Здѣсь г. Терновскій пишетъ о событіяхъ не позднѣе 1653 года, а Никонъ былъ поставленъ въ патриархи только 25-го іюля 1652 года; слѣдовательно, его преобразованія всей церкви только что начинались и не могли такъ рѣзко отразиться на всемъ, какъ это можно заключить по словамъ г. Терновскаго. Что же касается бѣгства раскольниковъ въ Малороссію, то во времена Богдана Хмельницкаго этотъ фактъ совсѣмъ не извѣстенъ; знаемъ же — но только противоположное: народъ изъ Малороссіи, отъ тамошней смуты, бѣжалъ въ великороссійскія украины. И такъ, Малороссіянамъ не по чѣмъ было судить дурно о Московской религіозности.

Но оставимъ общія опроверженія приведеннаго сейчасъ мнѣнія г. Терновскаго и посмотримъ, на основаніи какого источника онъ высказалъ все это. Какъ-бы удовлетворяя нашему любопытству, г. Терновскій далѣе приводитъ документальную выписку (обозначена кавычками) такого содержанія: „Москвичи—одни погруженцы, другіе обливанцы, говорили простодушные и не образованные казаки и урядники; у однихъ попы, у другихъ безпоповщина, на Московщинѣ столько вѣръ, сколько слободъ, а въ слободахъ иногда— сколько домовъ; насъ никто въ домъ не пуститъ съ трубками; у нихъ вся вѣра въ томъ,

чтобъ бороды не брить и табаку не курить и не нюхать". Мы не будемъ говорить о полной фактической нелѣпости извѣстія источника г. Терновскаго. Такъ о Великороссіянахъ могъ писать только человѣкъ невсѣшественный, приспосаблинный къ нимъ крайней ненависти, и притомъ, подобнымъ образомъ могъ писать Малороссіянинъ, жившій перанѣе конца XVIII столѣтія (то есть, послѣ уничтоженія гетманства); казаки же середины XVII вѣка совсѣмъ не могли такъ говорить. При указанной сейчасъ документальной выпискѣ г. Терновскаго поставлена ссылка на „Исторію Малороссіи“ Маркевича. Покойный же Маркевичъ, какъ всякому занимающемуся исторіей Малороссіи должно быть извѣстно, переписалъ въ свой трудъ „Исторію Руссовъ“, гдѣ и встрѣчаемъ все вышеприведенное. Эту „Исторію Руссовъ“, приписанную Георгію Конисскому, долгое время называли великимъ произведеніемъ; но теперь даже самъ ея издатель, г. Бодянский, не защищаетъ достовѣрности ея содержанія, другіе же — гг. Соловьевъ, Максимовичъ, Костомаровъ и пр., — не только не признаютъ „Исторію Руссовъ“ историческимъ источникомъ, но въ одинъ голосъ называютъ фальшивымъ сочиненіемъ, совсѣмъ не принадлежащимъ перу знаменитаго іерарха, именемъ котораго прикрылся злостный сочинитель насквиля. Г. Терновскій дѣлаетъ ссылки на различныя сочиненія, вѣроятно, для указанія своего знакомства съ литературой предмета и для доказательства своего уваженія къ ученымъ авторитетамъ; но въ виду признанія „Исторіи Малороссіи“ Маркевича за авторитетное сочиненіе и невѣдѣнія, что для нея основнымъ источникомъ служила „Исторія Руссовъ“, приходится заключить противоположное.

Впрочемъ, мы считаемъ возможнымъ дѣлать выписки разказовъ „Исторіи Руссовъ“, но только для указанія нелѣпости, до которой можетъ быть доведено извращеніе историческихъ извѣстій. Г. Терновскій, для характеристики нерасположенія южно-русскаго духовенства къ Москвѣ, приводитъ по той же „Исторіи Руссовъ“ (руководствуясь, конечно, Маркевичемъ) разказъ о какой-то радѣ, будто бы собранной Богданомъ Хмельницкимъ по поводу прибытія къ нему трехъ посольствъ отъ Москвы, Турціи и Польши съ дарами и предложеніями покровительства сосѣднихъ державъ; Богданъ-де Хмельницкій былъ при этомъ на сторонѣ Москвы. Но оговоримся; мы приводимъ здѣсь разказъ о радѣ не по сочиненію г. Терновскаго и не по „Исторіи Руссовъ“, а по сочиненію Маркевича, такъ какъ изложеніе послѣдняго находимъ интереснѣе. Маркевичъ повѣствуетъ: „Такъ толковалъ простой народъ (о суевѣріяхъ Великороссіянъ), когда вы-

ступилъ впередъ Черкасскій протопопъ Ѳеодоръ Гурскій (замѣтимъ: лицо въ дѣйствительности не бывалое); въ народѣ онъ слылъ великимъ богословомъ и проповѣдникомъ. Все смолкло, онъ началъ: „Отъ трехъ царей или волхвовъ поднесены были младенчеству Христу Спасителю дары: золото, ливанъ и смирна; дары сіи предзнаменовали бытіе, страданіе и возвращеніе на небо. Злато предрекало царствованіе, ладонь—погребеніе, смирна—божественность. Такъ и сіи дары, подносимые тремя царями младенчеству народу, знаменуютъ участь его: чѣмъ покрыты или одѣяны дары сіи, тѣмъ покроется и народъ, ими прельстившійся. Дары польскіе покрыты ковромъ, то и народъ съ Поляками будетъ имѣть ковры; дары турецкіе покрыты тканью шелковою, то и народъ облечется въ шелкъ; дары московскіе покрыты рогожками, то и народъ, соединившійся съ Москвичами, одѣнется въ рогожки и подъ рогожки. И сіе предзнаменованіе вѣриѣ и превосходитъ всѣхъ оракуловъ на свѣтѣ“. На сколько во всей этой рѣчи остроумія и смысла—мы не беремъ рѣшать. Но какъ бы то ни было, Маркевичъ, какъ человѣкъ въполнѣ благонамѣренный, привелъ въ своемъ сочиненіи эту рѣчь, дѣлаетъ къ ней такое поясненіе: „Хмельницкій славой, опытностію и краснорѣчіемъ не подѣйствовалъ на народъ. Гурскій забавною выходкою и неожиданнымъ примѣненіемъ поразилъ умы простодушныхъ. Не было того, кто бы коверъ польскій могъ примѣнить къ застилкѣ гробовой, кто бы изъ шелку турецкаго свилъ бы визирскій шнурокъ, кто рогожкой и мѣхами московскими напомнилъ бы богатую шубу соболѣю въ зимней кибиткѣ“. Опроверженіе достойно опровергаемаго. Далѣе у Маркевича: „Такими замѣчаніями, можетъ-быть, было бы остановлено народное волненіе; но въ собраніи тогда поднялся ропотъ и шумъ на Хмельницкаго; его называли измѣнникомъ и предателемъ отечества, подкупленнымъ отъ русскихъ пословъ“. Г. Терновскій, приводя по Маркевичу подобныя разказы „Исторіи Руссовъ“, въ то же время признаетъ, точно также, какъ и Маркевичъ, что тотъ же самый народъ, сомнѣвавшійся за нѣсколько дней даже въ христіанствѣ Москвичей, на дѣйствительно бывшей въ Переяславлѣ, радѣ (1-го января, 1654 года), единогласно заявилъ, что отдается подъ крѣпкую руку Московскаго государя во имя православія.

Основная идея, проходящая черезъ весь разказъ „Исторіи Руссовъ“, та, что Малороссіянамъ слѣдовало бы соединиться съ честными Турками, и что христіанскія клятвы и самыя присяги есть одна малая часть СЛХХІ, отд. 2.

ска, подъ которою скрываются коварства, предательства и всѣхъ родовъ неправды“.

На страницахъ 70-й и 71-й у г. Терновскаго читаемъ: „Послѣ смерти Хмельницкаго обстоятельства перемѣнились. Нельзя было разчитывать на содѣйствіе преемниковъ Хмельницкаго по гетманству въ дѣлѣ подчиненія Кіевской митрополіи Московскому патриархату; они сами были шатки въ своей преданности Москвѣ, и духовенство не желали ставить въ зависимость отъ Московскаго патриарха. Потому Московское правительство измѣнило свои отношенія къ малороссійскому духовенству, стало относиться къ нему съ меньшею властностію“. Здѣсь что ни слово, то нужно понимать обратно. Когда же былъ болѣе благопріятный случай для Московскаго правительства утвердить, во всѣхъ отношеніяхъ, свою власть въ Малороссіи, какъ не тогда, когда тамъ не было ни гетмана, ни митрополита; правительство только не воспользовалось такими благопріятными для него обстоятельствами, но это совсѣмъ другое дѣло, и причины его находились не въ Малороссіи, а въ самой Москвѣ. Но посмотримъ, на основаніи какихъ фактовъ высказываетъ г. Терновскій эти свои общія заключенія. Онъ пишетъ: „По смерти Коссова (митрополита), московское правительство чрезъ Бутурлина *просило* (это у г. Терновскаго напечатано курсивомъ) представителей духовенства малороссійскаго: „чтобъ поискали милости великаго государя, правду свою къ нему показали, были подъ послушаніемъ и благословеніемъ великаго государя святѣйшаго Никона патриарха, безъ царскаго указа за епископами не посылали и безъ патриаршаго благословенія митрополита не избирали“. Здѣсь у г. Терновскаго поставлена ссылка на „Исторію Россіи“ г. Соловьева. Но у послѣдняго, кромѣ сейчасъ выписаннаго изъ сочиненія г. Терновскаго, еще впереди этого читаемъ: „Не стало гетмана въ Чигиринѣ, не было митрополита въ Кіевѣ: здѣсь волновались не менѣе важнымъ вопросомъ, какъ избрать преемника Сильвестру Коссову? *Хлопоталъ* воевода Андрей Бутурлинъ, *призывалъ* духовныхъ и *говорилъ* всякими мѣрами съ большимъ *подкрѣпленіемъ*, чтобы поискали“ и т. д. Мы уже не говоримъ о томъ, что документъ, на основаніи котораго написалъ все сейчасъ изложенное г. Соловьевъ, давно напечатанъ, слѣдовательно, можно уже каждому излагать фактъ на основаніи непосредственнаго источника; но полагаемъ, что и слова г. Соловьева никто не рѣшится переводить такъ, какъ это сдѣлалъ г. Терновскій. Слова: Бутурлинъ *хлопоталъ*, *призывалъ*, *говорилъ* всякими мѣрами съ большимъ *подкрѣпленіемъ*.

легче будетъ передать словомъ — Бутурлинъ *приказывалъ* духовенству, чѣмъ словомъ — *просилъ* у духовенства.

На страницѣ 45-й г. Терновскій пишетъ: „Когда Выговскій бѣжалъ изъ Малороссіи въ области, подлежащія польскому правительству, Балабанъ также оставилъ Кіевъ“. Это не совсѣмъ точно. Выговскій бѣжалъ въ Польшу послѣ неудачи своего дѣла, въ концѣ 1659 года, а митрополитъ Діонисій Балабанъ оставилъ Кіевъ въ іюлѣ 1658 года. Далѣе: „Оттуда (изъ Польши) Балабанъ только по временамъ пріѣзжалъ въ Кіевъ.“ Опять не вѣрно: скомпроментированный передъ московскимъ правительствомъ, Діонисій Балабанъ послѣ своего отъѣзда изъ Кіева никогда уже не возвращался туда до своей смерти (10 мая 1663 года). Затѣмъ у г. Терновскаго читаемъ: „Митрополитъ Діонисій пріѣзжалъ въ Кіевъ съ какимъ-то черпцомъ Тарасомъ Бузскимъ и присылалъ этого чернеца одного съ письмомъ къ гетману. Чернецъ этотъ прекрасно зналъ политическія дѣла и былъ опытенъ въ веденіи интригъ. Это былъ „лютый кобель, настоящій іезуитъ“, какъ выражался о немъ епископъ Меѳодій“. И эти послѣднія слова г. Терновскаго далеко не вѣрны. Но насъ могутъ спросить: откуда взялъ г. Терновскій источникъ для сочиненія ряда такихъ новыхъ фактовъ? Отвѣчаемъ: историкъ, вѣроятно, не понялъ свой источникъ, которымъ ему здѣсь служила „Исторія Россіи“ г. Соловьева. Тамъ же находимъ слѣдующее: во время переговоровъ московскихъ и войсковыхъ пословъ съ польскими комиссарами (въ 1660 году), Нѣжинскій протопопъ Максимъ Филимоновъ (а не епископъ Меѳодій куда) писалъ къ Нѣжинскому сотнику Роману Ракушкѣ, бывшему на переговорахъ вмѣстѣ съ войсковымъ посломъ Золотаренкомъ: „Ради Бога, будьте осторожны на этой комиссіи съ Ляхами, зная ляхскую хитрость, и боярамъ скажите, чтобы были осторожны. Знаю подлинно, что Ляхи призвали въ Литву 12.000 татаръ и хотятъ ихъ подвести измѣною на царскихъ уполномоченныхъ. Объ этихъ татарахъ выпытывали въ Прилукахъ у пьянаго чернеца Тарасія Бузскаго, который былъ при митрополитѣ Балабанѣ, пріѣхалъ съ нимъ изъ Слуцка въ Кіевъ, и опять съ нимъ уѣхалъ, лютый кобель, хотя, подъ клубукомъ, а настоящій іезуитъ“. Изъ этихъ словъ письма Максима Филимонова нельзя создать небывалый фактъ: здѣсь говорится въ томъ смыслѣ, что Бузскій пріѣзжалъ съ Діонисіемъ въ Кіевъ, когда того обрали на митрополию, а потомъ когда Балабанъ уѣхалъ изъ Кіева, то и Бузскій удалился съ нимъ. Далѣе, у г. Соловьева, въ окончаніи письма Максима Филимонова, читаемъ: Бузскій „теперь

послѣ Пасхи прїѣзжалъ изъ Слуцка къ пану гетману, скazuje, съ митрополичьими письмами“. Единственное, какое можно сдѣлать, заключеніе на основаніи всѣхъ словъ письма Максима Филимонова, что Діонисій Балабанъ, живя, по отъѣздѣ изъ Кіева, по прежнему въ Слуцкѣ, вель, черезъ Тарасія Бузскаго, какія-то сношенія съ гетманомъ Юріємъ Хмельницкимъ. Это же послѣднее вѣрно, и такія сношенія извѣстны.

Въ дополненіе ко всему изложенному, укажемъ еще на нѣсколько ошибокъ г. Терновскаго. Подъ 1654 годомъ Иннокентій Гизель игуменъ Николо-Пустынскаго монастыря названъ Печерскимъ архимандритомъ, хотя во всѣхъ сочиненіяхъ, на которыя при этомъ ссылается г. Терновскій, тогдашній Печерскій архимандритъ именуется Іосифъ Грызна. Епископъ Лазарь Барановичъ подъ 1657 годомъ названъ архіепископомъ; извѣстный почти изъ каждаго учебника русской исторіи, противникъ Выговскаго Мартынъ Пушкаръ, полковникъ Полтавскій, у г. Терновскаго называется полковникомъ Переяславскимъ и т. п. Полагаемъ, что историку малороссійской церкви не слѣдуетъ дѣлать подобныхъ описокъ.

Если разбирать сочиненіе г. Терновскаго, слѣдя фактъ за фактомъ, то пришлось бы написать довольно большую книгу. Смѣемъ завѣрить, что рѣдкая страница этого сочиненія не переполнена подобными вышеуказанными ошибками. А на основаніи-то такихъ недостовѣрныхъ и никогда не совершавшихся событій г. Терновскій дѣлаетъ свои философскія заключенія. Укажемъ здѣсь еще на одно: причина многихъ ошибокъ г. Терновскаго, между прочимъ, происходитъ и отъ того, что онъ дѣлаетъ свои заключенія не отъ факта, а напротивъ — всякій фактъ, волей-неволей, служитъ ему для подтвержденія ввередъ уже изобрѣтенной идеи.

Г. Карповъ.

ТЕХНИЧЕСКІЯ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ ВЪ ЕВРОПѢ ¹⁾.

При обзорѣнн посѣщенныхъ мною лѣтомъ 1873 года за границею техническихъ учебныхъ заведеній, мнѣ предстояло имѣть въ виду двоякую цѣль:

- 1) болѣе общую—изучить устройство этихъ заведеній, преимущественно среднихъ и менѣе у насъ извѣстныхъ, въ отношеніи къ ихъ характеристикѣ вообще, и
- 2) болѣе специальную—изученіе методовъ и объема преподаванія важнѣйшихъ техническихъ или специальныхъ предметовъ, каждаго въ отдѣльности, учебныхъ пособій и наконецъ, по мѣрѣ возможности, результатовъ преподаванія.

На этомъ основаніи полагаю наиболѣе удобнымъ и отчетъ о моемъ путешествіи раздѣлить на двѣ части. Первая, общая, должна быть изложена, на сколько возможно, въ хронологическомъ порядкѣ; она должна описывать преимущественно самыя училища по порядку времени, въ которое я ихъ видѣлъ; вторая же часть, специальная, должна состоять въ сопоставленіи и сравненіи заслуживающихъ вниманія наблюденій, сдѣланныхъ мною относительно каждаго учебнаго предмета въ разное время и въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

---

¹⁾ Предлагаемая статья есть отчетъ, представленный г. министру народнаго просвѣщенія дѣйств. стат. сов. А. М. Гезеномъ, командированнымъ для осмотра техническихъ учебныхъ заведеній въ западной Европѣ въ теченіе лѣта 1873 года. *Ред.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

ПРУССІЯ.

Отправившись за границу, я прибылъ $\frac{3-\text{го июня}}{22-\text{го мая}}$ въ Берлинъ, гдѣ въ тотъ же день имѣлъ честь представиться нашему послу, тайному совѣтнику Убри, который немедленно снабдилъ меня письмомъ къ д-ру Ахенбаху, министру торговли, промышленности и общественныхъ работъ, въ вѣдѣніи коего находятся техническія учебныя заведенія Пруссіи. Съ этимъ письмомъ я на слѣдующее утро явился къ г-ну министру и просилъ его разрѣшить чиповнику, стоящему во главѣ управленія техническими училищами, дать мнѣ свѣдѣнія, необходимыя для ближайшаго ознакомленія съ этими заведеніями.

Д-ръ Ахенбахъ представилъ меня тайному совѣтнику (Geheimer Ober-Baurath) Ноттебому, коему и поручилъ снабдить меня всѣми желаемыми мною свѣдѣніями. Г. Ноттебомъ принялъ меня чрезвычайно радушно. Онъ, конечно, одинъ изъ самыхъ компетентныхъ судей по всѣмъ вопросамъ, касающимся техническихъ училищъ въ Пруссіи, ибо уже съ 1868 года состоитъ докладчикомъ (Vortragender Rath) по всѣмъ дѣламъ этихъ училищъ; при немъ открытъ политехническій институтъ въ Ахенѣ и преобразованы прусскія промышленныя училища и высшая промышленная академія въ Берлинѣ, коей онъ былъ директоромъ въ продолженіе 14-ти лѣтъ, то-есть, съ 1857 года; предъ тѣмъ же онъ былъ директоромъ телеграфовъ.

Берлинская промышленная академія.

Промышленная академія въ Берлинѣ, стоящая нынѣ на ряду съ политехническими институтами, была основана въ 1821 году предсѣдателемъ технической промышленной депутаціи Бейтомъ (Beuth) подъ названіемъ технического училища. Первоначальное устройство оваго не разнилось существенно отъ устройства провинціальныхъ промышленныхъ школъ. Для поступленія въ техническое училище требовалось лишь слѣдующее: возрастъ отъ 12-ти до 16-ти лѣтъ, хорошій почеркъ, способность правильно и безъ ошибокъ выражаться письменно на нѣмецкомъ языкѣ и знаніе четырехъ правилъ ариметики. Курсъ ученія продолжался всего два года.

Такъ какъ судьбы этого Берлинскаго технического училища имѣли большое вліяніе на устройство провинціальныхъ промышленныхъ учи-

лицъ, то считаю не лишнимъ представить какъ первоначальный учебный планъ онаго, такъ и краткій очеркъ послѣдовавшихъ въ немъ съ теченіемъ времени перемѣнъ. Сличеніе этихъ перемѣнъ нагляднѣе всего покажетъ — какъ постенно возвышались требованія научныхъ свѣдѣній отъ техникувъ, точно также, какъ сличеніе программъ разныхъ среднихъ техническихъ и реальныхъ училищъ должно убѣдить всякаго въ томъ, что до сихъ поръ еще не установилось точныхъ правилъ для средняго реального образованія.

Вотъ какимъ образомъ въ 1821 году были распредѣлены предметы преподаванія въ Берлинскомъ техническомъ училищѣ:

Предметы.	Семестры.			
	1-й и 2-й.	3-й.	4-й.	всего.
Арифметика и алгебра.	4	6	—	15
Геометрія	4	6	—	
Тригонометрія	—	—	2	
Физика и химія	4	4	4	8
Рисованіе	6	4	4	10
Черченіе	6	—	—	6
Черченіе машинъ и перспектива .	—	4	4	4
Статика, механика	—	—	10	5
Итого	24	24	24	48

Къ этимъ двумъ классамъ въ 1826 году былъ еще прибавленъ полугодовой высшій классъ (surgeon) для воспитанниковъ, посвящавшихъ себя механикѣ; они слушали преимущественно машиновѣдѣніе и упражнялись въ черченіи, перспективѣ и рѣшеніи задачъ.

Въ 1827 году училище получило названіе „Промышленнаго института“ (Geverbe-Institut). Помѣщеніе его было увеличено, и къ предметамъ преподаванія постепенно были прибавлены: начертательная геометрія, высшая математика, практическія занятія въ механической мастерской и химической лабораторіи и т. д., вслѣдствіе чего съ 1842 года былъ прибавленъ еще семестръ, и курсъ продолжался три года, по слѣдующему плану:

Предметы.	С Е М Е С Т Р Ы .						
	1-я.	2-я.	3-я.	4-я.	5-я.	6-я.	В С Е Г О .
Упражненія въ ариѳметическихъ дѣйствіяхъ	4	4	—	—	—	—	25 ¹ / ₂
Геометрія (съ репетиціями)	6	—	—	—	—	—	
Математика (съ репетиціями).	—	8	14	15	—	—	
Черченіе машинъ ¹⁾	12	12	7	4	—	—	17 ¹ / ₂
Рисованіе ²⁾	12	12	11	12	—	—	23 ¹ / ₂
Физика (съ репетиціями).	6	—	6	—	—	—	6
Химія.	—	6	—	7	—	—	6 ¹ / ₂
Минералогія	—	—	2	—	—	—	1
Товаровѣдѣніе	—	2	—	—	—	—	1
Строительное искусство.	—	—	4	4	—	—	4
Перспектива	—	—	—	—	4	—	2
Машиновѣдѣніе	—	—	—	—	6	4	5
Проектированіе машинъ	—	—	—	—	8	12	10
» зданій.	—	—	—	—	8	—	4
Смѣта строеній	—	—	—	—	9	—	4 ¹ / ₂
Черченіе собственныхъ проектовъ	—	—	—	—	7	—	3 ¹ / ₂
Аналитическая динамика	—	—	—	—	—	4	2
Практическія работы механиковъ	—	—	—	—	—	40 ²⁾	20
Итого.	40	44	44	42	42	60	136

Г. Поттебомъ въ своей „Хроникѣ промышленной академіи въ Берлинѣ“ пишетъ по поводу этого плана слѣдующее: „Училище требовало отъ своихъ воспитанниковъ весьма многого: значительной понятливости,

¹⁾ Некоторые ученики занимались моделированіемъ по 4 часа въ недѣлю и эти часы отнимались тогда отъ черченія и рисованія.

²⁾ Химіи ежедневно работали въ лабораторіи.

чтобъ усвоить себѣ учебный матеріалъ, преподаанный въ сравнительно короткое время, и неутомимаго прилежанія для обработки этого матеріала. Ученики, не могшіе исполнить эти требованія въ полномъ ихъ объемѣ или ослабѣвавшіе въ своемъ рвеніи къ ученію, удалялись безпощадно ¹⁾. Нерѣдко изъ вновь поступившихъ воспитанниковъ уже по окончаніи перваго семестра оставались только одна треть или четверть. Трехлѣтній курсъ промышленнаго института служилъ чистилицемъ для молодыхъ техниковъ; кто по окончаніи онаго выходилъ со свидѣтельствомъ зрѣлости, тотъ былъ отлично вооруженъ для состязательной промышленной борьбы, ожидавшей его въ практической жизни“. Значительное число научно-образованныхъ техниковъ вышло изъ института, и они были учредителями и руководителями большей части крупныхъ промышленныхъ предпріятій въ Пруссіи, хотя число воспитанниковъ было довольно незначительно и возросло довольно медленно: въ 1822 году ихъ было 43, въ 1827 г.—52, въ 1832 г.—62, въ 1837 г.—89, въ 1842 году—104.

Политическія движенія 1848 года не остались, по словамъ г. Ноттебома, безъ вліянія на промышленный институтъ. Новыя идеи о свободѣ плохо согласовались съ строгою дисциплиной, господствовавшей до тѣхъ поръ въ институтѣ. Было приступлено къ пересмотру устава, при чемъ скоро убѣдились, что преобразование должно распространиться и на провинціальныя промышленныя училища. Эти училища не имѣли еще ни нормальнаго учебнаго плана, ни общихъ правилъ испытанія абитуриентовъ, изъ коихъ, однако, многіе продолжали свое ученіе въ институтѣ. Итакъ, надлежало предварительно установить учебный планъ для провинціальныхъ промышленныхъ училищъ, ибо учебный планъ промышленнаго института долженъ былъ быть продолженіемъ перваго. При этомъ было желательно закончить уже въ промышленныхъ училищахъ приготовительный курсъ, дотогѣ проходившійся въ институтѣ, дабы такимъ образомъ достигнуть возможности въ послѣднемъ соотвѣтственно расширить кругъ преподаваемыхъ предметовъ.

Совѣщанія объ этихъ преобразованіяхъ были окончены въ 1850 году; результатомъ ихъ были новые уставы промышленныхъ училищъ и института. По новому уставу промышленнаго института для поступления въ оный требовались:

¹⁾ Тогда всѣ ученики были казенными стипендіатами.

а) возрастъ отъ 17 до 27 лѣтъ;

б) доказательство, что желающій поступить въ институтъ правильно занимался практическими работами въ продолженіе, по крайней мѣрѣ, одного года (то правило не распространялось на химиковъ);

в) представленные свидѣтельства зрѣлости отъ гимназій, реального училища или провинціального промышленнаго училища, имѣющаго право экзаменовать абитуриентовъ.

Это послѣднее ограниченіе сдѣлано потому, что промышленныя училища не были тогда еще преобразованы, а вообще требованіе свидѣтельства зрѣлости отъ средняго учебнаго заведенія возвысило уровень промышленнаго института, поставивъ его на степень политехническихъ училищъ. Сообразно съ этимъ, изъ учебнаго плана была исключена большая часть элементарной математики; курсъ остался трехлѣтній, но воспитанники раздѣляются на три категоріи: механиковъ, химиковъ и архитекторовъ. Теоретическое преподаваніе сначала общее для трехъ отдѣленій, но со 2-го курса нѣкоторые предметы преподаются раздѣльно. Вотъ перечень предметовъ общихъ и раздѣльныхъ для механиковъ и химиковъ.

Общіе предметы.

I. Въ первомъ курсѣ:

а) Чистая математика, а именно:

стереометрія и сферическая тригонометрія;

начертательная геометрія;

алгебра, дифференціальное и интегральное исчисленіе;

аналитическая геометрія, ученіе о кривыхъ линіяхъ;

практическія упражненія въ рѣшеніи задачъ.

б) физика;

в) химія;

г) черченіе, особенно построенія начертательной геометріи, тѣни и перспектива; затѣмъ, черченіе машинъ;

е) рисованіе.

II. Во второмъ курсѣ:

а) Чистая и прикладная механика, въ аналитическомъ изложеніи;

б) Повторенія и дополненія изъ физики и химіи;

в) Минералогія;

г) Ученіе о строительныхъ матеріалахъ и строительное искусство.

Предметы раздѣльнаго преподаванія.

А. Для механиковъ.

Во II курсъ:

Подробное машиновѣдѣніе: о матеріалахъ для построенія машинъ; части машинъ: машины, употребляемыя при постройкахъ; соединенія машинъ; лекціи и упражненія.

Въ III курсъ:

- а) Продолженіе машиновѣдѣнія; паровыя машины; упражненія въ проектированіи;
- б) О желѣзнымъ дорогахъ и желѣзныхъ постройкахъ;
- с) Механическая технологія;
- д) Работы въ мастерской (3 дня въ недѣлю).

В. Для химиковъ.

Во II курсъ:

- а) Химическая технологія;
- б) Аналитическая химія;
- с) Работы въ лабораторіи (2 дня въ недѣлю).

Въ III курсъ:

- а) Работы въ лабораторіи (ежедневно);
- б) Очеркъ машиновѣдѣнія.

Число уроковъ для каждаго курса распределено на 36 часовъ въ недѣлю, за исключеніемъ практическихъ работъ, тогда какъ по прежнему плану, оно доходило до 44 часовъ.

До 1848 года всѣ воспитанники промышленнаго института были стипендіатами правительства; они получали ежегодно по 300 талеровъ и пользовались даровымъ обученіемъ. Поэтому всѣ предметы преподаванія были обязательны, посѣщеніе лекцій подлежало строгому контролю, и успѣхи воспитанниковъ повѣрялись ежедневными репетиціями.

Съ 15-го мая 1848 года стипендіи были уменьшены до 200 талеровъ, а потомъ число ихъ было убавлено до 26-ти, съ условіемъ, чтобъ онѣ выдавались только такимъ воспитанникамъ, которые имѣли свидѣтельства о зрѣлости „съ отличіемъ“; всѣ же прочіе (если не могли несомнѣнно доказать свою бѣдность) были обязаны платить за слушаніе лекцій. Сверхъ того, степень общаго предварительнаго

образованія воспитанниковъ была гораздо выше прежняго: значительная часть изъ нихъ имѣли свидѣтельства о зрѣлости для поступления въ университетъ. Такимъ образомъ, какъ уже выше замѣчено, институтъ преобразовался въ высшее техническое училище, между тѣмъ, какъ положеніе учениковъ оставалось прежнее. Начальство промышленнаго института сочло продолженіе такого состоянія неудобнымъ, и въ 1860 году контроль надъ посѣщеніемъ лекцій былъ отмѣненъ, а съ 1-го октября того же года введенъ новый уставъ, коимъ опредѣлено, что лишь одни стипендіаты обязаны посѣщать всѣ лекціи по учебному плану и въ концѣ каждого семестра подвергаться ретепиціямъ. Въмѣсто архитектурнаго отдѣленія, было открыто кораблестроительное, а къ химическому прибавлены предметы по горнозаводской промышленности. Условія приѣма учениковъ остались тѣ же, что и по уставу 1850 года, съ тѣмъ только измѣненіемъ, что доказательство о практическихъ, въ продолженіе года, работахъ требуется не при поступленіи въ институтъ, но лишь при переходѣ изъ общаго отдѣленія въ спеціальное механическое или кораблестроительное. Впрочемъ, это условіе въ 1863 году было вовсе отмѣнено относительно механиковъ. Курсъ какъ общаго отдѣленія, такъ и каждого изъ спеціальныхъ продолжается по полтора года, а слѣдовательно, полный курсъ — три года. Химикамъ директоръ можетъ разрѣшать, въ видѣ исключенія, переходъ въ спеціальное отдѣленіе черезъ годъ по поступленіи въ институтъ. Предметы преподаванія въ новомъ уставѣ исчислены съ большею подробностію противъ прежняго и съ нѣкоторыми прибавленіями, какъ-то:

I. Въ общемъ отдѣленіи прибавлены:

теорія механическихъ дѣйствій тепла;
 математическія основанія важнѣйшихъ физическихъ законовъ;
 ученіе о простыхъ частяхъ машинъ (перенесено изъ механическаго отдѣленія);
 моделированіе.

II. Въ механическомъ вся программа изложена гораздо подробнѣе; прибавлена химическая технология.

III. Въ химическомъ и горномъ прибавлены:

минералогія (перенесена изъ общаго отдѣленія);
 геогнозія;
 металлургическая химія;
 спеціальное ученіе о подъемныхъ машинахъ;
 упражненія въ проектированіи химическихъ заводовъ.

Сверхъ этихъ предметовъ были еще прибавлены: въ 1861 году—политическая экономія, въ 1863 году—фотографія и специальное преподаваніе красильнаго и набивнаго искусства. Только въ 1864 году, послѣ вступленія въ институтъ извѣстнаго профессора Рёло (Reuleaux) преподавателемъ машиновѣдѣнія, было введено преподаваніе кинематики.

Для того, чтобы самымъ названіемъ выразить возведеніе института на степень высшаго технического училища, онъ былъ переименованъ въ 1866 году въ *промышленную академію*. Это названіе причисляетъ ему тѣмъ болѣе, что при немъ по мысли основателя Бейта, усилиями его и его послѣдователей, составились весьма богатая собранія бронзъ и слѣпковъ съ предметомъ древняго искусства, которые, какъ классическіе образцы для подражанія, должны возбуждать въ учащихъ художественный смыслъ, и такимъ образомъ, сблизить промышленность не только съ наукою, но и съ искусствомъ. Для этой цѣли Бейтомъ, кромѣ механической мастерской, были основаны литейная и мастерская для гравированія на мѣди и для чеканенья бронзы. Изъ этихъ мастерскихъ вышли даже нѣкоторые большіе монументы, украшающіе Берлинъ, а также различныя мелкія издѣлія изъ бронзы, серебра, кости, дерева и т. д. Въ этихъ же мастерскихъ упражнялись воспитанники института и пріобрѣтали практическія свѣдѣнія, необходимыя для плодотворной дѣятельности на поприщѣ частной промышленности, стоявшей тогда еще на низкой степени. Когда же частная промышленность достигла въ Пруссіи значительнаго развитія, то во избѣжаніе соперничества между нею и училищемъ, художественныя мастерскія были вовсе закрыты, а механическія мастерскія значительно сокращены въ своемъ объемѣ. Эти послѣднія имѣютъ нынѣ главною цѣлію производство опытовъ и пополненіе богатыхъ механическихъ и кинематическихъ собраній академіи; прежняя же потребность—давать учащимся возможность ознакомливаться съ практическими работами въ мастерскихъ училища, по мнѣнію г. Ноттебома, рѣшительно потеряла свое значеніе съ открытіемъ большаго числа превосходно устроенныхъ механическихъ заводовъ, доступныхъ молодымъ техникамъ для практическихъ занятій.

Не входя здѣсь въ разборъ того вопроса, въ какой степени работы на заводахъ могутъ замѣнять систематическія упражненія воспитанниковъ въ мастерскихъ самаго учебнаго заведенія, замѣчу только, что и во всѣхъ почти другихъ *высшихъ* техническихъ училищахъ Гер-

маніи практической работы учениковъ если не совсѣмъ оставлены, то потеряли всякое серьезное значеніе.

Число воспитанниковъ Берлинской технической академіи въ послѣдніе годы значительно возвысилось: въ 1869 г. оно достигло высшей цифры 608, между тѣмъ какъ въ 1870 и 1871 гг., конечно, по случаю прусско-французской войны, воспитанниковъ было только 353 и 281.

1-го ноября 1871 г. промышленная академія праздновала свой 50-лѣтній юбилей и въ этотъ день получила опять новый уставъ, въ силу коего горное отдѣленіе, соединенное прежде съ химическимъ, стало самостоятельнымъ; въ число учебныхъ предметовъ помѣщены и тѣ, которые введены послѣ 1860 г.; какъ напримѣръ, кинематика, землѣмѣріе, фотографія и т. д. Въ остальномъ новый уставъ мало отличается отъ прежняго. Курсъ ученія остался также трехлѣтній; но (по § 5-му) тѣмъ, кто желаетъ приготовиться къ учительской должности при техническихъ училищахъ, будутъ читаться еще особія лекціи по окончаніи трехлѣтняго курса. Это послѣднее положеніе имѣетъ въ виду преимущественно учителей промышленныхъ училищъ и служитъ доказательствомъ, что прусское правительство желаетъ и впредь поддерживать связь между промышленными училищами и академіей. То же самое явствуетъ изъ словеснаго сообщенія, сдѣланнаго мнѣ г. Ноттебомомъ, что и тѣ молодые люди, которые окончили университетскій курсъ, должны пробыть по крайней мѣрѣ годъ въ промышленной академіи, чтобы получить необходимое практическое направленіе, для чего правительство охотно даетъ стипендіи по 200 талеровъ въ годъ. Это сообщеніе дополняетъ смыслъ положенія отъ 10-го августа 1871 г. объ испытаніяхъ кандидатовъ на учительское званіе при промышленныхъ училищахъ, въ силу коего (§ 3, п. 3) къ испытанію допускаются и лица, слушавшія три года университетскія лекціи, на равнѣ съ окончившими курсъ въ политехническихъ институтахъ или въ самой Берлинской промышленной академіи. Испытанія изъ специальныхъ предметовъ производятся съ большою строгостію, и кандидаты должны прежде всего представить письменное сочиненіе на заданную тему. Такія сочиненія требуютъ иногда трехъ или четырехмѣсячнаго труда и затѣмъ часто служатъ диссертациями на степень доктора. Для производства этихъ испытаній на всю Пруссію существуетъ лишь одна экзаменаціонная коммиссія, члены коей назначаются на три года министромъ торговли, преимущественно изъ числа профессоровъ университета и промышленной

академіи. Эта коммиссія экзаменуетъ всѣхъ кандидатовъ, за исключеніемъ преподавателей новѣйшихъ языковъ, исторіи и коммерческой науки, которые приобрѣтаютъ *facultatem docendi* обыкновеннымъ путемъ. Она состоитъ, подъ предсѣдательствомъ тайнаго совѣтника Ноттебома, изъ пяти отдѣленій, между коими распределены спеціальныя учебныя предметы, назначенныя къ преподаванію въ промышленныхъ училищахъ по послѣднему ихъ уставу отъ 21 марта 1870 года.

Прусскія промышленныя училища до устава 1870 года.

Для болѣе отчетливаго уразумѣнія смысла этого устава, необходимо бросить хотя бѣглый взглядъ на предшешую исторію прусскихъ промышленныхъ училищъ. Выше уже было замѣчено, что эти училища до 1850 г. не имѣли общаго, узаконеннаго учебнаго плана, хотя первое изъ нихъ, въ Ахенѣ, было основано еще въ 1817 году, а до 1850 года ихъ возникло уже до тринадцати. Со времени открытія Берлинскаго техническаго института, директоры и учителя промышленныхъ училищъ старались готовить своихъ воспитанниковъ въ продолженію ученія въ этомъ институтѣ и кое-гдѣ существовалъ особый такъ-называемый „Берлинскій классъ“, въ которомъ ученики обучались по методамъ и руководствамъ Берлинскихъ институтскихъ профессоровъ. Не смотря на то, однако большинство учениковъ переходили прямо къ практической промышленной дѣятельности. Курсъ ученія былъ двухгодичный, а число уроковъ иногда непомерно велико, какъ показываетъ слѣдующій учебный планъ Лигницкаго промышленнаго училища за 1839—1840 годъ.

Предметы.	Семестры.				
	1-я.	2-я.	3-я.	4-я.	всего.
Математика	6	6	6	6	20
Упражненія въ арифметическихъ дѣйствіяхъ	4	4	4	4	
Физика	6	6	—	—	6
Химія	—	—	6	6	6
Повторенія изъ математики, физики и химіи.	—	—	4	4	4
Начала перспективы	4	—	—	—	2

Предметы.	СЕМЕСТРЫ.				
	1-й.	2-й.	3-й.	4-й.	всего.
Рисованіе	8	6	—	—	7
Рисованіе перомъ и мѣломъ	—	—	4	—	2
Ученіе о проекціи и тѣняхъ	—	6	4	—	5
Рисованіе и черченіе архитектурное	—	—	—	10	5
Черченіе	8	—	—	—	4
Черченіе строеній и машинъ	—	12	12	10	17
Проектированіе и составленіе смѣтъ	2	2	2	2	4
Моделированіе	8	6	6	6	13
Итого	46	48	48	48	95

Въ этомъ планѣ, кромѣ огромнаго числа уроковъ, замѣчательно еще отсутствіе механики и машиновѣдѣнія.

5-го іюня 1850 года одновременно были изданы уставъ Берлинскаго промышленнаго института, о коемъ упомянуто выше, и „планъ организаціи провинціальныхъ промышленныхъ училищъ“. Вотъ существенные пункты этого плана.

Каждое полное промышленное училище состоитъ изъ двухъ годичныхъ классовъ, низшаго и высшаго. Первый назначенъ преимущественно для теоретическаго обученія и для упражненія въ рисованіи и черченіи, послѣдній же—для примѣненія приобрѣтенныхъ свѣдѣній къ промышленности.

Условія принятія воспитанниковъ въ 1-й классъ училища слѣдующія:

- 1) Поступающій долженъ быть не моложе 14-ти лѣтъ.
- 2) Онъ долженъ не только умѣть читать бѣгло по нѣмецки, но и усвоивать себѣ прочитанное въ книгѣ, соотвѣтственной кругу его понятій.
- 3) Умѣть писать по нѣмецки безъ грубыхъ орфографическихъ ошибокъ и четкимъ почеркомъ.
- 4) Бѣгло считать цѣлыми числами и обыкновенными дробями и знать примѣненіе правилъ ариметики къ обыкновеннымъ аримети-

ческимъ задачамъ; равно измѣрять практически прямолинейныя плоскія фигуры и призматическія тѣла.

5) Имѣть навыкъ въ рисованіи.

Гдѣ окажется къ тому потребность, тамъ къ промышленному училищу можно присоединить подготовительный классъ, который, однако, не долженъ считаться частію промышленнаго училища, но только высшею элементарною школою. Кругъ преподаванія въ подготовительномъ классѣ долженъ быть законченный и не посягать на предметы промышленнаго училища, дабы онъ могъ быть полезенъ и тѣмъ, кто не поступитъ въ послѣднее.

Предметы преподаванія въ промышленномъ училищѣ слѣдующіе: 1) чистая математика, 2) физика, 3) химія съ химическою технологіей, 4) минералогія, 5) механика и машиновѣдѣніе, 6) строительное искусство, и 7) рисованіе, черченіе и моделированіе.

Самое преподаваніе этихъ предметовъ распредѣлялось по слѣдующему плану:

Предметы.	Семестры.			
	1-й и 2-й.	3-й.	4-й.	всего.
1) Математика:				
планиметрия	4	—	—	19
стереометрія, начертательная геометрія	—	3	—	
продолженіе начертательной геометріи, коническія сѣченія	—	—	3	
алгебра до уравненій 1-й степени включительно.	3	—	—	
продолженіе алгебры; тригонометрія	—	3	—	
приложеніе алгебры и тригонометріи къ рѣшенію планиметрическихъ и стереометрическихъ задачъ; землемеріе.	—	—	3	
арифметическія и геометрическія задачи	4	2	2	
2) Физика	4	—	—	4
3) Химія.	4	—	—	—

Предметы.	СЕМЕСТРЫ.			
	1-й и 2-й.	3-й.	4-й.	всего.
Химическія работы; повтореніе физики и химіи	—	4	—	8
Химическая технология	—	—	4	
4) Минералогія	—	2	2	2
5) Механика и машиновѣдѣніе	—	3	—	3
Ученіе о машинахъ и механическая технология	—	—	3	
6) Строительное искусство и составленіе смѣтъ	—	3	3	3
7) Рисованіе (въ послѣднемъ семестрѣ и моделированіе)	7	7	7	14
Черченіе	9	9	9	18
Итого	35	36	36	71

Учителей при каждомъ училищѣ полагалось трое:

одинъ—для математики, механики, машиновѣдѣнія и механической технологии;

другой—для естественныхъ наукъ: физики, химіи, минералогіи и химической технологии;

третій—для рисованія, черченія, моделированія и строительнаго искусства.

При повомъ уставѣ было приложено положеніе объ испытаніяхъ абитуриентовъ промышленныхъ училищъ и циркуляръ къ королевскимъ управленіямъ, въ коихъ, какъ и въ самомъ уставѣ, находятся нѣкоторыя весьма важныя указанія, сохранившія и въ настоящее время полную силу. Такъ, напримѣръ, упомянувъ о задачѣ какъ промышленнаго института, такъ и провинціальныхъ промышленныхъ училищъ доставлять будущимъ техникамъ теоретико-практическое образованіе, циркуляръ выводитъ отсюда заключеніе, что „и въ провинціальныхъ училищахъ должно преобладать примѣненіе теоретическаго знанія къ промышленности; ибо чисто теоретическія познанія въ математикѣ и естественныхъ наукахъ приносятъ мало пользы практику, и нельзя ему одному предоставлять самому пріискивать возмож-

ное примѣненіе этихъ познаній. Посему, при основаніи новыхъ и постепенномъ преобразованіи уже существующихъ провинціальныхъ промышленныхъ училищъ особенно должно налегать на практическіе предметы преподаванія: машиновѣдѣніе, практическія химическія работы, технологію и строительное искусство“.

Въ такомъ же духѣ выражалось и прусское министерство просвѣщенія относительно реальныхъ училищъ въ уставѣ этихъ училищъ отъ 6-го октября 1839 года: „Реальное училище, которое при всякомъ сообщеніи свѣдѣній не будетъ имѣть въ виду самостоятельнаго и точнаго примѣненія ихъ къ дѣлу, такъ чтобы всякое знаніе становилось умѣньемъ, упускаетъ изъ виду или пренебрегаетъ существенною долею своего особаго назначенія“ ¹⁾. Но какъ ни справедливо это требованіе, исполненіе его рѣшительно не возможно въ прусскихъ, собственно такъ-называемыхъ реальныхъ училищахъ, благодаря учебному ихъ плану, по коему молодые люди до того обременены изученіемъ многоразличныхъ предметовъ въ чрезвычайно обширныхъ объемахъ, что не можетъ быть и рѣчи о практическихъ примѣненіяхъ. Такое непоумѣрное обремененіе учениковъ въ прусскихъ реальныхъ училищахъ признается и директорами этихъ училищъ, по крайней мѣрѣ благоразумѣйшими изъ нихъ.

Но если прусскія *реальныя* училища грѣшатъ слишкомъ широкою программю, слишкомъ большими требованіями въ области предметовъ, не имѣющихъ примѣненія къ практической жизни, то *промышленныя* училища, по уставу 1850 года, грѣшили другою крайностію—полнымъ пренебреженіемъ всякаго общаго образованія, которое нисколько не соотвѣтствовало спеціальному. Въ такой несообразности были убѣждены и директора, и учителя промышленныхъ училищъ, въ значительномъ числѣ собиравшіеся 1-го сентября 1868 года на совѣщаніе въ Роландсэккѣ и значительнымъ большинствомъ голосовъ высказавшіеся о крайней необходимости включить въ учебный планъ этихъ училищъ нѣмецкій, французскій и англійскій языки, исторію и географію. Само правительство также раздѣляло эти убѣжденія, и слѣдствіемъ того было изданіе новаго устава 21-го марта 1870 года.

Пруссія промышленныя училища по уставу 1870 года.

Вотъ какъ высказывается о промышленныхъ училищахъ министерство въ циркулярѣ, при коемъ былъ разосланъ новый уставъ:

¹⁾ *Wiese, Verordnungen und Gesetze, I, 78.*

„По дѣйствовавшему доселѣ учебному плану промышленныя училища суть чисто спеціальныя школы, замкнутыя въ себѣ и отказывающіяся способствовать развитію общаго образованія.

„Незначительныя доли познаній, требуемыхъ существующими правилами для принятія въ заведеніе недостаточна для того, чтобы дать ученикамъ возможность воспринять и усвоить предлагаемую имъ значительную массу учебнаго матеріала. Вслѣдствіе того большинство изъ нихъ, для выполнения требованій экзамена, были принуждены повторять отдѣльные курсы. Съ другой стороны, если многіе абитуриенты промышленныхъ училищъ своими математическими и естественно-научными познаніями и превосходятъ абитуриентовъ гимназій и реальныхъ училищъ, то общимъ своимъ образованіемъ часто стоятъ на одной степени съ учениками элементарныхъ школъ. Эти недостатки могутъ быть устранены только тѣмъ, чтобы, съ одной стороны, усилить требованія отъ поступающихъ, а съ другой — включить въ учебный планъ тѣ общенаучные предметы, безъ знанія которыхъ въ наше время не можетъ обойтись промышленникъ, если онъ хочетъ заниматься своимъ дѣломъ успѣшно и обезпечить себѣ почетное положеніе въ гражданскомъ обществѣ. *Однако, при этомъ не должно упускать изъ виду, что промышленныя училища должны оставаться спеціальными училищами, почему вышеозначенные учебные предметы должны ограничиться новѣйшими языками, въ особенности нѣмецкимъ, французскимъ и англійскимъ, а затѣмъ — географіей и исторіей.*

„Молодому промышленнику прежде всего необходимо умѣніе говорить и писать правильно и логично на своемъ отечественномъ языкѣ. Далѣе онъ долженъ быть въ состояніи слѣдить за успѣхами другихъ народовъ на поприщѣ техники и промышленности и извлекать изъ нихъ пользу какъ въ своемъ, такъ и въ общественномъ интересѣ; а для этой цѣли ему необходимо усвоить себѣ французскій и англійскій языки по крайней мѣрѣ на столько, сколько нужно для вѣрнаго пониманія техническихъ сочиненій, изданныхъ на этихъ языкахъ.

„Ему не должны быть безызвѣстны физическое состояніе земной поверхности и отношенія ея къ водному, растительному и животному міру. Наконецъ, ему нужно имѣть понятіе объ исторіи развитія народовъ и государствъ, о ихъ путевыхъ сообщеніяхъ и торговыхъ сношеніяхъ“.

Включеніе въ учебный планъ промышленныхъ училищъ новыхъ

предметовъ, особенно же новѣйшихъ языковъ, прежде всего потребовало разширенія курса ученія съ двухъ до трехъ лѣтъ. А для того, чтобъ ученики и въ это время могли сколько-нибудь успѣть въ изученіи языковъ, нужно было значительно повысить требованія, коимъ должны удовлетворять поступающіе въ низшій классъ училища. По § 3-му новаго устава отъ нихъ требуется: возрастъ не моложе 14-ти лѣтъ и достаточныя познанія (зрѣлость) для секунды гимназіи или реального училища 1-го разряда, или же утвержденного правительствомъ высшаго городского училища (Bürgerschule), въ которомъ латинскій языкъ *обязателенъ*; отъ учениковъ же тѣхъ школъ, въ коихъ латинскій языкъ *не обязателенъ*, требуется, чтобъ они пробыли цѣлый годъ въ секундѣ (если они учились въ реальной школѣ 2-го разряда), или же, чтобъ они окончили полный курсъ (если учились въ городскомъ училищѣ безъ латинскаго языка). Последнее положеніе показываетъ, какъ въ Пруссіи высоко цѣнится и министерствомъ торговли образовательная сила древнихъ языковъ, ибо въ реальныхъ училищахъ 2-го разряда какъ математика, такъ и естественныя науки и новѣйшіе языки проходятся гораздо подробнѣе, чѣмъ въ высшихъ городскихъ училищахъ съ латинскимъ языкомъ, какъ видно изъ слѣдующаго сравненія числа часовъ, назначенныхъ на эти предметы до секунды:

	ВЪ РЕАЛЬНЫХЪ УЧИЛИЩАХЪ 2-ГО РАЗРЯДА.	ВЪ ГОРОДСКИХЪ УЧИЛИЩАХЪ СЪ ЛАТИНСКИМЪ ЯЗЫКОМЪ.
Математика.	отъ 24 до 30 часовъ.	отъ 15 до 21 час.
Французскій языкъ	„ 25 „ 30 „	„ 8 „ 12 „
Англійскій языкъ.	„ 8 „ 12 „	„ 4
Естественныя науки.	„ 10 „ 15 „	„ 4 „ 6 „
Итого . отъ 67 до 87 часовъ.		отъ 31 до 43 час. ¹⁾ .

Итакъ, ученикъ, изучавшій такъ-называемые реальные предметы лишь въ продолженіе 31—43 часовъ, предпочитается другому, употребившему на тѣ же предметы слишкомъ въ полтора раза, или вдвое больше времени, единственно потому, что первый, сверхъ того, изучалъ еще латинскій языкъ, и притомъ, только въ продолженіе 21—26 часовъ.

Трехлѣтній и трехклассный курсъ ученія промышленныхъ училищъ распределенъ такимъ образомъ, что въ двухъ низшихъ клас-

¹⁾ См. *Wiess*, Verordnungen und Gesetze I, 46, 47.

сахъ сосредоточены математика, физика, химія, рисованіе и черченіе и общеобразовательные предметы; высшій же классъ есть классъ преимущественно спеціальный, имѣющій назначеніемъ *примѣненіе науки къ промышленности*. Этотъ классъ распадается на четыре отдѣленія, смотря по кругу дѣйствія, къ какому предназначаютъ себя воспитанники, а именно:

- а) отдѣленіе для подготовленія воспитанниковъ къ поступленію въ высшее техническое училище,
- б) для строительнаго искусства,
- с) для промышленности механико-технической, и
- д) для промышленности химико-технической.

Учебные предметы распределены по слѣдующему плану:

Учебные предметы.	Классы.		Спеціальныи классъ.			
	1-я.	2-я.	а.	б.	с.	д.
1) Языкъ нѣмецкій	2	2	2	—	—	—
2) Языкъ французскій	2	2	2	—	—	—
3) Языкъ англійскій	2	2	2	—	—	—
4) Всеобщая и торговая географія и исторія	4	4	3	—	—	—
5) Рисованіе	5	6	5	—	2	—
6) Математика	10	8	2	2	2	2
7) Физика	3	2	—	—	—	—
8) Химія	3	2	—	—	—	—
9) Повторенія изъ физики и химіи.	—	—	2	2	2	2
10) Химическая технологія.	—	—	2	2	2	2
11) Минералогія.	—	—	2	2	2	2
12) Практическія работы въ химической лабораторіи, вмѣстѣ съ необходимыми объяснительными чтеніями.	—	—	—	—	—	15
13) Линейное черченіе (упражненія въ примѣненіи описательной геометріи)	5	8	—	2	2	2
14) Механика.	—	2	2	2	2	2

Учебные предметы.	Классы.		Спеціальныи классъ.			
	1-я.	2-я.	а.	б.	с.	д.
15) Землемѣріе и нивелировка . . .	—	—	2	2	2	—
16) Моделированіе	—	—	2	4	2	—
17) Счетоводство	—	—	2	2	2	2
18) Машиновѣдѣніе и механическая технология	—	—	4	4	6	4
19) Проектированіе и исчисленіе частей машинъ и машинъ	—	—	—	—	7	—
20) Общее строительное искусство .	—	—	2	2	2	2
21) Спеціальное строительное искусство и ученіе о формахъ, исторія искусствъ, ученіе о камнеобжеченіи и проч.	—	—	—	4	—	—
22) Составленіе смѣтъ и ученіе о строительныхъ матеріалахъ	—	—	—	3	2	2
23) Упражненія въ проектированіи строеній	—	—	—	8	2	2
Итого недѣльныхъ часовъ .	36	38	36	41	39	39

При сравненіи этого учебнаго плана съ прежнимъ, оказывается, что противъ учебнаго плана 1850 года въ новомъ прибавлено въ первыхъ двухъ классахъ на языки, географію и исторію всего 20 часовъ, убавлено же изъ математики и механики по одному часу, изъ естественныхъ наукъ—4 часа, изъ рисованія—3, а изъ черченія—5 часовъ; нѣкоторыя части этихъ предметовъ, а равно строительное искусство, отнесены въ высшій спеціальныи классъ. Этотъ спеціальныи классъ составляетъ важнѣйшую особенность новаго плана. Впрочемъ, не всѣмъ его отдѣленіямъ приличествуетъ въ полномъ смыслѣ названіе спеціальныхъ, но только тремъ послѣднимъ; ибо въ первомъ отдѣленіи, какъ выше сказано, ученики, перешедшіе изъ втораго класса, должны приготовляться лишь вообще къ поступленію въ высшее техническое училище, не предѣлая избираемой ими спеціальности. И хотя въ этомъ отдѣленіи преподаются нѣкоторыя спеціальныя предметы, какъ-то: химическая и механическая технология, машиновѣдѣ-

ніе, землемѣріе и нивелировка, счетоводство и общее строительное искусство,—однако, по остальнымъ предметамъ, учебный планъ перваго отдѣленія ближе подходитъ къ двумъ нижнимъ классамъ, нежели остальные три отдѣленія, въ коихъ уже совершенно определеннымъ образомъ выступаетъ специальный характеръ назначеніемъ значительнаго числа уроковъ на предметы, относящіеся къ архитектурѣ, механикѣ и химіи. Такой особенный характеръ 1-го отдѣленія высшаго класса выразился, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ промышленныхъ училищахъ (какъ мнѣ случилось убѣдиться, напримѣръ, въ Бригѣ), особеннымъ названіемъ, именно названіемъ *научнаго* отдѣленія (*wissenschaftliche Abtheilung*), въ отличие отъ остальныхъ, называемыхъ собственно *спеціальными* (*Fachabtheilungen*). Самый выпускной экзаменъ, съ правомъ поступленія въ высшее техническое училище, разчитанъ лишь на воспитанниковъ 1-го отдѣленія, хотя и остальнымъ предоставляется право подвергаться испытанію. Въ самомъ дѣлѣ, выпускной экзаменъ распространяется на всѣ предметы 1-го отдѣленія, тогда какъ чисто спеціальныя предметы прочихъ отдѣленій, обозначенныя въ учебномъ планѣ подъ №№ 12, 19, 21, 22 и 23, не обязательны. А такъ какъ изъ числа предметовъ 1-го отдѣленія нѣмецкій, французскій и англійскій языки, исторія и географія не преподаются въ остальныхъ отдѣленіяхъ высшаго класса, то ученикамъ этихъ отдѣленій будетъ чрезвычайно трудно выдержать выпускной экзаменъ. Поэтому такіе ученики теперь обыкновенно подвергаются экзамену на основаніи устава 1850 года; ибо выдержавшіе такой экзаменъ до сихъ поръ еще пользуются правомъ поступленія въ высшія техническія училища; но это право предоставлено имъ лишь на нѣкоторое время, срокъ которому, впрочемъ, еще не определенъ.

Разширеніе курса ученія по новому уставу промышленныхъ училищъ потребовало и увеличенія числа учителей сравнительно съ прежними училищами. Въ этихъ училищахъ полагалось, какъ выше упомянуто, всего три учителя, въ новыхъ же полагается семь учителей и одинъ помощникъ, а именно:

одинъ учитель для математики и механики;

одинъ для физики, химіи, минералогіи, химической технологіи и практическихъ работъ въ химической лабораторіи;

одинъ для машиновѣдѣнія, механической технологіи, проектированія и исчисленія частей машинъ и машинъ, и для черченія;

одинъ для строительнаго искусства и ученія о формахъ, исторіи

искусствъ, составленія смѣтъ и проектированія построекъ, замлемѣрія и нивелировки и черченія;

одинъ для рисованія и моделированія;

двое для языковъ: нѣмецкаго, французскаго и англійскаго, для исторіи, географіи, упражненій въ ариѳметикѣ и счетоводства;

одинъ помощникъ учителя естественныхъ наукъ.

Число уроковъ, препоручаемыхъ одному учителю, не должно (въ обыкновенныхъ случаяхъ) превышать двадцати-пяти въ недѣлю. Жалованье должно быть не менѣе 600 талеровъ, а жалованье директора не менѣе 1.200 талеровъ. Опредѣленіе учителей производится министерствомъ торговли, по представленію начальства училища.

Общинамъ предоставляется, въ случаѣ надобности, учреждать приготовительные классы при промышленныхъ училищахъ. Эти классы должны имѣть самостоятельную область обученія и состоять подъ управленіемъ директора промышленнаго училища, но объ устройствѣ ихъ ничего не опредѣлено въ уставѣ, вѣроятно, потому, что эти приготовительные классы находятся подъ вѣдѣніемъ другого министерства, а именно — народнаго просвѣщенія. Только въ циркулярѣ, сопровождавшемъ новый уставъ, упоминается мимоходомъ, что приготовительная школа *можетъ* состоять изъ трехъ классовъ, и это число приготовительныхъ классовъ принято въ основаніе при опредѣленіи примѣрной величины зданія для помѣщенія промышленнаго училища и при составленіи схематическаго плана подобнаго зданія. Этотъ планъ, приложенный къ циркулиру, разчитанъ на три класса промышленнаго училища и три класса приготовительныхъ, всего на шесть классовъ. Считая въ каждомъ классѣ около 40 учениковъ, расчетъ сдѣланъ на 240 до 250 человекъ, при чемъ на cadaго ученика въ классныхъ комнатахъ полагается пространства не менѣе 12 □ футовъ, а въ рисовальныхъ залахъ не менѣе 32 □ футовъ.

Приготовительные классы при каждомъ училищѣ предполагается, по мѣрѣ возможности, помѣщать въ нижнемъ этажѣ, равно и химическую лабораторію, полъ которой долженъ быть покрытъ асфальтомъ. Главнымъ правиломъ полагается смежность тѣхъ помѣщеній, которыя, по предметамъ обученія, должны составлять одну группу, не разрозненную другими помѣщеніями. Примѣры таковыхъ группъ составляютъ:

а) химическая лабораторія съ принадлежностями, комната для вѣсовъ и рабочая комната учителя естественныхъ наукъ;

б) классная комната для преподаванія естественныхъ наукъ и комнаты для помѣщенія кабинетовъ физическаго, минералогическаго и химическаго;

в) залы для упражненія воспитанниковъ спеціального класса и помѣщенія для моделей архитектурныхъ и машиностроительныхъ;

г) рисовальныя залы и помѣщенія для оригиналовъ и гипсовыхъ моделей.

Для опредѣленія отношенія новыхъ прусскихъ промышленныхъ училищъ къ прусскимъ же реальнымъ училищамъ 1-го разряда слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ промышленныя училища принимаются воспитанники реальныхъ училищъ, дошедшіе до секунды. Посему должно сравнить учебный курсъ двухъ первыхъ классовъ промышленнаго училища съ двухгодичнымъ курсомъ секунды реального училища. При этомъ окажется—если оставить безъ вниманія 2 часа, назначенныя въ реальныхъ училищахъ еженедѣльно на законъ Божій и 4 часа на латинскій языкъ,—что въ соответствующіе два года назначено:

	Въ училищахъ	
	реальныхъ:	промышленныхъ:
1) На языки, исторію и географію	26 часовъ.	20 часовъ.
2) На предметы математическіе и естественныя науки	22 " "	30 " "
3) На рисованіе и черченіе	4 " "	24 " "

Итакъ, въ *промышленныхъ* училищахъ на математику и реальные предметы положено 54 часа въ продолженіе того же времени, въ которое въ реальныхъ училищахъ 1-го разряда на тѣ же предметы положено только 26 часовъ, слѣдовательно, менѣе половины: поэтому, казалось бы, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, какимъ изъ этихъ училищъ болѣе приличествуетъ названіе реальныхъ, если даже не принимать въ разчетъ высшаго спеціального класса промышленныхъ училищъ. Такимъ образомъ, очевидно, что прусскія реальныя училища, не давая классическаго образованія, не даютъ и столь основательнаго реального, какъ промышленныя училища, и потому, по крайней мѣрѣ, бесполезны; если же принять въ разчетъ напрасную трату на нихъ денегъ (хотя и не казенныхъ, ибо въ Пруссіи они содержатся на счетъ общинъ) и постоянныя домогательства объ уравненіи ихъ съ гимназіями во всѣхъ ихъ правахъ,—то бесполезность этихъ училищъ представится намъ въ видѣ прямого вреда. Такъ понимаетъ значеніе прусскихъ реальныхъ училищъ и г. Ноттебомъ, который въ бесѣдѣ со мною выразилъ желаніе, „чтобы мы (Русскіе)

навсегда были избавлены отъ такъ-называемыхъ реальныхъ училищъ, составляющихъ *ракъ* (Krebsschaden) прусской школьной системы". Известно, что ракъ—болѣзнь не излѣчимая, и что, въ видахъ спасенія жизни, хирурги всегда спѣшатъ заранѣе удалить посредствомъ операціи части нашего тѣла, пораженныя ракомъ. Г. Ноттебомъ, очевидно, желаетъ такого же отсѣченія реальныхъ училищъ отъ организма прусской школьной системы!

Но если новыя промышленныя училища далеко превосходятъ прусскія реальныя училища, то съ другой стороны, нисколько не умаляя заслугъ достойныхъ составителей новаго ихъ устава, нельзя не согласиться съ нѣкоторыми критическими замѣчаніями, сдѣланными о ихъ устройствѣ преимущественно людьми, заинтересованными въ процвѣтаніи *реальныхъ* училищъ. Такъ директоръ реального училища въ Крефельдѣ, г. Шауэнбургъ, въ особой брошюрѣ о промышленныхъ училищахъ, помимо нѣкоторыхъ, явно одностороннихъ и пристрастныхъ сужденій, выставляетъ слѣдующіе ихъ недостатки:

1) На выпускномъ экзаменѣ требуются познанія въ области новѣйшихъ языковъ такія, какія невозможно пріобрѣсти воспитанникамъ даже научнаго отдѣленія и при лучшей подготовкѣ въ продолженіе трехлѣтняго курса, ибо на эти языки назначено только по два часа въ недѣлю. Мнѣ кажется, что это замѣчаніе тѣмъ болѣе справедливо, что въ научномъ отдѣленіи высшаго класса около 12 недѣльныхъ часовъ назначено на чисто спеціальныя предметы, изъ коихъ многіе не нужны тѣмъ, кто готовится къ поступленію въ политехническіе институты, гдѣ тѣ же предметы преподаются гораздо подробнѣе и основательнѣе.

2) Если при промышленномъ училищѣ существуютъ приготовительныя классы, то одно и то же училище, управляемое однимъ и тѣмъ же директоромъ, подчинено двумъ вѣдомствамъ, — министерствамъ торговли и народнаго просвѣщенія. „Не рѣдко можетъ случиться“, говоритъ г. Шауэнбургъ, „что мѣры, предпринимаемыя директоромъ, заслужаютъ одобреніе со стороны министерства торговли и неудовольствіе со стороны министерства просвѣщенія“. Неудобство такого двойственнаго начальства признается всѣми педагогами, съ которыми мнѣ случилось бесѣдовать объ этомъ; большинство же изъ нихъ предпочли бы подчиненіе промышленныхъ и политехническихъ училищъ въ полномъ ихъ составѣ министерству народнаго просвѣщенія, какъ болѣе компетентному въ дѣлѣ просвѣщенія и располагающему большими къ тому средствами. Выгоды такого подчиненія, по свидѣтель-

ству лицъ знакомыхъ съ мѣстными обстоятельствами, обнаруживаются уже и на практикѣ въ Баваріи, гдѣ всѣ промышленныя и высшія техническія училища прежде также были подвѣдомы министерству торговли, по съ 1-го декабря 1871 года подчинены министерству просвѣщенія, наравнѣ съ университетами и гимназіями.

Не могу не упомянуть еще объ одномъ опасеніи, выражаемомъ г. Шауэнбургомъ, которое заслуживаетъ вниманія потому особенно, что этотъ педагогъ принадлежитъ къ числу такъ называемыхъ реалистовъ. Дѣло въ томъ, что правительство въ Пруссіи, при учрежденіи новыхъ промышленныхъ училищъ, беретъ на себя половину всѣхъ расходовъ, и притомъ школьная плата въ этихъ училищахъ ниже таковой платы въ большей части общеобразовательныхъ школъ; вотъ почему г. Шауэнбургъ опасается, что число промышленныхъ училищъ чрезъ мѣру увеличится и слишкомъ много молодыхъ людей будутъ отвлечены отъ изученія древнихъ языковъ. Вотъ подлинныя слова г. Шауэнбурга: „Это опасеніе тѣмъ настоятельнѣе, что, какъ извѣстно, изученіе древнихъ языковъ весьма непопулярно въ нѣкоторыхъ кружкахъ, не понимающихъ важности этого изученія для умственнаго развитія и потому видящихъ въ немъ лишь потерю времени, вслѣдствіе чего желаніе родителей избавить дѣтей отъ изученія столь трудныхъ предметовъ можетъ повлечь за собою переходъ массами въ соперничающія промышленныя училища“.

Пребываніемъ своимъ въ Берлинѣ я желалъ воспользоваться и для того, чтобы познакомиться съ извѣстнымъ ученымъ по части механики и машиностроенія, профессоромъ Рёло, директоромъ промышленной академіи; но, къ сожалѣнію, г. Рёло былъ откомандированъ на Вѣнскую выставку. Должность его исправлялъ профессоръ архитектуры, совѣтникъ (Baurath) Мангеръ, который съ большимъ радушіемъ показывалъ мнѣ академію, аудиторію, химическую лабораторію, механическую мастерскую и богатныя собранія, о коихъ уже выше было упомянуто. Берлинская академія славится, между прочимъ, единственнымъ въ своемъ родѣ собраніемъ моделей по части механики и въ особенности кинематики, которыя почти всѣ изготовлены въ собственной мастерской академіи. Значительная доля этихъ моделей также была отправлена на Вѣнскую выставку. На предложенный мною г. Мангеру вопросъ о томъ, какіе ученики академіи оказываютъ болѣе успѣховъ, абитуриенты гимназій или реальныхъ училищъ, онъ отвѣтилъ, что отдаетъ рѣшительное преимущество первымъ передъ вторыми.

Хотя въ самомъ Берлинѣ два училища носятъ названіе: „Gewerbeschule“ — Фридрихъ-Вердеровское и Луизенштадтское, — но оба они — лишь реальныя училища безъ латинскаго языка. Первое изъ нихъ имѣетъ 9-лѣтній курсъ и 550 учениковъ, а между тѣмъ къ пасхѣ прошлаго года выпустило только пять абитуриентовъ. (Mushacke, Schulkalender, 1873, II, S. 81).

Потсдамское промышленное училище.

Настоящее промышленное училище находится близъ Берлина, въ Потсдамѣ, которое я и посѣтилъ ^{23-го мая}/_{1-го июня}. Училище это еще не преобразовано по новому уставу и потому состоитъ только изъ двухъ классовъ. Оно основано въ 1822 году, но принадлежитъ къ числу самыхъ незначительныхъ, имѣвши въ прошломъ году лишь 53 ученика, однако, при этомъ 11 абитуриентовъ. Директоръ г. Ланггофъ преподаетъ естественныя науки. Онъ издалъ еще въ 1860 году интересную исторію промышленныхъ училищъ подъ заглавіемъ: „Beitrag zur Geschichte der Preuss. Provinzial-Gewerbeschulen und Geschichte der Provinzial-Gewerbeschule zu Potsdam.“ Не смотря на незначительность училища, при немъ состоитъ лабораторія, въ коей могутъ работать 12 практикантовъ, изъ учениковъ, желающихъ посвятить себя химіи. Направленіе всего преподаванія, согласно уставу 1850 года, чисто практическое и ведется весьма успѣшно. Такъ, при моемъ посѣщеніи, ученики лишь въ продолженіе восьми недѣль занимались моделированіемъ изъ глины, а между тѣмъ выдѣлывали уже разнообразныя орнаменты съ замѣчательною отчетливостью. Г. Ланггофъ, сочувствуя вполнѣ поднятію уровня общаго образованія въ промышленныхъ училищахъ (вслѣдствіе устава 1870 года), находитъ однако что нужны и такія школы, въ коихъ могли бы получить въ пѣкоторой степени техническое образованіе молодые люди, не получившіе такой предварительной подготовки, какая требуется новымъ уставомъ промышленныхъ училищъ. Относительно прусскихъ реальныхъ училищъ 1-го разряда г. Ланггофъ раздѣляетъ мнѣніе о нихъ гг. Ноттебома и Мангера, но утѣшаетъ себя надеждою, что эти училища никогда не сравняются въ правахъ съ гуманистическими гимназіями.

Передъ отъѣздомъ изъ Берлина, я счелъ обязанностію благодарить г. Ноттебома за сообщенныя имъ мнѣ свѣдѣнія, и при этомъ получилъ отъ него открытое письмо, за подписью министра, д-ра Ахенбаха, о допущеніи меня къ осмотру всѣхъ техническихъ училищъ Пруссіи.

^{24-го мая}_{5-го Іюня} вечеромъ я выѣхалъ въ Брауншвейгъ, гдѣ имѣлъ намѣреніе посѣтить извѣстнаго ученаго по части химической технологіи, автора одного изъ лучшихъ учебниковъ по этому предмету (вышедшаго уже 3-мъ изданіемъ и переведеннаго на англійскій языкъ), профессора при Брауншвейгскомъ политехническомъ училищѣ Кнаппа.

Брауншвейгскій политехническій институтъ.

Брауншвейгскій политехническій институтъ принадлежитъ къ числу наименѣе обширныхъ, но самыхъ древнихъ въ Германіи. Начало его возводится къ 1745 году, когда былъ основанъ такъ называемый Collegium Carolinum, имѣвшій особое техническое отдѣленіе, которое въ 1861 году было расширено и преобразовано въ политехническое училище. Нынѣ это училище, кромѣ общаго отдѣленія, состоитъ изъ пяти спеціальныхъ школъ: 1) для строителей и инженеровъ; 2) машиностроителей; 3) техническихъ химиковъ; 4) фармацевтовъ и 5) для лѣсничыхъ. Профессоровъ при училищѣ 24 и 2 ассистента при химическихъ лабораторіяхъ.

При бесѣдѣ съ профессоромъ Кнаппомъ, меня интересовали не только его мысли объ изученіи химической технологіи, но также о техническомъ образованіи вообще и о новыхъ прусскихъ промышленныхъ училищахъ, о коихъ я имѣлъ право ожидать отъ него тѣмъ болѣе безпристрастнаго сужденія, что онъ не находится въ прусской службѣ и потому стоитъ внѣ всякихъ партій относительно этого вопроса.

Г. Кнаппъ одобряетъ устройство прусскихъ промышленныхъ училищъ на столько, на сколько они служатъ къ образованію техникувъ-практиковъ, не ищущихъ высшаго образованія; но для подготовленія молодыхъ людей къ поступленію въ высшія техническія училища, онъ глубоко убѣжденъ, что не должно бы существовать никакихъ другихъ училищъ кромѣ гимназій. Почтенный профессоръ говорилъ долго, съ юношескимъ жаромъ и такъ убѣдительно, что я крайне сожалѣлъ, что не могъ записать всѣхъ его словъ стенографическимъ способомъ. Но постараюсь передать сущность его мыслей.

Если правительства, сказалъ онъ, считаютъ необходимымъ требовать отъ своихъ чиновниковъ гимназической подготовки, потому что гимназія лучше всего развиваетъ умственныя способности и самостоятельность челоуѣка, то развѣ для управленія большимъ заводомъ, для постройки желѣзной дороги и вообще для дѣятельности инже-

нера и техника нужна меньшая умственная развитость и самостоятельность? Въ гимназiи, и только въ гимназiи, какъ въ единственномъ истинно общеобразовательномъ училищѣ, образуется *человѣкъ*, а затѣмъ уже въ высшемъ училищѣ (будетъ ли то университетъ, или специальная школа) образуется *специалистъ* ¹⁾. Тутъ не должно бы быть никакой разницы между университетами и политехническими училищами, которыя и возникли лишь благодаря излишнему консерватизму университетовъ, не понявшихъ современной потребности высшего техническаго образованiя и потому замкнувшихся въ исконныхъ четырехъ факультетахъ. Если бы университеты стали открывать въпрямую новыя техническія факультеты, то никому и въ голову не пришло бы учреждать для этихъ факультетовъ особыя приготовительныя училища, кромѣ классическихъ гимназiй, въ которыхъ, быть можетъ, слѣдовало бы только обращать болѣе вниманiя на преподаванiе математики. При этомъ профессоръ припомнилъ, что-около 1840-хъ годовъ Гессенъ-Дармштатское правительство сдѣлало было опытъ допущенiя въ университетъ молодыхъ людей, не получившихъ классическаго образованiя, но что результаты оказались очень скоро весьма плохiе. Такъ и теперь политехническія институты стоятъ ниже университетовъ; нѣтъ въ нихъ того научнаго духа, какъ въ университетахъ, мало людей двигающихъ науку,—а все отъ плохой подготовки воспитанниковъ, въ число коихъ принимается много молодыхъ людей слишкомъ недостаточно образованныхъ. При этомъ онъ упомянулъ, что и въ Брауншвейгскомъ *Carolinum* многіе изъ воспитанниковъ химическаго отдѣленiя, если имъ приходится сдѣлать интересную работу, бываютъ не въ состоянiи описать ее сами для печати.

Ганноверскiй политехническiй институтъ.

^{25-го мая}
^{6-го iюня} я отправился въ Ганноверъ, гдѣ находится одно изъ значительныхъ въ Германiи политехническихъ училищъ, при коемъ состоятъ 24 профессора и 6 ассистентовъ. По послѣдней программѣ въ 1872/73 году было 467 студентовъ и 68 слушателей — всего 535; въ числѣ ихъ показано 76 иностранцевъ, между коими 26 изъ Америки, 5 изъ Россiи и 8 изъ русскихъ нѣмецкихъ балтiйскихъ губерній (*aus den russischen deutschen Ostseeprovinzen*).

Ганноверское политехническое училище открыто въ 1831 году.

¹⁾ In den Gymnasien bildet man den *Menschen*, dann in den Specialschulen oder Universitäten den *Fachmenschen*.

Оно было организовано призваннымъ для того изъ Вѣны извѣстнымъ ученымъ технологомъ Кармаршемъ, который и понинѣ управляетъ онымъ и вмѣстѣ преподаетъ механическую технологию. Училище состоитъ изъ приготовительнаго отдѣленія (Vorschule) и главнаго училища (Hauptschule). Въ первомъ преподается лишь математика (до аналитической геометріи, а изъ алгебры уравненія 3 и 4 степени), зоологія и ботаника, минералогія, рисованіе и черченіе. Всѣ остальные предметы составляютъ область главнаго училища, которое не раздѣляется на отдѣльныя спеціальныя школы, какъ въ другихъ политехническихъ институтахъ. Преподаваніе каждаго предмета производится независимо отъ другихъ, при чемъ слушателямъ лишь рекомендуются 6 различныхъ учебныхъ плановъ, смотря по избираемой ими спеціальности, а именно: 1) курсъ трехлѣтній для химическихъ технологовъ; 2) двухгодичный—для агрономовъ; 3) трехлѣтній—для землемѣровъ; 4) трехлѣтній—для машинистовъ и механико-техниковъ; 5) четырехлѣтній—для архитекторовъ и 6) четырехлѣтній—для инженеровъ-строителей.

Учебныя пособія при Ганноверскомъ институтѣ по всѣмъ отраслямъ весьма обильны, но особеннымъ богатствомъ отличаются собранія по части механической технологии, а именно: 1) собраніе инструментовъ или орудій, употребляемыхъ въ технику, коихъ еще въ 1869 году было около 8000 номеровъ. Слишкомъ сорокъ лѣтъ почтенный профессоръ Кармаршъ трудится надъ составленіемъ этого кабинета, который имъ подробно описанъ въ особомъ сочиненіи, изданномъ въ 1870 году и содержащемъ также взгляды автора на способы преподаванія технологии (Karmarsch, Katalog der Werkzeugsammlung an der polytechnischen Schule zu Hannover).

2) Собраніе техническихъ матеріаловъ. Оно содержитъ болѣе 3000 номеровъ какъ сырыхъ матеріаловъ, такъ и полуобработанныхъ, равно отбросы отъ разныхъ работъ.

3) Собраніе фабричныхъ издѣлій, числомъ слишкомъ 8000, содержитъ выборъ образцовъ готовыхъ издѣлій механическихъ промысловъ и такихъ полуготовыхъ, которые по своей формѣ лучше подходятъ къ готовымъ издѣліямъ, нежели къ сырымъ матеріаламъ.

Кѣльнское промышленное училище.

Осмотрѣвъ какъ эти кабинеты, такъ и все политехническое училище въ Ганноверѣ, я отправился 27-го мая въ Кѣльнъ. Въ этомъ бога-

томъ промышленномъ и торговомъ городѣ съ 1851 года существуетъ промышленное училище, для котораго въ 1867—1869 г. выстроено новое, великолѣпное зданіе, стоившее городу болѣе 100.000 талеровъ. Въ настоящее время предполагается преобразовать это училище по уставу 1870 года, но до сихъ поръ оно управляется еще по старому уставу, и потому, какъ образецъ отживающихъ свой вѣкъ старыхъ промышленныхъ училищъ, заслуживало особеннаго моего вниманія, тѣмъ болѣе, что при немъ находится и трехклассная приготовительная школа. Собственно въ промышленномъ училищѣ около 130 воспитанниковъ, и потому въ немъ, кромѣ двухъ нормальныхъ, устроены еще два параллельные класса; въ трехклассной приготовительной школѣ болѣе 200 учениковъ, распределенныхъ на 6 классовъ. Такъ какъ для приготовительныхъ школъ нѣтъ общаго для всѣхъ ихъ учебнаго плана, то считаю не лишнимъ сообщить здѣсь распределение учебныхъ предметовъ, введенное въ Кальнскихъ приготовительныхъ классахъ:

Предметы.	Классы.			ВСЕГО.
	1-я.	2-я.	3-я.	
1) Законъ Божій.	2	2	2	6 час.
2) Языкъ нѣмецкій.	4	3	3	10 >
3) Языкъ французскій	6	5	5	16 >
4) Языкъ англійскій	—	4	4	8 >
5) Арифметика, геометрія, алгебра .	5	6	6	17 >
6) Исторія и географія	4	4	4	12 >
7) Ботаника (лѣтомъ) и зоологія (зимой)	2	2	3	7 >
8) Рисованіе	4	4	4	12 >
9) Чистописаніе	4	4	—	8 >
10) Гимнастика и нѣніе (по 1 часу).	2	2	2	6 >
Итого	33	36	33	102

Что касается самаго промышленнаго училища, то оно во всѣхъ частяхъ устроено чрезвычайно удобно, но въ особенности отличается своею цѣлесообразностію устройство химической лабораторіи, не усту-

пающей многимъ лабораторіямъ при высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ ней очень удобно 40 практикантовъ могутъ заниматься качественнымъ анализомъ; а рядомъ съ нею аудиторія, куда передаются приготовленные въ лабораторіи аппараты чрезъ отверстіе въ стѣнѣ, закрываемое стеклянною рамкою. Кромѣ того, имѣется другая комната для количественныхъ анализовъ на 10 мѣстъ, особая комната для вѣсовъ, обширное помѣщеніе въ подвалѣ, назначенное преимущественно для химико-техническихъ работъ, и веранда, то-есть, открытое съ боковъ помѣщеніе для такихъ работъ, при которыхъ отдѣляется много вредныхъ, или вонючихъ газовъ. Такія веранды устроены нынѣ за границею при многихъ лабораторіяхъ; у насъ же онѣ едва ли удобопримѣнимы по суровости нашего климата, кромѣ лѣтнихъ мѣсяцевъ.

При осмотрѣ лабораторіи, я выразилъ г. директору желаніе имѣть эскизъ ея, вслѣдствіе чего онъ былъ такъ обязателенъ, что попросилъ преподавателя архитектуры начертить подробный планъ всей части зданія, гдѣ помѣщается лабораторія.

Директоръ училища, д-ръ Баккесъ, вмѣстѣ и преподаватель математики и механики, говорилъ мнѣ, что при преподаваніи всегда обращается преимущественное вниманіе на предметы, имѣющіе какое-либо отношеніе къ техникѣ, или вообще къ практической жизни. Въ справедливости его словъ я имѣлъ случай убѣдиться на тѣхъ немногихъ урокахъ, при которыхъ мнѣ удалось присутствовать. Такъ, на урокъ механики г. директоръ спрашивалъ учениковъ очень подробно о значеніи килограмметра и о законахъ движенія, и заставлялъ ихъ рѣшать числовыя задачи, при чемъ требовалось отчетливое знаніе на память формулъ движенія равномернаго и ускореннаго. На урокъ физики преподаватель г. Вейландъ говорилъ весьма подробно о разныхъ родахъ паровыхъ машинъ, о различіи между обыкновенною паровою машиною и локомотивами, при чемъ показывалъ большіе и подробные рисунки. На урокъ химіи тотъ же преподаватель дѣлалъ репетицію о сѣрной кислотѣ; ученики отвѣчали очень подробно и удовлетворительно какъ о добываніи ея, такъ и о процессѣ ея образованія, при чемъ описывали и опыты, на какихъ основывались ихъ отвѣты, столь отчетливо, что нельзя было сомнѣваться въ томъ, что они видѣли всѣ эти опыты.

Въ Кельнѣ я имѣлъ удовольствіе познакомиться еще съ директоромъ тамошняго реальнаго перворазряднаго училища, д-ромъ Шелленомъ. Это весьма уважаемый математикъ и физикъ, авторъ луч-

шаго сочиненія объ электромагнитныхъ телеграфахъ (за которое ему недавно былъ всемілостивѣйше пожалованъ орденъ св. Анны), весьма распространеннаго въ Германіи обширнаго сборника арифметическихъ задачъ, который славится разнообразіемъ и практичностью, сочиненій о спектральномъ анализѣ, объ атлантическомъ кабелѣ и друг.

Управляемое г. Шелленомъ училище, посѣщаемое приблизительно 600 учениками, принадлежитъ къ числу самыхъ значительныхъ въ Пруссіи. Оно имѣетъ прекрасныя собранія и особенно богатый физическій кабинетъ, которымъ завѣдуетъ самъ директоръ, какъ преподаватель физики. При разговорахъ моихъ съ нимъ, мы естественно коснулись и отношенія реальныхъ училищъ къ гимназіямъ. Г. Шелленъ, какъ и всѣ директора реальныхъ училищъ, конечно стоитъ за расширеніе правъ этихъ училищъ; однако, какъ человѣкъ высоко и солидно образованный, нисколько не колеблясь, признаетъ превосходство полнаго классическаго образованія передъ тѣмъ полу-классическимъ, какое дается въ прусскихъ реальныхъ училищахъ съ однимъ латинскимъ языкомъ; но онъ, подобно многимъ другимъ реалистамъ, упрекаетъ прусскія гимназіи въ томъ, что въ нихъ слишкомъ пренебрегается математика и физика, и при томъ не столько еще по недостаточному числу уроковъ, сколько по спиходительности, съ какою производятся испытанія изъ этихъ предметовъ, вслѣдствіе чего воспитанники увѣрены, что ихъ переведутъ въ высшій классъ и дадутъ имъ свидѣтельство зрѣлости, какъ бы ни слабы они были въ математикѣ.

Не знаю, на сколько справедливы эти упреки. Странно, однако, что при настоящемъ устройствѣ гимназій, въ Пруссіи математическія науки сильно развиты и процвѣтаютъ. Но если тѣ упреки и дѣйствительно основательны, то въ томъ неповинна классическая система образованія, и этотъ недостатокъ очень легко исправить, усиливъ нѣсколько въ гимназіяхъ требованія относительно математики и физики; а если это неудобно по слишкомъ значительному числу недѣльныхъ уроковъ, то можно бы убавить нѣсколько часовъ, назначенныхъ на древніе языки. Нѣчто подобное сдѣлано въ нашихъ гимназіяхъ, и г. Шелленъ соглашается, что при такой системѣ распредѣленія предметовъ (конечно, съ сохраненіемъ 9-ти лѣтняго курса, установленнаго въ Пруссіи), такъ называемыя реальные училища совершенно потеряли бы свой *raison d'être*, ибо тогда осталось бы лишь сократить въ нихъ слишкомъ большое число уроковъ математики и особенно естественныхъ наукъ, а въ замѣнъ того ввести греческій языкъ. Тогда

реальныя училища перваго разряда слились бы въ одно съ гимназіями, которыя, будучи единственными приготовительными школами для университетовъ, стали бы давать и наибольшій контингентъ учениковъ въ высшія техническія училища, что послужило бы этимъ училищамъ къ несомнѣнной пользѣ. При этихъ бесѣдахъ у насъ зашла рѣчь и о преподаваніи логики. Меня весьма интересовало узнать объ этомъ мнѣніе такого извѣстнаго ученаго и вмѣстѣ съ тѣмъ опытнаго педагога, каковъ Шелленъ. Извѣстно, что на философскую пропедевтику теперь въ Германіи не обращается почти никакого вниманія, да и при университетахъ философскія лекціи очень мало посѣщаются. Если при гимназіяхъ и преподается логика, то лишь такъ - называемая формальная, съ опущеніемъ той, самой важной ея части, которую Нѣмцы нынѣ отдѣляютъ отъ нея подъ названіемъ „ученія о познаніи“ (Erkenntnisslehre). Поэтому я спросилъ г. Шеллена, не полагаетъ ли онъ въ такомъ пренебреженіи одну изъ причинъ того страннаго явленія, что въ наше время, не смотря на высокую степень цивилизаціи, такъ легко распространяются самыя недѣльныя теоріи и ученія не только въ области философіи, но и въ области естественныхъ наукъ, отъ коихъ мы болѣе всего въ правѣ требовать *положительныхъ* знаній, основанныхъ на фактическихъ данныхъ, а не на предположеніяхъ, не выдерживающихъ никакой серьезной критики, а между тѣмъ принимаемыхъ на вѣру значительною массою читающей публики. Съ этимъ онъ вполне согласился, но при томъ высказалъ мнѣніе, что, къ несчастію, обремененіе учениковъ многопредметностію учебнаго курса рѣшительно препятствуетъ введенію въ область преподаванія новыхъ предметовъ, какъ бы то ни было желательно.

На разстояніи часа ѣзды отъ Кельна, находятся два весьма важные центра фабричной промышленности—Эльберфельдъ и Барменъ; изъ нихъ каждый имѣетъ свое промышленное училище, хотя между ними разстояніе лишь около трехъ верстъ. Я навѣщалъ оба эти училища $\frac{3}{14}$ и $\frac{5}{17}$ іюня.

Эльберфельдское промышленное училище.

Эльберфельдское промышленное училище существуетъ съ 1825 г. въ составѣ двухъ классовъ, по уставу 1850 года; но при немъ состоитъ весьма обширная приготовительная школа изъ пяти классовъ, и сверхъ того, училище для технической химіи и промышленная рисовальная школа. Сія послѣдняя учреждена въ 1869 году въ составѣ двухъ классовъ и особаго класса моделированія. Преподава-

ніе производится двумя учителями, въ будни лишь по вечерамъ, а по воскресеньямъ—утромъ, и классы въ прошломъ году посѣщались весьма усердно лицами разнаго званія и мастерства отъ 14-ти до 45-ти лѣтняго возраста, при чемъ многимъ приходилось отказывать, за недостаткомъ помѣщенія.

Училище технической химіи имѣетъ также двоихъ преподавателей: директора промышленнаго училища д-ра Артопé и ассистента г. Дейса. Въ немъ преподаются: общая неорганическая и органическая химія, товаровѣдѣніе и въ частности ученіе о красящихъ веществахъ; качественный и количественный анализъ; красильное и набивное искусство и анализъ крашенныхъ товаровъ, то-есть, способы опредѣлять, чѣмъ и съ помощію какой заквѣпы окрашенъ данный товаръ. Преподаваніе сопровождается опытами и практическими работами учениковъ, коихъ въ прошломъ году было восемь.

Самое промышленное училище устроено очень хорошо и обладаетъ довольно значительными учебными пособіями, напримѣръ, около 800 гипсовыхъ слѣпковъ, употребляемыхъ и рисовальною школою, болѣе 1500 химическихъ препаратовъ, матеріаловъ и моделей и т. д. Съ осени 1872 года низшій классъ промышленнаго училища (такъ называемая секунда) преобразованъ по новому уставу 1870 года; прошлою осенью предполагалось преобразовать средній классъ (теперешнюю приму), а съ будущей осени открыть классъ спеціальный. Число учениковъ въ прошломъ году было зимою 292, а лѣтомъ 351.

Весьма замѣчательно устройство приготовительной школы, въ которую принимаются дѣти съ 9-ти лѣтняго возраста. Это самая обширная изъ видѣнныхъ мною при промышленныхъ училищахъ. Курсъ ея 5-ти лѣтній по слѣдующему учебному плану:

Предметы.	Классы.					ВСЕГО.
	1-й.	2-й.	3-й.	4-й.	5-й.	
1) Законъ Божій	2	2	2	2	2	10
2) Языкъ нѣмецкій	4-5	4-5	4	4	4	20-22
3) > французскій	5-8	6-7	4	4	4	24-26
4) > англійскій	—	—	3	4	4	11
5) Исторія	2	2	2	6	2	14
6) Географія	2	2	2	2	2	10

Предметы.	Классы.					ВСЕГО.
	1-й.	2-й.	3-й.	4-й.	5-й.	
7) Арифметика и алгебра	4—5	5	3	4	4	} 26—27
8) Геометрія	—	—	2	2	2	
9) Естественная исторія	2	2	2	2	—	8
10) Физика и химія	—	—	—	—	2	2
11) Рисованіе и черченіе	2	2	3	4	4	15
12) Чистописаніе	3	2	2	—	—	7
13) Пѣніе	2	2	2	2	2	10
Итого	30—32	29—31	31	36	32	158—162

Этотъ планъ очень близко подходитъ къ учебному плану первыхъ пяти классовъ прусскихъ реальныхъ училищъ 2-го разряда, и потому удовлетворяетъ требованію устава 1870 года, въ силу коего въ промышленныхъ училища могутъ поступать молодые люди, окончившіе 5-й классъ (секунду) реальныхъ училищъ 2-го разряда.

Барменское высшее промышленное училище.

Совсѣмъ особеннаго рода учебное заведеніе есть такъ называемое *высшее и низшее промышленное училище* въ Барменѣ. Открытое въ апрѣлѣ 1863 года въ составѣ 4-хъ классовъ годовыхъ и одного (высшаго) класса полугодоваго, оно уже съ самаго основанія получило названіе высшаго и низшаго промышленнаго училища; — первые два класса составляли низшее, а три послѣдніе — высшее училище. Съ 1867 года было прибавлено снизу еще два класса, такъ что низшее отдѣленіе теперь состоитъ изъ четырехъ классовъ. Оно, по словамъ программы, служитъ частію приготовительною школою къ высшему отдѣленію, частію подготавливаетъ учениковъ прямо къ промышленнымъ занятіямъ, давая имъ въ извѣстной степени законченное образованіе. Высшее отдѣленіе, коего курсъ продолжается 2½ года, подготавливаетъ, съ одной стороны, къ высшимъ промышленнымъ занятіямъ, съ другой — къ поступленію въ политехническія училища. Вотъ учебный планъ Барменскаго училища:

Предметы.	Классы низшаго отдѣлен.				Всего.	Классы высшаго отдѣлен.			Всего.	ИТОГЪ.
	1.	2.	3.	4.		5.	6.	7 пол-года.		
1) Законъ Божій	2	2	2	2	8	—	—	—	—	8
2) Языкъ нѣмецкій	4	4	4	4	16	4	4	4	10	26
3) > французскій	8	6	3	3	20	2 ^{1/2}	—	—	2 ^{1/2}	22 ^{1/2}
4) > англійскій	—	—	4	4	8	2 ^{1/2}	—	—	2 ^{1/2}	10 ^{1/2}
5) Исторія	2	2	2	2	8	2	2	2	5	13
6) Географія	2	2	2	2	8	—	—	—	—	8
7) Ариѳметика и алгебра	4	3	3	4	21	6	—	—	16	37
8) Геометрія	—	3	2	2		2	—	—		
9) Другія части математики	—	—	—	—		1	6	2		
10) Ботаника и зоологія	2	2	2	—	6	—	—	—	—	6
11) Физика	—	—	—	2	2	2	3 ¹⁾	4	7	9
12) Химія и минералогія	—	—	—	—	—	4	2	4	8	8
13) Рисованіе	2	2	2	4	10	4	5	4	11	21
14) Черченіе	—	—	2	3	5	4	6	6	13	18
15) Чистоисаніе	2	2	2	—	6	—	—	—	—	6
16) Пѣніе	2	2	2	—	6	—	—	—	—	6
17) Исторія искусствъ	—	—	—	—	—	—	—	2	1	1
18) Механика и ученіе о машинахъ	—	—	—	—	—	—	2 ¹⁾	4	4	4
19) Строительное искусство	—	—	—	—	—	—	2	2	3	3
Итого	30	30	32	32	124	34	32	34	83	207 ¹⁾

Такъ какъ этотъ учебный планъ обязанъ своимъ существованіемъ директору Барменскаго училища, д-ру Вальтеру Цеме, весьма уважаемому въ Германіи математику и педагогу и автору нѣкоторыхъ

¹⁾ Кромѣ того, зимою 6 часовъ практическихъ занятій въ лабораторіи или механической мастерской.

математическихъ сочиненій, то я считаю умѣстнымъ выписать изъ послѣдняго годоваго отчета г. Цеме за 1872/73 г. слѣдующую характеристику означеннаго плана: „Хотя древніе языки вовсе исключены изъ учебнаго плана, однако, начиная отъ кватры и до селекты (то-есть, отъ 3 до 7 класса) греческіе и римскіе классики (Геродотъ, Гомеръ, Овидій, Софоклъ, Эсхиль, Еврипидъ и т. д.) читаются и *разбираются* въ переводахъ, какъ само собою разумѣется, подъ руководствомъ филологовъ, основательно изучившихъ тѣхъ классиковъ въ гимназіи и университетѣ.

„Во вниманіе къ предполагаемому къ достиженію общему и спеціальному образованію воспитанниковъ, въ учебный планъ включены:

- 1) Законъ Божій, нѣмецкій языкъ, исторія, географія и исторія искусствъ; на нихъ же вмѣстѣ положено 27% всего учебнаго времени;
- 2) на французскій и англійскій языки положено 16%;
- 3) на математику, механику, ученіе о машинахъ, строительное искусство, физику, химію, минералогію, ботанику и зоологію 33%;
- 4) на рисованіе, черченіе линейное, машинное и архитектурное, вмѣстѣ съ чистописаніемъ, 21%.

„Сверхъ того, еще на пѣніе 3%.

„Хотя тѣ же учебные предметы преподаются и въ реальныхъ училищахъ, однако, между этими училищами и здѣшнимъ промышленнымъ есть существенное различіе, состоящее въ томъ, что у насъ *по возможности устранено равномерное* распредѣленіе учебныхъ предметовъ по отдѣльнымъ классамъ. Мы старались удовлетворить столь часто похваляемой концентраціи ученія такимъ образомъ, что *начиная отъ низшихъ классовъ къ высшимъ* число уроковъ

постепенно *уменьшается* по англійскому и французскому языкамъ, изъ коихъ послѣдній начинается въ секствѣ (1-мъ классѣ) 8-ю недѣльными часами;

не измѣняется изъ нѣмецкаго языка и исторіи; на нихъ же вмѣстѣ положено во всѣхъ классахъ по 6-ти недѣльныхъ часовъ;

постепенно *возрастаетъ* по математикѣ, естественнымъ наукамъ и разнымъ отраслямъ рисованія и черченія“.

„Такимъ образомъ въ двухъ низшихъ классахъ преобладаетъ характеръ лингвистической, въ высшихъ — технической, въ среднихъ же на языки и на науки обращено одинаковое вниманіе, съ тѣмъ, впрочемъ, чтобы три главныя направленія обученія — языковѣдное, научное и техническое — не сталкивались своими средними широтами“.

Если и слѣдуетъ согласиться съ почтеннымъ авторомъ какъ вооб-

ще относительно вѣрности изложеннаго имъ принципа распредѣленія учебныхъ предметовъ, такъ и въ томъ, что въ его учебномъ планѣ означенный принципъ соблюденъ довольно строго во всѣхъ классахъ; то съ другой стороны, нельзя упустить изъ виду тѣхъ различій, которыя представляются при сличеніи учебныхъ плановъ Барменскаго высшаго и провинціальныхъ промышленныхъ училищъ.

Главныхъ такихъ различій два:

1) Продолжительность курса въ Барменѣ 2¹/₂ года, въ провинціальныхъ же училищахъ 3 года.

2) Въ провинціальныхъ училищахъ высшій классъ раздѣленъ на 4 отдѣленія, смотря по специальности, избираемой каждымъ ученикомъ; въ Барменѣ такого раздѣленія нѣтъ, но всѣ ученики обязаны прослушать одинаковый курсъ ученія, и даже относительно практическихъ занятій нѣтъ строгаго раздѣленія между учениками, ибо работы въ химической лабораторіи рекомендуются и тѣмъ, которые преимущественно упражняются въ механической мастерской, и на оборотъ. Вотъ что говоритъ объ этомъ г. Цеме въ отчетѣ 1871 года:

„Если мы при устройствѣ училища воздержались отъ раздѣленія одного класса на спеціальныя отдѣленія, то при этомъ мы руководствовались особенными потребностями мѣстной промышленности, преимущественно процвѣтающей здѣсь и въ окрестностяхъ. Многіе абитуриенты поступали сначала на машинную фабрику, въ послѣдствіи же на горный заводъ, и тогда были намъ весьма благодарны за то, что мы, во время ихъ ученія, заставляли ихъ заниматься основательнѣе, и химією, и строительнымъ искусствомъ. Другимъ, посвятившимъ себя строительному дѣлу, при постройкѣ техническихъ сооружений не менѣе были полезны пріобрѣтенныя въ школѣ познанія по технической химіи и спеціальному ученію о машинахъ. Кромѣ того, въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ рядомъ существуютъ самыя разнообразныя заведенія и гдѣ инженерамъ и фабрикантамъ разнородныхъ направленій не рѣдко приходится излагать частнымъ образомъ или публично свои воззрѣнія и наблюденія, недостатокъ въ болѣе *общемъ* техническомъ образованіи иногда весьма неудобенъ и препятствуетъ каждому, при своихъ особыхъ занятіяхъ, слѣдить за успѣхами промышленности вообще съ пониманіемъ дѣла и со вниманіемъ“.

Какъ ни привлекательна цѣль, выставляемая здѣсь многоуважаемымъ педагогомъ, но можно бы позволить себѣ усомниться въ ея достижимости, особенно въ краткій срокъ 2¹/₂ лѣтъ, когда въ провинціальныхъ промышленныхъ училищахъ положено 3 года на пріо-

брѣтеніе менѣе разнообразныхъ техническихъ познаній. Впрочемъ г. Цеме, столько же скромный, сколько глубоко образованный ученый, и самъ не вопіиѣ еще увѣренъ въ совершенствѣ организаціи своего училища. „Если“, говоритъ онъ въ томъ же отчетѣ, „мы указали на отступленія здѣшней промышленной школы отъ новыхъ (то есть, по уставу 1870 г.) промышленныхъ училищъ, то само собою разумѣется что мы при этомъ не имѣли намѣренія выставлять эти отступленія достойными подражанія. Вѣдь многіе пути, какъ извѣстно, доводятъ до Рима, и мы все еще смотримъ на общее устройство Барменскаго училища, какъ на опытъ, коего успѣхъ, при относительно значительномъ числѣ учениковъ, хотя и вѣроятенъ, но и въ будущемъ еще нуждается въ содѣйствіи многихъ силъ“.

Намъ остается желать, чтобы г. директоръ Цеме не переставалъ сообщать педагогическому міру свои наблюденія, какъ онъ это дѣлалъ до сихъ поръ въ своихъ столь интересныхъ годовыхъ отчетахъ, изъ которыхъ считаю умѣстнымъ сообщить здѣсь еще нѣсколько подробностей о томъ, какъ въ Барменѣ читаются переводы древнихъ классиковъ.

Самый фактъ чтенія этихъ *переводовъ* служитъ уже доказательствомъ того уваженія, какое почтенный директоръ Барменскаго училища (хотя онъ не филологъ, а математикъ) питаетъ къ *подлинникамъ* и, слѣдовательно, къ гуманистическому образованію. Но онъ объ этомъ высказался еще въ 1866 году слѣдующими словами:

„Въ повѣйшее время гимназіи подвергались многообразнымъ нападкамъ, но онѣ въ сущности остались вѣрны своему исконному направленію и устройству. Онѣ, правда, измѣняли, хотя незначительно, свои планы относительно числа часовъ, назначенныхъ на нѣкоторые учебные предметы; но вообще твердо держались обширнаго изученія древнихъ языковъ, древнеклассической литературы и духа греческой и римской жизни; по крайней мѣрѣ, послѣ краткихъ колебаній, онѣ всегда возвращались къ старымъ, испытаннымъ порядкамъ. Должно желать, чтобы гимназіи, которыя въ продолженіе столѣтій оказывали несомнѣнныя и отличныя услуги просвѣщенію и коимъ знаменитѣйшіе наши государственные люди, поэты, мыслители и проч. обязаны существенно частію своего образованія, и впредь непоколебимо придерживались первоначальнаго, несложнаго учебнаго плана и вообще сосредоточивали бы всю свою силу на изученіи древнихъ языковъ и вообще классической древности. Ограниченіе ихъ занятій строго опредѣленнымъ, богатымъ полемъ духовнаго труда возвело ихъ до того высокаго значенія, какимъ

онѣ и нынѣ еще фактически обладаютъ. Вмѣстѣ съ университетами онѣ составляютъ *единственный* отдѣлъ всеобщей учебной системы, могущій справедливо считаться вполне законченнымъ. Семнадцатилѣтнія наблюденія нижеподписавшагося на поприщѣ преподавателя въ области промышленнаго обученія болѣе и болѣе утвердили въ немъ увѣренность, что *самый надежный путь въ политехническіе институты* шелъ бы сначала *черезъ всю гимназію*, а затѣмъ черезъ училище, устроенное на подобіе прусскихъ провинціальныхъ промышленныхъ училищъ, если бы при такомъ ходѣ образованія молодые люди не достигали технической практики въ слишкомъ зрѣломъ возрастѣ“. Здѣсь должно замѣтить, что послѣднее требованіе, то-есть, предварительное прохожденіе курса промышленнаго, или подобнаго ему училища, не обязательно для абитуриентовъ гимназій ни въ какомъ политехническомъ институтѣ; въ нѣкоторыхъ даже, какъ напримѣръ, въ Ахенскомъ, принимаются безъ экзамена молодые люди, посѣщавшіе только одинъ годъ приму гимназіи или реальнаго училища 1-го разряда; для тѣхъ же, которые слабы въ математикѣ или черченіи, имѣются пригготовительные курсы въ самыхъ политехническихъ институтахъ. Въ отчетѣ 1871 года говорится о чтеніи древнихъ классиковъ:

„Обученіе нѣмецкому языку въ здѣшнемъ промышленномъ училищѣ уже съ кватры (съ 3-го класса) сопровождается чтеніемъ древнихъ классиковъ и, къ великой нашей радости, опытъ уже теперь показываетъ, что нѣмецкія сочиненія учениковъ все болѣе и болѣе совершенствуются какъ по объему, такъ и относительно достоинства. Съ живымъ интересомъ ученики, знакомые съ Гомеромъ, Овидіемъ, Софокломъ, Эсхиломъ, Еврипидомъ и другими древними классиками, будутъ посѣщать кабинеты древностей и собранія картинъ и другихъ художественныхъ произведеній; постоянно будутъ находить поное побужденіе къ столь необходимому для всякаго высшаго промысла облагороживанію и очищенію вкуса, и тѣмъ самымъ—къ болѣе самостоятельному сужденію въ области современной литературы и искусства.

„Само собою разумѣется, что древніе классики объясняются вполне образованными, основательно изучившими оригиналы филологами, а нѣмецкіе переводы не выдаются за нѣчто окончательно готовое. Мысли авторовъ должны быть передаваемы другими словами (*aliis verbis*) и переводимы въ настоящемъ случаѣ не съ латинскаго или греческаго, но съ нѣмецкаго языка на нѣмецкій же. Если бы при этомъ не останавливаться спокойно на болѣе трудныхъ и особенно

интересныхъ мѣстахъ, то чтеніе только наполняло бы, а подъ конецъ переполнило бы вмѣстилище памяти, вмѣсто того, чтобы предлагать формальному мышленію матеріалъ для упражненія и черезъ то противодѣйствовать дилеттантизму, все болѣе распространяющемуся.“

Въ отчетѣ 1872 года находятся объ этомъ же предметѣ болѣе подробныя свѣдѣнія въ рѣчи преподавателя нѣмецкаго языка г. Фабера.

„Кажется“, говоритъ онъ, „что эллинизмъ вообще имѣлъ, и до нынѣ имѣетъ, то назначеніе, чтобы восполнять своими даяніями недостатки національностей всѣхъ новѣйшихъ народовъ, коихъ литературное и художественное развитіе болѣе или менѣе задержано неотразимыми задачами другаго рода; далѣе, чтобы вліяніемъ своимъ помогать ихъ многостороннѣйшему развитію, и чтобы помощію свѣтской своей культуры, до сихъ поръ болѣе величавой, чѣмъ всякая иная культура, усиливать въ каждой національности, заключающей съ эллинизмомъ искренній духовный союзъ, устойчивость противъ назойливыхъ и неумѣстныхъ вліяній другихъ народовъ, и, такимъ образомъ, обезпечивать за нею болѣе самостоятельное развитіе, особенно въ искусствѣ и литературѣ“....

Далѣе г. Фаберъ соглашается, что „великое преимущество древнихъ писателей, какъ образовательнаго средства для юношества, состоитъ не только въ умственномъ ихъ содержаніи, вполне соответствующемъ и понятномъ юному уму, но также въ эстетически образовательной силѣ звука и ритма ихъ языка, сопровождающей какъ тактъ и мелодія, мысли автора, — слова же переводчика, лишь какъ слабый отголосокъ,—и, наконецъ, въ соразмѣрной трудности самихъ формъ языка,—трудности, дѣлающей изученіе тѣхъ писателей отличною палестрой для юныхъ умственныхъ силъ, но облегчаемой или исчезающей при переводѣ ихъ на языкъ нѣмецкій“. Но изъ всего этого нельзя еще заключить, чтобы употребленіе переводовъ „вовсе было не пригодно для обученія юношества“.

„Если приличный выборъ древнихъ классиковъ употребляется для сообщенія ученикамъ, по возможности, живаго понятія объ образѣ мыслей и о значеніи древняго міра, то къ этому присоединяется другая, немаловажная выгода, состоящая въ томъ, что наши воспитанники, посреди многочисленныхъ учебныхъ предметовъ промышленнаго училища, состоящихъ въ тѣснѣйшей связи съ матеріальными интересами современности, по крайней мѣрѣ по временамъ, будутъ переноситься

въ недоступную для этихъ интересовъ область, находясь въ которой, они должны вспомнить, что хотя полезное служить намъ *средствами*, но не должно быть *цѣлю* нашей жизни“.

Чтеніе древнихъ классиковъ, по 2 часа въ недѣлю, начинается съ 3-го класса изученіемъ Геродота по обработкѣ Фридриха Ланге; въ 4-мъ классѣ гѣтомъ читалась Одиссея, отъ 1 до 18 пѣсни; зимою первыя пять пѣсней Илиады въ переводѣ Фосса; въ 5-мъ—метаморфозы Овидія, книги 1—6; въ 6-мъ трагедіи Эсхила и Софокла въ переводахъ Доннера и Фигофа; въ полугодовомъ 7-мъ классѣ продолжалось чтеніе Софокла и, кромѣ того изъ Еврипида—Ифигенія въ Авлидѣ, изъ Плавта—Военноплѣнные, изъ Теренція—Братья, изъ Тацита—первая часть Германіи.

Все это читается съ комментаріями историческими, археологическими и эстетическими; древніе писатели сравниваются съ однородными новѣйшими и изъ прочитаннаго берутся темы для ученическихъ сочиненій.

Такъ какъ мнѣ уже прежде было извѣстно о введеніи въ Барменскомъ училищѣ чтенія древнихъ писателей въ нѣмецкомъ переводѣ, то я старался узнать, еще до посѣщенія Бармена, мнѣнія разныхъ педагоговъ объ этомъ нововведеніи. Никто не отвергалъ пользы такихъ чтеній вообще для лицъ, лишенныхъ возможности получить высшее образованіе. Но нѣкоторые не одобряли того, что на эти чтенія какъ бы обращается слишкомъ много вниманія и употребляется слишкомъ много времени, именно половина всѣхъ часовъ, положенныхъ на нѣмецкій языкъ въ пяти высшихъ классахъ. Но это неодобреніе основывалось не на томъ, чтобы чтеніе избранныхъ древнихъ писателей считалось вреднымъ само по себѣ; нѣтъ, оно основывалось лишь на опасеніи, чтобы изученіе *переводовъ* не имѣло послѣдствіемъ уменьшеніе числа изучающихъ *подлинники*. Дѣйствительно, нѣкоторые родители, изъ числа менѣ развитыхъ или образованныхъ, могли бы предаться мечтѣ, что ихъ сыновья, изучая переводы древнихъ классиковъ, получаютъ такое же классическое образованіе, какое дается въ гимназіяхъ. Точно также воспитанники, изучающіе эти переводы, могли бы зазнаваться относительно гимназистовъ, считая себя нисколько не ниже послѣднихъ.

Я сообщалъ г. Цеме объ этихъ опасеніяхъ. Но онъ отвергаетъ ихъ основательность, особенно относительно воспитанниковъ. Вопервыхъ потому, что, какъ онъ самъ, такъ и учителя нѣмецкаго языка и другіе, постоянно объясняютъ ученикамъ огромную разницу между

изученіемъ подлинниковъ и переводовъ, а восторныхъ потому, что ученики при изученіи естественныхъ наукъ и математики на каждомъ шагѣ встрѣчаютъ слова, непонятныя безъ греческаго или латинскаго языка. Значеніе этихъ словъ, конечно, имъ объясняется, при чемъ особенно указывается на значеніе словъ, часто повторяющихся въ разныхъ соединеніяхъ, какъ, на примѣръ, γῆ въ словахъ: геометрія, географія, геологія и т. д. Но не могутъ же самі ученики не замѣтить, на сколько ихъ чисто механическое заучиваніе значенія словъ уступаетъ осмысленному пониманію тѣхъ же словъ, достигаемому при изученіи самыхъ языковъ, изъ которыхъ они заимствованы. Такимъ образомъ, по мнѣнію почтеннаго директора Барменскаго училища, изученіе переводовъ древнихъ писателей можетъ скорѣе возвысить въ глазахъ воспитанниковъ значеніе гуманистическаго образованія.

Число воспитанниковъ уже во время основанія училища, въ 1863 году, было 127; въ 1866 году ихъ было 164; послѣ открытія двухъ новыхъ классовъ въ 1867 г.—225, въ 1872 г.—323, изъ коихъ въ 1-мъ классѣ 76, во 2-мъ—55, въ 3-мъ—68, въ 4-мъ—49, въ 5-мъ—36, въ 6-мъ—22, въ 7-мъ—17; изъ послѣднихъ 16 выдержали выпускной экзаменъ. Самое училище помѣщается, съ 1867 года, въ великолѣпномъ 3-хъ этажномъ зданіи, нарочно выстроенномъ для него. Внутреннее устройство во всѣхъ частяхъ образцовое.

Ахенское промышленное училище.

7го іюня я выѣхалъ въ Ахенъ и на слѣдующій день началъ посѣщать тамошнія промышленное и политехническое училища. Первое изъ нихъ, основанное въ 1817 г., самое древнее въ Пруссіи, но принадлежитъ къ числу менѣе значительныхъ. Оно не преобразовано по новому уставу и не предполагается еще къ преобразованію; въ прошломъ году оно посѣщалось 91 ученикомъ, изъ коихъ 52 находились въ приготовительной школѣ, 29—въ первомъ классѣ и 10—въ высшемъ. Абитуриентовъ было шесть. Приготовительная школа состоитъ изъ одного только класса, почему для поступленія въ нее требуется предварительное, по крайней мѣрѣ въ продолженіе трехъ лѣтъ, посѣщеніе гимназій или реальнаго училища; но, впрочемъ, допускаются также *особенно выдающіеся* по способностямъ воспитанники лучшихъ элементарныхъ школъ.

Въ приготовительномъ классѣ преподаются:

	Часы.
1) Законъ Божій	2 въ недѣлю.
2) Языкъ нѣмецкій	6 "
3) " французскій	3 "
4) Географія	2 "
5) Ариметика и алгебра	6 "
6) Геометрія	2 "
7) Физика	2 "
8) Рисованіе	6 "
9) Черченіе	4 "
<hr/>	
Итого	33 "

Преподаваніе въ двухъ высшихъ классахъ (собственно промышленнаго училища) ведется по уставу 1850 года, въ такомъ же практическомъ направленіи, какъ и въ прочихъ промышленныхъ училищахъ; но, сверхъ того, воспитанники въ обоихъ классахъ обучаются еще по 2 часа закону Божію, а въ первомъ классѣ жслающіе—нѣмецкому и французскому языкамъ. Директоръ училища г. Пютцеръ преподаетъ математику, механику и механическую технологію.

Ахенское промышленное училище было послѣднее изъ видѣнныхъ мною, устроенныхъ по уставу 1850 года. Впослѣдствіи, на возвратномъ пути въ Россію, отъ $7/19$ до $10/22$ августа, мнѣ удалось посѣтить два промышленныхъ училища, преобразованнаго по уставу 1870 года, изъ коихъ уже былъ выпускъ учениковъ на основаніи правилъ этого устава. Оба эти училища находятся въ Силезіи, въ близкомъ другъ отъ друга разстояніи, одно—въ Бригѣ, другое—въ Глейвицѣ. На оба указывалъ мнѣ еще въ Берлинѣ тайный совѣтникъ Ноттебомъ, какъ на особенно замѣчательныя, и я полагаю наиболѣе умѣстнымъ приступить здѣсь же къ описанію ихъ, чтобы не разрознить изложенія моихъ наблюденій надъ прусскими промышленными училищами.

Бригское промышленное училище.

Въ Бригѣ я пріѣхалъ въ самое горячее, по народному выраженію, время, именно наканунѣ закрытія классовъ и въ самый разгаръ окончательной отдѣлки новаго, весьма помѣстительнаго и красиваго дома, выстроеннаго для училища. Директоръ, вмѣстѣ преподаватель математики и механики, г. Неггератъ, издалъ нѣсколько учебниковъ по математикѣ; онъ—отличный знатокъ какъ вообще математическихъ наукъ, такъ и въ частности механики. Находящееся подъ его управленіемъ

промышленное училище устроено съ отличнымъ знаніемъ дѣла, но едва ли можно вполнѣ одобрить учебный планъ находящейся при училищѣ приготовительной школы, состоящей изъ одного класса полугодоваго и двухъ классовъ годовыхъ. Вотъ этотъ учебный планъ:

Предметы.	Классы.			ВСЕГО.
	1-й полугодъ	2-й.	3-й.	
1) Языкъ нѣмецкій	6	4	4	11
2) > французскій	—	2	2	4
3) > англійскій	—	—	2	2
4) Исторія	2	2	2	5
5) Географія	2	2	2	5
6) Арифметика	7	7	5	} 23
еометрія и ученіе о проекціи .	3	3	3	
8) Естественная исторія	2	2	—	3
9) Физика	2	2	2	5
10) Химія	—	2	2	4
11) Технологія	—	—	4	4
12) Книговодство и ученіе о вексе- ляхъ	—	—	2	2
13) Рисованіе	4	2	4	8
14) Черченіе	2	2	2	5
15) Чистописаніе	2	2	—	3
Итого	32	32	36	84

Нѣкоторыя странности этого плана объясняются, правда, тѣмъ обстоятельствомъ, что приготовительная школа учреждена городомъ Бригомъ съ тѣмъ, чтобы быть вмѣстѣ и *низшимъ промышленнымъ училищемъ*, то-есть, готовить молодыхъ людей прямо къ промышленной дѣятельности средней руки. Такіе ученики, не готовящіеся къ поступленію въ классы промышленнаго училища, освобож-

даются отъ изученія иностранныхъ языковъ. Эта послѣдняя мѣра совершенно рациональна; но, казалось бы, что и на оборотъ было бы также рационально—освобождать готовящихся къ промышленному училищу отъ изученія химіи, технологіи, счетоводства и отчасти физики, и въ замѣнъ этихъ предметовъ назначить имъ болѣе часовъ на иностранные языки.

^{8/30} августа я присутствовалъ, по приглашенію г. директора, при закрытіи училища передъ вакаціями. Самъ директоръ роздалъ всѣмъ ученикамъ (ихъ было около 200) цензуры и *каждому* изъ нихъ сказалъ нѣсколько словъ, кому въ похвалу, кому въ укоръ. Ко всѣмъ ученикамъ онъ обращался съ словомъ: „вы“, ибо всѣ уже подтверждены, почему имъ и не преподается законъ Божій даже въ приготовительной школѣ. При этой раздачѣ цензуръ чаще всего приходилось слышать порицаніе за плохое знаніе языка французскаго, что прямо доказываетъ недостаточность часовъ, положенныхъ на иностранные языки. Въ самомъ дѣлѣ, что могутъ приобрѣсти ученики отъ двухъ недѣльныхъ уроковъ въ продолженіе двухъ только лѣтъ (слѣдовательно всего отъ 4-хъ часовъ), когда по уставу промышленныхъ училищъ для поступленія въ оныя требуется зрѣлость для секунды гимназій или реального училища 1-го разряда, для достиженія чего воспитанники этихъ училищъ должны заниматься французскимъ языкомъ въ продолженіе четырехъ лѣтъ, всего отъ 9 до 14 часовъ, при чемъ изученіе этого языка еще облегчается для нихъ предшествовавшимъ и одновременнымъ изученіемъ языка латинскаго? Впрочемъ, изъ гимназій въ промышленныя училища рѣдко поступаютъ воспитанники старшіе, чѣмъ изъ кварталы, а если такихъ привимаютъ, то, стало быть, вообще не придерживаются строго точнаго смысла устава. При раздачѣ цензуръ я замѣтилъ еще другую особенность. Г. директоръ объявлялъ нѣкоторымъ ученикамъ 2-го класса, что они удостоиваются перевода въ спеціальныя классы, но не въ *научное* его отдѣленіе, то-есть, не въ первое, подготовляющее къ поступленію въ политехническія институты. Это доказываетъ, что въ *научное* отдѣленіе допускаются лишь лучшіе, особенно даровитые ученики, что и совершенно рационально, ибо лишь особыя дарованія могутъ, хотя въ нѣкоторой степени, замѣнить недостатки въ умственномъ развитіи тѣхъ молодыхъ людей, кои были лишены полнаго гимназическаго воспитанія.

Вмѣстѣ съ цензурами директоръ раздавалъ награды лучшимъ ученикамъ. Эти награды заключались большею частію въ книгахъ; лишь

одинъ изъ абитуриентовъ былъ удостоенъ совершенно особенной награды, весьма рѣдко присуждаемой—серебряной медали, за особенное рвеніе, съ какимъ онъ учился, въ 2¹/₂ года окончилъ трехлѣтній курсъ и выдержалъ экзаменъ не только изъ предметовъ научнаго, но и строительнаго отдѣленія. Я имѣлъ удовольствіе познакомиться съ этимъ, дѣйствительно замѣчательнымъ, молодымъ человѣкомъ, сыномъ силезскаго помѣщика, фонъ-Панневицемъ, по слѣдующему случаю: между прочими свѣдѣніями о преподаваніи разныхъ специальныхъ предметовъ, мнѣ хотѣлось поближе ознакомиться и съ объемомъ преподаванія общаго строительнаго искусства. Для доставленія мнѣ желаемыхъ свѣдѣній, директоръ познакомилъ меня съ преподавателемъ строительнаго искусства, архитекторомъ фонъ-Арнимомъ, который далъ мнѣ на просмотръ записки по части архитектуры, составленной фонъ-Панневицемъ, какъ лучшимъ ученикомъ. А такъ какъ этотъ молодой человѣкъ въ тотъ же вечеръ долженъ былъ уѣхать изъ Брига, то передъ отъѣздомъ онъ посѣтилъ меня для полученія обратно своихъ записокъ. При этомъ случаѣ онъ мнѣ разказалъ, что предварительно учился въ гимназій, гдѣ дошелъ до оберъ-секунды, въ которой, впрочемъ, пробылъ лишь одинъ семестръ; потомъ былъ боленъ въ продолженіе полугода, а затѣмъ уже поступилъ въ Бригское промышленное училище, гдѣ и прошелъ, какъ выше сказано, весь 3-х-лѣтній курсъ въ 2¹/₂ года. Съ искреннею благодарностію онъ вспоминалъ о времени, проведенномъ имъ въ гимназій надъ изученіемъ древнихъ языковъ; и хотя, говоритъ онъ, тамъ ему было гораздо легче учиться, чѣмъ въ промышленномъ училищѣ, гдѣ въ одно время проходитъ слишкомъ много весьма трудныхъ предметовъ, однако онъ рѣшительно сознаетъ, что только гимназическая подготовка дала ему силы и возможность побѣдить препятствія, какія ему представлялись потомъ при изученіи тѣхъ трудныхъ и притомъ совершенно новыхъ предметовъ въ промышленномъ училищѣ, и побѣдить ихъ полугодомъ скорѣе своихъ товарищей, даже специальныхъ его подготовленныхъ.

Бригское промышленное училище для дѣвицъ.

Кромѣ мужскаго промышленнаго училища, въ Бригѣ существуетъ, также подъ управленіемъ г. Нёггерата, промышленное училище и для дѣвицъ. Такъ какъ это почти единственное такого рода заведеніе въ Пруссіи, то считаю долгомъ представить нѣкоторыя подробности

объ ономъ, взятыя изъ отчета за 187²/₃ учебный годъ. Упомянуть, что въ Пруссіи, предписаніемъ министра торговли отъ 22-го декабря 1872 года, женщинамъ въ первый разъ былъ открытъ доступъ къ общественной службѣ, хотя только по желѣзно-дорожному вѣдомству, г. Нёггератъ выражаетъ ожиданіе, что за этимъ починомъ послѣдуютъ и другія распоряженія правительства съ цѣлю расширить кругъ женской дѣятельности. „Въ самомъ дѣлѣ“, продолжаетъ онъ затѣмъ, „независимо отъ потребностей чиновнической службы, правительство должно принимать живой интересъ въ томъ, чтобы развить и употребить въ дѣло почти скрытую до сихъ поръ рабочую силу женщинъ, на сколько она не требовалась или требовалась лишь мимоходомъ для дома и семейства. Устойчивая сила государства, кромѣ военныхъ его учреждений и нравственныхъ и физическихъ достоинствъ гражданъ, зависитъ только отъ степени его благосостоянія. Благосостояніе же заключается въ итогѣ рабочихъ силъ, кою величина условливается и поддерживается преимущественно способностію къ труду всѣхъ членовъ гражданскаго общества. Посему государство, въ видахъ самосохраненія и могущества, обязано поощрять всякую трудовую дѣятельность и всѣми средствами развивать способности къ этой дѣятельности до возможно большей степени“. Но для этой цѣли доселѣ принимались мѣры лишь относительно мужчинъ, коихъ рабочая производительность отъ того значительно и видимо усилилась; отъ женщины же не требовалось ничего, кромѣ домашней распорядительности, причемъ даже не обращалось вниманія на то, могла ли она въ данномъ случаѣ быть полезна въ домашнемъ быту. Но очевидно, что нельзя отвергать справедливость требованія, чтобы умственная и физическая дѣятельность женщины распространялась за предѣлы дома, если она въ немъ не находитъ достаточной или достаточно вознаграждаемой работы. „Помимо утилитарной точки зрѣнія, простая человѣчность требуетъ въ такомъ случаѣ дать ей доступъ къ труду и сдѣлать ее способною трудиться“. Въ такихъ видахъ и учреждено городскими властями города Брига промышленное училище для дѣвицъ, открытое 7-го апрѣля 1869 года, управляемое директоромъ провинціального промышленнаго училища подъ наблюденіемъ комитета, состоящаго изъ восьми дамъ. Въ уставѣ сказано: „члены дамскаго комитета имѣютъ право во всякое время присутствовать при урокахъ и обязаны контролировать преподаваніе по крайней мѣрѣ разъ въ недѣлю и до-

водитъ до свѣдѣнія директора могущіе встрѣтиться безпорядки, или же свои предположенія объ улучшеніяхъ.

„Заведеніе имѣеть цѣлю—дать дѣвцамъ и женщинамъ образованныхъ сословій средства пріобрѣсти тѣ свѣдѣнія и умѣнья, которыя дѣлаютъ возможнымъ примѣнять съ пользою рабочую силу женскаго пола въ большей мѣрѣ, чѣмъ это дѣлалось доселѣ, и тѣмъ самымъ предлагаетъ имъ важнѣйшее пособіе для самостоятельнаго существованія“.

Училище состоитъ изъ двухъ годичныхъ классовъ. Научные предметы одинаково обязательны для всѣхъ воспитанницъ каждаго класса; только при рисованіи и практическихъ упражненіяхъ можетъ быть обращено вниманіе на предстоящій каждой изъ нихъ кругъ дѣятельности. Открытіе особыхъ *спеціальныхъ* классовъ послѣдуетъ, если къ тому представится необходимость. Въ видѣ исключенія и женщины могутъ быть принимаемы въ училище. Вообще же въ число воспитанницъ допускается каждая дѣвица безупречной нравственности, перешедшая за возрастъ обязательнаго школьнаго ученія, подтвержденная и достаточно подготовленная. Достаточною же подготовкою считается та степень знаній, какая пріобрѣтается въ *хорошемъ* городскомъ училищѣ. Большинство воспитанницъ въ прошломъ году имѣли отъ роду отъ 14-ти до 17-ти лѣтъ, одна была 22-хъ лѣтъ.

Училище не входитъ ни въ какія отношенія къ религіознымъ убѣжденіямъ воспитанницъ. Въ прошломъ году изъ нихъ было 30 евангелическаго вѣроисповѣданія, 15 католическаго и 17 моисеева закона. Число воспитанницъ въ 1-мъ классѣ было 21, во 2-мъ — 41, всего — 62, изъ коихъ 17 изъ Брига, 37 изъ другихъ мѣстъ Силезіи, 4—изъ остальной Германіи, 2—изъ Австріи и 2—изъ Россіи. Большинство изъ нихъ, 20, дочери купцовъ;

13	„	промышленниковъ,
9	„	частныхъ должностныхъ лицъ,
6	„	фабрикантовъ,
6	„	учителей,
5	„	чиновниковъ,
2	„	помѣщиковъ,
1		дочь пастора.

При училищѣ 8 учителей и 5 учительницъ. Изъ послѣднихъ одна (дочь директора) преподаетъ французскій языкъ; другая — англійскій языкъ и рисованіе; 3-я обучаетъ шитью отъ руки и на машинахъ;

4-я искусству кроить и шить платья; 5-я искусству шить наряды. Учебные предметы распределены по слѣдующему плану:

Предметы.	Классы.		ВСЕГО.
	1-я.	2-я.	
1) Нѣмецкій языкъ; дѣловое письмоводство на нѣмецкомъ языкѣ.	2	2	4
2) Языкъ французскій и англійскій (2 часа во 2-мъ классѣ).	2	4	6
3) Ариметика и метрологія	2	—	} 4
4) Геометрія	—	2	
5) Книговодство и ученіе о векселяхъ	2	2	} 8
6) Исторія торговыхъ сношеній; наука о торговлѣ	2	2	
7) Физика и химія; о питаніи растений и животныхъ.	2	2	} 8
8) Технологія и товаровѣдніе	2	2	
9) Исторія и основанія художественныхъ промысловъ	—	1	} 9
10) Рисованіе.	4	4	
11) Женскія рукодѣлія: шитье отъ руки и на машинахъ; вышиваніе; снятіе мѣрокъ, кроеніе и шитье одежды и нарядовъ и т. д.	12	12	24
Итого	30	33	63

Глейвицкое промышленное училище.

Изъ Брига я поѣхалъ въ Глейвиць; но тамъ уже не засталъ преподаванія, ибо промышленное училище было закрыто въ одинъ день съ Бригскимъ. Къ крайнему моему сожалѣнію, я не засталъ и директора, г. Вернике (автора весьма уважаемаго въ Германіи учебника механики), который уѣхалъ въ Вѣну, равно какъ и большинство учителей уже разъѣхались. По сему могу лишь выписать изъ послѣдняго годового отчета нѣкоторыя свѣдѣнія о Глейвицкомъ училищѣ, при коемъ состоитъ 4-хъ-классная приготовительная школа, и которое принадлежитъ къ числу значительныхъ, ибо къ концу истекшаго года

часть CLXXI, отд. 3.

въ немъ было 297 учениковъ, распределенныхъ по классамъ слѣдующимъ образомъ: а) въ приготовительныхъ классахъ: въ 1-мъ было 77 учениковъ, во 2-мъ—36, въ 3-мъ—43, въ 4-мъ—49, итого—205; б) въ классахъ промышленнаго училища: въ низшемъ—54, въ среднемъ—26, въ специальномъ—12, изъ коихъ 9 подвергались выпускному экзамену, трое по уставу 1870 года, а шестеро по уставу 1850 года, и всѣ получили свидѣтельства зрѣлости.

При Глейвицкомъ училищѣ состоятъ 14 учителей, въ томъ числѣ три законоучителя (для католиковъ, протестантовъ и евреевъ). Приготовительная школа устроена по слѣдующему учебному плану:

Предметы.	Классы.				Всего.
	1-я.	2-я.	3-я.	4-я.	
1) Законъ Божій	2	2	2	2	8
2) Языкъ нѣмецкій	4	4	3	3	14
3) > французскій	6	6	5	5	22
4) > англійскій	—	—	2	2	4
5) Исторія	—	2	3	3	8
6) Географія	4	2	2	2	10
7) Арифметика и алгебра	4	4	3	3	} 31
8) Математика (геометрія)	3	4	5	5	
9) Естественная исторія	2	2	2	2	8
10) Физика и химія	—	—	1	3	4
11) Рисованіе	2	2	4	4	12
12) Чистописаніе	2	2	2	—	6
Итого	29	30	34	34	127

Приготовительные классы при промышленныхъ училищахъ.

Такъ какъ устройство собственно промышленныхъ училищъ, на основаніи устава 1870 года, вездѣ должно быть одинаково, но между приготовительными при нихъ школами существуютъ весьма важныя

различія, имѣющія неминуемое вліяніе и на состояніе самыхъ промышленныхъ училищъ, смотря по степени развитія, какую получаютъ воспитанники въ приготовительныхъ школахъ, — то считаю нелишнимъ, для болѣе удобнаго обзорѣнія означенныхъ различій, сопоставить рядомъ итоги учебныхъ плановъ приготовительныхъ школъ, устроенныхъ при тѣхъ, изъ видѣнныхъ мною, промышленныхъ училищахъ, которыя уже преобразованы по новому уставу 1870 года или, по крайней мѣрѣ, подготовляются къ преобразованію. Къ этимъ итогам присоединю еще итоги Барменскаго низшаго промышленнаго училища, служащаго также приготовительною школою къ высшему отдѣленію того же училища, и, сверхъ того при каждой школѣ обозначу число классовъ и продолжительность всего курса.

Приготовительныя школы при промышленныхъ училищахъ:

Учебные предметы.	Въ Бельгѣ 8 класса. 8 года.	Въ Эльбер- фельдѣ 5 классовъ. 5 лѣтъ.	Въ Брагѣ 8 класса. 2 1/2 года.	Въ Глейни- цѣ 4 класса. 4 года.	Въ Барменѣ 4 класса. 4 года.
1) Законъ Божій	6	10	—	8	8
2) Языкъ нѣмецкій	10	20—22	11	14	16
3) > французскій	16	24—26	4	22	20
4) > авглійскій	8	11	2	4	8
5) Математика	17	26—27	23	31	21
6) Исторія и географія	12	24	10	18	16
7) Ботаника и зоологія	7	8	3	8	6
8) Рисованіе и черченіе	12	15	13	12	15
9) Чистописаніе	8	7	3	6	6
10) Физика и химія	—	2	9	4	2
11) Технологія	—	—	4	—	—
12) Книговодство и о век- селяхъ	—	—	2	—	—
Итого	96	148—152	84	127	118

При разсмотрѣніи этой таблицы, бросается въ глаза, что только на одно рисованіе съ черченіемъ положено во всѣхъ школахъ почти одинаковое число уроковъ, именно отъ 12 до 15. По всѣмъ же другимъ предметамъ представляются огромныя различія; даже по математикѣ—этой основѣ всякаго техническаго знанія, число уроковъ разнится отъ 17—въ Кельнѣ до 31—въ Глейвицѣ, хотя въ обѣихъ школахъ директоры—математики; на физику и химию въ Эльберфельдѣ (гдѣ директоръ химикъ) положено лишь 2 часа, въ Глейвицѣ—4, а въ Бригѣ—9, да сверхъ того, 4 часа на технологию и 2 часа на счетоводство—два предмета, которыхъ вовсе нѣтъ ни въ одной изъ прочихъ школъ. Всего же рѣзко выстунаеть разница между Бригомъ и сосѣднимъ (на разстояніи $3\frac{1}{2}$ часовъ ѣзды) Глейвицемъ относительно французскаго языка, на который въ Глейвицѣ положено 22 часа, а въ Бригѣ почти въ шестеро меньше—4 часа. Последняя разница особенно замѣчательна потому, что въ циркулярѣ прусскаго министерства, сопровождавшемъ новый уставъ промышленныхъ училищъ, было указано именно на необходимость для техниковъ знанія французскаго и англійскаго языковъ.

Всѣ эти различія подтверждаютъ высказанныя уже выше мысли: 1) о не установившихся еще началахъ такъ называемаго реальнаго образованія и 2) о невыгодахъ подчиненія прусскихъ промышленныхъ училищъ двумъ министерствамъ ¹⁾).

Не смотря, однако, на столь явныя несообразности, практическое и специальное направленіе промышленныхъ училищъ дало уже до того хорошіе результаты, что эти училища заслужили довѣріе не только отдѣльныхъ лицъ, но цѣлыхъ обществъ, и притомъ столь чуткихъ къ своимъ интересамъ, каковы общества желѣзно-дорожныя. Такое довѣріе явно высказывается въ условіи, заключенномъ 2-го октября 1872 года правленіемъ верхне-силезской желѣзной дороги съ управленіемъ Глейвицкаго промышленнаго училища. Вотъ текстъ этого условія, помѣщенный въ послѣднемъ отчетѣ училища:

„1) Управление промышленнаго училища сообщаетъ королевскому желѣзно-дорожному правленію въ концѣ каждаго учебнаго года или, на запросъ и во всякое время, списокъ тѣхъ молодыхъ людей (съ

¹⁾ Самый фактъ подчиненія приготовительныхъ школъ министерству просвѣщенія свидѣтельствуетъ о томъ, какъ въ Пруссіи строго соблюдается правило, чтобы преподаваніе всѣхъ общеобразовательныхъ предметовъ, въ какомъ бы то ни было учебномъ заведеніи, непременно было въ вѣдѣніи именно этого министерства.

обозначеніемъ ихъ научныхъ и нравственныхъ достоинствъ), которые желаютъ поступить на временную или постоянную службу по желѣзнодорожному вѣдомству; во всякое время даетъ свѣдѣнія о ихъ положеніи, и приспособляетъ, насколько то дозволяютъ общія правила, преподаваніе въ строительномъ и механическомъ отдѣлахъ спеціальнаго класса, по мѣрѣ возможности, къ потребностямъ желѣзно-дорожной техники.

2) Королевское правленіе верхне-силезской желѣзной дороги обя-зывается, въ видѣ возмездія, выплачивать означенному училищу по пятидесяти талеровъ за cadaго молодаго человѣка, который изъ королевскаго промышленнаго училища поступить на службу того правленія и въ теченіе четверти года окажется способнымъ къ продолженію занятій. Вознагражденіе воспитанникамъ, поступающимъ ли они на службу временную какъ чертежники, или постоянную какъ техники, опредѣляется въ одинъ талеръ ежедневно. Приличное увеличеніе этого жалованья послѣдуетъ, какъ скоро прочіи статьи (Sätze) это дозволятъ. Къ обоюдной выгодѣ желательно, чтобы настоящій договоръ приводился въ исполненіе часто и съ хорошимъ успѣхомъ“.

Этимъ фактическимъ доказательствомъ достигнутаго уже теперь, послѣ трехъ лишь лѣтъ со времени ихъ преобразованія, прусскими промышленными училищами успѣха я закончу общую часть отчета объ устройствѣ этихъ училищъ; нѣкоторыя же подробности объ объемѣ и способахъ преподаванія отдѣльныхъ учебныхъ предметовъ, во избѣжаніе ненужныхъ повтореній, будетъ удобнѣе изложить во 2-й части настоящаго отчета, вмѣстѣ съ таковыми же подробностями, почерпнутыми изъ устройства и другихъ, кромѣ прусскихъ, техническихъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Ахенское политехническое училище.

Выше уже я имѣлъ случай упомянуть о посѣщеніи мною Ахенскаго политехническаго училища или института. Заложенное въ 1865 году, оно было открыто 10-го октября 1870 года и состоитъ изъ главнаго трехъ-этажнаго, кромѣ подвала, корпуса и особаго зданія, въ коемъ помѣщается лабораторія. Оба зданія вмѣстѣ занимаютъ плоскость въ 36.429 квадратныхъ футовъ. Въ аудиторіяхъ могутъ помѣститься около 500 слушателей, а въ лабораторіи 60 практикантовъ. На устройство училища истрачено, а частію предстоитъ еще истратить всего 535,340 талеровъ изъ коихъ

на приобрѣтеніе мѣста	40.000 тал.
„ постройку главнаго корпуса	318.000 „
„ постройку химической лабораторіи	52.000 „
„ кабинеты, бібліотеку, мебель и т. п.	125.340 „
<hr/>	
Итого	535.340 тал.

Какъ расположеніе аудиторій и кабинетовъ, такъ и устройство физической и химическихъ лабораторій вполне соотвѣтствуютъ всѣмъ требованіямъ новѣйшей науки. Физическая лабораторія, находящаяся въ завѣдываніи извѣстнаго ученаго, профессора д-ра Вюльнера, перешедшаго въ Ахенъ изъ Бонна, занимаетъ значительную часть лѣвой половины нижняго этажа и подвала главнаго корпуса. Въ первомъ помѣщаются: физическій кабинетъ, аудиторія, камера-обскура, кабинетъ профессора физики и физическая лабораторія, состоящая изъ трехъ комнатъ. Въ подвалѣ особая комната для опытовъ, требующихъ постоянной температуры, и механическая мастерская, служащая собственно для физической лабораторіи.

Въ этой лабораторіи въ прошломъ году занимались около 20 студентовъ и слушателей подъ руководствомъ профессора Вюльнера и его ассистента д-ра Гервига.

Химическихъ лабораторій двѣ. Обѣ помѣщаются въ вышеупомянутомъ особомъ, 3-хъ-этажномъ зданіи; одна изъ нихъ, назначенная для чистой и аналитической химіи, находится въ завѣдываніи профессора д-ра Ландольта, прежде бывшаго профессоромъ въ Боннѣ; другая, для технической химіи, въ завѣдываніи профессора д-ра Штальшмидта, перешедшаго въ Ахенъ изъ берлинской промышленной академіи. Какъ въ той, такъ и въ другой лабораторіи занимаются практиканты: въ первой — подъ руководствомъ профессора Ландольта и ассистента д-ра Классена, въ послѣдней — подъ руководствомъ профессора Штальшмидта и ассистента д-ра Рельштаба. Въ аналитической лабораторіи студенты начинаютъ работать во второмъ семестрѣ перваго года, по выслушаніи курса неорганической химіи. Они сначала продѣлываютъ въ систематическомъ порядкѣ рядъ качественныхъ и количественныхъ анализовъ, потомъ занимаются приготовленіемъ препаратовъ и, наконецъ, болѣе трудными анализами, а нѣкоторые самостоятельными научными работами. Кандидаты на учительскую должность особо упражняются въ производствѣ опытовъ, необходимыхъ при преподаваніи химіи.

Въ технической лабораторіи практиканты также систематически

изучаютъ употребляемые въ технику способы изслѣдованія и занимаются приготовленіемъ техническихъ препаратовъ и разными техническими работами.

Предметы, относящіеся до строительнаго и инженернаго искусства, а равно до механики и машиностроенія, также преподаются весьма подробно; но практическія занятія по механикѣ, какъ и въ прочихъ нѣмецкихъ политехническихъ институтахъ, ограничиваются черченіемъ и моделированіемъ, ибо содержаніе механической мастерской находятъ неудобнымъ.

По уставу институтъ состоитъ:

а) Изъ *общаго* отдѣленія, въ которомъ преподаются естественныя науки, математика и предметы, долженствующіе предшествовать спеціальнымъ занятіямъ; курсъ въ этомъ отдѣленіи продолжается одинъ годъ.

б) Изъ *спеціальныхъ* отдѣленій: 1) для архитекторовъ и инженеровъ—курсъ четырехлѣтній, 2) для механиковъ—курсъ также четырехлѣтній; 3) для химиковъ и горнозаводчиковъ—курсъ трехлѣтній.

Для всѣхъ этихъ отдѣленій или спеціальныхъ школъ (Fachschulen) составлены примѣрные учебные планы. Вотъ тѣ предметы, кои предлагаются къ слушанію техникамъ-механикамъ и химикамъ.

а) Механикамъ: *1-й годъ*: высшая математика, начертательная геометрія, механика, технология, минералогія, геогнозія, начала химіи, экспериментальная физика, строительное искусство; *2-й годъ*: высшая математика, механика, описательное машиновѣдѣніе, машиностроеніе, математическія основанія строительнаго искусства и физики, прикладная физика, геометрія положенія и графостатика; *3-й годъ*: теоретическое машиновѣдѣніе, кинематика, машиностроеніе, черченіе и проектированіе машинъ и простыхъ зданій, техническая химія, электрическая телеграфія, практическая геометрія, технология; *4-й годъ*: высшая математика, проектированіе заводовъ, наука о промышленности, механическая теорія теплоты, машиностроеніе, о желѣзныхъ мостахъ, желѣзнодорожныя построенія, рисованіе.

б) Химикамъ: *1-й годъ*: высшая математика, начертательная геометрія, строительное искусство, чистая химія, качественный анализъ, экспериментальная физика, механика, рисованіе; *2-й годъ*: количественный анализъ, описательное машиновѣдѣніе, механика, машиностроеніе, техническая химія, минералогія, палеонтологія, кристаллографія, геогнозія, технология, работы въ физической и химической лабораторіяхъ, рисованіе; *3-й годъ*: практическія упражненія по минералогіи, кристал-

лографіи и въ химической лабораторіи, геогнозія, проектированіе заводовъ, электрическая телеграфія.

Для кандидатовъ на должности учителей промышленныхъ училищъ составлены особые учебные планы, которые, впрочемъ, весьма мало разнятся отъ плановъ, рекомендуемыхъ техникамъ. Такъ, планъ для учителей математики и механики имѣетъ лишь 2 часа изъ физики въ 1-мъ курсѣ и 2 часа изъ практической геометріи въ 3-мъ, лишнихъ противъ плана для механиковъ-техниковъ; за то въ послѣднемъ назначено въ 3-мъ курсѣ 4 часами болѣе на черченіе машинъ и, сверхъ того, 3 часа на построеніе простыхъ зданій, а въ 4-мъ курсѣ 4 часа на рисованіе, чего нѣтъ въ планѣ для учителей. Учебный планъ для химиковъ-техниковъ распадается въ 3-мъ классѣ на 2 отдѣла: собственно химиковъ и горнозаводчиковъ; для будущихъ же химиковъ-учителей въ 3-мъ классѣ прибавлены по горнозаводской технику 5 часовъ лекцій и 3 часа черченія и по машиностроенію 5 часовъ; кромѣ того, прибавлено по физикѣ въ 1-мъ классѣ 2 часа и во 2-мъ—5 часовъ. Для учителей строительнаго искусства, землѣмѣрія и нивелировки учебный планъ почти совершенно тождественъ съ планомъ первыхъ трехъ курсовъ для архитекторовъ и инженеровъ.

Распределеніе предметовъ во всѣхъ этихъ учебныхъ планахъ, какъ я уже замѣтилъ, только примѣрное, и потому необязательное для учащихся, которые пользуются полною свободою ученія, введенною теперь и во всѣхъ другихъ политехническихъ институтахъ въ Германіи и Австріи. Директоръ Ахенскаго института, извѣстный инженеръ, совѣтникъ архитектуры фонъ-Кавенъ, одобряетъ систему свободного ученія; но многіе другіе директора и профессора при подобныхъ институтахъ находятъ такую систему вредною, особенно потому, что въ числѣ студентовъ слишкомъ много молодыхъ людей, не получившихъ полнаго гимназическаго образованія. Такъ, напримѣръ, въ самомъ Ахенѣ, при открытіи института, въ числѣ 162 студентовъ и слушателей было лишь 27 гимназистовъ, и то неизвѣстно, сколько изъ нихъ прошли полный курсъ, ибо по § 7 устава въ число студентовъ допускаются безъ экзамена молодые люди, посѣщавшіе одинъ годъ пріму гимназіи, или перворазряднаго реального училища. Изъ поступившихъ къ слѣдующему 18⁷¹/₇₂ учебному году 185 студентовъ и слушателей было также гимназистовъ лишь около 1/6 части, именно 30, тогда какъ изъ реальныхъ и промышленныхъ училищъ было 35 и 56, всего 91; изъ остальныхъ — 13 были домашняго воспитанія, 8 перешли изъ разныхъ университетовъ, а 43 изъ разныхъ

другихъ политехническихъ училищъ. Ко 2-му семестру того же учебнаго года было записано:

Студентовъ	271
Слушателей (Zuhörer).	59
Посѣтителей (Hospitanten)	50
	<hr/>
Всего.	380

Въ числѣ посѣтителей были 2 дамы.

Преподавателей въ 18⁷²/₇₃ учебномъ году было:

1) Обыкновенныхъ	18
2) Экстраординарныхъ	6
3) Ассистентовъ	9
4) Приватъ-доцентовъ	3
	<hr/>
Всего	36

Въ числѣ экстраординарныхъ были:

1 преподаватель для нѣмецкаго, французскаго и англійскаго языковъ и литературы;

1 для политической экономіи;

1 для географіи.

Изъ приватъ-доцентовъ одинъ преподавалъ антропологию, гигиену и медицинскую полицію, другой—стенографию. Всѣ остальные преподавали спеціальные предметы.

Изчисленные сейчасъ неспеціальные курсы посѣщаются лишь желающими, за исключеніемъ курса новѣйшихъ языковъ, который обязательенъ для абитуриентовъ промышленныхъ училищъ по прежнему уставу 1850 года.

Не смотря на недавнее существованіе, Ахенскій политехнический институтъ обладаетъ уже довольно богатыми кабинетами и библиотекою, коей каталогъ занимаетъ 200 печатныхъ страницъ.

При посѣщеніи этого института я обратилъ вниманіе на нѣкоторыя особенности его устройства, какія мнѣ дотолѣ не встрѣчались, или не были замѣчены мною съ достаточною подробностію. Такъ, напримѣръ, очень хорошо устроено освѣщеніе для вечернихъ классовъ. Между каедрою и скамьями слушателей на верху находится 2 ряда газовыхъ рожковъ, а отражатель бросаетъ свѣтъ на лектора, но не на слушателей, для которыхъ особая люстра. Въ нѣкоторыхъ аудиторіяхъ газовые рожки аргандовскіе, то-есть, круглые, а подъ ними матовое стекло.

Подобнаго рода освѣщеніе, напоминающее освѣщеніе театровъ, чрезвычайно практично и пріятно для глазъ, и имъ всѣ очень довольны. Но за то оказалась неудобною система отопленія горячею водою, потому что она нагрѣваетъ всѣ комнаты одинаково и не допускаетъ регулированія тепла, между тѣмъ какъ температура должна быть совсѣмъ иная въ аудиторіяхъ, чѣмъ, напримѣръ, въ разныхъ кабинетахъ и т. д. На это же неудобство жаловались и въ Кёльнскомъ промышленномъ училищѣ, гдѣ также водяное отопленіе; тогда какъ въ Барменскомъ училищѣ духовое отопленіе оказалось весьма практичнымъ. Тамъ два верхніе этажа отапливаются четырьмя аппаратами, изъ коихъ въ каждомъ ежедневно испаряется около 20-ти мѣръ (безъ малаго 2 ведра) воды, такъ что во всѣ комнаты входитъ воздухъ теплый и вмѣстѣ влажный.

Классныя доски въ Ахенскомъ институтѣ почти во всѣхъ аудиторіяхъ изъ такъ называемаго аспиднаго полотна (*toile ardoisée, Schiefertuch*). Это толстый холстъ, покрытый особымъ чернымъ или бѣлымъ составомъ, по коему очень удобно писать мѣломъ и цвѣтными карандашами; выгоды его заключаются особенно въ легкости и въ возможности имѣть полотно, при ширинѣ въ 5 футовъ, длиною до 25 футовъ и болѣе. Такое полотно продается въ С.-Петербургѣ по 1½ к. за квадратный вершокъ, что составляетъ за квадратный футъ вѣнскій (= около 50 □ вер.) 75 коп., въ Вѣнѣ же ¹⁾ такое же количество стѣитъ только 60 крейцеровъ (около 40 коп.), въ Парижѣ ²⁾ около 1¼ франка, но думали понизить цѣну до 1 фр.

Большіе стѣнные рисунки для лекцій приготавливаются большею частію въ самомъ училищѣ и весьма дешевымъ способомъ: на толстую бумагу любой величины намазывается кистью смѣсь изъ сажи съ слабымъ растворомъ клея. Такимъ образомъ получается черная бумага, на которой профессоръ, ассистентъ или хорошій чертежникъ изъ студентовъ начерчиваетъ рисунокъ мѣломъ, а въ случаѣ необходимости—разноцвѣтными карандашами. Этотъ рисунокъ укрѣпляется тѣмъ, что вся его поверхность равномерно опрыскивается слабымъ растворомъ клея въ водѣ или шеллака въ спиртѣ, посредствомъ пульверизатора. Такихъ рисунковъ накопилось уже значительное количество и они очень хорошо сохраняются.

Кромѣ обычныхъ таблицъ съ нагляднымъ изображеніемъ метри-

¹⁾ У *Mayr & Fessler*, Kärnthnerstrasse, № 37.

²⁾ У *L. Susanne*, 60, boulevard St. Germain.

ческой системы, въ аудиторіяхъ института для упражненія глазомѣра наклеены на стѣны полосы бумаги, въ нѣсколько вершковъ шириною, въ видѣ обоевъ, на коихъ напечатаны рядомъ, крупными линіями, футовыя и метрическія линейныя мѣры. Эти полосы наклеиваются въ горизонтальномъ направленіи подъ карнизомъ и въ вертикальномъ отъ пола до потолка, для чего и цифры, обозначающія футы и метры съ ихъ подраздѣленіями, поставлены въ соответственныхъ направленіяхъ. Этимъ глазъ приучается къ правильной оцѣнкѣ разстояній, ибо одна и та же длина кажется нашему зрѣнію не одинаковою, смотря по тому, будетъ ли рассматриваемый предметъ находиться ниже, или выше, и притомъ въ лежачемъ, или отвѣсномъ положеніи.

А. Гезепъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

О ПРЕПОДАВАНИИ ЮРИДИЧЕСКИХЪ И ПОЛИТИЧЕСКИХЪ НАУКЪ ВЪ ГЕРМАНИИ.

Организація и объемъ преподаванія юридическихъ и политическихъ наукъ въ Германскихъ университетахъ до сихъ поръ носятъ признаки историческаго происхожденія.

Преподаваніе юриспруденціи въ европейскихъ университетахъ, прежде въ итальянскихъ, а потомъ въ нѣмецкихъ и другихъ, началось съ римскаго права; скоро къ нему присоединилось каноническое. Подъ римскимъ правомъ разумѣлось, главнымъ образомъ, право римское гражданское; другія права, какъ напримѣръ, уголовное, составляли только прибавочную часть къ цѣлому. Такимъ образомъ преподаваніе юридическихъ наукъ сначала было преподаваніемъ собственно гражданскаго и церковнаго права. Позднѣе, преимущественно въ XVIII столѣтіи, выдѣляется преподаваніе уголовного и государственнаго правъ, какъ предметовъ самостоятельныхъ кафедръ.

Согласно указанному историческому ходу, преподаваніе римскаго права, въ смыслѣ римскаго гражданскаго и затѣмъ гражданскаго права вообще, въ настоящее время занимаетъ въ нѣмецкихъ университетахъ первенствующее мѣсто. По той же причинѣ, каноническое право и теперь считается однимъ изъ важнѣйшихъ предметовъ юридическаго образованія, изложенію котораго посвящаютъ себя первые авторитеты нѣмецкой науки. Въ зимній семестръ 18⁷²/₇₃ года въ Берлинскомъ юридическомъ факультетѣ изъ 148 еженедѣльныхъ лекцій 62 приходилось на римское и гражданское право; въ томъ же семестрѣ въ Гейдельбергскомъ — изъ 116 таковыхъ лекцій 58, то-есть, ровно половина посвящены были римскому и гражданскому праву. Эти цифры двухъ юридическихъ факультетовъ весьма характеристичны, ибо онѣ указываютъ на количество времени, затрачиваемаго на преподаваніе въ германскихъ университетахъ гражданскаго права. Тоже

подтверждаютъ и другіе факты: такъ извѣстный Гейдельбергскій пандектистъ Виншейдъ, вступившій мѣсто покойнаго Вингерова, читаетъ пандекты въ зимнемъ семестрѣ по 16 часовъ въ недѣлю; Шмидтъ, Лейпцигскій профессоръ римскаго права, въ зимнемъ семестрѣ читалъ 18 часовъ въ недѣлю, — 12 пандекты и 6 часовъ институціи и внѣшнюю исторію римскаго права. До 10 и больше часовъ обыкновенно посвящаютъ римскому и гражданскому праву и профессора другихъ факультетовъ. На преподаваніе остальныхъ предметовъ, какъ напримѣръ, уголовного, государственнаго и междуна-роднаго права, посвящается, вообще говоря, меньшее число часовъ. Фактъ этотъ указываетъ на ту важность, какую нѣмецкіе юридическіе факультеты придаютъ гражданскому праву въ юридическомъ образо-ваніи. Такъ смотрятъ на этотъ предметъ какъ профессора, такъ и студенты. Я посѣщалъ аудиторіи преподавателей различныхъ юри-дическихъ наукъ и убѣдился, что число студентовъ несравненно больше въ аудиторіяхъ пандектистовъ и вообще цивилистовъ, чѣмъ другихъ профессоровъ, при равныхъ ученыхъ заслугахъ преподавателей. Такъ, въ зимнемъ 18⁷³/₇₃ года семестрѣ аудиторію Виншейда посѣ-щало не менѣе 100 человекъ, тогда какъ Блунтчли и Цепфля, извѣст-ность коихъ не меньше, посѣщало отъ 25 до 40 студентовъ.

По той же причинѣ большинство германскихъ юридическихъ фа-культетовъ до сихъ поръ суть факультеты болѣе юридическіе, чѣмъ юри-дико-политическіе. Въ университетахъ сѣверной Германіи и Ва-дена политическая экономія и статистика, финансовое и полицейское право не относятся къ юридическому факультету, а преподаются на философскомъ. Въ университетахъ Баваріи и Виртемберга послѣд-нія науки составляютъ отдѣльный факультетъ подъ названіемъ: Staats-wirthschaftliche Facultät. Только въ Австрійскихъ, въ двухъ Швей-царскихъ (Цюрихскомъ и Бернскомъ) и въ недавно преобразованномъ Страсбургскомъ университетахъ экономія, статистика, финансы и по-лицейское право принадлежатъ въ предметамъ, читаемымъ на юри-дическомъ факультетѣ.

Профессора и вообще преподаватели нѣмецкихъ университетовъ пользуются такъ называемою *Lehrfreiheit*, или свободой преподаванія. Это слово часто вводило въ заблужденіе тѣхъ, которые, толкуя его грамматически, понимали подъ нимъ свободу слова и мысли вообще. Но это ошибочно: профессора нѣмецкіе пользуются въ этомъ отношеніи такую же свободой, какъ и другіе нѣмецкіе граждане. Затѣмъ, какъ лица назначаемаыя правительствомъ, и отъ него зависящія, они дер-

жаты въ извѣстныхъ границахъ, налагаемыхъ на нихъ самимъ ихъ званіемъ. Слѣдовательно, права ихъ опредѣляются, во первыхъ, общеполитическими законами страны о свободѣ слова, во вторыхъ, собственнымъ ихъ положеніемъ какъ лицъ, состоящихъ на государственной службѣ и получающихъ жалованье отъ казны.

Слово *Lehrfreiheit* имѣеть чисто техническое значеніе: оно означаетъ, что профессоръ пользуется полнѣйшею свободою, во первыхъ преподавать избранный имъ факультетскій предметъ, во вторыхъ, преподавать его такъ, какъ онъ считаетъ цѣлесообразнымъ съ педагогической точки зрѣнія, и въ третьихъ, въ такомъ количествѣ часовъ, какое находитъ необходимымъ для успѣха дѣла.

Вслѣдствіе такой *Lehrfreiheit*, профессоръ юридическаго факультета, назначенный для преподаванія какого-нибудь одного предмета, получаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ право читать и всѣ другіе, хотя бы онъ и не представилъ никакой ученой работы въ доказательство своихъ специальныхъ по нимъ знаній; право на это даетъ ему докторская степень, которая, будучи вообще условіемъ для академической карьеры, въ сущности, по своему дѣйствительному значенію, равна, или немногимъ выше, нашей кандидатской. Пользуясь упомянутымъ правомъ, профессора юридическаго факультета дѣйствительно читаютъ по два, по три, четыре и даже пяти предметовъ. Берлинскій профессоръ Бернеръ, кромѣ уголовного права и судопроизводства, читаетъ: а) энциклопедію и методологію права, б) естественное право, или философію его съ основными понятіями государственныхъ наукъ, и в) международное право. Другой берлинскій криминалистъ, Гольцендорфъ, кромѣ уголовного права и судопроизводства, преподаетъ: а) государственное право, б) политику, в) международное право, г) церковное право нерѣдко со включеніемъ права брачнаго. Гнейстъ, профессоръ того же факультета, пріобрѣвшій извѣстность своими трудами по исторіи конституціонныхъ и административныхъ учрежденій Англій, читаетъ: а) право государственное, б) административное; в) исторію римскаго права и нерѣдко отдѣльный курсъ римскаго наследственнаго права; г) уголовное право и судопроизводство; д) общій нѣмецкій гражданскій процессъ. Въ Лейпцигскомъ университетѣ Вехтеръ, одинъ изъ старѣйшихъ нѣмецкихъ криминалистовъ, читаетъ, кромѣ того пандекты, гражданское и торговое право. Другой Лейпцигскій криминалистъ Гейнце, нынѣ призванный къ преподаванію уголовного права въ Гейдельбергскій университетъ, кромѣ своего предмета, въ которомъ онъ извѣстенъ учеными работами, читаетъ: а) естественное право, или

физиологію его; б) право государственное и в) международное. Бонскій криминалистъ Гельшнеръ читаетъ тѣ же предметы. Въ Гейдельбергскомъ юридическомъ факультетѣ Блюнтчли читаетъ: а) государственное право общее и нѣмецкое; б) политику; в) полицейское право, и г) международное право. Другой Гейдельбергскій профессоръ Цепфль преподаетъ кромѣ нѣмецкаго государственнаго права: а) естественное право; б) исторію нѣмецкаго права, и в) право международное. Рёдеръ, оди́нъ изъ старѣйшихъ преподавателей того же факультета, читаетъ, кромѣ уголовного права: а) государственное съ политикою; б) естественное; в) международное и г) спеціальнѣйшій курсъ тюремнѣдѣнія. Я указываю на этихъ профессоровъ, преподающихъ по три, четыре и даже по пяти предметовъ, не какъ на исключенія, а какъ на такія личности, которыя только служатъ выразителями общаго во всѣхъ нѣмецкихъ университетахъ господствующаго обычая.

Число преподавателей, считая въ томъ числѣ и приватъ-доцентовъ, въ юридическихъ факультетахъ вообще не такъ велико, какъ иногда думаютъ у насъ. Только въ Вѣнскомъ университетѣ оно очень значительно; тамъ въ истекшемъ семестрѣ показано 26 преподавателей юридическаго факультета. Въ двухъ другихъ большихъ университетахъ находится: въ Берлинскомъ юридическомъ факультетѣ 15 и столько же въ Лейпцигскомъ. Въ среднихъ университетахъ число это меньше: такъ въ Гейдельбергскомъ и Бонскомъ по 13, въ Мюнхенскомъ 11. Затѣмъ во многихъ факультетахъ по 7 преподавателей, а въ нѣкоторыхъ, какъ напримѣръ въ Ростокскомъ 5 и въ Базельскомъ 4. Здѣсь, впрочемъ, я привелъ цифры преподавателей только юридическихъ факультетовъ, о составѣ которыхъ мною упомянуто выше; слѣдовательно, цифры эти, за исключеніемъ Вѣнскаго факультета, не обнимаютъ преподавателей политической экономіи, статистики, финансовъ и большею частію полицейскаго права. А таковыхъ приходится на каждый факультетъ отъ 1 до 4-хъ.

До личнаго посѣщенія мною германскихъ университетовъ я раздѣляя господствующее у насъ убѣжденіе о важномъ значеніи въ нихъ приватъ-доцентовъ и о конкуренціи этихъ преподавателей съ ординарными и экстраординарными профессорами. Личныя мои наблюденія заставили меня измѣнить этотъ взглядъ. Конечно, я говорю о приватъ-доцентахъ только въ юридическихъ факультетахъ; число ихъ тамъ во первыхъ весьма незначительно, а во вторыхъ, по различнымъ причинамъ, преподаваніемъ своимъ они далеко не могутъ конкурировать съ профессорами. Вотъ доказательства: только въ Вѣн-

скомъ юридическомъ факультетѣ число привать-доцентовъ доходитъ до 7, въ другихъ же оно гораздо меньше. Такъ, въ Берлинскомъ издавна находится ихъ 2, въ Лейпцигскомъ, Гейдельбергскомъ, Геттингенскомъ, Галльскомъ по 1-му. Затѣмъ во многихъ факультетахъ вовсе ихъ нѣтъ, какъ напримѣръ, въ факультетахъ Мюнхенскомъ, Бреславльскомъ, Эрлангенскомъ, Фрейбургскомъ, Грейсвальдскомъ, Кенигсберскомъ и др. Уже это обстоятельство очень важно. Кромѣ того, профессора нѣмецкихъ юридическихъ факультетовъ отличаются необыкновеннымъ постоянствомъ своей карьеры. Это большею частію люди, извѣстные въ своемъ отечествѣ долговременною дѣятельностію, опытностію и умѣніемъ преподавать. Слѣдовательно, конкуренція съ ними не легка. Съ давнихъ временъ укоренилось въ Германіи убѣжденіе, что назначеніе юридическихъ факультетовъ состоитъ въ томъ, чтобы готовить научно образованныхъ юристовъ для практической дѣятельности. Человѣкъ, посвятившій себя изученію юридическихъ наукъ, издавна привыкъ тамъ къ тому, что тѣ же начала правовѣденія, которыя онъ слышитъ въ университетской аудиторіи, примѣняются въ разныхъ сферахъ практической дѣятельности юриста. Вслѣдствіе этого, нѣмецкое юношество ищетъ въ факультетахъ специальныхъ, такъ сказать, техническихъ знаній по избранной части, а эти знанія приобретаются только усидчивымъ и долговременнымъ трудомъ, слѣдовательно, чаще всего встрѣчаются у долго преподававшихъ профессоровъ; при смѣнѣ поколѣній, имя извѣстнаго профессора передается отъ одного къ другому, и такимъ образомъ создается какъ-бы фирма, къ которой привыкли издавна обращаться за умственнымъ матеріаломъ. Составленное мнѣніе о томъ или другомъ профессорѣ служитъ привлекающею силою, тѣмъ болѣе, что мнѣніе это, какъ общераспространенное, усваивается и тѣми членами экзаменаціонной комисіи, которымъ экзаменующійся представляетъ документы, свидѣтельствующіе о томъ, что онъ прослушалъ курсы и занимался у такихъ-то профессоровъ, пользующихся громкою репутаціею. Вотъ почему въ германскихъ юридическихъ факультетахъ главное значеніе въ преподаваніи принадлежитъ ординарнымъ и экстраординарнымъ профессорамъ. Но привать-доцентура имѣетъ другое, и притомъ очень важное, значеніе. Она служитъ школою и разсадникомъ для профессуры. Рѣдкій изъ профессоровъ юридическихъ факультетовъ не проходилъ чрезъ нее, въ чемъ легко убѣдиться, просмотрѣвъ особенный календарь, въ которомъ находятся свѣдѣнія о службѣ каждаго профессора. И нужно сказать, что эта школа очень надежна: привать-доцентъ

проходить ее безъ всякой поддержки правительства, добывая себѣ средства къ жизни однимъ преподаваніемъ.

Большинство профессоровъ, юристовъ читаютъ каждый семестръ по два предмета, а нѣкоторые — по три; въ теченіе же одного или полутора года успѣваютъ прочитать четыре или пять предметовъ. Существуетъ обычай излагать назначенный предметъ въ одинъ семестръ. Неутомимость профессоровъ, читающихъ отъ 8 до 20 часовъ въ недѣлю, достойна удивленія.

Но чтобы объяснить ее, нужно обратить вниманіе на способъ вознагражденія профессоровъ, съ которымъ она находится въ тѣсной связи.

Съ самаго основанія нѣмецкихъ университетовъ профессора получали вознагражденіе за свой трудъ исключительно отъ слушателей, пользуясь впрочемъ иногда разными пособіями въ видѣ квартиръ въ коллегіяхъ, основанныхъ разными покровителями университетскаго образованія. Впослѣдствіи, особенно со времени реформаціи, когда представители свѣтской власти убѣдились въ высокому значеніи университетовъ въ общественной жизни, въ значеніи ихъ для борьбы съ властію папъ, они стали назначать опредѣленное жалованье профессорамъ, которые съ тѣхъ поръ получили названіе ординарныхъ, публичныхъ, то есть, такихъ, преподаваніе коихъ государство считаетъ столь необходимымъ, что вознаграждаетъ его на свой счетъ. Остальные профессора, стоявшіе внѣ этого порядка, получали, подъ именемъ экстраординарныхъ, вознагражденіе отъ слушателей. Только позднѣе стали назначать жалованье и имъ, хотя и до сихъ поръ званіе экстраординарнаго профессора не сопряжено *ipso jure* съ государственнымъ окладомъ. Такъ какъ съ принятіемъ ординарныхъ профессоровъ на государственное жалованье, они очутились въ зависимости отъ правительства, то оно стало регламентировать преподаваніе ихъ по отношенію къ числу еженедѣльныхъ лекцій. Явились постановленія, предписывающія ординарнымъ профессорамъ читать такое-то число часовъ, запрещающія имъ преподавать *private* и *privatissime*, и облагающія ихъ разными штрафами и вычетами изъ оклада за пропущенныя лекціи. Эта регламентація, не принося пользы, ослабила существовавшую до тѣхъ поръ конкуренцію, или свободу преподаванія.

Но позднѣе сами правительства сознали ошибочность подобнаго порядка вещей и возстановили старинную *Lehrfreiheit*, съ платою студентами за слушаніе лекцій извѣстнаго гонорара, но вмѣстѣ и съ

удержаніемъ вознагражденія со стороны государства. Этотъ двойной способъ вознагражденія сохранился и до сихъ поръ.

Такимъ образомъ, преподавательскую дѣятельность германскихъ профессоровъ юридическихъ факультетовъ должно разсматривать не иначе, какъ въ связи со способомъ ихъ вознагражденія. Онъ имѣетъ могущественное вліяніе на количество предметовъ, читаемыхъ ими, и на число часовъ, посвящаемыхъ ими преподаванію.

Ординарный или экстраординарный профессоръ обязанъ, какъ лицо, состоящее на службѣ, читать по крайней мѣрѣ одну лекцію въ недѣлю öffentlich, то-есть, публично, и вмѣстѣ съ тѣмъ unentgeltlich, то-есть, бесплатно. Этому положительно требуютъ нѣкоторые университетскіе уставы. Именно за такія чтенія профессора и получаютъ вознагражденіе отъ правительства. Затѣмъ они могутъ читать private, то-есть, съ полученіемъ гонорара отъ слушателей, столько предметовъ и посвящать на чтеніе ихъ столько часовъ, сколько хватитъ у нихъ силъ и времени.

Жалованье нѣмецкихъ ординарныхъ и экстраординарныхъ профессоровъ неравномѣрно, а опредѣляется, смотря по той репутаціи, которую преподаватель составилъ себѣ въ ученomъ мѣрѣ. И теперь, какъ въ средніе вѣка, жалованье это устанавливается по договорному началу, а не на основаніи какого-либо общаго положенія. Это условливалось, между прочимъ, и тѣмъ обстоятельствомъ, что при существованіи многихъ государствъ, они конкурировали между собою въ привлеченіи къ своимъ университетамъ лучшихъ профессоровъ. Вслѣдствіе того и до сихъ поръ профессоръ, получая приглашеніе, предъявляетъ свои особые условія. Само собою разумѣется, что здѣсь рѣчь идетъ только о профессорахъ ординарныхъ, такъ какъ ни одинъ университетъ не приглашаетъ къ себѣ преподавателей изъ другихъ университетовъ, съ предоставленіемъ имъ званія экстраординарнаго профессора и никто изъ преподавателей не принимаетъ приглашенія иначе, какъ подъ условіемъ ординатуры. Таковъ установившійся обычай.

Количество жалованья нѣмецкихъ профессоровъ, не только экстраординарныхъ, но и ординарныхъ, вообще не велико. Если немногіе, пользующіеся особенною извѣстностью, переходя изъ одного мѣста въ другое, получаютъ отъ 3-хъ до 5-ти тысячъ гульденовъ въ южной Германіи и до 5-ти тысячъ въ сѣверной, то отнюдь нельзя сказать этого о большинствѣ. Такъ, въ южной Германіи низшій размѣръ его — 800 гул., а въ сѣверной, даже въ Берлинѣ, нѣкоторые орди-

нарные профессора получаютъ по 800 тал. Еще скуднѣе жалованье профессоровъ экстраординарныхъ. Вообще же разнѣръ существующаго государственнаго вознагражденія служить предметомъ постоянныхъ жалобъ университетской корпораціи. При организаціи Страсбургскаго университета жалованье профессорамъ было значительно возвышено, но при этомъ имѣлись въ виду политическія соображенія.

Этою - то умѣренностію государственнаго вознагражденія, желаніемъ пополнить его и исторически наслѣдованною привычкою и объясняется, въ значительной степени, ревность и неутомимость въ преподаваніи германскихъ профессоровъ-юристовъ. Странно было бы объяснять исключительно научными побужденіями педагогическую дѣятельность нашего учителя гимназій, имѣющаго, кромѣ своихъ двѣнадцати обязательныхъ часовъ, еще вдвое болѣе частныхъ уроковъ; точно также значило бы идеализировать и неутомимость нѣмецкаго профессора, сказавъ, что имъ руководятъ исключительно научныя цѣли.

Вслѣдствіе упомянутаго способа вознагражденія, нѣмецкіе профессоры вообще, и профессора юридическаго факультета въ особенности, употребляютъ на чтеніе private, то-есть, съ полученіемъ вознагражденія отъ слушателей, гораздо большее количество часовъ, чѣмъ на чтеніе öffentlich. Въ тридцатыхъ годахъ Берлинскій университетъ ходатайствовалъ даже объ освобожденіи профессоровъ вовсе отъ обязанности читать publice, ссылаясь на вредъ для студентовъ отъ бесплатныхъ чтеній. Прусское министерство не уважило этого представленія и желало, чтобы каждый профессоръ читалъ по крайней мѣрѣ одну лекцію въ недѣлю öffentlich. Въ настоящее время въ прусскихъ университетахъ дѣйствительно слѣдуютъ этому правилу почти всѣ профессора. Въ другихъ же университетахъ оно строго не соблюдается; по крайней мѣрѣ въ росписаніи лекцій мы рѣдко встрѣчаемъ терминъ öffentlich. Чтобы вообще дать понятіе объ соотношеніи чтеній publice и чтеній private, я приведу нѣкоторыя цифры: въ весеннемъ семестрѣ прошлаго года 12 профессоровъ Берлинскаго юридическаго факультета читали 148 лекцій въ недѣлю, изъ коихъ öffentlich только—17, а остальные private, то-есть, съ вознагражденіемъ отъ слушателей. Въ томъ же семестрѣ 9 профессоровъ и 2 привать-доцента Бонскаго юридическаго факультета читали 13 лекцій безденежно, и 105 private, а 6 профессоровъ Кенигсбергскаго юридическаго факультета 12 лекцій перваго рода и 52 втораго. Ревность нѣкоторыхъ профессоровъ въ чтеніи лекцій private доходитъ до размѣровъ, по истинѣ

достойныхъ удивленія. Я уже говорилъ, что не рѣдкость встрѣтить пандектиста, читающаго отъ 16-ти до 18-ти часовъ. Экстраординарный берлинскій профессоръ Баронъ въ лѣтнемъ семестрѣ читаетъ обыкновенно 20 часовъ въ недѣлю private и 1 часъ publice; приватъ-доцентъ того же факультета Шмидтъ, кромѣ 6-ти часовъ, которые онъ употребляетъ private (publice для приватъ-доцентовъ вовсе не обязательны) на репетиторіи по пандектному праву и внутренней исторіи римскаго права, вмѣстѣ съ толкованіемъ источниковъ, всякій разъ объявляетъ о готовности вести репетиторію по всѣмъ частямъ права на языкахъ нѣмецкомъ, французскомъ и латинскомъ. Другой приватъ-доцентъ того же университета, принадлежащій къ философскому факультету, Дирингъ, преподающій различные предметы философіи и государственныхъ наукъ, каждый семестръ объявляетъ о своей готовности читать privatissima по философскимъ и государственнымъ наукамъ вообще.

Изъ сказаннаго легко понять, что нѣмецкій профессоръ юридическаго факультета прежде всего — преподаватель, а потомъ уже ученый. Преподавательская профессія для него есть не только государственная служба, но вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ сказать, его ремесло, которымъ онъ занимается по тѣмъ же причинамъ, какъ медикъ занимается леченіемъ больныхъ, адвокатъ — защитою дѣлъ. Вслѣдствіе сего, нѣмецкій профессоръ-юристъ всецѣло посвящаетъ себя преподаванію, которымъ онъ живетъ. Вообще говоря, кромѣ преподаванія, другихъ постороннихъ занятій онъ не имѣетъ, тогда какъ, напри- мѣръ, въ Италіи профессоръ, ipso jure, есть и адвокатъ. Намъ пришлось слышать объ одномъ только криминалистѣ, Рульфѣ, нынѣ перешедшемъ изъ Львова въ Прагу, какъ о профессорѣ, занимающемся уголовною практикою. Въ прежнее время германскіе юридическіе факультеты имѣли важное значеніе въ судебной практикѣ. При каждомъ изъ нихъ состояла коллегія изъ извѣстнаго числа преподавателей, въ которую присылались самыя трудныя и важныя, въ юридическомъ отношеніи, дѣла гражданскія и уголовныя. Профессора имѣли, слѣдовательно, своего рода jus respondendi, каковымъ нѣкогда пользовались римскіе юрископсулты; но, въ настоящее время, съ преобразованиемъ судоустройства и судопроизводства, этотъ обычай пришелъ въ упадокъ. Консультанціи профессоровъ сдѣлались рѣдки, хотя, впрочемъ, иногда еще и встрѣчаются.

При такихъ условіяхъ, преподавательская дѣятельность нѣмецкаго профессора-юриста, — дѣятельность чисто педагогическая, — заслу-

живааетъ полнаго сочувствія. Въ большихъ и среднихъ университетахъ существуетъ конкуренція преподаванія по многимъ предметамъ. Каждый изъ нихъ читается двумя, тремя и даже пятью преподавателями. Студентъ можетъ выбирать любого изъ нихъ. Если же принять во вниманіе индивидуальныя особенности каждаго, то понятно, что преподаваніе одного восполняетъ недостатки другаго, и вслѣдствіе того предметъ излагается во всемъ своемъ объемѣ.

Не могу, впрочемъ, умолчать, что, по крайнему моему разумѣнію, въ этомъ обычаѣ читать одновременно множество предметовъ есть и слабая сторона. Въ настоящее время каждая наука такъ специализируется, требуетъ столько силъ для изслѣдованія вновь возникающихъ вопросовъ и новаго матеріала, что цѣлой жизни человѣка не хватитъ для всесторонней и глубокой ея разработки. Ясно, что профессоръ, излагающій четыре или пять предметовъ, долженъ по нѣкоторымъ изъ нихъ ограничиваться лишь элементарными свѣдѣніями. Конечно, бывають и исключенія: нѣкоторые профессора составили собственные учебники по двумъ или даже тремъ наукамъ, но нерѣдко въ росписаніи лекцій встрѣчается объявленіе, что преподаватель будетъ читать по чужому учебнику.

Перехожу затѣмъ къ одному изъ важнѣйшихъ вопросовъ, касающихся юридическихъ наукъ, а именно, къ методу ихъ преподаванія.

Самый употребительный изъ нихъ въ нѣмецкихъ юридическихъ факультетахъ есть такъ называемый акроаматическій, то-есть, изложеніе предмета посредствомъ непрерывной связи рѣчи. На такое изложеніе употребляется ббльшая часть учебнаго курса. Очень часто профессоръ въ обзорѣніи предметовъ указываетъ на учебникъ свой или принадлежащій другому лицу, котораго онъ намѣренъ держаться въ своихъ чтеніяхъ. Такъ, гейдельбергскій профессоръ уголовного права Германъ въ зимній семестръ 18⁷¹/₇₂ года читалъ уголовный процессъ, съ указаніемъ на учебникъ Цахаріэ. Само собою разумѣется, что профессоръ излагаетъ предметъ свободно, а не читаетъ по тетрадкѣ или по книгѣ. То и другое служитъ для него путеводительною нитью, средствомъ—слѣдить за порядкомъ вопросовъ и подробностями изложенія. Но нѣкоторые профессора дѣлають отступленіе отъ этого, обыкновенно въ тѣхъ случаяхъ, когда они диктуютъ главныя положенія своего курса. На этотъ разъ они строго держатся тетрадки, диктуя одно слово за другимъ, чтобы дать возможность студентамъ удобнѣе записывать. Но и тутъ они употребляютъ часть времени на объясненіе продиктованнаго посредствомъ свободной рѣчи.

Если упомянутый способ преподаванія — самый употребительный, то онъ далеко не единственный. Въ нѣмецкихъ юридическихъ факультетахъ существуютъ и другіе, послѣ различныя наименованія, какъ-то: а) Repetitorien, б) Examinatorien, в) Disputatorien, г) Conventorien, д) Practische Übungen и е) Seminarien.

Repetitorien состоятъ въ томъ, что профессоръ излагаетъ или весь предметъ, или важнѣйшія его части въ живой рѣчи тѣмъ студентамъ, которые уже прослушали курсъ, но желаютъ, посредствомъ повторительнаго чтенія, еще лучше усвоить его. Чаще всего чтенія такого рода соединяются съ Examinatorien, которыя состоятъ въ изложеніи какой-нибудь части предмета сократическимъ или кетехизическимъ методомъ, то - есть, посредствомъ вопросовъ и отвѣтовъ. Къ этимъ методамъ обращаются не всегда, хотя они, особенно Examinatorien, считаются въ Германіи полезнѣйшимъ средствомъ для усвоенія науки. Участіе въ репетиторіяхъ и экзаменаторіяхъ предоставлено на волю студентовъ; къ нимъ особенно прибѣгаютъ тѣ студенты, которые, прослушавъ курсъ, желаютъ приготовиться къ государственному экзамену. Въ частности польза экзаменаторій заключается въ томъ, что они возбуждаютъ соревнованіе между молодыми людьми, даютъ имъ возможность повѣрить свои знанія, и наконецъ, служатъ средствомъ для того, чтобы давать себѣ ясный отчетъ въ своихъ свѣдѣніяхъ. Въ германской юридической литературѣ есть даже руководства, составленныя по этому методу, то - есть, состояція изъ вопросовъ и отвѣтовъ. Впрочемъ, подобными книгами готовящіяся къ экзамену нерѣдко злоупотребляютъ, выучивая ихъ наизусть, то - есть, усвоивая ихъ механически. Репетиторіи и экзаменаторіи чаще всего ведутся приватъ - доцентами, private или privatissime, хотя изрѣдка встрѣчаются и профессора, прибѣгающіе къ этому методу. Такъ, въ лѣтнемъ семестрѣ прошлаго года вели репетиторіи и экзаменаторіи: ординарный профессоръ Бернскаго университета Кенигъ по бернскому гражданскому праву; профессоръ Грацскаго университета Михель, 4 часа въ недѣлю, по австрійскому гражданскому праву; приватъ-доценты Берлинскаго факультета Шмидтъ и Диригъ въ теченіе каждаго семестра имѣютъ репетиторіи и экзаменаторіи, какъ по своимъ спеціальнымъ предметамъ, такъ и по всѣмъ отраслямъ, первый — юридическихъ, второй — политическихъ наукъ.

Disputatorien состоятъ въ спорѣ, который студенты, подъ руководствомъ профессора, ведутъ между собою о какомъ-нибудь вопросѣ. Если подобный методъ служитъ школою для упражненія въ публич-

номъ краснорѣчіи, то собственно для усвоенія науки значеніе его маловажно. Въ старыя времена онъ былъ въ большемъ ходу въ нѣмецкихъ университетахъ, но теперь почти вовсе выходитъ изъ употребленія. Въ обзорѣнн лекцій на лѣтній семестръ прошлаго года мнѣ удалось встрѣтить лишь одного профессора, у котораго происходили еженедѣльно двухчасовыя диспуты о различныхъ пунктахъ *Corpus juris civilis*; то былъ профессоръ Бреславльскаго юридическаго факультета Геппертъ.

Conversatorien состоятъ въ бесѣдахъ о какомъ-нибудь теоретическомъ или практическомъ вопросѣ, тоже подъ руководствомъ профессора. Чаше же всего посвящаются они изъясненію и толкованію источниковъ права. Такъ, въ росписаніяхъ лекцій постоянно встрѣчаются объявленія о толкованіи какого-нибудь титула изъ той или другой части *Corpus juris civilis*, или изъ фрагментовъ Гая и Ульпіана, а также памятниковъ древняго нѣмецкаго права или нынѣ дѣйствующихъ кодексовъ. Въ лѣтній семестръ прошлаго года я посѣтилъ нѣсколько подобныхъ лекцій Бернера и Гольцендорфа: первый толковалъ уголовный кодексъ нѣмецкой имперіи по два часа въ недѣлю, съ участіемъ въ этой бесѣдѣ студентовъ; второй изъяснялъ конституціонную хартію Германской имперіи (*Reichsverfassungsurkunde*) по одному часу. Эта форма обученія есть одна изъ употребительнѣйшихъ и польза ея не подлежитъ сомнѣнію. Въ обзорѣнн лекцій она очень часто встрѣчается подъ различными наименованіями, какъ-то: *Conversatorien*, *Exegeticum*, *Interpretationen*.

Практическія упражненія также довольно употребительны въ нѣмецкихъ юридическихъ факультетахъ. Хотя преподаваніе наукъ имѣетъ тамъ чисто теоретическій характеръ, но, конечно, цѣль его состоитъ въ томъ, чтобы приготовить научно-образованныхъ практиковъ. Юридически-политическія науки и сами по себѣ суть по преимуществу науки практическія, подобно медицинѣ и другимъ: главнымъ ихъ положенія взяты изъ жизни и требуютъ примѣненія. Дѣло науки состоитъ въ томъ, чтобы угадать смыслъ правовыхъ явленій, созданныхъ живію, обобщить ихъ и изложить въ системѣ. Конечно, искусство анализировать подобныя явленія и подводить ихъ подъ теоретическія положенія науки и закона достается только долговременною практикою, которую нѣмецкій студентъ, по окончаніи курса, пріобрѣтаетъ, въ теченіе четырехъ лѣтъ, въ качествѣ ученика-практиканта при судахъ или административныхъ учрежденіяхъ. Но не смотря на то, въ Германіи признается необходимымъ преподавать молодому юристу

еще на студенческой скамьѣ первыя начала примѣненія теоріи къ практикѣ. Вотъ почему практическія упражненія ведутся перѣдко подъ руководствомъ профессоровъ, и чаще всего по гражданскому и уголовному праву, по гражданскому и уголовному судопроизводству, и очень рѣдко по церковному.

Практика по матеріальному гражданскому праву состоитъ въ разборѣ дѣйствительныхъ или возможныхъ случаевъ изъ жизни. Профессоръ предлагаетъ студентамъ какой-нибудь казусъ для того, чтобы они сдѣлали его анализъ и представили мотивированное рѣшеніе, основанное на одной теоріи. Само собою понятно, что избираются такіе случаи, гдѣ главное значеніе имѣетъ не фактическая, а юридическая сторона дѣла. Въ томъ же родѣ ведутся и практическія занятія.

На предложенныя имъ задачи студенты чаще всего отвѣчаютъ письменно, что даетъ имъ возможность представить обдуманнѣе отвѣтъ. Затѣмъ, въ назначенное время, профессоръ критикуетъ упомянутыя отвѣты, привлекая къ участию въ этой бесѣдѣ. Въ Германіи особенно славится подобными занятіями Герингъ. Въ руководство Герингъ издалъ „Сборникъ юридическихъ задачъ“, но, кромѣ того, существуютъ еще сборники Гиртингера, Вольфа и др. Укажемъ также на руководство по матеріальному уголовному праву цюрихскаго криминалиста Озенбрюггена подъ заглавіемъ: „Casuistik des Criminalrechts, 1854 г.“

Практическія упражненія по гражданскому процессу состоятъ также въ разсмотрѣніи и рѣшеніи какого-нибудь случая, причѣмъ составляются разнаго наименованія бумаги: прошенія и отвѣты сторонъ, аппеляціонныя и кассационныя жалобы, вызовы къ суду, журналы и протоколы рѣшеній. Профессоръ обращаетъ особенное вниманіе студентовъ, какъ на процессуальныя формальности, такъ и на уясненіе всего вообще хода процесса. Чтобы сдѣлать это болѣе нагляднымъ, онъ прибѣгаетъ иногда къ раздѣленію ролей между студентами, такъ что одинъ представляетъ одну сторону, другой—другую, третій—принимаетъ роль секретаря, четвертый—судьи и т. д. Само собою разумѣется, что съ практическими упражненіями по процессу соединяется и рѣшеніе какой-нибудь задачи матеріальнаго гражданского права. Для руководства студентовъ въ практическихъ занятіяхъ по гражданскому процессу существуютъ также сборники, напримѣръ, сборникъ Лангебека подъ заглавіемъ: „Rechtsfälle für die Civilprocess Praxis. 1861 г.“

Въ томъ же родѣ ведутся практическія упражненія по уголовному процессу. И здѣсь, хотя рѣже, прибѣгають къ раздѣленію ролей. Нельзя не замѣтить, что въ отношеніи уголовного процесса, гдѣ устное изложеніе болѣе необходимо, чѣмъ въ гражданскомъ, подобное раздѣленіе вполне умѣстно. Профессоръ распредѣляетъ между участниками роли прокурора и его помощника, которому поручается веденіе прокурорской переписки, слѣдственнаго судьи, протоколиста, который заноситъ въ протоколъ предварительное слѣдствіе. Самъ профессоръ сообщаетъ матеріалъ для предварительнаго слѣдствія, вызываетъ вопросы со стороны слѣдственнаго судьи и даетъ отвѣты, какъ будто отъ лица обвиняемаго и свидѣтелей. По заверше- нии предварительнаго слѣдствія, составляется обвинительная камера, предъ которою одинъ изъ ея членовъ дѣлаетъ докладъ, а затѣмъ выслушивается предложеніе о преданіи суду. Избранный для исполненія роли прокурора составляетъ обвинительный актъ, который вручается защитнику. Открывается судебное слѣдствіе, которое обни- маетъ по возможности всѣ дѣйствія, въ него входившія, и заканчивается судебными прѣсудами, то-есть рѣчами прокурора и защитника. Далѣе идетъ обсужденіе дѣла и постановленіе рѣшенія. Въ заключеніе со- ставляются апелляціонныя или кассационныя жалобы. Подобныя прак- тическія упражненія обыкновенно ведетъ лейпцигскій криминалистъ Гейнце, нынѣ призванный въ Гейдельбергскій университетъ для пре- подаванія уголовного права.

Такъ называемыя *Relatorium* составляютъ отдѣльный видъ прак- тическихъ упражненій. Цѣль ихъ заключается въ томъ, чтобы научить студента искусству докладывать гражданскія и уголовныя дѣла. *Re- latorium* распадается на докладъ обстоятельствъ дѣла (*Referiren*) и составленіе проекта рѣшенія (*Decretiren*). Реляторіи особенно цѣ- нятся въ преподаваніи потому, что служатъ приготовленіемъ къ тому искусству составлять доклады, образцы коего студентъ долженъ пред- ставить на государственномъ экзаменѣ. Такого рода практическія упражненія по уголовному праву обыкновенно ведетъ въ лейпциг- скомъ юридическомъ факультетѣ криминалистъ Шлеттеръ, а по граж- данскому праву въ Іенскомъ юридическомъ факультетѣ профессоръ Лангебекъ. Въ истекшемъ лѣтнемъ семестрѣ лейпцигскій профессоръ Остерлогъ (*Osterloh*) также обучалъ по 4 часа въ недѣлю искусству докладывать и рѣшать дѣла.

Семинаріи—совершенно новое явленіе въ педагогической дѣятель- ности нѣмецкихъ юридическихъ факультетовъ. Въ 1848 году учреж- часть СLXXI, отд. 3.

дена была въ Іенскомъ университетѣ, подъ покровительствомъ великаго герцога Саксенъ-Веймарскаго, первая семинарія государственныхъ наукъ, получившая извѣстность благодаря брошюрѣ доктора Фишера. Для нея издавъ былъ особый уставъ. Цѣль ея состояла въ томъ, чтобы восполнить недостатки господствовавшего въ это время способа изученія государственныхъ наукъ. Недостатки эти заключались въ томъ, что большинство студентовъ довольствовалось очень скуднымъ, не соответствовавшимъ требованіямъ практики, обзорнымъ упоминутыхъ наукъ, а также въ томъ, что обычный способъ изложенія ихъ не возбуждалъ въ студентахъ самодѣятельности, частныя же ихъ занятія, если таковыя и существовали, были лишены всякаго плана. Для восполненія этихъ недостатковъ студенты должны заниматься практически въ упомянутой семинаріи, — преимущественно же тѣ изъ нихъ, которые, познакомившись съ основными началами государственныхъ наукъ, желаютъ пріобрѣсти болѣе обширныя и основательныя свѣдѣнія по нѣкоторымъ отдѣламъ, имѣющимъ для практической дѣятельности особую важность. Семинарія находится въ завѣдываніи двухъ директоровъ-профессоровъ. Поступаютъ въ нее молодые люди, прослушавшіе важнѣйшія отрасли государственнаго права, политики и политической экономіи, или же выдержавшіе въ присутствіи директора экзаменъ въ доказательство своей подготовленности къ семинарскимъ занятіямъ. Упражненія состоятъ частію въ письменныхъ работахъ, частію въ устномъ изложеніи; каждый изъ директоровъ посвящаетъ имъ по два часа въ недѣлю. Обученіе безплатно. На семинарію назначасмо было по 250 талеровъ, изъ коихъ 110 тал. для составленія спеціальной бібліотеки, на освѣщеніе и отопленіе, а 140 тал. на учрежденіе 6-ти стипендій для прилежнѣйшихъ и способнѣйшихъ слушателей, которые, съ назначеніемъ стипендій, получаютъ званіе ординарныхъ членовъ, между тѣмъ какъ остальные носятъ названіе экстраординарныхъ. Каждый изъ членовъ обязанъ принимать участіе въ общихъ занятіяхъ и готовить задаваемыя работы. Если кто въ теченіе четверти года не представитъ ни одной работы, или въ теченіе четырехъ недѣль сразу не будетъ посѣщать классовъ, разумѣется, безъ основательной причины, то считается выбывшимъ. Такова организація Іенской семинаріи государственныхъ наукъ.

Въ послѣднее время учрежденіе это распространилось и на другіе гѣмецкіе юридическіе и политическіе факультеты. Такъ, въ Гейдельбергѣ Влюнтчли и Кенигъ (профессоръ политической экономіи)

занимаются еженедѣльно по 2 часа въ семинаріи; въ истекшемъ семестрѣ большинство профессоровъ юридическихъ факультетовъ Страсбургскаго, Іенскаго и Кенигсбергскаго вели подобныя же упражненія. Изъ криминалистовъ извѣстны ими Гейпце, бывший профессоръ Лейпцигскій, нынѣ Гейдельбергскій, Людентъ въ Іенѣ и Виндингъ въ Страсбургѣ. Нужно, впрочемъ, сказать, что подъ занятіями въ семинаріяхъ подразумѣваются въ настоящее время всѣ вообще виды практическихъ занятій, о которыхъ мы говорили выше. Сюда относятся и толкованіе той или другой книги *Congrus juris civilis*, и гражданская и уголовная практика разныхъ родовъ, и письменныя работы для разрѣшенія какого-либо теоретическаго вопроса.

Вообще, если практическія запитія со студентами въ Германіи играютъ второстепенную, а иногда и третъестепенную роль, если остается еще желать дальнѣйшаго ихъ развитія, то тѣмъ не менѣе онѣ давно уже пустили тамъ корни и признаны за дѣло первостепенной важности. Чтобы судить, какъ относится учебная администрація къ этому вопросу, не безъинтересно обратиться къ перепискѣ прусскаго министерства народнаго просвѣщенія съ университетами. Не считая необходимымъ перечислять цѣлый рядъ относящихся сюда циркуляровъ, я обращаю вниманіе лишь на циркуляръ 1844 года. Министерство указываетъ въ немъ на недостатокъ тѣсной духовной связи между профессорами и студентами, что вредно дѣйствуетъ не только на научное, но и на нравственное образованіе юношества; недостатокъ же этотъ, по мнѣнію его, происходитъ, главнымъ образомъ, отъ пренебреженія одною изъ академическихъ формъ обученія. Тогда какъ въ прежнее время, съ изложеніемъ предмета посредствомъ непрерывной рѣчи соединялись упражненія, состоявшія въ бесѣдахъ и диспутахъ, теперь студентъ сближается съ преподавателемъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда это настоятельно необходимо, по большей же части опъ лишь *слушаетъ* изложеніе предметовъ. При такомъ способѣ преподаванія, лишь наиболѣе талантливые молодые люди трудятся самостоятельно; большинство же ихъ, среди простаго слушанія и записыванія лекцій, впадаютъ въ апатію, вредную для научнаго ихъ образованія и служащую источникомъ нравственныхъ заблужденій. Все это указываетъ на необходимость тѣснѣйшаго сближенія съ профессорами, на необходимость той формы обученія, которою въ прежнее время весьма усердно пользовались лучшіе профессора. За отсутствіемъ этого, молодые люди, страшась государственнаго экзамена, прибѣгаютъ въ концѣ академическаго курса къ экзаменаторіямъ и

репетиторіямъ, которыя не могутъ принести дѣйствительной пользы. Не считая умѣстнымъ, для противодѣйствія такому злу, расширять или видоизмѣнять устройство существующихъ практическихъ и теоретическихъ семинарій, министерство, по обстоятельному изслѣдованіи дѣла, выразило желаніе, чтобы съ теоретическимъ преподаваніемъ соединились практическія упражненія, состоящія въ бесѣдахъ и репетиціяхъ, которыя, будучи уже примѣняемы нѣкоторыми преподавателями, дали хорошіе результаты. На основаніи этого, оно обратилось къ университетамъ съ слѣдующими предложеніями:

1) Желательно, чтобы факультеты и отдѣльные преподаватели поставили себѣ добровольною задачею — стремиться къ болѣе тѣсному сближенію съ учащимся юношествомъ, посредствомъ соединенія съ устнымъ преподаваніемъ практическихъ упражненій въ видѣ бесѣдъ и репетицій.

2) Вопросъ о томъ, какъ устроить эти упражненія и связать ихъ съ чтеніемъ лекцій, предоставляется усмотрѣнію отдѣльныхъ преподавателей, впервыхъ потому, что тутъ нужно принять во вниманіе разнообразіе преподаваемаго матеріала, а вовторыхъ, по той причинѣ, что по личнымъ особенностямъ для одного можетъ оказаться болѣе пригодною форма репетиторій и экзаменаторій, а для другаго — форма конверсаторій. Необходимо только вести упражненія независимо отъ преподаванія посредствомъ непрерывной рѣчи. Упражненія эти должны служить къ тому, чтобы научное содержаніе было дѣйствительно усвоено слушателями.

3) Такъ какъ предполагаемыя упражненія могутъ имѣть успѣхъ только на почвѣ полной свободы преподаванія и обученія (*Lehr- und Lernfreiheit*), то предоставляется на волю слушающихъ воспользоваться ими, или нѣтъ.

4) Если бы преподаватели встрѣтили какія-либо препятствія на этомъ пути, то они могутъ организовать упражненія такъ, какъ считаютъ это болѣе удобнымъ. Равнымъ образомъ тѣмъ изъ нихъ, которые уже извѣстны своею полезною дѣятельностью, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть поставлено въ упрекъ, если они усомнятся прибѣгнуть къ непривычной для нихъ формѣ преподаванія.

А. Кистяковскій.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ОБОЗРѢНІЕ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ЗА 1873 ГОДЪ.

І. Ученныя учрежденія.

Въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ почти всѣ ученныя учрежденія министерства народнаго просвѣщенія получили возможность болѣе широкаго развитія своей ученой дѣятельности вслѣдствіе значительнаго усиленія ихъ матеріальныхъ средствъ: въ этотъ періодъ времени утверждены были новыя возвышенныя штаты содержанія для Академіи наукъ, Николаевской главной астрономической обсерваторіи, Виленской астрономической обсерваторіи, Императорской публичной бібліотеки, Московскаго публичнаго и Руминцевскаго музеевъ, главной физической обсерваторіи, Императорскаго С.-Петербургскаго археологическаго общества; а также вновь назначены или усилены постоянныя ежегодныя пособія разнымъ учебнымъ обществамъ, какъ-то: С.-Петербургскому энтомологическому обществу, Московскому обществу исторіи и древностей и археографической комиссіи министерства народнаго просвѣщенія. Истекшій 1873 годъ въ этомъ отношеніи остался также не безслѣднымъ: Высочайше утвержденнымъ 13-го марта 1873 года мнѣніемъ государственнаго совѣта окладъ содержанія директора нашей магнитной и метеорологической обсерваторіи въ Пекинѣ возвышенъ съ 2.000 до 3.000 рублей по сравненіи съ окладами ординарныхъ академикомъ и профессоромъ въ университетахъ. Въ Николаевской главной астрономической обсерваторіи, пользующейся уже съ 1870 года новыми усиленными окладами содержанія для лицъ, занимающихъ ученныя должности, оказалось необходимымъ увеличить хозяйственныя средства на ремонтъ зданій,

содержаніе прислуги и т. п. съ нынѣшнихъ 9.750 рублей до 12.750 рублей; представленіе министерства народнаго просвѣщенія по этому предмету удостоилось, 26-го октября 1873 года, согласно мнѣнію государственнаго совѣта, Высочайшаго утвержденія. Археографической комисіи, оказывающей значительныя услуги наукѣ постояннымъ ежегоднымъ изданіемъ важныхъ историческихъ памятниковъ, назначено въ 1873 году, по докладу министра народнаго просвѣщенія, сверхъ постоянно получаемаго ею ежегоднаго пособія въ 5.000 р., еще по 2.000 р. временнаго пособія въ теченіе 3-хъ лѣтъ, начиная съ 1874 года, на изданіе Новгородскихъ лѣтописей, подобно тому, какъ этой же комисіи въ 1871 году дана была на обнародованіе новыхъ памятниковъ такая же сумма и на тотъ же срокъ. Изданіе памятниковъ древности, имѣющихъ важное историческое значеніе, до сихъ поръ встрѣчало значительное затрудненіе въ томъ обстоятельствѣ, что архивы разныхъ вѣдомствъ не имѣютъ у насъ никакой связи между собою и не руководствуются однимъ общимъ планомъ относительно способа храненія историческихъ документовъ. Благодаря этому недостатку, въ архивахъ нашихъ нерѣдко предаются уничтоженію важные документы и хранятся безъ пользы для дѣла мало-важные акты. Въ виду такого неправильнаго устройства нашего архивнаго дѣла, обратившаго на себя вниманіе втораго археологическаго съѣзда, происходившаго въ концѣ 1871 года при С.-Петербургскомъ Императорскомъ русскомъ археологическомъ обществѣ, при министерствѣ народнаго просвѣщенія учреждена, съ Высочайшаго соизволенія 27-го февраля 1873 года, особая временная комисіа подъ предсѣдательствомъ сенатора Калачева изъ представителей всѣхъ вѣдомствъ съ тѣмъ, чтобы комисіа эта, обсудивъ вопросы, относящіеся до устройства архивовъ и храненія въ нихъ документовъ, проектировала положеніе о главной архивной комисіи, какъ постоянномъ правительственномъ учрежденіи, и объ ея отношеніяхъ къ архивамъ разныхъ вѣдомствъ. Дабы доставить этой комисіи возможность получать всѣ данныя, необходимыя для всесторонней разработки подлежащихъ ей вопросовъ, предсѣдателю комисіи предоставлено право, кромѣ членовъ, приглашать въ засѣданія лицъ, извѣстныхъ своими занятіями по части археологіи и вообще интересующихся архивнымъ дѣломъ. Съ другой стороны, комисіи объ устройствѣ архивовъ дана возможность записаться обстоятельными свѣдѣніями объ устройствѣ иностранныхъ архивовъ, особенно въ Италіи, Германіи, Франціи и Англии; обзорніе этихъ архивовъ и

вообще пріобрѣтеніе всѣхъ необходимыхъ для этого дѣла сочиненій принялъ на себя сенаторъ Калачевъ, который и исполнилъ это дѣло при содѣйствіи бывшаго архивариуса въ Страсбургѣ, г. Плара; на издержки по этому предмету ассигновано было изъ государственнаго казначейства 2.000 рублей. Нѣтъ сомнѣнія, что коммисія, начавшая свое дѣло при такой благопріятной обстановкѣ, принесетъ несомнѣнную пользу не только занятіямъ по части исторіи, но и будетъ содѣйствовать приготовленію цѣлаго класса знатоковъ дѣла, безъ коихъ архивы наши не могутъ быть устроены на правильныхъ основаніяхъ.

Съ цѣлью содѣйствія дѣлу археологіи и дальнѣйшаго развитія научныхъ археологическихъ разысканій, въ концѣ 1873 года, съ Высочайшаго соизволенія, разрѣшено открытіе въ будущемъ 1874 году третьяго археологическаго съѣзда въ Кіевѣ, и на устройство этого съѣзда назначено изъ суммъ государственнаго казначейства 3.000 рублей.

II. Университеты и высшія учебныя заведенія.

Въ истекшемъ 1873 году заботы министерства народнаго просвѣщенія относительно университетовъ направлены были, какъ и прежде, къ дальнѣйшему и соотвѣтствующему требованіямъ науки развитію ученой и учебной дѣятельности этихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Мѣрами для достиженія этой цѣли служили: постепенное пополненіе кафедръ, положенныхъ по уставу 1864 года, по мѣрѣ приготовленія лицъ, способныхъ занимать профессорскія должности; развитіе и поощреніе дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при университетахъ; умноженіе и улучшеніе учебно-вспомогательныхъ учрежденій, необходимыхъ для ученыхъ занятій, и вообще усиленіе матеріальныхъ средствъ университетовъ.

Приготовленіе профессоровъ, продолжающееся уже нѣсколько лѣтъ по зрѣло-обдуманному плану, дало возможность въ теченіе 1873 года пополнить преподаваніе нѣкоторыхъ предметовъ медицинскаго факультета въ университетахъ: Московскомъ, Казанскомъ и Кіевскомъ Св. Владимира: въ первомъ—введено въ курсъ отдѣльное преподаваніе фармакологіи и патологической анатоміи, во второмъ—оперативной хирургіи, сифилидологіи и дерматологіи, и въ третьемъ—также оперативной хирургіи. По другимъ факультетамъ оказалось возможнымъ: замѣщеніе кафедръ теоріи и исторіи искусствъ—въ С.-Пе-

тербургскомъ университетѣ и исторіи всеобщей литературы—въ Казанскомъ и Харьковскомъ университетахъ. При замѣщеніи каедръ по уставу 1864 года особенное затрудненіе представляли каедра церковной исторіи по историко-филологическому факультету и каедра церковнаго законовѣдѣнія по юридическому факультету; для заплтія этихъ каедръ въ званіи ординарнаго или экстраординарнаго профессора требуется по первой—ученая степень доктора историко-филологическихъ наукъ и по второй—доктора юридическихъ наукъ. Требованіе это, вмѣстѣ съ отсутствіемъ правилъ для приобрѣтенія высшихъ ученыхъ степеней магистра и доктора церковной исторіи и церковнаго законовѣдѣнія, имѣло послѣдствіемъ то, что означенныя каедры оставались или вовсе незанятыми, или поручались лицамъ, не вполнѣ удовлетворяющимъ требованіямъ устава, съ испрошеніемъ на то каждый разъ Высочайшаго соизволенія. Такое затрудненіе необходимо было устранить и, вслѣдствіе того, въ совѣтѣ министра народнаго просвѣщенія вопросъ этотъ подвергнуть былъ тщательному обсужденію при участіи профессоровъ-специалистовъ по части историческихъ, юридическихъ и богословскихъ наукъ, и составлены были опредѣленные правила, утвержденныя министромъ народнаго просвѣщенія для замѣщенія вышеозначенныхъ каедръ. На основаніи сихъ правилъ, доцентами и профессорами *церковной исторіи* могутъ быть опредѣляемы магистры духовныхъ академій и доктора богословія, прошедшіе курсъ въ духовной академіи по отдѣленію церковно-историческому и защитившіе, для полученія означенныхъ степеней, сочиненіе по одной изъ наукъ, входящихъ въ составъ церковно-историческаго отдѣленія духовныхъ академій. Право на полученіе должности доцента и профессора церковной исторіи предоставлено также кандидатамъ духовныхъ академій по церковно-историческому отдѣленію, приобрѣвшимъ потомъ въ университетѣ ученую степень магистра и доктора по разрядамъ русской или всеобщей исторіи.

Церковное законовѣдѣніе, по существу своему, прежде всего есть наука юридическая, для разработки и изложенія которой необходимо такое же отношеніе къ ея матеріаламъ, какое усвоено вообще разработкѣ и изложенію наукъ юридическихъ; но церковное законовѣдѣніе въ то же время стоитъ въ связи съ наукою богословскою, и при разработкѣ и изложеніи его должны быть принимаемы въ основаніе догматы вѣроученія и истины правоученія православной церкви. Посему преподаватель церковнаго законовѣдѣнія долженъ быть непременно юристъ, обладающій вмѣстѣ съ тѣмъ достаточными для

науки церковнаго законовѣдѣнія познаніями въ богословской наукѣ. На этомъ основаніи, по новымъ правиламъ, испытаніе въ церковномъ законовѣдѣніи для пріобрѣтенія высшей ученой степени должно производиться исключительно въ университетахъ профессорами церковнаго законовѣдѣнія и богословія, въ присутствіи главнаго наблюдателя за преподаваніемъ закона Божія въ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія, и къ испытанію на степень магистра церковнаго законовѣдѣнія допускаются только лица, имѣющія степень кандидата по юридическому факультету. Въ кругъ предметовъ испытанія входятъ церковное законовѣдѣніе, какъ главный предметъ, и государственное право, какъ предметъ дополнительный. Объемъ испытанія опредѣляется общею всѣмъ университетамъ программой, составленною университетами и утвержденною министромъ народнаго просвѣщенія, по надлежащемъ сношеніи съ духовнымъ вѣдомствомъ. Въ составъ этой программы, въ видѣ особаго дополненія, вводятся тѣ изъ преподаваемыхъ въ духовныхъ семинаріяхъ богословскіе предметы, знаніе которыхъ въ объемѣ курса духовныхъ семинарій будетъ признано необходимымъ для преподаванія церковнаго законовѣдѣнія; отъ испытанія въ такихъ дополнительныхъ предметахъ освобождаются тѣ изъ кандидатовъ, которые имѣютъ уже званіе студента духовной семинаріи. Магистры церковнаго законовѣдѣнія могутъ затѣмъ, на общемъ основаніи, пріобрѣсти, по надлежащемъ испытаніи, степень доктора церковнаго законовѣдѣнія.

Независимо отъ замѣщенія каведръ по уставу и отъ различныхъ мѣръ для облегченія способовъ такого замѣщенія, въ С.-Петербургскомъ университетѣ въ составѣ учебнаго курса восточнаго факультета произведены въ 1873 году нѣкоторыя дополненія, вызванныя чисто практическими потребностями. Еще въ 1870 году, съ цѣлію приготовленія способныхъ и образованныхъ чиновниковъ, знающихъ восточныя языки, для службы въ Туркестанскомъ краѣ по судебной и административной части, въ восточномъ факультетѣ С.-Петербургскаго университета по разряду арабско-персидско-турецко-татарскому введено было, для желающихъ служить по судебной части, преподаваніе гражданскаго права и судопроизводства, русскаго государственнаго права и краткаго обзора римскаго права, а для имѣющихъ въ виду службу по административной части — преподаваніе финансоваго права, полицейскаго права, русскаго государственнаго права и политической экономіи. Въ истекшемъ 1873 году тѣ же предметы и съ тою же цѣлію, для образованія изъ окончившихъ курсъ

студентовъ восточнаго факультета лицъ, способныхъ къ службѣ по судебной и административной частямъ въ Сибири, Амурскомъ край и на окраинахъ Сибири, введены были въ восточномъ факультетѣ С.-Петербургскаго университета по разряду китайско-манжуро-монгольскому. Сверхъ того, для студентовъ этого разряда, желающихъ посвятить себя дипломатической службѣ, положено преподавать международное право, русское государственное право и политическую экономію на томъ основаніи, что студенты означеннаго разряда назначаются министерствомъ иностранныхъ дѣлъ на службу въ Китаѣ, Монголіи и Японіи. При Московскомъ университетѣ, на основаніи Высочайше утвержденнаго 28-го октября 1873 года мнѣнія государственнаго совѣта, также съ практическою цѣлію приготовленія знающихъ учителей русскаго языка для гимназій Дерптскаго округа, учреждены съ 1-го іюля 1873 года 6 стипендій, по 400 руб. каждая; въ число стипендіатовъ избираются 4 изъ уроженцевъ прибалтійскихъ губерній русскаго происхожденія и 2 изъ студентовъ историко-филологическаго факультета Московскаго университета, знающихъ нѣмецкій языкъ.

Ученая дѣятельность университетовъ значительно оживилась трудами разныхъ ученыхъ обществъ, состоящихъ при университетахъ. При обществѣ естествоиспытателей Казанскаго университета происходилъ въ 1873 году, по предварительно утвержденной программѣ, четвертый съѣздъ естествоиспытателей по примѣру того, какъ были подобныя же съѣзды при обществахъ естествоиспытателей въ С.-Петербургскомъ, Московскомъ и Кіевскомъ университетахъ. На расходы по Казанскому съѣзду назначено изъ суммъ министерства народнаго просвѣщенія 3.000 рублей. Плодомъ политехнической выставки, учрежденной въ Москвѣ въ 1872 году, по инициативѣ Московскаго общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи, было образованіе въ Москвѣ музея прикладныхъ знаній. На устройство учебнаго отдѣла этого музея, именно на приобрѣтеніе учебныхъ пособій и изданіе матеріаловъ, присланныхъ на выставку учебными заведеніями министерства народнаго просвѣщенія, въ 1873 году, съ Высочайшаго соизволенія, употреблено было 8.309 рублей, оставшихся неизрасходованными изъ суммы, назначенной на расходы по участію въ выставкѣ министерства народнаго просвѣщенія; въ составъ учебнаго отдѣла музея вошли также бывшія на выставкѣ коллекціи министерства народнаго просвѣщенія, которыя предположено пополнять и на будущее время.

Въ теченіе 1873 года произведены были слѣдующія улучшенія учебно-вспомогательныхъ учреждений въ разныхъ университетахъ. Въ Дерптскомъ университетѣ содержаніе хирургической клиники оказывалось крайне недостаточнымъ, при значительномъ числѣ пациентовъ, и самое помѣщеніе ея страдало отъ тѣсноты; для устраненія этого недостатка, Высочайше утвержденнымъ 12-го января 1873 года мнѣніемъ государственнаго совѣта, на содержаніе этой клиники прибавлено ежегодно изъ суммъ государственнаго казначейства по 4.000 руб., и сверхъ того, отпущено единовременно 15.000 руб., на расширеніе помѣщенія устройствомъ бараконъ. Высочайше утвержденнымъ 24 сентября 1873 года мнѣніемъ государственнаго совѣта, на пополненіе библиотеки Дерптскаго университета по отдѣлу новой литературы исторіи Россіи назначено 800 рублей изъ суммъ государственнаго казначейства. На счетъ остатковъ штатныхъ суммъ отъ личнаго состава въ томъ же университетѣ употреблено было 2.600 руб. на усиленіе разныхъ учебно-вспомогательныхъ учреждений, именно: на медицинскую клинику 1.400 руб., на институты: физиологическій—300 р., патолого-анатомическій—300 р., фармацевтической—200 р. и на физическій кабинетъ 500 р. Изъ остатковъ отъ штатныхъ суммъ на содержаніе личнаго состава разрѣшено употребить до 10.000 руб. на работы по приготовленію помѣщенія для физическаго кабинета и на устройство спектроскопическаго навильона въ зданіи Жёдепомъ (jeu de raime), принадлежащемъ С.-Петербургскому университету. Изъ того же источника разрѣшено употребить по Казанскому университету 1.500 р. на пополненіе и возобновленіе хирургическаго кабинета, по Новороссійскому университету—3.300 р. на увеличеніе библиотеки историко-филологическаго факультета, и по Харьковскому университету—4.785 р. 2 коп. на разные учрежденія, именно: на факультетскія клиники 4.073 р. 2 к., на кабинеты: физиологическій—250 р., судебно-медицинскій—285 руб. и гистологическій—150 р. По Московскому университету поступили частныя пожертвованія: отъ купца Марецкаго 500 р. на лучшее устройство химической лабораторіи и отъ княгини Кугушевой 300 руб. на улучшеніе гистологической лабораторіи. Въ Варшавскомъ университетѣ изъ специальныхъ средствъ употреблено единовременно на устройство студентской читальни 3.000 рублей.

Независимо отъ улучшенія учебныхъ пособій, въ теченіе 1873 года произошло значительное увеличеніе средствъ содержанія университетовъ изъ суммъ государственнаго казначейства. Штатныя суммы на

содержаніе университетскихъ зданій, какъ показалъ опытъ, были крайне недостаточны. Высочайше утвержденнымъ 15-го декабря 1872 года мнѣніемъ государственнаго совѣта суммы эти, начиная съ 1873 года, увеличены на 88.315 р., съ распредѣленіемъ прибавочной суммы по усмотрѣнію министерства народнаго просвѣщенія между университетами: С.-Петербургскимъ, Московскимъ, Харьковскимъ, Казанскимъ, Кіевскимъ Св. Владиміра и Новороссійскимъ. Сверхъ того, Московскому университету, во вниманіе къ обширности его зданій, пазначено постоянной ежегодной прибавки на содержаніе зданій по 10.420 р. На капитальныя перестройки зданій Московскаго университета, къ отпущеннымъ въ 1872 году 50.000 р., прибавлено еще въ 1873 году 31.850 р. и, кромѣ того, предположено приступить къ постройкѣ новыхъ зданій для анатомическихъ театровъ, на что потребуется по смѣтному исчисленію до 190 тысячъ р. Представленіе по этому предмету находится нынѣ на разсмотрѣніи государственнаго совѣта.

Въ числѣ пожертвованій, поступившихъ въ 1873 году на единовременныя и постоянныя пособія студентамъ университетовъ, важнѣйшими были: пожертвованіе вдовою капитанъ-лейтенанта Микрюковой 28.525 р. на учрежденіе изъ процентовъ съ этого капитала четырехъ стипендій, по 340 р. каждая, при Новороссійскомъ университетѣ, и назначеніе Кіевскимъ городскимъ головой Демидовымъ ежегоднаго пособия по 2.000 р. на вспоможеніе недостаточнымъ студентамъ Кіевскаго университета.

Въ Императорскомъ историко-филологическомъ институтѣ происходилъ третій, со времени его основанія, выпускъ студентовъ; изъ окончившихъ полный курсъ назначены учителями древнихъ языковъ—8, русскаго языка и словесности—2, русскаго языка и словесности съ латинскимъ языкомъ—3 и исторіи и географіи—5 человекъ. Важнѣйшею мѣрою по институту было отправленіе въ первый разъ въ 1873 году, изъ окончившихъ курсъ студентовъ, трехъ молодыхъ людей: Никитина, Колесникова и Кириллова за границу на два года для большаго усовершенствованія въ занятіяхъ древними языками съ цѣлію замѣщенія потомъ профессорскихъ должностей въ университетахъ.

Въ Ново-Александрійскомъ институтѣ сельскаго хозяйства и мѣсководства изъ остаточныхъ суммъ употреблено было до 449 р. на пополненіе бібліотеки, и институту, наравнѣ съ другими высшими учебными заведеніями, даровано, Высочайше утвержденнымъ 5-го декабря 1873 года положеніемъ комитета по дѣламъ Царства Польскаго,

право получать изъ заграницы, безъ предварительнаго разсмотрѣнія иностранной цензуры, необходимыя книги, чертежи, рисунки и по-временныя изданія ученаго содержанія, а также выписывать безплатно земледѣльческія орудія, машины и модели.

Харьковское и Дерптское ветеринарныя училища въ прошломъ 1873 году подверглись коренному преобразованію въ ветеринарные институты, на основаніи Высочайше утвержденнаго 28-го мая 1873 года мѣтнаго государственнаго совѣта, причѣмъ возвышены какъ требованія пріемнаго испытанія, такъ и самый составъ учебнаго курса, увеличены число профессоровъ, ихъ содержаніе и служебныя права и вообще усилены штаты содержанія означенныхъ институтовъ дополненіемъ къ нынѣ отпускаемымъ 52.640 р. еще 18.760 руб., такъ что полный штатъ содержанія по каждому институту составляетъ нынѣ 35.700 р. вмѣстѣ съ тѣмъ, министру народнаго просвѣщенія вмѣнено въ обязанность вводить въ Дерптскомъ ветеринарномъ институтѣ, хотя бы постепенно, преподаваніе всѣхъ предметовъ на русскомъ языкѣ. Варшавская ветеринарная школа осталась безъ измѣненія, только содержаніе ея, составляющее всего 8.595 р. въ годъ, увеличено на 3.000 р. Высочайше утвержденнымъ 31-го мая 1873 года мѣтніемъ соединеннаго присутствія комитета по дѣламъ Царства Польскаго и департамента государственной экономіи государственнаго совѣта постановлено учредить въ 1874 году третій ветеринарный институтъ въ Казани, на основаніи устава и штата Харьковскаго и Дерптскаго ветеринарныхъ институтовъ, съ назначеніемъ на его содержаніе по 35.700 р. ежегодно, и, сверхъ того, на наемъ помѣщенія по 5.000 р. въ годъ, изъ суммъ государственнаго казначейства.

III. Гимназіи и прогимназіи.

Въ 1873 году продолжалось дальнѣйшее развитіе и упроченіе учебной реформы 1871 года.

7-го января 1873 года было дано г. министромъ народнаго просвѣщенія гг. попечителямъ учебныхъ округовъ циркулярное предложеніе о введеніи въ дѣйствіе правилъ объ испытаніяхъ учениковъ гимназій и прогимназій, при чемъ были обстоятельно пояснены значеніе этихъ правилъ и тѣ цѣли, которыя имѣлись въ виду при ихъ составленіи, и были допущены на первый лишь годъ нѣкоторыя изыятія изъ этихъ правилъ въ видахъ облегченія учениковъ, а именно было предложено подвергать учениковъ IV-го и VI-го классовъ испы-

танію изъ учебныхъ курсовъ только этихъ классовъ, не простирая онаго на пройденное въ низшихъ трехъ классахъ или въ V классѣ, по принадлежности, какъ то предписано правилами, и не подвергать окапчивающихъ полный курсъ ученія въ гимназіяхъ письменному испытанію въ греческомъ языкѣ.

Результаты испытаній зрѣлости, происходившихъ въ 1873 году, будутъ изложены въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* въ особой статіѣ, на основаніи подробныхъ свѣдѣній, доставленныхъ по сему предмету попечителями учебныхъ округовъ; здѣсь же, въ общемъ обзорѣнн дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія за истекшій годъ, достаточно упомянуть, что первый опытъ примѣненія новыхъ правилъ объ испытаніяхъ зрѣлости въ гимназіяхъ не обнаружилъ въ нихъ какихъ-либо существенныхъ неудобствъ, и попечительскіе совѣты нѣкоторыхъ учебныхъ округовъ указали лишь на одно измѣненіе, которое, по ихъ мнѣнію, было бы желательно въ этихъ правилахъ, а именно, чтобы на письменное испытаніе въ математикѣ было назначено болѣе времени, къ чему, по всей вѣроятности, не встрѣтятся препятствія со стороны министерства народнаго просвѣщенія.

Въ виду той большой точности и отчетливости, съ какими установлено нынѣ производить испытанія зрѣлости, комиссія директоровъ С.-Петербургскихъ гимназій, въ которой первоначально были выработаны правила объ этихъ испытаніяхъ, равно какъ и ученый комитетъ, по разсмотрѣнн сихъ правилъ, ходатайствовали предъ г. министромъ народнаго просвѣщенія объ отъѣнн повѣрочныхъ испытаній для молодыхъ людей, имѣющихъ аттестаты или свидѣтельства зрѣлости отъ гимназій, при поступленн ихъ въ университетъ. Комиссія, равно какъ и ученый комитетъ, находили въ новыхъ правилахъ объ испытаніяхъ достаточно ручательствъ за то, что аттестатовъ или свидѣтельствъ зрѣлости будутъ удостоиваемы дѣйствительно достойные оныхъ молодые люди, и усматривали въ дальнѣйшемъ повѣрочномъ испытанн ихъ при поступленн въ университетъ напрасное для нихъ обремененіе, особенно чувствительное, при какой-либо случайной неудачѣ, для тѣхъ изъ нихъ, которые прибыли въ университетскій городъ изъ далека, а также и нѣкоторый признакъ ничѣмъ не заслуженнаго недовѣрія къ педагогическимъ совѣтамъ гимназій. Вопросъ объ отъѣнн повѣрочныхъ испытаній для означенныхъ молодыхъ людей былъ разсмотрѣнн въ засѣданн совѣта министра народнаго просвѣщенія 17-го января 1873 года при участн декановъ

всѣхъ факультетовъ С.-Петербургскаго университета и, кромѣ того, былъ подвергнутъ дальнѣйшему обсужденію университетскихъ совѣтовъ, и когда такимъ образомъ вполнѣ выяснилось, что мѣра эта признается во всѣхъ отношеніяхъ удобною и желательною, г. министръ народнаго просвѣщенія 16-го мая 1873 года испросилъ Высочайшее повелѣніе па приведеніе ея въ исполненіе, такъ что, начиная съ 1873 года, повѣрочныя испытанія при поступленіи въ университетъ имѣютъ быть производимы на прежнемъ основаніи только тѣмъ молодымъ людямъ, которые не имѣютъ отъ гимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія аттестатовъ или свидѣтельствъ зрѣлости.

Довѣріе, оказанное въ семъ случаѣ педагогическимъ совѣтамъ гимназій, возлагаетъ на нихъ обязанность сколь можно точнѣе выполнять при производствѣ испытаній зрѣлости предписанныя г. министромъ народнаго просвѣщенія правила, при чемъ само собою разумѣется, что требованія отъ молодыхъ людей, желающихъ получить аттестатъ или свидѣтельство зрѣлости, должны быть строго соображаемы съ тѣмъ, что была въ состояніи дѣйствительно дать своимъ ученикамъ обыкновенныхъ способностей каждая изъ мѣстныхъ *правительственныхъ* гимназій по каждому изъ предметовъ испытанія; но въ этихъ предѣлахъ должны быть требуемы познанія вполнѣ отчетливыя и основательныя. До свѣдѣнія министерства народнаго просвѣщенія былъ доведенъ одинъ лишь случай существенныхъ отступленій отъ правилъ, предписанныхъ для производства испытаній зрѣлости: начальство учебнаго округа само обратило на этотъ прискорбный случай, какъ и слѣдовало, самое серьезное вниманіе, и дѣло, усложнившись дальнѣйшимъ неправильнымъ образомъ дѣйствій директора прикосновенной къ сему гимназій, окончилось увольненіемъ его отъ должности. Министерство народнаго просвѣщенія вполнѣ увѣрено, что подобный случай болѣе уже не повторится.

Къ сожалѣнію, въ вышеупомянутомъ засѣданіи совѣта министра народнаго просвѣщенія, льгота, предположенная и испѣ дарованная молодымъ людямъ, получившимъ аттестатъ или свидѣтельство зрѣлости отъ гимназій, не только не могла быть распространена на воспитанниковъ духовныхъ семинарій, желающихъ поступить въ университетъ, а напротивъ, совѣтъ министра нашелся вынужденнымъ установить нѣкоторыя мѣры, необходимыя для огражденія съ этой стороны интересовъ солиднаго и основательнаго ученія, и слѣдовательно, для упроченія направленной къ водворенію такого ученія

въ Россіи учебной реформы 1871 года. Побудительныя причины къ такимъ рѣшеніямъ и сами эти рѣшенія лучше всего могутъ быть пояснены выпискою изъ журнала вышеупомянутаго засѣданія совѣта министра, который доселѣ еще не былъ напечатанъ въ нашемъ журналѣ. Вотъ эта выписка:

„Въ ученомъ комитетѣ, при разсмотрѣніи § 74 правилъ объ испытаніяхъ, было сдѣлано заявленіе о четырехъ случаяхъ перехода, бывшихъ въ Пѣжинѣ и во Владимірѣ-на-Клязьмѣ, изъ высшаго класса мѣстныхъ гимназій въ философскій классъ мѣстныхъ духовныхъ семинарій, съ явнымъ намѣреніемъ этимъ болѣе легкимъ и скорымъ путемъ проникнуть въ университетъ. Вслѣдствіе сего заявленія, ученый комитетъ представилъ на благоусмотрѣніе г. министра народнаго просвѣщенія о томъ, не будетъ ли признано возможнымъ, не лишая духовныхъ семинарій права готовить ихъ питомцевъ къ поступленію и въ университетъ, а) побудить ихъ къ скорѣйшему уравненію ихъ общеобразовательнаго курса (вмѣстѣ съ курсомъ духовныхъ училищъ), по крайней мѣрѣ по главнѣйшимъ предметамъ этого курса, съ курсомъ гимназій; б) распространить правила объ испытаніяхъ зрѣлости на тѣхъ воспитанниковъ семинарій, которые желаютъ поступить въ университетъ, и в) тѣхъ учениковъ высшихъ классовъ гимназій, которые переходятъ въ духовныя семинаріи съ тѣмъ, чтобы изъ нихъ поступить въ университетъ, обязать держать испытаніе зрѣлости въ гимназій наравнѣ съ посторонними лицами.

„Совѣтъ министра, съ одной стороны, имѣя въ виду, что воспитанники духовныхъ семинарій, являющіеся на повѣрочныя испытанія для поступленія въ университетъ, какъ видно изъ донесеній попечителей учебныхъ округовъ о результатахъ повѣрочныхъ испытаній, весьма перѣдко оказываются болѣе или менѣе недостаточно подготовленными въ русскомъ и латинскомъ языкахъ и въ математикѣ, полагалъ, что представленіе ученаго комитета надлежитъ признать цѣлесообразнымъ. Но, съ другой стороны, принимая во вниманіе, что причина недостаточной подготовки семинаристовъ въ предметахъ общеобразовательнаго курса, въ особенности по математикѣ, главнѣйше заключается въ несоотвѣтствіи семинарскаго курса курсу гимназическому, признавалъ, что въ настоящее время правила объ испытаніяхъ зрѣлости еще не могутъ быть распространены на тѣхъ воспитанниковъ семинарій, которые желаютъ поступить въ университетъ, но что было бы въ высшей степени желательно сколь можно большее сближеніе по общеобразовательнымъ предметамъ курса ду-

ховныхъ училищъ и духовныхъ семинарій съ соотвѣтственнымъ курсомъ гимназій; въ ожиданіи же сего необходимы мѣры, которыя бы оградили университеты отъ прилива тѣхъ изъ воспитанниковъ духовныхъ семинарій, которые весьма мало для сего приготовлены. Мѣры эти, по мнѣнію совѣта министра, могли бы заключаться въ нижеслѣдующемъ:

1) „Опредѣлить срокъ, до котораго воспитанники духовныхъ семинарій будутъ принимаемы въ университетъ на основаніи только испытаній, производимыхъ въ самихъ семинаріяхъ, и повѣрочныхъ испытаній въ университетахъ. Срокомъ этимъ могъ бы быть назначенъ 1876-й годъ.

2) „Затѣмъ, съ весны 1876 года, воспитанники духовныхъ семинарій, прошедшіе полный семинарскій курсъ и удостоенные званія студента, для полученія права на поступленіе въ университетъ должны подвергаться въ гимназіяхъ испытанію зрѣлости изъ обоихъ древнихъ и русскаго языковъ, а воспитанники, оставляющіе съ тою же цѣлю семинарію, не выслушавъ спеціальнаго семинарскаго курса,—таковому же испытанію изъ обоихъ древнихъ языковъ, математики и русскаго языка, наравнѣ и въ одно время съ воспитанниками гимназій, на основаніи правилъ объ испытаніяхъ, утвержденныхъ министромъ народнаго просвѣщенія 8-го декабря 1872 года. Такое различіе между воспитанниками, окончившими полный курсъ въ духовныхъ семинаріяхъ и не окончившими онаго, по мнѣнію совѣта министра, было бы справедливо установить по тому соображенію, что воспитанниковъ первой категоріи, вслѣдствіе пройденныхъ ими спеціальныхъ богословскихъ и въ особенности философскихъ наукъ, надлежитъ признать болѣе зрѣлыми и развитыми, нежели воспитанниковъ второй категоріи, и недостатокъ математическаго образованія они восполняютъ нѣкоторымъ образованіемъ философскимъ и богословскимъ.

3) „Въ переходное же время до 1876 года предметами повѣрочнаго испытанія въ университетахъ для воспитанниковъ духовныхъ семинарій, желающихъ поступить въ студенты, назначить два древніе и русскій языки и математику, съ тѣмъ, чтобы каждый изъ нихъ былъ подвергаемъ болѣе строгому, противъ бывшаго до сего времени, испытанію лишь изъ трехъ изъ числа вышенаименованныхъ предметовъ, по ближайшему усмотрѣнію университетскихъ совѣтовъ, смотря по факультетамъ, въ которые воспитанники изъявляютъ желаніе поступить.

4) „Согласно съ предположеніемъ ученаго комитета, воспитанниковъ семинарій, перешедшихъ изъ высшихъ классовъ гимназій и затѣмъ желающихъ поступить въ университетъ, обязать держать испытаніе зрѣлости въ гимназіи наравнѣ съ посторонними лицами.

„На основаніи всѣхъ приведенныхъ обстоятельствъ дѣла было опредѣлено: о вышеизложенныхъ мѣрахъ относительно воспитанниковъ духовныхъ семинарій, желающихъ поступить въ университетъ, сообщить: а) гг. попечителямъ учебныхъ округовъ—для предложенія совѣтамъ университетовъ къ исполненію и б) православному духовному вѣдомству— для объявленія о сихъ мѣрахъ воспитанникамъ духовныхъ семинарій“.

Сверхъ того, въ томъ же засѣданіи совѣта министра былъ рассмотрѣнъ и разрѣшенъ одинъ весьма важный и существенный вопросъ, относящійся также къ поступленію молодыхъ людей въ университеты. По одному частному случаю г. попечитель Кіевскаго учебнаго округа вошелъ съ представленіемъ къ г. министру народнаго просвѣщенія, въ которомъ, указавъ на то, что одновременно были установлены министерствомъ народнаго просвѣщенія особыя правила, разъясняющія, на какихъ основаніяхъ могутъ быть принимаемы въ студенты и посторонніе слушатели университета молодые люди, переходящіе изъ нѣкоторыхъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, полагалъ, что при настоящемъ порядкѣ, всѣ прежнія правила, особенно въ отношеніи къ среднимъ учебнымъ заведеніямъ, не могутъ имѣть мѣста, потому что въ § 130 устава гимназій и прогимназій, Высочайше утвержденнаго 30-го іюля 1871 года, постановлено: „Только ученики, окончившіе курсъ ученія въ гимназіяхъ или имѣющіе свидѣтельства о знаніи полнаго курса сихъ гимназій, могутъ поступать въ студенты университета“. Одно неуклонное исполненіе этого руководящаго постановленія, — присовокупляя г. попечитель Кіевскаго учебнаго округа, — можетъ устранить тѣ колебанія, которыя существуютъ еще во взглядѣ на пріемъ въ студенты университетовъ воспитанниковъ разнородныхъ среднихъ учебныхъ заведеній, во вредъ тѣмъ основаніямъ, какія приняты для научной подготовки молодыхъ людей, желающихъ поступить въ университетъ, и соблазны воспитанникамъ гимназій, которые, имѣя въ виду также университетъ, находятъ, что цѣль эта легче достигается воспитанниками другихъ учебныхъ заведеній, чѣмъ воспитанниками гимназій. Посему г. попечитель, принимая въ соображеніе, что для учениковъ гимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія обязательно изученіе

двухъ древнихъ языковъ, что преподаваніе греческаго языка введено уже въ низшихъ классахъ всѣхъ гимназій и что черезъ два-три года программа по этому предмету будетъ гимназіями окончательно выполнена, полагаѣль, что было бы умѣстнымъ благовременно объявить, что всѣ установленныя въ прежнее время особыя правила для нѣкоторыхъ изъ среднихъ учебныхъ заведеній, относительно приѣма ихъ воспитанниковъ въ студенты университетовъ, отмѣнены съ изданіемъ новаго устава гимназій, на основаніи котораго только ученики, окончившіе курсъ ученія въ гимназіяхъ или имѣющихъ свидѣтельства въ знаніи полного курса сихъ заведеній, могутъ поступать въ студенты университетовъ.

Совѣтъ министра, по обсужденіи вышеизложеннаго, пришелъ къ слѣдующему заключенію:

Такъ какъ съ изданіемъ новаго устава гимназій измѣнилось отношеніе учебнаго курса опыхъ къ учебнымъ курсамъ другихъ учебныхъ заведеній, то вмѣстѣ съ тѣмъ утратили свое значеніе и разновременно установленныя министерствомъ народнаго просвѣщенія особыя правила, разъяснившія, на какихъ основаніяхъ могли быть принимаемы въ студенты молодые люди, обучавшіеся въ нѣкоторыхъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, и затѣмъ, на точномъ основаніи § 130 устава гимназій и прогимназій, въ студенты университетовъ могутъ быть принимаемы только ученики, окончившіе курсъ ученія въ гимназіяхъ, и лица, имѣющія свидѣтельства о знаніи полного курса сихъ гимназій. Поэтому, по мнѣнію совѣта министра, приѣмъ въ университетъ воспитанниковъ нѣкоторыхъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, не состоящихъ въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія, можетъ быть производимъ на прежнемъ основаніи лишь до времени пересмотра общобразовательнаго ихъ курса сравнительно съ нынѣшнимъ курсомъ гимназическимъ. Сверхъ того, принимая во вниманіе, что вышеприведенная 130-я статья устава гимназій можетъ быть вполне приведена въ исполненіе лишь съ того времени, когда въ гимназіяхъ не будетъ уже учениковъ, удостоиваемыхъ аттестата безъ испытанія въ греческомъ языкѣ, по той причинѣ, что они ему не обучались, совѣтъ министра полагаѣль, что до того времени надлежало бы оставить въ своей силѣ возможность поступленія въ студенты университетовъ молодыхъ людей, какъ обучавшихся въ нѣкоторыхъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ коихъ не преподается греческій языкъ, такъ и постороннихъ лицъ домашняго воспитанія, которыя оному не обучались; но

крайнимъ срокомъ для сего, по мнѣнію совѣта министра, могла бы быть весна 1876 года, о чемъ и было опредѣлено сообщить гг. почетителямъ учебныхъ округовъ къ свѣдѣнію и исполненію.

Приведенное рѣшеніе этого вопроса имѣетъ существенную важность. Въ принципѣ уже самимъ уставомъ 1871 года было рѣшено, что отнѣи и въ Россіи устанавливаются тѣ же условія для поступленія въ университетъ, какія существуютъ во всемъ образованномъ мірѣ, и родители тѣхъ дѣтей, которыя не обучаются въ гимназіяхъ, не могли не обратить вниманія на это правило, и сколько извѣстно, дѣйствительно обратили на него вниманіе; теперь же и министерство народнаго просвѣщенія установило срокъ для полного осуществленія этого правила, отдаливъ оный на три съ половиною года, дабы никто не могъ сѣтовать на то, что не имѣлъ времени и возможности приготовиться къ тому, чтобъ удовлетворить вновь постановленнымъ требованіямъ.

Сверхъ того, въ силу постановленія совѣта министра, предстоитъ еще пересмотръ общеобразовательнаго курса нѣкоторыхъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній другихъ вѣдомствъ сравнительно съ нынѣшнимъ курсомъ гимназическимъ. При этомъ, быть можетъ, будетъ признано неизлишнимъ войти въ предварительное соглашеніе съ вышеозначенными вѣдомствами по вопросу, не признали ли бы они полезнымъ и во всѣхъ отношеніяхъ желательнымъ сколь возможно болѣе сблизить общеобразовательный курсъ вѣрренныхъ имъ учебныхъ заведеній съ курсомъ гимназическимъ. Огромная польза такого объединенія подготовительнаго средняго образованія, служащаго основой для высшаго научнаго образованія, казалось бы, не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Только въ такомъ случаѣ учащимся была бы дана возможность, безъ малѣйшей для себя потери, въ случаѣ надобности, переходить изъ однихъ учебныхъ заведеній въ другія, а вмѣстѣ съ тѣмъ, была бы вполне упрочена система основательнаго ученія и было бы обезпечено единство направленія въ образованныхъ классахъ общества.

Господствующая нынѣ разрозненность въ направленіи учебнаго дѣла приноситъ, несомнѣнно, горькіе плоды какъ высшему, такъ и среднему образованію въ странѣ. Такъ, между прочимъ, тотчасъ же почти по утвержденіи новаго устава гимназій, которымъ установленъ въ этихъ заведеніяхъ восьмилѣтній курсъ ученія, въ Императорской Медико-Хирургической академіи, тѣмъ не менѣе, былъ объявленъ приемъ въ студенты молодыхъ людей, обучавшихся лишь одинъ годъ

въ VII классѣ гимназій, слѣдовательно, не окончившихъ въ нихъ курса и не подвергавшихся въ нихъ никакому испытанію, что было продолжено и на 1873-й годъ. Какіи могли бы быть послѣдствіи этой мѣры? Для самой Медико-Хирургической академіи она должна была отразиться переполненіемъ ея аудиторій слушателями, недостаточно подготовленными, не изучавшими, напримѣръ, изъ физики или ученія о звукѣ и свѣтѣ, или ученія о магнетизмѣ и электричествѣ, а также не прошедшими курса тригонометріи, и вообще недостаточно зрѣлыми, быть можетъ, вовсе и не желавшими посвятить себя медицинѣ, а увлеченными лишь возможностью сократить на годъ свое ученіе въ гимназіяхъ и годомъ ранѣе воспользоваться академическою свободою, избавившись притомъ отъ серьезной провѣрки пріобрѣтенныхъ ими познаній, и мечтавшими, быть можетъ, перейти вслѣдъ затѣмъ на какой-либо другой факультетъ,—и притомъ переполненіемъ до невозможности слѣдить за преподаваніемъ, которое постоянно должно сопровождаться демонстраціями и собственными упражненіями учащихся. Что же касается до гимназій, то мѣра эта не могла не возбудить сомнѣній въ прочности учебной реформы и въ дѣйствительности закона о восьмилѣтнемъ курсѣ гимназій, и не могла не произвести значительныхъ опустошеній въ VII и даже въ VI классѣ этихъ заведеній и не уменьшить, въ ближайшемъ будущемъ, числа оканчивающихъ полный курсъ ученія. Точныхъ свѣдѣній о размѣрахъ этихъ опустошеній еще не имѣется. Повидимому, они сильнѣе поразили VI классъ гимназій, нежели VII, ибо въ послѣднемъ число учениковъ противъ прошлаго года не только не уменьшилось, но даже увеличилось, а именно на 33 человѣка (съ 2.254 до 2.287), тогда какъ въ VI классѣ теперь оказывается (не считая учебныхъ округовъ Варшавскаго и Дерптскаго) не 2.176, какъ было въ ноябрѣ 1872 года, а 1.749, то-есть, на 427 человѣкъ менѣе. Одна неправильность, естественно, влечетъ за собой и другія, и очень быть можетъ, что вмѣстѣ съ не окончившими курса учениками VII класса, при огромномъ стеченіи желавшихъ поступить въ Медико-Хирургическую академію, были принимаемы и ученики VI класса гимназій, не удостоенные перевода въ VII классъ.

Какъ бы то ни было, но Государю Императору благоугодно было, въ 15-й день сентября 1873 года, Высочайше повелѣть не принимать впредь въ число студентовъ Медико-Хирургической академіи молодыхъ людей, не окончившихъ полного гимназическаго курса, а тѣмъ изъ нихъ, которые были уже приняты въ студенты академіи, вос-
часть СЛХХІ, отд. 1.

претить переходъ въ университеты. Эта Высочайшая воля должна устранить на будущее время возможность какова бы то ни было колебанія устава гимназій 1871 года въ этомъ отношеніи.

Сверхъ того, въ исходѣ 1873 года, 25-го декабря, съ высоты престола были сказаны драгоцѣнныя слова въ рескриптѣ на имя министра народнаго просвѣщенія, долженствующія оградить не только народную школу отъ тлетворныхъ и пагубныхъ вліяній, но вмѣстѣ съ тѣмъ, придать новую силу и крѣпость основательному ученію, введенному уставомъ гимназій 1871 года и уставомъ реальныхъ училищъ 1872 года. „Дабы способствовать самостоятельному и плодотворному развитію народнаго образованія въ Россіи“, — гласитъ Высочайшій рескриптъ отъ 25-го декабря 1873 года, — „Я утвердилъ въ 1871 и 1872 годахъ составленные согласно съ такими Моими видами уставы среднихъ учебныхъ заведеній вѣреннаго вамъ вѣдомства, долженствующихъ давать вполне основательное общее образованіе юношеству, готовящемуся къ занятіямъ высшими науками, а не предназначающихъ себя къ онымъ — приспособлять къ полезной практической дѣятельности“; и далѣе: „какъ лицо, призванное Моимъ довѣріемъ къ осуществленію Моихъ предназначеній, по части народнаго просвѣщенія, вы усугубите всегда отличавшее васъ рвеніе къ тому, чтобы положенныя въ основу общественнаго воспитанія начала вѣры, нравственности, гражданскаго долга и основательность ученія были ограждены и обезпечены отъ всякаго колебанія. Согласно съ симъ, Я виѣняю въ непремѣнную обязанность и всѣмъ другимъ вѣдомствамъ оказывать вамъ въ семъ дѣлѣ полное содѣйствіе“. Въ этихъ священныя словахъ Государя Императора учебная реформа 1871 и 1872 годовъ нашла себѣ новое и торжественное подтвержденіе и приобрѣтеть новую силу и прочность. Гимназіи должны давать вполне основательное общее образованіе тѣмъ юношамъ, которые готовятъ себя къ занятіямъ высшими науками; тѣхъ же, которые не предназначаютъ себя къ этимъ занятіямъ, реальныя училища должны приспособлять къ полезной практической дѣятельности: въ этомъ заключается существенный смыслъ и значеніе учебной реформы начала семидесятыхъ годовъ. Сверхъ того, Государю Императору благоугодно было поставить основательность ученія, водворяемую новыми уставами гимназій и реальныхъ училищъ и истекающими изъ нихъ распоряженіями министерства народнаго просвѣщенія, краеугольнымъ камнемъ всего зданія общественнаго воспитанія на ряду съ началами вѣры, нравственности и гражданскаго

долга, и повелѣтъ г. министру народнаго просвѣщенія усугубить всегда отличавшее его рвеніе къ огражденію и обезпеченію какъ основательности ученія, такъ и сихъ началъ, отъ всякаго колебанія, а всѣмъ другимъ вѣдомствамъ вмѣнить въ непремѣнную обязанность оказывать министру народнаго просвѣщенія въ семъ дѣлѣ полное содѣйствіе. Такимъ образомъ, если въ комъ-либо и могло зародиться сомнѣніе относительно прочности учебной системы, введенной уставами 1871 и 1872 годовъ, то отнынѣ сомнѣніе это должно совершенно исчезнуть. 1873-й годъ заключился при самыхъ лучшихъ предзнаменованіяхъ для упроченія общеевропейской школы и вводимаго ею основательнаго ученія въ нашемъ отечествѣ, а новый 1874-й годъ начался обнародованіемъ устава о всеобщей воинской повинности, которымъ достаточно ограждены интересы образованія на всѣхъ ступеняхъ его.

Достиженіе этой цѣли было предметомъ особой заботливости министерства народнаго просвѣщенія во все продолженіе 1873 года. Хотя интересы образованія и не были оставлены безъ вниманія комиссіей, составившею первоначальный проектъ о всеобщей воинской повинности, однако же, нѣкоторыя изъ ея предположеній грозили не малою опасностью среднимъ учебнымъ заведеніямъ вообще и гимназіямъ въ особенности. Такъ, предположено было давать льготы по воинской повинности только за окончаніе полнаго курса учебныхъ заведеній и такимъ образомъ приравнять восьмилѣтній курсъ гимназій къ шестилѣтнему курсу реальныхъ и другихъ среднихъ учебныхъ заведеній, и сверхъ того, предполагалось предоставить льготу вольноопредѣляющихся, съ возможностью выслуги офицерскаго чина и пріобрѣтенія соединенныхъ съ нимъ правъ личнаго дворянства чрезъ 3 года по вступленіи въ войска, даже окончившимъ курсъ только въ уѣздныхъ и подобныхъ имъ училищахъ съ довольно низменнымъ курсомъ. Нынѣ вышеупомянутыя права пріобрѣтаются, и то по прослуженіи отъ трехъ до шести лѣтъ въ гражданской службѣ, только окончившими полный курсъ университетскій, и по прослуженіи около 9-ти лѣтъ—окончившими курсъ гимназическій съ золотою или серебряною медалью. Такимъ образомъ, легко могло бы случиться, что сыновья тѣхъ лицъ, которыя, по своему происхожденію, не имѣютъ права государственной службы (они составляютъ нѣсколько болѣе одной трети всего числа учениковъ нашихъ гимназій), вмѣсто 8-милѣтняго ученія въ гимназіяхъ и 4-хъ-лѣтняго въ университетахъ, стали бы отыскивать тѣ же права путемъ трехлѣтняго ученія въ уѣздныхъ и подобныхъ имъ училищахъ и трехлѣтней службы въ ра-

дахъ арміи, которой и безъ того нельзя миновать, въ силу всеобщей воинской повинности: число воспитанниковъ нашихъ гимназій и университетовъ могло бы, такимъ образомъ, къ истинному вреду для просвѣщенія страны, значительно уменьшиться, рвеніе къ учрежденію гимназій и прогимназій на мѣстныхъ средства могло бы охладѣть, а офицерскій корпусъ нашей арміи—переполниться лицами, не имѣющими образованія, необходимаго для офицеровъ, особенно при всеобщей воинской повинности, когда и рядовыми будутъ становиться люди съ высшимъ образованіемъ.

Усилія министерства народнаго просвѣщенія къ предотвращенію всѣхъ этихъ вредныхъ послѣдствій увѣнчались полнымъ успѣхомъ, и Высочайше утвержденный 1-го января 1874 года уставъ всеобщей воинской повинности устранилъ эти опасности, установивъ норму образованія, достаточнаго для офицеровъ, успѣшное прохожденіе курса 6-ти низшихъ классовъ гимназій, реальныхъ и другихъ, подобныхъ имъ, училищъ. Такимъ образомъ, и въ этомъ отношеніи гимназій могутъ развивать плодотворную свою дѣятельность безъ всякаго колебанія основныхъ ихъ началъ и ихъ значенія въ общей системѣ образованія. Прогимназій не включены въ списокъ учебныхъ заведеній, предоставляющихъ льготы по воинской повинности, только потому, что онѣ не могутъ быть разсматриваемы какъ самостоятельныя учебныя заведенія, а только какъ низшіе классы гимназій. Отъ земствъ, городскихъ обществъ и сословій будетъ зависѣть, тамъ, гдѣ это окажется нужнымъ и желательнымъ, дополнить эти учебныя заведенія еще двумя классами, какъ это сдѣлано повсемѣстно и подъ влияніемъ тѣхъ же условій въ Германіи, что, вѣроятно, будетъ допущено и у насъ, и тогда эти учебныя заведенія будутъ давать ту же льготу по воинской повинности, какая предоставлена и гимназіямъ. Очевидно, что потребность такого дополненія прогимназій прежде всего обнаружится въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ нѣтъ полныхъ гимназій. Прибавка двухъ высшихъ классовъ къ прогимназіямъ имѣла бы благотворное вліяніе и вообще на внутреннюю жизнь этихъ учебныхъ заведеній, ибо по наблюденіямъ, сдѣланнымъ въ Германіи, научный уровень преподавателей весьма легко понижается въ томъ случаѣ, когда имъ приходится преподавать свой предметъ только въ низшихъ классахъ, изъ коихъ нынѣ состоятъ наши прогимназій.

Къ 1873 же году относится весьма важная мѣра, которая сдѣлавшись всеобщей, послужитъ также къ упроченію и дальнѣйшему развитію устава 1871 года. Г. попечитель Одесскаго учебнаго

округа вошелъ въ министерство народнаго просвѣщенія съ представленіемъ о раздѣленіи VII класса гимназій округа на два самостоятельныя отдѣленія, которыя закону Божію, географіи и языкамъ французскому и нѣмецкому обучались бы совмѣстно, всѣмъ же прочимъ предметамъ отдѣльно, съ вознагражденіемъ преподавателей этихъ предметовъ за отдѣльные ихъ уроки изъ суммы сбора за ученіе въ размѣрѣ по 60 руб. за урокъ. Управлявшій министерствомъ народнаго просвѣщенія, бывшій товарищъ министра, нынѣ членъ государственнаго совѣта, статсъ-секретарь И. Д. Деляновъ, признавъ означенное ходатайство г. попечителя Одесскаго учебнаго округа уважительнымъ и цѣлесообразнымъ, изъявилъ согласіе (25-го августа 1873 года) на приведеніе его въ исполненіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщилъ его гг. попечителямъ всѣхъ другихъ учебныхъ округовъ, на случай, еслибъ и они признали возможнымъ примѣнить вышеизложенную мѣру въ подвѣдомыхъ имъ гимназіяхъ. Слабую сторону устава 1871 года, дѣйствительно, составляетъ не столько совмѣстное обученіе младшаго и старшаго отдѣленій VII класса,—которое, какъ показываетъ примѣръ всѣхъ гимназій Германіи, можетъ быть ведено съ полнымъ успѣхомъ,— сколько допущеніе, на извѣстныхъ условіяхъ, того, чтобы ученики и младшаго отдѣленія VII-го класса выдерживали полное окончательное испытаніе изъ всего гимназическаго курса, то-есть, допущеніе, чтобы въ одинъ годъ, и по многимъ предметамъ безъ всякаго руководства со стороны учителей, они дѣлали то же, что можетъ быть сдѣлано въ два года. При этомъ совмѣстное обученіе младшаго и старшаго отдѣленій служить къ усиленію стремленій сократить на годъ ученіе въ гимназіяхъ. Стремленія эти несомнѣнно клонятся ко вреду и для здоровья учащихъся, и для основательности и правильности ихъ ученія, и это изытаніе изъ общаго правила подлежитъ, по всему вѣроятію, въ будущемъ устраненію, а вмѣстѣ съ тѣмъ, должно быть предоставлено каждой гимназіи, смотря по средствамъ, раздѣлить VII классъ на два отдѣленія, или совершенно самостоятельныя, какъ того желаетъ г. попечитель Казанскаго учебнаго округа, или же самостоятельныя по большей части предметовъ, какъ то установлено въ Одесскомъ учебномъ округѣ.

Родителямъ съ недостаточнымъ состояніемъ, конечно, свойственно стремиться къ сокращенію времени, въ которое ихъ дѣти приготавлиются къ будущему своему поприщу и въ которое они находятся на полномъ ихъ содержаніи. Но это весьма естественное желаніе можетъ быть удовлетворено другими способами, безъ ущерба для

основательности ученія и для здоровья учениковъ, чему уже въ нынѣшнемъ году и положено начало. Извѣстно, что въ Германіи допускается приемъ учениковъ въ низшій классъ гимназій по достиженіи ими только 9-тилѣтняго возраста; у насъ же, по § 26 устава гимназій, наблюдается, чтобы въ I-й классъ поступали дѣти не моложе 10-ти лѣтъ. Но на дѣлѣ оказалось, что есть много дѣтей, которыя оказываются хорошо приготовленными для поступленія въ гимназію, но тѣмъ не менѣе не принимаются въ соотвѣтственные ихъ познаніямъ классы только за недостаткомъ положеннаго для того возраста и, такимъ образомъ, изъ-за недочета нѣсколькихъ дней, недѣль или мѣсяцевъ до положеннаго возраста, они принуждены были терять по цѣлому году. 30-го декабря 1872 года г. министромъ народнаго просвѣщенія было испрошено, а 9-го января 1873 г. сообщено къ руководству гг. попечителямъ учебныхъ округовъ Высочайшее разрѣшеніе допускать въ приемному испытанію тѣхъ дѣтей, коимъ недостаетъ до нормальнаго возраста не болѣе трехъ мѣсяцевъ, и въ томъ случаѣ, если они выдержатъ это испытаніе по всѣмъ предметамъ вполне удовлетворительно и будутъ признаны врачомъ гимназіи или прогимназіи достаточно развитыми въ физическомъ отношеніи для ученія въ томъ классѣ, въ который желаютъ поступить, принимать ихъ въ этотъ классъ, — правило, которое, въ силу Высочайшаго повелѣнія отъ 1-го августа 1873 года, распространено и на реальныя училища.

Къ числу весьма важныхъ приобрѣтеній 1873 г. въ интересахъ основательности ученія относится также распространеніе устава гимназій 1871 г. на учебныя округа Варшавскій и Кавказскій. Въ первомъ изъ этихъ учебныхъ округовъ, состоящемъ въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія, въ уставѣ гимназій 1871 г. допущены лишь весьма немногія измѣненія, вызываемыя мѣстными и даже только временными обстоятельствами, какъ, на примѣръ, исключены всѣ статьи устава, относящіяся до почетныхъ попечителей, возвышено содержаніе преподавателей русскаго языка, исторіи и географіи, за дополнительные уроки назначено вознагражденіе не въ 60, а въ 40 р., нормальное число уроковъ опредѣлено не въ 12, а въ 15 и т. д., таблицы же числа уроковъ въ недѣлю съ распредѣленіемъ ихъ по классамъ и предметамъ введены тѣ же самыя, что и въ цѣлой Имперіи, съ тою лишь перемѣной, что для желающихъ преподается и польскій языкъ въ нѣкоторыхъ изъ гимназій и прогимназій округа. Реформа эта, Высочайше утвержденная 30-го апрѣля 1873 г.,

уже осуществлена съ начала новаго учебнаго года, безъ малѣйшихъ колебаній и потрясеній для общаго строя учебнаго дѣла, и сколько можно судить по краткости времени, уменьшеніе числа уроковъ по русскому языку не отзовется меньшими успѣхами дѣтей въ этомъ предметѣ, благодаря увеличенію числа уроковъ по древнимъ языкамъ, которые, естественно, служатъ наилучшимъ упражненіемъ и въ русскомъ языкѣ при веденіи всего преподаванія на семъ послѣднемъ.

Что же касается до Кавказскаго учебнаго округа, не состоящаго въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія, то представившіяся съ самаго начала довольно значительныя затрудненія относительно полнаго примѣненія общихъ учебныхъ уставовъ къ этому округу были потомъ совершенно устранены путемъ личнаго соглашенія между Его Императорскимъ Высочествомъ Августѣйшимъ Намѣстникомъ Кавказскимъ и г. министромъ народнаго просвѣщенія при просвѣщенномъ содѣйствіи г. попечителя Кавказскаго учебнаго округа, Я. М. Певѣрова. Общія начала, положенныя въ основу устройства гимназій и реальныхъ училищъ цѣлой Имперіи, получили полную силу и примѣненіе и въ Кавказскомъ учебномъ округѣ, съ тѣмъ еще существеннымъ улучшеніемъ, что восьмилѣтній курсъ гимназій распределенъ въ немъ съ самаго начала на 8 отдѣльныхъ классовъ, такъ что потребности природныхъ Русскихъ, проживающихъ на Кавказѣ, относительно образованія ихъ дѣтей, будутъ вполне удовлетворены и вмѣстѣ съ тѣмъ, въ случаѣ надобности, изъ гимназій, по крайней мѣрѣ по сю сторону Кавказа, возможенъ будетъ переходъ въ тѣ же классы гимназій въ другихъ областяхъ Имперіи, и лишь въ закавказскихъ прогимназіяхъ и гимназіяхъ, въ виду большой затруднительности для туземцевъ полнаго усвоенія русскаго языка, предположена довольно существенная перемѣна, состоящая въ томъ, что преподаваніе греческаго языка будетъ начинаться не съ III, а только съ IV класса, вслѣдствіе чего въ прогимназіяхъ не желающіе или не имѣющіе средствъ продолжать свое образованіе въ гимназіяхъ могутъ быть вовсе уволены отъ изученія греческаго языка. Это распространеніе уставовъ 1871 и 1872 гг. на Кавказскій учебный округъ представляеть собою весьма важный успѣхъ общихъ началъ, положенныхъ въ основу реформы 1871 и 1872 гг.

Къ 1873 году относится предположеніе г. главнаго начальника вновь присоединеннаго къ Россіи Туркестанскаго края генералъ-адъютанта инженеръ-генерала фонъ-Кауфмана объ учрежденіи тамъ двухъ гимназій—въ Ташкентѣ и въ Вѣрномъ, совершенно на осно-

ваніи устава 1871 года, для природныхъ Русскихъ, служащихъ или вообще проживающихъ въ томъ краѣ. Нельзя не отдать полнѣйшей справедливости истинно-просвѣщеннымъ воззрѣніямъ на это дѣло г. Туркестанскаго генералъ-губернатора, который, вопервыхъ, имѣетъ въ виду прежде всего удовлетворить существеннымъ потребностямъ природныхъ Русскихъ, проживающихъ въ краѣ, не препятствуя, впрочемъ, и туземцамъ достигать высшаго образованія, но тѣмъ же самымъ путемъ, какимъ достигаютъ его природные Русскіе, и который, восторныхъ, изъ двухъ различныхъ родовъ среднихъ учебныхъ заведеній не усомнился отдать предпочтеніе гимназіямъ даже и для этого отдаленнаго края, какъ такимъ учебнымъ заведеніямъ, которыя открываютъ доступъ равно и къ университетамъ и къ высшимъ спеціально-техническимъ училищамъ.

Постоянныя заботы министерства народнаго просвѣщенія относительно обезпеченія большей успѣшности ученія въ гимназіяхъ выразились въ 1873 году преимущественно въ нижеслѣдующихъ мѣрахъ.

1) 7-го января 1873 года установлены правила относительно занятій учениковъ различныхъ классовъ гимназій по закону Божію, по отечественному языку, языкамъ латинскому и греческому и по математикѣ, въ лѣтнее вакаціонное время, такъ какъ замѣчено было, что весьма многіе ученики, особенно же низшихъ и среднихъ классовъ, не занимавшись вовсе ученіемъ въ продолженіе лѣтней вакаціи, являются въ классы, перезабывъ весьма многое и даже существенное изъ того, что было ими пройдено въ предыдущій годъ, и обнаруживаютъ какъ бы нѣкоторую отвычку отъ умственныхъ занятій. При этомъ, однако же, предполагено имѣть въ виду, чтобы 1) ученики не были обременены этими занятіями и чтобы каникулы по прежнему служили для нихъ временемъ отдохновенія, и 2) чтобы задачи по каждому изъ вышепоименованныхъ предметовъ были такого рода, чтобы онѣ могли быть исполняемы учениками среднихъ способностей совершенно удовлетворительно безъ всякой посторонней помощи, а также чтобы онѣ стояли въ связи съ курсомъ истекшаго года. Правила эти были выработаны особою комиссіей, состоявшею подъ предсѣдательствомъ бывшаго товарища министра статсъ-секретаря И. Д. Делянова, и вполне соотвѣтствуютъ вышепредположеннымъ цѣлямъ, за исключеніемъ однако же занятій для бывшихъ учениковъ V класса по закону Божію, которыя должны состоять въ чтеніи по церковно-славянски и по русски, съ помощію и греческаго текста, посланія апостола Павла къ Римлянамъ: посланіе это, по своему содержанію,

много превышаетъ силы учениковъ, только что перешедшихъ въ VI классъ, и потому многіе изъ законоучителей гимназій сочли за лучшее въ истекшемъ году замѣнить его другими апостольскими посланіями, болѣе доступными пониманію учениковъ означеннаго класса, какъ, на примѣръ, соборнымъ посланіемъ апостола Іакова. Въ этой части своей правила о занятіяхъ учениковъ въ лѣтнее вакаціонное время подлежали бы дальнѣйшему пересмотру.

2) Въ видахъ улучшенія учебныхъ руководствъ и пособій для среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и книгъ для народнаго чтенія министерствомъ народнаго просвѣщенія было исходатайствовано, въ память двухсотлѣтней годовщины рожденія императора Петра Великаго, учрежденіе премій имени этого великаго монарха. Представленіе по этому предмету, по рассмотрѣніи и измѣненіи его въ государственномъ совѣтѣ, было Высочайше утверждено 15-го мая 1873 года. Этимъ Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ государственнаго совѣта, кромѣ двухъ премій—большой въ 2.000 рублей и малой въ 500 руб., назначаемыхъ въ одинъ годъ за учебныя книги по курсамъ элементарному и реальнымъ училищъ, а въ другой годъ—за книги для народнаго чтенія, установлены еще двѣ такія же, но ежегодныя преміи за учебныя книги по гимназическому курсу, что вполне соответствуетъ и большому числу какъ предметовъ гимназическаго курса, такъ и самихъ гимназій, и большому значенію этихъ учебныхъ заведеній, представляющихъ собою основной, самый существенный типъ средняго образованія. Въ развитіе этого Высочайше утвержденнаго мнѣнія государственнаго совѣта, было утверждено 4-го августа 1873 года г. управлявшимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія товарищемъ министра положеніе о преміяхъ Петра Великаго, въ которомъ, между прочимъ, предметы гимназическаго курса распределены на пять группъ, предметы реальнаго курса—на четыре группы, предметы же начальныхъ народныхъ училищъ соединены въ одну группу съ двумя главными и нѣсколькими второстепенными подраздѣленіями. Опредѣленіе очереди учебныхъ предметовъ, по коимъ устанавливается соисканіе премій, поставлено въ зависимость отъ дѣйствительныхъ нуждъ учебнаго дѣла и ежегоднаго разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія, и въ слѣдъ за тѣмъ назначены на первый годъ для соисканія премій по гимназическому курсу древніе языки, а по реальному—механика и составленіе исполнительныхъ чертежей машинъ. Едва ли было возможно лучше почтить память великаго просвѣтителя Россіи, въ двухсотлѣтнюю годовщину его рожденія, какъ учрежденіемъ

премій за лучшія учебныя руководства и пособія для средних и низшихъ учебныхъ заведеній и за книги для народнаго чтенія. Хорошія учебныя руководства и пособія могутъ значительно улучшить, подвинуть впередъ и облегчить наше учебное дѣло, и преміями Петра Великаго желательно воспользоваться прежде всего для вызова на свѣтъ учебныхъ трудовъ, которые удовлетворяли бы наиболѣе настоятельнымъ потребностямъ нашихъ учебныхъ заведеній. Въ этомъ отношеніи ежегодное опредѣленіе очереди тѣхъ учебныхъ предметовъ, по которымъ устанавливается соисканіе премій, и допускаемое положеніемъ 4-го августа 1873 года указаніе даже на тѣ части учебныхъ предметовъ, по коимъ болѣе желательно появленіе новыхъ учебныхъ сочиненій, гораздо болѣе соответствуетъ цѣли, нежели установленіе одинъ разъ навсегда опредѣленной очереди между различными предметами, при чемъ премія служили бы главнѣйше лишь дополненіемъ къ тѣмъ выгодамъ, которыми и безъ того уже пользуются авторы лучшихъ и болѣе распространенныхъ учебниковъ. Правда, годичный срокъ можетъ показаться слишкомъ краткимъ для составленія сколько-нибудь удовлетворительной учебной книги; но, во первыхъ, въ случаѣ непредставленія въ годичный срокъ сочиненій, которыя заслуживали бы премій, присужденіе ихъ можетъ отсрочиваться на годъ и болѣе; а во вторыхъ, на этотъ конкурсъ могутъ являться лишь лица, специально занимающіяся своимъ предметомъ, хорошо знающія, въ какого рода учебныхъ книгахъ чувствуется наиболѣе настоятельная потребность, и слѣдовательно, имѣвшія возможность заранее заготовить всѣ необходимые матеріалы для своего учебнаго сочиненія, такъ что годичный срокъ можетъ быть ими употребляемъ лишь для окончательной обработки онаго согласно съ тѣми требованіями, которыя могутъ быть заявлены министерствомъ народнаго просвѣщенія. Во всякомъ случаѣ, отъ учрежденія премій Петра Великаго можно ожидать значительнаго оживленія и улучшенія нашей учебной литературы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нашего учебнаго дѣла.

3) Но душа школы всегда будетъ самъ учитель, и забота объ учителяхъ, особенно же по основному предмету гимназическаго курса, который по несчастію былъ слишкомъ долго у насъ въ совершенномъ небреженіи, именно по древнимъ языкамъ, и въ 1873 г. стояла для министерства народнаго просвѣщенія на первомъ планѣ. Въ этомъ году къ спеціальнымъ учрежденіямъ, имѣющимъ цѣлью приготовленіе учителей для гимназій, преимущественно по древнимъ языкамъ, и состоящимъ въ непосредственномъ вѣдѣніи министерства народнаго

просвѣщенія, прибавился еще третій институтъ—русская филологическая семинарія при Лейпцигскомъ университетѣ, которая такъ же, какъ и филологическій институтъ славянскихъ стипендіатовъ въ С.-Петербургѣ, имѣеть значеніе лишь временнаго учрежденія, пока наши гимназіи вполнѣ оправятся и будутъ доставлять филологическимъ факультетамъ нашихъ университетовъ вполнѣ подготовленныхъ по древнимъ языкамъ слушателей и будутъ, въ свою очередь, получать отъ нихъ вполнѣ приготовленныхъ преподавателей древнихъ языковъ, и притомъ въ достаточномъ числѣ. Мысль о русской филологической семинаріи при Лейпцигскомъ университетѣ возникла вслѣдствіе временнаго, какъ можно надѣяться, оскудѣнія того источника, изъ котораго доселѣ Россія имѣла возможность позаимствовать не малое число преподавателей древнихъ языковъ для своихъ гимназій: послѣ вызова съ 1866 г. въ Россію изъ славянскихъ земель Австріи болѣе ста молодыхъ людей, окончившихъ вполнѣ свое филологическое образованіе въ тамошнихъ университетахъ, изъ коихъ многіе пріобрѣли уже на родинѣ или учительскій, или докторскій дипломы, и занимали должности учителей, въ самой Австріи началъ обнаруживаться временный недочетъ въ преподавателяхъ древнихъ языковъ,—временный, ибо усиленный запросъ на нихъ не замедлитъ вызвать и усиленное предложеніе, и нынѣ уже число студентовъ, напримѣръ въ Пражскомъ университетѣ, которые изучаютъ древнюю классическую филологію съ спеціальною цѣлью стать преподавателями древнихъ языковъ въ гимназіяхъ, то-есть, занимаются въ филологической семинаріи университета, дошло до 115, тогда какъ лѣтъ 6—7 тому назадъ оно колебалось между 70 и 80-ю. Но какъ бы то ни было, въ настоящее время притокъ въ Россію изъ славянскихъ земель Австріи молодыхъ людей, уже окончившихъ вполнѣ свое филологическое образованіе, значительно уменьшился, что будетъ, по всей вѣроятности, продолжаться еще года три или четыре, и оказалось необходимымъ привлекать къ учительскому званію въ Россіи не готовыхъ уже филологовъ, а молодыхъ людей, только-что окончившихъ курсъ въ гимназіяхъ, давая имъ возможность получить полное университетское образованіе и обязывая ихъ прослужить по два года учителями въ какой-либо изъ нашихъ гимназій, за каждый годъ полученія стипендіи. Уже и прежде въ С.-Петербургскомъ университетѣ было нѣсколько такихъ стипендіатовъ министерства народнаго просвѣщенія изъ числа австрійскихъ Славянъ, окончившихъ курсъ въ австрійскихъ гимназіяхъ; но неудобства привлеченія ихъ въ С.-Петербургскій университетъ не

замедлили обнаружиться: суровый и нездоровый климатъ, особенно же для уроженцевъ болѣе южныхъ областей Австріи, все возрастающая дороговизна, растянутасть курса, соединенная съ большою потерею времени, вслѣдствіе слишкомъ продолжительнаго вакаціоннаго и экзаменаціоннаго періода въ нашихъ университетахъ — все это отклоняло молодыхъ людей отъ поступленія въ С.-Петербургскій университетъ и дѣлало почти невозможнымъ учрежденіе здѣсь сколько-нибудь многочисленной филологической семинаріи изъ западныхъ Славянъ. А между тѣмъ, на воспитанниковъ гимназій русскихъ, особенно же коренныхъ областей Россіи, еще трудно разчитывать въ этомъ отношеніи, ибо, за немногими исключеніями, наши гимназіи еще лѣтъ черезъ 7 или 8, если не болѣе, могутъ поравняться съ австрійскими гимназіями въ дѣлѣ подготовленія къ занятіямъ классической филологіей въ университетахъ. Такимъ образомъ родилась мысль основать русскую филологическую семинарію при одномъ изъ заграничныхъ университетовъ, какъ болѣе во всѣхъ отношеніяхъ сподручныхъ для западныхъ Славянъ. При этомъ Лейпцигскій университетъ представился прежде всего самъ собою, какъ соединяющій, въ настоящее время, наилучшія силы по части классической филологіи, каковы Фридрихъ Ритшль, Георгъ Курціусъ, Ланге, и др. Глава вышнихъ филологовъ Германіи, знаменитый Ритшль встрѣтилъ эту мысль съ полнѣйшимъ сочувствіемъ и предложилъ свои услуги для ея осуществленія, опредѣливъ главные основанія, на которыхъ могла бы быть учреждена подобная семинарія. Мысль эта была одобрена г. министромъ народнаго просвѣщенія, и учрежденіе русской филологической семинаріи въ Лейпцигѣ состоялось съ Высочайшаго разрѣшенія, послѣдовавшаго 1-го августа 1873 г. Главныя положенія относительно этой семинаріи заключаются въ слѣдующемъ. Обще для всѣхъ условіе для пріема въ семинарію заключается въ окончаніи гимназическаго курса съ отличнымъ успѣхомъ вообще и по древнимъ языкамъ въ особенности. За тѣмъ отъ природныхъ Русскихъ, желающихъ поступить въ семинарію, сверхъ того, требуется удовлетворительное знаніе нѣмецкаго языка, отъ русскихъ подданныхъ, уроженцевъ Остзейскаго края—воплнѣ удовлетворительное знаніе русскаго языка, отъ иностранныхъ подданныхъ славянскаго происхожденія—предварительное принятіе русскаго подданства; отъ всѣхъ—обязательство прослужить 2 года въ званіи учителя за годъ полученія стипендіи, или же уплатить всѣ расходы, на нихъ употребленные, въ чемъ за несовершеннолѣтнихъ ручаются ихъ родители или родственники. Нормальный срокъ занятій въ Лейпцигскомъ

университетѣ опредѣленъ въ 3 года или 6 семестровъ, представляющихъ собою обыкновенную продолжительность университетскаго курса за-границей. Члены русской филологической семинаріи въ Лейпцигѣ имѣютъ счастье пользоваться ближайшимъ и непосредственнымъ руководствомъ профессора Ритшля, при чемъ помощникомъ его состоитъ д-ръ Гершельманъ. Они *privatissime* упражняются сами, подъ ихъ руководствомъ, въ толкованіи древнихъ авторовъ и въ употребленіи латинской рѣчи, изустно и письменно, и слушаютъ нѣкоторые курсы, спеціально приуроченные къ ихъ потребностямъ; сверхъ того, они посѣщаютъ общія лекціи Лейпцигскаго университета, частью по указанію профессора Ритшля, а частью по собственному выбору. Наконецъ, они ежедневно упражняются въ русскомъ языкѣ, подъ руководствомъ приготовляющихся при Лейпцигскомъ университетѣ къ профессорскому званію преподавателей (въ настоящее время подъ руководствомъ гг. Кирилова и Колесникова). Ежемѣсячная стипендія опредѣляется въ 30 талеровъ, что, по большей дешевизнѣ жизни въ Лейпцигѣ сравнительно съ Петербургомъ, вполне достаточно. Издержки на проѣздъ въ Лейпцигъ разчитываются по цѣнамъ мѣстъ во II классѣ вагоновъ и уплачиваются особо, равно какъ и издержки на имматрикуляцію и на плату гонорара постороннимъ для семинаріи профессорамъ. По окончаніи своего приготовленія, молодые люди подвергаются формальному испытанію, въ предметахъ классической филологіи, на званіе учителя древнихъ языковъ въ нашихъ гимназіяхъ,—и свидѣтельство въ успѣшномъ выдержаніи этого испытанія, за подписью директора русской филологической семинаріи въ Лейпцигѣ, по удостовѣреніи въ С.-Петербургѣ въ знаніи русскаго языка, достаточномъ для преподаванія на немъ древнихъ языковъ, сообщаетъ имъ всѣ права, соединенныя съ званіемъ учителя гимназій ¹⁾).

Занятія въ русской филологической семинаріи начались 1-го октября 1873 г. при 8-ми стипендіатахъ, изъ коихъ пятеро — рус-

---

¹⁾ Желающіе поступить въ русскую филологическую семинарію въ Лейпцигѣ на вышеозначенныхъ условіяхъ, изъ русскихъ подданныхъ, обращаются къ члену совѣта министра народнаго просвѣщенія и предсѣдателю ученаго комитета А. И. Георгіевскому, прилагая: 1) свой аттестатъ или свидѣтельство зрѣлости; 2) особое удостовѣреніе отъ директора той гимназій, гдѣ обучались, въ нравственной ихъ благонадежности, и 3) свидѣтельство врача гимназій въ томъ, что не страдаютъ болѣзнями или особымъ расположеніемъ къ болѣзнямъ, которыя могли бы воспрепятствовать имъ быть въ послѣдствіи учителями.

скіе поданные изъ числа воспитанниковъ гимназій Дерптскаго округа и трое — западные Славяне. Число лицъ, заявившихъ затѣмъ о своемъ желаніи поступить въ эту семинарію съ начала слѣдующаго семестра, весьма значительно, такъ что есть надежда, что комплектъ членовъ семинаріи, опредѣленный въ 20 человекъ, вскорѣ будетъ пополненъ. Поступившія нынѣ свѣдѣнія какъ отъ высокоуважаемаго директора семинаріи, такъ и отъ помощниковъ его, гг. Кирилова и Колесникова, весьма благоприятны для молодыхъ людей, и есть полное основаніе надѣяться, что подъ главнымъ руководствомъ такой личности, какъ профессоръ Ритшль, русская филологическая семинарія въ Лейпцигѣ принесетъ тѣ добрые плоды, которые отъ нея ожидаются.

Число гимназій въ истекшемъ году увеличилось одною—въ Троицкѣ, Оренбургской губерніи. Изъ прогимназій одна, въ Сумахъ, Харьковской губерніи, преобразована въ гимназію; но за то гимназія въ Мозырѣ, Минской губерніи, преобразована въ прогимназію. Прогимназій открыто вновь 10: въ С.-Петербургѣ, въ Москвѣ, въ Шуѣ, въ станицахъ Каменской и Нижнечирской Земли Войска Донскаго, въ Воронежѣ и Елатьмѣ, въ Одессѣ и Феодосіи, и наконецъ, въ Вильнѣ.

Благодаря открытію этихъ новыхъ учебныхъ заведеній, а также учрежденію вновь весьма многихъ реальныхъ училищъ, число учениковъ, не принятыхъ въ 1873 г. въ гимназіи и прогимназіи за недостаткомъ помѣщенія или за комплектомъ въ классахъ, значительно уменьшилось противъ 1872 г., а именно въ 1872 г. оно простиралось до 1.048 человекъ, а въ 1873 г. — всего до 493; но за то число лицъ, подавшихъ прошенія о приѣмѣ въ гимназіи или прогимназіи и затѣмъ не явившихся на испытанія, увеличилось съ 332 до 425; общее число подавшихъ прошенія о приѣмѣ уменьшилось съ 11.400 до 10.900, безъ сомнѣнія, вслѣдствіе открытія 23-хъ новыхъ реальныхъ училищъ. Числа не выдержавшихъ испытанія (въ 1872 году — 2.239, въ 1873 году — 2.340) и окончательно принятыхъ (въ 1872 году — 7.781, въ 1873 году — 7.720) представляютъ лишь самую незначительную разность, которая не можетъ подать повода ни къ какимъ опредѣленнымъ заключеніямъ. Болѣе подробное разсмотрѣніе свѣдѣній о результатахъ приѣмныхъ испытаній въ августѣ 1873 г. по отдѣльнымъ округамъ и гимназіямъ отложимъ до другаго болѣе удобнаго случая, а теперь перейдемъ къ обзорѣню дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія въ 1873 г. по реальнымъ училищамъ.

У. Реальные училища.

Прошлогоднее обозрѣніе дѣятельности министерства по части реальныхъ училищъ оканчивалось выраженіемъ надежды, что къ 187³/₄ учебному году этихъ училищъ будетъ открыто вновь не менѣе 20. На самомъ дѣлѣ ихъ было открыто еще болѣе, именно 23, такъ что въ настоящее время, вмѣстѣ съ преобразованными изъ прежнихъ реальныхъ гимназій семью реальными училищами, въ Имперіи (за исключеніемъ Дерптскаго и Кавказскаго округовъ) существуетъ 30 таковыхъ училищъ. Изъ вновь учрежденныхъ, *пять* училищъ открыты на счетъ казны, безъ посторонняго пособія, именно: въ С.-Петербургѣ (второе), Псковѣ, Москвѣ, Одессѣ и Николаевѣ; на содержаніе этихъ пяти училищъ назначено ежегодно отъ 19.425 р. (въ Николаевѣ) до 37.880 р. (въ С.-Петербургѣ), а въ общей сложности всего 143.690 р. Содержаніе *трехъ* училищъ принято сполна на мѣстныхъ средства, именно: въ Ростовѣ на Дону, Екатеринбургѣ и Саранулѣ. Остальные затѣмъ *пятнадцать* учреждены и содержатся казною, съ болѣе или менѣе значительнымъ участіемъ мѣстныхъ обществъ, а иногда и при помощи пожертвованій частныхъ лицъ. Между послѣдними особенно выдается крупная сумма въ 73.266 р., пожертвованная г. Демидовымъ на постройку дома для Кіевскаго реального училища. Эти 15 училищъ находятся въ слѣдующихъ мѣстностяхъ: Череновцѣ, Кронштадтѣ, Костромѣ, Ивановѣ-Вознесенскомѣ, Зарайскѣ, Харьковѣ, Курскѣ, Орлѣ, Ливнахъ, Сумахъ, Сызрани, Саратовѣ, Кишиневѣ, Кіевѣ и Кременчугѣ. На каждое изъ нихъ назначено къ отпуску изъ казны ежегодно отъ 12.675 р. (въ Кишиневѣ) до 32.553 р. (въ Кіевѣ), а на всѣ пятнадцать 315.105 руб.; мѣстными обществами жертвуется ежегодно 65.070 руб.; и, сверхъ того, большинство этихъ обществъ даетъ отъ себя помѣщенія, а шесть изъ нихъ пожертвовали одновременно отъ 6.000 руб. (въ Ливнахъ) до 49.000 руб. (въ Сумахъ), всего же 120.000 рублей.

При предстоявшемъ открытіи такого значительнаго числа реальныхъ училищъ, министерство народнаго просвѣщенія, имѣя въ своемъ распоряженіи 300.000 руб., Высочайше назначенныхъ на дѣло реального образованія въ 1873 году, прежде всего должно было озаботиться приобрѣтеніемъ учебныхъ пособій для помянутыхъ училищъ. Съ этою цѣлью было поручено директору С.-Петербургскаго реального училища, дѣйствительному статскому совѣтнику Эвальду, составить списки книгъ и учебныхъ пособій, необходимыхъ для реаль-

ныхъ училищъ. По просмотрѣ этихъ списковъ нѣкоторыми изъ членовъ ученаго комитета, было рѣшено приступить немедленно:

а) къ выпискѣ изъ-за границы, отъ Фосса въ Лейпцигѣ, книгъ на иностранныхъ языкахъ;

б) къ заказу, черезъ книгопродавца Глазунова, книгъ на русскомъ языкѣ;

в) къ заказу, здѣсь и за границею, тѣхъ учебныхъ пособій, которыя въ Россіи можно имѣть хорошаго качества и дешевле, а изъ иностранныхъ тѣхъ, о которыхъ извѣстно, гдѣ ихъ можно получить хорошаго качества.

Для осмотра же и приобрѣтенія или заказа на мѣстѣ остальныхъ учебныхъ пособій, а равно для ознакомленія съ реальными учебными заведениями Германіи, Австріи и Бельгіи и для осмотра учебныхъ пособій на Вѣнской всемірной выставкѣ, были командированы, съ Высочайшаго разрѣшенія, тотъ же г. Эвальдъ и учитель физики и химіи С.-Петербургскаго реального училища Ковалевскій.

Какъ книги, такъ и прочія учебныя пособія, рѣшено приобрѣсти каждаго названія по 25 экземпляровъ, примѣрно на слѣдующую сумму:

1. Книгъ для фундаментальной бібліотеки каждаго училища:

а) на русскомъ языкѣ на сумму	1.167 руб. 64 коп.
б) на иностранныхъ языкахъ на сумму	1.277 " 56 "
Итого	2.445 руб. 20 коп.

2. Учебныхъ пособій:

а) по преподаванію математики	176 руб. — коп.
б) " " физики	2.220 " 50 "
в) " географіи и исторіи	110 " 50 "
г) " естественной исторіи	207 " — "
д) " рисованію и черченію	642 " 90 "
е) " пѣнію	33 " 75 "
Итого пособій на	3.390 руб. 65 коп.
книгъ "	2.445 " 20 "

а для всѣхъ 25-ти училищъ на сумму 145.896 руб. 25 коп.

Покупка и заказы были поручены въ частности г. Эвальду, который исполнилъ это порученіе съ такимъ успѣхомъ, что уже вскорѣ послѣ возвращенія его, въ половинѣ августа, изъ-за границы, именно

въ сентябрѣ мѣсяцѣ, стали получаться купленные имъ за границею книги и тѣ изъ учебныхъ пособій, которыя можно было имѣть готовыми и между коими особенно важны для реальныхъ училищъ пособия по рисованію и черченію.

Кромѣ гг. Эвальда и Ковалевскаго, бѣзъ командированъ на три мѣсяца за границу дѣйствительный статскій совѣтникъ Гезенъ, съ спеціальною цѣлью ознакомиться съ состояніемъ въ западной Европѣ реального, или средняго технического образованія и съ устройствомъ существующихъ тамъ по этой части учебныхъ заведеній. Отчетъ объ этой командировкѣ началъ печататься въ настоящей книгѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*.

Одновременно съ этими мѣрами, министерство сочло необходимымъ заранѣе озаботиться подготовкою учителей для главныхъ спеціальныхъ предметовъ преподаванія въ реальныхъ училищахъ. Для этой цѣли было предположено вызвать извѣстное число молодыхъ людей изъ окончившихъ съ успѣхомъ курсъ наукъ въ русскихъ университетахъ, съ тѣмъ, чтобъ они въ продолженіе двухъ лѣтъ изучали назначенные имъ предметы въ разныхъ высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ, по указанію министерства, съ полученіемъ ежегодной стипендіи по 1.000 руб. и съ обязательствомъ прослужить по 6 лѣтъ учителями избранныхъ ими предметовъ въ реальныхъ училищахъ, также по назначенію министерства. По сообщеніи объ этомъ предположеніи гг. попечителямъ учебныхъ округовъ циркуляромъ отъ 13-го апрѣля 1873 года, отъ нихъ были получены свѣдѣнія, по которымъ 20 молодыхъ людей изъявили желаніе получить стипендію—10 по части химіи и столько же— по части механики. Изъ нихъ было разрѣшено дать стипендію шестерымъ изъ желающихъ быть учителями химіи и всѣмъ десяти готовящимся въ учителя механики, къ которымъ причисленъ еще кончившій курсъ наукъ въ Михайловской артиллерійской академіи по 1-му разряду, служившій потомъ по телеграфному вѣдомству титулярный совѣтникъ Николаевъ, изъявившій также желаніе получить стипендію.

Для занятій стипендіатовъ по части химіи, на первый годъ были назначены высшія техническія училища: Ахенское политехническое и Люттихское спеціальное, состоящее при тамошнемъ университетѣ. Стипендіатамъ же, готовящимся въ учителя механики, назначено заниматься въ Императорскомъ Московскомъ техническомъ училищѣ, при коемъ устроены обширныя механическія мастерскія, гдѣ практическія работы по всѣмъ отраслямъ механики производятся система-

тически, подѣ наблюдениемъ и руководствомъ опытныхъ преподавателей, такъ что обучающіеся въ этомъ заведеніи могутъ по всѣмъ частямъ машиностроенія достигнуть основательныхъ познаній и умѣній, необходимыхъ для вполне удовлетворительнаго преподаванія практической механики. Министерство обращалось по этому поводу къ Его Императорскому Высочеству принцу Петру Георгіевичу Ольденбургскому, какъ главному начальнику технического училища, съ почтительнѣйшею просьбою о разрѣшеніи допустить стипендіатовъ, готовящихся въ учителя механики, къ занятіямъ въ означенномъ училищѣ.

На основаніи § 13-го Высочайше утвержденного 15-го мая 1872 года устава реальныхъ училищъ, объемъ преподаванія предметовъ учебнаго курса, а равно и распредѣленіе онаго по классамъ, опредѣляются учебными планами, издаваемыми отъ министерства народнаго просвѣщенія.

Для составленія этихъ учебныхъ плановъ была учреждена коммиссія подѣ предсѣдательствомъ бывшаго товарища министра, статсъ-секретаря Делянова, въ коей участвовали: членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія Георгіевскій, состоящій при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Гезенъ, директоръ С.-Петербургскаго реального училища Эвальдъ, директоръ ремесленнаго училища Іерабко, а составленіемъ плановъ преподаванія спеціально занимались:

По закону *Божію* — преподаватель С.-Петербургскаго реального училища, протоіерей Черепнинъ.

По *русскому языку* — гг. Гавриловъ, Скопинъ и Геннингъ.

По *французскому языку* — г. Варонъ.

По *нѣмецкому языку* — г. Маакъ.

По *исторіи* — гг. Беллярминовъ и Анонимовъ.

По *рисованію и черченію* — гг. Эвальдъ, Іерабко, Гришинъ и Аргамаковъ.

По *математикѣ* — помощникъ попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа Яновскій, академики Чебышевъ и Сомовъ, и гг. Дмитріевъ, Гришинъ, Латышевъ и Томасъ.

По *естественной исторіи* — гг. Ходневъ, Довнаръ и Федоровъ.

По *физикѣ* — гг. Ходневъ, Довнаръ, Дмитріевъ, Ковалевскій и преподаватель физики въ Пажескомъ корпусѣ, дѣйств. статскій сов. Эвальдъ.

По *химіи* — гг. Ходневъ, Ковалевскій и Меншуткинъ.

По *механикѣ* — гг. Чебышевъ, Сомовъ, Окатовъ, Довнаръ, Дмитріевъ и Евневичъ.

По *письмоводству, книговодству и счетоводству* — г. Повѣткинъ.

По *моделированію* — г. Іерабко.

По *землемерию и нивелированію* — г. Андреевъ, профессоръ института путей сообщенія.

По *общему строительному искусству* — г. Бернгардъ, директоръ строительнаго училища.

По *химической технологіи* — гг. Ходневъ, Меншуткинъ и Лабзинъ.

По *работамъ въ лабораторіи* — гг. Меншуткинъ и Ковалевскій.

По *коммерческой географіи* — г. Вреденъ, доцентъ, нынѣ экстраординарный профессоръ С.-Петербургскаго университета.

Составленные въ отдѣльныхъ комитетахъ изъ спеціалистовъ планы преподаванія были подвергнуты разсмотрѣнію въ засѣданіяхъ коммисіи и, по окончательномъ ихъ исправленіи, 9-го мая были утверждены министромъ народнаго просвѣщенія и напечатаны въ іюньской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*.

Такъ какъ новоучреждаемыя реальныя училища открываются на первое время не въ полномъ составѣ, то министерство, озабочиваясь возможнымъ обезпеченіемъ въ средствахъ къ жизни директоровъ и учителей этихъ училищъ, испросило Высочайшее разрѣшеніе производить директорамъ содержаніе въ томъ размѣрѣ, въ какомъ оно будетъ слѣдовать занимающимъ эти должности, когда въ училищахъ будутъ открыты всѣ классы, а учителямъ за 12 уроковъ, хотя бы дѣйствительно они имѣли меньшее число уроковъ.

Для поощренія ученыхъ къ составленію учебныхъ руководствъ для среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, 15-го мая 1873 года было Высочайше утверждено учрежденіе премій Императора Петра Великаго за лучшія учебныя руководства и пособія, а равно и за книги для народнаго чтенія. На основаніи послѣдовавшаго затѣмъ Положенія отъ 4-го августа, утвержденнаго г. управлявшимъ министерствомъ, для соисканія премій по разряду реальныхъ училищъ на 1874-й годъ назначены руководства по механикѣ и составленію исполнительныхъ чертежей машинъ, каковой конкурсъ, за непредставленіемъ къ 1-му ноября 1873 года вполнѣ оконченныхъ сочиненій, продолженъ еще на одинъ годъ.

Такимъ образомъ, министерство приняло всѣ зависящія отъ него мѣры какъ вообще для устройства новыхъ реальныхъ училищъ, такъ

въ частности, для снабженія ихъ учебными пособиями и для привлеченія и подготовки необходимыхъ для нихъ въ настоящее время и въ близкомъ будущемъ преподавателей.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра, 27-го февраля 1873 года Всемилостивѣйше соизволилъ: предоставить педагогическимъ совѣтамъ реальныхъ училищъ право производить спеціальныя испытанія на званіе учителя уѣзднаго училища, домашнихъ учителей и учительницъ, учителей и учительницъ приходскаго и начальнаго народныхъ училищъ и частнаго начальнаго учителя и учительницы, и на право полученія перваго класснаго чина, за исключеніемъ лишь званія домашняго учителя и учительницы древнихъ языковъ.

Того же 27-го февраля Высочайше утверждена форма одежды для учениковъ реальныхъ училищъ.

10-го марта утвержденъ г. министромъ уставъ ссудо-сберегательной кассы при Ровенскомъ реальномъ училищѣ, а 5-го мая—при Виленскомъ.

30-го апрѣля Государь Императоръ соизволилъ на наименованіе открываемаго въ Ростовѣ на Дону реального училища „Петровскимъ“.

ВѢДОМОСТЬ

реальнымъ училищамъ, открытымъ въ 1873 году, на основаніи Высочайше-утвержденнаго 15-го мая 1872 года устава сихъ училищъ.

№№ по порядку.	Въ какой мѣстности.	Въ какомъ числѣ классовъ.	Средства содержанія.	Время открытія.
1	Въ С.-Петербургѣ (второе).	Шестиклассное съ высшимъ дополнительнымъ классомъ и съ тремя отдѣленіями при ономъ. Въ 1873 г. открыты низшіе 4 класса.	На средства казны 37.880 руб.	14 октября.
2	Во Псковѣ.	Изъ 4-хъ классовъ съ основнымъ и коммерческимъ отдѣленіями и съ механическимъ въ высшемъ дополнительномъ классѣ. Въ 1873 г. открыты 3-й и 4-й классы.	На средства казны 25.525 руб.; 20 ноября городская дума постановила отпустить съ 1874 года 1.000 р., а земство приняло на свой счетъ содержаніе 1-го и 2-го классовъ съ 1 іюля 1874 г.	30 августа.
3	Въ Москвѣ.	Изъ 6 классовъ съ обоими отдѣленіями и съ механическимъ и химическимъ отдѣленіями въ высшемъ дополнительномъ классѣ. Въ 1873 г. открыты 4-е низшіе класса.	На средства казны 34.680 руб.	2 октября.
4	Въ Одессѣ.	Изъ 6 классовъ съ основнымъ отдѣленіемъ и съ механическимъ и химическимъ отдѣленіями въ высшемъ дополнительномъ классѣ. Въ 1873 г. открыты 4-е низшіе класса.	На средства казны 26.180 руб.	2 сентября.

№№ по порядку.	Въ какой мѣстности.	Въ какомъ числѣ классовъ.	Средства содержанія.	Время открытія.
5	Въ Николаевѣ.	Изъ 4 классовъ съ основнымъ отдѣленіемъ и съ механическимъ отдѣленіемъ въ дополнительномъ классѣ. Въ 1873 г. открыты 4-е низшіе класса.	На средства казны 19.425 руб.	28 октября.
6	Въ Череповцѣ.	Изъ 6 классовъ безъ коммерческаго отдѣленія съ механическимъ отдѣленіемъ въ высшемъ дополнительномъ классѣ. Въ 1873 году открыты 2 низшіе класса.	Изъ казны 22.345 р. и отъ города 2.000 руб. Единновременно 25.000 р. на постройку дома; до постройки же дома наемъ помѣщенія для училища городъ принялъ на свой счетъ.	30 августа.
7	Въ Кропштадтѣ.	Изъ 6 классовъ безъ коммерческаго отдѣленія съ механическимъ отдѣленіемъ въ высшемъ дополнительномъ классѣ. Въ 1873 году открыты 2 низшіе класса.	Изъ казны 20.525 р. и отъ города 3.820 руб., а помѣщеніе на счетъ города.	3 октября.
8	Въ Костромѣ.	Изъ 4 классовъ съ коммерческимъ отдѣленіемъ и съ механическимъ отдѣленіемъ въ высшемъ дополнительномъ классѣ. Въ 1873 г. открыты 3-й и 4-й классы.	Изъ казны 17.425 р. и отъ города 2.000 руб. и помѣщеніе.	21 августа.
9	Въ Иваново-Вознесенск. (Шуйск. уѣз. Владимір. г.)	Изъ 6 классовъ съ обонимъ отдѣленіями и съ механическимъ и химическимъ отдѣленіями въ высшемъ дополнительномъ классѣ. Въ 1873 году открыты 2 низшіе класса.	Изъ казны 24.680 р., а отъ общества 5.000 р. и помѣщеніе, и сверхъ того, одновременно на постройку дома 20.000 руб.	5 сентября.
10	Въ Зарайскѣ (Рязанск. г.)	Изъ 6-ти классовъ приспособленное къ потребностямъ техническимъ съ преобладаніемъ химіи. Въ 1873 году открыты 2 низшіе класса.	Изъ казны 17.600 р. а отъ города 4.000 руб. и помѣщеніе.	1 октября.

№№ по порядку.	Въ какой мѣстности.	Въ какомъ числѣ классовъ.	Средства содержанія.	Время открытія.
11	Въ Харьковѣ.	Изъ 6 классовъ съ двумя отдѣленіями и механическимъ отдѣленіемъ въ высшемъ дополнительномъ классѣ. Въ 1873 г. открыты 4-е низшіе класса.	Изъ казны 27.845 р., а отъ города мѣсто подъ постройку дома и одновременно 10.000 р. на постройку дома.	11 ноября.
12	Въ Курскѣ	Изъ 6 классовъ съ двумя отдѣленіями и механическимъ отдѣленіемъ въ высшемъ дополнительномъ классѣ. Въ 1873 г. открыты 4-е низшіе класса.	Изъ казны 20.345 р., а отъ города 7.500 руб. и помѣщеніе.	—
13	Въ Орлѣ.	Изъ 4 классовъ съ обоими отдѣленіями и съ механическимъ отдѣленіемъ въ высшемъ дополнительномъ классѣ. Въ 1873 г. открыты два низшіе класса.	Изъ казны 17.925 р., а отъ города 5.000 руб. и помѣщеніе, и одновременно 10.000 руб.	31 августа.
14	Въ Ливнахъ	Изъ 6 классовъ съ двумя отдѣленіями. Въ 1873 г. открыты два низшіе класса.	Изъ казны 20.100 р., а отъ города 5.000 руб. и помѣщеніе, и одновременно 6.000 руб.	22 августа.
15	Въ Сумахъ	Изъ 4 классовъ съ обоими отдѣленіями и съ механическимъ и химическимъ отдѣленіями въ высшемъ дополнительномъ классѣ. Въ 1873 г. открыты два низшіе класса.	Изъ казны 24.760 р., а отъ города помѣщеніе и одновременно 49.000 руб.	14 октября.
16	Въ Сызрани.	Изъ 6 классовъ съ двумя отдѣленіями. Въ 1873 г. открыты три низшіе класса.	Изъ казны 20.100 р., а отъ города 5.000 руб. и помѣщеніе.	20 октября.
17	Въ Саратовѣ.	Изъ 6 классовъ съ однимъ коммерческимъ отдѣленіемъ. Въ 1873 г. открыты 4-е низшіе класса.	Изъ казны 21.100 р., а отъ совета при евангелическо-лютеранской церкви 500 руб. и помѣщеніе.	23 сентября.

№№ по порядку.	Въ какой мѣстности.	Въ какомъ числѣ классовъ.	Средства содержанія.	Время открытія.
18	Въ Книшпесвѣ.	Изъ 4 классовъ съ основнымъ отдѣленіемъ и съ механическимъ отдѣленіемъ въ высшемъ дополнительномъ классѣ. Въ 1873 г. открыты три низшіе класса.	Изъ казны 12.675 р., а отъ города и земства 10.000 руб.	6 декабря.
19	Въ Киевѣ.	Изъ 6 классовъ съ общими отдѣленіями и съ механическимъ отдѣленіемъ въ высшемъ дополнительномъ классѣ. Въ 1873 г. открыты 4-е низшіе класса.	Изъ казны 32.553 р., а на постройку дома пожертвовано г. Демидовымъ княземъ Санъ-Донатомъ 73.266 руб.	1 июля.
20	Въ Кременчугѣ. <i>Александровское.</i>	Изъ 6 классовъ съ тремя отдѣленіями въ высшемъ дополнительномъ классѣ. Въ 1873 г. открыты 4-е низшіе класса.	Изъ казны 15.127 р., а отъ города 15.250 рублей.	1 июля.
21	Въ Ростовѣ (на Дону). <i>Петровское.</i>	Изъ 6 классовъ съ общими отдѣленіями.	Содержаніе этихъ трехъ училищъ принято съюзна на мѣстныхъ средства.	8 сентября.
22	Въ Екатеринбургѣ. <i>Александровское.</i>	Изъ 4 классовъ съ двумя отдѣленіями въ дополнительномъ классѣ (горнозаводскимъ и механико-техническимъ). Въ 1873 г. открыты два низшіе класса.		21 октября.
23	Въ Сарепулѣ.	Изъ 4 классовъ, приспособленное къ механико-техническимъ потребностямъ.		11 февраля.

У. Женскія гимназiи и прогимназiи.

Женскія гимназiи и прогимназiи, существующiя на основанiи положенiя, Высочайше утвержденнаго 24-го мая 1870 года, содержатся преимущественно на счетъ городскихъ обществъ, земствъ и пожертвованiй частныхъ лицъ; изъ государственнаго казначейства онѣ получаютъ только пособiе, сравнительно незначительное; въ истекшемъ году размѣръ этого пособiя увеличился на 25 т. руб., дошедши до общей цифры 125 т. рублей.

Относительно способа управленiя означенными гимназiями и прогимназiями сдѣланы въ 1873 году два существенныя улучшенiя. При женскихъ гимназiяхъ и прогимназiяхъ состоятъ совѣты: попечительный — для ближайшаго содѣйствiя успѣшному со стороны общества развитiю гимназiй и прогимназiй, и педагогическiй — для разрѣшенiя вопросовъ, относящихся до учебной и воспитательной части. Въ составъ попечительнаго совѣта, кромѣ непремѣнныхъ членовъ, къ которымъ относятся попечительницы, начальницы гимназiй и мѣстный представитель учебнаго вѣдомства, входятъ лица обоаго пола избираемыя тѣми сословiями и обществами, которыя содержатъ на свой счетъ гимназiи или прогимназiи. Число такихъ выборныхъ членовъ до сихъ поръ не было опредѣлено, и потому, во избѣжанiе неудобствъ управленiя при слишкомъ многочисленномъ составѣ, постановлено ограничить число выборныхъ членовъ 12-ю, что, съ присоединенiемъ еще непремѣнныхъ членовъ, вполне обезпечиваетъ интересы мѣстныхъ обществъ по отношенiю къ управленiю и контролю за ходомъ дѣлъ въ гимназiи или прогимназiи. Мѣстнымъ представителемъ учебнаго вѣдомства въ попечительномъ совѣтѣ считается, по положенiю 24-го мая 1870 г., директоръ мѣстной гимназiи, или, гдѣ нѣтъ гимназiи, штатный смотритель уѣзднаго училища; какъ председателю педагогическаго совѣта, ему принадлежитъ и главное руководство учебною и воспитательною частью въ гимназiи или прогимназiи. Такое постановленiе представляло значительное неудобство, потому что во многихъ городахъ, гдѣ имѣются женскiя гимназiи и прогимназiи и гдѣ нѣтъ мужскихъ гимназiй, въ послѣднее время открыты были реальныя училища и мужскiя прогимназiи, начальники которыхъ, какъ лица съ высшимъ образованiемъ, могли бы съ большею пользою для дѣла, чѣмъ штатные смотрители уѣздныхъ училищъ, руководить мѣстнымъ женскимъ воспитанiемъ; притомъ же съ имѣющимъ послѣдовать въ недалекомъ будущемъ преобразованiемъ

уѣздныхъ училищъ въ городскія, послѣдними будутъ завѣдывать инспекторы-учители, а не штатные смотрители.

Неудобства эти устранены пилѣ предоставленіемъ, съ Высочайшаго соизволенія 8-го октября 1873 г., обязанностей представителя учебнаго вѣдомства въ попечительномъ и педагогическомъ совѣтахъ женскихъ гимназій и прогимназій въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ мужской гимназій, — директорамъ реальныхъ училищъ и инспекторамъ мужскихъ прогимназій, при чемъ рѣшено только въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ ни реальныхъ училищъ, ни мужскихъ прогимназій, поручать означенныя обязанности штатнымъ смотрителямъ уѣздныхъ училищъ, съ преобразованиемъ же сихъ послѣднихъ — инспекторамъ учителямъ городскихъ училищъ.

Къ числу женскихъ прогимназій, существующихъ по положенію 24-го мая 1870 г., присоединились въ 1873 году открытыя на счетъ мѣстныхъ городскихъ обществъ и земства три прогимназій: въ Старой Русѣ (Новгород. губ.), въ Переяславѣ и Зеньковѣ (Полтавской губ.) и, сверхъ того, внесено въ государственный совѣтъ представленіе объ учрежденіи, на счетъ государственнаго казначейства, женской русской прогимназій въ Ревелѣ, подобно тому, какъ существуетъ женская русская гимназія въ Ригѣ, въ короткое время обратившая на себя вполне заслуженное вниманіе мѣстнаго русскаго общества.

Независимо отъ постоянныхъ пожертвованій на содержаніе женскихъ гимназій и прогимназій, въ 1873 году сдѣлано было значительное число пожертвованій со стороны частныхъ лицъ на учрежденіе постоянныхъ стипендій въ разныхъ женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, а Петрозаводское губернское земское собраніе уступило принадлежащій ему каменный домъ подъ помѣщеніе Петрозаводской Маріинской женской гимназій.

VI. Городскія училища.

Городскія училища, на основаніи положенія Высочайше утвержденнаго для нихъ 31-го мая 1872 года, должны замѣнить нынѣ существующія въ городахъ приходскія и уѣздныя училища и образовать такія элементарныя школы, которыя совмѣщали бы въ себѣ курсы приходскихъ и уѣздныхъ училищъ, давая законченное общее начальное образованіе и доставляя, по возможности, такія прикладныя знанія, которыя удовлетворяли бы нуждамъ мѣстнаго городского населенія. Въ основаніе городскихъ училищъ положена, въ противоположность

уѣзднымъ училищамъ, система классныхъ учителей, по которой въ каждомъ классѣ одинъ и тотъ же учитель долженъ преподавать всѣ предметы, за исключеніемъ закона Божія, возлагаемаго на законоучителя изъ священниковъ. Поэтому, за неизмѣненіемъ у насъ классныхъ учителей, при господствовавшей доселѣ системѣ учителей предметныхъ,— вмѣстѣ съ утвержденіемъ положенія о городскихъ училищахъ, предположено для образованія классныхъ учителей учредить семь учительскихъ институтовъ, изъ которыхъ два уже открыты въ С.-Петербургѣ и Москвѣ и два предположены къ открытію въ Кіевскомъ и Одесскомъ округахъ въ 1874 году, и затѣмъ, по мѣрѣ изготовленія учителей, производить постепенно преобразование уѣздныхъ училищъ въ городскія, что можетъ начаться не ранѣе 1875 года. Тѣмъ не менѣе учрежденіе городскихъ училищъ примѣнительно къ положенію 31-го мая 1872 года началось. Городскія училища въ трехклассномъ составѣ открыты въ 1873 году: въ Варшавѣ, въ замѣнъ существовавшего тамъ уѣзднаго училища, и въ Ревелѣ, по случаю соединенія двухъ русскихъ начальныхъ училищъ въ одно съ отнесеніемъ въ томъ и другомъ училищѣ средствъ содержанія на счетъ государственнаго казначейства. Въ Бердянскѣ (Таврической губ.), по случаю преобразованія тамошняго уѣзднаго училища въ прогимназію, открыто, согласно ходатайству земства и городского общества и на ихъ счетъ, также городское училище въ двухклассномъ составѣ, на основаніи положенія и штата о городскихъ училищахъ; изъ государственнаго казначейства въ пособіе на содержаніе этой школы назначено по 1.000 руб. въ годъ.

Примѣненіе положенія 31-го мая 1872 года о городскихъ училищахъ и учительскихъ институтахъ совершено было въ 1873 году въ гораздо болыпихъ размѣрахъ относительно еврейскихъ училищъ. Для образованія евреевъ въ западныхъ губерніяхъ имперіи существовали до сихъ поръ еврейскія начальныя училища 2-го разряда, соответствующія курсу уѣздныхъ училищъ, и 1-го разряда, примѣненныя къ курсу приходскихъ училищъ; первыхъ было къ началу 1873 года всего 4 съ 172 учащихся, и послѣднихъ 100, съ 4.732 учащихся. Училища эти учреждены были еще съ 1844 года, съ одной стороны потому, что евреи избѣгали въ то время общихъ учебныхъ заведеній, а съ другой, для того, чтобы ознакомленіемъ въ этихъ училищахъ евреевъ съ русскимъ языкомъ и воспитаніемъ въ нихъ русскаго склада понятій постепенно пріучить ихъ ко вступленію въ общія учебныя заведенія. Въ то же время учреждены были, вмѣстѣ съ еврейскими

начальными училищами, раввинскія училища въ Вильнѣ и Житомирѣ, на которыя возложено было приготовленіе учителей для еврейскихъ начальныхъ училищъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, образованіе ученыхъ раввиновъ, которые своею дѣятельностію и своимъ вліяніемъ способствовали бы просвѣщенію массы еврейскаго населенія. Причины, вызывавшія учрежденіе отдѣльныхъ еврейскихъ училищъ 30 лѣтъ тому назадъ, въ настоящее время почти уже не существуютъ: отчужденіе еврейскаго населенія отъ посѣщенія общихъ учебныхъ заведеній значительно ослабѣло; еврейскія училища 2-го разряда все болѣе и болѣе оскудѣваютъ числомъ учащихся и даже училища 1-го разряда привлекаютъ къ себѣ учащихся преимущественно въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ, по значительному числу еврейскаго населенія, оказывается недостатокъ въ общихъ училищахъ. Съ другой стороны, и раввинскія школы не оправдали на дѣлѣ ожиданій правительства. Задавшись двойною задачею—приготавливать учителей и раввиновъ, они не могли достигнуть ни той, ни другой цѣли. Приготавливаемые въ этихъ училищахъ раввины, при невозможности усвоить себѣ обширный кругъ познаній, необходимыхъ для этого званія, не удовлетворяли требованіямъ еврейскаго общества и не пользовались его довѣріемъ. Еще менѣе удовлетворительными оказались учителя, выходящіе изъ раввинскихъ училищъ: въ учебномъ курсѣ этихъ школъ не проходились вовсе самые необходимые педагогическіе предметы и будущіе учителя, за неимѣніемъ при раввинскихъ училищахъ образцовыхъ начальныхъ училищъ, не упражнялись даже въ практикѣ преподаванія.

По всѣмъ вышеизложеннымъ соображеніямъ, въ министерствѣ народнаго просвѣщенія составленъ былъ новый планъ для еврейскаго образованія, болѣе соотвѣтствующій современнымъ требованіямъ, и 16-го марта 1873 г. удостоились Высочайшаго утвержденія основныя положенія этого плана, по которому постановлено: еврейскія училища 2-го разряда вовсе упразднить, а училища 1-го разряда оставить только въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ, при многочисленности еврейскаго населенія, число общихъ училищъ окажется недостаточнымъ, преобразовавъ ихъ при этомъ въ еврейскія начальныя училища, примѣнительно къ положенію о городскихъ училищахъ 31-го мая 1872 года; точно также и раввинскія училища въ Вильнѣ и Житомирѣ преобразовать въ еврейскіе учительскіе институты, соотвѣтственно положенію 31-го мая 1872 года объ учительскихъ институтахъ и съ исключительною цѣлью приготовленія учителей для начальныхъ еврейскихъ учи-

лицъ. Имѣстѣ съ тѣмъ, 24-го марта 1873 утверждены г. министромъ, на означенныхъ основаніяхъ, положенія объ еврейскихъ начальныхъ училищахъ и еврейскихъ учительскихъ институтахъ. Въ теченіе 1873 года оба раввинскія училища уже преобразованы въ еврейскіе учительскіе институты, еврейскія училища 2-го разряда закрыты, а къ преобразованію еврейскихъ училищъ 1-го разряда въ начальные училища, на основаніи новаго положенія, будетъ приступлено по мѣрѣ приготовления преподавателей для нихъ въ еврейскихъ учительскихъ институтахъ.

VII. Начальные народныя училища.

Въ дѣлѣ развитія начальныхъ народныхъ училищъ вниманіе министерства народнаго просвѣщенія преимущественно обращено было на расширеніе и упроченіе способовъ приготовленія способныхъ учителей, на усиленіе матеріальныхъ средствъ училищъ и на установленіе такого управленія училищами, при которомъ представлялась бы возможность давать имъ правильное направленіе путемъ постояннаго и разумнаго контроля.

Къ 1-му января 1873 года для приготовленія учителей начальныхъ училищъ состояло 42 учительскихъ семинарій и школъ, въ томъ числѣ 30 содержимыхъ на счетъ правительства, 11 земскихъ школъ и семинарій и 1 существующая подъ названіемъ учительскаго института на пожертвованіе частнаго лица. Истекшій 1873 годъ оказался, какъ и прежніе годы, благопріятнымъ для дальнѣйшаго развитія этого важнаго дѣла. Въ теченіе этого года вновь учреждена на счетъ правительства учительская семинарія въ Красноярскѣ (Енисейской губ.) съ отпускомъ на ея содержаніе 16,810 руб. ¹⁾ Имѣвшееся въ виду предположеніе объ учрежденіи второй учительской семинаріи въ прибалтійскихъ губерніяхъ для образованія учителей, знающихъ русскій языкъ, для сельскихъ православныхъ училищъ Дерптскаго округа, хотя и не состоялось, но, въ замѣтъ этого, съ тою же цѣлію, въ Рижской учительской семинаріи назначено имѣть, сверхъ 60 стипендіатовъ, еще 30 для замѣщенія ими учительскихъ мѣстъ въ Эстляндской губерніи, вслѣдствіе чего штатъ содержанія Рижской учительской семинаріи, съ прибавленіемъ къ нему до-

¹⁾ Высочайше утвержденное 24-го апрѣля 1873 г. мнѣніе государственнаго совѣта.

полнительной суммы 6.510 руб., увеличился до 24,320 руб. ¹⁾ На значеніе стипендій при готовой уже учительской семинаріи, достигая той же цѣли, представляется болѣе удобнымъ въ экономическомъ отношеніи, чѣмъ открытіе новой учительской семинаріи. По этому, для образованія учителей въ селеніяхъ казачьяго уральскаго войска учреждено также 12 стипендій при Самарской учительской семинаріи. Крайній недостатокъ въ учителяхъ оказался особенно чувствительнымъ въ учебныхъ округахъ: С.-Петербургскомъ, Московскомъ, Харьковскомъ, Казанскомъ и Одесскомъ, гдѣ изъ 11.000 школъ, по донесеніямъ инспекторовъ народныхъ училищъ, болѣе 500 не имѣютъ вовсе учителей и болѣе 3.000 остаются, по необходимости, при учителяхъ негодныхъ и малограмотныхъ, случайно появившихся на педагогическое поприще и терпимыхъ только потому, что ихъ не кѣмъ замѣнить. Десяти учительскихъ семинарій, существующихъ уже въ этихъ округахъ, конечно, недостаточно при такихъ неблагоприятныхъ условіяхъ, а потому министерство народнаго просвѣщенія признало необходимымъ учредить еще 5 учительскихъ семинарій по одной въ каждомъ изъ означенныхъ округовъ. Представленіе по этому предмету въ государственный совѣтъ удостоилось 11-го ноября 1873 года Высочайшаго утвержденія, съ назначеніемъ изъ государственнаго казначейства 84.050 р. на содержаніе 5-ти семинарій, которыя предположено открыть въ 1874 году.

Кромѣ правительственныхъ учительскихъ семинарій, въ теченіе 1873 года открыты: земская учительская школа въ Курскѣ, на счетъ земства Курской губерніи, и женская учительская семинарія въ Москвѣ, учрежденная г-жею Чепелевскою при братствѣ Св. Равноапостольной Маріи. Семинарія эта образовалась изъ педагогическихъ курсовъ, существовавшихъ уже при означенномъ братствѣ съ 1869 года. Сверхъ того, въ 1873 году утвержденъ уставъ земской учительской школы для Пермской губерніи и разрѣшено открытіе самой школы въ одномъ изъ селеній этой губерніи.

Въ видахъ улучшенія существующихъ уже учительскихъ семинарій, постановлено ежегодно на будущее время командировать директоровъ и учителей учительскихъ семинарій за границу, гдѣ семинаріи успѣли уже упрочиться и достигнуть вполнѣ благоустроеннаго состоянія и по качеству учителей, и по методамъ преподаванія. По повости учрежденія и ограниченности штатныхъ суммъ на содержа-

¹⁾ Высочайше утвержденное 13-го іюля 1873 г. мнѣніе государственнаго совѣта.

ніе, многія изъ нашихъ учительскихъ семинарій встрѣчаютъ затрудненія въ правильномъ устройствѣ хозяйственной части; затрудненія эти отчасти устранены теперь вслѣдствіе Высочайше утвержденнаго 12-го марта доклада министра народнаго просвѣщенія, по которому суммы, назначенныя въ правительственныхъ учительскихъ семинаріяхъ учебныхъ округовъ: С.-Петербургскаго, Московскаго, Харьковскаго, Казанскаго и Одесскаго, по 2.000 руб. для каждой изъ нихъ на наемъ помѣщенія, разрѣшено въ тѣхъ семинаріяхъ, которыя имѣютъ готовые помѣщенія, устроенныя на мѣстныя средства, употреблять на другіе хозяйственные расходы. Разрѣшеніе это для такихъ семинарій равносильно прибавкѣ, и немаловажной, ежегоднаго содержанія, что весьма важно особенно въ первые года, требующіе усиленныхъ расходовъ на содержаніе. Въ Красноярской учительской семинаріи оставшаяся, за позднимъ ея открытіемъ и некомплектомъ служащихъ и учащихся, сумма 5.700 руб. употреблена, съ разрѣшенія г. министра народнаго просвѣщенія, на приобрѣтеніе учебныхъ пособій и лучшее устройство помѣщенія. Высочайше утвержденнымъ 25-го ноября 1873 года положеніемъ комитета по дѣламъ Царства Польскаго учреждены должности учителей черченія и чистописанія въ 8-ми учительскихъ семинаріяхъ Варшавскаго округа и имъ назначено изъ суммъ государственнаго казначейства ежегоднаго содержанія 3.880 руб. въ годъ, по 485 руб. учителю этихъ предметовъ въ каждой семинаріи. Улучшенію учительскихъ семинарій: въ селѣ Новомъ (Ярославской губ.) и въ селѣ Алферовѣ (Смоленской губ.) способствовали немало пожертвованія, сдѣланныя для первой въ размѣрѣ 5.000 руб. потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ Шубинымъ, и для второй, въ томъ же количествѣ, дворяниномъ Губонинимъ.

Независимо отъ учительскихъ семинарій, приготовленіе учителей въ 1873 году продолжалось и другими способами, менѣ совершенными, а именно—въ педагогическихъ курсахъ при нѣкоторыхъ уѣздныхъ училищахъ и при дирекціяхъ народныхъ училищъ. Этой же цѣли содѣйствовали и воскресныя школы, дѣйствовавшія въ 1873 г. при 36 духовныхъ семинаріяхъ и доставляющія практику въ начальномъ обученіи семинаристамъ, поступающимъ потомъ въ учителя начальныхъ училищъ; на поддержаніе такихъ воскресныхъ школъ выдано было изъ суммъ министерства народнаго просвѣщенія 11.000 руб. Для усовершенствованія лицъ, уже занимающихъ учительскія должности, въ продолженіе 1873 года, съ разрѣшенія министерства народнаго просвѣщенія, происходили также на прежнемъ основаніи въ

63-хъ мѣстностяхъ разныхъ губерній учительскіе съѣзды подъ руководствомъ опытныхъ педагоговъ, назначаемыхъ учебнымъ начальствомъ и подъ непосредственнымъ надзоромъ инспекторовъ народныхъ училищъ; расходы по этимъ съѣздамъ покрывались преимущественно средствами земства и о пользѣ такихъ съѣздовъ, знакомящихъ учителей съ дидактическими приемами преподаванія и съ лучшими учебниками, можно заключить уже изъ того, что съ каждымъ годомъ число съѣздовъ увеличивается: въ 1872 году ихъ было — 47, а въ 1873 году уже — 63, не считая еще съѣздовъ, происходившихъ въ разныхъ мѣстностяхъ Варшавскаго округа на счетъ суммъ министерства народнаго просвѣщенія. Въ Варшавскомъ округѣ собирався также съѣздъ начальниковъ учебныхъ дирекцій и руководителей учительскихъ семинарій для обсужденія разныхъ вопросовъ, касающихся учебной и воспитательной части начальнаго образованія.

Въ матеріальномъ отношеніи начальныя народныя училища и преимущественно сельскія школы представляются далеко не обеспеченными; значительная часть ихъ едва существуетъ, не смотря на всѣ усилія земства, мѣстныхъ обществъ и на содѣйствіе правительства. Кромѣ пособія существующимъ уже школамъ и приготовленія учителей, на министерствѣ народнаго просвѣщенія лежитъ обязанность снабженія школъ учебными пособиями, поддержаніе и дальнѣйшее развитіе двухклассныхъ и одноклассныхъ сельскихъ училищъ министерства, а также инородческихъ школъ, изданіе учебниковъ, покупка книгъ для чтенія и періодическихъ изданій для народныхъ школъ. На расходы эти, касающіеся собственно устройства и содержанія народныхъ училищъ, изъ государственнаго казначейства, по смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія на 1873 г., ассигновано было 612.344 руб., болѣе противъ 1872 года на 100.000 р., которые включены въ смѣту 1873 года по особому ходатайству г. министра народнаго просвѣщенія; но и эта сумма, при значительномъ числѣ училищъ, оказывается далеко недостаточною. По этому министерство народнаго просвѣщенія оказалось вынужденнымъ войти въ 1873 году съ новымъ представленіемъ въ государственный совѣтъ объ увеличеніи суммы на народныя училища еще на 200 тысячъ и о возвышеніи кредита по этому предмету до 812.344 руб.

Вновь испрашиваемый кредитъ не распространяется на училищатѣхъ 13 губерній, въ которыхъ не введены земскія учрежденія, именно Архангельской, Астраханской, Уфимской, Оренбургской, Виленской, Витебской, Могилевской, Гродненской, Ковенской, Минской, Киев-

ской, Подольской и Волынской. Число сельскихъ училищъ въ означенныхъ губерніяхъ крайне недостаточно и матеріальное обезпеченіе ихъ весьма скудно. При устройствѣ на 2.000 душъ населенія обоюго пола даже только по одной начальной школѣ (что весьма мало), потребовалось бы имѣть въ этихъ губерніяхъ 4.373 школы, а ихъ находится только 1.810; на содержаніе этихъ школъ, считая на каждую изъ нихъ только по 230 руб. на жалованье учителю, законочителю и на учебныя пособія, понадобилось бы ежегодно болѣе милліона рублей, не включая еще расходовъ по устройству помѣщенія, содержанія домовъ и прислуги, падающихъ на мѣстныя общества. Во всякомъ случаѣ, съ отнесеніемъ изъ этого милліона еще значительной части на средства мѣстныхъ сельскихъ обществъ и со включеніемъ сюда и тѣхъ суммъ, которыя идутъ уже въ пособіе начальнымъ училищамъ означенныхъ губерній изъ государственнаго казначейства, оказывается необходимымъ дополнителный кредитъ изъ суммъ государственнаго казначейства для училищъ поименованныхъ выше 13-ти губерній въ 540.000 руб., и сверхъ того, на организацію управленія училищами и на установленіе надлежащаго контроля, котораго теперь почти вовсе нѣтъ, потребуется еще до 92.000 руб. Какъ ни велика эта сумма, но министерство народнаго просвѣщенія, считая ее рѣшительно необходимою, вошло съ представленіемъ объ утвержденіи въ законодательномъ порядкѣ проекта устройства училищной части въ 13-ти губерніяхъ, гдѣ не введены земскія учрежденія, на вышеизложенныхъ основаніяхъ. Въ ожиданіи разрѣшенія этого вопроса, въ губерніяхъ, гдѣ не введены земскія учрежденія, для содержанія начальныхъ училищъ продолженъ, съ Высочайшаго соизволенія, и на 1873 годъ частный земскій сборъ съ государственныхъ крестьянъ, взиманіе котораго, въ видѣ временной мѣры, началось уже съ 1868 года. Сверхъ того, Высочайше утвержденнымъ 4-го сентября 1873 года мнѣніемъ государственнаго совѣта, на улучшеніе содержанія восьми приходскихъ училищъ въ городахъ Архангельской губерніи назначено, въ дополненіе къ прежнимъ суммамъ, ежегодно по 2.525 руб. Съ цѣлью усиленія контроля, въ губерніяхъ Киевской, Подольской и Волынской къ существующимъ тамъ шести инспекторамъ народныхъ училищъ прибавлено еще шесть новыхъ инспекторовъ, что увеличило бюджетъ содержанія народныхъ училищъ на 1.000 руб. Накопецъ, въ Прибалтійскихъ губерніяхъ православныя сельскія училища, состоявшія до настоящаго времени въ вѣдѣніи епархіальнаго училищнаго совѣта, подчинены въ учебномъ отношеніи не-

посредственно попечителю Дерптскаго учебнаго округа, и для управленія этими училищами назначены два инспектора, съ ежегоднымъ содержаніемъ въ 4.500 руб. ¹⁾).

Вышеприведенныя частныя мѣры, безъ сомнѣнія, имѣютъ важное значеніе для устройства училищнаго управленія на правильныхъ основаніяхъ; но для полнаго достиженія этой цѣли необходимо приступить къ коренной реформѣ самаго управленія. Усиѣхи школъ не мыслимы безъ руководства ихъ лицами опытными въ педагогическомъ отношеніи и безъ сосредоточенія школьнаго дѣла въ учебномъ вѣдомствѣ, стоящемъ близко къ интересамъ начальнаго народнаго образованія. Недавній опытъ учрежденія инспекторовъ народныхъ училищъ доказалъ уже несомнѣнно эту истину; но при одномъ инспекторѣ на цѣлую губернію, контроль надъ училищами является крайне недостаточнымъ, а нынѣшнее устройство училищныхъ совѣтовъ, завѣдующихъ дѣлами начальныхъ училищъ, и поставленныхъ въ положеніе независимое отъ учебнаго начальства, уменьшаетъ еще болѣе значеніе инспекторовъ; при томъ же училищные совѣты болѣею частію даже и не собираются; вслѣдствіе того у насъ собственно и не существуетъ управленія начальными училищами, и министерство народнаго просвѣщенія крайне затруднено даже въ возможности слѣдить за ходомъ народнаго образованія и давать ему надлежащее направленіе, одинаковое для всѣхъ начальныхъ училищъ Имперіи. Для измѣненія такого ненормальнаго положенія необходимо сосредоточить главное завѣдываніе начальными училищами въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, увеличить число мѣстныхъ органовъ управленія, посредствомъ коихъ министерство могло бы имѣть надлежащую степенъ вліянія на школы, и дать другую организацію училищнымъ совѣтамъ. Съ этою цѣлью министерствомъ народнаго просвѣщенія въ истекшемъ году внесенъ былъ въ государственный совѣтъ проектъ измѣненія состава училищныхъ совѣтовъ и вообще управленія начальными училищами. По проекту этому предполагается для каждой изъ 34 губерній съ земскими учрежденіями имѣть особаго директора народныхъ училищъ и въ помощь ему еще четырехъ инспекторовъ, въ губернскихъ училищныхъ совѣтахъ возложить предсѣдательство на директора, а въ уѣздныхъ училищныхъ совѣтахъ — на инспектора народныхъ училищъ, и губернскіе училищные совѣты подчинить непосредственно попечителямъ учебныхъ округовъ.

¹⁾ Высочайше утвержденное 24-го апрѣля 1873 г. мнѣніе государственнаго совѣта.

Изъ этого краткаго обзорѣнія легко усмотрѣти, что дѣло нашего начальнаго народнаго образованія еще далеко не можетъ считаться устроеннымъ, что на пути его развитія сдѣланы до сихъ поръ еще только первые шаги, и что дальнѣйшіе его успѣхи находятся въ полной зависимости отъ разрѣшенія вышеизложенныхъ ходатайствъ министерства народнаго просвѣщенія объ усиленіи матеріальныхъ средствъ, необходимыхъ для содержанія училищъ.

ИЗВѢСТІЯ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И СОСТОЯНІИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

ВЫСШІЯ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ

О состояніи и дѣйствіяхъ въ 1872 году Харьковскаго и Дерптскаго ветеринарныхъ училищъ. — Мнѣніе ординарнаго профессора Харьковскаго университета Сокальскаго о необходимости раздѣлить преподаваніе политической экономіи и статистики между двумя лицами.

Ветеринарныя училища ¹⁾.

а) *Харьковское.*

Личный составъ преподавателей и другихъ служащихъ лицъ въ Харьковскомъ ветеринарномъ училищѣ по штату 12-го апрѣля 1850 года составляли: 3 профессора (одинъ изъ нихъ въ должности директора), 2 адъюнкта, законоучитель, ученый аптекарь, помощникъ ученаго аптекаря, прозекторъ зоотоміи, помощникъ его, учитель рисованія, ученый кузнецъ, берейторъ. Сверхъ того, положено два сверхштатныхъ адъюнкта для преподаванія вспомогательныхъ предметовъ, именно ботаники, зоологіи, сельскаго хозяйства и латинскаго языка. Остальные предметы: химія, физика, минералогія, французскій и нѣмецкій языки излагались отдѣльными пятью преподавателями университета и другихъ учебныхъ заведеній. Вакантными были слѣдующія должности: профессора, адъюнкта, сверхштатнаго адъюнкта, преподавателя русскаго языка и помощника ученаго кузнеца.

Совѣтъ училища въ теченіе 1872 года имѣлъ 27 засѣданій по разнымъ предметамъ. Для усиленія учебной дѣятельности, лучшимъ

---

¹⁾ Ветеринарныя училища въ Харьковѣ и Дерптѣ преобразованы въ Ветеринарные институты, согласно Высочайше утвержденнымъ 8-го мая 1873 года уставу и штату.

воспитанникамъ 1-го разряда назначены были стипендіи, а нѣкоторымъ выданы единовременныя пособія.

Учащіеся раздѣлялись на воспитанниковъ 1-го и 2-го разрядовъ. Первые получали образованіе учено-практическое, вторые—чисто-практическое. Сверхъ того, состоятъ внѣ разрядовъ изучающіе ветеринарно-фельдшерское искусство крестьяне и низшіе воинскіе чины. Къ 1-му января 1872 года всѣхъ учащихся было 110; въ 1872 году поступило 294, въ томъ числѣ: по 1-му разряду—192, по 2-му—88, крестьянскихъ мальчиковъ—14. Выбыло 49, въ томъ числѣ: по окончаніи курса—4, по прошенію, до окончанія курса—18, уволено за неимущество денегъ за слушаніе лекцій—27. Затѣмъ къ 1-му января 1873 года состояло 245. Удостоено званій ветеринарнаго врача—1, ветеринарнаго помощника—3. Изъ общаго числа воспитанниковъ было: стипендіатовъ училища—13, пансіонеровъ конно-заводскаго вѣдомства—16, своекоштныхъ—202 и поселянъ—14.

По финансовой смѣтѣ къ отпуску изъ государственнаго казначейства на 1872 годъ было ассигновано, за исключеніемъ вычета въ пенсійный капиталъ, 25.510 руб. 30 коп., въ томъ числѣ: на личный составъ—12.981 руб. 30 коп., на хозяйственныя расходы—3.725 руб., на учебныя пособія—3.755 руб., на стипендіи и экипировку—2.600 руб., на командировки преподавателей съ ученою цѣлію—595 руб., на награды и пособія—769 руб., на ремонтъ зданій—385 руб., на третельныя надобности—700. Спеціальныхъ средствъ, то-есть, сбора за слушаніе лекцій, вмѣстѣ съ остаткомъ отъ 1871 года въ количествѣ 439 руб. 97 коп., въ 1872 году состояло 1.685 руб. 37 коп. Изъ этой суммы въ 1872 году израсходовано 1.095 руб. 56 коп.; затѣмъ къ 1-му января 1873 года осталось 589 руб. 81 коп.

Учебно-вспомогательныя учрежденія находились въ слѣдующемъ положеніи: въ библіотекѣ къ 1-му января 1873 года состояло книгъ періодическихъ изданій 2.373 названій въ 3.897 томахъ; въ 1872 году приобрѣтено ихъ 171 въ 364 томахъ; затѣмъ къ 1-му января 1873 года имѣлось 2.610 названій въ 4.267 томахъ, цѣнностію до 997 руб. Въ кабинетахъ къ 1-му января 1873 года состояло препаратовъ, снарядовъ и другихъ предметовъ: въ зоотомическомъ—028, въ минералогическомъ—1.666, физическомъ—246, сельско-хозяйственномъ—43, хирургическомъ—82, физиологическомъ—51. Въ стеклѣ съ химическою лабораторіею учебныхъ пособій къ 1-му января 1873 года имѣлось 417.

Въ теченіе 1872 года въ клиникѣ училища пользовалось боль-

ныхъ животныхъ 1.013, изъ нихъ въ постоянной клиникѣ — 503 и въ амбулаторной—510. Изъ числа находившихся въ первой клиникѣ выздоровѣло 391, признано неизлѣчимыми и взято владѣльцами до окончанія исхода болѣзни — 29, пало — 83. Операций произведено было 66; изъ нихъ съ успѣхомъ — 43, безуспѣшно — 23.

б) Дерптское.

Въ Дерптскомъ ветеринарномъ училищѣ сообщалось образованіе учено-практическое.

Къ 1-му января 1872 года состояло въ училищѣ: воспитанниковъ — 25, постороннихъ слушателей — 2; въ теченіе 1872 года поступило 11, изъ нихъ 5 — изъ гимназій и 6 — изъ уѣздныхъ училищъ; выбыло: до окончанія курса — 2 (посторонніе слушатели), по окончаніи курса — 6 (воспитанники); затѣмъ къ 1-му января 1873 года состояло на лицѣ 28.

По штату личный составъ преподавателей и другихъ служащихъ по учебной части положенъ слѣдующій: профессоровъ — 3 (одинъ изъ нихъ исполнялъ должность директора училища), адъюнктовъ—2, ученый аптекарь, помощникъ его, 2 учителя закона Божія православнаго и лютеранскаго вѣроисповѣданій, прозекторъ, помощникъ прозектора, ученый кузнецъ, помощникъ его, ассистентъ при клиническомъ институтѣ, учитель рисованія. вспомоگательные предметы и русскій языкъ преподавались профессорами и доцентами Дерптскаго университета, съ платою за этотъ трудъ по числу лекцій. Вакантными были должности ученаго кузнеца и его помощника, котормъ замѣщены были вольнонаемными.

Въ теченіе 1872 года совѣтъ училища имѣлъ 37 засѣданій. Мѣры къ усиленію учебной дѣятельности воспитанниковъ заключались въ назначеніи лучшимъ изъ нихъ стипендій; контролемъ же надъ ихъ занятіями служили полугодичныя испытанія. Утверждено въ ученыхъ степеняхъ: магистра ветеринарныхъ наукъ—1, ветеринарнаго врача—5. итого 6 человекъ.

На заданную въ 1872 году, для соисканія награды, тему: „Vergleichende Darstellung der sogenannten böartigen Neubildungen der Hausthiere in Bezug auf ihren Bau, und ihre Uebertragbarkeit vom Thier auf Thier“, разсужденій представлено не было. На 1873 годъ совѣтомъ училища предложена слѣдующая задача: „Ueber die physiologische Wirkung des Chloralhydrats in Thierkörper“.

Въ 1872 году преподаватели напечатали слѣдующіе учено-лите

ратурные труды: профессоръ и директоръ *Ф. Унтербергеръ*: „Что Петръ Великій сдѣлалъ по скотоврачебной части въ Россіи“, „О чумѣ рогатаго скота и о мѣрахъ къ предохраненію и пресѣченію оной“, „Замѣтки, касающіяся ветеринаріи въ Россіи“, „Lojuste muhhuhaigusest“, въ эстонской газетѣ „Eesti Põllomees“. Профессоръ *Тессенъ*: „Die Rinderpest in einer Heerde von Steppenvieh auf dem Gute Schloss“, на нѣмецкомъ языкѣ, въ „Архивѣ ветеринарныхъ наукъ“, „Bemerkungen über die Tuberculose der Rinder. Fleischimport statt Vieheinfuhr. Vorschlag zur gründlichen Desinfection der Eisenbahnwaggons und des darin verführten Viehes. Ueber die möglichste Sicherung von Centralausstellungen vor ansteckenden Krankheiten unter den auszustellenden Thieren. Einrichtung eines Centralausstellungsstalles für Rinder und Kleinvieh“, „Die dritte gesammtrussische Pferdeausstellung“, „Zur Frage über die Selbstgeburt der Rinderpest“, „Verstecktheit der Tuberculose bei Kühen“, Die Beurtheilung von Pferden bei Ausstellungen“. Профессоръ *Розенбергъ*: „Ueber die Entwicklung des Extremitäten-Skeletes bei einigen durch Reduction ihrer Gliedmassen charakterisirten Wirbelthieren“. Профессоръ *А. Унтербергеръ*: „Ein Vortrag über die Nothwendigkeit und die Einrichtung von Schlachthäusern“, „Begutachtung eines von der Kaiserlichen Oecon. Societät zu Dorpat eingerichteten lettischen Werkes“. Профессоръ *Е. Земмеръ*: „Uebertragungsversuche der Perlsucht der Rinder auf Pferde und Fleischfresser“, „Veränderungen in den Digestionsorganen bei der Rinderpest“, „Der Cholera Darm“, „Rundwürmer in der Epidermis eines Pferdes“, „Constatirung eines Falles, wo 8 Stunden vor dem Tode Milzbrandbacterien gefunden wurden“, „Zur Pathologie des Milzbrandes“.

Средства содержанія училища заключались въ слѣдующемъ: а) по фипансовой смѣтѣ ассигновано было изъ государственнаго казначейства 27.788 руб.; б) за слушаніе лекцій собрано 90 руб., которое, вмѣстѣ съ остаткомъ суммы 1871 года, составили 102 руб. 88 коп., и в) пожертвованныхъ суммъ, вмѣстѣ съ остаткомъ отъ 1872 года, 866 руб., оставшіеся неизрасходованными. За продажу лекарствъ и содержаніе больныхъ животныхъ въ клиническихъ заведеніяхъ поступило 1.122 84½ коп., которые, по дѣйствующимъ постановленіямъ, поступили въ доходъ казны. Изъ свободныхъ остатковъ питательной суммы выдано было 10-и казеннокоштнымъ воспитанникамъ одновременно добавочной стипендіи по 100 руб. каждому, а изъ стипендіальной суммы 23 воспитанника получили опредѣленную уставомъ стипендію по 150 руб. въ годъ каждый.

Нѣкоторые изъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій находились въ слѣдующемъ положеніи. Въ библіотекѣ къ 1-му января 1873 года имѣлось 4.253 сочиненій въ 8.369 томахъ; въ физическомъ кабинетѣ—инструментовъ, снарядовъ и проч. 466 пумеровъ; химическій кабинетъ заключалъ 225 пумеровъ; фармакогностическій — 645 пумеровъ.

Большихъ животныхъ находилось въ клиникѣ къ 1-му января 1873 года 18, въ теченіе года прибыло 3.704; изъ нихъ пользовано: въ клиникахъ—333, амбулантно—1.650 и ввѣ училища—1.739; выздоровѣло—2.435, пало—77, предано смерти для анатомическо-патологическихъ и ветеринарно-судебныхъ изслѣдованій—22. Исходъ болѣзни остался неизвѣстенъ у 1.014. Операцій было произведено 499; маловажныхъ 374, значительныхъ 125. Къ 1-му января 1873 года оставалось въ клиникахъ 9 животныхъ.

— Ординарный профессоръ Харьковскаго университета *Сокальскій* пошелъ въ юридическій факультетъ сего университета съ представленіемъ о необходимости раздѣленія политической экономіи и статистики, съ порученіемъ преподаванія той и другой науки двумъ отдѣльнымъ лицамъ. Для преподаванія политической экономіи онъ предложилъ ординарнаго профессора университета Св. Владиміра *Цьхановскаго*, о согласіи коего на переходъ въ Харьковскій университетъ было при этомъ имъ же заявлено. Проф. Сокальскій предполагалъ при этомъ удержать за собою преподаваніе статистики. Необходимость упомянутой выше мѣры мотивировалъ онъ значительнымъ расширеніемъ области статистики въ послѣднее время, чему особенно способствовали международные статистическіе конгрессы. Въ доказательство своей мысли, онъ сослался на программу доктора Ангеля, приложенную къ его статьѣ: „Das statistische Seminar und das Studium der Statistik überhaupt“ (помѣщенной въ *Zeitschrift des preuss. statistischen Bureau* 1871 года, 3 и 4 Heft). Въ эту программу вошли всѣ общественныя явленія, къ которымъ въ настоящее время примѣненъ числовой методъ. Съ этой точки зрѣнія, для занятія статистикою требуется теперь ничѣмъ постороннимъ неразвлеченный трудъ. Самое же преподаваніе статистики, отъ котораго можно ожидать существенной пользы для студентовъ, должно быть соединено съ практическими занятіями. Матеріалъ для нихъ существуетъ въ изобиліи, но приспособленіе его къ удобствамъ студентскихъ занятій возможно съ усиліемъ только въ томъ случаѣ, если вниманіе преподавателя будетъ сосредоточено на одномъ предметѣ. Необходи-

мость означеннаго отдѣльнаго преподаванія статистики связана и съ успѣхомъ политической экономіи. Эта наука стремится нынѣ свести свои положенія на историческія основы, обусловить ихъ временемъ, мѣстомъ и степенью развитія отдѣльныхъ общественныхъ группъ. вмѣстѣ съ исторією хозяйственныхъ идей, она все болѣе и болѣе втягиваетъ въ свою область исторію хозяйства—предметъ, мало изслѣдованный, но отъ разработки коего зависитъ дальнѣйшій успѣхъ политической экономіи, какъ науки. Въ этой области, гдѣ до сихъ поръ еще господствуютъ два направленія, философской и исторической школъ, все болѣе выдвигается впередъ стремленіе—обращаться къ исторіи для повѣрки положеній, на которыхъ слишкомъ ярко отразился колоритъ только XIX вѣка, и при томъ на основаніи историческихъ судебъ лишь нѣкоторыхъ народовъ западной Европы. Преподаваніе упомянутыхъ двухъ наукъ двумя профессорами представляется поэтому необходимымъ съ различныхъ точекъ зрѣнія. Юридическій факультетъ, въ одномъ изъ своихъ засѣданій въ концѣ прошлаго семестра, призналъ уже пользу означенной мѣры, но за отсутствіемъ лица, которому можно было бы поручить преподаваніе одной изъ наукъ, онъ не рѣшился осуществить ее. Въ настоящее же время представляется возможность пригласить на кафедру политической экономіи опытнаго и извѣстнаго своими учеными трудами ординарнаго профессора университета Св. Владиміра Цѣхановецкаго, который пріобрѣлъ извѣстность двумя своими сочиненіями: 1) „Значеніе Адама Смита въ исторіи политико-экономическихъ системъ“, и 2) „Железныя дороги и государство. Опытъ изслѣдованія о важнѣйшихъ предметахъ экономіи и политики железныхъ дорогъ“. Оба они получили въ свое время надлежащую оцѣнку со стороны извѣстнаго русскаго экономиста П. X. Буице, и отличаются достоинствами, которыя даютъ имъ право занять одно изъ видныхъ мѣстъ въ нашей экономической литературѣ. Кроме того, проф. Цѣхановецкій, по возвращеніи своемъ изъ заграничнаго путешествія въ 1864 году, напечаталъ въ *Кіевскихъ Ученыхъ Извѣстіяхъ* часть своего курса политической экономіи, изъ котораго видно, что въ преподаваніи своемъ онъ придерживается метода исторической школы. На основаніи означеннаго предложенія, г. Цѣхановецкій былъ единогласно избранъ на кафедру политической экономіи въ университетѣ Св. Владиміра, а слѣдъ за симъ должно происходить баллотированіе его въ совѣтъ.

НИЗШІЯ УЧИЛИЩА.

Состояніе начальныхъ народныхъ школъ въ Курской губерніи за 1872 годъ. — Школы Елонкаго уѣзда.

Пользуемся отчетомъ Курскаго инспектора народныхъ училищъ за 1872 годъ, чтобы познакомить нашихъ читателей съ положеніемъ начальныхъ школъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ этой губерніи.

Львовскій уѣздъ. Дѣло народнаго образованія развивалось здѣсь весьма туго. „Произошло ли это“, говоритъ инспекторъ, „отъ нежеланія сельскихъ обществъ учить своихъ дѣтей, или отъ другихъ причинъ, но тѣмъ не менѣе результаты неудачны“. Два училища, основанныя министерствомъ народнаго просвѣщенія — двухклассное мужское и одноклассное женское въ с. Иваповскомъ, — организованы, во всѣхъ отношеніяхъ, прекрасно; преподаватели ихъ изъявили даже готовность, помимо прямыхъ своихъ обязанностей, устроить воскресную школу для взрослыхъ, и въ январѣ 1872 года мысль эта была осуществлена. Тѣмъ печальнѣе положеніе училищъ, содержимыхъ на частныя средства; отъ земства ассигновано было на нихъ въ 1870 и 1871 годахъ по 1.000 р., но деньги эти почти вовсе не расходовались. Училищный совѣтъ, въ новомъ своемъ составѣ, постановилъ устроить 8 школъ, ассигновать на каждую изъ нихъ по 125 р. Деньги эти были назначены въ январѣ 1872 года, но открытіе школъ должно было послѣдовать осенью, на образующійся же остатокъ за 8 мѣсяцевъ рѣшено выписать необходимыя учебныя пособія и приготовить запасъ ихъ на будущее время. Затѣмъ училищный совѣтъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы сельскія общества, въ своихъ приговорахъ, указывали вѣрныя источники для содержанія училищъ; вообще цѣль его — по возможности обезпечить школы, чтобы онѣ не закрывались по недостатку средствъ. Если все это исполнится, то можно питать надежду, что народное образованіе въ Львовскомъ уѣздѣ получитъ совсѣмъ иное направленіе.

Рымскій уѣздъ. Всѣхъ начальныхъ училищъ (съ двумя городскими) находится здѣсь 29, учащихся въ нихъ 1.335, изъ коихъ 1.236 мальчиковъ и 99 дѣвочекъ. На содержаніе школъ отпускалось городскимъ обществомъ 750, сельскимъ — 2.730 р.; земствомъ ассигновано 2.000, но въ дѣйствительности было израсходовано 990 р. Среднимъ числомъ на каждое училище приходится по 46 учащихся, а на содержаніе каждой школы около 137 р. (кромѣ двухъ городскихъ, на которыя расходуется 750 р.). Изъ 29 наставниковъ 9 окончили образованіе

въ Курскихъ педагогическихъ курсахъ, 15 — въ духовной семинаріи (изъ нихъ 4 священника); остальные, или не получили полного семинарскаго образованія, или обучались въ уѣздныхъ училищахъ; занимается преподаваніемъ также одинъ унтеръ-офицеръ. Окладъ жалованья наставникамъ, окончившимъ курсъ въ семинаріи,—150 р., не окончившимъ—100 р., а унтеръ-офицеру—60 р. Изъ дѣлъ училищнаго совѣта видно, что вопросъ о народномъ образованіи въ Рыльскомъ уѣздѣ затронутъ давно, школы существуютъ не первый годъ, число ихъ постоянно возрастаетъ, въ большинствѣ случаевъ онѣ имѣютъ отдѣльныя помѣщенія и достаточно снабжены учебными пособиями. Не смотря на то, инспекторъ не рѣшается назвать ихъ вполне благоустроенными, и вообще, изъ числа осматрѣнныхъ имъ только три— мужское городское, Любимовское и Костровское — удовлетворяли серьезнымъ требованіямъ. Сказать, что училища обезпечены въ матеріальномъ отношеніи, также нельзя, ибо — какъ упомянуто выше — на каждое изъ нихъ приходится среднимъ числомъ по 137 р., а на эти средства снабдить школу всѣмъ необходимымъ и дать приличное содержаніе наставнику нѣтъ никакой возможности. Главными причинами неудовлетворительнаго состоянія училищъ нужно считать слѣдующія: во первыхъ, недостатокъ лицъ, которыя добросовѣстно и съ любовью занимались бы своимъ дѣломъ, а вторыхъ, несвоевременное припятіе мѣръ для исправленія различныхъ унущеній. Дѣйствительно, тамъ, гдѣ наставники усердны, школы переполнены учениками, общества, если и не дѣлаютъ значительныхъ пожертвованій, то слѣдятъ за акуратнымъ посѣщеніемъ дѣтьми уроковъ. При ревизіи инспектора, это обнаружилось въ сс. Любимовкѣ, Костровкѣ, Комаровкѣ и отчасти въ Кульбакахъ. Въ Обуховскомъ училищѣ дѣтей много, но ихъ дурно учатъ, преподаватель перадиивъ, и это тѣмъ печальнѣе, что годъ тому назадъ школа эта была одною изъ лучшихъ въ уѣздѣ, достаточно снабжена пособиями отъ казны и общество выстроило даже для нея отдѣльный домъ. Въ Глушковскомъ училищѣ перемѣнилось въ 1871 году три наставника. „Я засталъ въ немъ только 14 мальчиковъ“, говоритъ инспекторъ: „пособій нѣтъ никакихъ, а изъ словъ старшины видно, что они имѣлись, слѣдовательно, училищное имущество расхищено, а кѣмъ и когда—неизвѣстно. Глушково—село большое, торговое; школа пользуется въ немъ даровымъ и удобнымъ помѣщеніемъ; средства у волости, какъ замѣтно, есть; общество желаетъ обучать своихъ дѣтей, доказательствомъ чего служитъ то, что въ Глушковѣ много учителей изъ крестьянъ, берушихъ

съ каждаго ребенка отъ 25—30 коп. въ мѣсяцъ и ничего не дѣлающихихъ, или обучающихихъ очень дурно. Естественно, что только хорошимъ устройствомъ школы можно пресѣчь это зло и вывести невѣжественныхъ родителей изъ заблужденія“.

Между школами Рыльского уѣзда, какъ и слѣдовало ожидать, нѣтъ ни малѣйшаго единства. Такъ, на примѣръ, наставники Любимовскаго, Костровскаго и Комаровскаго училищъ находятъ возможнымъ держаться правилъ, изданныхъ губернскимъ училищнымъ совѣтомъ, а преподаватели другихъ училищъ всячески уклоняются отъ означенныхъ правилъ. Г. инспекторъ справедливо замѣчаетъ, что училищному совѣту необходимо обязать наставниковъ ознакомиться съ имѣющимися руководствами, требовать отъ нихъ, по возможности, исполненія программъ, слѣдить за тѣмъ, чтобы они вели классные журналы, а также шнуровыя книги училищнаго имущества. Было бы также хорошо, если бы въ началѣ или концѣ учебнаго года наставники собирались въ городъ, для ознакомленія съ приемами обученія въ городскомъ приходскомъ училищѣ. „Я полагаю“, говоритъ г. инспекторъ, „что на предстоящемъ сѣздѣ можно было бы выработать различныя наставленія для учителей и сдѣлать ихъ обязательными. Все это, по моему мнѣнію, должно вывести многихъ преподавателей изъ апатіи, заставить ихъ взглянуть серьезнѣе на свои обязанности и пополнить пробѣлы своихъ знаній чтеніемъ и приготовленіемъ къ урокамъ.“

Дмитріевоспасскій уѣздъ. До 1870 года существовала здѣсь только одна школа, въ 1870 открыто двѣ, а къ концу 1871 считалось ихъ уже 12. Общее число учащихся 235, между коими 10 дѣвочекъ. Отпускалось на школы Дмитріевоспасскаго уѣзда земствомъ 2.500 р. и сельскими обществами 637 руб. Изъ осмотрѣнныхъ инспекторомъ 9 училищъ, удовлетворительными и хорошо организованными оказались лишь два: городское и Хомутовское. Последнее содержится на средства учредительницы, супруги дѣйствительнаго тайнаго совѣтника г. Левшина. Училищное зданіе очень удобно и помѣстительно; классной мебели довольно, въ изобиліи находятся также учебныя пособія и книги для чтенія, картины для нагляднаго обученія и географическія карты. Успѣхи учащихся по всѣмъ предметамъ очень хороши: дѣти выразительно и хорошо читаютъ, прекрасно разказываютъ прочитанное, пишутъ безъ грубыхъ ошибокъ, почеркъ имѣютъ очень твердый и четкій; арифметическія задачи рѣшаются ими быстро; они имѣютъ свѣдѣнія по исторіи и географіи Россіи. Вообще

всѣ дѣти очень развиты. Учительница, г-жа Полднева, старательна, опытна, любитъ дѣтей, не рѣдко жертвуетъ для нихъ своимъ досугомъ и пользуется полнымъ ихъ довѣріемъ. Но Хомутовская школа представляетъ явленіе совершенно исключительное,—что касается до остальныхъ, то по большей части онѣ очень плохи. При теперешней своей обстановкѣ, эти школы бесполезны уже потому, что съ самаго начала не оправдываютъ ожиданія общества и этимъ самымъ задерживаютъ стремленіе къ открытію новыхъ училищъ, къ пожертвованіямъ на ихъ улучшеніе и содержаніе. Мѣстный училищный совѣтъ готовился принять для народнаго образованія въ Дмитріевоспасскомъ уѣздѣ слѣдующіи мѣры: устроить книжный складъ и снабдить школы учебными пособіями для наставниковъ; увеличить окладъ жалованья отъ 150 до 180 руб., смотря по успѣхамъ; обизывать общества, желающія открыть училища и пользоваться пособіемъ отъ земства, прежде всего устроить школьныя зданія и снабдить ихъ классною мебелью; выписывать для всѣхъ училищъ педагогической журналъ *Народную школу*.

Корочанскій уѣздъ. Въ 1872 году всѣхъ училищъ въ этомъ уѣздѣ было—19, учащихся въ нихъ 740, изъ коихъ 23 дѣвочки. На содержаніе школъ отпускалось городскимъ обществомъ—420 р., сельскими—1.412 р., земствомъ въ прежнее время 2.000 р., а съ 1872 года эта сумма была увеличена до 2.650 руб. Сумма, отпускаемая на содержаніе каждаго училища, не равномерна: четыремъ изъ нихъ назначено по 200, девяти по 100—180, а на остальные приходится лишь по 80 руб. (Терезовское получало даже не болѣе 30 руб.). Точно также не одинаковъ и окладъ жалованья. Изъ числа наставниковъ: священниковъ 7, діаконѣвъ—2, не окончившихъ курсъ въ духовной семинаріи—4 и окончившихъ курсъ въ духовныхъ училищахъ—6. Г. инспекторъ осмотрѣлъ въ февралѣ 1872 года 8 школъ Корочанскаго уѣзда и объ одной изъ нихъ, Алексѣевской, сдѣлалъ весьма лестный отзывъ. Зданіе, въ которомъ помѣщается она, чисто, тепло и опрятно, классная комната просторна. Успѣхи дѣтей по всѣмъ предметамъ, особенно въ старшемъ отдѣленіи, оказались весьма удовлетворительными: они хорошо знаютъ и объясняютъ молитвы, со смысломъ разказываютъ событія изъ священной исторіи новаго и ветхаго завѣта, имѣютъ понятіе о таинствахъ и церковной службѣ; научились читать очень бойко и безъ труда рѣшаютъ умственно несложныя ариметическія задачи. Успѣхи въ среднемъ и младшемъ отдѣленіи, кромѣ закона Божія, нѣсколько слабѣе; преподаватель Аушевъ и помощникъ его

Мальцевъ очень усерденъ въ исполненіи своихъ обязанностей. Но остальные школы, осмотрѣнные инспекторомъ, произвели на него неблагоприятное впечатлѣніе. „Кромѣ обученія закону Божию по начаткамъ христіанскаго ученія, говоритъ онъ, кромѣ бессознательнаго чтенія и письма съ прописей, наставники ничѣмъ не занимаются, съ руководствами и пособіями знакомы мало, о правильныхъ приѣмахъ преподаванія не имѣютъ почти никакого понятія. Такое неудовлетворительное состояніе осмотрѣнныхъ мною школъ зависитъ, конечно отъ личнаго состава учителей; но нельзя объяснять его только этою причиною, ибо есть уѣзды, въ которыхъ, при такихъ же условіяхъ, успѣхи болѣе или менѣе удовлетворительны. Плохіе результаты объясняются скорѣе тѣмъ, что лишь въ самомъ концѣ 1871 года были выписаны учебныя пособія для воспитанниковъ и преподаватели не успѣли еще ознакомиться съ ними, чему виною, конечно, и ихъ собственное неусердіе. Я замѣтилъ, что ни одинъ учитель не прочелъ всей „Начальной школы“ Корфа, ни одинъ не знаетъ, какъ нужно вести дѣло по „Родному слову“, ни одинъ не умѣетъ предложить ариѳметической задачи, не говоря уже о тѣхъ наводящихъ вопросахъ, которые могутъ возбудить или облегчить процессъ мышленія. Программа училищнаго совѣта исполняется только съ формальной стороны, то-есть, вездѣ заведены классныя журналы, но въ нихъ не отмѣчаются ни пройденное, ни успѣхи учениковъ; вездѣ выставлено распредѣленіе уроковъ безъ всякаго однако, соображенія, съ тѣмъ—удобно или неудобно оно для школы. Въ нѣкоторыхъ школахъ ученики раздѣлены по группамъ, но въ то время какъ наставникъ занимается съ одною изъ нихъ, остальные предаются полному бездѣйствію. Словомъ, большинство преподавателей учить такъ, какъ учили ихъ сами,—безъ толку и системы“.

Что касается до матеріальной обстановки школъ, то хотя въ большинствѣ случаевъ онѣ и помѣщаются въ отдѣльныхъ зданіяхъ, но зданія эти ремонтируются несвоевременно и неаккуратно. Такъ, на примѣръ, Бахтеевское училище, хотя находится почти въ самомъ городѣ и имѣетъ достаточныя средства, зимою 1871—1872 г. почти не отапливалось, потому что не было дровъ и печь въ немъ развалилась. Попечителей нѣтъ почти ни въ одной школѣ. Можно надѣяться, что теперь, съ увеличеніемъ суммы, отпускаемой мѣстнымъ земствомъ на народное образованіе, дѣло пойдетъ лучше: 650 руб., прибавленные къ прежнимъ 2.000 р., должны были быть употреблены на увеличеніе жалованья учителей и на награды лучшимъ изъ нихъ.

Бѣлгородскій уѣздъ. Всѣхъ училищъ въ этомъ уѣздѣ числилось 32, изъ нихъ въ 1871 году вновь открыто—9; учащихся 1.705, между коими 90 дѣвочекъ. На содержаніе школъ расходовалось въ 1872 г. городскимъ обществомъ—600, сельскими обществами—1.830, земствомъ—3.000, почетный блюститель вносилъ 200 и почетные попечители 400 р. Жалованье наставникамъ простиралось отъ 100 до 200 руб., съ бесплатнымъ помѣщеніемъ. Между наставниками, священниковъ—7, лицъ, не окончившихъ курсъ въ духовной семинаріи—8, остальные получили полное семинарское образованіе. При пяти школахъ (Киселевской, Головинской, Журавлевской, Мелиховской и Томаровской 1-й) открыты вечернія занятія для взрослыхъ; въ десяти есть хоры пѣвчихъ съ участіемъ поселянъ. Учебными пособіями всѣ школы снабжены болѣе или менѣе въ достаточномъ количествѣ. При училищномъ совѣтѣ существуетъ небольшой книжный складъ. Вообще дѣло народнаго образованія идетъ въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ довольно успѣшно. Многіе наставники усвоили себѣ отчасти правильные приемы обученія, ознакомились съ учебными руководствами и обратили вниманіе на развитіе дѣтей. Сельскія общества, видя столь успѣшные результаты и вполне сочувствуя устройству церковныхъ хоровъ, отпосылаютъ къ школамъ съ полнымъ довѣріемъ, ежегодно увеличиваютъ средства для ихъ содержанія и заботятся объ открытіи новыхъ училищъ. Много пользы дѣлу народнаго образованія принесъ штатный смотритель, г. Залого, который хорошо знаетъ всякаго преподавателя, помогаетъ имъ совѣтами и руководствомъ, слѣдитъ за занятіями и своевременно предупреждаетъ встрѣчающіяся упущенія. Для лучшаго ознакомленія наставниковъ съ правильными приемами обученія, рѣшено было послать ихъ въ Бѣлгородскую учительскую семинарію; для всѣхъ училищъ выписанъ журналъ „Народная школа“.

Г. инспекторомъ осмотрѣно было въ февралѣ и мартѣ 1872 года 12 училищъ Бѣлгородскаго уѣзда. Вотъ свѣдѣнія о нѣкоторыхъ изъ нихъ:

Мелиховское помѣщается въ отдѣльномъ домѣ, просторномъ, удобномъ и содержимомъ опрятно; классной мебели и учебныхъ пособій достаточно. Училищу этому много помогаетъ попечитель, волостной старшина Морозовъ; по его мысли, сельское общество пожертвовало, между прочимъ, 60 одинаковыхъ одеждъ для пѣвчихъ. Учащихся въ Мелиховской школѣ было—86, въ томъ числѣ 20 дѣвочекъ; средства ея содержанія: 150 руб. общественнаго сбора и 100 руб. земскаго пособія; жалованье наставнику—150 руб. Что касается до успѣховъ,

то по закону Божию учившіеся первый годъ твердо знали и правильно произносили молитвы; въ среднемъ отдѣленіи знали, кромѣ того, исторію праздниковъ, а въ старшемъ—весь ветхій и новій завѣтъ и краткій катехизисъ. Сирошские ученики отвѣчали очень бойко. Видно, что преподавателемъ было все имъ достаточно объяснено, а учениками основательно усвоено. Читаютъ во всѣхъ отдѣленіяхъ очень удовлетворительно, разказываютъ прочитанное послѣдовательно, пишутъ правильно и четко. По ариметикѣ успѣхи нѣсколько слабѣе. Учитель сформировалъ хоръ въ 60 человекъ и посвящаетъ ему весь свой досугъ. При Мелиховской школѣ открыты вечерніи занятія для взрослыхъ, коихъ было—32 человекъ, изъ нихъ 18 могли уже читать. Наставникъ, діаконъ Поповъ, обнаруживалъ рѣдкое усердіе: онъ такъ умѣлъ заинтересовать учащихся, внушилъ имъ такое къ себѣ довѣріе, что сдѣлался другомъ не только дѣтей, но и ихъ родителей.

Томаровское 1-е помѣщается при волости въ трехъ комнатахъ; помѣщеніе это удобно, классной мебели и учебныхъ пособій достаточно. Учащихся 110, въ томъ числѣ 18 дѣвочекъ; средства содержанія такія же, какъ и у школы Мелиховской. Въ среднемъ отдѣленіи изъ закона Божія пройдены молитвы, а въ старшемъ—священная исторія ветхаго и новаго завѣта. Пройденное дѣти знаютъ твердо, но наставнику слѣдовало бы обратить вниманіе на объясненія, тѣмъ болѣе, что у него подъ руками есть картины, которыми онъ, какъ видно, не пользовался. Что касается до чтенія, то въ младшемъ отдѣленіи изучаютъ буквы по звуковому способу, но не пишутъ; въ среднемъ хорошо читаютъ, разказываютъ прочитанное и списываютъ съ книги; на объясненіе словъ обращено должное вниманіе. Въ старшемъ отдѣленіи читаютъ порядочно, разказываютъ прочитанное толково, почеркъ не разборчивъ. По ариметикѣ успѣхи удовлетворительны только въ среднемъ отдѣленіи, а въ старшемъ записываются этимъ предметомъ совершенно механически. Наставникъ хлопочетъ объ устройствѣ хора, но пѣніе еще не отличается стройностью. При Томаровскомъ училищѣ открыта воскресная школа, которую, во время ревизіи инспектора, посѣщали 8 человекъ.

Киселевское помѣщается очень тѣсно въ церковной караулкѣ, классныхъ столовъ мало, но учебными пособиями снабжено достаточно. Учащихся 45, въ томъ числѣ 1 дѣвочка; средства содержанія—100 руб. общественнаго сбора и 100 руб. земскаго пособия. Изъ закона Божія ученики хорошо знаютъ главнѣйшія молитвы, символъ

вѣри и часть поваго завѣта. Въ младшемъ отдѣленіи довольно успѣшно изучаютъ буквы по звуковому методу, въ среднемъ читаютъ и списываютъ съ книги, а въ старшемъ могутъ хорошо разказать прочитанное. По ариѳметикѣ знакомы съ мѣрами и начали изучать числа по Грубе. Учитель, поступившій въ школу не за долго до ревизіи, повелѣ дѣло весьма правильно; его стараніями открыты вечернія занятія для взрослыхъ, на которыя съ самаго начала явились 6 человекъ. Ученики умѣютъ пѣть молитвы и дѣтскія пѣсни.

Обоянскій уѣздъ. Въ этомъ уѣздѣ 19 школъ съ 978 учащимися; между которыми 84 дѣвочки. На содержаніе училищъ расходовалось въ 1872 году земствомъ—5.884 р., городскимъ обществомъ—310 р., а сельскими обществами только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отпускается незначительная сумма на приобрѣтеніе классныхъ принадлежностей для письма и добавочное жалованье учителямъ пѣнія. Изъ наставниковъ одинъ окончилъ ученье въ харьковскихъ педагогическихъ курсахъ, 17 — въ духовной семинаріи и одна наставница имѣетъ званіе домашней учительницы. Окладъ жалованья въ городскомъ училищѣ 240 р. при казенной квартирѣ, а въ сельскихъ школахъ 200 р. Помѣщенія школъ всадѣ отдѣльными и удобными; классною мебелью и учебными пособіями снабжаются онѣ въ достаточномъ количествѣ, ремонтируются исправно. Земство расходовало, въ отчетномъ году, на каждую школу до 300 р. Изъ всего этого видно, что внѣшняя обстановка училищъ находится въ весьма удовлетворительномъ состояніи. Отразилось это и на учебной части, которая въ большинствѣ школъ, какъ замѣтно, постоянно улучшается. По свидѣтельству инспектора, Обоянскій уѣздъ можно безошибочно отнести, по результатамъ обученія, къ лучшимъ въ Курской губерніи: число школъ возрастаетъ тамъ хотя и не быстро, но прочно, почти каждая школа организуется правильно, имѣетъ опредѣленные средства содержанія, а не зависитъ отъ случайностей. Относительно щедрый окладъ жалованья даетъ возможность имѣть хорошихъ наставниковъ, которыми, за малыми исключеніями, являются въ селахъ Курской губерніи лица, окончившія курсъ въ духовныхъ семинаріяхъ. Довѣріе общество къ училищамъ видимо укрѣпилось. Правда, проявляется оно не всадѣ равномерно и почти нигдѣ не выражается крупными затратами, но за то нѣтъ почти ни одной школы, въ которой число учащихся было бы менше 30 человекъ, а въ Мѣдвѣнской, Красненской и Пѣнской оно доходитъ даже до 100 (средняя же цифра учащихся — 50 человекъ). Въ Мѣдвенкѣ, Богатомъ, Пѣнахъ и Курасовѣ инспектору пришлось встрѣчать бывшихъ восни-

часть СЛXXI, отд. 4.

танниковъ школъ, занимающихся въ конторахъ или волостяхъ писмоводствомъ и въ свободное время охотно читающихъ книги. Изъ утвержденнаго при Пѣнскомъ училищѣ въ 1871 году книжнаго склада продано было до 300 экземпляровъ разныхъ книгъ, преимущественно духовнаго содержанія; покупателями были ученики окрестныхъ селъ и ихъ родители. Мѣдвенское общество составило приговоръ объ открытіи отдѣльной женской школы, для которой уже пожертвованъ домъ, и по предложенію инспектора обѣщало устроить при этой школѣ помѣщеніе для учительницы. Такимъ образомъ, Обоянскому уѣзду принадлежитъ честь учрежденія перваго въ Курской губерніи женскаго училища по инициативѣ сельскаго общества. Большія услуги дѣлу народнаго образованія въ Обоянскомъ уѣздѣ оказаны были предсѣдателемъ училищнаго совѣта, Д. Ѡ. Климовымъ. Въ прежнее время было здѣсь не болѣе 10 плохо организованныхъ школъ, на которыя расходовались до 2.000 р.; г. Климовъ, занимая должность мирового посредника, склонилъ общества къ устройству новыхъ школъ, содѣйствовалъ увеличенію жалованья наставникамъ, зорко слѣдилъ за ихъ занятіями, помогъ устройству въ 1871 году учительскаго съѣзда и выразилъ готовность отплатить на свой счетъ наставниковъ въ Бѣлгородскую учительскую семинарію, чтобы они, по возможности, усвоили себѣ тамъ лучшіе приемы преподаванія. Конечно, при ревизіи своей г. инспекторъ не могъ не убѣдиться, что многія изъ школъ Обоянскаго уѣзда не лишены были важныхъ недостатковъ: большинство наставниковъ не соблюдали тѣхъ правилъ, которыя указаны въ программѣ губернскаго училищнаго совѣта; обученіе чтенію и письму ведется ими не одновременно; почти нигдѣ не обучаютъ они письму въ тактъ; при чтеніи упущены изъ виду выразительность и бѣглость, а при письменныхъ упражненіяхъ,—исправленіе тетрадей. Затѣмъ, въ классныхъ журналахъ не аккуратно отмѣчается пройденное, дѣти принимаются въ школу не въ опредѣленные сроки; нельзя не упрекнуть также наставниковъ въ равнодушіи къ устройству вечернихъ занятій для взрослыхъ, на что въ сосѣднемъ Бѣлгородскомъ уѣздѣ обращено должное вниманіе. Все это важные недостатки, но можно надѣяться, что при теперешнемъ личномъ составѣ преподавателей они будутъ устранены въ непродолжительномъ времени.

Если сельскія школы Обоянскаго уѣзда видимо улучшаются и встрѣчаютъ поддержку въ мѣстномъ населеніи, то, по свидѣтельству г. инспектора, нельзя сказать того же самаго о городскомъ приходскомъ училищѣ, которое должно было бы служить для нихъ образ-

помъ. Въ отчетномъ году оно находилось далеко не въ цвѣтущемъ состояніи. Городское общество, не взирая на ходатайство училищнаго совѣта, не согласилось ничего прибавить на его содержаніе (310 р.) и между представителями городского сословія нельзя было даже найти лицъ, которыя согласились бы принять на себя званіе почетнаго блюстителя. Успѣхи учениковъ оказались удовлетворительными только по закону Божію; читали же они, во всѣхъ трехъ отдѣленіяхъ, не совсѣмъ хорошо; преподаватель не обращалъ никакого вниманія на выборъ статей и не объяснял ихъ содержаніе. Почеркъ вездѣ порядочный, но писали дѣти съ грубѣйшими ошибками и съ пропускомъ цѣлыхъ слоговъ и буквъ, а тетради вовсе не были исправлены. Произошло все это не отъ недостатка рвенія у наставника, а отъ совершеннаго незнакомства его съ правильными приемами обученія.

Въ *Фатежскомъ* уѣздѣ было 44 училища, съ 2.349 учащимися, изъ коихъ 115 дѣвочекъ. На содержаніе школъ отпускалось въ 1872 году земствомъ—958 руб., сельскими обществами—5.996 руб., городскимъ обществомъ на мужское и женское училища—450 руб. (кромя того, почетный блюститель и попечительница этихъ училищъ жертвовали 200 руб.). Нужно замѣтить, что земство расходовало еще до 800 руб. на награды лучшимъ наставникамъ и на пріобрѣтеніе учебныхъ пособій. Оклады жалованья не равномерны: большій изъ нихъ—150 руб., а меньшій—60 руб. Собственныя, отдѣльныя и вполнѣ удобныя помѣщенія имѣютъ лишь немногія школы, большинство же ихъ помѣщается въ наемныхъ избахъ. Попечители находятся во всѣхъ безъ исключенія школахъ, а въ нѣкоторыхъ изъ нихъ есть еще и помощники, большею частью мѣстные крестьяне, выбранные обществами и обязанные вести расходы по содержанію училищъ. Книги для класснаго чтенія выдаются училищнымъ совѣтомъ, а учебныя пособія пріобрѣтаются на мѣстныя средства; учительскихъ библіотекъ, снабженныхъ вполнѣ удовлетворительными руководствами, мало; о вечернихъ занятіяхъ для взрослыхъ нѣтъ и помину; обученіе дѣтей пѣнію—явленіе весьма рѣдкое. Изъ всего этого видно, что главную особенность училищъ *Фатежскаго* уѣзда составляетъ содержаніе ихъ почти исключительно на счетъ мѣстныхъ сельскихъ обществъ. Если принять во вниманіе, что училищъ этихъ весьма достаточное количество, что число обучающихся въ нихъ весьма значительно (на каждую школу приходится среднимъ числомъ по 56 человекъ), что сельскія общества не скупятся пожертвованіями на ихъ содержаніе, то можно было

бы считать Фатежскій уѣздъ образцовымъ въ отношеніи для всей губерніи. На дѣлѣ же оказывается, что въ первое время обращено было главное вниманіе на открытіе какъ можно большаго числа школъ: лица, заботившіяся объ этомъ, разчитывали, вѣроятно, на значительную поддержку со стороны земства, при помощи коей надѣялись организовать впоследствии эти училища болѣе правильно, прочно, устроить для нихъ удобныя помѣщенія и пригласить свѣдущихъ наставниковъ, обезпечивъ ихъ приличнымъ содержаніемъ. Но земство не сочло возможнымъ отпустить значительную сумму на школы; сельскія общества, съ своей стороны, не хотѣли и не могли увеличить сдѣланныя уже ими пожертванія; лучшіе наставники переходили въ тѣ уѣзды, гдѣ имъ было предлагаемо болѣе щедрое и обезпеченное содержаніе. Къ этому нужно прибавить, что попечители изъ крестьянъ распоряжались училищными суммами безконтрольно и расходовали ихъ не всегда правильно. Все это вмѣстѣ имѣло, разумѣется, самое неблагоприятное вліяніе на ходъ учебнаго дѣла. Въ должность наставниковъ шли лица малоспособныя или вынужденныя крайностію, такъ что окончившихъ полный курсъ духовной семинаріи находилось въ 1872 г. въ Фатежскомъ уѣздѣ всего только 8. Уѣздный училищный совѣтъ, подъ предсѣдательствомъ г. фонъ-Рутцена, ревностно старался противодѣйствовать указаннымъ недостаткамъ: Такъ, по инициативѣ предсѣдателя, устраивались въ прежніе годы соревновательныя испытанія, на которыя многіе изъ наставниковъ привозили лучшихъ учениковъ; но эта мѣра, какъ и слѣдовало ожидать, оказалась не совсѣмъ удобною. Кроме того, избирались мучше изъ взрослыхъ учениковъ и были оставляемы въ школахъ въ качествѣ помощниковъ преподавателей съ небольшою за это платою; члены училищнаго совѣта входили въ сношеніе съ сельскими обществами, объясняли попечителямъ-крестьянамъ ихъ обязанности, склоняли ихъ къ удовлетворенію училищныхъ нуждъ; по мѣрѣ средствъ были разсылаемы по школамъ учебныя пособія и нѣкоторымъ обществамъ были выдаваемы деньги на устройство училищныхъ зданій. Но все это мало помогало дѣлу и школы Фатежскаго уѣзда находились по прежнему въ далеко неудовлетворительномъ состояніи.

Съ цѣлью улучшить ихъ, г. инспекторъ хлопоталъ предъ училищнымъ совѣтомъ о слѣдующихъ мѣрахъ: 1) отпустить сумму на устройство десятидневныхъ учительскихъ съѣздовъ, на которыхъ могли бы быть объяснены наставникамъ лучшіе приемы обученія, и училищный совѣтъ назначилъ для этого 220 руб. 2) устроить образцовую школу:

на средства земства или сельскихъ обществъ; училищный совѣтъ опредѣлилъ ходатайствовать предъ земскимъ собраніемъ объ осуществленіи этой мѣры; 3) основать при уѣздной управѣ, или при училищномъ совѣтѣ, складъ письменныхъ принадлежностей, чтобы школы могли пріобрѣтать ихъ своевременно и за умѣренную цѣну; распоряженіе по этому предмету уже сдѣлано; 4) инспекторъ указывалъ также на уцугенія въ расходованіи общественныхъ суммъ попечителями школъ и просилъ обратить вниманіе на весьма мало обеспеченное положеніе наставниковъ.

Тимскій уѣздъ. Школъ въ этомъ уѣздѣ было 12, учащихся въ нихъ—430, въ томъ числѣ—54 дѣвочки; на содержаніе училищъ расходовалось земствомъ—3.200 руб., городскимъ обществомъ—200 руб.; на сельскими обществами отпускалось лишь отопленіе и отведенныя были зданія для помѣщенія школъ. При каждой изъ нихъ были попечители, но они вовсе не исполняли своихъ обязанностей, а нѣкоторые изъ нихъ ни разу даже и не посѣщали училищъ. Неудивительно, что въ училищахъ этихъ нѣтъ ни руководствъ для самообразованія учителей, ни учебныхъ пособій для воспитанниковъ, кромѣ книгъ для класснаго чтенія; нигдѣ нѣтъ также и подвижныхъ буквъ. Правила, изданныя губернскимъ училищнымъ совѣтомъ, мало извѣстны наставникамъ; которые не держатъ классныхъ журналовъ, книгъ для записыванія поступающихъ учениковъ, описей школьнаго имущества и т. д.

Изъ собранныхъ г. инспекторомъ свѣдѣній, видно, что до 1870 года было въ уѣздѣ только 4 училища. Сельскія общества оставались къ нимъ вполне равнодушны, а что касается до земства, то хотя оно и стало заботиться объ учрежденіи школъ, но наставники были предоставлены самимъ себѣ, ни откуда не слышали указаній и совѣта, не были вовсе знакомы съ хорошими руководствами и правильными приемами обученія. Въ октябрѣ 1872 года инспекторъ осматрѣлъ 13 школъ и результаты этого осмотра были далеко не утѣшительны. Только отъ трехъ изъ нихъ—Мантуровской, Рогозенкой и Погоженской—счелъ опъ возможнымъ сдѣлать болѣе или менѣе удовлетворительные отзывы. Остальныя оказались очень плохи. Такъ, напримеръ, въ Двоелученскомъ училищѣ (получавшемъ 800 руб. земскаго пособія) наставникъ вовсе не заслужилъ довѣрія мѣстныхъ жителей, которые предпочитали отдавать дѣтей своихъ для обученія въ городъ. Въ другой школѣ—Выползовской—обнаружился грустный фактъ, который лучше всего характеризуетъ дѣйствія одного изъ ея наставни-

ковъ: онъ привелъ въ школу своего сына и научилъ его, въ присутствіи многихъ родителей и всѣхъ учениковъ, назваться, въ отвѣтъ на вопросъ инспектора, сыномъ солдатики. Въ с. Становомъ-Колодезѣ дѣти писали крайне плохо, потому что въ школѣ не на чемъ сидѣть, а между тѣмъ преподаватель здѣсь весьма усерденъ, но не имѣя почти никакихъ руководствъ, онъ не могъ, конечно, принести пользу.

Суджанскій уѣздъ. Здѣсь было въ 1872 году 14 училищъ съ 665 учащимися, изъ коихъ 135 дѣвочекъ; на содержаніе отпускалось земствомъ—4.556 руб., городскимъ обществомъ—850 руб. и сельскими обществами 100 руб. Большинство школъ были помѣщены въ общественныхъ зданіяхъ, а 5—въ наемныхъ домахъ; попечителей не было только въ двухъ изъ нихъ. Хотя училищъ въ Суджанскомъ уѣздѣ не много, но 6 изъ нихъ были организованы болѣе или менѣе правильно и достигали хорошихъ результатовъ. Вотъ что сообщаетъ, напримѣръ, г. инспекторъ о вечерней школѣ въ селѣ Рубащинѣ: не смотря на то, что занятія происходили въ ней только три раза въ недѣлю, успѣхи учениковъ оказались очень удовлетворительными; дѣти посѣщаютъ классы съ большою охотою, нетерпѣливо ожидаютъ всякій разъ пріѣзда преподавателя и въ теченіе одного года выучили молитвы и главнѣйшія событія изъ священной исторіи; читаютъ хотя медленно, но правильно; пишутъ съ книги безъ ошибокъ, рѣшаютъ умственно небольшія задачи. Въ селѣ Рубащинѣ всего только 20 дворовъ, а школу посѣщали 42 мальчика и 3 дѣвочки. Существованіемъ своимъ и удовлетворительнымъ, во всѣхъ отношеніяхъ, устройствомъ обязана она просвѣщенной заботливости Н. В. Четвертушкина, который постоянно присутствовалъ на урокахъ учителя. Хорошо отозвался инспекторъ также о школѣ Ивановской (образцовой), въ которой и законоучитель, и учитель относятся къ дѣлу съ серьезною обдуманностью, сами много читаютъ и въ занятіяхъ съ дѣтми достигли весьма удовлетворительныхъ результатовъ, — о школѣ Сотницкой и о нѣкоторыхъ другихъ.

Въ 1872 году сельскія общества начали обнаруживать готовность поддерживать школы своего уѣзда. Въ селѣ Даринѣ, Песчаномъ и Бѣлой Слободѣ они приступили къ постройкѣ вполне удобныхъ школьныхъ зданій; въ Петрушевскомъ и Дарьинскомъ училищахъ учреждены были занятія для взрослыхъ. Пѣніе вводится почти во всѣхъ школахъ. При земской управѣ былъ открытъ въ 1871 году земскій складъ, изъ котораго состоятельнымъ ученикамъ отпускались книги за деньги, а бѣднымъ бесплатно; въ этомъ складѣ имѣются

письменные и учебныя принадлежности и грифельная бумага, такъ что школы могутъ пріобрѣтать все необходимое для нихъ безъ затрудненій. На экстренные расходы отпускаемо было земствомъ ежегодно до 500 р. Въ 1872 году были пріобрѣтены на нихъ для всѣхъ училищъ шведскіе счеты, арифметическіе ящики, нѣсколько географическихъ картъ и учебныя руководства для наставниковъ по высланнымъ г. инспекторомъ образцамъ.

Школы Суджанскаго уѣзда удовлетворительнымъ состояніемъ своимъ много обязаны земству и въ особенности члену училищнаго совѣта и земской управы, Н. Б. Четвертушкину. Онъ бдительно слѣдилъ за училищами, часто осматривалъ ихъ, пріобрѣталъ все для нихъ необходимое и руководилъ своими совѣтами наставниковъ. Многія другія лица относятся сочувственно къ дѣлу народнаго образованія: такъ, на примѣръ, П. А. Давыдовъ отдѣлалъ прекрасное помѣщеніе для начальной школы въ селѣ Песчаномъ, графиня В. К. Апраксина изъявила желаніе открыть на свой счетъ училище въ селѣ Копдратовѣ, старшина слободы Бѣлой склонилъ мѣстное общество къ постройкѣ каменнаго зданія для школы. Изъ наблюденій инспектора видно, что въ Суджанскомъ уѣздѣ не увлекались мыслью открыть какъ можно большее число школъ, а старались прежде всего правильно организовать училища уже существующія, что доказывается значительною цифрою расходуемыхъ на нихъ суммъ. Затраты эти не пропали безслѣдно: число учащихся постоянно возрастаетъ, а именно въ лучшихъ школахъ простиралось оно отъ 72 до 100, и иногда даже (въ Миропольской и Бѣловской) превышало это число.

По мнѣнію г. инспектора, для улучшенія школьнаго дѣла въ Суджанскомъ уѣздѣ, нужно было бы, однако, принять цѣлый рядъ мѣръ, а именно: привести въ порядокъ училищныя бібліотеки; побудить наставниковъ вести аккуратно классныя журналы и опись имущества; склонить сельскія общества, чтобы отопленіе и наемъ сторожей они принимали на свой счетъ, а ассигнуемую для этого сумму употреблять на увеличеніе оклада жалованья наставниковъ и на открытіе новыхъ школъ; учреждать при училищахъ занятія для взрослыхъ и т. д.

Сообщаемъ свѣдѣнія о народныхъ школахъ Елецкаго уѣзда (Орловской губерніи), заимствованныя нами изъ отчета г. Діесперова, который осматривалъ ихъ по порученію мѣстнаго училищнаго совѣта.

Въ означенномъ уѣздѣ находилось сельскихъ училищъ — 45, въ

первой половинѣ 1873 года присоединилось къ нимъ 4, и съ сентября того же года должны были быть открыты — о чемъ уже получены заявленія — еще 4. Всѣхъ учащихся въ этихъ школахъ было по 1-е января 1.635, а къ 1-му сентября 1873 года осталось 1.241. Изъ числа упомянутыхъ выше училищъ 35 имѣютъ отдѣльное помѣщеніе, 11 помѣщаются въ наемныхъ квартирахъ, а 4 — при волостныхъ правленіяхъ. На содержаніе всѣхъ ихъ отпускается: земствомъ — 6.200 р. и обществами — 2.330 р. Первая изъ этихъ суммъ идетъ на жалованье наставникамъ, а вторая — на насмъ служителей, учебныя пособия, отопленіе, ремонтъ домовъ, покупку мебели; а частью на квартирныя деньги учителямъ. Кромѣ того, въ истекшемъ 1873 году было пожертвовано различными обществами на постройку, передѣлку и поправленіе училищныхъ зданій до 1.700 р.

Вотъ въ какомъ положеніи найдены были г. Діесперовымъ нѣкоторыя изъ осматрѣнныхъ имъ училищъ:

Казанское помѣщается весьма удобно въ собственномъ домѣ; учебныхъ пособій и мебели достаточно, но мебель требуетъ исправленія. Жалованье (150 р.) учитель получаетъ отъ земства, а общество отпускаетъ 135 р. на отопленіе, освѣщеніе, ремонтъ и т. д. Всѣхъ учащихся — 60; успѣхи въ старшемъ отдѣленіи весьма удовлетворительны; ученики сознательно передаютъ разказы изъ священной исторіи, читаютъ по славянски, пишутъ подъ диктовку, безъ грубыхъ ошибокъ, а нѣкоторые даже довольно, правильно, разставляютъ знаки препинанія; рѣшаютъ, хотя не особенно бойко, задачи на четыре дѣйствія, дѣлаютъ небольшія вычисленія на счетахъ. — Въ среднемъ отдѣленіи преподаваніе идетъ успѣшнѣе, чѣмъ въ первую половину года, но все таки у многихъ учениковъ почеркъ плохъ и не было обращено особеннаго вниманія на письменную ариметику. — Ученики младшаго отдѣленія перешли, въ концѣ года, къ чтенію первой учебной книжки Паульсона, пишутъ краткія предложенія подъ диктовку и знаютъ нѣсколько молитвъ. Можно надѣяться, что при усердіи и добросовѣстномъ отношеніи къ дѣлу преподавателя Рязанова, школа въ с. Казаклахъ сдѣлается скорѣе одною изъ лучшихъ.

Чернавскія мужское и женское училища. Первое изъ нихъ помѣщается въ собственномъ домѣ, довольно удобномъ, но требующемъ различныхъ исправленій; мебели достаточно, хотя она уже очень стара. Учитель, не окончившій курсъ духовной семинаріи, получаетъ отъ земства 125 р. Учащихся 80. Въ старшемъ отдѣленіи дѣло идетъ весьма успѣшно: сознательный, разказъ прочитаннаго, почти совер-

шенно правильное письмо подъ диктовку, основательное знакомство съ священной исторіею, бойкое рѣшеніе задачъ и толковые письменные отвѣты доказывали, что учитель умѣлъ заинтересовать дѣтей. По занятія въ двухъ младшихъ отдѣленіяхъ далеко не удовлетворительны: ученики съ трудомъ объясняютъ необходимыя молитвы, читаютъ и пишутъ плохо. Недостаточность знаній по закону Божію нельзя поставить въ укоръ законоучителю, такъ какъ онъ поступилъ въ школу еще весьма недавно, да трудно винить и учителя, ибо онъ едва въ состояніи справиться съ значительнымъ количествомъ учениковъ. Школа пойдетъ успѣшно лишь въ томъ случаѣ, если онъ будетъ имѣть помощника. — Что касается Чернавскаго женскаго училища, то оно помѣщается въ домѣ, выстроенномъ для него потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ Русановымъ. Мебели, по числу учащихся, недостаточно; учебныхъ пособій почти вовсе не имѣется, такъ что преподавательница вынуждена пользоваться книгами мужской школы. Относительно обученія, школа эта напоминаетъ тѣ старыя школы, которыхъ у насъ еще много и теперь, гдѣ дѣти просиживали цѣлыя годы надъ зубреніемъ буквъ и складовъ. Дѣвочекъ въ ней 55; успѣхи ихъ по всѣмъ предметамъ крайне слабы, а потому училище и не пользуется довѣріемъ мѣстнаго общества. Впрочемъ, наставница имѣла возможность ознакомиться, на происходившемъ недавно съѣздѣ учителей, съ лучшими приемами и методами преподаванія и, вѣроятно, подъ руководствомъ ея, дѣло пойдетъ отнынь успѣшнѣе.

Дикальское училище въ первой половинѣ учебнаго года помѣщалось въ крайне неудобной, тѣсной и темной крестьянской избѣ, а затѣмъ было переведено въ церковный домъ, назначенный для бѣдныхъ духовнаго званія. Волостнымъ сходомъ было ассигновано 500 р. на постройку отдѣльнаго училищнаго зданія, которое представитъ, конечно, желаемыя удобства для школы. Для пополненія же недостатка въ мебели и класныхъ пособіяхъ тѣмъ же сходомъ пожертвовано — 48 и старшиною 50 р. Учащихся по списку 34, а посѣщаютъ школу отъ 20 до 30. Всѣ они дѣлятся на три группы; успѣхи нельзя назвать удовлетворительными, такъ какъ ученики старшаго отдѣленія, при годичномъ испытаніи, съ трудомъ рѣшали самыя несложныя задачи, писали подъ диктовку съ грубыми ошибками и обнаружили весьма слабыя свѣдѣнія въ священной исторіи. Въ среднемъ отдѣленіи учитель выработалъ кое-какъ механизмъ чтенія, научилъ дѣтей писать подъ диктовку краткія предложенія и, окончивъ изученіе арие-

метки до 1.000, перешелъ къ нумераціи. Звуковое обученіе идетъ успѣшно. Всѣ указанные недостатки происходятъ, во первыхъ, отъ того, что школа въ теченіе полугода не имѣла никакихъ учебниковъ, не имѣла и споснаго помѣщенія; дѣти весьма неаккуратно являлись въ классы. Добросовѣстное исполненіе учителемъ Раевскимъ своихъ обязанностей и участіе попечителя, г. Хрѣнникова, позволяютъ надѣяться, что школа въ текущемъ учебномъ году оправдаетъ выраженное ей обществомъ довѣріе.

Степановскія мужское и женское училища. Въ первомъ изъ нихъ 48 учениковъ; помѣщается оно въ домѣ священника, которому общество платитъ 80 руб.; помѣщеніе неудовлетворительно; классной мебели и учебныхъ пособій недостаточно. Ученики, по познаніямъ, раздѣлены на три отдѣленія; успѣхи можно было бы назвать хорошими, если бы было обращено болѣе вниманія на преподаваніе ариметики.— Что касается женской школы, то ея помѣщеніе крайне неудобно, а лучшаго отыскать нельзя. Учительница получаетъ отъ мѣстнаго земства 125 р., а общество платитъ за отопленіе и квартиру 30 р. Учащихся въ школѣ 15. Добросовѣстное исполненіе г-жею Ростовцовою (учительницей) своихъ обязанностей, любовь къ дѣтямъ и знакомство, хотя теоретическое, съ методами обученія принесло уже, въ короткое время, самыя благіе результаты. Родители, съ сильнымъ недоувѣріемъ отпосившіеся прежде къ школѣ, охотно приводятъ въ нее теперь своихъ дѣтей. Ученицы посѣщаютъ классы весьма исправно, тогда какъ еще въ недавнее время онѣ вовсе уклонялись отъ уроковъ.

Мы не перечисляемъ всѣ другія школы, осмотрѣнныя г. Діесперовымъ, но приведемъ здѣсь лишь мѣры, которыя онъ считаетъ необходимыми, чтобъ улучшить ихъ состояніе. Къ числу этихъ мѣръ онъ относитъ слѣдующія:

1) Учрежденіе въ Ельцѣ центральной бібліотеки, состоящей, главнымъ образомъ, изъ пособій, руководствъ и педагогическихъ журналовъ, съ цѣлью—дать возможность наставникамъ знакомиться съ новѣйшими методами преподаванія. Подобное чтеніе облегчило бы тяжкій ихъ трудъ и наполнило бы внѣклассное ихъ время, когда по неволѣ они остаются праздными. При бібліотекѣ долженъ находиться запасъ учебныхъ пособій для дѣтей, чтобы школы могли пріобрѣтать ихъ по установленной цѣнѣ, не платя книгопродавцамъ за комиссію.

2) Пріобрѣтеніе пособій для нагляднаго обученія (картинъ, моделей, образцовъ различныхъ растений и т. д.), которыхъ ни одна школа въ Елецкомъ уѣздѣ не имѣетъ.

3) Учреждение въ Ельцѣ земской трехклассной образцовой школы, гдѣ могли бы продолжать учење тѣ изъ воспитанниковъ народныхъ училищъ, которые оказали особенные успѣхи и болѣе другихъ развиты. Послѣ трехлѣтнихъ занятій они могли бы поступать въ учительскія семинаріи, а лучшіе изъ нихъ и прямо держать экзаменъ на званіе сельскаго учителя.

4) Такъ какъ многіе преподаватели и законоучители добросовѣстнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей заслуживаютъ поощренія, то слѣдовало бы отдѣлывать на этотъ предметъ часть суммы, отпускаемой на народное образованіе. Это тѣмъ болѣе рационально, что ни одинъ изъ законоучителей не получаетъ нынѣ жалованья.

директоръ въ Парижѣ. Въ послѣдствіи директоръ Эрбстъ былъ избранъ въ членъ
 комитета, который долженъ былъ составить докладъ о дѣлѣ Эрбста. Эрбстъ
 и въ послѣдствіи не оставилъ своей должности, но въ послѣдствіи Эрбстъ
 и въ послѣдствіи не оставилъ своей должности, но въ послѣдствіи Эрбстъ
 и въ послѣдствіи не оставилъ своей должности, но въ послѣдствіи Эрбстъ

директоръ Эрбстъ и въ послѣдствіи Эрбстъ былъ избранъ въ членъ
 комитета, который долженъ былъ составить докладъ о дѣлѣ Эрбста.

директоръ Эрбстъ и въ послѣдствіи Эрбстъ былъ избранъ въ членъ
 комитета, который долженъ былъ составить докладъ о дѣлѣ Эрбста.

директоръ Эрбстъ и въ послѣдствіи Эрбстъ былъ избранъ въ членъ
 комитета, который долженъ былъ составить докладъ о дѣлѣ Эрбста.

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА

12/24-го декабря 1872.

Наше министерство народнаго просвѣщенія ознаменовало новый годъ цѣлымъ рядомъ административныхъ мѣръ, касающихся высшаго преподаванія. Первою изъ нихъ былъ циркуляръ, адресованный къ ректорамъ 15-ти академій (округовъ), въ которомъ предписывалось имъ приступить къ собранію свѣдѣній о матеріальныхъ средствахъ различныхъ высшихъ учебныхъ заведеній. Г. Жюль Симонъ уже указывалъ въ одной изъ своихъ рѣчей на вопіющіе недостатки, отъ которыхъ многіе изъ нихъ страдаютъ въ настоящее время; новый министръ требуетъ, чтобы недостатки эти со всевозможною подробностью были выставлены теперь на видъ; онъ не обѣщаетъ тотчасъ же удовлетворить ихъ, ибо не имѣетъ для того средствъ, но надѣется, что національное собраніе, когда будутъ ему сообщены результаты назначеннаго нынѣ слѣдствія, не откажетъ министерству въ необходимыхъ суммахъ. Нельзя не сочувствовать столь благимъ намѣреніямъ, но къ сожалѣнію, подобныя слѣдствія наряжались уже не разъ и не порождали ровно ничего; съ другой стороны, если бы правительство пожелало улучшить одновременно матеріальное положеніе всѣхъ нашихъ факультетовъ, то помощь эта оказалась бы крайне незначительною, была бы каплею воды въ морѣ. Люди здравомыслящіе предпочитаютъ, чтобы для начала оно обратило вниманіе лишь на два или на три факультета, — напримѣръ, на Парижскій и Нансіскій. Извѣстно, что послѣ утраты Страсбурга, сильно заботятся у насъ о томъ, чтобы сдѣлать Нанси однимъ изъ тѣхъ умственныхъ центровъ, которыхъ такъ много въ Германіи. Въ этомъ городѣ основали медицинскій факультетъ, уже оказывающій значительную пользу, а въ факультетѣ словесномъ учреждена новая кафедра географіи, которой нѣтъ ни въ одномъ изъ провинціальныхъ нашихъ факульте-

товъ. Пла также рѣчь объ учрежденіи тамъ кафедръ восточныхъ нарѣчій и, быть можетъ, эта мысль когда-нибудь осуществится. Въ Парижѣ болѣе всего слѣдовало бы позаботиться о Collège de France, Школѣ высшихъ наукъ, Школѣ восточныхъ нарѣчій и Музеѣ естественной исторіи. Для послѣдняго изъ этихъ учебныхъ заведеній предстоить еще сдѣлать очень много, чтобы поставить его на надлежащую высоту: музей обладаетъ превосходными коллекціями, которыя трудно, однако, изучать вслѣдствіе того, что онъ расположенъ въ крайне тѣсныхъ помѣщеніяхъ. Вообще мѣста въ музеѣ очень мало: въ послѣднее время построено для пресмыкающихся особое зданіе, — настоящій дворецъ; — но и этого все еще недостаточно. Три факультета — словесный, точныхъ наукъ и богословскій — по прежнему помѣщаются кое-какъ въ Сорбоннѣ, гдѣ нѣтъ вовсе сколько-нибудь удобныхъ залъ ни для ихъ коллекцій, ни для библиотекъ. Рядомъ съ Сорбонною находится большой участокъ земли, вовсе не застроенный, поросшій травой, и гдѣ уже 17 лѣтъ тому назадъ хотѣли воздвигнуть новое зданіе для этого заведенія; кажется, даже Наполеонъ III заложилъ первый его камень, но дальше этой торжественной закладки дѣло не пошло.

Школа высшихъ наукъ также имѣетъ весьма тѣсное и неудобное помѣщеніе въ Сорбоннѣ; Collège de France расположенъ гораздо лучше и требуетъ лишь весьма немногихъ улучшеній. Декретомъ 1-го января учреждены теперь въ немъ двѣ новыя кафедры — исторіи новѣйшей философіи и ассирійской филологіи и археологіи. Онѣ существовали уже и прежде, но собственно не принадлежали въ Collège de France. Кромѣ установленныхъ кафедръ, министръ имѣетъ право, по своему усмотрѣнію, учреждать еще дополнительные курсы въ томъ или другомъ изъ учебныхъ заведеній: такъ, напримѣръ, покойный Дарембергъ преподавалъ въ Collège de France исторію медицины, а Левассеръ преподаетъ исторію политической экономіи. Съ нѣкотораго времени члену института, г. Нуриссону, былъ порученъ дополнительный курсъ философіи и вотъ для этого-то предмета правительство учредило теперь постоянную кафедру. Что касается до кафедры ассирійской филологіи и археологіи, то она была создана для К. Опшарта: этотъ ученый — пшецкій еврей, не успѣвшій составить себѣ карьеры въ своемъ отечествѣ и принявшій французское подданство; у насъ считаютъ его однимъ изъ основательныхъ знатоковъ клинообразныхъ надписей; правительство наше, желая поощрить его занятія, учредило для него сначала кафедру санскритскаго язы-

ка при императорской библіотекѣ, при которой вообще положено было имѣть нѣсколько каедръ и замѣщать ихъ лицами, находящимися на службѣ въ библіотекѣ, которыя имѣли всѣ средства для того, чтобы упражнять молодыхъ людей въ чтеніи и толкованіи древнихъ манускриптовъ. Всѣ подобныя каедры находились въ полномъ распоряженіи министра: теперь сохранилась изъ нихъ лишь одна, — каедра археологін, занимаемая г. Бале. Вслѣдствіе того, что коллекціи библіотеки постоянно возрастали и помѣщеніе становилось тѣсно, курсы, о которыхъ идетъ рѣчь, и въ томъ числѣ курсъ г. Опперта, были перенесены въ Collége de France. Преподаваніе санскритскаго языка, порученное ему, оказалось менѣе полезно, послѣ того, какъ оно введено было также въ Школѣ высшихъ наукъ, а потому г. Оппертъ посвятилъ себя съ нѣкотораго времени особой спеціальности, уже составившей ему почетную извѣстность. Для полной его славы остается лишь одно — занять мѣсто въ Академіи надписей и изящной словесности, которая присудила ему премію въ 20.000 фр. Онъ уже являлся туда кандидатомъ, но не успѣвалъ доселѣ приобрести требуемаго по уставу числа голосовъ.

Перехожу затѣмъ къ Школѣ восточныхъ нарѣчій. Декретомъ 2-го января учреждено въ ней нѣсколько дополнительныхъ курсовъ, но прежде чѣмъ говорить о нихъ, я считаю не лишнимъ воснутья вообще упомянутаго учебнаго заведенія. Директоръ его, г. Шефферъ, сообщилъ мнѣ различные документы, съ которыми, какъ мнѣ кажется, будетъ не безынтересно познакомиться вашихъ читателей. Извѣстно, что Франція съ давнихъ поръ поддерживала дѣятельныя сношенія съ Востокомъ; еще при Лудовикѣ XIV существовала въ Парижѣ школа, имѣвшая цѣлю готовить переводчиковъ для нашихъ дипломатическихъ миссій въ Азію, и она уцѣлѣла до сихъ поръ при одномъ изъ лицеевъ; но настоящая Школа восточныхъ нарѣчій, подобно многимъ другимъ изъ главнѣйшихъ нашихъ ученыхъ учреждений, возникла лишь въ концѣ прошлаго столѣтія. Въ 1795 году комитетамъ народнаго просвѣщенія и финансовъ поручено было выработать проектъ упомянутой школы. Докладная записка къ нему, составленная членомъ Института, Лаканалемъ, отличалась большимъ здравымъ смысломъ, хотя авторъ и не могъ освободиться отъ напыщеннаго стиля, который былъ тогда въ большой модѣ. „Необходимо“, говорилъ онъ, упрочить во Франціи преподаваніе новыхъ восточныхъ языковъ, ибо при незнакомствѣ съ ними нельзя успѣшно вести переговоры съ азіатскими туземцами. Съ другой стороны, ученые и артисты изале-

кутъ изъ различныхъ тамошнихъ сочиненій объ астрономіи, химіи, медицинѣ много драгоцѣнныхъ матеріаловъ для литературы и искусства. Кромѣ того, мы обязаны противодѣйствовать клеветамъ, которыя Нѣмцы и Англичане распространяютъ на нашъ счетъ между восточными племенами, ибо памфлеты, разсылаемые по отдаленнымъ странамъ изъ Батавіи и Калькутты, принесли намъ болѣе вреда, чѣмъ артиллерія всѣхъ державъ, соединившихся съ цѣлью поработить насъ (1)". На основаніи упомянутаго доклада конвентъ постановилъ учредить при національной бібліотекѣ школу для преподаванія тѣхъ восточныхъ нарѣчій, которыя особенно необходимы въ политическомъ и торговомъ отношеніяхъ. Вначалѣ было только три каѳедры: 1) арабскаго языка, 2) турецкаго и крымско-татарскаго, и 3) персидскаго и малайскаго. „Профессора“, гласитъ одинъ изъ параграфовъ закона 1795 года, „обязаны сообщить ученикамъ понятіе о политическихъ и торговыхъ сношеніяхъ французской республики съ восточными народами; кромѣ того, должны составить граматическія руководства для преподаваемыхъ ими языковъ“.

Профессорами были назначены: для арабскаго языка—Сильвестръ де-Саси, для персидскаго — Лангле, для турецкаго — Вантюръ. Впослѣдствіи число каѳедръ значительно увеличилось, а именно къ прежнимъ тремъ присоединились каѳедры: армянскаго языка (1812), новѣйшаго греческаго (1819), китайскаго (1843), японскаго (1863) и т. д. Кромѣ того, ежегодно учреждаются еще и дополнительные курсы.

§ 3-й закона 1795 года возлагаетъ на профессоровъ, какъ упомянуто выше, обязательство составить на французскомъ языкѣ грамматики преподаваемыхъ ими предметовъ. Постановленіе это было въ точности исполнено. Мы имѣемъ въ настоящее время нѣсколько подобныхъ руководствъ, между которыми достаточно упомянуть о грамматикѣ арабскаго языка г. Сильвестра де-Саси, грамматику языка турецкаго—Жабера и Дюбѣ, японскаго—аббата Фавра, арабскаго—Коссена де-Персеваля, о синтаксисѣ китайскаго языка Станислава - Жюльена и т. д. Школа издала также на свой счетъ нѣсколько хрестоматій и словарей. Со времени учрежденія своего, она постоянно получала въ даръ различныя рукописи и сочиненія, число коихъ доходитъ нынѣ до 6.000. Нѣкоторыя изъ нихъ весьма драгоцѣнны: такъ, на примѣръ, египетскій вице-король подарилъ почти всѣ сочиненія, изданныя въ Каирѣ, а турецкое правительство—всѣ историческія и географическія произведенія, появившіяся въ Константинополѣ. Ко всему

этому нужно прибавить значительныя коллекціи медалей, географическихъ картъ, образцовъ мѣры и вѣса и т. д. Упомянутыя мною рѣдкости были до сихъ поръ мало доступны для публики. Покинувъ императорскую библіотеку, школа помѣстилась въ верхнемъ этажѣ Collège de France, но помѣщеніе это было крайне тѣсно. Теперь перевели ее въ зданіе, принадлежавшее одной изъ школъ морскаго вѣдомства и тамъ нашла она, наконецъ, широкій просторъ какъ для профессоровъ и воспитанниковъ, такъ и для своихъ коллекцій. Число ея воспитанниковъ простирается до 80; всѣхъ кафедръ 10, а именно:

Арабскій языкъ. Профессоръ — г. Сляпъ, при которомъ находится ренетиторъ изъ туземцевъ. Преподаетъ грамматику, изъясняетъ Коранъ и Сказки тысячи одной ночи. — *Персидскій.* Преподаватель, г. Шефферъ (директоръ школы), занимается преимущественно центральною Азією. — *Турецкій.* Чтеніе авторовъ подъ руководствомъ г. Барье-де-Мейнара. — *Малайскій и Японскій.* Профессоръ г. Фавръ. Объясненіе манускриптовъ. — *Армянскій.* Г. Дюлорье читаетъ съ воспитанниками авторовъ и излагаетъ исторію Арменіи. — *Современный греческій.* Г. Брюне-де-Перль занимается сравнительнымъ изученіемъ современной греческой грамматики съ древнею и переводами. Особый ренетиторъ упражняется съ воспитанниками въ разговорной рѣчи. — *Китайскій.* Профессоръ г. Ключковскій. Діалоги и объясненіе текстовъ. При г. Ключковскомъ находится, въ качествѣ ренетитора, Китасцъ, который обязался контрактомъ служить при школѣ въ теченіе пяти лѣтъ. — *Японскій.* Г. Леонъ-де-Роспи занимается діалогами, объясненіемъ текстовъ, письменными упражненіями. — *Аннамскій.* Профессоръ г. Демишель.

Кромѣ этого, существуетъ еще нѣсколько дополнительныхъ курсовъ. Такъ, наиримѣръ, въ нынѣшнемъ учебномъ году, г. Дюга читаетъ лекціи о мусульманскомъ законодательствѣ, г. Латушь — объ азбукѣ различныхъ восточныхъ народовъ, г. Луи Лежертъ — о сербскомъ языкѣ, а Венгерецъ по происхожденію, г. Уйфальви, — о географіи центральной Азіи. Весьма серьезно помышляютъ о томъ, чтобы ввести въ программу курсъ русскаго языка, который уже изучается въ Неаполитанской восточной школѣ. Г. Шефферъ, находящійся въ лучшихъ сношеніяхъ со многими русскими ориенталистами, желалъ бы обогатить библіотеку школы русскими сочиненіями, относящимися къ востоку и, чрезъ мое посредство, заявляетъ готовность препроводить труды, издаваемыя школою, тѣмъ изъ вашихъ ученыхъ,

которые будутъ присылать ей свои произведенія (адресъ: 2, rue de Lille, Paris).

Окончательно парижская школа восточныхъ языковъ была организована декретомъ 8-го ноября 1869 года, дополненнымъ различными другими декретами, изъ которыхъ послѣдній былъ подписанъ г. Тьеромъ 11-го марта 1873 года. Главнѣйшія подробности ея устройства заключаются въ слѣдующемъ: въ школѣ находятся воспитанники и вольные слушатели; воспитанники обязаны держать публичный экзаменъ; успѣшно окончившимъ курсъ выдаются дипломы, въ которыхъ обозначено, какому языку они обучались. Списокъ этихъ молодыхъ людей препровождается въ министерство иностранныхъ дѣлъ, военное, морское и торговли. Воспитанники, получившіе дипломъ, могутъ быть отправлены, на казенный счетъ, въ тѣ страны, парѣчія коихъ они изучали, съ цѣлью еще болѣе усовершенствоваться на практикѣ и ознакомиться на мѣстѣ съ политическими и торговыми интересами этихъ странъ. Школа находится подъ контролемъ комиссіи, состоящей изъ слѣдующихъ лицъ: министра народнаго просвѣщенія (президента), директора школы (вице-президента), директора національной типографіи, уполномоченныхъ отъ министерствъ иностранныхъ дѣлъ, народнаго просвѣщенія, военнаго, морскаго, земледѣлія и торговли.

Декретомъ 26-го февраля 1872 года учреждено званіе иностранныхъ корреспондентовъ школы: званіе это — чисто почетное, но все таки оно обязываетъ лицъ, носящихъ его, принимать участіе въ занятіяхъ этого учебнаго заведенія.

Носятся слухи, что наше министерство народнаго просвѣщенія намѣревается произвести большія перемѣны въ правилахъ относительно командировокъ съ ученою цѣлью. До сихъ поръ назначенія эти зависѣли исключительно отъ министра, но подобный порядокъ вещей признанъ несостоятельнымъ именно потому, что министры мѣняются у насъ слишкомъ часто. Говорятъ, что отнынѣ для учебныхъ командировокъ будетъ необходимо согласіе особой комиссіи, долженствующей состоять изъ специалистовъ, — и нѣкоторыхъ изъ нихъ уже называютъ. Я воздержусь, однако, отъ всякихъ сужденій объ упомянутой мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока она не будетъ официально обнародована.

II.

Въ ряду болѣе или менѣе замѣчательныхъ литературныхъ произведеній, уже появившихся или ожидаемыхъ на дняхъ, первое мѣсто без-

спорно принадлежит книгѣ г. Жюля Симона: „La reforme de l'enseignement secondaire“. Авторъ читалъ въ Академіи надписей и изящной словесности отрывки изъ этого труда, цѣль коего—объяснить и оправдать преобразованія, изложенныя г. Жюлемъ Симономъ (когда еще онъ былъ министромъ) въ циркулярѣ 27-го октября 1872 года. Книга должна вскорѣ поступить въ продажу, но книгопродавецъ сообщилъ мнѣ одинъ ея экземпляръ, такъ что уже теперь я могу сказать вамъ нѣсколько словъ объ ея содержаніи, а впослѣдствіи упомяну и о полемикѣ, которую она не замедлитъ вызвать.

Сочиненіе г. Жюля Симона состоитъ изъ трехъ частей: 1) цѣль среднеучебныхъ заведеній; 2) воспитаніе физическое; 3) воспитаніе умственное. Въ первой части авторъ старается доказать, что цѣль обученія, какъ понимаютъ его теперь во Франціи, состоитъ не въ томъ, чтобы развить умъ и волю, но единственно въ томъ, чтобы подгото- вить молодаго человѣка къ экзамену. „Мы же“, говоритъ онъ, „нуждаемся въ такой системѣ, которая научила бы насъ самостоятельно мыслить, сдѣлала бы насъ способными къ борьбѣ, пробудила бы въ насъ непреодолимое отвращеніе ко всему низкому и пошлomu. Въ Англии и Германіи, несравненно болѣе чѣмъ въ нашемъ отечествѣ, заботятся о развитіи и укрѣпленіи характера. Сенека, во времена римской имперіи, жаловался на то же зло, отъ котораго мы страдаемъ теперь: *non vitae, sed scholae discipulus*“. По весьма справедливому мнѣнію г. Жюля Симона, нужно стараться внушить молодежи охоту и привычку къ труду, а не наполнять только ея голову множествомъ различныхъ свѣдѣній. Къ несчастію, наши педагоги въ занятіяхъ своихъ съ молодыми людьми исключительно заняты мыслью о грозномъ „*examen du baccalaureat*“, который открываетъ доступъ къ цѣлому ряду болѣе или менѣе важныхъ должностей. Въ началѣ онъ былъ установленъ для того, чтобы удостовѣриться—получилъ ли молодой человѣкъ солидное классическое образованіе, но впослѣдствіи онъ утратилъ это значеніе: вмѣсто того, чтобы служить простою повѣркой ученія, онъ сдѣлался его цѣлью. Г. Ж. Симонъ возражаетъ весьма сильно противъ программы упомянутаго испытанія, которою условливается прежде всего развитіе памяти, а не основательное сужденіе. Съ этою цѣлью предлагаетъ онъ цѣлый рядъ реформъ, о которыхъ я поговорю впослѣдствіи подробно: такъ, между прочимъ, онъ желалъ бы, чтобы экзаменъ на степень бакалавра былъ не единственнѣйшимъ, а лишь послѣднимъ изъ цѣлаго ряда испытаній, которыя происходили бы въ концѣ каждаго академическаго года; онъ

требуетъ, чтобы комиссія, выдающая дипломы на упомянутую степень, была составлена иначе, чѣмъ теперь; но, по мнѣнію его, нельзя предоставить частнымъ, не зависящимъ отъ государства, корпораціямъ право раздавать ученые степени. Впрочемъ, нѣкоторые изъ этихъ преобразованій уже осуществлены главнымъ совѣтомъ народнаго просвѣщенія, какъ можно убѣдиться въ этомъ изъ циркуляра г. Дюпанлу, съ которымъ я познакомилъ вашихъ читателей.

Что касается до второй части сочиненія г. Жюля Симона, то она интересна преимущественно для французской публики. Физическимъ воспитаніемъ черезъ чуръ пренебрегали до сихъ поръ въ нашихъ школахъ. Одинъ изъ талантливыхъ нашихъ литераторовъ, г. Лапрадъ, обратилъ вниманіе на этотъ столь важный недостатокъ въ книгѣ своей „Education homicide“, и хотя подобный эпитетъ слишкомъ рѣзокъ, но тѣмъ не менѣе въ книгѣ г. Лапрада высказано очень много здравыхъ мыслей, которыми не худо было бы воспользоваться. Г. Жюль Симонъ сравниваетъ наши закрытыя учебныя заведенія съ англійскими, воспитанники коихъ пользуются широкою свободою во внѣклассное время; правда, въ Англии нѣтъ ничего подобнаго нашимъ большимъ пансіонамъ, но авторъ откровенно сознается, что онъ нисколько не пожалѣлъ бы, если бы они вовсе были уничтожены. „Наши коллеги“, говоритъ онъ, „были въ прежнее время монастырями, пылѣ превратились они въ казармы и весьма желательно, чтобы проникли въ нихъ обычаи семейной среды“. По этому поводу сдѣлано авторомъ весьма много дѣльныхъ замѣчаній о пользѣ гимнастики, прогулокъ съ педагогическою цѣлью, воинскихъ упражненій и фехтованія.

Третья и послѣдняя часть книги—самая обширная и посвящена почти исключительно подробному развитію тѣхъ идей, которыя уже были выражены авторомъ въ его циркулярѣ 27-го сентября 1872 года. Г. Жюль Симонъ затрогиваетъ здѣсь почти все вопросы, касающіеся нашихъ среднеучебныхъ заведеній. Онъ принадлежитъ, между прочимъ, къ безусловнымъ противникамъ пансіоновъ, существующихъ при нашихъ лицеяхъ, но не требуетъ ихъ закрытія, ибо при теперешнихъ обстоятельствахъ подобная мѣра породила бы въ свою очередь большой вредъ, а желалъ бы только, чтобы, по примѣру Англии, введена была у насъ турская система. По его мнѣнію, преподаватели, конечно, женатые, могли бы держать у себя большее или меньшее количество воспитанниковъ, какъ это и дѣлается уже теперь въ двухъ или трехъ парижскихъ лицеяхъ. Этотъ обычай не пользовался, однако, одобреніемъ правительства, которое не безъ основанія упрекало озна-

ченныя преподавателей въ томъ, что они гораздо болѣе заботятся о своихъ матеріальныхъ выгодахъ, чѣмъ о надлежащей подготовкѣ вѣрннхъ имъ молодыхъ людей.

Я ограничусь пока лишь этимъ краткимъ обзоромъ новой книги г. Жюля Симона, но не замедлю возвратиться къ ней подробнѣе.

Что касается до другихъ историческихъ и литературныхъ произведеній, появившихся въ послѣднее время, то упомяну о сочиненіи гг. Жофруа и Арнета о королевѣ Маріи-Антуанетѣ (*Marie-Antoinette, correspondance secrète, par Geoffroy et Arneth*), весьма заинтересовавшемъ нашу публику, и о книгѣ г. Жофруа: „Римъ и варвары“ (*Rome et les barbares*), о которой г. Гизо сдѣлалъ недавно весьма лестный отзывъ въ Академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ. Кромѣ того, появился трудъ г. Рамбо „Германія во время Наполеона I“ и психологическіе и философскіе этюды г. Папильона подъ заглавіемъ: „Природа и жизнь“ (*La nature et la vie, par F. Papillon*), обнаруживающіе несомнѣнный талантъ. Къ сожалѣнію, это—посмертное сочиненіе; авторъ скончался на 26 году отъ роду, еще не успѣвъ развить всѣ свои богатыя способности.

Извѣщаютъ, что на дняхъ долженъ появиться новый трудъ г. Гастона Буассье (автора книги: „*Cicéron et ses amis*“) о религіи древнихъ Римлянъ.

Л. Л—ръ.

ОТДѢЛЪ
КЛАСИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ
ЖУРНАЛА
МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1878

RECEIVED

DE HORATII SATURARUM II, 2, 29, 30.

20. Tu pulmentaria quaere
Sudando: pinguem vitiis albumque nec ostrea
Nec scarus aut poterit peregrina juvare lagois.
Vix tamen eripiam, posito pavone velis quin
Hoc potius quam gallina tergere palatum,
25. Corruptus vanis rerum, quia veneat auro
Rara avis et picta pandat spectacula cauda,
Tamquam ad rem attineat quicquam. Num vesceris ista,
Quam laudas pluma? cocto num adest honor idem?
Carne tamen quamvis distat nil, hac magis illam
30. Imparibus formis deceptum te petere esto!

Quamquam horum commentariorum in libello Decembri mense a. 1873 edito ei versus, quos supra typis describendos curavimus, ab homine de Latinis poetis optime merito tractati inveniuntur, tamen, si pauca nostra quidem sententia non neglegenda de eadem re addiderimus, veniam nos a lectoris impetraturos esse speramus. Atque tres sunt res, in quibus offenderim, quum Muellerei commentariolum de versibus illis Horatianis conscriptum legerem: primum non satisfacere mihi videntur ea, quae vir ille doctissimus de libris manu scriptis dixerit, deinde, quae ille Bentlei exemplum secutus de concedentis formula, quae est *esto*, contenderit, aliter mihi atque illi se habere videntur, post de accusativi cum infinitivo usu nonnulla sunt monenda, quae si perpenderit, persuasuros nos lectoris speramus, hunc locum secus esse explicandum, atque viro illi clarissimo duobus ante mensibus intellegendus esse visus sit.

Ac primum quidem de libris manu scriptis videamus; qui quanti sint momenti ad ejusmodi quaestionem, quam nobis proposuerimus, quis est, quem fugiat? Itaque ante omnia, id quod caput est, respiciamus, num verisimile sit, v. 29 sq. lectionem *hac* vel *haec* — *illam* — *petera* fuisse in codice Blandinio antiquissimo.

Ex eis enim, quae a Muellero strictim tantum hac de re disputata sunt, non satis elucet, quid hac de re iudicandum sit. Praetereo hoc loco, quod haud paucis atque illis quidem harum rerum non imperitis hominibus doctis, velut Th. Bergkio ¹⁾, O. Kellero, aliis hic codex nihili videtur faciendus esse, — mitto, Blandinium codicem de multis mendis cum ceteris libris manu scriptis consentire, — hoc mea quidem sententia nullo modo dubitandum est, quin unus hic codex aut rectum aut id, quod a recto non procul absit, saepissime exhibuerit. ²⁾ Sed nescio quo pacto nobis non notum est, quae fuerit ejus lectio hoc loco, de quo nunc disputamus.

Jam vero apud Muellerum legimus, codicem Gothanum seculi XV, qui Sat. I, 6, 126 eandem lectionem atque Blandinium praebat, ex codice Blandinio videri descriptum esse; sed cum multis locis ab hoc discrepet, facere non possumus, quin eum aut ex eodem fonte, quo Blandinium, manasse censeamus, aut saltem, si quidem ex ipso hoc codice originem ducat, multis aliis codicibus interpositis ab eo ortum esse iudicemus. Quae cum ita sint, neque de ceteris, neque de hoc loco ex uno Gothano sine ulla dubitatione colligere possumus, Blandinium eandem lectionem exhibuisse, quae etiam nunc in Gothano inveniatur.

Sed alter est liber manu scriptus, Turicensis, qui, quum haud raro cum Blandinio consentiat, sed multis tamen locis ab illo discrepet, unum ex eis codicibus esse apparet, qui nominantur contaminati: alio enim loco alius generis codicum lectionem praebet. Quo efficitur, tum denique nos dubitare non posse, quin in Blandinio certa quaedam lectio exstiterit, si non solum in Gothano, sed etiam in Turicensi idem legatur. Cum autem cod. Turicensis in saturis et epistolis Horatianis plane deficiat ³⁾, haud scio an semper dubium futurum sit, quid Sat. II, 2, 29 sq. Blandinius habuerit; quin etiam, si Bentleius semper sibi constare voluisset, — id quod aliter se habere nemo est qui nesciat, — et si notum esset, eum plus de Blandinio scivisse, quam ipsi ex editione Cruquiana haurire possumus, — si haec, inquam, ita se haberent,

¹⁾ Cf. Philolog. XIV p. 483.

²⁾ Velut Sat. I, 1, 108, ubi pro *qui nemo ut* (Bland.) legendum est: *quum nemo ut*. Sat. I, 6, 126: *campum lusumque trigonem* (Bland. et Goth.). Sat. I, 3, 57 legendum est *ille*, quod exhibet solus Bland. Ep. I, 10, 13: *ponendaque domo*. Ep. I, 16, 43: *Quo res sponsore*. Ep. II, 1, 198: *nimio*.

³⁾ Cf. Kelleri et Holderi edit. II, p. IV et 476.

ex eo, quod Bentleius primus (velut in adnot. ad Od. IV, 7, 15 et Sat. libr. I, 6, 126) codicis Blandinii praestantiam agnovit, hoc autem loco, de quo nunc quaerimus, non solum alterius codicum generis lectionem (*patet*) praefert, sed ne commemorat quidem, in Blandinio fuisse *petere*,—ex hac re igitur colligere possemus, hunc philologorum principem aut nescivisse, quam lectionem Blandinius praebuisset, aut ejus verba accepturum fuisse: in eis enim, quæ his de versibus disserit, hæc: „*Denique, inquit, etiam libenter carere possumus Torrentii opera, qui ex nescio quibus in uno et altero codice variis lectionibus sic locum constituit:*

Carne tamen quamvis distat nil hac magis illam
Imparibus formis deceptum te petere esto.

Sed hæc omnia non idcirco disputavimus, quasi de praestantia lectionis illius: *hac—illam—petere* dubitemus (nam aliquot aliis haud parvi faciendis libris fulcitur), sed quod ea, quæ a Muellero dicta sunt, sic videntur comparata esse, ut eos, qui in codicibus Horatianis parum versati sint, inducere possint in errorem.

Deinceps, ut erat propositum, de imperativo *esto* dicatur. Quem nisi in initio orationis non poni dixit Mueller, Bentlei exemplum secutus. Nam in Horatii editione Berolinensi vol. I. p. 436 Anglus ille, ingenii acumine praeditus vel maximo: *quod, inquit, hanc emendationem (te petere) funditus evertit, illud est, quod Esto, vox concedentis, semper orationem inchoet, nunquam, ut hic, claudat.*

Sed, hercule, quæ tandem hæc est lex? Nam quamvis diu multumque circumspekerim, tamen haud multa reperire potui, in quibus illa Bentlei verba niti posse videantur.

Age vero respiciamus, si placet, ipsos locos. Ac primum quidem unum est exemplum apud ipsum Horatium, ubi vox *esto* accusativum cum infinitivo sibi adjungat, qui locus legitur Ep. I, 1, 81:

Verum

Esto aliis alios rebus studiisque teneri:
Idem eadem possunt horum durare probantes?

Alterum exstat apud Lucretium libri II, v. 907:

Sed tamen esto jam posse hæc aeterna manere,
Nempe tamen debent aut sensum partis habere etc.

De tertio loco, qui item apud Lucretium (libri III, v. 735) invenitur, dubitari potest; nam quum hic poeta l. l. dicat;

Sed tamen his esto quamvis facere utile corpus,
Quum subeant; at qua possint via nulla videtur ¹⁾.

aut esse aut sit suppleri posse apparet, ita ut hic locus nihil ad hanc controversiam dijudicandam valeat.

Quod quum ne apud ceteros quidem Latinos scriptores, quod sciam, tertium ejusmodi exemplum exstet, ubi *esto* cum accusativo et infinito usurpatum inveniatur, quis est, qui Bentleianam legem incertis ac dubiis principiis niti non concedat? At plura sunt exempla, in quibus vox *esto* si non cum accusativo et infinito usurpetur, at est concedentis. Quis negat? Sed num omnibus locis haec vox ad ea tantum pertinet, quae sequuntur? Et profecto non desunt loci, ubi imperativus orationem inchoet, quos, si placet, nunc respiciemus ²⁾.

Atque hujus quoque generis apud ipsum Horatium unum invenitur exemplum, non plura: Sat. I, 6, 19 sq.

Namque esto, populus Laevino mallet honorem
Quam Decio mandare novo etc.

Quod ad Ciceronem attinet, negare non possumus, imperativum *esto* ubique antecedere eis, quae concedantur, id quod elucebit his e locis: De Fin. II, 19, 61: Esto: fecerit, si ita vis, Torquatus propter suas utilitates. Ibid. II, 28, 92: Verum esto: consequatur summas voluptates non modo parvo, sed per me nihilo, si potest. Phil. II, § 30. Esto: sit in verbis tuis hic stupor: quanto in rebus sententiisque major?—Ibid. § 75: Cn. Pompei liberi tum primum patriam repetebant. Esto, fuerit haec partium causa communis. Ibid. § 81. Esto: hoc imperite; nec enim est ab homine numquam sobrio postulanda prudentia. Tusc. I, 43. 102: Esto: forte: et duri Spartiatae, magnam habet vim rei publicae disciplina.—Divin. in Caec. 15, 47: Esto: ipse nihil est, nihil potest.

¹⁾ Lucretius dicere vult hoc: Sed demus, his vel utilissimum esse gignere eo ipso tempore, cum introcant, tamen nullus modus, quo id perficere possint, apparet.

²⁾ Hoc loco facere non possum, quin moneam, Muellerum, quum in societate philologorum Petropolitana contra me disputaret, disertis verbis affirmasse, quae de vocula *esto* contendisset, ea non pertinere ad illum imperativum, si absolute esset usurpatus. Quam ob rem ea, quae de usu vocis illius infra disseruntur, quum contra hominis illius doctissimi sententiam nihil jam facere posse videantur, supervacanea esse putaveris. Sed quum verba vel Bentlei, vel sua perperam intellegi posse ne Mueller quidem negabit, tum maxime haud ab re fore sperabam anquirere, quomodo *esto* absolutum a Latinis scriptoribus usurparetur. Atque hae sunt causae, cur hanc alteram partem non omiserim.

Quibus jam a Seyfferto Schol. lat. vol. I. § 69 allatis exemplis accedant haec: Pro Rege Deiot. 11, 30: Esto, concedatur haec quoque acerbitas et odii magnitudo. Rosc. Am. 27, 73: Esto, causam proferre non potes. Verr. V, 17, 42: Esto: nihil ex fugitivorum bello aut suspicione belli laudis adeptus est... Ibid. § 76: Verum esto: sit illud liberum omne tempus, quod cum imperio fuisti. Ibid. III, 57, 132: Esto: cetera negare non potes. — Sed redeamus ad poetas!

Vergilius quidem, quod sciam, hanc formulam non saepius quam quater usurpavit et id quidem uno excepto loco ita, ut iis, quae concederentur, insereret.

En habes ipsos locos:

Aen. IV, 35:

Esto: aegram nulli quondam flexere mariti,
Non Libyae, non ante Tyro, despectus Jarbas etc.

(ubi ita, ut apud Ciceronem, sequuntur ea, quae conceduntur).

Aen. VII, 313:

Non dabitur regnis, esto, prohibere Latinis
Atque immota manet fatis Lavinia conjunx:
At etc.

Aen. X, 68:

Italiam petiit fatis auctoribus, esto,
Cassandrae impulsus furiis: num linqere castra
Hortati sumus etc.

Denique Aen. XII, 821:

Cum jam conubiis pacem felicibus, esto,
Component, cum jam leges et foedera jungent,
Ne vetus indigenas nomen mutare Latinos
Neu Troas fieri jubeas etc.

Quibus cum locis comparari licet Catullianum illud (114, 5):

Quare, concedo, sit dives, dum omnia desint.

Sed haec quidem hactenus; nunc de Horatio quaerimus. Apud quem eo loco, de quo nunc disputamus, et duobus, quos supra attulimus, exceptis vox *esto* ita, ut sit concedentis, quater invenitur atque tribus in locis dubitandum non est, quin spectet ea, quae antecedant. Loci autem sunt hi; Sat. II, 3, 65;

Insanit veteres statuas Damasippus emendo:
Integer est mentis Damasippi creditor? Esto ¹⁾.

Ep. I, 17, 37:

Sedit, qui timuit, ne non succederet; esto.

Sat. II, 1, 83:

Si mala condiderit in quem quis carmina jus est
Judiciumque. Hor. Esto, si quis mala.

Sat. II, 3, 31:

Atqui

Emovit veterem mire novus ²⁾, ut solet in cor
Trajecto lateris miseri capitisve dolore,
Ut lethargicus hic, cum fit pugil et medicum urguet.
Hor. Dum ne quid simile huic, esto, ut libet.

Huc accedit, quod etiam si Sat. II, 2, 29 sq. legimus ita, ut vult
Mueller:

Carne tamen quamvis distat nil, hac magis illam
Imparibus formis deceptum te peteret Esto.

haec vox nihilo minus ad priora verba referenda est.

Quodsi quid ad hanc controversiam dijudicandam valeat, num apud
ceteros poetas Latinos *esto* in fine orationis positum exstet, in promptu
habemus aliquot exempla, quae nunc enumeraturi sumus. Itaque apud
Lucilium XXX, v. 115 (in Luciani Muelleri editione) legimus:

Omnes formonsi, fortes tibi, ego improbus?—esto.

apud Terentium Haut. III, 3, 11:

Clitipho: at fides mi apud hunc est, nil me istius facturum, pater.

Chremes: esto; at certe ut hinc concedas aliquo ab ore eorum aliquantisper.

apud Juvenalem VIII, 164:

Defensor culpae dicat mihi «Fecimus et nos
Haec juvenes». Esto! Desisti nempe nec ultra
Fovisti errorem.

Quibus cum locis conferri potest Ciceronis illud de Nat. Deor. I,
31, 88: Beatos esse Deos sumpsisti. Concedimus. — et Quintiliani Inst.

¹⁾ Sunt qui censeant, hanc vocem esse referendam ad ea, quae sequuntur, velut
Doederlinus et Gessnerus, qui haec monet: Esto Geometrarum more posuit. Esto
haec species; ponamus hunc casum, si dicam tibi, Accipe etc.

²⁾ i. e. morbus.

Orat. I, 1, 3: Praestat tamen ingenio alius alium. Concedo.—et omnia ea ¹⁾, quae apud Seyffertum Schol. lat. I, p. 139 sq. sunt allata ²⁾.

Quae cum ita sint ea, quae Bentlicius et Mueller de imperativi illius usu dixerint, non ita se habere demonstrasse mihi videor, si argumentis eget id, quod luce est clarius. Atque haec ipsa est causa, cur censeam, utrumque ³⁾ nihil dicere voluisse, nisi vocem illam, si accusativum cum infinitivo sibi adjungeret, nisi in initio sententiae non poni. Sed jam supra commemoravimus, numerum ejusmodi exemplorum esse minorem, quam ut ex eo quidquam colligere possimus. Huc accedit, quod collocatio verborum apud poetam non tanti est momenti, quanti apud scriptores orationis solutae. Denique facere non possum, quin fatear, me non intellegere, quid intersit, utrum dicatur hoc: „capitis damnandus est. Concedo (vel. Esto)“, an illud: „capitis eum damnandum esse concedo (vel esto)“.

Satis dixisse videor, quare Horatianum esse illud *esto* ita usurpatum, ut supra diximus, negari non posse censeamus. Restat, ut pauca addamus de accusativo cum infinitivo, qui est indignantis, vel mirantis. Quod priusquam faciam, paullo altius repetendum est atque quaerendum, quid Horatius dicere voluerit. Itaque tanta est, inquit Horatius, his diebus amentia ganeonum, ut non eis quae suavi sapore sint alliantur, sed quae difficilia sint inventu pulchraque specie, in mensis sibi apponi velint, quasi vero vescantur eis, quae delectet oculos. Sed haec amentia parva est prae illa, quod idem dicunt, multum interesse inter lupum marinum qui sit captus in Tiberi et eum, qui in alto mari.

Quae qui accuratius perpenderit, facere non poterit, quin intellegat, Horatium a minore ad majus procedere; atque idem in omnes eas formulas cadit, quas a Romanorum scriptoribus concedendi modo causa usurpatas esse supra diximus. Jam vero non intellegimus, quo ejusmodi formae orationis convenire possit accusativus cum infinitivo; qui enim fieri potest, ut cum quid non credibile esse vel po-

¹⁾ Credo Cic. Cat. Maj. § 21. Fateor Orat. § 31, § 143. Verr. V, § 5. Quis negat? de Leg. III, § 23. Audio pr. Rosc. Am. § 58. Certe Orat. 144. Optime Brut. § 288 etc.

²⁾ De Graecorum εἶν, quod Latinorum *esto* respondet fusius disputavit Stallbaum. ad Platon. Enthyphr. p. 88 ed. Lips. Kuehner. Griech. Gramm. II, p. 167, 1 confert: Eur. Med. 386: εἶν καὶ δὴ τεθνᾶσι: τίς μὲ δέξεται πόλις; Iph. Aul. 1186: εἶν θύσαις δὲ τὴν παιδὶ ἔνθα τίνας εὐχὰς ἔρεις.

³⁾ Muellero hoc ita se habere jam supra monuimus.

tius indignandum dicatur, tamen hoc ut fiat permittatur? Atque haec est causa, cur apud Latinos scriptores haec verborum constructio nusquam usu veniat, si esto sive similia sequantur. Accedit, ut in tali oratione, ubi sententiae inter se excipiant atque alia ab alia apta sit, accusativus cum infinitivo a Latinis non solum poetis, sed etiam orationis solutae scriptoribus sit evitatus.

Quae ut exemplis comprobentur, hos adjungemus locos:

Hor. Epod. 8 init.

Rogare longo putidam te saeculo
Vires quod enervet meos, etc.

Sat. I, 9, 72.

Huncine solem
Tam nigrum surrexe mihi!

Sat. II, 4, 83.

Ten lapides varios lutulenta rade palma
Et Tyrias dare circum illota toralia vestes...

Verg. Aen. I, 37.

Mene incepto desistere victam
Nec posse Italia Teucrorum avertere regem.

Ibid. I, 97.

Tydidel mene Iliacis occumbere campis
Non potuisse tuaque animam hanc effundere dextra?

Ibid. V, 612.

Heu tot vada fessis
Et tantum superesse maris! ⁴⁾

⁴⁾ Apud Catullum, quod sciam, talis accusativus cum infinitivo non invenitur, aliter enim hic poeta exprimit indignationem velut carm. LXIII, 68 sqq:

Ego nunc deum ministra et Cybeles famula ferar?
Ego Maenas, ego mei pars, ego vir sterilis ero?
Ego viridis algida Idae nive amicta loca colam?
Ego vitam agam sub altis Phrygiae columinibus?

et carm. XXIX 6, sqq.

Et ille nunc superbus et superfluens
Perambulabit omnium cubilia
Ut albulus columbus aut Adoneus?

Sed nemo non videt his in versibus ea, quibus indignetur poeta, ad tempus futuram esse referenda atque ita notionem indicatiyi futuri congruere cum notione conjunc-

Sed quum eum, qui hac de quaestione judicare velit, ipsum verborum contextum inspicere necesse sit, indicasse satis habebimus, ubi accusativus cum infinitivo, qui est mirantis vel indignantis, reperiri possit. Itaque conferas velim 1) locos jam a Lachmanno in commentario Lucretiano allatos hos: Terent. Andr. I, 5, 18, et V, 3, 8; id. Eun. IV, 3,2; Phorm. II, 1, 2; Eun. II, 1, 2; Phorm. V, 9, 53; Heaut. V, 4, 18; Andr. V, 2, 29; Plaut. Aul. II, 5, 12; Cic. de Fin. II, 29; ibid. IV, 76; Verr. V, 14; pr. Cluent. 15, 84. 2) alios, qui hic illic afferuntur: Ter. Ad. III, 4, 2; id. Andr. I, 5, 10; Plaut. Bacch. I, 2, 44; Capt. IV, 2, 3. Cic. ad Fam. XIV, 1, 1; ad Att. V, 11; IX, 13; de Div. II, 13; Liv. III, 67; Cic. Verr. V, 44 et V, 6; ad Fam. VIII, 17, 1; Justin. II, 14; Liv. XLV, 38; Ter. Andr. I, 5, 10.

Haec fere habui, quae contra Muelleri sententiam dicenda esse viderentur.

Quum autem nostra quidem sententia sic, ut hic homo doctissimus illos versus Horatianos acceptos vult, intellegi non possint, restat, ut eos ita accipiamus, ut Accusativus cum Inf. pendeat ex vocula *esto*. Legamus igitur:

Carne tamen quamvis distat nil hac magis illam,
Imparibus formis deceptum te petere estol¹⁾

Э. Верть.

tionis ut cum conjunctivo conjunctae velut Cic. Cat. I, 9. Te ut ulla res frangat? Tu ut unquam te corrigas? — Qua a constructione verborum accusativum cum infinitivo ita discernendum esse, ut ad praesens tantum tempus spectet, a grammaticis fere non dicitur.

¹⁾ Russice hi versus hoc fere modo vertendi sunt: Но, положимъ даже, что ты, обманутый неодинаковою наружностью (павлина и курицы), тѣ (павлинье) мясо предпочитаешь этому (куриному), хотя оно по вкусу и не различается, однако и т. д.

КАННИБАЛИЗМЪ ВЪ ГРЕЧЕСКИХЪ МИФАХЪ¹⁾.

ОПЫТЪ ПО ИСТОРИИ РАЗВИТІЯ НРАВСТВЕННОСТИ.

§ 10.

„Золотой вѣкъ“.

Если мы только всмотримся въ ту ужасную дичь, которая рисуется въ безчисленномъ множествѣ греческихъ мифовъ, то будемъ въ состояніи оцѣнить значеніе цѣлаго ряда сказаній о первобытномъ блаженствѣ человѣчества, о такъ-называемомъ золотомъ поколѣніи или вѣкѣ. Эти сказанія сильно напоминаютъ намъ естественную грусть нѣкоторыхъ дикарей о прошломъ блаженномъ состояніи, когда еще существовалъ „добрый, старый обычай“, позволявшій между прочимъ ѣсть даже человѣческое мясо²⁾. Если въ греческихъ сказаніяхъ о золотомъ вѣкѣ и не кроется именно эта мысль, то нѣтъ все-таки ни малѣйшаго сомнѣнія, что они сложились на основаніи тѣхъ же самыхъ психологическихъ данныхъ, какъ и всѣ другія воспоминанія „о прежнихъ, лучшихъ временахъ“. Если вспомнимъ, какъ даже величайшія бѣдствія, пережитыя нами, со временемъ слагаются въ нашей памяти въ романтическую, не лишенную привлекательности картину, то существованіе подобныхъ воспоминаній, получившихъ со временемъ значеніе традиціонной истины, никакъ не покажется намъ неестественнымъ. Подобнымъ путемъ у насъ, напримѣръ, сложились ро-

¹⁾ *Продолженіе.* См. *Журналъ Мин. Народн. Просв.* декабрь 1873 года и январь 1874 года.

²⁾ См., напримѣръ, *Wundt, Vorlesungen üb. Menschen- u. Thierseele*, II. стр. 131: Auf den Fidschiinseln hatten sich schon vor der Ankunft der Europäer Volksparteien gebildet, die das von der Nobilität als *gute alte Sitte* geübte Menschenfressen... bekämpften и т. д.

магическихъ понятія о фактически столь дикихъ временахъ, каковы были въ сущности средніе вѣка. Я бы считъ даже лишнимъ приводить что-либо въ подтвержденіе этого объясненія подобныхъ сказаній, если бы не существовала, къ сожалѣнію, цѣлая литература, эксплуатирующая ихъ въ пользу своихъ теорій о первобытной невинности человѣчества, о послѣдовавшемъ паденіи его, о сознаніи этого паденія и т. п. Не останавливаясь на ненаучности, иногда даже просто лживости приемовъ подобнаго направленія, я ограничусь здѣсь однимъ указаніемъ на самыя сказанія объ этомъ золотомъ вѣкѣ. Интересны они для насъ въ томъ отношеніи, что одно ихъ существованіе придаетъ въ нашихъ глазахъ особенное значеніе существованію и совершенно противоположныхъ взглядовъ, которые, не вытекая изъ указаннаго психологическаго источника, заставляютъ насъ подозрѣвать въ нихъ другое, именно, историческое, болѣе для насъ важное основаніе ¹⁾.

У Гомера хотя и не высказанъ прямо контрастъ между прежними героями и современными ему людьми, тѣмъ не менѣе, какъ и слѣдовало бы предполагать, этотъ контрастъ довольно ярко проглядываетъ. Прежнее общеніе людей съ богами, служащее впоследствии главнѣйшимъ признакомъ золотого вѣка, является въ гомеровскую эпоху уже очень ограниченнымъ ²⁾. Каковы были отношенія прежнихъ героевъ,

¹⁾ Только въ названіи блаженнаго вѣка «золотымъ» скрывается, можетъ быть, нѣкоторый намекъ на историческія воспоминанія о прежнемъ обиліи золота. Смори, однако, что противъ этого говоритъ Шёманнъ, Griech. Alterth. I (3-е изд.), стр. 75 сл. Но и безъ того, этотъ вѣкъ могъ получить свое названіе по аналогіи съ названіями другихъ вѣковъ: *мѣднаго* и *железнаго*, которыя опираются, повидимому, дѣйствительно на историческія воспоминанія. У *Hesioda* говорится собственно о золотомъ, серебрянномъ и т. д. *поколеніи людей*. Но, что эти выраженія понимаются имъ въ переносномъ смыслѣ, можно заключить изъ того мѣста, гдѣ онъ говоритъ о «мѣдномъ поколеніи людей, сдѣланномъ изъ ясеневаго дерева». *Hes. Op. 143*:

Zeús de patḗr trítou állo génos marópwn anḗrōpwn
 χάλκειον ποιῆσ', οὐκ ἀργυρέφ οὐδὲν ὁμοίον,
 ἐκ μελιᾶν, δεινόν τε καὶ ὄμβριμον. οἴσιν Ἄρης
 ἔργ' ἔμελε. . . .

Сравни. *Preller*, Griech. Mythol. I (3-е изд.), стр. 43, прим. 2: ... das dritte Geschlecht aus Eschenholz... weil nehmlich der Schaft der blutigen Stosslanze gewöhnlich von der Esche genommen wurde.—Въ нѣкоторыхъ греческихъ сказаніяхъ сохранились даже, какъ увидимъ, воспоминанія и о *каменномъ вѣкѣ*.

²⁾ *Nägelsbach*, Homerische Theologie (2-е изд.), стр. 153: Es findet sich aber

которыхъ Гомеръ называетъ даже полубогами ¹⁾, мы всего лучше можемъ видѣть изъ описанія быта „счастливыхъ“ (μάκαρες) Фэаковъ: „Съ древнѣйшихъ временъ“, говоритъ царь ихъ Алкиной, „намъ боги всегда являются видимо, когда мы имъ приносимъ славныя гекатомби; они пируютъ сидя рядомъ съ нами. Даже, если кто изъ насъ встрѣтится съ ними на пути, они ничего предъ нимъ не скрываютъ, ибо мы имъ такъ же близки, какъ Циклоны и буйный народъ Гигантовъ“ ²⁾. Въ другомъ мѣстѣ онъ слѣдующимъ образомъ описываетъ блаженную жизнь своего народа: „Всегда мы наслаждаемся пиршествами, играю на киварѣ и пляскою, богатымъ запасомъ одежды, теплыми кушаньями и отдыхомъ въ кровати“ ³⁾. Съ этимъ мѣстомъ Нэгельсбахъ ⁴⁾ удачно сравниваетъ описаніе домашней жизни у Эола „друга безсмертныхъ боговъ“. „У него въ домѣ 12 дѣтей: 6 дочерей и 6 сыновей въ юношескомъ возрастѣ. Дочерей своихъ онъ далъ сыновьямъ въ жены. Всѣ они вѣчно пируютъ вмѣстѣ съ милымъ своимъ отцемъ и съ дорогою матерью; предъ ними лежатъ безчисленныя (μορία) яства; въ исполненномъ благоуханій домѣ днемъ звучитъ флейта, а ночью всѣ они лежатъ у скромныхъ (αἰδοίης) женъ на удобно устроенныхъ ложахъ“ ⁵⁾

über Abnahme des Verkehrs zwischen Menschen und Göttern auch ein bestimmt ausgesprochenes Bewusstsein.

¹⁾ *Iliad.* XII, 23:

..... ἡμιθέων γένος ἀνδρῶν.

²⁾ *Odyss.* VII, 201:

αἰεὶ γὰρ τὸ πάρος γε θεοὶ φαίνονται ἐναργεῖς
 ἡμῖν, εὐτ' ἔρθωμεν ἀγακλειτὰς ἑκατόμβας,
 δαίνονται τε παρ' ἄμμι, καθήμενοι ἐνθά περ ἡμεῖς.
 εἰ δ' ἄρα τις καὶ μόνος ἰὼν εὐμβλήται ὀδίτης,
 οὐ τι καταχρόπτουσιν, ἐπεὶ σφισὶν ἐγγύθεν εἰμέν,
 ὡς περ Κόκλωπές τε καὶ ἄγρια φύλα Γηγάντων.

³⁾ *Odyss.* VIII, 248:

αἰεὶ δ' ἡμῖν δαῖς τε φίλη χίθαρις τε χοροὶ τε
 εἵματά τ' ἐξημοιβὰ λοετρά τε θερμὰ καὶ εὐναί.

Сравни. и проч. и *Ameis*, прим. къ этому м.

⁴⁾ *Nägelsbach*, въ указ. соч. стр. 358.

⁵⁾ *Odyss.* X, 5:

τοῦ καὶ δώδεκα παῖδες ἐνὶ μεγάροις γενέασιν,
 ἕξ μὲν θυγατέρες, ἕξ δ' οἰέες ἡβώνοντες.
 ἐνθ' ὃ γε θυγατέρας πόρεν οἰάσιν εἶναι ἀκοίτις.
 οἱ δ' αἰεὶ παρὰ πατρὶ φίλων καὶ μητέρων κενῶν

Въ сравненіи съ этимъ поразительна грусть, съ которою Гомеръ отзывается объ участи человѣка въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ отразился его взглядъ на ничтожность современныхъ ему людей. По его словамъ, изъ всего, что дышетъ жизнью и движется на свѣтѣ, нѣтъ ничего несчастнѣе человѣка, нѣтъ ничего ничтожнѣе и непостояннѣе его ¹⁾. И такъ, воображаемое довольство и изобиліе, въ которомъ жили прежніе люди вмѣстѣ съ близкимъ общеніемъ съ богами съ одной стороны и преувеличенное сознаніе безпомощности человѣка съ другой, являются у Гомера элементами, изъ которыхъ со временемъ сложились сказанія о золотомъ вѣкѣ, основанномъ будто на нравственномъ превосходствѣ прежнихъ людей. Вслѣдствіе направленія, принятаго развитіемъ нравственности, это нравственное превосходство первобытнаго человѣка являлось единственнымъ мыслимымъ мотивомъ, оправдывающимъ его блаженное состояніе. Подобнымъ образомъ и мнимое паденіе человѣчества было выводимо изъ нравственной порчи. Замѣчательно только, что Греки относили эту послѣднюю тоже къ древнѣйшимъ временамъ.

Уже у *Hesioda* мы находимъ ясно высказанную мысль, что причиной паденія человѣчества была невоздержность въ порывахъ страсти

δαίνονται, παρὰ δὲ σφιν ὄνεστα μοῖρα κεῖται.
 κλισίην δὲ τε δῶμα περιστεναχίζεται αὐλῇ
 ἤματα, νόκτας δ' αὐτε παρ' αἰδοῦρης ἀλόχοισιν
 εὐδοοῦσ' ἐν τε τάπησι καὶ ἐν τρητοῖσι λέχεσσιν.

«Безчисленныя яства» напоминаютъ намъ, что обжорливость когда-то не считалась порокомъ, а напротивъ—доблестью. Сравни сказанія о герояхъ, пожирающихъ быка, выпивающихъ рѣку, вступающихъ въ состязаніе, кто больше съѣстъ (какъ на примѣръ, Гераклесъ съ Лирреемъ, *Paus.* V, 5, 4), и т. п. Нѣкоторые примѣры обжорливости въ сказаніяхъ см. въ *Or. u. Oss.* I, стр. 16, 41, 341, II, 296 слл. и 683. Въ Индіи считалось преимуществомъ однихъ только Браминовъ, что имъ было позволительно до того неизмѣнное употребленіе напитка Сома, что онъ вытекалъ у нихъ черезъ всѣ отверстія тѣла; см. *A. Weber, Collectanea über die Kastenverhältnisse in den Brâhmana und Sûtra*, въ *Indische Studien*, X (1868), стр. 1 и слѣд. Въ связи съ этимъ, я полагаю, находятся и жирныя изображенія индійскихъ боговъ.

¹⁾ *Iliad.* XVII, 446:

οὐ μὴν γάρ τί ποῦ ἐστὶν δίζουώτερον ἀνδρός
 πάντων, ὅσα τε γαῖαν ἐπι πνείσι τε καὶ ἔρκει.

Odys. XVIII, 130:

οὐδὲν ἀκιδνότερον γαῖα τρέφει ἀνθρώποιο
 πάντων, ὅσα τε γαῖαν ἐπι πνείσι τε καὶ ἔρκει.

и непочитаніе боговъ: „Не могли они воздержаться отъ своевольныхъ обидъ, наносимыхъ другъ другу и не хотѣли соблюдать обязанностей противъ безсмертныхъ, ниже творить жертвоприношенія на священныхъ алтаряхъ усопшихъ, какъ это установлено обычаемъ“ ¹⁾). Затѣмъ во многихъ сказаніяхъ сталъ уже появляться мотивъ, по которому, причиною паденія послужила надменность прежнихъ людей, вытекающая будто изъ слишкомъ благосклоннаго обращенія съ ними боговъ ²⁾). Тѣмъ не менѣе, составленныя разъ понятія о нравственномъ превосходствѣ первыхъ поколѣній человѣчества удержались до позднѣйшихъ временъ, и еще у *Павзанія* мы встрѣчаемъ этотъ взглядъ въ самой догматической формѣ. „Тогдашніе люди, говоритъ онъ, были друзьями и собесѣдниками боговъ, вслѣдствіе своей справедливости и благочестія; за добрые поступки боги явно выказывали имъ свое благоволеніе, точно также, какъ и гнѣвъ, въ случаѣ вины; тогда вѣдь отъ людей рождались даже боги, которые до сихъ поръ пользуются почетомъ... Въ мое же время зло возросло до высшей степени и захватило всю землю, всѣ города; не рождаются больше отъ людей боги, кромѣ только тавихъ, которые называются богами; вслѣдствіе лести къ высокопоставленнымъ; наказаніе же виновныхъ ниспосылается богами поздно, и то только послѣ смерти“ ³⁾).

¹⁾ *Hes. Opp. et d.* 134:

. . . . ὄβριον γὰρ ἀτάσθαλον οὐκ ἐδύναντο
ἀλλήλων ἀπαχεῖν, οὐδ' ἀθανάτους θεραπεύειν
ἤθελον, οὐδ' ἔρδειν μακάρων ἱεροῖς ἐπὶ βωμοῖς,
ἢ θέμις ἀνθρώποισι κατ' ἤθεα.

²⁾ См. *Preller, Griechische Mythologie*, I, стр. 64 сл., гдѣ для примѣра приводится сказаніе о Танталѣ, о которомъ Пиндаръ упоминаетъ слѣдующимъ образомъ. *Pind. Ol.* 1, 54 (ed. Schneidewin):

εἰ δὲ δὴ τιν' ἀνδρα θνατὸν Ὀλύμπου σκοποὶ
ἐτίμασαν, ἦν Τάνταλος οὗτος ἀλλὰ γὰρ καταπέφαι
μέγαν ὄλβον οὐκ ἐδυνάσθη.

³⁾ *Paus.* VIII, 2, 4 сл. οἱ γὰρ δὴ τότε ἀνθρώποι ἔνοιοι καὶ ὁμοτραπεῖοι θεοῖς ἦσαν ὑπὸ δικαιοσύνης καὶ εὐσεβείας καὶ σφισιν ἐναργῶς ἀπήνητα παρὰ τῶν θεῶν τιμὴ τε οὖσιν ἀγαθοῖς καὶ ἀδικήσασιν ὡσαύτως ἢ ὀργῇ, ἐπεὶ τοὶ καὶ θεοὶ τότε ἐγίνοντο ἐξ ἀνθρώπων, οἱ γέρα καὶ ἐς τὸδα ἐτι ἔχουσιν. . . . ἐπ' ἐμοῦ δέ, κακία γὰρ δὴ ἐπὶ πλεῖστον ἠϋξέτο καὶ γῆν τε ἐπενέμετο πᾶσαν καὶ πόλεις πάσας, οὔτε θεὸς ἐγίνετο οὐδεὶς ἐτι ἐξ ἀνθρώπου, πλὴν ὅσον λόγῳ καὶ κολακείᾳ πρὸς τὸ ὑπερέχον, καὶ ἀδίκους τὸ μῆνιμα τὸ ἐκ τῶν θεῶν ὀφέ τε καὶ ἀπελθοῦσιν ἐνθένδε ἀπόκειται.

Высказанный Павзаніемъ миѳическій взглядъ до сихъ поръ еще не исчезъ, хотя, конечно, и подвергся нѣкоторымъ измѣненіямъ. Психологическій источникъ подобнаго взгляда на превосходство прошедшаго, въ сравненіи съ настоящимъ, не могъ изсякнуть; будучи поддерживаемъ различными преданіями, онъ производитъ съ удивительною силою не менѣе миѳическіе взгляды и въ настоящее время. Для примѣра приведу здѣсь слова Лазъ, въ которыхъ и не замѣчаю существеннаго различія съ только что указанными греческими миѳами о золотомъ вѣѣ. Къ чести автора слѣдуетъ однако замѣтить, что онъ по крайней мѣрѣ не приводитъ этихъ сказаній въ подтвержденіе своего мнѣнія, какъ это дѣлаютъ многіе другіе, менѣе добросовѣстные ученые. Вотъ что онъ говоритъ на счетъ первобытнаго состоянія человѣчества: „Я себѣ представляю это дѣло такимъ образомъ: въ сознаніи первобытнаго человѣка отразилась фактическая связь съ божествомъ, подобно тому, какъ ребенокъ сознаетъ свою зависимость отъ матери (Der ursprüngliche Mensch hieng durch die Substanz seines Bewusstseins wesentlich mit Gott zusammen, wie das Kind mit seiner Mutter). Онъ чувствовалъ себя сотвореннымъ и, вслѣдствіе этого, прямо обязаннымъ Творцу за все свое существо и за все то, чѣмъ онъ обладалъ. Воля Божьей онъ былъ обязанъ своимъ существованіемъ; онъ чувствовалъ, что Божество всюду его окружаетъ; воля человѣка находилась въ полнѣйшемъ согласіи съ Богомъ,—господствовала и проявлялась только воля Божія. Но это, установленное самимъ Богомъ при сотвореніи человѣка, согласіе (субъективной) человѣческой и (объективной) божественной воли не удержалось навсегда. Силы, которыя движутъ небесными тѣлами, именно, силы центростремительная и центробѣжная, движутъ также и душою человѣка, только съ тѣмъ различіемъ, что тѣ (небесныя тѣла) поддаются имъ съ слѣбною необходимостью, а душа человѣка можетъ переносить центръ тяжести своей воли то въ ту, то въ другую изъ этихъ силъ, и что будучи предоставлена сама себѣ, она перенесла этотъ центръ тяжести въ послѣднюю. Произошелъ разрывъ между человѣкомъ и Божествомъ, Предоставленную ему возможность — желать противное Богу, человѣкъ осуществилъ на дѣлѣ; вслѣдствіе его согрѣшенія произошло различіе между его волею и волею Бога“¹⁾.

Считаю достаточнымъ указанія на подобнаго рода взгляды, что-

¹⁾ *E. v. Lasaulx*, Die Sühnopfer der Griechen und Römer und ihr Verhältniss zu dem einen auf Golgotha въ Studien (1854), стр. 235 слл.

бы убѣдить читателя въ важности, которую слѣдуетъ признавать за сказаніями совершенно противоположной тенденціи. Если ученые до послѣдняго времени не обращали особеннаго вниманія на эти сказанія о первобытной дикости человѣчества, то это происходило именно вслѣдствіе господства теорій о золотомъ вѣкѣ. Конечно, нѣтъ причины приписывать строго историческое значеніе преданіямъ о первобытной грубости, точно также, какъ нельзя полагаться на историческую вѣрность ни одного изъ древнихъ сказаній, пока оно не провѣрено научною критикой. Но вполне отрицать въ нихъ болѣе глубокое, основанное на фактическихъ данныхъ, значеніе и считать ихъ пустыми соображеніями греческихъ философовъ или фантазією поэтовъ, какъ это, напримѣръ, дѣлаютъ Дункеръ ¹⁾, Преллеръ ²⁾, даже Германнъ ³⁾, — мы не имѣемъ никакого основанія.

Считаю необходимымъ обратить особенное вниманіе на дошедшія до насъ изрѣченія касательно первобытной дикости человѣчества, преимущественно потому, что въ нихъ высказались взгляды, которые, на мой взглядъ, могли сложиться только вслѣдствіе существованія въ данное время нѣкоторыхъ слѣдовъ первобытной дикости, именно, вслѣдствіе грубыхъ мифовъ и обрядовъ, носящихъ явный отпечатокъ своей древности. Пока умъ человѣка относился къ подобнымъ фак-

¹⁾ *Duncker*, Geschichte des Alterthums, III (=Gesch. der Griechen, I, 1856), стр. 11: Dieses System (von den verschiedenen Zeitaltern bei Hesiod) hat eine gewisse Verwandtschaft mit der indischen Lehre von den vier Weltaltern, mit den Vorstellungen anderer Völker von dem Sinken der Menschheit, je weiter sie sich von ihrem göttlichen Ursprung entfernt; aber es ist keine historische Tradition. *Ebenso entbehren die Spekulationen der griechischen Philosophen über die Vorzeit ihres Volkes, der Pragmatismus der spätern Historiker* (Diodor V, 4; Pausanias), dass die Menschen der alten Zeit armselig in Klüften und Höhlen gehaust, jedes historischen Grundes.

²⁾ *Preller* въ указ. м. стр. 65, прим. 2: Gewöhnlich liegt (solchen Schilderungen der rohen Urzeit) die Vorstellung von den rohen und blödsinnigen γυγυαίς zu Grunde, welche namentlich seit Aristoteles von den Culturhistorikern immer weiter ins Einzelne ausgeführt wurde. Преллеръ не считаетъ нужнымъ вникнуть, откуда взялось самое понятіе объ этихъ дикихъ γυγυαίς, что мнѣ именно представляется самымъ важнымъ.

³⁾ *Hermann*, Lehrbuch d. griech. Antiq. II, § 27, прим. 3 (изд. Штарка 1858 г. стр. 158): Stellen aber, wie die orphische bei Sextus Empiricus adv. Math. (о первобытномъ каннибализмѣ), können nur als *hyperbolischer Ausdruck phantastischer Dichterphilosophie* (?) gelten, причемъ Германнъ ошибочно смѣшается на сочин. *Lobeck*, Aglaophamus стр. 247.—См. примѣчаніе Штарка къ вышеприведенному мѣсту.

тамъ менѣе критически, онъ могъ признавать древность ихъ происхожденія, не видя однако въ дикости ихъ никакого противорѣчія съ составленными имъ заранѣе попятіями о первобытномъ, райскомъ состояніи человѣчества. Но съ теченіемъ времени подобное не-критическое отношеніе не вездѣ могло удержаться, и вотъ, хотя и довольно поздно, появляются мнѣнія о дикости первобытныхъ людей, объ отсутствіи у нихъ нравственныхъ понятій и, что особенно для насъ важно, о первобытномъ каннибализмѣ. Если намъ удастся возстановить связь между этими взглядами, съ одной, и миѳами и обрядами, съ другой стороны, то вытекающая отсюда для насъ польза очевидна: мы узнаемъ, какъ эти послѣдніе понимались самимъ народомъ. Для изслѣдованія греческой нравственности это *народное пониманіе* греческихъ же обрядовъ и сказаній послужитъ новымъ пособіемъ для уразумѣнія развитія греческой нравственности. Если мнѣнія о грубости первобытнаго общества основаны именно на миѳахъ и обрядахъ, то очевидно, что даже самыя грубыя миѳы понимались народомъ въ *буквальномъ* смыслѣ, и что не иначе понимались нѣкоторые эпитеты божествъ, сохранившіеся въ древнѣйшихъ культахъ. Такъ, напримѣръ, мы поймемъ значеніе подобныхъ названій: Διόνυσος ὀμηστής—Діонисъ пожирающій сырое мясо, Ζεὺς ἀνθρωποφάγος—Зевсъ, растерзывающій людей, или Ζεὺς λαφύσιος—Зевсъ пожиратель, которымъ, замѣтимъ, приносились и человѣческія жертвы. Вслѣдъ за тѣмъ и первобытная форма связанныхъ съ этими именами культовъ выкажется въ своемъ настоящемъ свѣтѣ.

Для восстановленія связи между пессимистическими греческими взглядами на первобытное состояніе человѣка—и грубостью древнѣйшихъ греческихъ миѳовъ и обрядовъ, связанныхъ съ этими миѳами, я считаю необходимымъ указать и прослѣдить у самихъ Грековъ фактическое сознаніе контраста между неразвитою нравственностью, отразившеюся въ миѳахъ, и позднѣйшими, болѣе развитыми взглядами на нравственность, — контраста, который со временемъ сдѣлался даже очень ощутительнымъ ¹⁾.

¹⁾ *Nägelsbach*, отрицая въ древнихъ миѳахъ нравственную сторону, признается однако, что предположеніе безнравственныхъ божествъ не согласуется съ требованіями человѣческаго разсудка. Интересно, какъ онъ смотритъ на стремленіе позднѣйшихъ Грековъ очистить миѳологию отъ безнравственныхъ элементовъ. *Nägelsbach*, *Nachhom. Theol.* стр. 44: Nun sind aber die Götter von Homer durchaus nicht als heilig überliefert worden (ср. *Hom. Theol.* 1, 15 сл., стр. 37 сл.). Wenn sich also... die Vorstellung' von den Göttern reinigen soll, so erwarten

Я старался показать выше, что и въ гомеровскихъ пѣсняхъ ми должны предполагать отчасти критическое отношеніе къ мнѣямъ, такъ какъ нѣкоторые сказанія, которыя для извѣстной, болѣе развитой среды могли казаться неприличными или безнравственными, въ этихъ пѣсняхъ не упоминаются, не смотря на то, что мы имѣемъ, однако, основаніе предполагать ихъ существованіе въ низшихъ слояхъ тогдашняго общества (см. § 7). Поэтому интересно, что уже Ксенофанъ, жившій въ VI и V столѣтіи до Р. Хр., говоритъ, что Гомеръ и Гезіодъ приписывали богамъ всѣ тѣ поступки, которые у людей считаются постыдными и заслуживающими порицанія, утверждалъ, что боги воровали, прелюбодѣяли и обманывали другъ друга ¹⁾. Онъ же замѣчаетъ, что люди срисовывали, при этомъ, картины только съ са-

wir zu allernächst eine Bekämpfung der unsittlichen und unwürdigen Geschichten, welche *wohlgemerkt vom Volke nicht als symbolische und allegorische Mythen, sondern als Thatsachen geglaubt wurden*. Noch *Aeschylus* findet sich hier in einer merkwürdigen Klemme zwischen der Ueberlieferung und dem *vernunftgemässen Glauben an göttliche Sündlosigkeit*. Eum. 640 (631) wirft der Erinyenchor dem Apollon vor, dass dieser behaupte, Zeus habe dem Orestes seines Vaters Ermordung an der Mutter zu rächen geboten, während Zeus doch selbst seinen Vater Kronos in Fesseln gelegt... Die Klemme entsteht, indem eine *theogonische Mythe, die gar nicht ins sittliche Gebiet gehört (?)*, als historische Thatsache gefasst und *in einen ihr völlig fremden Bereich hineingezogen wird* (непостижимая безтактность *Декиа!*). Apollon kann, um Zeus von einem Frevel zu befreien, nichts anderes thun, als den Unterschied zwischen Tödtung und Fesselung zu urgiren, wogegen stets die Antwort übrig bleibt, dass den Vater in Fesseln zu schlagen eben auch ein Frevel ist. Xenophanes und insbesondere Pindar sind in solchen Fällen entschlossener; sie läugnen dergleichen Mythen geradezu.—Сравни *тамъ же* стр. 428.

На счетъ взгляда *Платона* на мнѣя, см. *тамъ же* стр. 45: Platon weiss nun zwar, dass von dergleichen Mythen manche symbolisch oder allegorisch sind, ἐν ὁμοιοταῖς πεποιημένα (Rep. стр. 378 D); aber weil die Jugend und, fügen wir bei, der Volksglaube nicht im Stande ist zu unterscheiden ὁ τι τε ὑπόνοια καὶ ὁ μῆ, und gleichwohl dergleichen δοσεκνικτά τε καὶ ἀμετάστατα φιλεῖ γίγνεσθαι, so will er bekanntlich alle diese von ihm auf Homer und Hesiod zurückgeführten Erzählungen, welche so wie sie sind vom Volke als Thatsachen geglaubt werden, aus seinem Staate verbannt wissen (Rep. стр. 377 D. слл.).

¹⁾ *Sext. Emp. adv. Mathem. IX, 193:*

πάντα θεοῖς ἀνέθηκαν Ὅμηρός δ' Ἡσιόδός τε,
 ὅσα κατ' ἀνθρώποισιν ὄνειδα καὶ φόγος ἐστίν,
 κλέπτειν, μοιχεύειν τε καὶ ἀλλήλους ἀπατεύειν.

Сравни. *тамъ же*, 1, 289: Ὅμηρος δὲ καὶ Ἡσιόδος κατὰ τὸν Κολοφώνιον *Ξενοφάνη* οἱ πλείους ἐφθέγγαντο θεῶν ἀθемίαта ἔργα, κλεπτειν, μοιχεύειν τε καὶ ἀλλήλους ἀπατεύειν.

михъ себя. „Еслибы быки, львы (и прочія животныя) могли рисовать и производить такія же дѣла, какъ люди, то лошади изображали бы боговъ по лошадиному, а быки по бычачьи, придавая имъ тотъ видъ и то же тѣлосложеніе, которое имѣютъ сами“ ¹⁾. Ксенофанъ называетъ всѣ разказы, прямо противорѣчащіе его идеалу, выдумкою прежнихъ людей ²⁾. Точно также смотритъ на миѳы и Пиндаръ. Коснувшись миѳа о сѣдненіи Пелопса, онъ отвергаетъ его, утверждая, что „нелѣпо представлять кого-либо изъ боговъ обжорою“ ³⁾. Онъ даже войны и сраженія считаетъ дѣлами неприличными для боговъ и называетъ подобные разказы просто богохульствомъ ⁴⁾. На этомъ основаніи мы можемъ догадываться, какими глазами смотрѣлъ Пиндаръ на Гомера и Гезіода, которыхъ обыкновенно считали виновниками подобныхъ сказаній ⁵⁾. Еще ярче выразилось сознаніе всей безнрав-

¹⁾ *Clem. Alex. Strom. V, § 110, ed. Pott. стр. 715 (=Eus. Praep. Ev. XIII, 13, ed. Vigeri стр. 679):*

ἀλλ' εἴτοι χειράς γ' εἶχον βόες ἢ λέοντες,
ἢ γράφαι χεῖρεςσι καὶ ἔργα τελεῖν ἄπερ ἄνδρες,
ἵπποι μὲν θ' ἵπποισι, βόες δὲ τε βουσίην ὁμοίας
καὶ καθεύων ἰδέας ἔγραψον καὶ σώματ' ἐποίησαν
τοιαῦθ' οἷόν περ καὶ αὐτοὶ δέμας εἶχον ὁμοῖον.

Срвнн. тамъ же:

ἀλλὰ βροτοὶ δοκέουσι θεοὺς γεννᾶσθαι (ἔδειν τε?)
τὴν σφετέρην τ' αἰσθησὶν εἶχειν φωνὴν τε δέμας τε.

²⁾ *Xenophan. Eleg. I, 19:*

ἀνδρῶν δ' αἰνεῖν (sc. χρῆ) τοῦτον, ὃς ἐσθλά πῶν ἀναφαίνει,
ὡς οἱ μνημόσυν' ἦ, καὶ τὸν, ὃς ἀμφ' ἀρετῆς,
οὔτι μάχας διέπει Τιτῆνων οὐδὲ Γιγάντων,
οὐδὲ τὰ Κενταύρων, πλάσματα τῶν προτέρων,
ἢ στάσιαι σφεδανάς.

³⁾ *Pind. Ol. I, 52 (ed. Schneidew.):*

ἐμοὶ δ' ἄπορα γαστρίμαργον μαχάρων τιν' εἰπεῖν, ἀφίσταμαι.

⁴⁾ *Тамъ же, IX, 35:*

..... ἀπό μοι λόγον
τοῦτον, στόμα, ῥίψον.
ἐπεὶ τό γε λοιδόρησαι θεοῦς
ἐχθρὰ σοφία κ. τ. λ.

⁵⁾ *Herodot. II, 53: οὔτοι δὲ (Ἡσίοδος καὶ Ὀμηρός) εἰσι οἱ ποιήσαντες θεογονίην Ἑλλήσι, καὶ τοῖσι θεοῖσι τὰς ἐπωνυμίας δόντες καὶ τιμὰς τε καὶ τέχνας διελδόντες, καὶ εἶδεα αὐτῶν σημήναντες.*

ственности древнихъ мифовъ у Исократъ. „Поэты“, по его мнѣнію, „изображаютъ не только героевъ, сыновей боговъ, исполняющими болѣе ужасныя злодѣянія, чѣмъ дѣти самыхъ безбожныхъ людей, но и самимъ богамъ приписываютъ такіе поступки, въ которыхъ никто не рѣшился бы обвинить даже своихъ враговъ. Они обвиняютъ ихъ не только въ такихъ поступкахъ, какъ воровство, прелюбодѣяніе, рабское служеніе у людей, но даже въ пожираниі собственнхъ дѣтей, скопленіи отцовъ, связываніи матерей и въ множествѣ другихъ преступленій“¹⁾.

Съ этою картиною безнравственности въ поступкахъ боговъ и героевъ стоитъ только сравнить описанія первобытной дикости человѣчества, чтобы убѣдиться, что въ послѣднихъ нѣтъ ни одной черты, которой нельзя было бы найти вмѣстѣ съ тѣми и въ мифахъ. Достаточно было бы этого одного сравненія для убѣжденія въ томъ, что подобныя описанія, если бы даже и не имѣли другаго, болѣе глубокаго основанія, то все-таки никакъ не могли бы называться просто „преувеличеннымъ выраженіемъ фантастичной философіи поэтовъ“.

Уже трагикъ Мосхионъ, жившій около 400 года до Р. Хр., говорить: „Быль когда-то вѣкъ, когда люди вели жизнь, похожую на жизнь звѣрей и когда безсильный становился пищею сильнѣйшихъ“²⁾. Въ болѣе обобщенной формѣ высказанъ тотъ же взглядъ у жившаго около того же времени трагика Критія: „Было время, когда жизнь людей не имѣла законовъ, и, будучи похожею на жизнь дикихъ звѣрей, руководилась только силою“³⁾. Чтобы убѣдиться въ распростра-

¹⁾ *Isocr.* XI, 38: . . . οὐδὲν σοὶ τῆς ἀληθείας ἐμέλησεν, ἀλλὰ ταῖς τῶν ποιητῶν βλασφημίαις ἐπηκολούθησας, οἱ δεινότερα μὲν πεποιητότας καὶ πεπονθήτας ἀποφαίνουσι τοὺς ἐκ τῶν ἀθανάτων γεγονότας ἢ τοὺς ἐκ τῶν ἀνθρώπων τῶν ἀνοσιωτάτων, τοιοῦτους δὲ λόγους περὶ αὐτῶν τῶν θεῶν εἰρήκασιν, οἷους οὐδεὶς ἂν περὶ τῶν ἐχθρῶν εἰπεῖν τολμήσειεν. οὐ γὰρ μόνον κλοπὰς καὶ μοιχείας καὶ παρ' ἀνθρώποις θητείας αὐτοῖς ὠνεΐδισαν ἀλλὰ καὶ παιδῶν βρώσεις καὶ πατέρων ἐκτομὰς καὶ μητέρων δεσμοὺς καὶ πολλὰς ἄλλας ἀνομίας κατ' αὐτῶν ἐλογοποίησαν.

²⁾ *Stob.* *Ecl. ph.* I, 9, 88 стр. 240 (*Nauck*, *Trag. graec. fr.* стр. 633, *Moschionis fr.* 7):

ἦν γὰρ ποτ' αἰὼν, ἦν ὀρηγία
θηρῶν διαίτας εἶχον ἐμπερεῖς βροτοί,
ὁ δ' ἀσθενὴς ἦν τῶν ἀμεινόνων βορά.

³⁾ *Critias* *Sisyph.* (*Nauck*, *Trag. graec. fr.*, стр. 598):

ἦν χρόνος ὅτ ἦν ἀτακτος ἀνθρώπων βίος
καὶ θηριώσης ἰσχύος θ' ὑπέρτης.

ненности подобнаго пессимистическаго взгляда, стѣдуетъ только обратить вниманіе на ученіе эпикурейцевъ о происхожденіи человѣческаго племени и о полнѣйшей дикости первобытныхъ людей,—взглядъ, проповѣдуемый въ Италіи Лукреціемъ ¹⁾ и впоследствии получившій изящное выраженіе въ слѣдующихъ извѣстныхъ словахъ Горация: „Когда выползли живыя существа изъ первобытной земли, то это нѣмое стадо боролось изъ-за желудей и логовищъ сперва ногтями и кулаками, потомъ палками“ и т. д. Наконецъ, въ довершеніе дикой картины, поэтъ добавляетъ: „Гибнули безъизвѣстною смертью тѣ, которыхъ сильнѣйшій, подобно быку въ стадѣ, убивалъ въ то самое время, когда они, по звѣриному обычаю, насиліемъ удовлетворяли любовной беззаконной страсти“ ²⁾. Относительно первобытнаго *канибализма*, кромѣ приведеннаго уже изрѣченія Мосхіона, до насъ дошло еще нѣсколько другихъ. Такъ, у Секста Эмпирика мы находимъ слѣдующее изрѣченіе: „Было время, когда люди поддерживали свою людоедскую жизнь (питаясь) другъ другомъ и когда сильнѣйшій съѣдалъ слабѣйшаго“ ³⁾. Секстъ Эмпирикъ, самъ жившій около 200 года послѣ Р. Хр., приводя эти слова, называетъ ихъ изрѣченіемъ Орфея, что, впрочемъ, не можетъ служить доказательствомъ ихъ глубокой старины. Затѣмъ, для указанія всего ужаса жизни, не руководящейся законами, онъ продолжаетъ: „Такъ какъ никто не наблюдалъ за закономъ, то всякій имѣлъ справедливость въ своихъ рукахъ (въ силѣ) и людямъ было предоставлено, подобно рыбамъ, дикимъ звѣрямъ и летающимъ хищнымъ птицамъ, съѣдать другъ друга, „потому

¹⁾ *Lucr.* V, 927 слл.

²⁾ *Hor. Sat.* I, 3, ст. 99:

Cum praepererunt primis animalia terris
Mutum et turpe pecus, glandem atque cubilia propter
Unguibus et pugnibus dein fustibus . . . .
Pugnabant, etc.

и ст. 108:

. . . Sed ignotis perierunt mortibus illi,
Quos venerem incertam rapientes more ferarum
Viribus editior caedebat, ut in grege taurus.

Касательно *venus incerta* = *scortum* въ противоположность *matrimonium stabile et certum* смотри *Krüger* въ прим. къ *Hor. Sat.* I, 3, 109.

³⁾ *Sext. Emp. adv. Mathem.* II, 31: ὁ θεόλογος 'Ορφεύς... φησίν.

ὄν χρόνος ἦν ἵνα φῶτες ἀπ' ἀλλήλων βίον εἶχον
σαρκοφαγῆ, κρείττων δὲ τὸν ἥττονα φῶτα δάϊζε.

что между ними нѣтъ закона“, до тѣхъ поръ, пока божество, сжалившись надъ ними, не ниспослало страждущему человечеству богинь-законодательницъ, которыя болѣе удивили людей уничтоженіемъ людоедскаго беззаконія, чѣмъ смягченіемъ образа жизни посредствомъ (назначенія въ пищу) плодовъ“¹. Существуютъ еще два изрѣченія, въ которыхъ однако указаніе на антропофагію менѣе ясно. Первое изъ нихъ у Аристофана: „Орфей указалъ намъ мистеріи и научилъ воздерживаться отъ убійствъ“; второе у Горация: „Орфей отучилъ лѣсныхъ людей (sic) отъ убійствъ и возмутительной пищи“²).

Во всѣхъ этихъ изрѣченіяхъ мы не находимъ ничего такого, чего

¹) Тамъ же.... μηδενός γάρ ἐπιστατοῦντος νόμου ἕκαστος

ἐν χεραὶ τὸ δίκαιον εἶχε, καὶ ὡς
 ἰχθύσι καὶ θηροῖ καὶ οἰωνοῖς πετεηνοῖς
 ἐπιτέτραπται
 εἶσθαι ἀλλήλους, ἐπεὶ οὐ δίκη ἐστὶ μετ' αὐτοῖς,

μέχρις οὗτο ὁ θεὸς οἰκτεῖρων μογοῦσιν αὐτοῖς θεσμοφόρους θεὰς ἐξαπέστειλεν, ἅς ἐπὶ τῷ τῆν ἀλλοφάγον ἀνομίαν καταλῦσαι πλέον ἢ ἐπὶ τῷ καρποῖς ἡμερῶσαι τὸν βίον ἐθαύμασαν ἄνθρωποι.

Замѣчаніе Секста Эмпирика очень остроумно. Нельзя отрицать, что въ исторіи цивилизаціи переходъ къ земледѣльческой жизни занимаетъ очень видное мѣсто. Судя по важности, которую придаютъ ему многіе мифы, мы можемъ даже заключить, что переходъ этотъ произошелъ довольно быстро (путемъ заимствования?). Интересно взглянуть, какъ сильно поражаетъ дикаря превосходство земледѣльческой жизни. Укажу на рѣчь одного сѣверо-американскаго вождя, которую намъ передаетъ *Либихъ* въ своихъ «Chemische Briefe» (по Кренуру): «Seht ihr nicht dass die Weissen von Körnern, wir aber von Fleisch leben? dass das Fleisch mehr als 30 Monden braucht, um heran zu wachsen, und oft selten ist? dass jedes der wunderbaren Körner, die sie in die Erde streuen, ihnen mehr als hundertfältig zurückgiebt? dass das Fleisch vier Beine hat zum Fortlaufen und wir nur zwei, um es zu haschen? dass die Körner, da wo die weissen Menschen sie hinsäen, bleiben und wachsen; dass der Winter, der für uns die Zeit der mühsamen Jagden, ihnen die Zeit der Ruhe ist? Darum haben sie so viele Kinder und loben länger als wir. Ich sage also Jedem, der mich hört, bevor die Bäume über unsern Hütten vor Alter werden abgestorben sein und die Ahornbäume des Thales aufhören uns Zucker zu geben, wird das Geschlecht der kleinen Kornesser das Geschlecht der Fleischesser vertilgt haben, wofern diese Jäger sich nicht entschliessen zu säen!»

²) *Lobeck*, *Aglaophamus* (1829) стр. 247: Aristophanes quum Orpheum praedicat, quod teletas ὅμιν κατέδειξε φόνων τ'ἀπέχεσθαι, ambigue locutus est (какъ извѣстно, въ орфическомъ ученіи существовала тенденція — отклонить своихъ послѣдователей отъ всякой животной пищи); *clarius Horatius*, A. P. 391: «silvestres homines caedibus et victu foedo deterruit Orpheus» anthropophagorum immanitatem designat.

мы не могли бы отыскать и въ мифахъ. Но я желалъ бы показать, что не одни только мифы служили основаніемъ подобныхъ воззрѣній на первобытное состояніе человѣка. Самые мифы, въ виду вышеуказанныхъ нападокъ, не устояли бы, еслибы не было явныхъ, доступныхъ и глазамъ древнихъ, причинъ признавать въ нихъ дѣйствительные остатки глубочайшей старины. Въ самомъ дѣлѣ, существованіе даже въ позднія времена многихъ странныхъ обычаевъ въ нѣкоторыхъ странахъ Греціи прямо подтверждало разказы мифовъ ¹⁾. Но чтобы положительнымъ образомъ убѣдиться въ историческомъ значеніи этическихъ указаній, которыя мы находимъ въ мифахъ, — точно также, какъ и въ приведенныхъ изрѣченіяхъ, я возьму нѣкоторыя, болѣе грубыя бытовыя стороны, изображаемыя въ мифахъ, и постараюсь указать, а когда нужно будетъ, и прослѣдить соотвѣтствующія явленія въ древнѣйшей исторіи греческаго народа. Въ слѣдующихъ параграфахъ мы будемъ разсматривать преимущественно ложь, воровство, разбой; затѣмъ окажется необходимымъ бросить взглядъ на обычай умерщвлять или покидать своихъ дѣтей, и наконецъ, перейдемъ къ разсмотрѣнію каннибализма.

¹⁾ *Limbürg Brouwer*, въ указ. соч. II, 550: ... on a effectivement cherché quelquefois à excuser ses fautes en alléguant l'exemple des habitans de l'Olympe, ce qui alla même si loin que la société et ses institutions s'en ressentirent (?), chez les Samiens, par exemple, qui à ce qu'on racontait, permettoient à leurs filles d'anticiper sur la solennité qui alloit les unir à leurs fiancés, en accordant à ceux-ci les droits auxquels cette solennité seule pouvoit les autoriser, et cela par le seul motif que Jupiter et Junon en avoient donné l'exemple (!). Тамъ же, прим. 1: Le même exemple fut allégué par un sophiste à la cour de Ptolémée, pour excuser le commerce incestueux de ce prince avec sa soeur Arsinoé (*Eustath.* ad H. p. 1090 in.).

Ср. *Iliad.* XIV, 295:

οἷον δτε πρῶτον περ ἐμισγέσθην φίλοττι (Зевсъ и Геркулесъ)
εἰς εὐνήν φοιτῶντε φίλους λήθοντε τοκῆας.

Такъ же *Schol.* къ этому мѣсту: ἄλλοι τὸν Δία φασὶν ἐν Σάμφ λάθρα τῶν γονέων ἀποπαρνεύσαι τὴν Ἦραν. ὅθεν Σάμιοι μνηστέοντες τὰς κόρας λάθρα συχομιζουσαι, εἶτα παρρησίᾳ θύουσι τοὺς γάμους. Если самійскій обычай былъ слѣдствіемъ мифа, то въ такомъ случаѣ и позволительность воровства у Спартиатовъ можно было бы объяснить дурнымъ вліяніемъ мифовъ! Напротивъ, мы должны полагать, что подобные мифы сами возникли только въ слѣдствіе существованія соотвѣтствующихъ имъ обычаевъ. Въ дѣянія ведутъ насъ къ тому, что въ мифахъ выразился идеалъ общества, стоящаго, правда, на очень низкой ступени развитія.

§ 11.

Древнѣйшіе греческіе идеалы. Гермесъ

Alles was je geschieht
 Heutiges Tages
 Trauriger Nachklang ist's
 Herrlicher Ahnherrn-Tage;
 Nicht vergleicht sich dein Erzählen
 Dem, was liebliche Lüge,
 Glaubhafter als Wahrheit,
 Von dem Sohne sang der Maja.

Goethe.

Если мы взглянемъ только на болѣе выдающіяся фигуры греческой мифологіи, съ цѣлью прослѣдить ихъ нравственное значеніе, то намъ бросится въ глаза прежде всего Гермесъ, съ именемъ котораго связано такое множество вполнѣ безнравственныхъ, по видимому, сказаній, что мысль о случайности этого страннаго явленія должна уже на первыхъ порахъ казаться лишеною всякаго основанія. Дѣйствительно, стоить прочесть любой перечень „знаменитыхъ подвиговъ“ этого бога, чтобы убѣдиться, что всѣ разказы о немъ имѣли нѣкогда чрезвычайно важное этическое значеніе ¹⁾. Лучшимъ же тому доказательствомъ служить, между прочимъ, то обстоятельство, что всѣ его похождения носятъ на себѣ особый характеристическій отпечатокъ, придающій имъ видъ *идеальности*. Этотъ замѣчательный характеръ сказаній о Гермесѣ особенно наглядно выказываетъ полнѣйшую несостоятельность того направленія, которое, видя въ мифахъ очеловѣченіе понятій совсѣмъ индифферентныхъ въ нравственномъ отношеніи, считаетъ нравственный колоритъ мифовъ явленіемъ только случайнымъ, вытекающимъ просто изъ этого очеловѣченія ²⁾. Непо-

¹⁾ Относительно Гермеса, какъ божества лжи, обмана и воровства, см. напримеръ, *Jacobi*, Handwörterb. d. griech. u. röm. Mythol. стр. 435—439, гдѣ собранъ обильный, хотя и далеко не полный матеріалъ. Въ этомъ же отношеніи можно сравнить еще *Nägelsbach*, *Mon. Theol.* 2-е изданіе стр. 32, и *Welcker*, *Griech. Götterlehre*, I, стр. 346 сл.

²⁾ См. выше § 7, прим. 21 (стр. 48). — Считаю не лишнимъ указать при этомъ случаѣ на мнѣніе Гана, который (мнимое) отсутствіе нравственнаго принципа въ мифахъ объясняетъ тѣмъ обстоятельствомъ, что они сложились будто еще *до пробужденія (!) нравственности* (*das später erwachende sittliche Bewusstsein*). *Hahn*, *Sagwiss. Stud.* стр. 81: Wenn wir nun den Urmenschen als in dem

нито только, какимъ образомъ могли такъ долго устоять взгляды, не выдерживающіе пробѣрки даже на самыхъ крупныхъ и столь выдающихся данныхъ.

Подвигами, за которые прославляется Гермесъ, являются: *ложь*, *обманъ*, *воровство*,—все качества, въ которыхъ этотъ богъ достигаетъ своею ловкостью и неустрашимостью такого совершенства, что вполне можетъ считаться лучшимъ ихъ представителемъ или просто ихъ олицетвореніемъ. Тѣсная связь, которая существуетъ между этими качествами въ психологическомъ отношеніи, поражаетъ насъ и въ мифахъ о Гермесѣ. Уже этого одного обстоятельства достаточно, чтобы убѣдить насъ въ бытовомъ значеніи этого божества въ Греціи,—каково бы ни было происхожденіе и первоначальное значеніе его. Но и кромѣ того существуетъ множество данныхъ, которыя доказываютъ самымъ убѣдительнымъ образомъ, что вышеуказанныя качества Гермеса приписывались ему даже *вполнѣ сознательно*. Нечего говорить о томъ, что въ историческія времена Греціи нравственная или, пожалуй, безнравственная стихія въ Гермесѣ была ясно сознаваема. При болѣе развитыхъ нравственныхъ понятіяхъ, онъ, или прямо былъ за то порицаемъ, или же, напротивъ, его поступкамъ былъ придаваемъ юмористическій колоритъ, сглаживающій неслагодичность ихъ. Въ послѣднемъ отношеніи чрезвычайно характеристично слѣдующее нелѣпное примѣчаніе схоластика къ одному мѣсту Иліады: „Майя родила (Зевсу) Гермеса, имѣющаго наклонность къ кражѣ (къ воровству), потому что и (отецъ его) Зевсъ, совокупляясь съ Майею, *обкрадывалъ* (этимъ самымъ) Иру (свою законную супругу)“. Какъ бы въ доказательство поздняго происхожденія этого толкованія, основаннаго на очень позд-

---

Zustande geistiger Kindheit verharrend annehmen, so können wir ihm auch ebenso wenig Schaamgefühl zuschreiben, wie dem Thiere und dem Kinde, und wenn er in diesem Zustande zur Verkörperung der Naturverläufe getrieben wurde, um sie sich zur Vorstellung zu bringen, so konnte auch das ihm *mangelnde sittliche Bewusstsein* nicht massgebend für sein Verfahren werden. *Er schrickt also vor keiner sittlichen Ungeheuerlichkeit, die seine Götter begehen, zurück, wenn dieselbe nur die Vorstellung von dem entsprechenden Naturverlauf erweckt*, die er zum Ausdruck zu bringen getrieben wird... Wir halten keinen anderen Weg für denkbar (!), auf dem das Dasein dieser *sittlichen Verstöße* (?) *in der Sage* sich auf naturgemässe Weise erklären liesse, denn sobald man ihre Schöpfer mit sittlichem Bewusstsein ausstattet, werden sie zu einem unerklärlichen Räthsel. Ганъ, очевидно, придаетъ слову «нравственность» слишкомъ тѣсное значеніе, вполне, впрочемъ, соответствующее и его тѣсному пониманію слова «мѣнь». Ср. § 9 прим. 1.

нихъ понятіяхъ о святости брака, мы читаемъ дальше: „Однажды, когда мать его (то-есть Гермеса) купалась вмѣстѣ съ своими сестрами (Пліадами), онъ тайкомъ утащилъ ихъ платья. Оставаясь нагими, онѣ не знали, чтò дѣлать. Тогда Гермесъ, хохотавшій надъ этимъ, возвратилъ имъ платья“ ¹⁾. Свидѣтельствомъ болѣе древняго времени о сознаваемости нравственнаго значенія Гермеса можетъ служить, для примѣра, слѣдующій миѳъ. Семейство Эвила не почитаетъ Гермеса, Аѳины и Артемиды. Агронъ, сынъ Эвила, говоритъ между прочимъ, что Гермеса онъ уважать не станетъ, потому что Гермесъ — воръ (κλέπτην ἔλεγεν οὐ τιμᾶν θεόν). За то три обиженные божества мстятъ безбожному семейству тѣмъ, что превращаютъ всѣхъ членовъ его въ птицъ ²⁾. Этотъ миѳъ могъ принять такую форму, конечно, только въ то время, когда нѣкоторыя личности стали уже сомнѣваться въ позволительности, или, по крайней мѣрѣ, въ похвальности тѣхъ поступковъ, представителемъ которыхъ являлся Гермесъ. Чтобы убѣдиться однако въ томъ, что онъ и не въ слишкомъ отдаленныя времена пользовался вполне безусловнымъ уваженіемъ именно за тѣ качества, за которыя Агронъ порицаетъ его въ указанномъ сказаніи, для этого стѣнитъ только взглянуть на такъ называемый гомеровскій гимнъ этому божеству. Въ этомъ гимнѣ рожденіе Гермеса, сына Зевса и Майи, воспѣвается слѣдующимъ образомъ ³⁾: „Майя родила сына изворотливаго, хитраго ⁴⁾, грабителя, который умѣетъ уводить быковъ

¹⁾ *Schol. Iliad. XXIV, 24:* (Μαία) Ἐρμῆν ἐγέννησεν, ὅστις ἐπιθυμίαν ἔσχε τοῦ κλέπτειν, ὅτι καὶ Ζεὺς κλέψας τὴν Ἥραν ἐμίγη Μαίᾳ. καὶ δὴ ποτε τῆς μητρὸς μετὰ τῶν ἀδελφῶν αὐτῆς λουομένης λαθῶν ὑφέλλετο τὰς ἐσθῆτας. γυμναὶ δὲ ἐκείναι οὔσαι ἠπόρουσαν τί πράξωσιν. γέλωτα δὲ διὰ τοῦτου Ἐρμῆς ποιήσας ἀπέδωκεν αὐταῖς τὰς ἐσθῆτας.

²⁾ *Antonin. Liberal. XV (Meropis).*

³⁾ *Hymn. hom. in Merc. 13:*

καὶ τότε' ἐγένετο παῖδα πολύτροπον, αἰμυλομήτην,
ληϊστῆρ', ἐλατῆρα βοῶν, ἡγήτορ' ὄνειρων,
15. νοκτὸς ὀπωπῆτῆρα, ποληδόκον, δεσ τὰχ' ἐμελλεν
ἀμφανείειν κλυτὰ ἔργα μετ' ἀθανάτοισι θεοῖσιν.
ἦψος γεγονῶς μεσσημάτιος κιθάριζεν,
ἐσπέριος βοῶς κλέψεν ἐκηβόλου Ἀπόλλωνος.

⁴⁾ Въ ст. 13 вм. αἰμυλομήτην (blande decipientem) Рункенъ предлагаетъ αἰμυλόμοθον, чтò не имѣняетъ смысла. Но Ильгонъ читаетъ αἰσυλομήτην: въ такомъ случаѣ слѣдуетъ замѣтить, что αἰσυλος здѣсь никакъ не слѣдовало бы понимать въ смыслѣ нашего «безбожный» (gottlos, frevelhaft).

и завѣдываетъ снами ¹⁾, который видитъ даже среди ночной темноты ²⁾ и выжидаетъ добычу у дверей. Ему-то суждено было совершить *знаменитымъ* дѣла среди безсмертныхъ боговъ: родившись съ утреннею зарею, онъ въ срединѣ дня игралъ уже на киварѣ, а подъ вечеръ укралъ быковъ у далеко разящаго Аполлона ³⁾.

Подобныхъ примѣровъ, выказывающихъ то уваженіе, которымъ пользовался Гермесъ, именно какъ божество лжи, обмана и воровства, можно привести множество, такъ что нѣтъ возможности сомнѣваться въ томъ, что всѣ эти качества, въ извѣстное время, не только не считались у Грековъ пороками, но, напротивъ, геройскими подвигами, достойными воспѣванія. Та мысль, по которой подобные поступки представляютъ въ миоахъ элементъ, лишенный нравственнаго значенія или даже противонаравственный (*sittliche Verstösse*) ⁴⁾, оказывается совершенно несостоятельною.

Понятно, что превратныя понятія о развитіи нравственности и о религіозномъ значеніи древнихъ божествъ не могли не повліять и на толкованіе гомеровскаго гимна, изъ котораго мы приводили отрывокъ. Посмотримъ, что говоритъ объ этомъ гимнѣ, напримѣръ, Бернгарди въ своей „Исторіи греческой литературы“. Называя его „свѣтскимъ“ (въ противоположность духовному), онъ описываетъ его слѣдующимъ образомъ: „Въ началѣ“, говоритъ онъ, „передается со *смысламъ юморомъ* (?) сказка (Fabel) о младенествѣ этого бога (Гермеса), объ его искусствѣ воровать, которое въ немъ проявляется въ соединеніи съ хитростью и бойкостью (Unbefangenheit) уже въ первые дни его су-

¹⁾ Въ ст. 14 ἡγήτορ' ὀνειρώωνъ нельзя переводить: «который наводитъ (обманчивые) сны». Ср. § 7, прим. 12.

²⁾ Ст. 15 νοκτὸς ὀκνητήρα. Баумейстеръ въ своемъ изданіи (Шупп. ном. 1860 г., стр. 189) даетъ къ этому мѣсту переводъ *Matthii* (Matthia), qui postem *resculatur*, то-есть, *νοκτὸς ὀκνητήρα*, вѣсть съ ссылкой на *Tac. Ann. II, 40: resculati postem incustoditam*. Но *ὀκνητή* означаетъ преимущественно «зрѣніе»; поэтому всего естественнѣе переводить *ὀκνητήρ*: «зрѣніи». Относительно ночной дѣятельности Гермеса, ср. *Eur. Iphig. Taur. 1026:*

χλῆπτων γάρ ἢ νύξ, τῆς δ' ἀληθείας τὸ φῶς.

πολυδόχον Баумейстеръ переводитъ удачно: *qui fores observat egredientes spoliatus*, сравнивая это слово съ *ὀδοδόχος*, разбойникъ (*Wegelagerer*).

³⁾ Последніе стихи (17 и 18) у Баумейстера стоятъ между скобками. Мы можемъ, однако, воспользоваться ими, такъ какъ они въ самомъ видѣ удачно передаютъ содержаніе самаго гимна.

⁴⁾ См. выше прим. 2.

ществованія; затѣмъ описывается его походженіе съ Аполлономъ и, наконецъ, остроумный поэтъ придаетъ этимъ *шуткамъ* (?) тонкій оборотъ, представляя примиреніе этихъ боговъ и прославляя блескъ Аполлонова наряда, семиструнную лиру, избрѣтенную въ честь его, и дельфійскій оракулъ. Не смотря на множество пропусковъ, искаженій и позднѣйшихъ вставокъ въ дурно сохранившемся текстѣ этого гимна, мы удивляемся остроумію и поэтическому таланту, смѣлости и юмору (*Keckheit und muthwillige Laune*), который съ удивительнымъ тактомъ, вращаясь въ высшихъ кругахъ чувственности, осмысляетъ ихъ и придаетъ имъ нѣчто привлекательное. При этомъ мы любуемся веселымъ умомъ поэта, постигающаго могущественное значеніе музыки и обманчивую игру божественныхъ предсказаній, при чемъ не обходится безъ *ироническаго* намека. Эта поэма, исполненная съ такою свободою, привлекаетъ насъ также и потому, что она является древнѣйшимъ опытомъ остроумнаго обращенія съ мифологіей и даже представляетъ содержаніе для божественной комедіи (*Götterkomedie*); мимоходомъ съ богомъ связывается призваніе пѣвца и слава и тайна утонченнаго пѣнія (*des feinen Liedes*). Языкъ намъ нравится своею легкостью и свѣжестью; зато чтеніе затрудняется большимъ количествомъ рѣдкихъ и темныхъ выраженій^{*)}. Читая такой отзывъ, нельзя не удивляться необыкновеннымъ способностямъ автора этого гимна. Если мы только задумаемся въ слова Бернгарди, то окажется, что этотъ авторъ—просто геній, въ самомъ непостижимомъ смыслѣ этого слова. При близкомъ знакомствѣ съ „кругами низшей чувственности“, мы находимъ въ немъ умѣнье придать имъ духовный интересъ (*geistigen Reiz*), то-есть, такое осмысленіе этой чувственности, какое врядъ ли найдемъ въ самомъ утонченномъ эпикуреизмѣ. Тонкость же его намековъ—почти неуловима. Затѣмъ его обращеніе съ предметами народнаго вѣрованія—окончательно гениально. Онъ до того успѣлъ выработать вполне независимый взглядъ на религіозныя возрѣвнія своей среды, что ничѣмъ не проявляетъ того враждебнаго, полемизирующаго настроенія, которое замѣтно у всѣхъ древнѣйшихъ философовъ, относившихся къ предметамъ вѣрованія критически. Но что болѣе всего достойно нашего удивленія, такъ это его юморъ, тонкость котораго превышаетъ все мнѣ извѣстное даже у Аристофана. Замѣчательно, какъ много уступаетъ ему въ

*) *Bernhardy*, Grundriss der griech. Litt. 2-я часть, I, стр. 223 сл. (3-е изд. 1867 г.).

этомъ отношеніи даровитый Лукіанъ, жившій въ концѣ II-го столѣтія послѣ Рожд. Хр. и снискавшій за свое иронически-юмористическое отношеніе къ міеологіи славу фривольнаго писателя. Насколько иронія нашего гимнографа должна быть утонченнѣе приемовъ Лукіана, это всего лучше вытекаетъ изъ сравненія этого гимна съ однимъ изъ „разговоровъ боговъ“ Лукіана, гдѣ мы находимъ тотъ же сюжетъ ¹⁾: непонятно только, какъ Лукіанъ могъ писать этотъ разговоръ, если онъ зналъ, что на этомъ поприщѣ уже существуетъ столь образцовое произведеніе. Если, наконецъ, прибавить къ тому нѣкоторыя качества гимна, о которыхъ не упоминаетъ Бергарди, — преимущественно, если вспомнимъ, какъ удачно приданъ гимну торжественный тонъ, такъ сильно напоминающій религіозное вдохновеніе Гезіода, то невольно спрашиваешь: когда же жилъ этотъ гениальный писатель? Къ какой эпохѣ греческаго развитія отнести его, и кто онъ? Должно быть это какая-нибудь знаменитость, хотя, съ другой стороны, и недоумѣваешь, кому же изъ извѣстныхъ писателей приписать это гениальное произведеніе. Но тутъ-то и замѣчательно, что имя этого писателя неизвѣстно, и даже самъ Бергарди намъ его не указываетъ, не смотря на свое умѣнье составить себѣ столь опредѣленное понятіе о произведеніи, которое, какъ онъ самъ говоритъ, дошло до насъ въ чрезвычайно искаженномъ видѣ. Дѣйствительно, испорченность текста необычайна. „Толкователи этого гимна“, говоритъ Баумейстеръ, „согласны всѣ безъ исключенія въ томъ, что изъ всей древности не дошло до насъ почти ни одного стихотворенія въ столь искаженномъ видѣ“ ²⁾. Маттіэ утверждаетъ даже, что едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что лишь половина или, можетъ быть, даже только треть гимна подлинна, все же прочее вставлено граматиками и книгопродавцами ³⁾. Самъ Баумейстеръ, который отстаиваетъ единство всего гимна и допускаетъ лишь менѣе значительныя вставки, признается, что этой цѣли можно достигнуть только однимъ путемъ, именно, *допуская юмористическое толкованіе*; тогда, по его мнѣнію, мы найдемъ естественнымъ, почему въ этомъ гимнѣ, подобно какъ въ комедіи, „нѣтъ строгой связи содержанія“, и убѣдимся, что поэтъ „иногда нарочно обманываетъ“ наши ожиданія, часто соединяетъ различное и противорѣчивое, и, наконецъ, смѣшиваетъ серьезное съ

¹⁾ *Lucian*, *Deor. dial.* 7. (2-е изд. Дидота, стр. 51).

²⁾ *A. Baumister*, *Hymni homerici* (1868), стр. 182.

³⁾ См. тамъ-же.

шутливымъ¹⁾). И такъ мы видимъ, на какомъ основаніи въ этомъ гимнѣ отыскиваютъ юморъ. Оказывается, въ заключеніе, что геніальность гимнодѣвца, которому Бернгарди приписываетъ столь необыкновенныя качества, опирается на очень шаткомъ основаніи.

Но мы не будемъ вдаваться въ вопросъ о томъ, что въ нашемъ гимнѣ было его первоначальнымъ составомъ, и не представляетъ ли онъ, въ дошедшей до насъ формѣ, обработку, можетъ быть, даже нѣсколькихъ гимновъ²⁾. Для насъ важно то, что приведенный нами отрывокъ не можетъ быть позднѣйшею вставкою, чего никто еще до сихъ поръ и не утверждалъ. Поэтому мы посмотримъ, насколько вѣрно юмористическое пониманіе именно этого мѣста, которое, замѣтимъ мимоходомъ, приводится преимущественно въ оправданіе этого толкованія. Я не буду настаивать на мнѣніи, что приведенный мною отрывокъ составлялъ нѣкогда часть гимна, имѣвшаго богослужебное значеніе³⁾. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, я не вижу, однако, возможности отрицать торжественность тона въ предшествующемъ ему обращеніи къ Музѣ. Если не считать напередъ воровство дѣломъ без-

¹⁾ Тамъ-же, стр. 184 сл. Приведу все это интересное мѣсто, которое начинается сравненіемъ нашего гимна съ двумя гомеровскими гимнами къ Аполлону: «Jam de indole atque compositione totius hymni quaerentem fugere non potest, magno hoc iarmen hiatu distare ab iis, quae sunt in Apollinem; illic enim res peragitur cum summa gravitate et cum reverentia deo augustissimo ac potentissimo debita; hic iocus amabilis regnat cum petulantia tributa puero lepidissimo et *vixdum divini numinis participi* (!). Hoc si consideres, consentaneum est, opinor, in illis carminibus unam actionem certis quibusdam finibus circumscriptam per actus suos rite deduci et quasi orbem rerum effici, hic autem, ut in comoedia, *laxioribus vinculis res contineri, aliquoties consulto expectationem falli, non raro diversa et contraria inter se componi, denique iocum serio misceri*. Atque hanc proprietatem carminis nisi prospexeris, fieri nunquam poterit, quin iniquissimum ac perversissimum iudicium de poeta feras; qui quidem tum cum maxime rem lepidam lepide agit, insulsus tibi videatur necesse sit; ubi oratio leniter fluit, increpabis languidam sive argute loquatur, stomachaberis neque ferendum putabis aucupium verborum, denique iustum ordinem si forte deseruerit, nunquam ei condonabis. Verum enimvero etiamsi concessero talia interdum poetam peccavisse (see-tak!), tamen non efficies, ut indigno Pomeridae patrocinari videar.

²⁾ Въ московской рукописи (нынѣ лейденской) заглавіе: ΤΟΥ ΑΥΤΟΥ (то-есть, Гомера) ΥΜΝΟΙ ΕΙΣ ΕΡΜΗΝ, въ прочихъ же только: ΕΙΣ ΕΡΜΗΝ.

³⁾ *Lahn*, *Sagw. Stud.* стр. 96: Ihr Wesen (то-есть, гомеровскихъ гимновъ) ist mehr episch als liturgisch und der spicende, ja *ironische* (!) (Hymnus in Hermet) Geist einiger derselben macht es uns fraglich, ob diese überhaupt zu liturgischen Zwecken gedichtet wurden. Какъ будто они дошли до насъ въ первоначальной формѣ!

правственнымъ, то окажется, что не только въ приведенномъ отрывкѣ, но во всемъ даже гимнѣ нѣтъ ничего, что противорѣчило бы этому торжественному вступленію, характеризующему нашъ отрывокъ, какъ произведеніе серьезное, въ родѣ Гезіодовой Θεογονіи. Иное дѣло, если бы за такимъ вступленіемъ послѣдовало, напримѣръ, описаніе „войны лягушекъ съ мышами“ или нѣчто подобное; тогда контрастъ возвышенныхъ приемовъ съ ничтожностью сюжета служилъ бы къ усиленію юмористическаго тона, но въ данномъ вѣдь случаѣ содержаніе—религіозное.

Въ разсматриваемомъ гимнѣ я нигдѣ не успѣлъ открыть что-нибудь такое, что указывало бы на насмѣшливое, шутливое обращеніе съ Гермесомъ,—однимъ изъ наиболѣе почитаемыхъ божествъ Греціи. Гротъ, въ своей „Исторіи Греціи“, видитъ непочтительное обращеніе въ слѣдующихъ словахъ гимна: „Гермесъ мало дѣлаетъ добра (людямъ); онъ пользуется темнотою ночи, чтобы обманывать непомѣрно породы смертныхъ людей“¹⁾. Но видя въ этихъ словахъ необычайную вольность въ обращеніи съ божествомъ, Гротъ, очевидно, ошибается. Въ томъ же гимнѣ описывается, какъ Аполлонъ, чуть ли не болѣе всѣхъ уважаемое божество Греціи, обѣщаетъ Гермесу свою дружбу, увѣряя его, „что никто изъ бессмертныхъ не будетъ ему милѣе, ни Богъ, ни человекъ изъ Зевсова рода“²⁾. Поэтому, въ словахъ: „онъ мало дѣлаетъ добра (пользы)“ или нельзя видѣть непочтительности, или слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ, признать эти стихи вставленными; но въ послѣднемъ случаѣ они уже не могутъ служить подтвержденіемъ предположенія о юмористическомъ тонѣ нашего отрывка. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что древнее божество, для того, чтобы быть уважаемымъ, вовсе не пуждается въ качествахъ христіанской добродѣтели, и что, напротивъ, эта послѣдняя могла бы лишь повредить ему въ глазахъ тогдашняго общества.

¹⁾ Изд. Баум., стр. 577 сл.

παῦρα μὲν οὖν ὀνίνησι, τὸ δ' ἄκριτον ἠεροπεύσει
νόχτα δι' ὀφθαίην φῶλα θνητῶν ἀνθρώπων.

См. Grote, I, стр. 52: But Hermès (concludes the hymnographer, with frankness unusual in speaking of a god) does very little good и т. д.

²⁾ Ст. 523 сл.

..... αὐτὰρ Ἀπόλλων
Λητοίδης κατένευσεν ἐπ' ἄρθμῳ καὶ φιλότῃτι,
μὴ τινα φίλτερον ἄλλον ἐν ἀθανάτοισι ἕσσεσθαι
μήτε θεὸν μήτ' ἀνδρα Διὸς γόνον.

Въ доказательство вышесказаннаго приведу священную молитву, которая произносилась Савійцами въ храмѣ Сатурна во время жертвоприношенія этому божеству. Жертвою былъ старый быкъ съ выломанными зубами. Вотъ содержаніе этой молитвы: „Да будешь ты святъ, о боже, которому врождено зло, какъ качество; который не дѣлаешь добра, будучи самъ несчастьемъ и противоположностью счастья; который, прикасаясь съ прекраснымъ, — дѣлаешь его некрасивымъ и, взглянувъ только на счастливаго, — дѣлаешь его несчастнымъ. Мы приносимъ тебѣ жертву, похожую на тебя. Поэтому, прими ее отъ насъ благосклонно и отврати отъ насъ всѣ твои бѣдствія и бѣдствія, происходящія отъ твоихъ коварныхъ и обманчивыхъ демоновъ, которые придумываютъ зло для каждаго“ ¹⁾. Подобнаго содержанія молитва тѣхъ же Савійцевъ къ Марсу: „О ты, злой, непостоянный, острый, огненный богъ. Ты любишь возмущеніе, убійство, разрушеніе, пожаръ и кровопролитіе. Мы тебѣ приносимъ жертву, похожую на тебя (то-есть, человѣка). Прими ее благосклонно и отврати отъ насъ бѣдствія твои и твоихъ демоновъ“ ²⁾. Въ сочиненіи Хвольсона „Савійцы“, откуда заимствованы эти молитвы, мы находимъ нѣсколько сближеній съ подобными греческими примѣрами, изъ которыхъ укажу, какъ на болѣе удачное, на слѣдующее мѣсто Иліады, гдѣ прогнѣванный Зевсъ говоритъ раненному подъ Троею Марсу:

«Ты неавистивѣйшій мнѣ межъ боговъ, населяющихъ небо!
Распря единая, *браня* и *убійство* тебѣ лишь пріятны!
 Матери духъ у тебя, необузданный, вѣчно строптивый,
 Геры, которую самъ я съ трудомъ укрощаю словами!
 Ты и теперь, какъ я мню, по ея же внушеніямъ страдаешь!
 Но тебя я страдающимъ долѣе видѣть не въ силахъ:
 Отрасль моя ты, и мать тебя отъ меня породила.
 Еслибъ отъ бога другого родился ты, столько *злоторный*,
 Былъ бы уже ты давно пренесодатѣ всѣхъ Уранидовъ!» ³⁾.

Тутъ мы находимъ всѣ тѣ эпитеты, которые видѣли въ Савійской молитвѣ къ этому богу. Что они высказаны Зевсомъ въ гнѣвѣ,—это не придаетъ имъ еще порицательнаго значенія въ этическомъ смыслѣ;

¹⁾ *Chwolson, Ssabier und der Ssabismus*, II, (1856) стр. 384 сл. (нѣмецкій переводъ изъ *Dimeschqi*, I, 10, 2).

²⁾ *Тамъ-же*, II, стр. 389 (*Dimeschqi* I, 10, 4).

³⁾ *Иліада*, V, 890 и сл. переводъ Гиндича. См. *Chwolson, Ssabier*, II, стр. 678, прим. 54. Укажу при этомъ случаѣ на мѣсто въ *Euseb.* *Граер.* *ев.* IV, 20, въ концѣ и 21 въ началѣ, гдѣ говорится о греческомъ жертвоприношеніи «злomu (πονηρός) демону».

такъ, напримѣръ, Ахиллъ въ гнѣвѣ называетъ Агамемнона „знаменитѣйшимъ“ и, вслѣдъ за тѣмъ, „самымъ жаднымъ изъ всѣхъ“¹⁾, причемъ можно даже сомнѣваться, считалась ли жадность порокомъ, такъ какъ, между прочимъ, въ Ведахъ мы находимъ такую молитву: „сдѣлай насъ жадными къ сокровищамъ“²⁾. Подобнымъ образомъ въ другомъ мѣстѣ Аина называетъ Марса „безумнымъ“ и „не знающимъ никакихъ законовъ“³⁾. Еслибы подобныя выраженія считались дѣйствительно обидными, то поэтъ врядъ ли дозволилъ бы себѣ приводить ихъ. Напротивъ, извѣстно, что на низкой ступени развитія народъ уважаетъ необдуманность и всѣ порывы страсти, особенно гнѣва, который съ такимъ воодушевленіемъ воспѣвается въ Илиадѣ. Въ одномъ изъ священныхъ ведическихъ гимновъ, обращенномъ къ Марутамъ, эти послѣдніе называются героями, „гнѣвными, какъ змѣи“⁴⁾. Такъ же точно мы знаемъ, что неуваженіе къ законамъ представлялось достоинствомъ, которымъ, конечно, не всякій могъ обладать. Какъ на лучшій примѣръ въ этомъ отношеніи, можно указать на описаніе Циклопа въ Одиссеѣ, который гордится тѣмъ, что ему некого бояться, ни Зевса, ни прочихъ бессмертныхъ боговъ⁵⁾.

Что же, послѣ этого, представляетъ непочтительнаго нашъ гимнъ къ Гермесу? Гермесъ является хитрымъ. Но подобнымъ вѣдъ образомъ и въ священныхъ индійскихъ гимнахъ восхваляется богъ Индра за свою хитрость⁶⁾. Извѣстно также, что въ русскихъ сказкахъ хитрость представляется именно *мудростью*. Затѣмъ, въ греческомъ гимнѣ Гермесъ является не только лгуномъ и воромъ, но чуть ли не разбойникомъ (πολυδολος). Точно также и въ ведическихъ гимнахъ божество сравнивается, напримѣръ, съ „храбрымъ“ разбойникомъ — „грабителемъ на дорогахъ“: „Да будемъ выжимать напитокъ изъ Сомы ему

¹⁾ *Iliad.* I, 122:

Ἄτρεϊδῆ γόδιος, φιλοχτεανώτατε πάντων.

²⁾ *Rigveda*, I, 9, 6, въ нѣмецкомъ переводѣ *Benfey*: Schön stachle du uns, Indra, auf; mach uns nach Reichthum eifervoll, schatzreicher! — Почти всѣ дѣльнѣйшія смыслы на *Rigvedu* сдѣланы мною по переводу Бенфея, помѣщенному въ журналѣ *Orient und Occident*. Имя переводчика я буду отмѣчать только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ буду придерживаться другихъ переводовъ.

³⁾ *Iliad.* V, 761:

ἄφρονα τοῦτον...., ὅς οὐ τίνα οἶδε θεμίονα.

⁴⁾ *Rigv.* I, 64, 9.

⁵⁾ *Odyss.* IX, 273 слл. и въ друг. мѣстахъ.

⁶⁾ Напримѣръ, *Regv.*, I, 51, 5: „Хитростью ты разогналъ хитрыхъ“.

(Индръ), этому богатому дѣлами быку, этому истинно сильному быку который, подкрадываясь подобно герою—грабителю на дорогѣ, идетъ, раздѣляя богатство неправеднаго“ ¹⁾). Г. О. Миллеръ въ своемъ „Ильѣ Муромцѣ“ справедливо замѣчаетъ, что „въ извѣстное время разбойничество не налагало на мужа пятна; это былъ только особый видъ воинственной дѣятельности,—особое средство къ добычѣ, или къ тому, чтобы поразмять плечо“ ²⁾). „Не говоря уже о сербскомъ *зайдуцествѣ*, народное сочувствіе къ которому объясняется противутурецкимъ его назначеніемъ, можно указать и на то превознесеніе народомъ разбойничества, которое выразилось, напримѣръ, въ англійскихъ балладахъ о Робинѣ-Гудѣ, да и у насъ породило особый, уже къ позднѣйшему времени относящійся, рядъ былинъ о разбояхъ“ ³⁾).

И такъ эпитеты Гермеса не представляютъ ничего особенно страшнаго. Вообще не слѣдуетъ забывать, сколь многія вещи, кажущіяся на нашъ взглядъ недостойными даже простого человѣка, воспѣвались когда-то, какъ качества божествъ, считаясь, очевидно, въ высшей степени похвальными. Такъ, напримѣръ, въ гомеровскомъ высокаторжественномъ гимнѣ къ Аполлону,—въ гимнѣ, серьезное значеніе котораго признается всѣми,—пѣвецъ, какъ бы недоумѣвая, съ какой похвалы начать свою пѣснь, восклицаетъ: „Какъ же мнѣ воспѣвать тебя, достойнаго похвалы во всѣхъ отношеніяхъ? Стану ли воспѣвать тебя въ кругу жениховъ и въ *любовныхъ похожденияхъ*“, и затѣмъ, перечисляя эти послѣднія, онъ упоминаетъ и о несчастномъ Левкиппѣ, котораго Аполлонъ, повидимому, *убиваетъ, полюбивъ его жену* ⁴⁾). Въ

¹⁾ Тамъ же, I, 103, 5.

²⁾ О. Миллеръ, Сравнительно-критическія наблюденія надъ слоевымъ составомъ народнаго русскаго эпоса. Илья Муромецъ и богатырство кievское (С.-Петербургъ, 1869), стр. 82.

³⁾ Тамъ же, стр. 290.

⁴⁾ Нутн. хот. ed., Baumeister, II, 29:

πῶς τ' ἄρ σ' ὀμνήσω παντὸς εὖμνου ἴοντα;
ἦέ σ' ἐνὶ μνηστῆραϊν αἰῖδω καὶ φιλότῃτι κ. τ. λ.

Мѣсто, въ которомъ описывалась участь Левкиппа, дошло до насъ только въ отрывочныхъ фразахъ:

ἦ ἄμα Λευκίππῃ καὶ Λευκίπποιο δάμαρτι
.
.
.
.
.
.
.
.
.
.
.
πεζός, ὁ δ' ἵπποισιν; οὐ μὴν . . . .

Въ послѣдней строкѣ рѣчь идетъ, повидимому, о сраженіи пѣшаго Аполлона съ стоящимъ на колесницѣ Левкиппомъ (ср., впрочемъ, Baumeister къ этому мѣсту, стр. 149). На счетъ смерти Левкиппа сравн. *Рамс.* VIII, 20, 4:

другомъ гимнѣ, гдѣ поэтъ обращается съ молитвою къ Діонису, онъ называетъ этого бога—γυναίκανός, что означаетъ „любящій женщину до безумія“ (weibertoll) ¹⁾. Очевидно, что всѣ подобныя обращенія принимались серьезно. Поэтому, если, напримѣръ, Зевсъ называется „жесточайшимъ“ ²⁾, то и это не слѣдуетъ смягчать утонченнымъ толкованіемъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя и видѣть въ этомъ обидное обращеніе. Въ доказательство послѣдняго мнѣнія я ссылаюсь только на то мѣсто Иліады, гдѣ Агамемнонъ порицаетъ Менелая за то, что тотъ хотѣлъ пощадить въ сраженіи Адраста.

«Слабой душой Менелай, ко Троянцамъ ли нынѣ ты столько
Жалостливъ? Дѣло прекрасное сдѣлали эги Троянцы
Въ домъ твоимъ? *Чтобъ никто не избѣгъ отъ побѣды черной*
И отъ нашей руки! ни младенецъ, котораго матеръ
Носитъ въ утробѣ своей, чтобъ и онъ не избѣгъ! да погибнутъ!
Въ Трою живущіе естъ и, лишеныя гроба, исчезнутъ!»
Такъ говорящій герой отвратилъ помысленіе брата,
Правду ему говоря ³⁾.

Но особенно слѣдуетъ быть осторожнымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда богамъ придаются нѣкоторые эпитеты, кажущіеся намъ не эстетичными. Такъ, напримѣръ, еслибы мы случайно не знали, что слово βωῶπις, „съ бычачьими глазами“, присоединяется къ именамъ женщинъ, считавшихся прелестными, между прочимъ, и къ имени богини Геры, то мы бы, навѣрно, подумали, что это слово означаетъ брань или, по крайней мѣрѣ, насмѣшку. Подобными примѣрами неэстетичныхъ образовъ изобилуютъ индійскіе священныя гимны: особенно въ нихъ замѣчательны, въ этомъ отношеніи, тѣ мѣста, гдѣ

οἱ δὲ τὸν Ἀπόλλωνος ἔρωτα ἐς αὐτὴν (τὴν Δάφνην) ἄδοντες καὶ τὰδε ἐπιλέγουσιν, Ἀπόλλωνα Λεοκίπφ' ἠμεσῆσαι τῆς ἐς τὸν ἔρωτα εὐδαιμονίας κ. т. л.; слѣдуетъ описаніе смерти, виновникомъ которой Аполлонъ является здѣсь только косвеннымъ образомъ.

¹⁾ Тамъ же, XXXIV, 17; ср. *Limb. Brouwer, Civilisation etc.*, II, 558: Dans un hymne grave et sérieux, un poète, qui demande une faveur de Bacchus, n'hésite pas de donner à ce dieu un nom, qu'un homme prendroit sans doute pour une grosse injure.

²⁾ *Iliad.* IV, 25. Гера говоритъ Зевсу:

αἰνότατα Κρονίδη, ποῖον τὸν μῦθον ἔειπες.

Этотъ эпитетъ тѣмъ важнѣе, что не оказывается достаточно мотивированнымъ. О чрезвычайно характеристичномъ возраженіи Зевса, гдѣ тотъ избрываетъ свою жену канибалакою, мы будемъ говорить въ другомъ мѣстѣ.

³⁾ Тамъ же, VI, 55 и слѣд., въ переводѣ Гнѣдича.

воспѣвается, какъ брюхо упивающагося Сомою Индры раздувается отъ этого напитка и принимаетъ размѣры моря; при чемъ, замѣтимъ мимоходомъ, не лишено для насъ значенія и то обстоятельство, что Сомою поять божество иногда, повидимому, съ тѣмъ, чтобы оно стало расточительнѣе, то-есть, болѣе щедрою рукою удѣляло молящемуся отъ своихъ богатствъ ¹⁾).

Но возвратимся опять къ качествамъ, приписываемымъ Гермесу. Обманъ и воровство суть преимущественно тѣ качества, которыя, какъ увидимъ ниже, оставили и въ историческія времена Греціи особенно замѣтные слѣды. Я полагаю, что именно вслѣдствіе этого обстоятельства они и отразились съ такою ясностью въ характерѣ народнаго божества Гермеса. Не менѣе тѣсно связаны они и съ другимъ греческимъ героемъ или божествомъ, черты котораго успѣли, однако, болѣе сгладиться, вслѣдствіе того, что онъ былъ представитель древнихъ нравовъ въ еще болѣе грубомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, первобытномъ видѣ. Но прежде, чѣмъ оставить Гермеса, я позволю себѣ обратить еще разъ вниманіе читателя на приведенныя мною въ видѣ эниграфа слова Гёте, изъ которыхъ видно, что этотъ истинно гениальный поэтъ далеко лучше всѣхъ филологовъ понималъ глубокое этическое значеніе сказаній о подвигахъ Гермеса. Слова эти поэтъ хоръ греческихъ дѣвъ во второй части „Фауста“, въ 3-мъ актѣ, желая выставить превосходство древней поэзіи въ сравненіи съ новою:

„Это ты называешь чудомъ, дочь Крита? Ты, вѣроятно, никогда не прислушивалась къ поучительнымъ разказамъ поэта. Ты, должно быть, никогда не слыхала богатыхъ, божественно-геройскихъ, завѣщанныхъ предками, сказаній Іоніи, сказаній Эллады? Все, что совершается въ настоящіе дни, все это — жалкій лишь отголосокъ чудесныхъ, старинныхъ временъ. Твоему разказу не сравнятся съ прелестнымъ сказаніемъ о сынѣ Майи, съ этимъ вымысломъ, который правдоподобнѣе истины“ ²⁾).

Л. Воеводскій.

¹⁾ *Rigv.* I, 4, 2 = *Sdnav.* II, 438: «ибо опьяненіе богача щедро быками (собств. даритъ быковъ)». Ср. *Rigv.* I, 8, 7; 30, 3; 404, 9.

²⁾ *Goethe's, Sämmtliche Werke in vierzig Bänden*, XII, стр. 209 (изд. Котте, 1840). Ср. *H. Düntzer, Goethe's Faust*, 2-е изд. (1857), стр. 672 и слѣд.

(Продолженіе слѣдуетъ).

НОВЫЙ МЕТОДЪ ПРЕПОДАВАНІЯ ДРЕВНИХЪ ЯЗЫКОВЪ.

Die durch die neuere Sprachwissenschaft herbeigeführte Reform des Elementarunterrichts in den alten Sprachen, von Dr. Jul. Lattmann, Гёттингенъ 1873.

Реформа начального обученія древнимъ языкамъ, произведенная новымъ языкознаніемъ, сочиненіе доктора Юл. Латманна. Гёттингенъ, 1873.

Въ 1851 году вышла въ Прагѣ „Griechische Schulgrammatik“ пражскаго, теперь лейпцигскаго, профессора Георга Курціуса. Рѣзко отличаась отъ прежнихъ, подобныхъ учебниковъ какъ строго-научнымъ изложеніемъ матеріала, такъ особенно тѣмъ, что въ ней, какъ школьной грамматикѣ, впервые примѣнены были при изложеніи этимологіи главные и несомнѣнные выводы сравнительно-историческаго языкознанія, „Грамматика“ Курціуса породила новую методу преподаванія греческой этимологіи въ школахъ. Съ теченіемъ времени учебникъ Курціуса, а съ нимъ и новая метода, распространились все болѣе и болѣе, сначала въ Австріи, а потомъ въ Германіи и другихъ странахъ, приобрѣтая всудѣ приверженцевъ и послѣдователей и вытѣсняя мало по малу старую методу. На съѣздѣ филологовъ въ Галлѣ, въ 1867 г., большинствомъ голосовъ было признано, что при обученіи греческому языку въ школахъ должно пользоваться въ извѣстныхъ предѣлахъ результатами сравнительнаго языкознанія. Не смотря, однакожь, на свои очевидныя достоинства и преимущества, признающія съѣздомъ ученыхъ, новая метода преподаванія греческой этимологіи далеко еще не вытѣснила старую; напротивъ, эта послѣдняя и въ настоящее время господствуетъ въ огромномъ большинствѣ нѣмецкихъ школъ.—Что же касается латинскаго языка, то преподаваніе его ведется почти исключительно по старой методѣ.

Тотъ же съѣздъ филологовъ, который призналъ пользу и необходимость примѣненія результатовъ сравнительнаго языкознанія при обученіи греческому языку, принялъ относительно латинскаго языка слѣдующее положеніе: „преподаваніе лат. языка въ настоящее время

(für jetzt), должно вести также, какъ и до сихъ поръ.“ Такимъ образомъ, господство старой метода въ преподаваніи лат. языка подтверждено авторитетомъ ученаго сѣзда. Борьба двухъ методовъ преподаванія древнихъ языковъ въ Германіи отразилась и у насъ. Съ переводомъ греческой грамматики Курціуса на русскій языкъ въ 1862 г. новая метода преподаванія греческой этимологіи проникла и въ наши школы и распространилась довольно быстро. Преподаваніе же латинскаго языка у насъ, какъ и въ Германіи, исключительно ведется по старой системѣ; въ огромномъ большинствѣ нашихъ гимназій господствуетъ латинская грамматика Кюнера въ разныхъ передѣлкахъ, къ сожалѣнію, не всегда удачныхъ. Слѣдовательно, отношеніе новой метода преподаванія къ старой въ нашихъ гимназіяхъ почти такое же, какъ и въ нѣмецкихъ: и у насъ, какъ въ Германіи, преобладаетъ старая метода.

Г. Латманнъ, авторъ брошюры, заглавіе которой мы выписали выше, принадлежитъ къ числу самыхъ умныхъ и дѣятельныхъ приверженцевъ новой метода преподаванія. Вмѣстѣ съ своимъ сослуживцемъ, Генр. Дитр. Миллеромъ, онъ составилъ по новой методѣ: Lateinische Schulgrammatik, Griechische Grammatik für Gymnasien auf Grundlage der vergleichenden Sprachforschung, Griechisches Übungsbuch. Безъ участія Миллера г. Латманнъ составилъ Lateinisches Lesebuch, Lateinisches Übungsbuch für die unteren Klassen des Gymnasiums, Griechisches Lesebuch für Quinta и нѣсколько учебниковъ по нѣмецкому языку. Всѣ эти книги, не смотря на сильную конкуренцію огромной массы подобныхъ учебниковъ, выдержали въ очень непродолжительное время три изданія. Вмѣстѣ съ распространеніемъ ихъ, распространилась и новая метода преподаванія. Въ видахъ еще большаго и скорѣйшаго распространенія ея, г. Латманнъ въ своей брошюрѣ говоритъ о необходимости реформы въ преподаваніи древнихъ языковъ въ пользу новой метода, старается показать преимущества, которыя имѣетъ новая метода сравнительно со старою и указываетъ на тѣ благодѣтельныя послѣдствія, которыми можетъ сопровождаться благоразумное веденіе преподаванія по новой методѣ. Онъ совершенно справедливо полагаетъ, что нужно по новой методѣ вести преподаваніе не только греческой, но и латинской этимологіи. Прибавкою „für jetzt“, по его мнѣнію, и сѣздъ филологовъ 1867 г., собственно говоря, призналъ, что преподаваніе латинскаго языка должно быть введено на тѣхъ же началахъ, какъ и греческаго. Но приложеніе этого принципа на практикѣ признано невозможнымъ,

главнымъ образомъ потому, что латинской школьной грамматикѣ не доставало академическаго авторитета, который греческая грамматика имѣла въ лицѣ профессора Курціуса. Сверхъ того, приложеніе результатовъ сравнительнаго языкованія къ преподаванію латинской этимологіи значительно затрудняется тѣмъ обстоятельствомъ, что изученіе латинскаго языка начинается съ самыхъ низшихъ классовъ гимназій и потому въ лат. грамматикѣ научные результаты языкованія должны быть изложены еще въ болѣе понятной и доступной формѣ, чѣмъ въ греческой. Между тѣмъ, составители латинской учебной этимологіи, на основаніи результатовъ сравнительнаго языкованія, большею частію упустили изъ виду это обстоятельство, полагая, что и латинская этимологія можетъ быть изложена въ той формѣ, которую Курціусъ придалъ греческой (*Reform des Elementarunterrichts*, стр. 6). Въ самое послѣднее время Алонсъ Вапичекъ издалъ „*Elementar-Grammatik der lateinischen Sprache*“, Лейпцигъ, 1873 года (Тейбнеръ), составленную вполне по образцу и подобію греческой грамматики Курціуса. Эти неудачныя попытки составленія, на основаніи результатовъ сравнительнаго языкованія, лат. этимологіи, конечно, еще ничего не говорятъ противъ самой методы. Можно надѣяться, что въ недалекомъ будущемъ она будетъ преобладать и въ преподаваніи латинскаго языка; у насъ, за отсутствіемъ твердыхъ традицій, впесеніе новыхъ началъ и въ преподаваніе лат. языка могло бы совершиться скорѣе и легче, чѣмъ въ Германіи, гдѣ противъ новой методы борется прочно утвердившаяся старая. Но для этого прежде всего нужно ясно и отчетливо сознавать превосходство новой методы. Между тѣмъ вопросъ о преимуществахъ новой методы въ нашей педагогической литературѣ, сколько намъ извѣстно, почти вовсе не затрогивался, если не считать нѣсколькихъ афоризмовъ въ пользу его, сказанныхъ въ предисловіяхъ къ двумъ, тремъ учебникамъ греческаго языка; потому, хотя новая метода преподаванія греч. языка существуетъ во многихъ нашихъ гимназіяхъ, но отличіе ея отъ старой и преимущества предъ нею едва-ли сознаются всѣми ясно и отчетливо, а такое сознаніе крайне необходимо для того, чтобы умѣть хорошо пользоваться новою методою и извлечь всѣ тѣ выгоды, которыя она представляетъ. Принимая во вниманіе эти обстоятельства, мы считаемъ бесполезнымъ подробно познакомить читателей съ содержаніемъ вышеозначенной брошюры г. Латманна. Хотя авторъ имѣетъ въ виду собственно нѣмецкія гимназіи, но въ большинствѣ случаевъ можно тоже сказать и о нашихъ. Потому мы не будемъ дѣлать комментаріевъ и сравненій съ нашими, ограничиваясь

простымъ изложеніемъ мыслей автора. Всякому, нѣсколько знакомому съ ходомъ обученія древнимъ языкамъ въ нашихъ гимназіяхъ, и безъ указаній будетъ понятно, на сколько приложимо къ этимъ гимназіямъ то, что г. Латманнъ говоритъ о нѣмцевыхъ.

Прежде, въ изученіи языковъ, говоритъ г. Латманнъ, ограничивались изслѣдованіемъ каждаго отдѣльнаго языка и только случайно приводились аналогіи изъ другихъ; да и въ области отдѣльнаго языка предметомъ изученія былъ такъ называемый классическій періодъ его, а на историческое развитіе изучаемаго языка обращали очень мало вниманія. Новѣйшее изученіе языковъ есть по принципу *сравнительно историческое*. Оно занимается историческимъ развитіемъ формъ и словъ въ отдѣльномъ языкѣ, сравниваетъ и сопоставляетъ языки, принадлежащіе къ одной фамиліи, и такимъ путемъ доходитъ до познанія *законовъ*, по которымъ образуется языкъ и особенно формы словъ. Различіе въ направленіи научнаго изслѣдованія обуславливаетъ и различіе методы преподаванія въ школахъ. Приверженцы старой методы рассматриваютъ грамматику *только какъ средство* для чтенія писателей и умѣнья писать на извѣстномъ языкѣ; потому изученіе ея, особенно этимологіи (о которой главнымъ образомъ будетъ рѣчь), возлагается исключительно на низшіе классы и достигается только посредствомъ *ученія на память*. На чтеніе писателей, и въ извѣстной мѣрѣ на умѣніе владѣть языкомъ, и приверженцы новой методы смотрятъ также, какъ на главную цѣль обученія древнимъ языкамъ и видятъ въ этимологіи необходимое средство для достиженія этой цѣли; но они желаютъ, съ одной стороны, вести изученіе *раціональнымъ путемъ*: знакомятъ учениковъ съ законами образованія формъ и, сообщая разумное пониманіе этихъ законовъ, тѣмъ самымъ облегчаютъ самое ученіе, и сильнѣе укрѣпляютъ въ памяти то, что выучено. Съ другой стороны, они убѣждены въ томъ, что такое изученіе, помимо достиженія главной цѣли, и само по себѣ имѣетъ весьма важное достоинство, такъ какъ оно способствуетъ развитію не только памяти, но и мыслительной способности. Словомъ, вмѣсто механическаго зубренія новая метода вводитъ *раціональное* обученіе. Противъ этого могутъ возразить, что ученіе на память больше соотвѣтствуетъ возрасту, въ которомъ изучается грамматика, нежели раціональное. Возраженіе это было бы справедливо въ томъ случаѣ, если бы приверженцы новой методы желали исключительно раціональнаго обученія и изгоняли совершенно заучиваніе на память.

Но этого нѣтъ на самомъ дѣлѣ: и при новой методѣ для памяти

остаётся много работы; разница состоитъ въ томъ, что, если не во всѣхъ, то въ весьма многихъ и главнѣйшихъ случаяхъ заучивается не чисто положительно-данное, а образованное по извѣстнымъ законамъ. При новомъ методѣ ученикъ даже болѣе долженъ заучивать, чѣмъ при старомъ, потому что онъ долженъ твердо знать рядъ формъ. Но такъ какъ законы эти обнимаютъ собою цѣлые ряды явленій, то ученикъ не только сбережеть много труда памяти при первомъ заучиваніи, ибо знаніе значенія, основанія и взаимной связи предметовъ облегчаетъ ихъ изученіе, — но, кромѣ того, онъ получитъ возможность во всякое время самостоятельно возстановить и возобновить по этимъ законамъ въ своей памяти свѣдѣнія, сдѣлавшіяся неясными и неточными. При этихъ выгодахъ болѣе легкаго изученія и болѣе прочнаго сохраненія въ памяти, раціональное обученіе имѣетъ еще болѣе важное преимущество, которое состоитъ въ томъ, что изученіе этимологии уже на самой низшей своей ступени способствуетъ развитію мыслительной способности. Важность всего этого легко будетъ понятъ, если мы припомнимъ, что при классическомъ образованіи, для достиженія цѣли—читать писателей и умѣть владѣть языкомъ, требуется слишкомъ продолжительный подготовительный путь, который иногда можетъ утомить ученика. Сверхъ того, гимназіи не должны забывать, какое большое число учениковъ посѣщаетъ ихъ только до среднихъ классовъ и поэтому — бесполезно тратить трудъ для этихъ учениковъ, если элементарное обученіе древнимъ языкамъ есть только *средство* и не заключаетъ въ самомъ себѣ *цѣли*. Но такое значеніе цѣли получаетъ обученіе грамматикѣ при новой методѣ; она опредѣленно и сознательно дѣйствуетъ на общее образованіе, касающееся языка и логики. Дѣйствіе древнихъ языковъ въ обоихъ этихъ отношеніяхъ давно уже прославляли, и дѣйствительно, они въ самихъ себѣ заключаютъ такую образовательную силу; но это дѣйствіе было неопредѣленно и неразвито и заключалось болѣе въ синтаксисѣ, нежели въ этимологии. Этимология дѣйствительно можетъ давать общее образованіе относительно языка, если она будетъ учить, что формы языка суть члены одного организма, развивающагося по извѣстнымъ законамъ; а научиться этому нельзя въ такой мѣрѣ и съ такою ясностію ни на одномъ другомъ языкѣ, какъ на древнихъ. Такое знаніе способствуетъ вообще болѣе ясному и легкому пониманію иностранныхъ языковъ, будутъ ли его звуковыя законы одинаковы, или только аналогичны. Развивается и укрѣпляется способность пониманія формъ языка вообще, и въ этомъ заключается также формально-образовательное значеніе новой методы.

Но особенно важное значеніе имѣеть новая этимологія для элементовъ логическаго образованія. Это трудно понять, если мы будемъ разсматривать нѣкоторые параграфы новой грамматики съ тѣмъ, чтобы видѣть, какое образовательное значеніе заключаетъ въ себѣ каждый изъ нихъ, взятый отдѣльно. Правда, и въ отдѣльныхъ единичныхъ случаяхъ можно указать нѣкоторые образовательные элементы; но самое важное и главное заключается не въ отдѣльныхъ частностяхъ, а въ цѣломъ, короче въ цѣлой *системѣ*. Чтобы ученикъ третьяго класса ¹⁾ въ греческомъ языкѣ, даже ученикъ перваго въ латинскомъ повялъ сущность системы и научился бы владѣть ею, чтобы онъ усвоилъ себѣ принципъ дѣленія, чтобы онъ подводилъ отдѣльныя явленія, по извѣстнымъ опредѣленнымъ признакамъ, подъ категоріи, чтобы его познанія находились въ сознательномъ порядкѣ, — вотъ въ чемъ состоятъ элементарныя основанія всякаго научнаго мышленія. Такимъ образомъ ученикъ, который выучилъ по новому методу греческую и латинскую этимологію, если даже въ чтеніи писателей онъ не ушелъ дальше Корнелія Непота, Цезаря и двухъ, трехъ книгъ Гомера, получить уже формальныя основанія общаго образованія, касающагося языка, — образованія, котораго не можетъ дать ни одна отрасль элементарнаго обученія. Короче, примѣненіе поваго языкознанія къ школьному обученію вполне гарантируетъ признаніе древнихъ языковъ необходимымъ и незаменимымъ образовательнымъ средствомъ.

Быть можетъ, кого-нибудь устрасить мысль, что ученикъ перваго класса долженъ изучать *систему*? Но это можетъ случиться только съ тѣмъ, кто не знаетъ всей простоты и удобопонятности этой системы. Впрочемъ, и многіе приверженцы новой метода недостаточно цѣнятъ эту столь важную сторону ея. Многіе преподаватели довольствуются тѣмъ, что даютъ ученикамъ простыя объясненія образованія формъ и заставляютъ выучивать ихъ наизусть; затѣмъ стараются только о томъ, чтобы ученики помнили готовыя формы, не настаиваютъ на знаніи ихъ объясненія и почти вовсе не требуютъ, чтобы ученики умѣли сдѣлать обзоръ цѣлой системы и быть въ состояніи воспроизвести ея. Напротивъ, главное вниманіе нужно обращать на то, чтобы ученики какъ можно лучше и тверже помнили раздѣленіе звуковъ,

¹⁾ Въ Германіи, какъ извѣстно, классы гимназій считаются въ порядкѣ, противоположномъ нашему: нашъ 1-й кл. соответствуетъ нѣм. 7-му, а нашъ 7-й — нѣм. ргіма; но мы, для удобства, держимся въ названіи классовъ русскаго порядка.

основанное на немъ распредѣленіе склоненій и спряженій и звуковыя законы, имѣющіе приложеніе къ нимъ. Съ другой стороны, необходимо заставлять учениковъ выучивать наизусть и парадигмы, и при томъ два раза: одинъ разъ предъ объясненіемъ, чтобы ученики имѣли въ представленіи положительныя основанія для объясненія, а въ другой разъ послѣ объясненія образованія формъ, но уже съ тѣмъ, чтобы ученики, при поименованіи каждой отдѣльной формы, сознавали законы, по которымъ она образована, и умѣли бы ихъ привести. Если при дальнѣйшемъ ходѣ обученія, особенно при повтореніяхъ, преподаватель постоянно будетъ настаивать на этомъ требованіи до тѣхъ поръ, пока ученики будутъ въ состояніи, такъ сказать, перечислить по пальцамъ всю систему этимологии со всѣми парадигмами и правилами, относящимися къ каждому отдѣльному случаю, то они получаютъ прочныя основанія своего знанія, какихъ не могутъ дать всѣ способы упражненія памяти, взятыхъ вмѣстѣ. Если, напримѣръ, ученикъ пятаго класса не знаетъ пом. pl. neutr. отъ ἀληθής, то учитель, слѣдующій старой методѣ, прибѣгнетъ къ обычному школьному средству: заставитъ просклонять сначала парадигму въ той надеждѣ, что много разъ сыгранная мелодія и въ данномъ мѣстѣ дастъ вѣрный тонъ. Если же этого не случится, то онъ прикажетъ ученику къ будущему классу снова механически выучить парадигму. Преподаватель, держащійся новой методы можетъ, или, по крайней мѣрѣ, долженъ сказать: „подумайте, образуйте форму!“ Ученикъ знаетъ, что онъ прежде всего долженъ отнести слова къ извѣстной категоріи основъ. Сдѣлавъ это и найдя основу слова ἀλεθης, онъ весьма легко сдѣлаетъ остальное. Онъ знаетъ, что приставка ср. мн. им. п.—α, слѣд., будетъ ἀληθεσα, а σ между двумя гласными въ склоненіи выпадаетъ, слѣдовательно, выйдетъ ἀληθεα, по сліяніи εα въ η—ἀληθη. Никто не станетъ отрицать, что при этомъ происходитъ совершенно другая умственная работа, нежели когда онъ говоритъ себѣ: ты выучилъ αφῆ, слѣд. ἀληθη. Да и памяти, которая у весьма многихъ бываетъ слаба, новый методъ даетъ большую прочность. Умѣнье различать основы отъ окончаній предостерегаетъ ученика отъ многихъ ошибокъ, которыми онъ безъ этого легко бы сдѣлалъ. Новая метода вездѣ, даже на самыхъ низшихъ ступеняхъ, исходитъ изъ основъ словъ и тѣмъ самымъ образуетъ чутье языка, которое при механическомъ изученіи этимологии долго не является въ такой степени.

Противники новой методы указываютъ на то, что ученики низшихъ классовъ, и даже перваго, должны имѣть дѣло съ такими „от-

влеченностями“, какъ „основы и суффиксы“. „Этому возрасту“, говорятъ они, „свойственно конкретное“. Я совершенно согласенъ съ этимъ положеніемъ; но если они думаютъ, что „этимъ безъ дальнихъ разсужденій доказывается негодность и неприложимость новой метода, то можно сказать кое-что въ опроверженіе ихъ мнѣнія. Хотя раціональная сторона новой этимологіи, какъ уже сказано выше, проста и удобопонятна, тѣмъ не менѣе вполне вѣрно, что эта удобопонятность много зависитъ отъ той формы, въ которой предлагается матеріалъ. Нужно строго держаться правила, что дѣтямъ и общее, и отвлеченное слѣдуетъ представлять по возможности конкретно. Достигнуть этого всего лучше посредствомъ *нагляднаго* представленія предмета, для чего самымъ удобнымъ средствомъ можетъ служить классная доска. Для такой ясности и наглядности, при объясненіи формъ, необходимо дѣлать такъ, чтобы данная форма постепенно выходила и образовывалась предъ глазами учениковъ, какъ подъ рукою учителя, такъ и ученика. При такомъ наглядномъ представленіи абстрактнаго, благодаря которому ученикъ видитъ основы и суффиксы, видитъ дѣйствіе звуковыхъ законовъ въ конкретныхъ случаяхъ и своею собственною рукою совершаетъ на доскѣ операціи образованія формы, онъ навѣрно усвоитъ и овладѣетъ какъ процессомъ образованія, такъ и законами, по которымъ этотъ процессъ совершается. Кромѣ того, нужно заставлятъ писать парадигмы и на бумагѣ, но при этомъ требовать, чтобы образованіе формъ было наглядно представлено на письмѣ.

Изъ сказаннаго ясно, что обученіе по новой методѣ заключаетъ въ себѣ три элемента: *мнемоническій, раціональный и наглядный*, между тѣмъ какъ по старой методѣ обученіе ограничивалось преимущественно мнемоническимъ. Очевидно, метода обученія, которая возбуждаетъ дѣятельность памяти и ума и прибѣгаетъ къ наглядности, имѣетъ болѣе образовательной силы. Кромѣ того, такое обученіе, вслѣдствіе переменнаго дѣйствія душевныхъ силъ, которыя оно привлекаетъ къ дѣятельности, является болѣе живымъ и привлекательнымъ и потому болѣе способнымъ возбудить и укрѣпить любовь къ ученію.

Къ упомянутымъ преимуществамъ новой метода присоединяется еще то, что она скорѣе ведетъ къ главной цѣли, то-есть, къ чтенію писателей. Между тѣмъ какъ по старой методѣ Гомеръ начинался въ шестомъ классѣ, по новой — уже въ четвертомъ классѣ весьма возможно прочитать двѣ книги Одиссеи, и прочитать основательно. Извѣстно, что чтеніе Гомера относятъ къ старшимъ классамъ вовсе

не по трудности содержанія, а изъ-за діалектическихъ формъ, которыя, при обученіи по старому методу, дѣйствительно представляютъ затрудненія, потому что сначала занимаются исключительно аттическимъ діалектомъ, а для знакомства съ гомеровскимъ діалектомъ требуется новое зубреніе наизусть. Давать ученикамъ съ самаго начала обѣ формы естественно опасаются, потому что въ головѣ ученика, совершенно незнакомаго съ основаніями различія формъ, произошла бы путаница. Новая метода легко разрѣшаетъ обѣ задачи: начинать обученіе съ аттическаго и въ то же время скоро приступать къ чтенію Гомера; потому что при объясненіи образованія формъ въ большинствѣ случаевъ приходится приводить гомеровскія формы, такъ что одно идетъ рядомъ съ другимъ, не производя при этомъ не только никакой путаницы въ головѣ ученика, но, напротивъ, способствуетъ ясному пониманію. Болѣе раннее чтеніе Гомера нисколько не препятствуетъ читать въ одно и то же время Ксенофонта. Новая метода позволяетъ совмѣстить и то, и другое, потому что ученики понимаютъ взаимную связь обоихъ діалектовъ и ясно сознаютъ основанія ихъ различія.

Въ преподаваніи латинскаго языка чтеніе также далеко отодвинуто или ограничено; въ первомъ и второмъ классахъ занимаются все еще одними предложеніями; и это совершенно согласно съ старымъ методомъ обученія, потому что въ этихъ классахъ изучаются только формы и правила. А такъ какъ простаго заучиванія на память недостаточно, то на помощь является цѣлая масса упражненій. Вслѣдствіе этого, обученіе латинскому языку лишается почти всякаго реального содержанія и становится, такъ сказать, совершенно формальнымъ, потому что на содержаніе предложеній не обращаютъ вниманія, а только на формы. А такъ какъ предложенія по своему нестрою содержанію не имѣютъ ни малѣйшей взаимной связи, то образуется „калейдоскопическій танецъ“, который систематически пріучаетъ учениковъ не заботиться при переводѣ о содержаніи и смыслѣ рѣчи. Благодаря этому, ученики очень часто не понимаютъ Цезаря, Ливія, Цицерона, Овидія, Вергилія, Горація, хотя формы переводятъ очень вѣрно; они мало заботятся о пониманіи значенія словъ, соотвѣствующихъ смыслу даннаго мѣста, не обращаютъ вниманія на взаимную связь предложеній и, не понимая мысли автора, спокойно продолжаютъ переводить далѣе, при чемъ переводъ является не только дурнымъ, но перфидко и совершенно безсмысленнымъ. Для устраненія этой бессмыслицы, всего лучше обращаться къ чтенію простыхъ древнихъ писателей; конечно, при этомъ

нужно имѣть смѣлость не пугаться словъ и оборотовъ, которыя „еще не встрѣчались“. Преодоливъ этимологию въ главныхъ частяхъ ея и ученіе о простомъ предложеніи, при изученіи синтаксиса нужно уже стараться, чтобы ученикъ узнавалъ и изучалъ дальнѣйшія правила синтаксиса изъ самаго чтенія писателей. вмѣсто этого основнаго принципа, занимаются изученіемъ грамматическихъ правилъ и переводомъ безчисленныхъ упражненій на нихъ, преимущественно съ отечественнаго языка на латинскій, такъ, что примъ обученія становится синтетическимъ. Безъ сомнѣній, сначала гораздо лучше идти аналитическимъ путемъ, а такой путь возможенъ только при чтеніи писателей. Можно показать на примѣрахъ, какъ слѣдуетъ поступать, если синтаксическія правила будутъ изучаться аналитически изъ чтенія. *Accusativus cum infinitivo* слѣдуетъ объяснять такъ: въ латинскомъ языкѣ есть особенный видъ зависимаго предложенія, такъ называемый *accusativus cum infinitivo*; это такое придаточное предложеніе, подлежащее котораго ставится въ винительномъ падежѣ, а сказуемое въ неопредѣленномъ наклоненіи; переводить его нужно при посредствѣ „что“. Когда эта особенная форма предложенія встрѣтится нѣсколько разъ и будетъ понята учениками, тогда нужно прибавить: „*accusativus cum infinitivo* ставится послѣ *verba sentiendi et dicendi*“, и указать на мѣста у писателей, въ которыхъ оборотъ этотъ встрѣчался прежде. Обыкновенно поступаютъ совершенно наоборотъ. Начинаютъ съ отвлеченнаго понятія глаголовъ *dicendi et sentiendi*, говорятъ, что послѣ нихъ ставится *accusativus cum infinitivo*, заставляютъ учить это правило и примѣнять на нѣкоторыхъ упражненіяхъ. Аналитическій же путь разлагаетъ правила на части: сперва указываетъ на явленіе въ языкѣ, какъ такое, а когда оно будетъ понято, указываетъ условія, при которыхъ оно встрѣчается; такимъ образомъ, дается время ученику сначала хорошо ознакомиться съ явленіемъ, а потомъ уже воспроизвести его. — Если въ I-мъ классѣ встрѣтится: *Perkules virtutem secutus est*, то при этомъ нужно обратить вниманіе ученика на сочиненіе *sequor* съ винительнымъ падежемъ: „*sequor te*—слѣдую за тобою“. Такое же замѣчаніе слѣдуетъ дѣлать, когда встрѣтится *adjuvo, imitor, aequo* и т. п., и всякій разъ припоминать прежде встрѣчавшіяся подобныя же слова. Послѣ такихъ предварительныхъ замѣчаній, правила о глаголахъ, требующихъ винительнаго, будутъ легко поняты и усвоены; въ упражненіяхъ почти не будетъ надобности, потому что достаточно будетъ заставить припомнить и указать прежде встрѣтившіеся случаи сочи-

ненія такихъ глаголовъ съ винительнымъ. — Эти примѣры показываютъ, какъ можно уже въ низшихъ классахъ готовить учениковъ къ урокамъ въ высшихъ. Помимо этихъ, болѣе или менѣе отдаленныхъ, цѣлей, такой анализъ полезенъ и для ближайшихъ; какъ извѣстно, и въ самыхъ низшихъ классахъ требуется, чтобы латинскіи фразы переводились правильно и на правильный отечественный языкъ; для достиженія этой цѣли нужно строго настаивать, чтобы форма латинскихъ словъ передавалась точно. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ въ обоихъ языкахъ требуются одинаковыя формы, можно удовлетвориться, если будетъ отыскано это совпаденіе формъ. Но тамъ, гдѣ особенныя свойства отечественнаго языка требуютъ не той формы, которая соответствуетъ ей въ латинскомъ, а другой, нельзя довольствоваться тѣмъ, чтобы только, какъ говорится, „переведено было со вкусомъ“. Вкусъ — понятіе въ высшей степени эластичное. Для того, чтобы вести успѣшно въ школѣ это дѣло, прежде всего необходимо, чтобы преподаватель зналъ не только грамматическіе законы латинскаго языка, каковыя свѣдѣнія въ немъ, какъ филологъ, должно предполагать, но чтобы въ то же время онъ былъ въ состояніи съ полною ясностію и точностію опредѣлить и показать, почему въ отечественномъ языкѣ должна стоять другая отступающая форма, что, къ сожалѣнію, не всегда можно предполагать въ преподавателѣ. Не говоря уже о высшихъ классахъ, гдѣ необходимость такихъ знаній для основательнаго объясненія писателей не подлежитъ никакому сомнѣнію, они необходимы и преподавателю низшихъ классовъ не для того, чтобы онъ уже здѣсь давалъ полныя объясненія, а для того, чтобы положить подготовительныя основы. Ученикъ съ самаго начала изъ чтенія долженъ заимать извѣстнымъ матеріаломъ грамматическихъ воззрѣній и представленій, хотя бы они были сами по себѣ недостаточны и не имѣли опредѣленнаго порядка. Со временемъ, при дальнѣйшемъ изученіи грамматики, они сдѣлаютъ свое дѣло; грамматическіи теоріи найдутъ въ нихъ удобную почву, на которой онѣ легче будутъ усвоены и скорѣе пустятъ корни. Нужно стараться о томъ, чтобы какъ можно скорѣе приступить къ такому аналитическому чтенію, но этого нельзя сдѣлать, не устранивъ теперешнюю методу элементарнаго обученія классическимъ языкамъ. Она основана на томъ естественномъ опасеніи, что формы и правила синтаксиса, знаніе которыхъ необходимо для чтенія писателей и для письменныхъ упражненій въ высшихъ классахъ, не будутъ достаточно выучены, если не станемъ всевозможными средствами

напрягать и усиливать дѣйствіе памяти съ раннихъ лѣтъ. Новая метода достигаетъ этого гораздо легче, потому что для закрѣпленія знаній пользуется не одною намятью, но и другими средствами:—мыслительною способностію и наглядностію. Поэтому она позволяетъ выбросить за бортъ подавляющую массу искусственно придуманнаго учебнаго матеріала, т. е., множество латинскихъ и греческихъ упражненій, при помощи которыхъ стараются закрѣпить въ памяти только формы и правила. Въмѣсто того, чтобы убивать время надъ ними, гораздо лучше приступить—по греческому языку, какъ только будутъ пройдены склоненія и первая парадигма глаголовъ,—къ чтенію простыхъ басенъ или отрывковъ изъ Аполлодора. Также и при обученіи латинскому языку, когда будутъ усвоены правильныя склоненія и спряженія, можно приняться за чтеніе отрывковъ изъ древнихъ латинскихъ писателей, у которыхъ можно найдти много матеріала, по содержанію и формѣ годнаго для этого возраста.

Если, такимъ образомъ, старая метода заключаетъ въ себѣ цѣлый рядъ педагогическихъ недостатковъ и неудобствъ, то очевидно, основанія ея, какъ невѣрныя, должны быть оставлены. Но въ защиту ея могутъ сказать: „это — старая испытанная метода, въ пользу которой говоритъ авторитетъ цѣлыхъ столѣтій!“ На это можно замѣтить, что означенная метода не старѣе 50-ти лѣтъ. Во все предшествующее время, до самаго Меланхтона, господствовали приемы обученія, весьма рѣзко отличающіеся отъ господствующихъ теперь. Извѣстный Христіанъ-Гиттладъ-Бредеръ, учебники котораго были почти во всеобщемъ употребленіи въ началѣ нашего столѣтія, считалъ вовсе ненужными упражненія къ этимологіи, а его *Lectiones latinae delectandis excolendisque puerorum ingeniis accommodatae* начинаются прямо съ Эзоповыхъ басенъ. Другой почтенный педагогъ, Фридрихъ Якобсъ, въ предисловіи къ своей *Latéinisches Lesebuch*, 1808, говоритъ: „Первая часть содержитъ подготовительный курсъ, который назначается для начинающихъ и можетъ быть прочитанъ прямо послѣ того, какъ они познакомятся со склоненіями и правильными глаголами. Хорошій учитель долженъ этого достигнуть, по нашему мнѣнію, въ продолженіе 4—6 педѣль, ибо *нѣтъ ничего вреднѣе для изученія какого-нибудь языка, какъ продолжительное занятіе исключительно одними грамматическими элементами*. Какъ можно скорѣе должно переходить къ чтенію и при этомъ продолжать изученіе элементовъ, пока будетъ достигнута необходимая степень знанія. Такимъ образомъ, дитя, уже съ самаго начала, пониманіемъ

нѣсколькихъ маленькихъ разказовъ, басенъ и т. п. будетъ вознаграждено и поощрено къ дальнѣйшему изученію языка“. Вслѣдствіе того и Якобсъ не даетъ никакихъ упражненій къ этимологіи; его „Vorübungen“ относятся къ синтаксису и ихъ только 18 страницекъ. Но замѣчательно, что тотъ же самый Якобсъ положилъ основаніе другому направленію, господствующему теперь. Въ предисловіи къ своей Griechisches Elementarbuch, 1805, онъ пишетъ: „Основательное изученіе каждаго языка требуетъ точнаго знанія его элементовъ; нужно стараться, чтобы они крѣпко запечатлѣны были въ памяти начинающаго“, и затѣмъ даетъ 60 страницъ упражненій въ греческой этимологіи (Ростъ и Вюстеманъ даютъ уже 106 стр.). Этотъ приемъ обученія перенесенъ былъ и на латинскій языкъ, а въ послѣднемъ, особенно благодаря грамматикѣ Цумпта, заботятся единственно объ усвоеніи формъ, и для достиженія этого прибѣгаютъ къ разнымъ педагогическимъ уловкамъ и хитростямъ; напримѣръ, чтобы каждая часть грамматики имѣла и свои упражненія, чтобы ученику ничего не встрѣчалось такого, чего онъ не выучилъ прежде, чтобы выученное повторялось и перерабатывалось нѣсколько разъ, чтобы латинскія предложенія въ переводѣ на отечественный языкъ снова переводились нѣсколько разъ на латинскій языкъ; съ этою же цѣлью нѣкоторыя правила переложены въ стихи и т. п. Такой методъ обученія, если онъ даже и достигаетъ своей цѣли, не можетъ считаться хорошимъ съ общей чисто педагогической точки зрѣнія. Новый же методъ, достигая въ кратчайшій срокъ тѣхъ же цѣлей, имѣетъ за собою, какъ мы видѣли, важныя педагогическія преимущества и потому его необходимо предпочесть и замѣнить имъ старій. Съ этою цѣлю, прежде всего, нужно преобразовать, сообразно съ требованіями новаго метода, учебники элементарнаго обученія; эта реформа, какъ и всякая другая, должна основываться на примиреніи крайностей. Съ одной стороны, совершенно справедливо, что въ прежнее время Бредеръ и Якобсъ, давая живой матеріалъ (грамматику и книгу для чтенія) и предоставляя обработку его всецѣло преподавателю, слишкомъ много полагались на его способности и ставили въ полную отъ него зависимость успѣхъ обученія. Съ другой стороны, теперь, сливая все три стороны обученія (грамматику, книгу для чтенія и упражненія) и стараясь всею ходъ обученія, до самыхъ мелкихъ частныхъ, установить и опредѣлить въ самой книгѣ, слишкомъ стѣсняють дѣятельность учителя и тѣмъ самымъ впадаютъ въ противоположную крайность.

Примирить эти крайности, по мнѣнію г. Латманна, можно на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) Грамматика во всѣхъ своихъ частяхъ должна брать въ основаніе науку; порядокъ ея долженъ зависѣть исключительно отъ условій ея содержанія и не разрываться въ педагогическихъ видахъ. Если въ *формулированіи* извѣстныхъ отдѣловъ, которые должны примѣняться на низшихъ степеняхъ, она и обращаетъ вниманіе на это примѣненіе, то въ цѣломъ она тотчасъ должна являться ученику въ томъ видѣ, въ которомъ онъ будетъ учить ее во все продолженіе школьнаго курса. Введеніе рациональнаго начала, — будетъ ли то болѣшимъ упрощеніемъ, или глубже идущимъ распространеніемъ, — есть дѣло учителя.

2) Книга для чтенія должна давать хорошій матеріалъ и какъ можно скорѣе на классическомъ языкѣ. Чтеніемъ, конечно, можно пользоваться, чтобы утвердить въ памяти учениковъ элементы, но это не главная ея цѣль; она должна способствовать дальнѣйшему и скорѣйшему изученію языка со всѣхъ сторонъ (знаніе словъ, грамматики, стилистики) и особенно приучать учениковъ къ пониманію мысли въ своеобразныхъ формахъ чужаго языка.

3) Книга упражненій должна представлять матеріалъ для переводовъ только съ отечественнаго языка, соотвѣтствующій способностямъ и потребностямъ средняго уровня на различныхъ ступеняхъ его.

Эти принципы положены въ основаніе вышеуказанныхъ учебниковъ греческаго и латинскаго языка, составленныхъ г. Латманномъ. Послѣ изложенія взглядовъ на условія хорошаго учебника по древнимъ языкамъ, намъ слѣдуетъ посмотрѣть, на сколько удовлетворяютъ этимъ условіямъ его собственные учебники и чѣмъ они отличаются отъ другихъ подобныхъ книгъ. Сдѣлать это мы постараемся въ другое время.

Д. Б—въ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Seaenicae Romanorum poesis fragmenta secundis curis recensuit Otto Ribbeck.
Lipsiae, in aedibus B. G. Teubner. Volumen I. Tragicorum fragmenta.
LXXVII и 368 страницъ, 1871 г. — Volumen II. Comicoorum fragmenta.
CXXXVI и 508 страницъ, 1873 г.

Какъ въ древнія, такъ равно и въ повѣйшія времена не было недостатка въ заявленіяхъ, выразившихъ сожалѣніе о томъ, что такъ называемая классическая литература временъ Августа отгѣснила на задній планъ произведенія республиканскаго періода и тѣмъ самымъ произвела паденіе столь многихъ сочиненій въ высшей степени интересныхъ для исторіи римскаго духа.

И какъ основательнѣе было бы изученіе исторіи римскаго языка, если бы сохранились въ большей полнотѣ первобытныя сочиненія стараго Катона, національный эпосъ о пунической войнѣ Невія, анналы Эвнія, — это сокровище, изъ котораго Вергилій набралъ столько золота, — сатиры Луцилія и Варрона! О комической поэзіи мы можемъ судить только по одному роду, а именно *fabula palliata*, зависящей совершенно отъ греческихъ оригиналовъ повѣйшей аттической комедіи и извѣстной намъ изъ сборника произведеній Плавта и Теренція; изъ остальныхъ же, болѣе самостоятельныхъ отгѣнковъ римской комедіи и трагедіи, мы имѣемъ только отрывки, разбросанные по всей римской литературѣ. Многими, въ особенности трагическими, и притомъ наиболѣе обширными, отрывками мы обязаны патриотическому отношенію Цицерона къ своимъ отечественнымъ сценическимъ писателямъ, на которыхъ онъ охотно ссылается.

Рядомъ съ его сочиненіями, болѣе риторическаго и философскаго содержанія, мы имѣемъ дѣйствительно обильные источники драматическихъ отрывковъ въ граматикахъ, каковы Варронъ, Фестъ и Присціанъ; въ писателяхъ сборныхъ сочиненій, каковы Геллій и Макробій, въ особенности же въ глоссаріѣ Нонія, черпающаго часто

съ невѣроятною простотою изъ богатыхъ источниковъ. Изданіе этихъ разбросанныхъ отрывковъ, сообразно теперешнимъ требованіямъ науки, сопряжено съ значительно болѣшими трудностями, чѣмъ изданіе связаннаго текста, хотя бы и весьма испорченнаго. Для послѣдняго имѣется правильная общая метода критики. Какъ скоро рукописный аппаратъ собранъ и установлены прочныя принципы о значеніи и отношеніи имѣющихся древнихъ рукописей, то дипломатическій фундаментъ къ установленію текста уже, значить, разъ на всегда заложенъ. Но текстъ отрывковъ имѣлъ столько же различныхъ рукописныхъ основаній, сколь велико было разнообразіе тѣхъ писателей, которыми они приводятся.

Итакъ, издатель долженъ познакомиться съ исторіей критики текста каждаго изъ этихъ авторовъ, съ особенными привычками, преимуществами и недостатками ихъ переписчиковъ; и такъ какъ часто случается, что приводятся одни и тѣ же слова въ различномъ объемѣ, различными писателями и притомъ же въ различныхъ сочиненіяхъ, то при извѣстныхъ обстоятельствахъ получается довольно сложный аппаратъ, разъяснить путаницу котораго и отыскать истину — стоить не мало труда. Къ этому присоединяется и то, что многіе главные источники, а именно, грамматическія и глоссографическія сочиненія, сохранились въ высшей степени испорченномъ видѣ, отчасти даже съ пропусками и притомъ иногда въ одной только какой-либо рукописи или даже только въ новѣйшихъ рукописяхъ. Сами авторы часто передаютъ неточно, или по памяти, или будучи приведены въ заблужденіе невѣрнымъ чтеніемъ и грубымъ непониманіемъ. Нужно знать привычки каждаго въ отдѣльности, степень ихъ вѣрности, благопадежности и разумія. Но самое худшее то, что мы вовсе недостаточно освоились съ особенностями тѣхъ писателей, сочиненія которыхъ существуютъ лишь въ отрывкахъ, чтобы могли при вѣрномъ изслѣдованіи возстановить стихъ или языкъ ихъ, сообразуясь съ соблюдаемыми ими стилистическими и метрическими законами. Въ этомъ отношеніи мы ограничены тѣмъ приблизительнымъ мѣриломъ, которое представляютъ намъ Плавтъ и Теренцій. А между тѣмъ формальная техника и этихъ драматиковъ, — особенно же перваго изъ нихъ, текстъ котораго, кромѣ того, чрезвычайно испорченъ и едва на половину критически обработанъ, — составляетъ во многихъ пунктахъ предметъ спора, тѣмъ болѣе, что для пониманія въ подробности различій стилия между отдѣльными родами драмы, въ особенности же между комедіей и трагедіей, намъ не достаетъ руководя-

нихъ точекъ зрѣнія. Къ тому же, наконецъ, трудно найти гѣрную или, по крайней мѣрѣ, вѣрнѣе мысль, ся надлежащій отгѣпокъ, выраженіе и, такимъ образомъ, припаровить се къ соотвѣтствующему ритму, въ чрезвычайно измѣненныхъ, отрывочныхъ словахъ, большею частью безъ всякой связи съ предъидущимъ и съ послѣдующимъ, или даже въ совершенно непонятной массѣ буквъ. При самой счастливой случайности мы можемъ познакомиться, по крайней мѣрѣ, съ содержаніемъ (*fabula*), благодаря миеографамъ (какъ, на примѣръ, Гигину) и нѣкоторымъ другимъ источникамъ.

Значительное количество не слишкомъ мелкихъ отрывковъ или дополняется и объясняется обоудно, или же цитирующій авторъ объясняетъ личность говорящаго, или соотвѣтствующую сцену. Но не рѣдко, а въ комедіяхъ почти всегда, мы не имѣемъ никакого благонадежнаго и яснаго руководства. Случается, что весь отрывокъ драмы ограничивается лишь одною страницей, или даже немногими словами.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что возстаповленіе подобныхъ развалинъ, па сколько оно вообще возможно, можетъ удался развѣ только послѣ многократныхъ опытовъ, произведенныхъ соединенными силами. Каждый успѣхъ въ критикѣ отдѣльныхъ писателей, каждый вновь найденный фактъ, преимущественно въ области граматки и метрики, можетъ содѣйствовать упомянутой задачѣ.

Въ то время, когда первый томъ лежащаго передъ нами сборника отрывковъ явился на свѣтъ въ первый разъ (1852), вышло не болѣе шести томовъ изданія Ричля сочиненій Плавта (начато въ 1848 г.); а важныя изслѣдованія этого ученаго по исторіи языка, основанныя на совершенно новой, методической разработкѣ республиканскихъ надписей, еще только приготавлились.

О томъ живомъ усердіи, съ которымъ были предприняты древне-латинскія изслѣдованія, инициатива которыхъ принадлежитъ дѣятельности (въ послѣдніа десятилѣтіа) гг. Ричля и Лахмана, свидѣтельствуетъ каждая страница новаго, каждый разъ въ своемъ объемѣ значительно увеличиваемаго, изданія сценическихъ отрывковъ, а равно явившаяся вторая обработка Ричлемъ комедіи *Trinummus*.

Какъ ни необходима эта трудная и сравнительно неблагодарная задача критической разработки, все таки наука не должна на этомъ останавливаться. Подобно тому, какъ археологи не довольствуются откапываніемъ и очищеніемъ архитектурныхъ и пластическихъ остатковъ, а пытаются дополнить, хотя бы только въ своемъ вообра-

женіи, и точнѣе опредѣлить и пояснить найденное и согласовать новые результаты со всѣми уже собранными изслѣдованіями по части искусства и жизни древнихъ, такъ и тѣ отрывки драматической поэзіи Римлянъ служатъ не только необходимымъ матеріаломъ для изученія грамматики и метрики, но привлекаютъ къ себѣ вниманіе какъ изслѣдователей мѣоувъ, такъ и историковъ литературы и культуры. Требуется выяснить по возможности содержаніе отдѣльныхъ драмъ, вставить отдѣльные фрагменты въ рамку мѣоа, выставить на свѣтъ, по сохранившимся слѣдамъ, заслуги и особенныя свойства различныхъ писателей, указать развитіе и ходъ драматическаго искусства сообразно съ постепеннымъ очереднымъ появленіемъ трудовъ каждаго рода отдѣльно и, наконецъ, представить всеобъемлющую картину цѣлой области литературы.

Издатель пообѣщаль исторію римской трагедіи, которою нужно замѣнить *quaestionum scenicarum* 1-го изданія, — и сочиненіе это, вѣроятно, не заставитъ себя долго ожидать. Можетъ быть, позднѣе онъ или кто-либо другой рѣшится прибавить къ этому еще исторію римской комедіи. Безъ сомнѣнія, эта задача, относительно отрывковъ, гораздо труднѣе и менѣе плодотворна, за то заманчивѣе по причинѣ кипучей жизни въ комедіяхъ Плавта и Теренція. Пора же, рядомъ съ руководствами классической литературы предпринять и подробныя, понятныя описанія литературной жизни.

Слѣдующія страницы предназначены для того, чтобы дать, по крайней мѣрѣ, обзоръ трудовъ римскихъ трагиковъ въ томъ видѣ, въ какомъ они находятся въ сборникѣ Рыббека.

Во второй статьѣ такимъ же образомъ будутъ разобраны комедии.

I.

Послѣ того, какъ Ланге въ своихъ *Vindiciae tragoediae Romanae* (1822 г.) опровергъ мнѣніе, будто Римляне не обладали ни склонностью, ни способностью къ трагической поэзіи, Велькеръ впервые сдѣлалъ подробную оцѣнку отдѣльныхъ писателей и ихъ сочиненій въ третьемъ томѣ своего важнаго произведенія о греческихъ трагедіяхъ (1841), отличающагося какъ ученостью, такъ и остроуміемъ.

Въ противность прежнему, устарѣвшему воззрѣнію, теперь признано, что Римляне не только по своей натурѣ обладали большимъ талантомъ къ трагедіи, нежели къ комедіи, но по сужденію ихъ же собственныхъ знатоковъ, они приблизились къ Грекамъ гораздо болѣе

въ серьезномъ родѣ драмы, чѣмъ въ веселомъ. Впрочемъ, разстояніе въ обоихъ родахъ неизмѣримо.

Если мы обратимъ вниманіе на количество произведеній, на сколько вообще мы имѣемъ о нихъ свѣдѣнія, то насъ поражаетъ сравнительно малое число римскихъ трагиковъ и отдѣльныхъ драмъ. У Грековъ, не говоря уже объ удивительной плодовитости трехъ великихъ представителей драмы и ихъ современниковъ, еще до Македонскаго времени насчитывали около 50 трагическихъ писателей, отчасти даже очень значительныхъ, и изъ коихъ нѣкоторые написали болѣе 100 сочиненій (хотя многія, впрочемъ, ничто иное, какъ переработка древнѣйшихъ сочиненій), послѣ чего слѣдовало еще вторичное блистательное процвѣтаніе этого рода поэзіи въ Александріи. Что касается Римлянъ, то съ половины III столѣтія до Р. Х. и до царствованія Траяна, списокъ трагиковъ доходитъ только до 40 вѣрныхъ именъ, изъ которыхъ, кромѣ Ливія, Андроника, Невія, Эннія, Пакувія и Авція, едва-ли тотъ или другой имѣли значеніе въ республиканскомъ періодѣ. Число трагедій, извѣстныхъ намъ, не многимъ превышаетъ 150; отъ этого числа четвертая часть принадлежитъ времени императоровъ, отъ котораго, однакожъ, не сохранилось почти никакихъ трагедій.

Между республиканскими трагиками самый замѣчательный — Авцій, оставившій послѣ себя около 45 сочиненій; за нимъ слѣдуетъ Энній, оставившій около 24, далѣе Пакувій — 13, Невій — 10 и Ливій Андроникъ — отъ 8 до 9. Этимъ подтверждается изреченіе Веллея: *in aëtio ceteraque cum Romana tragoedia est*. Приблизительно та же самая пропорція обнаруживается и въ дошедшихъ до насъ отрывкахъ; такъ, напримѣръ, сохранился 41 стихъ отъ Ливія, 73 — отъ Невія, 413 — отъ Эннія, 431 — отъ Пакувія и около 740 — отъ Авція; безымянные (всего 260) не принимаются въ расчетъ. Остатокъ, который приходится раздѣлить на различныхъ писателей, не многимъ превышаетъ полсотни стиховъ, что и можетъ служить доказательствомъ того, что впечатлѣніе, произведенное ими, было кратковременно и кругъ ихъ читателей былъ незначителенъ. Дѣйствительно, поводъ и побужденіе къ производству были въ Римѣ почти сильнѣе, чѣмъ въ Аѳинахъ. Такъ, кромѣ обычныхъ, правительствомъ устраиваемыхъ игръ, *ludi Romani* — въ сентябрѣ, *plebei* — въ ноябрѣ, *Apollinares* — въ іюнѣ, *Megalenses* — въ апрѣлѣ, со временемъ занявшихъ довольно длинный рядъ дней и сопряженныхъ съ сценическимъ представленіемъ, — ихъ составною частію, вслѣдствіе еще чрезвычайныя

случаи для сценическихъ представленій: полководцы давали обѣты при битвѣ — въ благодарность за побѣду отпраздновать игры (*ludi votivi*), при освященіи храмовъ (*ludi dedicatorii*), для увеселенія триумфовъ (*triumphales*); при погребеніи знатныхъ особъ давались родственниками *ludi funebres*. Да, впрочемъ, и трудъ писателей былъ довольно легокъ. Они ни болѣе, ни менѣе какъ только переводили греческіе оригиналы, приспособляя ихъ ко вкусу римской публики. Можетъ быть, также и разработка классическихъ сочиненій позднѣйшими греческими писателями, соображавшимися со вкусомъ времени, облегчала ихъ трудъ. Эти поэты, какъ гласитъ техническое выраженіе, не только котурпъ древнихъ великихъ трагиковъ снабжали подшивами, но, какъ кажется, дали начало и соединенію многихъ сходныхъ по своему содержанію оригиналовъ въ одно цѣлое (*contaminatio*).

Правда, Римляне испытывали свои силы и въ серьезныхъ драмахъ національнаго содержанія: на сценѣ стали появляться цари и полководцы въ пурпуровыхъ тогахъ (*praetexta*) въ замѣнъ боговъ и героевъ греческихъ. Но что производство этихъ *fabulae praetextatae* подвигалось медленно, доказываетъ незначительное число ихъ: Невій написалъ только 2 или 3, Акцій и Эпній по 2, Пакувій же одну. Но и тутъ также, какъ Эпній въ анналахъ и Вергилій въ Энеидѣ, они, вѣроятно, мало стѣснялись заимствованіемъ изъ сокровищъ греческой трагедіи всего того, что казалось имъ мало мальски подходящимъ.

Обзоръ заглавій, разработанныхъ по образцамъ греческихъ трагедій, доказываетъ намъ, что кругъ Троянскихъ сказаній овладѣлъ интересомъ римской публики въ высшей степени. Отъ роковаго возвращенія Париса (*Alexander*) въ домъ его родителей и до увода престарѣлой Гекубы изъ пылающей Трои, служили содержаніемъ трагедій почти всѣ переданныя намъ въ мѣсахъ событія: *Telephus*, *Iphigenia*, *Achilles*, *Patroclus* (*Patricoles*), *Hector* и *Ajax* — суть самыя любимыя роли изъ этого круга сказаній. Въ особенности также эпизоды битвъ въ томъ видѣ, въ какомъ они разказываются въ Иліадѣ, смотрѣлись охотно на сценѣ. Также сочувственно относились и къ участи вернувшихся на родину героевъ и ихъ семействъ; болѣе же всего къ умерщвленію Агамемнона, мести Ореста, къ его дальнѣйшимъ приключеніямъ съ Ифигеніей; къ суровой встрѣчѣ, испытанной Тевкромъ у недовѣрчиваго отца своего Теламона, послѣ того, какъ онъ вернулся въ Саламинъ безъ своего брата Аякса; къ его даль-

нѣйшимъ страствованіямъ и благороднымъ подвигамъ; къ страдальческой жизни Улисса, къ бѣдствіямъ, испытаннымъ имъ, по вторичномъ его возвращеніи на родину отъ не узнаваго его сына. Смотрѣли охотно на наводящія ужасъ дѣйствія Атрея и Оіеста и на то, что имъ предшествовало; также на страшную паружность Медин и на пеструю толпу аргонавтовъ. Рядъ трагедій изъ круга Оиванскихъ сказаній начинается съ Антиопы, сыновья которой основали городъ, и обнимаетъ собою походы семи героевъ и эпигоновъ. Антигона тоже не забыта. Далѣе *Lucurgus* и *Pentheus*, *Andromeda*, *Atalanta* и *Meleager* и даже *Prometheus* принадлежатъ къ римскому репертуару. Обойденными мы находимъ только мион изъ Одиссеи, кромѣ того, между прочими *Oedipus*, *Hippolyt*, *Bellerophon*. Разнообразно разработанными находимъ *Telephus*, *Achilles*, судъ его оружія и смерть Аякса, *Alcmaeon* (*Alcuneo*), *Athamas*, *Danae*, *Andromeda*, *equus Troianus*, *Hecuba*, *Hermiona*, *Iphigenia*, *Medea*, *Thyestes*, *Atreus*. Открыто предпочитали воинственный элементъ и были особенно чувствительны къ сильнымъ, потрясающимъ впечатлѣніямъ (ужаснымъ убійствамъ, страшной мести, сумасшествію), къ примѣрамъ трогательной преданности, дружбы и любви къ отечеству. Находили удовольствіе въ запутанныхъ интригахъ, тогда какъ нравственно сомнительные и исключительно эротическіе сюжеты оставались въ сторонѣ. Только въ этомъ отношеніи обнаруживается уклоненіе отъ направленія Эврипида, между тѣмъ какъ въ риторическомъ и философскомъ элементахъ поддавались его вліянію.

Иногда мнѣе бываетъ продолженъ писателями на многія драмы, какъ, напримѣръ, въ освобожденіи Ахиллеса и Гектора (*Hectoris Iytra*), въ Аякѣ и Теламонѣ Эпнія, въ *Agmorum iudicium* и *Teucer Paquvii*; но изъ этого не слѣдуетъ заключать, чтобы существовала дѣйствительная связь между сочиненіемъ или даже исполненіемъ на сценѣ этихъ произведеній. Несомнѣнно, что Эврипидъ, считающійся самымъ популярнымъ трагикомъ у Грековъ въ позднѣйшее время, былъ и у Римлянъ наиболѣе обильнымъ источникомъ, изъ котораго въ особеннсти Эвній заимствовалъ по крайней мѣрѣ половину своихъ сочиненій.

Понятно, что самымъ замѣчательнымъ трагедіямъ, каковы: *Medea*, *Hecuba*, *Iphigenia*, *Alexander*, *Andromacha*, *Andromeda*, *Erechtheus*, *Telephus*, *Phoenix*, *Melanippra*, было отдаваемо предпочтеніе; Пакувій заимствовалъ отъ Грековъ *Antiope*, Акцій—*Bacchae*, *Phoenissae*, *Heraclidae*, и, по всему вѣроятію, сюда же слѣдуетъ отнести и *At-*

geus. Пакувій предпочиталъ Софокла, по образцу коего написаны: *Niptra*, *Teucer*, *Hermiona*; по Софоклу же написана *Акція* и *Antigona*. Эсхиль служилъ источникомъ для *Eumenides* Эвнїа, *Prometheus* и *Murmidones* Акція. Что этими тремя главными поэтами не ограничивались, доказываетъ *Achilles Aristarchi* Эвнїа и значительное число заглавій, которыхъ мы напрасно стали бы искать въ греческихъ спискахъ; тогда какъ форма ихъ (*Dulorestes*, *Agamemnonidae*, *Stasiastae*, *Persidas*, *Thebais*, *Nyctegresia*, *Epinausimache*) доказываетъ, что онѣ выросли на греческой почвѣ. Пакувій и Акцій разработали также цѣлый рядъ дотолѣ незнакомыхъ мифовъ (*Hiona*, *Medus*, *Periboea*, *Diomedes*, *Melanippus* и т. д.). Они, можетъ быть, отчасти основываются на новыхъ произведенїяхъ аттической сцены.

Разработка оригиналовъ измѣнялась каждый разъ сообразно вкусу писателей и времени. Даже въ такихъ трагедїяхъ, которыя Цицеронъ прямо называетъ буквальными переводами (*Медея* Эвнїа, *Antigona* Пакувіа), мы находимъ выраженїя то сокращенныя, то распространенныя довольно произвольно. Особенно поразительно измѣненїе по частямъ размѣровъ, вслѣдствїе чего характеръ извѣстныхъ сценъ существенно долженъ былъ тоже измѣниться. Римляне давали предпочтенїе трохаическимъ септенарїямъ, ямбическимъ и трохаическимъ октонарїямъ, между тѣмъ, какъ у греческихъ трагиковъ чаще всего употреблялся каталектический, трохаическій тетраметръ только въ позднѣйшїй періодъ, а во времена Эсхила рѣдко; акаталектический же не допускался ни въ ямбахъ, ни въ трохеяхъ. Между тѣмъ, Римляне были такъ непривычны къ болѣе искусственнымъ ритмамъ греческихъ хоровыхъ и сценическихъ пѣсней (дохміевъ, хорїамбовъ, логаетовъ, іонисіевъ), что совершенно отказывались отъ ихъ употребленїя, довольствуясь анапестами, дактилями, претиками, бакхіями. Подобныя измѣненїя должны были также значительно повліять и на тонъ, и на содержанїе текста.

Если можно примѣнить результатъ новѣйшихъ изслѣдованїй о композиціи комедїи Плавта *cum grano salis* и къ трагедїи, то выйдетъ, что лирически-музыкальный элементъ и тутъ былъ довольно значителенъ и главнымъ образомъ, кажется, разработанъ по образцу новѣйшаго греческаго искусства. Правда, какъ Римляне, такъ и Греки не совсѣмъ отказывались отъ хора; напротивъ, несомнѣнныя свидѣтельства и несомнѣнныя остатки хоровыхъ пѣсней доказываютъ его употребленїе. Заглавія, каковы: *Eumenides*, *Phoenissæ*, *Bacchæ*, *Murmidones*, довольно ясно говорятъ сами за себя. Въ *Iphigenia* Эвнїа

выступает хоръ солдатъ, въ *Niptra* Пакувія было попереминое пѣніе между смертельно раненымъ Улиссомъ и его носильщиками, трагедія же *Актіа Philocteta* начинается апаестами хора моряковъ, только что приставшихъ вмѣстѣ съ Улиссомъ къ Лемносу. Медея Эннія обращается къ хору коринскихъ женщинъ и не разъ въ лирическихъ отрывкахъ доказываетъ употребленіемъ множественнаго числа въ обращеніи или во взаимномъ приглашеніи, что извѣстные стихи были произносимы многими. Но хоръ не имѣлъ своего постояннаго мѣста въ оркестрѣ (который былъ предназначенъ сенаторамъ), а вращался на сценѣ, скорѣе какъ случайно являющіеся, такъ-называемые второстепенные хоры Эврипида (напримѣръ, охотники въ *Пиполитѣ*); онъ пополнилъ промежутки между актами разсужденіями, которыя не всегда находились въ тѣсной связи съ мисомъ драмы, или же показывался мимоходомъ, смотря по потребностямъ дѣйствія, но принималъ постояннаго участія въ немъ. Тѣмъ богаче былъ лирической музыкальный элементъ въ тѣхъ частяхъ драмы, гдѣ являлись на сценѣ главные дѣйствующія лица. Этотъ элементъ развивался, по крайней мѣрѣ отчасти, подъ влияніемъ позднѣйшей греческой драмы, вслѣдствіе введенія разнообразнѣйшихъ *cantica*. Подъ *cantica* разумѣли не только аріи и монодіи отдѣльныхъ лицъ, но и всѣ речитативы, даже всѣ діалоги, произносимые съ акомпаниментомъ музыки, го-есть, все, что было написано не въ простыхъ ямбическихъ сенаріяхъ. Только части, написанныя въ сенаріяхъ (*diverbia*), были произносимы просто.

Такъ римская драма, еще болѣе, нежели греческая классическаго времени, по причинѣ множества дуэтовъ, тріо и музыкальных *ensembles* подходила къ теперешней итальянской оперѣ, которая, слѣдовательно, просто вступила въ свое національное наслѣдство. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ видоизмѣненій, первоначальный текстъ классическихъ оригиналовъ долженъ былъ, само собою разумѣется, принять другой видъ. Къ этому присоединилось со стороны римской публики требованіе большаго персонала и болѣе разнообразнаго дѣйствія; требовалось, чтобы на сценѣ было больше дѣйствія, чтобы глазъ былъ веселяемъ видными актерами, нестрою свитой статистовъ, а позднѣе во времена Цицерона) также и величественными шествіями. Такъ, напримѣръ, *Achilles* Эннія начинался большимъ собраніемъ войска. Агамемнонъ, посредствомъ глашатая, водворяетъ тишину:

Exsúrge, pæco: fâc populo audiéntiam;

Г глашатай возвѣщаетъ:

Silēteque et tacēte atque animum aduōrtite:
Audire iubet nos imperator.

Поэтому, не только разказы вѣстниковъ греческихъ писателей по возможности часто превращали въ дѣйствіе, но укладывали также и содержаніе многихъ пьесъ въ одну. Поэтому было весьма встати, что греческіе поэты, такъ часто соперничавшіе между собою, разработывали одни и тѣ же миѳы съ тонкими варіаціями, или со введеніемъ новыхъ ситуацій и интригъ. Такъ Акцій, для своей трагедіи *Philoctetes*, могъ пользоваться Эсхиломъ, Софокломъ и Эврипидомъ. По изслѣдованію, помѣщенному въ программѣ Кильскаго университета въ 1872 году (*Philocteta* Акція), написанной издателемъ, видно, что Акцій воспользовался всѣми тремя названными трагедіями, заимствовавъ изъ каждой самую удобную для него мѣста и мотивы и соединивъ ихъ въ одно цѣлое.

На сколько *фабрично* писалось для потребностей римской публики видно изъ того, что старѣйшіе авторы, именно Ливій Андроникъ и Невій, совсѣмъ противъ греческаго обычая, снабжали какъ трагическую, такъ и комическую сцену своими произведеніями и даже для школы создавали необходимый эпическій матеріалъ для чтенія; однимъ словомъ, они, такъ сказать, были городскими поэтами (*scribae*) во всѣхъ родахъ. Между тѣмъ, Невій не лишень былъ дѣйствительной гениальности. Онъ первый возымѣлъ мысль создать національный эпосъ, долженствовавшій увѣковѣчить значительнѣйшій отдѣлъ національной исторіи въ свято-чтимоиъ имъ отечественномъ размѣрѣ; онъ же считался также и создателемъ римской исторической національной трагедіи (*fab. praetextata*). Счастливая мысль помогла ему избрать сюжетомъ исторію Ромула и нѣкоторыя изъ современныхъ событій, именно побѣду консула Клавдія Марцелла надъ Инзубрами при Кластидіумъ (^{532/222}), столь знаменитую отнятіемъ *spolia opima* у короля Вириндамара. Рѣшительно преобладающая склонность къ трагедіи является въ драматическихъ фрагментахъ Эннія; его пылкая, патетическая натура была создана болѣе для трагедіи, чѣмъ для комедіи. Еще въ Цицерона и его современниковъ онъ производилъ воспламеняющее вліяніе. Его стихи не лишены первобытной силы и задушевнаго чувства. Древній, тяжелый, шероховатый складъ его стиховъ, пристрастіе къ аллитераціямъ и ассонансамъ, принадлежать вкусу времену; но тотъ, у кого ухо къ этому привыкло и кто знаетъ законы древнѣйшей метрики, пойметъ энтузіазмъ Цицерона; такъ, напримѣръ, въ роковой сценѣ Александра, гдѣ Кассандра, воодушевленная проро-

ческимъ духомъ, предсказываетъ во время ужаснаго видѣнія паденіе Трои, какъ послѣдствіе принятія вновь отысканнаго брата, Гекуба спрашиваетъ ее (ст. 39):

*sed quid oculis rābere visa es dérepente ardéntibus?
ubi illa paulod ánte sapiéns virginis modestia?*

На это Кассандра отвѣчаетъ сначала грустно и робко:

*māter, optumárum multo múlier melior múlierum,
míssa sum supérstitiosis áriolatió nibus:
namque Apollo fátis fandis démentem inuitám ciet.
vírgines aequális uereor, pátris mei meum factúm pudet,
óptumi viri. Mea mater, tui me miseret, mei piget:
óptumam progénie m Peramo péperisti extra me: hóc dolet:
mén ebesse, illós prodesse, me óbstare, illos óbsequi!*

Она стыдится своего неблагодарнаго призванія — предвозвѣстницы несчастія. Но вдругъ судьба внезапно и ясно представляется ей гла-замъ:

*ádest, adest fax óbvoluta sánguine atque incéndio!
múltos annos látuit: cives, férte opem et restíngvite!
iamque mari magnó classis cita
téxitur: exitium éxamen rapit:
ádenit, et fera vélivolantibus
návibus complevít manus litora.*

Мало по малу связь происшествій ставовится яснѣе ея сознанию:

*eheú, videte!
iúdicavit inclutum iudícium inter déos tris aliquis:
quó iudicio Lácedaemonia múlier, Furiarum úna, adveniet.*

Она видитъ трупъ Гектора, ужасно обезображенный:

*o lúx Troiae, germáne Pector!
quid ita (iacentem té tuor) tuo cúm lacerato córpore,
miser, aut qui te sic tráctavere nóbis respectántibus?*

Наконецъ, она предсказываетъ вторженіе деревяннаго коня:

*nam máximo
saltú superabit grávidus armátis equos:
qui suo partu árduam (árcem) perdat Pérgama.*

Превосходное мѣсто достаточно уясняетъ намъ композицію сántici въ тѣсномъ его смыслѣ: начинаясь трохайческими септенаріями, оно переходитъ къ дактилическимъ тетраподіямъ при возбужденномъ въ высшей степени состояніи, когда видѣніе принимаетъ болѣе опредѣленныя черты; далѣе, обращаясь къ трохайческимъ октонаріямъ и

послѣ анапестическихъ тактовъ, переходитъ къ ямбическимъ октонаріямъ и заканчивается ямбическими сенаріями, возвѣщающими ясно паденіе Пергама. Этому соотвѣтствуетъ въ *Andromacha aechmalotis* жалоба плѣнной героини (стр. 75):

quid petam praesidi aut exequar? quove nunc
auxiliod exili aut (quod) fugae fréta sim?
arce et urbe orba sum. Quo accedam? quo applicem?
cui nec arae patriae domi stant, fractae et disiectae iacent,
fina flamma deflagrata, costi alti stant parietes
deformati atque abiete crispa.

Парѣдка прерываемые, тихіе стопы (въ кретическомъ ритмѣ) изливаются сперва въ трохайческихъ сентаріяхъ и именно тамъ, гдѣ начинается болѣе подробное описаніе несчастія. Вскорѣ скорбь еще страстнѣе вырывается изъ груди апапестами:

o pater, o patria, o Priami domus,
saeptum altisono cardine templum!
vidi ego te astante ope barbarica
tectis caelatis lacuatis,
auro ebore instructam regifice.
haec omnia vidi inflammare,
Priamio vi vitam evitarei,
Iovis aram sanguine turparei.

Поэтъ, какъ видно, не отказывался также и отъ рими. для того, чтобы еще болѣе поразить слухъ однообразіемъ скорби. Разсужденіе о праздномъ хорѣ воиновъ, какъ предполагаютъ, его собственное сочиненіе. Сущность и польза досуга (*otium*) не мало заставляли думать образованныхъ Римлянъ всѣхъ временъ; а игра съ противоположнымъ (*negotium*) напоминаетъ изреченіе Циціліона: *nunquam se minus otiosum esse quam cum otiosus esset*. Котурну, впрочемъ, слѣдующее, болѣе остроумное, нежели *canticum*, не приличествуетъ (ст. 183):

otio, qui nescit uti, plus negoti habet,
quam si quois negotiosum quo utitur negotium.
nam eni quod agat institutumst militi, negotium
id agit, id studet, ibi mentem atque animum delectat suum.
otioso in otio animus nescit quid velit.
hic idem hic est: enim neque domi nunc nos nec militiae sumus:
imus huc, hinc illuc: cum illuc ventumst, ire illinc lubet:
incerte errat animus, praeter propter vitam vivitur.

Наглядность, съ которою описано однообразіе лагерной жизни, не оставляетъ желать ничего лучшаго. Вообще выдается очень

ясно сентенціозный элементъ въ фрагментахъ; и между ними встрѣчаются по истинѣ римскія выраженія, родственныя образу мыслей Катона; такъ, напримѣръ, извѣстное осужденіе греческой наготы (ст. 378):

flagiti principiumst nudare inter civis corpora.

Впрочемъ, къ греческому образу мыслей болѣе подходитъ воинственный Неоптолемъ своимъ наивнымъ признаніемъ (340):

philosophari est mihi necesse, at paucis: nam omnino haut placet.

На заимствованія изъ Эврипида указываютъ нѣкоторые отрывки естественно-философской мудрости (*Thyestes* 302, *Melanippe* 251) и религіознаго міросозерцанія. Теламонъ признаетъ себя эпикурейцемъ (ст. 269):

*ego deum genus esse semper dixi et dicam caelilium
sed eos non curare opinor, quid agat humanum genus:
nam si curent, bene bonis sit, male malis, quod nunc abest.*

Нападки на астрологовъ (199 sqq.), которые при своихъ небесныхъ наблюденіяхъ не замѣчаютъ того, что находится передъ ними, на *superstitiosi vates impudentesque arioli* (272 sqq.)—не рѣдки. При этомъ встрѣчается цѣлый рядъ высоко этическихъ мыслей, изъ которыхъ самымъ лучшимъ образцомъ можетъ служить слѣдующее мѣсто изъ трагедіи *Phoenix*, гдѣ выступаетъ характеръ благороднаго поэта (257 sqq.):

*sed virum virtute vera vivere animatum addecet,
fortiterque innocium orare adversum adversarios.
ea libertast si qui pectus purum et firmum gestitat:
aliae res obnoxiosae nocte in obscura latent.*

Его другъ и племянникъ Пакувій, первый, запявшийся исключительно трагедіей, имѣлъ натуру хотя менѣе сильную и свѣжую, зато болѣе утонченную и, пожалуй, болѣе родственную Грекамъ. Онъ, не смотря на ограниченіе своего таланта только однимъ родомъ поэзіи, оказался наименѣе плодотворнымъ изъ болѣе значительныхъ трагиковъ. Принимая въ соображеніе продолжительность его жизни (дожилъ до 90 лѣтъ), можно придти къ тому заключенію, что онъ, вѣроятно, работалъ медленно и притомъ съ большими промежутками. При выборѣ матеріаловъ для своихъ сочиненій, онъ явно любилъ, что называется, сворачивать съ большой дороги; только одна изъ его драмъ (*Teucer*) своимъ миеомъ напоминаетъ, и притомъ только въ главныхъ чертахъ, одного изъ его предшественниковъ (Теламона Эннія). Зато

часть CLXXI, отд. 5.

онъ имѣеть цѣлый рядъ собственныхъ заглавій, которыя не встрѣчаются даже въ нашихъ спискахъ греческаго репертуара (Dulogestes, Ліона, Medus, Periboea). Почти половина его сочиненій озаглавлена жепскими ролями, между которыми особенно выдается Аталанта. Поддерживающія интересъ интриги, неожиданныя трогательныя встрѣчи и спасенія, кромѣ того, оживленныя и довольно пространныя разсужденія о юридическихъ вопросахъ, философскія и нравственныя ученія обнаруживаютъ его зависимость отъ направленія Эврипида. Древніе критики искусства приписывали ему кроткую, выдержанную рѣчь (ubertas), полный, не переливающимся потокъ въ хорошо округленныхъ періодахъ, но менѣе твердости въ употребленіи формъ, въ производствѣ словъ и въ образованіи словъ сложныхъ, гдѣ особенно обнаруживается его происхожденіе изъ нижней Италіи; тѣмъ не менѣе за нимъ нужно признать относительную чистоту стиховъ. Въ темпераментѣ и фантазіи Пакувій, пожалуй, уступалъ какъ своимъ предшественникамъ, такъ и послѣдователямъ; иногда онъ впадаетъ въ тонкій поучительный тонъ, примѣромъ котораго можетъ служить сухое разсужденіе о судьбѣ (366 sqq.), которое носитъ отпечатокъ оригинальности:

*fortunam insanam esse ei caecam et brutam perhibent philosophi,
saxoque instare in globoso praedicant volubili,
insanam autem esse aiunt, quia atrox incerta instabilisque sit:
caecam ob eam rem esse iterant, quia nil cernat quo sese applicet:
brutam, quia dignum atque indignum nequeat internoscere.
sunt autem alii philosophi, qui contra Fortunam negant
esse ullam, sed temeritate res regi omnis autumant.
id magis veri simile esse usus reapse experiundo edocet:
velut Orestes modo fuit rex, factus mendicus modo.*

Даже логика этого заключенія не достойна похвалы, какъ вѣрно замѣчаетъ Корнефіцій въ своей риторикѣ къ Геренію. За то у этого поэта удачно выходятъ мягкія, нѣжныя, изящныя мѣста. Когда, на примѣръ, въ Ниптрѣ старая кормилица Антилея предлагаетъ омыть ноги еще неузнанному ея господину своему Улиссу, въ качествѣ гостя вернувшемуся въ свой собственный домъ. (244):

*cedo tuum pedem mi, lumpis flavis fulvum ut pulverem
manibus isdem, quibus Ulixi saepe permulsi, abluam
lassitudinemque minuam manuum molitudine.*

Блестящую сцену для актера представилъ приемъ, оказанный Тевкру старымъ Теламономъ. То, чего послѣдній, въ трагедіи Софокла

„Аяксъ“, боится, именно, чтобы недовѣрчивый, гнѣвный старикъ не обвинилъ его въ убійствѣ, подтверждается. Гнѣвъ старика изъ негодованія переходитъ въ трогательныя жалобы (327):

*ségregare abs te ausu's aut sine illo Salamina ingredi
néque paternum aspéctum es veritus, quom aétate exacta indigem
liberum lacerásti, orbasti extínxti, neque fratris necis
néque, eius gnati párví, qui tibi in tutelam est tráditus (miseritumst).*

Большое впечатлѣніе производитъ сигматисмъ въ первомъ и ровное окончаніе въ третьемъ стихѣ. Пакувій воспользовался также и Стигійскими воротами. Спящей Иліонѣ является тѣнь ея убитаго сына Полидора, въ мрачномъ траурномъ одѣяніи, въ какомъ обыкновенно представляли себѣ умершихъ; она будитъ ее жалобными стонами, которые, сопровождаясь грустными мелодіями флейты, проникали до мозга костей зрителей (197):

*matér, te appello, tú, quae curam somno suspensám levas,
neque té mei miseret, súrge et sepeli nátum tuum, prius quám feras
volucrésque . . . . .
neu réliquias quaeso meas sireis dénudatis ossibus
per térram sanie délibutas foéde divexárier.*

Этотъ поэтъ былъ также мастеръ въ описаніи ландшафтовъ, такъ какъ онъ былъ и живописцемъ. Бурю, застигшую Грековъ, онъ описываетъ живыми красками (409):

*(sic) profectióne laeti píscium lascíviam
intuemur néc tuendi cápere satietás potest,
interea prope iam óccidente sóle inhorrescít mare,
ténébrae conduplicántur, noctisque ét nimbium occaecát nigror,
flámma inter nubés coruscat, caelum tonitru contremít,
grándo mixta imbrí largifico súbita praecipitáns cadit
úndique omnes vénti erumpunt, saévi existunt túrbines,
férvit aestu pélagus.*

За Акціемъ (Accius, можетъ быть, и даже вѣрнѣе, Attius, но Accius чаще употребляется въ рукописяхъ) признавали древніе индивидуальный талантъ въ возвышенномъ трагическомъ слоgѣ и при сильныхъ выраженіяхъ страсти. Ужасы времени Суллы, когда онъ жилъ, побуждали его изучать мрачныя стороны человѣческой судьбы и характеровъ, потребныхъ для трагической сцены. Дебютировалъ онъ драмою *Atreus*, въ которой выставилъ въ яркихъ краскахъ мрачную натуру тирана и упоеніе мести.

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что спокойный Пакувій, которому молодой издатель прочелъ въ Тарентѣ свое сочиненіе, —

первый плодъ своихъ трудовъ — нашель его слишкомъ мрачнымъ и преисполненнымъ горечи, признавая, однакожь, звучный и возвышенный слогъ этого произведенія (198):

*Iterúm Thyestes Attreum attractatum ádvenit,
iterúm iam adgreditur me ét quietum exsúscitat:
maiór mihi moles, máius miscendumst malum
qui illius acerbum cor contúndam et conprimam.*

Въ нѣкоторыхъ стихахъ Акція звучить какъ бы неумолкаемая злость тигра; можетъ быть болѣе, чѣмъ въ другихъ произведеніяхъ, особенность поэта обнаружилась въ его *praetextata Brutus*, изъ которой Цицеронъ сообщаетъ намъ сонъ короля и его истолкованіе. Онъ имѣлъ пристрастіе къ воинственному матеріалу, изъ котораго и работывалъ кругъ Троянскихъ сказаній.—И другая *praetextata (Decius)*, представляющая героя, пожертвовавшего жизнью въ битвѣ противъ Галловъ, свидѣтельствуеть о томъ же. Его муза была воинственна, готова на бой, также какъ и у Эсхила, къ которому онъ подходитъ болѣе, чѣмъ его предшественники. Благозвучіе выраженій выказывается наиболѣе въ рѣчи Колхидскаго пастуха въ Медеѣ, когда тотъ, отъ роду не видавшій корабля и усмотрѣвъ приближающійся Арго, удивляется этому чуду и выражается слѣдующимъ образомъ (391):

*tánta moles lábitur,
fremibúnda ex alto ingénti sonitu et spiritu,
prae se úndas volvit, vórtices vi súscitat;
ruít prolapsa, pelagus respargit, reflat,
ita dum interruptum crédas nimbum vólvier
dum quód sublime véntis expulsúm rapi
saxum aút procellís, vél globosos túrbines
existere ictos úndis concursántibus.
nisi quas terrestris póntus strages conciet
aut forte Triton fúscina everténs specus
subtér radices pénitus undante in freto
molem éx profundo sáxeam ad caelum érigit.*

Какъ въ этихъ, такъ и въ другихъ отрывкахъ, Акціи отличается живописностью своего тона. Также и краснорѣчіе, особенно судебное, развивавшееся во времена Акція, принесло у него свои плоды. Его діалогъ поражалъ тонкою, мѣткою логикой. Въ его отрывкахъ мы не рѣдко встрѣчаемъ игру словъ, тонкую синонимику и антитезы,— все то, что такъ любятъ ораторы. Такъ, напримѣръ, Ахиллесъ въ *Mugmidones* отвѣчаетъ на упреки Антилоха (4):

tu p rtinaciam  sse, Antiloche, hanc praedicas,
 ego p rvicaciam afo et ea me uti volo;
 haec fortis sequitur, illam indocti p ssident,
 tu addis quod vitio est, demis quod laud  datur:
 nam p rvicacem dici me esse et vincere
 perfacile patior, p rtinacem nil moror.

Особенно въ argutum iudicium представляется, будто Аяксъ и Улиссъ отстаиваютъ свои права какъ бы въ формальномъ процессѣ. Достаточно прослѣдить избранные, болѣе длинные образцы (которые нѣкоторымъ образомъ служатъ примѣромъ для вновь появившагося текста), чтобы составить себѣ понятіе о слогѣ республиканской трагедіи вообще и объ особенностяхъ ея въ трехъ значительнѣйшихъ ея представителяхъ. Отъ обшанной исторіи римской трагедіи будемъ ожидать болѣе подробнаго выполненія картины, на сколько это возможно по уцѣлѣвшимъ матеріаламъ. А пока для изслѣдованія старѣйшей латинской грамматики мы получаемъ новыя данныя, пользование которыми существенно облегчено приложеніемъ подробнаго глоссарія.

О. Р.

ПОПРАВКА.

Въ статьѣ: Технические учебныя заведенія въ Европѣ:

Напечатано на стр. 61, строка 12:
 камнефченіи

Должно быть:
 разръзгъ камней

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОБЪ ИЗДАНИИ

„ПРАВОСЛАВНАГО ОБОЗРѢНІЯ“

въ 1874 году.

Въ 1874 году „Православное Обозрѣніе“ будетъ издаваться подъ редакціею священника Г. Смирнова-Платонова, при участіи священника А. Иванцова-Платонова и П. Преображенскаго, по прежней программѣ, въ томъ же духѣ и направленіи, какъ велось доселѣ.

Годовое изданіе „Православнаго Обозрѣнія“ состоитъ изъ двѣнадцати книжекъ, выходящихъ ежемѣсячно, каждая въ объемѣ отъ 12 до 15 печатныхъ листовъ. Подписная цѣна: 6 р. 50 к., а съ доставкою на домъ и пересылкою въ другіе города 7 р. сер. Подписная цѣна съ Указателемъ къ „Православному Обозрѣнію“ за одиннадцать лѣтъ — 8 р. съ пересылкою.

Подписка принимается: въ Москвѣ, въ редакціи журнала, Остоженка, приходъ Новаго Воскресенія, домъ священника Смирнова-Платонова,—и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ въ Москвѣ и С.-Петербургѣ. Иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями исключительно такъ: въ редакцію „Православнаго Обозрѣнія“, въ Москвѣ.

Полные экземпляры „Православнаго Обозрѣнія“ за прежніе годы можно получать по слѣдующимъ пониженнымъ цѣнамъ: 1861, 1862, 1863 и 1864 годы по 2 р. безъ пересылки, 1865, 1866 и 1869 — по 3 р. безъ пересылки, 1867, 1868 и 1871 — по 4 р. безъ пересылки, 1870 и 1872 по 6 р. безъ пересылки, а за двѣнадцать

лѣтъ 1861—1872 — сорокъ рублей безъ пересылки. На пересылку за каждый годовой экземпляръ прилагается за 6 фунт., а за 12 лѣтъ за 60 фунтовъ, по разстоянію. Выписывающіе „Православное Обозрѣніе“ за всѣ прежніе годы получаютъ Указатель бесплатно.

ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1874 ГОДУ
И ЛЛЮСТРОВАННАГО ЖУРНАЛА
ДЛЯ ДѢТЕЙ И СЕМЕЙНАГО ЧТЕНІЯ И ЮНОШЕСТВА
„СЕМЕЙНЫЕ ВЕЧЕРА“.

Годъ одиннадцатый.

Удостоеннаго Высочайшаго покровительства Государыни Императрицы Маріи Александровны; рекомендованнаго Ученымъ Комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія для гимназій и уѣздныхъ училищъ; состоящимъ при IV отдѣленіи Собственной Его Величества канцеляріи, учебнымъ комитетомъ для чтенія воспитанницамъ женскихъ учебныхъ заведеній Императрицы Маріи духовно-учебнымъ управленіемъ рекомендованнаго начальствамъ духовныхъ семинарій и училищъ, и главнымъ управленіемъ военно-учебныхъ заведеній рекомендованнаго для библиотекъ военныхъ гимназій и прогимназій, какъ изданіе, представляющее обильный матеріалъ для выбора статей, пригодныхъ для чтенія воспитанниковъ.

„Семейные Вечера“ въ настоящемъ 1874 году будутъ издаваться въ томъ же направленіи, подъ тою же редакціею, съ тѣми же сотрудниками, и будутъ выходить по прежнему, ежемѣсячно, книжками отъ 7 до 12 листовъ для каждаго отдѣла.

Отдѣлъ для дѣтей, какъ и въ прошломъ 1873 году, будетъ распадаться какъ бы на двѣ половины: одна будетъ заключать въ себѣ матеріалъ для чтенія дѣтямъ отъ 8 до 14 лѣтъ, — а другая (въ видѣ приложения къ каждой книжкѣ, подъ заглавіемъ: *для самыхъ маленькихъ дѣтей*) — отъ 5 до 8 лѣтъ.

Что же касается отдѣла для *семейнаго чтенія и юношества*, то онъ будетъ наполняться, какъ и въ прошломъ году, такими статьями, которыя составили бы пріятный и полезный матеріалъ для чтенія всему семейству.

Въ иллюстрированіи журнала примутъ участіе лучшіе художники Петербурга и Москвы, также будутъ помѣщаться коніи съ лучшихъ гравюръ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ.

Годовое изданіе журнала „Семейные Вечера“, будетъ состоять изъ 24 книгъ, составленныхъ по слѣдующей программѣ:

- 1) Стихотворенія, повѣсти и рассказы, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ писателей.
- 2) Біографіи замѣчательныхъ людей.
- 3) Картины частной жизни въ разные эпохи.
- 4) Очерки народныхъ обычаевъ и преданій разныхъ странъ.
- 5) Путешествія.
- 6) Статьи по части исторіи, естественной и всеобщей.
- 7) Статьи по естественнымъ наукамъ.
- 8) Разборъ замѣчательныхъ сочиненій.

Въ отдѣлѣ для дѣтей будутъ, отъ времени до времени, прилагаться къ рассказамъ раскрашенные картины, равно и игры, забавы, задачи и шарады.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	БЕЗЪ ДОСТАВКИ.	СЪ ДОСТАВКОЮ.
Полный журналъ (въ 24 книжки)	10 руб.	11 руб.
Отдѣл. для дѣтей (12 книжекъ)	5 „	5 „ 50 коп.
Отдѣл. для семейн. чт. (12 кн.).	5 „	5 „ 50 „

Для всѣхъ учебныхъ заведеній, подписывающихся прямо въ редакціи на полный журналъ, уступается 1 руб.

Для земскихъ школъ, подписывающихся не менѣе какъ на 25 полныхъ экземпляровъ, уступается 2 руб.

Кромѣ того, плата можетъ быть разсрочена: для лицъ, служащихъ въ казенныхъ заведеніяхъ, за ручательствомъ гг. казначеевъ; для воспитательныхъ и учебныхъ заведеній—за ручательствомъ ихъ начальствъ; для частныхъ лицъ — не иначе, какъ по соглашенію съ редакціей.

Разсрочка допускается по третямъ, слѣдующимъ образомъ:

НА ОДИНЪ ИЗЪ ОТДѢЛОВЪ		НА ПОЛНЫЙ ЖУРНАЛЪ	
СЪ ДОСТАВКОЮ.		СЪ ДОСТАВКОЮ.	
За 1-ю треть впередъ	2 р. 50 к.	За 1-ю треть впередъ	4 р.
„ 2-ю „ „	2 „ — „	„ 2-ю „ „	4 „
„ 3-ю „ „	1 „ — „	„ 3-ю „ „	3 „

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Для иногородныхъ: въ редакціи журнала „Семейные Вечера“, Литейный просп., д. № 60, кв. № 11.

Для жителей С.-Петербурга: въ редакціи журнала „Семейные Вечера“, Литейный просп., д. № 60, кв. № 11. Въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Бабунова и у другихъ книгопродавцевъ.

Въ Москвѣ: въ магазинѣ И. Г. Соловьева, Страстной бульваръ, д. Алексѣева.

Редакторъ-издательница Софія Кашперова.

СОДЕРЖАНІЕ
СТО СЕМЬДЕСЯТЬ ПЕРВОЙ ЧАСТИ
ЖУРНАЛА
МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Высочайшій рескриптъ,

	СТРАН.
данный на имя министра народнаго просвѣщенія графа Д. А. Толстаго	1

Высочайшія повелѣнія.

1. 14-го октября 1873 года. Объ учрежденіи стипендіи при Вологодской Маріинской женской гимназіи.	5
2. 28-го октября 1873 года. Объ учрежденіи при Московскомъ университетѣ шести стипендій для подготовленія учителей русскаго языка въ гимназіяхъ Деритскаго учебнаго округа. —	—
3. 30-го октября 1873 года. Объ учрежденіи стипендіи при Московскомъ университетѣ	7
4. 30-го октября 1873 года. Объ учрежденіи стипендіи въ Аккерманской Павловской женской прогимназіи	—
5. 7-го ноября 1873 года. Объ учрежденіи стипендіи при Симбирской мужской гимназіи	49
6. 7-го ноября 1873 года. Объ учрежденіи стипендій при Новороссійскомъ университетѣ	50
7. 7-го ноября 1873 года. Объ учрежденіи стипендіи при Пермской мужской гимназіи	—

8. 7-го ноября 1873 года. Объ учрежденіи стипендіи при Зарайскомъ реальномъ училищѣ	51
9. 11-го ноября 1873 года. Объ учрежденіи пяти новыхъ учительскихъ семинарій въ С.-Петербургскомъ, Московскомъ, Харьковскомъ, Казанскомъ и Одесскомъ учебныхъ округахъ.	—
10. 25-го ноября 1873 года. О правахъ по службѣ учителей чистописанія и черченія въ учительскихъ семинаріяхъ Варшавскаго учебнаго округа.	52
11. 25-го ноября 1873 года. О примѣненіи положенія и штата 31-го мая 1872 года городскихъ училищъ къ Варшавскому городскому трехклассному училищу	53
12. 25-го ноября 1873 года. О распространеніи на законоучителей учебныхъ заведеній Варшавскаго учебнаго округа дѣйствія правилъ 30-го іюля 1867 года.	57
13. 5-го декабря 1873 года. О предоставленіи институту сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи правъ выписывать изъ за границы безпошлинно и безъ предварительнаго разсмотрѣнія цензуры учебныя пособія, земледѣльческія орудія, машины, модели и проч.	58
14. 5-го декабря 1873 года. Объ увеличеніи надѣла Савинскаго греко-уніатскаго прихода.	59
15. 5-го декабря 1873 года. Объ освобожденіи церковныхъ старостъ при греко-уніатскихъ церквяхъ въ губерніяхъ Царства Польскаго отъ отбыванія натуральныхъ повинностей	—
16. 21-го декабря 1873 года. О наименованіи Кременчугскаго реальнаго училища „Александровскимъ“	60
17. 21-го декабря 1873 года. Объ учрежденіи стипендіи при Архангельской Маріинской женской гимназій	—
18. 31-го декабря 1873 года. Объ учрежденіи стипендій при университетѣ св. Владиміра	61

Высочайшіе приказы.

30-го ноября 1873 года (№ 13)	61
21-го декабря 1873 года (№ 14)	63

Высочайшія награды.

21-го ноября 1873 года	64
21-го ноября 1873 года	65
1-го января 1874 года	—

МНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

	СТРАН.
1. 8-го іюня 1873 года. Правила Лицея князя Безбородко	11
2. 3-го ноября 1873 года. Положеніе о стипендіи профессора Московскаго университета Анатолія Петровича Богданова	20
3. 10-го ноября 1873 года. Положеніе о стипендіи при Аккерманской Павловской женской прогимназіи	21
4. 10-го ноября 1873 года. Правила о стипендіи генералъ-адъютанта фонъ - Гринвальда при Дерптскомъ ветеринарномъ институтѣ	23
5. 10-го ноября 1873 года. Правила о стипендіи имени князя Владиміра Ѳеодоровича Одоевскаго при Московскомъ университетѣ	25
6. 10-го ноября 1873 года. Правила о преміи имени Дмитрія Ивановича Каченовскаго при юридическомъ факультетѣ Императорскаго Харьковскаго университета	26
7. 10-го ноября 1873 года. Правила о стипендіи гофмейстера двора Его Императорскаго Величества, тайнаго совѣтника князя Михаила Андреевича Оболенскаго при Московскомъ университетѣ	27
8. 20-го ноября 1873 года. Положеніе о стипендіи имени лейбъ-медика Сергѣя Петровича Воткина, учрежденной при Симбирской гимназіи.	—
9. 21-го ноября 1873 года. Циркулярное предложеніе начальствамъ учебныхъ округовъ относительно порядка снабженія книгами бібліотекъ подвѣдомыхъ имъ учебныхъ заведеній	28
10. 1-го декабря 1873 года. Положеніе о стипендіи статскаго совѣтника Дмитрія Яковлевича Колбасина, учрежденной при Каменецъ-Подольской гимназіи	29
11. 8-го декабря 1873 года. Циркулярное предложеніе гг. начальникамъ учебныхъ округовъ о порядкѣ производства вычетовъ съ преподавателей за увеличеніе содержанія	67
12. 15-го декабря 1873 года. Положеніе о стипендіи имени Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Константина Николаевича, учрежденной при первой Харьковской гимназіи.	68
13. 22-го декабря 1873 года. Циркулярное предложеніе гг. начальникамъ учебныхъ округовъ объ открытіи начальныхъ училищъ.	70

14. 29-го декабря 1873 года. Положеніе о стипендіи при Архангельской Маріинской женской гимназіи имени „Анны Абрамовны Грибановой“ 71

15. 29-го декабря 1873 года. Положеніе о стипендіи имени коллежскаго ассессора Бороздни, учрежденной при Московскомъ университетѣ 72

16. 5-го января 1874 года. Положеніе о стипендіяхъ вдовы капитанъ-лейтенанта Маріи Дмитріевны Микрюковой при Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ 73

Приказы управлявшаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарища министра.

20-го октября 1873 года (№ 14) 29

10-го ноября 1873 года (№ 15) 32

Приказъ министра народнаго просвѣщенія.

8-го декабря 1873 года (№ 16) 74

Опредѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія.

О коллекціяхъ стѣнныхъ картинъ, изображающихъ предметы древняго быта и древняго искусства, составленныхъ Эдм. фонъ-Лауницемъ и изданныхъ Э. Фишеромъ, и коллекціяхъ картинъ, изображающихъ архитектурные памятники древняго времени, изданныхъ Ланглемъ 35

О книгѣ: „Матеріалы для упражненій въ переводѣ съ русскаго языка на латинскій, съ объясненіями Рихарда Фохта, преподавателя латинскаго языка въ Императорскомъ Историко-филологическомъ институтѣ“ 38

О книгѣ: „Школьная діететика“, изложенная по д-ру Кленке Вл. Формаковскимъ 77

О книгѣ: „Жизнь и труды Ломоносова“. Часть первая. Н. Любимова, профессора Московскаго университета. 78

О книгѣ: „Русская хрестоматія“ съ примѣчаніями. Составилъ А. Филоновъ. Часть 2-я, изданіе 3-е, значительно исправленное, и 4-я—изданіе 2-е, исправленное и дополненное . . . . . —

О книгѣ: „Николай Конерникъ и его ученіе“. Составилъ Я. Вейбертъ . . . . . —

О книгѣ: „Первоначальныя свѣдѣнія изъ физики, или вве-

деніе въ изученіе статики, динамики, гидростатики и оптики, съ задачами для упражненій". Соч. *Ньютона*. Перев. съ англійскаго Е. Литвиновой, подъ редакцію С. Усова . . . . . —

О книгѣ: „Основанія химіи“. Составилъ *И. Бокія*, преподаватель химіи и физики въ Тифлисскомъ реальномъ училищѣ . . . . . —

О книгѣ: „Библейскій словарь, содержащій библейскую пропедевтику, исторію, географію, древности, хронологію и пр.“. Составилъ коллежскій ассессоръ *Верховскій* . . . . . —

О книгѣ: Русская хрестоматія для переводовъ на французскій и нѣмецкій языки въ высшихъ классахъ средне-учебныхъ заведеній. Составили: *В. Я. Стоюнинъ* и *И. Н. Павловъ*. . . . . —

О книгѣ: „Природа“, популярный естественно-историческій сборникъ. Составили: профессоръ Императорскаго Московскаго университета *С. А. Усовъ* и *Г. Сабантеевъ*. 79

О брошюрѣ В. Т. Скрыльникова: „Популярныя чтенія по общественной гигиенѣ“. Оттиски изъ Еватеринославскихъ губернскихъ вѣдомостей на 1873 г. . . . . —

О книгѣ: „Краткій очеркъ греческихъ древностей“, составленный адъюнктомъ *К. Страшкевичемъ* для своихъ слушателей, —

**ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОВАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.**

О брошюрѣ подъ заглавіемъ: „Чай. Откуда онъ идетъ къ намъ и чѣмъ излеченъ“. Сочиненіе *Реймбота*. 39

О книгѣ подъ заглавіемъ: „Отечественная исторія въ разказахъ для народныхъ и низшихъ школъ и вообще для дѣтей старшаго возраста“. Съ портретами замѣчательнѣйшихъ лицъ. Изданіе *Я. А. Исакова* . . . . . —

О книгѣ подъ заглавіемъ: „Русская азбука для дѣтей“. Составилъ *В. Водовозовъ*. . . . . —

О книгѣ подъ заглавіемъ: „Приготовительный курсъ геометріи (пособіе для учителей). Изданіе редакціи журнала „Семья и Школа“. Составилъ *Захарій Вуликъ* 79

О брошюрахъ подъ заглавіемъ: 1) „Начало Руси (Первые князья.—Крещеніе Руси)“. Сочиненіе *И. Щербальскаго*. Изданіе третье. 2) „Государь Царь Петръ Великій, первый Русскій Императоръ“. *П. Щ.* Для начальнаго чтенія. . . . . —

О книгѣ подъ заглавіемъ: „Очерки современнаго Египта“. Передѣлано для юношества изъ разказа Эдм. Абу: „Феллахъ

и Ахметъ". *С. Самойловича*. Изданіе С. Самойловича и В. Со-
рокина 80

Объ издаанныхъ книгопродавцемъ Я. А. Исаковымъ народ-
ныхъ сказкахъ Александра Сергѣевича Пушкина, подъ загла-
віями: „Сказка о рыбацкѣ и рыбкѣ“. „Сказка о царѣ Салтанѣ,
о сынѣ его, славномъ и могущественномъ богатырѣ Гвидонѣ
Салтановичѣ и прекрасной царевнѣ Лебеди“. „Сказка о золо-
томъ пѣтушкѣ“. „Сказка о купцѣ Остолопѣ и работникѣ его
Вадѣ“. Сказки: 1) „Бова“. 2) „Какъ весеннею теплою порою“. 3)
„Сватъ Иванъ“. „Сказка о мертвой царевнѣ и о семи бога-
тыряхъ“ . . . . . —

О книгѣ подъ заглавіемъ: „Отъ чего наши пожары и какъ
ихъ уничтожить“. Бесѣды съ крестьянами, для чтенія въ школахъ
и дома. *М. Первушина* . . . . . —

О книгѣ подъ заглавіемъ: „Очеркъ исторіи христіанской
церкви“. Составилъ законоучитель первой С.-Петербургской гим-
назіи, священникъ *Лебедевъ* . . . . . —

Официальныя извѣщенія . . . . . 39 и 81

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

Политическое устройство Германской имперіи. *А. Д. Гра-
довскаго* . . . . . 1 и 293

О тмутараканской Руси. *Н. Ламбина* 58

Ванскіи надписи и значеніе ихъ для исторіи передней Азіи.

К. Патканова 96

Славянская взаимность съ древнѣйшихъ временъ до XVIII
вѣка. *І. Перомъфа* . . . . . 129 и 353

Поученія Владиміра Мономаха, какъ памятникъ религіозно-
нравственныхъ воззрѣній и жизни на Руси въ до-татарскую
эпоху. *С. Протопопова* 231

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Современныя извѣстія по исторіи Россіи. Изданы Эрнстомъ
Германномъ. *А. Брикнера* 168

Записки иностранцевъ о Россіи въ XVIII столѣтіи. Письма
леди Рондо, жены англійскаго резидента при русскомъ дворѣ въ
царствованіе императрицы Анны Ивановны. Переводъ съ англій-
скаго. Редакція изданія и примѣчанія С. Н. Шубинскаго. Съ

приложеніемъ портрета императрицы Анны. Изданіе Я. А. Исакова. *Л. Н. Майкова* 223

Архивъ Юго-западной Россіи, издаваемый временною комиссіею для разбора древнихъ актовъ, Высочайше учрежденною при Киевскомъ, Подольскомъ и Волинскомъ генераль-губернаторѣ. Часть первая. Томъ V. Акты, относящіеся къ дѣлу о подчиненіи Киевской митрополіи Московскому патріархату (1620—1694 г.). *Г. Картова* 417

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГИИ.

Педагогическій отдѣлъ на Вѣнской всемірной выставкѣ.
И. Беллярминова 1
 Начальные уроки рисованія и черченія. *Г. Шумскаго* . . . 32
 Технические учебныя заведенія въ Европѣ. *А. Гезена* . . . 43
 О преподаваніи юридическихъ и политическихъ наукъ въ Германіи. *А. Кистьяковскаго* 102

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній: а) высшія учебныя заведенія, б) гимназіи, в) низшія училища. . . . . 1 и 108
 Письма изъ Парижа. *Л. Л—ра* . . . . . 36 и 132
 Протоіерей Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ Сидонскій. *М. Владиславлева*. 50
 Обзоръ дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія за 1873 годъ 57

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

Фонетическія изслѣдованія. *Шенберга* 3
 Латинская орфографія. *В. Б.* 15
 Значеніе и употребленіе желательнаго наклоненія греческаго глагола. *Г. Гобзи* 31
 Канибализмъ въ греческихъ мифахъ. *Л. Воеводскаго* . . 50 и 76
 De Notatiōe Saturarum II, 2, 29, 30. *Э. Верта* 69
 Новый методъ преподаванія древнихъ языковъ. *Д. Б—ва* . 102
 Scaenicae Romanorum poesis fragmenta. *Э. Верта* 119

6019
4

**This book is a preservation photocopy
produced on Weyerhaeuser acid free
Cougar Opaque 50# book weight paper,
which meets the requirements of
ANSI/NISO Z39.48-1992 (permanence of paper)**

Preservation photocopying and binding

by

**Acme Bookbinding
Charlestown, Massachusetts**

1994

3 2044 022 671 630

Digitized by Google

